

ДК

Г 60

-1-

СПБ., 1875.

~~ЮН 122~~

ВЕЛИКІЕ
ПОЛКОВОДЦЫ
ИСТОРИИ.

~~ЮН 122~~

В44/122

ДК

Г60

ВЕЛИКІЕ ПОЛКОВОДЦЫ ИСТОРИИ.

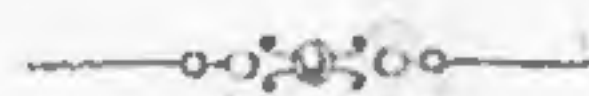

012000

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ВЕЛИКІЕ ПОЛКОВОДЦЫ ДРЕВНИХЪ ВРЕМЕНЪ:

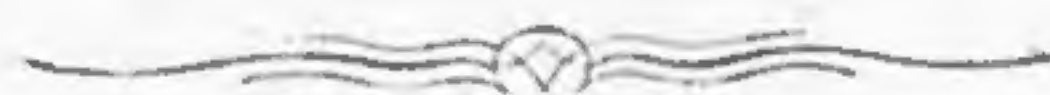
АЛЕКСАНДРЪ ВЕЛИКІЙ, АННИБАЛЬ И ЮЛІЙ ЦЕЗАРЬ.

СОСТАВИЛЪ

Князь Н. С. Голицынъ,

ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТЪ, ЧЛЕНЪ ВОЕННО-УЧЕНАГО КОМИТЕТА ГЛАВНАГО ШТАБА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»,
по мойкѣ, № 5.

1873.

ВЕЧНЫЕ

ПОЛОВОДЫ

ИСТОРИИ

600312 ✓

ПЕРВЫЙ ПЕРВЫЙ

ОБЩЕСТВ. НАУКИ И ИСТОРИИ

КАТЕДРА ИСТОРИИ

ИСТОРИИ

ИСТОРИИ

ИСТОРИИ

ИСТОРИИ

ИСТОРИИ

ИСТОРИИ

1873

Faites la guerre offensive comme Alexandre, Annibal, Cèsar, Gustave-Adolphe, Turenne, le prince Eugène et Frédéric; — lisez, relisez l'histoire de leurs 83 campagnes, modellez-vous sur eux, — c'est le seul moyen de devenir grand capitaine et de surprendre le secret de l'art: votre génie, ainsi éclairé, vous fera rejeter des maximes opposées à celles de ces grands hommes.

Napoléon I.

(Mémoires de Montholon, II, 189).

La connaissance de la grande tactique ne s'acquiert que par l'expérience et par l'étude de l'histoire des campagnes de tous les grands capitaines.

Napoléon I.

(Mémoires de Montholon, II, 51).

Enfin la guerre offensive contre Alexandre, Annibal, César, etc.
state-Adolphe, Thérèse, le prince Eugène et Frédéric; - il est évident
l'histoire de leurs 23 campagnes, modèles pour eux, c'est le seul
moyen de devenir grand capitaine et de surprendre le secret de
leur génie, ainsi éclairé, vous serez sujet des maximes oppo-
sées à celles de ces grands hommes.

Napoléon I.

(Mémoires de Napoléon, II, 150).

La connaissance de la grande tactique ne s'acquiert que par l'ex-
périence et par l'étude de l'histoire des campagnes de tous les grands
capitaines.

Napoléon I.

(Mémoires de Napoléon, II, 51).

«Ведите наступательную войну какъ Александръ В., Аннибалъ, Цезарь, Густавъ-Адольфъ, Тюреннь, принцъ Евгений и Фридрихъ В.; читайте, перечитывайте исторію ихъ 83 походовъ, образуйте себя по нимъ, это—единственное средство сдѣлаться великимъ полководцемъ и постигнуть тайну искусства; вашъ геній, просвѣщенный такимъ образомъ, заставитъ васъ отвергнуть правила, противныя правиламъ этихъ великихъ людей»¹⁾).

«Знаніе высшей тактики» (т. е. стратегіи) «пріобрѣтается только опытностью и изученіемъ исторіи походовъ всѣхъ великихъ полководцевъ»²⁾).

Эти слова величайшаго полководца и первостепеннаго военного авторитета новѣйшихъ временъ заключаютъ въ себѣ глубокой и обширный смыслъ и великія истины. Господствующею въ числѣ послѣднихъ та, что лучшими образцами для изученія и познанія искусства веденія войны суть походы названныхъ Наполеономъ I семи великихъ полководцевъ древнихъ и новыхъ временъ.

Въ высокому уваженію къ этимъ знаменательнымъ словамъ Наполеона I, записаннымъ, съ его голоса, въ заточеніи его на островѣ Св. Елены, военное потомство признало ихъ руководящимъ основнымъ закономъ для себя, присоединивъ къ семи великимъ полководцамъ, названнымъ Наполеономъ I, его самого, по всѣмъ, несомнѣннымъ правамъ его на то.

Уже въ первое пятилѣтіе (1821—1826 г.г.) послѣ смерти Наполеона I и изданія въ свѣтъ мыслей, мнѣній и правилъ его о военномъ искусствѣ, военной исторіи и веденіи войны, болѣе нежели въ 20-ти разныхъ сочиненіяхъ, въ числѣ до 70-ти томовъ, изученіе войнъ и походовъ означенныхъ выше восьми великихъ полководцевъ исторіи было принято за основаніе изученія военной исторіи и стратегіи какъ искусства и науки.

Въ 1827 году во Франціи и въ Германіи, въ одно время, впервые явились въ печати два изданія, посвященные собранію мыслей, мнѣній и правилъ Наполеона I о военномъ искусствѣ, военной исторіи и веденіи войны. То были: 1) во Франціи—*Maximes de guerre de Napoléon*, въ составѣ *Bibliothèque portative de l'officier, format in-32*, безъ имени автора³⁾; въ нихъ собрано было LXXVIII военныхъ правилъ (*maximes de guerre*) Наполеона I, съ столькими же примѣчаніями автора въ приложеніяхъ къ нимъ, съ цѣлю пособія молодымъ офицерамъ къ изученію войнъ и походовъ великихъ полководцевъ исторіи; — 2) въ Германіи—вюртембергскаго генеральнаго штаба капитанъ Кауслеръ, избравъ изъ посмертныхъ записокъ, переписки и сочиненій Наполеона I все, наиболѣе замѣчательное и поучительное, касавшееся искусства веденія войны и различныхъ военныхъ предметовъ, издалъ оное, въ систематическомъ порядкѣ, въ одномъ общемъ

¹⁾ Napoléon, *Mémoires de Montholon* II, 189.

²⁾ Napoléon, *Mémoires de Montholon* II, 51.

³⁾ Русской службы инженеръ-генераль-маіора Бюрно (Burnod).

сборникъ, въ 2-хъ томахъ, подъ заглавіемъ: «*Napoleons Grundsätze, Ansichten und Aeusserungen über Kriegskunst, Kriegsgeschichte und Kriegswesen, aus seinen Werken und seiner Correspondenz dargestellt*». Это былъ, можно сказать, полный кодексъ законовъ веденія войны и всего, касавшагося военнаго дѣла, завѣщанный потомству Наполеономъ I.

Шесть лѣтъ спустя, въ 1833 году, на другой годъ послѣ открытія въ Петербургѣ Императорской военной академіи (нынѣ Николаевская академія генеральнаго штаба), первый профессоръ въ ней тактики, военной исторіи и стратегіи, артиллеріи генераль-маіоръ баронъ Н. В. Медемъ основалъ свой учебный курсъ послѣднихъ двухъ наукъ именно на преимущественномъ изученіи войнъ и походовъ какъ семи великихъ полководцевъ, названныхъ Наполеономъ I, такъ и его самаго и, изъ нашихъ русскихъ полководцевъ, Петра В. и Суворова, всего 10-ти. Вмѣстѣ съ тѣмъ означенный выше сборникъ Кауслера также былъ принятъ по частямъ въ руководство при преподаваніи стратегіи. Съ тѣхъ поръ учебный курсъ военной исторіи и стратегіи въ военной академіи и потомъ въ Николаевской академіи генеральнаго штаба былъ преподаваемъ на этихъ главныхъ основаніяхъ.

Въ 1836 году прусской службы генераль-лейтенантъ фонъ-Лоссау издалъ составленное имъ, на основаніи перваго изъ двухъ приведенныхъ выше изреченій Наполеона I, сочиненіе объ идеалахъ веденія войны: «*Ideale der Kriegführung, in einer Analyse der Thaten der grössten Feldherrn*», въ которомъ изобразилъ характеристику семи великихъ полководцевъ, названныхъ Наполеономъ I, и ихъ войнъ и походовъ. А въ 1845—47 г.г. онъ присоединилъ къ этому другое сочиненіе свое подъ заглавіемъ: «*Charakteristik der Kriege Napoleons*», 1—10, gr 8°. Въ предисловіи къ первому изъ этихъ сочиненій онъ сдѣлалъ весьма остроумный и вѣрный разборъ означеннаго выше изреченія Наполеона I о семи великихъ полководцахъ исторіи. Это были первыми и остаются единственными сочиненіями, составленными на точномъ основаніи этого изреченія.

Въ 1844 году означенное выше сочиненіе Кауслера было издано у насъ въ русскомъ переводѣ генеральнаго штаба поручикомъ Як. Леонтьевымъ (получившимъ образованіе въ военной академіи), подъ заглавіемъ: «Правила, мысли и мнѣнія Наполеона о военномъ искусствѣ, военной исторіи и военномъ дѣлѣ», 2 части 8° С.П.Б. 1844.

Въ теченіи же 10 лѣтъ съ 1838 года по 1848, въ бытность мою, послѣ генераль-маіора барона Медема, профессоромъ военной исторіи и стратегіи въ военной академіи, мною, съ нѣсколькими сотрудниками изъ офицеровъ генеральнаго штаба, получившихъ образованіе въ ней, было составлено руководство къ изученію этихъ двухъ военныхъ наукъ, на означенныхъ выше основаніяхъ, принятыхъ съ самаго начала генераль-маіоромъ барономъ Медемомъ. По случаю полученія мною въ 1848 году другаго назначенія по службѣ, руководство это не могло быть dokonчено и издано. Но съ 1872 года я началъ издавать его въ пересмотрѣнномъ, исправленномъ и значительно пополненномъ видѣ, подъ заглавіемъ «Всеобщая Военная исторія древнихъ, среднихъ, новыхъ и новѣйшихъ временъ до 1815 года включительно». Въ изданныя до сего времени 8 частей ея вошли изложенныя съ особенною подробностью войны и походы Александра В., Аннибала, Юлія Цезаря, Густава-Адольфа, Тюрення, принца Евгенія Савойскаго и Фридриха В. Изъ нихъ, изложеніе войнъ и походовъ первыхъ шести я положилъ издать нынѣ, по примѣру сочиненія генерала Лоссау (котораго у насъ не имѣется въ русскомъ переводѣ)—особо подъ заглавіемъ «Великіе полководцы исторіи», въ 2-хъ частяхъ, изъ которыхъ въ 1-й—войны и походы Александра В., Аннибала и Юлія Цезаря, а во 2-й—Густава-Адольфа, Тюрення и принца Евгенія Савойскаго. Въ слѣдующихъ же частяхъ въ свое время будутъ изложены по порядку войны и походы Петра В., Фридриха В., Суворова и Наполеона I.

Изобразивъ такимъ образомъ ходъ примѣненія основной мысли Наполеона I объ изученіи войнъ и походовъ великихъ полководцевъ исторіи—къ пособію для ихъ изученія, какъ въ западной Европѣ, такъ и у насъ въ Россіи, считаю нужнымъ, подобно генералу Лоссау, сдѣлать краткій, но по возможности многосторонній разборъ означеннаго изреченія Наполеона I.

I. «Ведите наступательную войну»... Почему именно наступательную, а не войну вообще? — Безъ сомнѣнія потому, что Наполеонъ I, въ согласіи съ названными имъ семью великими полководцами и съ личнымъ своимъ убѣжденіемъ, признавалъ наступательный характеръ веденія войны главнымъ, первенствующимъ, оборонительный же — лишь временнымъ исключеніемъ изъ общаго правила и потому вовсе не упоминалъ о немъ. Сличая же выраженіе его: «ведите наступательную войну», съ его опроверженіемъ раздѣленія войны генераломъ Ронба на нашествленную и методическую ¹⁾, можно яснѣе уразумѣть мысль его. «Всякая наступательная война» — говоритъ онъ — «уже есть нашествленная. Всякая война, веденная по правиламъ военного искусства, есть методическая. Планы походовъ могутъ измѣняться до безконечности, но вообще они бываютъ хорошіе и дурные; иногда первые не удаются, а послѣдніе имѣютъ успѣхъ — по прихоти судьбы. Нашествія Чингисъ-хана и Тамерлана были все таки методическія войны, потому что были ведены правильно и основательно, соотвѣтственно силамъ и средствамъ. Всякая война должна быть методическою, потому что ее должно вести согласно съ правилами военного искусства и съ одною опредѣленною цѣлію. Слѣдовательно есть два рода наступательныхъ войнъ: хорошо-соображенныя по правиламъ военного искусства, и дурно-соображенныя, противныя этимъ правиламъ» ²⁾. А принимая въ соображеніе, что Наполеонъ I нигдѣ ничего не говоритъ объ оборонительной войнѣ, исключая только одного мѣста, указаннаго ниже, можно, кажется, заключить, что онъ признавалъ только одну наступательную, нашествленную, методическую войну и что въ такомъ именно смыслѣ слѣдуетъ понимать слова его: «ведите наступательную войну». Если же, не смотря на то, какъ ему, такъ и всѣмъ великимъ полководцамъ исторіи, исключая Александра В., случалось вести оборонительную войну или, лучше сказать, оборонительныя дѣйствія, то они всегда были лишь временнымъ исключеніемъ изъ общаго правила и никогда не имѣли характера чистой, пассивной обороны, но всегда были соединены съ характеромъ энергическаго, рѣшительнаго наступленія. Наконецъ вообще слѣдуетъ сказать, что означенныя выше слова Наполеона I были вполне согласны со всѣми собственными его войнами, походами и военными дѣйствіями — наступательными, нашествленными и завоевательными, за исключеніемъ только періода времени отъ Москвы до Парижа.

II. «Какъ Александръ, Аннибалъ, Юлій Цезарь, Густавъ-Адольфъ, Тюрень, принцъ Евгеній и Фридрихъ В.». Изъ числа этихъ великихъ полководцевъ, только одинъ Александръ В. всегда велъ исключительно наступательную войну, прочіе же — по временамъ, болѣе или менѣе продолжительнымъ, то наступательную, то оборонительную. Такъ Аннибалъ только первые три года въ Италіи велъ войну наступательную, остальные же 13 лѣтъ, въ Италіи и Африкѣ — оборонительную, соединенную съ наступательнымъ характеромъ; Цезарь — вообще наступательную, но часто также наступательно-оборонительную (въ Эпирѣ и Фессаліи, въ Александріи и въ Африкѣ); Густавъ-Адольфъ — до 1630 г. наступательно-оборонительную и только въ 1630 — 32 г.г. въ Германіи наступательную; Тюрень, принцъ Евгеній и Фридрихъ В. — преимущественно оборонительную. Вообще же главный характеръ войнъ послѣднихъ 6-ти великихъ полководцевъ былъ преимущественно, но не исключительно наступательный. Нѣтъ сомнѣнія впрочемъ, что Наполеонъ I, указывая на нихъ, какъ на образцы веденія войны наступательной, разумѣлъ собственно главный, первенствующій, наступательный характеръ веденныхъ ими войнъ, исключая временныя наступательно-оборонительныя военныя дѣйствія ихъ или включая ихъ вообще въ разрядъ войнъ наступательныхъ. Однако въ одномъ мѣстѣ своихъ записокъ, говоря о семи великихъ полководцахъ и объ истинныхъ правилахъ веденія ими войны ³⁾, онъ упоминаетъ также и объ оборонительной войнѣ. «Истинныя правила веденія войны» — говоритъ онъ — «суть руководившія ве-

¹⁾ Kausler I стр. 120 и рус. пер. Леонтьева I стр. 91.

²⁾ Mémoires de Montholon, II, 191.

³⁾ Mémoires de Montholon, II, 11.

ликими полководцами, подвиги которых сохранила намъ исторія, каковы Александръ, Аннибалъ, Цезарь, Густавъ-Адольфъ, Тюреннь, принцъ Евгенийъ и Фридрихъ В.—Александръ совершилъ 8 походовъ, Аннибалъ—17, Цезарь—13, Густавъ-Адольфъ—3 ¹⁾, Тюреннь—18, принцъ Евгенийъ—13 и Фридрихъ В.—11, всего 83 похода. Тщательно изложенная исторія этихъ 83 походовъ составила бы полное руководство къ изученію военного искусства и послужила бы источникомъ руководящихъ въ оборонительной и наступательной войнѣ правилъ». Затѣмъ, разобравъ вкратцѣ дѣйствія каждаго изъ семи великихъ полководцевъ въ его походахъ, онъ дѣлаетъ общій выводъ, что всѣ эти полководцы руководствовались одинаковыми, главными, основными, истинными правилами веденія войны и вели войну методическую, т. е. согласную съ этими правилами. А въ заключеніе, обращаясь къ собственнымъ 14-ти походамъ (въ Италіи—2, въ Германіи—5, въ Африкѣ и Азіи—2, въ Польшѣ и Россіи—2, въ Испаніи—1 и во Франціи—2), Наполеонъ I говоритъ, что всѣ планы его 14-ти походовъ также были согласны съ истинными правилами веденія войны и что войны его были смѣлы, но методическія.

Такимъ образомъ, въ послѣдне-означенномъ мѣстѣ Наполеонъ I относитъ истинныя правила веденія войны не къ одной наступательной войнѣ, но и къ оборонительной. Вообще же онъ почти вездѣ въ другихъ мѣстахъ своихъ записокъ имѣлъ въ виду исключительно или по крайней мѣрѣ преимущественно войну наступательную и методическую.

Касательно включенія имъ въ число великихъ полководцевъ исторіи именно тѣхъ семи, которыхъ онъ называлъ, а не болѣе или менѣе либо иныхъ, должно сказать, что онъ, самъ великій полководецъ, имѣлъ полное право рѣшительнаго въ этомъ вопросѣ голоса—и голосъ его о томъ несомнѣнно вѣренъ. Всѣ 7 названныхъ имъ лицъ по всѣмъ правамъ вполне заслуживали быть поставленными въ число великихъ полководцевъ исторіи—въ отношеніи собственно къ необыкновеннымъ военнымъ дарованіямъ ихъ, умственнымъ (ума) и нравственнымъ (воли и характера). ²⁾ Въ этомъ отношеніи всѣ они совершенно равны между собою. Но нельзя того же сказать въ отношеніи 1) къ самостоятельности дѣйствій ихъ и 2) къ объему и размѣру совершенныхъ ими подвиговъ и къ важности политическихъ результатовъ ихъ. Въ этихъ двухъ отношеніяхъ, одни изъ нихъ представляютъ большое сходство между собою, а другіе—большее или меньшее различіе. Александръ В., Густавъ-Адольфъ и Фридрихъ В., равно какъ Петръ В. и Наполеонъ I, были совершенно самостоятельны, ни отъ кого независѣвшіе, вполне свободные въ своихъ дѣйствіяхъ монархи-полководцы и совершили обширные и важные по политическимъ результатамъ подвиги. Тоже слѣдуетъ сказать и о Цезарѣ, который, хотя не былъ монархомъ, но былъ самостоятельнымъ, независимымъ полководцемъ, а потомъ и полномочнымъ диктаторомъ. Но Аннибалъ, Тюреннь, принцъ Евгенийъ и Суворовъ были подчиненные своимъ правительствамъ и болѣе или менѣе зависимые и связанные въ своихъ дѣйствіяхъ полководцы и хотя совершили отличные военные подвиги, но по размѣрамъ и политической важности ихъ далеко не такіе, можно сказать, міровые, какъ напримѣръ завоеваніе Александромъ В.—востока, Цезаремъ—запада, Густавомъ-Адольфомъ—Германіи, Петромъ В.—областей Швеціи и пр., Фридрихомъ В.—Силезіи и увеличеніе Пруссіи, а Наполеономъ I—почти всей западной Европы до предѣловъ Россіи. Такимъ образомъ Аннибалъ, Тюреннь, принцъ Евгенийъ и Суворовъ по всѣмъ правамъ могутъ быть поставлены въ число великихъ полководцевъ исторіи—по личнымъ достоинствамъ своимъ, но не по

¹⁾ 1 въ Лифляндіи противъ русскихъ и 2 въ Германіи противъ ея императора. Но это не вѣрно: Густавъ-Адольфъ совершилъ 2 похода (въ 1612—13 г.г.) противъ Даніи, 1 походъ (въ 1615 г.) противъ Россіи, 8 походовъ (въ 1621—29 г.г.) противъ Польши и 2 похода (въ 1631—32 г.г.) въ Германіи, всего 13 походовъ.

²⁾ «Первое» — говоритъ Наполеонъ (Las Cases: *Mémoires de Ste Hélène*, II, 7) — «что тотчасъ возвышаетъ генерала надъ толпою, есть равновѣсіе между умомъ и характеромъ или волей. Онъ долженъ, выражаясь образно, въ отношеніи основанія (характера или воли) и высоты (ума) составлять, такъ сказать, квадратъ».

міровому значенію совершенныхъ ими подвиговъ, хотя послѣдніе стоятъ необыкновенно высоко въ отношеніи къ частнымъ интересамъ государствъ ихъ, и къ искусству веденія войны.

III. «Читайте, перечитывайте исторію ихъ 83 *) походовъ и образуйте себя по нимъ». Это—великая, неоспоримая истина, относящаяся не къ однимъ этимъ походамъ, но и къ 14-ти походамъ Наполеона I, и ко всѣмъ походамъ Петра В. и Суворова, такъ что, по вполне вѣрному и правому слову Наполеона I, исторія походовъ всѣхъ этихъ 10-ти великихъ полководцевъ дѣйствительно можетъ составить полное руководство къ изученію истинныхъ правилъ искусства веденія согласной съ ними методической войны.

IV. «Это—единственное средство сдѣлаться (*devenir*) великимъ полководцемъ и постигнуть тайну искусства (*surprendre le secret de l'art*)». Съ этимъ, не смотря на авторитетъ Наполеона I, нельзя согласиться. Чтеніе и перечитываніе исторіи походовъ великихъ полководцевъ, безъ сомнѣнія, могутъ научить истиннымъ правиламъ искусства веденія методической войны и послужить средствомъ къ образованію себя по образцамъ великихъ полководцевъ, но сдѣлать или образовать великими полководцами могутъ только тѣхъ, которые рождены къ тому и, по своимъ необыкновеннымъ природнымъ дарованіямъ, принадлежатъ къ малому сонму особыхъ избранниковъ на высокую чреду великихъ полководцевъ. Даже и постигнуть тайну искусства доступно едва-ли не имъ однимъ, а не всѣмъ читающимъ и перечитывающимъ исторію походовъ великихъ полководцевъ.

V. «Вашъ геній, просвѣщенный такимъ образомъ, заставитъ васъ отвергнуть правила, противныя правиламъ этихъ великихъ людей».—Въ буквальномъ смыслѣ, это также—неоспоримая истина, но только—съ непремѣннымъ условіемъ, заключающимся въ словахъ Наполеона I—вашъ геній (*votre génie*), а не вашъ умъ, что составляетъ большую разницу. Умъ человѣческій, говоря вообще, имѣетъ весьма различныя степени силы и свойствъ, и не чуждъ обманчивыхъ заблужденій. Но то, что Наполеонъ I разумѣетъ подъ словомъ геній, есть высшее проявленіе человѣческаго духа, дающееся природой лишь немногимъ избранникамъ, высоко стоящимъ надъ людьми и умами обыкновенными.

Но кто-же послѣ этого дерзнетъ сказать, что чтеніе и перечитываніе исторіи походовъ великихъ полководцевъ могутъ-быть безплодными только для такого рода геніевъ? Геніи, родящіеся вѣкамъ, все таки развиваются и образуются съ молодости, постепенно, воспитаніемъ, образованіемъ, опытомъ жизни и раскрываются вполне, нѣмѣе ранѣе, другіе позже, въ полной мѣрѣ лѣтъ и силъ, и есть-ли человѣческая возможность заранѣе предъугадать ихъ прежде того? Еслибы допустить то ложное умозаключеніе, что означенныя чтеніе и перечитываніе не безплодны только для геніевъ, то можно было-бы прийти къ другому, еще болѣе ложному и прискорбному заключенію, что для не-геніевъ они совершенно безплодны и потому ненужны. Но это было-бы пагубнымъ софизмомъ, а истинная мудрость, напротивъ, признаетъ ихъ не только существенно полезными, но и необходимыми, обязательными для всякаго военнаго человѣка, безъ различія возраста, чина и званія, который дорожитъ своимъ военнымъ призваніемъ и сознаетъ необходимость достигнуть наибольшей мѣры специальной, многосторонней образованности во всемъ, касающемся его. Военная исторія, особенно великихъ полководцевъ—поле обширное, начиная отъ самыхъ мелкихъ подробностей до самыхъ высшихъ сферъ военныхъ соображеній и дѣйствій, отъ предметовъ, входящихъ въ скромный кругъ обязанностей подчиненнаго офицера, до обширнаго круга важныхъ и трудныхъ обязанностей высшихъ военныхъ начальниковъ и самаго главнаго предводителя войска. Каждый, по мѣрѣ силъ и цѣлей своихъ, можетъ избрать то, что ему пригоднѣе и нужнѣе, а особенно усердный къ своему военному призванію, любознательный и желающій изучить все нужное какъ для низшихъ, такъ и для высшихъ чиновъ военной іерархіи, всецѣло посвятить себя далеко не безплодному труду

*) Собственно 93 походовъ, а съ 14 походами Наполеона I—107-ми, съ походами же Петра В. и Суворова—и того болѣе.

полнаго и всесторонняго или по крайней мѣрѣ наиболѣе многосторонняго изученія военной исторіи. А военная исторія, особенно великихъ полководцевъ, стоитъ того и такъ богата и щедра, что, какъ одинъ древній греческій писатель (Діонъ Хрисостомъ) выразился объ Иліадѣ Гомера, «каждому, и юношѣ, и мужу, и старцу, столько даетъ, сколько каждый можетъ взять». И кто знаетъ?—«не воспламенитъ-ли изученіе ея, въ умѣ и сердцѣ изучающаго, того огня, которымъ пламенѣли великіе полководцы?» и не поможетъ-ли оно ему, по выраженію Наполеона I, «похитить тайну искусства», какъ нѣкогда, по сказанію древней греческой мифологіи, Прометей похитилъ священный огонь съ неба?

По поводу этого, нужнымъ считаю привести вкратцѣ содержаніе разбора и изъясненія перваго изъ приведенныхъ выше изреченій Наполеона I, въ предисловіи генерала Лоссау къ его сочиненію „*Ideale der Kriegführung etc*“.

„Трудную, достойную размышленія задачу“—говоритъ Лоссау—«составляютъ слова Наполеона. Легко сказать—вести наступательную войну, какъ названные имъ великіе полководцы, но трудно исполнить это. Наполеонъ указываетъ вспомогательное средство къ тому—чтеніе и перечитываніе исторіи ихъ походовъ. По одно это не можетъ еще образовать великаго полководца. Только одна мысль заслуживаетъ въ высшей степени вниманія: она заключается въ словахъ: *modelez-vous sur eux* (образуйте себя по нимъ) и имѣетъ такой широкій смыслъ, что должна быть разсматриваема, какъ главное условіе задачи. Еслиже съ этимъ связать изреченіе Фридриха В. „*les faits passés sont bons pour nourrir l'imagination et meubler la mémoire: c'est un répertoire d'idées que le jugement doit épurer*“, то яснымъ, кажется, будетъ, какъ должно смотрѣть на эту задачу.—Безъ чувства высокаго и великаго, самая обширная ученость не послужитъ къ надлежащей оцѣнкѣ великихъ людей и ихъ подвиговъ и не воспламенитъ въ умѣ и сердцѣ того огня, которымъ пламенѣли великіе полководцы, и въ нихъ будутъ усматриваться лишь образцы, достойные изученія и подражанія. Только одна самоличность (*Persönlichkeit*) рѣшаетъ это, и это именно и разумѣлъ Наполеонъ въ 4-хъ словахъ: *modelez-vous sur eux* и въ другомъ изреченіи своемъ о силѣ самоличности Александра, Аннибала, Цезаря, Тюрення и Фридриха В. *) Поэтому всего важнѣе впечатлѣніе, производимое фактами, и смотря по тому, какое впечатлѣніе факты производятъ на cadaго, можетъ быть опредѣлено, въ какой мѣрѣ каждый можетъ самъ себя образовать по великимъ образцамъ и идти туда, гдѣ воля подчиняется зрѣлому рѣшенію разума, и такимъ образомъ осуществить дѣломъ мысль, достойную такого рѣшенія. Этимъ путемъ личности и воли вѣроятно или великіе образцы и онъ-то, по совершеніи ихъ подвиговъ, и можетъ быть изслѣдованъ.—Умъ и твердая воля всегда приковывали къ себѣ счастье, пока были соединены между собою и съ отважностью. По всѣмъ этимъ причинамъ Наполеонъ и говоритъ: «вашъ геній (а не вашъ умъ), просвѣщенный такимъ образомъ, заставитъ васъ отвергнуть правила, противныя правиламъ этихъ великихъ людей.»—Воля требуетъ ежедневнаго упражненія, безъ чего не можетъ достигнуть значительной силы. У великихъ людей она была въ постоянномъ напряженіи и приращеніи. Въ изученіи подвиговъ великихъ полководцевъ должно изслѣдовать именно эту нравственную силу воли, дабы усмотрѣть, обсудить и быть въ состояніи привести въ исполненіе истинный образъ дѣйствій этихъ полководцевъ. Наполеонъ требовалъ похитить тайну искусства изъ ея хранилища, какъ нѣкогда, по сказанію древней мифологіи, былъ похищенъ священный огонь съ неба. Этимъ онъ разумѣлъ, что все дѣло заключается въ разъясненіи тѣхъ вспомогательныхъ средствъ, тѣхъ нравственныхъ пружицъ, посредствомъ которыхъ великіе полководцы дѣйствовали. Это и должно составлять цѣль изученія войнъ и походовъ ихъ.—Впрочемъ искусство веденія войны было и будетъ во всѣ времена тоже. Орудія вой-

*) Ce n'est pas l'armée romaine, qui a soumis la Gaule, mais César; ce n'est pas l'armée carthaginoise, qui faisait trembler la république romaine aux portes de Rome, mais Annibal; ce n'est pas l'armée macédonienne, qui a été sur l'Indus, mais Alexandre; ce n'est pas l'armée française, qui a porté la guerre sur le Weser, mais Turenne; ce n'est pas l'armée prussienne, qui a défendu la Prusse pendant sept ans contre les trois plus grandes puissances de l'Europe, mais Frédéric le Grand.

ны—арміи и оружіе—могутъ измѣняться, но соображенія, имѣющія цѣлю побѣждать непріятеля, будутъ всегда и неизмѣнно имѣть тотъ же источникъ—превосходство ума полководца, подкрѣпленнаго силой его воли. Самое счастье склоняется на сторону того изъ двухъ противудѣйствующихъ полководцевъ, который превосходитъ другаго силой ума и воли. И нѣтъ примѣра, чтобы въ этомъ отношеніи сильнѣйшій былъ одолеваемъ слабѣйшимъ. Поэтому-то, какое бы пространство времени ни лежало между великими полководцами, всегда неизмѣнными остаются тѣ же качества, которыми они сдѣлались великими и которыя привлекаютъ наше вниманіе. Въ этомъ смыслѣ нѣтъ ни древняго, ни новаго, и походы отъ Александра до Наполеона включительно представляютъ одинаковый интересъ и возбуждаютъ одинаковое участіе, конечно только для того, кто разумѣетъ изслѣдовать причины проявленія ихъ силы и не довольствуется бѣглымъ обзоромъ исторіи великихъ военныхъ событій. Наполеонъ не могъ требовать иного, поставивъ Александра, Аннибала и Цезаря рядомъ съ великими полководцами повѣйшихъ временъ и каждого назвавъ идеаломъ. Цѣль такой мысли велика и высока! Только тотъ, кто шелъ этимъ путемъ, можетъ постигнуть смыслъ словъ Наполеона «отвергнуть правила, противныя правиламъ великихъ полководцевъ». Къ этому-то и должно вести общеніе съ ними, т. е. изученіе ихъ подвиговъ. О сходствѣ событій нечего и думать: тому препятствуетъ безконечное разнообразіе обстоятельствъ. Наполеонъ имѣлъ зорко въ виду свободу и независимость искусства полководца; поэтому именно слова его и заслуживаютъ величайшаго вниманія».

Съ этими мыслями и чувствами генерала Лоссау нельзя не согласиться вполне.

Въ заключеніе, окончимъ тѣмъ же самымъ, что послужило поводомъ къ приведеннымъ выше размысленіямъ и разсужденіямъ, именно словами Наполеона I:

«Читайте и перечитывайте исторію походовъ великихъ полководцевъ и образуйте себя по нимъ: это—единственное средство постигнуть тайну искусства и отвергнуть правила, противныя правиламъ этихъ великихъ людей!»

Князь Н. Голицынъ.

Апрѣль 1875.

ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИЧЕСКІЯ ПОСОБІЯ

ДЛЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ И ИЗУЧЕНІЯ ВОЙНЪ И ПОХОДОВЪ

АЛЕКСАНДРА В., АННИБАЛА И ЮЛІЯ ЦЕЗАРЯ.

I. Александръ Великій.

Древніе источники:

** 1) Арріанъ Никомидійскій, современникъ императора Адріана (117—138 г. по Р. Х.), ученикъ Эпиктета, глубокомысленный философъ, свѣдущій, опытный и искусный полководецъ, лучший, добросовѣстнѣйшій и правдивѣйшій историкъ Александра В. Главное и замѣчательнѣйшее изъ дошедшихъ до насъ сочиненій его есть: *De expeditione Alexandri libri VII* (походъ Александра въ Персію и Индію, въ 7 книгахъ), достойно уважаемое сочиненіе, составленное по утраченнымъ для насъ запискамъ военачальниковъ Александра В., Птолемѣя и Арпстовула, сопровождавшихъ его въ Азію,—и дополненія, составляющія 8-ю книгу. Это—главный и лучший источникъ военной исторіи Александра В. и, послѣ утраты твореній столькихъ древнихъ писателей, преимущественно важный и полезный для изслѣдованія и изученія ея, по причинѣ разборчивости Арріана въ избраніи источниковъ. Подлинникъ былъ изданъ въ 1704 г. (Gronovius), въ 1757 г. (Raphel), въ 1792 г. (Borheck), въ 1798 г. (Schmieder) и позже. А переводы его: французскій (Perrot d'Ablancourt) 1664 г., нѣмецкій (Borheck)—1790-92 и 1813 гг., италіанскій (Lauro) — 1793 г., французскій (Chaussard) — 1802 г., англійскій (Rooke) — 1814 г., русскій (въ Военной Библіотекѣ, подъ редакціей Сениковскаго и барона Медема)—въ 1838-39 гг., и др.

** 2) Діодоръ Сицилійскій, историческій писатель временъ Юлія Цезаря и Августа. Онъ употребилъ 30 лѣтъ на составленіе всеобщей исторіи почти всѣхъ извѣстныхъ тогда народовъ міра, отъ временъ до-историческихъ до начала войны Цезаря въ Галліи, и назвалъ ее историческою библіотекою (*Diodori Siculi bibliothecae historicae libri XL*). Изъ 40 книгъ ея до насъ дошли только 15 полныхъ: 1—5 и 11—20 и отрывки остальныхъ 25 книгъ. Она отличается преимущественно точностью и въ военномъ отношеніи замѣчательна тѣмъ, что заключаетъ въ себѣ много свѣдѣній о военныхъ: бытѣ и дѣлѣ и о войнахъ многихъ народовъ, особенно римлянъ, и весьма точныя описанія осадъ городовъ. Въ XVII книгѣ изложены войны, походы, сраженія, осады и пр. Александра В. Это—лучшій источникъ послѣ Арріана. Подлинникъ былъ изданъ въ 1745 г. (Wesseling), въ 1793—1807 гг. (Eyring), въ 1795—98 гг. (Wachler), въ 1800 г. (Eichstädt)

и пр. А переводы его: французскій (Terrasson) въ 1777 г., нѣмецкій (Stroth и Kaltwasser) въ 1782—87 гг., и въ *Die griechischen Prosaiker, in neuen Uebersetzungen von Tafel, Osiander und Schwab*, въ 1826 году.

** 3) Плутархъ Херонейскій (50—130 гг. по Р. Х.), ученый и плодовитый греческій писатель, наставникъ (какъ полагаютъ) императора Траяна, написалъ до 300 философическихъ и историческихъ сочиненій, изъ которыхъ до насъ дошло только 125. Изъ нихъ историческія стоятъ еще выше философическихъ, особенно 44 сравнительныя жизнеописанія знаменитыхъ мужей Греціи и Рима (*Vitae parallelae XLIV, cum singulis aliquot (V)*, на греческомъ языкѣ), въ военномъ отношеніи имѣютъ особенную цѣну, заключаая въ себѣ характеристики великихъ и другихъ искусныхъ полководцевъ древности, между прочимъ Александра В., о которомъ содержатъ много важныхъ подробностей, рассказовъ, анекдотовъ и пр. Подлинникъ былъ изданъ: въ 1729 г. въ Лондонѣ (Bryan and DuSoul), въ 1809 г. въ Парижѣ (Coray), въ 1812—15 гг. въ Лейпцигѣ (Schaefer) и пр.—А переводы его: франц. Dacier въ 1762 и 1812 гг., нѣмецк. Schirach въ 1777—80 гг., Kaltwasser въ 1799—1806 гг., Bredow (Alexander und Julius Caesar) въ 1814 г., италіанскій Pompei въ 1812 г., англійскій Langhorne въ 1813 и 1819 гг., русскій Дестуниса въ 1820 г. и подъ редакціей Геррье въ 1862 г.

* 4) Квинтъ Курцій Руфъ, современникъ Тиберія, Каллигулы, Клавдія и Нерона (14—68 гг. по Р. Х.), преторъ, консулъ и наконецъ проконсулъ въ Африкѣ, гдѣ умеръ въ 69 г. въ глубокой старости; ученый человекъ и посредственный историкъ, особенно извѣстенъ своею исторіею Александра В. (*Quinti Curtii Rufi de rebus gestis Alexandri Magni libri X*), въ 10 книгахъ, изъ которыхъ до насъ дошли только 8 послѣднихъ. Сочиненіе его заключаетъ въ себѣ очень много любопытныхъ и занимательныхъ фактовъ, но страдаетъ недостаткомъ критики и точности въ рассказахъ и болѣе похоже на историческій романъ, нежели на исторію.—Подлин. изданъ въ 1648 г. (Freinsheim), въ 1670 г. (Rapp), въ 1724 г. (Schnaakenburg, лучшее изданіе), въ 1804 г. (Schmieder) и пр. Переводы: нѣмецкіе: Wagner (deutsch und lateinisch) 1768 г. и новѣйшее изданіе 1854 г. и Ostertag 1799 г.,—испанскій Don Matteo Ioannes de Segovia 1781 г., англійскій 1809 г. и французскіе: Vaugelas et Du Ryer 1746 г., Beauzée 1818 г. и мн. др.

Новѣйшія историческія пособія:

5) *Faits et conquêtes d' Alexandre le Grand, roi de Macédoine*, 4° Paris 1581.

6) De Bury: *Histoire de Philippe et d' Alexandre le Grand*, 4° Paris 1760,—очень посредственное сочиненіе.

7) Desclaison: *Précis des histoires d' Alexandre le Grand et de Jules César, et de leurs faits militaires comparés*, 2. v. 12° Paris 1784.

* 8) Renne: *Memoir of a map of Hindostan*, London 1793 (3-е изданіе), сообщаетъ всѣ необходимыя географическія объясненія похода Александра В. въ Индію.

* 9) D. Vincent: *The voyage of Nearchus, from the Indus to the Euphrate*, 4° London 1797,—весьма ученныя изслѣдованія, поясненныя отличными географическими картами.

** 10) Sainte-Croix: *Examen critique des anciens historiens d' Alexandre le Grand*, 2-е изд., значительно пополненное, 4° Paris 1804,—сочиненіе, во многихъ отношеніяхъ классическое, главное объ исторіи Александра В. и содержащее въ себѣ даже гораздо болѣе, нежели сколько обѣщаетъ заглавіе его.

11) Delagrave: *Histoire des révolutions et des guerres de la Grèce et de l'Asie depuis Cyrus jusqu'aux successeurs d' Alexandre*, 8° Paris 1820.

* 12) Kausler: *Versuch einer Kriegsgeschichte aller Zeiten unb Völker, und Wörterbuch und Atlas der Schlachten und Belagerungen*, 4 B. 8° Stuttgart 1825—30.

* 13) *Handbibliothek für Offiziere etc. 1-r Band 1-te Abth. Das Kriegswesen des Alterthums (v. Cyriaci)*, 16° Berlin 1828.

** 14) Napoléon I: *Oeuvres diverses*, 1836,—въ нихъ находится много замѣчаній, относящихся къ Александру В. и его войнамъ, походамъ и разнымъ военнымъ дѣйствіямъ.

** 15) Von Lossau (Preus. Gen. Lieut): Ideale der Kriegführung etc. I-r B. 1-te Abth. (Alexander der Grosse), 8° Berlin 1836,—превосходный критическій разборъ войнъ и походовъ Александра В. (и 6-ти другихъ великихъ полководцевъ исторіи, названныхъ Наполеономъ I) и весьма полезное пособіе для изученія ихъ.

* 16) Bibliothèque historique et militaire, publiée par Liskenne et Sauvan, 7 v. 8° et un supplément, Paris 1838—62, заключаетъ въ себѣ между прочимъ пересмотрѣнный и исправленный французскій переводъ (Chaussard 1802 г.) Аппіана походовъ Александра В. и статью о греческой тактикѣ;—очень полезное пособіе.

** 17) Droysen: Leben Alexander des Grossen, 1855, — новѣйшее и лучшее жизнеописаніе Александра В.

II. Аннибалъ.

Древніе источники:

** 18) Полибій изъ Мегалополя въ Аркадіи (202—121 гг. до Р. Х.), ученикъ Филопемена и другъ Сципіоновъ, во времена покоренія Греціи римлянами принималъ дѣятельное участіе въ переговорахъ съ ними и потомъ вступилъ въ ихъ службу, сопровождалъ Сципіона Эмилиана въ Африку и позже былъ съ нимъ при осадѣ Нуманціи. Знаменитый историческій и военный писатель, составившій между прочимъ всеобщую исторію въ 40 книгахъ (*Polybii Megalopolitani historiarum libri XL*) и сочиненіе о войскахъ и лагеряхъ римскихъ (*De militia romanorum et de castrorum metatione*). Изъ исторіи его до насъ дошло только 5 полныхъ книгъ (до 216 г.), а изъ остальныхъ (216—166 гг.) и изъ послѣдняго сочиненія—только отрывки. Первые 2 книги исторіи содержатъ въ себѣ, въ видѣ введенія, краткій обзоръ событій до 220 г. Описывая преимущественно событія войнъ Рима съ Карфагеномъ, Македоніей и Греціей, Полибій касается также военныхъ событій въ Греціи, Малой Азіи и Египтѣ. Въ точности и вѣрности изложенія и въ обиліи политическихъ и военныхъ свѣдѣній Полибій не былъ превзойденъ ни однимъ изъ древнихъ историковъ. Въ военномъ отношеніи исторія его есть драгоценный источникъ исторіи военного искусства и военной исторіи древнихъ народовъ, особенно римлянъ, въ III и II вѣкахъ передъ Р. Х. Для 2-й пунической войны и для военныхъ дѣйствій Аннибала это—главный и лучший источникъ. Подлинникъ былъ изданъ: въ 1670 г. (Gronovius), въ 1763 г. (Ernesti), въ 1789—95 гг. (Schweighäuser) и пр. Переводы его: Dom (Dominus) Thuillier, ученаго Бенедиктинскаго монаха, латинскій и французскій—до 1727 г.,—le chevalier de Folard, 6 v. 4° Paris 1727 (см. ниже), въ нѣмец. переводѣ Oelsnitz 7 B. 4° Berlin 1755 и тоже mit den Kriegsgedanken des H. von Guischart (см. ниже) vermehrt, 7 B. 4° Wien 1760,—тотъ же переводъ Dom Thuillier, съ замѣчаніями Фолара, 7 v. 4° 1752 и сокращеніе его—Chabot, 3 v. 4° Paris 1754,—испанскій Ruivamba 1788 г., англійскій Hampton 1772 и 1809 гг., нѣмецкій Benicken 1820 г. и др.

** 19) Титъ Ливій изъ Патавіи (н. Падуа), род. въ 59 г. до Р. Х., умеръ въ 16 г. до Р. Х., современникъ Августа, пользовавшійся особеннымъ покровительствомъ его; на основаніи древнихъ преданій и римскихъ историковъ (начиная съ Фабія Пиктора) составилъ римскую исторію отъ прибытія Энея въ Италію до сраженія при Акціѣ, въ 140 или 142 книгахъ (*Titii Livii Patavini historia ab urbe condita libri CXL—CXLII*), изъ которыхъ до насъ дошли только 10 первыхъ и затѣмъ 21-я—45-я, всего 35 и небольшой отрывокъ изъ 91-й. Военныя событія описаны имъ съ большою подробностью, но онъ часто легковѣренъ и увлекается пристрастіемъ, во 2-й пунической войнѣ особенно къ Сципіону и противъ Аннибала. Послѣ Полибія это—главный и лучший источникъ 2-й пунической войны. Подлинникъ былъ изданъ: въ 1469 г. (Schweinheim и Rannarz, и Campanus), въ 1710 г. (Le Clerc и Freinsheim), въ 1738—46 гг. (Drackenborch), въ 1780—96 и 1813 гг. (Stroth), въ 1785 и 1801—4 гг. (Ernesti), въ 1784—6 и 1806 гг. (въ Цвейбрюкенѣ), въ 1807—8 гг. (Rupertii) и пр. Переводы его: франц. Du

Ryer 1696 г., нѣмец. Wagner und Westphal 1776 г., Grosse 1789—95 гг., Ostertag 1790 г., англ. Baker 1814 г. и др.

* 20) Аппіанъ Александрійскій, современникъ Траяна, Адриана и Антонина, написалъ римскую исторію отъ древнѣйшихъ временъ до Августа, въ 24 книгахъ (Appiani Alexandrini romanarum historiarum libri XXIV), изъ которыхъ до насъ дошла только половина. Книги VI—VII заключаютъ въ себѣ описаніе войнъ римлянъ противъ Аннибала и пунцовъ, а VIII—пуническихъ войнъ. Аппіанъ почерпалъ свѣдѣнія изъ разнородныхъ источниковъ, почему исторія его есть неравномѣрная компиляція и можетъ служить лишь съ осторожнымъ употребленіемъ. Она составлена не хронологически, но по государствамъ и странамъ. Въ военномъ отношеніи она заслуживаетъ вниманія тѣмъ, что заключаетъ въ себѣ почти исключительно исторію войнъ. Подлинникъ былъ изданъ: въ 1670 г. (Tollius), въ 1785 г. (Schweighäuser), въ 1796 г. (Taucher) и пр. Переводы его: итал. (Braccio) 1526, 1730 и 1791 гг., испан. 1542 г., франц. 1659 г. и нѣмец. (Dillenius) 1793—1800 гг.

* 21) Флоръ, жившій въ концѣ I и въ началѣ II вѣковъ по Р. Х., написалъ краткій обзоръ римской исторіи (Lucii Annaei Flori epitome rerum romanarum libri IV), отъ основанія Рима до Августа. Подлинникъ былъ изданъ: въ 1680 г. (Gräv), въ 1744 г. (Ducker)—лучшее изданіе, въ 1740 г. (Fischer) и въ 1819 г. (Titze), новѣйшее изданіе.

** 22) Плутархъ (см. выше), составившій жизнеописанія Фабія Максима (диктатора), Павла Эмилія, Марцелла, М. Катона и Фламинія.

Новѣйшія историческія пособія:

* 23) Chevalier de Folard: Découvertes nouvelles sur la guerre, dans une dissertation sur Polybe, 1724,—и Histoire de Polybe, avec un commentaire ou un cours de science militaire, enrichi de notes critiques etc., 1727.

** 24) Montesquieu: Considérations sur les causes de la grandeur et de la décadence des Romains, 1734,—знаменитое классическое сочиненіе и особенно важное и полезное пособіе.

* 25) Guischard (прозванный Фридрихомъ В.—Quintus Jcilius, именемъ одного изъ ближайшихъ къ Ю. Цезарю военныхъ чиновъ): Mémoires militaires sur les Grecs et les Romains, pour servir de suite à l'histoire de Polybe, commentée par Folard, etc. 1757,—и Mémoires critiques et historiques sur plusieurs points d'antiquités militaires, 1774. Сочиненія Фолара и Гишара, равно какъ и написанныя по поводу ихъ: Chabot, Lo-Looz, Brézé и Фридриха В. (L'esprit du chevalier de Folard etc. 1760), относятся болѣе къ тактикѣ, кастраментаци, фортификаціи и поліорцетикѣ грековъ и римлянъ, и особенно къ строю войскъ глубокому и тонкому, и преимущественно въ этомъ отношеніи указаны здѣсь въ числѣ пособій.

* 26) De Mestre: Annibal et Scipion, ou les grands capitaines, avec les ordres et plans de batailles, Paris 1768.

* 27) Whitaker: The course of Annibal over the Alps ascertained, 1794,—авторъ утверждаетъ, что Аннибалъ перешелъ черезъ Большой Сенъ-Бернардъ.

28) Cornova: Zweiter punischer Krieg, nach Livius, 1798.

** 29) Bernewitz: Leben Hannibals, 8° Dresden 1806,—лучшее новѣйшее жизнеописаніе Аннибалла.

* 30) D-r Becker: Vorarbeiten zu einer Geschichte des zweiten punischen Krieges, 1810,—хорошее и полезное пособіе.

** 31) Vandoncourt (le général Guillaume de): Histoire des campagnes d'Annibal en Italie, suivie d'un abrégé de la tactique des Grecs et des Romains, 3 v. 4° et 1 atlas, Milan 1812,—лучшее военное сочиненіе о походахъ Аннибала, составленное на основаніи исторій Полибія и Тита Ливія.

** 32) De Luc: Histoire du passage des Alpes par Annibal, 1818,—одно изъ лучшихъ сочиненій объ этомъ предметѣ.

** 33) D-r Zander: Der Heereszug Hannibals über die Alpen, 1823 и 1828,—аналитическій и критическій разборъ всѣхъ сочиненій объ этомъ предметѣ.

* 34) Kausler: Versuch einer Kriegsgeschichte aller Zeiten und Völker etc.,—Wörterbuch und Atlas der Schlachten etc., 1825—30 (см. выше).

** 35) Larauza: Histoire critique du passage des Alpes par Annibal, 1826,—особенно хорошее и полезное пособие.

** 36) D-r Bötticher: Geschichte der Karthager nach den Quellen, Berlin 1827,—повѣйшее и лучшее изслѣдованіе исторіи Карфагена.

* 37) Handbibliothek für Offiziere etc. 1-r Band 1-te Abth. Das Kriegswesen des Alterthums, 16° Berlin 1828. (см. выше).

* 38) Baron Félix de Beaujour: De l'expédition d'Annibal en Italie, 1832.

** 39) Napoléon I: Oeuvres diverses, 1836,—въ нихъ заключается много замѣчаній, относящихся къ Аннибалу и его походамъ и военнымъ дѣйствіямъ.

** 40) Lossau: Ideale der Kriegführung etc. 1-r B. 1-te Abth. Hannibal, Berlin 1836 (см. выше),—заключаетъ въ себѣ весьма хорошіе: разборъ военныхъ дѣйствій Аннибала и его характеристику.

* 41) Vincke (Freiherr von): Der zweite punische Krieg und der Kriegsplan der Karthager, Berlin 1841.

** 42) Rauchenstein (Profes.): Der Zug Hannibals über die Alpen. Eine Rechtfertigung der Darstellung des Titus Livius, Aarau 1850.

* 43) D-r Mücke: Geschichte des zweiten punischen Krieges, nebst einer historischen Einleitung, Breslau 1851.

** 44) Reichard: Geographische Nachweisungen der Kriegsvorfälle Caesars und seiner Truppen in Gallien, nebst Hannibals Zug über die Alpen, 1852.

45) D-r Susemihl: Kritische Skizzen zur Vorgeschichte des zweiten punischen Krieges, Greifswald 1853.

III. Юлій Цезарь.

Древніе источники:

** 46) Каія Юлія Цезаря комментаріи о войнѣ въ Галліи (Caii Iulii Caesaris Commentarii de bello gallico), въ 7 книгахъ, доведенныхъ до сраженія при Алезіи и взятіи въ плѣнъ Верцингеторикса; 8-я же, послѣдняя книга о войнѣ въ Галліи и 3 книги о междоусобной войнѣ въ Италиі, Испаніи, Греціи, Египтѣ, Понтѣ и Африкѣ, составлены легатомъ и довѣреннымъ лицомъ Цезаря Гирціемъ Панзой (Hirtius Pansa), по письмамъ и запискамъ Цезаря. 7 первыхъ книгъ, писанныхъ самимъ Цезаремъ, имѣютъ неотъемлемыя, большія достоинства, изложены простымъ, благороднымъ языкомъ, съ большими умомъ и искусствомъ, исполнены несомнѣнныхъ свидѣтельствъ высокихъ дарованій Цезаря и его искусства въ политикѣ, стратегіи, тактикѣ, военномъ управленіи, словомъ во всѣхъ отрасляхъ военного искусства, и составляютъ образцовое произведеніе исторіи вообще и военной въ частности и теоріи военного искусства древности, временъ Цезаря. Но онѣ не чужды и нѣкоторыхъ недостатковъ, причиною которыхъ то, что онѣ были писаны съ извѣстною политическою цѣлю — увеличенія политическихъ значенія и вліянія Цезаря и его партіи, передъ рѣшительнымъ приступленіемъ его къ исполненію своихъ политическихъ замысловъ—завладѣнію верховною властью въ римской республикѣ. Въ этомъ отношеніи онѣ были въ тѣсной связи со всѣми политическими и военными дѣйствіями Цезаря во время войны въ Галліи и вмѣстѣ съ ними—инымъ чѣмъ, какъ ловкимъ приготовленіемъ или, такъ сказать, введеніемъ къ послѣдующимъ актамъ политической драмы, разыгранной Цезаремъ на сценѣ римской державы, обнимавшей извѣстный тогда міръ въ Европѣ, Азіи и Африкѣ. Дѣйствительно, почему Цезарь самъ описалъ только первые 7 годовъ войны своей въ Галліи, а не описалъ ни 8-го послѣдняго, ни послѣдующихъ походовъ своихъ междоусобной, александрійской, африканской и испанской войнъ? Если онѣ имѣлъ достаточно времени описать первые, во время самой войны въ Галліи, то почему не имѣлъ его для описанія послѣдующихъ, также во время оныхъ?

Древніе и новыя восхвалители его выставляють же особенно необыкновенный даръ его и говорить, и писать, и диктовать, и слушать въ одно время. Но въ 7 первыхъ годовъ войны Галлія уже была совершенно покорена и это было самое главное и важнѣйшее, достаточное для политическихъ цѣлей Цезаря, а 8-й годъ заключалъ уже незначущія военныя дѣйствія для довершенія завоеванія; съ движеніемъ же въ Италію началось уже рѣшительное дѣйствіе мечомъ, при пособіи политическихъ средствъ, но уже безъ прежней надобности въ пособіи пера. Это можетъ служить объясненіемъ также и ловкому изложенію Цезаремъ политическихъ и военныхъ дѣйствій своихъ въ Галліи, какъ-то: очень простому и естественному, по видимому, объясненію ихъ, съ ихъ причинами и цѣлями, въ дѣйствительности же не всегда точному и вѣрному въ отношеніи къ гелльветамъ, галламъ, германцамъ и британцамъ,—оправданію своихъ дѣйствій, даже не совсѣмъ подлежащихъ оправданію,—умолчанію о своихъ ошибкахъ и представленію ихъ въ выгодномъ или по крайней мѣрѣ не въ невыгодномъ для него отношеніи,—выставленію, напротивъ, своихъ удачныхъ предпріятій и успѣшныхъ дѣйствій, подъ наружнымъ видомъ скромности, и пр. Къ этому слѣдуетъ еще прибавить, что согласно съ вѣрнымъ замѣчаніемъ Наполеона I, Цезарь не всегда достаточно точенъ въ означеніи состава и числа своихъ войскъ, въ описаніи ихъ военныхъ дѣйствій и особенно мѣстности, гдѣ происходили они и преимущественно сраженія. «Цезарь въ Галліи»—говоритъ Наполеонъ I—«никогда не говоритъ, какая была сила его арміи, ни въ какомъ мѣстѣ онъ сражался; сраженія его не имѣютъ названій; продолжатель его (т. е. Гирцій Панза) «столько же темень» и т. д. — слѣдовательно и Цезарь въ этомъ отношеніи темень и потому неясенъ. Словомъ—чтобы не распространяться излишне—каковъ былъ самъ Цезарь, какъ политическій дѣятель, таковы и комментаріи его о войнѣ въ Галліи — совершеннѣйшій отпечатокъ его, со всѣми достоинствами и недостатками его (какъ изъ послѣдующаго изложенія войны, походовъ и характеристики его ясно будетъ видно). А что касается продолжателя его, Гирція Панзы, то Наполеонъ I прямо называетъ его неспособнымъ, а изложеніе его—крайне неискusstнымъ, темнымъ и нерѣдко нелѣпнымъ, такъ что 4 книги его не только не могутъ идти ни въ какое сравненіе съ 7-ю книгами Цезаря, но и составляютъ совершенную противоположность имъ въ отношеніи къ дарованію и искусству изложенія. За всѣмъ тѣмъ вообще всѣ 11 и особенно 7 первыхъ книгъ комментаріевъ Цезаря, и въ древнія, и въ новыя времена пользовались большими: извѣстностью, славой и уваженіемъ, возбуждали восторженное вниманіе къ себѣ и считались лучшимъ источникомъ для познанія исторіи всеннаго искусства вообще и искусства веденія войны въ частности — въ древнія времена и особенно во времена Цезаря римлянами, другими народами и самимъ Цезаремъ. Ихъ изучали и по нимъ образовали себя всѣ послѣдующіе великіе и искусные полководцы, и они подали поводъ ко множеству, болѣе или менѣе замѣчательныхъ комментаріевъ на нихъ, особенно въ XVIII вѣкѣ.

Подлинникъ ихъ былъ изданъ: первоначально — вмѣстѣ съ другими древними военными писателями, подъ заглавіемъ: *Veteres de re militari scriptores*, folio въ 1524—32—35 гг., 8^о въ 1553—69—80 гг., 4^о въ 1584, 1602—7—44—70 гг. и т. д., а съ XVIII вѣка—въ 1712 г. (Clarke въ Лондонѣ), въ 1737 г. (Oudendorp въ Лейденѣ), въ 1780 г. (Morus въ Лейпцигѣ), въ 1782 г. (въ Цвейбрюкенѣ), въ 1805 г. (Oberlin въ Лейпцигѣ), въ 1812 г. (Wetzel въ Варшавѣ) и пр.

Первый переводъ ихъ былъ сдѣланъ на французскій языкъ, еще въ XV вѣкѣ Дю-Шеномъ (Jean du-Chêne), по повелѣнію Карла Смѣлаго, герцога Бургундскаго, но изданъ былъ только въ 1774 г.—За нимъ послѣдовали многіе другіе въ разные годы, начиная съ 1539 г. (франц. De Laigne) и на разныхъ языкахъ, какъ-то: въ 1589 г. франц. Blaise de Vigenère, въ 1619 г. итал. Palladio, въ 1758 и 1774 гг. франц. Guischard (съ комментаріями, особенно замѣчательный), въ 1778 г. нѣмец. Wagner, въ 1780 г. франц. Davon, въ 1782 г. Warnéry и въ 1783 г. нѣмец. Rösch (всѣ съ комментаріями), въ 1789 г. франц. le Comte Turpin de Crissé (съ комментаріями, особенно замѣчательный) въ 1792 г. франц. Vaudrécourt, augmenté par Davon (также замѣчательный), въ 1801 г. нѣмец. Haus, въ

1812 г. англ. Tower, въ 1815 г. нѣмец. Wagner, въ 1817 г. нѣмец. Strack и др., въ томъ числѣ русскій переводъ Клевапова 1857 г.

* 47) Цицеронъ (106—43 гг. до Р. Х.); рѣчи и письма его составляютъ обильный источникъ исторіи Рима и между прочимъ жизни и дѣйствій Цезаря. Знаменитый Виландъ (Wieland) въ 1808—11 гг. издалъ въ 6 книгахъ собраніе писемъ Цицерона, переведенныхъ на нѣмецкій языкъ и расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ, съ предварительнымъ разсмотрѣніемъ жизни Цицерона. Этотъ трудъ Виланда, какъ и всѣ прочія сочиненія его, оригинальныя и переводныя, даетъ истинное понятіе о римской древности и особенно точное познаніе Рима въ эпоху жизни Цицерона. Сверхъ того Middleton издалъ въ 1741 г. на англійскомъ языкѣ жизнеописаніе Цицерона: *Life of Cicero*, переведенное на франц. языкъ аббатомъ Прево (l'abbé Prévost).

* 48) Діонъ Кассій, род. въ 155 г. по Р. Х. въ Никее, въ Визоніи, современникъ римскихъ императоровъ Пертинакса, Септимія Севера, Каракаллы и Иліогабала (193—217), написалъ римскую исторію отъ прибытія Энея въ Италію до 228 г. по Р. Х., въ 80 книгахъ, изъ которыхъ до насъ дошли вполнѣ только 19 (36-я—54-я), а изъ остальныхъ извлеченіе Ксифилина. Исторія его (Dionis Cassii Cocceani historiarum romanarum libri LXXX) имѣетъ то достоинство, что событія расположены въ ней въ хронологическомъ порядкѣ и современныя автору изображены вѣрно, но недостатки ея—тѣ, что авторъ часто несправедливъ въ своихъ сужденіяхъ о великихъ людяхъ, суевѣренъ, раболѣпенъ и ласкателенъ, а риторическій слогъ его несвойственъ исторіи. — Подлинникъ ея былъ изданъ въ 1750—52 гг. (Fabricius и Reimarus), въ 1798 г. (Morelli) и пр.,—а переводы: англ. (Manning) въ 1704 г., нѣмец. (Wagner) въ 1784—96 гг., итал. въ 1790 г., нѣмец. (Penzel) въ 1810 г. и пр.

** 49) Плутархъ (см. выше): жизнеописанія Помпея, Цезаря, Катона Утическаго, Цицерона, Брута и Антонія. Изъ нихъ Цезарево заключаетъ въ себѣ обильныя свѣдѣнія о немъ.

** 50) Суэтоній Транквиллъ (Suetonius Tranquillus), жилъ въ 70 г.—121 г. по Р. Х., риторикъ и грамматикъ, другъ Плинія младшаго, письмоводитель (magister epistolarum) императора Адриана и весьма хорошій историческій писатель, составилъ подробныя жизнеописанія 12 Цезарей или римскихъ императоровъ отъ Цезаря до Домитіана—весьма полезный источникъ военной исторіи этого времени. Изъ нихъ жизнеописаніе Цезаря особенно важно въ отношеніи къ исторіи его.—Подлинникъ ихъ (Suetonii Tranquilli vitae Caesarum XII) былъ изданъ въ 1714—15 гг. въ Лейварденѣ (Pitiskus), въ 1736 г. въ Амстердамѣ (Burmann), въ 1740 г. (Gräv), въ 1751 г. въ Лейденѣ (Oudendorp), въ 1775 и 1805 гг. въ Лейпцигѣ (Ernesti), въ 1800 г. (Bremi), въ 1803 г. (Wolf) и др. А переводы ихъ: итал. Paolo del Rosso въ 1556, 1611, 1738 и 1807 гг., англ. въ 1672 г., франц. La Harpe въ 1770 г., нѣмец. Wagner въ 1771 г., Ostertag въ 1788 г., Schenk въ 1828 году и проч.

* 51) Веллеій Патеркулъ (Velleius Paterculus), римскій историкъ, жилъ отъ 20 г. передъ Р. Х. до 31 г. послѣ Р. Х., былъ начальникомъ конницы въ арміи Тиберія въ Германіи, сопровождалъ послѣдняго въ другихъ его походахъ и наконецъ былъ преторомъ въ Римѣ. Онъ былъ усердный приверженецъ и восхвалитель Тиберія и его любимца Сеяна. Изъ его сокращенной римской исторіи, написанной хорошимъ латинскимъ языкомъ, но не безпристрастно въ отношеніи къ царствовавшему дому Цезарей, особенно къ Тиберію и Сеяну, до насъ дошли только 2 книги и тѣ безъ начала. Въ нихъ заключаются также свѣдѣнія о Юліѣ Цезарѣ. Изданія подлинника: Burmann (1719 и 1744 гг. въ Лейденѣ), Gruner (1762 г. въ Кобленцѣ), Barbeau (1777 г. въ Парижѣ), Ruhnken (1779 г. въ Лейденѣ, лучшее), Jani и Krause (1800—3 въ Лейпцигѣ),—а переводы: англ. Newcomb (1724 г. въ Лондонѣ), нѣмец. Jakobs (1793 г. въ Лейпцигѣ) и др.

Новѣйшія историческія пособія:

52) St. Gabriel Syméon: César renouvelé par les observations de St. Gabriel Syméon, 8° Paris 1558.

53) Rami: Liber de militia J. Caesaris, 8° Francofurti 1584.

54) Neumair: J. Caesaris commentarii, in militairische Erinnerungen und Regeln gefasst, 8° Jena 1637.

55) Le parfait capitaine, autrement l'abrégé des commentaires de César, 8° Paris 1639, — тоже par le duc de Rohan, 4° La Haye 1729 г., въ нѣмец. переводѣ 1730 г. и тоже 12° Paris 1757.

56) Kulpisii: Bellum Caesaris et Ariovisti, commentatione politica illustratum, 4° Suobaci 1689.

* 57) De Bury: Histoire de la vie de Jules César, 2 v. 8° Paris 1758.

** 58) Guischard: Commentaires sur les commentaires de César, 1758 и 1774, — особенно важное и полезное пособіе.

59) Pezis: Campagnes de Jules César dans les Gaules, 4° Milan 1760.

60) Observations sur la campagne de Jules César dans la Gaule, 8° Paris 1777.

* 61) Davon: Analyse critique des faits de César, racontés par lui-même, 12° Paris 1787.

62) Observations sur la campagne de Jules César en Espagne, contre les lieutenants de Pompée, et sur l'histoire détaillée que M-r Guischard en a faite, 1782.

* 63) Vaudrécourt: Les commentaires de César, traduction nouvelle, suivie d'un examen de l'analyse critique que M. Davon a faite de ses guerres, 2 v. 8° Paris 1782 et 1787.

* 64) Warnéry (général): Mélange de remarques, surtout sur César et autres auteurs militaires anciens et modernes, 8° Varsovie 1782.

** 65) Rösch: Commentar über die Commentarien des Caesar, als eine Beantwortung der «Remarques sur César» des general Warnéry, nebst Beiträge zur römischen Taktik, 8° Halle 1783.

66) Desclaisons: Précis des histoires d'Alexandre le Grand et de Jules César, et de leurs faits militaires comparés etc., 2 v. 12° Paris 1784.

** 67) Comte Turpin de Crissé: Commentaires sur les commentaires de César, 1785, — особенно важное и полезное пособіе.

68) Julius Caesar und anderen Schriftstellern historische Nachweisungen, 1785—88.

** 69) Meissner: Leben C. Julius Caesars, fortgesetzt von Haken, 3 B. 8° Berlin 1811, — въ свое время лучшее жизнеописаніе Цезаря.

70) Vacca Berlinghieri: Examen des opérations et des travaux de César au siège d'Alesia, Lucques 1812.

71) Beauchamp: Vie de Jules César, suivie du tableau de ses campagnes etc. 8° Paris 1823.

* 72) Kausler: Versuch einer Kriegsgeschichte aller Völker etc. 4 B. 8°, und Wörterbuch und Atlas aller Schlachten etc., Stuttgart 1825—30, — краткое, но хорошее пособіе.

* 73) Les Commentaires de César, édition de Wailly, revue et corrigée, 2 v. 32°, Paris 1826, avec carte.

** 74) Handbibliothek für Offiziere etc. 1-r B. 1-te Abth. Das Kriegswesen des Alterthums (von Cyriaci), 12° Berlin 1828, — также краткое, но хорошее пособіе.

** 75) Napoléon I: Précis des guerres de César, écrit par Marchand sous la dictée de l'Empereur à S-te Hélène, 12° Paris 1836 — весьма замѣчательные и любопытные: краткое изложеніе войнъ Цезаря и замѣчанія на нихъ Наполеона I.

** 76) Lossau: Ideale der Kriegführung etc. (см. выше), 1-r B. 1-te u. 2-te Abth. Caesar, 8° Berlin 1836, — превосходные: изложеніе и разборъ войнъ и походовъ Цезаря и характеристика его, и весьма полезное пособіе.

* 77) Bibliothèque historique et militaire, publiée par Liskenne et Sau-

van, 7 v. et supplément, 8° Paris 1838—62 (см. выше), Т. 3-ме César et ses commentaires, traduits par Wailly, 1840, — переводъ Вальи пересмотрѣнъ и исправленъ, а потому особенно полезенъ.

** 78) Göler (Oberst, Freiherr von): 1) Die Kämpfe bei Dyrrhachium und Pharsalus im J. 48 v. Chr., eine kriegswissenschaftliche und philologische Forschung nach Caesars 3 B. des Bürgerkrieges, mit 1 lithochrom. Karte und 4 lith. und lithochrom. Plänen, gr. 8° Karlsruhe 1854,—2) Treffen bei Ruspina, nebst Beleuchtung einiger anderer Stellen in Rüstow's Heerwesen und Kriegführung Caesars (см. ниже), ein Nachtrag zu «Die Kämpfe bei Dyrrhachium und Pharsalus», mit 1 lith. Tafel, lex. 8° Karlsruhe 1855,—3) Caesar's gallischer Krieg in den J. 58 bis 53 v. Chr., eine kriegswissenschaftliche und philologische Forschung, mit 10 lith. Tafeln, lex. 8° Stuttgart 1858,—и 4) Caesar's gallischer Krieg im J. 51 v. Chr., nach des Hirtius bell. gall. lib. VIII bearbeitet, nebst Erläuterungen über das römische Kriegswesen zu Caesar's Zeit, mit 1 chromolith. und 1 lith. Karten, lex. 8° Heidelberg 1860;—весьма хорошія и полезныя пособія.

** 79) Köchly und Rüstow: Einleitung zu C. Julius Caesars Commentarien über den gallischen Krieg, gr. 8° Gotha 1857.

80) Desjardins: Alesia (7-me campagne de J. César), 1859.

* 81) Rüstow: Heerwesen und Kriegführung C. Julius Caesars, mit dem Portrait Caesars nach einer antiken Büste im K. Museum in Berlin und 3 lith. Tafeln, 2-te verbesserte Auflage, 8° Nordhausen 1862,—особенно хорошее и полезное пособіе.

* 82) Untersuchungen über die Kriegführung der Römer gegen die Deutschen in den Feldzügen des Caesar, Drusus, Germanicus und Tiberius, von K. F. einem alten Soldaten, mit einer chromolith. Karte von Deutschland, 8° Mainz 1862,—хорошее и полезное пособіе.

* 83) Fallue: Conquête des Gaules, analyse raisonnée des Commentaires de César, 8° Paris 1862.

84) Saulcy: Les campagnes de J. César dans les Gaules, 8° Paris 1862.

85) Gravot: Etude sur l'Alesia de César. Alise-Iternere (Ain), 1 v. 8° Paris 1862.

86) Dévélay: Commentaires de J. César, campagne d'Espagne, 8° Paris 1863.

** 87) Napoléon III: Histoire de Jules César, T. I et II gr. 8° Paris 1865, avec 1 atlas,—важное и полезное пособіе тѣмъ, что составлено на основаніи всѣхъ главныхъ и лучшихъ древнихъ источниковъ и новѣйшихъ историческихъ пособій, но, къ сожалѣнію, недоконченное и притомъ изложенное весьма пристрастно къ Цезарю, съ предвзятою цѣлью,—въ лицѣ древняго Цезаря возвеличить новѣйшаго—Наполеона I, родоначальника Наполеонидовъ, имѣвшаго очень много сходства съ древнимъ.

* 88) Alexandre Bertrand et le général Creuly: Commentaires de J. César Guerre des Gaules, traduction nouvelle etc., 2 v. 8° Paris 1865.

Общія всѣмъ историческія пособія:

89) Sixtus Arcerius: Illustrium aliq. proeliorum ex veteribus descriptio,—описаніе знаменитѣйшихъ сраженій древнихъ временъ, съ изображеніями боевыхъ порядковъ, рѣдкое изданіе XVI вѣка.

* 90) Gronowii (Jakob Gronow): Thesaurus antiquitatum romanorum graecarumque, XIII томовъ, 1697, съ Iohanni Poleni Supplement. V томовъ, 1737;—весь X томъ посвященъ военному устройству римскаго государства и римскимъ военнымъ дорогамъ;—богатое пособіе для изученія греческихъ и особенно римскихъ военныхъ древностей.

* 91) Bossuet: Discours sur l'histoire universelle, 3 v. 1680 и позднѣйшія изданія.

* 92) Rollin: 1) Histoire ancienne etc. 6 v. 4° Paris 1740, новѣйшее изданіе 1824 г., пересмотрѣнное Летропомъ (Letronne),—и 2) Histoire romaine, continuée par Crévier, 8 v. 4° Paris 1752.

* 93) Всеобщая исторія міра, изданная въ Англіи, на англ. языкѣ, обществомъ ученыхъ; нѣмец. переводъ, съ примѣчаніями, Baumgarten 1746 г.;—пер-

выя 18 частей заключаютъ въ себѣ всеобщую исторію древнихъ временъ;—классическое сочиненіе.

* 94) Guthrie, Gray etc. Всеобщая исторія міра, на англ. языкѣ, томы I—IV заключаютъ въ себѣ всеобщую исторію древнихъ временъ;—нѣмец. переводъ Heyne 1766 г.;—также классическое сочиненіе.

* 95) Desbrosses: Histoire de la république romaine dans le cours du VII siècle, par Salluste, 3 v. 4° Dijon 1777,—нѣмец. переводъ Schlüter, съ примѣчаніями, 4 ч. 1799 г. Издатель этого прекраснаго труда возымѣлъ мысль перевести и дополнить Саллустія. Сверхъ перевода исторіи войнъ Югурты и Катилины, онъ заключаетъ въ себѣ весь періодъ времени между ними, отъ отреченія Силлы въ 79 г. до 67 г. передъ Р. X. (относится къ исторіи Цезаря и Рима съ 100 г. до 67 г.).

* 96) Fergusson: The history of the progress and termination of the Roman republic, 1783;—классическое сочиненіе.

97) Vertot: Histoire des révolutions arrivées dans le gouvernement de la république Romaine, 1796.

98) Всеобщія исторіи: Gaterer (1792), Beck (1798), Hübler (1798—1803), Bredow (1799), Röhmer (1802), Luden (1814), Dresch (1815), Heeren (1810 и 1815—23), и новѣйшія: Schlosser, Weber, Becker, Wernicke и др.

* 99) Michelet: Histoire romaine, 1831.

* 100) Барона Зедделера (генераль-маіора): Обзорѣніе исторіи военнаго искусства, Ч. I. древнихъ народовъ, СПБ. 1836.

* 101) Лоренца (профессора): Руководство къ всеобщей исторіи, Ч. I, СПБ. 1841.

* 102) Богдановича (генераль-маіора): Исторія военнаго искусства и замѣчательнѣйшихъ походовъ, СПБ. 1853.

* 103) Mommsen: Römische Geschichte, 3-te Aufl. 3 B. 1856.

* 104) Amédée Thierry: Tableau de l'empire romain etc. 1862.

105) Вегнера: Римъ, начало, распространеніе и паденіе всемірной монархіи римлянъ, переводъ съ нѣмецкаго Евстафьева, СПБ. 1865.

106) Главные и лучшіе, общіе и военные энциклопедическіе словари, атласы и т. п. историческія пособія, въ томъ числѣ Русскій военный энциклопедическій лексиконъ, 1-е изд. 1837 — 52 гг. подъ редакціей генераль-лейтенанта барона Зедделера и 2-е изд. 1854 — 58 гг. — генераль-лейтенанта Богдановича.

Такимъ образомъ, изъ древнихъ источниковъ къ Александру В. относятся 4, къ Аннибалу 5 и къ Цезарю 6, а изъ новыхъ и новѣйшихъ историческихъ пособій — къ Александру В. 11, къ Аннибалу 25 и къ Цезарю 38. Главными и лучшими между ними суть: изъ древнихъ источниковъ—Арріанъ, Полибій, Титъ-Ливій, Цезарь и Плутархъ, и послѣ нихъ Діодоръ, Квинтъ Курцій, Аппіанъ, Флоръ, Діонъ Кассій и Суэтоній, — а изъ новыхъ и новѣйшихъ — Montesquieu, Guischard, Turpin de Crissé, S-te Croix, Rösch, Bernewitz, Meissner, Vaudoncourt, De Luc, Zander, Larauza, Napoléon I, Lossau, Droysen, Rüstow, Göler, Napoléon III и затѣмъ лучшія общепсторическія пособія, означенныя выше.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

І. Александръ Великій.

	СТРАН.
ГЛАВА I. Македоняне	3
I. Военныя: устройство, учрежденія и искусство у македонянъ при Филиппѣ и Александрѣ В.	—
§ 1. Военныя: устройство, учрежденія и искусство у грековъ, отъ нашествія персовъ на Грецію до временъ Филиппа македонскаго	—
§ 2. Военныя: устройство, учрежденія и искусство у македонянъ при Филиппѣ и Александрѣ В.	4
§ 3. Различные роды войскъ и вооруженіе ихъ	5
§ 4. Составъ, сила, раздѣленіе, строй и образъ дѣйствій войскъ.—Македонская фаланга и македонская тактика	6
§ 5. Внутреннее устройство македонскаго войска, кастраметація, фортификація, поліорцетика и состояніе военнаго искусства вообще у македонянъ при Филиппѣ и Александрѣ В.	8
ГЛАВА II. Походы Александра Великаго (336—323 г.).	10
§ 6. Первые годы жизни Александра В. (356—336).	—
§ 7. Первые походы Александра В. противъ трибалловъ и иллирійянъ (335)	11
§ 8. Походъ противъ Фивъ (335)	13
§ 9. Война съ персами (334—327).—Причины и цѣль ея.—Относительное положеніе, силы и первоначальныя предположенія дѣйствій обѣихъ противныхъ сторонъ	—
I. Завоеваніе восточныхъ береговъ Средиземнаго моря	17
§ 10. 1-й походъ въ Малой Азіи (334).—Сраженіе при р. Граникѣ	—
§ 11. 2-й походъ въ Малой Азіи.—Сраженіе при Иссъ	20
§ 12. 3-й походъ въ Сиріи и Египтѣ (333—332)	24
ГЛАВА III. Походы Александра Великаго (336—323) (продолженіе)	26
II. Завоеваніе внутреннихъ областей персидскаго государства	—
§ 13. 4-й походъ въ Мессопотаміи, Ассиріи, Вавилоніи, Сузіанѣ и Персіи (331).—Сраженіе при Арбелѣ.—Бой при вратахъ персидскихъ	—
III. Завоеваніе сѣверо-восточныхъ областей персидскаго государства.	31
§ 14. 5-й походъ въ Мидіи, Парѣи, Гирканіи, Аріанѣ, Бактріанѣ и Согдіанѣ (330)	—
§ 15. 6-й походъ въ Согдіанѣ (329)	34
§ 16. 7-й и 8-й походы въ Согдіанѣ и Бактріанѣ (328—327)	36

	СТРАН.
ГЛАВА IV. Походы Александра Великого (336—323) (окончание)	38
§ 17. 9-й походъ въ Индію (327—326).—Сраженіе при р. Гидаспѣ	—
§ 18. 10-й и послѣдній, обратный походъ изъ Индіи въ Персію (326—25)	44
§ 19. Общий выводъ объ Александрѣ Великомъ, какъ полководцѣ, и объ образѣ и искусствѣ веденія имъ войны	46

Приложенія:

I. Александръ Великій, царь македонскій (къ характеристикѣ его)	50
II. Объясненіе двухъ древнихъ камеевъ, изображающихъ Александра Великаго	53

III. АННИБАЛЬ.

ГЛАВА I. Карфагеняне	57
I. Военное устройство и военное искусство	—
§ 1. До конца 1-й пунической войны (241 г.)	—
§ 2. Послѣ 1-й пунической войны	59
ГЛАВА II. Римляне	61
§ 3. Военное устройство и военные учрежденія	—
§ 4. Различные роды войскъ, вооруженіе и число ихъ	65
§ 5. Строй и образъ движеній и дѣйствій войскъ	67
§ 6. Римскій легіонъ и римская тактика, преимущества и недостатки ихъ и сравненіе ихъ съ греческою фалангой и греческою так- тикой	70
§ 7. Внутреннее устройство и духъ войскъ и армій	72
§ 8. Кастраметация, фортификація и поліорцетика	80
§ 9. Образъ и искусство веденія войны.—Состояніе военнаго устрой- ства и военнаго искусства вообще	84
§ 10. Морскія военные силы и искусство	88
ГЛАВА III. Вторая пуническая война (218—202)	90
§ 11. Географическій обзоръ древней Италіи и народовъ, обитавшихъ въ ней	—
I. Событія, предшествовавшія войнѣ и произведшія ее	93
§ 12. Взаимныя отношенія Рима и Карфагена;—война наемниковъ	—
§ 13. Планъ Амилькара;—завоеваніе Испаніи карфагенянами (236— 221)	95
§ 14. Аннибалъ до 221 года	96
§ 15. Аннибалъ съ 221-го года;—планъ его	97
§ 16. Дѣйствія Аннибала въ Испаніи;—осада, взятіе и разрушеніе имъ Сагунта (221—219)	99
§ 17. Объявленіе войны и приготовленія къ ней съ обѣихъ сторонъ	101
ГЛАВА IV. Вторая пуническая война (218—202) (продолженіе)	103
II. Первая половина войны до сраженія при Каннахъ включительно (218—216)	—
§ 18. 1-й походъ 218-го года. Походъ Аннибала отъ Новаго Кар- фагена до р. Родана	—
§ 19. Мѣры римлянъ	104
§ 20. Возстаніе цизальпнскихъ галловъ;—переходъ Аннибала черезъ р. Роданъ;—конный бой на р. Роданѣ	105
§ 21. Походъ Аннибала отъ р. Родана до Альповъ;—отплытіе Корнелія Сципіона въ Италію, а Кнеія Сципіона въ Испанію	106
§ 22. Переходъ Аннибала черезъ Альпы	108
§ 23. Дѣйствія Аннибала и Корнелія Сципіона въ цизальпннской Гал- ліи;—бой при р. Тицинѣ;—отступленіе Сципіона за р. Требію	112
§ 24. Присоединеніе Семпронія къ Корнелію Сципіону;—сраженіе при р. Требіи	114

§ 25. Зимнія дѣйствія Аннибала и Корнелія Сципіона въ цизальпинской Галліи	116
§ 26. Дѣйствія Кнеія Сципіона въ Испаніи	117
ГЛАВА V. Вторая пуническая война (218—202) (продолженіе).	118
II. Первая половина войны до сраженія при Каннахъ включительно (218—216) (окончаніе).	—
§ 27. 2-й походъ 217-го года.—Приготовленія римлянъ и Аннибала.	—
§ 28. Переходъ Аннибала черезъ болота р. Арна	119
§ 29. Сраженіе при Тразименскомъ озерѣ	121
§ 30. Фабій—диктаторъ;—движеніе Аннибала въ Апулію и Кампанію;—дѣйствія его и Фабія;—дѣло при тѣснинахъ горы Галликанской и при Геруніѣ	122
§ 31. Дѣйствія на морѣ, въ Африкѣ и Испаніи	127
§ 32. 3-й походъ 216-го года.—Приготовленія римлянъ и Аннибала	—
§ 33. Взятіе Аннибаломъ замка Каннъ;—сраженіе при Каннахъ	126
§ 34. Мѣры римлянъ и Аннибала;—возстаніе въ Италіи	133
§ 35. Дѣйствія Аннибала и римлянъ въ Кампаніи;—1-й бой при Нолѣ;—Аннибалъ зимою въ Капуѣ	134
§ 36. Дѣйствія въ Испаніи.—Положеніе обѣихъ сторонъ въ концѣ 216-го года	138
ГЛАВА VI. Вторая пуническая война (218—202) (продолженіе)	140
III. Вторая половина войны (215—203).	—
§ 37. Переворотъ войны въ пользу Рима;—образъ веденія оной	—
§ 38. 4-й походъ 215-го года.—Пораженіе Постумія;—распредѣленіе римскихъ армій и планъ дѣйствій римлянъ;—успѣхи римлянъ и неудачи Аннибала и кареагенянъ;—2-й бой при Нолѣ	141
§ 39. 5-й походъ 214-го года.—Распредѣленіе римскихъ армій;—дѣйствія въ Кампаніи;—сраженіе при Беневентѣ;—3-й бой при Нолѣ;—взятіе Казиллы римлянами;—союзъ Спракузъ съ Кареагеномъ	144
§ 40. 6-й походъ 213-го года.—Распредѣленіе римскихъ армій;—бездѣйствіе въ Италіи и Испаніи;—осада Спракузъ Марцелломъ	148
§ 41. 7-й походъ 212-го года.—Распредѣленіе римскихъ армій;—взятіе Тарента Аннибаломъ;—2-е сраженіе при Беневентѣ;—1-е сраженіе при Гердонеѣ;—обложеніе Капуи и взятіе Спракузъ римлянами;—неудачи римлянъ въ Испаніи	150
§ 42. 8-й походъ 211-го года.—Распредѣленіе римскихъ армій;—сраженіе при Капуѣ;—движеніе Аннибала къ Риму;—взятіе Капуи римлянами;—дѣйствія въ Испаніи и Сициліи	157
§ 43. 9-й походъ 210-го года.—Распредѣленіе римскихъ армій;—измѣненіе образа дѣйствій Аннибала;—2-е сраженіе при Гердонеѣ;—сраженіе при Нумистрѣ;—взятіе Нового Кареагена Сципіономъ	160
§ 44. 10-й походъ 209-го года.—Распредѣленіе римскихъ армій;—сраженія при Аскулѣ;—взятіе Тарента римлянами;—дѣйствія въ Испаніи	163
ГЛАВА VII. Вторая пуническая война (218—202) (окончаніе)	166
III. Вторая половина войны (215—202) (окончаніе).	—
§ 45. 11-й походъ 208-го года.—Бездѣйствіе въ Италіи;—движеніе Аздрубала къ Альпамъ	—
§ 46. 12-й походъ 207-го года.—Движеніе Аздрубала въ Италію;—сраженіе при Грументѣ;—движеніе Клавдія Нерона изъ Апуліи въ Умбрію;—сраженіе при р. Метаврѣ	169
§ 47. 13-й походъ 206-го года.—Бездѣйствіе въ Италіи;—сраженіе при Иллигѣ въ Испаніи	176

§ 48. 14-й походъ 205-го года.—Сципіонъ — консулъ; — планъ его;—дѣйствія Магона въ Лигуріи	179
§ 49. 15-й походъ 204-го года.—Переправа Сципіона въ Африку;—дѣйствія и побѣды его въ ней; — двукратный бой при Кротонѣ въ Бруттіѣ	181
§ 50. 16-й и послѣдній въ Италіи походъ 203-го года.—Дѣйствія и побѣды Сципіона въ Африкѣ;—пораженіе Магона;—удаленіе Аннибала изъ Италіи	183
§ 51. 17-й и послѣдній въ войнѣ походъ 202-го года въ Африкѣ.—Сраженіе при Замѣ; — заключеніе мира	185
ГЛАВА VIII. Заключеніе.	188
§ 52. Общій взглядъ на 2-ю пуническую войну и на дѣйствія въ ней карфагенянъ и римлянъ	—
§ 53. Общій взглядъ на дѣйствія Аннибала во 2-й пунической войнѣ	193
§ 54. Общій выводъ объ Аннибалѣ, какъ полководцѣ, и объ образѣ и искусствѣ веденія имъ войны	194

III. Юлій Цезарь.

ГЛАВА I. Римляне во времена междуусобій (133—30)	203
§ 1. Военное устройство и военныя учрежденія вообще	—
§ 2. Различные роды войскъ, вооруженіе и число ихъ	204
§ 3. Строй и образъ дѣйствій войскъ	205
§ 4. Внутреннее устройство и духъ войскъ	207
§ 5. Кастраметация, фортификація, поліорцетика и баллистика	208
§ 6. Состояніе военнаго искусства вообще	210
§ 7. Морскія военныя: силы и искусство	211
ГЛАВА II. Германцы, галлы, гельветы, британцы и парояне	213
§ 8. Германцы	—
§ 9. Галлы	214
§ 10. Гельветы	214
§ 11. Британцы	217
§ 12. Парояне	—
ГЛАВА III. Войны и походы Юлія Цезаря (58—45)	119
I. Юлій Цезарь отъ рожденія до войны въ Галліи (100—59)	—
§ 13. Цезарь отъ рожденія до 18 лѣтъ (100—82)	—
§ 14. Цезарь въ гопеніи и въ Малой Азіи (81—71)	221
§ 15. Цезарь въ общественныхъ званіяхъ (74—60)	222
§ 16. Цезарь—консулъ (59)	224
II. Война въ Галліи (58—51)	—
§ 17. 1-й годъ войны въ Галліи (58).—1-й походъ противъ гельветовъ;—бой при рѣкѣ Арарѣ;—сраженіе при Бибрактѣ	—
§ 18. 2-й походъ противъ Аріовиста (58);—движеніе Аріовиста и Цезаря къ Везонцію;—сраженіе близъ Рейна	229
§ 19. 2-й годъ войны въ Галліи (57).—3-й походъ противъ бельговъ;—бой при рѣкѣ Аксонѣ	234
§ 20. Сраженіе при рѣкѣ Сабисѣ;—осада и взятіе крѣпости адуатковъ;—повореніе приморскихъ галловъ	237
ГЛАВА IV. Войны и походы Юлія Цезаря (58—45) (продолженіе)	240
II. Война въ Галліи (58—51) (продолженіе)	—
§ 21. 3-й годъ войны въ Галліи (56). — Дѣйствія легата Гальбы въ верхнихъ Альпахъ;—4-й походъ Цезаря противъ венетовъ	—
§ 22. Дѣйствія легатовъ Сабина и Красса; — 5-й походъ Цезаря противъ мориновъ и менапиевъ	242
§ 23. 4-й годъ войны въ Галліи (55). — 6-й походъ Цезаря противъ	

	узицетовъ и теихтеровъ; — 7-й походъ за Рейномъ противъ германцовъ (1-й)	244
§ 24.	8-й походъ Цезаря въ Британіи (1-й); — 9-й походъ противъ мориновъ.	246
ГЛАВА V.	Войны и походы Юлія Цезаря (58—45) (продолженіе).	250
II.	Война въ Галліи (58—51) (продолженіе)	—
§ 25.	5-й годъ войны Галліи (54). — Дѣйствія Цезаря въ Иллиріи и 10-й походъ его въ земляхъ тревировъ; — 12-й походъ въ Британіи (2-й)	—
§ 26.	12-й походъ Цезаря противъ Амбіорикса (54)	253
§ 27.	6-й годъ войны въ Галліи (53). — 13-й походъ Цезаря противъ тревировъ, сенноновъ, карнутовъ и менашевъ; — пораженіе Лабіеномъ тревировъ	256
§ 28.	14-й походъ Цезаря противъ германцовъ (2-й); — дѣйствія противъ Амбіорикса; — осада лагеря Цицерона сикамбрами (53)	—
ГЛАВА VI.	Войны и походы Юлія Цезаря (58—45) (продолженіе)	258
II.	Война въ Галліи (58—51) (окончаніе)	—
§ 29.	7-й годъ войны въ Галліи; — движеніе Цезаря изъ южной Галліи въ среднюю; — дѣйствія его и Верцингеторикса	—
§ 30.	Осада и взятіе Аварика и дѣйствія во время и послѣ оной	260
§ 31.	Движеніе Цезаря и Верцингеторикса вдоль р. Элавера къ Герговіи; — осада Герговіи и дѣйствія во время оной	261
§ 32.	Возстаніе эдуитовъ и всѣхъ галловъ; — дѣйствія Цезаря, Лабіена и легата Л. Цезаря; — мѣры Верцингеторикса и движеніе его на встрѣчу Цезарю, а Цезаря, послѣ боя, за нимъ къ Алезіи	262
§ 33.	Осада Алезіи; — сраженіе при ней, взятіе ея и конецъ похода; — замѣчанія	265
§ 34.	8-й, послѣдній годъ войны въ Галліи (51). — Новое возстаніе галловъ; — дѣйствія Цезаря противъ битуриговъ, карнутовъ и белловаковъ	269
§ 35.	Движеніе Цезаря въ земли Амбіорикса и разореніе ихъ; — дѣйствія легатовъ Фабія и Канинія; — осада Дивоны или Кадурки; — дѣйствія Цезаря въ Аквитаніи (51).	271
ГЛАВА VII.	Общій взглядъ на войну Цезаря въ Галліи и на образъ и искусство веденія имъ оной	174
§ 36.	Война Цезаря въ Галліи — въ военно-политическомъ отношеніи	—
§ 37.	Война Цезаря въ Галліи — въ стратегическомъ отношеніи	276
§ 38.	Образъ и искусство веденія Цезаремъ войны въ Галліи. — 1) Приготовительныя мѣры и соображенія передъ походомъ	280
§ 39.	2) Исполненіе соображеній; — открытіе походовъ и дальнѣйшія дѣйствія	282
§ 40.	3) Рѣшеніе и заключеніе походовъ; — дѣйствія послѣ удачъ и неудачъ	283
§ 41.	Тактическія: дѣйствія Цезаря и устройство его войскъ въ Галліи	285
§ 42.	Походныя движенія войскъ Цезаря въ Галліи	286
§ 43.	Образъ дѣйствій войскъ Цезаря въ бою — въ Галліи	290
§ 44.	Полевая фортификація; — полевые лагеря и укрѣпленія	292
§ 45.	Поліорцетика	295
§ 46.	Заключеніе: Цезарь, армія и противники его, характеръ и результаты войны въ Галліи	297
ГЛАВА VIII.	3-я римская междуусобная война Цезаря съ Помпеемъ и его партіей (49—45)	299
§ 47.	Причины войны; — политическое и стратегическое положеніе обѣихъ противныхъ сторонъ, Цезаря и Помпея	—
I.	Междуусобная война (49—48).	302

§ 48. Дѣйствія въ Италіи.—Переходъ Цезаря черезъ Рубиконъ и движеніе его къ Арминію и Брундузію	—
§ 49. Обложеніе Помпея Цезаремъ въ Брундузіѣ;—удаленіе Помпея въ Диррахію въ Греціи	304
§ 50. Планъ дѣйствій Помпея и Цезаря	—
§ 51. Мѣры Цезаря въ Италіи	306
§ 52. Движеніе Цезаря къ рѣкѣ Родану;—блокада Массиліи;—движеніе Цезаря въ Испанію	—
§ 53. Дѣйствія въ Испаніи.—Дѣйствія легатовъ Фабія и Афранія при Илердѣ на р. Сикоррисѣ	307
§ 54. Дѣйствія Цезаря противъ Афранія и Петреія при Илердѣ на рѣкѣ Сикоррисѣ	308
§ 55. Движеніе Афранія и Петреія и за ними Цезаря отъ Илерды къ Иберу	310
§ 56. Движеніе Афранія и Петреія и за ними Цезаря обратно къ Илердѣ	312
§ 57. Движеніе Цезаря въ южную Испанію противъ Варрона	313
§ 58. Результаты дѣйствій Цезаря въ Италіи и Испаніи и замѣчанія	314
§ 59. Осада Массиліи; — пораженіе Куріона въ Африкѣ	315
ГЛАВА IX. 3-я римская междуусобная война Цезаря съ Помпеемъ и его партией (49—45) (продолженіе)	318
I. Междуусобная война (49—48) (продолженіе)	—
§ 60. Цезарь—диктаторъ—въ Римѣ;—силы и планы его и Помпея	—
§ 61. Дѣйствія на морѣ и въ Греціи.—Переправа Цезаря изъ Брундузіи въ Эпиръ;—дѣйствія на морѣ и въ Эпирѣ, Этоліи, Фессаліи и Македоніи	320
§ 62. Движеніе Помпея и Цезаря къ Аспарагію и Диррахію;—дѣйствія и сраженія при Диррахіи	323
§ 63. Движеніе Цезаря и за нимъ Помпея въ Фессалію	326
§ 64. Сраженіе при Фарсалѣ (29 июня 48 г.)	328
§ 65. Бѣгство, преслѣдованіе и смерть Помпея	331
§ 66. Общій обзоръ и замѣчанія	332
ГЛАВА X. 3-я римская междуусобная война Цезаря съ Помпеемъ и потомъ съ его партией (49—45) (продолженіе)	335
II. Александрійская война (48—47)	—
§ 67. Причины и цѣли войны; — обложеніе Цезаря египтянами въ Александріи;—дѣйствія на сухомъ пути и морѣ	—
§ 68. Прибытіе къ Цезарю 37-го легіона;—дѣйствія и побѣды Цезаря на морѣ при Александріи	247
§ 69. Прибытіе Митридата пергамскаго съ войсками въ Египетъ;—сраженіе при рѣкѣ Нилѣ;—сдача Александріи Цезарю и конецъ войны	338
§ 70. Замѣчанія	339
§ 71. Походъ Цезаря противъ Фарнака.—Дѣйствія Фарнака и Домиція въ Малой Азіи;—сраженіе при Никополѣ	440
§ 72. Движеніе Цезаря изъ Египта черезъ Сирію въ Малую Азію	441
§ 73. Сраженіе при Зелѣ	—
§ 74. Дѣйствія въ Иллиріи, Греціи и на морѣ	342
§ 75. Цезарь въ Римѣ	343
§ 76. Замѣчанія	—
ГЛАВА XI. 3-я римская междуусобная война Цезаря съ Помпеемъ и потомъ съ его партией (49—45) (продолженіе)	343
III. Африканская война (47—46)	—
§ 77. Раздѣленіе Африки; — силы, расположеніе ихъ и планъ дѣйствій Сципіона въ ней	—
§ 78. Мѣры Цезаря;—переправа его въ Сицилію и Африку и оборонительныя дѣйствія его при Руссинахъ	347

	СТРАН.
§ 79. Наступательныя дѣйствія Цезаря при Русиннѣхъ и Уцитѣхъ	350
§ 80. Движеніе Цезаря и Сципіона къ Тапсу и дѣйствія ихъ	353
§ 81. Обложеніе и осада Цезаремъ Тапса;—сраженіе при Тапсѣ и ко- нецъ войны	356
§ 82. Замѣчанія	358
ГЛАВА XII. 3-я римская междуусобная война Цезаря съ Помпеемъ и потомъ съ его партіей (49—45) (окончаеніе)	362
§ 83. Цезарь въ Римѣ	—
IV. Испанская война (46—45)	—
§ 84. Раздѣленіе Испаніи и положеніе дѣлъ въ ней въ 48, 47 и 46 годахъ	—
§ 85. Переправа Цезаря изъ Италіи въ южную Испанію и военныя дѣйствія въ ней	363
§ 86. Сраженіе при Мундѣ	365
§ 87. Окончательныя военныя дѣйствія Цезаря въ Испаніи	366
§ 88. Замѣчанія	—
ГЛАВА XIII. Образъ и искусство веденія Цезаремъ междуусобной войны	368
§ 89. Въ военно-политическомъ отношеніи	—
§ 90. Въ стратегическомъ отношеніи	369
§ 91. Въ тактическомъ отношеніи	372
§ 92. Въ фортификаціонномъ и поліорцетическомъ отношеніи	375
§ 93. Заключеніе	376
ГЛАВА XIV. Конецъ жизни Цезаря и общій выводъ о немъ, какъ полководцѣ	379
§ 94. Цезарь—пожизненный диктаторъ—въ Римѣ	—
§ 95. Смерть Цезаря	380
§ 96. Общій выводъ о Цезарѣ, какъ полководцѣ	382

1980-1981
1982-1983
1984-1985
1986-1987
1988-1989
1990-1991
1992-1993
1994-1995
1996-1997
1998-1999
2000-2001
2002-2003
2004-2005
2006-2007
2008-2009
2010-2011
2012-2013
2014-2015
2016-2017
2018-2019
2020-2021
2022-2023
2024-2025
2026-2027
2028-2029
2030-2031
2032-2033
2034-2035
2036-2037
2038-2039
2040-2041
2042-2043
2044-2045
2046-2047
2048-2049
2050-2051
2052-2053
2054-2055
2056-2057
2058-2059
2060-2061
2062-2063
2064-2065
2066-2067
2068-2069
2070-2071
2072-2073
2074-2075
2076-2077
2078-2079
2080-2081
2082-2083
2084-2085
2086-2087
2088-2089
2090-2091
2092-2093
2094-2095
2096-2097
2098-2099
2100-2101
2102-2103
2104-2105
2106-2107
2108-2109
2110-2111
2112-2113
2114-2115
2116-2117
2118-2119
2120-2121
2122-2123
2124-2125
2126-2127
2128-2129
2130-2131
2132-2133
2134-2135
2136-2137
2138-2139
2140-2141
2142-2143
2144-2145
2146-2147
2148-2149
2150-2151
2152-2153
2154-2155
2156-2157
2158-2159
2160-2161
2162-2163
2164-2165
2166-2167
2168-2169
2170-2171
2172-2173
2174-2175
2176-2177
2178-2179
2180-2181
2182-2183
2184-2185
2186-2187
2188-2189
2190-2191
2192-2193
2194-2195
2196-2197
2198-2199
2200-2201
2202-2203
2204-2205
2206-2207
2208-2209
2210-2211
2212-2213
2214-2215
2216-2217
2218-2219
2220-2221
2222-2223
2224-2225
2226-2227
2228-2229
2230-2231
2232-2233
2234-2235
2236-2237
2238-2239
2240-2241
2242-2243
2244-2245
2246-2247
2248-2249
2250-2251
2252-2253
2254-2255
2256-2257
2258-2259
2260-2261
2262-2263
2264-2265
2266-2267
2268-2269
2270-2271
2272-2273
2274-2275
2276-2277
2278-2279
2280-2281
2282-2283
2284-2285
2286-2287
2288-2289
2290-2291
2292-2293
2294-2295
2296-2297
2298-2299
2300-2301
2302-2303
2304-2305
2306-2307
2308-2309
2310-2311
2312-2313
2314-2315
2316-2317
2318-2319
2320-2321
2322-2323
2324-2325
2326-2327
2328-2329
2330-2331
2332-2333
2334-2335
2336-2337
2338-2339
2340-2341
2342-2343
2344-2345
2346-2347
2348-2349
2350-2351
2352-2353
2354-2355
2356-2357
2358-2359
2360-2361
2362-2363
2364-2365
2366-2367
2368-2369
2370-2371
2372-2373
2374-2375
2376-2377
2378-2379
2380-2381
2382-2383
2384-2385
2386-2387
2388-2389
2390-2391
2392-2393
2394-2395
2396-2397
2398-2399
2400-2401
2402-2403
2404-2405
2406-2407
2408-2409
2410-2411
2412-2413
2414-2415
2416-2417
2418-2419
2420-2421
2422-2423
2424-2425
2426-2427
2428-2429
2430-2431
2432-2433
2434-2435
2436-2437
2438-2439
2440-2441
2442-2443
2444-2445
2446-2447
2448-2449
2450-2451
2452-2453
2454-2455
2456-2457
2458-2459
2460-2461
2462-2463
2464-2465
2466-2467
2468-2469
2470-2471
2472-2473
2474-2475
2476-2477
2478-2479
2480-2481
2482-2483
2484-2485
2486-2487
2488-2489
2490-2491
2492-2493
2494-2495
2496-2497
2498-2499
2500-2501
2502-2503
2504-2505
2506-2507
2508-2509
2510-2511
2512-2513
2514-2515
2516-2517
2518-2519
2520-2521
2522-2523
2524-2525
2526-2527
2528-2529
2530-2531
2532-2533
2534-2535
2536-2537
2538-2539
2540-2541
2542-2543
2544-2545
2546-2547
2548-2549
2550-2551
2552-2553
2554-2555
2556-2557
2558-2559
2560-2561
2562-2563
2564-2565
2566-2567
2568-2569
2570-2571
2572-2573
2574-2575
2576-2577
2578-2579
2580-2581
2582-2583
2584-2585
2586-2587
2588-2589
2590-2591
2592-2593
2594-2595
2596-2597
2598-2599
2600-2601
2602-2603
2604-2605
2606-2607
2608-2609
2610-2611
2612-2613
2614-2615
2616-2617
2618-2619
2620-2621
2622-2623
2624-2625
2626-2627
2628-2629
2630-2631
2632-2633
2634-2635
2636-2637
2638-2639
2640-2641
2642-2643
2644-2645
2646-2647
2648-2649
2650-2651
2652-2653
2654-2655
2656-2657
2658-2659
2660-2661
2662-2663
2664-2665
2666-2667
2668-2669
2670-2671
2672-2673
2674-2675
2676-2677
2678-2679
2680-2681
2682-2683
2684-2685
2686-2687
2688-2689
2690-2691
2692-2693
2694-2695
2696-2697
2698-2699
2700-2701
2702-2703
2704-2705
2706-2707
2708-2709
2710-2711
2712-2713
2714-2715
2716-2717
2718-2719
2720-2721
2722-2723
27

THE UNIVERSITY OF CHICAGO PRESS

... .. 100
... .. 100

[illegible]

КАРТЫ, ПЛАНЫ СРАЖЕНІЙ, ЧЕРТЕЖИ И СНИМКИ СЪ КАМЕЕВЪ,

ПРИЛОЖЕННЫЕ КЪ I-й ЧАСТИ «ВЕЛИКИХЪ ПОЛКОВОДЦЕВЪ ИСТОРИИ».

1. Снимки съ двухъ древнихъ камеевъ, изображающихъ Александра Великаго.
2. Строй, построения и движенія македонской фаланги.
3. » » » » конницы.
4. Планъ сраженія при р. Граникѣ.
5. » » » Иссѣ.
6. » » » Арбелѣ.
7. » » » р. Гидаспѣ.
8. Карта древней Азіи.
9. » » Греція.
10. » » Италія.
11. Чертежъ оружія и военныхъ машинъ, бывшихъ въ употребленіи у римлянъ.
12. Чертежъ строя легіона въ разныя времена и римской арміи въ боевомъ порядкѣ.
13. » » » въ походномъ порядкѣ.
14. » лагеря римской консульской арміи.
15. Карта древней Европы.
16. Карта перехода Аннибала черезъ Альпы.
17. Планъ коннаго боя при р. Тицинѣ.
18. » сраженія при р. Требіи.
19. » » » Тразименскомъ озерѣ.
20. » » » Каннахъ.
21. » » » р. Метаврѣ.
22. » » » Замѣ.

Примѣчаніе. На картѣ перехода Аннибала черезъ Альпы, по ошибкѣ, означенъ путь этого перехода черезъ Малый Сенъ-Бернардъ, вмѣсто пути черезъ Монъ-Сенисъ, означеннаго въ текстѣ. Но этотъ послѣдній легко можетъ быть означенъ на картѣ краской, по указанію текста.

23. Карта театра войнъ Юлія Цезаря въ Галліи и Испаніи въ 58—51 и 49 г.г. передъ Р. Х.
24. Планъ дѣйствій Цезаря противъ гельветовъ на р. Роданѣ (Ронѣ) въ 58 г.
25. Планъ сраженія съ гельветами на р. Араръ (Саонѣ) въ 58 г.
26. » » » » при Бибракѣ (Autun) въ 58 г. (1-я позиція).
27. » » » » » » » » (2-я позиція).
28. » » » Аріовистомъ въ 58 г.
29. » » » при р. Аксонѣ (Aisne) въ 57 г.

30. Планъ сраженія при р. Сабисѣ (Sambre) въ 57 г.
 31. » боя Сабина съ Амбіориксомъ въ 54 г.
 32. » обложенія лагеря Цицерона Амбіориксомъ въ 54 г.
 33. » осады Герговинъ въ 52 г.
 34. » » Алезинъ въ 52 г.
 35. » обложенія Брундузія въ 49 г.
 36. » дѣйствій при Илердѣ на р. Сикоррисѣ въ Испаніи въ 49 г. (1-й).
 37. » » » » » » » » » (2-й).
 38. » » » » » » » » » (3-й).
 39. » » при Диррахіѣ въ 49—48 гг.
 40. » сраженія при Фарсалѣ въ 48 г.
 41. » дѣйствій при Александріи въ 48—47 гг.
 42. » сраженія при Зелѣ въ 47 г.
 43. » дѣйствій при Руспинѣ и Уцитѣ въ 47—46 гг.
 44. » сраженія при Тапсѣ въ 46 г.
 45. » » Мундѣ въ 45 г.
-

I.

АЛЕКСАНДРЪ ВЕЛИКІЙ.

I.

II.

АЛЕКСАНДРЪ ВЕЛИКІЙ

ЦАРЬ МАКЕДОНСКІЙ

снимки съ древнихъ камеевъ

ГЛАВА I. МАКЕДОНЫЕ.

ВОЕННЫЯ: УСТРОЙСТВО, УЧРЕЖДЕНІЯ И ИСКУСТВО У НИХЪ ПРИ ФИЛИППЪ И АЛЕКСАНДРЪ В.

§ 1. Военныя: устройство, учрежденія и искусство у грековъ, отъ нашествія персовъ на Грецію до Филиппа Македонскаго. — § 2. Военныя: устройство, учрежденія и искусство у македонянъ при Филиппѣ и Александрѣ В. — § 3. Различныя роды войскъ и вооруженіе ихъ. — § 4. Составъ, сила, раздѣленіе, строй и образъ дѣйствій войскъ. — Македонская фаланга и македонская тактика. — § 5. Внутреннее устройство и духъ македонскаго войска, кастраметация, фортификація, полурцетика и состояніе военнаго искусства вообще у македонянъ при Филиппѣ и Александрѣ В.

Источники: Геродотъ, Фукидидъ, Густинъ, Арріанъ, Діодоръ Сидціійскій и новѣйшія историческія пособія, указанныя выше.

§ 1.

Военныя: устройство, учрежденія и искусство у грековъ, отъ нашествія персовъ на Грецію до Филиппа Македонскаго.

Нашествіе персовъ на Грецію, побудивъ грековъ къ развитію всѣхъ своихъ силъ и дѣятельности, для сохраненія своей независимости, сдѣлалось первою и главною причиною быстрого усовершенствованія греческаго военнаго искусства. Обязанные успѣхами своими надъ персами преимущественно правильному устройству и дѣйствіямъ войскъ своихъ, греки приложили особенное попеченіе о дальнѣйшемъ развитіи и усовершенствованіи ихъ. Слѣдствіемъ этого было то, что всѣ отрасли военнаго искусства, и въ особенности тактика, постепенно достигли въ Греціи высокой степени развитія и совершенства, и военное искусство впервые возведено было греками на степень науки. Тщательно изслѣдуя, изучая и совершенствуя его, греки начертали правила онаго, изъ которыхъ съ ходомъ времени постепенно образовалась первая теорія или наука военнаго искусства.

Изъ числа всѣхъ народовъ Греціи, слава наибольшаго участія въ усовершенствованіи греческаго военнаго искусства принадлежитъ аѳинянамъ, спартацямъ и подъ конецъ елліянамъ. Они первенствовали въ немъ надъ всѣми народами Греціи и имѣли на нихъ рѣшительное въ этомъ отношеніи вліяніе.

Собственно искусство веденія войны у грековъ въ этомъ періодѣ слѣдоваго тому же постепенному ходу, который усматривается и въ прочихъ отрасляхъ военнаго искусства. Еще весьма мало развитое до войны пелопоннесской, оно значительно развилось въ ней и еще болѣе послѣ нея. Частое веденіе греками, въ пространствѣ времени отъ окончанія ея до Филиппа македонскаго, войнъ въ предѣлахъ Греціи и въ особенности высокія военныя дарованія и искусство трехъ знаменитѣйшихъ греческихъ полководцевъ этого времени — Ксенофонта, Агезилая и Эпаминонда, были причинами, что искусство

веденія войны у грековъ, сравнительно съ прежнимъ, получило гораздо большіе объемы и размѣры, значеніе и важность.

За всѣмъ тѣмъ, говоря вообще, войны, веденныя греками въ предѣлахъ самой Греціи, равно и искусство веденія ихъ, по необходимости должны были имѣть и дѣйствительно имѣли чрезвычайно малые и тѣсные объемы и размѣры, и характеръ малой войны и набѣговъ. Причины этого, какъ равно и самый характеръ внутреннихъ, междоусобныхъ греческихъ войнъ, вполне выразились въ пелопоннесской войнѣ.

Что касается военного устройства и во-

енныхъ учрежденій грековъ, то они слѣдовали иному ходу, нежели греческое военное искусство. Между тѣмъ какъ послѣднее постоянно и быстро развивалось, совершенствовалось и возвышалось, военное устройство и военныя учрежденія, вмѣстѣ съ постепеннымъ нравственнымъ упадкомъ народа и войска греческихъ, болѣе и болѣе измѣнялись въ духѣ и характерѣ и приходили въ упадокъ, хотя и сохраняли, болѣе или менѣе, прежнія, наружныя формы свои.

Но македоняне, заимствовавшіе военное искусство грековъ, превзошли въ немъ самихъ образцовъ и наставниковъ своихъ.

§ 2.

Военныя: устройство, учрежденія и искусство у македонянъ при Филиппѣ и Александрѣ В.

До временъ Филиппа, отца Александра В., военный бытъ македонянъ и военное дѣло у нихъ представляютъ тѣже черты, что и у грековъ во времена героическія. Правильнаго военного устройства не было, а военное дѣло находилось на низкой степени совершенства.

Но Филиппъ произвелъ въ томъ и другомъ отношеніяхъ такой переворотъ, которому исторія представляетъ немного примѣровъ. Въ продолженіи 8-ми лѣтъ (368—360) пребыванія своего заложникомъ въ Оивахъ, имѣя наставникомъ и образцомъ Эпаминонда (которому оивяне ввѣрили его воспитаніе), онъ получилъ отличное греческое образованіе и въ совершенствѣ изучилъ военныя учрежденія и военное искусство грековъ. Одаренный необыкновеннымъ умомъ, онъ вполне постигнулъ и всѣ преимущества, и всѣ недостатки ихъ, и уже питая обширные честолюбивые замыслы въ отношеніи къ Македоніи и Греціи, угадалъ, какія чрезвычайныя выгоды могло доставить ему учрежденіе постоянного, народнаго, македонскаго войска, правильно-устроеннаго по образцу греческихъ, но чуждаго ихъ недостатковъ и лично имъ предводимаго. И едва, по смерти старшаго брата своего, македонскаго царя Пердикки III, убитаго въ сраженіи съ иллиріянами (360), бѣжавъ изъ Оивъ въ Македонію, онъ обезпечилъ страну эту извнѣ, возстановилъ въ ней внутренніе порядокъ и тишину, и былъ провозглашенъ царемъ ея (359), какъ немедленно занялся приведеніемъ мысли своей въ исполненіе. Установивъ гражданское устройство и образъ правленія македонскаго царства такъ, что древнѣйшія, патріархальныя формы македонскаго общественнаго быта, оставшіе въ сущности неизмѣнными, слились въ нихъ съ позднѣйшими — плодомъ высокоразвитыхъ

гражданственности и образованности грековъ, Филиппъ далъ Македоніи и сообразное съ тѣмъ правильное военное устройство. Подробности оного, къ сожалѣнію, неизвѣстны, но въ сущности оно заключалось въ нижеслѣдующемъ:

Чтобы привязать къ себѣ и престолу высшее, благородное сословіе македонскаго народа, искони имѣвшее большія силу и вліяніе на общественныя дѣла, и дабы тѣмъ возвысить царскій санъ и усилить царскую власть, Филиппъ окружилъ себя македонскою знатію, въ видѣ пышнаго царскаго двора, а изъ благороднаго и знатнаго македонскаго юношества образовалъ отборныя дружины царскихъ тѣлохранителей, подъ названіемъ агемы *) этеровъ (братьевъ, сообщниковъ, сподвижниковъ царя, потому что они постоянно пользовались его сообществомъ). Всегда окружая царя, всюду сопровождая его и въ битвахъ сражаясь подъ личнымъ его предводительствомъ, этеры были, такъ сказать, заложниками въ вѣрности высшаго сословія царю и въ тоже время составляли разсадникъ македонскихъ военачальниковъ и полководцовъ. Изъ нихъ дѣйствительно вышли всѣ лучшіе полководцы и сподвижники Филиппа и Александра В. Сверхъ агемы этеровъ, Филиппъ учредилъ еще другую отборную дружину царскихъ тѣлохранителей, подъ названіемъ пессэтеровъ, составленную, какъ кажется, также изъ лицъ благо-

*) Агемою у македонянъ до Филиппа называлась дружина отборныхъ войскъ, служившихъ тѣлохранителями царямъ. Нѣкоторые полагаютъ, что она была первымъ опытомъ фаланги у македонянъ до Филиппа. Названіе агемы сохранилось и при Филиппѣ и Александрѣ В. и при всѣхъ почти царяхъ, преемникахъ Александровой монархіи, и означало всегда дружину царскихъ тѣлохранителей.

роднаго сословія; по крайней мѣрѣ пессэтеры пользовались равнымъ съ этерами правомъ царскаго сообщества.

Затѣмъ изъ отборнѣйшихъ македонянъ низшаго, по свободнаго сословія народнаго Филиппъ образовалъ постоянное, правильно-устроенное войско, въ составѣ котораго первое мѣсто занимала знаменитая македонская фаланга тяжелой пѣхоты.

Въ случаѣ войны, постоянное войско было усиляемо: во 1-хъ, смотря по надобности и по востребованію царя, земскими или народными ополченіями различныхъ областей Македоніи,—во 2-хъ, по мѣрѣ распространенія предѣловъ Македоніи и вліянія македонянъ — вспомогательными войсками македонскихъ данниковъ (ѳракіянъ, пэонянъ, трибалловъ, одризовъ, иллирійцевъ и ѳессаліянъ) и союзниковъ (грековъ),—и въ 3-хъ войсками наемными, какъ греческими, такъ и изъ числа нѣкоторыхъ ѳракійскихъ, иллирійскихъ и другихъ племенъ, оставшихся независимыми отъ македонянъ.

Такимъ образомъ во 1-хъ ядро и главную силу македонской арміи составляла отборнѣйшая, лучшая и надежнѣйшая часть природныхъ македонянъ—царскіе тѣлохранители и постоянная войска, и во 2-хъ вообще составомъ своимъ изъ племенъ мужественныхъ, воинственныхъ, чуждыхъ разврата и пороковъ грековъ, и вполне покорныхъ волѣ македонскаго царя-вождя, армія македонская имѣла значительное превосходство надъ арміями греческихъ республикъ,

составленными въ это время отчасти изъ воинственныхъ гражданъ, но большею частію изъ корыстолюбивыхъ, буйныхъ и своевольныхъ наемниковъ.

Изъ греческихъ и римскихъ историковъ можно, кажется, заключить, что Филиппомъ введена въ Македонію правильная система наборовъ и что съ этою цѣлю, равно и для удобства въ военномъ управленіи, Македонія была раздѣлена имъ на извѣстное число военныхъ округовъ.

Правильное военное устройство, которымъ македонское царство было обязано Филиппу, вполне развилось и утвердилось уже въ царствованіе этого государя, благодаря мудрымъ его мѣрамъ и постоянной, дѣятельной о немъ заботливости, и сохранилось въ неизмѣнности и при Александрѣ В. Вступивъ на престолъ Македоніи (336), Александръ В. нашелъ ее уже сильнымъ и превосходно-устроеннымъ въ военномъ отношеніи государствомъ и только увеличилъ числительную силу македонской арміи вообще и македонскихъ постоянныхъ войскъ въ особенности, и учредилъ нѣкоторыя новыя, отборныя дружины, важнѣйшими между которыми были иппасисты и аргираспиды (см. ниже). Составъ македонской арміи при немъ былъ тотъ же, что и при Филиппѣ, съ тою только разницею, что въ войнѣ съ персами, сверхъ означенныхъ выше войскъ, въ него входили также и войска азійскія, набираемые въ завоеванныхъ областяхъ персидскаго государства.

§ 3.

Различные роды войскъ и вооруженіе ихъ.

Македонская армія отличалась превосходнымъ, въ правильной соразмѣрности, составомъ изъ всѣхъ родовъ войскъ, различныхъ и по вооруженію, и по образу дѣйствій. Главными и лучшими были тяжелыя и среднія: пѣхота и конница;—легкія же пѣшія и конныя войска были второстепенными, вспомогательными.

Пѣхоту составляли: 1) тяжелую—пессэтеры, иппасисты и македонская фаланга; 2) среднюю—аргираспиды и пелтасты, и наконецъ 3) легкую—ѳракійскіе, агріянскіе, пэонійскіе и иллирійскіе стрѣлки и пращники.

Пессэтеры (пѣшіе братья, сообщники или сподвижники царя) при Филиппѣ, числомъ 3,000 челов., были выставлены 6-ю назначенными для того округами Македоніи и раздѣлены на такое же число дружинъ или частей, каждая въ 500 челов.

Иппасисты при Александрѣ В. служили добровольно; 3,000 отборнѣйшихъ изъ нихъ составляли, подобно пессэтерамъ при Филиппѣ, пѣшую дружину царскихъ тѣлохраните-

лей, подъ названіемъ пѣшей агемы или пѣшихъ агематовъ, и имѣли своего особеннаго начальника, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ однимъ изъ высшихъ сановниковъ двора и войска. Прочіе иппасисты раздѣлялись на части, каждая силою въ 500 и позже въ 1,000 слишкомъ челов., подъ начальствомъ хилиарха. Иппасисты занимали при Александрѣ В. первое послѣ этеровъ мѣсто въ арміи.

Составъ, сила и устройство фаланги означены особо ниже (§ 4).

Аргираспиды или среброщитники, названные такъ по своимъ легкимъ, покрытымъ серебряными листами щитамъ, составляли при Александрѣ В. также дружину царскихъ тѣлохранителей, и по вооруженію своему принадлежали къ одному разряду съ македонскими пелтастами.

Въ легкой пѣхотѣ лучшими стрѣлками были агріянскіе, выставляемые агріянами, воинственнымъ и храбрымъ ѳракійскимъ племенемъ, обитавшимъ въ срединѣ Гемскаго (нынѣ Балканскаго) хребта.

Конницу составляли: 1) тяжелую—этеры, 2) среднюю—димахи, и наконец 3) легкую—македонские, вессалийские и въ особенности пэонійские и вэракійские легкие всадники.

Первое мѣсто между дружинами царскихъ тѣлохранителей и въ цѣломъ войскѣ занимали этеры—постоянные, доблестные, достойно-знаменитые сообщники и сподвижники Филиппа и въ особенности Александра В., который всегда и во всѣхъ своихъ битвахъ сражался въ головѣ ихъ или окруженный ими, и съ ними дѣлилъ всѣ военные труды и опасности. Этеры раздѣлялись на 8 пловъ (эскадроновъ) въ 200, а по нимъ въ 225 челов. каждый,—слѣдовательно всего этеровъ было 1,600 или 1,800 челов.—1-й плъ былъ сильнѣе прочихъ, считался почетнѣйшимъ и назывался царскимъ.

Димахи, учрежденные Александромъ В., были тѣмъ же въ конницѣ, что пелтасты въ пѣхотѣ, имѣли подобное имъ, среднее по роду и тяжести, вооруженіе и сражались конными, но въ случаѣ надобности спѣшивались и дѣйствовали въ пѣшемъ строѣ.

Вооруженіе македонскихъ войскъ вообще было греческое, но значительно усовершенствованное. Тяжелая пѣхота имѣла мечи, которыми одинаково могла и колоть, и рубить, и большіе щиты въ ростъ человѣческой. Но главнымъ ея оружіемъ была сарисса или

копье длиною до 24-хъ футовъ. Аргирасиды и пелтасты были вооружены легче тяжелой пѣхоты, а димахи—легче тяжелой конницы, а именно: легкими латами и щитами, мечами, и копьями, удобными также для метанія. Тяжелая конница была вооружена мечами, щитами и длинными копьями, а легкая—отчасти легкими копьями и дротиками, и отчасти луками. Въ тяжелой конницѣ и лошади, и всадники были покрыты чешуйчатыми латами.

Филиппъ и Александръ В. первые начали употреблять метательныя орудія въ полѣ, впрочемъ довольно рѣдко, только въ нѣкоторыхъ особенныхъ случаяхъ, какъ-то: для очищенія тѣснинъ и береговъ рѣкъ отъ непріятели и т. п. Въ большихъ же полевыхъ сраженіяхъ ихъ, употребленія метательныхъ орудій не усматривается.

Къ концу жизни Александра В. относятъ также первоначальное введеніе въ македонское войско слоновъ, употребленіе которыхъ столь распространилось въ послѣдствіи на востокѣ. Въ битвѣ на Гидаспѣ съ индійскимъ царемъ Поромъ и вообще въ индійскомъ походѣ Александръ приобрѣлъ большое число этихъ животныхъ и привелъ ихъ съ собою въ Персію. Но онъ употреблялъ ихъ только для перевозки тяжестей, въ полевыхъ же сраженіяхъ они начали быть употребляемы уже по смерти его.

§ 4.

Составъ, сила, раздѣленіе строй и образъ дѣйствіе войскъ.—Македонская фаланга и македонская тактика.

Діодоръ сицилійскій и всѣ римляне, писавшіе объ исторіи Греціи, утверждаютъ, что Филиппъ въ первый годъ своего царствованія изобрѣлъ и первый учредилъ фалангу, изъ 6,000 челов. тяжелой пѣхоты, сражавшейся въ 16-ти-шереножномъ строѣ. Но это не совсѣмъ вѣрно: Филиппъ не изобрѣлъ, а только усилилъ и усовершенствовалъ греческую фалангу, учрежденную имъ въ Македоніи не ранѣе 359 года. По Эліену первоначальная сила македонской фаланги, въ совокупности съ состоявшими при ней среднею и легкою пѣхотою и конницею, простиралась до 6,500 человѣкъ, а Александромъ В. была увеличена вдвое, т. е. до 13,000 человѣкъ (также съ среднею и легкою пѣхотою и съ конницею). Но изъ Арріана и другихъ историковъ видно, что при выступленіи Александра изъ Македоніи въ Малую Азію, македонская фаланга состояла изъ 12,000, а при Арбелѣ уже изъ 16,400 оплитовъ, въ томъ и другомъ случаѣ не считая средней и легкой пѣхоты и конницы. Усовершенствованія фаланги Филиппомъ заключались въ томъ, что

онъ соединилъ въ ней въ одинъ нераздѣльный составъ тяжелыя и среднія: пѣхоту и конницу, опредѣливъ относительную соразмѣрность ихъ такъ, что конница вообще составляла $\frac{1}{3}$, а средняя пѣхота— $\frac{1}{2}$ тяжелой пѣхоты. Такимъ образомъ названіе фаланги получило у македонянъ уже болѣе обширное значеніе, нежели какое дотолѣ имѣло у грековъ: ибо у первыхъ оно означало правильную македонскую армію, а у послѣднихъ собственно одну, дѣйствовавшую въ этомъ строѣ, тяжелую пѣхоту. Александръ В., удвоивъ числительную силу фаланги, сохранилъ установленный Филиппомъ составъ ея, съ тѣмъ только различіемъ, что увеличилъ число состоявшихъ при ней легкихъ пѣхоты и конницы: ибо войну съ персами велъ частію въ горахъ и частію въ открытыхъ равнинахъ.

Позднѣйшіе греческіе и римскіе, равно и повѣйшіе тактики опредѣлили нормальный составъ и силу правильной македонской фаланги или арміи, въ полномъ ея развитіи, нижеслѣдующимъ образомъ:

Въ фалангѣ было:

Тяжелой пѣхоты или оплитовъ . 16,384 ч.
Средней » » пелтастовъ. 8,192 »
Конницы тяжелой и средней. . . 4,096 »

Итого 28,672 ч.

А съ начальств. чинами всего до . 30,000 ч.

Слѣдовательно:

Кон. состав. $\frac{1}{2}$ сред. пѣх., $\frac{1}{4}$ тяж. пѣх.,
 $\frac{1}{6}$ всей пѣхоты и $\frac{1}{7}$ цѣлой арміи.
Средняя пѣх.— $\frac{1}{2}$ тяж. пѣх. и $\frac{2}{7}$ цѣлой арміи.
Тяжелая пѣх.— $\frac{1}{7}$ цѣлой арміи.

Филиппъ принялъ для строя тяжелой пѣхоты 16-ти-шереножную глубину, потому что она доставляла тяжелой пѣхотѣ достаточныя твердость и силу для нападенія и обороны, и легко могла быть увеличиваема вдвое и болѣе, для усиленія патиска, либо уменьшаема на половину, безъ уменьшенія однако же твердости и силы строя.

Первою, основною частію македонской фаланги былъ лохосъ или рядъ изъ 16-ти оплитовъ. Онъ раздѣлялся на 2 димеріи, а димерія на 2 эномотіи. Передній въ лохосѣ воинъ начальствовалъ имъ и назывался лохагосомъ, а послѣдній или задній, урагосъ, былъ обязанъ наблюдать за порядкомъ въ лохосѣ. Оба были назначаемы изъ числа лучшихъ, надежнѣйшихъ и храбрѣйшихъ воиновъ.

Дальнѣйшія подраздѣленія фаланги были образуемы посредствомъ постепеннаго соединенія лохосовъ въ числѣ 2-хъ, 4-хъ, 8-ми и 16-ти. Такъ 2 лохоса составляли диплохію, 2 диплохіи—тетрархію, 2 тетрархіи—таксіархію и наконецъ 2 таксіархіи—синтагму или ксенагію, т. е. правильный квадратъ изъ 16-ти оплитовъ во фронтѣ и столько же въ глубину (всего 256 человекъ). Синтагма составляла независимую часть или тактическую единицу фаланги. Первымъ, главнымъ начальникомъ оной былъ синтагматархъ, а вторымъ главный урагосъ. Первый въ бою стоялъ на правомъ флангѣ передней шеренги, а послѣдній въ замкѣ за серединою синтагмы. При синтагматархѣ состояли: 1 вѣстовой (или адъютантъ), для передачи его командныхъ словъ. Каждая синтагма имѣла свое знамя, одного знаменосца и одного трубача.

Свыше синтагмы, дальнѣйшія раздѣленія фаланги были образуемы посредствомъ постепеннаго соединенія синтагмъ въ числѣ 2-хъ, 4-хъ, 8-ми и 16-ти. Такимъ образомъ 2 синтагмы составляли пентекосіархію, 2 пентекосіархіи—хилиархію, 2 хилиархіи—мелархію или телархію, и наконецъ 2 мелархіи или телархіи (т. е. 16 синтагмъ, 256 оплитовъ во фронтѣ, 16 въ глубину, а

всего 4,096 оплитовъ)—простую или малую фалангу, подъ начальствомъ фалангарха.

Затѣмъ 2 простыя или малыя фаланги (512 оплитовъ во фронтѣ, 16 въ глубину, а всего 8,192 человекъ) составляли двойную фалангу или дифалангархію, иначе крыло, подъ начальствомъ дифалангарха, и наконецъ 2 двойныя фаланги (1,024 оплита во фронтѣ, 16 въ глубину, а всего 16,384 человекъ)—большую фалангу или тетрафалангархію, подъ начальствомъ тетрафалангарха.

Пелтасты имѣли одинаковое съ оплитами число рядовъ во фронтѣ, но вдвое меньшую глубину, т. е. 8 шеренгъ. Раздѣленія ихъ соотвѣтствовали раздѣленіямъ оплитовъ, а именно:

1 декурія пелтастовъ или рядъ изъ 8 воиновъ	соотв. лохосу опл.
4 декуріи или систасъ	» тетрархін »
2 систаса или пентаконтархія	» таксіархін »
2 пентаконтархія или	экатонтархія » синтагмѣ »
2 экатонтархія или	псилагія » пентекосіар. »
2 псилагіи или ксенагія	» хилиархін »
2 ксенагіи или систрема	» мелархін »
2 систремы или эпиксенагія	» мал. фалангѣ »
2 эпиксенагіи или	стифосъ, крыло » дв. фалангѣ »
и 2 стифоса или крыла или	эпитагма » бол. фалангѣ »

Конница (тяжелая и средняя) имѣла одинаковое съ тяжелою и среднею пѣхотою число рядовъ во фронтѣ, но вдвое меньшую противъ средней и вчетверо меньшую противъ тяжелой пѣхоты глубину, т. е. 4 шеренги. Раздѣленія ея соотвѣтствовали раздѣленіямъ тяжелой и средней пѣхоты, а именно:

1 или конницы, 16 всадник. во фронтѣ и 4 въ глубину, всего 64 чел.)	оплитовъ пелтастовъ.
8 или 8 пловъ или и пархія	соотв. синтагмѣ и экатонтархін
2 и пархія или эфипархія	» мерархін и систремѣ
2 эфипархія или телосъ, крыло	» мал. фалангѣ и эпиксенагін
и 2 телоса или крыла, или эпитагма	» двойн. фалангѣ и стифосу
	» больш. фалангѣ и эпитагмѣ.

Строй и образъ дѣйствій войскъ у македонянъ были въ главныхъ основаніяхъ тѣ же, что и у грековъ, но значительно усовершенствованныя Филиппомъ и Александромъ В. во многихъ отношеніяхъ.

Усовершенствованія ихъ заключались главнѣйше въ томъ: 1) что тяжелая и средняя

пѣхота дѣйствовала преимущественно наступательно и притомъ болѣе или менѣе дробными частями, взаимно одиѣ другія поддерживавшими, чѣмъ вознаграждался нѣкоторымъ образомъ недостатокъ резервовъ, 2) что конница вообще производила нападенія съ большимъ быстротою и рѣшительностью, а тяжелая въ особенности всегда въ сомкнутомъ строѣ, производя ударъ копьями, и наконецъ 3) что легкія войска, какъ пѣшія, такъ и конныя, вообще не имѣвшія опредѣленнаго мѣста въ общемъ строѣ, и въ бою сражавшіяся въ разсыпную, болѣею частію однакоже становились и дѣйствовали въ промежуткахъ дробныхъ частей тяжелыхъ и среднихъ пѣхоты и конницы; дѣйствіемъ изъ метательнаго оружія облегчая и усиливая наступленіе ихъ и ударъ ручнымъ оружіемъ.

Тяжелая пѣхота имѣла три рода строя: 1) разомкнутый для смотра, 2) полусомкнутый для движеній въ виду непріятели и для нападенія, и 3) сомкнутый или синаспизмъ для обороны, стоя на мѣстѣ, и преимущественно противъ конницы.

Въ бою, при длинѣ сариссы въ 24 фута, только первыя 6 шеренгъ брали сариссы на руку; остальные-же 10 шеренгъ, сариссы которыхъ не переступали за черту фронта фаланги, опирали ихъ о плечи непосредственно впереди стоявшихъ оплитовъ, для ослабленія дѣйствія непріятельскихъ стрѣлъ и каменьева.

Для пропуска легкихъ войскъ и облегченія движеній, между 1-ю и 2-ю, 3-ю и 4-ю малыми флангами было оставляемо 20, а между 2-ю и 3-ю — 40 шаговъ промежутка.

Построеніями тяжелой пѣхоты и боевыми порядками фаланги или армін, наиболѣе употребительными, были: 1) построенія клиномъ (эмволонтъ) или глубокими четверугольниками, подобными египетскимъ, уступами съ фланговъ или изъ середины, и шипцами или клещами (келэмволонтъ) и 2) нападенія однимъ или обоими крылами на одно или оба крыла непріятельскія — въ косвенномъ боевомъ порядкѣ.

Вообще значительнымъ усовершенствованіемъ вооруженія, устройства и образа дѣйствій фаланги и искуснѣйшими: употребленіемъ оной въ битвахъ и примѣненіемъ къ разнообразнымъ видамъ мѣстности и къ различнымъ случайностямъ и обстоятельствамъ войны, Филиппъ и Александръ В. умножили преимущества и выгоды ея, ослабили ея недостатки и невыгоды, и доказали, какую необыкновенную пользу можно было извлекать изъ нея искуснымъ, сообразнымъ съ обстоятельствами, употребленіемъ ея. За то она и послужила имъ однимъ изъ главнѣйшихъ средствъ къ одержанію блистательнѣйшихъ побѣдъ, распространенію предѣловъ Македоніи и покоренію Греціи и персидскаго государства.

Въ отношеніи къ походнымъ движеніямъ македонской фаланги или армін, особеннаго вниманія заслуживаютъ: 1) превосходный, всегда сообразный съ мѣстностью и обстоятельствами, и сопряженный со всѣми возможными военными предосторожностями, порядокъ, которымъ движенія эти были совершаемы, и еще болѣе 2) необыкновенныя дальность, продолжительность и быстрота ихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, возбуждающія невольное удивленіе.

§ 5.

Внутреннее устройство македонскаго войска, кастраметація, фортификація, поліорцетика и состояніе военнаго искусства вообще у македонянъ при Филиппѣ и Александрѣ В.

Значительно превосходя современныхъ греческихъ войскъ составомъ и тактическимъ устройствомъ, македонское войско не менѣе того превосходило ихъ и образомъ начальствованія, и воинскими: подчиненностью, порядкомъ и духомъ. Начальствованіе войскомъ, у грековъ раздѣляемое между нѣсколькими полководцами, избираемыми народомъ и подчиненнымъ ему, у македонянъ было сосредоточено, вмѣстѣ съ властію царскою, въ рукахъ царя и потому имѣло необыкновенное преимущество единства и силы. Строгіе воинскіе подчиненность и порядокъ, неослабно соблюдаемые въ македонскомъ войскѣ Филиппомъ и Александромъ В., составляли рѣзкую противоположность съ непокорностью, своеволіемъ и мятежнымъ духомъ греческихъ войскъ. Царская

власть доставляла Филиппу и Александру средства и возможность, строгимъ наказаніемъ безпорядковъ и преступленій и щедрымъ награжденіемъ заслугъ и отличій военныхъ, постоянно поддерживать въ войскѣ подчиненность, повиновеніе, отличный порядокъ, истинный воинскій духъ, чувства чести, любовь къ славѣ, пламенное усердіе и рвеніе, неутомимую дѣятельность, удивительныя мужество, твердость и терпѣніе, и непоколебимыя преданность и довѣріе къ царственнымъ вождямъ его. Строги, иногда даже жестоки были Александровы наказанія, но великодушіе его и щедрость его наградъ, всегда соединенныя съ справедливостью, далеко превосходили строгость наказаній. Оттого войска въ полномъ смыслѣ слова боготворили его и по одному слову

его готовы были на всѣ возможные труды, лишения и опасности.

О содержаніи македонскихъ войскъ нельзя сказать ничего положительнаго. Кажется, впрочемъ, что царскіе тѣлохранители и нѣкоторые изъ отборныхъ дружинъ получали царское содержаніе натурою, постоянныя войска и наемники — денежное жалованье (сколько именно — неизвѣстно), а всѣ другія войска служили на собственныхъ издержкахъ и содержаніи. Въ войнѣ противъ персовъ македонское войско было довольствуемо преимущественно правильнымъ сборомъ съ края. Достойна вниманія заботливость Александра В. о своевременномъ, достаточномъ снабженіи войска продовольствіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ — о всевозможномъ сбереженіи края и облегченіи жителей во время войны.

Военныя нравы и обычаи у македонянъ были совершенно тѣже, что и у грековъ. И Филиппъ, и Александръ В. всѣми мѣрами старались сблизить и соединить македонянъ съ греками и заставить послѣднихъ взирать на первыхъ, не какъ на чужеплеменныхъ варваровъ, но какъ на единоплеменныхъ эллиновъ. Такимъ образомъ то, что касается военныхъ правовъ и обычаевъ грековъ, можетъ быть отнесено также и къ македонянамъ. Къ этому должно присовокупить, что особеннаго вниманія заслуживаютъ: тщательное соблюденіе и совершеніе Александромъ В. религіозныхъ обрядовъ во всѣхъ случаяхъ

и обстоятельствахъ на войнѣ, и употребленіе имъ, между прочимъ, религіознаго вліянія, какъ одного изъ главныхъ средствъ для одушевленія войскъ.

Кастраметачія, фортификація и поліорцетика у македонянъ были не только поставлены Филиппомъ и Александромъ В. на ту же степень, на которой находились у грековъ, но и значительно усовершенствованы ими, въ особенности искуснымъ, практическимъ примѣненіемъ къ мѣстности и обстоятельствамъ. Царствованіе Александра В. было даже замѣчательнѣйшею въ этомъ періодѣ, въ поліорцетическомъ отношеніи, эпохою. Осады Мплета, Галикарнаса, Тира, Газы и Аорнской скалы несомнѣнно свидѣтельствуютъ какъ о личномъ поліорцетическомъ искусствѣ Александра, такъ и о тѣхъ успѣхахъ, которые поліорцетика сдѣлала въ его время и которыми была обязана лично ему.

Вообще во времена Филиппа и Александра В. всѣ отрасли военнаго искусства и въ особенности тактика достигли у македонянъ полнѣйшаго развитія и высшей степени пракческаго совершенства въ современномъ мѣрѣ. Македоняне первенствовали въ нихъ надъ всѣми народами тогдашняго міра и даже надъ греками, и имѣли на нихъ рѣшительное въ этомъ отношеніи вліяніе. И слава такихъ развитія и усовершенствованія военнаго искусства вполне принадлежала лично Филиппу и Александру В.

ГЛАВА II.

ПОХОДЫ АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКАГО (336—323).

§ 6. Первые годы жизни Александра В. (356 — 336). — § 7. Первые походы Александра В. противъ трибалловъ и иллириянъ (335). — § 8. Походъ противъ еивъ (335). — § 9. Война съ персами (334 — 327). — Причины и цель ея. — Относительное положение, силы и первоначальныя предположения дѣйствій обѣихъ противныхъ сторонъ. — I. Завоеваніе восточныхъ береговъ средиземнаго моря. — § 10. 1-й походъ въ Малой Азии (334). — Сраженіе на Граникѣ. — § 11. 2-й походъ въ Малой Азии (333). — Сраженіе при Иссъ. — § 12. 3-й походъ въ Сирію и Египтъ (333 — 332).

Источники: Appianъ, Діодоръ Сицилійскій, Плутархъ, Іустинъ, Квинтъ Курцій, de Bury, S.-te Croix, Napoléon I: Mémoires de Montholon, Lussan и указаные выше.

§ 6.

Первые годы жизни Александра В. (356 — 336).

Александръ В. родился въ Пеллѣ, столицѣ Македоніи, 22-го іюля 356 года—въ одинъ день со взятіемъ Филиппомъ Потидеи, присужденіемъ ему первой награды на олимпійскихъ играхъ, одержаніемъ Пармениономъ большой побѣды надъ иллиріянами и сожженіемъ храма Діаны въ Ефесѣ—что и македоняне, и греки, и самъ Филиппъ признали явнымъ предзнаменованіемъ будущей необыкновенной судьбы поворожденнаго. Матерью Александра была Олимпія, дочь эпирскаго царя Неоптолема. Преданіе народное и всеобщее повѣрье производили происхожденіе Александра по отцу отъ Геркулеса, а по матери отъ Ахилла. Уже съ самой ранней молодости Александръ отличался силою, крѣпостью и изящною, величественною красотою тѣлесными и обнаружилъ необыкновенныя способности ума и души, чрезвычайно пылкій, но снѣжный и великій характеръ, строжайшую умѣренность въ жизненныхъ наслажденіяхъ и—неогра-

ниченное честолюбіе. Успѣхи и побѣды Филиппа огорчали его: отецъ мой—говорилъ онъ—не оставитъ мнѣ совершить ничего великаго и славнаго! Филиппъ далъ ему тщательнѣйшее воспитаніе. Сначала воспитателемъ его былъ Леонидъ, родственникъ его матери и человекъ весьма строгихъ правилъ, а наставникомъ — акарпанинъ Лисимахъ. Самъ Филиппъ старался управлять имъ болѣе убѣжденіемъ, нежели силою, замѣтивъ, что онъ упорно сопротивлялся послѣдней, но легко покорялся первому. Вскорѣ однакоже, найдя, что данныя ему наставники не имѣли достойныхъ его дарованій, Филиппъ ввѣрилъ воспитаніе его Аристотелю, ученѣйшему и знаменитѣйшему философу того времени. Мѣстомъ же воспитанія Александрова онъ назначилъ царскій увеселительный замокъ Нимфей близъ города Міесы (и, какъ полагаютъ, неподалеку отъ родины Аристотеля, Стагирь). Здѣсь, вдали отъ двора, въ

безмятежной тишиной садовъ нимфейскихъ, Александръ изучилъ у Аристотеля науки словесныя, нравственныя, философическія, политическія, словомъ—всѣ отрасли тогдашнихъ человѣческихъ знаній, во всемъ ихъ объемѣ. Чтобы внушить ему и развитъ въ немъ геройскія чувства и качества, Аристотель заставлялъ его читать «Иліаду» и Александръ такъ пристрастился къ ней, что она навсегда сдѣлалась любимымъ его чтеніемъ. Онъ называлъ ее лучшимъ запасомъ или матеріаломъ для военнаго искусства, всегда и вездѣ имѣлъ ее при себѣ и даже, по свидѣтельству Опесикрита, вмѣстѣ съ мечомъ клалъ ее на время сна подъ голову. Но изъ всѣхъ предметовъ человѣческихъ знаній, Аристотель съ особенною заботливостью старался посвятить царственному питомца своего въ таинства высокой и трудной науки царствованія и даже написалъ собственно для него сочиненіе объ этомъ предметѣ, къ сожалѣнію до насъ не дошедшее. Страстно преданъ былъ Александръ и чтенію, и ученію, и такъ легко и скоро усвоилъ себѣ все преподаваемое ему и изучаемое имъ, что уже въ 16 лѣтъ отъ роду ничто не было чуждо ему и онъ обладалъ всеобъемлющими свѣдѣніями. Образовавъ умъ и сердце свое, онъ въ тоже время не пренебрегалъ и тѣлесными упражненіями, и съ удивительною силою соединялъ необыкновенныя ловкость и смѣлость. Такъ, еще отрокомъ, онъ укротилъ свирѣпаго коня Букефала, на котораго ни-

кто не смѣлъ сѣсть. 340 годъ былъ началомъ политическаго и военнаго его поприща. Въ этомъ году именно Филиппъ, отправляясь въ походъ во Фракію, ввѣрилъ 16-лѣтнему Александру, на время своего отсутствія, управленіе Македоніей. Первымъ военнымъ подвигомъ Александра было покореніе возставшаго фракійскаго племени мѣдаровъ или мѣдовъ. Онъ взялъ приступомъ главный ихъ городъ, изгналъ его жителей, населилъ его другими изъ иныхъ племенъ и назвалъ его Александрополемъ. Въ слѣдующемъ 339 году, въ бою Филиппа съ трибаллами, въ Гемскомъ хребтѣ, онъ спасъ жизнь отцу своему и разбилъ трибалловъ. Въ 338-мъ же году онъ участвовалъ съ Филиппомъ въ послѣднемъ его походѣ въ Грецію, и въ сраженіи при Херонѣ оказалъ чудеса храбрости, разбилъ ѳивянъ и истребилъ ѳивскую священную дружину. «Сынъ мой»—сказалъ ему Филиппъ, обнимая его послѣ сраженія—«нищъ себѣ другаго, достойнаго тебѣ царства: Македонія для тебя слишкомъ мало». Но вскорѣ изгнаніе Филиппомъ Олимпіи нарушило всегдашнія, неизмѣнныя дотолѣ, доброе согласіе между отцомъ и сыномъ, и взаимныя, самыя дружескія отношенія ихъ. Александръ принялъ сторону своей матери и удался съ нею въ Эпиръ, подвергшись гнѣву Филиппа (337). А едва Филиппъ примирился съ Олимпіей и Александромъ, и они воротились изъ Эпира, какъ убійство Филиппа открыло Александру путь къ престолу (336).

§ 7.

Первые походы Александра В. противъ трибалловъ и иллиріянъ (335).

Со смертію Филиппа, вся Греція и всѣ завоеванныя имъ страны пришли въ движеніе и грозилъ возстаніемъ. Трудность и опасность положенія Александра увеличилась неопредѣленностью порядка наследованія македонскаго престола и притязаніями на него братьевъ Александровыхъ, Птолемея и Арридея, и племянника Аминта. Но Александръ устранилъ, съ помощію своихъ приверженцевъ, искателей македонскаго престола, и признанный царемъ Македоніи, казнивъ убійцу отца своего, отправился въ Грецію. На пути туда онъ строго наказалъ вѣроломныхъ ѳессаліянъ и, подобно Филиппу, былъ облеченъ греческимъ сеймомъ въ Коринѣ въ званіе верховнаго предводителя силъ, вооруженныхъ Греціею противъ персовъ. Убѣжденный въ необходимости сначала обезпечить внѣшнюю безопасность Македоніи и внутреннюю тишину въ Греціи, онъ прежде всего обратился противъ трибалловъ, одного изъ многочисленныхъ племенъ Фракіи, обитавшаго на

правой сторонѣ Истра или нижняго Дуная, нѣсколько выше устья этой рѣки, и возставшаго въ союзъ съ гетамъ, которые жили на лѣвой ея сторонѣ. Выступивъ съ войскомъ, весной 335-го года, изъ Амфиполя (близъ нынѣшняго Орфана въ Македоніи), въ направленіи къ сѣверо-востоку, онъ слѣдовалъ чрезъ земли независимыхъ фракійскихъ племенъ (въ нынѣшней Румелии) и по 10-ти дневномъ походѣ прибылъ къ Гемскому хребту (нынѣ Балканы). Фракіяне преградили ему путь, занявъ горныя ущелья, входы и вершины ихъ, и оградивъ себя повозками. Александръ послалъ правое крыло ѳаланги, предшествуемое стрѣлками, на вершины горъ съ такой стороны, гдѣ имѣлись болѣе удобныя на нихъ всходы, и приказалъ рядамъ оплитовъ растунаться, гдѣ только было возможно;—самъ же, въ головѣ пѣшей агеи, съ лѣвымъ крыломъ, усиленнымъ пипаспистами и агріянами, стремительно напалъ на фракіянъ слѣва. Фракіяне были опрокинуты съ урономъ до 1,500

человѣкъ убитыми и пѣсколькихъ взятыхъ въ плѣнъ, и разсѣялись въ горахъ, оставивъ во власти македонянъ семейства и тяжести свои. Перейдя чрезъ Гѣмскій хребетъ, Александръ вступилъ въ земли трибалловъ (въ нынѣшней Болгаріи) и направился чрезъ нихъ къ Пестру. Большая часть трибалловъ, съ семействами, имуществомъ и множествомъ независимыхъ оракіянъ, укрылись на островѣ Истра, Певкеяхъ; остальные же трибаллы засѣли въ лѣсу на берегу рѣки. Александръ, выманивъ ихъ оттуда первоначально стрѣлками, стремительно напалъ на нихъ въ открытомъ полѣ фалангою и построеною по флангамъ оной конницею, и разбилъ ихъ наголову, нанесъ имъ до 3,000 человѣкъ урону. На 3-й день послѣ того онъ прибылъ къ Пестру, завладѣлъ пѣсколькими длинными (военными) судами, прибывшими изъ Византіи, посадилъ на нихъ столько стрѣлковъ и опантовъ, сколько они могли вмѣстить, и направился съ ними къ Певкеямъ. Но малое число судовъ и войскъ, многочисленность непріятеля, сильная стрѣльба его изъ луковъ, крутые берега острова и быстрота теченія Истра сдѣлали тщетными всѣ усилія Александра для произведенія высадки. Тогда онъ рѣшился подняться выше, переправиться черезъ Истръ и напасть на гетовъ, собравшихся на противоположномъ берегу, для обороны его, въ числѣ около 4,000 человѣкъ конныхъ и болѣе 10,000 человѣкъ пѣшихъ. Помощію плотовъ, устроенныхъ изъ шкуръ, которыя служили войскамъ ставками и были наполнены соломой, равно и собранныхъ на Пестрѣ разныхъ родовъ и величинъ судовъ, онъ переправился ночью съ 1,500 человѣкъ конницы и 4,000 человѣкъ пѣхоты на лѣвый берегъ. Подступивъ къ гетамъ скрытно и въ величайшей тишинѣ, на разсвѣтѣ онъ двинулся противъ нихъ въ стройномъ боевомъ порядкѣ, имѣя конницу на правомъ, а пѣхоту на лѣвомъ крылѣ. Изумленные внезапнымъ появленіемъ Александровыхъ войскъ и опрокинутые сильнымъ ударомъ македонской конницы, геты въ ужасѣ бѣжали въ находившійся позади укрѣпленный городъ и сначала хотѣли было обороняться въ немъ. Но, при видѣ грознаго наступленія македонской фаланги и конницы въ боевомъ порядкѣ, они бѣжали съ семействами и имуществомъ въ степи на сѣверъ. Овладѣвъ покинутымъ ими городомъ и въ немъ значительною добычей, Александръ разрушилъ его и затѣмъ возвратился на правый берегъ Истра. Побѣда, одержанная имъ надъ гетами, произвела такое сильное впечатлѣніе на соседственные племена, что они, и въ томъ числѣ бои и сенноны—племена кельтовъ или гермаповъ (каковыя названія греки перѣдко смѣшивали), равно и трибаллы, отправили

Александру дары и изъявили ему свою покорность.

Затѣмъ Александръ съ Истра двинулся въ земли агріянъ и цеоіянъ, и на пути узналъ, что автаріаты, тавланты и многія другія племена какъ независимой, такъ и македонской Иллирии*) возстали противъ него и что автаріаты рѣшились преградить ему путь. Лангаръ, царь или вождь агріянъ, еще при жизни Филиппа бывшій въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Александромъ, вторгнулся съ агріянами, по собственному вызову, въ земли автаріатовъ, разграбилъ и разорилъ ихъ, и тѣмъ удержалъ въ нихъ автаріатовъ. А между тѣмъ Александръ, слѣдуя вверхъ по рѣкѣ Эригону (нынѣ р. Кучукъ-Карасу, впадающая въ р. Вардаръ, въ западной Румелии), прибылъ къ Пелліону (около нынѣшняго Стоба на р. Кучукъ-Карасу, къ в. отъ Витоліи или Монастыря), сильнѣйшему изъ укрѣпленныхъ городовъ въ земляхъ возставшихъ племенъ независимой Иллирии. Иллиріяне расположились на окружавшихъ Пелліонъ, поросшихъ густымъ лѣсомъ горахъ, намѣреваясь оттуда произвести внезапное на Александра нападеніе; но, усмотрѣвъ, что онъ готовится взять Пелліонъ приступомъ, спустились съ горъ и заперлись въ этомъ городѣ. Въ помощь къ нему прибыли тавланты и тогда въ странѣ вокругъ Пелліона и на берегахъ Эригона, покрытой горами и дремучими лѣсами, завязалась дѣятельная и упорная малая война. Но Александръ, различными военными хитростями и искусными дѣйствіями македонскихъ войскъ, особливо стрѣлковъ и пращниковъ, равно и метательныхъ орудій (послѣднія были употреблены имъ для очищенія лѣсовъ и противоположнаго берега рѣки), вскорѣ совершенно разбилъ и разсѣялъ тавлантовъ и прочихъ иллиріянъ, которыя затѣмъ сбѣгли Пелліонъ и укрылись въ тавлантскихъ горахъ.

*) Подъ названіемъ Иллирии или Иллирика греки и римляне разумѣли, въ обширномъ смыслѣ—всѣ вообще земли къ югу отъ средняго Дуная до адриатическаго моря и предѣловъ Эпира, Македоніи и Оракіи (точно также какъ подъ названіемъ Оракіи разумѣли вообще всѣ земли къ югу отъ нижняго Дуная или Истра);—въ тѣсномъ же смыслѣ—собственно только приморскую страну вдоль восточнаго берега адриатическаго моря (нынѣ австрійскія Иллирія и Далмація, Турецкія: Герцеговина и Албанія, и Черногорія), отъ Истрии (нынѣ Триестъ) до рѣкъ Сава и Дрина. Филиппъ, отецъ Александра В., завоевалъ южную часть ея, которая въ послѣдствіи стала называться греческою Иллирією, остальную же называли независимой. Тавланты принадлежали къ племенамъ первой, а автаріаты, обитавшіе на границахъ съ Македонією, къ племенамъ послѣдней.

§ 8.

Походъ противъ оивъ (335).

Между тѣмъ въ Греціи распространился слухъ, что Александръ убитъ въ бою съ иллиріянами. Греческіе демагоги воспользовались этимъ для возбужденія всей Греціи къ возстанію. Оивяне первые подали знакъ къ тому, призвавъ обратно своихъ изгнанниковъ, вѣроломно умертвивъ начальниковъ македонскаго гарнизона въ оивскомъ замкѣ Кадмеѣ и готовясь изгнать изъ него и самый гарнизонъ.

Узнавъ объ этомъ, Александръ немедленно и съ чрезвычайною быстротою двинулся отъ Пелліона чрезъ Тессалію и Термопиль въ Віотію. Приближаясь къ Оивамъ, онъ неоднократно останавливался однако, дабы дать мятежникамъ время образумиться и смириться, а прибывъ въ Онхестъ, потребовалъ отъ оивянъ, чтобы они покорились и выдали ему зачинщиковъ мятежа. Но эти послѣдніе, вмѣстѣ съ возвратившимися изгнанниками, увѣрили оивянъ, что Александръ дѣйствительно убитъ въ Иллиріи и что войско, находящееся въ Онхестѣ, прислано изъ Македоніи Антипатромъ, подъ начальствомъ другаго Александра. Побудивъ народъ къ упорному сопротивленію, они обложили Кадмейскій замокъ циркумъ-и контръ-валаціонными линіями, и выйдя изъ Оивъ съ конницею и легкою пѣхотою, напали на передовыя войска Александра, уже шедшаго отъ Онхеста къ Оивамъ, и убили нѣсколькихъ македонянъ, но были опрокинуты обратно въ Оивы. На другой день Александръ приступилъ къ Оивамъ и расположился станомъ въ ближайшемъ разстояніи отъ Кадмейскаго замка. Избѣгая однако кровопролитія, онъ медлил приступомъ и снова убѣждалъ оивянъ покориться; но изгнанники и прочіе мятежники упорствовали въ сопротивленіи. Между тѣмъ случилось, что одинъ изъ македонскихъ военачальниковъ, Пердикка, расположенный съ начальствуемою имъ частию фаланги ближе всѣхъ къ оивскимъ укрѣпленнымъ линіямъ, самъ собою, безъ вѣдома и приказанія Александра, напалъ на нихъ и взялъ наружную часть оныхъ приступомъ.

За нимъ послѣдовалъ другой военачальникъ Амиптъ, съ ближайшею, начальствуемою имъ частию фаланги. Но обавстрѣтили между линіями такое сильное сопротивленіе, что Александръ, опасаясь пораженія и истребленія ихъ превосходными силами непріятеля, счелъ необходимымъ поддержать ихъ всѣми остальными войсками. Сначала оивяне были опрокинуты и преслѣдованы до самаго храма Геркулеса, близъ городскихъ стѣнъ, но здѣсь внезапно обратились назадъ и въ свою очередь опрокинули македонянъ. Тогда Александръ двинулъ въ бой пѣшую агеу и остальные части фаланги. Оивяне не устояли противъ натиска ихъ, въ безпорядкѣ бѣжали въ городъ и въ замѣшательствѣ даже позабыли или не успѣли запереть за собою городскихъ воротъ. Македоняне ворвались вслѣдъ за ними въ городъ, вмѣстѣ съ Кадмейскимъ гарнизономъ заняли городскія стѣны и площади и, крайне ожесточенные противъ оивянъ, произвели между ними страшное кровопролитіе. 36,000 оивянъ были проданы въ рабство, немногіе спаслись въ Аѳины, всѣ же остальные были истреблены. Городъ былъ разрушенъ до основанія, но Кадмейскій замокъ сохраненъ въ цѣлости и занятъ сильнымъ македонскимъ гарнизономъ.

Такъ кончился походъ противъ Оивъ, продолжавшійся, со времени полученія Александромъ въ Пелліонѣ перваго извѣстія о возстаніи, всего только 14 сутокъ—быстрота необыкновенная и спасительная. Побои и разрушеніе Оивъ, бывшія слѣдствіемъ необходимости и противъ воли Александра сопряженные съ такимъ кровопролитіемъ, мгновенно положили конецъ безпокойствамъ въ Греціи и готовности грековъ къ общему возстанію.

Затѣмъ, получивъ отъ всѣхъ греческихъ республикъ, исключая Спарты, увѣренія въ покорности и преданности, и вторично провозглашенный предводителемъ грековъ въ войнѣ съ персами, Александръ возвратился въ Македонію и дѣятельно занялся приготовленіями къ этой войнѣ.

§ 9.

Война съ Персами (334—327)

Причины и цѣли ея.—Относительное положеніе, силы и первоначальныя предположенія дѣйствій обѣихъ противныхъ сторонъ.

Война съ персами въ Азіи уже давно составляла предметъ общихъ и живѣйшихъ желаній всѣхъ грековъ, была любимой ихъ

мечтою. Предшествовавшія войны ихъ съ этимъ народомъ, особливо отступленіе 10,000 грековъ и походы Деркилида и Агезилая,

вполнѣ убѣдили ихъ въ слабости персидскаго государства и въ рѣшительномъ превосходствѣ ихъ надъ персами въ устройствѣ войскъ и военномъ искусствѣ. Успѣхъ казался несомнѣннымъ и общій голосъ Греціи требовалъ войны, долженствовавшей навсегда освободить малоазійскихъ грековъ отъ власти персовъ, покорить Греціи обширныя и богатыя страны и многочисленныя народы и племена востока и распространить славу ея до предѣловъ міра. Филиппъ македонскій вполнѣ постигалъ прозорливымъ умомъ своимъ пользу войны съ персами для себя и для Греціи и вѣроятность успѣха ея. Поэтому-то война сія и была, въ продолженіи всего его царствованія, постояннымъ предметомъ его мыслей и желаній. Нѣтъ, кажется, никакого сомнѣнія, что онъ завоевалъ бы персидское государство, еслибы не былъ убитъ въ то самое время, когда уже готовился открыть войну противъ него. Александръ, вѣстѣ съ престоломъ, наследовалъ отъ Филиппа и великую мысль его о покореніи персидскаго государства. Жажда славы и порожденное его ученымъ, всеобъемлющимъ образованіемъ и пылкимъ воображеніемъ, воспламененнымъ чтеніемъ Иліады, желаніе узнать и покорить невѣдомыя дотолѣ страны отдаленнаго востока—могли быть сильнымъ, но, безъ сомнѣнія, не были единственнымъ побужденіемъ Александра къ предпріятію войны противъ персовъ. Сверхъ общаго голоса греческаго народа, войны этой требовали и выгоды Греціи, и собственныя выгоды Александра.

Подобно отцу своему, онъ вполнѣ постигалъ, что война противъ персовъ была лучшимъ средствомъ для совершеннаго утвержденія власти его надъ Греціею, еще недавно покоренною,—что греки, сражаясь противъ общаго врага подъ знаменами македонянъ, необходимо должны были соединиться съ сими послѣдними—тѣсными узами братства и повиновенія одному, общему царю,—наконецъ, что, приводя въ исполненіе давнишнее желаніе грековъ, онъ изъ македонянина, т. е., по мнѣнію грековъ, варвара, содѣлывался эллиномъ. Къ этому должно сверхъ того присовокупить, что по смерти Филиппа война съ персами представляла еще болѣе надежды на успѣхъ, нежели затрудненій. Чтобы удостовѣриться въ томъ, стоитъ только сличить относительное положеніе персидскаго государства съ одной, Македоніи и Греціи съ другой стороны.

Персидское государство было обширнѣйшимъ и богатѣйшимъ, которое когда-либо дотолѣ существовало въ мірѣ. Оно обладало берегами четырехъ морей и заключало въ себѣ лучшія страны Азіи и Африки, богатая и отъ природы, и отъ сосредоточивавшейся въ нихъ, почти всемірной торговли. Правительство персидское получало, какъ платимою подвластными народами да-

нію, такъ и изъ множества разныхъ другихъ источниковъ, огромнѣйшіе доходы. Сверхъ того, въ Персеполѣ, Экбатанѣ, Сузѣ, Вавлонѣ, Арбелѣ, Дамаскѣ и другихъ важнѣйшихъ городахъ были собраны сокровища и богатства, подлинно несмѣтныя.

Изъ четырехъ морей, омывавшихъ предѣлы персидскаго государства, берега одного Средиземнаго отъ Гелеспонта до Ливіи достаточны были для того, чтобы изъ царства персидскаго содѣлать могущественную, первостепенную морскую державу. На этихъ берегахъ находились богатѣйшіе строевые лѣса и многочисленные, торговые и богатые приморскіе города съ превосходными гаванями, а жители этихъ городовъ были отличными мореходцами. По всѣмъ этимъ причинамъ персы и имѣли на Средиземномъ морѣ многочисленный и весьма хорошій флотъ. Суда для него были выставлены финиکیянами, египтянами и въ особенности жителями малоазійскихъ греческихъ поселеній и прилежащихъ къ нимъ острововъ Средиземнаго моря. Между ними были почти исключительно набираемы и люди во флотъ. На этихъ же берегахъ находились богатые морскіе склады и разнаго рода морскія заведенія. Не мѣше военныхъ способовъ и средствъ персидское правительство могло извлекать и на твердой землѣ, изъ внутреннихъ своихъ областей. Покрытая и обширными равнинами, и высокими горами, онѣ изобиловали многочисленными и превосходными конницею и легкою пѣхотою—стрѣлками и пращниками. Такъ какъ выставленіе войскъ по востребованію было, вѣстѣ съ платежемъ дани, одною изъ главныхъ обязанностей подвластныхъ областей къ персидскому правительству, то послѣднее и имѣло всегда возможность собирать огромныя ополченія, составленныя преимущественно изъ конницы и легкой пѣхоты. Богатая же казна государственная доставляла ему средство, со времени пелопоннесской войны, всегда имѣть въ своей службѣ большое число греческой наемной пѣхоты. Въ это время такого рода пѣхоты въ персидскомъ государствѣ было до 50,000 чел., что доставляло ему немало-важную силу. Содержаніе войска въ мирѣ и войнѣ не стоило правительству ничего, ибо лежало на краѣ и попеченіи сатраповъ. Ко всему этому должно присовокупить, что самая обширность персидскаго государства представляла большія выгоды для обороны и значительныя затрудненія для завоеванія его, и что на персидскомъ престолѣ въ это время былъ (съ 336 года) Дарій III Кодоманъ, превосходившій своихъ предшественниковъ мужествомъ, воинственнымъ воспитаніемъ и многими частными и государственными добродѣтелями, и притомъ любимый персами.

Но все это было ничтожно при совершенномъ разстройствѣ государства — политиче-

скомъ, гражданскомъ, военномъ и нравственномъ. Персидское государство въ это время было не что иное, какъ безсвязное совокупленіе самыхъ разпородныхъ областей, народовъ и племенъ. Персидскіе правители и разноплеменные обитатели этихъ областей, не связанные между собою, ни съ отдаленнымъ царскимъ престоломъ, общими: вѣроисповѣданіемъ, языкомъ, правами и обычаями, прочными и надежными узами политическими и гражданскими, находились въ состояніи почти непрерывнаго возстанія противъ персидскихъ царей, либо всегда были готовы отложиться отъ нихъ, сдѣлаться независимыми или покориться чуждому властителю либо счастливому завоевателю. Многіе изъ подвластныхъ персамъ народовъ и племенъ уже давно ни дани не платили, ни войскъ не выставляли, и были почти независимы. Другіе часто отказывали и въ дани, и въ войскахъ. Внутри и на предѣлахъ (сѣверныхъ, восточныхъ и южныхъ) государства находилось множество полудикихъ, воинственныхъ племенъ, которыя никогда не признавали власти персовъ надъ собою и вели съ ними почти непрерывную войну. Малоазійскія греческія поселенія, болѣе полутора вѣка сражавшіяся съ персами за свою независимость, поддерживаемыя европейскими греками, — въ это время, болѣе нежели когда-либо, помышляли объ освобожденіи своемъ навсегда отъ ненавистнаго подданства персамъ. Что касается Египта, то онъ, съ самаго покоренія его Камбизомъ, находился, можно сказать, постоянно въ возстаніи и въ это время, подобно малоазійскимъ грекамъ, ждалъ только перваго удобнаго случая для совершеннаго своего освобожденія. Вообще всѣ подвластные персамъ народы и племена были въ сильнѣйшей степени одушевлены ненавистью къ нимъ и желаніемъ возстановленія своей независимости. Сами же персы совершенно утратили воинственный духъ и суровыя добродѣтели предковъ, были до крайности изнѣжены, развращены, преданы роскоши и неумѣренности, и неспособны къ мужественному сопротивленію вѣншему врагу. При томъ они не сдѣлали ни малѣйшихъ успѣховъ въ военномъ искусствѣ и имѣли о немъ самыя несовершенныя и грубыя понятія, а общенародныя ополченія персидскія представляли такой-же безсвязный и безобразный хаосъ, какъ и самое государство. Въ нихъ не было ни правильнаго устройства, ни воинскихъ подчиненности и порядка, и единственною правильно-устроенною, надежною частію персидскихъ армій была греческая наемная пѣхота.

Съ другой стороны Македонія и Греція, пространствомъ и военными способами своими, далеко уступали персидскому государству, составляя едва $\frac{1}{5}$ часть онаго. Денежныя средства Александра были ничтожны въ сравненіи съ персидскими: казна его

была истощена, царскія помѣстья розданы имъ, большая часть податей прощена македонянамъ и для начатія войны или для перваго похода онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи, по свидѣтельству Аристовула — не болѣе 70-ти талантовъ (около 91,000 р. сер.) и по свидѣтельству Дурія — только на мѣсяць продовольствія *). Самымъ большимъ числомъ войскъ и морскихъ судовъ, которое Македонія и Греція могли выставить, должно, кажется, признать: 220,000 человекъ пѣхоты и 15,000 человекъ конницы, вооруженныхъ, передъ смертію Филиппа, для войны съ персами, и не болѣе 500 или 600 триремъ и другихъ, разной величины, военныхъ и перевозныхъ судовъ. Сравнивъ эти силы съ тѣми, съ которыми Ксерксъ произвелъ нашествіе на Грецію, легко убѣдиться въ относительной слабости ихъ. Особенно чувствительною была слабость флота: ибо, для завоеванія персидскаго государства, превосходство или, по крайней мѣрѣ, равновѣсіе и дѣятельное содѣйствіе греческаго флота были существенно необходимы и чрезвычайно важны. Къ недостаточности военныхъ силъ и средствъ Македоніи и Греціи должно присовокупить: 1) ненадежныя: внутреннее состояніе Греціи и отношенія ея къ Македоніи; 2) необходимость постоянно занимать ее сильнымъ войскомъ, для наблюденія за нею, сохраненія въ ней порядка и тишины, и обезпеченія оной отъ покушеній какъ персовъ, такъ и самыхъ грековъ, и 3) неопредѣленность наследованія македонскаго престола.

Но за то, сколь далеко превосходили персовъ македоняне и греки, какъ народъ и какъ войско, въ нравственномъ и военномъ отношеніяхъ. Хотя греки и утратили уже добродѣтели, которыми отличались въ прежнія времена, однакоже, движимые одинаковымъ чувствомъ ненависти къ персамъ, желаніемъ войны съ ними, увѣренностью въ своемъ превосходствѣ и въ успѣхѣ этой войны, и славолюбіемъ, — они являли рѣдкое единодушіе въ томъ, что касалось этого великаго, общенароднаго предпріятія. При томъ они были образованнѣйшимъ, просвѣщеннѣйшимъ народомъ, флотъ ихъ былъ первымъ, а войска лучшими послѣ македонскихъ — на востокъ тогдашняго міра. Македоняне, уступая имъ въ гражданской образованности, превосходили ихъ однако мужественнымъ и воинственнымъ своимъ духомъ, всѣми добродѣтелями народа еще юнаго, военнымъ устройствомъ, строгими воинскими подчиненностью и порядкомъ, полною покорностью и искреннею преданностью юному царю своему. А онъ, съ властію царскою соединявшій военную и являвшійся

*) Онесикритъ увѣряетъ впрочемъ, что онъ сдѣлалъ заемъ въ 200 талантовъ (около 260,000 руб. сер.).

верховнымъ, единовластнымъ предводителемъ македонянъ и грековъ противъ персовъ, одаренъ былъ всѣми качествами великаго человѣка, великаго государя и великаго полководца, и уже явилъ опыты своихъ искусства и счастья. Такимъ образомъ единодушіе, нравственное превосходство, отличные войско и флотъ и единство власти надъ ними, находившейся въ рукахъ способнѣйшаго и искуснѣйшаго вождя, который когда-либо дотолѣ являлся въ мірѣ—все это обѣщало македонянамъ и грекамъ рѣшительный перевѣсъ надъ персами и содѣлывало успѣхъ предпринимаемой ими войны несомнѣннымъ.

Александръ былъ такъ убѣжденъ въ этомъ. исполненъ такой увѣренности въ искусство и счастье свои, такъ сильно одушевленъ великою мыслию завоевать персидскую державу, подчинить Азію вліянію Греціи, распространить въ ней греческое просвѣщеніе, образовать всемірную монархію и учредить всемірную торговлю, что не захотѣлъ даже внимать предостереженіямъ Пармениона и Антипатра, ни принимать въ уваженіе побочныхъ, второстепенныхъ соображеній. Парменионъ и Антипатръ именно совѣтовали ему—прежде, нежели предпринять войну противъ персовъ—обезпечить самостоятельность македонскаго престола, вступивъ въ бракъ и дождавшись рожденія сына. Но Александръ не только отвергнулъ ихъ совѣтъ, но и положилъ немедленно предупредить персовъ открытіемъ наступательной противъ нихъ войны въ собственныхъ ихъ предѣлахъ, и начать войну эту завоеваніемъ восточныхъ береговъ Средиземнаго моря, дабы съ самаго начала уничтожить главную силу персовъ, заключавшуюся въ ихъ флотѣ, завладѣть огромными морскими средствами и способами ихъ и обезпечить тѣмъ Македонію, Грецію и свои сообщенія съ ними. Вслѣдствіе того, назначивъ Антипатра намѣстникомъ своимъ въ Македоніи и Греціи, и оставивъ ему (по Діодору) 12,000 человѣкъ пѣхоты и 1,500 человѣкъ конницы, весною 334 года онъ двинулся изъ Македоніи берегомъ моря чрезъ Фракію къ Сестосу *), въ фракійскомъ Херсонесѣ, съ войскомъ, состоявшимъ, по Арріану, изъ 30,000 человѣкъ тяжелой и легкой пѣхоты и болѣе 5,000 человѣкъ конницы **). Если

*) Къ с. отъ нынѣшняго Майта и къ ю. отъ Галлиполи.

**) По Діодору составъ войска былъ нижеслѣдующій:

10,000 чел.	македонской пѣхоты,	} подъ начальств. Пармениона.
7,000 »	вспомогательной пѣхоты союзныхъ грековъ и	
5,000 »	греческ. памикировъ	

къ этому прибавить 4—5,000 македонскихъ войскъ, находившихся уже съ Атталомъ (при Филиппѣ съ Пармениономъ) въ Малой Азіи, то всѣ силы, съ которыми Александръ готовился начать войну, должныствовавшую рѣшить судьбу тогдашняго міра, составляли не болѣе 40,000 человѣкъ! Но эта сорокатысячная армія была болѣею частью составлена изъ отборнѣйшихъ македонскихъ и греческихъ войскъ и лично предводительствуема Александромъ. Изъ нихъ македонскія (12-ти тысячная фаланга и 1,500 человѣкъ тяжелой конницы) составляли лучшую и надежнѣйшую часть и главную силу арміи. Весьма хороша была также ессалійская конница (1,500 человѣкъ). Греческимъ войскамъ, бывшимъ въ составѣ арміи, Александръ сохранилъ собственные ихъ вооруженіе и устройство, за исключеніемъ 600 знатнѣйшихъ юношей изъ различныхъ греческихъ республикъ, взятыхъ имъ въ видѣ заложниковъ, вооруженныхъ на подобіе македонской тяжелой конницы и присоединенныхъ къ этой послѣдней, съ тою только разницею, что они не пользовались его обществомъ. Флотъ Александровъ состоялъ изъ 160-ти триремъ и большого числа разной величины перевозныхъ судовъ.

Походъ изъ Македоніи до Сестоса совершенъ былъ съ чрезвычайною быстротою: на 20-тыя сутки Александръ былъ уже въ Сестосѣ и немедленно по прибытіи туда переправилъ войско на флотѣ черезъ Геллеспонтъ и расположилъ оное станомъ близъ Абидоса—безъ всякаго со стороны персовъ сопротивленія.

Персы уже давно знали о его намѣреніяхъ, но не приняли никакихъ мѣръ ни для воспрепятствованія его переправѣ, ни для обороны западныхъ береговъ Малой Азіи. Персидскіе правители приморскихъ областей на этихъ берегахъ нимало не помышляли объ употребленіи съ этою цѣлію ни превосход-

5,000 чел.	пѣшихъ одризовъ, трибалловъ и лирианъ,	} подъ начальств. Филота.
1,000 »	агріанскихъ стрѣлковъ и	
1,500 »	македонской тяжелой конницы	
1,500 »	еессалійской конницы . . .	подъ нач. Каласа
600 »	греческой тяжелой конницы	подъ нач. Эригія и
900 »	фракійской и пэонійской легкой пѣхоты	подъ нач. Касандра.

Всего 28,900 человѣкъ тяжелой и легкой пѣхоты и 3,600 человѣкъ конницы, а вмѣстѣ 32,500 человѣкъ.

наго въ силахъ персидскаго флота, ни со-
брашнихъ имъ при Зеліи (городѣ, лежавшемъ
въ предѣлахъ древней Троады, къ ю.-з. отъ
Кизика), 20-ти тысячъ человѣкъ греческой
наемной пѣхоты подъ начальствомъ родосца
Мемнопа и 20-ти тысячъ человѣкъ азіат-
ской конницы, и позволили Александру не
только безпрепятственно переправиться че-
резъ Геллеспонтъ, но и спокойно располо-
житься станомъ на малоазійскомъ бере-
гу. Въ начальствованіи персидскимъ вой-
скомъ вовсе не было единства, ибо оно было
раздѣлено между Мемнономъ и 6-ю персид-
скими военачальниками. По переправѣ Алек-
сандра, они составили совѣтъ. Мемнонъ,
одинъ способный и знающій между ними,
предложилъ — на твердой землѣ уклоняться
отъ общей битвы съ македонянами, имѣвши-
ми превосходную числомъ пѣхоту и лично
предводительствуемыми царемъ своимъ, меж-
ду тѣмъ какъ Даріа при персидскомъ войскѣ
не было, — потоптать луга, истребить жатвы,
даже разорить приморскіе города, словомъ
— опустошить страну и лишить Александра
средствъ продовольствованія и возможности

продолжать войну. На морѣ же онъ совѣ-
товалъ между тѣмъ дѣйствовать самымъ рѣ-
шительнымъ наступательнымъ образомъ, про-
извести съ персидскимъ флотомъ нападеніе
на Грецію и Македонію, взволновать ихъ,
отрѣзать Александру сообщенія съ ними и
тѣмъ принудить его къ возвращенію для ихъ
защиты. Александръ вполне оцѣнилъ это муд-
рое предназначеніе дѣйствій; но невѣжест-
венные и своекорыстные персидскіе предво-
дители отвергли его, одни потому, что при-
знавали его противнымъ достоинству царя
и царства персидскихъ, другіе потому, что
не хотѣли допустить разоренія своихъ об-
ластей, а нѣкоторые и потому, что завидо-
вали и недоброжелательствовали Мемнону и
подозрѣвали его даже въ измѣнѣ или, по
крайней мѣрѣ, не довѣряли ему, какъ греку.
Отвергнувъ умный и полезный совѣтъ его,
они вмѣсто того рѣшили расположить 40,000
войскъ своихъ на правомъ берегу рѣчки
Граника (истекавшей изъ горы Иды и вли-
вавшейся въ Пропонтиду между Лампсакомъ
и Кизикомъ, нынѣ рѣчка Салатдере) и тамъ
дать Александру отпоръ.

I.

Завоеваніе восточныхъ береговъ Средиземнаго моря.

§ 10.

1-й походъ въ Малой Азіи (334).—Сраженіе при р. Граникѣ.

Первымъ дѣйствіемъ Александра по пере-
правѣ чрезъ Геллеспонтъ было — двинуться
прямо противъ персидскаго войска къ Гра-
нику, съ тѣмъ, чтобы вступить съ нимъ въ
рѣшительную битву. Присоединивъ къ себѣ
отрядъ Аттала, онъ слѣдовалъ съ 40-тысяч-
нымъ (или около того) войскомъ своимъ мимо
Лампсака (нынѣ Ламсакъ) къ Граннику, имѣя
въ срединѣ вздвоенную фалангу, по флан-
гамъ — конницу, впереди для наблюденія и раз-
вѣдыванія — часть легкихъ пѣхоты и конницы, а
позади — тяжести и обозы. Приблизясь къ Гра-
нику (22-го мая), легкія войска открыли всю
персидскую конницу, расположенную на краю
праваго, обрывистаго берега рѣки, а грече-
скую наемную пѣхоту — на отлогихъ вы-
сотахъ позади конницы. Александръ немед-
ленно рѣшился перейти, въ виду персовъ,
чрезъ Гранникъ въ бродъ и напасть на нихъ
съ обонхъ фланговъ. Парменионъ совѣто-
валъ ему отложить переходъ до слѣдующа-
го дня, представляя, что опасно было бы въ
виду непріятели переходить черезъ доволь-

но глубокую и весьма быструю рѣчку съ
обрывистыми берегами и что персы, имѣя
меньше пѣхоты, ночью сами отступятъ. Но
Александръ отвѣчалъ, что стыдно было бы
остановиться передъ ручьемъ; пере-
шагнувъ чрезъ Геллеспонтъ, и что ма-
кедоняне должны съ самаго начала
оправдать внушаемый ими страхъ.
Дѣйствительно, трудность перехода чрезъ
Граникъ въ виду персовъ не только не устра-
шила, но еще болѣе воспламенила его; ему
нуженъ былъ мощный и рѣшительный ударъ,
который уже при самомъ началѣ войны
ужаснулъ бы персовъ и поколебалъ ихъ огром-
ное, но слабое государство. Поручивъ Пар-
мениону начальствованіе лѣвымъ крыломъ,
онъ предоставилъ себѣ личное начальство-
ваніе правымъ — и оба крыла въ одно вре-
мя двинулись къ рѣкѣ и чрезъ рѣку въ
косвенномъ положеніи (вѣроятно уступами
съ обонхъ фланговъ впередъ). Въ головѣ
праваго шли этеры, стрѣлки и агріане, за
ними конница, вооруженная копьями, пѣо-

пяпе, конный плъ Сократа, дружина аргипраспидовъ и наконецъ фаланги: Пердикки, Кэна и Амннта. Въ головѣ лѣваго крыла шла конница вессалійская, вспомогательная союзничья и еракійская, а за нею фаланги Кратера, Филиппа и Мелеагра. Большая часть легкихъ войскъ и всѣ метательныя орудія были оставлены на лѣвомъ берегу для того, чтобы дѣйствіемъ своимъ тревожить непріятеля и развлекать вниманіе его. Персы, узнавъ Александра, ѣхавшаго на конѣ въ головѣ праваго крыла, по богатству его вооруженія, значительно усилили лѣвое крыло своей конницы. Здѣсь и произошелъ упорнѣйшій конный бой. Македонская конница сначала была опрокинута въ рѣку, но наконецъ сломала персовъ. При этомъ случаѣ Александръ, сражавшійся въ головѣ этеровъ, едва не былъ убитъ, но Клитъ спасъ ему жизнь. Между тѣмъ Парменіонъ съ лѣвымъ крыломъ одержалъ такой же успѣхъ надъ правымъ флангомъ персидской конницы. Когда такимъ образомъ оба фланга ея были опрокинуты, тогда и центръ пришелъ въ разстройство и вся персидская конница, потерявъ около 1,000 человекъ убитыми, въ безпорядкѣ обратилась въ бѣгство. Александръ не преслѣдовалъ ее, но немедленно напалъ съ фронта—фалангою, а съ обонхъ фланговъ—конницею на греческую наемную пѣхоту, которая, болѣе отъ изумленія, нежели вслѣдствіе твердой рѣшимости обороняться, еще неподвижно стояла на своемъ мѣстѣ. Она не выдержала однакоже удара фаланги и конницы македонскихъ, была прорвана, приведена въ разстройство и, за исключеніемъ 2,000 человекъ, взятыхъ въ плѣнъ и нѣкотораго числа укрывшихся подъ тѣлами убитыхъ, была совершенно истреблена.

Такимъ образомъ персидское войско было разбито и частью истреблено, частью разсѣялось. Александръ удовольствовался тѣмъ и не преслѣдовалъ его. Онъ щедро награждалъ своихъ воиновъ: павшимъ въ бою (25-ти этерамъ, 60-ти чел. конницы и 30-ти чел. пѣхоты) приказалъ воздвигнуть памятники, 300 персидскихъ dospѣховъ отослалъ въ храмъ Минервы въ Аѳинахъ, а взятыхъ въ плѣнъ греческихъ наемниковъ отправилъ въ оковахъ въ Македонію для продажи въ рабство, за то, что они, измѣнивъ отечеству, сражались вмѣстѣ съ персами противъ грековъ. Всѣми этими мѣрами онъ имѣлъ въ виду усилить рвеніе и усердіе своего войска, распространить на всю Грецію славу одержанной имъ побѣды и навсегда отнять у грековъ охоту вступать въ службу персовъ наемниками.

Дѣйствіе побѣды на Граникѣ было необыкновенное. Открывъ войну ударомъ, который, подобно громовому, на самомъ первомъ шагу Александра въ Малой Азій, со всею силою разразился надъ персами, она

имѣла столь-же важныя послѣдствія, сколько рѣшительны были результаты ея въ самомъ сраженіи. Сокрушивъ первыя силы, противопоставленныя персами Александру, она уничтожила или по крайней мѣрѣ чрезвычайно ослабила средства дальнѣйшаго ихъ сопротивленія въ Малой Азійи, можно сказать, почти безъ боя покорила Александру страну эту. Другихъ войскъ въ сборѣ въ ней персы не имѣли, а остальные силы ихъ, состоявшія частью изъ персидскихъ, большею-же частью изъ греческихъ наемныхъ войскъ, были разсѣяны по гарнизонамъ. Подвластные-же персамъ малоазійскіе города и племена одни за другими покорялись Александру. Преждевсѣхъ, непосредственно послѣ побѣды на Граникѣ, покорились ближайшіе—мизійскіе и вниенскіе (въ нынѣшней сѣверо-западной Анатоліи), въ томъ числѣ и городъ Даскилій (нынѣ Діаскилло). Оставивъ въ этихъ городахъ часть войскъ съ македонскими военачальниками и приказаніемъ взимать ту же дань, которая была платима Дарію, и такимъ образомъ устроивъ себѣ первоначальное основаніе дѣйствій и обезпечивъ тылъ свой, Александръ съ главными силами двинулся въ Лидію, къ Сардесу (нынѣ Сартъ, къ в. отъ Смирны). Сардесъ и вся Лидія покорились ему добровольно. Оставивъ сардійцамъ и лидянамъ ихъ законы и образъ правленія, съ условіемъ быть ему вѣрными, и поставивъ въ сардійскій замокъ гарнизонъ, онъ направился далѣе къ Ефесу (близъ нынѣшняго селенія Аясулука, къ ю. отъ Смирны). Бывшіе въ Ефесѣ греческіе наемники бѣжали моремъ на судахъ, и Александръ, вступивъ въ Ефесъ, возстановилъ въ немъ прежній демократическій образъ правленія. Отсюда онъ послалъ Парменіона и Алкимала, каждаго съ отрядомъ изъ 5,000 человекъ пѣхоты и 200 этеровъ, въ города Іоніи и Эоліи (на берегахъ Архипелага), для уничтоженія въ нихъ олигархій, возстановленія демократіи и прежнихъ законовъ, и прекращенія платежа персамъ дани. Съ остальными силами онъ двинулся къ Милету (близъ нынѣшняго селенія Паладжа, при устьѣ р. Мэандра). Градоначальникъ Милета, Эгезистратъ, сначала предложилъ Александру сдать ему этотъ городъ, но вскорѣ потомъ, ободренный слухами о близкой помощи персовъ съ сухаго пути и моря, рѣшился сохранить имъ Милетъ. Вслѣдствіе того, очистивъ городъ, онъ заперся во внутренней его крѣпости. Александръ обложилъ ее съ сухаго пути и моря, а персидскій флотъ, не смотря на то, что состоялъ изъ 400 судовъ, не отважился предпринять что-либо для освобожденія Милета и удалился къ мысу Микале. Парменіонъ совѣтовалъ Александру вступить въ битву съ нимъ. Но Александръ не согласился на это потому, что флотъ его былъ слабѣе персидскаго числомъ судовъ, а гребцы

на немъ состояли большею частію изъ грековъ, которымъ Александръ мало довѣрялъ; персидскій-же флотъ былъ составленъ большею частію изъ судовъ опытныхъ и искусныхъ въ морскомъ дѣлѣ кипрія и финикія. Слѣдовательно успѣхъ битвы былъ невѣренъ, а пораженіе македонянъ на морѣ могло уничтожить всю пользу первоначальныхъ, одержанныхъ ими успѣховъ, поколебать Грецію и произвести въ ней возстаніе. Напротивъ, успѣхи македонянъ на твердой землѣ и завоеваніе ими морскихъ береговъ сами собою должны были лишить персовъ флота и господства на морѣ. Между тѣмъ въ стѣнахъ милетской крѣпости сдѣланъ былъ стѣнобитными орудіями проломъ и Александръ двинулъ чрезъ него войска свои на приступъ. Тѣснимые македонянами и отрѣзанные отъ персидскаго флота, милетяне и бывшія съ ними греческія наемныя войска частію были истреблены, частію пытались пробраться на лодкахъ въ море, но были взяты македонскимъ флотомъ, частію же спаслись на близъ-лежавшій въ гавани островъ, но, обложенные македонскими войсками, вступили (300 греческихъ наемниковъ) въ службу Александра. Персидскій флотъ, тщетно пытавшійся выманить флотъ Александровъ въ море и принудить его къ битвѣ, удался къ Самосу, — послѣ чего Александръ отослалъ свой флотъ совсѣмъ въ Грецію; ибо, сверхъ всѣхъ вышеозначенныхъ причинъ, не имѣлъ довольно денегъ для содержанія его и не хотѣлъ безъ особенной пользы раздѣлять своихъ силъ и подвергать ихъ пораженію по частямъ.

Затѣмъ онъ двинулся къ Галикарнассу (нынѣ Будрунъ), приморскому городу Каріи, гдѣ въ большемъ числѣ собрался персы и бывшія въ ихъ службѣ греческія наемныя войска подъ начальствомъ Мемнона, которому Дарій ввѣрилъ главное управленіе Малою Азіею и предводительствованіе сухопутными и морскими силами. Уже давно и весьма сильно укрѣпивъ Галикарнассъ, и безъ того весьма крѣпкій отъ природы, Мемнонъ поставилъ въ его гавани персидскія триремы и, въ случаѣ надобности, хотѣлъ употребить находившихся на нихъ гребцовъ для обороны города.

Овладевъ всѣми городами на пути отъ Милета къ Галикарнассу, Александръ обложилъ и осадилъ сей послѣдній. Осада его — одна изъ замѣчательнѣйшихъ въ числѣ Александровыхъ, въ поліоркетическомъ отношеніи — продолжалась однакоже, не смотря на все искусство веденія оной Александромъ и необыкновенныя усилія и мужество македонскихъ войскъ, довольно долго, по причинѣ трудной мѣстности, сильныхъ укрѣпленій и упорной обороны, была весьма кро-

вопролитна и стояла Александру довольно большаго урона въ людяхъ. Два раза войска его едва не взяли Галикарнасса приступомъ; но въ первый разъ на приступъ ходила только часть войска, а во второй, Александръ, шадя городъ и надѣясь и безъ того принудить его къ скорой сдачѣ, велѣлъ войскамъ отступить. Дѣйствительно, Мемнонъ и начальствовавшій подъ нимъ персидскій полководецъ Оронтобатъ, видя разрушеніе или поврежденіе стѣнъ, ослабленіе осажденныхъ множествомъ убитыхъ и раненыхъ, и невозможность долго сопротивляться, зажгли и очистили городъ, и удалились въ два, лежавшіе на островахъ въ гавани, укрѣпленные замка. Городъ былъ немедленно занятъ македонскими войсками и затѣмъ разрушенъ до основанія. Замковъ же, въ которые удался Мемнонъ и Оронтобатъ, Александръ осаждать не хотѣлъ, потому что они были сильно защищены мѣстностью, осада ихъ требовала много времени, а взятіе ихъ, послѣ разрушенія Галикарнасса, уже было неважно. И потому онъ только оставилъ часть войскъ для наблюденія за ними. Затѣмъ всѣхъ женатыхъ воиновъ онъ отослалъ на зиму въ ихъ семейства въ Македонію, съ приказаніемъ воротиться къ слѣдующей веснѣ. Къ тому же времени онъ приказалъ набрать въ Македоніи и Греціи и прислать ему въ Малую Азію сколько можно болѣе пѣхоты и конницы. Парменіона съ этерами, еессалійскою и союзничьею конницею и всѣми обозами онъ отправилъ въ Сардесъ. Воспользовавшись споромъ двухъ карійскихъ владѣтелей, Пексодара и сестры его Ады, о власти надъ Каріею, онъ принялъ сторону послѣдней, имѣвшей болѣе правъ на нее, и отдавъ ей Карію, тѣмъ приобрѣлъ себѣ въ ней вѣрную союзницу. Самъ же съ остальными войсками двинулся берегомъ моря далѣе на востокъ въ Ликію и Памфилю. Всѣ города этихъ двухъ приморскихъ областей (въ томъ числѣ Фазелисъ, къ югу отъ нынѣшней Адаліи или Саталіи, Перга и Аспенда), исключая нѣкоторыхъ, взятыхъ приступомъ или принужденныхъ сдаться, покорились ему добровольно (въ концѣ зимы съ 334 на 333 годъ).

Такимъ образомъ, въ теченіи перваго похода и менѣе, нежели одного года времени, Александръ овладѣлъ всѣмъ западнымъ и половиною южнаго берега Малой Азіи отъ Даскиліи до Аспенда — безъ сопротивленія (за исключеніемъ Милета и Галикарнасса), вслѣдствіе побѣды при Граникѣ, кроткаго и справедливаго обхожденія съ покорившимися и оставленія неприкосновеннымъ либо возстановленія прежнихъ ихъ законовъ и образа правленія.

§ 11.

2-й походъ въ Малой Азіи (333).—Сраженіе при Иссе.

2-й походъ Александра въ Малой Азіи въ 333-мъ году былъ посвященъ на покореніе внутреннихъ ея областей, что, по покореніи областей приморскихъ, было уже дѣломъ менѣе труднымъ и совершенно съ еще меньшимъ сопротивленіемъ.

Приказавъ Парменіону, съ бывшими подъ его начальствомъ войсками и прибывшими изъ Македоніи и Греціи подкрѣпленіями, идти изъ Сардеса на соединеніе съ нимъ къ Гордію въ Фригію (близъ нынѣшняго Севригиссара на р. Сангаріѣ или Сакаріѣ), Александръ весною 333-го года двинулся туда отъ Аспенда и Перги чрезъ земли воинственныхъ персидскихъ горцевъ. Они встрѣтили его упорнымъ сопротивленіемъ, но онъ разбилъ ихъ въ кровопролитномъ бою, на мѣстности, почти недоступной, взялъ приступомъ одну и принудилъ сдать другую часть ихъ крѣпостей. Затѣмъ, безпрепятственно прибывъ чрезъ Келэны къ Гордію, онъ соединился въ немъ съ Парменіономъ, послѣ чего имѣлъ въ совокупности, подъ рукою, опять столько же войскъ, сколько и на Граникѣ. Вся Фригія покорилась ему добровольно, чему значительно способствовало между прочимъ разрѣшеніе имъ Гордіева узла. Разрѣшившему оный древнее, суевѣрное преданіе предрекало господство надъ Азіею—и Александръ искусно воспользовался тѣмъ для усиленія нравственнаго вліянія своего на азіятовъ и мнѣнія о предопредѣленномъ ему судьбою всемірномъ владычествѣ, равно и для сильнѣйшаго одушевленія собственнаго войска. Изъ Гордіи онъ двинулся къ Анкирѣ (нынѣ Ангора), и принявъ, чрезъ посланныхъ ему пословъ, покорность Пафлагоніи, обратился, даже не вступая въ эту область, къ юговостоку чрезъ Каппадокію въ Киликію. Поспѣшая овладѣть Киликійскими Вратами (нынѣ горныя ущелья, образуемая въ хребтѣ Таврѣ рѣкою Чакхыт-чаемъ) — единственнымъ проходомъ въ горахъ, отдѣлявшихъ Каппадокію отъ Киликіи, на пути изъ Тіаны въ Тарсъ (нынѣ Тарсусъ), онъ слѣдовалъ чрезъ Каппадокію не останавливаясь и предоставивъ покореніе ея оставленному въ ней съ частию войскъ намѣстнику своему. Приблизясь къ Киликійскимъ Вратамъ, онъ послалъ противъ персидскихъ войскъ, занимавшихъ ихъ, Парменіона съ фронта, а самъ двинулся въ обходъ. Персидскія войска, не выждавъ нападенія, бѣжали въ Тарсъ, а оттуда, вмѣстѣ съ сатрапомъ Киликіи Арзамомъ—въ Сирію. Александръ же безпрепятственно вступилъ въ

Киликію и Тарсъ; жителями котораго былъ принятъ, какъ избавитель. Здѣсь онъ опасно занемогъ, но нѣмъ—отъ предшествовавшихъ непомерныхъ трудовъ, а по другимъ—отъ неосторожнаго купанья въ рѣкѣ Кидѣ (нынѣ Турсусъ-чай). Болѣзнь замедлила нѣсколько дѣйствія его войскъ. Однако Парменіонъ, съ вспомогательною пѣхотою, наемными греками, еракіянами и ессалийскою конницею, былъ отряженъ впередъ для овладѣнія Сирійскими Вратами—проходомъ изъ Киликіи въ Сирію между Исскимъ заливомъ и Амаційскимъ хребтомъ, отдѣлявшимъ эти двѣ области одну отъ другой (при нынѣшнемъ Бейлакѣ, между Мессисомъ и Скандерупомъ, на самой сѣверной оконечности Скандерунскаго залива).

Между тѣмъ, какъ Александръ шелъ изъ Памфилии чрезъ Писидію, Фригію и Каппадокію въ Киликію (весною, лѣтомъ и въ началѣ осени 333-го года), персы дѣйствовали наступательно на морѣ. Имѣя въ виду перенести войну въ Македонію и Грецію, Мемнонъ еще въ концѣ 334-го года, вскорѣ по взятіи Галикарнасса, овладѣлъ Хиосомъ, покорилъ всѣ города на Лесбосѣ, осадилъ на немъ Митилень, но во время осады его заболѣлъ и умеръ. Смерть его была большою потерей для Дарія, а Александра избавила отъ опаснаго противника. Персы продолжали однако осаду Митилена и, когда онъ вскорѣ сдался имъ на уговоръ, принудили покориться и Тенедосъ, и отрядили 10 триремъ къ Цикладскимъ островамъ. Но эти триремы были разбиты при островѣ Кнонѣ небольшою греческою эскадрою, собранною, по приказанію Александра, у Эвбеи, для прикрытія береговъ Греціи и Македоніи. Послѣ того персы не смѣли уже болѣе ничего предпринимать ни противъ береговъ Греціи, ни противъ греческихъ острововъ.

Дарій, съ своей стороны, послѣ претерпѣннаго на Граникѣ пораженія, началъ собирать при Вавилонѣ многочисленное войско, а между тѣмъ, видя быстрые успѣхи Александра, положилъ избавиться отъ него—убійствомъ. Съ этою цѣлію персы успѣли подкупить начальника ессалийской конницы въ македонскомъ войскѣ, именемъ Александра, но это низкое злоумышленіе было, по счастью, открыто Парменіономъ, и Александръ В., великодушно простивъ измѣнника, списалъ тѣмъ новыя права на уваженіе и любовь своего войска (въ концѣ зимы съ 334-го на 333-й годъ). Лѣтомъ 333-го года при Вавилонѣ (близъ нынѣшняго города Хиллаха, на правомъ берегу Евфрата, къ ю. отъ Ваг-

дада, въ Иракъ-Араби) собралось многочисленное персидское войско, лучшую часть и главную силу котораго составляла греческая наемная пѣхота. По свидѣтельству Курція, оно состояло изъ 250,000 чел. пѣхоты и 60,000 чел. конницы, а по Арріану—изъ 30,000 греческихъ наемниковъ, 70,000 чел. персидской пѣхоты и 30,000 чел. персидской же конницы, 50,000 мидійскихъ, столькихъ же арменскихъ войскъ и соразмѣрнаго числа ополченій бактрійскихъ, гирканскихъ и различныхъ другихъ, подвластныхъ персамъ родовъ и племенъ средней Азіи, а всего изъ 600,000 войскъ. Но исчисленіе Арріана, какъ кажется, преувеличено. Лично предводительствуя этимъ войскомъ и окруженный своимъ семействомъ и всѣмъ дворомъ, Дарій двинулся отъ Вавилона въ Сирію, въ то самое время, когда Александръ шелъ изъ Фригіи чрезъ Каппадокію въ Киликію.

Здѣсь Александръ, какъ сказно выше, заболѣлъ;—но, едва собравшись съ силами, онъ обратился изъ Тарса чрезъ Сола противъ хищныхъ обитателей западной или гористой Киликіи (позже Исавріи), и послѣ 7-ми-дневнаго похода принудивъ ихъ къ покорности, далъ войску своему въ Солахъ кратковременный отдыхъ, во время котораго совершилъ торжественныя игры. Восточная или луговая Киликія была уже покорена и Александръ, въ 1 годъ и 8 мѣсяцовъ завоевавъ приморскія и внутреннія области Малой Азіи, намѣревался уже приступить къ дальнѣйшему покоренію восточныхъ береговъ Средиземнаго моря—Сиріи, Финикіи и Палестины, когда узналъ (въ ноябрѣ), что Дарій съ войскомъ стоитъ станомъ въ Сиріи, въ двухъ дняхъ пути отъ Аманійскаго хребта и предѣловъ Киликіи. Македонскія войска, которымъ онъ объявилъ о томъ, единогласно просили немедленно вести ихъ противъ Дарія—и Александръ тотчасъ двинулся берегомъ моря на востокъ къ Сирійскимъ Вратамъ, чтобы, проникнувъ чрезъ нихъ въ Сирію, вступить съ Даріемъ въ рѣшительную битву. Оставивъ въ Иссѣ (какъ полагаютъ—близъ нынѣшняго Паіаса или Баіасса, между Мессисомъ и Бейланомъ) небольшой гарнизонъ и всѣхъ раненыхъ и больныхъ македонскаго войска, онъ прошелъ чрезъ Сирійскія Врата и, продолжая движеніе къ югу вдоль морскаго берега, прибылъ въ Мпріандръ (въ 200-хъ стадіяхъ или 35-ти верстахъ отъ Иссы). Здѣсь, къ крайнему своему удивленію, онъ узналъ, что Дарій находился въ тылу его—въ Иссѣ, откуда онъ самъ недавно передъ тѣмъ вышелъ. Онъ не хотѣлъ вѣрить, чтобы персы были до такой степени безразсудны и изъ равнинъ Сиріи, гдѣ превосходство ихъ въ силахъ и особенно въ конницѣ представляло имъ большія выгоды, рѣшились вступить въ горныя тѣсныя и ущелья Аманійскаго хребта, гдѣ всѣ эти выгоды обращались въ ничто. Но вскорѣ, чрезъ

посланныхъ имъ моремъ къ Иссу нѣсколькихъ этеровъ, онъ удостовѣрился, что Дарій дѣйствительно находился при Иссѣ со всѣмъ своимъ войскомъ. Прибывъ въ Сирію и внимая благоразумнымъ совѣтамъ военачальниковъ наемныхъ грековъ, Дарій сначала дѣйствительно хотѣлъ выждать Александра на равнинахъ Сиріи. Но вскорѣ льстецы увѣрили его, будто замедленіе въ дѣйствіяхъ Александра (слѣдствіе болѣзни его въ Тарсѣ, похода его противъ киликійскихъ горцевъ и пребыванія въ Солахъ) происходило отъ того, что онъ опасался Дарія и избѣгалъ битвы съ нимъ. Ослабленный лестью и надеждою на числительное превосходство силъ своихъ, не предполагая, чтобы Александръ могъ отважиться на движеніе противъ него изъ Киликіи въ Сирію, и увлекаемый, по убѣжденію древнихъ, судьбою, Дарій презрѣлъ всѣ совѣты и предостереженія греческихъ военачальниковъ—и двинулся изъ Сиріи чрезъ Аманійскія Врата (въ Аманійскомъ хребтѣ, что нынѣ Алма-Дагъ, ущелье между Бейланомъ и Аппъ-Табомъ) въ Киликію. Найдя Аманійскія Врата незанятыми, онъ прошелъ чрезъ нихъ безпрепятственно, обратился на югъ къ Иссу и, прибывъ къ нему въ то самое время, когда Александръ шелъ къ Мпріандру, овладѣлъ этимъ городомъ и предалъ найденныхъ въ немъ раненыхъ и больныхъ македонскаго войска и небольшой македонскій гарнизонъ—жестокой казни.

И такъ оба противныя войска, раздѣленные горами, внезапно очутились одно у другаго въ тылу, одно у другаго на общеніяхъ, такъ что персидское уже было расположено тыломъ къ Греціи, а Александрово тыломъ къ Персіи! Странный случай и странное положеніе, происшедшіе отъ того, что Александръ, занявъ Сирійскія Врата, не занялъ Аманійскихъ, неподалеку отъ нихъ лежавшихъ; по крайней мѣрѣ ни Арріанъ, ни другіе историки о томъ не упоминаютъ. Предназначенной со стороны Александра оплошности въ этомъ видѣть нельзя; доказательствомъ тому служить удивленіе и невѣріе его при вѣсти, что Дарій въ Иссѣ. Что Александръ пошелъ въ Сирію не чрезъ Аманійскія Врата, а чрезъ Сирійскія, можно объяснить тѣмъ, что Дарій по слухамъ стоялъ станомъ ближе къ послѣднимъ, нежели къ первымъ, и при томъ Сирійскія Врата находились на главномъ, прямомъ пути дѣйствія Александра вдоль восточныхъ береговъ Средиземнаго моря. Но причина, почему Аманійскія Врата не были заняты хотя небольшимъ наблюдательнымъ отрядомъ легкихъ войскъ, не инымъ чѣмъ можетъ быть объяснена, какъ малымъ развитіемъ и несовершеннымъ состояніемъ въ это время, какъ и вообще, болѣе или менѣе, въ древнія времена, полевой службы легкихъ войскъ. Какъ бы то ни было виро-

чемъ, Александръ находился въ положеніи весьма трудномъ и въ случаѣ пораженія подвергался большой опасности. Но въ томъ именно, что устрашило бы обыкновеннаго или посредственнаго полководца, онъ видѣлъ лишь залогъ побѣды для себя и гибели для персовъ. И дѣйствительно, побѣда надъ Даріемъ, который съ многочисленнымъ своимъ войскомъ углубился въ горы, могла-ли быть для Александра хотя малѣйше сомнительною? А потому, если первымъ чувствомъ его было, какъ сказано, удивленіе, то непосредственно послѣдовавшимъ за нимъ были радость и твердая увѣренность въ побѣдѣ. И эту увѣренность онъ вполне умѣлъ сообщить и своему войску. Собравъ всѣхъ военачальниковъ его, онъ въ сильной, увлекательной рѣчи представилъ имъ всѣ выгоды собственнаго положенія, всѣ невыгоды положенія персовъ, обѣщавшія македонянамъ несомнѣнную побѣду, а побѣда — завоеваніе персидскаго государства, поставилъ имъ на видъ все превосходство македонскаго войска надъ персидскимъ и предшествовавшіе его успѣхи, и до такой степени воспламенилъ ихъ, что они радостно потребовали немедленно идти въ бой. Всѣ послѣдующія затѣмы распоряженія Александра заслуживаютъ полнаго вниманія. Приказавъ войску сначала подкрѣпить свои силы пищею, онъ немедленно послалъ часть легкой пѣхоты и конницы впередъ для занятія Сирійскихъ Вратъ и наблюденія за персами, а въ полночь (въ полѣбрѣ 333 года) послѣдовалъ за ними съ главными силами. Сдѣлавъ въ Сирійскихъ Вратахъ кратковременный привалъ, съ разсвѣтомъ онъ выступилъ на равнину. Стѣсненная между горами и моремъ, она была весьма узка и едва достаточна для построения македонскаго и еще менѣе — персидскаго войска въ боевой порядокъ. Небольшая рѣчка Пинаръ, съ обрывистыми берегами, изливавшаяся изъ горъ въ море, пересѣкала ее подъ прямымъ угломъ: за нею находилось Даріево войско. Положивъ правымъ своимъ крыломъ произвестъ, со стороны горъ, нападеніе на лѣвое крыло непріятеля въ косвенномъ боевомъ порядкѣ, удерживая лѣвое свое крыло, близъ моря, на мѣстѣ, и такимъ образомъ отбросить персовъ отъ горъ и опрокинуть ихъ въ море, — Александръ, по выходѣ на равнину, развернулъ фалангу и поставилъ: на правомъ ея флангѣ — пѣшую агему, пинаспистовъ и на оконечности — этеровъ и конницу македонскую и еессалийскую, а на лѣвомъ — пѣхоту и на оконечности конницу пелопоннесскія и прочія вспомогательныя союзничьи. Въ этомъ порядкѣ онъ двинулся впередъ, ввѣривъ лѣвое крыло Парменіону, а начальствованіе надъ правымъ предоставивъ себѣ лично.

Усмотрѣвъ наступленіе его, Дарій выслалъ впередъ за Пинаръ до 30,000 чел. конницы и около 20,000 стрѣлковъ, и подъ прикры-

тіемъ ихъ построилъ за Пинаромъ: въ 1-й линіи — 30,000 чел. греческой наемной пѣхоты, — за ними, для поддержанія ихъ — 60,000 чел. тяжеловооруженной кардухійской пѣхоты, — на лѣвомъ флангѣ грековъ, частию въ одну линію съ ними и частию подъ угломъ впередъ (*en potence*), на предгорныхъ высотахъ — 20,000 чел. пѣхоты, всѣ же остальные затѣмы войска — во многихъ линіяхъ, тѣсно расположенныхъ одна за другою. Затѣмъ Дарій отозвалъ конницу и стрѣлковъ изъ-за Пинара назадъ и расположилъ наибольшую часть своей конницы на правомъ флангѣ у моря, гдѣ ей удобнѣе и выгоднѣе было дѣйствовать, а самъ въ колесницѣ, окруженный дворомъ и тѣлохранителями, сталъ въ срединѣ своего войска. И такъ многочисленное войско его, стѣсненное между горами и моремъ, имѣло фронтъ весьма узкій, а глубину непомерно большую и было совершенно лишено свободы въ движеніяхъ и дѣйствіяхъ.

Обозрѣвъ расположеніе персовъ, Александръ счелъ нужнымъ сдѣлать слѣдующія дополнителныя распоряженія: 1) еессалийскую конницу передвинулъ позади линіи съ праваго фланга на лѣвый, — 2) правую фланговую конницу прикрылъ съ фронта легкою пѣхотою и пѣоиянами, правое крыло фаланги стрѣлками, а все лѣвое крыло Парменіона критскими стрѣлками, еракіянами, легкою конницею и греческими наемниками, — 3) Даріевой пѣхотѣ, расположенной справа подъ угломъ на высотахъ, онъ противопоставилъ сначала агріанъ и небольшое число легкой конницы и стрѣлковъ; но, оттѣснивъ ее на вершины горъ, онъ оставилъ противъ нея у подошвы послѣднихъ, для наблюденія, только 300 чел. конницы; всѣ же остальные, тутъ находившіяся войска, вмѣстѣ съ греческими наемниками, расположилъ въ одной линіи съ правымъ крыломъ своего войска и тѣмъ далъ фронту этого крыла большее протяженіе, нежели то, которое имѣло противустоявшее лѣвое крыло персовъ.

Между тѣмъ македонское войско продолжало двигаться впередъ (вѣроятно уступами съ праваго фланга или же однимъ правымъ крыломъ, между тѣмъ какъ лѣвое стояло на мѣстѣ, а не захожденіемъ цѣлою линіею на лѣво, какъ полагаютъ нѣкоторые). Александръ велъ его медленно, въ избѣжаніе колебанія и разстройства фаланги. Но едва правое крыло приблизилось къ Пинару на полетъ стрѣлы, какъ Александръ, всѣ окружавшіе его и за ними вся правая фланговая конница устремились чрезъ Пинаръ противъ лѣваго Даріева крыла съ величайшею быстротою, для того, чтобы устрашить персовъ и скорѣе выйти изъ подъ дѣйствія метательнаго оружія и вступить въ рукопашный бой. При первомъ ударѣ, лѣвое Даріево крыло (пѣхота, стоявшая на лѣвомъ флангѣ греческой наемной) было

опрокинуто и бѣжало. Голова (или правое крыло) македонской фаланги послѣдовала за конницею, по срединѣ, при переходѣ чрезъ обрывистые берега Пинара, нѣсколько отдѣлилась отъ нее и притомъ разстроилась въ шеренгахъ и рядахъ. Даріевы наемные греки воспользовались тѣмъ и стремительно ударили на нее. Завязался упорнѣйшій рукопашный бой, въ которомъ македоняне и греки, какъ бы споря о первенствѣ, сражались съ ожесточеніемъ. Но Александръ, опрокинувъ и разсѣявъ лѣвое Даріево крыло, обратился влѣво и ударилъ Даріевымъ наемнымъ грекамъ во флангъ, разстроилъ ряды ихъ, произвелъ въ нихъ жестокое опустошеніе и наконецъ отбросилъ Даріевыхъ наемниковъ съ огромнымъ урономъ отъ Пинара. Дарій немедленно бѣжалъ лично назадъ въ горы. Между тѣмъ правая фланговая конница его въ самомъ началѣ сраженія устремилась чрезъ Пинаръ на находившуюся противъ нея ессалійскую конницу Парменионова крыла. Послѣдняя уклонилась отъ удара и отступила. Персидская конница преслѣдовала ее въ большомъ безпорядкѣ; но внезапно атаковавшая всею конницею Пармениона, послѣ упорнаго, кровопролитнаго коннаго боя, видя пораженіе лѣваго крыла и средины собственнаго войска и бѣгство Дарія, бѣжала также за Пинаръ и далѣе. Повсюду опрокинутыя и разбитыя, преслѣдуемыя и жестоко поражаемыя македонскою конницею, войска Даріевы разсѣялись въ горахъ, потерявъ по свидѣтельству греческихъ историковъ, до 100,000 человекъ убитыми, въ томъ числѣ до 10,000 человекъ конницы. Весь станъ ихъ, со всеми находившимися въ немъ сокровищами, достался въ руки побѣдителей. Въ числѣ взятыхъ въ немъ плѣнниковъ были мать, супруга, сестра, сынъ и двѣ дочери Дарія, съ которыми Александръ поступилъ самымъ великодушнымъ образомъ. Потеря македонскаго войска не превышала, по свидѣтельству греческихъ историковъ, 4501 убитыхъ, въ числѣ которыхъ находились 120 пизскихъ военачальниковъ фаланги. Самъ Александръ былъ довольно тяжело раненъ.

Разбитое персидское войско бѣжало разсѣянными толпами изъ Киликіи въ Каппадокію и Фригію, гдѣ большею частію было истреблено македонскими гарнизонами. Остатки греческихъ наемниковъ (12,000 чел.) спаслись въ Триполь, въ Сирію, а оттуда моремъ на островъ Кипръ, въ Грецію и Египетъ. Самъ Дарій, едва съ 4-мя тысячами воиновъ, бѣжалъ въ Тапсакъ и за Евфратъ.

Такова была вторая большая битва Александра съ персами, въ которой превосходно соображенные и рассчитанные распоряженія его и отличныя дѣйствія его войскъ были увѣнчаны полною, рѣшительнѣйшею побѣдою, имѣвшею еще большія значеніе и

важность, нежели первая побѣда на Граникѣ. Въ ней уже не часть, а все вооруженныя Даріемъ силы были сокрушены совершенно. Чтобы собрать новыя, столь же значительныя, потребно было много времени. Самъ Дарій спасался бѣгствомъ, почти безъ войска, персы были въ ужасѣ, подвластные имъ народы—готовы немедленно возстать противъ нихъ и вмѣстѣ съ многочисленными внутренними врагами ихъ присоединиться къ счастливому побѣдителю. Такимъ образомъ путь въ Среднюю Азію былъ совершенно открытъ Александру и появленіе его въ ней въ этихъ обстоятельствахъ неминуемо повлекло бы за собою внутренній переворотъ въ персидскомъ государствѣ и облегчило, ускорило бы завоеваніе его. Слѣдственно, что, казалось бы, могло быть естественнѣе немедленнаго движенія Александра въ Среднюю Азію, въ средоточіе персидскаго государства? Что ближе и скорѣе могло вести къ цѣли войны? Но вѣрный первоначальному, глубоко-соображенному, основательному предначертанію своему, Александръ не увлекся побѣдой, не пошелъ въ Среднюю Азію, а продолжалъ движеніе вдоль восточныхъ береговъ Средиземнаго моря. Онъ нимало не опасался оставлять въ тылу за собою такого противника, какъ Дарій, послѣ такого пораженія, какъ нанесенное ему при Иссъ, зная, что успѣетъ покорить и Сирію, и Финикію, и Палестину, и Египетъ еще прежде, нежели Дарій успѣетъ собрать новое, достаточно-сильное войско. Но идти въ Среднюю Азію, доколѣ финикійскіе, палестинскіе и египетскіе берега и съ ними флотъ и господство на морѣ еще находились во власти персовъ, доколѣ собственные тылъ и сообщенія съ Македоніей и Греціей еще не были вполне обезпечены, Александръ считалъ слишкомъ отважнымъ, неосторожнымъ, неблагоразумнымъ. Эта осторожность дѣйствій его, эти твердость и постоянство его въ исполненіи первоначальнаго предначертанія войны, заслуживаютъ особеннаго вниманія. Ничто не могло поколебать ихъ, даже выгодныя и заманчивыя предложенія Дарія, который вскорѣ послѣ битвы при Иссъ предлагалъ Александру миръ, союзъ, Малую Азію до р. Галиса и уплату военныхъ издержекъ. Но Александръ отвергъ эти предложенія. Въ отвѣтъ своемъ Дарію, доказавъ законность войны, предпринятой имъ, какъ верховнымъ предводителемъ грековъ, въ отмщеніе за нашествія персовъ на Грецію, а какъ царемъ македонскимъ—за вражду ихъ къ отцу его, содѣйствіе врагамъ его и возбужденіе противъ него убійцы,—объявивъ, что, послѣ одержанныхъ имъ побѣдъ, Азія принадлежала ему,—онъ требовалъ, чтобы Дарій явился къ нему, какъ къ законному ея властителю, увѣряя, что въ такомъ случаѣ могъ отъ великодушія Александрова получить бо-

лѣе, нежели сколько ожидалъ; еслиже хотѣлъ рѣшить споръ о господствѣ въ Азіи оружіемъ, то не бѣжалъ бы болѣе, ибо Александръ всюду его настигнетъ.

§ 12.

3-й походъ въ Сирію и Египтъ (333—332).

Положивъ идти въ Сирію и Египетъ, Александръ послалъ Парменіона съ частию войскъ къ Дамаску, для завладѣнія находившимся тамъ казною и сокровищами Дарія, а самъ съ главными силами двинулся отъ Исса чрезъ Сирійскія Врата вдоль морскаго берега къ югу. Парменіонъ исполнилъ данное ему порученіе съ совершеннымъ успѣхомъ и безъ малѣйшаго сопротивленія, а Арадъ (нынѣ Тортоза), Сидонъ (нынѣ Сайдъ) и всѣ города Сиріи до самаго Тира (нынѣ Сиръ) покорились Александру добровольно. Жители обширнаго, торговаго и богатаго Тира изъявили готовность соблюдать нейтралитетъ и обязывались не впускать персовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не хотѣли также впускать въ Тиръ ни македонянъ, ни грековъ. Раздраженный этимъ и убѣжденный въ необходимости обладанія Тиромъ для совершеннаго покоренія Финикіи, овладѣнія морскими ея силами и средствами, завоеванія острова Кипра и Египта и господства на морѣ, признавая сверхъ того неблагоприятнымъ оставлять Тиръ, при движеніи въ Египетъ, въ тылу за собою—Александръ положилъ осадить этотъ городъ, не смотря на то, что осада его представляла чрезвычайныя затрудненія. Тиръ лежалъ на острову въ 4 стадіяхъ (около 1½ версты) отъ берега и былъ весьма обширенъ и сильно укрѣпленъ. Однако между берегомъ и Тиромъ море въ нѣкоторыхъ мѣстахъ было довольно мелко и Александръ, пользуясь тѣмъ, построилъ на этомъ пространствѣ деревянную плотину, для подвоза стѣнобитныхъ орудій.—Тиряне, сильнымъ дѣйствіемъ метательныхъ орудій и оружія и множествомъ морскихъ судовъ, чрезвычайно затрудняли работы македонянъ, наносили послѣднимъ большой уронъ и наконецъ, помощію зажигательнаго судна (брандера) успѣли сжечь плотину и стѣнобитныя орудія. Эта неудача нимало не поколебала Александра: онъ велѣлъ немедленно устраивать новую плотину, болѣе крѣпкую и прочную, и изготовить новыя стѣнобитныя орудія. Послѣ неимовѣрныхъ усилій, плотина была наконецъ построена и поставленная на ней орудія открыли сильное дѣйствіе противъ городскихъ стѣнъ. Въ тоже время къ Александру прибыло до 220 морскихъ судовъ изъ городовъ финикійскихъ, Кипра, Родоса и Малой Азіи. Тиряне оборонялись столь же искусно, сколько муже-

ственно и упорно, и дѣлали тщетными всѣ успѣхи Александра къ овладѣнію Тиромъ посредствомъ правильной осады, доколѣ наконецъ не были разбиты на морѣ, вѣдѣ за чѣмъ Тиръ, послѣ семимѣсячной осады и 3-хъ дневнаго, кровопролитнаго приступа, былъ взятъ (въ іюнѣ 332 г.) и разрушенъ, а изъ жителей его 8,000 чел. пали на приступѣ, 2,000 были казнены, 30,000 проданы въ рабство, а остальные успѣли бѣжать въ Карфагенъ. По свидѣтельству Арріана, македоняне въ продолженіи семимѣсячной осады Тира потеряли не болѣе 400 чел.

Между тѣмъ Дарій, имѣвшій въ эти 7 мѣсяцовъ довольно времени для сбора новаго войска и освобожденія Тира, вмѣсто того снова прибѣгнулъ къ переговорамъ, уступалъ Александру Азію уже до Евфрата и предлагалъ ему богатый выкупъ за плѣнное семейство свое, руку своей дочери и союзъ. Но отвѣтъ Александра на это былъ тотъ же, что и прежде, и Дарій, не видя надежды на примиреніе, снова началъ собирать войско.

Не обращая на это вниманія, Александръ, по взятіи Тира и покореніи всей Финикіи, двинулся берегомъ моря далѣе въ Палестину. Всѣ города въ ней, какъ приморскіе, такъ и внутренніе, въ томъ числѣ и Іерусалимъ, покорились ему безъ сопротивленія, исключая сильноукрѣпленной Газы, которую полководецъ Дарія Бетисъ рѣшился оборонять съ наемными арабійскими войсками. Послѣ 2-хъ-мѣсячной, трудной осады упорнообороняемой Газы, Александръ взялъ этотъ городъ приступомъ, сдѣлавъ изъ него военное складочное мѣсто и поставилъ въ него гарнизонъ. Изъ жителей же его, всѣ мужескаго пола погибли при осадѣ и на приступѣ, а женщины и дѣти были проданы въ рабство.

Покоривъ Финикію и Палестину, и имъ равномѣрно оставивъ внутреннее ихъ устройство и образъ правленія, Александръ отъ Газы двинулся берегомъ моря въ Египетъ, сопровождаемый флотомъ, нѣсколько судовъ котораго были посланы впередъ къ Пелусію (близъ нынѣшняго Тинеха). По 7-дневномъ походѣ и плаваніи, войско и флотъ прибыли къ Пелусію. Предшествовавшіе успѣхи Александра, покореніе имъ Сиріи, Финикіи и Палестины, беззащитное состояніе Египта и ненависть жителей его къ персамъ, открывъ Александру свободный входъ въ пе-

го и въ богатую его столицу Мемфисъ (на Нилѣ, нѣсколько выше нынѣшняго Каира), были причинами, что Александръ покорилъ Египетъ безъ всякихъ сопротивленія и труда. Заложивъ въ устьяхъ Нила городъ, названный по его имени Александрією, и совершивъ путешествіе въ Ливійскія степи къ храму Юпитера Аммона, Александръ воз-

становилъ древніе египетскіе: вѣру, законы и обычаи, устроилъ дѣла Египта, назначилъ номархами или правителями областей природныхъ египтянъ, а начальниками войскъ, оставленныхъ въ Египтѣ, и гарнизоновъ въ Мемфисѣ и Пелусіѣ—знатныхъ македонскихъ военачальниковъ, и затѣмъ весною 331 года возвратился въ Финикію къ Тйру.

ГЛАВА III.

ПОХОДЫ АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКАГО (336—323).

II. Завоевание внутренних областей персидскаго государства. — § 13. 4-й походъ въ Мессопотаміи, Ассиріи, Вавилоніи, Сузіянь и Персіи (331).—Сраженіе при Арбелѣ.—Бой при Вратахъ Персидскихъ. —
III. Завоеваніе сѣверовосточныхъ областей персидскаго государства. — § 14. 5-й походъ въ Мидіи, Пар-
ѳи, Гиркани, Аріанъ, Бактріанъ и Согдіанъ (330). — § 15. 6-й походъ въ Согдіанъ (329). — § 16.
7-й и 8-й походы въ Согдіанъ и Бактріанъ (328 — 327).

II.

Завоеваніе внутреннихъ областей персидскаго государства.

§ 13.

4-й походъ въ Мессопотаміи, Ассиріи, Вавилоніи, Сузіянь и Персіи (331).—Сраже-
ніе при Арбелѣ.—Бой при Вратахъ Персидскихъ.

Годъ и 3 мѣсяца (отъ битвы при Иссеѣ въ ноябрѣ 333 года до возвращенія въ Финикію весною 331 года), употребленные на покореніе Сиріи, Финикіи, Палестины, Египта и преимущественно Тира и Газы, Александръ оставлялъ Даріа безъ малѣйшаго вниманія. Но когда покореніе восточныхъ береговъ Средиземнаго моря было вполне совершено и обезпечено и уже настало время приступить къ завоеванію внутреннихъ областей персидскаго государства, тогда Александръ, какъ ни мало уважалъ Даріа и персовъ, однако явилъ замѣчательную осторожность. Шестъ мѣсяцевъ оставался онъ, по возвращеніи изъ Египта, въ Финикіи и употребилъ это время на окончательное устройство дѣлъ и утвержденіе свое въ покоренныхъ областяхъ, прочиѣйшее обезпеченіе тыла и сообщеній своихъ, усиленіе своего войска подкрѣпленіями изъ Македоніи и

Греціи, и принятіе всѣхъ необходимыхъ для успѣха предстоявшаго предпріятія мѣръ. Такимъ образомъ, онъ лучше хотѣлъ нѣсколько долѣе остаться въ Финикіи и потомъ однимъ быстрымъ, рѣшительнымъ ударомъ, въ нѣсколько дней или недѣль дѣйствій вознаградить многіе мѣсяцы военнаго бездѣйствія, нежели дѣйствовать на удачу и поспѣшностью въ самое рѣшительное мгновеніе войны предоставить все случаю. Такого-то рода сочетаніе, въ его дѣйствіяхъ, дѣятельности и медленія, рѣшительности и осторожности, всегда сообразное съ обстоятельствами, и составляетъ одно изъ главныхъ достоинствъ въ искусствѣ веденія имъ войны.

Накопецъ, въ исходѣ августа или началѣ сентября 331 года, онъ двинулся отъ Тира къ Талсаку на Евфратѣ (нынѣ Эль-Деръ, къ в. отъ Керкисіа, въ Аль-Джезирѣ, въ

Азіатской Турціи), съ войскомъ, состоявшимъ болѣе, нежели изъ 40,000 человѣкъ пѣхоты и 7-ми человѣкъ конницы.

Между тѣмъ Дарій, еще обладавшій значительною частію своего государства и въ ней большими военными силами и средствами, успѣлъ собрать при Вавилонѣ повныя, многочисленнѣйшія полчища. Сила ихъ показана у греческихъ лѣтописцовъ весьма различно. По однимъ она простиралась до 400,000 человѣкъ пѣхоты и 40,000 человѣкъ конницы, по другимъ до 600,000 человѣкъ пѣхоты и 145,000 человѣкъ конницы, по третьимъ до 800,000 человѣкъ пѣхоты и 200,000 человѣкъ конницы, а по Арріану даже до милліона человѣкъ пѣхоты съ 40,000 человѣкъ конницы. Всѣ эти исчисления не заслуживаютъ вѣроятія; во всякомъ случаѣ достовѣрно однако то, что войско, собранное Даріемъ послѣ битвы при Иссъ, значительно превосходило числомъ собранное имъ передъ нею и было составлено изъ народовъ и племенъ, болѣе воинственныхъ и мужественныхъ. При войскѣ находилось 200 военныхъ колесницъ и 15 слоновъ. Что касается употребленія этого войска, то одни изъ Даріевыхъ совѣтниковъ предлагали ему очистить и разорить всѣ страны до Евфрата и Тигра, другіе — не отваживаться на рѣшительную битву, а противудѣйствовать осторожнымъ медленіемъ и выжиданіемъ. Но Дарій не принялъ ни того, ни друго способа обороны, а рѣшился защищать частію силъ — переправу чрезъ Евфратъ въ Тапсакѣ, съ главными же силами — трудный, по его мнѣнію, переходъ чрезъ средній Тигръ. Вслѣдствіе того, въ то самое время, когда Александръ шелъ отъ былъ къ Тапсаку, къ послѣднему посланъ Тира персидскій полководецъ Мазей съ 3-мя тысячами человѣкъ конницы и 2-мя тысячами человѣкъ греческой наемной пѣхоты, а самъ Дарій съ главными силами расположился на лѣвой сторонѣ средняго Тигра, близъ селенія Гавгамелы, лежащаго къ з. отъ ассирійскаго города Арбелы (нынѣ Эрбилъ, а Гавгамелы между Эрбилемъ и Моссуломъ, въ Курдистанѣ, въ Азіатской Турціи).

Но по приближеніи Александра къ Тапсаку, Мазей и его войска безъ боя бѣжали къ Тигру. Перейдя въ Тапсакѣ по двумъ, построеннымъ македонскими войсками мостамъ чрезъ Евфратъ, и еще предполагая, что Дарій и его войска находятся при Вавилонѣ, Александръ двинулся къ сему послѣднему, но не по прямому и кратчайшему направленію отъ Тапсака, а на с. в. къ Тигру, путемъ, хотя и болѣе дальнимъ, но за то и несравненно болѣе удобнымъ для движенія войска, обильнымъ продовольственными для людей и лошадей способами и притомъ страшною, въ которой жары были сносимы. Эта черта столько же свидѣтельствуесть о забот-

ливости и попечительности Александра о его войскахъ, сколько и о твердой увѣренности его въ себя, въ свое счастье и въ успѣхъ. Свѣдавъ на походѣ отъ взятыхъ плѣнниковъ, что Дарій съ многочисленнымъ войскомъ находился на лѣвой сторонѣ Тигра, онъ ускорилъ движеніе свое къ этой рѣкѣ въ преждепринятомъ направленіи. Прибывъ на правый берегъ ея, насупротивъ кардучійскихъ горъ (выше Моссула), и не видя на другомъ берегу персидскихъ войскъ, онъ безпрепятственно и безъ большаго труда переправился чрезъ Тигръ и двинулся внизъ по лѣвому его берегу. На четвертыя сутки встрѣчены были небольшіе персидскіе отряды, которые немедленно бѣжали. Отъ взятыхъ у нихъ плѣнниковъ Александръ узналъ наконецъ, что Дарій былъ расположенъ при Гавгамелѣ, въ разстояніи не болѣе перехода отъ македонскаго войска. Александръ продолжалъ идти далѣе: но твердая рѣшимость его вступить съ Даріемъ въ битву, долженствовавшую окончательно рѣшить, кому изъ нихъ двухъ владѣть Азіею, была соединена съ величайшею осторожностью. Во-первыхъ, приблизясь къ Гавгамелѣ, онъ остановился, расположилъ войско въ укрѣпленномъ станѣ, далъ ему четырехъ-дневный отдыхъ и соблюдалъ всевозможныя военныя предосторожности. Затѣмъ на пятныя сутки (1-го октября 331 года), рано утромъ, оставивъ въ станѣ всѣ обозы и тяжести и всѣхъ несражавшихся или нестроевыхъ людей, онъ двинулся впередъ на-легкѣ и въ боевомъ порядкѣ. И наконецъ, приблизясь къ персамъ, которые также построились въ боевой порядокъ, онъ послѣдовалъ совѣту Парменіона и отложилъ нападеніе до слѣдующаго дня, а на этотъ день ограничился тщательнымъ обозрѣніемъ мѣстности и расположенія персовъ.

Персидское войско, остававшееся въ продолженіи этого и предшествовавшихъ дней въ бездѣйствіи, было расположено на обширной и открытой равнинѣ, находившейся къ сѣверу отъ Гавгамелы и ограниченной съ запада рядомъ небольшихъ высотъ. На лѣвомъ крылѣ его, отъ фланга къ центру, были расположены бактріане, даги, арахоты, персы, сузіане и кадузіане, пѣшіе и конные, имѣя впереди себя бактрійскую и скифскую конницу, прикрытую 100 военными колесницами. Въ среднѣй войска находился самъ Дарій, окруженный дворомъ и имѣя впереди себя 50 военныхъ колесницъ, 15 слоновъ и расположенныхъ за ними мидскихъ стрѣлковъ. По обѣ стороны Дарія и его двора, въ линіи боеваго порядка, стояли индійцы, карійцы, 15,000 безсмертныхъ и 20,000 человѣкъ греческой наемной пѣхоты. На правомъ крылѣ, отъ центра къ флангу, стояли: саки, албанцы, гирканцы, топаріане, саки, паряне, мидяне, мессопотамляне и келесириане. Впереди праваго

крыла была расположена арменская и капнадокійская конница, прикрытая 50-ю военными колесницами. Наконецъ позади, во 2-й линіи, находились уксійскія, вавилонскія, аравійскія и многія другія ополченія. Какъ пѣхота, такъ и конница, были построены въ большія, сомкнутыя и глубокія массы. Въ этомъ расположеніи персы, ожидая дневнаго, а потомъ ночнаго нападенія, провели весь день 1-го и всю ночь на 2-е октября подъ оружіемъ, что чрезвычайно утомило и людей, и лошадей.

Обозрѣвъ мѣстность и расположеніе персовъ, Александръ краткою, но сильною рѣчью одушевилъ военачальниковъ, и полный надежды на ихъ мужество и храбрость, приказалъ войску подкрѣпить силы свои пищею и затѣмъ отдыхать въ томъ самомъ порядкѣ, въ которомъ оно передъ тѣмъ слѣдовало. Парменіонъ предложилъ произвести на персовъ внезапное ночное нападеніе, но Александръ не согласился на это, какъ потому, что считалъ такого рода нападеніе недостойнымъ себя и своего войска, такъ и потому, что персы, опасаясь ночнаго нападенія, приняли противъ него свои мѣры. Ночью Александръ заснулъ столь крѣпкимъ сномъ, что на разсвѣтѣ съ трудомъ могъ быть пробужденъ Парменіономъ — обстоятельство, доказывающее совершенное спокойствіе духа съ его стороны, его рѣшимость и увѣренность въ побѣдѣ. Еще наканунѣ, по обозрѣніи мѣстности и расположенія персидскаго войска, онъ положилъ напасть на лѣвое крыло персовъ правымъ своимъ крыломъ, усиленнымъ отборнѣйшими войсками, въ косвенномъ боевомъ порядкѣ, удерживая лѣвое крыло, наиболѣе подвергавшееся обходу, на мѣстѣ. Этотъ планъ атаки, безъ сомнѣнія, былъ основанъ на томъ, что къ з. или влѣво отъ персидскаго войска лежали упомянутыя выше небольшія высоты и слѣдовательно обезпечивавшія правое македонское крыло отъ обхода и нападенія во флангъ и въ тылъ. Лѣвое же македонское крыло ничѣмъ отъ этого обезпечено не было, ибо находилось среди совершенно открытой равнины. Вслѣдствіе того, 2-го октября на разсвѣтѣ Александръ и построилъ армію свою нижеслѣдующимъ образомъ:

На правомъ крылѣ онъ поставилъ, подъ главнымъ начальствомъ Филота, 8 иловъ этеровъ, изъ коихъ 1-й или царскій находился впереди прочихъ; на правомъ флангѣ этеровъ — македонскихъ стрѣлковъ и половину агріянъ, поддерживаемыхъ греческими наемными дружинами; — впереди агріянъ и македонскихъ стрѣлковъ — легкую конницу и пэонянъ, а еще далѣе впереди — иностранную конницу, которой приказалъ взять персовъ во флангъ въ случаѣ, еслибы они захотѣли охватить ее. Съ фронта онъ прикрылъ правое крыло остальными агріянами, стрѣлками

и пращниками. Начальство надъ всѣмъ правымъ крыломъ онъ предоставилъ лично себѣ.

Въ серединѣ онъ расположилъ македонскую фалангу, состоявшую изъ 16,400 оплитовъ и раздѣленную на 8 мелархій. На правомъ флангѣ ея находились пѣшая агема и пинасхисты.

На лѣвомъ крылѣ, пѣсколько загнутымъ назадъ, онъ поставилъ вспомогательную союзническую пѣхоту подъ начальствомъ Кратера, а на флангѣ — союзную греческую и вессалійскую конницу, подъ начальствомъ Парменіона. Съ фронта и фланга онъ прикрылъ это крыло конницею: греческою наемною, вракійскою, вспомогательною и одрисскою. Главное начальствованіе надъ лѣвымъ крыломъ онъ поручилъ Парменіону.

Такова была 1-я боевая линія Александра войска. Во 2-й, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ 1-й, Александръ расположилъ 8,200 пелтастовъ, раздѣленныхъ на 8 снстремъ, приказавъ начальникамъ ихъ обратиться фронтомъ назадъ въ случаѣ, еслибы персы охватили войско и напали на него съ тыла, а также, въ случаѣ надобности — разомкнуть или сомкнуть строй свой.

Вракійская пѣхота была оставлена въ станѣ, для охраненія его.

Всего въ войскѣ Александра было 40,000 человекъ пѣхоты и 7,000 человекъ конницы, изъ коихъ: 16,400 оплитовъ, 8,200 пелтастовъ и 4,100 человекъ тяжелой конницы, а остальные 18,300 состояли частью изъ тяжелой пѣхоты, большею же частью изъ легкихъ пѣхоты и конницы.

Построивъ войско, Александръ двинулся впередъ и, сблизясь съ непріятелемъ, приказалъ обѣмъ своимъ линіямъ двинуться вправо, имѣя въ виду, чтобы македонское правое крыло поравнялось съ лѣвымъ непріятельскимъ: ибо дотолѣ этеры, которыхъ онъ лично велъ, находились насупротивъ Дарія и середины его войска.

Усмотрѣвъ движеніе македонскаго войска вправо и опасаясь, чтобы македоняне не заняли высотъ, Дарій сначала продолжилъ лѣвое свое крыло влѣво, а потомъ приказалъ бактрійской и скинской конницѣ напасть на правый флангъ македонянъ, дабы удержать дальнѣйшее движеніе ихъ вправо. Но Александръ послалъ противъ нея съ фронта и во флангъ иностранную конницу праваго своего крыла, поддерживаемую стрѣлками. Послѣ упорнаго и кровопролитнаго боя, бактрійская и скинская конница была приведена въ разстройство и персы устремились противъ Александра военные колесницы свои, вооруженныя косами. Но отъ сильной стрѣлбы македонскихъ стрѣлковъ потерявъ многихъ возничихъ и лошадей убитыми и ранеными, колесницы не причинили почти никакого вреда македонянамъ и большею частью были взяты ими. Тогда Дарій двинулъ все свое войско. Александръ,

приказавъ легкой конницѣ своего праваго крыла ударить на Даріеву лѣвую фланговую конницу, угрожавшую охватить это крыло, построить этеровъ и македонскую фалангу (по Арріану) клиномъ и лично произвелъ съ ними стремительное нападеніе на средину Даріева войска. Бой продолжался недолго: тѣснимыя со всѣхъ сторонъ, прорванныя македонскою фалангою, войска персидскаго центра вскорѣ были совершенно опрокинуты. Дарій обратился въ бѣгство первый, а за нимъ послѣдовала и вся срединна его войска, исключая греческой наемной пѣхоты, которая защищалась упорно и почти вся легла на мѣстѣ. Подобнымъ образомъ и лѣвая фланговая конница Даріева была съ огромнымъ уропомъ опрокинута и разсѣяна легкою конницею праваго крыла Александра.

Между тѣмъ часть индійской и персидской конницы воспользовалась промежуткомъ, образовавшимся, при нападеніи Александра на центръ персовъ, между серединою и лѣвымъ крыломъ македонскаго войска, — бросилась въ этотъ промежутокъ, проникла до македонскаго стапа, пала на безоружную еракійскую пѣхоту совершенно неожиданно и, вмѣстѣ съ находившимися въ станѣ и присоединившимися къ ней персидскими пѣхотниками, истребила большое число этой пѣхоты и начала грабить станъ. Но 2-я линія македонскаго войска (пелтасты) обратилась фронтомъ назадъ, пала на непріятельскую конницу съ тыла и часть оной истребила, а остальную прогнала.

Въ то же самое время правое крыло Дарія охватило лѣвое крыло Александрова и пала на Пармениона во флангъ. Парменионъ, увѣдомивъ Александра объ опасности, въ которой находился, просилъ у него помощи. Александръ, преслѣдовавшій разбитое лѣвое крыло и центръ персовъ, немедленно и быстро обратился съ этерами противъ праваго непріятельскаго крыла, но на половинѣ пути встрѣтилъ прогнанную изъ македонскаго стапа индійскую и персидскую конницу. Чтобы пробиться, она пала на него одною, плотносомкнутою массою и сражалась съ отчаянною храбростью. Отъ того ударъ и бой были жестоки: 60 этеровъ были убиты, многіе ранены, но Александръ сломилъ наконецъ непріятельскую конницу и почти всю ее положилъ на мѣстѣ; спаслись только немногіе, успѣвшіе пробиться. Затѣмъ, прибывъ къ лѣвому своему крылу, Александръ нашелъ, что персы, благодаря храбрости ессалийской конницы, уже были отражены. Конница эта, при содѣйствіи стрѣлковъ, пала съ фронта и фланга на правое крыло персовъ и тѣмъ удержала его, и вскорѣ, свѣдавъ о пораженіи и бѣгствѣ Дарія, оно также бѣжало.

Такимъ образомъ персы, имѣя на своей

сторонѣ превосходство въ силахъ, почти охватили македонское войско съ обоихъ фланговъ. Но македоняне не только отразили фланговые ихъ нападенія, но и сами разбили центръ и оба крыла ихъ.

Разбитое персидское войско бѣжало за находившуюся въ тылу его рѣчку Ликъ (нынѣ Зарбъ) и черезъ Арбелу. Александръ и Парменионъ, каждый съ своимъ крыломъ, преслѣдовали персовъ до Лика. При этомъ Парменионъ завладѣлъ станомъ, всѣми тяжестями, слонами и верблюдами персовъ. Перейдя черезъ Ликъ, Александръ къ вечеру расположилъ войско на другомъ берегу станомъ, для отдохновенія, а въ полночь продолжалъ преслѣдованіе и на другой день овладѣлъ Арбелою и въ ней сокровищами и оружіемъ Дарія.

По свидѣтельству греческихъ историковъ, потеря персовъ въ Гавгамельской битвѣ (болѣе извѣстной подъ названіемъ Арбельской) простиралась, по нѣкимъ до 40,000, а по другимъ до 100,000 и даже до 300,000 челов., потеря же македонянъ — по нѣкимъ до 500, а по другимъ только до 100 челов. и около 1,000 лошадей. Эти показанія весьма сомнительны; достовѣрно однако то, что вообще со стороны персовъ уронъ былъ весьма значительный, а со стороны македонянъ — маловажный.

Такова была третья большая битва Александра съ персами, которая, по искусству его распоряженій, отличнымъ дѣйствіямъ его войска, рѣшительности и важности одержанной въ ней побѣды и ея послѣдствій, стоитъ еще выше двухъ предшествовавшихъ битвъ при Гранкѣ и Иссъ. Разсматривая ихъ въ совокупности, можно сказать, что онѣ составляютъ какъ бы три отдѣльныя, но тѣсносвязанныя между собою части одного стройнаго цѣлаго, три послѣдовательныя, въ борьбѣ Азии съ Европою, развязки, важность и значеніе которыхъ возвышались постепенно болѣе и болѣе.

Предполагая, что Александръ, одержавъ побѣду, пойдетъ къ Вавилону и Сузѣ (въ окрестностяхъ нынѣшняго Шустѣра или Шустѣра, въ персидскомъ Хузистанѣ), путь къ которымъ представлялъ болѣе удобствъ для движенія и продовольствованія македонскаго войска, нежели путь въ Мидію, Дарій бѣжалъ въ Экбатану (въ окрестностяхъ нынѣшняго Гамадана, въ персидской области Пракъ-Аджеми), сопровождаемый небольшимъ числомъ своихъ войскъ, остальная часть которыхъ разсѣялась по всѣмъ направленіямъ. Александръ дѣйствительно не преслѣдовалъ его далѣе Арбелы, но двинулся прямо къ Вавилону, а оттуда къ Сузѣ. Оба эти города покорились ему добровольно. Давъ войску въ обоихъ кратковременный отдыхъ, устроивъ управленіе Арменіи, Мессопотаміи, Ассиріи, Вавилоніи и Сузіи (нынѣшнихъ турецкихъ: Арменіи, Курди-

стана, Аль-Джесирэ и Пракъ-Араби и персидскаго Хузистана) и успявъ подкрѣпленіями, прибывшими изъ Македоніи и Греціи въ числѣ около 10,000 челов. и вспомогательными войсками многихъ, добровольно покорившихся ему персидскихъ владѣтелей и вельможъ, и подвластныхъ персамъ племенъ, — Александръ двинулся чрезъ земли уксіянъ въ собственную Персію къ Персеполю (въ окрестностяхъ и къ с. в. отъ нынѣшняго Шираза, въ персидской области Фарсиستانѣ). Тѣ изъ уксіянъ, которые обитали на равнинахъ, покорились ему; жившіе же въ горахъ хотѣли преградить ему путь въ своихъ ущельяхъ. Но Александръ быстрымъ ночнымъ движеніемъ съ отборными войсками, по едва-проходимымъ горнымъ путямъ, предупредилъ, окружилъ и разбилъ уксіянъ въ ихъ ущельяхъ, нанеся имъ большой уронъ, взялъ у нихъ значительную добычу и принудилъ ихъ покориться. Затѣмъ онъ послалъ Пармениона съ обозами, ессалійскою, союзничьею и иностранною конницею и съ тяжело-вооруженными войсками въ Персію равнинами между горами и моремъ; самъ-же съ македонскою пѣхотою, этерами, легкою конницею, агріянами и стрѣлками быстро двинулся чрезъ горы къ Персидскимъ Вратамъ — горному проходу изъ Сузіяны въ Персію (въ Бахтіярскомъ горномъ хребтѣ, между нынѣшними Шухдэромъ и Ширазомъ). Здѣсь его ожидалъ персидскій сатрапъ Аріобарзанъ съ 40,000 челов. пѣхоты и 700 чел. конницы, загородивъ входъ въ ущелье каменнымъ валомъ.

Хотя Арріанъ не объясняетъ причины, почему Александръ раздѣлилъ свое войско и лично пошелъ къ занятому персами ущелью, тогда какъ могъ обойти оное большою дорогою, но нѣтъ, кажется, никакого сомнѣнія, что онъ сдѣлалъ это во 1-хъ для того, чтобы не оставлять персовъ въ тылу за собою, во 2-хъ для того, чтобы рѣшительнымъ пораженіемъ Аріобарзана на такой мѣстности, гдѣ онъ считалъ себя непобѣдимымъ, тѣмъ сильнѣйшее произвести впечатление на персовъ и облегчить, ускорить покореніе родной страны ихъ, Персіи, и священныхъ для нихъ мѣстъ, Персеполя и Пасаргады, — и наконецъ въ 3-хъ по страсти своей къ преодолѣнію препятствій, затрудненій и опасностей.

Прибывъ къ Персидскимъ Вратамъ, онъ расположился станомъ у подошвы горъ и на слѣдующее утро произвелъ нападеніе на укрѣпленное ущелье. Подступы къ нему были такъ трудны и персы производили изъ него такую сильную стрѣльбу изъ луковъ и метательныхъ орудій, что Александръ былъ принужденъ прекратить нападеніе. Узнавъ отъ плѣнниковъ, что ущелье можно было обойти, хотя и весьма труднымъ путемъ, слѣва чрезъ горы, онъ оставилъ Кратера,

съ начальствуемыми имъ и Мелеатромъ войсками, нѣсколькими стрѣлками и 500 чел. конницы, противъ ущелья, съ приказаніемъ напасть на него, какъ скоро услышится условный знакъ, подаваемый Александромъ, по другую сторону ущелья, на трубахъ. Самъ же Александръ съ иппаспистами, войсками Пердикки, лучшими стрѣлками, первымъ (царскимъ) плотъ этеровъ и частию конницы ночью двинулся въ обходъ чрезъ горы. Аминтъ, Филотъ и Кэнтъ повели остальную часть войска чрезъ равнины и получили приказаніе построить мостъ на рѣкѣ, преграждавшей входъ въ Персію. Пройдя около 100 стадій (17½ верстъ), не смотря на весьма трудную мѣстность, съ необычайною быстротою, большую часть времени бѣгомъ, Александръ еще до разсвѣта встрѣтилъ и истребилъ сначала одну, а потомъ другую передовыя, охранныя стражи персовъ; — третья, по приближеніи его, бѣжала не къ войску своему, а на вершины горъ. Такимъ образомъ Александръ на разсвѣтѣ совершенно неожиданно явился въ тылу Аріобарзана, отрядилъ Птолемѣя съ 3,000 чел. пѣхоты для овладѣнія станомъ персовъ, находившимся влѣвѣ отъ него близъ ущелья, а самъ, построивъ войска въ боевой порядокъ и подавъ условный знакъ на трубахъ, стремительно напалъ на правое крыло выступившаго къ нему на встрѣчу Аріобарзана и взялъ оное во флангъ. Въ то же самое время Кратеръ взялъ ущелье съ противоположной стороны приступомъ и напалъ на лѣвое крыло Аріобарзана съ тыла во флангъ, а Птолемей овладѣлъ станомъ персовъ. Атакованные съ фронта и тыла, охваченные съ обонхъ фланговъ и отрѣзанные отъ своего стана, персы были опрокинуты, разбиты и большею частию истреблены, либо, спасаясь бѣгствомъ, погибли въ пропастяхъ. Самъ Аріобарзанъ ускакалъ въ горы.

Одержавъ такимъ образомъ, помощію превосходныхъ распоряженій своихъ, рѣшительный и блистательный успѣхъ, Александръ снова соединился съ главными силами своего войска, перешелъ по построенному уже имъ мосту черезъ рѣку и двинулся къ Персеполю усиленными переходами, дабы предупредить расхищеніе царскихъ сокровищъ. На 11-я сутки по выходѣ изъ Вавилона (въ послѣднихъ числахъ октября или первыхъ ноябрю 333 года) онъ торжественно вступилъ въ Персеполь, поспѣшнѣйшій покориться ему, завладѣвъ въ немъ всеми царскими сокровищами, устроилъ управленіе Персіи и, въ отмщеніе за разрушеніе Аѳинъ, сожженіе храмовъ и разореніе Греціи персами при Даріѣ и Ксерксѣ, сжегъ въ Персеполѣ царскіе чертоги — поступокъ невеликодушный, неблагоприятный и недостойный Александра.

Итакъ, послѣ 6-ти мѣсячныхъ: пребыва-

нія въ Финикіи и мудраго, осторожнаго медленія, Александръ послѣдующими быстротою и искусствомъ своихъ дѣйствій, и рѣшительнымъ ударомъ, нанесеннымъ Дарію при Арбелѣ, не болѣе, какъ въ два мѣсяца

времени, совершилъ покореніе внутреннихъ областей и трехъ столицъ или самаго средоточія персидскаго государства, успѣвъ еще въ теченіи того же времени покорить уксіанскихъ горцевъ и разбить Аріобарзана.

III.

Завоеваніе сѣверовосточныхъ областей персидскаго государства.

§ 14.

5-й походъ въ Мидію, Парсію, Гирканию, Аріанъ, Бактріанъ и Согдіанъ (330 г.).

Съ вступленіемъ Александра въ Персеполь, цѣль войны съ персами была уже въ половинѣ достигнута. Наибольшая часть персидскаго государства была въ его власти и непокоренными оставались только однѣ восточныя области. Но обширныя завоеванія, совершенныя Александромъ, необходимо требовали твердаго упроченія ихъ, а войско, посредствомъ котораго они свершены были —отдыха, пополненія, усиленія и устройства послѣ 4-хъ лѣтней трудной войны, и надлежащаго изготовленія къ дальнѣйшему ея продолженію. Дарій, жалкій бѣглець, безъ власти и почти безъ войска и приверженцевъ, царь персидскій только по имени, не возбуждалъ ни малѣйшаго опасенія, а походъ въ сѣверовосточныхъ, чрезвычайно гористыхъ областяхъ персидскаго государства, въ зимнее время, былъ труденъ и опасенъ. А потому Александръ и провелъ въ Персеполѣ 4 мѣсяца (ноябрь и декабрь 331, январь и февраль 330 годовъ), употребивъ ихъ на устройство внутреннихъ дѣлъ и управленія завоеванныхъ областей, покореніе въ нихъ нѣкоторыхъ, еще непокоренныхъ племенъ и на усиленіе и устройство своего войска. Весною же (въ мартѣ) 330 года, оставивъ въ Персеполѣ тяжести и обозы, онъ двинулся въ Мидію (нынѣшнюю персидскую область Иракъ-Аджеми) противъ Дарія, уже не съ тѣмъ, чтобы разбить его въ новой битвѣ, но чтобы захватить его въ плѣнъ, низложить съ престола, провозгласить себя его преемникомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ покорить Мидію, Парсію и Гирканию. Онъ шелъ съ такою быстротою, что уже на 15-я сутки былъ въ Экбатанѣ, находившейся въ разстояніи около 4,000 стадій (700 верстъ) отъ Персеполя, пройдя, такимъ образомъ, среднимъ числомъ по 46-ти верстъ слишкомъ въ сутки и успѣвъ еще на пути покорить племя паретакеновъ. Но Дарія уже не бы-

ло въ Экбатанѣ. Оставаясь въ ней постоянно со времени битвы при Арбелѣ, съ небольшимъ числомъ собравшихся около него войскъ (до 6,000 человѣкъ пѣхоты и 3,000 человѣкъ конницы), онъ положилъ ждать въ Мидіи какого-либо благопріятнаго для себя переворота обстоятельствъ, въ случаѣ, еслибы Александръ остался въ Вавлонѣ или Сузѣ;—въ случаѣ же преслѣдованія его Александромъ—продолжать бѣгство свое далѣе на сѣверовостокъ чрезъ Парсію и Аріану въ Бактріану (чрезъ нынѣшній персидскій Хорасанъ въ сѣверный Кабуль и южный Туркестанъ), опустошивъ край на пути. Съ этою цѣлію онъ заблаговременно отправилъ къ Каспійскимъ Вратамъ (проходу въ горахъ между Мидіею и Парсіею, нынѣ Хаварское ущелье, нѣсколько къ в. отъ Тегерана) всѣ обозы и драгоцѣнности свои;—при вѣсти же о движеніи Александра къ Экбатанѣ, и самъ съ войсками бѣжалъ къ Каспійскимъ Вратамъ и далѣе въ Парсію и Аріану. Александръ оставался въ Экбатанѣ самое непродолжительное время, необходимое только для нѣкоторыхъ гражданскихъ и военныхъ распоряженій. Именно онъ приказалъ Парменіону собрать въ Экбатанской крѣпости казну и всѣ сокровища персидскаго государства, и потомъ съ греческими войсками, еракіянами и большею частию конницы (исключая этеровъ) идти чрезъ земли кадузій въ Гирканию (нынѣшній персидскій Мазандеранъ). Для охраненія казны и сокровищъ онъ оставилъ въ Экбатанской крѣпости 6,000 человѣкъ македонской пѣхоты и небольшое число конницы, подъ начальствомъ Гарпала. Θεσσαλίскую и союзническую конницу онъ отправилъ въ малоазійскія приморскія области, наградивъ ее прибавкою жалованья и удержавъ лошадей и тѣхъ изъ всадниковъ, которые сами того пожелали и число которыхъ было

довольно значительно. Наконецъ Клитъ отъ приказалъ изъ Сузы прибыть въ Экбатану и оттуда съ отрядомъ Гарпала идти въ Парсею на соединеніе съ нимъ. Самъ же онъ съ этерами, легкими войсками, инострательною наемною конницею, македонскою фалангою, стрѣлками и агріянами быстро двинулся къ Рагамъ (нѣсколько къ с. в. отъ Тегерана). Около 350-ти верстъ до этого города онъ прошелъ въ 11 сутокъ, оставивъ множество больныхъ и потерявъ большое число лошадей на пути. Въ Рагахъ онъ оставался 5 сутокъ, какъ для необходимаго отдохновенія войскъ, такъ и потому, что не надѣялся болѣе настигнуть Дарія, уже находившагося по ту сторону Каспійскихъ Вратъ. На шестыя сутки, пройдя черезъ Каспійскія Врата, онъ вступилъ въ Парсею (персидскій Хорасанъ), и не доходя города Экатомпикона (совратнаго, позже Савлы, въ окрестностяхъ нынѣшнихъ Семнава и Дамгана), узналъ, что Бессъ, сатрапъ Бактріяны, Бразъ, сатрапъ арахотовъ и драпговъ, и Набарзанъ, сопровождавшій Дарія съ 1,000 человекъ конницы, захватили сего послѣдняго и держали его въ плѣну. Это извѣстіе побудило Александра снова и съ сугубою быстротою двинуться впередъ, на этотъ разъ уже для спасенія жизни несчастнаго своего соперника. Взявъ съ собою этеровъ, легкую конницу и отборнѣйшихъ воиновъ фаланги и приказавъ имъ имѣть на себѣ только оружіе и на двое сутокъ продовольствія, а Кратеру съ остальнымъ войскомъ слѣдовать за нимъ небольшими переходами, Александръ шелъ всю ночь и остановился для отдыха только на слѣдующій день около полудня. Вечеромъ онъ продолжалъ движеніе, снова шелъ цѣлую ночь и на разсвѣтѣ прибылъ къ тому мѣсту, гдѣ передъ тѣмъ былъ расположенъ станъ Бесса и его сообщниковъ, но уже не нашелъ ихъ тамъ и узналъ, что они увлекли за собою Дарія въ оковахъ и что Бессъ замышлялъ провозгласить себя царемъ сѣверовосточныхъ областей персидскаго государства. Это извѣстіе возбудило въ Александрѣ еще сильнѣйшее желаніе настигнуть Бесса и спасти Дарія. Не смотря на то, что находившіяся при немъ войска были до крайности утомлены усиленнымъ и быстрымъ движеніемъ и что число ихъ постепенно уменьшалось по мѣрѣ того, какъ число больныхъ, слабыхъ и отсталыхъ увеличивалось, Александръ снова двинулся быстро впередъ, шелъ цѣлую ночь и на слѣдующій день въ полдень прибылъ къ тому мѣсту, гдѣ похитители Дарія въ предшествовавшую ночь были расположены станомъ. Узнавъ, что они должны продолжать бѣгство ночью, Александръ рѣшился преслѣдовать ихъ путь, направляясь кратчайшею, хотя и безводною дорогою. Чтобы идти скорѣе и чтобы пѣхота не задерживала его, онъ сформировалъ 500 всадниковъ, посадилъ на

лошадей ихъ столько же отборныхъ оплитовъ и ввечеру поскакалъ съ ними и этерами по означенной выше дорогѣ. Иппасисты, агріане и часть легкой пѣхоты и конницы направились по той дорогѣ, по которой бѣжалъ непріятель, а остальная пѣхота слѣдовала за ними въ строѣ пустаго четвероугольника. Всю ночь, на разстояніи 400 стадій (70-ти верстъ) скакалъ Александръ съ своимъ коннымъ отрядомъ и подъ утро, имѣя при себѣ, по свидѣтельству Плутарха, уже не болѣе 60-ти всадниковъ, настигнулъ наконецъ непріятелей, бѣжавшихъ въ совершенномъ безпорядкѣ. Немногихъ изъ нихъ, отважившихся сопротивляться, онъ опрокинулъ и истребилъ;—прочіе, въ томъ числѣ Бессъ и его сообщники, успѣли ускакать. Уже настигаемые Александромъ, они нанесли Дарію смертельныя раны и, бросивъ его умирающимъ на дорогѣ, сами съ 600 всадниками продолжали бѣжать далѣе. Вскорѣ послѣ того прибылъ Александръ и, найдя Дарія уже мертвымъ, пролилъ искреннія слезы надъ тѣломъ злополучнаго царя, котораго хотѣлъ спасти.

Изложенныя здѣсь дѣйствія Александра, обнимающія, отъ выступленія его изъ Персеполя до того времени, когда онъ настигъ Дарія, уже мертваго—около 4-5 недѣль, по истинѣ заслуживаютъ удивленія *). Такое чрезмѣрное напряженіе силъ, такая быстрота движеній могли бы даже показаться невероятными, еслибы не были подтверждены единогласнымъ свидѣтельствомъ всѣхъ греческихъ историковъ, особливо добросовѣстнаго и правдиваго жизнеописателя Александра, Арріана. Эти напряженіе силъ и быстрота движеній доказываютъ неоспоримо, что, требуя отъ своихъ войскъ непомерныхъ, почти невозможныхъ, усилій, онъ и самъ нимало не щадилъ себя, ибо былъ всегда въ главѣ своихъ войскъ, и что безпрекословное повиновеніе ему послѣднихъ протекало какъ отъ ихъ любви и преданности къ нему, такъ и отъ сильнаго одушевленія ихъ личнымъ его примѣромъ. Усиленное и быстрое движеніе Александра стоило ему, безъ сомнѣнія, потери такого-же числа слабыхъ и отсталыхъ людей и павшихъ лошадей, какого стоило бы ему, убитымъ и раненымъ, одинъ частный бой съ непріателемъ; но цѣль, предположенная имъ, вполнѣ оправдывала такого рода пожертвованія. Еслиже страннымъ показаться можетъ, что Александръ, царь и полководецъ, принялъ на се-

*) Ни Арріанъ, ни другіе историки не означаютъ мѣстными пунктами направленія бѣгства Бесса и преслѣдованія его Александромъ. Но такъ какъ Бессъ бѣжалъ въ Бактріану или сѣверный Кабуль и южный Туркестанъ, то весьма вѣроятно, что Александръ преслѣдовалъ его отъ Семнава и Дамгана по направленію на нынѣшній Нишабуръ и Серахсъ, или на Тершишъ и Турбутъ въ персидскомъ Хорасанѣ.

бя обязанность частнаго начальника передоваго отряда войскъ, то это вполне объясняется и оправдывается необыкновенными пылкостью и нетерпѣливостью его характера, страстію его ко всему необыкновенному, презрѣніемъ трудовъ и опасностей и великодушнымъ рвеніемъ благородной души его къ спасенію несчастнаго Дарія.

Повелѣвъ погребсти тѣло Дарія въ Персеполѣ со всѣми подобавшими сану его и употребительными у персовъ почестями и обрядами, и провозгласивъ себя преемникомъ его, Александръ сосредоточилъ при Экатомпилонѣ всѣ оставшіяся назадъ войска и вскорѣ двинулся къ сѣверу въ Гирканію (Мазандеранъ). Для скорѣйшаго и легчайшаго покоренія ея, равно и для того, чтобы принудить къ сдачѣ наемныхъ грековъ, дотолѣ бывшихъ въ Даріевой службѣ, а теперь укрывавшихся въ горахъ и ущельяхъ между Парѣіею и Гирканіею, онъ раздѣлилъ войско свое на три части. Кратера съ одною послалъ чрезъ земли тапуровъ, Эрпгія съ другою и со всѣми тяжестями и обозами — дальнимъ путемъ чрезъ равнины, а самъ съ третьею и сильнѣйшею, составленною преимущественно изъ легкихъ войскъ, направился труднѣйшимъ, но кратчайшимъ путемъ чрезъ горы. Мѣстомъ соединенія всѣхъ трехъ частей была назначена Зевдракарта въ Гирканіи (въ окрестностяхъ нынѣшняго Балфруха въ Мазандеранѣ). Результатами были: безпрепятственное вступленіе Александра, Кратера и Эрпгія въ Гирканію, соединеніе ихъ при Зевдракартѣ и добровольное покореніе Александру тапуровъ, многихъ персидскихъ сатраповъ и вельможъ и наконецъ наемныхъ грековъ въ числѣ около 1,500 человекъ. Обласкавъ и наградивъ персидскихъ сатраповъ и вельможъ, пребывшихъ вѣрными Дарію даже до конца его жизни, и принявъ наемныхъ грековъ въ свою службу на жалованье, — Александръ взялъ иппасистовъ, стрѣлковъ, агріанъ и часть этеровъ, фаланги и легкой конницы, и произвелъ быстрое вторженіе въ земли вопиственнаго племени мардовъ, лежавшія между Гирканіею и Мидіею (къ с.-з. отъ нынѣшняго Тегерана) и покрытыя высокими горами и дремучими лѣсами. Атакованные совершенно неожиданно врасплохъ, марды нигдѣ не могли укрыться отъ него и тѣснимые, поражаемые всюду, были принуждены покориться. Такимъ образомъ Александръ безъ труда покорилъ Парѣію и Гирканію, завладѣлъ горными проходами изъ Парѣи и Мидіи въ Гирканію и обезпечилъ сообщенія свои какъ съ Гирканскимъ (Каспійскимъ) моремъ, такъ и съ Экбатаною, откуда Парменіонъ долженъ былъ присоединиться къ нему съ главными силами македонскаго войска.

Покоривъ мардовъ, Александръ далъ войскамъ 15-ти-дневный отдыхъ въ Зевдра-

картѣ. Въ это время дѣйствующія силы его были расположены нѣсколькими частями (эшелонами) между Экбатаною и Зевдракартою. Изъ нихъ главныя, какъ сказано, находились съ Парменіономъ въ Экбатанѣ и Мидіи, а до 20,000 человекъ пѣхоты и около 3,000 человекъ конницы съ самимъ Александромъ въ Зевдракартѣ. Сверхъ того, во всѣхъ завоеванныхъ областяхъ находились гарнизоны, обезпечивавшіе какъ покорность и спокойствіе ихъ, такъ и сообщенія Александра съ Македоніею и Греціею (330 г.).

Въ это же самое время счастье благоприятствовало Александру и въ Греціи. Антипатръ, бдительностью и твердостью своимъ, три года (334—332) сохранялъ въ ней спокойствіе и тишину. Но когда на четвертый годъ (331) онъ былъ принужденъ обратиться во Фракію для усмиренія возникшаго въ ней мятежа, тогда спартанцы, движимые неприязнію къ Александру, честолюбіемъ царя своего Агиса и золотомъ Дарія, возбудили общее въ Пелопоннесѣ возстаніе и собрали до 22,000 войскъ. Антипатръ, усмиривъ мятежъ во Фракіи, быстро двинулся съ сильнымъ войскомъ въ Пелопоннесъ и въ битвѣ при Мегалополѣ (330) наголову разбилъ спартанцовъ и ихъ союзниковъ, 3,000 которыхъ, и въ томъ числѣ самъ Агисъ, пали въ бою. Этотъ быстрый и рѣшительный ударъ смирилъ грековъ и упрочилъ въ Греціи спокойствіе, которое съ тѣхъ поръ до самой смерти Александра уже ни разу не было нарушено.

Послѣ 15-ти-дневнаго пребыванія въ Зевдракартѣ, Александръ положилъ съ находившимися при немъ 23,000 войскъ двинуться въ Бактріяну противъ бѣжавшаго туда Бесса, постепенно присоединяя къ себѣ находившіяся въ тылу войска. Вслѣдствіе того, изъ Зевдракарты онъ направился сначала въ Аріяну, къ одному изъ ея городовъ, Сузіи (на предѣлахъ Аріяны, Гирканіи и Маргіяны, нѣсколько къ ю.-з. отъ нынѣшняго Серахса на р. Тедженѣ, Серахсѣ или Гератѣ). Сатрапъ Аріяны, Сатибарзанъ, покорился ему добровольно и былъ оставленъ имъ въ своемъ званіи. Здѣсь Александръ узналъ, что Бессъ провозгласилъ себя царемъ Азіи и, поддерживаемый бактріянами и собравшимися вокругъ него персами, ожидалъ сверхъ того помощи союзниковъ своихъ, скиновъ. Вслѣдствіе того, Александръ немедленно двинулся изъ Сузіи въ Бактріяну по прямому направленію на Бактру (нынѣ Балхъ въ южномъ Туркестанѣ, недалеко отъ лѣваго берега рѣки Джейгуна или Аму-Дарьи). На пути туда къ нему уже присоединилась часть войскъ, прибывшихъ изъ Мидіи. Но едва онъ удалился изъ Сузіи, какъ вѣроломный Сатибарзанъ возсталъ, съ намѣреніемъ присоединиться къ Бессу и вмѣстѣ съ нимъ въ общей битвѣ подавить Александра превосходствомъ силъ. Узнавъ объ

этомъ, Александръ ввѣрилъ главныя силы Кратеру, а самъ, съ отборнѣйшими войсками, усиленными переходами двинулся быстро назадъ и, въ двое сутокъ пройдя 600 стадій (105 верстъ), совершенно неожиданно явился передъ Артакоаною (городомъ въ среднѣхъ Аріяны, между нынѣшними Хаффомъ въ персидскомъ Хорасанѣ и Гератомъ въ Кабулѣ)—средоточіемъ возстанія. Сатибарзанъ и собранныя имъ войска бѣжали, были быстро преслѣдованы и частью истреблены, частью взяты въ плѣнъ. Затѣмъ, упрочивъ покорность Аріяны назначеніемъ новаго, надежнаго сатрапа и основаніемъ македонскаго поселенія, названнаго Александріею (нынѣ Гератъ), Александръ воротился къ своему войску.

Въ это время открытъ былъ заговоръ Филота, сына Парменіонова, и многихъ другихъ македонскихъ военачальниковъ, противъ жизни Александра. Поводомъ къ тому послужила переменна, происшедшая, со времени битвы при Арбелѣ и особенно по смерти Дарія, какъ въ самомъ Александрѣ, такъ и во взаимныхъ отношеніяхъ его и знатныхъ македонскихъ военачальниковъ. Со времени смерти Дарія, Александръ, уже объявивъ себя царемъ персидскимъ и признанный въ этомъ санѣ большою частью персовъ, сталъ окружать себя ими, принимать ихъ въ дружины своихъ тѣлохранителей, всячески ласкать ихъ и оказывать предпочтеніе правамъ и обычаямъ востока. Но этимъ онъ оскорблялъ македонянъ и грековъ и возбуждалъ противъ себя ихъ неудовольствіе, тѣмъ болѣе, что постоянные успѣхи его оружія породили въ немъ высокомеріе и усилили его честолюбіе, нравъ его сдѣлался чрезвычайно раздражительнымъ, а страсти и воля—неукротимыми. Возрастая постепенно, неудовольствіе македонскихъ военачальниковъ повело къ преступному заговору. По открытіи его, Филотъ и его соумышленники были суждены и казнены по обычаю македонянъ, и вскорѣ самъ Парменіонъ, достойный сподвижникъ Филиппа и Александра, былъ умерщвленъ въ Экбатанѣ, какъ весьма вѣроятно—по повелѣнію Александра, или подозрѣвавшаго его въ соумышленности съ сыномъ, или опасавшагося его мщенія послѣ казни Филота. Казнь злоумышленниковъ, заслуженная и необходимая для поддержа-

нія порядка, еще болѣе усилила однако не-удовольствіе македонскихъ военачальниковъ и войскъ, и охладила любовь ихъ къ нему и усердіе къ его пользамъ.

Между тѣмъ онъ продолжалъ движеніе въ Бактріяну. Чтобы обезпечить себя отъ измѣны въ тылу, онъ покорилъ владѣнія сатрапа Барзанта и другія земли въ странѣ паропамисадовъ до самой Арахозин (отъ нынѣшняго Герата до р. Гелмюнда или Гирмюнда въ Кабулѣ). Затѣмъ онъ слѣдовалъ далѣе чрезъ покрытыя горами земли первыхъ индійскихъ племенъ, къ горному хребту индійскаго Кавказа или Паропамизскому, отдѣлявшему земли паропамисадовъ отъ Бактріяны (нынѣ горный хребетъ Гиндукушъ, одинъ изъ высочайшихъ въ Азіи, на предѣлахъ Кабула и Туркестана). Этотъ походъ былъ крайне тягостенъ и стоилъ македонскому войску довольно большой потери въ людяхъ. Уже наступила зима, въ этихъ гористыхъ странахъ весьма суровая; страдая отъ стужи, войско не менѣе того терпѣло недостатокъ въ продовольствіи и даже голодъ,—съ неимовернымъ трудомъ двигалось чрезъ почти непроходимыя, покрытыя глубокимъ снѣгомъ горы Кавказа и сверхъ всего этого должно было производить неоднократныя въ обѣ стороны экспедиціи противъ туземныхъ жителей. Такъ наконецъ оно дошло до перваго бактрійскаго города Драмсаки (близъ истоковъ нынѣшней р. Балха изъ Гиндукуша, къ югу отъ города Балха). Вслѣдъ затѣмъ столица Бактріяны, Бактра (Балхъ), была взята приступомъ, и вся Бактріяна (нынѣ юго-восточный Туркестанъ) покорена.

Бессъ бѣжалъ на сѣверъ за рѣку Оксъ (нынѣ Джейгунъ или Аму-Дарья), въ Согдіяну (нынѣ ханства: Гиссарское, Коканъ и Бухара). Александръ послѣдовалъ за нимъ туда же и въ 5 сутокъ переправился черезъ Оксъ, по свидѣтельству Арріана, помощію плотовъ, составленныхъ изъ шкуръ, которыя служили воинамъ вмѣсто ставокъ, были сшиты вмѣстѣ и наполнены соломой и сухими виноградными лозами. Затѣмъ Александръ продолжалъ быстро преслѣдовать Бесса. Вскорѣ сообщники послѣдняго выдали его Александру, который, подвергнувъ его жестокому истязаніямъ, отправилъ въ Бактру, гдѣ онъ впослѣдствіи былъ казненъ.

§ 15.

6-й походъ въ Согдіяну (329).

Пополнивъ свою конницу найденными въ краю лошадьми (ибо большое число ихъ погибло при переходѣ чрезъ Кавказъ и Оксъ), Александръ продолжалъ движеніе на сѣверъ и прибылъ сначала въ Мараканду (нынѣ Са-

маркандъ въ Бухарѣ), главный городъ Согдіяны, а потомъ къ рѣкѣ Яксарту (нынѣ Сейгунъ или Сыръ-Дарья), составлявшей крайній на сѣверъ предѣлъ персидскаго государства (по ту сторону ея находились уже

обширныя степи Азіатской Скиѣи). На пути отъ Мараканды къ Яксарту, при переходѣ черезъ хребетъ Оксіискіхъ горъ (нынѣ западный отрогъ Мусъ-Дага и Белурбъ-Дага), Александръ имѣлъ жаркій бой съ дикими, туземными жителями, собравшимися въ числѣ около 30,000 человекъ, разбилъ ихъ, но самъ былъ тяжело раненъ.

По прибытіи къ Яксарту, онъ принудилъ жителей лѣваго его берега покориться и поставилъ въ важнѣйшіе города ихъ македонскіе гарнизоны. Но вскорѣ племена эти, къ которымъ присоединилось множество согдіянъ и бактрійанъ, произвели возстаніе, вырѣзали македонскіе гарнизоны и, запершись въ семи городахъ, привели ихъ въ оборонительное состояніе. Александръ, не смотря на рану, немедленно и быстро двинулся къ ближайшему изъ возставшихъ городовъ, Газѣ (въ окрестностяхъ нынѣшняго Кокана), и взялъ его приступомъ. Въ наказаніе за возстаніе, городъ этотъ былъ разрушенъ, мужское населеніе его истреблено, а женщины и дѣти обращены въ рабство. Затѣмъ сильнѣе всѣхъ укрѣпленный городъ Кирополь, построенный, по преданію, Киромъ старшимъ, и два другіе города были также взяты приступомъ и имѣли ту же участь. Жители остальныхъ трехъ городовъ бѣжали изъ нихъ, но были настигнуты и окружены Александровою конницею и частью истреблены или взяты въ плѣнъ, частью же сдались. Для удержанія впередъ этой страны въ повиновеніи, Александръ началъ строить на Яксартѣ, въ недалекомъ разстояніи къ в. отъ разрушеннаго Кирополя, обширный укрѣпленный городъ, названный Александресхатою или Александріею дальнею (около нынѣшняго Марашана, къ в. отъ Кокана). Между тѣмъ скиѣи, при вѣсти о возстаніи племенъ на Яксартѣ, двинулись въ большомъ числѣ къ этой рѣкѣ, намѣреваясь, въ случаѣ успѣха возстанія, напасть на Александра. Въ то же самое время въ тылу Александра произошло другое возстаніе, виновникомъ и главою котораго былъ Спитаменъ, одинъ изъ бывшихъ сообщниковъ Бесса. Положеніе Александра было трудное, но онъ вышелъ изъ него побѣдителемъ. Скиѣи, прибывъ на правый берегъ Яксарта, насупротивъ сооружаемаго Александромъ города, начали тревожить македонянъ сильною стрѣльбою изъ луковъ, дерзко вызывая Александра на бой. Разраженный этимъ, Александръ сначала дѣйствіемъ большихъ метательныхъ орудій принудилъ скиѣовъ отступить отъ берега рѣки, а затѣмъ первый устремился въ нее съ конницею, прикрытый съ фронта легкою пѣхотою и сопровождаемый всѣми остальными войсками. Перейдя черезъ Яксартъ, онъ немедленно послалъ противъ скиѣовъ часть конницы. Но скиѣи выдержали ея ударъ, охватили ее, поразили сильною стрѣльбою изъ

луковъ и отступили въ порядкѣ. Александръ поддержалъ свою конницу стрѣлками, агріянами и легкою пѣхотою, и вслѣдъ за тѣмъ, какъ легкая пѣхота охватывала скиѣовъ и поражала ихъ съ фланговъ, самъ онъ со всею конницею ударилъ на нихъ съ фронта. Атакованные съ трехъ сторонъ, скиѣи обратились въ бѣгство, потерявъ до 1,000 челов. убитыми и 150 взятыми въ плѣнъ, и были довольно далеко преслѣдованы македонскимъ войскомъ, которое при этомъ случая много потеряло отъ зноя и жажды. Самъ Александръ, напившись стоячей воды, опасно занемогъ и воротился съ войскомъ въ Александресхату. Вскорѣ однакоже онъ выздоровѣлъ и заключилъ миръ съ скиѣами, приславшими къ нему пословъ съ мирными предложеніями.

Между тѣмъ Спитаменъ осадилъ Мараканду, занятую македонскими войсками. Но свѣдавъ о приближеніи посланнаго противъ него Александромъ отряда войскъ (60 ѣте-ровъ, 1,500 пѣшихъ и 30 конныхъ наемныхъ грековъ, всего 2,360 человекъ), подъ начальствомъ Андромаха, Менедема и Карана, онъ снялъ осаду и бѣжалъ къ границамъ Согдіяны съ Скиѣею (къ Сейгуну или Сырь-Дарьѣ). Усиленный 600-ми чел. скиѣскою конницею, онъ вскорѣ двинулся на встрѣчу Фарнуку, начальствовавшему въ Маракандѣ и преслѣдовавшему его въ соединеніи съ Андромахомъ Менедемомъ и Караномъ. Имѣя хорошую и свѣжую конницу, между тѣмъ какъ македонская была утомлена дальнимъ походомъ и недостаткомъ продовольствія, онъ началъ тревожить послѣднюю частными нападеніями въ разсыпную и наконецъ довелъ македонянъ до того, что они были принуждены отступать къ лѣсу близъ рѣки Политимета (нынѣ р. Зарявшанъ, на которой лежатъ Бухара и Самаркандъ). Каранъ съ конницею, безъ вѣдома другихъ предводителей, сталъ переходить черезъ рѣку (въ окрестностяхъ Бухары либо Самарканды), надѣясь на другомъ берегу найти выгодную для дѣйствія конницы мѣстность. При видѣ этого, македонская пѣхота, отступавшая въ строѣ плэсіона или продолговатаго четвероугольника, въ безпорядкѣ устремилась также въ рѣку. Спитаменъ воспользовался этимъ, ударилъ на македонянъ, охватилъ ихъ, окружилъ, разбилъ на голову и истребилъ почти всѣхъ, за исключеніемъ только 300 человекъ пѣхоты и 40 всадниковъ, которые успѣли пробиться и спастись. Одержавъ такой важный успѣхъ дѣйствіями, которыя были не безъ искусства, Спитаменъ воротился къ Маракандѣ и снова осадилъ ее.

Узнавъ о происшедшемъ, Александръ немедленно двинулся отъ Александресхаты къ Маракандѣ, взявъ съ собою половину ѣте-ровъ, всѣхъ пшаспистовъ, стрѣлковъ, агріянъ и часть фаланги; остальное войско слѣдо-

вало позади. Пройдя 1,600 стадій (162½ версты) въ трое сутокъ, онъ на четвертый поутру прибылъ къ Маракандѣ. Спитаменъ уже снялъ осаду и бѣжалъ въ скинскія степи. Александръ быстро преслѣдовалъ его, загналъ въ степи и, воротившись въ Согдіану, наказалъ жителей ея, принимавшихъ участіе въ возстаніи, истребленіемъ ихъ, разрушеніемъ ихъ жилищъ и разореніемъ ихъ земель. Затѣмъ, оставивъ въ Согдіанѣ, для занятія ея, нѣсколько тысячъ человѣкъ войскъ, онъ перешелъ обратно черезъ Оксъ

и зиму съ 329-го на 328-й годъ провелъ въ Заріаспѣ, въ Бактріанѣ (близъ Бактры или нынѣшняго Балха). Здѣсь, окруженный азіатскою пышностью, среди государственныхъ занятій, празднествъ и пиршествъ, Александръ являлся уже на высшей степени силы и славы, но, стремясь еще далѣе, уже замышлялъ въ умѣ своемъ дальнѣйшія завоеванія на востокъ. Здѣсь также македонское войско было усилено вновь прибывшими изъ Македоніи, Греціи и разныхъ областей средней Азіи подкрѣпленіями.

§ 16.

7-й и 8-й походы въ Согдіанѣ и Бактріанѣ (328—327).

Весною 328-года Александръ двинулся опять въ Согдіану, въ которой произошли новыя безпокойства. Оставивъ половину всего войска въ Бактріанѣ, для содержанія ея въ повиновеніи и предупрежденія или усмиренія мятежей, другую его половину Александръ раздѣлилъ на 5 частей, съ одною изъ которыхъ лично направился къ Маракандѣ. Пройдя Согдіану въ различныхъ направленіяхъ и принудивъ мятежниковъ, которые заперлись въ городахъ, къ сдачѣ или покорности, всѣ 5 частей войска снова соединились при Маракандѣ.

Между тѣмъ Спитаменъ, съ толпою согдіанъ и 600 чел. массагетской или скинской конницы, внезапно напалъ на одну пограничную бактрійскую крѣпость, овладѣлъ ею, вырѣзалъ ея гарнизонъ, разорилъ окрестности Бактры, разбилъ изъ засады македонянъ, вышедшихъ противъ него въ небольшомъ числѣ изъ этого города, но вскорѣ въ свою очередь былъ разбитъ и прогнанъ въ степи Кратеромъ. Черезъ нѣсколько времени онъ снова явился однако въ Бактріанѣ съ скинами и мятежными согдіанами и бактріанцами. Кэнъ, начальствовавшій въ это время македонскими войсками въ Бактріанѣ, двинулся противъ него и въ упорномъ, кровопролитномъ бою разбилъ его наголову. Послѣ этого пораженія, бывшіе съ Спитаменомъ согдіане и бактріане сдались Кэну, а скины бѣжали въ степи и увлекли за собою Спитамена. Но, узнавъ о движеніи противъ нихъ Александра, они послали ему, для умиловленія и удержанія его, голову Спитамена.

Затѣмъ Александръ соединился съ Кратеромъ и Кэномъ въ Навтакѣ (близъ Мараканды), гдѣ и провелъ зиму съ 328-го на 327-й годъ.

Весною 327-го года онъ двинулся къ согдіанской нагорной крѣпости (въ западномъ отрогѣ Камшаръ-Даванъ нынѣшняго Белурбъ-Дага), послѣднему убѣжищу мятежныхъ согдіанъ и вождя ихъ Оксіарта. Не видя ни-

какой возможности осадой взять этой крѣпости, расположенной на вершинѣ высокой, крутой, неприступной, покрытой снѣгомъ горы, Александръ вызвалъ изъ войска, за необыкновенно щедрую плату, 300 охотниковъ на приступъ. Они съ неимовернымъ трудомъ, но удачно взобрались почью на вершину горы — и крѣпость была принуждена сдаться. Александръ великодушно простилъ Оксіарта и женился на дочери его Роксанѣ.

Такимъ образомъ Согдіана, послѣ многихъ и долговременныхъ успій, была наконецъ совершенно покорена и Александръ двинулся противъ парэтаконъ, знатнѣйшіе изъ которыхъ, и между ними главный — Хоріенъ, заключились въ Хоріенской нагорной крѣпости, расположенной на высокой, неприступной скалѣ, окруженной пропастью *). Чтобы взобраться на нее, Александръ велѣлъ срубить въ сосѣднемъ лѣсу и построить лѣстницы, спуститься по нимъ на дно пропасти и оттуда земляными и деревянными работами подниматься на вершину скалы. Когда македоняне поднялись на такую высоту, что могли уже безпокоить посаженныхъ стрѣльбою изъ луковъ, тогда Хоріенъ, имѣя передъ собою примѣръ великодушнаго обращенія Александра съ Оксіартомъ, вступилъ въ переговоры и сдалъ крѣпость. Александръ, дѣйствительно, и съ нимъ также поступилъ весьма великодушно и милостиво, и снова ввѣрилъ его управленію и крѣпость, и округъ ея. Хоріенъ же, въ благодарность за то, снабдилъ македонское войско продо-

*) Ни изъ Арріана, ни изъ другихъ историковъ нельзя положительно заключить, гдѣ обитатели эти парэтаки и гдѣ находилась Хоріенская нагорная крѣпость, въ нынѣшнемъ ли Белурбъ-Дагѣ, или въ западномъ его отрогѣ, или же въ Гиндукушѣ? Но безъ сомнѣнія — въ одномъ изъ нихъ, а не въ Парэтакенѣ, лежавшей къ с. отъ собственной Персіи и къ з. отъ Мидіи, слѣдовательно слишкомъ далеко отъ Бактры и Александра.

вольствіемъ, въ которомъ оно крайне нуждалось. Затѣмъ Александръ послалъ Кратера съ частию войскъ довершить покореніе парѣтаковъ, а самъ воротился въ Бактру. Кратеръ одержалъ, въ кровопролитномъ бою съ парѣтаками, рѣшительную надъ ними побѣду и, покоривъ ихъ совершенно, присоединился къ Александру въ Бактрѣ.

Въ это время Эрмолай и пять другихъ македонскихъ юношей, бывшіе близкими царскими служителями, составили новый заговоръ противъ жизни Александра. Но онъ былъ открытъ и злоумышленники, сужденные и обличенные, были, по македонскому обычаю, побиты камнями, а обвиненный въ сообщничествѣ съ Эрмолаемъ философъ Каллисѣенъ заключенъ въ оковы и, какъ полагаютъ нѣкоторые, казненъ.

Взятіемъ Хоріенской нагорной крѣпости совершенно было покореніе сѣверовосточныхъ областей персидскаго государства, стоившее Александру, по причинѣ гористыхъ свойствъ страны и воинственнаго духа горскихъ жителей, несравненно большихъ усилій и пожертвованій и потребовавшее гораздо бо-

лѣе времени (3½ года), нежели покореніе приморскихъ и внутреннихъ областей, каждаго порознь. Дѣйствія Александра въ сѣверовосточныхъ областяхъ и весь вообще періодъ отъ движенія его изъ Персеполя до покоренія Хоріенской крѣпости включительно, и каждая отдѣльная часть, каждое отдѣльное дѣйствіе этого періода, составляютъ предметъ высокихъ занимательности и поучительности. Непрерывные: напряженіе силъ и бой, изумительныя: быстрота, смѣлость, рѣшительность и разнообразіе дѣйствій и длинный рядъ частныхъ, отдѣльныхъ, наступательныхъ предпріятій (экспедицій)—таковы главныя, отличительныя черты ихъ. Каждое изъ этихъ предпріятій и дѣйствій составляетъ какъ бы отдѣльный эпизодъ одного стройнаго, великаго цѣлаго, имѣетъ свои особенности, замѣчательно само по себѣ, но всѣ они проникнуты однимъ и тѣмъ же, общимъ имъ всѣмъ, духомъ, всѣ въ одинаковой степени и въ новомъ, большемъ еще блескѣ являютъ всю силу генія и все искусство Александра.

ГЛАВА IV.

ПОХОДЫ АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКАГО (336—323).

§ 17. походъ въ Индію (327—326).—сраженіе при р. Гидаспъ.—§ 18. послѣдній, обратный походъ изъ Индіи въ Персію (326—325).—§ 19. общий выводъ объ Александрѣ, какъ полководцѣ, и объ образѣ и искусствѣ веденія имъ войны,

§ 17.

Походъ въ Индію (327—326).—Сраженіе при р. Гидаспъ.

Завоевавъ персидское государство, Александръ предпринялъ завоеваніе Индіи, побуждаемый къ тому и пылкимъ своимъ воображеніемъ, плѣнявшимся всѣмъ чуднымъ, необычайнымъ, и стремленіемъ къ осуществленію обширныхъ политическихъ и торговыхъ замысловъ своихъ, и честолюбіемъ, которое, съ тѣхъ поръ, какъ онъ заставилъ признавать себя происходящимъ отъ боговъ и требовалъ себѣ воздаванія божескихъ почестей, уже переступило за предѣлы благоразумія. Желая къ завоеваннымъ, богатымъ странамъ Азіи и Африки присоединить страну, прославленную еще большимъ, неисчерпаемымъ богатствомъ, которымъ она, по общему повѣрью, въ изобиліи снабжала всю Азію,—Александръ въ тоже время хотѣлъ распространить предѣлы новой, обширной монархіи своей до крайнихъ на востокъ, по тогдашнимъ географическимъ понятіямъ, предѣловъ міра—рѣки Ганга и Индійскаго океана.

Предпринимая завоеваніе Индіи, онъ могъ имѣть лишь самыя неполныя и невѣрныя свѣдѣнія о ней. Они ограничивались тѣмъ, что могли развѣдать его лазутчики или сообщить ему жители восточныхъ, сопредѣльных съ Индіею, областей бывшаго персидскаго государства. А потому особенно благоприятнымъ для него обстоятельствомъ было то, что двое главныхъ и могуществен-

нѣйшихъ царей или владѣтелей (раджей) верхней Индіи, Таксилъ и Поръ, господствовавшіе, первый—между Индомъ и Гидаспомъ*), второй—между Гидаспомъ и Гангомъ, надъ мелкими владѣтелями или раджами этой части Индіи, находились во враждѣ между собою. Александръ искусно воспользовался тѣмъ для легчайшаго покоренія Индіи. Призываемый Таксисомъ, онъ уже съ самаго начала весны 327 года началъ готовиться къ походу за Индъ, а по взятіи Хоріенской нагорной крѣпости, обезпечивъ тылъ свой оставленіемъ Аминта съ 10,000 человѣкъ пѣхоты и 3,500 ч. конницы въ Бактріанѣ, въ половинѣ весны тогоже 327 года двинулся отъ Бактры (Балха) въ земли паронамисадовъ (сѣверный Кабуль) съ войскомъ, прострившимся до 135,000 человѣкъ, т. е. уже болѣе, нежели въ три раза превосходившимъ то, съ которымъ онъ началъ войну. Оно составлено было, сверхъ македонянъ и грековъ, изъ парянъ, аріянъ, бактрійянъ, согдіянъ, скиновъ и другихъ народовъ, еще недавно столь враждебныхъ Александру. Азіатцовъ въ немъ было, какъ кажется, около $\frac{2}{3}$ (отъ 90 до 95,000 человѣкъ), а македонянъ и грековъ — $\frac{1}{3}$ (отъ 40 до 45,000 чел.). Въ 10 су-

*) Гидаспъ—нынѣ Джхеламъ или Бехатъ (Djhelam, Jhylum, Behat).

токъ перейдя отъ Бактры до Индійскаго Кавказа или Паропамиза (Гиндукуша) и чрезъ этотъ хребетъ, Александръ вступилъ въ земли паропамисадовъ, и хотя имѣлъ сильное и отличное войско и могъ смѣло двинуться впередъ, однако не прежде хотѣлъ перейти черезъ Индъ, какъ покоривъ земли на правой его сторонѣ и прочно утвердись въ нихъ, и въ достиженіи этой цѣли явилъ особенную осторожность. Онъ потребовалъ къ себѣ Таксила и ближайшихъ мелкихъ индійскихъ владѣтелей, заключилъ съ Таксиломъ союзъ и получилъ отъ него обѣщаніе содѣйствія и необходимыя объ Индіи свѣдѣнія. Достигнувъ р. Кофена (нынѣ Кабулъ), онъ раздѣлилъ войско свое на двѣ части. Одну, подъ начальствомъ Эфестіона и Пердикки, послалъ чрезъ Певкелаотиду или страну певкеловъ (нынѣ Желлалабадскій и Пешаверскій округи на правой сторонѣ нижняго Кабула) прямо къ Инду, съ приказаніемъ покорить всѣ города и, достигнувъ Инда, сдѣлать всѣ необходимыя приготовленія къ переправѣ черезъ него. Съ другою частию онъ лично направился также къ Инду, по лѣвѣе Эфестіона и Пердикки или болѣе къ сѣверу, ближе къ главному хребту Кавказа, по лѣвой сторонѣ Кофена (Кабула). Движеніе обѣихъ частей войска, и въ особенности Александровой, было чрезвычайно затруднено какъ свойствомъ страны, покрытой высокими, неудобопроходимыми горами, такъ и необыкновенно упорнымъ сопротивленіемъ туземныхъ, воинственныхъ и отчасти храбрыхъ жителей, принадлежавшихъ преимущественно, какъ полагаютъ, къ кастамъ индійскихъ воиновъ. Войско Александра на каждомъ шагу должно было сражаться въ горахъ, ущельяхъ и долинахъ, либо брать приступомъ укрѣпленные города и замки, болѣею частию расположенные на вершинахъ высокихъ и неудободоступныхъ горъ и скалъ. Но повсюду успѣхъ вѣнчалъ оружіе Александра, повсюду туземцы были разбиты и принуждены покориться. При этомъ случаѣ Александръ дѣйствовалъ, когда надобность того требовала, съ удивительною быстротою и постоянно съ необыкновенными: напряженіемъ силъ, рѣшительностью и отважностью. Онъ нападалъ на непріятеля всюду, гдѣ его ни находилъ, даже послѣ утомительныхъ переходовъ, а на города и крѣпости — сколь неприступными они ни казались. Съ побѣжденными онъ поступалъ съ большою строгостью, особливо въ началѣ, пользовался каждымъ средствомъ и случаемъ для одержанія рѣшительнѣйшихъ успѣховъ, не щадилъ ни войскъ, ни себя, — былъ нѣсколько разъ раненъ и примѣромъ своимъ сильно одушевлялъ и военачальниковъ и войско. Вѣнцомъ кратковременнаго, но блистательнаго похода его на правой сторонѣ Инда было взятіе Аорнской нагорной скалы, на правомъ берегу этой рѣки,

нѣсколько выше впаденія въ нее Кофена (около нынѣшняго города Коты, Cota). Скала эта славилась такими мѣстною силою и неприступностью, что, по преданіямъ, самъ Геркулесъ не могъ овладѣть ею. Этого было достаточно для сильнѣйшаго восславленія Александра и возбужденія въ немъ твердаго намѣренія овладѣть Аорнскою скалою. Она имѣла, по Арріану, 200 стадій (35 верстъ) въ окружности и 11 стадій (около 2 верстъ) наименьшей высоты, была покрыта густымъ лѣсомъ и служила убѣжищемъ воинственнымъ базирамъ и другимъ жителямъ сосѣдственныхъ земель. Враждовавшіе съ базами племена указали Александру входъ на скалу. Александръ послалъ туда Птолемѣя съ частию войскъ, и съ двухъ сторонъ неоднократно ходилъ на приступъ, но безуспѣшно. Наконецъ однако онъ успѣлъ занять двѣ высоты, лежавшія напротивъ скалы, построилъ, послѣ немовѣрныхъ успѣховъ и трудовъ, но весьма скоро, деревянные ходы съ вершинъ этихъ высотъ на скалу, поставилъ на эти ходы метательныя орудія и стрѣлковъ, и уже готовился открыть по оборонявшимся сильнѣйшую стрѣльбу, когда устрешенные базиры вступили съ нимъ въ переговоры, въ намѣреніе продлить ихъ до вечера, а вечеромъ бѣжать. Узнавъ объ этомъ, Александръ дождался вечера и, взявъ съ собою 700 отборныхъ воиновъ, первый въ головѣ ихъ взобрался на скалу въ то самое время, когда базиры только что начали уходить съ нее. Македоняне немедленно устремились на нихъ и множество ихъ истребили, а большее число остальныхъ погибло въ пропастяхъ.

Оставивъ на Аорнской скалѣ отрядъ войска, Александръ двинулся въ земли племенъ ассакевовъ, лежавшія на правомъ берегу Инда, выше Аорнской скалы. Но предшествовавшіе его успѣхи такъ устарили ассакевовъ, собравшихся въ числѣ около 20,000 чел., что, по приближеніи его, они умертвили своего вождя и разсѣялись.

Тогда Александръ обратился назадъ, внизъ по Инду къ югу, принялъ покорность города Нисы (около нынѣшней Акоры, на лѣвѣе Кибуль), основаннаго, по баснословнымъ преданіямъ, самимъ Вакхомъ, — оставилъ неприкосновенными собственное управленіе и всѣ права его, и взявъ только 300 нисскихъ всадниковъ, прибылъ наконецъ (на 16-я сутки по выступленіи изъ Бактры) къ тому мѣсту на правомъ берегу Инда, гдѣ Эфестіонъ и Пердикка, при дѣятельномъ содѣйствіи Таксила и другихъ сосѣдственныхъ индійскихъ владѣтелей, уже успѣли собрать большое число судовъ и построить мостъ (какъ полагаетъ Арріанъ — на судахъ). Здѣсь (по мнѣнію новѣйшихъ изслѣдователей — въ нѣкоторомъ разстояніи къ сѣверу отъ впаденія рѣки Аттоки въ Индъ, тамъ,

гдѣ нынѣ городъ Аттока), во время лѣтнаго солнцестоянія, Александръ перешелъ черезъ Индъ и вступилъ въ Таксилу (около нынѣшнихъ Футшъ-Юнга и Равиль-Пиндея въ землѣ сейковъ или Пенджабѣ), наибольшей, многолюднейшей и богатѣйшей изъ городовъ между Индомъ и Гидаспомъ. Принятый въ немъ самымъ дружелюбнымъ со стороны Таксила и жителей образомъ, онъ не только оставилъ Таксилу его владѣнія, но увеличилъ ихъ присоединеніемъ (сосѣдственныхъ земель и тѣмъ приобрѣлъ въ немъ вѣрнаго союзника; а войско свое усилить 5-ю тысячами человекъ Таксильскихъ индійскихъ войскъ.

Между тѣмъ Поръ, котораго союзъ Александра съ Таксилью побудилъ къ дѣятельнѣйшему сопротивленію, собралъ болѣе 30,000 челов. пѣхоты и 6,000 конницы, съ 420-ю военными колесницами и болѣе, нежели 200-ми вооруженными слонами, и расположился съ ними на лѣвомъ берегу Гидаспа, въ намѣреніи преградить на немъ Александру путь или вступить съ нимъ въ битву. Узнавъ объ этомъ, Александръ приказалъ разобрать мостъ на Индѣ и перевезти его, равно и суда, сухимъ путемъ къ Гидаспу, оставилъ въ Таксилѣ, въ видѣ гарнизона, всѣхъ раненыхъ, а самъ, со всѣми, находившимися при немъ войсками, двинулся къ Гидаспу и расположился станомъ на правомъ берегу его (близъ нынѣшняго Пиндей-Дадень-Хана въ Пенджабѣ), пасу-противъ Пора. По прибытіи его къ Гидаспу, Поръ съ главными своими силами остался въ прежнемъ своемъ распложеніи на лѣвомъ берегу рѣки, а выше и ниже по теченію ея расположилъ небольшіе наблюдательные отряды. Александръ, имѣя въ виду тревожить его и ввести въ заблужденіе касательно своихъ намѣреній, раздѣлилъ и свое войско также на нѣсколько частей, которыя подступали попеременно и въ различныхъ мѣстахъ къ правому берегу рѣки, высматривали мѣстность на немъ и на противоположномъ берегу, и изслѣдывали глубину рѣки. Въ то же время суда, перевезенныя съ Инда, были спущены въ Гидаспъ, распредѣлены по разнымъ мѣстамъ его и вмѣстѣ съ отрядами, подступавшими къ правому его берегу, постоянно держали непріятеля въ недоумѣніи и тревогѣ, и не позволяли ему принимать никакихъ рѣшительныхъ мѣръ. Сверхъ того Александръ приказалъ сдѣлать всѣ необходимыя распоряженія къ сбору огромныхъ запасовъ продовольствія и распустилъ слухъ, что намѣренъ выждать въ этомъ мѣстѣ зимы, когда вода въ Гидаспѣ обыкновенно сбывала, тогда какъ лѣтомъ, отъ частыхъ и сильныхъ дождей и отъ таянія снѣговъ на вершинахъ горъ, она, напротивъ, необыкновенно поднималась, выступала изъ береговъ и затопляла окрестности. А между тѣмъ Алек-

сандръ зорко и неусыпно наблюдалъ и слѣдилъ за всѣми движеніями Пора и выжидалъ благопріятнѣйшихъ случая и времени для внезапнаго и скрытнаго перехода черезъ Гидаспъ: ибо убѣжденъ былъ въ трудности перехода черезъ эту рѣку силою, въ виду непріятеля. Сверхъ того, что при самомъ вступленіи его на противоположный берегъ онъ былъ бы атакованъ большимъ числомъ войскъ, военныхъ колесницъ и слоновъ Пора, онъ въ особеннѣйшей опасности, чтобы видъ слоновъ не устранилъ непривычныхъ къ нему лошадей его конницы и чтобы всадники, не въ состояніи будучи укротить ихъ и управлять ими, не были запесены ими въ рѣку. А потому онъ прибѣгнулъ къ хитрости: нѣсколько ночей сряду приказывалъ своей конницѣ скакать вверхъ и внизъ вдоль праваго берега Гидаспа, производя большіе крикъ, шумъ и трубный звукъ, какъ будто переходъ черезъ рѣку совершался или уже былъ совершенъ. Коль скоро Поръ, встревоженный тѣмъ, подступалъ къ лѣвому берегу, македонское войско становилось на противоположномъ берегу въ боевой порядокъ. Убѣдясь наконецъ, что весь этотъ шумъ по ночамъ былъ лишь пустою тревогой, Поръ пересталъ беспокоиться имъ и подступать къ рѣкѣ, и только подтвердилъ боковымъ отрядамъ по прежнему тщательно наблюдать вдоль рѣки за непріятелемъ. Тогда Александръ немедленно приступилъ къ исполненію своего намѣренія. Кратера съ частію войска (съ начальствуемыми имъ, Алкетомъ и Полсперхономъ войсками и 5-ю тысячами индійцевъ) онъ оставилъ въ станѣ противъ Пора, съ приказаніемъ: если Поръ двинется противъ Александра со всѣми своими силами, то переправиться черезъ Гидаспъ и напасть на него немедленно, а если только съ частію силъ—то тогда только, когда онъ уже будетъ въ бою съ Александромъ. Самъ Александръ со всѣмъ остальнымъ войскомъ ночью отступилъ на нѣкоторое разстояніе отъ рѣки и затѣмъ, подъ прикрытіемъ лѣса, незамѣтно для Пора и его войскъ, двинулся внизъ по правой сторонѣ Гидаспа. Въ 150-ти стадіяхъ (26¼ верстахъ) отъ македонскаго стана, внизъ по теченію Гидаспа, находились покрытые густымъ лѣсомъ: высокая скала на правомъ берегу рѣки и противъ нея, на срединѣ рѣки, островъ. Рѣка, обтекая эту скалу, образовала здѣсь искодящую къ сторонѣ непріятеля дугу. Это мѣсто именно Александръ и избралъ для переправы. На полпути между нимъ и станомъ онъ поставилъ, на самомъ берегу рѣки, Мелеагра, съ отрядомъ конницы и пѣхоты и приказаніемъ—переправиться черезъ рѣку, какъ только Поръ вступитъ съ Александромъ въ битву. Въ ту же ночь къ мѣсту переправы собраны были всѣ находившіяся на Гидаспѣ суда. По прибытіи Алек-

сандра къ мѣсту переправы, разразилась сильная гроза съ дождемъ и громомъ, воспрепятствовавшая непріятелю слышать шумъ работъ, оружія и переправы. Александра войска. На разсвѣтѣ, когда гроза утихла, Александръ переправилъ уже (частію на судахъ и частію на плотахъ) довольно большое число пѣхоты и конницы на островъ. Сторожевые отряды Пора открыли македонянъ тогда только, когда послѣдніе уже вступили на берегъ по другую сторону острова. Отряды эти немедленно извѣстили о томъ Пору. Между тѣмъ Александръ, шедшій въ головѣ своихъ войскъ, открылъ, что находился еще не на лѣвомъ берегу рѣки, а на другомъ, большемъ островѣ, отдѣленномъ отъ лѣваго берега узкимъ рукавомъ. Хотя вода въ этомъ рукавѣ поднялась отъ дождя очень высоко, однако и конница, и пѣхота успѣли перейти черезъ него въ бродъ. Коль скоро войско совершенно переправилось на лѣвый берегъ, тогда Александръ поставилъ: на своемъ правомъ крылѣ—конныхъ агематовъ съ отборнѣйшими пшархами, впереди ихъ—конныхъ стрѣлковъ, за ними—пшаспистовъ и пѣшую агему, а по обѣимъ сторонамъ фаланги—стрѣлковъ, агріянъ и пращниковъ. Затѣмъ самъ онъ съ 5,000 челов. конницы быстро двинулся впередъ, противъ Пора, приказавъ 6-ти тысячамъ челов. пѣхоты слѣдовать за собою. Между тѣмъ Поръ, по первой вѣсти, что македоняне переправляются, отрядилъ противъ нихъ сына своего съ 2,000 челов. конницы и 120-ю военными колесницами. Но сынъ Пора прибылъ, когда переправа была уже совершена. Александръ немедленно произвелъ на него нападеніе всею своею конницею въ массѣ и опрокинулъ его. При этомъ сынъ Пора и съ нимъ 400 его всадниковъ были убиты, а военныя колесницы и большая часть лошадей его захвачены македонянами. Затѣмъ Александръ немедленно продолжалъ свое наступленіе. Поръ, узнавъ о пораженіи и смерти сына, оставилъ на лѣвомъ берегу Гидаспа, противъ Кратера, для удержанія его, небольшую часть войскъ и слоновъ, а самъ съ 30,000 челов. пѣхоты, 4,000 человекъ конницы, 300-ми военными колесницами и 200-ми слонами двинулся на встрѣчу Александру. Достигнувъ на пути такого рода мѣстности, которая была удобна для дѣйствій конницы и колесницъ, онъ построилъ на ней войско свое въ боевой порядокъ. Впереди онъ поставилъ слоновъ, шагахъ во 100 одного отъ другаго,—за ними 1-ю линію пѣхоты, нѣкоторыя отдѣленія которой расположились впереди, въ промежуткахъ слоновъ,—а за 1-ю—2-ю линію пѣхоты, простиравшуюся справа и слѣва до конницы, расположенной на обѣихъ флангахъ и прикрытой военными колесницами. Александръ, приблизясь къ Порову войску, остановилъ свою конницу, да-

бы дать время подойти пѣхотѣ. А между тѣмъ, осмотрѣвъ расположеніе Пора, сильно прикрытое въ центрѣ съ фронта, и угадавъ намѣреніе противника, онъ положилъ напасть на лѣвое его крыло правымъ своимъ крыломъ въ косвенномъ боевомъ порядкѣ съ фронта, во флангъ и въ тылъ. Съ этою цѣлію, по прибытіи пѣхоты, онъ лично направился съ большею частію конницы прямо противъ оконечности лѣваго Порова крыла. Кѣну съ начальствуемыми имъ и Димитріемъ частями конницы онъ приказалъ обойти лѣвое крыло Пора и напасть на Порово войско съ тыла въ то самое время, когда онъ самъ нападетъ на то же крыло съ фронта и во флангъ. Фалангъ же онъ велѣлъ оставаться на своемъ мѣстѣ и тогда только напасть на непріятеля съ фронта, когда конница уже приведетъ его въ разстройство на лѣвомъ флангѣ.

Приблизясь къ лѣвому Порову крылу на полетъ стрѣлы, Александръ двинулъ противъ него съ фронта 1,000 челов. конныхъ стрѣлковъ, которые сильною стрѣльбою изъ луковъ должны были разстроить, ослабить и поколебать его. Самъ же съ этерами и остальною конницею онъ охватилъ это крыло и двинулся во флангъ ему. Индійская конница этого крыла сомкнула свои ряды, чтобы выдержать натискъ Александра, какъ вдругъ увидала въ тылу у себя Кѣна, подкрѣпленнаго перешедшимъ черезъ рѣку Мелеагромъ. Тогда сильнѣйшая и храбрѣйшая часть этой конницы осталась противъ Александра, а другая, меньшая, обратилась назадъ противъ Кѣна. Пользуясь происшедшимъ при этомъ безпорядкомъ, Александръ стремительно напалъ на непріятельскую конницу. Она была опрокинута и бросилась подъ защиту слоновъ. Ближайшая часть этихъ послѣднихъ была немедленно обращена и устремлена противъ Александра и въ то же время македонская фаланга двинулась впередъ, подъ прикрытіемъ сильной стрѣльбы македонскихъ стрѣлковъ. Завязался бой, жесточайшій изъ всѣхъ, въ которыхъ когда-либо находились македоняне и греки. Слоны разрывали и ломали самыя тѣсныя ряды македонской фаланги, а индійская конница, ободренная тѣмъ, напала на конницу Александрову, однако-же снова была опрокинута ею на слоновъ. Вскорѣ густыя, тѣсно-сомкнувшіяся массы македонскихъ: фаланги—съ фронта, а конницы—съ лѣваго фланга и тыла начали сильнѣе тѣснить индійскихъ: слоновъ, конницу и пѣхоту, и производить между ними жестокия кровопролитіе и опустошеніе. При этомъ слоны наносили еще болѣе вреда собственнымъ войскамъ, нежели непріятельскимъ: лишенные вожатыхъ своихъ, которые всѣ были перебиты македонскими стрѣлками, разсвирѣпѣвъ отъ ранъ и боли, они въ ярости метались во всѣ стороны и все попирали

погами. Но македоняне, имѣя болѣе, нежели индійцы, мѣста и свободы для своихъ движеній и дѣйствій, разступались и, пропуская словъ, осыпали ихъ стрѣлами и убивали. Наконецъ македонская фаланга произвела послѣдній, рѣшительный ударъ и вмѣстѣ съ конницею окончательно сломила Порова войско. Половина индійской конницы была совершенно истреблена, большая часть индійской пѣхоты—также, а оставшая успѣла спасти сквозь промежутки Александровой конницы. Кратеръ, видя успѣхъ Александра, переправился черезъ Гидаспъ, опрокинулъ оставленные противъ него Порова войска и вмѣстѣ съ Александромъ преслѣдовалъ разбитыхъ индійцевъ. Они понесли огромный уронъ, потерявъ около 23,000 челов. (тысячъ 20 пѣхоты и тысячи 3 конницы) убитыми, въ числѣ которыхъ находились два Порова сына, всѣ предводители войска, возничіе колесницъ и вожатые слоновъ. Колесницы-же и оставшіеся въ живыхъ слоны, съ множествомъ плѣнниковъ и богатѣйшею добычею, достались въ руки побѣдителей. Самъ Поръ оказалъ необыкновенныя мужество и храбрость, сражался какъ простой воинъ до послѣдней крайности, былъ раненъ и съ трудомъ убѣжденъ наконецъ сдаться Александру. Уважая доблести его, Александръ не только возвратилъ ему свободу, но сохранилъ и царскій санъ, и царство, которое въ послѣдствіи еще значительно увеличилъ, и побѣдивъ Пора сначала силою оружія въ бою, потомъ побѣдилъ его великодушіемъ и тѣмъ списалъ въ немъ вѣрнаго и преданнаго союзника.

И такъ результатами битвы при Гидаспѣ были полныя и совершенныя: поражение Пора и побѣда Александра. Не легко однако досталась побѣда Александру и, безъ всякаго сомнѣнія, съ несравненно болѣешими успѣхами и трудомъ, нежели въ трехъ предшествовавшихъ большихъ битвахъ съ персами при Граникѣ, Иссѣ и Арбелѣ. Битва при Гидаспѣ была самая жаркая изъ всѣхъ Александровыхъ: ни въ одной дотолѣ Александръ не встрѣчалъ такого храбраго и упорнаго сопротивленія и, чтобы одержать побѣду, онъ принужденъ былъ прибѣгнуть къ напряженію всѣхъ своихъ силъ, всего своего генія. За то битва при Гидаспѣ и предшествовавшій ей переходъ Александра чрезъ Гидаспъ, принадлежащій къ числу самыхъ смѣлыхъ, искусныхъ и блистательныхъ военныхъ дѣйствій этого рода, могутъ быть названы въ полномъ смыслѣ слова образцовыми. Особеннаго вниманія въ нихъ заслуживаютъ: во 1-хъ искусство, съ которымъ Александръ показывалъ, на различныхъ пунктахъ рѣки, головы своихъ войскъ и притомъ такъ распредѣлилъ послѣднія, что они легко и скоро могли быть сосредоточены на любомъ пунктѣ берега;—во

2-хъ всѣ хитрости, употребленныя Александромъ для введенія Пора въ заблужденіе и оплошность;—въ 3-хъ мѣсто, избранное имъ для переправы;—въ 4-хъ оставленіе Кратера и Мелеагра, данныя имъ наставленія и всѣ вообще распоряженія къ переправѣ и битвѣ;—въ 5-хъ самая переправа и битва, въ которыхъ индійцы были поколеблены сначала съ фланга, тыла и наконецъ съ фронта,—и въ 6-хъ превосходныя дѣйствія въ битвѣ на Гидаспѣ, не только македонскихъ и греческихъ войскъ, но и азіатскихъ, бывшихъ въ составѣ Александровой арміи. Войска эти, тѣ же самыя, которыя у персовъ и другихъ восточныхъ народовъ сражались подобно стадамъ безпорядочнымъ,—въ битвѣ при Гидаспѣ, начальствуемые македонскими и греческими военачальниками, лично предводительствуемые великимъ македонскимъ царемъ-полководцемъ, употребленныя соответственно своимъ: вооруженію, устройству и преимущественному образу дѣйствій, сражались отлично, въ величайшемъ порядкѣ, взаимно другъ друга поддерживали и значительно способствовали одержанію Александромъ побѣды.

Уронъ Александрова войска въ битвѣ при Гидаспѣ простирался, по свидѣтельству Арріана, основанному на сказаніяхъ Птолемѣя и Арристовула, только до 310-ти человѣкъ (80-ти пѣшихъ воиновъ, 10-ти конныхъ стрѣлковъ, 20-ти этеровъ и 200 человѣкъ конницы) и потому кажется несообразнымъ съ упорствомъ обороны и силою нападенія и сомнительнымъ. Впрочемъ, если даже онъ былъ и значительнѣе показаннаго Арріаномъ, то во всякомъ случаѣ, по свойству битвъ древнихъ временъ и ихъ обыкновенныхъ результатовъ, легко могъ быть несравненно слабѣе урона индійскаго войска.

Положивъ, въ память побѣды при Гидаспѣ, основаніе двумъ городамъ: Букефалии (по имени павшаго въ этой битвѣ коня своего, Букефала)—на мѣстѣ переправы черезъ Гидаспъ, и Никен—на мѣстѣ самой битвы, и оставивъ Кратера съ частию войска для сооруженія этихъ городовъ, Александръ двинулся далѣе къ р. Акесину (нынѣ Дженабъ), впадавшему въ Гидаспъ. На пути къ нему онъ покорилъ сопредѣльныя съ царствомъ Пора индійскія племена, и земли ихъ съ 37-ю городами присоединилъ къ владѣніямъ Пора. Принявъ сверхъ того покорность нѣкоторыхъ другихъ индійскихъ владѣтелей и независимыхъ племенъ, онъ переправился на плотахъ и судахъ черезъ Акесинъ (по мнѣнію Арріана—въ самомъ широкомъ его мѣстѣ, гдѣ теченіе сего было менѣе быстро) и, оставивъ на переправѣ Кэна съ частию войска, быстро преслѣдовалъ индійскаго владѣтеля, именемъ также Пора, который передъ битвой при Гидаспѣ изъяснилъ готовность покориться, а потомъ

бѣжалъ изъ своихъ владѣній. На пути къ р. Гидраоту (нынѣ Равей или Рауви), впадавшему также въ Гидаспъ, Александръ оставилъ гарнизоны во всѣхъ важнѣйшихъ пунктахъ, для обезпеченія Кэна и Кратера, а прибывъ къ Гидраоту, отрядилъ Эфестіона съ частію войскъ для покоренія всѣхъ независимыхъ племенъ на берегахъ этой рѣки и для вторженія потомъ во владѣнія бѣжавшаго Пора. Самъ же онъ переправился черезъ Гидраотъ (близъ нынѣшняго Лагора) и покорилъ часть прибрежныхъ его жителей. Узнавъ, что каэяне, оксидраки, малы и многія другія, независимыя, воинственные индійскія племена составили между собою союзъ противъ него и собрались подъ стѣнами крѣпости Сангалы на лѣвомъ берегу р. Гипаниса, четвертаго притока Инда (нынѣ рѣка Беджахъ или Біасъ *), Александръ немедленно и быстро двинулся туда. На вторые сутки онъ прибылъ къ городу Пимпрамъ, жители котораго покорились ему, — далъ въ немъ войску сутки отдыха и на слѣдующій день прибылъ къ Сангалѣ. Индійцы были расположены на высотахъ близъ этой крѣпости и ограждены тройнымъ рядомъ повозокъ. Александръ подступилъ къ нимъ сначала съ конницею, но встрѣченный сильною стрѣльбою изъ луковъ съ вершины повозокъ и видя, что съ конницею ничего невозможно было сдѣлать, двинулъ впередъ фалангу противъ слабѣйшей части укрѣпленія. Индійцы были легко опрокинуты изъ-за перваго ряда повозокъ, но упорно оборонялись за вторымъ; когда же были выбиты и изъ-за него, то покинувъ укрѣпленный станъ свой, бѣжали въ Сангалу и заперлись въ ней. Александръ немедленно обложилъ ее пѣхотою и конницею. Въ слѣдующую ночь индійцы пытались бѣжать изъ Сангалы, но наткнулись на македонскую конницу и частію были изрублены, а остальные ворвались въ Сангалу. Тогда Александръ устроилъ вокругъ всей крѣпости два ряда земляныхъ валовъ со рвами, прерванные только въ одномъ мѣстѣ болотомъ: здѣсь Александръ поставилъ двойныя стражи. Затѣмъ къ крѣпостнымъ стѣнамъ начали придвигать стѣнобитныя орудія. Вскорѣ переметчики уведомили Александра, что индійцы положили ночью выйти изъ Сангалы и прорваться сквозь стражи у болота. Александръ скрытно поставилъ тамъ Птолемѣя съ 3,000 пипаспистовъ, отрядомъ стрѣлковъ и всѣми агріянами, и приказалъ ему удерживать индійцевъ, а между тѣмъ подать на трубахъ знакъ, по которому другія части войска немедленно должны были послѣшить на подкрѣпленіе ему. Около 4-й стражи ночи (3 часовъ утра) индійцы дѣйствительно вышли

*) Сангала находилась противъ нынѣшняго Турейпура или недалеко отъ этаго мѣста.

изъ крѣпости и направились къ болоту, но встрѣченные и отовсюду тѣснимые македонянами, были отражены и съ урономъ болѣе 500 челов. отброшены обратно въ крѣпость. Между тѣмъ царь и вѣрный союзникъ Александра Поръ прибылъ съ 5-ю тысячами вспомогательныхъ индійскихъ войскъ и большимъ числомъ слоновъ, а вскорѣ и стѣнобитныя орудія были придвинуты къ стѣнамъ. Но еще прежде, нежели было открыто дѣйствіе ими, македоняне успѣли подкопать стѣны, сдѣлать обвалы, приставить лѣстницы — и взяли крѣпость приступомъ. При этомъ, по свидѣтельству Арріана, убито 17,000 и взято въ плѣнъ 70,000 индійцевъ и 500 челов. конницы, съ 300 военными колесницами, — македоняне же въ продолженіи осады и на приступѣ потеряли только 100 челов. и около 1,200 челов. ранеными. Сангала была разрушена до основанія, земли ея отданы независимымъ, добровольно-покорившимся Александру племенамъ, а союзные съ нею два города, покинутые жителями — заняты македонянами.

Ввѣривъ Пору и его войскамъ занятіе и обезпеченіе покореннаго края, Александръ двинулся далѣе къ рѣкѣ Гифазу (нынѣ Сутледжъ или Сѣтледжъ), крайнему на востокъ изъ 5-ти притоковъ Инда съ лѣвой стороны *). Прибывъ къ Гифазу **), онъ намѣревался уже переправиться черезъ него, дабы, какъ говоритъ Арріанъ, покорить лежащія за этою рѣкою до самаго Ганга плодородныя и богатыя страны, процвѣтавшія въ мирѣ и изобиліи, и обитаемыя земледѣльческими, трудолюбивыми и воинственными племенами, — и дабы разпространить свои завоеванія до того предѣла, гдѣ уже не встрѣтилъ бы болѣе сопротивленія. Но — македонскія и греческія войска, не видя конца его походамъ и своимъ трудамъ, начали роптать и болѣею частію рѣшительно отказывались идти далѣе. Тщетно Александръ прибѣгалъ ко всему вліянію своему на нихъ, ко всему своему краснорѣчію, для убѣжденія ихъ къ послѣдованію за нимъ и довершенію завоеванія Азіи. Кэнь, отъ лица всѣхъ македонянъ и грековъ, представилъ ему, сколь мало ихъ уже

*) Изъ 5-ти притоковъ Инда съ лѣвой стороны, Дженабъ (древній Акесинъ) есть главный, сохраняющій свое названіе до самаго впаденія въ Индъ. Въ Дженабъ впадаютъ: съ правой стороны — Джхеламъ или Бехатъ (древній Гидаспъ), а съ лѣвой стороны ниже — Равей (древній Гидраотъ) и еще ниже — Гарра или Сутледжъ (древній Гифазъ), образуемый сліяніемъ Беджаха или Біаса (древняго Гипаниса) и Сутледжа. Александръ перешелъ черезъ каждый изъ этихъ притоковъ особенно въ верхнихъ его частяхъ, по направленію отъ нынѣшняго Аттока черезъ Лагоръ на Делли.

**) По Ренпелю — между нынѣшними Аджодиномъ и Дебаллуромъ, а по Давиллю и Гиббону — въ прямомъ направленіи отъ Лагора къ Делли.

оставалось въ войскѣ, сколько силы и мужество ихъ истощились, сколь живо они желали возвратиться на родину, предаться послѣ трудовъ покою и насладиться приобретенными богатствами, сколь неблагоприятно было бы принудить ихъ идти далѣе противъ воли, наконецъ сколь необходимо было самому Александру явить благоразумныя умѣренность и осторожность и не опа-

саясь болѣе никакихъ враговъ, предостеречься однакоже отъ внезапныхъ переворотовъ судьбы и счастья. Александръ не далъ на это никакого отвѣта и три дня ждалъ, чтобы войско образумилось и перемѣнило свое намѣреніе. Но, видя противное, объявилъ наконецъ свое согласіе на обратный походъ и тѣмъ возбудилъ въ войскѣ общіе восторгъ и признательность.

§ 18.

Последній, обратный походъ изъ Индіи въ Персію (326—325).

Соорудивъ на берегу Гифаза, въ ознаменованіе дальнѣйшаго предѣла своихъ завоеваній, 12 возвышенныхъ жертвенниковъ (Alexandri Aræ), на подобіе башенъ, свершивъ жертвоприношенія, гимнастическія игры и конскія ристанія, и подчинивъ всѣ страны до Гифаза Пору, — Александръ пройденнымъ путемъ воротился назадъ черезъ Гидраотъ къ тому мѣсту на Акесинѣ, гдѣ Эфестіонъ уже воздвигнулъ новый городъ. Принявъ покорность индійскаго царя Абиссара, онъ перешелъ черезъ Акесинъ и прибылъ къ Никей и Букефалии на Гидасинѣ. Здѣсь, побуждаемый желаніемъ открыть торговый путь изъ средней Азіи океаномъ и Индомъ въ Индію, онъ положилъ построить на Гидасинѣ флотъ и спуститься на немъ въ Индъ и по Инду въ океанъ, тщательно развѣдывая всѣ лежавшія на пути страны и мѣста. Въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцовъ (въ концѣ 326-го и началѣ 325-го годовъ) на Гидасинѣ были частью собраны съ индійскихъ рѣкъ и частью вновь построены іонянами, кипрянами, финикіянами, египтянами и другими, находившимися въ македонскомъ войскѣ уроженцами приморскихъ странъ — около 2,000, разныхъ величины и рода, судовъ военныхъ и перевозныхъ для конницы и продовольствія. Когда флотъ былъ готовъ, Александръ съ иппасистами, стрѣлками, агріянами и конными агематами поплылъ на немъ внизъ по Гидаспу въ Индъ и по Инду въ океанъ, сопровождаемый на правомъ берегу частью пѣхоты и конницы подъ начальствомъ Кратера, а на лѣвомъ — главными силами войска и 200-ми слоновъ, подъ начальствомъ Эфестіона. Въ продолженіи 7-ми-мѣсячныхъ плаванія и похода (въ 325 году) внизъ по Гидаспу и Инду (черезъ нынѣшнія земли сейковъ и Синдъ), Александръ весьма часто принужденъ былъ сражаться съ прибрежными и индійскими племенами, изъ коихъ важнѣйшими и самыми сильными и воинственными были маллы (въ нынѣшнемъ Мултанѣ), оксидраки (Птолемей тѣхъ и другихъ называетъ каспирянами) и музикае. Племена эти сопротивлялись упорно, но были неоднократно разбиваемы и одни вслѣдъ за другими покорены, города ихъ частью разрушены, час-

тію заняты гарнизонами или заселены македонянами и греками; а земли ихъ, въ которыхъ сооружены многіе новые города и крѣпости и устроены пристани — подчинены правильному управленію и назначеннымъ отъ Александра правителямъ. Во всѣхъ дѣйствіяхъ противъ этихъ племенъ Александръ, по прежнему, былъ всюду первый, нимало не щадилъ себя и въ одномъ случаѣ — при взятіи приступомъ главнаго города малловъ, до того увлекся своею запальчивою храбростію, что едва не погибъ, исполняя долгъ не полководца, а простаго воина. Когда македоняне ворвались въ городъ, маллы заперлись во внутренней крѣпости, защищенной толстою стѣною, которая, будучи построена на скатѣ горы, съ наружной стороны была весьма высока, а съ внутренней напротивъ довольно низка. Раздраженный упорнымъ сопротивленіемъ малловъ, Александръ приказалъ подкопывать стѣну и приставить къ ней лѣстницы. Медленность этихъ работъ возбудила въ немъ живѣйшее терпѣніе: схвативъ лѣстницу, онъ устремился по ней на стѣну. За нимъ бросились и иппасисты; но лѣстницы подломились подъ ними — и Александръ остался на вершинѣ стѣны, противъ множества малловъ, только съ тремя военачальниками: Певкестомъ, Леоннатомъ и Абреемъ. Соскочивъ съ ними во внутренность крѣпости и прислонясь къ стѣнѣ, онъ долго защищался съ отчаянною храбростію, но наконецъ изнемогъ отъ необыкновенно глубокой, тяжелой и опасной раны стрѣлою въ верхнюю часть груди. Изъ трехъ военачальниковъ, бывшихъ съ нимъ, Абрей былъ убитъ, а Певкестъ и Леоннатъ, сами тяжело раненные, съ трудомъ могли защищать Александра, лежавшаго у ногъ ихъ безъ чувствъ. По счастью македоняне успѣли въ это время взобраться на стѣну, ворваться въ крѣпостныя ворота и выручить Александра, послѣ чего, овладѣвъ крѣпостію, всѣхъ находившихся въ ней малловъ истребили. Къ общей, искренней и живѣйшей радости всего войска, Александръ, бывший нѣсколько дней при смерти, наконецъ выздоровѣлъ и продолжалъ плаваніе внизъ по Инду въ океанъ.

Во время этого плаванія, онъ овладѣлъ главнымъ, сильно-укрѣпленнымъ городомъ, музикаянъ, не доходя Паталы—города, лежавшаго на острову, образуемомъ двумя рукавами Инда, близъ устья этой рѣки (гдѣ нынѣ городъ Татта), послалъ Кратера съ войсками Аттала, Мелеагра и Антигена, нѣсколькими стрѣлками, ранеными, больными и неспособными сражаться этерами и македонянами, и всѣми слонами, чрезъ Арахозію и Дрангіану въ Карманію, и построилъ при Паталѣ крѣпость и пристань для военныхъ судовъ, а къ югу отъ Паталы, въ самомъ устьѣ Инда—городъ, названный Келленомъ (деревянныи городомъ, потому, что онъ былъ построенъ изъ дерева). Отсюда Александръ послалъ Неарха съ флотомъ, моремъ, вдоль берега, въ устья Евфрата и Тигра, а самъ съ главными силами войска двинулся берегомъ моря на западъ чрезъ Гедрозію (нынѣ южная часть Белуджистана и въ ней самая южная область Мекранъ). Страна эта образовала сплошную песчаную степь, на югѣ ограниченную Эрнереискимъ моремъ, а съ сѣвера загражденную, какъ стѣною, неприступными скалами. Покрытая глубокими, сыпучими песками, лишенная воды, ибо рѣки и ручьи только во время дождей наполнялись водою, она была обитаема лишь на сѣверѣ, близъ горъ, гедрозянами, и вдоль морскаго берега—бѣдными рыболовами, которыхъ греки называли ихтіофагами (рыбоѣдами). Александру безъизвѣстно было, какіе труды и лишения ему предстояло перенести на походѣ чрезъ Гедрозію. Онъ зналъ, что никогда и ни одно войска не возвращалось изъ нея, что, по преданіямъ, Семирамида возвратилась оттуда только съ 20, а Киръ съ 8 чел. Но это только воспламенило его еще болѣе: онъ захотѣлъ совершить то, чего не могли совершить ни Семирамида, ни Киръ. Къ походу чрезъ Гедрозію побуждала его, впрочемъ, также и необходимость сопровождать вдоль берега моря и снабжать по возможности продовольствіемъ и водою флотъ свой, долженствовавшій впервые совершить плаваніе въ Эрнереискомъ морѣ и развѣдать персидскій заливъ и устья Евфрата и Тигра. Дорого стоило ему однакоже походъ чрезъ Гедрозію. Большая часть войска и почти весь вьючный скотъ погибли отъ зноя, жажды и истомленія, среди песчаныхъ степей, подъ палящимъ зноемъ солнца. Войска тайно убивали лошадей и лошаковъ, чтобы питаться ихъ мясомъ, а при уменьшеніи отъ того перевозочныхъ способовъ, по необходимости должно было бросать множество больныхъ и слабыхъ. Большое число отсталыхъ погибло, заблудившись въ степяхъ. Нерѣдко шли столь обильные дожди, что станцы войска были совершенно затопляемы водою. Неразъ войска заблуждалось въ сте-

пяхъ и лишь съ трудомъ снова находило настоящее направленіе. И среди этихъ бѣдствій, Александръ, самъ изнуренный и слабый, шелъ обыкновенно пѣшій въ головѣ войска, подавая личный примѣръ мужества, твердости и терпѣнія.

Наконецъ, по 70-ти или 80-ти дневномъ походѣ отъ устья Инда чрезъ Гедрозію, Александръ прибылъ въ Пуру, главный городъ гедрозянъ (нынѣ также Пура, въ сѣверо-западной области Белуджистана, Кохинстанъ), и далъ въ немъ изнуренному войску отдыхъ.

По свидѣтельству древнихъ историковъ, всѣ бѣдствія, перенесенныя Александромъ войскомъ въ Азіи, вмѣстѣ взятые, далеко не могли сравниться съ претерпѣнными имъ въ одномъ походѣ чрезъ Гедрозію, и Александръ привелъ только четвертую часть его изъ этого похода. По словамъ Плутарха, онъ потерялъ въ одномъ этомъ походѣ около 100,000 войскъ, но это слишкомъ преувеличено: ибо, по словамъ самаго же Плутарха, Александръ, при выступленіи изъ Индіи, отъ устья Инда, имѣлъ всего около 125,000 чел. пѣхоты и около 15,000 чел. конницы. Изъ нихъ часть была посажена на флотъ, другая послана съ Крагеромъ въ Карманію, а третья, главная (вѣроятно не болѣе 60-ти или 70-ти тысячъ человекъ) двинулась чрезъ Гедрозію. Слѣдовательно, если даже допустить, что изъ этой послѣдней воротилась только $\frac{1}{4}$ (отъ 15,000 до 17,500 чел.), то весь уронъ Александра будетъ простирается отъ 45,000 до 52,500 чел.—число, хотя и весьма значительное, но все же меньшее, нежели приводимое Плутархомъ.

По отдохновеніи въ Пурѣ, Александръ вступилъ въ Карманію (нынѣ юговосточная персидская область Керманъ), лежавшую къ западу отъ Гедрозиі вдоль по берегу моря,—степную на сѣверѣ, но богатую плодородными и хорошо-воздѣланными полями и виноградниками на югѣ. Въ Карманіи къ Александру присоединились: Кратеръ съ его войсками и слонами, Клеандръ, Ситалкъ и Гераконъ съ войсками, остававшимися въ Индіи, и сверхъ того множество верблюдовъ и вьючнаго скота, чѣмъ пополнена убыль людей и пріобрѣтены достаточные перевозочные способы. Затѣмъ зимою съ 325-го года на 324-й Эфестіонъ съ болѣею частию войска, вьючнымъ скотомъ и слонами былъ посланъ изъ Карманіи берегомъ моря въ Персію, Неархъ съ флотомъ сопровождалъ его вдоль берега, а самъ Александръ съ легкими войсками, этерами и отрядомъ стрѣлковъ слѣдовалъ къ Пассаргадѣ *) и оттуда въ Персеполь и Сузу,

*) Пассаргада находилась, какъ полагаютъ, на нынѣшней равнинѣ Мурхабъ, къ ю. в. отъ Шираза и къ ю. отъ озера Бахтегіана.

куда и прибылъ въ февралѣ 324 года. Здѣсь онъ съ необыкновенною щедростью награждалъ войско: уплатилъ долги военачальниковъ и воиновъ, по Арріану на сумму свыше 20,000 талантовъ (около 28-ми милліоновъ рублей серебромъ),—уволненнымъ отъ службы выплатилъ недоданное жалованье, поденную плату до прибытія на родину и сверхъ того по таланту каждому; даровалъ имъ на всю жизнь разнаго рода значительныя и почетныя преимущества, а главнымъ военачальникамъ (Эфестіону, Неарху, Певкесту, Онеспкриту и др.), равно и всѣмъ македонскимъ царскимъ тѣлохранителямъ роздалъ золотыя вѣнцы. Затѣмъ, осмотрѣвъ лично Персидскій заливъ и устья Тигра и Евфрата, онъ поднялся вверхъ по Тигру до города Описа въ Индіи (нѣсколько выше нынѣшняго Багдада) и посѣтилъ Экбатану, всюду занимаясь внутреннимъ устройствомъ завоеванныхъ областей и стараясь слить македонянъ и грековъ съ азіятцами въ одинъ народъ, соединилъ азіятскія войска съ македонскими и греческими, и образовалъ новыя, по европейски вооруженныя и устроенныя войска азіятскія. Между тѣмъ онъ лично совершилъ походъ противъ коссѣянъ, дикаго и хищнаго племени на южныхъ предѣлахъ Мидіи, въ продолженіи 40 дней совершенно покорилъ ихъ, взялъ у нихъ заложниковъ и въ земляхъ ихъ построилъ крѣпости. Затѣмъ, прибывъ въ Вавилонъ, онъ началъ готовиться къ новому походу въ Аравію, но — заболѣлъ и, имѣя уже разстроенное 12-ти лѣтними трудами и дѣятель-

ностью здоровье, послѣ 12-ти-дневной болѣзни, 11-го іюня 323-го года, на 33-мъ году отъ рожденія, кончилъ жизнь, исполненную великихъ и дивныхъ подвиговъ!

Изъ нихъ послѣдній, предсмертный походъ его въ Индію едва ли не самый замѣчательный, хотя и кратковременный. Дѣйствительно, гений Александра, прежде нежели угаснуть на вѣки, проявился съ новою, еще большею силою, въ новомъ, еще болѣе яркомъ блескѣ, и въ приготовленіяхъ къ этому походу, и въ первоначальныхъ, и въ послѣдующихъ его дѣйствіяхъ, и въ цѣломъ его объемѣ, и въ малѣйшихъ его подробностяхъ.

Должно замѣтить однако, что въ обратномъ походѣ отъ Гифазы къ устьямъ Инда и отсюда въ Персію, равно и въ послѣдующихъ затѣмъ до смерти своей дѣйствіяхъ, Александръ является уже не столько полководцемъ-завоевателемъ, сколько государемъ, заботливо пекущимся объ упроченіи своихъ завоеваній и благосостояніи своего обширнаго государства. Какъ полководецъ, онъ уже на Гифазѣ, отказомъ своего войска слѣдовать за нимъ далѣе, принужденъ былъ положить предѣлъ своему побѣдоносному шествію на востокъ. Впервые воля его встрѣтила такое сопротивленіе, котораго онъ не въ состояніи былъ преодолѣть ни строгостью, ни кротостью, и, покоряясь необходимости, онъ предпринялъ обратный походъ, въ видахъ болѣе политическихъ и торговыхъ, нежели военныхъ.

§ 19.

Общій выводъ объ Александрѣ Великомъ, какъ полководцѣ, и объ образѣ и искусствѣ веденія имъ войны.

Изложеніе походовъ Александра Великаго заключимъ общимъ выводомъ о немъ самомъ, какъ полководцѣ, и объ образѣ и искусствѣ веденія имъ войны.

И здѣсь обратимся сначала къ лучшему, добросовѣстнѣйшему и правдивѣйшему изъ его историковъ, глубокомысленному философу, свѣдущему и опытному въ военномъ дѣлѣ Арріану. Такъ изображаетъ онъ Александра*): «Александръ былъ одаренъ прекрасною наружностью, рѣшимостью быстрою, неутомимою, храбростью, все преодолѣвавшею. Онъ жаждалъ опасностей, еще болѣе чести и славы. Довольно равнодушный къ чувственнымъ удовольствіямъ, онъ былъ ненасытитель въ алчбѣ наслажденій болѣе возвышенныхъ, благородныхъ. Онъ обладалъ рѣдкимъ искусствомъ въ трудныхъ обстоятельствахъ избирать лучшія средства, взвѣ-

шивать, предугадывать вѣроятности успѣха. Онъ не имѣлъ равнаго себѣ въ искусствѣ устроить войска, вооружать ихъ, управлять ими, внушать имъ довѣріе къ себѣ и ободрять ихъ, самъ первый подавая имъ примѣръ преодоленія опасностей съ твердостью непоколебимою. Въ предпріятіяхъ сомнительныхъ, отважность его рѣшала побѣду. Кто лучше его умѣлъ предупреждать непріятеля и побуждать его тогда, когда онъ и не подозрѣвалъ еще движенія противъ него Александра? Онъ свято соблюдалъ данное слово, умѣлъ остерегаться всякаго обмана и, не оставляя себѣ ничего, являлъ щедрость къ друзьямъ своимъ необыкновенную. Рожденный въ мірѣ по особливому предопредѣленію боговъ, онъ не былъ подобенъ никому изъ смертныхъ».

И дѣйствительно, Александръ, какъ человѣкъ, стоитъ на высотѣ, едва доступной смертнымъ,—какъ полководецъ, являетъ въ

*) Походы Александра В. книга VII глава 7.

себѣ соединеніе всѣхъ дарованій, всѣхъ добродѣтелей, всѣхъ совершенствъ военныхъ, въ тѣлесномъ, душевномъ и умственномъ отношеніяхъ.

Съ раннихъ лѣтъ величайшая простота въ образѣ жизни, строгія: умѣренность и воздержность, и непрерывная дѣятельность еще болѣе развили въ немъ необыкновенныя крѣпость и силу тѣлесныя, которыми онъ былъ одаренъ отъ природы, и до того закалили его тѣло, что и стужу, и зной, и голодъ, и жажду, и величайшіе труды и лишения, и тяжкія болѣзни, и жестокія раны онъ былъ въ состояніи переносить и переносилъ почти невѣроятнымъ образомъ.

И въ этомъ, можно сказать, желѣзномъ тѣлѣ была заключена и душа, столь же мощная и твердая, дѣятельная и неутомимая;—душа пылкая и восторженная, жаждавшая всего великаго, благаго и полезнаго, исполненная самыхъ возвышенныхъ, благородныхъ чувствъ.

И съ волею твердою, непреклонною, съ рѣшимостью быстрою, смѣлою, въ немъ былъ соединенъ геніальный, свѣтлый, прозорливый умъ, пылкій—какъ его душа, быстрый—какъ его воля, обширный—какъ его замыслы. Но сознаніе собственныхъ силъ, вѣра въ свое предназначеніе, довѣріе къ своему счастью и пылкость души, тѣмъ болѣе, что военные подвиги его свершены въ лѣта самаго сильнаго дѣйствія страстей (отъ 20-ти до 32-хъ), все это было причиной, что воля въ немъ часто брала верхъ надъ разсудкомъ и, неумѣряемая имъ, вела иногда къ излишней и даже дерзкой отважности. Но счастье, всегда болѣе или менѣе благопріятствующее смѣлымъ и искуснымъ полководцамъ, всегда болѣе или менѣе вѣрующимъ въ него, всегда и въ время спасало въ этихъ случаяхъ и Александра.

До провозглашенія себя царемъ персидскимъ, Александръ пребылъ неизмѣнно-вѣрнымъ простотѣ въ образѣ жизни, умѣренности и воздержности, къ которымъ былъ приученъ съ молода. Если же подъ конецъ жизни онъ и окружилъ себя восточными роскошью и пышностью, и нарушалъ иногда законы умѣренности и воздержности, то все не по врожденной склонности, а вслѣдствіе необходимости сообразоваться, съ одной стороны—съ персидскими, а съ другой—съ македонскими обычаями.

Но необыкновенныя его: дѣятельность, неутомимость въ трудахъ, терпѣливость въ лишенияхъ и нуждѣ, неустрашимость и присутствіе духа въ опасностяхъ, и пылкая, кипучая, отважная храбрость въ бояхъ были, въ теченіи цѣлой его жизни, всегда одинаковыми, неизмѣнными. И въ трудахъ, и въ опасностяхъ онъ всегда былъ первымъ и, личнымъ примѣромъ своимъ сильно одушевляя войска, неодолимо увлекалъ ихъ за

собою. Въ бояхъ же онъ являлся истиннымъ героемъ, превыше смертныхъ, грознымъ и великимъ, искалъ опасностей, устремлялся въ самую жаркую сѣчу и, мощною рукою сокрушая все вокругъ себя, распространялъ смятеніе и ужасъ, смерть и опустошеніе въ рядахъ непріятельскихъ.

Если ко всему этому присовокупить его благодушное, кроткое, ласковое обхожденіе съ войсками, его необыкновенныя попечительность и заботливость о нихъ, чрезвычайную щедрость и всегдашнюю справедливость его наградъ, наконецъ—его величественный видъ и увлекательный даръ слова, то легко будетъ понять необыкновенное нравственное вліяніе, которое онъ имѣлъ на свои войска, неограниченныя: любовь, преданность и довѣріе, которыя внушали имъ къ себѣ, и то рѣдкое искусство, съ какимъ умѣлъ побуждать ихъ къ труднѣйшимъ и опаснѣйшимъ подвигамъ, ободрять, одушевлять, воспламенять ихъ и внушать имъ мужество, твердость, терпѣніе и благородныя, возвышенныя чувства чести и славы. При всемъ томъ, онъ постоянно соблюдалъ между ними строгіе воинскіе подчиненность и порядокъ, и если, при всей любви своей къ нему, войскамъ его случалось упадать духомъ, роптать и отказывать ему въ повиновеніи, то присутствіемъ духа, сплюго убѣжденія, кротостью, соединенною съ твердостью и, въ случаѣ нужды, съ немедленными, справедливыми мѣрами строгости и наказанія, онъ всегда и скоро умѣлъ снова обращать ихъ къ чувству долга и повиновенію. Только разъ въ жизни—на Гифазѣ—вся власть его, все нравственное вліяніе его оказались тщетными и онъ по необходимости принужденъ былъ покориться волѣ войска.

Онъ не былъ ни жестокимъ, ни мстительнымъ, но во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ являлъ истинныя челоуѣколюбіе и великодушіе. Если же подъ конецъ жизни онъ обнаруживалъ иногда особенную строгость, то былъ побуждаемъ къ ней обстоятельствами и необходимостью, а если предавался порывамъ гнѣва, то это должно отнести къ его молодости, вспыльчивости и естественнымъ слѣдствіямъ вліянія постоянного счастья и ласкательствъ, раздражительности и нетерпѣнію противурѣчія и сопротивленія.

Честолюбіе его было неограниченное, но благородное и возвышенное. Онъ хотѣлъ завоевать міръ, но для того, чтобы распространить въ немъ греческое просвѣщеніе и учредить всемірную торговлю. Онъ открылъ войну съ персами, но для того, чтобы отмстить имъ за разоренія Греціи и обогатить послѣднюю, а не самого себя, доказательствомъ чему служить то, что большую часть сокровищъ, пріобрѣтенныхъ въ Азіи, онъ роздалъ бывшимъ съ нимъ македонянамъ

и грекамъ, отослалъ въ Грецію, употребилъ на сооруженіе городовъ и дѣла общепользныя, и т. п.

Во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ онъ постоянно являлъ политику необыкновенно мудрую и осторожную, справедливую, благую и полезную. Ею онъ приготавливалъ и облегчалъ успѣхи своего оружія, ею же онъ утверждалъ и упрочивалъ свои завоеванія. И если обширная монархія его распалась, виною тому были: ранняя, преждевременная смерть его и то, что ни одинъ изъ его преемниковъ не имѣлъ дарованій, необходимыхъ для поддержанія и продолженія его дѣлъ.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ несообразность его силъ, средствъ и способовъ съ огромностью и величіемъ его предпріятія, обширностью, дальностью и быстротою его завоеваній, и многочисленностью, важностью и блескомъ его успѣховъ и побѣдъ. Лишь съ 40,000 войскъ и 200-ми талантовъ открылъ онъ войну противъ персидскаго царя, имѣвшаго въ своемъ распоряженіи огромныя силы, средства и способы, и несмѣнныя богатства. Въ продолженіи войны онъ не могъ легко и скоро пополнять убыли своихъ войскъ, и только позже, по завоеваніи внутреннихъ областей персидскаго государства, приобрѣлъ значительныя силы, способы и денежные средства. А до того времени онъ былъ обязанъ своими успѣхами гораздо болѣе мужеству, дарованіямъ и искусству, нежели силамъ и средствамъ своимъ.

Военную славу его особенно возвышаетъ то, что онъ никогда и никѣмъ не былъ побѣжденъ, но всегда и надъ всѣми былъ побѣдителемъ. Правда, что военное поприще его было непродолжительно, и неизвѣстно, въ случаѣ, еслибы онъ прожилъ долѣе, всегда-ли бы ему благоприятствовало счастье и не измѣнило-ли бы оно наконецъ и ему, какъ измѣняло многимъ другимъ великимъ людямъ и полководцамъ? Правда также, что въ войнѣ съ персами ему чрезвычайно благоприятствовали: 1) превосходство македонянъ и грековъ надъ персами и собственное его превосходство надъ Даріемъ, въ особенности же 2) то, что онъ, при своихъ геніальныхъ дарованіяхъ, соединялъ въ своихъ рукахъ и власть полководца, и власть монарха, и 3) то, что онъ имѣлъ такихъ противниковъ, какъ персы. Изъ всѣхъ народовъ Азіи только тиряне, согдіяне, бактріяне, скифы и индійцы сопротивлялись ему храбро и упорно, персы же—крайне малодушно и слабо. Но все это не только нимало не унижаетъ достоинства его подвиговъ и не помрачаетъ славы его завоеваній, но и еще болѣе возвышаетъ ихъ. Ибо въ умѣніи его всегда сообразовать свои дѣйствія съ средствами и обстоятельствами, свойствами мѣстности и непріятеля и дѣй-

ствіями послѣдняго, и въ чрезвычайномъ вслѣдствіе того разнообразіи его дѣйствій противъ различныхъ народовъ и въ различныхъ странахъ Азіи, именно и заключается главнѣйшее достоинство искусства веденія имъ войны.

Его образъ веденія войны—говоритъ Наполеонъ I*)—былъ методическій и заслуживаетъ величайшихъ похвалъ**). Онъ велъ войну по предварительной и глубоко соображенному предначертанію, никогда не отступая отъ него въ главныхъ основаніяхъ, никогда не выпуская изъ виду главной его цѣли, по согласуя его въ подробностяхъ исполненія съ средствами и непрерывно измѣняющимися на войнѣ обстоятельствами.

Онъ дѣйствовалъ не иначе, какъ вполне обезпечивъ себя съ тыла и фланговъ, прикрывъ ту страну или тотъ край, которые должны были служить опорой, основаніемъ его дѣйствій, и сообщенія свои съ ними, и принявъ всѣ необходимыя мѣры предосторожности. Для этого въ тылу за собою онъ оставлялъ болѣе или менѣе сильныя отряды, а въ важнѣйшихъ городахъ и крѣпостяхъ гарнизоны, назначалъ военныхъ начальниковъ и гражданскихъ правителей, обезпечивалъ себя и мѣрами кротости, и мѣрами строгости, и безусловною покорностью побѣжденныхъ, и выгодными, надежными союзами.

Обезпеченный такимъ образомъ въ тылу своемъ, онъ устремлялся прямо къ ближайшему предмету своихъ дѣйствій—страшѣ, краю, городу и преимущественно тому пункту, гдѣ находилось войско непріятельское.

Онъ двигался и дѣйствовалъ преимущественно совокупными силами; но, когда надобность и обстоятельства того требовали, раздѣлялъ свои силы, для того однако, чтобы затѣмъ снова сосредоточивать ихъ.

Онъ двигался и дѣйствовалъ всегда съ величайшими: быстротою и рѣшительностью, стараясь предупредить непріятеля, приводить его въ изумленіе и замѣшательство—внезапностью, печаянностью своихъ появленій и нападений, и поражать его—стремительностью и силою своего удара.

Онъ велъ войну съ необыкновенною дѣятельностью; но, когда надобность и обстоятельства того требовали, медлилъ, выждалъ удобныхъ временъ и случая, а между тѣмъ усиливался и давалъ своему войску необходимый отдыхъ.

Онъ дѣйствовалъ во всѣ времена года безъ различія, зимою какъ и лѣтомъ, въ странахъ горныхъ и ровныхъ, плодород-

*) Mémoires de Montholon, II, 10.

**) Подъ методическимъ образомъ веденія войны Наполеонъ I разумѣетъ дѣйствія, сообразныя съ средствами и обстоятельствами, т. е. разсудительныя, обдуманныя, основательныя.

ныхъ и безплодныхъ, населенныхъ и безлюдныхъ, всегда сообразуя съ ними свои дѣйствія, никогда не затрудняясь представляемыми ими препятствіями. Ни широкія и быстрыя рѣки, ни высокія, неприступныя горы, ни песчанья степи — ничто не было въ состояніи устранить и задержать его. Напротивъ, гдѣ наиболѣе было препятствій и опасностей, туда онъ охотнѣе и направлялъ свое шествіе, если только предвидѣлъ отъ того какую-либо пользу или выгоду. Иногда однако заботливость о своемъ войскѣ заставляла его предпочитать дальнѣйшіе, но удобнѣйшіе пути кратчайшимъ, но труднѣйшимъ, и даже прибѣгать къ обходамъ естественныхъ препятствій и расположеннаго при нихъ непріятеля.

При всей своей дѣятельности, при всей быстротѣ своихъ движеній, онъ всегда прилагалъ особенное попеченіе о сбереженіи своихъ войскъ и обладалъ рѣдкимъ искусствомъ — по мѣрѣ движенія впередъ не только не ослабляться, но и усиливаться. Имѣвъ на Граникѣ 40,000 войскъ, въ послѣдующихъ битвахъ, не смотря на убыль въ промежуткахъ между ними (оставленными въ тылу гарнизонами, убитыми въ дѣлахъ съ непріателемъ, умершими отъ болѣзней, ранеными, больными, отосланными въ Македонію и Грецію, и поселенными въ Азію), онъ имѣлъ при Иссъ — также 40,000, при Арбелѣ — 47,000, а при выступленіи въ индійскій походъ — до 135,000 войскъ. Онъ достигалъ этого успленіемъ своего войска подкрѣпленіями изъ Македоніи и Греціи (до 38,000 чел. въ продолженіи цѣлой войны) и въ особенности наборами войскъ въ завоеванныхъ имъ областяхъ Азіи.

Онъ продовольствовалъ войска свои преимущественно правильнымъ сборомъ съ края, чрезъ который проходило или въ которомъ дѣйствовало его войско, что, какъ весьма естественно, было удобнѣйшимъ и даже единственно-возможнымъ способомъ продовольствованія при его быстрыхъ и дальнихъ движеніяхъ и дѣйствіяхъ. Но въ извѣстныхъ разстояніяхъ онъ учреждалъ большіе склады продовольствія, изъ которыхъ войска, при движеніи впередъ, запа-

сались и несли на себѣ или перевозили съ собою на столько времени продовольствія, на сколько имъ было назначаемо Александромъ. Во время плаванія же по Гидаспу и Инду и похода чрезъ Гедрозію, продовольственные запасы были перевозимы на флотѣ.

Сраженія Александра отличаются необыкновеннымъ искусствомъ и заслуживаютъ особеннаго вниманія въ тактическомъ отношеніи. Отличительною чертою ихъ было нападеніе однимъ (преимущественно правымъ) усиленнымъ крыломъ, либо обоими, въ косвенномъ боевомъ порядкѣ, на одно или оба крыла непріятельскія, съ фронта, во флангъ и въ тылъ. При этомъ всѣ движенія и дѣйствія Александровыхъ войскъ были производимы съ величайшими правильностью и точностью, и каждая часть, каждый родъ войскъ всегда были употребляемы вполне сообразно съ ихъ назначеніемъ, вооруженіемъ и устройствомъ, съ мѣстностью, расположеніемъ и дѣйствіями непріятеля, и обстоятельствами.

Обладая въ высшей степени искусствомъ побѣждать въ бою, Александръ обладалъ и неменьшимъ искусствомъ извлекать изъ побѣдъ своихъ наибольшія выгоды и пользу. Но онъ никогда не увлекался побѣдою, никогда преслѣдованію разбитаго и неопаснаго болѣе врага не жертвовалъ выгодами болѣе важными и положительными. За то, если надобность и обстоятельства того требовали, онъ преслѣдовалъ непріятеля съ неимоверными напряженіемъ силъ, быстротою и рѣшительностью. Самымъ изумительнымъ въ этомъ отношеніи было преслѣдованіе имъ Дарія и Бесса.

Наконецъ — осады Александра безспорно ставятъ его въ число искуснѣйшихъ полководцевъ древности, изъ коихъ немного было ему подобныхъ, еще менѣе равныхъ.

И въ справедливомъ удивленіи къ его гениальнымъ дарованіямъ и дивнымъ подвигамъ военнымъ, потомство включило его въ малый, избранный сонмъ величайшихъ въ мірѣ полководцевъ всѣхъ временъ и народовъ, и признало его образцомъ, вполне достойнымъ изученія и подражанія,

ПРИЛОЖЕНИЯ.

I.

АЛЕКСАНДРЪ ВЕЛИКІЙ, ЦАРЬ МАКЕДОНСКІЙ.

(Къ характеристикѣ его, по руководству Лоссау, Дройзена и др.).

Въ дополненіе къ общему выводу объ Александрѣ В., какъ полководцѣ, и объ образѣ и искусствѣ веденія имъ войны, можно привести еще слѣдующія черты:

Богато одаренный отъ природы всѣми тѣлесными, душевными и умственными качествами, исключительно занятый великою мыслію о войнѣ съ персами и ихъ обширною монархіей, хорошо зная и понимая всю трудность этого предпріятія, Александръ В. рѣшился на него потому именно, что необыкновенная твердость души его значительно превосходила силу воли его. Въ этомъ заключается главная черта его характера; пылкость же его, воображеніе, знанія и разсудокъ были только вспомогательными средствами. Въ дѣйствіяхъ его усматривается перевѣсъ воли надъ разсудкомъ, но это обстоятельство можетъ ввести въ заблужденіе при составленіи себѣ правильнаго сужденія объ Александрѣ. Тамъ, гдѣ необходимо было соображеніе самыхъ сложныхъ и трудныхъ обстоятельствъ, разсудокъ никогда не обманывалъ Александра. Но счастье чаще становилось на сторону перевѣса его воли, нежели на сторону перевѣса его разсудка. Это прежде и болѣе всего обнаружилось при переходѣ черезъ Граникъ: еслибы при этомъ разсудокъ взялъ верхъ надъ волей, то Александръ не рѣшился бы на этотъ переходъ и не произвелъ бы того рѣшительнаго нравственнаго впечатлѣнія, которое было слѣдствіемъ его. При Иссъ, безъ сомнѣнія, предварительно произошла ошибка, но счастье содѣлало ее причиной пораженія персовъ. При Арбелѣ и на Гидаспѣ видно сочетаніе разсудка и воли въ равной мѣрѣ. Если разсматривать эти великія битвы, слѣдствіемъ которыхъ было покореніе цѣлыхъ царствъ, только какъ плодъ искусныхъ соображеній, то собственно какъ соображенія онѣ покажутся довольно обыкновенными и нетрудными. Но если вникнуть

во всю глубину исполненія этихъ соображеній на самомъ дѣлѣ, то исполненіе окажется стоящимъ неизмѣримо выше соображенія, или дѣйствія выше замысла, воля выше разсудка. Отсюда и пронстекаетъ то высокое уваженіе, которое въ людяхъ возбуждаетъ всякій великій подвигъ, особенно великаго полководца. И поэтому то необходимо вѣрно сознавать эту взаимную связь, дабы вѣрно оцѣнить и тѣ вспомогательныя средства, посредствомъ которыхъ въ умѣ Александра слагались его соображенія и волей его могли быть приводимы въ исполненіе. Цѣлю Александра было обширное завоеваніе, для котораго, безъ сомнѣнія, необходимо было неисчислимое множество отдѣльныхъ предпріятій. Великое дѣло долженствовало быть предпринято съ тѣмъ энтузіазмомъ, который великая мысль можетъ внушить великому человѣку, въ самомъ себѣ и въ своихъ войскахъ усматривающему средства достиженія своей цѣли. Это и возбудило въ Александрѣ и черезъ него въ его войскѣ то высокое, восторженное настроеніе и то сильное нравственное напряженіе, которое передала намъ исторія. Этимъ вовсе не исключаются однако предварительныя, разумныя и хладнокровныя соображенія; но коль скоро они были окончательно совершаемы, тогда исчезали всѣ встрѣченныя, постороннія, второстепенныя соображенія и вопросы, и все дѣло заключалось только въ исполненіи и дѣйствіи.

Александръ имѣлъ противъ себя хотя и храбраго, но дурно устроеннаго врага, который хотѣлъ устрашать только превосходствомъ численныхъ силъ, но не имѣлъ надлежащей нравственной энергіи; на первыхъ же порахъ ограничился обороной и при этомъ еще принялъ ошибочныя мѣры. На этомъ-то и былъ основанъ первый, необыкновенно отважный шагъ Александра — переходъ черезъ Граникъ въ виду непріа-

теля. Конечно, онъ могъ бы быть отраженъ, но въ такомъ случаѣ Александръ вѣроятно поступилъ бы, какъ позже на Гидаспѣ. Ошибочное расположеніе непріятеля, одушевленіе и храбрость Александровыхъ войскъ и необыкновенная способность ихъ къ маневрированію подавали надежду на успѣхъ, которая въ такихъ случаяхъ рѣдко обманываетъ, особенно если въ главѣ стоитъ такой великій полководецъ, какимъ былъ Александръ. Счастье въ такихъ случаяхъ большею частію благопріятствуетъ великимъ полководцамъ, а оно постоянно благопріятствовало Александру, но не безъ всякаго участія съ его стороны, а напротивъ именно вслѣдствіе силы ума и воли его и особенно твердости души его. Жизнь, подвиги, примѣры и продолжительныя войны его не могли не производить могущественнаго вліянія на всѣ его войска вообще и на македонянъ въ особенности, и они несомнѣнно должныствовали быть одушевлены совершенно иначе, нежели тѣ изъ нихъ, которые не участвовали въ его войнахъ. А если присоединить еще и то, что онъ былъ не только ихъ верховнымъ предводителемъ, но и царемъ, то это, безъ сомнѣнія, должно было еще сильнѣе дѣйствовать на нихъ, давая ему полную, неограниченную, ни отъ кого независимую власть, которой никогда не имѣли и не могутъ имѣть подчиненные высшей власти полководцы, даже самые лучшіе и искуснѣйшіе. Поэтому нельзя не сознаться, что совокупность всѣхъ этихъ обстоятельствъ помогла Александру въ исполненіи его великихъ замысловъ, въ которыхъ онъ никому не былъ отвѣтственнымъ, и благопріятствовало ихъ исполненію, хотя основа ихъ все-таки заключалась единственно въ его великой личности.

Необыкновенныя крѣпость и сила тѣлесныя доставляли Александру такое рѣшительное преимущество, безъ котораго онъ едва ли могъ бы вполне исполнить свои громадныя предпріятія. Только его желѣзное тѣло могло выносить немовѣрные: напряженіе силъ и труды 13-ти лѣтней военной и боевой жизни его и въ особенности выдерживать огонь его пылкой души, и оттого, между прочимъ, и происходила твердая устойчивость его замысловъ и ихъ исполненія. Только смерть возросшаго съ нимъ Эфестіона внезапно ослабила, кажется, эту силу тѣлеснаго напряженія или по крайней мѣрѣ подала поводъ къ тому упадку тѣлесныхъ силъ, который повелъ его къ ранней смерти еще въ цвѣтѣ лѣтъ.

Если, можетъ быть, и не одна тѣлесная сила его, то въ соединеніи съ сознаніемъ его душевнаго и умственнаго превосходства и съ перевѣсомъ его воли, вѣроятно, такъ часто увлекала его въ рукопашный бой, подобно самому послѣднему рядовому воину. Большое вліяніе въ этомъ отношеніи могло

имѣть на него восторженное любимымъ чтеніемъ Илиады настроеніе, вслѣдствіе котораго онъ рвался подражать эпическимъ героямъ этой эпической поэмы и самъ являлся во многомъ подобнымъ имъ, какъ и вообще вся исторія его жизни и подвиговъ военныхъ носитъ на себѣ рѣзкій отпечатокъ эпопей временъ героическихъ. При этомъ возникаетъ даже вопросъ, могъ-ли бы онъ достигнуть такихъ громадныхъ результатовъ, еслибы отъ перехода черезъ Граникъ до взятія Малійскаго замка включительно менѣе принималъ личнаго участія въ рукопашномъ бою?

Операціонныя планы его, исключительно направленные къ завоеванію областей персидской монархіи, почти совсѣмъ не были разрушаемы непріателемъ. Какъ только послѣднему былъ нанесенъ сильный ударъ, онъ бѣжалъ вдаль и Александръ могъ безпрепятственно приводить въ исполненіе свое предпріятіе, что конечно значительно облегчало его. Отъ Граника онъ проникъ до Киликіи, только при Иссѣ встрѣтивъ персидскую армію, лично предводимую Даріемъ. Главною цѣлю его первоначально было завоеваніе восточныхъ береговъ Средиземнаго моря, дабы отнять у персовъ и пріобрѣсть себѣ господство на морѣ. Встрѣтивъ и разбивъ на этомъ пути при Иссѣ армію Дарія, онъ пошелъ далѣе въ Сирію, Палестину и Египетъ. Съ такими противниками, какъ Дарій и персы, походъ этотъ удался вполне, со всѣми его частными военными предпріятіями, какъ-то продолжительною осадой Тира, походомъ къ храму Юпитера Аммона въ Египтѣ и пр.

Чрезвычайно опасно могло бы быть для Александра въ это время возстаніе противъ него грековъ въ Греціи, по собственному или персидскому возбужденію. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ не могъ упустить этого изъ виду, принять свои мѣры и вполнеложиться на Антипатра, оставленнаго съ войсками въ Македоніи и Греціи. Но съ вѣроятностью предположить можно, что изъ двухъ золъ — возстанія Греціи и возвращенія его въ нее въ началѣ или половинѣ войны съ персами, онъ не могъ не признавать перваго гораздо менѣе важнымъ, нежели второе — и это было оправдано послѣдствіями.

Неоспоримо то, что свойства его противниковъ, обнаруживавшіяся во всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ, много содѣйствовали сохраненію имъ равнодушія своего. Съ величайшимъ спокойствіемъ устроилъ онъ, послѣ довольно продолжительнаго отсутствія изъ Сиріи, дальнѣйшее свое движеніе въ верхнюю Азію и также безпрепятственно довелъ его до Арбелъ и довершилъ тамъ, какъ и началъ. Можно было бы даже, нѣкоторымъ образомъ, сожалѣть, что онъ не встрѣтилъ при этомъ болѣе затрудненій, потому

что, по всей вѣроятности, непременно преодолѣлъ бы ихъ, что еще болѣе возвысило бы его славу. Между тѣмъ то, что и какъ случилось, имѣло очень естественный и простой ходъ и въ состояніи было бы даже умѣрить восторгъ по случаю его великихъ подвиговъ, еслибы преслѣдованіе имъ непріятели послѣ побѣды при Арбелѣ, экспедиція противъ уксіянъ и наконецъ немовѣрное преслѣдованіе имъ Дарія и потомъ Бесса не проявили въ немъ въ высшей степени дарованія необыкновеннаго полководца. Эти дѣйствія его вполне соотвѣтствуютъ истинному духу и разуму войны и служатъ образцомъ для всѣхъ временъ. Точно также достойны всякой похвалы движеніе его къ Зевдракартѣ, дѣйствія его на южныхъ берегахъ Каспійскаго моря и соединеніе его арміи въ Бактріанѣ. Всѣ они такъ ясно изображаютъ взглядъ Александра на его положеніе, что достаточно одного знанія ихъ для того, чтобы довольно опредѣлительно изучить побудительныя причины его дѣйствій и обнаруженный ими истинный духъ оныхъ. Самою характеристическою чертою этихъ предпріятій, какъ и многихъ подобныхъ имъ въ этой войнѣ, есть непрерывный рядъ дѣйствій, въ которыхъ немовѣрное напряженіе силъ, бой во всѣхъ его видахъ и на труднѣйшей мѣстности и всякаго рода отважнѣйшія предпріятія смѣняють одни другихъ. Но еще прежде, нежели Александръ достигнулъ Бактріаны, онъ былъ принужденъ измѣнить направленіе своего движенія туда для того, чтобы въ тылу своемъ сдѣлать безвреднымъ осыпаннаго его милостями, но вѣроломнаго сатрапа Сатибарзана, и только совершивъ это, онъ длиннымъ обходомъ прибылъ въ Бактріану.

Послѣ совершеннаго одолѣнія Дарія — до начала похода въ Индію, дѣйствія Александра вообще представляютъ картину множества отдѣльных экспедицій противъ разныхъ туземныхъ племенъ, — экспедицій, которыя ни въ какой общей связи между собою не были. Это были, такъ сказать, только отдѣльные эпизоды одного общаго цѣлаго, чрезвычайно замѣчательные каждый порознь, но съ однимъ общимъ имъ всѣмъ характеромъ, означеннымъ выше.

Походъ въ Индію, напротивъ, снова представляетъ одно общее цѣлое, которое, по

цѣли и дѣйствовавшимъ въ немъ силамъ, можетъ быть уподоблено только предшествовавшему предпріятію противъ Дарія. Приготовленіе, начало и исполненіе этого похода снова являютъ весь геній Александра въ полномъ его блескѣ. Александръ обнаруживаетъ въ немъ такія прозорливость, дѣятельность, личное во всемъ участіе и принимаетъ такія искусныя мѣры, что является въ немъ первостепеннымъ полководцемъ. Свидѣтельствомъ тому служатъ и предварительныя, занимающія цѣлый походъ, завоеванія, и одолѣніе всѣхъ на пути обитавшихъ племенъ, и всѣ предварительныя мѣры передъ переходомъ черезъ Индъ и Гидаспъ. Пылкій полководецъ самъ налагаетъ на себя оковы и не прежде приступаетъ къ исполненію, какъ тогда только, когда задуманное имъ дѣло вполне созрѣло и онъ приобрѣлъ полную увѣренность въ успѣхѣ. Тогда уже послѣдовало самое исполненіе, съ величайшимъ напряженіемъ силъ и личнымъ, непосредственнымъ участіемъ самаго Александра. Въ такомъ духѣ и смыслѣ представляются намъ битвы на Индѣ и особенно на Гидаспѣ — послѣдніе великіе подвиги Александра.

Послѣдующія затѣмъ дѣйствія, хотя носятъ тотъ же, что и прежде, рѣзкій отпечатокъ его геніальности, но Александръ уже является въ нихъ болѣе какъ монархъ, заботящійся объ упроченіи и благѣ своей необъятной монархіи, нежели какъ полководецъ. Въ послѣднемъ отношеніи онъ, противъ воли, былъ вынужденъ положить предѣлъ своему громадному предпріятію, вслѣдствіе совершеннаго несогласія его арміи съ его видами и намѣреніями. Непреодолимому стремленію ея къ концу своихъ трудовъ, Александръ, какъ ни старался, не былъ болѣе въ состояніи противиться и принужденъ былъ уступить. И, можно сказать, въ первый разъ въ жизни его, воля его осталась беспильною и власти его была противопоставлена такая преграда, которую не могли одолѣть ни строгость, ни кротость.

Вскорѣ послѣдовавшая затѣмъ смерть Александра мгновенно прервала заботы его объ упроченіи своей обширной монархіи и оставила неразрѣшеннымъ любопытный вопросъ, что было бы и на Востокѣ, и на Западѣ, еслибы онъ прожилъ долѣе?

II.

О Б Ъ Я С Н Е Н І Е .

двухъ древнихъ камеевъ Александра Великаго, приложенныхъ въ заглавіи этой книги.

Желаніе украсить настоящее изданіе изображеніями великихъ полководцевъ исторіи, названныхъ Наполеономъ I, не можетъ быть исполнено въ отношеніи Александра Великаго и Юлія Цезаря иначе, какъ приложеніемъ снимковъ съ древнихъ камеевъ (лицевыхъ изображеній ихъ, вырѣзанныхъ на драгоценныхъ каменьяхъ), дошедшихъ до насъ и сохраняющихся въ извѣстнѣйшихъ коллекціяхъ ихъ. Что касается Аннибала, то неизвѣстно, были-ли и имѣются-ли его каменъ, но это кажется сомнительнымъ.

Снимки съ двухъ древнихъ камеевъ Александра В., приложенные въ заглавіи настоящей книги, заимствованы изъ сочиненія подъ заглавіемъ: *Dactyliotheca *) Zanettiana. Gemmae antiquae Antonii Maria Zanetti Hyeronimi F.—Ant. Franciscus Gorius notis Latinis inlustravit. Italice eas notas reddidit Hyeronimus Franciscus Zanettius Alexandri F.—Venetiis MDCCL.—Ludovicæ Ulricæ Suecorum Gothorum Vandalorumque Reginae etc. dedicata, — и по итальянски: Le gemme antiche di Anton-Maria Zanetti di Girolamo illustrate, colle annotazioni latine di Anton-Francesco Gori, volgarizzate da Girolamo-Francesco Zanetti di Alessandro. Venezia MDCCL* (т. е. Дзанеттиева коллекція камеевъ. Древніе каменъ, гравированные Антономъ-Маріей Дзанетти (сыномъ Иеронимомъ), съ латинскими описаніями

*) Дактиліотека на греческомъ языкѣ означаетъ коллекцію или собраніе рѣзныхъ каменьевъ, какъ библіотека — собраніе книгъ. Нигдѣ дактиліография или рѣзьба на каменьяхъ не была доведена до такой высокой степени совершенства, какъ въ древней Греціи, въ которой рѣзные каменья не только носили въ перстняхъ (отсюда и названіе отъ *δακτύλιος* — перстень), но и употребляли какъ печати и украшали ими богатые сосуды. Римляне далеко уступали въ этомъ грекамъ, но богатые римляне первые начали собирать коллекціи рѣзныхъ камней и изъ нихъ первымъ въ этомъ былъ Скавръ (*Scaurus*), пасынокъ Силлы, потомъ Помпей, Юлій Цезарь, Августъ и др.

Антонія-Франциска Гори, переведенными на итальянскій языкъ Иеронимомъ-Францискомъ Дзанетти (сыномъ Александра). Венеція 1750.

Заимствуемъ изъ этой книги слѣдующія любопытныя свѣдѣнія о двухъ камейхъ Александра В.

Камей I. Между самыми рѣдкими по работѣ и искусству камейми музея Дзанетти, нынѣ въ первый разъ являющимися въ свѣтъ, первое мѣсто занимаетъ голова Александра Великаго, царя македонскаго, вырѣзанная рельефно на прекраснѣйшемъ восточномъ агатѣ искуснѣйшимъ греческимъ художникомъ. Александръ В. изображенъ на немъ съ головою, покрытою царскою діадемою (вѣнцомъ), являющейся между небреженными волосами и, кромѣ того, украшенными бараньими рогами, для означенія особеннаго почитанія Юпитера Александромъ В., который, находясь въ Ливіи, во время похода къ храму Юпитера Аммона, захотѣлъ быть названъ сыномъ послѣдняго. Точно такимъ же образомъ онъ изображенъ на одной серебряной медали музея Винчельскаго (*Winchelsea*) и еще отличнѣе на другой, также серебряной, недавно изданной и поясненной отцомъ Панеліо общества Иисуса (т. е. іезуитомъ) и на другихъ, упомянутыхъ и описанныхъ знаменитымъ Фрѣлихомъ (также іезуитомъ). Величайшее достоинство серьезнаго и величественнаго лица, живѣйшіе глаза, воинственная храбрость (воспѣтыя Гомеромъ въ величайшихъ герояхъ) удивительнымъ образомъ усматриваются, сверхъ всего другаго, въ этомъ неустрашимомъ и неутомимомъ воинѣ. Нѣтъ ни одной черты лица его, упомянутой древними писателями, которая не была бы выражена въ этомъ камей отличнѣйшимъ художникомъ съ величайшими точностью и старательностью, а именно: полная сила бодрой юности, величіе выпуклаго лба, живые глаза, съ бровями, изогнутыми въ дугу и какъ бы обращенными къ небу, прекрасный, прямой носъ, губы граціозно сомкнутыя и тонкія, наконецъ нѣжный подбородокъ, съ чрезмѣрно толстою шеей—все это

доказываетъ необыкновенную внимательность и старательность искуснѣйшаго творца этой работы.

Камей II, по мнѣнію нѣкоторыхъ, изображаетъ также голову Александра Великаго. Такъ какъ немало антикваріевъ и другихъ любителей рѣдкихъ древнихъ работъ замѣтили, что на лучшихъ медаляхъ, выбитыхъ въ честь его, изображена голова не его, а Минервы воинственной, съ надписью ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ (царь Александръ),—то, хотя и съ слабыми причинами, однако согласно одинъ съ другимъ, они признали за вѣрное, что и на самыхъ рѣдкихъ и лучшихъ камейхъ, подъ видомъ этой богини разума, мудрости и храбрости, изображенъ тотъ же Александръ македонскій. Они подозрѣвали даже, что тоже самое могло быть сдѣлано и на другихъ лучшихъ камейхъ, на которыхъ они примѣтили молодого Геркулеса, изображеннаго совершенно также, какъ изображается Александръ на своихъ медаляхъ, такъ что если не всѣ, то по крайней мѣрѣ главные черты мужественнаго и полнаго лица Александра могутъ быть узнаны выраженными въ лицѣ Геркулеса. Они очень хорошо знали, что Минерва была богиней-покровительницей какъ Македоніи, такъ и самаго Александра, и что Геркулесъ былъ, нѣкоторымъ образомъ, его фамильнымъ геніемъ, ибо и прежде

уже цари македонскіе считали величайшею для себя славой происхожденіе ихъ отъ Геркулеса. Но, кромѣ всего другаго, случайно болѣе похоже на правду предположеніе тѣхъ, которые думаютъ что на такого рода камейхъ Александръ изображенъ подъ видомъ не Минервы, а Ахилла, отъ котораго, по свидѣтельству Веллеія Патеркула, Александръ говорилъ, что произошелъ родъ его матери Олимпіи. Это мнѣніе подкрѣпляется одною золотою медалью музея великаго герцога тосканскаго. Тоже самое можетъ быть усмотрѣно въ настоящемъ, замѣчательномъ и рѣдкомъ камей, работы искуснѣйшаго рѣщика Николая Аванци, который процвѣталъ въ XV вѣкѣ и съ большою похвалою упоминается въ сочиненіи Вазари: «Жизнеописанія живописцовъ» (Vasari: Vite de' Pittori). Этотъ камей сохранялся нѣкоторое время въ музеѣ венеціанскаго дворянина Захаріи Сагредо, который справедливо цѣнилъ его очень высоко. Искусный художникъ остроумно прибавилъ, въ видѣ украшенія туловища, львиную голову на лѣвомъ плечѣ, потому что на медаляхъ Александра часто усматривается левъ и отецъ его Филиппъ имѣлъ обыкновеніе носить на пальцѣ перстень, на которомъ былъ вырѣзанъ идущій левъ.

II.

А Н Н И Б А Л Ъ.

ГЛАВА I. КАРΘАГЕНЯНЕ.

§ 1. Военное устройство и военное искусство до конца 1-й пунической войны (241 г.).—§ 2. После 1-й пунической войны.

Источники: Диодоръ, Дионисій, Полибій, Титъ Ливій, Аппіанъ, Иустинъ и новѣйшіе писатели и изданія, указанные выше.

§ 1.

Военное устройство и военное искусство до конца 1-й пунической войны (241 г.).

До конца 1-й пунической войны (241 г.), какъ и прежде, карѳагенская республика была морскимъ торговымъ государствомъ, которое, для распространенія своей торговли и своихъ владѣній въ Африкѣ, на берегахъ и островахъ западной части Средиземнаго моря, для содержанія своихъ поселеній въ постоянной зависимости и обезпеченія ихъ отъ покушеній вѣшнихъ враговъ, прежде и болѣе всего имѣла необходимость въ господствѣ на этой части моря посредствомъ сильнаго флота и затѣмъ уже въ сухопутномъ войскѣ, какъ для перевоза его на флотъ, такъ и для обезпеченія собственныхъ своихъ владѣній въ Африкѣ. Поэтому и теперь, какъ прежде и даже—во время послѣднихъ войнъ въ Сициліи—еще болѣе, нежели прежде, военно-морскія силы Карѳагена были главными и занимали первенствующее мѣсто, военно-сухопутныя же—лишь второстепенное.

Господство на морѣ, хотя и ограниченное, и первенство флота требовали и стоили однако огромнаго напряженія силъ и средствъ, потому что въ настоящее время Карѳагену уже нужно было воевать съ такими сильными противниками, какъ спракуняне и прочіе греки въ Сициліи и потомъ

особенно—римляне. Этому соперничеству съ ними Карѳагенъ и былъ обязанъ необыкновеннымъ развитіемъ своего могущества на морѣ, но это, вмѣстѣ съ тѣмъ, даетъ понятіе о тѣхъ громадныхъ способахъ, которые онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи, для поддержанія этого могущества на одинаковой степени, не взирая на частыя и много стоявшія ему побѣды и успѣхи и еще чаще пораженія и неудачи. Поэтому-то о морскихъ силахъ Карѳагена у древнихъ историковъ и писателей (Диодора, Полибія, Аппіана и Аристотеля) встрѣчается гораздо болѣе обстоятельныхъ свѣдѣній, нежели о военно-сухопутныхъ. Свѣдѣнія эти даютъ понятіе о морскихъ портахъ Карѳагена, изъ которыхъ самый громадный и великолѣпный находился въ самомъ городѣ Карѳагенѣ, затѣмъ въ Ишпонѣ и др. приморскихъ городахъ,—о морскихъ учрежденіяхъ и складахъ, о судахъ и флотахъ, о строеніи, составѣ, устройствѣ, начальствованіи и дѣйствіяхъ ихъ и пр. Собственно военно-морскими или длинными судами до пуническихъ войнъ обыкновенно были, кажется, триремы (т. е. въ 3 ряда веселъ), въ построеніи которыхъ карѳагеняне приняли за образцы, вѣроятно, триремы италійскихъ и особенно сици-

лійскихъ грековъ. Но обычай строить еще большія военно-морскія суда (въ 4, 5, 6 и даже 7 рядовъ весель), весьма распространенный по смерти Александра В. и особенно со времени Димитрія Полиорцета, не остался чуждымъ и карфагенянамъ. Уже въ 1-й пунической войнѣ во флотахъ ихъ были квинкверемы (въ 5 рядовъ весель), а въ войнѣ съ Пирромъ они взяли у него даже одну септирему (въ 7 рядовъ весель)! Увеличеніе числа рядовъ весель имѣло цѣлю наибольшую быстроту хода и движеній судовъ, и въ этой быстротѣ карфагеняне превосходили всѣ другія морскія государства того времени. Обыкновенное число военно-морскихъ судовъ ихъ опредѣлялось вмѣстимостью ихъ морскихъ портовъ и въ сицилійскихъ войнахъ простиралось отъ 150 до 250, а въ 1-й пунической даже отъ 200 до 350. Такъ въ большой морской битвѣ, которою Регулъ въ 257 г. проложилъ себѣ съ римскимъ флотомъ путь въ Африку, 350 карфагенскихъ галеръ, съ 150,000 чел. гребцовъ и войскъ на нихъ, сражались противъ 330 римскихъ галеръ, на которыхъ было 140,000 гребцовъ и войскъ, слѣдовательно—всего съ обѣихъ сторонъ было 680 галеръ и на нихъ 290,000 гребцовъ и воиновъ!—число, которому въ наше время даже трудно повѣрить, какъ ни достойно впрочемъ вѣры свидѣтельство о томъ такого историка, какъ Полибій. Не менѣе немовѣрно и описаніе имъ этой громадной битвы: флотъ Регула, построенный клиномъ, прорѣзалъ карфагенскій, построенный дугою съ цѣлю охватить римскій—и 50 карфагенскихъ галеръ были потоплены со всѣми находившимися на нихъ людьми, 64 были взяты римлянами въ плѣнъ, а людей погибло всего болѣе 30,000! Расчетъ людей, бывшихъ на галерахъ, основывается на томъ, что на каждой галерѣ у карфагенянъ было около $\frac{2}{3}$ гребцовъ и около $\frac{1}{3}$ воиновъ (на квинкверемахъ, напримѣръ, 300 гребцовъ и 120 воиновъ). Гребцами были рабы, которыхъ правительство покупало для этого цѣлыми массами и вѣроятно содержало въ полномъ или половинномъ составѣ и въ мирное время. Такъ, по свидѣтельству Аппиана, Аздрубаль, во 2-й пунической войнѣ, въ одинъ день купилъ въ гребцы 5,000 рабовъ!—Флоты имѣли своихъ собственныхъ предводителей, подчиненныхъ: въ совокупныхъ дѣйствіяхъ съ арміями—предводителямъ послѣднихъ, а въ отдѣльныхъ отъ нихъ—непосредственно сенату.

Военно-сухопутныя силы Карфагена, по свидѣтельству Полибія, никогда не имѣли такихъ значенія и важности, какъ морскія, и не стояли въ уровнѣ съ ними. Тѣмъ не менѣе частыя, почти непрерывныя войны Карфагена и необходимость распространенія и обезпеченія своихъ внутреннихъ и вѣншихъ владѣній побуждали его собирать и

содержать также и многочисленныя сухопутныя арміи, составляя ихъ преимущественно изъ наемниковъ всѣхъ возможныхъ племенъ западной Европы и Африки и лишь въ наименьшей мѣрѣ изъ собственныхъ африканскихъ подданныхъ—ливіо-финикійцевъ и особенно—гражданъ самаго Карфагена. Такъ, по свидѣтельству Полибія, въ 70-ти тысячной карфагенской арміи было всего только 2,500 гражданъ Карфагена, и то еще изъ числа знатнѣйшихъ и богатѣйшихъ, служившихъ исключительно въ тяжело-и богато-вооруженной конницѣ, служба въ которой была столько же дорога, сколько почетна (между прочимъ, паружными знаками отличія—перстнями по числу совершенныхъ походовъ и которые составляли, какъ у римлянъ, исключительное преимущество знатнѣйшихъ всадниковъ). Въ случаяхъ особенной важности или необходимости, и прочіе граждане Карфагена также были обязаны вооружаться, и тогда Карфагенъ выставлялъ до 40,000 чел. пѣхоты и до 1,000 чел. конницы. Часть ихъ составляла тяжело-и богато-вооруженную пѣшую священную дружину, служившую, кажется, стражей тѣлохранителей предводителямъ армій.

Вооруженіе, строй и образъ движеній и дѣйствій въ бою собственно карфагенскихъ войскъ, какъ пѣшихъ, такъ и конныхъ, были, кажется, уже съ начала сицилійскихъ войнъ во всемъ или во многомъ сходны съ бывшими въ употребленіи у италійскихъ и сицилійскихъ грековъ, а со временъ войны съ Пирромъ въ Сициліи и особенно лакедемонянина Ксантиппа, начальника греческихъ наемниковъ въ карфагенской арміи во время 1-й пунической войны (съ 258 или 257 г.)—съ греко-македонскими. Только Аппиаль, во 2-й пунической войнѣ, послѣ сраженія при Тразименскомъ озерѣ и особенно при Канпахъ, временно ввелъ въ свою армію въ Италію—римскія. Что касается иноплеменныхъ наемниковъ въ составѣ карфагенскихъ армій, то они сохраняли свои собственные: вооруженіе и образъ дѣйствій въ бою. Въ главѣ ихъ, со временъ Ксантиппа, стояли, и притомъ несравненно выше, греческія наемныя войска, особенно пѣхота. Изъ прочихъ, испанскія, составлявшія тяжелую пѣхоту, отличались лучшею дисциплиною, галльскія (неизвѣстно—откуда, но вѣроятно изъ южной приморской Галліи)—необычайною храбростью, но вмѣстѣ съ тѣмъ дикостью, грубостью и даже звѣрствомъ, а пунидійская легкая конница—быстротою, спосливостью и отличными дѣйствіями въ полѣ и въ бою, но вмѣстѣ и неустойчивостью и страстью къ грабежу. Въ числѣ наемниковъ, въ составѣ карфагенскихъ армій, въ это время были также жители Италіи, какъ-то: Лигурии, Кампаніи и острововъ Сардиніи, Корсики, Балсарскихъ и др.—Кромѣ пѣхоты и конницы, карфагеня-

не, до войны съ Пирромъ въ Сициліи, употребляли въ своихъ арміяхъ военныя колесницы, но въ войнѣ съ Пирромъ научились у него употребленію на войнѣ и въ бою вооруженныхъ слоновъ и ввели у себя этотъ обычай тѣмъ скорѣе и легче, что въ Африкѣ было много слоновъ. Въ послѣдствіи съ этою цѣлію у нихъ даже производились большія охоты на слоновъ, на которыя были посылаемы даже лучшіе полководцы, какъ напримѣръ Аздрубаль, сынъ Гискона, и въ кареагенскихъ арміяхъ позже всегда было много слоновъ. Перевозу-же слоновъ моремъ на флотѣ они научились, кажется, только во время 1-й пунической войны, а можетъ быть уже и во время войны съ Пирромъ въ Сициліи.

Числительная сила армій ихъ всегда была болѣе или менѣе значительна, хотя не до такой степени, какъ преувеличенно, кажется, показываютъ древніе историки. Даже по умѣреннымъ показаніямъ Тимея, сила

ихъ была гораздо значительнѣе въ сицилійскихъ войнахъ, нежели въ пуническихъ, особенно во 2-й. За всѣмъ тѣмъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что набрать и содержать 100-тысячную армію, составленную преимущественно изъ анемниковъ, Кареагену, при его огромныхъ средствахъ, не стоило большаго труда. Но значительная числительная сила его армій ничего или очень мало значила въ государственномъ отношеніи, при явныхъ недостаткахъ и невыгодахъ состава ихъ изъ паемниковъ. Какъ бы сильны ни были онѣ числомъ войскъ, но надежной силы въ государственномъ отношеніи не составляли, ни извнѣ—противъ такихъ противниковъ, какъ сицилійскіе греки и особенно римляне, ни внутри—для обезпеченія внутренней безопасности.

Таково вообще было состояніе военнаго устройства и военнаго искусства у кареагенянъ до конца 1-й пунической войны (241 г.).

§ 2.

Послѣ 1-й пунической войны,

Съ этого времени военное устройство Кареагена начинаетъ постепенно, но быстро клониться къ упадку, а военное искусство обязано блескомъ своимъ только высокими личными военными дарованіямъ Амилъкара Барки, зятя его Аздрубала и сыновей Аздрубала, Магона и особенно Аппибала.

Причины упадка военнаго устройства было нѣсколько, одновременно совпавшихъ. И во 1-хъ въ кареагенской республикѣ, какъ вообще и на Востокѣ, и въ Греціи, и въ Македоніи, упадокъ военнаго устройства былъ тѣсно связанъ съ упадкомъ всего государственнаго устройства, и въ политическомъ, и въ гражданскомъ и особенно въ нравственномъ отношеніяхъ. Уже задолго до окончанія 1-й пунической войны государственное устройство Кареагена было поколеблено и искажено многими, вкравшимися въ него и пустившими глубокіе корни злоупотребленіями, изъ которыхъ главными были, по показанію Аристотеля, продажность высшихъ должностей и званій и обычай облекать нѣсколькими изъ нихъ одно и то же лицо. Они росли тайнѣ и обнаружались особенно послѣ 1-й и во время 2-й пуническихъ войнъ. Послѣдствія ихъ были пагубны и въ какое время?—въ самое критическое для Кареагена—грознаго столкновенія его съ воинственнымъ Римомъ! Во 2-хъ возникновеніе двухъ могущественныхъ и крайне-враждебныхъ одна другой, политическихъ партій, аристократической и демократической, въ

главѣ которыхъ были: первой—знаменитый Амилъкаръ Барка, а второй—не менѣе знаменитый Ганнонъ. Эти двѣ партіи раздѣлили всю кареагенскую республику и особенно ея правительство на двое—и естественнымъ слѣдствіемъ того были непримиримый духъ партій и жестокіе внутренніе раздоры и смуты. Но партія, такъ называемая Барцинская, была до конца 2-й пунической войны такъ сильна, что, не смотря на противудѣйствіе (оппозицію) Ганноновой, умѣла, по вліянію Амилъкара Барки и преемниковъ его рода, проводить всѣ свои государственныя предпріятія—подавленіе мятежа паемниковъ, завоеваніе Испаніи и походъ изъ нея въ Италію противъ римлянъ. А примѣръ Востока, Греціи и Македоніи достаточно доказываетъ, что въ древнія времена вообще начало внутреннихъ раздоровъ, смутъ и междоусобій всегда было концомъ государственнаго и военнаго благоустройства и началомъ его неустройства и упадка. Въ 3-хъ планъ завоеванія Испаніи, въ вознагражденіе за утраченныя Сицилію и Сардинію, задуманный Амилъкаромъ Баркой и исполненный имъ, зятемъ его Аздрубаломъ и сыновьями: Аппибаломъ, Аздрубаломъ и Магономъ, былъ столько же вреденъ для Кареагена, въ отношеніи къ внутренней его политикѣ, сколько блистательно великъ и замѣчателенъ въ отношеніи къ внѣшней противъ Рима. Испанія, населенная народомъ мужественнымъ и воинственнымъ, и славившаяся своими богатствами (особенно серебря-

ными рудниками), едва-ли даже не болѣе древняго золотого дна — Индіи, представляла Амилькару превосходное средство составить себѣ имя и славу завоеваніемъ ея, образовать въ ней отличную боевую, вполне преданную ему армію, приобрести огромныя денежныя средства и, вслѣдствіе того, имѣть первенствующее вліяніе въ правительствѣ Карфагена и исполнить замыслы свои противъ Рима, внушаемые глубокою ненавистью къ нему. И онъ достигъ всего этого, хотя, по случаю преждевременной смерти своей, и не вполне; — зять его Аздрубаль продолжалъ начатое имъ, но тоже не довершилъ, навѣ отъ руки убійцы; привелъ-же въ исполненіе знаменитый сынъ Амилькара — Аннибаль. Но золотая рѣка, которая полилась съ тѣхъ поръ изъ Испаніи въ Карфагенъ, погубила все, усиливъ продажность и всеобщее развращеніе нравовъ, пагубно отразившіяся на государственномъ и военномъ устройствѣ Карфагена. Внутренніе раздоры и смуты усилились и произвели всеобщее неустройство, имѣвшее чрезвычайное вліяніе на 2-ю пуническую войну и несчастный исходъ ея для Карфагена, а послѣ нея окончательно въ 3-й пунической войнѣ — на совершенное паденіе Карфагена.

Всѣ эти главныя и многія другія второстепенныя, но тѣсно связанныя съ ними причины имѣли слѣдствіемъ то, что военное устройство карфагенской республики послѣ 1-й пунической войны, хотя и сохраняло тѣ же главныя основанія и внѣшнія формы, что и прежде, но уже чрезвычайно измѣнилось во многомъ. Флоту, въ которомъ прежде заключалась главная сила, мирнымъ договоромъ, прекратившимъ 1-ю пуническую войну, былъ нанесенъ жестокий ударъ, отъ котораго онъ уже не могъ вполне оправиться и, не смотря на все напряженіе усилій карфагенскаго правительства возстановить его, надалѣ все болѣе и ниже, до того, что когда Сципіонъ африканскій отправился моремъ на флотъ въ Африку, то Карфагенъ даже не былъ въ состояніи выслать противъ него собственнаго флота! А по мирному договору, прекратившему 2-ю пуническую войну, Карфагенъ даже былъ совершенно лишенъ флота.

Но за то, со времени завоеванія Испаніи, первенство стало быстро переходить на сторону сухопутныхъ военныхъ силъ Карфагена, и главнымъ средоточіемъ ихъ сдѣлалась — Испанія. А главнымъ виновникомъ этого былъ Амилькаръ, которому нельзя не отдать въ этомъ отношеніи полной справедливости, какія бы ни были побужденія его въ отношеніи къ внутренней политикѣ. Мысль его — въ Испаніи создать себѣ твердое и прочное основаніе дѣйствій для рѣшительной — на жизнь или смерть — войны

съ ненавистнымъ Римомъ въ самой Италиі, образовать для этого закаленное въ бояхъ, вполне преданное ему, Амилькару, роду и партіи его, войско и приготовить все, необходимое для надежнаго и вѣрнаго веденія войны — заслуживаетъ величайшей похвалы и достаточно свидѣтельствуетъ о высокихъ дарованіяхъ Амилькара. Уже самое первое движеніе его изъ предѣловъ карфагенскихъ въ Испанію обнаружило вѣрную и замѣчательную мысль его — впервые обойтись для этого безъ флота, за исключеніемъ только переправы на перевозныхъ судахъ чрезъ узкій проливъ Геркулесовыхъ столбовъ (нынѣ Гибралтарскій). Успѣшно подавивъ мятежъ карфагенскихъ наемниковъ и частію добычей, частію золотомъ заручившись преданностью ему войска, онъ повелъ его сухимъ путемъ чрезъ Африку къ проливу и, переправясь черезъ него въ Гадесъ (нынѣ Кадиксъ), въ 9 лѣтъ времени, частію оружіемъ, частію искусными переговорами, покорилъ значительную часть Испаніи (236—227). Зять его Аздрубаль въ 6 лѣтъ (227—221), болѣе переговорами, нежели оружіемъ, покорилъ еще болѣе большую часть Испаніи и до того привлекъ къ себѣ испанскія племена, что, если вѣрить Діодору, они добровольно избрали его своимъ вождемъ. При немъ вся южная Испанія (нынѣшняя Андалузія, Мурсія и Гренада) покорилась Карфагену и средоточіемъ силъ и власти карфагенянъ въ ней былъ построенный Аздрубаломъ на берегу моря городъ Новый Карфагенъ (нынѣ Картахена въ Мурсії). По смерти Аздрубала въ 221 г., Аннибаль, продолжая начатое Амилькаромъ и Аздрубаломъ, распространилъ еще болѣе владѣнія Карфагена въ Испаніи до р. Эбро, покоривъ въ 3 года (221—219) нынѣшнія Кастилію и Валенсію, изъ которыхъ въ послѣдней находился, на лѣвой сторонѣ р. Эбро, большой приморскій городъ Сагунтъ (нынѣ Мурвiedро), союзный съ римлянами, осада, взятіе и разрушеніе котораго и послужили поводомъ къ 2-й пунической войнѣ. Такимъ образомъ три даровитые и искусные полководца Карфагена, Амилькаръ, Аздрубаль и Аннибаль, одинъ послѣ другаго, въ 18 лѣтъ легко покорили полъ-Испаніи до р. Эбро, прочно утвердились въ ней, образовали изъ нея превосходное основаніе для будущихъ войнъ противъ Рима, а въ ней — отличное боевое войско, главною силою котораго составляли воинственные и храбрые испанцы, кромѣ которыхъ арміи этихъ трехъ полководцевъ имѣли въ своемъ составѣ, по прежнему, и карфагенскихъ гражданъ, и африканцовъ или ливіо-финикянъ, и наемниковъ изъ галловъ и другихъ племенъ, и пунидійскую легкую конницу. Но при томъ же составѣ, что и прежде, арміи ихъ рѣзко отличались отъ всѣхъ прежнихъ карфагенскихъ тѣмъ, что были прочно слочены

дисциплиной и отличными: внутреннимъ устройствомъ и управленіемъ, духомъ и порядкомъ военными. Словомъ—такихъ сухопутныхъ армій Карфагенъ не имѣлъ еще никогда дотолѣ и, при упадкѣ флота, весьма естественно, что могущество Карфагена въ пространствѣ отъ конца 1-й до конца 2-й пуническихъ войнъ перешло съ моря на твердую землю и отъ флота къ арміи въ Испаніи, но не въ Африкѣ, гдѣ военное устройство государства падало все ниже и ниже. Дальнѣйшія подробности касательно тактическаго и внутренняго устройства ар-

міи Аннибала въ началѣ и въ продолженіи 2-й пунической войны будутъ изложены ниже въ описаніи ея. Здѣсь же слѣдуетъ только прибавить, что военное искусство вообще въ цѣломъ этомъ періодѣ до разрушенія Карфагена, проявляется въ высшей степени и истинномъ блескѣ только въ дѣйствіяхъ Амилькара, Аздрубала, особенно Аннибала, братьевъ его, Аздрубала и Магона, а также отчасти и временно Ксантиппа, а за исключеніемъ ихъ дѣйствій, стояло на весьма низкой степени и послѣ 2-й пунической войны пало совершенно.

ГЛАВА II.

РИМЛЯНЕ

§ 3. Военное устройство и военныя учрежденія. — § 4. Различные роды войскъ, вооруженіе и число ихъ. — § 5. Строй и образъ движеній и дѣйствій войскъ. — § 6. Римскій легіонъ и римская тактика, преимущества и недостатки ихъ и сравненіе ихъ съ греческою фалангой и греческою тактикой. — § 7. Внутреннее устройство и духъ войскъ. — § 8. Кастраметация, фортификація и полурцетика. — § 9. Образъ и искусство веденія войны и состояніе военныхъ: устройства и искусства вообще. — § 10. Морскія военныя силы и искусство.

Источники: Діонисій, Титъ Ливій, Аппіанъ, Плутархъ, Полибій, Діодоръ; — новыя и новѣйшія: 1) по исторіи военного искусства: Justus Lipsius, Gronow, Sixtus Arceus, Panoplia, Du Choul, Folard, Joly de Maizeroy, Le-Loz, Fequières, Rösch, Nast, St.-Gyr, Hoyer, Rheinhard, Laverne, Chantreau, Rogniat, Carrion Nisas, Ottenberger, Löhr, Handbibliothek für Offiziere 1 B. 1 Abth., Rocquancourt, Бар. Зедделеръ, Богдановичъ, Rückert, DelaBarre Du Parcq, Lamarre, — и 2) обще-историческія пособия: Всеобщая исторія міра (на англ. яз.), Guthrie, Gray etc., Rollin, Montesquieu, Goldsmith, Fergusson, Vertot, Lévesque, Hübler, Luden, Dresch, Heeren, Gatterer, Beck, Bredow, Remer, Schlosser, Weber, Becker, Wernicke, Wegner, Mommsen, Michel et, Amédée Thierry, Лоренцъ и др.

§ 3.

Военное устройство и военныя учрежденія.

Все государственное военное устройство Рима было прочно утверждено на превосходномъ основаніи — правѣ служить въ войскѣ (jus militiae). Этимъ закономъ опредѣлялось, кто именно имѣлъ право и вмѣстѣ обязанность служить войскѣ, кто былъ осво-

божденъ отъ этой обязанности и кто былъ лишенъ этого права.

Правительство римское, признавая, что защищать отечество, служа въ войскѣ, были обязаны преимущественно свободнорожденные, благородные, знатные, бога-

тые или достаточные и ничѣмъ неопороченные римскіе граждане, имъ однимъ предоставило это почетное право, на нихъ однихъ возлагало и эту почетную обязанность.

Эта правоспособность была опредѣлена и пѣкоторымъ образомъ ограничена известными условіями, а именно:

Во 1-хъ возрастомъ — не моложе 17-ти лѣтъ и не старѣе 45-ти. Никто моложе 17-ти лѣтъ и старѣе 45-ти лѣтъ не могъ быть обязываемъ военною службой, хотя могъ быть принимаемъ въ нее по собственной доброй волѣ. Но законные сроки дѣйствительной службы считались только съ 17-ти до 45-ти лѣтъ. 28-ми-лѣтній срокъ военной службы не былъ непрерывный, но могъ быть прерываемъ, лишь-бы только военнотружашій прослужилъ полное число установленныхъ закономъ шести-мѣсячныхъ походовъ, въ пѣхотѣ—20-ти, а въ конницѣ—10-ти. Прослужившіе половинное число этихъ походовъ — и только они одни — имѣли право на получение общественныхъ и государственныхъ гражданскихъ должностей. По достиженіи 45-ти лѣтняго возраста, римскіе граждане были совершенно освобождаемы отъ обязанности служить въ войскѣ и причисляемы къ городскимъ легіонамъ (*legiones urbanae*) или къ мѣстнымъ гарнизоннымъ войскамъ. Обязанности ихъ ограничивались, въ мирное время — городовою службой, а въ военное — обороной городовъ. Но тѣ изъ нихъ, которые сами добровольно или по приглашенію полководцевъ вновь поступали на службу въ полевую войска, назывались ветеранами (*veterani, emeriti, evocati*) и пользовались большимъ уваженіемъ и особенными преимуществами.

Во 2-хъ имущественнымъ цензомъ, а именно: 1-й классъ заключалъ въ себѣ римскихъ гражданъ, имѣвшихъ имущества пѣвностью не менѣе 100,000 римскихъ ассовъ (примѣрно около 40,000 рублей), 2-й — не менѣе 75,000 ассовъ (около 30,000), 3-й — не менѣе 50,000 ассовъ (около 20,000 р.), 4-й — не менѣе 25,000 ассовъ (около 10,000 руб., и 5-й — не менѣе 12,500 ассовъ (около 5,000 руб.). Всѣ же имѣвшіе менѣе 12,500 ассовъ составляли 6-й классъ, освобожденный отъ службы (см. ниже). Но полагаютъ, что когда послѣ и даже во время 2-й пунической войны число римскихъ армій стало увеличиваться и нерѣдко набиралось уже до 20 легіоновъ и болѣе, римляне ограничили освобожденіе отъ военной службы наименьшимъ имущественнымъ цензомъ въ 6,000 ассовъ (около 2,500 руб.). По крайней мѣрѣ таково было постановленіе, существовавшее въ 1-й половинѣ II вѣка передъ Р. Х. (200 — 150 г.), т. е. во время римско-македонскихъ и греческихъ войнъ.

Въ 3-хъ тѣлесными или физическими условіями приема въ военную службу, а именно:

ростомъ и тѣлесными: здоровьемъ, бодростью, крѣпостью и силою. Въ отношеніи къ росту, историки говорятъ, что римляне, будучи вообще небольшого роста*), обращали на него гораздо менѣе вниманія, нежели на совершенно здоровое состояніе, бодрость, крѣпость и силу тѣла. И въ этомъ отношеніи имъ рѣдко приходилось дѣлать исключенія, потому что въ этомъ періодѣ нравы римлянъ были еще очень просты и суровы, а потому и слабыхъ, болѣзненныхъ или съ тѣлесными недостатками либо пороками между ними было очень мало. Однако были пѣкоторые тѣлесные недостатки, которые служили препятствіемъ къ приему въ войско, именно такіе, которые могли затруднять и препятствовать надлежащимъ: употребленію оружія и дѣйствіямъ въ строю, какъ-то: тѣлесные пороки рукъ и ногъ, слабость слуха и особенно зрѣнія. Нѣкоторое понятіе о томъ, чего требовали римляне отъ повобранцовъ въ тѣлесномъ отношеніи, можетъ дать то, что говоритъ объ этомъ Вегетій, именно «повобранецъ долженъ имѣть глаза — живые, голову — поднятую вверхъ, грудь — широкую, плечи — плотныя, кисти рукъ — большія, руки — длинныя, животъ — небольшой, станъ — стройный, ноги и ступни — менѣе мясистыя, нежели жилистыя. Если все это есть, то нечего смотрѣть на ростъ, ибо гораздо нѣужнѣе, чтобы воины были крѣпко сложенны, нежели высокорослы». Вообще полагаютъ, что у римлянъ мѣра роста для приема въ военную службу была: наибольшаго — 5 футовъ 10 дюймовъ римскихъ (или 5 футовъ 3 дюйма нынѣшнихъ), а умѣреннаго — 5 футовъ 7 дюймовъ римскихъ (или 5 футовъ 10 лній нынѣшнихъ), но принимали и ниже послѣдней.

Наконецъ въ 4-хъ нравственныхъ условіяхъ, именно неззорными, безукоризненными во всѣхъ отношеніяхъ нравственностью и поведеніемъ — качествами, которые въ эти лучшія времена римской республики были, можно положительно сказать, почти общими римскимъ гражданамъ.

Освобождались отъ службы въ войскѣ:

1) По возрасту — граждане моложе 17-ти и старѣе 45-ти лѣтъ, безъ препятствія имъ впрочемъ поступать вольнослужащими (волонтерами), но съ зачетомъ дѣйствительной службы только отъ 17-ти до 45-ти лѣтъ (какъ означено выше).

2) По имущественному цензу — всѣ граждане 6-го класса, до 2-й пунической войны — имѣвшіе менѣе 12,500 ассовъ, а послѣ нея — менѣе 6,000 ассовъ (какъ означено выше).

3) По тѣлеснымъ условіямъ — не-

*) Всѣ не-италійскіе народы, особенно галлы, были выше римлянъ ростомъ. Цезарь говоритъ, что рослые галлы презирали римлянъ именно за ихъ малый ростъ. А Цирръ говорилъ своему вербовщику: «выбирай рослыхъ, я сдѣлаю изъ нихъ сильныхъ».

удовлетворявшіе означеннымъ въ этомъ отношеніи выше.

4) Граждане, находившіеся, во время набора, на общественной и государственной гражданской службѣ, отъ низшихъ до высшихъ — сенаторовъ включительно, безъ препятствія, впрочемъ и имъ поступать вольнослужащими. Титъ Ливій говоритъ, что въ одномъ сраженіи при Каннахъ погибло 80 такихъ сановниковъ.

5) Жрецы и авгеры, исключая только случаевъ нашествій галловъ, когда жрецы и авгеры были обязаны защищать государственную казну въ Капитоліѣ.

6) Въ награду за особенныя отличія или заслуги отечеству, оказанныя какъ отдѣльными лицами, такъ и цѣлыми отрядами войскъ, либо городами и даже областями или племенами Италіи. Такого рода освобожденіе отъ службы простиралось отъ одного года до пяти и болѣе лѣтъ и даже до совершеннаго освобожденія.

Наконецъ, совершенно лишены были права служить въ войскѣ или исключались изъ него:

1) Вольноотпущенники ни въ какомъ случаѣ не допускались въ войско.

2) Рабы, по презрѣнію къ нимъ у римлянъ, какъ и у всѣхъ вообще народовъ древности, доходившему до того, что рабовъ считали наравнѣ съ рабочимъ скотомъ. Но были чрезвычайные случаи особенной важности или опасности, когда для рабовъ дѣлалось исключеніе, котораго лишены были вольноотпущенники, а именно: правительство покупало самыхъ крѣпкихъ и сильныхъ рабовъ у ихъ господъ, спрашивало ихъ, желаютъ-ли они служить отечеству?—и получая, разумѣется, удовлетворительный отвѣтъ, вооружало ихъ и образовало изъ нихъ отдѣльные отряды, подъ названіемъ волонеровъ (volones), а черезъ два года хорошей и тѣмъ болѣе отличной службы, давало имъ свободу. Такъ послѣ сраженія при Каннахъ правительство купило и вооружило 8,000 самыхъ крѣпкихъ и сильныхъ рабовъ, а для усиленія конницы—270 апулійскихъ пастуховъ. Эти волонеры оказали большія отличія и за одержанную два года спустя побѣду получили въ награду—свободу. Но въ этомъ періодѣ такого рода случаи были очень рѣдкимъ исключеніемъ.

3) Въ наказаніе за военные и особенно государственные проступки и преступленія, изъ войска были исключаемы какъ отдѣльные лица, такъ и цѣлые отряды, и даже цѣлые города, области или племена Италіи были объявляемы недостойными нести военную службу. Такъ, по удаленіи карфагенянъ изъ Италіи въ концѣ 2-й пунической войны, подобному наказанію были подвергнуты всѣ жители Бруттія, Луканіи, Пизены и другихъ областей Италіи, которыя послѣ сраженія при

Каннахъ возстали противъ Рима и присоединились къ Аннибалу.

Изъ всего приведеннаго выше легко усмотрѣть можно, какой превосходный во всѣхъ отношеніяхъ составъ имѣло въ это время римское войско! Вотъ въ чемъ заключались главные достоинства и сила, какъ его, такъ и всей римской республики — доколѣ онъ сохранялся въ настоящемъ, какъ и въ предидущемъ, періодѣ, въ неприкосновенности. Такого состава мы не находимъ ни у одного народа древности, даже у грековъ въ лучшія времена ихъ исторіи. И не мудрено, что онъ возбуждалъ такія всеобщія удивленія и уваженія къ себѣ, не только въ древнія времена, но и въ среднія, и новыя, и новѣйшія, и едва-ли не будетъ справедливо и достойно возбуждать ихъ всегда! Но это было еще только основаніе всему сооруженному на немъ зданію военнаго устройства, какъ всего Рима, такъ и войскъ его, во всѣхъ частяхъ и отношеніяхъ, до самыхъ мельчайшихъ. Чѣмъ далѣе и болѣе будемъ входить въ подробности, тѣмъ болѣе будемъ удостовѣряться въ превосходствѣ ихъ.

Обратимся прежде всего къ тому, какъ у римлянъ производился обыкновенный ежегодный наборъ четырехъ легіоновъ. Мы увидимъ, съ какимъ вниманіемъ и тщаніемъ они производили наборъ хорошихъ воиновъ и уравнивали ихъ достоинства такъ, чтобы легіоны имѣли всевозможно равномерный составъ. Полибій сообщаетъ вѣрныя и точныя свѣдѣнія, какъ это производилось въ его времена, т. е. въ самое лучшее время римской республики въ настоящемъ періодѣ.

Послѣ выбора консуловъ, выбирался трибуны: 14 изъ прослужившихъ 5 лѣтъ и 10 изъ прослужившихъ 10 лѣтъ. Затѣмъ, въ назначенный для набора день, утромъ на Капитоліѣ выставлялось знамя, герольды всенародно провозглашали по всему Риму о наборѣ и всѣ совершеннолѣтніе граждане отъ 17-ти до 45-ти лѣтъ собиравшись въ Капитоліѣ (а позже на Марсовомъ полѣ за городомъ), по трибамъ, число которыхъ было постепенно увеличено до 35-ти. Трибуны пяти лѣтъ службы раздѣлялись на четыре части, по числу четырехъ легіоновъ: четыре первоизбранные народомъ либо консулами назначались для перваго легіона, три слѣдующіе — для втораго, четыре слѣдующіе — для третьяго и наконецъ три послѣдніе — для четвертаго. Затѣмъ десять трибуновъ десяти лѣтъ службы распределялись такимъ же образомъ, два первые—въ первый легіонъ, три слѣдующіе—во второй, два слѣдующіе—въ третій и три послѣдніе—въ четвертый. Такимъ образомъ на каждый легіонъ приходилось по шести трибуновъ. Затѣмъ трибуны cadaго легіона

садились особо, вызывали трибы по жребію изъ урны и выбирали изъ нихъ по четыре человѣка, сколько можно болѣе одинаковыхъ лѣтъ, крѣпости и силы. Изъ нихъ одного выбирали трибуны перваго легіона, изъ трехъ одного—трибуны втораго, изъ двухъ одного—трибуны третьяго, а послѣдній четвертый доставался четвертому легіону. Изъ слѣдующей по очереди трибы выборъ начинали трибуны втораго легіона, а оканчивали трибуны перваго, и такъ далѣе, пока всѣ четыре легіона не были набраны въ количествѣ и въ совершенной равномерности въ отношеніи лѣтъ и качествъ воиновъ.

Тогда новобранцы приносили военную присягу. Одинъ изъ нихъ громко произносилъ слѣдующую, краткую и простую формулу ея: «Клянусь повиноваться начальникамъ моимъ и употреблять всѣ мои силы къ исполненію того, что они мнѣ прикажутъ». Всѣ остальные проходили, одинъ за другимъ, мимо него, произнося каждый: *idem in me* (и я тоже).

Такъ какъ по закону консулы имѣли начальственную власть надъ войскомъ только внѣ предѣловъ города Рима, но отнюдь не внутри ихъ (законъ также весьма мудрый), то по произведенномъ наборѣ легіоновъ, они назначали имъ сборное мѣсто за предѣлами города, или за городскими воротами, или въ ближайшемъ городѣ на пути слѣдованія арміи въ походъ или наконецъ въ мѣстѣ или болѣе отдаленныхъ мѣстахъ. Туда новобранцы и отправлялись по легіонно безъ оружія, тамъ только распредѣляли ихъ по различнымъ родамъ войскъ и раздавали каждому роду ихъ присвоенное ему оружіе, туда же квесторы (см. ниже) переносили и легіонные орлы, которые они хранили въ государственномъ казначействѣ въ Капитоліѣ. Въ день, назначенный для похода, консулъ отправлялся въ храмъ Марса, потрясалъ щитъ и гасту (полуконье) статуи Марса, приносилъ жертвы и обѣты, и затѣмъ, облачившись въ присвоенныя ему одежды полководца, отправлялся уже на сборное мѣсто. Здѣсь войско очищалось особымъ жертвоприношеніемъ подъ названіемъ люстраціи (*lustratio*) и выступало въ походъ.

Таковъ былъ обыкновенный порядокъ набора легіоновъ и армій. Но въ случаяхъ особенной важности, опасности и поспѣшности, означенные выше порядки и обряды сокращались болѣе или менѣе, и легіоны набирались и выступали въ походъ иногда даже въ теченіи однихъ сутокъ. Въ такихъ случаяхъ консулъ отправлялся въ Капитолій и выставлялъ тамъ два знамени, одно—красное для пѣхоты, другое—цвѣта морской воды или зеленоватое для конницы. Такъ напримѣръ еще въ 457 г., по приказанію четвертаго диктатора Квинція Цинцинната, съ утра до вечера легіоны были

совершенно набраны и вооружены, а въ началѣ ночи уже выступили съ Марсова поля въ походъ для освобожденія консула Минуція, обложеннаго въ своемъ лагерѣ эквами.—12 лѣтъ спустя, въ одинъ день легіоны были набраны, на разсвѣтѣ слѣдующаго дня собрались на Марсовомъ полѣ, въ девятомъ часу утра выступили въ походъ, къ вечеру расположились лагеремъ въ 10 римскихъ миляхъ (около 7 верстъ) отъ Рима, два дня спустя разбили непріятеля и на другой день воротились въ Римъ, совершивъ походъ въ четверо сутокъ, въ томъ числѣ одни сутки набора и одни сутки боя. Такого-то рода чрезвычайные наборы назывались внезапными или по тревогѣ (*legiones subitariae, tumultuariae*).

Римская конница, которая въ началѣ носила названіе *celeres* (быстрые, а по инымъ—по имени перваго начальника ея, Фабія Целера), потомъ *flexumines*, позже *trousulis* (по имени города Троссула, въ Этруріи или Тусціи—нынѣ Тоскана, который она взяла одна, безъ помощи пѣхоты) и наконецъ—*equites* (всадники, отъ *equus*—лошадь), имѣла совершенно особенные и различные отъ пѣхоты составъ, устройство и способъ набора. Право и обязанность служить въ конницѣ имѣли только римскіе граждане изъ сословія всадниковъ (*equites*), которые, сверхъ всѣхъ означенныхъ выше, общихъ условій для службы въ войскѣ, удовлетворяли имущественному цензу не менѣе 50,000 ассовъ (около 20,000 рублей). Лошадей они получали отъ правительства и знакомъ отличія имѣли золотой перстень. Наборъ ихъ производился цензорами, въ числѣ одного на 10 или 300 на 3,000 чел. пѣхоты (см. ниже). По окончаніи набора всадниковъ въ конницу, они приносили ту же присягу и тѣмъ же образомъ, что и новобранцы пѣхоты.

Наборъ пѣхоты и конницы въ легіоны римскихъ союзниковъ производился, по распоряженію консуловъ, въ одно время съ наборомъ римскихъ легіоновъ въ Римѣ, но менѣе сложнымъ и болѣе простымъ и ускореннымъ способомъ, причемъ консулы уведомляли союзниковъ о числѣ войскъ, которыя нужно было набрать, и о сборномъ мѣстѣ арміи.

Весьма любопытны свѣдѣнія, которыя находимъ у Полибія, о томъ, сколько по закону Римъ въ настоящемъ періодѣ и въ чрезвычайныхъ случаяхъ могъ выставить въ одно время римскихъ и союзныхъ войскъ, и какова была по этому численность военныхъ силъ Рима и, слѣдовательно, всего народонаселенія римскихъ владѣній въ Италиі. Свѣдѣнія эти относятся къ эпохѣ пашествія, въ несмѣтныхъ силахъ, трансальпійскихъ галловъ на сѣверную Италию, гдѣ къ нимъ присоединились цисальпійскія галльскія племена инсубровъ и боіевъ, именно

въ 225 г., между 1-ю и 2-ю пуническими войнами. Въ это время въ Римѣ было произведено общее исчисленіе всего совершеннѣшняго, способнаго сражаться народонаселенія въ подвластной Риму Италіи и дало слѣдующіе результаты:

На дѣйствительной службѣ у двухъ консуловъ было четыре римскіе легіона, каждый въ 5,200 чел. пѣхоты и 300 чел. конницы, и союзныхъ вспомогательныхъ войскъ 30,000 чел. пѣхоты и 2,000 конницы, всего. 54,000 чел.

Областями сабинянъ и тирренянъ было выставлено 50,000 чел. пѣхоты и 4,000 чел. конницы, всего. 54,000 »

Изъ аппеннинскихъ горъ было выставлено 20,000 войскъ умбрами и сарсинянами и 20,000 войскъ венетами и ценоманами, всего 40,000 »

Подъ стѣнами Рима было въ видѣ резерва 20,000 чел. пѣхоты и 1,500 чел. конницы римскихъ войскъ и 30,000 чел. пѣхоты и 2,000 чел. конницы союзныхъ войскъ, всего 53,500 »

Итого противъ галловъ могло быть употреблено совсѣмъ готовыхъ:

римскихъ войскъ	43,500 »
союзныхъ	158,000 »
Всего	201,500 чел.

Сверхъ того, по спискамъ, доставленнымъ римскому сенату, союзники могли, въ случаѣ надобности, еще выставить:

	пѣхоты.	конницы.
Латиняне	80,000 чел.	5,000 чел.
Самнитяне	70,000 »	7,000 »
Янигін и месанин	50,000 »	16,000 »
Луканяне	30,000 »	3,000 »
Марсы, ферентиняне и вестиняне ..	30,000 »	3,000 »

Всего 260,000 чел. 34,000 чел.

Въ Сициліи и Тарентѣ были два легіона 8,400 чел. 400 »

Въ собственной области Рима и въ Кампаніи могли быть еще набраны . 250,000 » 23,000 »

Всего 518,400 чел. 57,400 чел.

А всего всѣхъ Римъ могъ употребить противъ галловъ. 588,000 чел. 58,400 чел.

646,400 чел. войскъ.

По этому легко можно исчислить, что все народонаселеніе подвластной Риму Италіи, всѣхъ возрастовъ и обоего пола, составляло въ это время: свободное — не менѣе 3.200,000 душъ и несвободное, т. е. рабы — примѣрно столько же, а вмѣстѣ около 6½ миллионовъ душъ, плотно населенныхъ между двумя морями и длиннымъ хребтомъ Аппеннинскихъ горъ, а не разбросанныхъ на огромномъ пространствѣ края.

Вотъ какова была въ это время, въ Италіи, военная сила римской республики — сила, съ которою во 2-й пунической войнѣ предстояло бороться Аннибалу.

§ 4.

Различные роды войскъ, вооруженіе и число ихъ.

Когда вновь набранные легіоны, пѣхота и конница были собраны на сборномъ мѣстѣ, трибуны распредѣляли выбранныхъ въ пѣхоту, по возрастамъ, въ различные роды оной, а именно:

Имѣвшихъ отъ 17-ти до 25-ти лѣтъ — въ легкую пѣхоту, которая прежде состояла изъ рораріевъ (rorarii) и акцензовъ (accensi), а въ настоящемъ періодѣ изъ одного класса велитовъ (veliti), — отъ 25-ти до 30-ти лѣтъ — въ гастаты (hastati), отъ 30-ти до 40 — въ принципы (principi) и наконецъ отъ 40 до 45-ти — въ триаріи (triarii).

Послѣ такого распредѣленія, немедленно выдавали каждому роду пѣхоты присвоенное ему вооруженіе, а именно:

Велитамъ — кожаные шлемы, небольшие, Великіе полководцы исторіи ч. I,

круглые и легкіе деревянные щиты, мечи и по семи легкихъ дротиковъ каждому. Дротики были въ два локтя (32 дюйма) длиною и въ палецъ толщиною, и имѣли очень топкій и острый наконечникъ, для того, чтобы, попавъ въ цѣль, загибались и чтобы непріятель не могъ бросать ихъ обратно.

Легіонной или линейной пѣхотѣ: 1) предохранительное вооруженіе: кожаные, покрытые полированнымъ желѣзомъ шлемы, съ высокими, красными и черными, перьями (galea, capis), грудныя латы (logicae), которыя прикрѣплялись къ тѣлу ремнями, обитыми гибкою металлическою чешуей и прикрывали плечи, грудь и животъ, познныя латы или наконечники (oscae), подобныя греческимъ крапидамъ, особенно

полныя и прочныя на правой ногѣ, которую римскіе пѣшіе воины, сражаясь, преимущественно мечомъ, при дѣйствіи имъ выставляли впередъ, и щиты (scutum), четверугольные, полуцилиндрическіе, въ $4\frac{1}{2}$ фута ширины, составленные изъ нѣсколькихъ склеенныхъ дощечекъ крѣпкаго дерева, покрытые толстою кожей и обитые по краямъ толстыми желѣзными полосами; въ срединѣ щита былъ острый желѣзный наконечникъ, которымъ легіонеръ, въ рукопашномъ бою, могъ ударять противника, и 2) нападательное вооруженіе: главное — мечъ (gladius), испанскій, обоюдоострый, длиною безъ рукоятки въ $20\frac{1}{2}$ дюймовъ, а шириною въ 2, которымъ можно было одинаково удобно и колоть, и рубить; одно тяжелое копье (pilum) въ 3 локтя (4 фута) длиною и въ 1 палецъ (2 дюйма слишкомъ) толщиною и одно легкое (hasta) въ 3 локтя (4 фута) длиною и менѣе толстое, у каждаго легіонера; острый наконечникъ ихъ имѣлъ крюкъ для запыленія и стаскиванія неприятельскихъ щитовъ. Триаріи, имѣвшіе назначеніе преимущественно производить рѣшительный ударъ въ сомкнутомъ строѣ, были вооружаемы, вмѣсто такихъ копій, пиками длиною въ 14 футовъ и иногда, кромѣ того, нѣсколькими тонкими и легкими дротиками, носимыми въ двѣ руки, въ углубленіи щита.

Все вообще вооруженіе римскаго легіонера, какъ оборонительное, такъ особенно нападательное, имѣло превосходныя качества и важныя преимущества. Оборонительное, по свойствамъ и прочности своимъ, достаточно защищало, не препятствуя однако свободнымъ движеніямъ тѣла, рукъ и ногъ; нападательное же было такъ хорошо соображено и устроено и до такой степени дѣйствительно, особенно мечъ, что въ рукахъ сильныхъ и ловкихъ римскихъ воиновъ пробивало самыя толстыя и крѣпкія латы и щиты и наносило страшныя раны. Титъ Ливій говоритъ, что въ войнахъ римлянъ съ македонянами и греками, на тѣхъ и на другихъ наводило ужасъ страшное дѣйствіе римскаго меча, однимъ махомъ отрубавшаго головы, руки, ноги и т. п. Еще (болѣе страшно было дѣйствіе римскаго меча противъ галловъ, оружие которыхъ было дурно ковано, мечи тупились, тупились, ломались и т. п.). Поэтому мечъ былъ главнымъ и любимымъ оружіемъ римлянъ и имъ преимущественно они одержали побѣды.

Другимъ важнымъ преимуществомъ римскаго вооруженія было то, что каждый родъ войскъ, вооруженный имъ, былъ одинаково способенъ ко всякаго рода службѣмъ и дѣйствіямъ въ полѣ и въ бою. Линейная пѣхота могла удобно дѣйствовать, какъ легкая, въ разсыпномъ строѣ, метательнымъ оружіемъ, легкая пѣхота — въ сомкнутомъ строѣ, а конница — въ пѣшемъ.

Конница римская до самой 2-й пуниче-

ской войны включительно была вооружена менѣе и хуже, нежели пѣхота, а именно: не носила латы, щиты имѣла овалыныя изъ толстой кожи, которая размокала отъ дождя, мечи плохіе, а коня тонкія и гибкія, тѣ и другія — хрупкіе и ломкіе, наконецъ чаще и лучше дѣйствовала въ пѣшемъ, нежели въ конномъ строѣ. Поэтому она значительно уступала въ добротѣ конницѣ Аннибала и даже потомъ — македонской и греческой. Но римляне, всегда внимательные ко всему, что касалось лучшаго устройства ихъ войскъ, не замедлили воспользоваться опытомъ войнъ: 2-й пунической и македонскихъ, и значительно усовершенствовали вооруженіе и устройство своей конницы, по образцу лучшихъ тогдашнихъ родовъ этого войска. Они дали ей шлемы и латы, такіе же, какъ въ пѣхотѣ, напояники на обѣихъ ногахъ, съ полу-сапогами, дротики и прочныя пикн въ 10—11 футовъ длины, съ двумя острыми наконечниками на обѣихъ концахъ (на нижнемъ въ видѣ запаснаго), и наконецъ кривые мечи, очень прочныя и острые. Уже въ 1-й македонской войнѣ вооруженная такимъ образомъ римская конница не только сравнялась съ македонскою и греческою, но даже превзошла ихъ въ дѣйствіи бѣлымъ оружіемъ. Но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ она всегда была болѣе или менѣе посредственной доброты, какъ потому, что избиралась изъ болѣе изнѣженнаго сословія всадниковъ, такъ и потому, что вообще римляне обращали болѣе вниманія на лучшее вооруженіе и устройство своей пѣхоты, признавая ее главною силою своихъ армій, нежели своей конницы, которую считали только второстепеннымъ, вспомогательнымъ пѣхотѣ родомъ войскъ. Впрочемъ Сципіонъ младшій обращалъ большое вниманіе на хорошее устройство и строевое образованіе римской конницы, и она была много обязана ему въ этомъ отношеніи.

Къ причинамъ несовершенства вообще римской конницы нужно еще прибавить несовершенство конской сбруи. Ни сѣдель, ни стремяны (введенныхъ гораздо позже, первыя — при Θεодосіѣ Вел., въ концѣ IV вѣка, а вторыя — въ VI вѣкѣ) у римлянъ, какъ и у всѣхъ другихъ народовъ древности, не было. Вмѣсто того, на каждой лошади было по 2 попоны (или чанрака), нижняя и верхняя, изъ сукна или кожи, или мѣха, укрѣпленные подпругой, нагрудникомъ и подхвостникомъ. Нижняя попона была длиннѣе и шире, и иногда съ бахрамой по краямъ, а верхняя — короче и уже, съ вырѣзными (фестопами) и низкими (краями). Обѣ попоны скрѣплялись одна съ другою лентами, или пуговицами, или ремнями. Нагрудникъ и подхвостникъ имѣли металлическія бляхи въ видѣ когтей, цвѣтковъ, полумѣсяцовъ и т. п. Наконецъ, для управленія лошадыю служила узда съ двумя поводьями и

головными ремнями и украшеніями. И на снаряженной такимъ-то образомъ лошади сидѣлъ римскій всадникъ, держа на лѣвой рукѣ щитъ, а въ самой лѣвой рукѣ поводья, правую же руку имѣя свободною для дѣйствія пикой и мечомъ. Трудно понять, какъ онъ могъ въ одно и тоже время и сидѣть твердо на лошади, и управлять ею, и прикрывать себя щитомъ, и дѣйствовать пикой и мечомъ. Но легко себѣ представить, что такого рода конница не могла быть хорошею, а должна была быть весьма посредственною, тѣмъ болѣе, что римляне отъ природы были скорѣе пѣхотинцы, нежели всадники.

Вьючныя лошади также имѣли на себѣ нижнюю и верхнюю попоны, но гораздо проще.

Числительная сила различнаго рода войскъ, означенныхъ выше, въ составѣ легіоновъ и армій, была нижеслѣдующая:

Въ римскомъ легіонѣ было обыкновенно 1,200 велитовъ, 1,200 гастатовъ, 1,200 принциповъ, 600 триаріевъ и 300 всадниковъ, всего 4,200 человекъ пѣхоты и 300 чел. конницы; но иногда бывало всего до 5 и даже 6,000 чел., при чемъ число триаріевъ (600) никогда не измѣнялось.

Въ легіонахъ союзниковъ, конницы было вдвое болѣе, нежели въ римскихъ, т. е. 600 чел. и $\frac{1}{3}$ чел. (200 чел.) и $\frac{1}{3}$ пѣхоты (840 чел.), всего 1,040 чел. составляли отдѣльный отрядъ войскъ подъ названіемъ экстраординарныхъ (extraordinarii), состоявшій въ непосредственномъ распоряженіи предводителя арміи. Отборнѣйшая же $\frac{1}{3}$ часть экстраординарныхъ войскъ (208 чел.), подъ названіемъ аблектовъ (ablesti), составляла отрядъ тѣлохранителей (конвой) предводителя арміи. Такимъ образомъ знатнѣйшіе войны и лучшія войска союзниковъ были

всегда при предводителѣ арміи, на виду у него и служили въ одно время и надежнымъ резервомъ арміи, и какъ бы заложниками въ вѣрности ихъ единоплеменниковъ.

Числительная сила и составъ войскъ, набираемыхъ у подвластныхъ Риму въ Италіи (позже) вѣв опой народовъ, были различные, опредѣляясь обстоятельствами. Но войска эти не входили въ составъ римскихъ армій, а составляли особые вспомогательныя отряды при нихъ.

Обыкновенная римская консульская армія, подъ начальствомъ консула, состояла изъ 2-хъ римскихъ и 2-хъ союзныхъ легіоновъ, слѣдовательно въ ней было 16,800 чел. пѣхоты и 1,800 чел. конницы, а всего 18,600 чел. войскъ, въ числѣ которыхъ $\frac{8}{9}$ пѣхоты и только $\frac{1}{9}$ конницы, иначе конница относилась къ пѣхотѣ, какъ 1: 9. Причинами такой малочисленности ея были: гористыя свойства мѣстности Италіи, недостатокъ въ послѣдней лошадей, годныхъ къ военно-конной службѣ и, какъ уже было сказано выше, предпочтеніе, оказываемое римлянами пѣхотѣ. Но съ тѣхъ поръ, какъ послѣ 2-й пунической войны римляне начали вести войны въ Италіи, они стали постепенно увеличивать число конницы при своихъ арміяхъ, посредствомъ конныхъ войскъ вспомогательныхъ, выставляемыхъ подвластными Риму народами, или же наемныхъ.

Если оба консула выступали въ поле, то соединенныя арміи ихъ имѣли всего 37,000 чел. войскъ, но въ чрезвычайныхъ случаяхъ — и болѣе. Такъ, напримѣръ, въ сраженіи при Каннахъ каждый изъ 2-хъ консуловъ начальствовалъ арміей изъ 8-ми легіоновъ, что составляло всего 16 легіоновъ и въ нихъ 80,000 чел. пѣхоты и 7,200 чел. конницы.

§ 5.

Строй и образъ движеній и дѣйствій войскъ.

Строй и образъ дѣйствій римскихъ легіоновъ по центуріямъ были выгодны только въ войнахъ римлянъ въ гористой и пересѣченной мѣстности и съ народами Италіи: этрусками, латинянами, волсками и самнитянами, которые строились и въ бою сражались также или почти также. Но въ войнахъ съ галлами, съ Пирромъ и его греками и съ кареагенянами строй по центуріямъ уже оказался невыгоднымъ: малочисленные, не связанные между собою центуріи уже не могли съ выгодною сражаться и съ успѣхомъ противустоять натиску и удару большихъ, сомкнутыхъ массъ галловъ, эпирцовъ и кареагенянъ. И потому римляне измѣнили строй по центуріямъ, давъ ему болѣе связи и твердости, но сохранивъ прежнія достоинства

его — гибкость, ломкость и удободвижимость, важныя преимущества которыхъ уже были доказаны опытомъ многихъ предшествовавшихъ войнъ.

Волѣдствіе того, рораріи были уничтожены, а гастаты и принципы усилены соединеніемъ по 2 центуріи ихъ вмѣстѣ, и эти отдѣленія были названы манипулами (manipulae). Изъ акцензовъ и легковооруженныхъ воиновъ (leves) были образованы велиты (veliti). Триаріи же и конница сохранили свой составъ и строй безъ измѣненія.

Съ этого времени (279 — 275 г.), передъ 1-ю пуническою войною, римскіе легіоны стали строиться по манипуламъ въ 3 линіи: въ 1-й находились гастаты, во 2-й —

принципы и въ 3-й — триарин. Это было основано на вѣрномъ убѣжденіи, что первый натискъ было выгоднѣе производить младшими возрастомъ и болѣе пылкими войнами, постепенно поддерживая ихъ старшими и болѣе опытными и твердыми. Каждая изъ трехъ линій дѣлилась на 10 манипулъ, а каждая манипула гастатовъ и принциповъ состояла изъ 120-ти воиновъ, строилась по 12 чел. въ шеренгѣ или во фронтѣ и по 10 чел. въ ряду или въ глубину и подраздѣлялась на 2 центурии и на 12 декурій. Манипулы же триаріевъ имѣли только по одной центурии, въ 60 чел. каждая, и строились по 12 чел. во фронтѣ и по 5 чел. въ глубину. Велиты причислялись къ 1-й линіи гастатовъ и къ 3-й — триаріевъ, по 60 чел. на каждую манипулу, но опредѣленныхъ мѣстъ и строя не имѣли.

Въ 5-ти и 6-ти-тысячныхъ римскихъ легіонахъ увеличивали пропорціонально числительную силу манипулъ гастатовъ и принциповъ, по триарин, какъ сказано, всегда оставались въ одинаковомъ числѣ.

Въ строю каждый легіонеръ занималъ пространство въ 6 футовъ, необходимое для свободного дѣйствія дротикомъ, копьемъ, мечомъ и щитомъ. Но для обороны противъ конницы ряды и шеренги смыкались на 3 и даже на $1\frac{1}{2}$ фута.

Въ общемъ строѣ, манипулы строились въ квинкунціальномъ (*quincuncialis, en quin-conse*) или шахматномъ порядкѣ, съ интервалами, равными длинѣ фронта каждой въ разомкнутомъ строѣ, и на дистанціяхъ въ 50 шаговъ и болѣе разстоянія линій отъ линій.

Конница римскаго легіона раздѣлялась на 10 турмъ, изъ 30 всадниковъ и 3-хъ декурій по 10 всадниковъ каждая. Турмы строились по 10 всадниковъ во фронтѣ и по 3 въ глубину. Всѣ 10 турмъ легіонной конницы назывались крыломъ (*ala*).

Манипулы и турмы одинаковыхъ номеровъ (1-го, 2-го и т. д.), съ причисленными къ манипуламъ велптами, составляли въ глубину всѣхъ 3-хъ линій, тѣхъ же номеровъ когорты (*cohors, cohortes*), именно: 1-ья манипулы гастатовъ, принциповъ и триаріевъ, съ ихъ велптами и съ 1-ю турмою конницы составляли 1-ю когорту, 2-ья — 2-ю и т. д. Это было весьма разумное учрежденіе, потому что каждая когорта состояла изъ всѣхъ родовъ воиновъ и имѣла, въ общемъ строѣ легіона, свой строй въ 3 линіи въ глубину, съ резервами, поддерживавшія другъ друга. Такимъ образомъ въ римскомъ легіонѣ было 10 когортъ, каждая изъ 120 гастатовъ, 120 принциповъ, 60 триаріевъ, 120 велитовъ и 30 всадниковъ, а всего изъ 420 чел. пѣхоты и 30 чел. конницы, но могла дѣйствовать какъ самостоятельная тактическая единица, что доставляло большія выгоды и заслуживаетъ особеннаго вниманія.

Въ боевомъ порядкѣ обыкновенной рим-

ской консульской арміи римскіе легіоны находились въ серединѣ, 1-й на право, 2-й на лѣво, а легіоны союзниковъ — на крылахъ (*alae*), 1-й на правомъ, 2-й на лѣвомъ, почему послѣдніе часто назывались также аларіями (*alares*). Конница обыкновенно строилась на крайнихъ флангахъ обонхъ крылъ арміи, въ 1 или въ 2 линіи, но иногда, смотря по обстоятельствамъ или мѣстности, была помѣщаемъ впереди и позади пѣхоты, или между линіями, дѣйствуя небольшими отдѣленіями сквозь ихъ интервалы. Экстраординарные же войска и аблекты союзниковъ составляли отдѣльные резервы арміи.

Таковъ былъ строй римскихъ легіоновъ и армій съ 279 — 275 гг. до конца 2-й пунической войны. Но послѣ онъ былъ нѣсколько измѣненъ тѣмъ, что въ 1-ю линію снова стали ставить, какъ прежде, принципы, во 2-ю — гастатовъ, за 2-ю — велитовъ, если они не были употребляемы впереди 1-й, — 3-я же линія триаріевъ была отодвинута далѣе назадъ. Это измѣненіе было основано на опытѣ, приобрѣтенномъ во 2-й пунической войнѣ, а именно — что судьба боя зависить не только отъ пылости и стремительности натиска и удара 1-й линіи, но и отъ ея выдержки, устойчивости и твердости.

Логистика (искусство производить въ извѣстномъ порядкѣ походныя движенія армій) была у римлянъ, до самаго сраженія при Каннахъ, въ довольно неудовлетворительномъ состояніи. Арміи ихъ переходили изъ одного лагеря въ другой безъ особеннаго порядка и надлежащихъ предосторожностей, отчего нерѣдко попадали въ засады или иного рода трудныя и опасныя положенія, подвергались внезапнымъ нападеніямъ и претерпѣвали неудачи и даже пораженія, какъ на примѣръ въ каудійскихъ фуркулахъ или горныхъ ущельяхъ, при Тразименскомъ озерѣ и проч. Но за то, наученные опытомъ, римляне скоро и значительно усовершенствовали эту часть своей тактики и этимъ первоначально и особенно были обязаны знаменитому диктатору Фабію Кунктатору или медлителю, послѣ сраженія при Каннахъ. Съ этого времени римскія арміи совершали походныя движенія, смотря по обстоятельствамъ, одною или нѣсколькими колоннами, рядами, отдѣленіями, по когортамъ, или линіями боевого порядка. Впереди, въ видѣ передовой стражи (авангарда) обыкновенно шли экстраординарные войска и часть велитовъ, а за ними, когда армія двигалась правымъ флангомъ — 1-й легіонъ союзниковъ, съ тяжестями своими и передовой стражи позади, — потомъ 1-й и 2-й римскіе легіоны, также съ своими тяжестями позади, — потомъ тяжести 2-го легіона союзниковъ и за ними самый этотъ легіонъ, съ тяжестями задней стражи (аррьергарда), шедшей въ хвостѣ всей арміи и состоявшей изъ аблектовъ и остальной части ве-

литовъ. Въ походныхъ движеніяхъ армій лѣвымъ флангомъ порядокъ былъ тотъ-же, но только обратный. Конница шла обыкновенно при тяжестяхъ и наблюдала за порядкомъ въ нихъ. На походѣ, впередъ и по сторонамъ посылались легкія войска и большое число лазутчиковъ (*speculatores*), для развѣдыванія о непріятелѣ. При отступленіи же, экстраординарныя войска, съ находившимися при нихъ велитами, составляли заднюю стражу (*аррьергардъ*).

Такъ передвигались римскія арміи изъ одного ночнаго лагеря въ другой. Устройство лагерей, расположеніе въ нихъ войскъ и исполненіе ими въ нихъ лагерной службы — изложены ниже (§ 8). Здѣсь же слѣдуетъ по порядку изложить образъ дѣйствій римскихъ армій въ бою.

Прежде всего нужно сказать, что римляне, справедливо убѣжденные въ несомнѣнномъ и важномъ преимуществѣ, въ физическомъ и особенно въ нравственномъ отношеніи, починна и наступательнаго образа дѣйствій въ бою передъ выжиданіемъ и обороною, всегда имѣли правиломъ и обычаемъ — самимъ первымъ производить нападеніе. Приготовленія къ бою заключались въ слѣдующемъ: о намѣреніи своемъ напасть на непріятеля и вступить съ нимъ въ бой, полководецъ извѣщалъ армію, вывѣшивая передъ своею ставкою пурпуровую свою мантию (см. ниже § 7). По этому знаку, войска немедленно готовили свое оружіе и подкрѣпляли себя пищей, затѣмъ полководецъ краткою рѣчью (*allocutio*) поощрялъ ихъ къ достойному, мужественному исполненію своего долга, и армія, выступивъ изъ лагеря, строилась впереди его въ боевой порядокъ, такъ какъ римляне всегда имѣли обыкновеніе сражаться въ бою въ болѣе или менѣе близкомъ разстояніи впереди своего укрѣпленнаго лагеря, какъ крѣпостцы и опорнаго пункта. По этой же причинѣ всѣ большія и малыя тяжести армій, въ томъ числѣ поклажа (багажъ) воиновъ, въ походѣ носимая ими на себѣ, была оставляема въ лагерѣ, подъ охраной особенно назначаемой для того стражи.

По свидѣтельству Полибія и особенно Вегеція, боевыхъ порядковъ армій у римлянъ было вообще 7, а именно: 1-й — обыкновенный (*fronte longa, quadro exercitu*), въ видѣ 4-хъ-угольника съ длиннымъ фронтомъ, съ фронтальнымъ, параллельнымъ нападеніемъ; 2-й и 3-й — косвенные, съ праваго или лѣваго крыла, — 4-й и 5-й — косвенные съ обоихъ крылъ, съ удержаніемъ центра на мѣстѣ (Сципіонъ африканскій при Иллигѣ), 6-й — также косвенный, съ атакою однимъ крыломъ и съ удержаніемъ на мѣстѣ центра и другаго крыла, — и наконецъ 7-й — съ атакою одного крыла и съ обороною центра и другаго крыла за естественнымъ препятствіемъ. Но слѣдуетъ замѣтить, что эти 7 римскихъ боевыхъ порядковъ

Вегеція, о которыхъ въ новыя и новѣйшія времена было писано чрезвычайно много и весьма многими писателями, относятся болѣе къ слѣдующимъ періодамъ большаго развитія римскихъ тактики и вообще военного искусства, — и что эти 7 боевыхъ порядковъ были собственно только различные виды двухъ главныхъ родовъ оныхъ: прямого и косвеннаго. Въ настоящемъ же періодѣ римляне употребляли болѣею частію прямой съ фронтальнымъ нападеніемъ пѣхоты и только конницею во флангъ и въ тылъ.

По построеніи въ боевой порядокъ, какъ означено выше, по 1-му сигналу трубъ и роговъ вся армія поднимала боевой кликъ (*barritus*), по болѣе или меньшимъ живости и громкости котораго предводитель армій могъ уже судить о нравственномъ состояніи духа войскъ и о вѣроятной участи боя. По 2-му сигналу трубъ и роговъ вся армія двигалась впередъ, а по 3-му производила самое нападеніе, бѣглымъ шагомъ, съ громкимъ крикомъ, удареніемъ копьями по щитамъ и при звукѣ всѣхъ музыкальныхъ орудій — столько же для устрашенія непріятеля, сколько и для ободренія и одушевленія собственныхъ войскъ.

Порядокъ, ходъ и образъ боя были вообще слѣдующіе: велиты разсыпались передъ фронтомъ армій и начинали бой метаніемъ своихъ дротиковъ и частными (т. е. по частямъ) нападеніями, съ цѣлію утомить и разстроить непріятеля. По приближеніи же линейныхъ войскъ, они бѣгомъ отступали чрезъ промежутки (интервалы) между ними и одна часть удалялась за 3-ю линію триаріевъ въ резервъ, а другая поддерживала гастатовъ и принциповъ, снабжала ихъ дротиками и гастами и выводила раненыхъ изъ строя.

По отступленіи велитовъ, первое нападеніе производила 1-я линія гастатовъ (позже принциповъ). Приблизись къ непріятелю шаговъ на 10-12, они бросали въ него свои гасты, причемъ переднія шеренги нѣсколько наклонялись, и затѣмъ немедленно производили ударъ въ мечи. Если они были отражены, то бѣгомъ отступали чрезъ промежутки 2-й линіи и строились за нею или за триаріями. Второе нападеніе производила такимъ же образомъ 2-я линія принциповъ (позже гастатовъ) и, если была отражена, бѣгомъ отступала чрезъ промежутки 3-й линіи триаріевъ и строилась за нею либо сомкнутыми частями (колоннами) въ ея промежуткахъ. Между тѣмъ триаріи въ 3-й линіи все время стояли на одномъ мѣстѣ, прикрываясь щитами отъ непріятельскаго метательнаго оружія, и если отраженные гастаты и принципы отступали за нихъ, то или одни или въ совокупности со всѣми другими родами войскъ производили третье, послѣднее и рѣшительное нападеніе (*res ad*

trarios rediit). Конница на флангахъ, въ началѣ и въ продолженіи боя, по общему въ древнія времена обычаю, производила стремительныя нападенія на находившуюся противъ нея неприятельскую конницу, и если опрокидывала ее, то или преслѣдовала или нападала на пѣхоту въ срединѣ неприятельской арміи во флангъ и въ тылъ. Въ случаѣ пораженія неприятельской арміи, ее преслѣдовали конница и велиты, поддерживаемые экстраординарными войсками; линейная же пѣхота снова выстраивалась въ 3 линии и шла впередъ за экстраординарными войсками. Въ случаѣ же отступленія римской арміи, его прикрывали велиты, кон-

ница, экстраординарныя войска и триархи.

Таковы были болѣе общіе и обыкновенные порядки, ходъ и образъ боя римскихъ армій въ полѣ; но они измѣнялись почти въ каждомъ сраженіи, болѣе или менѣе, въ частности, вслѣдствіе соображеній и распоряженій предводителей армій, сходно съ обстоятельствами, расположеніемъ неприятеля и мѣстностью, которую римляне всегда принимали въ соображеніе, гораздо болѣе, нежели другіе народы и даже греки. Оттого сраженія римлянъ, имѣя одинъ общій главный характеръ, въ частности видоизмѣнялись болѣе или менѣе разнообразно.

§ 6.

Римскій легионъ и римская тактика, преимущества и недостатки ихъ и сравненіе ихъ съ греческою фалангой и греческою тактикой.

Изъ изложеннаго выше можно уже составить себѣ понятіе о преимуществахъ и недостаткахъ тактическаго устройства римскихъ войскъ и армій въ настоящемъ періодѣ вообще, относительно къ тѣмъ народамъ, съ которыми римляне вели въ немъ войны, и въ особенности къ тому народу, который до этихъ поръ имѣлъ исключительное въ этомъ отношеніи первенство въ древнемъ мірѣ, именно къ грекамъ, съ которыми римляне пришли въ первое столкновеніе въ войнахъ: съ Пирромъ въ Италиі и позже съ Македоніей и Греціей. До этого столкновенія, въ войнахъ съ народами Италиі, даже въ продолжительной и упорной съ воинственными, храбрыми и небезискусными самнитянами, и съ народами неиталийскими — полудикими, но воинственными, храбрыми и страшными галлами, и наконецъ съ карфагенянами въ 1-й пунической войнѣ, тактическое устройство римскихъ войскъ и армій явило несомнѣнное и рѣшительное превосходство, хотя и не обошлось безъ уроковъ, болѣе или менѣе — и подчасъ очень — жестокихъ. Но римляне были не такой народъ, чтобъ эти уроки, какъ бы ни были жестоки, прошли для нихъ даромъ и безъ слѣда. Напротивъ, чѣмъ болѣе они были жестоки, тѣмъ болѣе римляне извлекали изъ нихъ пользы для себя, и весь періодъ войнъ ихъ съ 343-го года — начала 1-й войны съ самнитянами — до войны съ Тарентомъ и Пирромъ (282 — 272) и особенно съ этой послѣдней до войны нумантійской включительно (140 — 133), былъ для римлянъ отличною военно-практическою школою, въ которой тактическое искусство ихъ возрасло, развилось, возмужало и окрепло на столько, что потомъ, на этомъ твердомъ и прочномъ основаніи, стало возноситься все выше и

выше, распространяться все шире и далѣе, и легко и скоро повело — къ покоренію римлянами полъ-міра извѣстнаго въ древности.

Но самымъ любопытнымъ явленіемъ въ настоящемъ періодѣ есть — первое столкновеніе римлянъ съ греками въ военномъ отношеніи вообще въ тактическомъ въ особенности. Тутъ уже лицомъ къ лицу стали двѣ тактическія системы и формы, старѣйшая — греческая, въ формѣ фаланги и новѣйшая — римская, въ формѣ легиона, и въ высшей степени любопытно и еще болѣе поучительно изслѣдовать, на чьей сторонѣ оказалось преимущество?

И такъ рассмотримъ сначала преимущества и недостатки римскихъ: системы, тактики и легиона вообще, а потомъ — сравнительно съ греческими въ формѣ фаланги.

Главными преимуществами первыхъ вообще были: 1) строй легиона въ 3 линии съ резервами, съ тактическимъ дѣленіемъ его и вдоль фронта, и въ глубину (по когортамъ), — 2) взаимныя подкрѣпленіе и смѣна линій, посредствомъ чего бой можно было возобновлять 3 раза и каждый разъ съ свѣжими, старѣйшими и лучшими войсками, — 3) необыкновенныя: гибкость, ломкость и удобовѣжливость строя, не исключавшія необходимыхъ твердости и силы его и дѣлавшія его способнымъ ко всякаго рода передвиженіямъ и построеніямъ, а слѣдовательно и къ дѣйствіямъ, на всякаго рода мѣстности, и ровной, и пересѣченной, — 4) соединеніе и взаимная связь разныхъ родовъ и частей войскъ въ легионѣ и когортѣ, почему и тотъ и другая могли, смотря по обстоятельствамъ, дѣйствовать какъ самостоятельныя тактическія единицы, — наконецъ 5) при всемъ этомъ превосходныя: вооруженіе и строевое обученіе римскихъ воиновъ. Конья гастатовъ (позже принциповъ),

ловко, метаемая разомъ вдругъ на самомъ близкомъ разстояніи (10 — 12 шаговъ), уже въ самомъ началѣ боя приводили непріятеля въ замѣшательство и разстройство, а немедленно слѣдовавшій затѣмъ общій, быстрый и сильный ударъ въ мени довершалъ поражение непріятеля. Если же непріятель успѣвалъ выдержать и отразить первый натискъ и ударъ, то долженъ былъ выдерживать одинъ вслѣдъ за другимъ и одинъ сильнѣе другаго, второй и третій. То были три жестокихъ удара цѣлымъ фронтомъ трехъ линій легіона, наносимыхъ одинъ за другимъ, какъ молотомъ по наковальнѣ. Между тѣмъ шахматное расположеніе манипулъ и позже когортъ, облегчая смѣну линій и сквозныя атаки, препятствовали непріятелю проникать въ промежутки (интервалы), а если онъ и покушался на это и съ успѣхомъ, то разстройство одной или нѣсколькихъ манипулъ не могло имѣть особенно важнаго вліянія на цѣлый строй легіона и на судьбу цѣлаго боя; для непредвидимыхъ же и крайнихъ случаевъ всегда имѣлся въ готовности достаточный резервъ въ экстраординарныхъ войскахъ и аблектахъ.

За всѣмъ тѣмъ, строй по манипуламъ, какъ уже было сказано выше, оказалъ довольно важные недостатки, происходившіе отъ раздробленія войскъ на малыя и слабыя части — въ войнахъ съ такими народами, какъ галлы и позже испанцы. Они, въ стремительныхъ нападеніяхъ своихъ всею массою огромныхъ силъ своихъ, разомъ проникали въ промежутки и окружали манипулы во всѣхъ 3-хъ линіяхъ и иногда приводили цѣлую римскую армію въ разстройство. Это и побудило римлянъ перейти къ гораздо лучшему и выгоднѣйшему строю по когортамъ, о которомъ упомянуто выше, а иногда даже строить легіонъ въ видѣ фаланги, безъ промежутковъ, вводя манипулы или когорты 2-й линіи въ промежутки 1-й и вооружая переднія шеренги длинными копьями. Кромѣ того, шахматный строй легіона по манипуламъ и позже по когортамъ требовалъ, какъ непремѣннаго условія, отличнаго тактическаго, строеваго образованія и особенныхъ: сметливости, самоувѣренности и твердости, какъ одиночно отъ каждаго легіонера, такъ и отъ цѣлаго легіона, вообще. И пока — какъ въ настоящемъ періодѣ — римскіе легіонеры и легіоны вполне удовлетворяли этому условію, вслѣдствіе постояннаго съ молодыхъ лѣтъ и отличнаго военнаго практическаго образованія и строеваго обученія, римлянамъ нечего было опасаться и они во всякомъ трудномъ положеніи легко и скоро находили средства помогать себѣ и не только отражать непріятеля, но и окончательно напосить ему поражение. Но — это было только въ настоящемъ періодѣ; позже же, какъ увидимъ послѣ, многое въ этомъ отношеніи измѣнилось.

Первое столкновеніе римлянъ съ греками — съ Ппрромъ и затѣмъ, въ 1-й пунической войнѣ, съ сцилійскими греками и съ кареагенями, строившимися и сражавшимися по греческой системѣ — впервые противопоставило лицомъ къ лицу римскій легіонъ и греческую фалангу. Въ первыхъ дѣйствіяхъ одного противъ другой, всѣ тактическія движенія и дѣйствія легіона были просты, несложны, немногочисленны, почти опредѣлительны на каждый случай. А когда обстоятельства выходили изъ ряду обыкновенныхъ, предводители римскихъ армій, самолично, по внушенію собственныхъ опытности и военныхъ дарованій, принимали сообразныя съ тѣмъ мѣры. Но во 2-й пунической войнѣ, въ дѣйствіяхъ противъ такого великаго полководца, какъ Аннибалъ, римляне изъ жестокаго для нихъ опыта скоро убѣдились, что имъ необходимо было внимательнѣе и глубже изучить трудную науку военнаго искусства и къ прежнимъ достоинствамъ своимъ въ ней присоединить именно болѣе усовершенствованное искусство. И въ этомъ первое начало, первое основаніе положить у нихъ диктаторъ Фабій, превосходною, можно сказать образцовою своею системою чистого оборонительнаго свойства, а дальнѣйшія развитіе и усовершенствованіе далъ ей Сципіонъ африканскій младшій, своею системою наступательно-оборонительнаго свойства, даровавшею римлянамъ побѣды при Новомъ Кареагенѣ и Иллингѣ въ Испаніи и наконецъ при Замѣ въ Африкѣ. Съ тѣхъ поръ римская тактика стала уже все быстрѣе, болѣе и постоянно развиваться и совершенствоваться, и уже въ концѣ настоящаго періода, въ войнахъ съ Македоніей и Греціей, приобрѣла рѣшительный перевѣсъ надъ греческой тактикой, а римскій легіонъ надъ македонскою и греческою фалангой. А когда это было совершено, тогда для римскаго оружія уже ничего не значило одолѣвать войска Азіи, Африки и Европы.

И такъ сопоставимъ римскій легіонъ и греческую фалангу и сравнимъ ихъ преимущества и недостатки въ дѣйствіяхъ другъ противъ друга. И тутъ прежде всего бросается въ глаза совершенно противоположный, главный характеръ фаланги и легіона. У первой онъ былъ преимущественно оборонительный, стоя на мѣстѣ, или наступательный только на совершенно ровной и открытой мѣстности, на небольшихъ разстояніяхъ, во всей совокупности и тѣсной, неразрывной связи всѣхъ частей фаланги. Главный же характеръ римскаго легіона былъ преимущественно наступательный, по при томъ и оборонительный, иначе наступательно-оборонительный, потому что римскій легіонъ могъ съ одинаковымъ удобствомъ, силой и успѣхомъ дѣйствовать и наступательно, и оборонительно, на вся-

каго рода мѣстности, и ровной, и пересѣченной, на малыхъ и на большихъ разстояніяхъ, въ цѣлой совокупности своей и по частямъ. Фаланга не имѣла резервовъ и потому частное, какъ и общее, разстройство ея обыкновенно влекло за собою потерю сраженія и полное, совершенное поражение. Легіонъ же, напротивъ, построенный въ 3 линіи съ резервомъ, могъ три раза возобновлять бой съ свѣжими войсками. По вооруженію, греческій оплитъ, съ своимъ длиннымъ копьемъ, былъ способенъ только къ дѣйствию въ тѣсно-сомкнутомъ строѣ фаланги, а внѣ его вовсе не былъ способенъ ни къ какой оборонѣ, точно также какъ и греческій пситъ, совершенно безоружный. Римскій же воинъ, какъ легіонеръ, такъ и велитъ, могъ одинаково дѣйствовать и въ сомкнутомъ, и въ разсыпномъ строѣ. Наконецъ, ко всему этому слѣдуетъ прибавить, что греки ни временемъ, ни опытомъ не могли убѣдиться въ недостаткахъ своей тактической системы и, не смотря на то, что были весьма образованнымъ народомъ и, въ числѣ всѣхъ наукъ, много занимались и военною; но, по своимъ народнымъ гордости и тщеславію, считая себя выше всѣхъ народовъ, никогда ничего не измѣняли въ ней и не заимствовали у другихъ народовъ, и нѣкоторымъ образомъ считали это унижениемъ для себя и потому всегда сохраняли свою тактическую систему все въ томъ же, одностороннемъ и несовершенномъ видѣ. Напротивъ римляне, народъ по преимуществу воинственный, никогда не пренебрегали и всегда были готовы заимствовать у другихъ народовъ, даже необразованныхъ, то, что находили въ ихъ военныхъ учрежденіяхъ практически полезнымъ и достойнымъ подражанія. Такъ

они въ разные времена измѣнили, прежнія свои: длинныя копья — на короткія копья самнитянъ, короткіе мечи — на болѣе длинные, широкіе и обоюдоострые испанскіе, и небольшіе щиты на длинные, выпуклые щиты сабинянъ; — конницу свою послѣ войны съ Пирромъ они стали вооружать по образцу греческихъ катафрактовъ, а строй легіона въ видѣ фаланги постепенно измѣнили въ строй по центуріямъ, потомъ по манипуламъ и наконецъ по когортамъ.

Такимъ образомъ вообще должно сказать, что римскіе: легіонъ, тактика и тактическая система имѣли рѣшительное превосходство надъ греческими: фалангой и тактикой. Справедливость этого подтверждается исторіей и побѣдами, одержанными римлянами надъ македонянами и греками при Кинокефалахъ, Пиднѣ, Магнесіи, Коринѣ и пр. Особенно сраженіе при Пиднѣ служитъ лучшимъ тому свидѣтельствомъ. Македонская фаланга была построена къ бою на самой выгодной для нея мѣстности — открытой равнинѣ. Предводитель римской арміи, консулъ Павелъ Эмилій, видя трудность одолѣть эту огромную, глубокую, тѣсно-сомкнутую массу войскъ, покрытую желѣзомъ и вооруженную длинными сариссами — прямымъ фронтальнымъ нападеніемъ, приказалъ легіонамъ, послѣ нѣсколькихъ ложныхъ атакъ, отступать съ боемъ, производя частныя нападенія по когортамъ, дабы привести фалангу въ утомленіе и разстройство, и вполнѣ достигъ своей цѣли. Фаланга, слѣдуя за отступавшими легіонами, разстроилась и разорвалась въ рядахъ, и римскія войска, ворвавшись въ промежутки ихъ, совершенно истребили всю фалангу.

§ 7.

Внутреннее устройство и духъ войскъ и армій.

Отъ тактическаго устройства римскихъ войскъ и армій обращаясь къ внутреннему, въ главѣ всего слѣдуетъ поставить военное образованіе и строевое обученіе, не только по поступленіи римскихъ гражданъ на дѣйствительную службу, но еще и до того.

Римляне уже заранѣе приготавливали своихъ молодыхъ гражданъ, моложе 17-ти лѣтъ, къ военной службѣ, но поступали въ этомъ совсѣмъ не такъ, какъ греки. Они не обучали ихъ военнымъ наукамъ и не ограничивались одними гимнастическими упражненіями, но давали имъ полное, военно-строевое образованіе, такъ чтобы они по достиженіи 17-ти лѣтъ немедленно могли поступать въ ряды войскъ уже совсѣмъ готовыми къ службѣ въ нихъ. Они не содержали, подобно грекамъ, общественныхъ училищъ

и преподавателей военныхъ наукъ, признавая это бесполезнымъ для массы народа и даже вреднымъ въ отношеніи къ безпрекословному повиновенію воинскихъ начальникамъ ихъ и къ строгому соблюденію воинскихъ подчиненности и порядка въ войскахъ. Такимъ образомъ, хотя они, какъ и греки, имѣли народный образъ правленія и были свободными гражданами республики, но, будучи народомъ преимущественно воинственнымъ и притомъ положительнымъ и практическимъ, въ войскахъ и военной службѣ соблюдали строгую дисциплину, основанную на подчиненности и повиновеніи и соединенную съ знаніемъ всѣми военно-служащими только практически-необходимаго и полезнаго въ строю. Усовершенствованіе же въ теоретическихъ военныхъ познаніяхъ тѣхъ

изъ молодыхъ гражданъ, которые, по знатности происхожденія и рода, могли имѣть право на повышение и получение отличій, они предоставляли ихъ семействамъ, строго наблюдая только, чтобы всѣ молодые граждане, моложе 17-ти лѣтъ, собирались въ назначенное время на Марсовомъ полѣ, для военныхъ упражненій. Здѣсь, въ присутствіи военачальника и подъ руководствомъ опытныхъ воиновъ, ихъ обучали 1) военнымъ: стойкѣ, хожденію военнымъ шагомъ, бѣгу, взлѣзанію на валы и высоты, по одиночкѣ и цѣлыми отдѣленіями, безъ поклажи и съ полной поклажей; 2) прыганію черезъ рвы и преграды, вольтижированію и плаванію; 3) дѣйствию разнаго рода оружіемъ, для чего въ землю вбивались толстыя колья, въ которые обучавшіеся стрѣляли изъ луковъ, метали дротики и нападали на нихъ съ мечами, учась прикрывать себя щитами во всякомъ положеніи тѣла; при этомъ все вооруженіе было вдвое тяжелѣе обыкновеннаго, для того, чтобы это послѣднее позже, въ дѣйствительномъ бою съ непріятелемъ, уже казалось гораздо легче, — и наконецъ 4) пошенію большихъ тяжестей, производству земляныхъ работъ, построенію укрѣпленныхъ лагерей, оборонѣ и атакѣ ихъ и пр. т. п.

Такого же рода упражненіями, но еще болѣе усиленными, занимали воиновъ на дѣйствительной службѣ, какъ въ полѣ — въ лагеряхъ, такъ и въ гарнизонахъ — въ городахъ, причемъ оказывавшіе особенное отличіе получали награды деньгами и подарками. Кроме того, военное начальство, справедливо признавая постоянную дѣятельность воиновъ самымъ лучшимъ средствомъ къ сохраненію ихъ здоровья, бодрости тѣлесной и душевной, доброй нравственности и истиннаго военного духа, занимало войска также производствомъ практическихъ походовъ усиленными переходами, въ полномъ вооруженіи и съ полной поклажей, разбивкой и укрѣпленіемъ полевыхъ лагерей, лагерною службой, примѣрными сраженіями и разными военными играми, а также употребляло ихъ на общественныя работы: построеніе амфитеатровъ, водопроводовъ, государственныхъ и военныхъ дорогъ (которые всѣ были построены войсками) и пр. т. п.

Такого рода военными упражненіями римскихъ гражданъ, съ ранней молодости, римское правительство легко достигало необыкновенно скорого набора легіоновъ, совершенно готовыхъ къ немедленному выступленію въ поле и къ боевымъ дѣйствіямъ въ немъ, и возбуждающихъ невольное удивленіе способности римскихъ воиновъ безропотно переносить величайшіе, немовѣрные труды, и зной, и холодъ, и непогоды, во всѣ времена года и (позже) во всѣхъ климатахъ. А между тѣмъ историки очень рѣдко упоминаютъ о болѣзняхъ, особенно

заразительныхъ, въ римскихъ арміяхъ, и о потеряхъ отъ нихъ.

Строевыя эволюціи и построенія, бывшія въ употребленіи въ римскихъ войскахъ, были подобны греческимъ и состояли:

Въ пѣхотѣ (легіонной) — изъ разнаго рода движеній впередъ и назадъ, рядами или цѣлымъ фронтомъ, на право и на лѣво, шеренгами или флангами, изъ смыканія и размыканія рядовъ и шеренгъ, удвоенія, захожденія и т. п. Но, по свойству устройства легіоновъ, значительности промежутковъ между манипулами, когортами и линіями и происходившимъ отъ того гибкости, ломкости и удободвижности легіоннаго строя, всѣ эти эволюціи и построенія производились съ гораздо болѣе удобнымъ и скоростью, нежели въ тяжеломъ и неповоротливомъ строѣ греческой фаланги. Къ тому же и римскій военный шагъ былъ болѣе или менѣе скорый: обыкновенный (*gradus militaris*) — по 120 шаговъ въ минуту, скорый (*gradus plenus*) — по 145-ти и бѣглый или бѣгъ (*cursus*), скорость котораго зависѣла отъ обстоятельствъ. Всѣ вообще строевыя эволюціи, построенія и движенія производились мѣрнымъ шагомъ въ ногу, подъ тактъ военной музыки (см. ниже).

Въ конницѣ — эволюціи, построенія и движенія вообще были проще и малосложнѣе, нежели въ пѣхотѣ. Но Сципіонъ африканскій младшій, по смерти отца и дяди своихъ назначенный начальникомъ римскихъ войскъ въ Испаніи, обратилъ особенное вниманіе на лучшія устройство и образованіе конницы. Полибій сохранилъ намъ весьма любопытныя свѣдѣнія о тѣхъ эволюціяхъ, построеніяхъ и движеніяхъ, въ которыхъ Сципіонъ признавалъ необходимымъ упражнять римскую конницу во всѣхъ случаяхъ. Они заключались: для одиночныхъ всадниковъ — въ поворотахъ на право, на лѣво и кругомъ, въ ѣздѣ рядами и шеренгами, а для турмъ — въ заѣздахъ на право, на лѣво и кругомъ, въ движеніяхъ справа, слѣва или изъ середины по 1, 2, 3 и болѣе рядовъ или цѣлымъ фронтомъ, преимущественно вскачь (галопомъ или въ карьерѣ), въ построеніяхъ по декуріямъ и турмамъ фронтомъ въ интервалахъ или въ колонны, развертывавшія фронтъ, изъ котораго отдѣленія снова свертывались въ колонны, — въ движеніяхъ фронтомъ впередъ или на заднюю шеренгу назадъ, или флангами (шеренгами) на право или на лѣво и т. п.

Военныя музыкальныя орудія, бывшія въ употребленіи въ римскихъ войскахъ, носили названія: *lituus*, *tuba*, *tubicina*, *buccina* и *cornicen* или *cornus*. — *Lituus* (соотвѣтствовалъ теперешнему горну, *clairon*) былъ составленъ изъ тонкаго дерева, обтянутаго кожей, издавалъ пронзительный звукъ

и употреблялся для разныхъ сигналовъ, особенно въ конницы и въ бою. — *Tuba* и *tubicina* (мѣдныя трубы), до 2½ футовъ длины, издавали звукъ болѣе густой, полный и громкій и употреблялись также для разныхъ сигналовъ, краткихъ и продолжительныхъ, въ походѣ, лагерѣ и бою. *Buccina*, въ родѣ теперешняго рожка (*cornet, cornet à bouquin*), и *cornicen* или *cornus* въ родѣ теперешней валторны (*waldhorn, cor-de-chasse*). Вообще римляне употребляли эти музыкальныя орудія для сигналовъ къ исполненію разныхъ движеній въ строю подь оружіемъ и въ лагерѣ, къ сбору рабочихъ для аллюкцій (рѣчей предводителей армій къ войскамъ), къ молчанію и тишинѣ (нынѣ команда: смирно!), къ объявленію о наказаніи или казни, къ выступленію въ походъ, къ провозглашенію начала дневныхъ и ночныхъ стражъ, къ смѣнѣ карауловъ и часовыхъ, къ разводу въ лагерѣ, къ завтраку и ужину, и пр. и пр. Эти сигналы были, для каждой цѣли, различныя и одни — краткіе, однозвучныя, а другіе — болѣе продолжительныя и многозвучныя, составлявшіе даже цѣлыя аріи, изъ которыхъ главною и важнѣйшею былъ такъ называемый *classicum*. Только одинъ предводитель армій имѣлъ право заставлятъ играть *classicum* и каждый изъ нихъ могъ имѣть и часто имѣлъ свой собственный такого рода сигналъ въ видѣ аріи. Кромѣ того военно-музыкальныя орудія въ римскихъ войскахъ служили для равномерности движеній, построеній и эволюцій въ тактъ и для одушевленія войскъ до и во время боя.

Военные музыканты — горнисты, трубачи и игравшіе на рогахъ — были распределены по разнымъ отдѣленіямъ легионовъ (центуріямъ, потомъ манипуламъ и когортамъ, и турмамъ) и при цѣлыхъ легионахъ, а также при предводителяхъ армій и при высшихъ и низшихъ частныхъ начальникахъ войскъ.

Знамена, подобныя теперешнимъ, употреблялись у римлянъ только какъ сигналы для набора войскъ (см. выше); въ строю же, вмѣсто нихъ, въ пѣхотѣ и конницѣ, имѣлись особенныя отличительныя знаки (*signa*) или значки. Въ самыя первыя времена они были очень просты — клочъ сѣна, навязанный на вершинѣ копья, а потомъ носимое на вершинѣ особаго древка, рѣзное изображение сжатой кисти человѣческой руки (*manus*), отчего и произошло названіе манипулы (*manipula*) — полная горсть руки (т. е. горсть воиновъ). Но знакомъ легиона былъ римскій одноглавый орелъ, серебряный или вызолоченный, на вершинѣ древка, поперекъ котораго, подь орломъ, была прикреплена разноцвѣтная ткань, съ номеромъ (легиона, когорты и манипулы. Легионный орелъ всегда находился при 1-й манипулѣ триаріевъ и былъ ввѣряемъ лично ея при-

мину (1-му центуріону 1-й манипулы). Поэтому линіи гастатовъ и принциповъ назывались также антесигнанами (*ante-signani*), т. е. стоявшими впереди легионныхъ знаковъ или орловъ. Знаки или штандарты конницы (*vexillae*) имѣли ткань огненнаго или ярко-краснаго цвѣта. Римляне признавали свои знаки и особенно орлы священными предметами, тщательно оберегали ихъ и потерю ихъ считали величайшимъ позоромъ для легионовъ. Случалось, что предводители римскихъ армій, въ случаѣ упорства боя и колебанія побѣды, приказывали бросать орлы въ ряды неприятелей, дабы этимъ побудить свои войска къ вырученію ихъ, во что бы то ни стало и тѣмъ рѣшить побѣду.

Военное начальствованіе въ римскихъ легионахъ и арміяхъ имѣло свою правильную іерархію или чиноначаліе.

Въ римскихъ легионахъ начальствующими чинами были:

Младшими снизу: 1) декуріоны (*decuriones*) или десятники (соотвѣтствовали нынѣшнимъ унтеръ-офицерамъ), начальствовавшіе 10-ю воинами или однимъ рядомъ каждый и составлявшіе 1-ю шеренгу манипулы. Кромѣ того при каждой манипулѣ состояли: одинъ знаконосецъ (*signifer*), носившій знакъ (*signa*) или значекъ манипулы, избираемый всегда изъ сильнѣйшихъ и храбрѣйшихъ воиновъ и въ отличіе носившій шлемъ, покрытый шкурою львиной или медвѣжьей головы, и одинъ трубачъ; 2) подцентуріоны (*duplicati, tergi ductores*) или пятидесятники (соотвѣтствовали нынѣшнихъ субалтернъ-офицерамъ); они были назначаемы военными трибунами, по выбору центуріоновъ и стояли въ замкѣ за манипулами, которыя поэтому центуріоны могли смѣлѣе вести въ бой, не опасаясь безпорядка въ заднихъ шеренгахъ; 3) центуріоны (*centuriones, ductores ordinum*) или сотники (соотвѣтствовали нынѣшнимъ капитанамъ); они были назначаемы предводителями армій, по выбору военныхъ трибуновъ; въ каждой манипулѣ ихъ было по 2, старшій и младшій; первый стоялъ на правомъ, а второй на лѣвомъ флангѣ передней шеренги (декуріоновъ); старшій центуріонъ 1-й манипулы триаріевъ назывался примпиломъ (*primipilus*, первое копье), пользовался достоинствомъ всадника, правомъ засѣдать въ военномъ совѣтѣ и другими почетными преимуществами, и ему исключительно ввѣрялось охраненіе легионнаго орла; — при выборѣ центуріоновъ вообще, по свидѣтельству Полибія, обращали особенное вниманіе не только на ихъ мужество и храбрость, но и на твердость характера и военную опытность, такъ какъ главною обязанностью ихъ было соблюдать строгій военный порядокъ въ манипулахъ; центуріоны (какъ и всѣ вообще частныя начальники въ легионахъ) отличались

разными украшеніями на шлемахъ и латахъ, и носили виноградныя трости, для немедленнаго наказанія виновныхъ рядовыхъ воиновъ.

Въ римской конницѣ каждою турмою начальствовалъ 1 декurioнъ и подъ нимъ 1 (под)декurioнъ; старшій изъ декurioновъ начальствовалъ всею римскою конницею римскаго легіона.

Средними военными чинами были военные трибуны (*tribunes militum*, соответствовавшіе нынѣшнимъ штабъ-офицерамъ); они были избираемы первоначально сенатомъ, а потомъ предводителями армій; въ римскомъ легіонѣ ихъ было сначала по 4: 1 старшій и 3 младшихъ, для начальствованія отдѣленіями линейной пѣхоты, потомъ по 6-ти, по одному старшему и одному младшему на каждую изъ 3-хъ линій, и наконецъ по 10-ти, по числу когортъ, и по одному на каждую; старшіе изъ нихъ имѣли право засѣдать въ военномъ совѣтѣ и начальствовали легіономъ по очереди (если онъ не состоялъ подъ начальствомъ легата).

Легіонами и когортами союзниковъ начальствовали префекты (*praefecti*); прочіе же частные начальники были тѣже, что и въ римскихъ легіонахъ.

Старшими чинами были легаты (*legati* — посланные), называвшіеся такъ потому, что первоначально были посылаемы сенатомъ въ арміи, въ качествѣ членовъ военнаго совѣта и для начальствованія арміями, въ случаѣ смерти или болѣзни ея предводителя; въ послѣдствіи же предводители армій сами избирали легатовъ изъ числа военныхъ трибуновъ и поручали имъ начальствованіе однимъ, двумя или болѣе легіонами либо (отдѣльными отрядами войскъ (почему легаты соответствовали нѣкоторымъ образомъ нынѣшнимъ генераламъ)).

Наконецъ высшую степень въ военномъ чиноначаліи занимали предводители армій, а именно, какъ и прежде, одинъ изъ двухъ консуловъ — если въ полѣ была одна армія, или оба — если были 2 арміи, начальствуя обими поочередно въ продолженіи сутокъ. Это имѣло большія неудобства и невыгоды, и нерѣдко бывало причиной большихъ бѣдствій (какъ, напримѣръ, въ сраженіи при Каннахъ). А потому часто, въ особенно важныхъ или опасныхъ случаяхъ, римляне избирали диктаторовъ съ неограниченною властью. Первымъ диктаторомъ былъ Ларцій Флавъ, избранный въ 497 году, въ войнѣ съ латинянами. Съ тѣхъ поръ до начала войнъ съ самнитянами въ 343 году (въ 154 года) было избрано 33 диктатора, а въ настоящемъ періодѣ съ 343 года до 133-го (въ 210 лѣтъ) 49, всего 82, изъ которыхъ а въ настоящемъ періодѣ самыми замѣчательными были: Папірій Cursorъ въ 309 г., Фабій Максимъ въ 216 г. и Цеплій Метеллъ въ 204 г. Диктаторъ избиралъ

себѣ самъ, а иногда сенатъ или народъ назначали ему товарища или помощника, съ званіемъ магистра или начальника конницы (*magister equitum*). Когда же, послѣ 2-й пунической войны, римляне стали вести войны внѣ Италіи, тогда главное начальствованіе надъ римскими (и всѣми другими войсками въ покоренныхъ и подвластныхъ Римъ областяхъ) ввѣрялось проконсуламъ, пропреторамъ или проквесторамъ, т.е. лицамъ, которыя, прослуживъ 1 годъ въ Римѣ въ званіяхъ консуловъ, преторовъ или квесторовъ (см. ниже), были назначаемы на мѣстника и означенныхъ выше областей, смотря по степени важности послѣднихъ, съ неограниченною властью, какъ военною, такъ и гражданскою, что чрезвычайно способствовало быстротѣ, рѣшительности и силѣ военныхъ предпріятій и дѣйствій римскихъ армій. По истеченіи же срока данной на мѣстника власти, они были обязаны давать римскому сенату отчетъ въ употребленіи ими этой власти и въ своихъ дѣйствіяхъ. Но, въ случаѣ неудачныхъ военныхъ дѣйствій ихъ, римскій сенатъ поступалъ гораздо благоразумнѣе греческихъ и карфагенскаго правительствъ, рѣдко подвергая на мѣстниковъ взысканіямъ, ибо справедливо опасался тѣмъ увеличивать важность неудачъ въ глазахъ войска и народа, унижать достоинство званія на мѣстниковъ и ослаблять дѣятельность послѣднихъ опасеніемъ взысканія.

Отличительными наружными знаками предводителей римскихъ армій были: пурпуровая мантия или багряница (*paludamentum*), богатое вооруженіе и пышная конская сбруя. Кроме того, ихъ сопровождали ликторы (*lictiores*), учрежденные еще Ромуломъ официальные служители высшаго начальства въ Римѣ. Они предшествовали сначала царямъ, а потомъ консуламъ, диктаторамъ и другимъ высшимъ должностнымъ сановникамъ Рима, и сопровождали ихъ, въ опредѣленномъ для каждого числѣ (отъ 2-хъ до 12-ти), исполняли ихъ приказанія, связывали преступниковъ изъ римскихъ гражданъ, наказывали ихъ тѣлесно толстыми прутьями, казнили ихъ отсѣченіемъ головы и т. п., для чего носили связки прутьевъ вокругъ топора на длинномъ древкѣ.

Главное управленіе (нынѣ главный штабъ) римской арміи составляли: 1) квесторы (*quaestores*) или казначеи и интенданты армій; они занимали равную съ легатами степень и содѣйствовали предводителямъ армій въ подробностяхъ выдачи войскамъ жалованья, взиманія контрибуцій, распределенія добычи, раздачи одежды, вооруженія, продовольствія и вычетовъ за нихъ, и потому вѣроятно получали или сами вели строгіе списки легіоновъ; имъ же ввѣрялось храненіе легіонныхъ орловъ въ Капитоліѣ въ мирное время и раздача ихъ, равно и вооруженія,

а конницѣ и лошадей—по наборѣ легионовъ; такъ какъ они были гражданскими сановниками въ Римѣ, то число ихъ было ограниченное и не всѣ арміи имѣли ихъ при себѣ; въ такомъ случаѣ предводитель арміи ввѣрялъ исправленіе ихъ обязанностей одному изъ легатовъ; 2) контуберналы (*contubernales*), избираемые обыкновенно изъ молодыхъ людей знатнаго рода; они состояли при предводителѣ арміи, передавали приказанія и исполняли порученія его, научались военному дѣлу подѣ личнымъ его руководствомъ и т. п. (соотвѣтствовали нѣкоторымъ образомъ нынѣшнимъ личнымъ адъютантамъ и состоящимъ по порученіямъ); 3) мензоры (*mensores*), цензоры (*censores*) и метаторы (*metatores*), измѣрявшіе и разбивавшіе лагеря, и 4) антимензоры (*antimensores*) и антицензоры (*anticensores*), развѣдывавшіе дороги и мѣстность и назначавшіе мѣста подѣ лагеря (всѣ они соотвѣтствовали нѣкоторымъ образомъ нынѣшнимъ офицерамъ генеральнаго штаба); 5) либраріи (*librarii*) и фрументаріи (*frumentarii*), подчиненные квесторамъ лица по храненію и раздачѣ продовольствія и фуража (соотвѣтствовали нынѣшнимъ чинамъ интендантскаго вѣдомства); наконецъ 6) авгуры (*augures*) или жрецы—прорицатели воли боговъ и успѣха или неуспѣха предпріятія или сраженія, по разнымъ примѣтамъ: по полету и крику птицъ, клеванію куръ, молніи и грому, внутренностямъ жертвенныхъ животныхъ и многимъ другимъ, грубымъ языческимъ суевѣріямъ, большею частію обманнымъ; ибо римляне, крайне суевѣрные, какъ и греки и всѣ вообще язычники, также опасались начинать войну или вступать въ бой, не испытавъ сначала, будто бы, воли ихъ боговъ, которая, разумѣется, всегда согласовалась, какъ и у грековъ, съ волею предводителей арміи.

Жалованье римскимъ войскамъ производилось, съ 405—404 г., т. е. со времени начала войны съ веіентянами и осады города Веій, въ пѣхотѣ по 3 римскихъ асса (около $6\frac{1}{2}$ или 7 коп.), а въ конницѣ (съ 402 года) по 9 ассовъ (около $19\frac{1}{2}$ —21 коп.) въ сутки каждому воину, нижнимъ же частнымъ начальникамъ войскъ по 6 ассовъ (около 13—14 коп.) въ сутки каждому. Во 2-й пунической войнѣ, послѣ сраженія при Тразименскомъ озерѣ, по случаю оскудѣнія государственной казны, цѣнность асса возвысилась съ $3\frac{1}{3}$ до 16 ассовъ въ римскомъ динаріѣ; но и жалованье возвысилось соразмѣрно съ 3—6—9 ассовъ до $5\frac{1}{2}$ —11— $16\frac{1}{2}$, и въ такомъ размѣрѣ оставалось неизмѣннымъ до Юлія Цезаря. Но изъ жалованья производились опредѣленные вычеты за вооруженіе, продовольствіе, фуражъ, лошадей и пр. (см. ниже).

Одежда римскихъ воиновъ, весьма прос-

тая и одинаковая у простыхъ воиновъ и частныхъ начальниковъ войскъ, состояла: 1) изъ туники (*tunica*), носимой на тѣлѣ: она была изъ шерстяной ткани, узкой до пояса, широкой со складками отъ пояса до колѣнъ, съ разрѣзомъ на груди, и опоясанной широкимъ кожанымъ ремнемъ (*singulum*), на которомъ съ правой стороны висѣлъ мечъ; 2) изъ плаща, первоначально (при царяхъ) тоги (*toga*), а потомъ сагума (*sagum*) или собственно военного плаща, изъ грубой и толстой шерстяной ткани рыжеватаго цвѣта, сначала четвероугольнаго, а потомъ закругленнаго, длиною до колѣнъ и застѣгивавшагося на правомъ плечѣ или спереди; у частныхъ начальниковъ войскъ онъ былъ изъ болѣе тонкой ткани бѣлаго цвѣта и нѣсколько длиннѣе, а у предводителей арміи—изъ пурпуровой или багряной ткани до пятокъ, съ бахрамою по краямъ, и назывался *paludamentum* (багряница); 3) изъ пенулы (*penula*), узкаго, съ прорѣзомъ только на верху для головы, плаща изъ толстой шерстяной ткани темнобурого цвѣта, съ откиднымъ наголовникомъ или капюшономъ; онъ надѣвался часовыми и всѣми вообще въ ненастную, дождливую или холодную погоду; 3) изъ лацерны (*lascerna*), подобной пенулѣ, но изъ болѣе тонкой ткани разныхъ цвѣтовъ; 5) изъ леоны (*leona*), также подобной пенулѣ, но изъ болѣе толстой ткани, съ длиннымъ волосомъ, и носимой зимою въ большой холодъ. Въ конницѣ всадники носили обыкновенно ту же одежду, что и пѣшие воины, а въ праздники, въ церемоніяхъ и на парадныхъ смотрахъ—бѣлая тога (*trabea*), съ пурпуровыми полосами въ длину и по краямъ. Обувью служили сандаліи (*caligae*), т. е. толстыя кожаныя подошвы, прикрѣплявшіяся къ ногамъ ремнями. Прибавимъ къ этому, что римскіе воины стригли коротко волосы и брили бороды.

О конской сбруѣ въ римской конницѣ уже было говорено выше (§ 4). Тамъ же показано и вооруженіе, изъ котораго грудныя латы надѣвались на туніку, а ножныя на голую ногу.

Одежда и вооруженіе вообще и лошади римскимъ всадникамъ выдавались отъ правительства, частію—съ вычетами изъ жалованья и частію—въ счетъ добычи отъ непріятеля. Выдача ихъ и вычеты за нихъ изъ жалованья лежали на обязанности квесторовъ (см. выше). Но во время и послѣ 2-й пунической войны, по причинѣ здорожанія цѣнъ, одежда выдавалась, кажется, безъ вычетовъ. Охраненіе оружія и замѣна утраченнаго или поврежденнаго въ походѣ возлагались на счетъ воиновъ, съ которыхъ производились за то вычеты изъ жалованья. Каждый родъ оружія выдѣлялся особыми оружейниками (позже на оружейныхъ заводахъ) и все оружіе хранилось въ особец-

ныхъ складахъ (арсеналахъ), подъ вѣдѣніемъ квесторовъ.

Лошади римскимъ всадникамъ выдавались отъ правительства, но для этого требовалось, сверхъ условій ценза, и непремѣнное условіе безукорызненной нравственности. Съ этою цѣлю цензоры производили ежегодно 15-го іюля строгіе смотры римскимъ всадникамъ (*equitum probatio*). На этихъ смотрахъ, цензоры, на общественной площади, строго изслѣдывали нравственность и поведеніе всадниковъ, не прощая не только малодушія, но даже познѣженности и нерадѣнія. Затѣмъ всѣ всадники въ однообразной военной одеждѣ и въ строю, проѣзжали на своихъ лошадяхъ мимо цензоровъ, которые отбирали лошадей, дурно содержанныхъ, но уже не выдавали другихъ и тѣмъ лишали всадниковъ, въ наказаніе, чести служить въ конницѣ. По преслуженіи положеннаго срока 10-ти лѣтъ или походовъ, всадники возвращали своихъ лошадей цензорамъ. Квесторы производили опредѣленные вычеты съ нихъ изъ жалованья, за выданныя имъ лошади.

Продовольствіе и фуражъ выдавались квесторами, опредѣленными дачами, съ вычетомъ изъ жалованья. Обыкновенныя дачи были: зерноваго хлѣба пѣшему римскому воину — по 4 римскія мѣры (примѣрно отъ 2 до 3 четвериковъ) въ мѣсяцъ, а римскому всаднику — по 12-ти мѣръ (отъ 6 до 9 четвериковъ) для него и 2-хъ слугъ, и ячменя по 42 мѣры (отъ 20 до 30 четвериковъ) на 3 лошади; въ союзныхъ же легіонахъ: пѣшему воину — столько же, сколько и римскому, — но конному, для него, 1 слуги и 2-хъ лошадей — только 8 мѣръ зерноваго хлѣба и 35 мѣръ ячменя. Иногда за раціонъ ячменя назначали опредѣленную цѣну и выдавали ее деньгами. Раціоны хлѣба выдавались воинамъ союзныхъ легіоновъ бесплатно, но съ воиновъ римскихъ легіоновъ производились за нихъ вычеты изъ жалованья. Въ настоящемъ періодѣ, до междоусобій, римская мѣра хлѣба стоила 1 ассъ ($2\frac{1}{4}$ — $2\frac{1}{2}$ копѣйки), такъ что суточное жалованье почти уплачивало мѣсячный раціонъ хлѣба. Раздача хлѣба въ зерно производилась на 8, 10, 15 и до 30-ти дней впередъ. Выданный въ натурѣ зерновой хлѣбъ римскіе воины (не зная еще употребленія печенаго хлѣба) сами толкли между камнями, а позже мололи ручными мельницами, и пекли изъ него на угольяхъ лепешки либо варили родъ каши. При этомъ случаѣ слѣдуетъ сказать, что, по общему обычаю римлянъ, римскіе воины подкрѣпляли себя пищею обыкновенно только 2 раза въ день: утромъ — легкимъ завтракомъ, стоя, и ввечеру (въ 1-ю стражу, между 6-ти и 9-ти час.) — ужинномъ или вечерею (*соена*), сидя или лежа, передъ сраженіемъ же большею частію утромъ — болѣе полнымъ завтракомъ.

Сборъ продовольствія для людей и ло-

шадей римскихъ армій производился частію контрибуціями или реквизиціями съ непріятельскаго и покореннаго края, частію же покупками, либо подрядами на счетъ казны. Контрибуціи и реквизиціи производились квесторами и позже намѣстниками областей, которые отправляли собранные продукты въ склады (магазины) армій. Покупки же дѣлались назначаемыми сенатомъ саповниками, либо предводителями армій, либо, по ихъ распоряженію, квесторами.

Военныя тяжести, уже по самому названію своему у римлянъ (*impedimenta*, помѣхи, препятствія), прямо показываютъ, что послѣдніе имѣли вѣрное понятіе объ этой, столько же неизбежной, сколько крайне обременительной принадлежности армій въ походѣ. Поэтому-то они старались, по возможности, уменьшать перевозимыя и увеличивать переносимыя самими воинами военныя тяжести, и для того съ молодости приучали римскихъ гражданъ носить на себѣ такія огромныя тяжести, которыя возбуждаютъ въ насъ теперь невольное удивленіе. Именно, римскій пѣшій воинъ носилъ на себѣ въ походѣ: 1) на правомъ плечѣ — 2 или болѣе кольевъ (палпсадинъ) для укрѣпленія лагеря; 2) на концѣ этихъ кольевъ — привязанный къ нимъ мѣшокъ съ поклажей воина и съ зерновымъ хлѣбомъ на 14 дней или 2 недѣли; 3) щитъ, копьѣ и до 7-ми легкихъ дротиковъ — въ лѣвой рукѣ, въ углубленіи щита, и 4) шлемъ на груди, на ремнѣ. Все это вмѣстѣ взятое и съ тяжестью грудныхъ и ножныхъ латъ составлявшее огромный вѣсъ, римскій пѣшій воинъ переносилъ на себѣ и въ палящій зной южнаго солнца, и въ густой пыли, и въ сильный вѣтеръ, и подъ проливнымъ дождемъ, и въ глубокую грязь! Впрочемъ разумное распредѣленіе носимыхъ тяжестей, съ всевозможнымъ равновѣсіемъ ихъ, облегчало нѣкоторымъ образомъ ношеніе ихъ. Въ случаѣ же внезапной встрѣчи съ непріятелемъ и необходимости немедленно вступить въ бой съ нимъ, римскому легіонеру стоило только сложить съ праваго плеча на землю колья съ поклажей и надѣть шлемъ — и онъ былъ мигомъ готовъ къ вступленію въ бой налегкѣ, безъ поклажи. А иногда, если случилось обороняться противъ конницы, римскіе легіонеры складывали колья съ поклажей передъ собою и защищались за ними, какъ за валомъ.

Военныя же тяжести, перевозимыя за арміями на вьючныхъ лошадяхъ, мулахъ, лошакахъ или ослахъ, были громоздкія: ставки, лагерныя и кухонныя принадлежности, землекопныя орудія, разныя другія тяжести и т. п. Количество ихъ и вьючныхъ животныхъ подъ нихъ было въ точности опредѣлено и ограничено самою крайнею необходимостью (по 1 мулу или лошаку на центурію).

Все это дѣлало римскія арміи чрезвычайными способными къ быстрымъ и дальнимъ движеніямъ—преимущество, котораго не имѣли арміи нисколько изъ древнихъ народовъ, даже грековъ, особенно въ настоящемъ періодѣ ихъ бытія.

Нестроевыми чинами или лицами, состоявшими при римскихъ арміяхъ, были: врачи, слуги или рабы частныхъ начальниковъ войскъ и всадниковъ, и 8 центурій (по 20 на легионъ) военнорабочихъ оружейниковъ, плотниковъ, кузнецовъ и т. п. Женщинамъ же было строго воспрещено закономъ находиться при арміяхъ. (Antiquorum legum).

Строжайшее соблюденіе строгихъ законовъ подчиненности, повиновенія и порядка военныхъ, основанныхъ на разумной системѣ наказаній и наградъ, было самою твердою и надежною опорою силы, побѣдоносности и непобѣдимости римскихъ армій въ лучшія времена римской республики—въ предъидущемъ и настоящемъ періодахъ. Только этимъ способомъ римскому правительству возможно было изъ народа грубаго, необразованнаго, своевольнаго, пылкаго и воинственнаго образовать войско правильно-устроенное, вполне покорное и послушное, терпѣливое и воздержное. И римскіе легионы и арміи были всегда непобѣдимы, доколѣ предводители ихъ соблюдали въ нихъ строгую военную дисциплину, и были поощряемы лишь тогда, когда предводители допускали малѣйшее ослабленіе ея. И въ этомъ отношеніи также римляне не имѣли не только равныхъ, но и подобныхъ себѣ въ числѣ всѣхъ народовъ древности, не исключая и грековъ, которые всегда, даже въ лучшія времена, отличались своеволіемъ, неповиновеніемъ, раздорами, буйствомъ и мятежнымъ духомъ. (Antiquorum legum).

По наборѣ римскихъ легионовъ и раздачѣ вооруженія, каждый римскій воинъ въ строю былъ отмѣчаемъ своимъ именемъ, начертаннымъ на его щитѣ, вмѣстѣ съ номеромъ его центуріи и позже когорты; сверхъ того, щиты каждой когорты были выкрашены однимъ цвѣтомъ. Ни одинъ воинъ не могъ быть употребляемъ на частную службу и былъ обязанъ исполнять только обязанности и работы полевой и лагерной военной службы. На разстояніи 1,000 римскихъ шаговъ отъ Рима, предводитель римской арміи имѣлъ уже полное право жизни и смерти надъ чинами арміи и могъ самъ судить и осуждать ихъ абзапелляціонно, но болѣею частью производилъ военный судъ чрезъ военный совѣтъ, подѣ своимъ предсѣдательствомъ. Подъ властію его, военные трибуны назначали денежные цени; принимали залогъ (иногда тасты, что называлось *censio hastaria*) и какъ они, такъ и центуріоны, назначали тѣлесныя наказанія прутьями (римскимъ воинамъ), либо палками (союзнымъ или неримскимъ). Ликторы же приводили въ испол-

неніе смертныя приговоры предводителей армій—путьями или отсѣченіемъ головы. Если военный совѣтъ приговаривалъ воина къ наказанію прутьями или палками (*fustuarium*), то предсѣдательствовавшій трибуна прикасался къ нему палкой, и по этому знаку все прочіе воины бросались на осужденнаго съ палками или каменьями, и если онъ успѣвалъ спастись отъ смерти, то уже никто, даже родственники, не могли принять его къ себѣ. По закону 12 скрижалей или таблицъ (449 г.), кто возбуждалъ враговъ противъ отечества или предавалъ не-пріятелю гражданъ, кто въ бою сражался безъ порядка, покидалъ свою часть войска, свою должность, свое мѣсто или военную честь, свой войсковой знакъ, кто бросалъ или отдавалъ свое оружіе, кто возбуждалъ мятежъ—былъ наказываемъ смертію. Если цѣлая часть войска въ бою обращалась въ бѣгство, то была децимирована, т. е. 10-й человекъ, а иногда 8-й и даже 5-й былъ казнимъ смертію, а остальные помѣщались отдѣльно въ лагеря и получали вмѣсто зерноваго хлѣба ячмень.

Кто похищалъ въ свою пользу часть военной добычи—былъ присуждаемъ сначала—къ изгнанію, потомъ—къ ссылкѣ и позже—къ возвращенію (четверо болѣе похищеннаго и даже къ смерти).

Бѣглецы (дезертиры) внутри государства были наказываемы прутьями, привязываемы къ позорному столбу и продаваемы, а не-ребѣжники къ не-пріятелю (удалявшіеся отъ лагеря на такое разстояніе—съ котораго нельзя было слышать звука трубъ) изъ римскихъ гражданъ были распинаемы на крестѣ, прочіе же—подвергаемы отсѣченію головы.

Явное неповиновеніе наказывалось смертію. Часовой, заснувшій или покинувшій свое мѣсто, и вообще всякое нарушеніе правилъ строевой, лагерной и полевой службы были наказываемы тѣлесно прутьями или палками (*fustuarium*), въ числѣ ударовъ по мѣрѣ вины.

Тому же наказанію были подвергаемы воры, жесви-дѣтели, распутники и т. п. Какъ вора наказывали и того, кто должно присвоивалъ себѣ отличныя боевыя подвиги.

Замѣншіе же проступки воины были подвергаемы вычитамъ изъ жалованья, полнымъ или частнымъ (что называлось *coege diritus*).

Вообще военные законы и наказанія за военныя преступленія и проступки у римлянъ были очень строги; главные виды наказаній были: смертная казнь, тѣлесныя наказанія, денежные взысканія и посрамленія (*demissio ignominiosa*) или исключеніе изъ военной службы, присужденіе носить разодранную одежду, выставленіе къ позорному столбу и т. п.; отъ этихъ наказаній не из-бавляли ни санъ, ни чинъ, ни знатность

рода, ни даже число виновныхъ, наконецъ, этими строгими законами и наказаніями римляне и поддерживали въ своихъ войскахъ строгую военную дисциплину, какой не было ни у одного изъ народовъ древности, даже у грековъ.

Но—слѣдуетъ прибавить—въ настоящемъ періодѣ лучшихъ временъ римской республики, нравы въ ней были еще такъ просты и строги, честь такъ развита, а любовь къ отечеству и уваженіе къ закону и долгу такъ глубоки и сильны, что военные преступленія и наказанія за нихъ были рѣдки, а военно-дисциплинарные законы—болѣе предупредительные, нежели карательные, ибо исполненіе вѣдми и каждымъ въ римскомъ войскѣ своего долга имѣло побужденіемъ не страхъ наказаній, но тѣ возвышенныя и благородныя чувства, о которыхъ говорено выше.

Военныя награды, съ своей стороны, имѣли источникомъ своимъ тѣ же побужденія, необыкновенно возбуждая, поощряя и вознаграждая мужество, храбрость, любовь къ отечеству и его пользамъ и славу, уваженіе къ закону, долгу и чести, и всѣ лучшія военныя и гражданскія добродѣтели. Военныя награды вообще состояли: въ производствѣ въ высшій классъ войска или чинѣ, въ увеличеніи жалованья, въ денежныхъ выдачахъ, въ пожалованіи богатаго почетнаго оружія, въ вѣнкахъ изъ различныхъ растений, серебряныхъ или золотыхъ вѣнковъ, ожерелій, зарукавьевъ (браслетовъ) и т. п., а также въ пожалованіи земель, пожизненныхъ пенсій, въ зачетъ годовъ службы, въ освобожденіи отъ нея и т. п., и были назначаемы какъ отдѣльнымъ лицамъ, такъ и цѣлымъ частямъ войскъ.

Тѣ, которые освобождали отрядъ войска, окруженный непрітелемъ, и тѣмъ спасали отечеству многихъ гражданъ его, получали головной вѣнокъ изъ свѣжей травы (позже изъ золота), а которые спасали жизнь римскаго гражданина или союзника—такой же вѣнокъ изъ дубовыхъ листьевъ, который имъ надѣвали на головы спасенные ими; кто первый всходилъ на стѣну непріятельскаго города, получалъ вѣнокъ изъ древесныхъ листьевъ (позже изъ золота, съ зубцами); кто первый входилъ въ непріятельскій лагерь или укрѣпленіе—золотой вѣнецъ съ зубцами въ видѣ тына; кто оказывалъ необыкновенный подвигъ храбрости—простой золотой вѣнецъ, съ надписью, за какое именно отличіе; кто ранилъ непріятеля въ единоборствѣ—гасту безъ наконечника (*hasta pura*), а если убилъ его, то ожерелье, парукавникъ или (всадникъ) конскую сбрую. Прочія почетныя награды за особенныя военныя отличія назначались предводителями армій и состояли въ серебряныхъ или золотыхъ ожерельяхъ, парукавникахъ, цѣпяхъ, пряжкахъ и др. т. п. вещахъ, оружіи, лошадяхъ и пр.

Иногда римскихъ воиновъ награждали землями или освобожденіемъ отъ податей, отъ всѣхъ или нѣсколькихъ лѣтъ службы и т. п. Землями рѣдко награждали тоже непріятельскихъ перебѣжчиковъ, какъ напримеръ испанскихъ и нумидійскихъ, которые во 2-й пунической войнѣ получили земли въ Сициліи.

Денежныя, продовольственныя и фуражныя награды состояли въ единовременныхъ денежныхъ выдачахъ, въ прибавкѣ половины или полнаго жалованья или раціона и пр.

Военныя награды цѣлымъ частямъ войскъ состояли въ трофеяхъ на ихъ войсковые знаки и орлы, а иногда въ денежныхъ выдачахъ и пр. т. п.

Всѣ вообще военныя награды были провозглашаемы и раздаваемы всепародно и сопровождаемы похвальными рѣчами, а удостоенные ихъ—освобождаемы, по окончаніи срочковъ службы, отъ податей и занимали почетныя мѣста въ народныхъ собраніяхъ и на общественныхъ играхъ. Престарѣлые же и увѣчные (*adynati*) получали содержаніе отъ казны, ихъ поселяли въ римскихъ колоніяхъ, давали имъ должности въ подвластныхъ Риму областяхъ и т. п.

Но высшая степень военныхъ наградъ, равно способная и къ возбужденію, и къ удовлетворенію честолюбія, была удѣломъ предводителей армій, ознаменовавшихъ себя болѣе или менѣе важными военными подвигами, успѣхами или побѣдами. Войска провозглашали ихъ императорами (*imperator*—повелитель, владыка), а сенатъ назначалъ имъ большой триумфъ (*triumphus*) или малый (*ovatio*). Въ большомъ триумфѣ полководецъ—триумфаторъ, съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ, въ пурпуровой, шитой золотомъ мантии, въѣзжалъ въ Римъ въ великолѣпной торжественной колесницѣ. Впереди его несли пріобрѣтенные имъ трофеи, богатѣйшую добычу и изображенія побѣжденныхъ или покоренныхъ имъ народовъ, областей и городовъ. Вокругъ его колесницы шли знатнѣйшіе плѣнники, а за нею слѣдовали войска его, воспѣвая его подвиги. Торжественное шествіе направлялось прямо въ Капитолій, гдѣ всепародно производилось жертвоприношеніе Юпитеру Капитолійскому, а затѣмъ слѣдовали всепародныя шествія, игры и раздача даровъ войску и народу; триумфальныя же врата, колонны и т. п. памятники передавали потомству имя и подвиги триумфатора.

Малый триумфъ, или овація, состоялъ только въ томъ, что триумфаторъ въѣзжалъ въ Римъ верхомъ на лошади, безъ сопровожденія войскъ.

Въ числѣ военныхъ законовъ и наградъ замѣчательны также тѣ, которыми опредѣлялись образъ и порядокъ распредѣленія добычи, взятой съ боя у непріятеля. Въ случаѣ одержанія побѣды надъ непрітелемъ

въ полѣ и взятія его лагеря или же города, военные трибуны выбирали известное число воиновъ отъ каждой центури, манипулы и когорты, для сбора добычи и доставленія ея въ свои легіоны; остальные затѣмъ войска оставались въ это время въ строю подъ оружіемъ. Военные трибуны собирали всю добычу вмѣстѣ и завѣдывали ея продажей квесторомъ и ея распределеніемъ войскамъ по назначенію предводителя арміи. При этомъ каждый воинъ получалъ только половину того, что ему слѣдовало, а другая половина хранилась въ складахъ при легіонныхъ орлахъ и знакахъ. Каждый легіонъ имѣлъ, по числу когортъ, 10 своихъ запасныхъ денежныхъ буръ или мѣшковъ, изъ которыхъ известная часть составляла 11-ю бурсу для погребенія тѣлъ легіонеровъ. Въ распределеніи добычи, известными, опредѣленными частями, участвовали всѣ чины арміи, отъ предводителя ея

до низшихъ, равно содержавшіе стражу, посланные на какія бы то ни было служебныя работы и даже больные.

Вообще для дѣленія военной добычи, приобрѣтенной отъ непріятеля, существовали особые правила или скорѣе обычаи, которые строго соблюдались. Именно — добыча дѣлилась на три части, которыя назначались: одна — для государственной казны, другая — предводителю арміи, а третья — частнымъ начальникамъ войскъ и самимъ войскамъ, въ опредѣленной соразмѣрности. Но когда начальниковъ и воиновъ стали награждать деньгами или землями, тогда военная добыча частью отчислялась въ государственную казну, а частью предоставлялась предводителямъ армій, которые нерѣдко употребляли ее на народныя игры, сооруженіе общественныхъ памятниковъ и зданій и т. п.

§ 8.

Кастраметація, фортификація и полиорцетика.

Съ самаго основанія Рима и начала его военного устройства, римляне имѣли уже обыкновеніе усиливать города и полевые станы своими искусственными укрѣпленіями. До Полибія ни одинъ изъ древнихъ историковъ не говоритъ однако о существовавшей у римлянъ системѣ укрѣпленія городовъ и становъ. Но несомнѣнно то, что это искусство процвѣтало у нихъ уже въ предъидущемъ періодѣ и началѣ настоящаго, свидѣтельствомъ чему служитъ, между прочимъ, изумленіе Пирра, когда онъ, въ войнѣ съ римлянами въ Италіи, въ первый разъ увидѣлъ укрѣпленный военный станъ ихъ и призналъ въ его строителяхъ высокую степень искусства. Первые же обстоятельныя свѣдѣнія о построеніи, расположеніи и укрѣпленіи римскихъ полевыхъ становъ и о службѣ въ нихъ сообщаетъ Полибій, и по этимъ свѣдѣніямъ можно уже судить, до какой степени искусства и совершенства они дѣйствительно были доведены у римлянъ уже во времена пуническихъ войнъ. Можно рѣшительно сказать, что въ этомъ отношеніи римляне превосходили всѣ народы древности и даже грековъ.

Гораздо позже Полибія, уже при императорѣ Адріанѣ, о римскихъ полевыхъ укрѣпленныхъ станахъ подробнѣе, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, говоритъ другой римскій писатель, именно — Игнцій (Niginus), бывший грамотникомъ или военнымъ землеѣромъ, слѣдовательно специалистомъ по этому предмету. Полибій кажется болѣе точнымъ и вѣрнымъ въ описаніи очертаній

становъ, а Игнцій сообщаетъ многія профили укрѣпленій, которыя вѣроятно были въ употребленіи еще въ прежнія времена. Поэтому мы будемъ пополнять показанія одного, гдѣ можно и нужно, показаніями другаго и изложимъ по порядку: 1) выборъ мѣстности въ полѣ, на походѣ, подъ лагеремъ; 2) разбивку лагерей войскамъ; 3) фигуру и внутреннее расположеніе лагерей; 4) укрѣпленіе ихъ, и наконецъ 5) лагерную службу.

Въ походахъ въ военное время, римскія арміи, совершивъ дневной или усиленный переходъ, на ночь располагались непременно въ укрѣпленныхъ лагеряхъ. Для расположенія ихъ римляне выбирали мѣстность преимущественно открытую и ровную, не пересѣченную, а на волнистой или холмистой старались располагать лагери на отлогихъ скатахъ небольшихъ высотъ, заднимъ фасомъ на вершинѣ ихъ. При этомъ они наблюдали, чтобы по близости не было господствующихъ высотъ ни такой мѣстности, пользуясь которою непріятель могъ бы скрытно и незамѣченно приблизиться къ лагерю, чтобы мѣстность подъ самымъ лагеремъ не была пересѣчена рѣчками, ручьями, сухими оврагами или рытвинами и т. п., не имѣла по близости недостатка въ водѣ и лѣсѣ для костровъ и варки пищи, въ подножномъ кормѣ для лошадей и пр. Но, въ случаѣ необходимости, они располагали лагери и на пересѣченной мѣстности, приравливая къ ней расположеніе ихъ, съ соблюденіемъ означенныхъ выше условій.

Какъ только армія приближалась къ мѣсту назначенному для ночлега, одинъ трибунъ и нѣсколько центуріоновъ отправлялись впередъ, выбирали мѣсто подъ лагерь, какъ означено выше, а затѣмъ самое возвышенное и удобное на немъ мѣсто — для расположенія преторія или ставки консула либо пнаго предводителя арміи, втыкали тутъ знамя и означали меньшими, разноцвѣтными значками главные углы лагера и меньшими кольями или вѣхами подраздѣленія его. Все это производилось всегда однообразно, такъ какъ, за исключеніемъ особенныхъ, необыкновенныхъ случаевъ, размѣры были опредѣлены разъ навсегда неизмѣнныя, что представляло немалое удобство, и одинъ лагерь былъ совершенно подобенъ другому, только на другомъ мѣстѣ. Поэтому войска очень скоро и легко разбивались, укрѣпляли и устроивали внутри лагерь. Этому особенно много способствовало, между прочимъ, то, что каждый римскій легіонеръ въ походѣ носилъ на правомъ плечѣ, какъ было сказано выше, по 2 и болѣе острыхъ кольевъ (палисадинъ), въ 2—3 дюйма толщины, на нижней оконечности которыхъ оставались, для связки ихъ между собою, нѣсколько длинныхъ и гибкихъ вѣтвей. Эти колья втыкались на бермѣ лагернаго вала, наклонно къ полю, и доставляя твердость и крѣпость валу, имѣли значительное превосходство надъ толстыми кольями грековъ, съ многими короткими и острыми сучьями, почему греческіе воины не могли носить ихъ на себѣ, а въ случаѣ нападенія непріятеля, послѣдній легко вырывалъ ихъ.

Скорымъ и легкимъ разбивкѣ, укрѣпленію и устройству лагерей много способствовало также то, что римскіе воины уже съ молодости были приучены ко всякаго рода тяжелымъ трудамъ и работамъ, въ томъ числѣ къ землекопнымъ вообще и по постройкѣ лагерей особенно, такъ что это все имъ было дѣло не новое, а давно знакомое и обычное.

Если лагерь приходилось разбивать и устроивать вдали отъ непріятеля, то по приближеніи арміи къ мѣсту, избранному трибуномъ и центуріонами подъ лагерь, всѣ различныя роды войскъ прямо вступали въ назначенныя имъ мѣста, снимали съ себя оружіе и поклажу и немедленно приступали къ землянымъ работамъ по укрѣпленію лагера, а потомъ уже къ разбивкѣ и устройству его внутри. Если же лагерь приходилось устроивать вблизи или въ виду непріятеля, то часть войскъ выдвигалась впередъ для прикрытія работъ, а остальныя войска послѣдно укрѣпляли сначала лагерь, а потомъ разбивали и устроивали его внутри.

Здѣсь необходимо прежде объяснить общую фигуру римскаго лагеря, внутреннія раздѣленія его и способы укрѣпленія его.

Великіе полководцы исторіи ч. I.

Кастраметація или постройка лагерей у римлянъ, совершеннѣйшая въ цѣлой древности, была единственною, основанною на разумныхъ началахъ. Римляне издревле избрали для своихъ лагерей форму правильнаго квадрата, справедливо признавая ее самою приличною и удобною для установленія и соблюденія правильности и порядка. Лагерь обыкновенной римской консульской арміи изъ 4-хъ легіоновъ имѣлъ по 2150 футовъ въ каждомъ боку квадрата. Но не всегда одинаковая числительная сила легіоновъ заставляла иногда увеличивать либо уменьшать длину боковъ. Лагерь раздѣляла, во всю ширину его, главная дорога (*via principalis*) или улица въ 100 футовъ ширины, на двѣ части: претентурную (*praetentura*) или переднюю и большую, и ретентурную (*retentura*) или заднюю и меньшую. Въ первой располагались легіоны, а въ другой военачальники, экстраординарныя войска, аблекты, площади для сбора войскъ и иныя, — различныя принадлежности лагеря, тяжести и пр. Въ серединѣ ретентурной части и, по возможности, на возвышенномъ мѣстѣ, находился преторій (*praetorium*); квадратное, въ 200 футовъ въ боку, мѣсто, въ серединѣ котораго помѣщалась ставка предводителя арміи, а за нею ставки состоявшихъ при немъ чиновъ и прислуги. Впередъ преторія, вдоль его передняго фаса и главной дороги, помѣщались ставки трибуновъ и префектовъ, лицомъ къ начальствуемымъ или легіонамъ, занимая 50 футовъ въ глубину. Съ правой стороны преторія, въ разстояніи 100 футовъ отъ него, помѣщались ставки квестора, его помощниковъ и квесторій (*quaestorium*) или площадь, на которой квесторъ раздавалъ воинамъ жалованье и продовольствіе, а съ лѣвой стороны — ставки легатовъ, контуберналовъ, мензоровъ и пр. и форумъ (*forum*) или площадь, служившая мѣстомъ для рынка. Улицы въ 50 футовъ ширины отдѣляли квесторій и форумъ съ боковъ отъ ставокъ конницы и пѣхоты аблектовъ, волонтеровъ и ветерановъ (*ablecti, voluntares et veterani equites et pedites*), изъ которыхъ конница была обращена фронтомъ къ преторію, а пѣхота къ валу. Позади преторія, квесторія и форума пролегла ретентурная или задняя дорога или улица въ 100 футовъ ширины. За нею въ серединѣ помѣщались конница и пѣхота экстраординарныхъ войскъ, обращенныя: первая — къ преторію, а вторая — къ валу; на флангахъ же ихъ оставались пустыя мѣста для помѣщенія вспомогательныхъ войскъ, если они были при арміи, для походныхъ больницъ и т. п.

Въ претентурной части помѣщались легіоны, римскіе въ серединѣ, а союзные по сторонамъ, тѣ и другіе въ когортныхъ колоннахъ, такъ что манипулы и турмы одинаковыхъ нумеровъ были на одной линіи. Подъ

каждую ставку полагалось по 10 футовъ въ длину и ширину, а подъ каждую манипулу (исключая триаріевъ) и турму по 100 футовъ, въ томъ числѣ мѣсто для склада оружія и поклажи, а въ конницѣ и для конюшій; манипулы же триаріевъ занимали только 50 футовъ въ глубину.

Отъ преторія къ серединѣ передняго фаса лагерь пролегла продольная, перпендикулярная къ главной дорогѣ или улицѣ, преторіанская (*via praetoriana*), въ 50 футовъ ширины. По обѣимъ сторонамъ ея и фронтомъ къ ней помѣщалась римская легионная конница, позади ставокъ этой послѣдней, тыломъ къ нимъ—ставки триаріевъ, фронтомъ къ этимъ—отдѣленные отъ нихъ параллельными преторіанской дорогѣ или улицѣ, съ обѣихъ сторонъ, боковыми дорогами или улицами въ 50 футовъ ширины, ставки принциповъ, а тыломъ къ этимъ—ставки гастатовъ, также отдѣленные дорогами или улицами въ 50 футовъ ширины отъ ставокъ легионовъ союзниковъ, расположенныхъ далѣе на правой и на лѣвой сторонахъ, точно такъ же, какъ и римскіе легионы. Но какъ конницы союзниковъ, за отчисленіемъ экстраординарныхъ войскъ и аблектовъ, было больше, а пѣхоты меньше, нежели въ римскихъ легионахъ, то турмы занимали порожнія мѣста манипулъ.

Претентурная часть была раздѣлена въ глубину на двѣ равныя половины дорогою или улицею въ 50 футовъ ширины, параллельною главной и называвшеюся пятигорстною (*quintana*), потому что пролегла позади пятихъ манипулъ.

Въ расположеніи манипулъ ставки центуріоновъ составляли 1-ю линію, и 1-ья манипула и турмы были обращены фронтомъ къ валу, а 10-ья—къ главной дорогѣ.

Между самыми крайними ставками и валомъ, по обѣимъ сторонамъ лагерь оставалось пустое пространство въ 200 футовъ ширины, для помѣщенія плѣнныхъ, добычи и части велитовъ (другая часть которыхъ помѣщалась при манипулахъ линейной пѣхоты), для свободныхъ: входа и выхода войскъ или построения ихъ, въ случаѣ нападенія непріятеля на лагерь и пр. Тутъ же, вѣроятно, устраивались и кухни.

Каждый лагерь имѣлъ четверо воротъ: 1) преторіанскія (*porta praetoriana*) или переднія, въ которыя войска выходили въ походъ или для боя; 2) декуманскія (*porta decumana*) или заднія, въ которыя выносили нечистоты и выводили преступниковъ на казнь; 3) и 4) главные, правыя и лѣвыя, боковыя (*porta principalis dextra et sinistra*), служившія также для входа и выхода войскъ. Но кромѣ этихъ воротъ устраивалось еще нѣсколько небольшихъ выходовъ на случай вылазокъ.

Таковы были: общая фигура лагерь обыкновенной римской консульской арміи, внут-

реннее его раздѣленіе и расположеніе въ немъ войскъ, начальниковъ, чиновъ, лицъ и разныхъ принадлежностей арміи, улицъ, площадей и воротъ. Описаніе ихъ было необходимо для предварительнаго ознакомленія съ ними прежде изложенія порядка и способа укрѣпленія лагерь, которое, какъ сказано выше, предшествовало внутреннему устройству: въ порядкѣ работъ, лагерь прежде всего былъ укрѣпляемъ снаружи, а потомъ уже устраиваемъ внутри.

Въ отношеніи къ укрѣпленію римскихъ лагерей, прежде всего нужно сказать, что они были двоякаго рода: временные или обыкновенные (*castra*), устраиваемые на 1 или болѣе ночлеговъ,—и долговременные или постоянные (*castra stativa*), на болѣе или менѣе продолжительное время.

Временные лагеря были укрѣпляемы небольшимъ землянымъ валомъ, укрѣпленным дерномъ, съ тыномъ или палисадомъ на бермѣ вала (см. выше) и со рвомъ впереди, шириною въ 5 футовъ и глубиною въ 3. Долговременные же лагеря имѣли профили болѣе значительные, болѣе высокій земляной валъ, съ одеждой и зубцами изъ дерна, плетня и фашинъ, и со рвомъ впереди, шириною въ 10 футовъ и глубиною въ 7. Позже иногда на фасахъ и углахъ устраивали возвышенныя, полукруглыя укрѣпленія, доставлявшія фланговую и перекрестную оборону и на нихъ ставили, кромѣ стрѣлковъ и пращниковъ, также и метательныя орудія. Но, въ этомъ періодѣ, послѣдняго рода лагеря устраивались еще очень рѣдко. Въ тѣхъ и другихъ лагеряхъ главные ворота и малые выходы были прикрываемы подвижными заставами и небольшими, отдѣльными, полукруглыми укрѣпленіями съ валомъ и рвомъ.

Устройство и содержаніе въ исправности различныхъ частей внѣшнихъ укрѣпленій лагерь лежали на обязанности расположенныхъ вдоль и близъ нихъ частей войскъ, именно: передняго и задняго фасовъ—римскихъ легионовъ, а боковыхъ—союзныхъ. Каждая манипула ихъ имѣла свою, назначенную ей часть внѣшняго укрѣпленія лагерь, при вступленіи въ него прямо шла къ ней и устроивала ее, а потомъ наблюдала за цѣлостію и исправностію ея, подъ отвѣтственностію старшаго центуріона этой манипулы.

Когда лагерь былъ совершенно укрѣпленъ и готовъ снаружи (а это дѣлалось очень скоро), тогда войска прежде всего присягали, что ничего не похитятъ вокругъ него, но все найденное ими доставятъ дневальному по легиону трибуну. Затѣмъ каждый легионъ отряжалъ по 2 манипулы для разбивки ставокъ предводителя арміи, легатовъ и другихъ начальствующихъ лицъ, для снабженія ихъ водою, дровами и пр. Всѣ остальные же войска, между тѣмъ, раз-

бывали прочія ставки; уравнивали дороги и приводили весь лагерь внутри въ надлежащій порядокъ (что также дѣлалось очень скоро). Въстѣ съ тѣмъ тотчасъ вездѣ ставились караулы и часовые. Караулы у преторіа, палатокъ легатовъ, квестора, трибуновъ и въ прочихъ мѣстахъ ретентурной части содержали легионы по очереди, при манипулахъ—сами манипулы, а при воротахъ (*stationes justae*), на валу (*custodiae*) и впереди лагеря (*stationes*)—велиты. Полный караулъ состоялъ изъ 1 декуріона и 8 рядовыхъ воиновъ, потому что римляне раздѣляли день (съ 6 часовъ утра до 6 часовъ вечера) на 8 частей и смѣняли часовыхъ черезъ каждые 3 часа. Ночное же время раздѣлялось на 3 стражи: 1-ю—отъ 6 часовъ вечера (захожденія солнца) до 9 часовъ вечера, 2-ю—отъ 9 часовъ до полуночи, 3-ю—отъ полуночи до 3 часовъ утра (разсвѣта) и 4-ю—отъ 3 до 6 часовъ утра (восхожденія солнца). Поэтому и караулы раздѣлялись на дневные (*exibii*) и ночные (*vigiliae*).

Каждое утро легаты, трибуны и префекты союзниковъ собирались къ преторію, для полученія приказаній и лозунга, которые передавались, посредствомъ назначенныхъ для того дощечекъ (*tesserae*), центуріонамъ 10-хъ манипулъ и турмъ; эти центуріоны передавали дощечки центуріонамъ 9-хъ манипулъ и турмъ и такъ далѣе до 1-хъ, а отъ нихъ онѣ тѣмъ же порядкомъ возвращались къ трибунамъ.

Въ полдень, впереди преторіа, производился разводъ, на которомъ декуріоны получали приказанія и по нѣсколькимъ дощечекъ съ нумерами карауловъ, которые были обязаны передавать объѣздамъ или рундамъ.

Объѣзды или рунды производились конницей по очереди, а именно: декуріоны 1-хъ турмъ—въ 1-й день, 2-хъ—во 2-й и такъ далѣе, назначали для объѣздовъ по 4 всадника, которые, получивъ отъ дневальныхъ трибуновъ дощечки съ написаннымъ на нихъ приказаніемъ и назначивъ очередь между собою, съ наступленіемъ вечера (6-ти часовъ) собирались у палатки примпила. По сигналу о началѣ ночныхъ объѣздовъ, очередной всадникъ, въ сопровожденіи другихъ, объѣзжалъ, въ назначенной для его легиона части лагеря, всѣ посты внутри, на валу и при воротахъ. Если онъ находилъ ихъ въ исправности, то отбиралъ отъ караульныхъ декуріоновъ по одной изъ переданныхъ послѣднимъ дощечекъ съ нумеромъ караула; въ противномъ же случаѣ призывалъ въ свѣдѣтели своихъ товарищей и, не отбирая дощечки, ѣхалъ далѣе. Послѣ 1-го очереднаго всадника, посты такимъ же порядкомъ объѣзжали 2-й, 3-й и 4-й. Съ наступленіемъ же утра (въ 6 часовъ) всѣ ночные конные объѣзчики передавали отобранныя ими дощечки дневальнымъ трибунамъ, которые такимъ об-

разомъ и узнавали, которые караулы были исправны или неисправны.

Употребленіе пищи въ лагерь производилось два раза въ день: утромъ—легкій завтракъ стоя, а вечеромъ (въ 1-ю стражу)—полный ужинъ или вечера (*соена*), сидя или лежа.

Снятіе лагеря и выступленіе изъ него производились по 3 сигналамъ: по 1-му—воины сбрасывали и складывали палатки, по 2-му—укладывали ихъ на повозки и навьючивали на вьючныхъ животныхъ поклажу, а по 3-му—строились и выступали изъ лагеря.

Въ фортификаціи, какъ полевой, такъ и долговременной, и въ поліорцетикѣ, римляне, уже до пуническихъ войнъ и особенно въ продолженіи и послѣ нихъ, сдѣлали еще большіе успѣхи, нежели прежде. Нѣтъ сомнѣнія, что они многое въ нихъ заимствовали у италійскихъ и сицилійскихъ грековъ, но, какъ обыкновенно и во всемъ другомъ, съ собственными военно-практическими примѣненіями и усовершенствованіями, болѣе или менѣе разнообразными по обстоятельствамъ. Всѣ римскіе города въ Италіи были уже правильно ограждены высокими и толстыми (до 50-ти футовъ) каменными стѣнами, съ выдававшимися впередъ круглыми или четвероугольными башнями на фасахъ и преимущественно на исходящихъ углахъ, одна отъ другой на разстояніи полета стрѣлы (около 90 сажень), для перекрестнаго обстрѣливанія пространства впереди. Башни эти значительно господствовали надъ стѣнами, для того, чтобы изъ нихъ можно было дѣйствовать во флангъ и въ тылъ неприятелю, атаковавшему городскія стѣны. На вершинѣ стѣнъ были устроиваемы широкіе ходы, прикрытые со стороны поля небольшими, выдававшимися наружу, каменными валами съ зубцами и навѣсными бойницами. Впереди стѣнъ и башень былъ устроиваемъ широкой и глубокой, сухой и, если было можно, преимущественно водяной ровъ. А внутри укрѣпленныхъ городовъ, большею частію на возвышенныхъ и неудободоступныхъ мѣстахъ, были сооружаемы внутреннія крѣпостцы или городскіе замки (*цитадели*), укрѣпляемые точно такъ же, какъ и самые города. Словомъ—долговременная фортификація у римлянъ, въ этомъ періодѣ, въ главныхъ основаніяхъ и чертахъ, имѣла тотъ же видъ, что и у грековъ и всѣхъ вообще народовъ древности, съ нѣкоторыми только частными измѣненіями по духу и характеру римлянъ.

Точно тоже слѣдуетъ сказать и о состояніи въ это время у римлянъ поліорцетикки, которая, въ способахъ, средствахъ и формахъ своихъ, имѣла общій древности вообще и этому періоду въ частности ха-

рактерь. Замѣтимъ только, что поліорцетика, какъ и фортификація, полевая и долговременная, достигли у римлянъ наибольшаго развитія и совершенства своихъ въ слѣдующихъ періодахъ: римскихъ междоусобій и въ первыя времена имперіи. Въ настоящемъ же періодѣ онѣ продолжали только постепенно развиваться и совершенствоваться и изъ нихъ выше всѣхъ стояла полевая фортификація и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, благодаря нѣкоторымъ искуснымъ римскимъ полководцамъ, также и поліорцетика. Такъ, напримѣръ, осады римлянами, во время пуническихъ войнъ, Лилибея — диктаторомъ Корунканіемъ, Спракузъ въ Сциліи — Марцелломъ и Каррагена въ Африкѣ и Нуманціи въ Испаніи — Сципіономъ младшимъ африканскимъ, принадлежатъ къ числу замѣчательнѣйшихъ въ древности. Въ нихъ въ особенности, какъ и вообще въ осадахъ, произведенныхъ въ этомъ періодѣ римлянами, яснѣе всего усмотрѣть можно сочетаніе полевыхъ фортификаціонныхъ и осадныхъ работъ разнаго рода и вида, и успѣхи, сдѣланные въ нихъ римлянами. Такъ, напримѣръ, при обложеніи Нуманціи, Сципіонъ устроилъ циркумъ-и контръ-валаціонныя линіи до 11-ти верстъ въ окружности, состоявшія изъ вала, вышиною въ 10 и толщиною въ 8 футовъ, прикрытаго толстымъ, наклоннымъ тыномъ, изъ бруствера съ зубцами и изъ возвышенныхъ укрѣпленій (или бастіоновъ) вдоль валовъ линій, для помѣщенія въ нихъ наблюдательныхъ карауловъ, стрѣлковъ и метательныхъ орудій. Легіоны были расположены въ отдѣльныхъ укрѣпленныхъ лагеряхъ между линіями, а тамъ, гдѣ линіи прерывались болотами, были устроены земляныя насыпи съ такими же валами. Для пресѣченія же сообщеній жителей Ну-

манціи съ окрестностями по р. Дурію (нынѣ Дуро), на ней были устроены пловучія укрѣпленія (эстакады), а на обоихъ берегахъ — отдѣльныя укрѣпленія (форты). Жители Нуманціи, послѣ продолжительной и упорной обороны, погибли частію отъ голода, частію въ произведенной ими большой, отчаянной вылазкѣ; оставшіеся же зажгли городъ и сгорѣли въ огнѣ.

Метательныя орудія (*tormenta*) употреблялись римлянами въ этомъ періодѣ исключительно только при осадахъ и оборонѣ городовъ. Изъ нихъ катапульты (*catapultae*) употреблялись уже и прежде, со времени осады Веій, а въ настоящемъ періодѣ стали употребляться и баллисты (*ballistae*).

Стѣнобитныя орудія и машины также употреблялись въ этомъ періодѣ римлянами при осадахъ городовъ, но еще рѣдко и очень простыя и несложныя, какъ-то: тараны, сначала самыя простыя (*terebrae*), изъ бревна съ желѣзною бараньею головою на концѣ, а потомъ усовершенствованныя (*aries simplex* — на рукахъ и *pensilis* — на канатахъ или цѣпяхъ), открытыя, а потомъ закрытыя черепахою (*testudo arierata*) или подвижною башней (*turis arierata*). Но послѣднія, болѣе усовершенствованныя и сложныя, принадлежатъ уже болѣе къ послѣдующимъ періодамъ.

Въ настоящемъ же періодѣ вообще, можно сказать, главными поліорцетическими средствами для взятія непріятельскихъ городовъ или принужденія ихъ къ сдачѣ, римлянамъ служили преимущественно тѣсныя обложенія посредствомъ сомкнутыхъ кругомъ, циркумъ-и контръ-валаціонныхъ линій, съ большими профилями и въ которыхъ наибольшія важность и значеніе имѣли различнаго рода и вида полевая фортификаціонная работа.

§ 9.

Образъ и искусство веденія войны. — Состояніе военного устройства и военного искусства вообще.

Образъ и искусство веденія римлянами войны вообще въ этомъ періодѣ были въ полномъ согласіи съ военнымъ устройствомъ и военными учрежденіями Рима, съ устройствомъ тактическимъ и внутреннимъ римскихъ войскъ, и въ особенности съ духомъ, побужденіями и стремленіями римскаго народа и съ политикою римскаго правительства, сосредоточивавшагося въ римскомъ сенатѣ.

Стремленіе къ завоеваніямъ, прирожденное Риму по самому происхожденію и началу его, обнаружилось уже съ самыхъ первыхъ временъ существованія его. Подъ правленіемъ царей часто обуздываемое миролюбив-

ною политикою ихъ, оно, съ учрежденіемъ народнаго правленія, уже сдѣлалось не только существенною потребностью римской республики, но даже и необходимымъ условіемъ политическаго бытія ея. Ибо только обращеніемъ на внѣшнія дѣла вниманія и силъ народа, необыкновенно пылкаго, страстнаго, безпокойнаго, воинственнаго и алчнаго къ славѣ, власти и еще болѣе къ обогащенію добычей, и удовлетвореніемъ этихъ сильнѣйшихъ страстей его, правительство римское могло соблюдать въ государствѣ внутрення благоустройство и безопасность. Кромѣ того, ежегодная смѣна консуловъ въ Римѣ, а во время и послѣ пуническихъ

войнѣ — и намѣстниковъ въ покоренныхъ областяхъ и странахъ, постоянно побуждала тѣхъ и другихъ къ новымъ войнамъ, какъ къ вѣрнѣйшему средству пріобрѣтенія славы, богатства, уваженія согражданъ, общественныхъ и государственныхъ отличій, наградъ, достоинствъ и съ ними значенія и силы.

Поэтому римское правительство тщательно искало поводовъ къ войнѣ, объявляло ее за малѣйшія, дѣйствительныя или мнимыя, оскорбленія чести государства и народа римскихъ или нарушение правъ и выгодъ ихъ, искусно вмѣшивалось во внутреннія дѣла чужихъ народовъ и въ международныя между ними отношенія, причемъ обыкновенно покровительствовало слабѣйшимъ противъ сильнѣйшихъ, дабы, скрывая свои властолюбивыя виды подъ наружными побужденіями великодушія и справедливости, ослабить сильнѣйшихъ и наконецъ покорить и тѣхъ, и другихъ. Въ борьбѣ же съ большими и сильными государствами или съ союзами нѣсколькихъ государствъ противъ Рима, оно приводило въ дѣйствіе всѣ способы и средства своей политики для того, чтобы, слѣдуя правилу *divide et impera* (раздѣлай и властвуй), раздѣлить и ослабить силы противниковъ, одолѣть и покорить послѣднихъ порознь, одного за другимъ. А въ средствахъ къ тому оно не было разборчиво и всѣ они были пригодны и служили для достиженія его цѣли. Оно возмущало народы, обѣщая имъ свободу, привлекало часть своихъ противниковъ и подкупомъ, и ласкательствами, и значительностью и блескомъ предлагаемыхъ вознагражденій, и терпѣливо переносило оскорбленія и частныя неудачи и потери, отлагая мщеніе до болѣе благопріятныхъ: времени, случая и обстоятельствъ. На опаснѣйшаго же врага оно устремляло совокупность всѣхъ своихъ силъ, средствъ и способовъ, и до тѣхъ поръ не прекращало войны, пока не достигало полнаго и совершеннаго одолѣнія противника и собственнаго торжества. Если же побѣжденный противникъ былъ вынуждаемъ смириться и просить мира, то оно соглашалось на это, но на такихъ условіяхъ, которыя имѣли цѣлю довершить его истощеніе, изнеможеніе и ослабленіе до самой крайней степени. Оно отнимало у него лучшія его области, флотъ, сухопутныя и морскіе военные склады и запасы, либо до крайности ограничивало число сухопутныхъ войскъ и морскихъ судовъ его, истощало государственные доходы и казну его непомѣрными денежными контрибуціями, запрещало ему объявлять войну и заключать миръ и союзы безъ согласія римскаго сената и предоставляло себѣ право рѣшать важнѣйшія и даже внутреннія дѣла его *).

Втайнѣ рѣшивъ вести войну съ тѣмъ или другимъ народомъ или государствомъ, оно, еще до объявленія ея установленнымъ порядкомъ, всячески старалось втайнѣ же, тщательно и обстоятельно развѣдывать о военныхъ силахъ, средствахъ и способахъ этого народа или государства, о расположеніи умовъ въ нихъ, о личности, способностяхъ и характерѣ ихъ полководцевъ, о свойствахъ страны ихъ, словомъ — о всемъ, что ему необходимо было знать для того, чтобы сообразовать съ этимъ свои политическія и военныя дѣйствія. Сообразно съ тѣмъ, оно составляло общее предначертаніе войны и первоначальныхъ военныхъ дѣйствій, и хранило его въ величайшей тайнѣ, стараясь между тѣмъ вводить противника въ заблужденіе ложными слухами, движеніями и дѣйствіями. А между тѣмъ въ Римѣ, у союзниковъ и подвластныхъ народовъ набирались войска, на выгоднѣйшихъ мѣстахъ учреждались склады продовольствія (*horrea*), подвижные склады оружія (*armentaria*), оружейные заводы (*fabricae*) и т. п.

Коль скоро всѣ предварительныя приготовленія къ войнѣ были совершенно кончены, тогда римскій сенатъ объявлялъ ее противнику посредствомъ феціаловъ или жрецовъ, съ извѣстными обрядами. Они требовали отъ имени сената и народа римскихъ удовлетворенія за нанесенное имъ оскорбленіе или за нарушение ихъ правъ и выгодъ. Въ случаѣ отказа, одинъ изъ феціаловъ бросалъ на землю противника окровавленное копье, что и служило знакомъ торжественнаго объявленія войны и называлось *clarigatio*. Когда же владычество римлянъ стало распространяться за предѣлы Италіи, тогда обрядъ объявленія войны исполнялся на такъ называемомъ бранномъ или военномъ полѣ (*agger hostilis*) за стѣнами Рима. По объявленіи войны, немедленно отворялись, до окончанія ея, двери Янусова храма — и римскія арміи двигались въ поле.

Выше было уже сказано, что въ обыкновенныхъ случаяхъ нормальная сила римской консульской арміи не превышала числа 4-хъ легіоновъ, 2-хъ римскихъ и 2-хъ союзныхъ, потому что римляне признавали истинную силу арміи не въ числѣ войскъ, а въ ихъ хорошемъ устройствѣ, мужествѣ и храбрости, и въ военныхъ дарованіяхъ и искусствѣ главнаго предводителя ихъ. Но въ случаяхъ особенной важности или опасности, или когда необходимо было вести

ческаго съ 754 года передъ Р. Х. до IV вѣка по Р. Х. и Рима христіанскаго съ VI вѣка по Р. Х. до настоящаго времени — была та же, т. е. по теперешнему выраженію — иезунтская

*) Замѣчательно, что политика Рима язы-

войну съ однимъ или нѣсколькими сильными противниками, римляне выставляли въ поле нѣсколько армій, число легіоновъ въ которыхъ достигало иногда значительной степени. Такъ въ войнѣ противъ галловъ (226—220 г.), послѣ 1-й пунической войны, Римъ выставилъ 5 армій и 2 легіона (всего 22 легіона), не считая множества вспомогательныхъ войскъ, а во 2-й пунической войнѣ и послѣ нея число римскихъ армій и легіоновъ въ полѣ часто бывало и еще значительнѣе и постепенно увеличивалось по мѣрѣ распространения завоеваній римлянъ въ Италиі (въ Африкѣ, Испаніи, Македоніи, Греціи и на Востокѣ). Но тогда римляне большею частію увеличивали число союзныхъ и вспомогательныхъ войскъ въ 1-й линіи, области же народовъ, выставлявшихъ эти войска, занимали собственными римскими войсками; въ видѣ резервовъ, чѣмъ содержали эти народы въ должномъ повиновеніи, обезпечивали край и сообщенія въ тылу дѣйствовавшихъ армій и, ведя войны болѣе союзными и вспомогательными войсками, сберегали собственныя свои войска и силы своего народа, которыхъ иначе, безъ опасенія истощенія ихъ, было бы недостаточно для веденія Римомъ его частыхъ, почти непрерывныхъ и кровопролитныхъ войнъ.

Образъ и искусство веденія войны римлянами до пуническихъ войнъ были подобны свойственнымъ и грекамъ до временъ Филиппа и Александра Македонскихъ. Объемъ, размѣры и характеръ римскихъ войнъ этого времени не могли быть особенно значительными и важными, по ограниченности и политическихъ, и военныхъ цѣлей, и театровъ войнъ, и военныхъ дѣйствій, и числа и силы римскихъ армій, и географическихъ свѣдѣній. Но уже 1-я и особенно 2-я пуническія войны значительно расширили область войны у римлянъ, и она, соразмѣрно съ увеличеніемъ важности и значенія политическихъ и военныхъ цѣлей и театровъ ея, числа и силы римскихъ армій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ расширеніемъ области географическихъ свѣдѣній, стала принимать все большіе размѣры и получать все большія значеніе и важность. Но и тогда, какъ и прежде, основныя начала веденія римлянами войны были чрезвычайно смѣлы, рѣшительны и вѣрны, хотя и весьма просты и несложны. И въ войнѣ, какъ и въ бою, выше всего ставя преимущество предупреденія и предначинанія (иниціативы) и самыя рѣшительныя наступательныя дѣйствія совокупностью всѣхъ силъ, съ цѣлію рѣшительнаго же боя въ открытомъ полѣ, римляне устремляли свои арміи изъ собственныхъ предѣловъ въ непріятельскіе, прямо туда, гдѣ находилось непріятельское войско, и сразу старались разбить его въ бою или инымъ образомъ нанести ему рѣшительный ударъ. И въ этомъ имъ чрезвычайно спо-

собствовали и малочисленность ихъ армій и военныхъ тяжестей при нихъ, и необыкновенная удобовиженность ихъ, и быстрота ихъ движеній, и особенно обычаи каждую ночь располагаться въ укрѣпленныхъ лагеряхъ и сражаться впереди ихъ или недалеко отъ нихъ—все такія важныя преимущества, которыхъ не имѣли даже греки. Имѣя въ каждомъ укрѣпленномъ лагерѣ своемъ какъ бы родъ подвижной крѣпости, образовавшей, съ собранными въ ней военными запасами, твердый и прочный опорный пунктъ, римляне не имѣли надобности устронять въ тылу своихъ армій, въ цѣломъ краю или цѣлой странѣ, особеннаго мѣстнаго основанія дѣйствій, ни путей дѣйствій отъ него, ни сообщеній съ нимъ, и обезпечивать ихъ и свои фланги и тылъ дѣйствіями въ полѣ или искусственными преградами. А потому они имѣли преимущество дѣйствовать въ любомъ направленіи съ одинаковыми: скоростью, смѣлостью и рѣшительностью. На случай же неудачи, они всегда имѣли за собою, вблизи—надежное убѣжище въ своихъ укрѣпленныхъ лагеряхъ, въ которыхъ могли обороняться, какъ въ крѣпостцахъ, а вдали, въ видѣ резервовъ—свои собственныя, римскія войска въ областяхъ союзниковъ или данниковъ.

Такимъ образомъ, въ образѣ и искусствѣ веденія войны римлянами главное, важнѣйшее значеніе имѣла, какъ всегда и повсюду въ древности, тактика, сильными вспомогательными средствами которой была полевая фортификація, или, иными словами, бой въ открытомъ полѣ, но подкрѣпленный и усиленный въ тылу укрѣпленнымъ лагеремъ и рѣшавшій на поляхъ сраженій судьбу армій, народовъ и государствъ. Поэтому, совокупивъ все, что выше было сказано о состояніи у римлянъ въ это время тактики, кастраметаціи, фортификаціи и поліорцетики и объ образѣ и искусствѣ веденія ими войны, мы получимъ общее понятіе о современномъ состояніи у нихъ всего военнаго искусства, которое уже и въ этомъ періодѣ значительно развилось и усовершенствовалось, а въ слѣдующемъ достигло наивысшей степени и рѣшительно превосходило состояніе его у всѣхъ народовъ древности и даже у грековъ и македонянъ, до и послѣ Филиппа и Александра македонскихъ. Болѣе 6-ти вѣковъ сряду (754—133), постепенно, шагъ за шагомъ, но постоянно, непрерывно подвигаясь впередъ, проходили римляне всю опытную, практическую, военную и боевую школу военнаго искусства во всѣхъ его отрасляхъ, видахъ и отношеніяхъ. И уже послѣ 2-й пунической войны они вышли изъ нея, можно сказать, вполне готовыми на войну съ цѣлымъ, извѣстнымъ тогда міромъ. Но и тогда они не остановились на пути, продолжали идти впередъ все къ большому и

большему совершенству, высшей степени котораго и достигли именно въ слѣдующемъ, мрачномъ періодѣ послѣдняго и смутнаго времени римской республики. Военное же устройство и военныя учрежденія ихъ, напротивъ, въ настоящемъ періодѣ достигли самой высшей степени своего развитія и совершенства, а въ слѣдующемъ начали уже приходить въ упадокъ. Такимъ образомъ оба эти періода, каждый въ своемъ отношеніи, вмѣстѣ взятые, составляютъ три вѣка наибольшаго развитія и совершенства военныхъ: устройства, учреждений и искусства у римлянъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ и вслѣдствіе того, наибольшаго же развитія ихъ государственной силы и власти и распренія предѣловъ ихъ государства отъ Атлантическаго океана до внутренней Азіи. Уже и въ настоящемъ періодѣ до начала междоусобій, они покорили всю Италію, острова Сицилію, Сардинію и Корсику, значительныя части Галліи, Испаніи и Африки, и наконецъ Иллирію, Македонію и Грецію, хотя и послѣ трудныхъ, тяжелыхъ и кровопролитныхъ войнъ и перѣдко — сильныхъ поражений и даже опасности, грозившей самому политическому бытію римской республики со стороны галловъ, Пирра и особенно Аннибала. Вникая внимательно въ причины такого торжества оружія ихъ надъ всѣми ихъ противниками, нельзя не прийти къ убѣжденію, что онѣ заключались въ необыкновенномъ и рѣшительномъ превосходствѣ римлянъ надъ всѣми другими современными народами, не въ томъ или другомъ родѣ и видѣ военныхъ: устройства, учреждений и искусства преимущественно, но въ совокупности всѣхъ ихъ вообще, удивительнымъ образомъ согласенныхъ и соединенныхъ между собою, сосредоточенныхъ и устремленныхъ къ одной общей, главной цѣли, къ которой стремился Александръ Великій, но которой достигли римляне, именно — завоеванію извѣстнаго тогда міра! Нельзя, по истинѣ, не изумляться тому глубокому уму и практическому смыслу, съ которыми у римлянъ всѣ части ихъ военныхъ: устройства, учреждений и искусства, отъ главнѣйшихъ до мельчайшихъ, и всѣ вмѣстѣ въ общей совокупности, были соображены, согласованы и устремлены къ одной цѣли. Не удивительно, что и въ древнія, и въ новыя времена онѣ возбуждали къ себѣ такіа восторженные чувства восхищенія и восхваленія. Вегетій, удивляясь вѣрной соразмѣрности всѣхъ составныхъ частей римскаго легіона, приходитъ въ нѣкоторый восторгъ, говоря: «Должно быть, что учрежденіе легіона внушено мудростью, превыше человеческой!» А Юсепфъ Флавій выражается объ этомъ предметѣ съ большею еще силой. «Если разсмотрѣть» — говоритъ онъ — «до какой степени римляне изучали военное

искусство, то нельзя не согласиться, что великое могущество, до котораго они достигли, было не даромъ счастья, но наградою ихъ мудрости. Они не ждали войны для того, чтобы упражняться во владѣніи оружіемъ; не видно, чтобы они, усиленные на лонѣ мира, начинали приводить въ движеніе руки только тогда, когда необходимость пробуждала ихъ; никогда они не прерывали своихъ военныхъ упражненій, какъ будто оружіе родилось вмѣстѣ съ ними и входило въ составъ ихъ тѣлесныхъ членовъ, — и эти военныя игры суть глубокомысленное изученіе образа битвы. Каждый день каждый воинъ производитъ опыты силы и мужества, за то дѣйствительныя битвы не представляютъ ему ничего новаго и труднаго; привыкнувъ сохранять свои ряды въ строю, войны римскіе никогда не знаютъ разстройства и безпорядка въ нихъ, никогда страхъ не омрачаетъ ихъ разсудка, никогда усталость не истощаетъ ихъ силы. Они увѣрены въ побѣдѣ, ибо увѣрены, что пстрѣтятъ непріятелей, непохожихъ на нихъ, и можно было бы сказать, не опасаясь ошибиться, что ихъ упражненія суть битвы безъ пролитія крови, а битвы — кровопролитныя упражненія». Замѣтимъ, что это говорили не язычники, но одинъ (Вегетій) — христіанинъ, а другой (Юсепфъ Флавій) — іудей. А какъ отзываются о томъ же греческіе и римскіе писатели, особенно Полибій и Титъ Ливій, можно нѣкоторымъ образомъ представить себѣ по приведеннымъ словамъ Вегетія и Юсепфа Флавія. Титъ Ливій, между прочимъ (кн. IX, гл. 17—20), разсматриваетъ очень любопытный вопросъ, именно — что было бы, еслибы Александръ Великій прожилъ долѣе и, обративъ свои завоеванія отъ Востока на Западъ, пришелъ въ столкновеніе съ римлянами, и по этому случаю подробно разбираетъ, кто изъ нихъ остался бы побѣдителемъ. Дѣйствительно — вопросъ любопытный и занимательный, подающій поводъ къ сравненію грековъ и римлянъ въ отношеніи къ военному дѣлу вообще. Греки, по высокой образованности своей, стояли рѣшительно въ главѣ цѣлилизациі древняго міра и превосходили въ ней всѣ народы его и самихъ римлянъ. Народъ необыкновенно остроумный, они не только практически усовершенствовали военное искусство, но и создали полную его теорію или военную науку, столь же необходимую, по ихъ мнѣнію, для успѣха на войнѣ, сколько и отличныя: устройство, образованіе и храбрость войска и военныя дарованія его предводителя. А между тѣмъ военная система ихъ, достигнувъ извѣстныхъ предѣловъ, не пошла далѣе и осталась въ томъ же видѣ, ни отъ кого ничего не заимствуя и никогда ни въ чемъ не измѣняясь. Римляне же, народъ, въ лучшія времена республики го-

раздо менѣе образованный и даже вовсе необразованный, обладалъ другими преимуществами, въ которыхъ, въ военномъ отношеніи, далеко превосходилъ ихъ, а именно—простымъ и здравымъ практическимъ смысломъ, всецѣло устремленнымъ къ сплоченію всего римскаго народа въ одно военное тѣло, одушевленное строжайшими: благоустройствомъ, порядкомъ и военной дисциплиной. Они не изучали военной науки и сами не создали ея, но за то постоянно изучали военное дѣло во всѣхъ его тонкостяхъ, практически, до совершенства, вознесли его на верхъ искусства—и при самомъ первомъ столкновеніи ихъ, хотя неученыхъ, но вооруженныхъ легиономъ, съ греками, хотя и учеными, но вооруженными фалангой, митомъ сокрушили ихъ и вскорѣ безъ особеннаго труда поко-

рили и Македонію, и Грецію. А побѣдивъ и покоривъ македонянъ и грековъ, они уже не встрѣчали достойныхъ себя противниковъ ни на дальнемъ востокѣ, ни на западѣ Европы—доколѣ ихъ государственное и военное устройство не стало быстро клониться къ упадку. Но до тѣхъ поръ, пока оно сохранялось ненарушимымъ и его одушевлялъ духъ лучшихъ временъ римской республики, римляне, въ военномъ отношеніи, были рѣшительно первымъ и единственнымъ народомъ древняго міра!

Поэтому-то военная исторія ихъ безспорно, безусловно, во всѣхъ отношеніяхъ, вполне и всегда достойна тщательнаго изученія—даже и въ нашъ, гордый своими успѣхами и позбрѣтеніями вѣкъ, въ которомъ многому и весьма многому еще, можно не безъ пользы научиться у римлянъ.

§ 10.

Морскія военныя силы и искусство.

Для довершенія картины военныхъ: устройства и искусства у римлянъ въ настоящемъ періодѣ, остается еще сказать нѣсколько словъ о состояніи у нихъ въ это время морскихъ военныхъ силъ и искусства, тѣмъ болѣе, что въ этомъ періодѣ они являются уже дѣятелями не на одной твердой землѣ, но и на морѣ, и сразу же съ не менѣе замѣчательными успѣхами и славой.

До 1-й пунической войны, занятые войнами съ народами Италіи, они не имѣли надобности во флотѣ. Но потребность въ немъ оказалась неминуемою уже въ 1-ю пуническую войну, цѣлю которой было завоеваніе Сициліи, для чего необходимо было перевозить туда войска и содержать постоянныя сообщенія съ Римомъ и Италіей. И тутъ нельзя не удивляться, съ какими энергіею и скоростью римляне—народъ сухопутный—создали такой флотъ, что уже въ 260 г. (въ 5-й годъ войны) одержали, подъ предводительствомъ консула Дуллия, первую свою побѣду надъ карфагенянами на морѣ, а 3 года спустя, въ 257 г. (въ 8-й годъ войны)—вторую, съ огромнымъ флотомъ, подъ предводительствомъ консула Регула, состоявшимъ изъ 350-ти триремъ, на которыхъ было 140,000 войскъ и гребцовъ! Съ этого времени они уже постоянно имѣли на моряхъ флоты, съ которыми во время 1-й пунической войны перенесли войну въ Африку, довершили завоеваніе Сициліи, покорили острова Сардинію, Корсику и другіе въ западной части Средиземнаго моря, а потомъ съ помощію своихъ флотовъ перенесли войну въ Испанію, Африку, Македонію и Грецію.

Въ самомъ началѣ 1-й пунической войны

(въ 264—261 гг.) они перевозили свои войска изъ Италіи въ Сицилію на морскихъ судахъ, собираемыхъ ими, вмѣстѣ съ гребцами, у жителей приморскихъ береговъ покоренной ими Италіи—этрусковъ и особенно греческихъ поселенцевъ южной Италіи или Великой Греціи. Но вскорѣ, съ своею прозорливостью, они убѣдились, что для вытѣсненія карфагенянъ изъ Сициліи имъ необходимо было побѣдить ихъ на собственной ихъ стихіи—морѣ и затѣмъ въ собственной ихъ странѣ—Африкѣ, подъ стѣнами самаго Карфагена. Разъ рѣшившись на это, они не пощадили ничего для созданія средствъ къ тому—и возложили всю обязанность и все бремя выставленія для нихъ одного флота за другимъ на своихъ приморскихъ, италійскихъ и греческихъ, союзниковъ въ Италіи, которые крайне потерпѣли отъ этого и были разорены въ конецъ. Полибій утверждаетъ, будто одна карфагенская трирема, доставшаяся римлянамъ, послужила имъ образцомъ для построения своего флота. Но это должно принимать не за иное, какъ за риторическую прикрасу, употребленную Полибиемъ, въ увлеченіи, для восхваленія и возвеличенія римлянъ. Они нимало не нуждались въ этомъ и безъ этого совершили, созданіемъ флота, необыкновенный подвигъ. Владѣя всѣми приморскими берегами Италіи, населенными торговыми мореходцами, и находясь въ союзѣ съ Сиракузами и Мессаною (или Мессеной) въ Сициліи, они не могли не имѣть понятія о кораблестроеніи, ни недостатка въ кораблестроителяхъ, ни принять взятую карфагенскую трирему за образецъ для построения такихъ же триремъ у себя. Римскій сенатъ

просто приказывалъ приморскимъ союзникамъ выставять флоты—и они выставляли ихъ, хотя и цѣною своего разоренія. Гораздо удивительнѣе то, что предводителями своихъ флотовъ сенатъ римскій назначалъ не грековъ и не этрусковъ, а римлянъ, совершенно незнакомыхъ съ морскимъ дѣломъ и однако одерживавшихъ морскія побѣды. Хотя въ 260 г. одинъ римскій консулъ Сципіонъ, съ 17-ю триремами, былъ окруженъ и взятъ въ плѣнъ кареагенянами, но за то другой консулъ Дуиллій одержалъ надъ ними полную и совершенную побѣду, помощію изобрѣтеннаго имъ вѣрона (corvus) или большого крюка, которымъ римскія триремы сдѣлывались въ кареагенскими на abordажъ и римскіе воины сражались съ кареагенскими на ихъ триремахъ точно также, какъ на сухомъ пути. Кареагеняне, вовсе не ожидавшіе этого и занятые исключительно маневрированіемъ, были разбиты, но послѣ того изобрѣли, кажется, средство противудѣйствовать Дуилліеву вѣрону и обращать его въ ничто; по крайней мѣрѣ въ послѣдствіи о немъ уже не упоминается болѣе въ исторіи. Три года спустя (257) истощеніе средствъ принудило римлянъ составить чрезвычайно смѣлый, но и рѣшительный планъ—перенести войну прямо въ Африку, поручивъ исполненіе его консуламъ Манлію и Регулу, уже съ 350-ю триремами и 140,000 войскъ и гребцовъ на нихъ, какъ сказано выше. Консулы отчасти прикрѣпили свои триремы одну къ другой, дабы удержатъ ихъ въ тѣсномъ соединеніи и сдѣлать безпомощнымъ искусство кареагенянъ въ маневрированіи, построили весь свой флотъ клиномъ или угломъ, прорвали растянутую дугою линію кареагенскаго флота, разбили его, частію потопили, частію взяли въ плѣнъ и продолжили себѣ путь въ Африку. Когда въ 255 г. римскій флотъ погибъ у береговъ Сициліи отъ бури, римскій сенатъ началъ сооружать новый флотъ и умножилъ число морскихъ поселеній, учрежденныхъ въ началѣ войны и которыя были обязаны нести всѣ повинности военно-морской службы, за что навсегда получили совершенное освобожденіе отъ военно-сухопутной службы (*sacrosanctam vacationem*). Какое напряженіе смѣла на морѣ употребили римляне и что это стоило имъ, можно усмотрѣть изъ того, что со времени экспедиціи Регула въ 257 г. до 253 г. (въ 5 лѣтъ времени) они лишились 700 триремъ! Приморскія же города и поселенія были до того истощены и разорены, что уже не въ состояніи были выставять ни морскихъ судовъ, ни гребцовъ, и потому сенатъ римскій былъ вынужденъ прекратить на время войну на морѣ. Но въ 250 г. римляне выставили новый флотъ, для того, чтобы обложить съ моря осажденный ими съ сухаго пути Лилибей въ Сициліи. А въ

249 г. консулъ Аппій Клавдій Пульхеръ вступилъ при городѣ Дрепанѣ (Drepanum), въ Сициліи, въ морское сраженіе съ кареагенскимъ флотомъ—и былъ разбитъ, причемъ погибло 117 судовъ и 20,000 человекъ! И во второй разъ истощеніе средствъ принудило римлянъ отказаться отъ войны на морѣ. Наконецъ въ 247 г., вслѣдствіе смѣлыхъ, рѣшительныхъ и крайне разорительныхъ для римлянъ, наступательныхъ дѣйствій Амилкара Барки въ Сициліи и даже на берегахъ Италіи, римская аристократія, сенаторы и всадники положили построить флотъ на свой счетъ и исполнили это сообща. Предводитель этого новаго флота, Лутаций Катуль, въ 241 г. совершенно неожиданно явился у береговъ Сициліи, обложилъ съ моря Лилибей и Дрепанъ и вскорѣ, при островѣ Эгузѣ, противъ Лилибея, разбилъ посланный Кареагеномъ флотъ, изъ котораго 50 судовъ было потоплено, а 90 взято въ плѣнъ. Эта рѣшительная побѣда на морѣ, съ болѣе еще искусствомъ, нежели счастьемъ, одержанная Лутациемъ Катуломъ, положила конецъ 1-й пунической войнѣ.

Послѣ нея римская политика вышла уже изъ предѣловъ Италіи и кругъ ея сталъ постепенно расширяться во всѣ стороны, слѣдовательно—на окружающихъ Италію моряхъ Средиземномъ и Адриатическомъ и на окружающихъ Грецію, и за этими морями. И потому съ этого времени римлянами уже почти постоянно выставались на этихъ моряхъ флоты, какъ на сухомъ пути выставались арміи. Помощію этихъ флотовъ они тотчасъ послѣ 1-й пунической войны завладѣли Сардиніей и другими островами Средиземнаго моря, во время 2-й пунической войны перенесли войну въ Испанію и Африку, а послѣ нея—въ Иллирію, Македонію, Грецію и далѣе на Востокъ. Вотъ картина начала и постепеннаго развитія морскихъ военныхъ силъ у римлянъ и господства ихъ на моряхъ, способная возбудить неменьшее удивленіе, чѣмъ быстрое возрастаніе ихъ военно-сухопутныхъ силъ и господства на твердой землѣ.

Что касается до устройства римскихъ флотовъ, вѣшняго и внутренняго, то первое (строеніе, снаряженіе, дѣйствія судовъ, снабженіе ихъ гребцами и проч.) было подобно современному, общеупотребительному у италійскихъ и сицилійскихъ грековъ, кареагенянъ и другихъ приморскихъ народовъ, а второе основывалось на общихъ съ военно-сухопутными силами законахъ. По своему обычаю—ничѣмъ не пренебрегать у чужихъ народовъ и заимствовать у нихъ все практически-лучшее и полезнѣйшее, римляне и въ отношеніи къ строенію, снаряженію, управленію и дѣйствию своихъ военно-морскихъ судовъ и проч. дѣлали такого рода заимствованія и у грековъ, и у кареагенянъ,

и у иллирийцевъ, которые считались отличными кораблестроителями и мореходцами, но все ихъ заимствованія носили, какъ и въ сухопутномъ войскѣ, печать римскаго здраваго, практическаго смысла. Главнымъ видомъ и главною силой ихъ флотовъ были триремы, но послѣ 2-й пунической войны у нихъ уже стали строиться военно-морскія суда съ большимъ числомъ рядовъ веселъ, особенно въ 5 (квинкверемы). Отношеніе гребцовъ и воиновъ на каждомъ военномъ суднѣ вообще было, какъ и у карфагенянъ, какъ 3:2, то есть, на $\frac{2}{3}$ первыхъ была $\frac{1}{3}$ послѣднихъ. Начальствованіе флотами ввѣрялось большею частію предводителямъ перевозимыхъ на нихъ сухопутныхъ армій или отрядовъ войскъ, но иногда (въ этомъ періодѣ очень рѣдко) особымъ предводителямъ (*duumviri*). Флоты римскіе, какъ и другіе современные, совершали или быстрые переѣзды не очень

большихъ пространствъ (изъ Италіи или Сициліи въ Африку, Испанію, Иллирію, Македонію и Грецію), или же болѣе дальнія плаванія вдоль береговъ, при чемъ каждую почъ приставали къ берегу и иногда римляне вытаскивали на него суда и ограждали ихъ укрѣпленнымъ лагеремъ; — продовольствіе же перевозилось за флотами на перевозныхъ круглыхъ судахъ. Въ морскихъ сраженіяхъ римляне вообще маневрированію предпочитали сѣйленіе на abordажъ и бой на судахъ, подобный сухопутному, для рѣшенія побѣды въ немъ оружіемъ. А въ войнѣ вообще, обладая большимъ превосходствомъ на сухомъ пути, нежели на морѣ, они старались, гдѣ и когда только можно было, рѣшать войну сухопутными арміями, лишь при содѣйствіи флотовъ, а не на оборотъ, и во всякомъ случаѣ войну сухопутную предпочитали морской.

ГЛАВА III.

ВТОРАЯ ПУНИЧЕСКАЯ ВОЙНА (218—202).

§ 11. Географическій обзоръ древней Италіи и народовъ, обитавшихъ въ ней. — I. Событія, предшествовавшія войнѣ и произведшія ее. — § 12. Взаимныя отношенія Рима и Карфагена; — война наемниковъ. — § 13. Планъ Амилкара; — завоеваніе Испаніи карфагенянами (236—221). — § 14. Аннибалъ до 221 г. — § 15. Аннибалъ съ 221-го года; — планъ его. — § 16. Дѣйствія Аннибала въ Испаніи; — осада, взятіе и разрушеніе имъ Сагунта (221—219). — § 17. Объявленіе войны и приготовленія къ ней съ обѣихъ сторонъ.

Древніе источники: Полибій (книги I, II и III), — Діодоръ (отрывки), — Титъ Ливій (книги XX, XXI и XXVII), — Аппіанъ и Флоръ; — новѣйшія историческія пособія; военныя: Vandoncourt, Kausler, Lossau, Liskenne et Sauvan: Bibliothèque histor. et milit. ч. 2-я, Bernewitz и пр.; — общія: Montesquieu, Heeren, Becker, Bötticher, Лоренцъ и пр., указанныя выше.

§ 11.

Географическій обзоръ древней Италіи и народовъ, обитавшихъ въ ней.

Границами древней Италіи были: на сѣверѣ Альпы, на западѣ и на югѣ Средиземное море (*Mediterraneum vel Internum*

mare), а на востокѣ Адриатическое (*Adriaticum mare*). Наибольшее протяженіе ся въ длину отъ сѣвера къ югу было въ 150 гео-

графическихъ миль (1050 верстъ), наибольшая ширина у подошвы Альповъ въ 100 миль (700 верстъ), а въ срединѣ полуострова — 26 миль (182 версты), площадь — 9,750 квадратныхъ миль (68,250 квадратныхъ верстъ). Хребтомъ Аппенинскихъ горъ, направляющимся съ сѣвера на юго-востокъ, а потомъ на юго-западъ, она раздѣлялась на двѣ неравныя половины, изъ которыхъ сѣверо-восточная была страна ровная, открытая и плодородная, а юго-западная — изрѣзанная горами, съ узкими горными долинами и небольшими приморскими равнинами. Въ первыя времена Рима, Аппенинскій хребетъ былъ покрытъ густыми лѣсами. Главными рѣками были: Падъ (Padus, нынѣ По), Атезисъ (Athesis, Adige), вливавшіеся въ Адриатическое море, и Тибръ (Tiberis, Tibre) въ Средиземное море. Почва была одною изъ плодороднѣйшихъ въ Европѣ, особенно на равнинахъ, но во многихъ горныхъ частяхъ неудобною къ воздѣлыванію. Пока Средиземное море служило главнымъ путемъ торговли, Италія, по своему положенію, казалась важнѣйшею страной для этой части свѣта; но она очень мало пользовалась этою выгодой въ древности.

Она дѣлилась на 3 части: I) верхнюю или сѣверную — отъ Альповъ до двухъ рѣчекъ Рубикона и Макры, — но только южная половина ея была обращена въ римскую провинцію послѣ 1-й пунической войны, между 225 и 222 годами, а сѣверная до Альповъ — послѣ 2-й пунической войны; право же гражданства она получила и причислена къ остальной Италіи только со временъ Юлія Цезаря; — II) среднюю или собственную Италію, отъ Рубикона и Макры до рѣкъ Силара и Френто, — и III) нижнюю или южную, иначе Великую Грецію, отъ Силара и Френто до южныхъ береговъ и мысовъ моря.

I. Верхняя или сѣверная Италія заключала въ себѣ: 1) Галлію цизальпнскую или предъ-альпійскую и 2) Лигурию.

1) Галлія цизальпнская (Gallia Cisalpina aut Togata), названная такъ въ противоположность трансальпнской или за-альпійской или собственной Галліи, потому что была населена большею частью галльскими племенами. Она обнимала обширную равнину, пересѣченную рѣкою Падомъ (По) на двѣ половины: сѣверную — Галлію транспаданскую или за-паданскую (Gallia Transpadana), которая заключала въ себѣ также Венецію (Venetia), Карнію и Истрію, и южную — Галлію циспаданскую или предъ-паданскую.

Въ транспаданской Галліи, обитавшей галльскими племенами тавриновъ, инсубровъ и ценомановъ, главныя рѣки были: Падъ (Padus), съ сѣверными притоками: Дуран-

ціей (Durantia, нынѣ Дурія, Дореа или Дюрансъ), Тицинь (Ticinus, Тессинъ), Аддуа (Addua, Adda), Олліи (Ollius, Олліо), Минцій (Mincius, Минчю) и другія меньшія. Рѣка Атезисъ (Athesis, Адигъ), Медоакъ (Medoacus, Brenta), Пиавъ (Piavis, Пиаве), Тилавентъ (Tilaventus, Тальаменто) и Сонцій (Sontius, Изонцо) вливались въ Адриатическое море. Озера въ ней были: Вербанское (Verbanus, Лаго Маджіоре), Ларійское (Larius, Лаго ди Комо) и Бенакское (Benacus, Лаго ди Гарда).

Въ циспаданской Галліи, обитавшей галльскими племенами боіевъ, сенноновъ и лингоновъ, главныя рѣки были, сверхъ Пады, южные притоки ея: Танаръ (Tanarus, Танаро), Требіа (Trebia, Требія), Таръ (Tarus, Таро) и др.

Города въ цизальпнской Галліи вообще произошли большею частью изъ римскихъ колоній или поселеній, учрежденныхъ римлянами по мѣрѣ завоеванія ими этой страны и большею же частью до сихъ поръ сохраняютъ свои прежнія названія, именно: къ югу отъ Пады (образовавшіеся ранѣе) Равенна, Бононія (Bononia, Болонья), Мутина (Модена), Парма, Пладенція (Пiacенца) и др., а къ сѣверу отъ Пады (образовавшіеся позже) Мантуя, Кремона, Бриксія (Брешія), Медиоланъ (Mediolanum, Миланъ), Тицинь (Ticinum, Павія), Августа Тавриновъ (Augusta Taurinorum, Туринъ) и другіе къ востоку отъ Атезиса (Адиги), образовавшіеся еще позже.

2) Лигурия, называвшаяся такъ по обитавшимъ въ ней издревле лигурійскимъ племенамъ антеменовъ, статіелловъ и агуановъ, обнимала приморскій край между рѣками Варомъ (Varus, Var) и Макрой. Городами въ ней были: главнымъ и очень древнимъ — Генуя (Genua), Ницея (Ницца) и Аста (Асти).

II. Средняя или собственная Италія, между рѣками Рубикономъ и Макрой и рѣками Силаромъ и Френто, заключала въ себѣ 6 областей: Этрурию, Лаций и Кампанію на западѣ и Умбрію, Пизенъ и Самній на востокѣ.

1) Этрурія (Etruria, Tuscia, Tyrrhenia) отдѣлялась на сѣверѣ рѣкой Макрой отъ Лигурии, а на югѣ рѣкой Тибромъ отъ Лация и Умбрии. Главною рѣкою въ ней былъ Арнъ (Arnus, Arno), а озерами: Тразименское (Lago di Perugia) и Вольснийское. Этрурія, страна преимущественно гористая, только близъ береговъ моря равнинная, была отечествомъ и средоточіемъ весьма древняго и, во времена до успенія Рима, могущественнаго и процвѣтавшаго народа этрусковъ, образовавшагося вѣроятно изъ смѣшенія древнихъ туземныхъ племенъ магелловъ, вольспійцевъ, тарквинянъ, фалисковъ, церитянъ и веіентянъ, и греческихъ колоній, изъ коихъ отъ послѣднихъ этруски заимствовали ихъ письмены, но не ихъ иску-

ства; богатством же и роскошью своими они были обязаны морской торговлѣ. Города въ Этрурии были: между Макрой и Арномъ — Пизы (Pisae, Pisa), Пистория (Pistoria, Pistoia), Флоренція (Florentia), Фесулы (Fiesolae); между Арномъ и Тибромъ — Волатерры (Volaterrae, Volterre), Вольсиній (Volsinium, Bolseno) на озерѣ этого имени, Клузій (Clusium, Chiusi), Аррецій (Arretium, Arrezzo), Кортоня (Cortona), Перузія (Perusia, Perugia) близъ озера того же имени или Тразименскаго, Фалеры (Falerii, Falari) и богатый городъ Веи (Veii). Эти 12 главныхъ городовъ имѣли каждый своего вождя или старѣйшину (Lucumo) и хотя находились въ тѣсныхъ связяхъ и отношеніяхъ между собою, но не образовали, кажется, одного общаго союза.

2) Лаций (Latium), собственно страна латиновъ или латинянъ, отъ Тибра на сѣверѣ до мыса Цирцейскаго (Circeii) на югѣ, называлась древнимъ Лациемъ (Latium vetus); — но въ послѣдствіи къ нему присоединилась и страна отъ Цирцейскаго мыса до рѣки Лириса (Liris) и названа новымъ Лациемъ (Latium novum), такъ что Лаций вообще заключался между рѣками Тибромъ, Арномъ и Лирисомъ, Тирренскимъ моремъ и Аппенинами. Главными рѣками были: Аніо (Anio, Teverone) и Алліо (Allio), впадавшія въ Тибръ, и Лирисъ (Liris, нынѣ Garigliano) въ Средиземное море. Средоточіемъ латиновъ или латинянъ (Latini) былъ древній Лаций; такъ какъ ими преимущественно былъ основанъ Римъ, то латинскіе: нація и языкъ и сдѣлались господствующими въ Италіи. Но возлѣ латинянъ обитали въ Лациѣ многія небольшія горскія племена, одни — герники, сабиняне, эквы и марсы на востокѣ, другія — волски, рутулы и аврунчи — на югѣ. Города въ древнемъ Лациѣ были: главный — Римъ (Roma), другіе — Тибуръ (Tibur, Tivoli), Тускулъ (Tusculum), Альба-Лонга (Alba Longa), Остія (Ostia), Лавиній (Lavinium), Анцій (Antium), Габіи (Gابية), Велитры (Velitrae) — главный городъ волсковъ, и др. меньшіе, а въ новомъ Лациѣ: Фонди (Fondi), Террацине или Анксуръ (Terracina, Anxur), Арпинъ (Arpinum), Минтурнъ (Minturnes) и Формій (Formies).

3) Кампанія (Campania), между р. Лирисомъ на сѣверѣ и р. Силаромъ на югѣ, плодороднѣйшая, но вулканическая страна вдоль Тирренскаго моря, получившая свое названіе отъ обитавшаго въ ней племени кампановъ (Campani). — Рѣки: Лирисъ, Вультурнъ (Vulturnus, Voltorno) и Силаръ (Silarus, Selo). — Огнедышащая гора — Везувій. Города: главный — Капуа (Capua), Линтернъ (Linternum), Кумы (Cumae), Неаполь (Neapolis, Napoli) или новый городъ (Новгородъ), Геркуланъ (Herculaneum), Помпеи (Pompeii), Стабій (Stabiae), Нола (Nola), Суррентъ (Sorrentum, Sorrento), Салернъ (Salernum) и пр.

4) Умбрія (Umbria), между р. Рубикомъ на сѣверѣ, р. Эзисъ (Aesis, Gesano), отдѣлявшею ее на югѣ отъ Пизена, и р. Наръ (Nar, Nero), на югѣ же — отъ сабинянъ. — Населявшіе ее умбры въ древности расселились въ большей части Италіи. — Города: Арминъ (Ariminum, Rimini), Сполетій (Spolegium, Spoleto), Нарнія (Narnia, Narni), Окрикуль (Ocriculum, Otricoli) и др.

5) Пизенъ (Picenum, нынѣ Marche d'Ancone или Анконская Мархія), между р.р. Эзисомъ на сѣверѣ и Атерномъ (Aternus, Pescara) на югѣ; равнинная и плодородная страна, обитаемая пизентами. Города: Анкона (Ancona) и Аскулъ-Пизенъ (Asculum Picenum, нынѣ Ascoli).

6) Самній (Samnium, нынѣ Аббруццы), горная страна на востокѣ вдоль Адриатическаго моря, отъ р. Атарна (Atarnus) до р. Френто (Frento, н. Fortore) на югѣ, и къ западу по другую сторону Аппениновъ — до Этрурии, Лация и Кампаніи. Главное племя — самнитяне, другія меньшія — марруцины и пеллины на сѣверѣ, френтаны на востокѣ, гирпины на югѣ и друг. Рѣки: Сагръ (Sagrus, н. Sangro) и Тиффернъ (Tifernus, н. Biferno). Города: Беневентъ (Beneventum, н. Benevento), Каудій (Caudium) — главные; кромѣ ихъ, городовъ было мало. Такъ какъ воздѣлываніе земли въ этой горной странѣ требовало большихъ и тяжелыхъ трудовъ, то самнитяне были народъ грубый и очень воинственный, однако занимались и земледѣліемъ, и скотоводствомъ. Страна ихъ, по чрезвычайно гористымъ свойствамъ своимъ, была весьма труднодоступна.

III. Нижняя или южная Италія, иначе Великая Греція, названная такъ по множеству находившихся въ ней, преимущественно по берегамъ морей, греческихъ поселеній. Она заключала въ себѣ 4 области, 2 на западѣ: Луканію и Бруттію, и 2 на востокѣ: Апулію и Калабрію.

1) Луканія (Lucania), большею частію горная страна, между р.р. Силаромъ на сѣверѣ и Лаусомъ (Laus, н. Lao) на югѣ, и между Тирренскимъ моремъ и Тарентинскимъ заливомъ, называлась такъ по обитавшему въ ней племени лукановъ (Lucani), отрасли авзоновъ (Ausones), главнаго племени южной Италіи. Города: Пестъ или Посидонія (Poestum, Posidonia, нынѣ въ развалинахъ), Гелія или Велія (Helia, Velia), Сибарисъ (Sibaris), въ послѣдствіи Туріи (Thurii) и Копіи (Copiae), Гераклея (Heraclaea), Метапонтъ (Metapontum) и др.

2) Бруттія (Bruttium, нынѣ Калабрія), югозападная оконечность южной Италіи, въ видѣ узкаго полуострова, отъ р. Лауса до мыса Регія (Rhegium, н. Reggio), а на востокѣ до р. Брандана (Brandanus). Горная страна, обитаемая внутри бруттіями, полудикою отраслью авзоновъ, а на всемъ протяженіи морскихъ береговъ занятая бо-

гатыми греческими поселеніями. Города: Козенція (Cosentia, н. Cosenza), Пандозія Регій (Pandusia Rhegium, н. Reggio), Мамертъ (Mamertum, н. Oridio), Петилія (Petilia, н. Stromboli) и др.

3) Апулія (Apulia, н. Пулія или Капитаната и область Барі), равнинная, плодородная и пастбищная страна вдоль Адриатическаго моря, до Япигійскаго мыса, между р.р. Френто и Бранданомъ и Аппенинами. Рѣки: Ауфидъ (Aufidus, н. Ofanto) и Цербаль (Cervalus). Она дѣлилась: 1) на Апулію Даунійскую (Apulia Daunia) на сѣверѣ и 2) на Апулію Пеудетійскую (Apulia Peucetia) на югѣ, отдѣленные одна отъ другой р. Ауфидомъ. Города: въ первой—Сипонтъ (Sipontum), Луцерія (Luceria) и др., а во второй—Барій (Barium, н. Bari), Канны (Cannae), Венузія (Venusia), Канузій (Canusium, н. Canossa), Пеуцеція (Peucetia) и др.

4) Калабрія (Calabria) или Мессапія (Messapia), небольшой узкій полуостровъ, составлявшій юговосточную оконечность южной Италіи, между Тарентинскимъ залпвомъ и Адриатическимъ моремъ, и оканчивавшійся Япигійскимъ мысомъ. Она подраздѣлялась на Япигійскую и Мессапійскую или Салентійскую. Города: Брундузій (Brundisium, н. Brindisi), Тарентъ (Tarentum), Гидрунтъ (Hydruntum, н. Otranto), Галлиполь (Gallipolis, н. Gallipoli) и др.

Принадлежавшими къ Италіи считаютъ также 3 большіе острова: Сицилію, Сардинію и Корсику. Но по завоеваніи ихъ римлянами въ 1-й и послѣ 1-й пунической войны, они не входили въ составъ Италіи, а только составляли подвластные Риму провинціи. Хотя берега ихъ были заняты инородцами, преимущественно греками, но внутри ихъ обитали туземныя племена, изъ числа которыхъ главнымъ и болѣе извѣстнымъ было племя сикуловъ (Sicules), перешедшее изъ Италіи въ Сицилію и давшее ей свое названіе.

1) Сицилія (Sicania, Trinacria), съ мысами: Пелоромъ (Pelorum, н. Faro di Messina),

Пахиномъ (Pachynum, н. Capo Passaro) и Лилибеемъ (Lilybaeum, Capo di Marsallo), горами: Этпой, Эриксъ (Erix, н. Monte San-Giuliano) и Маро (Maro, н. Mandonia), озерами: Пергуза (Pergusa) и Камарина (Camarina, н. Lago di Camarina), рѣками: Симетъ (Symaethus, н. Джіаретта), двумя рѣками Гимерами (Hymera, н. Fiume Grande и Fiume Salto) и Гипса (Hypsa, н. Vilici), — и городами: Сиракузами (Siracusae)—главнымъ, Мессаной (Messana, н. Мессина), Тавроменіемъ (Tauromenium, н. Taormina), Катаной (Catana), Агригентомъ (Agrigentum, н. Girgenti), Лилибеемъ (Lilybaeum), Панормомъ (Panormus, н. Palermo), Гимерой (Hymera), Аргиріемъ (Argyrium, н. Argirona) и др.

2) Сардинія (Sardinia); въ ней рѣки: Тирсъ (Thyrus, н. Tirso), Терминъ (Terminus, н. Coguinas), Сепръ (Saepus, н. Fumendosa), и города: Нара (Nara), Валенція (Valentia), Каралисъ (Caralis, н. Cagliari), Корносъ (Cornos, н. Corneto), Олбія (Olbia) и др.

3) Корсика (Cyrnus) съ мысомъ Священнымъ (Sacrum promontorium, н. Capo Corso),—горами: Ауреусъ (Aureus mons),—рѣками: Тавола (Tavola, н. Galo) и Ротаномъ (Rotanus, н. Tavignano),—и городами: Маріано (Mariano), Алерія (Aleria), Клуній (Clunium, н. S-ta-Catarina), Урциній (Urcinium, н. Ajaccio) и др.

Сверхъ того меньшіе острова: 1) Мелита (Melita, н. Мальта),—2) Гаулъ (Gaulus, н. Gozzo),—3) близъ Сициліи — Эольскіе или Вулканскіе (н. Липарскіе): Липари, Стронгиле (Strongyle, н. Stromboli), — Эгратскіе: Форбанція (Forbantia, н. Levanzo), Карпарія (Carparia, н. Favignana), — Косура (Cosura, н. Pantalarea);—4) въ Тирренскомъ морѣ: Капреи (Capreae, н. Capri), Прохите (Prochyte, н. Procida), Энарія (Aenaria, н. Ischia), Пондатарія (Pondataria, н. Ventotiene), Понція (Pontiat, н. Ponza), Ильва (Iva, н. Эльба), Планазія (Planasia, н. Pianosa),—и 5) въ Адриатическомъ морѣ острова Диомеде (н. Tremiti).

I.

Событія, предшествовавшія войнѣ и произведшія ее.

§ 12.

Взаимныя отношенія Рима и Карфагена;—война наемниковъ.

Дабы составить себѣ надлежащее понятіе о взаимныхъ отношеніяхъ Рима и Карфагена въ продолженіи 23 лѣтъ между 1-ю и 2-ю пуническими войнами, необходимо:

во 1-хъ принять въ соображеніе, въ общей совокупности, все, что было изложено выше въ §§ 1 — 10, — и во 2-хъ войти въ разсмотрѣніе тѣхъ обстоятельствъ и событій,

которые послѣдовали за 1-ю войною, предшествовали 2-й и произвели ее.

Политическое соперничество Рима и Карфагена — двухъ сосѣднихъ и могущественнѣйшихъ, по существенно отличныхъ одна отъ другой, республикъ древности — уже въ продолженіи первой войны между ними превратилось во взаимную вражду, ожесточеніе и ненависть, которыя постепенно усиливались все болѣе и болѣе, особенно со стороны Карфагена — и не безъ причины. Римъ, слѣдуя, обычной своей политикѣ (§ 9) — ослаблять побѣжденнаго сильнаго врага до послѣдней крайности, безъ всякаго милосердія, поступилъ и продолжалъ поступать въ отношеніи къ Карфагену не только сурово и жестоко, но и съ явною несправедливостью, признавая всѣ средства пригодными и позволительными для достиженія собственныхъ своихъ цѣлей. Первый примѣръ того онъ явилъ въ предписаніи Карфагену крайне тяжкихъ и унижительныхъ условій мира въ 241 году, а второй — вскорѣ послѣ того.

По заключеніи мира, Амилкаръ сложилъ съ себя начальствованіе надъ карфагенскою арміею въ Сициліи и поручилъ полководцу Гистону распустить состоявшихъ въ этой арміи наемниковъ. Такъ какъ слѣдовавшее имъ жалованье составляло весьма значительную сумму денегъ, финансы же Карфагена были крайне истощены, то Гистонъ и сталъ переправлять наемниковъ въ Африку по частямъ, дабы правительство могло имѣть время и возможность пріискать средства удовлетворять ихъ тоже по частямъ.

Но корыстолюбивые наемники предъявили такіа требованія, которыя далеко превзошли ожиданія и расчеты карфагенскаго правительства, а именно — они потребовали уплаты жалованья, слѣдовавшаго не только имъ, но и убитымъ въ Сициліи товарищамъ ихъ, и вознагражденія за всѣхъ павшихъ тамъ лошадей ихъ, а въ случаѣ отказа грозилъ взять и разграбить богатый, торговый городъ Карфагенъ. Когда же устрешенное тѣмъ правительство согласилось на ихъ требованія, тогда они, внявъ коварнымъ внушеніямъ кампанца Спендія и африканца Маэоса, что правительство только замышляетъ обмануть ихъ, взбунтовались и положили разграбленіемъ города Карфагена удовлетворить себя самимъ. Въ этой страшной опасности, правительство могло противопоставить имъ только около 10 т. національныхъ карфагенскихъ и африканскихъ войскъ, но начальствованіе надъ ними, по зависти и кознямъ нѣкоторыхъ знатнѣйшихъ карфагенскихъ родовъ, ввѣрило не Амилкару, а Ганнону. Ганнонъ же дѣйствовалъ такъ неискусно и неудачно, что мятежники вскорѣ осадили городъ Карфагенъ и къ нимъ уже присоединились подвластные карфагенянамъ

африканцы (ливіо-финикияне). Тогда только, когда опасность достигла уже высшей степени, начальствованіе надъ карфагенскою арміею было ввѣрено Амилкару. Онъ тотчасъ же обнаружилъ все свое искусство тѣмъ, что умѣлъ и успѣлъ раздѣлить соединенныя силы мятежниковъ и сталъ безъ пощады разбивать и истреблять ихъ по частямъ. По счастью, въ этомъ помогать ему и Иеронъ, царь спракузскій, вѣрно понимая, по словамъ Полибія, что Спракузы будутъ сохранять свою независимость только до тѣхъ поръ, пока между Римомъ и Карфагеномъ будетъ равновѣсіе. Въ 237 г. Амилкаръ, взятіемъ Туниса, въ которомъ Маэосъ искалъ послѣдняго убѣжища и спасенія, совершенно кончилъ эту опасную для Карфагена войну и тѣмъ снискалъ себѣ славу спасителя своего отечества, благодарность своихъ соотечественниковъ и значительно усилилъ вліяніе свое и рода и приверженцевъ своихъ на государственныя дѣла.

Между тѣмъ Римъ недостойнымъ образомъ воспользовался стѣсненнымъ и опаснымъ внутреннимъ положеніемъ Карфагена. Наемники его, находившіеся на островѣ Сардиніи, тоже взбунтовались и — когда карфагеняне стали принимать мѣры для усмиренія ихъ — обратились къ Риму съ просьбой принять ихъ подъ свое покровительство и защиту. И Римъ не устыдился согласиться на это, подобно тому, какъ въ 264 г. не устыдился принять подъ свою защиту мамертинскихъ разбойниковъ! Онъ объявилъ вооруженія Карфагена — нарушеніемъ мира, завладѣлъ навсегда Сардиніею — и Карфагенъ, и безъ того уже истощенный, для отклоненія новой, невозможной для него войны, былъ вынужденъ согласиться на уплату Риму еще 1200 талантовъ! Тогда вражда Карфагена противъ Рима превратилась уже въ непримиримую ненависть и въ жажду отмщенія ему, общія всей карфагенской націи и особенно Амилкару, роду и приверженцамъ его. Эти чувства возрасли до такой степени, что имъ пожертвованы были всѣ основныя правила государственной политики, надолго ставшей выраженіемъ политики Амилкара Барки и его рода. Противная имъ партія Ганнона и его рода и приверженцевъ, раздѣляя эти чувства, не менѣе ревностно старалась однако о сохраненіи мира съ Римомъ. Впрочемъ и Амилкаръ, какъ ни желалъ новой войны съ Римомъ, однако, въ высокой государственной мудрости своей, желалъ предпринять ее лишь тогда, когда доставитъ Карфагену необходимыя для нея силы, средства и способы. Съ этою цѣлью онъ составилъ и предложилъ карфагенскому правительству замѣчательный планъ — вознаградить Карфагенъ за утрату Сициліи, Сардиніи, Корсики и прочихъ острововъ — завоеваніемъ Испаніи.

§ 13.

Планъ Амилъкара;—завоеваніе Испаніи карѢагеньянами (236—221).

Завоеваніе Испаніи представляло столько же несомнѣнныхъ, очевидныхъ выгодъ, сколько вмѣстѣ съ тѣмъ было трудно. Выгоды его заключались въ томъ, что Испанія была щедро надѣлена отъ природы всякаго рода естественными богатства: многими большими и судоходными рѣками, обширными и отличными лѣсами, полезными для сооруженія флота, и неисчерпаемыми минеральными богатствами въ горахъ, особенно серебряными рудниками, славившимися своимъ обиліемъ; населена же она была чрезвычайно воинственными и храбрыми племенами. Естественныя богатства Испаніи могли доставить КарѢагену обильныя средства и способы, народонаселеніе же ея — отличная войска въ составѣ его армій. Но, съ другой стороны, и мѣстность — рѣки, лѣса и горы, и народонаселеніе Испаніи представляли такія затрудненія для одолѣнія ихъ, завоеванія этой страны и прочнаго утвержденія въ ней, что въ КарѢагенѣ никто и никогда до толѣ не отваживался даже помышлять объ этомъ предпріятіи. Амилъкаръ первый замыслилъ его, справедливо сознавая себя способнымъ исполнить его и — втайнѣ, негласно, лишь для самаго себя — не для одного только вознагражденія КарѢагена за его утраты, но и съ цѣлю, болѣе отдаленною и глубокою — завоевавъ Испанію и прочно утвердившись въ ней, образовать изъ нея превосходное основаніе дѣйствій для веденія войны противъ Рима на сухомъ пути, въ самой Италіи, въ самомъ средоточіи его могущества, и вмѣстѣ съ тѣмъ образовать въ Испаніи отличное, закаленное въ бояхъ и вполне преданное ему, Амилъкару, войско, главную силу котораго составляли бы воинственные и храбрые испанцы и страшные римлянамъ, ненавидѣвшіе ихъ, сосѣдственные галлы. Планъ, какъ видно, достойный Амилъкара, столько же, сколько самъ Амилъкаръ былъ достоинъ такого плана. И первыя, главныя выгоды этого плана были до того очевидны, а вліяніе Амилъкара и довѣріе къ нему правительства и народа столько сильны, что, не смотря на все противудѣйствіе Ганнона и его рода и партіи, правительство не могло не согласиться на предложеніе Амилъкара и довѣрило ему исполненіе онаго, убѣжденное, что, въ случаѣ удачи, оно дѣйствительно принесетъ КарѢагену гораздо болѣе выгодъ, нежели еслибъ онъ удержалъ за собою Сицилію, Сардинію, Корсику и всѣ другіе острова. А народъ карѢагенскій, исполненный непримиримой ненависти къ римлянамъ, съ своей

стороны подкрѣпилъ согласіе правительства полнымъ одобреніемъ.

Превосходный планъ Амилъкара былъ и исполненъ имъ (хотя, по случаю смерти его, и не вполне) уже съ самаго начала весьма замѣчательнымъ образомъ. Такъ какъ КарѢагенъ уже не имѣлъ достаточнаго флота для перевоза армій въ Испанію и притомъ сама благоразумная осторожность требовала избѣжанія этого, дабы не возбудить вниманія и противудѣйствія со стороны Рима, то Амилъкаръ положилъ провести свое войско отъ предѣловъ карѢагенскихъ сухимъ путемъ чрезъ степи Африки къ Геркулесовымъ столбамъ (нынѣ Гибралтарскій проливъ) и переправиться черезъ него на перевозныхъ судахъ въ городъ Гадесъ (нынѣ Кадиксъ) въ Испанію. Для совершенія этого труднаго похода заручившись вѣрностью, преданностью и повиновеніемъ ему, Амилъкару, карѢагенскаго войска, частію деньгами, частію добычей, онъ въ 236 году благополучно совершилъ и походъ чрезъ Африку, и переправу въ Гадесъ. Начавъ отсюда, онъ въ 9 лѣтъ времени (236—227) велъ войну въ Испаніи съ такимъ искусствомъ и успѣхомъ, что частію кроткимъ обращеніемъ и мудрыми переговорами, большею же частію силою оружія умѣлъ и успѣлъ покорить значительную часть южной Испаніи и уже утвердить въ ней власть КарѢагена на прочномъ основаніи. Въ 227 г. онъ, по Аппіану, палъ въ бою съ испанцами, а по Діодору утонулъ въ рѣкѣ, и войско его было до того предано ему и его роду, что провозгласило предводителемъ своимъ зятя его, Аздрубала, а карѢагенское правительство не могло не утвердить этого избранія. Аздрубалъ искусно и удачно продолжалъ начатое Амилъкаромъ и, дѣйствуя болѣе мѣрами кроткими и искусными переговорами, нежели силою оружія, успѣлъ, по словамъ Діодора, привлечь къ себѣ испанскія племена до такой степени, что они добровольно избрали его своимъ стратигомъ-автократоромъ или вождемъ-царемъ. По словамъ того же историка, силы Аздрубала въ Испаніи простирались уже до 60 т. чел. пѣхоты, 8 т. чел. конницы и 200 слоновъ. Онъ значительно увеличилъ еще владѣнія КарѢагена въ Испаніи и на восточномъ берегу ея основалъ главный городъ, который называлъ Новымъ КарѢагеномъ (нынѣ Картагена въ Мурсіи). На томъ же берегу находились многія, торговыя и богатыя, греческія поселенія, которыя извлекали большія выгоды изъ торговли съ испанцами.

Значительнѣйшимъ и сильнѣйшимъ изъ этихъ поселеній былъ городъ Сагунтъ или Закинеъ, поселеніе острова Закинеа въ Греціи, на правой сторонѣ р. нижняго Ибера (нынѣ Эбро), недалеко отъ устья его. Съ утвержденіемъ картеагенянъ въ Испаніи, греческія поселенія въ ней не только лишились многихъ прежнихъ выгодъ своихъ отъ торговли съ испанцами, но даже стали опасаться за свою независимость, и потому обратились съ просьбой о покровительствѣ и защитѣ къ Риму. Послѣдній, уже давно, зорко и ревниво слѣдившій за успѣхами картеагенянъ въ Испаніи, съ радостью воспользовался этимъ удобнымъ случаемъ положить имъ наконецъ преграду, принявъ Сагунтъ подъ свое покровительство и потребовалъ отъ Аздрубала, чтобы р. Иберъ была назначена предѣломъ картеагенскихъ владѣній въ Испаніи. Аздрубаль, не признавая еще владычества Картеагена въ этой странѣ до-

статочно прочнымъ для того, чтобы начать войну съ Римомъ, былъ принужденъ заключить съ нимъ договоръ, по которому призналъ Сагунтъ подъ покровительствомъ Рима, а р. Иберъ границей картеагенскихъ владѣній, и всякое непріязненное дѣйствіе картеагенянъ противъ перваго и переходъ войскъ ихъ черезъ послѣдній должны были соответствовать нарушенію мира между Римомъ и Картеагеномъ—еще новое и насильственное вмѣшательство перваго въ дѣла послѣдняго! Вскорѣ послѣ того, въ 221 г. Аздрубаль былъ убитъ однимъ испанцемъ изъ личной мести, и все картеагенское войско въ Испаніи немедленно и единодушно избрало на его мѣсто своимъ полководцемъ сына Амилкара, Аннибала, хотя ему было тогда только 24 года отъ роду, а картеагенское правительство, не смотря на сопротивление Ганнопа и его партіи, утвердило выборъ войска.

§ 14.

Аннибаль до 221 года.

Аннибаль, одинъ изъ четырехъ сыновей Амилкара Барки, родился въ 245 г. *) и съ самыхъ раннихъ лѣтъ обнаружилъ необыкновенныя способности ума и качества души и получилъ самое тщательное греческое образованіе. Воспитаніемъ его руководилъ самъ отецъ его, сознававшій его великія способности безъ ума любившій его. Въ основаніе воспитанія его онъ положилъ тѣ же чувства, которыя одушевляли его самого—пламенную любовь къ отечеству и непримиримую вражду къ Риму. Это подтверждается собственными словами Аннибала, сказанными имъ Антиоху сирійскому и приведенными Полибиемъ (кн. III гл. III): «Когда отецъ мой собирался отправиться съ арміею въ Испанію, мнѣ было только 9 лѣтъ; я находился возлѣ жертвенника въ то время, когда отецъ мой приносилъ жертву Юпитеру. Послѣ возліяній и другихъ предписанныхъ обрядовъ, Амилкаръ, удаливъ всѣхъ жрецовъ, велѣлъ мнѣ приблизиться и, лаская меня, спросилъ: не пожелалъ-ли бы я сопутствовать ему въ армію? Я отвѣчалъ ему, съ свойственною моему возрасту живостью, что не только ничего такъ не

желаю, но даже убѣдительно прошу дозволить мнѣ это. Тогда онъ взялъ меня за руку, подвелъ къ жертвеннику и приказалъ поклясться надъ жертвами, что я никогда не буду другомъ римлянъ.» Затѣмъ онъ взялъ его съ собою въ армію и въ Испанію, но, по инымъ, чрезъ нѣсколько времени отослалъ его обратно въ Картеагенъ для продолженія его воспитанія и образованія учеными греками, а по другимъ свѣдѣніямъ—Аннибаль воротился въ Картеагенъ уже по смерти Амилкара, въ 227 году. Но первое вѣроятіе послѣдняго во 1-хъ потому, что Аннибаль въ Испаніи не могъ надлежащимъ образомъ продолжать своего воспитанія и образованія, и во 2-хъ потому что, какъ извѣстно, Аздрубаль, достойно цѣня способности Аннибала, зная, сколько онъ могъ быть полезнымъ ему и желая способствовать какъ приобрѣтенію имъ военной опытности, такъ и его отличію и возвышенію, вызвалъ его въ 224 году (когда ему было 21 годъ отъ роду и слѣдовательно воспитаніе и образованіе его уже были довершены) въ Испанію. Партія Ганнопа всячески старалась воспрепятствовать отправленію Аннибала; но сильнѣйшая партія Барцинская превозмогла—и Аннибаль прибылъ въ Испанію. Аздрубаль тотчасъ ввѣрилъ ему начальствованіе надъ всею конницею (можетъ быть потому, между прочимъ, что Аннибаль обладалъ большими ловкостью и искусствомъ въ тѣлесныхъ упражненіяхъ, владѣніи оружіемъ и верховой ѣздѣ и былъ отличный всадникъ и паѣздникъ). Здѣсь приведемъ слова

*) Рожденіе его неправильно показывается иными въ 247-мъ, а другими въ 246 годахъ. По собственнымъ его словамъ, сказаннымъ Антиоху сирійскому и приведеннымъ Полибиемъ (кн. III гл. III), ему было 9 лѣтъ, когда отецъ его, отправляясь въ 236 году въ Испанію. Слѣдовательно онъ родился въ 245 году, въ 221 г. ему было 24 года, а въ продолженіи 2-й пунической войны съ 218 по 202-й г. — 27—43 года отъ роду.

такого свидѣтеля, котораго уже никакимъ образомъ нельзя подозрѣвать въ пристрастіи къ Аннибалу, а именно — Тита Ливія. «Съ самаго начала» — говоритъ онъ — «Аннибалъ обратилъ на себя взоры и снискалъ любовь цѣлаго войска. Съ особеннымъ участіемъ взирали на него старыя, заслуженныя воины, находившія въ его чертахъ разительное сходство съ его отцомъ, ихъ любимымъ полководцемъ. Но вскорѣ личныя качества его еще болѣе привязали къ нему сердца всѣхъ. Дѣйствительно, никто и никогда не соединялъ въ такой степени, въ характерѣ своемъ, умѣнія повиноваться и начальствовать, а потому трудно было бы рѣшить, кто болѣе любилъ его, полководецъ или войско? Его, предпочтительно предъ прочими, избиралъ Аздрубалъ каждый разъ, когда нужно было привести въ исполненіе какое-либо предпріятіе, требовавшее особенныхъ рѣшимости и отважности. Войска же никому не оказывали такого довѣрія, какое имѣли къ нему, когда онъ предводительствовалъ ими. Никто не превосходилъ его неустрашимостью, когда предстояла опасность, ни присутствіемъ духа въ самой

опасности. Никакіе труды не могли одолѣть тѣлесныхъ силъ его и твердости его духа. Онъ одинаково переносилъ и холодъ, и зной. Необыкновенно умѣренный и воздержанный въ пищѣ и питіи, онъ ѣлъ и пилъ въ такой лишь мѣрѣ, которой требовала самая строгая необходимость. Онъ трудился и отдыхалъ и днемъ, и ночью безъ различія, посвящая сну только свободное отъ занятій время и не ища для сна ни тишины, ни спокойнаго ложа. Нерѣдко войска видали его спавшимъ на голой землѣ, въ плащѣ простаго воина, между стражами и часовыми. Отъ равныхъ себѣ онъ отличался не роскошью одежды, но добротою оружія и коней, и былъ въ одно и тоже время и лучшимъ пѣхимъ и лучшимъ коннымъ воиномъ въ войскѣ. Наконецъ онъ всегда первый шелъ въ бой и послѣдній возвращался изъ него» *). «Аннибалъ прослужилъ подъ начальствомъ Аздрубала въ Испаніи три года (224—221), въ продолженіи которыхъ тщательно старался образовать себя по примѣру искуснѣйшихъ военныхъ людей въ арміи и лично упражняться во всемъ томъ, что образуетъ великаго полководца.»

§ 15.

Аннибалъ съ 221 года; — планъ его.

Едва Аннибалъ былъ провозглашенъ и утвержденъ въ званіи главнаго предводителя кареагенской арміи въ Испаніи, какъ немедленно положилъ, явно и гласно — довершить завоеваніе Испаніи, но втайнѣ, негласно — исполнить затѣмъ планъ, наслѣдованный имъ отъ Амилкара и Аздрубала, который они, за преждевременною смертию своею, не успѣли привести въ исполненіе, а именно — прочно утвердись въ Испаніи опираясь на нее, перейти съ арміею черезъ р. Иберъ, Пиренеи, р. Роданъ (нынѣ Рона) и Альпы, и чрезъ земли трансальпийскихъ и цизальпийскихъ галловъ внести наступательную войну въ Италію и пасть на Римъ въ самомъ средоточіи его владычества и могущества! Планъ, справедливо всегда и всѣхъ поражавшій своими необъятными: громадностью, величіемъ, геніальностью, но и трудностью, и отважностью! Что этотъ планъ былъ первоначально составленъ еще Амилкаромъ и отъ него унаслѣдованъ и Аздрубаломъ, и Аннибаломъ, но приведенъ въ исполненіе лишь послѣднимъ, на то есть свидѣтельства исторіи и древнихъ историковъ, особенно Полибія. Послѣдній, разбирая истинныя причины Аннибаловой (т. е. 2-й пунической) войны (кн. III гл. II и III), сначала опровергаетъ мнѣніе нѣкоторыхъ историковъ

Аннибала, будто первою причиною войны была осада Аннибаломъ Сагунта, а второю — переходъ его съ арміею черезъ р. Иберъ, въ противность договору Аздрубала съ Римомъ. Полибій справедливо говоритъ, что, по его мнѣнію, то и другое только послужило началомъ войны, но вовсе не было

*) Затѣмъ Титъ Ливій уже измѣняетъ своему безпристрастію и, въ противоположность военнымъ добродѣтелямъ Аннибала, изображаетъ его, будто бы, пороки: безчеловѣчную жестокость, коварство, отсутствіе всякаго уваженія къ справедливости и ко всему, что только есть наиболѣе священнаго для человѣка, всякаго страха къ богамъ, всякаго уваженія къ святости клятвъ, всякаго религіознаго чувства! Но это изображеніе мнимыхъ Аннибаловыхъ пороковъ римскимъ историкомъ, протекая лишь изъ глубокой ненависти римлянъ къ Аннибалу, столько же ложно и несправедливо, сколько напротивъ вѣрны и несомнѣнны высокія качества его души и его военныя добродѣтели, въ которыхъ не могли отказывать ему даже жестокіе враги его. Ни Полибій, ни Плутархъ, часто имѣвшій случай говорить объ Аннибалѣ, не приписываютъ ему ни одного изъ пороковъ, упоминаемыхъ Титомъ Ливіемъ, да и самое изложеніе событій смъ послѣднимъ явно опровергаетъ дѣйствительность и даже возможность этихъ пороковъ, какъ будетъ доказано въ своемъ мѣстѣ ниже.

причиною ея. Точно также онъ опровергаетъ мнѣніе римскаго историка Фабія, будто причинами войны были скупость и неограниченное честолюбіе Аздрубала, оскорбленіе, нанесенное Сагунту, тайное намѣреніе Аздрубала, а потомъ и Аннибала, образовать изъ кареагенскихъ владѣній въ Африкѣ и Испаніи монархію (!) въ свою пользу, въ противность желаніямъ и намѣреніямъ кареагенскихъ правительства и народа, изъ которыхъ, будто бы, никто не одобрялъ ни разрушенія Сагунта, ни войны, предпринятой противъ Рима Аннибаломъ! Справедливо и вѣрно опровергая нелѣпость такого мнѣнія Фабія, источникомъ которой была ненависть Рима къ Кареагену и Аннибалу, Полибій, съ своей стороны, полагаетъ, что причинъ войны было три: первая — ненависть Амилъкара къ Риму и твердое намѣреніе его отомстить послѣднему, вторая — новый, несправедливый и недостойный поступокъ Рима противъ Кареагена, т. е. завладѣніе Сардиніей и принужденіе Кареагена уплатить еще 1200 талантовъ, въ 237 г., и наконецъ третья — завоеваніе Испаніи Амилъкаромъ (продолженное Аздрубаломъ и довершенное Аннибаломъ). Къ этому Полибій прибавляетъ, что хотя Амилъкаръ умеръ за 10 лѣтъ (правильнѣе за 9 лѣтъ — 227-218 г.) до войны, однако легко можно доказать, что онъ былъ главнымъ виновникомъ ея и въ доказательство приводитъ упомянутыя выше (§ 14) слова Аннибала Антиоху сирійскому. «Нельзя не сознаться» — прибавляетъ Полибій — «что это свидѣтельство ненависти Амилъкара къ Риму и всѣхъ замысловъ, составленныхъ имъ противъ римлянъ — точно, вѣрно и не подлежитъ возраженію. Но эта ненависть его обнаруживается еще болѣе въ томъ, что онъ сдѣлалъ въ послѣдствіи» (т. е. по смерти своей), «ибо онъ возстановилъ противъ римлянъ двухъ враговъ: зятя своего, Аздрубала, и сына своего, Аннибала, при томъ такихъ, что затѣмъ ему уже нельзя было сдѣлать ничего болѣе, для обнаруженія ненависти своей къ римлянамъ во всей ея силѣ. Аздрубалъ умеръ прежде нежели успѣлъ привести планъ его въ исполненіе, но Аннибалъ нашелъ въ послѣдствіи случай явно предаться той враждѣ противъ римлянъ, которую завѣщалъ ему отецъ».

Сужденіе Полибія безспорно вѣрно и не подлежитъ сомнѣнію. Сличая его съжатое и краткое повѣствованіе съ болѣе подробнымъ, обстоятельнымъ изложеніемъ Тита Ливія и пополняя одно другимъ, при пособіи осторожной и строгой критики и тщательныхъ изслѣдованій, историческіе писатели новыхъ и новѣйшихъ временъ пришли къ тому единогласному заключенію, что планъ второй пунической войны (какъ ее называли римляне) или Аннибаловой (какъ ее называлъ Полибій и другіе греки), приведен-

ный въ исполненіе Аннибаломъ, былъ составленъ еще Амилъкаромъ и, за смертію его, переданъ Аздрубалу. Въ настоящее время это уже есть истина, не подлежащая сомнѣнію и не требующая доказательствъ.

Громадность, трудность и смѣлость этого плана столько же очевидны, сколько и выгоды и преимущества его въ случаѣ удачи. Прежде нежели внести войну въ самую средину Италіи, необходимо было довершить завоеваніе Испаніи, прочно и надежно утвердиться въ ней, сдѣлать всѣ необходимыя военныя приготовленія къ походу изъ нея сухимъ путемъ въ Италію и затѣмъ преодолѣть громадныя препятствія со стороны природы — два вѣнчайшихъ горныхъ хребта, Пиренеевъ и особенно Альповъ, и со стороны жителей — воинственныхъ и храбрыхъ галловъ между Пиренеями, Альпами и сѣверною Италіей, — препятствія, которыя въ тѣ времена справедливо считались и дѣйствительно были непреодолимыми для арміи со всѣми ея принадлежностями — конницей, вьючными животными и тяжестями, а для кареагенской арміи, въ которой обыкновенно были и слоны — и тѣмъ болѣе. Но и по удачному преодолѣніи всѣхъ этихъ препятствій, необходимо было еще установить прочныя и надежныя сообщенія наступательной арміи, чрезъ пройденное, огромное пространство края, съ главнымъ основаніемъ дѣйствій — Испаніей, ибо только изъ нея кареагенская армія могла получать подкрѣпленія, средства и способы, необходимыя для веденія войны въ Италіи. На полученіе же ихъ изъ Кареагена не было никакой надежды, какъ потому, что главный источникъ силъ, средствъ и способовъ для веденія войны въ Италіи уже имѣлъ находиться въ кареагенскихъ владѣніяхъ не въ Африкѣ, а въ Испаніи, такъ и потому, что Кареагенъ былъ истощенъ 1-ю пуническою войною и лишенъ большей части своего флота, и господство на морѣ уже вполне принадлежало Риму.

По всѣмъ этимъ причинамъ, введеніе войны изъ Испаніи чрезъ Галлію въ Италію несомнѣнно и безусловно требовало предварительныхъ: глубокаго соображенія, вѣрнаго расчета, тщательнаго приготовленія и надежнаго обезпеченія прочнымъ утвержденіемъ въ Испаніи, оставленіемъ въ ней части арміи и развѣданіемъ путей въ Галлію и Италію, свойствъ и способовъ края и расположенія жителей на этихъ путяхъ, а затѣмъ — самаго исполненія съ особенными: силою, волею, мужествомъ, твердостью, энергіей, рѣшительностью и искусствомъ, для того, чтобы оно увѣчалось полнымъ успѣхомъ. Но за то, въ этомъ послѣднемъ случаѣ, оно могло обѣщать огромныя выгоды и преимущества въ наступательной войнѣ противъ Рима, съ той стороны, откуда онъ никакъ не могъ ожи-

дать и дѣйствительно не ожидалъ ея — въ самой Италиі и въ самомъ средоточіи ея могущества, безъ сомнѣнія — и при тѣхъ необходимыхъ условіяхъ нравственной силы и высокаго искусства, которыя упомянуты

выше. На, сколько соответствовалъ Аннибалъ этой великой, но трудной задачѣ и какъ онъ ее исполнилъ отъ начала до конца — будетъ изложено ниже.

§ 16.

Дѣйствія Аннибала въ Испаніи;—осада, взятіе и разрушеніе имъ Сагунта (221—219).

Прежде всего Аннибалъ положилъ, какъ было сказано, довершить завоеваніе Испаніи и прочное утвержденіе въ ней. Онъ совершилъ это въ два похода (221—220), хотя и съ большими усиліями. Прежде всего онъ обратился противъ племени олькадовъ на р. Тагъ (близъ нынѣшняго города Толедо). Онъ осадилъ главный городъ ихъ Алеею (по другимъ Картеію, около нынѣшняго города Окамы) съ такою энергіей и силой, что вскорѣ взялъ его. Устрашенные тѣмъ прочіе города олькадовъ добровольно покорились ему. Взявъ съ нихъ значительный денежный выкупъ (или, какъ говорятъ Полибій, перепродавъ ихъ жителямъ) и приобрѣтя тѣмъ большія денежные средства, онъ воротился съ арміей на зиму въ Новый Кареагенъ. Щедрый для своихъ войскъ, наградивъ ихъ деньгами, обѣщавъ имъ впредь награды и тщательно озаботившись снабженіемъ ихъ всѣмъ нужнымъ, онъ тѣмъ еще болѣе привлекъ къ себѣ ихъ любовь и преданность. Въ слѣдующемъ году (220) лѣтомъ онъ обратился противъ племени ваккеявъ, обитавшихъ близъ р. Дуеро (нынѣ Дуеро), и сразу взялъ ихъ города Эрмантику или Салмантику (нынѣ Саламанка) и Арбокалу (нынѣ Тордесильаса на р. Дуеро), изъ которыхъ послѣдній оказалъ упорное сопротивленіе. Во время осады Арбокалы, бѣжавшіе изъ Салмантики жители соединились съ бѣжавшими же олькадами и съ обитавшими къ западу отъ послѣднихъ карпезіанами или карпетанцами и въ числѣ до 100 т. чел. напали на Аннибала въ то время, когда онъ шелъ отъ Арбокалы къ р. Тагу. Въ этомъ случаѣ Аннибалъ явилъ себя прозорливымъ, смѣлымъ и рѣшительнымъ полководцемъ. Признавъ неблагоприятнымъ и опаснымъ — либо въ виду непріятеля переходить черезъ р. Тагъ, либо самому первому напасть на превосходнаго числомъ непріятеля, который могъ подавить его, онъ занялъ сильную мѣстностью позицію, показывая видъ, что хочетъ оставаться и обороняться на ней. Но въ слѣдующую ночь онъ перешелъ за р. Тагъ и занялъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нея другую крѣпкую позицію. Непріятель принялъ это за признакъ боязни со стороны Аннибала и началъ по частямъ переходить черезъ р. Тагъ въ бродъ. Но Аннибалъ въ это самое вре-

мя напалъ на него съ главными силами съ фронта, а частію конницы, переправленною за р. Тагъ — съ тыла, и нанесъ союзнымъ испанцамъ полное и совершенное пораженіе и огромный уронъ. Эта побѣда доставила ему возможность продолжать и одержать дальнѣйшіе успѣхи. Онъ покорилъ не только карпетанцовъ и турдитанцовъ (въ нынѣшнихъ Андалузій и Эстрамадурѣ, между устьями Гуадіаны и Гуадалкивира), но и всѣ племена по правую сторону р. Ибера. Затѣмъ на зиму онъ воротился въ Новый Кареагенъ.

Наконецъ въ 219 г. Аннибалъ призналъ, что уже настали и время, и возможность произвести явный разрывъ съ Римомъ. Случай къ тому не замедлилъ представиться. На восточномъ берегу Испаніи оставались независимыми только греческія поселенія и главное между ними — Сагунтъ. Они состояли подъ покровительствомъ Рима, со времени договора его съ Аздрубаломъ, хотя и не утвержденнаго римскимъ сенатомъ. Предвидя угрожающую имъ со стороны Аннибала опасность, они послали въ Римъ просить помощи. Въ Римѣ, вмѣсто того, чтобы немедленно послать въ помощь имъ войско, сенатъ долго совѣщался и наконецъ положилъ отправить въ Испанію пословъ, чтобы удостовѣриться въ положеніи дѣлъ и убѣдить Аннибала — въ точности исполнять условія договора, который былъ заключенъ съ Аздрубаломъ. Полибій говоритъ (кн. III гл. IV), что «Аннибалъ принялъ римскихъ пословъ въ Новомъ Кареагенѣ и сказалъ имъ, что между сагунтянами недавно произошелъ мятежъ, что они призвали римлянъ въ посредники и что римляне несправедливо приговорили къ смерти нѣкоторыхъ изъ градоправителей Сагунта; что онъ Аннибалъ, не оставитъ этой несправедливости ненаказанною и что кареагеняне всегда имѣли въ обычаѣ защищать невинно угнетенныхъ». «А между тѣмъ» — прибавляетъ Полибій — «Аннибалъ послалъ въ Кареагенъ сказать сенату, какъ онъ намѣренъ былъ поступить съ сагунтянами, которые, гордясь союзомъ съ римлянами, дурно поступали съ нѣкоторыми изъ подданныхъ кареагенской республики». «Словомъ» — заключаетъ Полибій — «Аннибалъ не разсуждалъ, но только повиновался ослѣпившему его гнѣву и

раздраженію. Въмѣсто истинныхъ побудительныхъ причинъ его дѣйствій, онъ ссылался на пустые предлоги — обыкновенное заблужденіе тѣхъ, которые, мало заботясь о справедливости, повинуются только голосу обуревавшихъ ихъ страстей, отчего и произошло то, что, скрывъ истинную причину своихъ дѣйствій и приведя другую, ни на чемъ неоснованную, онъ былъ признанъ зачинщикомъ войны, противной не только здравому разсудку, но и всѣмъ законамъ справедливости. При всей добросовѣстности Полибія, нельзя не узнать въ этихъ словахъ друга Сципіоновъ и римлянъ и ни тѣни справедливости. Полибій повторялъ то, что говорили римляне, ненавидѣвшіе и кареагянъ, и Аннибала. По другимъ свѣдѣніямъ, заслуживающимъ гораздо большаго довѣрія и согласнымъ съ характеромъ, побужденіями и видами Аннибала, послѣдній, уже твердо рѣшившійся начать войну противъ Рима, воспользовался какъ-разъ представившимся ему случаемъ къ тому, а именно: распрей, возникшей между сагунтянами и пограничнымъ съ ними испанскимъ племенемъ, состоявшимъ въ подданствѣ Кареагена, — происшедшимъ въ то же время и, вѣроятно, вслѣдствіе той же причины, мятежомъ въ Сагунтѣ и оскорбленіемъ при этомъ кареагянъ сагунтянами, словомъ — не пустыми предлогами, а достаточно справедливыми причинами. Объявлять же римскимъ посламъ истинныя побудительныя причины своихъ дѣйствій было бы съ его стороны слишкомъ цѣлѣпо. Притомъ нужно сказать еще, что, по другимъ свѣдѣніямъ, римскіе послы явились къ Аннибалу не въ Новомъ Кареагенѣ, а уже подъ Сагунтомъ; во время осады, и Аннибалъ вовсе не принялъ ихъ, почему они и отправились въ Кареагенъ, гдѣ кареагеняне съ намѣреніемъ затянули переговоры съ ними, сказали имъ, что сагунтяне сами подали поводъ къ непріязненнымъ дѣйствіямъ противъ нихъ, а впрочемъ дали имъ уклончивый отвѣтъ, такъ что они воротились въ Римъ ни съ чѣмъ.

А между тѣмъ Аннибалъ вступилъ съ сильною арміею во владѣнія Сагунта и осадилъ этотъ обширный и многолюдный городъ, расположенный на возвышенномъ берегу моря, съ трехъ сторонъ, изъ которыхъ съ одной, съ главными силами — противъ той части города, которая была расположена въ глубокой долиинѣ. Но здѣсь городскія стѣны были гораздо выше, нежели въ прочихъ мѣстахъ, и осадныя машины дѣйствовали безъ особеннаго успѣха. Осажденные же оборонялись чрезвычайно упорно и производили частыя и сильныя вылазки, при одной изъ которыхъ Аннибалъ былъ тяжело раненъ въ бою и принужденъ, по этой причинѣ и по большому урону своихъ войскъ, превратить осаду на время въ

обложеніе. Получивъ нѣкоторое облегченіе отъ раны, онъ возобновилъ осаду еще дѣятельнѣе и сильнѣе прежняго и на многихъ мѣстахъ поставилъ тараны и черепахи для прикрытія рабочихъ. Не взирая на упорное сопротивленіе осажденныхъ, часть ихъ стѣны и три башни были разрушены, и осаждавшіе произвели приступъ. Но осажденные упорно защищались въ проломахъ, съ особеннымъ успѣхомъ дѣйствуя фалариками или зажигательными стрѣлами. Послѣ продолжительнаго и кровопролитнаго боя въ проломахъ, кареагеняне были принуждены отступить съ большимъ урономъ, а осажденные успѣшно исправили проломы. Въ это именно время и прибыли двое пословъ римскаго сената, но Аннибалъ не принялъ ихъ и они отправились въ Кареагенъ, а оттуда, не получивъ удовлетворительнаго отвѣта, воротились въ Римъ. Тогда уже римскому сенату во всякомъ случаѣ слѣдовало немедленно послать войско на помощь Сагунту, который Римъ принялъ подъ свое покровительство; но сенатъ не сдѣлалъ этого, а продолжалъ бесполезно совѣщаться о томъ, какъ ему въ этомъ случаѣ поступить. А между тѣмъ Аннибалъ настойчиво и дѣятельно продолжалъ осаду, устроилъ высокую подвижную башню, вооружилъ ее стрѣлками и метательными орудіями, придвинулъ къ городской стѣнѣ, согналъ съ послѣдней оборонявшихъ ее, произвелъ подкопъ подъ стѣною и обрушилъ значительную часть ея. Тогда кареагенскія войска ворвались въ городъ, но были остановлены въ немъ новыми укрѣпленіями. Положивъ удержаться на этомъ мѣстѣ, Аннибалъ приказалъ обнести его валомъ, и метательными орудіями сталъ сильно разрушать городъ. Но осажденные продолжали упорно обороняться и за каждою разрушенною преградой немедленно воздвигали новую. Однако кареагеняне подвигались и оттѣсняли ихъ все болѣе и болѣе къ цитадели, отъ римлянъ же помощь не являлась, и ослабленные, утомленные жители Сагунта уже сильно страдали отъ голода, болѣзней и смертности. Сагунтъ уже былъ близокъ къ паденію, когда возстаніе оретанянъ и карпетанцовъ (въ нынѣшней Кастиліи) принудило Аннибала съ частию арміи двинуться противъ нихъ, для усмиренія ихъ, оставивъ Магарбала, сына Имилконова, съ другою частию арміи продолжать осаду Сагунта. Усмиривъ мятежниковъ и воротясь къ Сагунту въ скоромъ времени, онъ нашелъ, что осаждавшіе сдѣлали новый проломъ въ послѣдней стѣнѣ, произвелъ общій приступъ и отбросилъ осажденныхъ въ цитадель. Одинъ изъ осажденныхъ вышелъ изъ цитадели и самъ отъ себя предложилъ сдать ее на капитуляцію, но не рѣшился принять тяжелыхъ условій Аннибала. Тогда Аннибалъ вторично произвелъ общій приступъ къ цитадели и овладѣлъ ею, не смотря

на упорѣйшее сопротивленіе осажденных ни за что не хотѣвшихъ сдаваться и отвергавшихъ всѣ предложенія Аннибала. Не видя никакихъ средствъ къ своему спасенію, знатнѣйшіе изъ нихъ сложили на костеръ всю общественную казну и всѣ свои драгоценности и сами сгорѣли вмѣстѣ съ ними. Въ то-же время обрушилась давно разрушаемая большая башня и кареагенскія войска ворвались чрезъ образовавшійся оттого проломъ, въ пылу ожесточенія распространяя кругомъ смерть и разрушеніе. Жители заперлись въ домахъ, зажгли ихъ, сгорѣли въ нихъ — и Сагунтъ, послѣ 8-ми-мѣсячной осады, былъ взятъ и совершенно сожженъ и разрушенъ.

Осада и оборона его приносятъ большую честь и Аннибалу съ его войскомъ, и осажденнымъ, но очень мало чести римлянамъ, которые, принявъ сагунтянъ, какъ принимали и мамертинцовъ, и многихъ другихъ подъ свою защиту, не прислали Сагунту помощи войскомъ и тѣмъ сдѣлались виновными въ жестокой участи его и покрыли себя большимъ стыдомъ. Но паденіе Сагунта имѣло для нихъ, кромѣ того, еще большее значеніе, послуживъ явнымъ поводомъ къ разрыву съ Кареагеномъ и къ началу 2-й пунической войны, весьма неблагоприятнымъ для нихъ.

§ 17.

Объявленіе войны и приготовленія въ ней съ обѣихъ сторонъ.

По смыслу договора между Римомъ и Аздрубаломъ, осада, взятіе и разрушеніе Сагунта Аннибаломъ были уже явнымъ разрывомъ мира между Римомъ и Кареагеномъ. Выше было уже объяснено, что Аннибалъ втайнѣ именно это имѣлъ въ виду, слѣдовательно былъ первымъ и главнымъ зачинщикомъ войны. Но обвинить его въ этомъ невозможно, по всѣмъ причинамъ, уже достаточно объясненнымъ выше. Съ своей точки зрѣнія, онъ былъ совершенно правъ. Но формальное объявленіе войны послѣдовало не съ его стороны. Какъ только вѣсть о взятіи и разрушеніи Сагунта достигла Рима, тогда и только тогда сенатъ римскій пересталъ совѣщаться о возможности войны, и, видя, что она уже неизбежна, все-таки, для соблюденія установленныхъ формальностей, отправилъ въ Кареагенъ 5 знатныхъ пословъ спросить кареагенскій сенатъ, съ согласія-ли его или нѣтъ Аннибалъ разрушилъ Сагунтъ, и въ первомъ случаѣ объявить войну, а во второмъ требовать выдачи Аннибала. Въ кареагенскомъ сенатѣ произошли по этому случаю жаркія пренія: Ганнонъ и его партія, разумѣется, поддерживали требованія римскихъ пословъ и предостерегали отъ несправедливо начатой войны; но гораздо сильнѣйшая партія Барцинская, опираясь на чувства и мнѣнія большинства націи, объявила себя рѣшительно въ пользу войны. Римскимъ посламъ не высказали этого явно и гласно, а давали такіе же уклончивые отвѣты, что и первому посольству. Тогда одинъ изъ пословъ, Квинтъ Фабій Веррукозъ, выведенный изъ терпѣнія продолжительными обоюдными преніями, объявилъ кареагенскому сенату (по словамъ Полибія), что принесъ имъ на груди подъ своей тогой два жребія: войну или миръ, и спрашивалъ: который изъ нихъ ему угодно будетъ, чтобъ онъ вынулъ?—«Какой тебѣ

будетъ угодно» — единогласно отвѣчалъ сенатъ. Фабій возразилъ, что онъ вынетъ войну, и весь сенатъ въ одинъ голосъ отвѣчалъ: «Принимаемъ ее!» «Итакъ — война!» отвѣчалъ Фабій — и съ этимъ словомъ римскіе послы вышли изъ сената и отправились въ Испанію, гдѣ сначала успѣли вооружить противъ кареагенянъ племя бергузіянъ (близъ нынѣшн. Балагера въ Каталоніи) и нѣкоторые другія племена на лѣвой сторонѣ р. Ибера. Но вольціане или вольцы (близъ нынѣшн. Анисы къ сѣв. отъ Лериды) не захотѣли даже слушать ихъ и прогнали ихъ отъ себя, а по ихъ примѣру и другія племена Испаніи, послѣ паденія Сагунта еще болѣе непріязненные Риму, рѣшительно стали противъ него на сторону Кареагена — обстоятельство, чрезвычайно благоприятное для Аннибала въ самомъ началѣ его труднаго предпріятія. Дабы еще болѣе привязать ихъ къ себѣ, Аннибалъ, расположившій армію свою на зиму 219—18 гг. въ Новомъ Кареагенѣ, позволилъ испанскимъ вспомогательнымъ войскамъ провести зиму у себя на родинѣ.

И такъ миръ былъ прерванъ Аннибаломъ, а война формально объявлена римлянами или, если угодно, ими и кареагенянами въ одно время. Разсмотримъ теперь политическія цѣли и военные: силы, средства, способы, приготовленія и планы съ обѣихъ сторонъ, начавъ съ Рима.

И здѣсь, прежде всего, слѣдуетъ выразить невольное изумленіе по поводу дѣйствій римскаго сената въ послѣдніе годы передъ объявленіемъ войны. Кажется, что обычная мудрость этого, дотошъ столь мудраго, римскаго сената какими-то судьбами подверглась совершеннымъ помраченію и слѣпотѣ и онъ дѣлалъ только непостижимыя и непростительныя ошибки за ошибками. При его зоркой, ревливой наблюдатель-

ности за все, что касалось Картегена и его, отношений къ Риму, сенатъ римскій непостижимымъ образомъ не могъ проникнуть въ истинную цѣль побужденій и дѣйствій. Амилкара, Аздрубала и Аннибала въ Испаніи, не могъ догадаться, для чего имъ нужна была Испанія,—для прегражденія имъ дальнѣйшихъ успѣховъ въ ней принялъ недостойныя его полумѣры, заключеніемъ договора съ Аздрубаломъ, и, убѣжденный въ неминувости новой войны, не дѣлалъ ничего для отвращенія ея или по крайней мѣрѣ для приготовленія себѣ залоговъ наибольшихъ и вѣрнѣйшихъ успѣховъ въ ней, а напротивъ дѣлалъ все для ускоренія ея и еще большаго раздраженія и ожесточенія Картегена, несправедливымъ отнятіемъ у него Сардиніи среди мира и наложеніемъ на него новой контрибуціи въ 1,200 талантовъ. Принявъ подъ свои покровительство и защиту Сагунтъ и другія греческія поселенія въ Испаніи, онъ не оказалъ имъ ни того, ни другой во-время, и какъ бы не желая и даже опасаясь новой войны, вмѣсто отправления войскъ—два раза совершенно бесполезно отправлялъ къ Аннибалу и въ Картегенъ пословъ своихъ терять время въ пустыхъ и безплодныхъ переговорахъ. Наконецъ—что всего важнѣе—когда война уже была неизбежна и даже объявлена, онъ и не подозрѣвалъ, съ какой стороны ему будетъ угрожать страшная опасность. Въ странномъ ослѣпленіи своемъ, онъ былъ убѣжденъ, что театромъ новой войны будетъ по-прежнему—Сицилія и вновь—Испанія. Это видно изъ первыхъ военныхъ распоряженій его по объявленіи войны. Въ 218 году произведенъ былъ наборъ 6-ти римскихъ легионовъ, каждый въ 4,000 чел. пѣхоты и въ 300 чел. конницы, всего 24,000 чел. пѣхоты и 1,800 чел. конницы; союзники выставили 44,000 чел. пѣхоты и 4,000 чел. конницы, что составляло всего-на-все 68,000 чел. пѣхоты, 5,800 чел. конницы и 73,800 чел. всѣхъ вообще войскъ. Кромѣ того былъ снаряженъ флотъ изъ 220 квинкверемъ (въ 5 рядовъ весель) и 20 легкихъ морскихъ судовъ. Эти силы были распределены и получили назначеніе слѣдующаго рода: одинъ изъ консуловъ, Тиб. Семпроній Лонгъ, съ 2-мя римскими легионами, 17,800 чел. союзныхъ войскъ (16,000 чел. пѣхоты и 1,800 чел. конницы), 160 квинкверемами и 12 легкими судами, получилъ назначеніе переправиться въ Сицилію и оттуда въ Африку. Другой консулъ, П. Корнелій Сципіонъ, съ 2 римскими легионами, 14,000 чел. пѣхоты и 1,200 чел. конницы союзниковъ, 60 квинкверемами и 8 легкими судами, получилъ назначеніе переправиться въ Испанію и противудѣйствовать въ ней Аннибалу. Наконецъ преторъ Л. Манлій, съ такими же силами, что и Сципіонъ, по толь-

ко съ 1,000 чел. конницы, былъ посланъ въ Цизальпинскую Галлію, для содержанія ея въ повиновеніи и порядкѣ. (И такъ изъ 73,800 чел. войскъ—26,400 съ Семпроніемъ были посланы въ Сицилію и Африку, 23,800 съ Сципіономъ въ Испанію и 23,600 съ Манліемъ въ Цизальпинскую Галлію. «Это распределеніе силъ показываетъ»—говоритъ генералъ Водонкуръ—«какъ римляне ошибались на-счетъ Аннибала и какъ мало имъ извѣстны были его средства. Они не сомнѣвались въ его намѣреніи напасть на нихъ самихъ въ Италіи *), и не сдѣлали ничего, что было нужно для удержанія его. Усиленные своимъ торжествомъ надъ Картегеномъ въ 1-й войнѣ съ нимъ и послѣ нея, презирая побѣжденных ими картегенянъ, они не считали нужнымъ дѣлать необыкновенныхъ успѣй для новой войны съ нимъ. Они и не подозрѣвали даже, что Аннибалъ имѣлъ и силы, и твердость духа, необходимыя для исполненія замышленнаго имъ предпріятія. Они задумали произвести диверсію въ Африкѣ, но эта диверсія могла быть дѣйствительною только при условіи спокойствія Италіи. Они послали Сципіона напасть на Аннибала въ Испаніи, но дали ему только 22,000 чел. пѣхоты и 1,800 чел. конницы **). Словомъ—и въ числѣ, и въ составѣ, и въ распределеніи военныхъ силъ Рима передъ началомъ войны не видно никакой особенной мудрости, а послѣдующія событія докажутъ даже, что они были крайне ошибочны. Между тѣмъ, по исчисленію Полибія (уже приведенному выше въ главѣ II § 3), римляне въ это самое время могли располагать въ Италіи вооруженными силами, простиравшимися до 700,000 чел. пѣхоты и 70,000 чел. конницы. А они выставили только $\frac{1}{10}$ часть ихъ, что доказываетъ еще разъ, что они въ своемъ ослѣпленіи и не подозрѣвали, что имъ угрожало.

Обратимся теперь къ Аннибалу и посмотримъ, какія онъ сдѣлалъ распоряженія съ своей стороны. Еще въ 219 году, по расположеніи своей арміи на зиму въ Новомъ Картегенѣ, онъ началъ принимать всѣ мѣры для успѣха исполненія своего предпріятія въ 218 году. Прежде всего онъ послалъ довѣренныхъ людей по тому пути, которымъ намѣренъ былъ слѣдовать отъ Новаго Картегена къ Пиренеймъ и Альпамъ, чрезъ земли трансальпийскихъ гал-

*) Едва-ли, какъ будетъ усмотрѣно ниже.

**) При этомъ Водонкуръ замѣчаетъ, что полный составъ всѣхъ римскихъ армій былъ несогласенъ съ общепринятыми у римлянъ правилами (по одному легиону союзниковъ на одинъ легионъ римскій и слѣдовательно всего 6 первыхъ на 6 послѣднихъ), и потому полагаетъ, что тутъ должна быть какая-нибудь ошибка въ текстѣ древнихъ историковъ, что подтверждается и послѣдующими событіями.

ловъ, съ приказаніемъ развѣдать пути чрезъ горы и расположеніе галльскихъ племенъ и ихъ вождей. Посланные имъ люди, воротясь, передали ему, что галлы обнаруживаютъ подозрительность, горы необычайно высоки, а пути чрезъ нихъ чрезвычайно трудны. Но это нимало не устрасило Аннибала и не отклонило его отъ твердаго его намѣренія. Онъ принялъ мѣры для обезпеченія не только Испаніи, но и Африки, и мудро назначилъ для первой цѣли часть африканскихъ войскъ, а для второй часть испанскихъ, а именно: въ Африку онъ отправилъ 13,850 чел. пѣхоты и 1,200 чел. конницы испанскихъ войскъ и 900 балеарскихъ стрѣлковъ; въ Испанію онъ оставилъ брата своего, Аздубала, съ 12,650 чел. пѣхоты (11,850 африканцовъ, 300 лигурійцевъ и 500 балеарскихъ стрѣлковъ), съ 2,550 чел. конницы (450 ливіо-финикійцевъ и африканцовъ, 300 испанцевъ-плергетовъ и 1,800 нумидійцевъ или мавританцовъ), а всего съ 15,200 чел. войскъ, 21 слономъ и 50 морскими судами, большею частию въ 5 рядовъ весель. Наконецъ для похода въ Италію, подъ личнымъ своимъ предводи-

тельствомъ, онъ назначилъ армию числомъ около 90,000 чел. пѣхоты и 12,000 чел. конницы, какъ африканскихъ, такъ и испанскихъ и другихъ европейскихъ войскъ. При арміи находились также 37 слоновъ, вьючныя животныя и тяжести. Вся эта армія къ концу зимы была собрана при Новомъ Картагенѣ и готова къ походу.

Сопоставляя взаимное распредѣленіе силъ съ обѣихъ сторонъ, можно еще болѣе убѣдиться въ ошибочности его со стороны римлянъ. Въ то время, какъ большее число войскъ ихъ — 26,400 — было назначено въ Сицилію и Африку, 23,800 имѣли назначеніе переправиться въ Испанію, гдѣ долженъ былъ оставаться Аздубаль съ 15,200 чел. войскъ, и только 23,600 посланы были въ Цизальпинскую Галлію, куда долженъ былъ направиться Аннибалъ съ главною частью своихъ войскъ, болѣе 100,000 чел. Слѣдовательно римляне, раздѣливъ свои силы на три части, большую направляли въ Африку, а меньшую въ Цизальпинскую Галлію! Дальнѣйшее изложеніе покажетъ, какія послѣдствія должны были произойти изъ этого.

ГЛАВА IV.

ВТОРАЯ ПУНИЧЕСКАЯ ВОЙНА (218—202).

II. Первая половина войны до сраженія при Каннахъ включительно (218—216). — § 18. 1-й походъ 218 г. — Походъ Аннибала отъ Новаго Картагена до р. Родана. — § 19. Мѣры римлянъ. — § 20. Возстаніе цизальпинскихъ галловъ; — переходъ Аннибала черезъ р. Роданъ; — конный бой при р. Роданѣ. — § 21. Походъ Аннибала отъ р. Родана до Альповъ; — отплытіе Корнелія Сципіона въ Италію, а Кнея Сципіона въ Испанію. — § 22. Переходъ Аннибала черезъ Альпы. — § 23. Дѣйствія Аннибала и Корнелія Сципіона въ цизальпинской Галліи; — бой при р. Тицинѣ; — отступленіе Сципіона за р. Тревио. — § 24. Присоединеніе Семпронія къ Корнелію Сципіону; — сраженіе при р. Тревио. — § 25. Зимнія дѣйствія Аннибала и Корнелія Сципіона въ Цизальпинской Галліи. — § 26. Дѣйствія Кнея Сципіона въ Испаніи.

Источники и новѣйшія историческія пособія — указанныя въ главѣ III.

II.

Первая половина войны до сраженія при Каннахъ включительно (218—216).

§ 18.

1-й походъ 218 года.

Походъ Аннибала отъ Новаго Картагена до р. Родана.

Въ концѣ весны 218 года (въ концѣ мая) Аннибалъ двинулся съ предводительствуемою имъ арміею отъ Новаго Картагена чрезъ Этониссу (нынѣ Лумбенсъ, къ ю. з. отъ Ва-

ленсін) къ р. Иберу, черезъ который перешелъ 3-мя колоннами, покорилъ илергетовъ (въ Аррагоніи, между Эбро и Сегрой), баргузіянь (близъ Балагера), авзетанянь (близъ Вича и Хироны) и другія племена, обитавшія у подошвы Пиренеевъ. Покоривъ ихъ не безъ труда и усилій, онъ оставилъ, для управленія ими, Ганнона съ 10,000 чел. пѣхоты и 1,000 чел. конницы, и продолжалъ походъ къ Пиренеямъ. На этомъ походѣ, около 3 т. карпетанцовъ, уstraшенныхъ трудностью и опасностью предпріятія Аннибала, бѣжали изъ арміи. Опасаясь, чтобы мѣры строгости не ожесточили другихъ испанцовъ, Аннибалъ показалъ видъ, будто самъ позволилъ карпетанцамъ удалиться, и выпустилъ еще около 7 т. чел., изъявившихъ желаніе воротиться, чѣмъ хотѣлъ сплскать себѣ расположеніе испанцовъ и обнадежить своихъ воиновъ, что имъ впредь легко можно будетъ получать увольненіе изъ арміи.

Продолжая походъ далѣе къ Пиренеямъ, онъ прибылъ въ Иллиберисъ (нынѣ Эльне, Elne), гдѣ узналъ, что аквитанскіе галлы собрались въ Русцино (нынѣ Перпиньянь), чтобы преградить ему путь. Въ это время армія его состояла уже только изъ 50 т. чел. пѣхоты и 9 т. чел. конницы. Опасаясь замедленія своего похода, онъ успѣлъ переговорами и деньгами склонить галловъ къ мирному пропуску его чрезъ ихъ земли и продолжалъ походъ къ устьямъ р. Родана.

Путь, пройденный имъ отъ Новаго Кар-

еагена до предѣловъ Галліи, Полибій опредѣляетъ слѣдующими разстояніями: отъ Новаго Кареагена до р. Ибера — 2,200 римскихъ стадій (около 55 нѣм. миль или 385 верстъ) и отъ р. Ибера до Эмпорія, небольшого приморскаго городка на границѣ Испаніи и Галліи — 1,600 стадій (около 40 миль или 280 верстъ), всего 3,800 стадій (около 95 миль или 665 верстъ). Но во сколько сутокъ Аннибалъ прошелъ это странство, свѣдѣній не имѣется. На этомъ походѣ армія его уже уменьшилась почти на половину: (изъ 100 т. — 59 т.) и была довольно надежна, хотя, и за удаленіемъ около 10 т. карпетанцовъ и другихъ недовольныхъ, въ ней были, можетъ быть, и еще такіе же, которые охотно ушли бы, если бы могли. Изъ этого легко можно заключить, что Аннибалу необходимо было имѣть много силы и твердости духа и воли, равно и тщательнаго наблюденія, чтобы держать такую армію въ повиновеніи и порядкѣ и вести ее чрезвычайно дальнимъ и труднымъ походомъ чрезъ высокія горы, неудободоступными путями, чрезъ земли непріязненно расположенныхъ галльскихъ племенъ. Хотя до насъ и не дошло никакихъ другихъ свѣдѣній по этому предмету, кромѣ приведенныхъ выше, но не можетъ быть сомнѣнія, что только вліяніе великой личности Аннибала держало армію его въ полныхъ довѣріи и повиновеніи ему.

§ 19.

Мѣры римлянъ.

Между тѣмъ въ Римѣ получено было изъ города Массиліи (нынѣ Марсель), въ Галліи, извѣстіе, что Аннибалъ перешелъ черезъ р. Иберъ и идетъ къ Родану. Казалось, что теперь, когда уже не было никакого сомнѣнія въ истинныхъ намѣреніяхъ Аннибала, римлянамъ слѣдовало бы направить противъ него въ Цизальпинскую Галлію главныя свои силы, оставивъ только часть ихъ для охраненія Сициліи, Сардиніи и Корсики, и вовсе не посылая совершенно напрасно войскъ ни въ Африку, ни въ Испанію. Но, какъ сказано выше, римскій сенатъ былъ постигнутъ непостижимымъ ослѣпленіемъ и даже, по свидѣтельству самаго Тита Ливія, безпокойствомъ и страхомъ. Казалось, что внезапная, непредвидѣнная имъ опасность поразила его до того, что лишила способности спокойно и здраво разсуждать и внушала только страхъ. Подъ вліяніемъ этого, онъ не только ничего не измѣнилъ въ прежнихъ своихъ распоряженіяхъ, но и приказалъ Семпронію, Сципіону и Манлію немедленно отправиться въ назначенныя имъ области, а въ Цизальпинской Галліи — огра-

дить стѣнами римскія поселенія Плаценцію и Кремону, и всѣмъ римскимъ поселенцамъ (до 6 т.) собраться въ нихъ.

Дѣйствительно, Риму угрожала большая опасность: въ Италію шелъ такой полководецъ, какъ Аннибалъ, съ арміей, пріобрѣтшей большую опытность въ продолженіи 18-лѣтней, суровой войны въ Испаніи, противъ воинственныхъ и храбрыхъ племенъ, съ арміей, всегда побѣдоносной и сильно одушевленной одержанными ею побѣдами и взятіемъ и разрушеніемъ могущественнаго Сагунта. Между тѣмъ римляне могли противопоставить ей только новонабранныя войска, а войны въ Сардиніи, Корсикѣ, Иллиріи, Истріи, Лигуріи и Цизальпинской Галліи, по свойствамъ своимъ, скорѣе разстроили римскія войска, нежели доставили имъ большія опытность и пользу. Поэтому дѣйствительно было чего опасаться, но это именно и должно было побудить римскій сенатъ къ принятію, въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, и сообразныхъ съ ними чрезвычайныхъ мѣръ, однако онъ ничего этого не сдѣлалъ.

§ 20.

Возстаніе цизальпинскихъ галловъ; — переходъ Аннибала черезъ р. Роданъ; — конный бой при р. Роданъ.

Вскорѣ опасность для римлянъ стала возрастать все болѣе и болѣе. Первымъ проявленіемъ ея было возстаніе цизальпинскихъ галловъ. Бои, свѣдавъ о переходѣ Аннибала черезъ Пиреней, пропускъ его аквитанскими галлами и движеніи его къ р. Родану, и вѣроятно втайнѣ возбужденные имъ и ожидая скорѣ помощи отъ него, возстали, увлекли за собою инсубровъ и напали на римскихъ поселенцовъ Плаценціи. Находившіеся тамъ римскіе комиссары спаслись въ Мутину (нынѣ Модена) и были осаждены въ ней боями и инсубрами. Преторъ Манлій, находившійся въ то время, какъ кажется, еще на границахъ Лигурии, двинулся съ своею арміею чрезъ Парму къ Мутинѣ. Недовольно благоразумный и осторожный, онъ, поспѣвая къ Мутинѣ, избралъ кратчайшую дорогу, но пролежавшую черезъ густые лѣса около Плаценціи, и едва вступилъ въ нихъ, какъ, идя безъ предосторожностей, попалъ въ засаду и былъ такъ жестоко пораженъ галлами, что едва отступилъ на лѣсную поляну, гдѣ занялъ укрѣпленный лагерь. Галлы не атаковали его снова и удалились, а онъ продолжалъ походъ тѣми же лѣсами, но былъ опять атакованъ и побитъ въ нихъ галлами и принужденъ съ урономъ выйти изъ лѣсовъ и отступить къ Танеду (нынѣ Тенедо близъ Пармы), гдѣ укрѣпился и былъ осажденъ галлами. Въ Римѣ тотчасъ было приказано второму претору Аттилію идти поспѣшно на помощь Манлію, съ однимъ римскимъ легиономъ и 5 т. союзниковъ (всего 9,300 чел.) изъ арміи Сципіона. Узнавъ о движеніи Аттилія, галлы сняли осады Мутины и Танеда.

Сципіонъ же, поспѣшно набравъ новый римскій легионъ, съѣлъ съ своими войсками въ Остіи на суда и вдоль береговъ Лигурійскаго моря прибылъ на 5-я сутки къ Массилии, высадился въ крайнемъ восточномъ устьѣ Родана, расположился на лѣвомъ его берегу лагеремъ и узналъ, что Аннибалъ уже перешелъ черезъ Пиреней, чему никакъ не хотѣлъ вѣрить. Полагая, что Аннибалъ еще далеко и не скоро прибудетъ къ Родану, онъ остался въ своемъ лагерѣ, только выслалъ вверхъ по лѣвому берегу Родана 300 чел. римской конницы и 200 чел. галльской на жаловань жителей Массилии. Это было съ его стороны важною ошибкой: вмѣсто отправления 500 чел. конницы для развѣданія, ему умѣстнѣе было бы самому двинуться впередъ за р. Роданъ, такъ какъ цѣлю его должно было быть прегражденіе Аннибалу пути въ Италию.

Между тѣмъ Аннибалъ, склонивъ и нарбонскихъ галловъ, какъ и аквитанскихъ, частію переговорами и деньгами, частію угрозами, пропустить его, безпрепятственно дошелъ чрезъ нынѣшніе города Нарбонну и Нимъ до р. Родана, въ 4-хъ суткахъ пути отъ устья его, въ земляхъ галльскаго племени вольковъ (Volcae arecomici), близъ нынѣшняго гор. Рокемора (Roquemaure), въ с. отъ Авиньона, пройдя отъ Пиренеевъ до этого мѣста, по Полибію, всего 1,600 стадій (около 40 миль или 280 верстъ). Найдя, что въ этомъ мѣстѣ было удобно переправиться черезъ Роданъ, онъ переговорами и деньгами склонилъ галловъ-вольковъ доставить ему для этого всѣ свои суда и лодки и помочь его войскамъ въ постройкѣ новыхъ. Между тѣмъ галлы-кавары, жившіе на лѣвомъ берегу Родана, собрались на немъ противъ Аннибала, дабы не пропустить его черезъ рѣку. Но Аннибалъ послалъ Ганнона, сына Бомплькарова, съ отрядомъ войскъ, большею частію испанскихъ, ночью, на разстояніе однихъ сутокъ вверхъ по правому берегу Родана, гдѣ на серединѣ рѣки былъ островъ, съ приказаніемъ перейти тамъ черезъ рѣку и скрытно, ночью же, двинувшись внизъ по лѣвому берегу ея, напасть на каваровъ съ тыла, подавъ Аннибалу условленный сигналъ зажженіемъ большаго костра съ большимъ дымомъ. Все это было исполнено въ точности и имѣло полный успѣхъ: Аннибалъ, какъ только увидалъ дымъ костра, немедленно началъ переправу — и кавары, атакованные имъ съ фронта, а Ганнономъ съ тыла, были разбиты и разсѣялись. Затѣмъ Аннибалъ довершилъ переправу своей арміи со всѣми ея тяжестими, выючными животными и слонами (что описано у Полибія и Тита Ливія съ большими подробностями), расположился на лѣвомъ берегу, противъ мѣста переправы, лагеремъ и, узнавъ, что при устьяхъ Родана находилась римская армія (Сципіона), выслалъ для развѣданія о ней, внизъ по лѣвому берегу Родана, 500 чел. нумидійской конницы. Такимъ образомъ въ одно и то же время, на встрѣчу одни другимъ, шли по 500 чел. конницы съ обѣихъ сторонъ. Они встрѣтились недалеко отъ лагеря Аннибала (какъ полагаютъ — около нынѣшняго Сорга, Sorgues) и немедленно вступили въ упорный бой, въ которомъ римляне потеряли 140, а нумидійцы 200 человекъ, но наконецъ послѣдніе были опрокинуты, а римская конница приблизилась къ лагерю Аннибала, высмотрѣла его и воротилась къ своей арміи.

Положеніе Аннибала послѣ переправы черезъ Роданъ было довольно трудное: главною цѣлію его было — какъ можно скорѣе перейти черезъ Альпы и вступить въ Италію, а между тѣмъ время уже было къ концу лѣта, со стороны Альповъ находились галлы, а со стороны моря римская армія, и куда бы онъ ни обратился, онъ имѣлъ бы въ тылу за собою либо римлянъ, либо галловъ, и даже могъ бы подвергнуться одновременному нападенію ихъ съ фронта и съ тыла. Но, дорожа временемъ и твердо намѣренный не сражаться съ римскою арміею прежде, нежели достигнетъ Италіи, и потому всячески избѣгать ея и удалиться отъ нея, онъ рѣшился — идти къ Альпамъ и въ этомъ и обстоятельства, и сами римляне много способствовали ему.

Во 1-хъ бои прислали къ нему пословъ съ извѣстіемъ, что цизальпійскіе галлы возстали противъ римлянъ, что послѣдніе находились въ такомъ положеніи, что не могли и помышлять о направленіи противъ него къ Альпамъ единственной арміи (Манлія и Аттилія), которую имѣли въ Цизальпійской Галліи; при этомъ жители послѣдней просили Аннибала скорѣе прибыть въ ихъ страну, обширную, богатую всѣми дарами природы и обитаемую народами, ненавидѣвшими римлянъ и расположенными къ кареагенянамъ, отъ которыхъ надѣялись получить помощь. Черезъ этихъ же пословъ Аннибалъ, безъ сомнѣнія, получилъ и надлежащія свѣдѣнія о путяхъ и проходахъ черезъ Альпы въ Цизальпійскую Галлію и о галльскихъ племенахъ, обитавшихъ на этомъ пространствѣ. Передавъ все это своимъ войскамъ, Аннибалъ одушевилъ ихъ мужествомъ и твердостью къ предпріятію и совершенію перехода черезъ Альпы въ Цизальпійскую Галлію, такъ что они были вполне расположены къ преодолѣнію всѣхъ трудностей и опасностей его.

Во 2-хъ со стороны римлянъ обстоятельства благопріятствовали Аннибалу тѣмъ, что, сверхъ ошибочнаго распредѣленія римлянами своихъ силъ, Манлій, по собственной своей винѣ, былъ разбитъ цизальпійскими галлами, что принудило усилить его половиною арміи Корнелія Сципіона, который съ остальною половиною уже не въ состояніи былъ, съ увѣренностью въ успѣхѣ, удержать Аннибала на Роданѣ или вос-

препятствовать движенію его къ Альпамъ и черезъ нихъ. И хотя Сципіонъ, по возвращеніи своей конницы, немедленно двинулся со всѣми своими войсками къ тому мѣсту, гдѣ конница его высмотрѣла лагерь Аннибала, но прибылъ туда уже на 3-й день послѣ выступленія Аннибала къ Альпамъ, и увѣренный, что Аннибалъ употребитъ очень много времени на переходъ черезъ Альпы, а опъ, Сципіонъ, успеетъ гораздо скорѣе его воротиться въ Италію и преградить ему путь при выходѣ изъ Альповъ, воротился въ свой лагерь при устьѣ Родана и отсюда положилъ послать брата своего, Кнеія Сципіона, съ наибольшею частию войскъ, моремъ въ Испанію, самому же съ наименьшею частию воротиться моремъ же въ Италію — новая и важная ошибка его. Все это доказываетъ, что Корнелій Сципіонъ, какъ и римскій сенатъ, хотя и признавалъ трудность и опасность положенія Рима и Италіи, но не въ надлежащихъ ясности и мѣрѣ, и неправильно, слишкомъ надѣясь на себя, преувеличивалъ трудность предпріятія Аннибала, считая его даже невозможнымъ и главное — не имѣя истиннаго понятія о характерѣ и искусствѣ Аннибала. Отъ начала до конца, всѣ распоряженія его были ошибочны: вмѣсто того, чтобы самому со всѣми войсками двинуться за Роданъ противъ Аннибала, онъ послалъ только 500 чел. конницы для развѣданія, а по возвращеніи ея, хотя и двинулся противъ Аннибала, но узнавъ, что онъ уже пошелъ къ Альпамъ, воротился къ морю и положилъ послать брата своего въ Испанію, а самому воротиться въ Италію. Такимъ образомъ вообще римляне, вмѣсто того, чтобы главные свои силы направить немедленно и съ фронта, и съ тыла противъ Аннибала и развѣ только часть силъ въ Испанію, — въ самую критическую для нихъ минуту неблагоприятно и неосторожно раздробили свои силы, вездѣ были слабы, особенно противъ Аннибала, и какъ будто сами нарочно открывали ему путь въ Италію. Наибольшая же вина въ данное время, именно на Роданѣ, падаетъ на долю Корнелія Сципіона, который, подобно римскому сенату, также находился и дѣйствовалъ въ состояніи какого-то непостижимаго ослѣпленія. А послѣдствія этого были чрезвычайно важны.

§ 21.

Походъ Аннибала отъ Родана до Альповъ; — отплытіе Корнелія Сципіона въ Италію, а Кнеія Сципіона въ Испанію.

И такъ, въ одно и то же время, Корнелій Сципіонъ отправился моремъ въ Пизу, Кнеій Сципіонъ моремъ на флотѣ въ Испа-

нію, а Аннибалъ двинулся къ Альпамъ. Но по какому направленію и пути? Отсюда, хотя и не съ самаго начала, возникаетъ

большое разногласіе со стороны новѣйшихъ писателей, старавшихся опредѣлить направление и путь похода Аннибала къ Альпамъ и черезъ Альпы въ Италію, основываясь на показаніяхъ Полибія и Тита Ливія. И хотя оба эти историка болѣе или менѣе согласны между собою въ своихъ показаніяхъ, но трудность удовлетворительнаго разрѣшенія вопроса, какимъ именно путемъ Аннибалъ прошелъ черезъ Альпы, заключалась въ томъ, что въ эпоху, когда онъ совершилъ этотъ переходъ, все пространство пройденнаго имъ края между Роданомъ и Тициномъ или по крайней мѣрѣ верхнимъ Падомъ (По), обитаемое независимыми племенами трансальпинскихъ галловъ, было вовсе неизвѣстно римлянамъ. Полибій, родившійся въ 202 (по другимъ въ 204) году, лично посѣтилъ всѣ пути перехода Аннибала черезъ Альпы — уже лѣтъ 30 или болѣе послѣ того, однако могъ еще отъ старожиловъ получить нужныя указанія и описываетъ всѣ мѣста съ болыими точностью и вѣрностью. Титъ-Ливій же родился почти полтора вѣка позже (въ 59 г. по Р. Х.), заимствовалъ свои свѣдѣнія изъ Полибія, но самъ не посѣщалъ пути, пройденнаго Аннибаломъ, хотя въ его время пути черезъ Альпы были уже гораздо болѣе извѣстны римлянамъ. Но и тотъ и другой, въ эпоху событія, которое они имѣли описывать, находя мѣстность эту весьма малоизвѣстною, страны и племена — безъ имени, опредѣленныхъ границъ, не имѣя возможности означать мѣстности иначе, какъ характеромъ ихъ, перѣдко общимъ многимъ частямъ этихъ горъ, по необходимости должны были оставить намъ много неопредѣлительности на счетъ пути, которымъ слѣдовалъ Аннибалъ, и особенно того пункта горнаго хребта Альповъ, черезъ который онъ проникъ въ Италію. Поэтому многіе новѣйшіе писатели XVIII и XIX вѣковъ посвятили свои труды специальнымъ ученымъ изслѣдованіямъ для разъясненія означенной неопредѣлительности и разрѣшенія трудно разрѣшимаго вопроса, упомянутаго выше. И хотя труды ихъ разъяснили весьма многое и одни болѣе, другіе менѣе вѣроподобно указали путь слѣдованія Аннибала, за всѣмъ тѣмъ, въ строгомъ смыслѣ, вопросъ этотъ и до сихъ поръ остается и навсегда, кажется, долженъ остаться неразрѣшеннымъ: ибо кому когда возможно будетъ положительно утверждать, что Аннибалъ дѣйствительно прошелъ по такому, а не по иному пути? И хотя, собственно въ военно-историческомъ отношеніи, вопросъ этотъ и не составляетъ особенной важности, такъ какъ достаточно знать, что Аннибалъ перешелъ черезъ Альпы и совершилъ этотъ переходъ съ немовѣрными затрудненіями, смѣлостью, но и осторожностью, твердостью и рѣшительностью, и какое

вліяніе это имѣло на его армию, ея походъ и послѣдующія военныя дѣйствія, однако и за всѣмъ тѣмъ нельзя во 1-хъ не сдѣлать различія между болѣе или менѣе близкими или дальними, легкими или трудными, путями и пунктами перехода Аннибала черезъ Альпы и во 2-хъ не рассмотреть для того вкратцѣ главныя, существующія на этотъ счетъ, мнѣнія.

Руководствомъ въ этомъ могутъ служить, изъ числа всѣхъ посвященныхъ этому предмету сочиненій, преимущественно два: одно — *Histoire critique du passage des Alpes par Annibal etc., par J. L. Larauza, ancien maître de conférences à l'école normale, 8e Paris 1826*, а другое — *D-r Zander: Der Heereszug Hannibals über die Alpen, Hamburg 1823 и 1828*, — въ которыхъ собраны и критически рассмотрѣны всѣ результаты новѣйшихъ изслѣдованій. Изъ нихъ первое особенно замѣчательно тѣмъ, что авторъ его употребилъ на это самыя тщательныя критическія изслѣдованія текстовъ Полибія, Тита Ливія и всѣхъ новѣйшихъ писателей, и провѣрилъ ихъ лично самымъ строгимъ образомъ на всѣхъ путяхъ чрезъ Альпы. Слѣдствіемъ этого было то, что онъ раздѣлилъ вообще на три системы тѣ части Альповъ, черезъ которыя долженъ былъ перейти Аннибалъ: 1-ю — Альповъ пеннинскихъ, 2-ю — Альповъ греческихъ и 3-ю — Альповъ коттическихъ (*cottiennes ou maritimes*), т. е. прибрежныхъ или приморскихъ. Черезъ послѣдній путь Аннибала направляютъ, черезъ **Monte-Viso** — Marquis de Saint-Simon (1770 г.) *), abbé Denina (1790 — 92 и 1805) и Reichhardt; — черезъ **Mont-Génevre**: одинъ — Honoré Bouche (1664), Folard (1728), Dutems (1788), Vaudoncourt (1812) и comte de Fortia d'Urban (1812) — черезъ Col de Sestrières и долину Pragelas, а другой — d'Anville, Gibbon (1796) и Letronne (1819) — чрезъ долину d'Oulx et d'Exiles до Susa и Rivoli; — черезъ **Mont Cénis**: Simler, Mann (1770), Grosley (1764), Graf von Stolberg (1794) и Saussure, — а Albanis Beaumont (1806) — черезъ долину Viù и Lanz къ с. в. отъ Mont Cénis; — черезъ **греческія Альпы** и именно черезъ **Малый Сенъ-Бернардъ** (*Centronis jugum*): римскій историкъ Coelius Antipater, Ferguson (1783), генералъ Melville (1812), Deluc (1818), который рассмотрѣлъ этотъ вопросъ лучше всѣхъ, и Larenaudière, который принялъ съ нѣкоторымъ измѣненіемъ мнѣніе Делюка; — и наконецъ черезъ **пеннинскія Альпы** и именно черезъ **Большой Сенъ-Бернардъ**: Плиній старшій, le père Ménéstrier (иезуитъ)

*) Въ скобкахъ означены годы изданія сочиненій этихъ писателей.

(1697), Chrétien de Lorges (1789), Cluvier, Bourrit, Whitaker (1794), de Landine и de Rivaz (1813).

И такъ изъ 29 писателей, 3 были за Monte Viso, 8 за Mont Genève, 6 за Mont Cénis, 5 за Малый Сенъ-Бернардъ и 8 за Большой Сенъ-Бернардъ, но съ наибольшими: согласіемъ съ Полибіемъ и Титомъ Ливіемъ, основательностью и вѣроподобностью — тѣ 6, которые объявляютъ себя за Mont Cénis, почему мы и будемъ руководствоваться преимущественно ими, раздѣливъ весь путь Аннибала на 3 части: 1) отъ Рокемора или правильнѣе Монфокона (Montfaucou) на лѣвомъ берегу Родана или Роны—до входа въ Альпы, 2) отъ входа въ Альпы—до выхода изъ нихъ,—и 3) отъ выхода изъ Альповъ до Турина, и означая каждый путь нынѣшними мѣстными названіями, въ своемъ мѣстѣ, по порядку времени и изложенія.

И такъ Аннибалъ, простоявъ три дня въ лагерѣ при Монфокопѣ, двинулся оттуда вверхъ по лѣвому берегу Роны до впаденія въ нее р. Изеры (Isère, древняя р. Изара), куда и прибылъ на 4-я сутки похода чрезъ Оранжъ, Монтелимаръ и Валансъ. При этомъ вся пѣхота шла впередъ, за нею всѣ тяжести и выючныя животныя, а самъ Аннибалъ съ слонами и конницей въ хвостѣ, для прикрытія движенія со стороны арміи Сципіона. Отъ Монфокона до устья р. Изеры онъ прошелъ 600 римскихъ

стадій (около 77½ верстъ) въ 4 сутокъ, съ небольшимъ по 19 верстъ въ сутки, безпрепятственно.

Прибывъ къ слиянію рр. Роны и Изеры, образовавшему такъ-называемый у Полибія и Тита Ливія островъ аллоброговъ, по имени обитавшихъ на Изерѣ племень галловъ, Аннибалъ нашелъ тутъ двухъ братьевъ, спорившихъ о господствѣ надъ аллоброгами. Разсудивъ ихъ между собою по мнѣнію большинства народа и старѣйшихъ его и по строгой справедливости, онъ принялъ сторону старшаго брата, по имени Бранка, ввелъ его во владѣніе и тѣмъ спискалъ себѣ въ немъ признательнаго и полезнаго союзника, который снабдилъ его продовольствіемъ, теплою одеждой и всѣмъ нужнымъ для перехода черезъ Альпы и вызвался проводить его до входа въ нихъ.

Затѣмъ Аннибалъ продолжалъ походъ вверхъ по лѣвому берегу р. Изеры, черезъ земли трикастиновъ, воконтиевъ и трикоріевъ (принадлежавшихъ къ общему племени аллоброговъ), чрезъ нынѣшнія Сенъ-Назеръ, Гренобль и Жіеръ до Монмелиана и впаденія р. Арки въ р. Изеръ съ лѣвой стороны. Въ продолженіи 10-ти дней этого похода онъ прошелъ 800 стадій (около 100 съ небольшимъ верстъ, уже по 10-ти верстъ въ сутки), не будучи тревожимъ галльскими племенами, потому-ли, что былъ сопровождаемъ Бранкомъ, или потому, что галлы не смѣли нападать на него на мѣстности, еще мало гористой и довольно открытой.

§ 22.

Переходъ Аннибала черезъ Альпы.

Пройдя 800 стадій вверхъ по лѣвому берегу р. Изеры, въ меньшемъ или большемъ разстояніи отъ него, онъ повернулъ, параллельно изгибу его съ с.-в. на ю.-з., нѣсколько вправо, къ первому ущелью, ведшему уже въ главный хребетъ Альповъ. Въ эти времена Бранкъ, сопровождавшій его, возвратился назадъ, а обитавшіе въ этихъ мѣстахъ галлы того же главнаго племени аллоброговъ заняли высоты, господствовавшія надъ ущельемъ, черезъ которое ему нужно было проходить. Аннибалъ остановился въ лагерѣ противъ ущелья и выслалъ находившихся при немъ галловъ впередъ для развѣданія мѣстности его и непріятеля. Воротясь, они сообщили ему, что непріятель занималъ высоты надъ ущельемъ только днемъ, на ночь же возвращался въ близъ-лежавшій городъ свой. Тогда Аннибалъ на слѣдующій день рано утромъ перенесъ свой лагерь къ самому входу въ ущелье; ночью же, оставивъ въ лагерѣ огни, самъ съ отборными войсками дви-

нулся впередъ въ ущелье; за нимъ послѣдовали остальные войска и въ хвостѣ ихъ тяжести, слоны и наконецъ конница. Аннибалъ съ передовыми войсками ночью же занялъ высоты надъ ущельемъ, а аллоброги, воротясь поутру и найдя ихъ занятыми, изъ боковыхъ ущелій напали на хвостъ Аннибаловой арміи, тяжести и конницу, и привели ихъ въ такіе беспорядокъ и разстройство, что Аннибалъ былъ принужденъ съ войсками, занимавшими высоты, спуститься внизъ для отраженія галловъ. Снявъ однихъ и обративъ въ бѣгство другихъ, онъ провелъ всю армію чрезъ ущелье и двинулся прямо къ ближайшему городу галловъ, брошенному ими, завладѣвъ въ немъ множествомъ лошадей, скота и продовольствія, и далъ тутъ своей арміи одни сутки отдыха. Этотъ первый бой съ галлами при входѣ въ Альпы (нынѣ между Croix d'Aiguebelle и Argenteuil, близъ слиянія р. Аркы съ р. Изеръ) стоилъ ему однако довольно значительной потери въ людяхъ, лошадяхъ,

вьючныхъ животныхъ и тяжестяхъ, и по свойству мѣстности едва не сдѣлался весьма опаснымъ для его арміи. Притомъ онъ задержалъ его на четверо сутокъ (въ томъ числѣ 1 сутки отдыха). Это было уже около половины октября.

На 5-я сутки отъ входа въ Альпы, Аннибалъ двинулся впередъ и три дня шель безъ препятствій со стороны мѣстности и непріятеля, слѣдуя вверхъ то по лѣвой, то по правой сторонѣ р. Аркѣ, въ меньшемъ или большемъ разстояніи отъ нея, чрезъ тѣ мѣста, гдѣ нынѣ находятся Saint-Jean de Maurienne, Saint-Michel, Lessaussaye, Modane и Villaraudin. Въ этихъ мѣстахъ находятся глубокія долины съ богатыми лугами и растительностью, въ которыхъ Аннибалъ и расположилъ армію на ночь лагеремъ и имѣлъ обильныя пастбища для лошадей и скота.

На 7-я сутки на встрѣчу Аннибалу вышли многочисленныя толпы туземцовъ, съ зелеными вѣтвями и вѣнками, въ знакъ мира, и объявили, что не желая ни ему, ни себѣ отъ него зла, желаютъ мира съ нимъ и предлагаютъ заложниковъ. Аннибалъ не довѣрялъ имъ, однако согласился, но принялъ предосторожности. Туземцы дали ему заложниковъ, скота и повели армію его далѣе на 7-я и 8-я сутки.

Но на 8-я сутки, тѣ галлы, которые напали на Аннибала въ первомъ ущельѣ, снова собрались и бросились вслѣдъ за нимъ и напали на него съ тыла и съ горъ сверху въ то самое время, когда армія его проходила чрезъ узкое и глубокое ущелье, труднодоступное и съ пропастями по сторонамъ. Армія Аннибала могла бы тутъ подвергнуться величайшей опасности, еслибы Аннибалъ не принялъ заранѣе предосторожности послать конницу съ тяжестями въ головѣ, а пѣхоту въ хвостѣ; послѣдняя и приняла на себя ударъ галловъ и воспрепятствовала нанесенію арміи гораздо большаго урона. Тѣмъ не менѣе галлы, низвергая сверху ущелья огромныя каменья, распространили въ арміи Аннибала такіе безпорядокъ и страхъ, что Аннибалъ былъ принужденъ цѣлую ночь провести съ половиною войскъ на одномъ бѣломъ (по словамъ Полибія) холмѣ, для обезпеченія прохода конницы съ тяжестями.

Это мѣсто соотвѣтствуетъ ущелью между нынѣшними Thermignon и Lans-le-Bourg, на правомъ, обрывистомъ берегу р. Аркѣ, образуемомъ огромными, совершенно обнаженными скалами, противъ которыхъ, на лѣвомъ берегу р. Аркѣ, находится скала бѣлаго гипса, называемая жителями le rocher blanc или le plan de roche blanche или le rocher du plan de la Bormette, и вершина которой образуетъ совершенно обнаженное, бѣлаго цвѣта плато, снизу поросшее соснами. Она могла служить Аннибалу крѣпкою и надеж-

ною позиціей, съ которой онъ могъ обезпечивать отъ галловъ, стрѣлками и пращниками, прохождение своей конницы съ тяжестями.

На 9-я сутки галлы удалились и Аннибалъ продолжалъ подниматься къ перевалу черезъ Mont-Cénis, слѣдуя по прежнему долиною р. Аркѣ. На этомъ походѣ галлы нападали на него уже не массами, а отдѣльными толпами, въ выгодныхъ для нихъ мѣстахъ, то спереди, то сзади, при чемъ всегда успѣвали выхватывать часть тяжестей. Въ этихъ обстоятельствахъ слоны были очень полезны, потому что, наводя страхъ на галловъ, принуждали ихъ бѣжать отъ нихъ. Въ срединѣ или къ концу 9-го дня похода армія Аннибала достигла наконецъ вершины Mont-Cénis (нынѣ нѣсколько далѣе chalet de la Meut), входъ на которую со стороны Савойи — одинъ изъ самыхъ легкихъ и наименѣе опасныхъ во всѣхъ Альпахъ. Разстояніе отъ Lans-le-Bourg до вершины армія Аннибала могла пройти около 18 римскихъ миль (или 18 съ небольшимъ верстъ). Тутъ Аннибалъ расположилъ армію лагеремъ и далъ ей 2 дня отдыха (10-я и 11-я сутки). Мѣсто лагеря ея, безъ сомнѣнія, было не на самой вершинѣ, но на находящейся пониже ея равнинѣ, довольно длинной и широкой, покрытой лугами, имѣющей по срединѣ озеро съ отличною водою и весьма умѣренную, даже въ глубокую осень, температуру воздуха. Такимъ образомъ она во всѣхъ отношеніяхъ представляла большія удобства для расположенія на ней арміи Аннибала лагеремъ. По словамъ Полибія, онъ расположился тутъ въ эпоху заката плеядъ, что въ его время соотвѣтствовало 26-му октября нов. ст.

Полибій говоритъ далѣе, что Аннибалъ, замѣтивъ уныніе, распространившееся между большею частию его воиновъ, смущенныхъ мыслию о претерѣнныхъ и ожидаемыхъ ими трудахъ и лишеніяхъ, указалъ имъ равнины на берегахъ р. Пады, напомнилъ имъ доброе расположеніе обитавшихъ тамъ галловъ, указалъ даже направленіе, въ которомъ находился Римъ, и тѣмъ ободрилъ ихъ до нѣкоторой степени. Дѣйствительно, ниже того мѣста, гдѣ былъ расположенъ лагерь Аннибала, на полускатѣ есть возвышенный выступъ, откуда тѣмъ, которые слѣдуютъ изъ Савойи, въ ясную погоду открывается равнина Сузы и даже вдали Туринъ. Этотъ выступъ, какъ полагаютъ нѣкоторые, находится на горѣ Saint-Martin, впереди Малаго Монъ-Сеннса, и представляетъ видъ вдоль Сузской долины на Туринъ. Между тѣмъ ни съ Большаго, ни съ Малаго Сенъ-Бернарда не видно ни равнинъ Италіи, ни какихъ-либо другихъ — еще одно изъ многихъ доказательствъ, что Аннибалъ перешелъ черезъ Монъ-Сеннсъ.

На 12-я сутки Аннибалъ началъ спускаться съ Монъ-Сеннса, безъ сопротивленія со сто-

роны туземцовъ, исключая нѣсколькихъ хищниковъ, скрытно старавшихся захватить нѣкоторыя изъ тяжестей. Но чрезвычайно трудная, крутая и обрывистая мѣстность и выпавшій глубокий снѣгъ были причиной большей потери Аннибаломъ людей и животныхъ, нежели въ продолженіи всего похода дотолѣ въ горахъ. Вскорѣ армія пришла къ такому мѣсту, гдѣ, по случаю недавняго обвала земли и слишкомъ узкаго прохода, надъ краемъ глубокой и узкой пропасти, на днѣ которой текла рѣчка, ни слонамъ, ни вьючнымъ животнымъ невозможно было идти далѣе. Аннибалъ хотѣлъ, но не могъ обойти этого мѣста, былъ принужденъ остановиться тутъ и приказалъ войскамъ расчищать путь, который былъ бы удобенъ для прохода слоновъ и вьюковъ. А когда это было исполнено, онъ выслалъ впередъ всю конницу и всѣхъ вьючныхъ животныхъ пастись на такихъ мѣстахъ ниже, гдѣ еще не было снѣга. Только на 3-й день послѣ того, т. е. на 15-я сутки вся армія съ слонами успѣла постепенно спуститься съ этихъ мѣстъ на равнины р. Пада, въ земли инсубровъ. Здѣсь у него оставалось уже только 12 т. чел. африканской пѣхоты, около 8 т. испанской и 6 т. чел. конницы; «какъ» — прибавляетъ Полибій — «онъ самъ означилъ въ надписи, вырѣзанной на колоннѣ въ Луциніѣ» (передъ удаленіемъ своимъ изъ Италіи въ Африку, см. ниже).

Таково вкратцѣ повѣствованіе Полибія о спускѣ Аннибала съ Альповъ въ долину р. Пада. По новѣйшимъ объясненіямъ спуска его съ Монъ-Сениса, онъ былъ остановленъ на нынѣшнемъ пути отъ Grand-Croix къ plaine St-Nicolas la Ferrière, расположилъ армію на plaine St-Nicolas и приказалъ возстановить удобную для прохода слоновъ и вьючныхъ животныхъ, обвалившуюся дорогу на краю узкой и глубокой пропасти, на днѣ которой течетъ рѣчка Cénise; послѣ того что, какъ вѣроятно, пытался обойти этотъ обвалъ, спустившись въ пропасть, что ему не удалось и стоило гибели многихъ людей, лошадей и вьючныхъ животныхъ и слоновъ. Разработка пути продолжалась 2 сутокъ (12-я и 13-я); на 13-я онъ отправилъ лошадей конницы и всѣхъ вьючныхъ животныхъ пастись на томъ мѣстѣ ниже, которое нынѣ находится между селеніемъ Novalesе и городомъ Сузой и даже въ глубокой долиніѣ Сузы, гдѣ снѣгу не было, но были пастбищныя луга. На 14-я сутки онъ провелъ, по достаточно разработанной уже дорогѣ, слоновъ и самъ со всею остальною арміею слѣдовалъ за ними до мѣста расположенія конницы и вьюковъ. На 15-я же сутки онъ со всею арміею двинулся уже отъ Сузы далѣе внизъ по теченію р. Доріи (Doria) къ Риволи, находящемуся уже при выходѣ изъ Альповъ на

равнины, въ 8-ми миляхъ отъ Туринна. Долина, въ которой лежитъ Суза, сначала стѣснена еще высокими горами, но постепенно расширяется и послѣдними горами суть: направо — Mont St-Michel или Monte Richeriano, а слѣва, далѣе — Mont Musinet. По спускѣ же съ высотъ, на которыхъ находится городъ Риволи, начинаютъ уже равнины вплоть до Туринна и далѣе. У Риволи Аннибалъ расположилъ армію лагеремъ и далъ ей отдыхъ. У подошвы Альповъ въ этомъ мѣстѣ начинались уже земли цизальпинскихъ галловъ и именнo племеніи тавриновъ, главный городъ которыхъ (во времена римской имперіи названный Augusta Taurinorum) находился тамъ, гдѣ нынѣ Туринъ.

Такъ совершилъ Аннибалъ знаменитый переходъ свой черезъ Альпы, по описанному выше пути черезъ Монъ-Сенисъ, въ пользу котораго, въ сравненіи съ другими путями, говорятъ весьма многія и вѣскія доказательства, главными между которыми можно указать слѣдующія: 1) по этому пути, на каждомъ шагу находимъ Полибія и Тита Ливія въ полномъ согласіи между собою и съ мѣстностью, тексты ихъ взаимно поясняются безъ труда и успія, разъясняютъ и мѣста, черезъ которыя пролегаетъ этотъ путь, и всѣ происходившіе на немъ случаи, всѣ обстоятельства перехода Аннибала черезъ Альпы возстановляются на этомъ пути вполне удовлетворительно, а разстоянія вездѣ въ строгой точности соотвѣтствуютъ указываемымъ Полибіемъ; 2) весь путь этотъ по долинамъ р.р. Роны, Изеры, Арки и Доріи, только съ переваломъ между двумя послѣдними — самый естественный и вѣроподобный, въ такую эпоху, когда въ Альпахъ и по обѣимъ сторонамъ ихъ не существовало еще никакихъ искусственныхъ дорогъ, проложенныхъ римлянами только гораздо позже, по завоеваніи Галліи, — и наконецъ 3) этотъ путь, постоянно слѣдующій вверхъ по теченію рѣкъ до ихъ истоковъ, былъ древнѣйшій, служившій, безъ сомнѣнія, съ отдаленныхъ временъ, для сообщеній дикихъ и полудикихъ народовъ, обитавшихъ по ту и другую сторону Альповъ, а равно и для набѣговъ и нашествій трапсальпинскихъ галловъ на Италію. Всѣхъ этихъ преимуществъ не представляетъ ни одинъ изъ трехъ другихъ путей черезъ Альпы, ни черезъ Монте-Визо, ни черезъ Монъ-Женевръ, ни въ особенности черезъ Большой и Малый Сенъ-Бернардъ. Не разсматривая ихъ въ подробности, укажемъ только пункты направленія ихъ, для возможности сравненія съ путемъ черезъ Монъ-Сенисъ:

1) Путь чрезъ Монте-Визо направляется отъ мѣста переправы Аннибала черезъ Рону вверхъ по долиніѣ р. Aigues, впадающей близъ этого мѣста въ Рону съ лѣвой стороны, отъ истоковъ р. Aigues переходя

дуть черезъ горный перевалъ въ долину р. Durance и черезъ Gap, Chorges, Emburn и Montdauphin лѣвыми притоками р. Durance выходитъ на Монте-Визо, отсюда спускается къ истокамъ р. По и направляется къ Пиньеролю или къ Турину.

2) Путь черезъ Mont-Génevre или отъ Montdauphin къ истоку р. Durance, отсюда черезъ la Vachette и Cezanne къ Пиньеролю или къ Сузѣ, или отъ Гренобля вверхъ по долинѣ р. Drac до ея истока и оттуда чрезъ Gap и далѣе, какъ указано выше, либо наконецъ отъ Гренобля чрезъ Vizille, Bourg d'Oysans, Pied du Lautaret, la Vachette и далѣе, какъ указано выше.

3) Путь черезъ Малый Сенъ-Бернардъ—отъ устья р. Изеры вверхъ по лѣвому берегу р. Роны до Vienne, а оттуда чрезъ Bourgoin, St. Genix, Yenne, le Bourget, Chambéry и Montmeillan, вверхъ по правому берегу р. Изеры, чрезъ Conflans, Moustiers, Малый Сенъ-Бернардъ, Aoste, Bard и Yvrée къ Турину.

И наконецъ 4) самый дальний и трудный путь чрезъ Большой Сенъ-Бернардъ—отъ Vienne вверхъ по лѣвому берегу р. Роны до Женевского озера, вдоль южнаго берега его до Villeneuve, а оттуда вверхъ по лѣвому берегу р. Роны до Martigny, Branchies и Большой Сенъ-Бернардъ къ Aoste и далѣе, какъ указано выше.

Не говоря уже о всѣхъ вообще свойствахъ и достоинствахъ этихъ путей, особенно двухъ послѣднихъ, достаточно прослѣдить ихъ по подробной картѣ, чтобы удостовѣриться въ бѣднѣхъ или менѣхъ неудобствахъ ихъ сравнительно съ путемъ чрезъ Монъ-Сенисъ.

Неизлѣпимъ признано было войти здѣсь въ нѣкоторыя подробности касательно всѣхъ этихъ путей, съ одной стороны—для того, чтобы уяснить по возможности переходъ Аннибала черезъ Альпы, а съ другой стороны потому, что въ новѣйшихъ военно-историческихъ сочиненіяхъ пути этого перехода показаны различно (напримѣръ у Водонкура—по долинамъ рр. Роны, Дромы, праваго притока Дюрансы и самой этой послѣдней чрезъ Монъ-Женевръ, — у Лоссау—чрезъ Малый Сенъ-Бернардъ по пути, указанному выше, и пр.), болѣе или менѣе подробно или кратко, либо только съ оговоркой, что вопросъ этотъ изслѣдованъ многими, но не разрѣшенъ вполне никѣмъ, и что сводъ этихъ изслѣдованій можно найти въ указываемыхъ сочиненіяхъ.

Обратимся теперь къ общимъ результатамъ всего перехода Аннибала черезъ Альпы, въ отношеніи къ пройденному имъ разстоянію, къ времени и къ урону и оставшимся силамъ его арміи.

Выше было сказано, что онъ предпринялъ походъ изъ Новаго Кареагена позднею весною (безъ сомнѣнія по вскрытіи рѣкъ и съ началомъ подножнаго корма), съ арміею, силы которой простирались до 102 т. войскъ, изъ числа которыхъ онъ оставилъ 11 т. съ Ганнономъ въ Испаніи на лѣвой сторонѣ р. Ибера. По переходѣ черезъ Пиренеи (вѣроятно въ началѣ лѣта); въ арміи его уже было только 50 т. чел. пѣхоты и 9 т. чел. конницы. Походъ отъ Пиренеевъ къ Родану, отъ Родана къ Альпамъ и черезъ Альпы въ Италію до Риволи онъ совершилъ въ теченіи лѣта и 1-й половины осени, ибо перешелъ черезъ вершину Альповъ въ концѣ октября и спустился съ нихъ въ началѣ ноябрю. Въ Риволи, у подошвы Альповъ, въ арміи его оставалось уже только 20 т. чел. пѣхоты и 6 т. чел. конницы въ строю, слѣдовательно въ продолженіи всего похода отъ Новаго Кареагена до Италиіи число пѣхоты его уменьшилось на 70 т., а конницы лишь на 6 т. (послѣдняя убыль служить доказательствомъ, какъ онъ особенно берегалъ свою конницу). Отъ перехода же черезъ Роданъ до вступленія въ Италію онъ потерялъ до 30 т. чел. пѣхоты и 3 т. чел. конницы, а по свидѣтельству римскаго историка Цинція Алмента, приводимому Титомъ Ливіемъ, всего до 36 т. войскъ.

Въ отношеніи къ пройденному имъ разстоянію, слѣдуетъ сказать, что, по исчисленію Полибія, онъ прошелъ отъ Новаго Кареагена до р. Ибера—2,200 римскихъ стадій или 275 римскихъ миль (болѣе 275 верстъ), отъ р. Ибера до Эмпорія на границахъ Испаніи и Галліи—1,600 стадій или 200 миль (болѣе 200 верстъ), отъ Эмпорія до р. Родана—столько же, отъ р. Родана до Альповъ—1,400 стадій или 175 миль (болѣе 175 верстъ) и отъ входа въ Альпы до выхода изъ нихъ 1,200 стадій или 150 миль (болѣе 150 верстъ), а всего 8,000 стадій или 1,000 римскихъ миль (болѣе 1,000 верстъ) въ 6 мѣсяцовъ (считая отъ мая до ноябрю).

Касательно самаго перехода черезъ Альпы, слѣдуетъ сказать, что въ отношеніи трудности, опасности и урона, онъ представляетъ три послѣдовательныя степени: 1-ю наименьшую—отъ р. Родана до входа въ Альпы, 2-ю, болѣе—отъ входа въ Альпы до вершины ихъ и 3-ю, наибольшую—отъ вершины ихъ до подошвы. Отъ Родана до Альповъ походъ его не представлялъ особенныхъ трудностей, опасности и урона, но восхожденіе на Альпы—гораздо болѣе, а спускъ съ нихъ на равнины Италиіи—всего болѣе. По свидѣтельству Полибія и Тита Ливія, на одномъ короткомъ спускѣ съ Альповъ, на разстояніи, составлявшемъ $\frac{1}{3}$ разстоянія отъ входа въ Альпы до ихъ вершины и въ теченіи только 4-хъ

сутокъ, Аннибалъ претерпѣлъ несравненно болѣе трудности, опасности и урона, хотя и не сражался съ галлами, нежели при подъемѣ на Альпы, составлявшемъ $\frac{2}{3}$ разстоянія, въ теченіи 11 сутокъ, хотя онъ на этомъ послѣднемъ походѣ два раза сражался съ галлами. Это произошло во 1-хъ оттого, что всѣ вообще всходы на Альпы со стороны Франціи и Савойи гораздо длиннѣе и болѣе покаты, чѣмъ спуски ихъ къ сторонѣ Пьемонта въ Италию, гдѣ они несравненно короче и круче, почти отвѣсны и пересѣчены высокими горами и глубокими долинами *),— и во 2-хъ оттого, что Аннибалъ совершилъ восхожденіе на Альпы, перевалъ черезъ нихъ и спускъ съ нихъ уже въ концѣ октября и началѣ ноября, когда въ Альпахъ уже выпадаетъ много свѣжаго снѣга, который днемъ таетъ, а ночью замерзаетъ. Аннибалъ избѣжалъ бы трудностей отъ этой послѣдней причины, еслибы могъ перейти черезъ Альпы мѣсяцомъ ранѣе, но, какъ изъ вышеизложеннаго легко усмотрѣть, это было для него невозможно.

Въ общемъ выводѣ, о походѣ его изъ Испаніи въ Италию слѣдуетъ сказать, что онъ стоилъ ему много времени и труда и былъ сопряженъ съ большими опасностями и уро-

номъ въ людяхъ, лошадяхъ, вьючныхъ животныхъ и слонахъ (изъ 37-ми которыхъ осталось меньше половины) и явился въ Италию лишь съ 26 т. войскъ, изнуренныхъ дальнимъ и труднымъ походомъ, едва-ли не упавшихъ духомъ, особенно въ виду того, что война съ римлянами еще не началась, а только теперь должна была начаться, и какая война, и съ какими государствомъ?—которое, какъ мы видѣли, могло, въ случаѣ надобности, выставить до 800 т. войскъ! Что же значила передъ этимъ горсть 26 т. войскъ Аннибала? И еслибы Аннибалъ былъ человѣкъ и полководецъ обыкновенный, то все его предпріятіе можно было бы назвать чистымъ безуміемъ. Но потому именно, что Аннибалъ былъ не только необыкновенный, но и великій человѣкъ и полководецъ, заранѣе все предусмотрѣвшій, сообразившій и рассчитавшій, предпріятіе его и составляетъ одинъ изъ величайшихъ подвиговъ, не только древности, но и всѣхъ временъ, имѣло начало и послѣдствія необычайныя и всегда и для всѣхъ, особенно для военныхъ людей, будетъ предметомъ, достойнымъ удивленія и изученія.

§ 23.

Дѣйствія Аннибала и Корнелія Сципіона въ цизальпинской Галліи; — бой при р. Тицинѣ;—отступление Сципіона за р. Требію.

Аннибалъ, спустившись съ Альповъ на равнины, далъ своей арміи два дня отдыха въ земляхъ тавриновъ (у нынѣшняго Риволи). Таврины были въ войнѣ съ инсубрами, союзными съ Аннибаломъ, который и старался примирить ихъ и привлечь тавриновъ къ себѣ, но тщетно. Поэтому онъ двинулся къ главному городу ихъ (нынѣ Туринъ), обложилъ его и на третій день взялъ съ бою приступомъ, при чемъ, въ наказаніе и для примѣра, истребилъ всѣхъ жителей города. Это навело такой страхъ на тавриновъ и сосѣднія племена, что они покорились Аннибалу.

Возбуждавъ возстаніе цизальпинскихъ гал-

ловъ, онъ съ перваго же шага хотѣлъ поддержать и наградить тѣхъ изъ нихъ, которые были въ союзѣ съ нимъ, строго наказывать тѣхъ, которые осмѣливались быть противъ него, и тѣмъ показать разницу между дѣйствіями его и римлянъ. Послѣдніе не помогли во-время Сагунту, были виновниками разрушенія его и тѣмъ охладили къ себѣ союзниковъ своихъ. Для усмиренія возставшихъ инсубровъ и боіевъ они приняла слабые мѣры, которыя имѣли неудачу, Сципіона бесполезно послали къ Массилин, а Семпронія столь же бесполезно въ Сицилію. Сенатъ же римскій былъ въ страхѣ и оцѣпѣненіи, не производилъ новыхъ наборовъ и не принималъ никакихъ рѣшительныхъ мѣръ противъ грозившей опасности, чѣмъ держалъ всѣ народы Италиі въ недоумѣніи и колебаніи. Все это не могло не быть извѣстнымъ Аннибалу черезъ цизальпинскихъ галловъ, и онъ былъ слишкомъ искусенъ, чтобы не воспользоваться тѣмъ какъ можно скорѣе и, двинувшись впередъ, поддержать цизальпинскихъ галловъ, возбудить всеобщее и рѣшительное возстаніе между ними, воспользоваться всѣми ихъ силами, средствами и способами, лишить оныхъ ближайшую римскую армію

*) Такъ, на примѣръ, если изобразить путь, пройденный Аннибаломъ отъ входа въ Альпы со стороны Монмеляна, черезъ Монъ Сенисъ, до Риволи—въ профилѣ, то представится треугольникъ, одинъ бокъ котораго, отъ Монмеляна до Монъ-Сениса (высота котораго французскими учеными показывается въ 982 туаза надъ поверхностью Средиземнаго моря), составитъ $\frac{2}{3}$ всего разстоянія отъ Монмеляна до Риволи, съ возвышеніемъ довольно пологимъ, а другой бокъ, отъ вершины Монъ-Сениса до Риволи—только $\frac{1}{3}$ всего разстоянія и со скатомъ къ Италиі весьма крутымъ, почти отвѣснымъ.

(Манлиа и Аттилия) и отбросить ее из Цизальпинской Галлии решительным ударомъ. Но прежде нежели двинуться для этого впередъ, ему необходимо было обезпечить себя съ тыла, чего онъ и достигъ взятіемъ главнаго города тавриповъ, истребленіемъ его жителей и принужденіемъ тавриновъ и сосѣднихъ племенъ къ покорности.

Достигнувъ этого, онъ двинулся внизъ по лѣвой сторонѣ р. Пада и вскорѣ узналъ, что Сципіонъ уже воротился въ Итацію и идетъ съ арміею къ р. Паду, чему сначала никакъ не хотѣлъ вѣрить.

Между тѣмъ Сципіонъ дѣйствительно, изъ своего лагеря близъ Массилии отправивъ брата своего Кнеія Сципіона съ войскомъ моремъ въ Испанію, самъ моремъ же вдоль береговъ отплылъ въ Этрурію, высадился въ Пизѣ, принявъ начальствованіе надъ войсками Манлиа и Аттиліа, новонабранными, неопытными и устранными вслѣдствіе претерпѣнныхъ ими неудачъ, и успешными переходами двинулся къ р. Паду, по направленію къ Павіи близъ устья р. Тицина, дабы, напасть на Аннибала при самомъ выходѣ его изъ Альповъ, прежде нежели армія его могла бы отдохнуть отъ трудовъ перехода черезъ нихъ. Но на походѣ къ р. Паду онъ съ изумленіемъ узналъ, что Аннибалъ уже перешелъ черезъ Альпы и точно также никакъ не хотѣлъ вѣрить этому, какъ и Аннибалъ—его скорому возвращенію въ Итацію и движенію къ р. Паду. Переправясь черезъ эту рѣку нѣсколько ниже устья р. Тицина, Сципіонъ расположился лагеремъ близъ Павіи и старался одушевить свои войска необходимостью и несомнѣнностью побѣды надъ Аннибаломъ. Между тѣмъ побѣда надъ нимъ вовсе не была несомнѣнна, потому что выгоды были не на сторонѣ Сципіона. Войскъ у него было только 18 т. чел. пѣхоты и 1,800 чел. конницы, и вмѣсто того, чтобы расположиться и ждать Аннибала на правомъ берегу Пада, онъ ошибочно перешелъ на лѣвую его сторону, гдѣ на обширныхъ равнинахъ ничтожная числомъ конница его не могла съ надеждой на успѣхъ дѣйствовать противъ конницы Аннибала (которая, какъ мы видѣли, состояла изъ 6 т. чел.). Эта рѣшимость Сципіона идти противъ Аннибала, съ цѣлію вступить съ нимъ въ бой на открытыхъ равнинахъ, съ слабою конницею, была слишкомъ отважна и далеко не благоразумна.

Аннибалъ съ своей стороны, двигаясь по лѣвой сторонѣ р. Пада, употребилъ, по словамъ Полибія, слѣдующее средство для убѣжденія своихъ войскъ въ томъ, что имъ оставалось только побѣдить или умереть. Онъ собралъ передъ ними плѣнныхъ галловъ, взятыхъ въ Альпахъ, приказалъ заключить ихъ въ оковы и бить, а потомъ,

разложивъ передъ ними драгоцѣнные одежды, оружіе и т. п., спросилъ плѣнныхъ, кто изъ нихъ желаетъ сражаться между собою для полученія этихъ драгоцѣнностей и съ ними свободы. Всѣ вызвались на это и по жребію были назначены изъ нихъ тѣ, которые должны были сражаться. Войска Аннибала, пожалѣвъ неучаствовавшихъ въ бою и падшихъ въ немъ, поздравили побѣдителей, а Аннибалъ представилъ своимъ войскамъ, что ихъ положеніе совершенно тоже и что имъ также остается только побѣдить или умереть, и этимъ, говоритъ Полибіи, чрезвычайно поднялъ духъ въ нихъ.

Приблизясь къ р. Тицину, онъ расположился лагеремъ въ земляхъ инсубровъ, при Виктумилии (близъ нынѣшней Новары), и выслалъ Магарбала съ 800 чел. нумидійской конницы для разоренія земель союзныхъ съ римлянами галловъ, но съ приказаніемъ по возможности щадить ихъ, для привлеченія ихъ на свою сторону.

Между тѣмъ Сципіонъ построилъ (близъ нынѣшней Павіи) мостъ черезъ р. Тицинь, прикрылъ его укрѣпленіемъ и расположился впередъ лагеремъ, а на другой день двинулся вверхъ по правому берегу Тицина, выславъ впередъ часть своей конницы для развѣдыванія. Въ тоже время Аннибалъ двинулся внизъ по правому берегу Тицина. И онъ и Сципіонъ, узнавъ отъ высланной ими конницы о движеніи ихъ одного противъ другаго, на слѣдующій день лично произвели рекогносцировку, Аннибалъ—со всею своею конницею, а Сципіонъ—съ конницею и пѣшими велитами, оставивъ каждый пѣхоту свою сзади въ лагеряхъ. По сближеніи ихъ, оба построили свои войска въ боевой порядокъ: Сципіонъ—правымъ флангомъ къ Тицину, пѣя велитовъ и галльскую конницу впередъ въ 1-й линіи, а римскую и союзную конницу позади во 2-й, Аннибалъ же—лѣвымъ флангомъ къ Тицину, поставивъ въ одну линію кареагенскую тяжелую конницу въ серединѣ, а легкую нумидійскую по флангамъ, такъ что линія фронта его была длиннѣе римской. Римскіе велиты открыли бой, но видя, что кареагенская конница двигается противъ нихъ въ порядкѣ, бѣгомъ отступили за свою конницу сквозь промежутки. Затѣмъ произошелъ упорный конный бой, въ которомъ обѣ стороны нѣсколько разъ атаковали одна другую. Но нумидійская конница охватила оба фланга римской и падала на нее и велитовъ съ обонхъ фланговъ и съ тыла. Велиты бросились въ промежутки своей конницы и тѣмъ стѣснили и смѣшали ее, и вскорѣ римская конница, атакованная спереди, съ боковъ и сзади, была приведена въ совершенное разстройство, увеличившеся еще вслѣдствіе того, что Сципіонъ былъ тяжело раненъ и едва спасся 17-ти лѣтнимъ сыномъ своимъ (впоследствии знаменитымъ Сципіо-

номъ младшимъ африканскимъ). Большая часть римской конницы разсѣялась и бѣжала въ свой лагерь пазади, а остальная отступила туда, прикрывая Сципіона. Римляне понесли большой уронъ, но кареагеняне еще большій. Аннибалъ не преслѣдовалъ римскую конницу, вѣроятно потому, что ожидалъ подкрѣпленія оной римскою пѣхотой и не хотѣлъ съ одною своею конницею вступать въ общую битву и подвергнуться случайностямъ ея.

Сципіонъ, слишкомъ поздно убѣдившись въ числительномъ превосходствѣ кареагенской конницы на удобныхъ для ея дѣйствій равнинахъ и сдѣлавъ большую ошибку тѣмъ, что не двинулъ свою пѣхоту за конницею, на этотъ разъ благоразумно перешелъ обратно, не только за р. Тицинь, но и за р. Падъ и отступилъ ко входу въ горы на правомъ берегу его, черезъ который Аннибалу слѣдовало идти въ Итацію. А Аннибалъ,

узнавъ объ отступленіи Сципіона, двинулся вслѣдъ за нимъ, но не могъ перейти черезъ р. Падъ по мосту, который Сципіонъ развелъ, и двинулся вверхъ по лѣвому берегу Падъ, перешелъ черезъ него (близъ пынѣшняго Камбіо) по построенному имъ, Аннибаломъ, мосту и выслалъ Магона съ конницею впередъ, для развѣданія объ арміи Сципіона, а самъ съ арміею остановился въ лагерь. Тутъ союзные съ римлянами галлы лѣвой стороны Падъ прислали ему пословъ съ предложеніемъ союза, войскъ и продовольствія.

Сципіонъ, отступивъ за р. Требію, расположился на правомъ берегу ея, у подошвы высокихъ горъ (близъ пын. Нивіано), на гористой и пересѣченной мѣстности, неудобной для дѣйствій кареагенской конницы. Нумидійская конница преслѣдовала его до Требин.

§ 24.

Присоединеніе Семпронія къ Корнелію Сципіону;—сраженіе при р. Требин.

Между тѣмъ римскій сенатъ наконецъ приказалъ Семпронію съ его арміею присоединиться къ арміи Сципіона. Семпроній, отправивъ свою армію Адриатическимъ моремъ въ Ариминій (Римини), оставилъ въ Сициліи претора Марка Эмплія съ 50 большими судами, Помпонія послалъ въ Калабрію, для защиты береговъ Италіи, а самъ съ 10-ю судами также отправился въ Ариминій и отсюда немедленно двинулся съ своею арміею успешными переходами къ р. Требин, гдѣ и соединился съ арміею Сципіона.

Аннибалъ съ своей стороны двинулся внизъ по правой сторонѣ Падъ и расположился на правомъ берегу праваго притока его, р. Тидоне, вблизи отъ р. Требин. Тутъ лигурійцы предложили ему присоединиться къ нему и снабдить его продовольствіемъ. Не смотря на это, Аннибалъ видѣлъ необходимость имѣть въ тылу за собою какой-нибудь крѣпкій и надежный складочный пунктъ и для этого хотѣлъ осадить и взять Кластидій (нынѣ Кастеджіо), гдѣ у римлянъ были большіе магазины. Но онъ овладѣлъ имъ и безъ осады, подкупивъ римскаго начальника этого города, а съ взятыми при этомъ римскими плѣнниками поступилъ великодушно. Затѣмъ видя, что галлы-анаманы, обитавшіе между р.р. Падомъ и Требіей, не присоединяются къ нему и не препятствуютъ римлянамъ добывать себѣ изъ ихъ земель продовольствіе, и имѣя вмѣстѣ съ тѣмъ въ виду завлечь слишкомъ пылаго и неосторожнаго Семпронія въ общую битву, Аннибалъ послалъ 2 т. чел. пѣхоты и 1 т.

чел. конницы разорять земли ачанановъ. Послѣдніе просили помощи консуловъ. Сципіонъ, уже наученный опытомъ, совѣтовалъ не помогать имъ и утомлять Аннибала медленіемъ и выжиданіемъ. Но Семпроній былъ совсѣмъ другаго мнѣнія, настоялъ на томъ, чтобы помочь ачананамъ и выслалъ большую часть конницы и 1 т. стрѣлковъ для нападенія на кареагенянъ, разорявшихъ и грабившихъ земли ачанановъ. Кареагеняне были разбиты, но, получивъ подкрѣпленія, въ свою очередь разбили римлянъ. Тогда самъ Семпроній вышелъ изъ лагеря со всею конницею и легкою пѣхотой и прогналъ кареагенянъ. Однако Аннибалъ не двинулся впередъ изъ своего лагеря, безъ сомнѣнія для того, чтобы еще болѣе увеличить пыкость и самоувѣренность Семпронія, и не ошибся. Семпроній, гордясь одержаннымъ успѣхомъ, сталъ помышлять о скорѣйшемъ вступленіи въ общую битву съ арміею Аннибала. Тщетно Сципіонъ отговаривалъ его отъ этого: Семпроній, опасаясь быть предупреждену выздоровленіемъ Сципіона или скорымъ выборомъ новыхъ консуловъ, положилъ воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ для одержанія побѣды надъ Аннибаломъ.

Послѣдній желалъ этого столько же, сколько и Семпроній, какъ потому, что лучший изъ двухъ консуловъ, Сципіонъ, былъ раненъ, а другой былъ слишкомъ пылокъ и неостороженъ, войска же ихъ не имѣли боевой опытности, такъ и потому, что справедливо признавалъ крайне невыгоднымъ для себя оставаться въ бездѣйствіи. Зная очень

хорошо свойства обоихъ консуловъ, и ихъ войскъ, и галловъ, легкомысленныхъ и непостоянныхъ, увѣдомляемый галльскими лазутчиками о всемъ, что происходило въ римскомъ лагерѣ, и хорошо изучивъ мѣстность между обѣими арміями — открытую равнину, на правой сторонѣ которой протекалъ ручей въ глубокомъ оврагѣ, поросшемъ густымъ и колючимъ кустарникомъ, — онъ расположилъ въ немъ, въ ближайшемъ разстояніи отъ римскаго лагеря, въ засадѣ, младшаго брата своего, Магона, съ 1 т. чел. пѣхоты и 1 т. чел. конницы. А на слѣдующій день на разсвѣтѣ онъ выслалъ за Требию нумидійскую конницу тревожить римлянъ и велѣлъ всей своей арміи приготовиться къ бою.

При первомъ извѣстіи о нападеніи нумидійцевъ, Семпроній тотчасъ выслалъ противъ нихъ всю конницу, за нею 6,000 чел. пѣхоты и наконецъ самъ вышелъ изъ лагеря со всѣми остальными войсками, причемъ передъ тѣмъ не ѣвшими. Это было въ самомъ началѣ зимы, шель снѣгъ и вода въ Требиі отъ дождей поднялась высоко. Римскія войска сначала съ большою пылкостью преслѣдовали нумидійцевъ, которые, притворно отступая съ боемъ, заманивали ихъ за собою. Но когда римляне перешли черезъ Требию въ бродъ по грудь, то отъ холода и голода такъ ослабѣли, что едва могли держать оружіе въ рукахъ.

Тогда Аннибалъ выслалъ впередъ около 8,000 балеарскихъ стрѣлковъ и легкой пѣхоты, чтобы заслонить остальную армію свою, съ которою двинулся за ними и въ которой всѣ войска успѣли подкрѣпить себя пищей. Въ пѣкоторомъ разстояніи впереди своего лагеря онъ построилъ 20,000 чел. своей пѣхоты фалангой въ одну линію, въ серединѣ которой поставилъ галловъ, по обѣимъ сторонамъ ихъ африканцовъ, а на флангахъ испанцовъ. Конницу же свою, числомъ (вмѣстѣ съ вспомогательною галльскою) до 10,000 чел., онъ поставилъ поровну на флангахъ, но въ пѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ правѣе и лѣвѣе, дабы она не находилась противъ римской пѣхоты, но могла охватить римскую конницу. Впереди промежутковъ же между пѣхотой и конницей онъ поставилъ слоновъ. Все это было глубоко соображено и вѣрно рассчитано.

Между тѣмъ Семпроній отозвалъ назадъ свою конницу и построилъ обѣ римскія арміи (16,000 чел. римской и 20,000 чел. союзной пѣхоты и 4,000 чел. римской и союзной конницы, всего 40,000 войскъ) обыкновеннымъ строемъ въ 3 линіи, съ велитами впереди и конницей по флангамъ.

Бой передовыхъ легкихъ войскъ былъ столько же выгоденъ для кареагенскихъ, сколько невыгоденъ для римскихъ. Аннибалъ, отозвавъ свои, поставилъ ихъ позади слоновъ, между тяжелой пѣхотой и конницей. Велиты же отступили за триаріевъ, а принципы, вступивъ въ промежутки гастатовъ, образовали съ ними одну линію, въ видѣ фаланги, числомъ въ 20,000 или 21,000 чел. Но фланги этой линіи, встрѣтивъ слоновъ, понуждаемыхъ сзади легкою пѣхотой, не могли подвигаться впередъ. Въ это время фланговая кареагенская конница ударила съ фронта и обонхъ фланговъ противъ римской и, легко и скоро опрокинувъ ее, частью преслѣдовала ее, а частью съ нумидійцами напала на римскую пѣхоту съ фланговъ и тыла, въ то самое время, когда обѣ линіи тяжелой пѣхоты съ обѣихъ сторонъ пришли въ столкновеніе и середина римской линіи принудила середину кареагенской отступить. Но фланги римскихъ линій, атакованные съ фронта и тыла слонами, легкой пѣхотой и конницей Аннибала, были отодвинуты назадъ, между тѣмъ какъ середина римскихъ линій двигалась впередъ, отчего вся римская боевая линія образовала строй въ видѣ клина, вершина или голова котораго прорвала наконецъ середину кареагенской линіи, гдѣ находились галлы и африканцы, и нанесла тѣмъ и другимъ сильное пораженіе и большой уронъ. Но, этимъ самымъ уже отрѣзанная отъ своихъ фланговъ, она отступила, въ числѣ около 10,000 чел., къ Плаценціи. Фланги же римскихъ армій, совершенно окруженные и отдѣленные одинъ отъ другаго слонами, легкой пѣхотой, конницей и, изъ засады, войсками Магона, пришли въ величайшій безпорядокъ и были почти совсѣмъ истреблены. Часть ихъ успѣла пробиться, но погибла въ Требиі, или въ бѣгствѣ была истреблена слонами и конницей кареагенской; немногіе только успѣли присоединиться къ войскамъ, отступившимъ къ Плаценціи, или спастись въ свой лагерь. Кареагеняне преслѣдовали римлянъ только до Требиі. Побѣда Аннибала была полная и совершенная, а уронъ его арміи болѣе значителенъ между галлами, пежелами между африканцами, испанцами и другими войсками. Но вся армія Аннибала сильно пострадала отъ сырости и холода и потеряла отъ того много людей и лошадей; слоновъ же осталось уже очень мало. Сципіонъ, съ лагерною стражей и остатками армій, въ ту же ночь отступилъ въ Плаценцію, гдѣ и соединился съ Семпроніемъ и его войсками. Затѣмъ Семпроній лично отправился въ Римъ, а войска остались подъ начальствомъ Сципіона.

§ 25.

Зимнія дѣйствія Аннибала и Корнелія Сципіона въ цизальпинской Галліи.

Сципіонъ оставался въ строго-оборонительномъ положеніи, тщательно избѣгая всякаго боя съ Аннибаломъ и совершенно предоставивъ въ его власть окрестную страну. Аннибалъ, казалось бы, долженъ былъ и могъ бы нанести вторичный и рѣшительный ударъ римскимъ арміямъ, находившимся въ Плаценціи, или въ бою въ открытомъ полѣ, или осадой либо обложеніемъ Плаценціи принудивъ ихъ положить оружіе. Но онъ очень хорошо зналъ осторожный характеръ и образъ дѣйствій Сципіона и что не заманитъ и не вовлечетъ его, какъ Семпронія, въ бой. Осадъ ни онъ, ни войско его не любили, да притомъ онъ и не имѣлъ при себѣ пужныхъ осадныхъ машинъ и орудій. Обложение потребовало бы много времени и было бы для него не только бесполезно, но и вредно во многихъ отношеніяхъ, а между тѣмъ онъ былъ почти увѣренъ, что Сципіонъ будетъ держаться въ Плаценціи до тѣхъ поръ, пока не прибудутъ новаго набора армій. Сверхъ того Аннибалъ, все предусматривавшій, рассчитывавшій и взвѣшивавшій, видѣлъ ясно, что хотя и превосходилъ Сципіона въ конницѣ, но уступалъ ему въ пѣхотѣ, и наконецъ, что ему, Аннибалу, слѣдовало тщательно заботиться о продовольствованіи своей арміи и особенно благоразумно и осторожно дѣйствовать въ отношеніи къ союзникамъ своимъ, цизальпинскимъ галламъ, между которыми легко могло возникнуть неудовольствіе на войну въ ихъ странѣ — войну, тяжесть которой они должны были нести безъ особенныхъ выгодъ для себя. Но съ другой стороны Аннибалъ сознавалъ также, что ему не только нельзя было оставаться въ бездѣйствіи, но и напротивъ слѣдовало сколько можно болѣе и лучше пользоваться одержанною имъ побѣдой. Поэтому всѣ дальнѣйшія зимнія дѣйствія его противъ Сципіона и въ отношеніи союзныхъ цизальпинскихъ галловъ были основаны на этихъ соображеніяхъ, а именно — всячески и какъ можно болѣе вредить Сципіону и его союзникамъ въ краю, и привлекать къ себѣ и удерживать на своей сторонѣ цизальпинскихъ галловъ. Съ этою цѣлію онъ сталъ разорять своею нумидійскою конницею всѣ окрестности Плаценціи, такъ что Сципіону наконецъ можно было пріобрѣтать продовольствіе не иначе, какъ по р. Паду. Сверхъ того Аннибалъ этимъ отрѣзалъ Сципіону сообщенія съ Этруріей, откуда онъ долженъ былъ и могъ ждать подкрѣпленій и подвозовъ. Дабы лишить Сципіона средствъ по-

лучать продовольствіе и по р. Паду, онъ положилъ внезапнымъ ночнымъ нападеніемъ овладѣть небольшимъ укрѣпленнымъ городомъ Эмпоріемъ (Emporium Placentiorum), находившимся на правомъ берегу Пада, нѣсколько къ с. отъ Плаценціи. Ночью онъ двинулся къ нему съ конницею и легкой пѣхотой; но римскія стражи подняли тревогу и такой громкій крикъ, который былъ услышанъ въ Плаценціи, и Сципіонъ немедленно двинулся съ конницею къ Эмпорію, благоразумно приказавъ слѣдовать за собою пѣхотѣ въ боевомъ порядкѣ. Въ происшедшемъ конномъ бою, Аннибалъ былъ раненъ, а конница его опрокинута и прогнана. Получивъ облегченіе отъ раны, Аннибалъ, дабы вознаградить себя за неудачу предпріятія противъ Эмпорія, положилъ взять укрѣпленное и занятое римлянами мѣстечко Видукумъ, на границѣ земель галловъ-анамановъ и Лигуринъ, для обезпеченія сообщеній своихъ съ этою послѣднею. Окрестные жители, искавшіе убѣжища въ Видукумѣ, вышли на встрѣчу Аннибалу, но были разбиты имъ и опрокинуты въ Видукумъ, гдѣ распространили такой страхъ, что она на слѣдующій день сдѣлалась Аннибалу. Дабы утратить римскіе гарнизоны другихъ городовъ, Аннибалъ истребилъ римскій гарнизонъ Видукума, а самый этотъ городокъ предалъ своимъ войскамъ на разграбленіе. Затѣмъ въ остальное время зимы Аннибалъ далъ своимъ войскамъ отдыхъ, а между тѣмъ всячески старался укрѣпить союзъ свой съ цизальпинскими галлами, всѣми мѣрами привлекая ихъ и довѣріе и расположеніе ихъ къ себѣ, пріобрѣтать новыхъ союзниковъ, обезпечивать способы продовольствованія своей арміи и принимать всѣ необходимыя мѣры для открытія дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій съ первою, раннею весною.

Но еще въ самомъ концѣ зимы (въ февралѣ 217 года), по уменьшеніи холода, онъ двинулся со всею арміею вверхъ по долинѣ Требинъ, съ тѣмъ чтобы чрезъ отрогъ Аппениновъ, отдѣляшій Лигурию отъ Этруринъ, вступить въ послѣднюю, миромъ или силой привлечь ее на свою сторону и предупредить въ ней римскія арміи новаго набора. Но при всходѣ на этотъ горный отрогъ онъ былъ застигнутъ такою страшною бурей, какой не претерпѣвалъ даже въ Альпахъ, съ величайшимъ трудомъ взшелъ на горы, далѣе же идти никакъ не могъ, былъ принужденъ воротиться и, потерявъ много людей, лошадей, вьючныхъ животныхъ и еще 7 слоновъ изъ оставшихся у него, рас-

положились лагеремъ недалеко отъ Плаценціи.

Сюда между тѣмъ уже воротился изъ Рима Семпроній. По своему пылкому, но неблагоразумному характеру, не наученный опытомъ сраженія при р. Требін, онъ двинулся противъ Аннибала, первый напалъ на него въ открытомъ полѣ, оттѣснилъ его до самаго его лагеря и даже атаковалъ его въ немъ, но, послѣ упорнаго съ обѣихъ сторонъ боя, подалъ сигналъ къ отступленію. Аннибалъ двинулъ за нимъ изъ своего лагеря всю свою пѣхоту въ серединѣ съ фронта, а конницу противъ обонхъ фланговъ его. Произшедшій вслѣдствіе того жестокий и кровопролитный бой былъ прекращенъ только на-

ступленіемъ почти и стоплѣ обѣимъ сторонамъ равнаго урона (до 600 чел. пѣхоты и 300 чел. конницы съ каждой стороны), но весьма чувствительнаго для римлянъ тѣмъ, что у нихъ были убиты многіе римскіе всадники, 5 военныхъ трибуновъ и 3 префекта союзниковъ.

Послѣ этого, Аннибалъ и Семпроній заняли зимнія квартиры, первый въ Лигуріи, а послѣдній — въ Луккѣ и окрестностяхъ. Лигурійцы присоединились къ Аннибалу и въ знакѣ вѣрности выдали ему взятыхъ ими въ плѣнъ 2-хъ квесторовъ, 2-хъ военныхъ трибуновъ и 5 всадниковъ римскихъ, почти все сыновей римскихъ сенаторовъ.

§ 26.

Дѣйствія Кнеія Сципіона въ Испаніи.

Между тѣмъ какъ это происходило въ сѣверной Италіи, Кнеій Сципіонъ, высадившись въ Испаніи близъ Пиренеевъ, частію миролюбно, частію силой оружія покорилъ испанскія племена близъ моря и Пиренеевъ и двинулся къ Иберу, разбилъ при Циссѣ Ганнона, хотѣвшаго прѣградить ему путь, взялъ его и испанскаго вождя Индибиллса

въ плѣнъ и пошелъ далѣе. Но Аздрубаль съ 9 т. войскъ перешелъ черезъ Иберъ, произвелъ внезапное нападеніе на высадившихся съ римскаго флота на берегъ гребцовъ и воиновъ, большую часть ихъ истребилъ, а остальную прогналъ на ихъ суда и затѣмъ расположился на зимувъ Новомъ Картеагенѣ, а Кнеій Сципіонъ близъ нынѣшней Таррагоны.

ГЛАВА V.

ВТОРАЯ ПУНИЧЕСКАЯ ВОЙНА (218—202).

(Продолженіе).

II. Первая половина войны до сраженія при Каннахъ включительно (218 — 216). § 27. 2-й походъ 217-го года. — Приготовленія римлянъ и Аннибала. — § 28. Переходъ Аннибала черезъ болота реки Арна. — § 29. Сраженіе при Тразименскомъ озерѣ. — § 30. Фабій — диктаторъ; — движеніе Аннибала въ Апулію и Кампанію; — дѣйствія его и Фабія; — дѣла при тѣснинахъ горы Галликанской и при Геруніѣ. — § 31. Дѣйствія на морѣ, въ Африкѣ и въ Испаніи. — § 32. 3-й походъ 216-го года. — Приготовленія римлянъ и Аннибала. — § 33. Взятіе Аннибаломъ замка Каннъ; — сраженіе при Каннахъ. — § 34. Мѣры римлянъ и Аннибала; — возстаніе въ Италіи. — § 35. Дѣйствія Аннибала и римлянъ въ Кампаніи; — 1-й бой при Полѣ; — Аннибалъ зимою въ Кануѣ. — § 36. Дѣйствія въ Испаніи; — положеніе обѣихъ сторонъ въ концѣ 216 г.

Источники и историческія пособія — указаны въ главѣ III.

II.

Первая половина войны до сраженія при Каннахъ включительно (218 — 216).

§ 27.

2-й походъ 217-го года.

Приготовленія римлянъ и Аннибала.

Въ февралѣ 217-го года, въ Римѣ, одинъ изъ двухъ вновь избранныхъ консуловъ, Фламиній, былъ, какъ нарочно, самаго дурнаго права. Гордый, самонадѣянный и, подобно Семпронію, неблагоразумно пылкій и неосторожный, онъ началъ съ того, что возбудилъ неудовольствіе и сената, уже недовольнаго его первымъ передъ тѣмъ консульствомъ, и народа. Онъ не захотѣлъ ждать установленнаго времени вступленія своего въ должность и отправился въ Ариминій, не исполнивъ никакихъ религіозныхъ обрядовъ, требуемыхъ закономъ, и приказавъ Семпронію, съ бывшею его арміею, назначенною по жребію Фламинію, ждать его въ Ариминіѣ. Сенатъ послалъ вслѣдъ за нимъ требованіе воротиться въ Римъ, но Фламиній не послушался и, присоединивъ къ своей арміи (бывшей Семпроніевой) 2 легиона Аттилія, назначенные другому кон-

сулу Сервилию, перешелъ черезъ Аппенины и вступилъ въ Этрурію. Между тѣмъ Сервилій остался въ Римѣ, для устройства новонабранныхъ войскъ и отправленія продовольствія въ Ариминій и Этрурію; въ мартѣ же онъ отправился съ 2-мя новонабранными легионами въ Ариминій.

Аннибалъ съ своей стороны всѣми мѣрами старался отвлечь отъ Рима союзниковъ его въ Италіи на свою сторону. Съ плѣнниками ихъ онъ обращался самымъ кроткимъ и ласковымъ образомъ, впускалъ имъ, что перешелъ черезъ Альпы и преодолѣлъ столько трудовъ и опасностей не для покоренія и не для разоренія ихъ, а напротивъ для освобожденія отъ римскаго ига и возвращенія имъ земель и городовъ, свободы и правъ, которыхъ римляне лишили ихъ, и что поэтому собственныя выгоды ихъ требовали присоединенія ихъ къ нему.

противъ общаго врага, и затѣмъ онъ отпустилъ ихъ безъ выкупа на свою родину. Такимъ образомъ союзники Рима въ Италиі уже вездѣ склонялись на его сторону и были удерживаемы еще только отдаленностью его и близостью римскихъ армій. Онъ употреблялъ также всевозможныя мѣры для удержанія на своей сторонѣ цизальпинскихъ галловъ, которые уже начали колебаться, недовольные тѣмъ, что несли на себѣ тяжесть войны, происходившей въ ихъ страпѣ, но не доставлявшей имъ никакихъ выгодъ (т. е. добычи отъ грабежа), а потому они понуждали Аннибала скорѣе идти впередъ, для перенесенія войны далѣе въ собственныя земли Рима. Вообще было сдѣлано нѣсколько покушеній на жизнь Аннибала, такъ что онъ, въ избѣжаніе угрожающей ему лично опасности, прибѣгалъ къ ежедневнымъ переодѣваніямъ въ разныя одежды, къ пошенію париковъ изъ разнаго цвѣта волосъ и т. п.

По всѣмъ этимъ и многимъ другимъ причинамъ, онъ положилъ самую раннюю весною двинуться въ Этрурію, куда, какъ зналъ, уже прибылъ Фламиній и расположился при Арреціѣ (п. Арреццо). По предварительно и тщательно собраннымъ имъ

свѣдѣніямъ, изъ Лигуріи въ Этрурію вели два пути, одинъ — главный, удобный и извѣстный римлянамъ, но кружный и дальній, чрезъ Бононію (п. Болонья), Мутину (п. Модена) и подвластныя Риму земли, а другой — чрезъ Парму и Апуа (п. Понтремоли), берегомъ моря и вверхъ по правому берегу р. Арна, болѣе близкій и менѣе извѣстный или даже неизвѣстный римлянамъ, но весьма трудный по причинѣ разливовъ этой рѣки, образовавшихъ болота. На первомъ изъ этихъ путей, выходящемъ къ Аррецію, въ мѣстности гористой и пересѣченной, Фламиній могъ на каждомъ шагу задерживать Аннибала своей пѣхотой, безъ возможности Аннибалу съ пользою употреблять свою конницу. Кромѣ того Аннибалъ зналъ, что Сервилій скорѣе долженъ былъ прибыть съ 2-мя легіонами въ Арминіи и, двинувшись вслѣдъ за нимъ, могъ напасть на него съ тыла въ то время, когда Фламиній нападетъ на него съ фронта, а потому Аннибалъ не колебался избрать второй путь въ обходъ Фламинія слѣва, тѣмъ болѣе что, по собраннымъ имъ свѣдѣніямъ, разливъ и болота р. Арна имѣли твердое дно.

§ 28.

Переходъ Аннибала черезъ болота р. Арна.

Въ началѣ марта Аннибалъ выступилъ въ этомъ направленіи въ походъ въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди шли испанскія и африканскія войска и между ними тяжесть, дабы въ походѣ имѣть все пущное подъ рукою; за ними въ серединѣ слѣдовали вспомогательныя галльскія войска, какъ менѣе надежныя, и наконецъ въ хвостѣ вся конница, подъ начальствомъ Аннибалова брата Магона, которому Аннибалъ приказалъ напирать на галловъ и понуждать ихъ къ движенію впередъ. Испанскія и африканскія войска прошли черезъ разливъ безъ особеннаго труда, какъ потому, что проходили первыми, такъ и потому, что были старыя, привыкшія къ военнымъ трудамъ войска. Но слѣдовавшіе за ними галлы шли уже съ гораздо большимъ трудомъ, по разбитой передними войсками и тяжестями нижней почвѣ, и понесли большія потери отъ утомленія и лишеній. Впрочемъ и вся армія вообще чрезвычайно потерпѣла отъ этого похода, въ продолженіи 4-хъ дней и 3-хъ ночей, по водѣ, изрѣдка только отдыхая на тяжестяхъ или на трупахъ павшихъ животныхъ. Самъ Аннибалъ, ѣхавшій на единственномъ, оставшемся у него слонѣ, едва могъ выбраться на немъ и лишился одного глаза отъ воспаления его, котораго не могъ

въ это время надлежащимъ образомъ вылечить. Наконецъ, пройдя черезъ разливъ, съ потерей множества людей и лошадей, онъ расположилъ армію лагеремъ близъ нынѣшней Флоренціи.

Переходъ его черезъ разливъ р. Арна былъ, послѣ перехода его черезъ Альпы, вторымъ случаемъ изъ тѣхъ, въ которыхъ Аннибалъ, при всей заботливости своей объ арміи и о ея войскахъ, не колебался избирать трудные и опасные пути, если только они вели къ успѣшнѣйшему достиженію первенствующей, важнѣйшей, предположенной имъ цѣли — нанесенію Риму невозможнаго большаго вреда. Имѣя эту великую для себя цѣль постоянно въ виду, онъ не колебался въ выборѣ средствъ достиженія ея, хотя бы съ большимъ или меньшимъ пожертвованіемъ войскъ своихъ въ сраженіяхъ или походныхъ трудахъ, и въ этомъ былъ, подобно Александру В., совершенно правъ, не для большей славы, но для наибольшаго успѣха избирая иногда средства, сопряженныя съ огромными трудами, опасностями и жертвованіями.

Первою заботой его по переходѣ черезъ разливъ было собрать обстоятельныя и вѣрныя свѣдѣнія о краѣ, о его жителяхъ и способахъ и о непріятелѣ. Изъ этихъ свѣ-

дѣній оказалось, что жители края были склонны къ возстанію противъ римлянъ и присоедиенію къ Аннибалу, край былъ одинъ изъ богатѣйшихъ въ Италиі, изобилуя хлѣбомъ и скотомъ, а Фламиній былъ права яраго, крайне тщеславный, самолюбивый, самонадѣянный и невѣжественный. Изъ этого Аннибалъ заключилъ, что ему не трудно будетъ вовлечь Фламинія въ сраженіе, раздраживъ его ярость или самолюбіе. Вслѣдствіе того онъ двинулся вверхъ по лѣвому берегу р. Арна и потомъ по высотамъ вдоль Клузійскихъ болотъ (нынѣ Ia Chiana), оставивъ армию Фламинія при Арреціѣ влѣво отъ себя и разоряя край на пути.

Фламиній, въ высшей степени раздраженный этимъ, собралъ военный совѣтъ и предложилъ немедленно идти вслѣдъ за Аннибаломъ и вступить съ нимъ въ рѣшительный бой. Тщетно члены военного совѣта представляли ему, что осторожность требовала прежде дожидаться присоединенія Сервилиа, а пока—направить вслѣдъ за Аннибаломъ только конницу и легкую пѣхоту, для воспрепятствованія разоренію края. Фламиній, еще болѣе раздраженный, вышелъ изъ военного совѣта, подавъ сигналъ къ выступленію и къ бою и двинулся къ Кортонѣ. Частные начальники войскъ были недовольны этимъ, но войска, напротивъ, имѣя полное довѣріе къ Фламинію и сочувствуя ему, шли какъ на вѣрную побѣду. Вѣроятно по этой причинѣ армія Фламинія (37,000 чел. пѣхоты и 3,600 конницы) шла въ обыкновенномъ до этихъ поръ походномъ порядкѣ, безъ особенныхъ предосторожностей впереди и по сторонамъ.

Полибій и Титъ-Ливій упрекаютъ Фламинія въ томъ, что онъ не послушался мѣнія военного совѣта и не остался при Арреціѣ. Но генералъ Водонкуръ, не оправдывая Фламинія, не соглашается однако вполне съ упреками Полибіа и Тита-Ливія, для чего разбираетъ въ подробности взаимныя: положеніе и движенія Аннибала и Фламинія. Первый, говоритъ онъ, могъ обогнуть конецъ Клузійскихъ болотъ только при Клузіѣ (н. Chiusa), откуда въ Римъ вели два пути, одинъ прямо чрезъ Вулсиній и Сутрій, чрезъ лѣса и горы Циминійскаго горнаго хребта, а другой, болѣе употребительный—влѣво чрезъ тѣнины между Кортоней и Тразименскимъ озеромъ (н. Lago di Perugia) и чрезъ города Перузцію, Тудеръ и Америкю. Аннибалъ избралъ этотъ послѣдній путь, болѣе соотвѣтствовавшій намѣренію его идти ближе къ Фламинію и тѣмъ вовлечь его въ бой. И дѣйствительно, по свидѣтельству Полибіа и Тита-Ливія, онъ шелъ очень медленно — не болѣе 10 римскихъ миль (нѣсколько болѣе 10 верстъ) въ сутки, часто располагаясь лагеремъ, дабы болѣе и болѣе раздражать Фламинія. Послѣдній съ

своей стороны—говоритъ Водонкуръ—зная, что Аннибалъ находился въ Этруріи, откуда перешелъ къ Флоренціи и двинулся вверхъ по р. Арну и вдоль Клузійскихъ болотъ, разоряя земли римскихъ союзниковъ и направляясь къ Риму, впереди котораго не было никакихъ войскъ,—безъ сомнѣнія, долженъ былъ бы предварить римскій сенатъ, дабы онъ собралъ войска для обороны подступовъ къ Риму, а самъ — идти вслѣдъ за Аннибаломъ, не вступая съ нимъ въ бой и не заботясь о соединеніи съ Сервилиемъ, которому нужнѣе было оставаться въ Арминіѣ, для удержанія въ повиновеніи цизальпийскихъ галловъ. Но Фламинію во всякомъ случаѣ слѣдовало предупредить Аннибала въ тѣснинахъ Тразименскаго озера и, преградивъ ему этотъ путь, принудить его идти по другому, болѣе трудному. Если бы же Фламиній не успѣлъ занять тѣсинъ прежде Аннибала, то ему слѣдовало по крайней мѣрѣ остановиться въ наблюдательномъ положеніи при Кортонѣ. У него было 37,000 чел. пѣхоты и 3,600 чел. конницы, съ которыми онъ могъ препятствовать Аннибалу предпринимать что-либо важное, безпрестанно тревожа и задерживая его съ тыла. Поэтому, говоритъ Водонкуръ, вина Фламинія состояла не въ томъ, что онъ покинулъ свое расположеніе при Арреціѣ и двинулся за Аннибаломъ, а въ томъ, что онъ безразсудно, какъ Семпроній, положилъ во что бы ни стало и гдѣ-бы ни было неспремѣнно вступить съ Аннибаломъ въ бой. Но въ такомъ случаѣ ему слѣдовало бы по крайней мѣрѣ идти со всѣми возможными предосторожностями спереди и особенно съ боковъ, имѣя уже передъ собою два примѣра — боя при Тицинѣ и сраженія при Требин. Но для всего этого прежде всего необходимо было, чтобы на мѣстѣ Фламинія былъ благоразумный, осторожный и искусный полководецъ; Фламиній же, въ своемъ безразсудствѣ, вовсе не былъ способенъ исполнить то, что слѣдовало бы, и какъ бы самъ добровольно шелъ на явную гибель.

Аннибалъ, напротивъ, явилъ здѣсь, какъ и съ самаго вступленія своего въ Италию, во всемъ и на каждомъ шагу, высокую степень искусства въ соображеніи и исполненіи. Вступленіе его въ Лигурию и изъ нея въ Этрурію, избранный имъ путь и всѣ мѣста расположенія его лагерей достойны величайшей похвалы. Движеніемъ и дѣйствіями своими въ Лигуриі и Этруріи онъ обезпечилъ тылъ и сообщенія свои чрезъ Альпы съ Испаніей и Картагеномъ и могъ смѣло идти впередъ къ Риму. А что касается Фламинія, то зная его характеръ и неспособность, онъ не только не опасался его, но съ тою именно цѣлю и двигался медленно въ принятомъ направленіи, разоряя край, дабы вовлечь своего безразсуд-

наго противника въ бой въ такомъ мѣстѣ, гдѣ имѣлъ полную увѣренность разбить его. А для этого, и медленнымъ движеніемъ

своимъ, и разореніемъ края, онъ все болѣе и болѣе раздражалъ его и побуждалъ къ бою.

§ 29.

Сраженіе при Тразименскомъ озерѣ.

Вступивъ въ тѣнины Тразименскаго озера, онъ узналъ, что Фламиній идетъ за нимъ—и немедленно положилъ тутъ же, въ этихъ самыхъ тѣснинахъ, устроить небывалую, безпримѣрную до того засаду, расположивъ въ ней не отрядъ войскъ, а—всю свою армію. Мѣстность на сѣверномъ берегу озера какъ-разъ вполне благоприятствовала этому. Дорога изъ Арреція, спустясь чрезъ лощину между горъ къ озеру, поворачивала на лѣво вдоль сѣвернаго берега его, по узкой тѣсинѣ между нимъ и горами, расширявшейся нѣсколько далѣе, гдѣ находилась довольно широкая лощина, съ протекавшимъ по ней въ озеро ручьемъ, а за этой лощинной дорога снова вступала въ тѣснину между горами и озеромъ, и наконецъ, на восточномъ берегу озера, перейдя ручей въ другой лощинѣ, поднималась на горы, направляясь къ Перузіи. Во второй изъ этихъ лощинъ Аннибалъ расположился самъ съ лучшими своими войсками, испанскими и африканскими, въ первой лощинѣ поставилъ галльскія войска и конницу, а балеарскихъ стрѣлковъ и легкую пѣхоту—скрытно на высотахъ надъ тѣснинной, между обѣими лощинами.

Фламиній, прибывъ къ сѣверному берегу озера, расположился лагеремъ и на слѣдующій день на разсвѣтѣ двинулся вдоль берега, въ обыкновенномъ походномъ порядкѣ, безъ малѣйшихъ предосторожностей, не развѣдавъ тѣсины и пути ни впереди, ни слѣва, имѣя въ виду только одно—какъ бы скорѣе настигнуть Аннибала. Солнце еще не всходило, когда онъ совершенно вступилъ въ тѣснину одною колонной съ узкимъ фронтомъ, и въ полусвѣтѣ не замѣтивъ Аннибаловыхъ войскъ, искусно скрытыхъ въ засадѣ, приказалъ во второй лощинѣ вздвинуть походную колонну, дабы идти болѣе широкимъ фронтомъ. Въ это самое время Аннибалъ подалъ сигналъ къ общему нападенію и двинулъ испанскія и африканскія войска противъ головы римской колонны; въ то же время галльскія войска и конница стремительно напали на нее во флангъ и въ тылъ, а балеарскіе стрѣлки и легкая пѣхота стали поражать ее въ тѣснинѣ сверху. Все это произошло въ одинъ мигъ и съ чрезвычайными стремительностью и сплѣй. Атакованныя совершенно врасплохъ, римскія войска пришли въ величайшій беспорядокъ, усилившійся еще отъ внезапно на-

ступившаго густаго тумана, въ которомъ они не могли различать ни непріятельскихъ, ни даже своихъ войскъ. Они едва успѣли вооружиться и были принуждены сражаться гдѣ находились, безъ всякаго строя и порядка, отдѣльными толпами, и множество изъ нихъ сразу же были убиты безъ всякой защиты. Фламиній и частные начальники тщетно старались построить войска въ какой-нибудь порядокъ: легіоны, когорты, манипулы, велиты, принципы, гастаты, триаріи, конница, тяжести—все перемѣшалось; по имѣя съ трехъ сторонъ непріятеля, а съ четвертой, позади себя, озеро и не видя никакого спасенія, римскія войска около трехъ часовъ времени сражались съ ожесточеніемъ отчаянія. Въ этомъ кровопролитномъ побоищѣ, Фламиній, самъ отчаянно-храбро сражавшійся, былъ окруженъ и убитъ галлами и тѣла его не могли отыскать подъ цѣлой грудой убитыхъ. Наконецъ, подавленные, истребляемые порознь, римляне были окончательно разбиты наголову. Тѣ изъ нихъ, которые находились въ самыхъ узкихъ мѣстахъ тѣсины, утонули въ озерѣ или умертвили себя сами; около 10,000 чел., не болѣе, успѣли кое-какъ разсѣяться по разнымъ дорогамъ и бѣжать въ Римъ, а около 6,000 чел., бывшихъ въ головѣ колонны—пробиться на гору и отступить къ Перузіи; всѣ остальные же были истреблены. Но и 6,000 ушедшихъ къ Перузіи не спаслись: Аннибалъ послалъ за ними Магарбала съ тяжелой конницей, за которою отправилъ испанцовъ съ легкой конницей, и на слѣдующее утро эти 6,000 римскихъ войскъ положили оружіе, съ единственнымъ условіемъ—сохраненія имъ жизни. Но Аннибалъ уничтожилъ договоръ, заключенный Магарбаломъ, объявивъ, что послѣдній не получилъ на то полномочія, и римскихъ воиновъ объявилъ военно-плѣнными, а союзнымъ даровалъ свободу и отпустилъ домой, снова повторивъ, что пришелъ не для угнетенія, а для освобожденія жителей Италіи.

Побѣда Аннибала и пораженіе римской арміи были столь полныя и совершенныя, что военная исторія древнихъ временъ—когда битвы обыкновенно оканчивались огромнымъ урономъ побѣжденныхъ, едва-ли представляетъ другой подобный примѣръ. Изъ 40,600 чел. войскъ въ строю (не считая нестроевыхъ), римская армія, за ис-

ключениемъ около 10,000 чел. разсѣявшихся и спасшихся, потеряла болѣе 15,000 чел. убитыми и около 15,000 плѣнными! Уронъ же Аннибаловой арміи не превышалъ 1,500 чел. Это было въ полномъ смыслѣ слова побѣда и избіеніе римской арміи и страшный, подобный громовому, ударъ, непесенный пенавистному для Аннибала и кареагенянъ Риму, далеко превзошедшій два первые, при Тицинѣ и Требині!

Послѣ сраженія, Аннибалъ расположилъ свою армію, для отдыха, по квартирамъ.

Въ Римѣ первыя вѣсти о сраженіи произвели крайнюю тревогу въ народѣ, который толпами собрался противъ сената. Скрывать истину было невозможно—и едва преторъ Помпоній съ высоты кафедры произнесъ: «Мы проиграли большое сраженіе», какъ ужасъ и скорбь сдѣлались всеобщими. Одинъ сенатъ не забылъ своего долга: преторы держали его въ полномъ сборѣ нѣсколько дней сряду, съ утра до вечера. Въ это время получено было извѣстіе о новомъ несчастіи: Семпроній послалъ Фламинію пропретора Центенія съ 4,000 чел. конницы, въ подкрѣпленіе противъ превосходной чис-

ломъ конницы Аннибала. Послѣдній, узнавъ о томъ, выслалъ на встрѣчу Центенію Магарбала съ частію конницы и съ легкой пѣхотой. Центеній въ бою съ ними потерялъ половину своей конницы, а остальная на другой день была взята въ плѣнъ. Тогда уже сенатъ былъ принужденъ принять чрезвычайныя и рѣшительныя мѣры для защиты не только римскихъ областей, но и самаго Рима. По законамъ оставалось только одно средство—избраніе диктатора. Но диктатора долженъ былъ предложить одинъ изъ консуловъ, а одинъ изъ нихъ былъ убитъ, другой—въ отсутствіи. Поэтому сенатъ рѣшилъ диктатора избрать народу, но, изъ уваженія къ закону, для ненарушенія его—съ званіемъ продидактора. Выборъ народа палъ на Квинта Фабія Максима Веррукоза, а онъ избралъ въ магистран или начальника конницы Минуція Руфа. Фабійъ былъ пожилой человекъ, уже перазъ прежде отличавшійся военными подвигами и соединявшій мужество и рѣшимость съ мудростью, прозорливостью и осторожностью.

§ 30.

Фабій—диктаторъ; — движеніе Аннибала въ Апулію и Кампанію;—дѣйствія его и Фабія; — дѣла при тѣснинахъ горы Галливанской и при Геруніѣ.

Первою мѣрой Фабія и Минуція было приказать укрѣплять Римъ, разставить стражи и разрушить мосты. Затѣмъ Фабійъ, условясь съ сенатомъ касательно военныхъ дѣйствій и пужныхъ для того силъ, приказалъ Минуцію набрать 2 легіона, назначивъ имъ сборное мѣсто въ Тибурѣ (н. Тиволи), а сельскимъ жителямъ объявить, чтобы они, по приближеніи Аннибала, сожгли свои дома и хлѣбъ на поляхъ и удалились въ укрѣпленные города. Затѣмъ Фабійъ лично отправился въ Окрикулъ (н. Otricoli), на лѣвомъ притоцѣ Тибра, къ с. отъ Рима, для принятія начальствованія надъ прибывшею уже туда арміей Сервилія, который, имѣвъ нѣсколько неважныхъ дѣлъ съ возставшими галлами и взявъ у нихъ незначущій городъ, при вѣсти о пораженіи Фламинія при Тразименскомъ озерѣ поспѣшно двинулся къ Риму. Фабійъ приказалъ ему оборонять съ флотомъ берега Италіи и преслѣдовать кареагенскую эскадру, прерывавшую транспортъ, назначенный въ Испанію, самъ же съ легіонами Сервилія воротился въ Тибуръ и, присоединивъ къ себѣ 2 легіона новаго набора, двинулся въ сѣверную или Даунійскую Апулію (Apuia Daunia), куда въ это время направился Аннибалъ.

Послѣдній, давъ своей арміи отдыхъ, двинулся чрезъ Умбрію къ Сполетію (н. Spoleto), на который произвелъ нападеніе, по

былъ отбитъ и направился въ Пиценъ, опустошая все на пути огнемъ и мечомъ. Дойдя до Атріи (н. Adria, близъ берега Адриатическаго моря) въ южномъ Пиценѣ, въ странѣ обильной продовольствіемъ, онъ снова далъ своей арміи болѣе продолжительный отдыхъ, въ которомъ она крайне пуждалась послѣ годового, почти безпрерывнаго и труднаго похода отъ Новаго Кареагена. Люди были поражены накожною болѣзнію въ родѣ коросты или парши, лошади были изморены и сбиты, а раненые требовали леченія. Аннибалъ пособилъ всему этому сколько могъ лучше и, пользуясь близостью моря, въ первый разъ послалъ въ Кареагенъ извѣстіе о всемъ, что совершилъ, и тѣмъ произвелъ въ Кареагенѣ величайшую радость. Затѣмъ, поправивъ свою армію, онъ двинулся въ Даунійскую Апулію и, разоривъ земли обитавшихъ на пути племенъ, расположился лагеремъ въ окрестностяхъ Луцеріи и Арни.

Съ перваго взгляда можетъ показаться страшнымъ, что онъ удалился отъ Цизальпической Галліи въ Апулію. Ни Полибій, ни Титъ Ливій не объясняютъ причинъ того. Но нѣтъ сомнѣнія, что такой великій полководецъ, какъ Аннибалъ, сдѣлалъ это не безъ важныхъ причинъ. Весьма вѣроятно, что, возбудивъ полное возстаніе цизальпич-

снхъ галловъ, онъ постоянно имѣлъ въ виду возбудить къ нему и всѣ народы и племена средней и южной Италіи, сообразно съ чѣмъ и дѣйствовалъ, какъ было означено выше, и имѣлъ въ этомъ большой успѣхъ. Послѣ побѣды при Тразименскомъ озерѣ онъ, безъ сомнѣнія, не считалъ еще своевременнымъ и благоразумнымъ идти прямо къ Риму, гдѣ могъ быть спереди и сзади стѣсненъ и даже окруженъ римскими арміями; оставаться же въ Этруріи и Умбріи было невозможно. Поэтому ему и оставалось только со всѣхъ сторонъ обойти Римъ, возстановить противъ него всѣ подвластные ему народы Италіи, отнять тѣмъ у него средства къ оборонѣ, а между тѣмъ сблизиться съ моремъ и открыть сообщенія съ Кароагеномъ, а можетъ быть и съ Греціей.

Фабій, прибывъ въ Даунійскую Апулію, расположился лагеремъ въ разстояніи около 6 милъ (болѣе 6 верстъ) отъ лагеря Аннибала. Послѣдній на другой же день двинулся противъ него, какъ бы вызывая его на бой въ открытомъ полѣ. Но Фабій не тронулся изъ своего лагеря, что сначала удивило Аннибала, а потомъ убѣдило его, что Фабій—не Семпроній и не Фламиній. Однако, желая испытать его, онъ началъ разорять вокругъ земли римскихъ союзниковъ, часто перемѣняя мѣста своихъ лагерей, быстро двигаясь отъ одного къ другому и устроивая войскамъ Фабія засады. Но Фабій ограничивался тѣмъ, что слѣдовалъ за движеніями Аннибала издали, по высотамъ, не слишкомъ близко, въ избѣжаніе боя, и не слишкомъ далеко, дабы не выпускать его изъ виду. Войска свои онъ держалъ постоянно въ лагеряхъ, не выпуская ихъ на фуражировки, въ которыхъ и не нуждался, получая все нужное съ тыла за собою. Въ лагеряхъ его соблюдалась строжайшая дисциплина и въ точности исполнялась лагерная служба. Еслиже Аннибаловы фуражиры подходили слишкомъ близко, то конница и легкая пѣхота Фабіеви прогоняли ихъ съ урономъ, чѣмъ Аннибалу Фабій наносилъ вредъ, а въ своей арміи возстановлялъ по немногу довѣріе ся къ самой себѣ.

Такой благоразумный и осторожный образъ дѣйствій Фабія, вполне сообразный съ обстоятельствами, справедливо возбуждалъ удивленіе и похвалу древнихъ и новѣйшихъ историковъ. Важными причинами его были во 1-хъ числительная сила его арміи—только 36,000 челов. пѣхоты и 3,600 челов. конницы, и во 2-хъ составъ ихъ вполне изъ новонабранныхъ, еще неопытныхъ войскъ, между тѣмъ какъ армія Аннибала состояла изъ старыхъ войскъ, закаленныхъ въ трудахъ и бояхъ, и, которымъ не оставалось ни отступленія, ни надежды на подкрѣпленіе, а только побѣда или смерть. Поэтому Фабію необходимо было и свои войска мало по малу приучать къ трудамъ и боямъ. Но

этотъ образъ дѣйствій Фабія не нравился ни Аннибалу, ясно видѣвшему намѣреніе погубить его армію безъ боя, ни Минуцію Руфу, характеромъ очень походившему на Семпронія и Фламинія и потому называвшему осторожность Фабія лѣнностью и трусостью и безпрестанно провозглашавшему, что съ непріятелемъ слѣдовало какъ можно скорѣе вступить въ бой.

Между тѣмъ Аннибалъ, всячески стараясь принудить Фабія къ бою, двинулся въ Самній, разорилъ земли города Беневента и взялъ хорошо укрѣпленный городъ Телезію и въ немъ большую добычу. Но Фабій только слѣдовалъ и наблюдалъ за нимъ, постоянно избѣгая боя. Это побудило наконецъ Аннибала двинуться въ Кампанію—богатѣйшую и обильнѣйшую изъ областей Италіи, обѣщавшую ему огромную добычу и продовольствіе на зиму. Этимъ онъ надѣялся или принудить наконецъ Фабія къ бою, или же, въ противномъ случаѣ, побудить нѣкоторые союзные съ Римомъ города присоединиться къ нему, Аннибалу. Соображенія его были вполне вѣрны и хотя Кампанія была съ трехъ сторонъ окружена горами, черезъ которыя было только три прохода для входа и выхода, по тѣмъ важнѣйшіе успѣхи надѣялся приобрѣсть вслѣдствіе этого Аннибалъ. А потому, вступивъ изъ Самніи въ Кампанію чрезъ тѣснины горы Эрибана или Галликанской (mons Eribanus aut Gallicanus), онъ спустился на такъ называемыя Коллатинскія поля или равнины и расположился лагеремъ на правой сторонѣ р. Вултурна, ниже нынѣшней Капуи. Укрѣпивъ свой лагерь, онъ послалъ Магарбала съ нумидійскою конницею разорить земли города Фалерна и весь край до Синуессы.

Фабій удивился смѣлости Аннибала, но тѣмъ болѣе еще утвердился въ принятомъ имъ образѣ дѣйствій: двинувшись за Аннибаломъ по горнымъ высотамъ въ земли Фалерна, онъ расположился лагеремъ у подножьи горъ въ неудободоступной мѣстности, гдѣ и оставался въ бездѣйствіи, только наблюдая за Аннибаломъ, но не препятствуя ему разорять край. Это успило недовольствіе его арміи и особенно Минуція, да и въ Римѣ всѣ были недовольны этимъ и даже сенатъ не одобрялъ образа дѣйствій Фабія. Не смотря на все это, Фабій положилъ не отступать отъ него, и въ этомъ пельзя не воздать полной справедливости и похвалы ему и его вполне основательному и мудрому образу дѣйствій: онъ совершенно вѣрно оцѣнилъ взаимное относительное положеніе свое и Аннибала. Въ образѣ же дѣйствій послѣдняго особенно поражаетъ то, что онъ, имѣя главною цѣлію возстановить противъ Рима союзниковъ его, а армію Фабія принудить къ бою на равнинахъ, страшно разорялъ земли первыхъ и тѣмъ, разумѣется, не возбуждалъ ихъ противъ

Рима и не привлекалъ ихъ къ себѣ, а напротивъ, и самъ себя лишалъ средствъ продовольствованія, и Фабія никакъ не успѣвалъ этимъ принудить, какъ Семпронія и Фламинія, къ бою на равнинахъ; нападать же на него въ его лагеряхъ на горахъ не признавалъ возможнымъ и полезнымъ. Слѣдовательно онъ не достигалъ ни той, ни другой цѣли и тѣмъ далѣе впередъ, тѣмъ съ большимъ вредомъ для себя и съ большею пользою для Фабія. Последній же понималъ это очень хорошо и въ образѣ дѣйствій своемъ и Аннибала видѣлъ вѣрнѣйшее средство погубить послѣдняго. Поэтому его образъ дѣйствій приноситъ ему большую честь и заслуживаетъ полной похвалы, между тѣмъ какъ образъ дѣйствій Аннибала, объясняемый только желаніемъ вовлечь Фабія въ бой, остается, со стороны такого великаго полководца, нѣсколько непонятнымъ и даже страннымъ, тѣмъ болѣе, что Аннибалъ уже изъ самыхъ первыхъ дѣйствій противъ него Фабія могъ заключить и дѣйствительно заключилъ, что противъ него уже не Семпроній или Фламиній. Въ Кампаніи онъ былъ замкнутъ, какъ въ западнѣ, окружавшими эту область съ трехъ сторонъ горами, только съ тремя входами и выходами; Фабій же, расположеніемъ своимъ при выходѣ изъ горъ въ Кампанію, близъ Фалерна, удобно могъ преградить Аннибалу тотъ проходъ черезъ горы, которымъ онъ вступилъ въ Кампанію, и дѣйствительно исполнилъ это, занявъ новый лагерь близъ горнаго прохода черезъ гору Галликанскую и оставаясь въ немъ лѣтомъ, пока Аннибалъ продолжалъ разорять западную Кампанію.

Последній, видя наконецъ, что не успѣваетъ этимъ принудить Фабія къ бою на равнинахъ Кампаніи, положилъ вывезти изъ нея собранныя имъ въ ней продовольствіе и добычу въ тѣ мѣста южной Италіи, гдѣ хотѣлъ провести зиму. Фабій, узнавъ о томъ, послалъ Минуція съ сильнымъ отрядомъ войскъ занять горныя тѣснины на Анниевой дорогѣ къ Риму, между Террациной (Terracina) и Фунди (Fondi), а другой отрядъ въ 4 т. войскъ — занять горныя тѣснины горы Галликанской, усилилъ гарнизонъ Казиллы, а самъ съ главными силами расположился въ лагерѣ близъ горныхъ высотъ между Калеа (Calvi) и горою Галликанскою, выслалъ Гостилія Манцина съ 400 чел. конницы для развѣдыванія. Словомъ — онъ преградилъ Аннибалу выходъ изъ Кампаніи на сѣверѣ частию силъ Минуція, а на югѣ главными силами подъ личнымъ своимъ начальствомъ.

Гостилій, приверженецъ Минуція и боясь Аннибаломъ, попалъ на встрѣченныя имъ нумидійцевъ и преслѣдовалъ ихъ до кареагенскаго лагеря. Но вышедшая изъ него вся Аннибалова конница въ свою оче-

редѣ опрокинула и преслѣдовала Гостилія. Последній наконецъ остановился, вступилъ въ бой, былъ окруженъ, разбитъ и убитъ, а остатки его отряда спаслись въ лагерь Фабія. Это дѣло, хотя и неважное, могло бы, кажется, послужить подтвержденіемъ принятаго Фабіемъ образа дѣйствій: но ни Минуцій, ни Фабіева армія не убѣдились этимъ и продолжали желать и даже требовать боя. Фабій не обращалъ на это вниманія, а только расположился ближе къ Аннибалу, но по-прежнему въ горахъ. На слѣдующій день Аннибалъ построилъ свою армію противъ него на равнинѣ въ боевой порядокъ и выслалъ впередъ свою легкую конницу завязать бой съ арміей Фабія, построившеюся также въ боевой порядокъ передъ самымъ своимъ лагеремъ. Но Фабій отразилъ нумидійцевъ и не двинулся съ мѣста, такъ что Аннибалъ былъ принужденъ снова безъ успѣха и съ уропомъ воротиться въ свой лагерь. Не имѣя возможности ни оставаться въ разоренной имъ котловинѣ Кампаніи, ни силою пройти черезъ занятыя Фабіемъ горныя тѣснины горы Галликанской, онъ прибѣгнулъ къ слѣдующей военной хитрости: приказалъ выбрать, изъ взятаго въ добычу скота, 2 тыс. самыхъ сильныхъ воловъ, привязать къ ихъ рогамъ хворосту и другихъ горючихъ веществъ, и около 3-й стражи ночи (между полночью и 3-хъ часовъ утра) зажечь послѣдніа и гнать воловъ, въ сопровожденіи легкой пѣхоты, къ одной высотѣ противъ тѣснины. Легкая пѣхота должна была разсыпаться на право и на лѣво, съ громкимъ крикомъ занять вершину высоты и напасть на занимавшія ее римскія стражи. А самъ онъ двинулся вслѣдъ за легкою пѣхотой, имѣя впереди африканскую пѣхоту, за нею конницу съ тяжестями и добычей, а въ хвостѣ испанскую и галльскую пѣхоту. Римскія стражи на высотѣ, увидавъ приближавшіеся огни, въ темнотѣ приняли ихъ за всю кареагенскую армію и двинулись было на встрѣчу ей, но увидавъ воловъ съ огнями на рогахъ, пришли въ страхъ и даже не отступили на прежнее свое мѣсто на высотѣ, а вступили въ частный бой съ кареагенскою легкою пѣхотой, чему однако помѣшали бросившіеся между ними волы. Это продолжалось до самаго разсвѣта. Фабій, услышавъ шумъ, увидавъ огни и опасаясь какой-нибудь военной хитрости, поставилъ всю свою армію подъ оружіе, но не вывелъ ее изъ лагеря. А Аннибалъ, пользуясь тѣмъ, успѣлъ еще за-свѣтло провести всю свою армію черезъ горныя тѣснины безпрепятственно, хотя и не безъ труда. На разсвѣтѣ бой завязался уже на горныхъ высотахъ, но Аннибалъ, подкрѣпивъ свою передовую пѣхоту испанскою, принудилъ войска Фабія отступить въ свой лагерь съ уропомъ около 1 т. чел., между тѣмъ какъ

войска Аннибала не понесли почти никакого урона. Выйдя изъ горъ, Аннибалъ расположился у подошвы ихъ, близъ Алифы, въ Самніѣ, а Фабій—противъ него въ сильной мѣстности на горахъ.

Это распространило страхъ между союзниками Рима, которые уже отчаявались въ надеждѣ избавиться наконецъ отъ Аннибала, громко ронтали противъ Фабія и сильно упрекали его. А Аннибалъ, показывая видъ, будто идетъ къ Риму чрезъ восточный Лацій, двинулся въ земли пелитновъ, въ сѣверномъ Самніѣ, и сталъ разорять ихъ. Фабій слѣдовалъ вдоль горъ за его движеніемъ, стапоясь всегда между нимъ и Римомъ. Вскорѣ Аннибалъ, узнавъ отъ своихъ лазутчиковъ, что въ окрестностяхъ Луцерин (Lucera) и Геріо или Герунія (Dragonara), двухъ городовъ въ сѣверной, Даунійской Апуліи, остаются большіе запасы пшеницы и что городъ Геруній весьма удобенъ для учрежденія въ немъ складовъ продовольствія на зиму, переѣхалъ направленіе и черезъ земли фрептановъ, въ восточномъ Самніѣ, двинулся къ Герунію, лежащему у подошвы горы Либурна, къ сѣверу отъ Луцерин. Не успѣвъ склонить жителей Герунія переговорами и обѣщаніями къ сдачѣ ему города, онъ въ скоромъ времени взялъ его приступомъ, жителей его истребилъ, а городъ разрушилъ, оставивъ только стѣны его и тѣ дома, которые занялъ подъ склады продовольствія. Армію же свою онъ расположилъ подъ стѣнами Герунія въ сильно-укрѣпленномъ лагерѣ.

Фабій, послѣдовавшій за Аннибаломъ съ боку, горами, расположился противъ него близъ Ларина (Larino), на правой сторонѣ р. Тиферна (Tiferno), также въ сильно-укрѣпленномъ лагерѣ. Затѣмъ, отправляясь въ Римъ для исполненія религіозныхъ обрядовъ, онъ сдалъ начальствованіе арміей Минуцію, поручивъ ему ничего не предпринимать въ его отсутствіи и дѣйствовать какъ онъ, Фабій, дѣйствовалъ, а не какъ Семпроній и Фламиній, доказывая это тѣмъ, что побѣдамъ Аннибала уже былъ положенъ предѣлъ и тѣмъ уже была изглажена память претерпѣнныхъ неудачъ.

Но въ Римѣ общественное мнѣніе, друзьями Минуція и врагами Фабія крайне возбужденное противъ послѣдняго и даже раздѣляемое сенатомъ, было совсѣмъ иного рода. Два обстоятельства усилили это еще болѣе: во 1-хъ то, что Аннибалъ приказалъ щадить отъ разоренія помѣстья Фабія, что бросало на послѣдняго тѣнь измѣнника, и во 2-хъ то, что Фабій, по бывшимъ въ 1-й пунической войнѣ примѣрамъ, заключилъ съ Аннибаломъ договоръ о размѣнѣ плѣнныхъ, по которому за каждого военнопленнаго, въ случаѣ невозможности обмѣнить его, платилось по 2½ фунта серебра. и такимъ образомъ Фабій получилъ 247 римскихъ

плѣнниковъ болѣе, нежели сколько выдалъ кароагенскихъ. Сенатъ не утвердилъ этого договора и отказалъ въ выдачѣ Фабію изъ государственной казны издержанныхъ имъ денегъ. Тогда Фабій продалъ свое имѣніе, пощаженное Аннибаломъ, и изъ вырученныхъ денегъ внесъ передержку въ государственную казну. Но этотъ благородный поступокъ его не образумилъ ни сената, ни друзей Минуція и враговъ Фабія, а Минуцій, подкрѣпляемый этимъ, только и помышлялъ о боѣ съ Аннибаломъ и уже сошелъ съ горъ къ подошвѣ ихъ и занялъ новый лагерь ближе къ Аннибалу.

Аннибалу все это было очень хорошо извѣстно и онъ не преминулъ воспользоваться тѣмъ, при первомъ удобномъ случаѣ, который и не замедлилъ представиться.

Признавая недостаточными для своей арміи на зиму тѣхъ запасовъ продовольствія, которыя онъ собралъ въ Кампаніи и Самніѣ, и особенно нуждаясь въ фуражѣ, котораго въ окрестномъ краѣ было въ изобиліи, онъ ежедневно высылалъ $\frac{2}{3}$ своей арміи на фуражировку въ тылу своего лагеря, а самъ въ тоже время выдвигался передъ лагеремъ съ легкою пѣхотой, дабы развѣдывать о непріятелѣ и прикрывать лагерь и фуражировъ своихъ. Узнавъ же, что Минуцій сошелъ съ горъ и приблизился къ нему, онъ двинулся съ $\frac{2}{3}$ своей арміи также впередъ и расположился въ недалекомъ разстояніи отъ Герунія лагеремъ на высотѣ, а остальную $\frac{1}{3}$ арміи выслалъ по прежнему на фуражировку. Дабы заманить Минуція въ бой, онъ выслалъ ночью 2 т. чел. конницы занять одну высоту между двумя лагерями, господствовавшую надъ римскимъ. На разсвѣтѣ Минуцій напалъ на эту конницу своею легкою пѣхотой, прогналъ ее, занялъ высоту и расположилъ на ней всю свою армію въ лагерѣ. Аннибалъ, надѣясь на скорый бой, нѣсколько дней сряду держалъ всю свою армію въ сборѣ въ лагерѣ, но видя, что Минуцій не выходитъ изъ своего лагеря, снова выслалъ большую часть своей арміи на фуражировку. Тогда Минуцій выступилъ со всею своею арміей изъ лагеря и двинулся прямо противъ лагеря Аннибала. Приблизясь къ нему, онъ построилъ тяжелую пѣхоту въ боевой порядокъ, а легкую съ конницей выслалъ противъ Аннибаловыхъ фуражировъ отдѣльными отрядами, запретивъ брать плѣнныхъ. Атакованные врасплохъ, Аннибаловы фуражиры были частью истреблены, частью же спаслись въ свой лагерь. А между тѣмъ римская тяжелая пѣхота дошла до такой дерзости, что даже начала вырывать тынъ, ограждавшій валъ Аннибалова лагеря. Аннибалъ не могъ выйти изъ него ни противъ римлянъ, ни на помощь своимъ фуражирамъ, и былъ принужденъ защищаться, какъ могъ, въ своемъ лагерѣ, до тѣхъ поръ, пока не прибыли 4 т.

фуражировъ, которыхъ успѣли собрать въ лагерь при Геруніѣ. Это дало ему накопѣть возможность выйти изъ своего лагеря и построиться впереди его въ боевой порядкъ. Тогда Минуцій отступилъ, довольный тѣмъ, что нанесъ неуязвимоу дотолѣ Аннибалу чувствительный уронъ и даже держалъ его, въ его лагерь, въ осадѣ. Аннибалъ же, отдавая Минуцію справедливость, что онъ дѣйствовалъ искусно, позабочиваясь сохраненіемъ Герунія, призналъ за лучшее отступить въ прежній свой лагерь при немъ. А какъ только онъ отступилъ, Минуцій немедленно расположился лагеремъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ передъ тѣмъ Аннибалъ, и съ тѣхъ поръ римскія войска ходили на фуражировку смѣло и отважно, а кареагенскія съ большими предосторожностями.

Вѣсти объ этомъ, понятнымъ образомъ, произвели въ Римѣ величайшую радость и еще болѣе утвердили общее ложное мнѣніе, что до тѣхъ поръ только одна робость Фабія (такъ называли его мудрую осторожность) была виною неодожденія никакихъ успѣховъ надъ Аннибаломъ; Минуція же всѣ въ Римѣ превозносили до небесъ. Народный трибунъ Цецилій Метеллъ даже всенародно обвинилъ Фабія въ намѣреніи продлить войну для продленія своей власти и въ заключеніе предложилъ, чтобы Фабія не отпускали изъ Рима въ армію до тѣхъ поръ, пока онъ не назначить консула вмѣсто убитаго Флампія, и чтобы издавъ былъ законъ объ уравненіи власти диктатора и магистра конницы.

Фабій оправдалъ себя очень разумно и просто, сказавъ, что сомнѣвается въ важности побѣды, одержанной Минуціемъ, и если это было и справедливо, то опасается болѣе удачи, нежели неудачи, что претерпѣнныя неудачи произошли только отъ неосторожности полководцевъ, что въ тогдашнихъ обстоятельствахъ было болѣе славы въ сохраненіи арміи безъ позора, нежели въ погубленіи многихъ тысячъ людей, наконецъ, что доколѣ онъ сохранитъ званіе диктатора, магистръ конницы отдастъ ему отчетъ въ томъ, что вступилъ въ бой противно его приказаніямъ, а онъ, Фабій докажетъ, что хорошій полководецъ надѣется болѣе на осторожность, нежели на счастье и удачу.

Но сенатъ раздѣлялъ мнѣніе народа, и Фабій, не желая присутствіемъ своимъ оправдать законъ, противный государственнымъ учрежденіямъ, тотчасъ собралъ народныя комиціи и, по избраніи въ консулы (во 2-й разъ) Аттилія Регула, отправился въ армію наканунѣ голосованія новаго закона. На другой день, предложенный народу и, въ угоду ему, поддержанный Теренціемъ Варрономъ (плебеемъ, сыномъ достаточнаго мясника, бывшимъ въ предъидущемъ году преторомъ) законъ объ уравненіи власти дик-

татора и его магистра конницы, извѣстный подъ названіемъ Метеллова закона (lex Metella) и послышанный дотолѣ въ римской республикѣ, былъ голосованъ и принятъ большинствомъ голосовъ.

Фабій получилъ извѣстіе объ этомъ на пути въ армію и предоставилъ времени рѣшить между нимъ и римскимъ правительствомъ и народомъ, друзьями Минуція и врагами его, Фабія. Минуцій же такъ всѣмъ гордился, что гласно объявлялъ твердое намѣреніе свое слѣдовать своему образу дѣйствій и предложилъ Фабію или начальствовать арміею поочередно, или же раздѣлить ее между собою пополамъ. Фабій отвѣчалъ, что новый законъ раздѣлилъ его власть, но не отнял ее у него, и потому избралъ второй способъ, желая лучше сохранить половину арміи, нежели погубить всю. Вслѣдствіе того, 2-й и 3-й римскіе легіоны, съ половиною пѣхоты, конницы, вспомогательныхъ и союзныхъ войскъ достались по жребію Фабію, а 1-й и 4-й римскіе легіоны, также съ другою половиною войскъ—Минуцію, который тотчасъ отдѣлился отъ Фабія и расположился впереди его въ отдѣльномъ лагерѣ.

Аннибалъ былъ въ восторгѣ отъ всего этого и основалъ на этомъ свой планъ. Онъ положилъ занять одну высоту между собою и Минуціемъ, выгодную для обоихъ, но такъ, чтобы это послужило поводомъ къ общему бою. А между тѣмъ онъ хотѣлъ устроить засаду въ одной изъ долинъ открытой вокругъ равнины, куда и помѣстилъ ночью 5 т. чел. пѣхоты и 500 чел. конницы, а чтобы скрыть это, на разсвѣтѣ занялъ высоту легкою пѣхотою. Минуцій выслалъ противъ нея свою легкую пѣхоту, а за нею конницу, и вскорѣ двинулся самъ съ легіонами въ боевомъ порядкѣ. По восходѣ солнца, римляне, обративъ все вниманіе на высоту, не замѣтили засады, находившейся вправо отъ нихъ, и атаковали легкую пѣхоту Аннибала на высотѣ. Аннибалъ же постепенно подкрѣплялъ свою легкую пѣхоту тяжелою, самъ послѣдовалъ за нею съ конницей, и такимъ образомъ бой мало по малу сдѣлался общимъ. Римскіе велиты были опрокинуты на легіоны, которые пришли въ разстройство; однако они снова устроились и бой завязался по всей линіи. Въ это время, по данному Аннибаломъ сигналу, войска, бывшія въ засадѣ, ринулись во флангъ и въ тылъ арміи Минуція, которая, атакованная со всѣхъ сторонъ, была близка къ гибели: еще минута—и она была бы разбита наголову. Но Фабій, слѣдившій за ходомъ боя, нисколько не медля вывелъ свою армію изъ лагеря и въ боевомъ порядкѣ двинулся на помощь Минуцію, направляясь къ правому флангу его. Припавъ его на себя, онъ въ полномъ порядкѣ двинулся противъ Аннибала. Но послѣдній, довольствуясь

одержаннымъ успѣхомъ и не намѣреваясь продолжать бой съ свѣжею арміею Фабія, приказалъ отступить, сказавъ при этомъ, по словамъ иныхъ: «Наконецъ-то гроза, долго ходившая по горамъ, разразилась дождемъ!» Фабій и Минуцій также отступили въ свои лагеря. Уроно Минуція былъ довольно большой, особенно въ легіонахъ.

Послѣ боя, Минуцій собралъ свои войска и сказавъ, что общая ихъ неосторожность была виною ихъ несчастія, убѣдилъ ихъ подчиниться болѣе искусному и способному полководцу. Затѣмъ онъ вывелъ свою армію изъ своего лагеря, присоединился къ арміи Фабія, сложилъ съ себя власть, дающую ему народомъ, и просилъ Фабія простить ему и

его войскамъ и снова принять ихъ подъ свое начальство. Фабій похвалилъ его, какъ онъ того вполне заслужилъ, за этотъ благородный поступокъ и оставилъ его по-прежнему магистромъ конницы. Величіе души Фабія произвело чрезвычайно выгодное для него впечатлѣніе и на умы въ Римѣ и на Аннибала. Въ Римѣ это расположило народъ снова въ пользу Фабія, а въ Аннибалѣ возбудило большое уваженіе къ нему.

Укрѣпивъ высоту, на которой произошло сраженіе и соединивъ ее коммуникаціонными линіями съ своимъ укрѣпленнымъ лагеремъ при Геруніѣ, Аннибалъ расположилъ тутъ свою армію на зимнихъ квартирахъ.

§ 31.

Дѣйствія на морѣ, въ Африкѣ и Испаніи.

Между тѣмъ Сервилій, прогнавъ кареагенскія эскадры, произвелъ высадку на берега Африки, но скорѣ потерпѣлъ въ бою неудачу, стоившую ему около 1 т. чел. урона и принудившую его воротиться въ Италию. Фабій, срокъ диктаторства котораго приближался, приказалъ Сервилію, вмѣстѣ съ другимъ консуломъ Аттиліемъ, прибыть въ армію и принять начальствованіе надъ нею. Они расположили армію на зиму въ деревянныхъ шалашахъ, тамъ же, гдѣ она находилась, и продолжали дѣйствовать по плану Фабія, нападая на фуражировъ Аннибала и безпрестанно тревожа его армію.

Въ Испаніи кареагенскій флотъ, подъ начальствомъ Аздрубала, былъ разбитъ Кнеіемъ Сципіономъ при устьѣ Ибера, съ потерей 31 изъ своихъ судовъ. Другой кареагенскій

флотъ, получившій приказаніе направиться къ Пизѣ, для подкрѣпленія Аннибала въ Италию, былъ принужденъ Кнеіемъ Сципіономъ искать убѣжища у береговъ Сардиніи, а потомъ въ Кареагенѣ. Въ подкрѣпленіе Кнеію Сципіону былъ посланъ братъ его Публий Корнелій Сципіонъ съ 20-ю судами, и оба они заняли близъ Сагунта лагерь, изъ котораго удачно производили и распространяли свои завоеванія внутри Испаніи. Помощью предательства одного испанца, они захватили тѣхъ испанскихъ заложниковъ, которыхъ Аннибалъ взялъ изъ важнейшихъ городовъ Испаніи, въ знакъ вѣрности ихъ. Сципіоны поступили съ ними весьма великодушно, что побудило многіе испанскіе города отложиться отъ Кареагена.

§ 32.

3-й походъ 216 года.

Приготовленія римлянъ и Аннибала.

На 216 годъ въ Римѣ были выбраны въ консулы: Теренцій Варронъ, имѣвшій за себя почти весь народъ, и Эмилиій Павелъ, представленный и поддержанный аристократіей. Послѣ выбора консуловъ, сенатъ приказалъ произвести наборъ 10 т. чел. для пополненія каждого изъ 5-ти находившихся на службѣ легіоновъ до числа 5 т. челов. пѣхоты (вмѣсто 4,200) и 300 чел. конницы (вмѣсто 200) противъ предыдущаго года. Сверхъ того были набраны 4 новые римскіе легіона той же силы, а союзники выставили всего 9 легіоновъ такого же числа пѣхоты и двойнаго числа конницы. Такимъ образомъ

всѣхъ войскъ было 9 римскихъ и 9 союзныхъ, всего 18 легіоновъ и въ нихъ: пѣхоты римской 45 т., союзной 45 т., всего 90 т., конницы римской 2,700, союзной 5,400, всего 8,100, а всего 98,100 чел. — силы, которыхъ дотолѣ никогда еще не выставляли римляне въ такомъ числѣ. Сенатъ пришелъ наконецъ къ убѣжденію, что необходимо было употребить чрезвычайное напряженіе силъ для одолѣнія грознаго врага, напавшаго на республику въ самомъ средоточіи ея владѣній, и для того набрать 8 консульскихъ легіоновъ, вмѣсто обыкновенныхъ 4-хъ, дабы по крайней мѣрѣ огром-

нымъ превосходствомъ силъ подавить Аннибала. Но при этомъ сенатъ сдѣлалъ большую ошибку въ образованіи слишкомъ малого числа конницы (8,100 чел.) противъ конницы Аннибала (до 10 т.), притомъ старой, боевой и отличной, въ числѣ которой было до 2 т. чел. превосходной нумидійской легкой конницы, между тѣмъ какъ конница римская и союзная была наибольшею частію (болѣе 5 т.) новаго набора, неопытная и далеко уступавшая картегенской. Такимъ образомъ конница была слабою стороною въ составѣ римскихъ армій. Иеронъ, царь сиракузскій, прислалъ 1 т. стрѣлковъ и пращниковъ, 300 т. мѣръ пшеницы и 20 т. мѣръ ячменя, съ совѣтомъ произвести диверсію въ Африкѣ. Сенатъ исполнилъ это только на половину, прибавивъ 25 quinque-ремъ къ флоту пропретора Отацилія въ Сицилію и разрѣшивъ ему переправиться въ Африку, если онъ признаетъ это полезнымъ. Въ Италіи консулы соединили подъ своимъ начальствомъ 4 легіона, находившіеся при Геруніѣ, и 4 вновь набранные, а преторъ Постумій былъ посланъ съ однимъ римскимъ и однимъ союзнымъ легіонами въ Цизальпинскую Галлію. Обоимъ Сципіонамъ въ Испаніи было продолжено начальствованіе на годъ и посланы нужныя подкрѣпленія, для усиленнаго веденія войны.

Новые консулы, передъ отправленіемъ своимъ изъ Рима въ армію, говорили народу совершенно отлично одинъ отъ другаго и тѣмъ уже какъ бы предрекали будущія событія. Грубый и запальчивый Варронъ обвинялъ аристократію въ привлеченіи Аннибала въ Италію, гдѣ онъ долженъ былъ оставаться еще долго, если арміи будутъ вѣрять таиннымъ людямъ, какъ Фабій; но что онъ, Варронъ, кончитъ войну разомъ блистательною побѣдой, въ тотъ самый день, когда увидитъ непріятеля! Эмилиі Павелъ, напротивъ, говорилъ съ достоинствомъ, мудро и правдиво: «удивляюсь, что полководецъ, не выдавшій еще ни своей, ни непріятельской арміи, ни ихъ расположенія, и незнакомый съ мѣстными обстоятельствами, можетъ, еще не выходя изъ Рима, начертать планъ похода и предсказать день вступленія своего въ битву. Что касается меня, то будучи убѣжденъ, что не люди управляютъ событіями, а событія людьми, я не предреку ничего заранее; я убѣжденъ, что дѣйствія, управляемые мудростью и размышленіемъ, всегда счастливы, безумная же отважность можетъ имѣть послѣдствіемъ только несчастіе». Историки говорятъ, что Фабій при этомъ случаѣ убѣждалъ Эмилия Павла въ необходимости не отступать отъ того образа дѣйствій, которымъ онъ, Фабій, руководствовался, на что Эмилиі Павелъ отвѣчалъ ему, что если уже диктаторъ не устоялъ противъ козней своего магистра

конницы, то тѣмъ труднѣе консулу противиться своему сотоварищу; — «я самъ» — прибавилъ онъ — «едва избѣгнулъ, нѣскольکو лѣтъ тому назадъ, возбужденной противъ меня грозы; желаю, чтобы все шло какъ можно лучше, но если должно случиться какое нибудь несчастіе, то предпочитаю лучше пасть подъ ударами непріятеля, нежели снова предать голову мою ярости моихъ согражданъ». Эти слова Варрона и Эмилия Павла достаточно рисуютъ каждого изъ нихъ и полезны для уразумѣнія послѣдующихъ событій.

Послѣ набора новыхъ легіоновъ, повоплабренныя войска, пѣхота и конница, принесли не обыкновенную, а новую присягу — не предаваться бѣгству и не покидать рядовъ; развѣ только для того, чтобы брать или просить оружія, поражать непріятеля или спасать согражданъ. Эту новую присягу также слѣдуетъ имѣть въ виду при разсмотрѣніи послѣдующихъ событій.

Междутѣмъ Аннибалъ оставался въ своемъ зимнемъ расположеніи при Геруніѣ не только до начала весны, но даже до мая мѣсяца, когда въ Апуліи уже начиналъ созрѣвать хлѣбъ на поляхъ — бездѣйствіе, необъясняемое достаточно ни Полибіемъ, ни Титомъ Ливіемъ, и для насъ остающееся непонятнымъ и страннымъ, какъ и многое другое въ этомъ походѣ со стороны Аннибала. Армія его въ продолженіи трехъ мѣсяцовъ зимы успѣла, кажется, достаточно отдохнуть, оправиться и собрать пущее продовольствіе. Ждалъ-ли Аннибалъ жатвы? или какого-либо благопріятнаго для него оборота дѣлъ въ южной Италіи? Извѣстно только, что всѣ запасы продовольствія, собранные имъ въ Геруніѣ, были потреблены, а окрестный край уже не могъ доставлять ему новыхъ, потому что римскій сенатъ приказалъ сельскимъ жителямъ свозить свои запасы въ города, а что оставалось затѣмъ, было забрано войсками съ той и съ другой стороны, вслѣдствіе чего Аннибалу уже невозможно было оставаться при Геруніѣ — по недостатку продовольствія и необходимо было перемѣнить мѣсто расположенія для пріобрѣтенія его. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, Аннибалъ не хотѣлъ и выходить изъ Апуліи, въ которой былъ увѣренъ, что найдетъ болѣе, нежели въ иныхъ областяхъ, средствъ для продовольствованія арміи. А потому онъ положилъ двинуться къ разрушенному въ предъидущемъ году городу Каннамъ, къ югу отъ равнины Апуліи, на правомъ берегу р. Ауфиды (н. Офанта). Въ замкѣ (или цитадели) этого бывшаго города, оставшемся во власти римлянъ, послѣдними были собраны всѣ запасы продовольствія окрестнаго края.

§ 33.

Взятіе Аннибаломъ замка Каннъ; — сраженіе при Каннахъ.

Имѣя въ виду завладѣть этими запасами и принудить римлянъ къ сраженію, Аннибалъ быстро двинулся къ замку Каннъ, взявъ его внезапнымъ нападеніемъ и приступомъ съ боя и расположился возлѣ него лагеремъ. Этимъ онъ лишилъ римлянъ крѣпкаго опорнаго и складочнаго пункта въ этомъ краю и всѣхъ запасовъ продовольствія въ немъ, и, пріобрѣтая эти выгоды въ свою пользу, достигалъ другой своей цѣли — возможности принудить римлянъ къ сраженію, чего не могъ бы достигнуть, оставаясь въ южной Апуліи. Быстрое же движеніе его къ замку Каннъ имѣло цѣлю предупредить усиленіе гарнизона его изъ римскихъ армій близъ Герунія и поставить эти арміи, имѣвшія относительно слабѣйшую числомъ конницу, въ невозможность слѣдовать чрезъ открытыя равнины Апуліи за Аннибаломъ, имѣвшимъ болѣе сильную и лучшую конницу. Поэтому движеніе его отъ Герунія къ Каннамъ, и по соображенію, и по исполненію, заслуживаетъ полныхъ вниманія и одобренія.

Совершенно противное слѣдуетъ сказать о дѣйствіяхъ проконсуловъ Сервілія и Регула, временно (до прибытія новыхъ консуловъ) начальствовавшихъ римскими арміями близъ Герунія. Они не приняли никакихъ мѣръ, ни для надлежащаго обезпеченія своихъ складовъ въ замкѣ Каннъ, усиленіемъ его укрѣпленій и гарнизона, ни для открытія во-время движенія къ нему Аннибала, тѣмъ болѣе, что, для движенія за нимъ, имъ необходимо было, для избѣжанія боя съ нимъ на равнинахъ, идти дальнимъ обходомъ вдоль подошвы горъ. Безпечность ихъ простиралась до того, что они убѣдились въ опасности, грозившей ихъ складамъ, лишь тогда, когда получили извѣстіе о взятіи ихъ Аннибаломъ. А затѣмъ, не зная, что предпринять, они нѣсколько разъ посылали въ Римъ спрашивать у сената, что имъ дѣлать, представляя, что имъ нельзя было ни оставаться на мѣстѣ въ краю, уже истощенномъ, ни приблизиться къ Аннибалу, безъ опасенія быть принужденными вступить съ нимъ въ сраженіе, котораго велѣно было избѣгать (какъ будто между этими двумя крайностями они не могли придумать никакихъ другихъ средствъ, какъ, напримѣръ, подобно Фабію, немедленно расположиться въ виду Аннибала въ неприступномъ лагерѣ въ горахъ). Сенатъ рѣшилъ, что не оставалось ничего болѣе, какъ вступить съ Аннибаломъ въ сраженіе (въ противоположность мудрому правилу Фабія), одна-

ко приказалъ проконсуламъ не вступать въ него до прибытія новыхъ консуловъ и легионовъ. При этомъ и сенатъ, и народъ, въ большинствѣ, справедливо возлагали надежды свои на Эмилиа Павла.

По прибытіи консуловъ и легионовъ въ лагерь армій близъ Герунія, консулы прежде всего занялись слияніемъ новыхъ легионовъ съ прежними и устройствомъ армій. А затѣмъ Эмилий Павелъ употребилъ всѣ возможные доводы для наибольшаго одушевленія войскъ и представленія имъ, что теперь настало время загладить вѣрною побѣдой всѣ прежнія неудачи, бывшія лишь слѣдствіемъ ошибокъ. На слѣдующій день оба консула съ арміями (силы которыхъ простирались до 80 т. чел. пѣхоты и 7,200 чел. конницы въ строю) двинулись къ Канузію (н. Canosa) и, прибывъ туда на 2-й день, расположились лагеремъ позади этого города, на правомъ берегу р. Ауфиды, въ 6-ти рим. миляхъ (болѣе 6-ти верстъ) отъ лагеря Аннибала позади замка Каннъ. Эмилий Павелъ, видя, что окрестныя, открытыя равнины были выгодны для Аннибала, но невыгодны для римлянъ, полагалъ завлечь Аннибала на мѣстность, болѣе удобную для дѣйствій римской пѣхоты, нежели для кареагенской конницы. Но Варронъ, столько же безразсудный, сколько неспособный и невѣжественный, былъ совершенно другаго мнѣнія, слѣдствіемъ чего было не только взаимное несогласіе обоихъ консуловъ, но и ссора ихъ. Варронъ презрительно укорялъ Эмилиа Павла медлительностью Фабія, а Эмилий Павелъ напоминалъ Варрону безразсудную отважность Семпронія и Фламинія. Разумѣется, ничего хорошаго отъ этого ожидать было нельзя.

На другой же день послѣ прибытія консуловъ къ Канузію, Варронъ, начальствуя въ свою очередь арміями, захотѣлъ приблизиться къ лагерю Аннибала. Послѣдній тотчасъ двинулся противъ него съ легкою пѣхотой (8 т.) и конницей (10 т.) и атаковалъ ими римскія войска на походѣ, какъ только они прошли мимо Канузія. Первое столкновение было очень сильное и привело передовыя римскія войска въ нѣкоторое разстройство. Но Варронъ подкрѣпилъ ихъ шедшими сзади нѣсколькими когортами экстраординарныхъ войскъ, и всѣ они вмѣстѣ (всего около 7 т. конницы, 19 т. велитовъ и 12 т. тяжелой пѣхоты = 38 т.) стремительно атаковали легкую пѣхоту и конницу Аннибала. Бой продолжался до вечера и былъ

выгоденъ для римлянъ, но невыгоденъ для Аннибала, противъ его ожиданія: онъ опасался даже, чтобы это не произвело дурнаго впечатлѣнія на его армію. Нельзя не сознаться, что въ этомъ передовомъ бою неспособный Варронъ распорядился лучше Аннибала, какъ оно ни можетъ показаться страннымъ, а именно тѣмъ, что подкрѣпилъ и поддержалъ свои передовыя конныя и пѣшія легкія войска тяжелою пѣхотой, между тѣмъ какъ Аннибалъ не имѣлъ тяжелой пѣхоты за своею конницею, для поддержанія ея, и слѣдовательно имѣлъ эти невыгоды и превосходство силъ противъ себя.

На другой день очередь начальствованія принадлежала Эмилию Павлу. Положеніе его было довольно трудное: онъ одинаково и справедливо признавалъ невыгоднымъ, и оставаться на томъ мѣстѣ, гдѣ окончился передовой бой и римскія арміи расположились на ночь лагеремъ, и отступить назадъ на мѣстность, болѣе выгодную для пѣхоты. Между этими двумя крайностями онъ избралъ середину, дабы хоть сколько нибудь улучшить расположеніе армій и, прикрывая собственныхъ фуражировъ, безпокоить неприятельскихъ, а именно $\frac{2}{3}$ войскъ армій онъ оставилъ тамъ, гдѣ онѣ находились, а $\frac{1}{3}$ расположилъ на другомъ берегу р. Ауфиды, около 1,300 шаговъ отъ большого лагеря и нѣсколько далѣе отъ лагеря Аннибала. Такимъ раздѣленіемъ двухъ армій на двѣ части онъ, можетъ быть, хотѣлъ, въ случаѣ неудачи большей части, спасти по крайней мѣрѣ хоть меньшую. Аннибалъ, съ своей стороны, видя, что наконецъ настало время столь сильно желаемой и давно ожидаемой имъ битвы, и имѣя въ виду изгладить между своими войсками неблагопріятное впечатлѣніе боя предыдущаго дня, собралъ ихъ и, по свидѣтельству Полибія, произнесъ передъ ними очень убѣдительную рѣчь, въ которой особенно указалъ имъ на всѣ выгоды мѣстности для нихъ и невыгоды ея для римлянъ, обѣщавшія несомнѣнную побѣду первымъ, и представилъ имъ на видъ всѣ выгоды уже одержанныхъ ими передъ тѣмъ побѣдъ и особенно той, которую они одержать теперь, и этимъ чрезвычайно ободрить и одушевить свои войска. Хотя произнесеніе такого рода рѣчей полководцами своимъ войскамъ передъ сраженіями и было въ общемъ употребленіи въ древности, однако за достовѣрность ихъ, разумѣется, ручаться нельзя. Но смыслъ рѣчей, произнесенныхъ и Аннибаломъ въ это время, и Эмилиемъ Павломъ рапѣе, не противурѣчатъ вѣроятности и въ этомъ только отношеніи и слѣдуетъ упомянуть о нихъ.

Послѣ того Аннибалъ приказалъ сильно укрѣпить свой лагерь, а на другой день— войскамъ подкрѣпить свои силы пищей и изготавиться къ бою, и, выведя всю свою армію изъ лагеря, построилъ ее впереди

его, правымъ флангомъ къ р. Ауфиду, въ боевой порядокъ, какъ бы вызывая римлянъ на бой. Но Эмилиі Павелъ не вышелъ изъ своего большого лагеря и ограничился только тѣмъ, что сильно укрѣпилъ оба лагеря и обезпечилъ стражами сообщенія и подвозы продовольствія въ тылу. Аннибалъ, простоявъ нѣсколько времени въ боевомъ порядкѣ и видя, что римляне не выходятъ изъ своихъ лагерей, воротился въ собственныя, только выславъ нумидійскую конницу за р. Ауфидъ, тревожить войска малаго римскаго лагеря и препятствовать имъ водить лошадей къ Ауфиду на водопой. Нумидійцы не только исполнили это, но даже приблизились къ самому лагерю и дерзко нападали на стражей и часовыхъ его.

Варронъ, а съ нимъ и всѣ римскія войска, были въ себя отъ такой дерзости и горѣли нетерпѣніемъ вступить въ бой. И потому на слѣдующій день Варронъ, будучи очереднымъ главноначальствующимъ, уже на разсвѣтѣ подалъ сигналъ къ бою, не сказавъ ни слова о томъ Эмилию Павлу, и перевелъ всѣ войска изъ большого лагеря на другую сторону Ауфиды, гдѣ признавалъ мѣстность болѣе удобною для того, чтобы развернуть всѣ свои силы. Переведя войска черезъ Ауфидъ, онъ построилъ ихъ въ боевой порядокъ и присоединилъ къ нимъ всѣ войска изъ малаго лагеря. Правую фланговую римскую конницу (2,400 чел.) онъ пригнулъ къ лѣвому берегу Ауфиды, построивъ ее въ одну линію. Въ серединѣ онъ поставилъ римскіе легіоны на право, а союзные на лѣво, не въ обыкновенномъ строѣ, но построивъ манипулы въ 10 чел. во фронтѣ и въ 16 чел. въ глубину, для того, чтобы придать многочисленной римской пѣхотѣ болѣе глубины, а впрочемъ расположилъ манипулы въ 3 линіи, въ шахматномъ порядкѣ. Пѣхоты въ строю, въ боевомъ порядкѣ, было всего 15 легіоновъ, потому что 16-й легіонъ съ пѣхотой экстраординарныхъ войскъ (всего около 11 т. чел.) былъ оставленъ въ большомъ лагерѣ, для нападенія, во время боя, на лагерь Аннибала. Конница экстраординарныхъ и союзныхъ войскъ (всего 4,800 чел.) была поставлена на лѣвомъ флангѣ въ одну линію, не примыкая слѣва ни къ какому естественному препятствію. Вся легкая пѣхота, имѣя стрѣлковъ и пращниковъ царя Іерона въ серединѣ, была поставлена довольно далеко впередъ фронта арміи въ одну линію. Варронъ принялъ начальствованіе надъ лѣвымъ крыломъ, Эмилиі Павелъ надъ правымъ, а проконсулъ Сервилій надъ серединой.

Между тѣмъ Аннибалъ, какъ только увидалъ движеніе римлянъ за Ауфидъ, немедленно выслалъ туда же балеарскихъ пращниковъ и стрѣлковъ и всю свою легкую пѣхоту, съ приказаніемъ расположиться противъ римской арміи и заслонить отъ нея

построеніе и расположеніе собственной. Переведя послѣднюю 2-мя колоннами черезъ Ауфидъ, онъ построилъ ее позади своей легкой пѣхоты въ боевой порядокъ въ одну линію, а именно: всю испанскую и галльскую конницу (8 т. чел.)—на лѣвомъ крылѣ, лѣвымъ флангомъ къ Ауфиду, $\frac{2}{3}$ въ 1-й и $\frac{1}{3}$ во 2-й линіи, — нумидійскую конницу (2 т. чел.)—на правомъ крылѣ, отдѣльными частями передъ фронтомъ всего лѣваго крыла римлянъ, и наконецъ всю тяжелую пѣхоту свою (около 32 т. чел.)—африканскую, самую лучшую, по флангамъ, фалангой въ 16 чел. глубины и по отдѣленіи въ 1 т. чел. каждое, вооруживъ ее римскимъ оружіемъ, взятымъ у римлянъ въ предшествовавшихъ сраженіяхъ, — испанскую же и галльскую — въ серединѣ между африканскою, особыми отдѣленіями, испанскими и галльскими попеременно, но глубиною только въ 10 чел. Легкой же пѣхотѣ онъ приказалъ, по обычному сигналу, отступить за 1-ю линію и построиться во 2-й за серединою и обоими крылами. Самъ онъ съ братомъ своимъ Магопомъ взялъ на себя начальствованіе пѣхотой, Ганнонъ — правымъ, а Аздрубаль — лѣвымъ крыломъ.

Причинами и цѣлію означеннаго здѣсь построенія Аннибаломъ своей арміи въ боевой порядокъ были слѣдующія:

Поспѣшность, съ которою римляне строились къ бою, тотчасъ обнаружила Аннибалу все ихъ построеніе, съ которымъ онъ и сообразовалъ собственное. Примѣръ пропущеннаго передъ тѣмъ передоваго боя заставилъ его опасаться, чтобы римская конница не была снова поддержана частию римской пѣхоты, почему онъ и поставилъ всю свою лучшую конницу, испанскую и галльскую, на лѣвомъ крылѣ и притомъ большею частию въ 1-й линіи, а меньшею во 2-й, такъ какъ р. Ауфидъ мѣшала построить ее въ одну линію, дабы охватить римскую право-фланговую конницу. Нумидійскую же конницу на правомъ крылѣ, хотя и слабѣйшую числомъ, онъ считалъ достаточною для противудѣйствія лѣво-фланговой римской конницѣ и притомъ надѣялся еще во-время покончить на своемъ лѣвомъ крылѣ, чтобы поспѣть, въ случаѣ надобности, на помощь правому. Что же касается пѣхоты въ серединѣ, то причиной и цѣлію означеннаго выше порядка построенія ея была задуманная имъ хитрость. Примѣръ сраженія на р. Требинъ, гдѣ прорваніе середины его арміи серединою римской послужило къ совершенному пораженію всей римской арміи, побудилъ его и теперь завлечь середину римской арміи въ клещи или щипцы середины собственной арміи, но такъ, чтобы середина римской арміи не могла, какъ при р. Требинъ, прорваться, а напротивъ могла быть остановлена спереди и охвачена съ боковъ. Вотъ

для чего онъ и поставилъ испанскую и галльскую пѣхоту, какъ слабѣйшую, въ серединѣ, въ 10 ч. глубины, а африканскую, какъ лучшую, по флангамъ, въ 16 ч. глубины, легкой же пѣхотѣ своей назначилъ построиться потомъ во 2-й линіи за тяжелою пѣхотой и конницею.

Окончивъ построеніе своей арміи, онъ двинулся впередъ съ серединою своей пѣхоты, испанской и галльской, клиномъ впередъ, съ уступами назадъ къ линіи африканской пѣхоты. Бой съ обѣихъ сторонъ начали легкія войска и продолжали съ равными упорствомъ и успѣхомъ. Между тѣмъ Аннибалъ приказалъ Аздрубалу атаковать правую фланговую римскую конницу. Ударъ обѣихъ фланговыхъ конницъ былъ чрезвычайно сильный, а рукопашный бой — упорный. Многіе изъ римскихъ всадниковъ сѣшались и сражались пѣшими, что подало Аннибалу поводъ сказать, что «по немъ это было все равно, какъ еслибы ему выдали этихъ всадниковъ связанными по рукамъ и по ногамъ». Однако наконецъ римская конница была подавлена превосходною числомъ и добротою испанскою и галльской конницею, разбита, опрокинута, преслѣдована и почти вся истреблена безъ пощады. Эмилій Павелъ, довольно тяжело раненый, съ трудомъ спасся и сталъ въ головѣ пѣхоты. Въ то же время нумидійцы, наѣздивъ передъ лѣвымъ римскимъ крыломъ, удерживали его передъ собою.

Между тѣмъ легкая пѣхота съ обѣихъ сторонъ, прекративъ бой, отступила бѣгомъ, римская — сквозь промежутки 1-й и 2-й линій въ промежутки 3-й (тріаріевъ), а кареагенская — за 1-ю линію во 2-ю. Манипулы принциповъ вступили въ промежутки манипулъ гастатовъ и тѣ и другія въ одной линіи, въ строѣ фаланги, послѣдующія 2-ю линіей тріаріевъ и велитовъ, двинулись впередъ. Вскорѣ середина 1-й линіи встрѣтила голову клина 1-й линіи Аннибала и произвела сильный ударъ противъ нея. Испанская и галльская пѣхота, храбрая, но плохо вооруженная, сначала выдержала ударъ, не разстроивъ своихъ рядовъ, но скорѣ была принуждена уступить напору римлянъ, а эти послѣдніе, вслѣдствіе самой стремительности своего напора, въ свою очередь образовали строй въ видѣ клина, проникавшій все болѣе и далѣе въ строй кареагенской пѣхоты, принимавшій видъ клещей или щипцовъ. Въ одно и то же время тріарин и велиты надвинулись на принциповъ и гастатовъ, испанская и галльская пѣхота продолжала отступать уступами изъ середины назадъ, а африканская пѣхота на флангахъ, напротивъ, наступать. При этомъ римскіе легіонеры начали стѣсняться косвенно отъ фланговъ къ серединѣ, вытѣсняя послѣднюю впередъ, причемъ ряды начали разстроиваться.

Между тѣмъ Аздрубаль, довершивъ поражение правой фланговой римской конницы, поскакалъ съ своею конницей позади линіи римской пѣхоты въ тылъ лѣвой фланговой конницы. Последняя, угрожаемая спереди нумидійцами, а сзади Аздрубаломъ, обратилась въ бѣгство и разсѣялась по равнинѣ, а съ нею бѣжалъ и столь храбрый до боя Варронъ. Аздрубаль, пославъ нумидійцовъ для преслѣдованія бѣжавшихъ, самъ устремился на помощь своей пѣхотѣ. Голова клина римскаго центра, между тѣмъ, подвигаясь все далѣе и далѣе, наконецъ боками своими сблизилась съ линіей африканской пѣхоты. Тогда Аннибалъ вдвои́мъ ряды отступавшихъ испанцовъ и галловъ стоявшею сзади нихъ легкою пѣхотой, дабы остановить наступленіе клина римлянъ, а африканская пѣхота въ то же время захожденіемъ на право и на лѣво атаковала римскій клинъ съ обѣихъ сторонъ и прорвала его фланги. Съ другой стороны Аздрубаль, раздѣливъ свою конницу на части, атаковалъ римскую пѣхоту съ тыла и съ обѣихъ фланговъ сквозь промежутки африканской пѣхоты. Римскіе легіонеры, стѣсненные до такой степени, что едва могли защищаться своимъ оружіемъ, совершенно смѣшавшіе свои ряды, атакованные со всѣхъ сторонъ, уже не могли противупоставить непріятелю правильнаго строя и были принуждены сражаться порознь. Тщетно Эмили́й Павелъ старался устроить римскія войска: въ страшной рукопашной свалкѣ, онъ палъ, отчаянно сражаясь, славною смертію героя. Послѣ того бой превратился уже просто въ поголовное избіеніе римлянъ.

Между тѣмъ 11 т. римскихъ войскъ, оставленныхъ въ большомъ лагерѣ, атаковали лагерь Аннибалы. Но послѣдній имѣлъ предосторожность сильно укрѣпить лагерь и занять его сильною стражей, которая сражалась такъ упорно, что удержала атакующихъ до конца сраженія. А тогда Аннибалъ двинулся на помощь ей съ частию своей арміи. При этомъ римляне потеряли до 2 т. чел. въ атакѣ лагеря, остальные же были опрокинуты въ свой лагерь и на другой день взяты въ немъ въ плѣнъ.

Пораженіе 87-ми-тысячной римской арміи было еще рѣшительнѣе и полнѣе, нежели пораженіе Фламинія при Тразименскомъ озерѣ. Болѣе 40 т. чел. пѣхоты и 4 т. чел. конницы римскихъ было убито, въ томъ числѣ консулъ Эмили́й Павелъ, проконсулъ Сервилій, квесторы Аттилій и Бибакулъ, бывший магистръ конницы Фабія Минуцій, множество консульскихъ лицъ, бывшихъ преторовъ и эдильей, 21 военный трибунъ и 80 сенаторовъ, служившихъ въ арміи волонтерами. Около 300 союзныхъ всадниковъ и 70 римскихъ спаслись съ Варрономъ въ Вепозу, 2 т. разсѣялись по полямъ и на другой день были захвачены

въ плѣнъ нумидійцами, 360 чел. были взяты въ плѣнъ въ сраженіи. Изъ пѣхоты 10 т. спаслись въ большой лагерь и 7 т. въ малый, отъ 10 до 12 т. разсѣялись во всѣ стороны и успѣли избѣжать преслѣдованія кареагенянъ, а 3 т. были взяты въ плѣнъ. Словомъ — огромная 87-ми тысячная римская армія была мгновенно истреблена однимъ, подобнымъ громовому, ударомъ, какъ будто ея и не существовало!

Уронъ кареагенянъ простирался лишь до 4 т. испанцовъ и галловъ, 1,500 африканцовъ и 200 чел. конницы, всего 5,700 чел.

Превосходнымъ соображеніемъ, распоряженіемъ и дѣйствіямъ Аннибалы, въ сраженіи при Каннахъ, совершенную противуположность составляютъ многія грубыя ошибки Варрона и его помощниковъ (исключая Эмили́я Павла). Главными изъ нихъ были: 1) принявъ личное начальствованіе надъ лѣвымъ крыломъ, Варронъ хотѣлъ, по видимому, съ нимъ произвестъ главный рѣшительный ударъ, но ничего этого не сдѣлалъ, не опрокинулъ нумидійцовъ, оставался передъ ними въ бездѣйствіи и, угрожаемый атакой Аздрубала, постыдно бѣжалъ; 2) онъ не подкрѣпилъ право-фланговой римской конницы легіонною пѣхотой и тѣмъ допустилъ поражение ея лѣво-фланговою конницею Аннибалы; 3) совершенно ошибочно построилъ легіонную пѣхоту въ строѣ фаланги, увеличивъ глубину манипулъ и введя манипулы принциповъ въ промежутки манипулъ гастатовъ, а велитовъ въ промежутки триаріевъ, чѣмъ совершенно лишилъ легіонную пѣхоту ломкости строя, удободвижимости и свободы дѣйствій, — и 4) не взялъ на себя личнаго начальствованія надъ огромною массою легіонной пѣхоты, отчего она была почти совершенно предоставлена сама себѣ и, когда Эмили́й Павелъ прибылъ къ ней, уже была въ величайшихъ безпорядкѣ и разстройствѣ.

Изъ 17 т. римскихъ войскъ, спасшихся въ большой и малый лагери, большая часть была безъ оружія и начальниковъ и имѣла множество раненыхъ. Находившіеся въ большомъ лагерѣ предложили бывшимъ въ маломъ присоединиться къ нимъ и вмѣстѣ отступить въ Канузій (п. Canosa), къ ю. отъ Каннъ. Предложеніе это было отвергнуто большинствомъ войскъ малаго лагеря, но 600 чел. храбрѣйшихъ, подъ предводительствомъ военнаго трибуна Семпронія Тудитана, ночью успѣли пройти сквозь нумидійцовъ, перейти черезъ р. Ауфидъ и, соединясь въ большомъ лагерѣ съ 3,500 чел. пѣхоты и 200 всадниками, также изъ храбрѣйшихъ, благополучно ушли въ Канузій.

На другой день послѣ сраженія, Аннибалъ, послѣ погребенія убитыхъ (въ томъ числѣ, съ особенными почестями, тѣла Эмили́я Павла), атаковалъ малый лагерь. Оставшіеся въ немъ римскія войска сдались на условіи

денежного выкупа. Ихъ примѣру послѣдовали и войска, оставшіяся въ большомъ лагерѣ.

Тогда-то, какъ говорятъ историки, высшіе начальники кареагенской арміи, поздравляя Аннибала съ побѣдой, совѣтовали ему (особенно Магарбаль) идти прямо къ Риму. Но Аннибалъ, отвѣчалъ на это, по инымъ—отказомъ, а по другимъ—уклончиво, говоря, что это слѣдуетъ прежде обдумать. Полибій ничего объ этомъ не упоминаетъ, но Титъ-Ливій и Плутархъ говорятъ, будто Магарбаль, одинъ изъ высшихъ начальниковъ конницы, смѣлый, рѣшительный, лихой набѣдникъ, совѣтовалъ Аннибалу тотчасъ идти прямо къ Риму, и когда Аннибалъ отвѣчалъ ему, что объ этомъ нужно еще подумать, пылкій Маргабаль будто бы возразилъ: «ты умѣешь побѣждать, но не умѣешь пользоваться побѣдой». Эти слова Маргабала, подлинные-ли они или вымышленныя, дошли до поздняго потомства, обратились въ поговорку и послужили поводомъ къ жаркимъ преніямъ, строгимъ обвиненіямъ и усердной защитѣ Аннибала. Всѣ историки обвиняютъ его въ отказѣ идти къ Риму, но неосновательно и несправедливо. Римляне, дѣйствительно, лишились 16-ти легіоновъ, но никто изъ ихъ союзниковъ еще не отложился отъ нихъ явно, Римъ былъ охраняемъ сильнымъ гарнизономъ, а много-ли стоило римлянамъ въ самомъ непродолжительномъ времени набрать новую, многочисленную армію?—Объ овладѣніи Римомъ посредствомъ внезапнаго нападенія, открытаго приступа, обложенія или осады, нельзя было и помышлять разсудительно. Движеніе прямо къ Риму могло бы быть отличнымъ набѣгомъ или партизанскимъ дѣйствіемъ для Магарбала, но ни въ какомъ случаѣ не было бы основательно соображеннымъ и правильно исполненнымъ (тѣмъ, что Наполеонъ I разумѣетъ подъ методическимъ) дѣйствіемъ такого полководца, какъ Аннибалъ, въ такой войнѣ, какъ эта, съ такою арміей, какъ его, въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ онъ находился, и противъ такихъ враговъ, какъ

Римъ и римляне. Совѣтовать идти прямо къ Риму могли—Магарбаль и древніе историки, но исполнить этого никакъ не могъ—Аннибалъ. Ему, послѣ сраженія при Каннахъ, необходимо было прежде возстановить противъ Рима всѣхъ его союзниковъ и всѣ народы въ Италіи, и тогда только, совершенно уединивъ Римъ, сокрушить его, какъ онъ, Аннибалъ, сокрушилъ его арміи при Требин, Тразименскомъ озерѣ и Каннахъ. Вотъ мысль, вполне достойная Аннибала—и кто отважится сказать, что онъ былъ неправъ?—Объ этомъ будетъ еще говорено ниже; здѣсь же, въ заключеніе, слѣдуетъ упомянуть объ участи римскихъ войскъ, спасшихся послѣ сраженія при Каннахъ.

4,300 изъ нихъ, какъ означено выше, спаслись въ Канузій. При нихъ, кромѣ Семпронія, было еще 4 военныхъ трибуна: Фабій (сынъ бывшаго диктатора), Публицій Бибуль, Корнелій Сципіонъ (въ послѣдствіи знаменитый Сципіонъ младшій африканскій) и Аппій Клавдій. Начальствованіе было ввѣрено Сципіону и Аппію Клавдію. Пока они совѣщались, что дѣлать, ихъ увѣдомили, что большое число молодыхъ воиновъ, имѣя въ головѣ Цецилія Метелла, отчаяваясь въ спасеніи республики, намѣревались бѣжать изъ Италіи. Сципіонъ съ членами военного совѣта немедленно отправился къ нимъ и, съ мечомъ въ рукѣ, заставилъ ихъ поклясться, что они не покинутъ отечества въ опасности. Между тѣмъ около 4,000 чел., разсѣявшихся въ разныя стороны, собрались въ Венузію (н. Venosa), къ ю. з. отъ Канузіи. Сюда прибылъ, какъ бѣглець, и виновникъ всего бѣдствія—Варронъ. Узнавъ о томъ, Сципіонъ и Аппій Клавдій послали къ нему за приказаніями. Варронъ самъ отправился къ нимъ съ спасшимися въ Венузію 4,000 чел. и, собравъ въ Канузіѣ уже до 14,000 чел., принялъ мѣры для образованія изъ нихъ небольшой консульской арміи. Станнымъ кажется, что онъ избралъ для этого Канузій, въ виду Аннибала, а не Венузію, болѣе отдаленную отъ него. Но не слѣдуетъ забывать, что это былъ—Варронъ.

§ 34.

Мѣры римлянъ и Аннибала;—возстаніе въ Италіи.

Вѣсть о страшномъ Каннскомъ побоищѣ, убіеніи Эмилія Павла, истребленіи огромной арміи—повергло Римъ въ ужасъ. Не было болѣе ни полководца, ни арміи, Аннибалъ владѣлъ Апуліей, Самніемъ, почти всею Италіей... Одинъ сенатъ римскій не упалъ духомъ, а напротивъ, въ этихъ именно трудныхъ и опасныхъ обстоятельствахъ, снова воспрянулъ отъ усыпленія и явилъ

всю твердость, все мужество, всю мудрость, которыя не разъ являлъ въ подобныхъ обстоятельствахъ прежде. При первой вѣсти о бѣдствіи, преторы Фурій и Помпоній собрали сенатъ для совѣщанія о принятіи необходимыхъ мѣръ. Бывшій диктаторъ Фабій первый предложилъ прежде всего послать часть конницы по Аппіевой дорогѣ для развѣданія, гдѣ находились Варронъ съ остат-

комъ арміи и особенно Аннибалъ, и затѣмъ, чтобы сенаторы озаботились возстановленіемъ спокойствія въ городѣ и приказаніемъ отправлять всѣхъ вѣстниковъ изъ арміи къ однимъ преторамъ и выслушивать ихъ только въ сенатѣ. Мнѣніе Фабія было принято и исполнено и вскорѣ получены извѣстія отъ Варрона изъ Канузій. Тогда скорбь и уныніе уже сдѣлались общими въ цѣломъ Римѣ. Однако сенатъ и тутъ ограничилъ продолжительность всенароднаго траура только 30 днями. Но вслѣдъ затѣмъ получено было новое тревожное извѣстіе отъ Отацилія, пропретора Сициліи, что одинъ кареагенскій флотъ разоряетъ владѣнія царя Іерона, а другой собирается у Эгатскихъ острововъ, для нападенія на Лилибей и римскія владѣнія въ Сициліи, почему Отацилій просилъ прислать другой флотъ въ подкрѣпленіе находившемуся въ его распоряженіи.

Вслѣдствіе того сенатъ приказалъ претору Марцеллу, находившемуся въ Остинъ съ флотомъ, назначеннымъ въ Сицилію, послать часть войскъ въ Римъ, самому съ однимъ легіономъ идти въ Канузій и принять въ немъ начальствованіе надъ арміей, а товарищу его, претору Фурию — отправиться съ флотомъ въ Сицилію. Варрону было предложено, сдать начальствованіе Марцеллу, прибыть въ Римъ.

Марцеллъ, пославъ въ Римъ 1,500 морскихъ новобранцовъ, а одинъ морской легіонъ въ Кампанію, самъ отправился въ Канузій, а Фурій съ флотомъ въ Сицилію.

Въ виду чрезвычайныхъ обстоятельствъ и необходимости образованія новой арміи, сенатъ собственнымъ распоряженіемъ назначилъ диктатора — Юнія Пера, который избралъ своимъ магистромъ конницы Тиберію Семпронію Гракха. Оба они немедленно произвели наборъ 4-хъ легіоновъ и 1,000 всадниковъ, послали уполномоченныхъ для набора войскъ у союзниковъ, приказали приготовить всѣхъ родовъ оружіе, имѣвшееся въ запасѣ и взятое у непріятелей, наконецъ — приняли чрезвычайную мѣру — купили 8,000 самыхъ сильныхъ рабовъ, добровольно согласившихся идти въ военную службу, съ обѣщаніемъ дать имъ потомъ свободу, вооружили ихъ и включили въ ря-

ды арміи — первый подобнаго рода примѣръ у римлянъ.

Между тѣмъ Аннибалъ, съ своей стороны, изъ числа всѣхъ плѣнныхъ, взятыхъ имъ въ сраженіи при Каннахъ и послѣ него, союзниковъ римскихъ отпустилъ безъ выкупа, а съ римлянами поступилъ очень кротко и великодушно и предложилъ имъ выкупиться за опредѣленную плату, на что они съ радостью согласились и получили позволеніе Аннибала послать 10 выборныхъ отъ себя въ Римъ, съ клятвою, что они воротятся. Аннибалъ послалъ съ ними знатнаго кареагенянина Кареалона, для переговоровъ о мирѣ, еслибы римляне оказали склонность къ тому.

По приближеніи ихъ къ Риму, сенатъ, объявивъ Кареалону, чтобы онъ удалился изъ владѣній республики, выборныхъ отъ плѣнныхъ принялъ вѣтъ города. По выслушаніи ихъ, мнѣнія раздѣлились, впрочемъ только касательно того, изъ какого источника произвести выкупъ. Но одинъ изъ сенаторовъ, Манлій Торкватъ, заявилъ, что римскіе воины, неисполнившіе своей присяги и предпочетшіе постыдный плѣнъ славною смертію, недостойны выкупа — и сенатъ отвергнулъ просьбу плѣнныхъ, тѣмъ болѣе, что вовсе не желалъ истощать казну государственную для обогащенія Аннибала.

Но истребленіе римской арміи при Каннахъ было еще не единственнымъ бѣдствіемъ для Рима: послѣдствія его были еще страшнѣе и опаснѣе. Вѣсть о побѣдѣ Аннибала облетѣла всю Италію — и одни за другими возстали противъ Рима ателланы, калатины, гирринны, почти вся Апулія, самнитяне, бруттиицы (исключая жителей Петелін), луканцы (исключая греческихъ приморскихъ городовъ), метапонтияне, кротонцы, локряне и вся Цизальпинская Галлія. Однако никто изъ союзниковъ Рима не отложился еще отъ Рима и мужество гражданъ его было таково, что когда Варронъ приближался къ Риму, весь сенатъ и высшіе сановники города вышли ему на встрѣчу, благодаря его за то, что онъ не отчаялся въ спасеніи отечества! (политическая комедія, совершенно въ духѣ римскаго сената (см. объ этомъ выше въ гл. II).

§ 35.

Дѣйствія Аннибала и римлянъ въ Кампаніи; — 1-й бой при Нолѣ; — Аннибалъ зимою въ Кануѣ.

Между тѣмъ Аннибалъ, по взятіи и разрушеніи обоихъ римскихъ лагерей при Каннахъ, двинулся въ Самній, а оттуда въ земли гирпинновъ, гдѣ посредствомъ измѣны овладѣлъ городомъ Комисой, поставилъ въ него гарнизонъ, сложилъ въ немъ свои тя-

жести и добычу и раздѣлилъ свою армію на двѣ части. Съ одною онъ послалъ брата своего, Магона, въ Бруттію, занять въ немъ города, которые покорятся добровольно, а остальные взять силой. Самъ же онъ съ другою частью арміи прошелъ черезъ

Кампанію къ Неаполю, дабы овладѣть имъ и приобрѣсть морской портъ. Приближаясь къ Неаполю, онъ поставилъ сильный отрядъ пумидійцовъ въ засаду, въ одной глубокой лощинѣ, а другой отрядъ пумидійцовъ послалъ въ беспорядкѣ къ самымъ городскимъ воротамъ. Высланная изъ города конница опрокинула этихъ пумидійцовъ, которые навели ее на засаду, и, атакованная изъ нея, она была опрокинута съ урономъ и разсѣялась. Но, подступивъ затѣмъ къ самому городу, Аннибалъ нашелъ, что онъ былъ сильно укрѣпленъ и безъ осады взять бытъ не могъ, почему Аннибалъ и отказался отъ намѣренія взять его и двинулся къ Капуѣ.

Этотъ обширный, многочисленный и богатый главный городъ Кампаніи уже послѣ сраженія при Тразименскомъ озерѣ помышлялъ объ отложеніи отъ Рима. А послѣ сраженія при Каннахъ онъ готовъ былъ немедленно присоединиться къ Аннибалу, но опасаясь пожертвовать 300 всадниковъ своихъ, находившихся въ римской арміи въ Сициліи. Поэтому жители его и особенно управлявшій городомъ, приверженецъ Аннибала, Пакувій Калавій, прибѣгли къ хитрости, отправивъ сначала пословъ къ Варрону, въ Венузію, чтобы вывесть положеніе дѣлъ. Малодушный Варронъ просилъ въ помощь Риму отъ Капуи 30,000 чел. пѣхоты, 4,000 чел. конницы, продовольствія и денегъ. Послы, воротаясь, передали, что Римъ не въ состояніи сопротивляться Аннибалу и слѣдовательно настало время Капуѣ, при содѣйствіи Аннибала, приобрѣсть господство надъ Италіей. Но старѣйшины города уговорили отправить еще пословъ въ Римъ съ предложеніемъ — одного изъ консуловъ избирать между гражданами Капуи. Разумѣется, что это предложеніе было отвергнуто сенатомъ съ негодованіемъ — и капуанскіе послы, изгнанные изъ Рима, прямо оттуда отправились къ Аннибалу и заключили съ нимъ договоръ, въ силу котораго Аннибалъ могъ ввести свои войска въ Капую, но обязался сохранить этому городу законы и управленіе его и не принуждать жителей къ военной службѣ, а они обязались выдать ему 300 римскихъ всадниковъ, для обмѣна на 300 капуанскихъ всадниковъ въ Сициліи. По заключеніи этого договора, капуанцы предали смерти римскій гарнизонъ и всѣхъ римлянъ и ихъ союзниковъ, находившихся въ Капуѣ. На другой день Аннибалъ вѣхалъ въ городъ съ небольшимъ числомъ войскъ, и, подтвердивъ свой договоръ, далъ капуанцамъ самыя щедрыя обѣщанія согласно съ ихъ желаніями.

Магонъ, исполнивъ въ Бруттіи данное ему порученіе, былъ отправленъ оттуда Аннибаломъ въ Карфагенъ, съ отчетомъ о дѣйствіяхъ и успѣхахъ послѣдняго въ Италіи и съ просьбой прислать ему войскъ, денегъ и продовольствія. Ганнонъ возсталъ противъ

этого, но сенатъ карфагенскій положилъ послать Аннибалу 4,000 пумидійцовъ, 40 слоповъ и значительную сумму денегъ, въ Испанію же послать съ Магономъ уполномоченнаго для набора 20,000 чел. пѣхоты и 4,000 чел. конницы для армій въ Испаніи и Италіи, что однако было исполнено очень медленно.

Въ Римѣ диктаторъ Юній, присоединивъ къ 2-мъ городскимъ легіонамъ, набраннымъ консулами въ началѣ года, новонабранныхъ рабовъ, когорты пиценовъ и сеннонскихъ галловъ, даже преступниковъ, содержавшихся въ тюрьмахъ за уголовныя преступленія или за долги и согласившихся службой въ войскѣ освободиться отъ казни или заключенія, вооружилъ 6,000 чел. этихъ войскъ оружіемъ, пѣкогда взятымъ у галловъ, оставилъ достаточный гарнизонъ въ Римѣ и двинулся въ Кампанію съ 25-тысячною, довольно хорошо устроенною и вооруженною арміею.

Между тѣмъ Аннибалъ, еще разъ произведя изъ Капуи неудачную попытку овладѣть Неаполемъ, двинулся къ городу Нола, гдѣ народъ былъ за него, но сенатъ послалъ просить помощи Марцелла, находившагося въ то время около Казилина. Марцеллъ двинулся обходомъ чрезъ горы, минуя Капую, къ Нолѣ, а Аннибалъ снова пошелъ къ Неаполю, но узнавъ, что туда вошелъ призванный жителями на помощь римскій префектъ Юній Силланъ съ отрядомъ войскъ, осадилъ городъ Нуцерію (н. Носега), къ ю. в. отъ Нолы и Неаполя. Голодъ скоро принудилъ жителей Нуцеріи сдаться на условіи дарованія имъ жизни. Они спаслись въ Неаполь, Нолу и города Кампаніи, а Аннибалъ отдалъ Нуцерію на разграбленіе войскамъ своимъ и затѣмъ сжегъ ее и разрушилъ ея стѣны.

Марцеллъ, прибывъ въ Нолу, имѣлъ за себя только одинъ сенатъ этого города, народъ же былъ на сторонѣ Аннибала. Въ главѣ народа стоялъ молодой человекъ, по имени Байцій, служившій въ римскихъ арміяхъ и, тяжело раненый въ сраженіи при Каннахъ, излеченный и благодарственный Аннибаломъ. Марцеллъ, вызвавъ его къ себѣ, совершенно привлекъ его на свою сторону ласками, щедрыми и почетными наградами и обѣщаніемъ еще большаго.

Между тѣмъ Аннибалъ воротился къ Нолѣ и Марцеллъ безпрестанно тревожилъ его частными нападеніями изъ города. Вскорѣ сенаторы уведомили его, что вожди народной партіи были въ тайныхъ сношеніяхъ съ Аннибаломъ и положили, въ то время, когда армія Марцелла будетъ построена впереди городскихъ стѣнъ, разграбить тяжести ея и затворить городскія ворота. Тогда Марцеллъ, для предупрежденія угрожающей ему опасности, рѣшился отважиться на бой и потому на слѣдующее утро построилъ свою

армію въ городѣ, близъ трехъ воротъ къ сторонѣ непріятеля, а тяжести за нею, всѣхъ нестроевыхъ же и неспособныхъ сражаться поставилъ на городскія стѣны для охраненія ихъ. Близъ среднихъ воротъ онъ поставилъ римскіе легіоны и римскую конницу, а близъ двухъ другихъ воротъ — новые легіоны, конницу союзниковъ и легкую пѣхоту. Кътяжестямъ онъ приставилъ стражу, для охраненія ихъ отъ грабежа, а городскимъ жителямъ запретилъ, подѣ страхомъ строжайшаго наказанія, приближаться къ городскимъ стѣнамъ, словомъ — всѣ мѣры его были очень благоразумны и соединены съ хитростью.

Аннибалъ, простоявъ большую часть дня въ боевомъ порядкѣ впереди своего лагеря и удивляясь, что римская армія не выходитъ и что на городскихъ стѣнахъ не видно войскъ, подумалъ, что тайныя сношенія его открыты и что Марцеллъ въ страхѣ не смѣетъ выйти изъ города, и потому рѣшился атаковать городъ открытою силой. Взявъ изъ своего лагеря нужныя орудія и машины, онъ двинулся къ городу тяжелой пѣхотой въ колоннахъ по отдѣленіямъ фаланги, прикрывъ ее спереди легкою пѣхотой, а конница слѣдовала за тяжелою пѣхотой. Когда голова колонны ея уже приблизилась къ городской стѣнѣ, Марцеллъ подалъ сигналъ къ атакѣ и вывелъ всѣ свои войска, пѣхоту впереди, изъ всѣхъ воротъ разомъ. Самъ лично въ центрѣ онъ построилъ Каннскіе легіоны по когортамъ въ 2 линіи и, легко опрокинувъ легкія войска Аннибала, стремительно и сильно атаковалъ голову его тяжелой пѣхоты, а между тѣмъ римская конница, опередивъ оба фланга, атаковала съ обѣихъ сторонъ конницу Аннибала, двигавшуюся справа и слѣва впередъ. Все это привело армію Аннибала въ большой безпорядокъ, тѣмъ болѣе, что тяжелая пѣхота его была затруднена орудіями и машинами, которыя несла и везла. Однако старыя и опытыя войска Аннибала скоро оправились и устроились, а Аннибалъ, развернувъ колонны, построилъ ихъ въ боевой порядокъ. Уже бой готовился уравниваться, какъ вдругъ явились обѣ фланговыя части арміи Марцелла и атаковали двигавшуюся впередъ тяжелую пѣхоту Аннибала своими легкими войсками и конницей съ обѣихъ фланговъ. Атакованная одновременно съ фронта и фланговъ, армія Аннибала пришла въ такой безпорядокъ, что Аннибалъ уже не могъ возстановить бой въ свою пользу и былъ принужденъ отступить съ урономъ до 2,800 чел., между тѣмъ какъ римляне потеряли не болѣе 800 чел. Такимъ образомъ хитрый Аннибалъ былъ впервые побѣжденъ не менѣе его хитрымъ Марцелломъ, хитрость одолѣла хитрость и римляне впервые побѣдили побѣдоноснаго Аннибала, а это, въ то время и въ тогдашнихъ обстоятельствахъ, бы-

ло чрезвычайно важно. Вся честь этого принадлежала Марцеллу, доказавшему, что онъ былъ не изъ числа обыкновенныхъ полководцевъ, что послѣдствія подтвердили исполнѣ.

Аннибалъ, потерявъ надежду завладѣть Нолой, расположился лагеремъ противъ города Ацерры (п. Azerra), къ с.-в. отъ Нолы. По удаленіи его, Марцеллъ, воротясь съ арміей въ Нолу, затворилъ за собою городскія ворота и, казнивъ 70 главныхъ приверженцевъ Аннибала, передалъ власть въ городѣ сенату, бывшему вѣрнымъ Риму, и двинулся къ Суэссулѣ (нынѣ Sestola), недалеко къ с. отъ Ацерры.

Аннибалъ потребовалъ сдачи этого города, и, получивъ отказъ, осадилъ его. Но жители, не надѣясь устоять, общими силами произвели вылазку и, пробившись сквозь недокопченную еще и дурно охранявшуюся циркумвалаціонную линію Аннибала, удалились въ вѣрные римлянамъ города Кампаніи. Аннибалъ сжегъ и разрушилъ Ацерру и, узнавъ, что диктаторъ Юній шелъ съ новыми легіонами къ Казиллину, близъ Капуи, двинулся туда же, чтобы предупредить Юнія. Онъ надѣялся, что городокъ Казиллинь не будетъ занятъ и будетъ сданъ ему расположенными въ его пользу кампанцами, но ошибся: онъ былъ случайно занятъ 1,000 или 1,500 чел. римскихъ и пренестинскихъ, перузійскихъ и другихъ союзныхъ войскъ, опоздавшихъ къ сраженію при Каннахъ и потомъ къ сбору войскъ въ Римѣ, и потому бросившихся въ Казиллинь. Здѣсь, видя, что жители намѣрены передаться Аннибалу, они ночью перерѣзали ихъ и рѣшились держаться въ Казиллинь до послѣдней крайности. Аннибалъ, не успѣвъ сразу овладѣть Казиллиномъ, два раза пытался взять его силой, но гарнизонъ оборонялся такъ храбро и упорно, что Аннибалъ былъ принужденъ отступить съ урономъ и затѣмъ осадить Казиллинь. Однако гарнизонъ продолжалъ обороняться такъ упорно и искусно, что наконецъ Аннибалъ былъ принужденъ превратить осаду въ обложеніе и, оставивъ часть своей арміи для занятія циркумвалаціонной линіи, съ главными силами воротился въ Капую.

Здѣсь онъ провелъ зиму — и всѣ историки единогласно, Титъ Ливій первый въ главѣ ихъ, обвиняютъ его въ этомъ, говоря, будто пребываніе его зимою въ Капуѣ развратило и нравственно ослабило, даже погубило его армію. Эти обвиненія его были приняты и всѣми новѣйшими историками на слово, безъ удостовѣренія въ справедливости ихъ. А въ этомъ именно отношеніи обвиненія эти и слабы до крайности, ибо болѣе или менѣе неосновательны, невѣрны и несправедливы. И могло-ли быть иначе, когда они никакого другаго основанія не имѣли, кромѣ предубѣжденія римлянъ и не-

нависти ихъ къ Картегену и особенно къ Аннибалу.

Со времени расположенія его на зимнихъ квартирахъ въ КапуѢ, счастье, какъ увидимъ ниже, стало измѣнять ему; но чтобы причиною тому была именно зимовка въ КапуѢ—это есть римское и притомъ недобросовѣстное и цѣльное измышленіе. Непомѣрная гордость римлянъ была до того унижена и оскорблена громадными пораженіями, которыя Аннибалъ нанесъ имъ, дотолѣ побѣдоноснымъ и непобѣдимымъ, что они не знали, какъ довольно клеветать на него. Для нихъ это было легче, нежели сознаться въ собственныхъ своихъ, въ продолженіи цѣлыхъ трехъ лѣтъ, грубѣйшихъ ошибкахъ, достаточно указанныхъ выше и изъ которыхъ главными были тѣ, что они такому полководцу, какъ Аннибалъ, постоянно противопоставляли самыхъ безумныхъ и неспособныхъ изъ своихъ согражданъ, какъ Семпроній, Фламиній и особенно Варронъ, благоразумныхъ же, какъ Корнелій Сципионъ и Эмилиій Павелъ, не умѣли цѣнить, а мудраго Фабія даже всячески унижали и оскорбляли. Побѣдивъ всѣ народы Италіи порознь и въ 1-й пунической войнѣ картегеняны—своимъ отличнымъ военнымъ устройствомъ, настойчивостью и энергіею своихъ дѣйствій гораздо болѣе, нежели искусствомъ, они претерпѣвали только пораженіе за пораженіемъ, какъ только очутились лицомъ къ лицу противъ такого великаго полководца, какъ Аннибалъ. А Титъ Ливій, въ увлеченіи своей національной гордости, еще дерзалъ спрашивать, что было бы, еслибы Александръ В., покоривъ Востокъ, обратилъ свое оружіе на Западъ и встрѣтилъ римлянъ, предводительствуемыхъ Папиріемъ Курсоромъ! По истинѣ гордость, доходившая до безумія! Но возвращаясь къ означеннымъ выше обвиненіямъ Аннибала, слѣдуетъ сказать, что какъ бы ни была утомлена его армія трехъ-лѣтними, непрерывными, трудными походами и военными дѣйствіями и какъ бы ни было роскошно зимнее пребываніе ея послѣ того въ такомъ богатомъ городѣ, какъ Капуа, по послѣдующіе 12-лѣтніе, не въ примѣръ труднѣйшіе и опаснѣйшіе, военные подвиги ея въ Италіи могутъ, кажется, служить лучшимъ доказательствомъ, что она не изнѣжилась и не развратилась въ КапуѢ, нежели всѣ недобросовѣстные увѣренія въ противномъ, измышленныя римлянами и повторяемыя повѣйшими историками. Военные люди—справедливо говорятъ генераль Водонкуръ—слишкомъ хорошо знаютъ, что армія, хорошо дисциплинированная и продовольствуемая, не изнѣживается и не развращается роскошными зимними квартирами и что нѣтъ никакой надобности губить ее зимой без-

престаннымъ расположеніемъ въ лагеряхъ, для того, чтобы поддержать въ ней дисциплину, мужество и храбрость войскъ.

Въ исходѣ зимы (уже въ 215 году) Аннибалъ вывелъ свою армію изъ зимнихъ квартиръ въ КапуѢ и окрестностяхъ ея и воротился съ нею къ Казиллину, все еще обложенному и гарнизонъ котораго уже сильно страдалъ отъ голода. Римская армія диктатора Юнія въ это время была расположена между Казиллиномъ и Калатіей (н. Cajazzo); но за отсутствіемъ Юнія, отправившагося въ Римъ, магистръ конницы его, Семпроній, не смѣлъ ввести въ Казиллины транспортъ съ продовольствіемъ, не вступивъ въ бой съ Аннибаломъ, что было строго запрещено ему Юніемъ. Съ другой стороны Марцеллъ въ Нолѣ, удерживаемый сенатомъ его и возвышеніемъ воды въ Вултурнѣ, не могъ удалиться изъ Нолы и предпринять что-либо въ соглашеніи съ Семпроніемъ. Такимъ образомъ гарнизонъ Казиллина, не получая помощи и доведенный голодомъ до самой послѣдней крайности, наконецъ былъ вынужденъ предложить сдаться Аннибалу. Аннибалъ сначала и слышать не хотѣлъ о капитуляціи на условіяхъ, но потомъ смягчился и согласился на выпускъ гарнизона за денежный выкупъ—и гарнизонъ, ослабленный на половину, удалился въ Кумы, на берегу моря къ з. отъ Неаполя.

Между тѣмъ въ Римѣ было получено отъ пропретора Отацилія изъ Сициліи извѣстіе, что преторъ Фурій воротился изъ Африки въ Лилибей тяжело-раненнымъ и что какъ онъ, такъ и Отацилій крайне нуждались въ деньгахъ, продовольствіи и всякаго рода военныхъ запасахъ. О томъ же самомъ извѣщалъ и пропреторъ Маммула изъ Сардиніи. Сенатъ отвѣчалъ имъ, что не въ состояніи ничѣмъ помочь имъ и предоставлялъ имъ самимъ пріискать мѣры для содержанія своихъ армій и флотовъ. А потому Отацилій обратился къ царю Іерону, а Маммула къ нѣкоторымъ городамъ Сардиніи, съ просьбой о помощи, которую они и получили отъ нихъ.

Затѣмъ римскій сенатъ призвалъ Варрона въ Римъ, для назначенія другаго диктатора, который пополнилъ бы значительную, послѣ сраженія при Каннахъ, убыль сенаторовъ. Варронъ назначилъ диктаторомъ своего магистра конницы, Фабія Бутеа; а этотъ послѣдній избралъ, съ согласія сената и народа, 177 новыхъ сенаторовъ и затѣмъ сложилъ съ себя званіе диктатора, а Варронъ воротился къ своей арміи. Такимъ образомъ, до новыхъ выборовъ, начальствованіе римскими арміями въ полѣ было раздѣлено между консуломъ Варрономъ и преторомъ Марцелломъ.

§ 36.

Дѣйствія въ Испаніи. — Положеніе обѣихъ сторонъ въ концѣ 216 года.

Между тѣмъ, какъ это происходило въ Италіи, Сициліи, Сардиніи и Африкѣ, Аздрубаль въ Испаніи получилъ приказаніе карфагенскаго сената двинуться съ своею арміею въ Италію на соединеніе съ Аннибаломъ. Слухъ объ этомъ произвелъ большую тревогу между испанцами, которые, страшась римлянъ по удаленіи Аздрубала, помышляли уже о заключеніи мира съ ними. Аздрубаль увѣдомилъ о томъ сенатъ, представляя, что для удержанія Испаніи за собою, въ случаѣ удаленія его въ Италію, необходимо было прислать въ Испанію другую армію. Вслѣдствіе того сенатъ послалъ въ Испанію Имилкона съ войсками. Соединясь съ Аздрубаломъ, Имилконъ сообщилъ ему приказаніе сената передать ему, Имилкону, управленіе Испаніею, а самому идти въ Италію. Аздрубаль собралъ съ испанцевъ большую сумму денегъ, дабы имъ купить себѣ проходъ черезъ Галлію, и двинулся къ рѣкѣ Иберу. Узнавъ объ этомъ, Кнеій и Корнелій Сципіоны соединили свои войска и, перейдя на правую сторону р. Ибера, осадили городъ Иберу (п. Torgosa), дабы этимъ привлечь на себя Аздрубала. Послѣдній дѣйствительно двинулся противъ нихъ, но, въ происшедшемъ вслѣдствіе того сраженіи, покинутый своими вспомогательными испанскими войсками, былъ разбитъ на-голову, съ большимъ для него урономъ, остатки его арміи разсѣялись, самъ онъ едва спасся съ немногими, а лагерь его былъ взятъ и разграбленъ побѣдителями. Эта побѣда имѣла послѣдствіемъ то, что многія, еще колебавшіяся племена Испаніи тотчасъ же отложились отъ Карфагена, а Аздрубаль не только былъ вынужденъ отказаться отъ надежды перейти въ Италію, но даже едва видѣлъ возможность удержаться въ Испаніи. Виновникомъ же этого былъ онъ самъ, потому что не понималъ хитрости Сципіоновъ и не продолжалъ движенія въ Италію, предоставивъ Имилкону удерживать Сципіоновъ, или, по крайней мѣрѣ, въ соединеніи съ нимъ не вступилъ въ бой съ Сципіонами. Кромѣ того, и распоряженія его въ бою были ошибочны.

Такимъ образомъ въ концѣ 216 года, по прошествіи трехъ лѣтъ со времени начала войны, обѣ воевавшія стороны находились въ слѣдующемъ относительно положеніи:

Аннибаль, первый начавшій войну смѣлымъ движеніемъ черезъ Иберъ, Пиренеи, Роданъ и Альпы въ сѣверную Италію и далѣе черезъ Падъ до самой южной части

ея, въ одномъ бою и въ трехъ сраженіяхъ уничтожившій 5 римскихъ армій, нанесшій тѣмъ Риму четыре жестокие удара, возставившій противъ него почти всю Италію, — послѣ рѣшительнаго сраженія при Каннахъ не двинулся прямо противъ Рима, но занялся взятіемъ небольшихъ городковъ въ Кампаніи, отчасти силой, отчасти обложженіемъ, отчасти осадой, для которой однако не имѣлъ необходимыхъ осадныхъ машинъ и орудій. Въ этихъ, повидимому, неважныхъ дѣйствіяхъ уходило время, а оно между тѣмъ было драгоцѣннымъ для обѣихъ сторонъ, римлянамъ — чтобы собрать, устроить и приучить къ войнѣ свои новыя арміи, а Аннибалу — чтобы воспрепятствовать имъ въ томъ и нанести имъ, однимъ за другимъ, новые удары. Проведя въ этихъ дѣйствіяхъ все время отъ сраженія при Каннахъ до начала зимы, Аннибаль осаждалъ небольшой городокъ Казилинъ, а самъ съ главными силами своей арміи расположился на зиму въ Капуѣ, которую нѣкоторые писатели сравнивали съ древними Содомомъ и Гоморрой. Ужели правду сказалъ Магарбаль, что Аннибаль умѣлъ побѣждать, но не умѣлъ пользоваться своими побѣдами? Ужели Капуа была дѣйствительно Каннами для его арміи (Cariam Hannibali Cannas fuisse), по выраженію римлянъ? Отвѣтомъ на это можетъ служить — одно имя Аннибала. Тотъ, который не колебался привести въ исполненіе великое предпріятіе, задуманное Амилкаромъ и неисполненное, по случаю смерти, имъ, изъятъ его, Аздрубаломъ, тотъ, который въ три года времени поставилъ грозный доколѣ Рима на край гибели, могъ-ли не довершить ея и заняться неважными дѣйствіями противъ нѣкоторыхъ городковъ — безъ достаточно основательныхъ причинъ? Очевидность этого не требуетъ доказательствъ. Все, что кажется неяснымъ, темнымъ, загадочнымъ, непонятнымъ, даже страннымъ въ дѣйствіяхъ Аннибала послѣ сраженія при Каннахъ, тотчасъ уясняется и становится понятнымъ, какъ только будутъ сличены дѣйствія и взаимное относительное положеніе правительствъ Карфагена и Рима, и этимъ тотчасъ же устранится всякая смѣлая до дерзости попытка не только обвинять, но даже осуждать такого великаго человѣка и полководца, какъ Аннибаль.

Въ дѣйствіяхъ обонхъ правительствъ именно и заключается вся разгадка этой загадки, надъ разрѣшеніемъ которой такъ

затруднялись, болѣе или менѣе, историки, повторяя только слова Магарбала или Тита Ливія и другихъ римскихъ историковъ.

Стоитъ только сравнить одновременныя дѣйствія правительствъ Картегена и Рима — и все сдѣлается яснымъ. Не нужно забывать, что Аннибалъ былъ не царемъ или полновластнымъ и независимымъ монархомъ Картегена, а только полномочнымъ, но все-таки зависимымъ отъ его правительства полководцемъ. Онъ устроилъ себѣ основаніе дѣйствій въ Испаніи, но главнымъ для него все-таки была Африка: оттуда, и именно изъ Картегена, онъ долженъ былъ получать и высшія разрѣшенія, и подкрѣпленія войсками, и помощь деньгами, продовольствіемъ и всѣмъ необходимымъ для продолженія войны съ своими старыми, боевыми, но таявшими, какъ снѣгъ, войсками (стоитъ только припомнить три года непрерывныхъ трудовъ, боевыхъ дѣйствій и лишеній со времени начала похода отъ Новаго Картегена до конца 216 года). А что было и дѣлало картегенское правительство для поддержанія Аннибала? Раздираемое политическими партіями, Барцинскою и Ганноною, въ большинствѣ оно только радовалось успѣхамъ Аннибала, а въ меньшинствѣ противудѣйствовало имъ и Аннибалу лично, и въ общемъ результатъ помогало ему такъ, что эту помощь нельзя и назвать помощью. 12 т. чел. пѣхоты, 1,500 чел. конницы, 20 слоновъ и 1 т. талантовъ серебра (около 1 милліона рублей), посланные съ Магономъ Аннибалу въ Итацію, приказаніе Аздрубалу идти на соединеніе съ нимъ въ Итацію и отправление Пимплекона съ арміею и флотомъ въ Испанію — такую ли помощь долженъ былъ подать Аннибалу, послѣ сраженія при Каннахъ, картегенскій сенатъ? Да и могъ-ли онъ подать иную, и по преобладавшему духу картегенской республики и ея правительства, и по тому разложенію, которому въ это самое время стало подвергаться внутреннее, политическое и военное, устройство Картегена, какъ уже было объяснено выше въ главѣ I? Въ самую рѣшительную эпоху войны, начатой Аннибаломъ съ разрѣшенія правительства и съ одобренія народа картегенскихъ, первое не поддерживало Аннибала, какъ слѣдовало, ни войсками, ни флотомъ, ни средствами, ни способами, и какъ бы совершенно предоставило его собственной своей судьбѣ и тѣмъ заранѣе готовило ему и Картегену неминуемую гибель.

Такъ ли дѣйствовало, съ другой стороны, правительство Рима? Правда, въ три года войны и въ нѣсколько лѣтъ передъ нею оно впало въ какое-то несвойственное ему и непонятное помраченіе ума и ослабленіе воли, и только дѣлало ошибки, одну грубѣе другой, которыми искусно пользовался Ан-

нибалъ. Но четыре жестокие удара, нанесенные ему послѣднимъ, какъ бы пробудили его отъ сна, просвѣтили его умственно, укрѣпили его нравственно и, по мѣрѣ того, какъ правительство картегенское болѣе и болѣе падало въ этомъ отношеніи, римское, напротивъ, возвышалось все болѣе и болѣе. Начало и твердое основаніе тому было положено — избраніемъ Фабія и введеніемъ послѣднимъ мудраго его образа дѣйствій. Еще одну, послѣднюю ошибку сдѣлало оно избраніемъ безразсуднаго и неспособнаго Варрона въ консулы, что повлекло страшное пораженіе при Каннахъ и всѣ послѣдствія его. Но эта ошибка уже была послѣднею и послѣ нея всѣ дѣйствія римскаго правительства становятся безукоризненными и клонятся къ одной цѣли — торжеству Рима и гибели Аннибала въ Итацію и владычества Картегена въ Испаніи и Африкѣ.

Сопоставивъ все это вмѣстѣ, увидимъ ясно, что виною всего былъ вовсе не Аннибалъ, а картегенское правительство, дѣйствовавшее въ высшей степени неразумно и недостойно, между тѣмъ какъ римское правительство, напротивъ, дѣйствовало постоянно все съ большею и большею мудростью. А придя къ этому заключенію, никто, полагаемъ, не дерзнетъ обвинять Аннибала или по крайней мѣрѣ недоумѣвать, почему онъ не сдѣлалъ того либо другаго, а дѣлалъ, что и какъ онъ признавалъ нужнымъ, полезнымъ и возможнымъ. Будь на его мѣстѣ, положимъ, Александръ В., полновластный монархъ Македоніи, Греціи и Востока, нѣтъ сомнѣнія, кажется, что онъ послѣ сраженія при Каннахъ прямо пошелъ бы къ Риму и разомъ подавилъ бы его и покончилъ бы съ нимъ. Но Аннибалъ былъ, хотя и такой же великій человекъ и полководецъ, какъ Александръ В., но не независимый ни отъ кого монархъ, а вполне зависимый отъ своего правительства полководецъ. Судить же о томъ, что, будто бы, могъ и долженъ былъ дѣлать Аннибалъ — по теперешнимъ военнымъ понятіямъ, есть большая ошибка, чтобы не сказать болѣе, со стороны многихъ, притомъ весьма почтенныхъ, военныхъ и невоенныхъ писателей. А къ такого рода ошибкамъ въ сужденіяхъ о военныхъ дѣйствіяхъ полководцевъ древнихъ временъ всегда приводитъ и будетъ приводить невольное, но неблагоприятное увлеченіе судить по теперешнимъ военнымъ понятіямъ. Вотъ почему нельзя не отдать полной справедливости генералу Водонкуру, который весьма осторожно обсуждаетъ положеніе и дѣйствія Аннибала и не только не беретъ на себя смѣлость обвинять его, но и вполне входитъ въ его положеніе и воздаетъ ему должную справедливость, честь, одобреніе и похвалу.

ГЛАВА VI.

ВТОРАЯ ПУНИЧЕСКАЯ ВОЙНА (218—202).

(Продолженіе).

III. Вторая половина войны (215—202). § 37. Переворотъ войны въ пользу Рима; —образъ веденія оной. — § 38. 4-й походъ 215-го года. — Пораженіе Постумія; —распределение римскихъ армій и планъ дѣйствій римлянъ; — успѣхи римлянъ и неудачи Аннибала и карфагенянъ; — 2-й бой при Полѣ. — § 39. 5-й походъ 214-го года. — Распределение римскихъ армій; — дѣйствія въ Кампаніи; —сраженіе при Беневентѣ; — 3-й бой при Полѣ; —взятіе Казилина римлянами; —союзъ Сиракузъ съ Карфагеномъ. — § 40. 6-й походъ 213-го года. — Распределение римскихъ армій; — бездѣйствіе въ Италіи и Испаніи; —осада Сиракузъ Марцелломъ. — § 41. 7-й походъ 212-го года. — Распределение римскихъ армій; — взятіе Тарента Аннибаломъ; — 2-е сраженіе при Беневентѣ; — 1-е сраженіе при Гердонѣ; — обложеніе Кануи и взятіе Сиракузъ римлянами; — неудачи римлянъ въ Испаніи. — § 42. 8-й походъ 211-го года. — Распределение римскихъ армій; —сраженіе при Канузѣ; —движеніе Аннибала къ Риму; — взятіе Кануи римлянами; — дѣйствія въ Испаніи и Сициліи. — § 43. 9-й походъ 210-го года. — Распределение римскихъ армій; —измѣненіе образа дѣйствій Аннибала; — 2-е сраженіе при Гердонѣ; —сраженіе при Нумистрѣ; —взятіе Новаго Карфагена Сципіономъ. — § 44. 10-й походъ 209-го года. — Распределение римскихъ армій; — сраженія при Аскулѣ; —взятіе Тарента римлянами; — дѣйствія въ Испаніи.

Древніе источники и новѣйшія историческія пособія —указанные въ главѣ III.

III.

Вторая половина войны (215—202).

§ 37.

Переворотъ войны въ пользу Рима; —образъ веденія оной.

Послѣ сраженія при Каннахъ, война уже начала принимать оборотъ въ пользу Рима. Главными причинами того, уже отчасти объясненными выше (§ 36), были: во 1-хъ и особенно то, что партія Ганнона въ Карфагенѣ, постоянно и всячески старавшаяся лишить противную ей Бардинскую партію народнаго довѣрія, успѣла наконецъ достигнуть этого именно въ самую важную эпоху войны — послѣ сраженія при Каннахъ, — и во 2-хъ, съ другой стороны, напротивъ, то, что римляне, наученные горкимъ для нихъ опы-

томъ первыхъ трехъ лѣтъ войны, благоразумно отказались отъ первоначальнаго образа веденія ся въ эти три года и приняли мудрую систему Фабія, которой и слѣдовали уже неотступно.

Слѣдствіями той и другой причинъ были: Со стороны Карфагена — то, что правительство его помогало Аннибалу и Аздрубалу и поддерживало ихъ въ Италіи и Испаніи крайне недостаточно, псевдовлѣдствительно, вяло, медленно и слабо, отчего военныя силы и средства Аннибала и Аздрубала по-

стоянно уменьшались и хотя пополнялись силами и средствами тѣхъ странъ, въ которыхъ находились Аннибалъ и Аздрубалъ, но съ большимъ трудомъ и не въ тѣхъ мѣрахъ и условіяхъ, какія были бы необходимы для продолженія войны съ силою, настойчивостью и успѣхомъ. Армія Аннибала все болѣе и болѣе наполнялась туземцами Италіи, отложившимися отъ Рима, и получала разноплеменный составъ, затруднявшій поддержаніе въ ней строгости дисциплины и единства духа, тѣмъ болѣе, что туземцы Италіи, Галліи и Испаніи въ сосѣдствѣ ея, имѣли въ виду собственные свои интересы гораздо болѣе, нежели интересы Карфагена. Принятая же римлянами система веденія войны не позволяла Аннибалу удовлетворить желаніямъ своихъ союзниковъ въ Италіи и ихъ вспомогательныхъ войскъ, какъ прежде, одерживаніемъ одной побѣды за другою надъ римлянами, а напротивъ перѣдко подвергала его самага болѣе или меньшимъ пораженіямъ. А это, въ соединеніи съ тѣмъ, что бремя войны, веденной Аннибаломъ въ Италіи, въ интересахъ Карфагена, всею тяжестью ложилось на союзниковъ его въ этой странѣ, болѣе и болѣе охлаждало ихъ къ нему.

Со стороны римлянъ же, напротивъ, пораженіе при Каннахъ подѣйствовало на нихъ, не только не вредно, но въ высшей степени полезно, пробудивъ ихъ отъ прежнихъ усыпленія, безпечности и неблагоразумія и пробудивъ въ нихъ ту необыкновенную, нравственную энергію, къ которой Римъ былъ такъ способенъ и которую всегда оказывалъ прежде въ трудныхъ и опасныхъ обстоятельствахъ. Принявъ Фабіеву систему веденія войны, они уже тщательно уклонялись отъ боя

съ Аннибаломъ въ обстоятельствахъ, выгодныхъ для него, по невыгодныхъ для нихъ, и вступали съ нимъ въ бой только когда имѣли вѣрную надежду на успѣхъ. А въ такихъ случаяхъ, при всемъ превосходствѣ военныхъ дарованій и искусства самага Аннибала лично, войска римскія стояли выше его войскъ въ отношеніи тактическихъ: устройства и образа дѣйствій и нравственного одушевленія, да притомъ и предводительство были уже не такими людьми, какъ Семпроній, Фламиній и Варронъ прежде, но все болѣе или менѣе способными и искусными полководцами, въ главѣ которыхъ стояли Фабій и Марцеллъ.

Такимъ образомъ и характеръ войны, и образъ веденія ея уже измѣнились совершенно. Изъ наступательной со стороны Аннибала и оборонительной со стороны римлянъ дотолѣ, она обратилась въ наступательно-оборонительную съ обѣихъ сторонъ, соединенную съ расположеніемъ въ сильныхъ мѣстностяхъ лагеряхъ, съ маневрированіемъ противъ фланговъ и сообщеній противника, съ стремленіемъ къ овладѣнію важными, полезными и нужными мѣстными пунктами или городами, съ обложеніемъ или осадами послѣднихъ и, въ случаяхъ, означенныхъ выше, съ частными боями или и съ большими, общими сраженіями, успѣхъ въ которыхъ рѣшала сила, управляемая искусствомъ. Все это, вмѣстѣ взятое, придаетъ второй половинѣ войны особенный военный интересъ, болѣе еще, нежели въ первой половинѣ войны, потому что тутъ-то именно высокія военныя дарованія и искусство Аннибала являются въ большемъ еще блескѣ.

§ 38.

4-й походъ 215-го года.

Пораженіе Постумія; — распредѣленіе римскихъ армій и планъ дѣйствій римлянъ; — успѣхи римлянъ и неудачи Аннибала и карфагенянъ; — 2-й бой при Нолѣ.

Съ наступленіемъ времени выборовъ въ Римѣ, сенатъ вызвалъ диктатора Юнія, его магистра конницы Семпронія Гракха и претора Марцелла. По указанію Юнія, въ консулы были выбраны Семпроній Грахъ и находившійся въ Цизальпинской Галліи преторъ Постумій. Затѣмъ Юній, оставивъ Семпронія Гракха въ Римѣ, воротился въ свою армию, находившуюся въ лагерѣ при Теанѣ (и. Теано), къ с.-з. отъ Капуи.

Но вскорѣ послѣ того въ Римѣ было получено извѣстіе, что Постумій, съ 25-тысячною арміею своею (2 римскихъ и 2 союзныхъ легіона) въ Цизальпинской Галліи подвергнулъ себя, въ дѣсу подъ названіемъ Li-

tana Silva, внезапному нападенію боіевъ и былъ убитъ, а вся армія его разбита и истреблена. Это извѣстіе снова повергло Римъ въ уныніе и страхъ, но Семпроній Грахъ успокоилъ сенатъ и народъ и, по его мнѣнію, положено было: 1) прекратить войну съ цизальпинскими галлами и вести ее только противъ Аннибала, — и 2) привести въ точную извѣстность римскія силы, обращенныя противъ послѣдняго. Вслѣдствіе того, самому Семпронію была ввѣрена армія бывшаго диктатора Юнія; пзъ арміи Марцелла всѣ войска, участвовавшія въ сраженіи при Каннахъ, въ наказаніе были посланы въ Сицилію, съ обязанностию служить въ ней

до самого конца войны; всѣ наиболѣе сильныя войнны изъ армій Юнія были посланы также въ Сицилію дослуживать свои сроки; 2 легіона, бывшіе въ Сициліи, были отозваны въ Италію; консулу, который имѣлъ быть выбранъ вмѣсто Постумія, были назначены 2 городскіе легіона города Рима, съ присоединеніемъ къ нимъ нужнаго числа союзныхъ войскъ, и наконецъ Варрону было продолжено начальствованіе надъ его арміей, оставленной въ томъ же составѣ.

Въ мартѣ Семпроній вступилъ въ должность, преторъ Анній былъ посланъ въ Сицилію; преторъ Муцій въ Сардинію, Марцеллу была сохранена власть проконсула (вмѣсто Постумія) и затѣмъ было положено, чтобы Семпроній немедленно собралъ городскіе легіоны въ Калесѣ (п. Calvi), къ с.-з. отъ Капуи, и послалъ ихъ съ Марцелломъ въ его укрѣпленный лагерь близъ Суэссулы (нынѣ Sestola), къ ю.-в. отъ Капуи; чтобы Анній отправился въ Сицилію съ назначенными туда Каннскими легіонами и, наконецъ, чтобы Сицилійскіе легіоны воротились въ Римъ.

Это распредѣленіе римскихъ армій уже было гораздо лучше, нежели въ предшествовавшемъ году. Въ основу ему было положено мудрое намѣреніе сената дѣйствовать противъ Аннибала тѣмъ же способомъ, какимъ сенатъ дѣйствовалъ послѣ сраженія при Каннахъ, именно—раздѣлить свои силы для отторженія отъ Аннибала привлеченныхъ имъ къ себѣ въ Италію союзниковъ, а для этого занимать Луканію и Бруттій и постоянно угрожать имъ частями силъ и окружать Аннибала арміями такъ, чтобы препятствовать направленію имъ новыхъ отрядовъ по близости къ Риму, словомъ—чтобы отвсюду стѣснять Аннибала. При этомъ Нола съ одной стороны и укрѣпленный лагерь Марцелла близъ Суэссулы служили весьма хорошими опорными пунктами, равно какъ и Канузій, державшій въ повиновеніи Апулію, прикрывавшій Тарентъ и Брундузій и удержаніемъ котораго Варронъ оказалъ единственную услугу своему отечеству. Въ лагерь близъ Суэссулы былъ поставленъ Марцеллъ съ 2-мя легіонами, Семпроній съ 2-мя легіонами въ Теанѣ, а Варронъ оставленъ въ Канузій, окружая Аннибала такимъ образомъ съ трехъ сторонъ.

Вскорѣ на мѣсто убитаго Постумія былъ избранъ въ консулы Марцеллъ, но авгуры или, лучше сказать, аристократы, не хотѣвшіе, чтобы оба консула были изъ плебеевъ, объявили религіозную неправильность выбора Марцелла и послѣдній самъ отказался отъ консульства, а на его мѣсто былъ избранъ бывший диктаторъ Фабій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, распредѣленіе армій было измѣнено такъ, что легіоны Юнія, бывшіе въ Теанѣ, ввѣрены Фабію, а 2 легіона волоновъ (рабовъ и преступниковъ) и 2 легіона союз-

никовъ (25 т. чел.)—Семпронію въ Синуэсѣ. Преторъ Валерій былъ посланъ въ Апулію принять начальствованіе надъ арміей Варрона, легіоны котораго, по смѣнѣ ихъ легіонами изъ Сициліи, Валерій долженъ былъ употребить для обороны береговъ отъ Тарента до Брундузія, вмѣстѣ съ 25-ю морскими судами. Претору Фульвію было назначено съ 25-ю же судами оборонять берега (западные) Лація и Тирренія. Пропреторъ Отацій съ своимъ флотомъ былъ отосланъ въ Сицилію. Марцеллу было сохранено званіе проконсула и ввѣрены 2 легіона въ Суэссулѣ. Наконецъ Варрону было поручено набрать войска въ Циценѣ, для охраненія этой области.

Въ это время Филиппъ, царь македонскій, отправилъ къ Аннибалу пословъ для заключенія съ нимъ союза, съ цѣлію обоюднаго вспоможенія. Послы его, успѣвъ высадиться къ ю. отъ Кротона и пройти черезъ римскіе отряды въ Апулію, объявляя, что присланы заключить союзъ съ Римомъ, отправились прямо къ Аннибалу, заключили съ нимъ наступательный и оборонительный союзъ и съ 3-мя старшими кареагенскими военачальниками, посланными съ нимъ Аннибаломъ, отправились назадъ. Но на морѣ они были перехвачены римлянами и принуждены выдать имъ договоръ и письма Аннибала, которые и были отосланы римскому сенату. Филиппъ прислалъ другое посольство, которое имѣло лучшій успѣхъ, но тогда лѣто уже было на исходѣ и Филиппъ въ этомъ году не могъ ничего предпринять. Римляне же приняли противъ него надлежащія мѣры.

Между тѣмъ въ Кампаніи капуанцы очень желали привлечь на свою сторону жителей города Кумъ, вѣрныхъ римлянамъ, и испытавъ всѣ средства для того, наконецъ прибѣгли къ хитрости: они пригласили сепаторовъ кумскихъ въ городъ Гамы (п. Cuarto), къ с.-в. отъ Кумъ, на религіозный праздникъ, во время котораго намѣревались отрядомъ своихъ войскъ внезапно овладѣть Кумами. Жители послѣдняго, подозрѣвая въ этомъ хитрость, согласились, но предварили Семпронія, перешедшаго въ это время изъ лагеря близъ Синуэссы въ другой близъ Литерна (п. Patria), къ с. отъ Кумъ. Семпроній наканунѣ праздника ввечеру приблизился къ Кумамъ, а близъ Гамъ скрытно расположились 14 т. капуанскихъ войскъ, съ тѣмъ, чтобы во 2-ю стражу ночи, во время религіозныхъ обрядовъ въ Гамахъ, внезапно напасть на Кумы и овладѣть ими врасплохъ. Но Семпроній въ это самое время двинулся отъ Кумъ въ Гамамы и въ полночь самъ внезапно напалъ на лагерь капуанскаго отряда, изъ котораго около 2 т. были убиты, а остальные убѣжали въ Капую. Семпроній, потерявъ не болѣе 100 чел., взялъ и разграбилъ лагерь капуанцовъ и тот-

часть же воротился къ Кумамъ, дабы не быть атаковану Аннибаломъ, расположеннымъ въ это время въ лагерь на горѣ Тифатѣ, къ в. близъ Капуи.

Аннибалъ на другой же день двинулся къ Кумамъ и осадилъ въ немъ Семпронія. Оба построили по башнѣ, осадной и оборонительной, и придвинули ихъ къ городской стѣнѣ. Но Семпроній успѣлъ зажечь Аннибалову башню и въ тоже время произвелъ вылазку, такъ искусно соображенную и исполненную, что нанесъ Аннибалу уронъ въ 1,300 чел. убитыми и 50 чел. плѣнными. На другой день Аннибалъ построилъ свою армію передъ городомъ въ боевой порядокъ, вызывая Семпронія на бой, по видя, что онъ не выходитъ, снялъ осаду и воротился въ свой лагерь на горѣ Тифатѣ, безъ успѣха въ своемъ предпріятіи противъ небольшого городка Кумъ, но съ урономъ, весьма чувствительнымъ для его арміи.

Въ то же время одинъ изъ легатовъ Марцелла, Семпроній Лонгъ, напалъ близъ Грумента въ Луканіи (п. Saronara въ Калабріи) на Аннибалова военачальника Ганнона и разбилъ его, нанесъ ему уронъ болѣе нежели въ 2 т. чел. и взявъ 42 знамя или знамя. Ганнонъ съ остатками отряда своего отступилъ въ Бруттію.

А преторъ Валерій изъ Луцеріи вступилъ въ земли гириновъ, взялъ у нихъ 3 города и болѣе 1 т. плѣнныхъ, изъ числа которыхъ, трехъ главныхъ зачинщиковъ возстанія казнилъ, и воротился въ Луцерію.

Такимъ образомъ начало этого 4-го (1-го послѣ сраженія при Каннахъ) похода уже было не въ пользу Аннибала. Продолженіе и окончаніе его были не болѣе удачны.

Римскій сенатъ, узнавъ о договорѣ Филиппа съ Аннибаломъ, выслалъ къ берегамъ Македоніи и Эпира Валерія Левина съ войсками Варрона на 50 судахъ, для наблюденія за Филиппомъ.

Фабій перешелъ черезъ р. Вултурнъ, соединился съ Семпроніемъ, оба вмѣстѣ взяли города Компултерію, Требулу (п. Trepola) и Сатикулу (п. Caserta vecchia) въ Кампаніи, впустившіе кареагенскіе гарнизоны, и въ нихъ множество плѣнныхъ. Затѣмъ Фабій двинулся къ Суэсулѣ, Марцелла послалъ въ Нолу, а Семпроній воротился въ Кумы.

Между тѣмъ Магонъ, братъ Аннибала, уже былъ готовъ отправиться изъ Кареагена моремъ на 60 судахъ, съ 12 т. чел. пѣхоты, 1,500 чел. конницы, 20 слонами и 1,000 талантами серебра, въ Бруттію на соединеніе съ Аннибаломъ, когда старѣйшіе жители Сардиніи прислали просить кареагенскій сенатъ объ изгнаніи изъ Сардиніи слабыхъ римскихъ гарнизоновъ и обратномъ завладѣніи островомъ. Вслѣдствіе того Магонъ былъ посланъ, вмѣсто Италіи, въ Испанію, Аздрубаль (не братъ Аннибала, а

другой) съ новымъ войскомъ въ Сардинію, а Бомилькаръ, вмѣсто Магона, съ подкрѣпленіями и деньгами Аннибалу—въ Бруттію. Но пропреторъ Манлій Торкватъ съ 22 т. чел. пѣхоты и 1,200 чел. конницы, присланный изъ Италіи, разбилъ возставшихъ сардинцевъ и потомъ вторично—соединенныя войска ихъ и Аздрубала, нанесъ имъ уронъ въ 12 т. ч. убитыми и 3,700 чел. плѣнными, и снова покорилъ Сардинію.

Въ то же время Отацилій съ 50 судами отправился разорять берега Африки, но узнавъ о прибытіи Аздрубала въ Сардинію, направился туда и, встрѣтивъ въ морѣ возвращавшуюся оттуда кареагенскую эскадру, разбилъ ее, взялъ у нее 7 судовъ, а остальныхъ разсѣялъ. А кареагенскій сенатъ, воспользовавшись удаленіемъ Отацилія, отправилъ въ Италію, вмѣсто Магона, Бомилькара съ подкрѣпленіями и деньгами, назначенными Аннибалу. Бомилькаръ безъ препятствія высадился въ Локрахъ, въ южномъ Бруттіѣ, и соединясь съ Ганнономъ, отступившимъ изъ Луканіи (см. выше), передалъ ему подкрѣпленія и деньги.

Между тѣмъ какъ это происходило на морѣ, въ Сардиніи и Бруттіѣ, Марцеллъ изъ Нолы производилъ набѣги въ земли гириновъ и каудійскихъ самнитянъ и разорять ихъ огнемъ и мечомъ. Гирины и самнитяне просили защиты Аннибала и онъ двинулся изъ своего лагеря на горѣ Тифатѣ къ Нолѣ и расположился противъ нея лагеремъ съ сѣвера. Здѣсь присоединился къ нему Ганнонъ съ подкрѣпленіями и деньгами. Аннибалъ, желая отнять у римлянъ Нолу и владѣть самому этимъ важнымъ и нужнымъ ему городомъ, но не успѣвъ склонить жителей онаго принять его сторону, положилъ взять этотъ городъ приступомъ. Но въ то самое время, когда онъ двинулъ противъ него свою армію, Марцеллъ точно такъ же, какъ въ 1-мъ боѣ при этомъ городѣ, вышелъ изъ него со всею своею арміею, атаковалъ Аннибала и уже привелъ передовыя войска его въ разстройство и безпорядокъ; однако армія Аннибала скоро устроилась и бой сдѣлался общимъ, но былъ прекращенъ внезапно разразившеюся сильною грозою. На третій день Марцеллъ, воспользовавшись тѣмъ, что Аннибалъ выслалъ сильный отрядъ на фуражировку, вышелъ изъ города и построился въ боевой порядокъ, вызывая Аннибала на бой. Аннибалъ принялъ его: фуражиры его немедленно воротились, а вооруженные жители Нолы присоединились къ Марцеллу, который поставилъ ихъ въ резервъ. Римляне атаковали первые и весьма сильно, а кареагеняне оборонялись очень упорно, и побѣда долго колебалась, но наконецъ кареагеняне были сломлены и опрокинуты въ свой лагерь, потерявъ до 5 т. чел. убитыми, 600 чел. плѣнными, 6 слоновъ и 19 знаменъ или знаменъ. Марцеллъ

отступилъ въ Нолу, потерявъ не болѣе 1 т. чел. А на 3-й день послѣ того 1,272 испанскихъ и нумидійскихъ всадниковъ передались римлянамъ и въ послѣдствіи служили имъ вѣрно, за что по окончаніи войны были награждены землями въ ихъ странахъ и въ Сициліи.

И такъ счастье рѣшительно стало измѣнять Аннибалу! Отославъ Ганнона съ его войсками обратно въ Бруттій, онъ удался изъ Кампаніи въ Апулію и расположился въ сѣверной части ея, въ Арпи, на зимнихъ квартирахъ.

По удаленіи его изъ Кампаніи, Фабійъ перевезъ изъ Нолы и Неаполя въ лагерь при Суэссулѣ большіе запасы продовольствія, оставилъ въ этомъ лагерѣ сильный отрядъ войскъ, а самъ съ главными силами двинулся къ Капуѣ и сталъ разорять ея окрестности. Капуанцы выслали противъ него 6 т. своихъ войскъ, изъ которыхъ плохая иѣхота не отваживалась вступать въ бой съ нимъ, но довольно хорошая конница безпрестанно тревожила его частными нападеніями. Фабійъ, разоривъ земли Капуи, воротился въ свой лагерь при Суэссулѣ и расположился въ немъ на зиму, приказавъ Марцеллу оставить въ Нолѣ только необходимое для ея защиты число войскъ, а остальныхъ распустить. Семпроній изъ Кумъ перешелъ въ Луцерію, въ Апулію, для наблюденія зимою за Аннибаломъ, пославъ претора Валерія съ его легіонами въ Брундузій, для охраненія земель салентинцовъ и приготовленія всего нужнаго для войны съ Филиппомъ македонскимъ въ слѣдующемъ году.

Между тѣмъ въ Бруттій Имильконѣ, одинъ изъ военачальниковъ Аннибала, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцовъ трудной осады и упорной обороны Петеліи, принудилъ этотъ городъ, а послѣ него и городъ Консенцію (п. Cosenza) сдаться. Ганнонъ осадилъ Регій, а Амилькаръ Локры. Послѣдній принудилъ локрянъ сдать городъ на капитуляцію и заключить наступательный и оборонительный союзъ съ Аннибаломъ. Бруттійцы, обманувшіеся въ надеждѣ пріобрѣтенія добычи въ Регіѣ и Локрахъ, со-

брали 15 т. войскъ, въ намѣреніи осадить, взять и разграбить богатый греческій городъ Кротонъ (п. Crotone) на берегу моря, но послали спросить согласія Аннибала, который отослалъ ихъ къ Ганнону, а Ганнонъ не далъ имъ никакого отвѣта. Тогда бруттійцы сами двинулись къ Кротону и были впущены въ него народною партіей, расположенною къ Аннибалу, сенатъ же и аристократы удалились во внутреннюю крѣпость и, осажденные въ ней, оборонялись такъ упорно, что бруттійцы призвали на помощь Ганнона. Осажденные сдали крѣпость только потому, что локряне предложили имъ убѣжище у себя.

Въ Апуліи Семпроній и Аннибалъ зимою вели малую войну, успѣхъ въ которой былъ почти всегда на сторонѣ римлянъ, съ большою пользою для ихъ войскъ. Въ концѣ года Фабійъ, по приказанію сената, укрѣпилъ Путеоли (п. Pozzuoli) близъ Неаполя, важный хлѣбный рынокъ, и поставилъ въ него гарнизонъ.

Въ Испаніи оба Сципіона продолжали дѣлать успѣхи, но просили сенатъ прислать имъ одежды, продовольствія и денегъ, въ которыхъ имѣли недостатокъ. Истощеніе государственной казны побудило сенатъ предоставить это частной поставкѣ, которую и взяли на себя частныя лица изъ патриотизма. Получивъ нужное, Сципіоны снабдили продовольствіемъ Иллитургію (п. Andujar въ Jaen), осаждаемую Аздрубаломъ, Магономъ и Амилькаромъ, сыномъ Бомилькара. Затѣмъ, вступивъ въ бой съ этими послѣдними, они разбили ихъ наголову и послѣ того въ другой разъ близъ города Индибиля (п. Traguera близъ Тортосы въ Валенсіи). Эти два пораженія стоили кареагенянамъ потери до 30,000 чел. убитыми, 6,000 плѣнными, 101 знамени и 14 слоновъ.

Такимъ образомъ вообще, уже на слѣдующій годъ послѣ сраженія при Каннахъ, успѣхъ и перевѣсъ въ войнѣ перешли на сторону римлянъ и не противъ одного Аннибала и не въ одной Италіи, но и противъ всѣхъ кареагенскихъ полководцевъ, въ Сардиніи, Испаніи и на морѣ.

§ 39.

5-й походъ 214 года.

Распределеніе римскихъ армій;—дѣйствія въ Кампаніи;—сраженіе при Беневентѣ;—3-й бой при Нолѣ;—взятіе Казилина римлянами;—союзъ Сиракузъ съ Кареагеномъ.

Въ Римѣ на этотъ годъ были выбраны: въ консулы—Фабійъ и Марцеллъ, а въ преторы—Фульвій Флаккъ, Отацілій Крассъ,

Фабійъ Максимъ (сынъ консула) и Корнелій Лентулъ.

Затѣмъ арміи были распределены слѣдую-

щимъ образомъ: проконсула Семпронія—въ Апуліи, Варрона—въ Пиценѣ, Муція—въ Сардиніи, пропретора Валерія—въ Брундузіѣ, Помпонія—въ Цизальпинской Галліи, претора Корнелія—въ Сициліи, а Отацілію ввѣренъ флотъ у береговъ ея. Вскорѣ послѣ того сенатъ постановилъ вооружить 20 легіоновъ, назначивъ по 2 каждому консулу (Фабію прежніе, а Марцеллу новыя), Корнелію—въ Сициліи и Муцію въ Сардиніи—по 2 легіона, уже находившихся тамъ, Помпонію въ Арминіѣ въ Цизальпинской Галліи—2 новыхъ легіона, Семпронію—2 прежнихъ, претору Фабію—2 легіона Марка Валерія, а этому—1 легіонъ Публія Валерія, Варрону—1 его легіонъ въ Пиценѣ, Сципионамъ—2 ихъ легіона въ Испаніи и наконецъ 2 новаго набора городскіе легіона—для охраненія Рима. Изъ числа этихъ 20 легіоновъ, 14 были прежнихъ, а 6 имѣли быть набраны вновь, всѣ же вмѣстѣ должны были составить до 100,000 чел. пѣхоты и до 18.000 чел. конницы, всего до 118,000 чел. Флотъ было положено усилить до числа 150 судовъ, въ томъ числѣ 100 новыхъ. Новымъ закономъ было постановлено, чтобы всѣ частныя лица, имѣвшія отъ 50,000 до 1 милліона и болѣе ассовъ собственности, выставили отъ одного до 7-ми гребцовъ на флотъ каждый. Вотъ какія силы выставилъ въ этомъ году Римъ противъ Карфагена вообще и противъ Аннибала въ частности!

Изъ дальнѣйшаго изложенія будетъ усмотрѣно, что въ этомъ и слѣдующихъ годахъ главною цѣлію римскихъ полководцовъ было постоянно окружать Аннибала двумя или тремя арміями, утомлять и ослаблять его безпрестанными передвиженіями и дѣйствіями малой войны, а въ сраженіе съ нимъ вступать только съ увѣренностью въ побѣдѣ. Четыре римскія арміи, по крайней мѣрѣ, всегда были въ полѣ въ собственной Италіи—въ Кампаніи и Апуліи, и между тѣмъ какъ одинъ изъ нихъ наблюдалъ за Аннибаломъ и слѣдилъ за его движеніями, другія дѣйствовали противъ его полководцовъ и постепенно отторгали отъ нихъ покоренныя имъ земли. Въ Кампаніи же собственно главною цѣлію римлянъ было овладѣть Капуей и, лишивъ Аннибала этого важнаго для него, опорнаго пункта въ этой области, вытѣснить его изъ нея.

Аннибалъ, съ своей стороны, не получая своевременно и въ надлежащей мѣрѣ помощи изъ Карфагена (который, по своей ложной торговой политикѣ, считалъ болѣе важнымъ и нужнымъ удерживать за собою Испанію, нежели поддерживать Аннибала въ Италіи), былъ почти совершенно предоставленъ въ ней собственнымъ силамъ, средствамъ и способамъ, постепенно умалявшимся, и удерживался въ Италіи только силой и превосходствомъ высокихъ дарова-

ній своихъ. Онъ сосредоточилъ свои военныя дѣйствія въ Кампаніи, Апуліи, Калабріи, Луканіи и Бруттіѣ, именно съ цѣлію сближенія съ Карфагеномъ и постояннаго угроженія Риму, по окруженный римскими арміями, силою никогда не менѣе 80,000 войскъ, принужденъ былъ употреблять всѣ пособія своего искусства для того, чтобы не быть подавлену ими.

Жители Капуи, утраченные силами римлянъ, призвали Аннибала на помощь. Аннибалъ, и самъ опасавшійся за Капую, перешелъ изъ Арпи въ прежній свой лагерь на горѣ Тифатѣ близъ Капуи. Затѣмъ, оставивъ въ немъ пундійцовъ и испанцевъ, съ остальными войсками онъ расположился близъ озера Авернскаго (и. Lago d'Averno), между Кумъ и Путеоли (Pozzuoli), въ намѣреніи овладѣть этимъ послѣднимъ городомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приказалъ Ганнону идти изъ Бруттіи въ Кампанію.

Консулъ Фабій, узнавъ объ этомъ, приказалъ сыну своему, претору Фабію, занять въ Лудеріи мѣсто Семпронія, который получилъ назначеніе стать въ Беневентѣ, для наблюденія за непріятелемъ и для удержанія Ганнона. Самъ же консулъ Фабій остался въ лагерѣ при Нолѣ для стѣсненія Капуи, а въ Нолѣ былъ римскій гарнизонъ.

По прибытіи Аннибала къ Авернскому озеру, нѣсколько молодыхъ аристократовъ Тарента просили его приблизиться къ этому городу, обѣщая, что жители онаго впустятъ его. Аннибалъ принялъ эту просьбу тѣмъ охотнѣе, что хотя и обладалъ уже морскими портами въ Локрахъ и Кротонѣ, однако считалъ очень важнымъ и необходимымъ обладать также и портами въ Тарентѣ или Брундузіѣ, для приготовленія Филиппу македонскому мѣста высадки и опорнаго пункта въ южной Италіи.

Между тѣмъ, разоривъ земли Кумъ до Мизенскаго мыса, онъ расположился лагеремъ близъ Путеоли, гдѣ было 6,000 чел. римскаго гарнизона. Но пайдя этотъ городъ слишкомъ хорошо укрѣпленнымъ и охраняемымъ, онъ пошелъ разорять окрестности Неаполя. Близость его къ Нолѣ побудила приверженцевъ его въ ней просить его приблизиться къ этому городу. Но Марцеллъ, узнавъ объ этомъ, немедленно перешелъ изъ Калеса (Calvi) чрезъ р. Вултурнъ въ Суэсулу и оттуда съ 6,000 чел. пѣхоты и 300 чел. конницы отборныхъ войскъ поспѣшилъ предупредить Аннибала въ Нолѣ.

Въ то же время Семпроній, прибывъ къ Беневенту и узнавъ, что Ганнонъ прибылъ по близости на лѣвый берегъ р. Калора (и. Calore), лѣваго притока р. Вултурна, расположился лагеремъ въ одной милѣ (болѣе версты) отъ лагеря Ганнона. Два изъ четырехъ его легіоновъ состояли изъ волоновъ, которымъ была обѣщана, но еще не дана свобода. Волоны,

дотолѣ исполнявшіе свои обязанности усердно и исправно, роптали, но Семпроній, съ разрѣшенія сената и Марцелла, общалъ имъ свободу, если они исполнятъ, какъ слѣдовало, свой долгъ въ сраженіи съ Ганнономъ и принесутъ ему по непріятельской головѣ каждый. Волонны, съ своей стороны, съ восторгомъ общали ему завоевать себѣ свободу и Семпроній на слѣдующее же утро вышелъ изъ своего лагеря и построилъ свою армію въ боевой порядокъ. Ганнонъ, съ своей стороны, сдѣлалъ тоже съ своими 17,000 чел. пѣхоты (большею частію brutтіи и луканицъ) и 1,200 чел. конницы (почти все нумидійцевъ и мавританцевъ). Первое столкновение было очень сильное и успѣхъ въ продолженіи цѣлыхъ четырехъ часовъ равный. Между тѣмъ волонны, занятые отсѣченіемъ головъ раненымъ или убитымъ непріятельскимъ воинамъ, почти не могли уже сражаться. Тогда Семпроній объявилъ имъ, что они уже списали себѣ свободу и потому, не занимаясь болѣе отсѣченіемъ головъ, шли бы въ бой, который и возобновился съ новою силой. Въ то же время римская конница получила приказаніе атаковать на флангахъ. Но нумидійцы сражались такъ храбро и такъ упорно, что побѣда все-таки не склонялась еще на сторону римлянъ. Тогда Семпроній снова объявилъ волонамъ, что они не получаютъ свободы, если не разобьютъ непріятеля. Эта угроза такъ подѣйствовала на нихъ, что они, вмѣстѣ со всѣми прочими войсками римской арміи, произвели такой отчаянный, дружный и сильный ударъ, что наконецъ сломали армію Ганнона, опрокинули ее въ ее лагерь и вторглись въ него вмѣстѣ съ нею. Здѣсь бой продолжался съ ожесточеніемъ, но римскіе плѣнники, бывшіе въ лагерѣ, вооружась чѣмъ могли, напали на карфагенянъ съ тыла и почти вся армія Ганнона была истреблена, а самъ Ганнонъ едва спасся съ 2,000 чел. Римляне потеряли около 2,000 чел. Лагерь Ганнона былъ отданъ римскимъ войскамъ на разграбленіе, но скотъ, найденный въ немъ, сохраненъ для возвращенія владѣльцамъ его.

Семпроній, воротясь въ свой лагерь, даровалъ свободу всѣмъ волонамъ, даже и тѣмъ, которые сражались хуже другихъ и не участвовали въ атакѣ и взятіи лагеря Ганнона, наказавъ послѣднихъ только тѣмъ, что приказалъ имъ, во все время своей службы, ѣсть стоя. Затѣмъ Семпроній воротился въ Беневентъ, гдѣ былъ принятъ, какъ побѣдитель, а войска его щедро угощены жителями.

По поводу сраженія и побѣды при Беневентѣ слѣдуетъ отдать полную справедливость и честь консулу Фабію — за направление Семпронія къ этому городу, а Семпронію — за рѣшимость его вступить въ бой съ Ганнономъ и за его распоряженія до,

во время и послѣ сраженія. За то результаты его были чрезвычайно выгодны для римлянъ и невыгодны для Аннибала, разрушивъ совершенно планъ дѣйствій послѣдняго. Лишенный содѣйствія Ганнона, онъ долженъ былъ ограничиться охраненіемъ Кануп и стараніемъ овладѣть Нолой — одними собственными силами, ибо эти два города въ Кампаніи имѣли одинаковую, большую важность и для него и для римлянъ.

Дѣйствительно, между тѣмъ, какъ Семпроній шелъ и дѣйствовалъ противъ Ганнона, Аннибалъ изъ окрестностей Неаполя подступилъ къ Нолѣ и расположился лагеремъ къ з. отъ нея. Марцеллъ немедленно притянулъ къ себѣ изъ Суэссулы остальную свою армію и почью послалъ своего легата Клавдія Нерона съ отборною конницею обойти Аннибала и атаковать его съ тыла въ то время, когда самъ атакуетъ его съ фронта. На слѣдующее утро онъ вышелъ изъ Нолы, атаковалъ Аннибала и уже отбѣснилъ его армію, но не видя атаки Клавдія Нерона въ тылу Аннибала, не рѣшился продолжать свою атаку далѣе и отступилъ, потерявъ около 400 чел. и панеса Аннибалу уронъ до 2 т. чел. Къ вечеру Клавдій Неронъ воротился безъ всякихъ успѣха и пользы, не выдавъ непріятеля — неизвѣстно по какой причинѣ. На другой день Марцеллъ снова вышелъ изъ Нолы, вызывая Аннибала на бой, но Аннибалъ не вышелъ изъ своего лагеря и, не падѣясь болѣе овладѣть Нолой, послѣ троекратнаго, невыгоднаго для него боя при этомъ городѣ, двинулся къ Таренту.

Въ Римѣ между тѣмъ цензоры приняли строгія мѣры противъ тѣхъ, которые не исполнили своего долга въ сраженіи при Канпахъ и послѣ него, а сенатъ приказалъ, сверхъ того, всадникамъ изъ числа ихъ служить до конца войны въ Сициліи пѣшими (только для одного Варрона было сдѣлано исключеніе изъ этихъ строгихъ мѣръ, которыхъ онъ болѣе всѣхъ заслуживалъ!). Граждане Рима, въ порывѣ патриотизма, приняли на себя многія издержки, необходимыя для веденія войны и которымъ казна государственная была не въ состояніи удовлетворить. А въ арміяхъ всадники и центуріоны отказались отъ полученія жалованья.

Между тѣмъ консулъ Фабій расположился лагеремъ противъ Казилина, которымъ хотѣлъ овладѣть. Въ Казилинѣ было 2 т. кануанскихъ и 700 чел. карфагенскихъ войскъ въ гарнизонѣ. Старѣйшій изъ правителей Кануп началъ набирать войска, для нападенія на Фабія и спасенія Казилина. Фабій просилъ Марцелла присоединиться къ нему или прислать ему Семпронія, вступившаго въ Луканію. Марцеллъ, для выигранія времени, оставилъ 2 т. чел. войскъ для усиленія гарнизона Нолы, а самъ съ остальными войсками своими прибылъ къ Казилину и вмѣстѣ

съ Фабіемъ, но съ двухъ разныхъ сторонъ и изъ двухъ отдѣльныхъ лагерей, осадилъ этотъ городъ. Осажденные оборонялись такъ упорно, что Фабій уже хотѣлъ снять осаду, но Марцеллъ уговорилъ его продолжать оную. Доведенный наконецъ до крайности, гарнизонъ сдался Фабію на каинтуляцію и уже началъ выходить изъ города, но Марцеллъ овладѣлъ городскими воротами и, какъ бы не зная ничего о каинтуляціи, заключенной съ Фабіемъ, началъ на гарнизонъ и частію истребилъ его, частію взялъ въ плѣнъ. Около 50 вышедшихъ первыми были отосланы Фабіемъ въ Капую, а остальные въ Римъ.

Взятіе Казилина было вторымъ, выгоднымъ для римлянъ результатомъ побѣды при Беневентѣ, доставивъ римлянамъ средство осадить и взять Капую при первомъ удобномъ случаѣ.

По взятіи Казилина, Марцеллъ воротился къ Полѣ и Суэсулѣ, а Фабій пошелъ въ Сампій, сталъ разорять его, взялъ въ немъ города: Телезію (Telese), Консу (Conza) въ земляхъ гиринновъ и Эцы (Troja) въ Апуліи, захватилъ богатую добычу въ деньгахъ и скотѣ, и истребилъ или взялъ въ плѣнъ до 25 т. чел., въ томъ числѣ 370 бѣглыхъ римскихъ воиновъ, которыхъ отослалъ въ Римъ, гдѣ они были казнены. Семпроній, двинувшись вслѣдъ за Ганнономъ въ Луканію, набралъ въ ней нѣсколько когортъ, которыми поручилъ разорять край, гдѣ находился Ганнонъ. Но послѣдній разбилъ ихъ и отступилъ отъ Семпронія въ Бруттій. Семпроній же взялъ Бланду (и. Marateo) въ Луканіи, а преторъ Фабій—Аккуу (Accadia) въ Апуліи.

Затѣмъ римскія арміи расположились на зимнихъ квартирахъ: консулъ Фабій—въ Суэсулѣ, Марцеллъ—въ Полѣ, Семпроній—въ Луканіи, а преторъ Фабій—въ окрестностяхъ Гердонен (Ordona) въ Апуліи.

Аннибалъ же, прибывъ къ Таренту, нашелъ его уже занятымъ римскими войсками М. Ливія, легата претора М. Валерія, посланнаго этимъ послѣднимъ. Аннибалъ, простоявъ нѣсколько дней въ виду Тарента, отложилъ до другаго, болѣе удобнаго времени намѣреніе свое овладѣть имъ и расположился на зиму въ лагерь при Салапіи (Salpi) въ Апуліи, куда собралъ продовольственные запасы изъ Метапонта (нынѣ Torre a mare di Metaponto) и Геракленъ въ Луканіи. Нумидійскую же и мавританскую конницу онъ послалъ, для пополненія лошадей, въ земли саллентинцевъ и въ апулійскіе лѣса.

Въ Сициліи царь Иеронъ умеръ, а 15-лѣтній внукъ и преемникъ его, Иеронимъ, положилъ отложиться отъ Рима и вступить въ переговоры съ Аннибаломъ, но былъ

убитъ заговорщиками. Республиканская партія, завладѣвъ въ Сиракузахъ властью, положила держаться союза съ Римомъ, но была низложена партіей приверженцевъ Карфагена, которая объявила себя противъ Рима и открыла военныя дѣйствія противъ римскихъ войскъ въ Сициліи. Прямѣру Сиракузъ послѣдовали многіе города Сициліи. Это побудило римскій сенатъ послать туда Марцелла съ 2-мя его легіонами.

Филиппъ Македонскій, двинувшійся въ Италію и на пути осадившій Апполонію, былъ разбитъ преторомъ Маркомъ Валеріемъ Невіемъ и принужденъ съечь свой флотъ и сухимъ путемъ отступить въ Македонію.

Въ Испаніи Публий Корнелій Сципіонъ перешелъ черезъ р. Иберъ, дабы поддержать новыхъ союзниковъ римлянъ, угрожаемыхъ Аздрубаломъ и Магономъ. Сначала онъ претерпѣлъ пораженіе близъ Валеріи или Castrum altum (и. Valera, близъ Valverde, въ Куэнсѣ), что принудило его отступить въ горы (и. Sierra de Alcaras), гдѣ къ нему присоединился Кнеій Сципіонъ, между тѣмъ какъ къ Аздрубалу и Магону въ то же время присоединился Аздрубалъ, сынъ Гискона, однако сраженія между ними не произошло. Между тѣмъ городъ Кастулонъ (и. Castro близъ Linares, на р. Гуадалкивирѣ, въ Хаэнѣ) объявилъ себя въ пользу римлянъ, а карфагеняне, въ вознагражденіе себя за то, осадилъ Плитургисъ (и. Andujar, ниже на р. Гуадалкивирѣ). Но Кнеій Сципіонъ успѣлъ войти съ однимъ легіономъ въ этотъ городъ и принудилъ карфагенянъ снять осаду его, прогналъ ихъ также отъ Бигерры (около Iniesta въ Куэнсѣ) и принудилъ отступить къ Мундѣ (и. Monda, близъ Малаги), куда послѣдовали за ними, разбилъ ихъ тамъ въ большомъ сраженіи и истребилъ бы всю ихъ армію, еслибы полученная имъ рана не побудила легатовъ его отступить. Вскорѣ послѣ того Кнеій Сципіонъ снова разбилъ карфагенянъ въ другомъ сраженіи, такъ что вообще карфагеняне понесли въ этомъ году въ Испаніи уронъ до 36 т. чел. убитыхъ и взятыхъ въ плѣнъ и множество знаменъ. Затѣмъ Сципіоны овладѣли разрушеннымъ Сагунтомъ, въ которомъ былъ лишь слабый карфагенскій гарнизонъ, и, призвавъ въ него остатки бывшихъ жителей его, начали возстановлять его. Турдстанцовъ же (племя въ и. Севильѣ), которые особенно содѣйствовали взятію Аннибаломъ Сагунта, они наказали обращеніемъ въ рабство и разрушеніемъ ихъ городовъ.

И такъ и въ этомъ году успѣхъ въ войнѣ вездѣ былъ на сторонѣ Рима.

§ 40.

6-й походъ 213 года.

Распределение римскихъ армій;—бездѣйствіе въ Италіи и Испаніи;—осада Сиракузъ Марцелломъ.

Въ Римѣ на этотъ годъ были выбраны: въ консулы — преторъ Квинтъ Фабій (сынъ бывшаго диктатора, а потомъ консула) и Семпроній Гракхъ, а въ преторы — Апплій Регулъ, Семпроній Тудитанъ, Фульвій Центуманъ и Эмилій Лепидъ. Консуламъ было поручено вести войну противъ Аннибала, Фабію — съ 2-мя легіонами его отца, а Семпронію — съ 2-мя легіонами волоновъ, претору Эмилию — въ Луцеріи, въ Апуліи, съ 2-мя бывшими легіонами Фабія, претору Семпронію — въ Арминіи, въ Цизальпинской Галліи, съ 2-мя легіонами Помпонія, Фульвію — въ Суэссулѣ, съ 2 городскими легіонами, проконсулу Марцеллу — въ Сициліи, съ его 2-мя легіонами, а пропретору Корнелию, съ его 2-мя прежними легіонами — въ старой римской провинціи Сициліи. Отачили было сохранено начальствованіе флотомъ; пропреторъ Маркъ Валерій съ 1 легіономъ остался въ Греціи, Варронъ также съ 1 легіономъ въ Пиценѣ, а пропреторъ Муцій съ своими двумя легіонами въ Сардиніи. Сверхъ того были набраны еще 2 городскіе легіона и 20 т. союзныхъ войскъ, такъ что Римъ имѣлъ въ этомъ году всего 22 легіона (въ томъ числѣ 2 легіона въ Испаніи), что составляло около 110 т. чел. пѣхоты и около 20 т. чел. конницы. Изъ 22 легіоновъ, 13 были въ Италіи, гдѣ положено дѣйствовать такъ же, какъ и въ предыдущемъ году, и консулу Семпронію продолжать войну въ Луканіи, а консулу Фабію, имѣя при себѣ легатомъ отца своего, перейти въ Апулію. Изъ 13-ти легіоновъ въ Италіи, 2 охраняли Римъ, 2 были въ Цизальпинской Галліи, 1 въ Пиценѣ, а 8 противъ Аннибала, именно 2 въ Гердонеѣ, 2 въ Луцеріи, 2 противъ Ганнона и 2 противъ Капуи.

Первымъ дѣйствіемъ было взятіе консуломъ Фабіемъ города Арпи или Аргиринши въ Апуліи, къ с. отъ Гердонеи, посредствомъ внезапнаго нападенія ночью во время грозы. Гарнизонъ (5 т. кареагенскихъ и 3 т. городскихъ войскъ) началъ было защищаться внутри города, но городскія войска и 1 т. испанскихъ перешли на сторону римлянъ, а кареагенскимъ былъ данъ свободный выходъ въ Салапію.

Въ Кампаніи 120 капуанскихъ всадни-

ковъ сдались претору Фульвію въ Суэссулѣ, на условіи, чтобы имъ были возвращены ихъ земли, въ случаѣ взятія римлянами Капуи.

Аннибалъ, проведя все лѣто передъ Тарентомъ безъ всякой возможности овладѣть имъ, ограничился только взятіемъ нѣсколькихъ городовъ и мѣстечекъ въ земляхъ салентинцевъ. Консулъ Семпроній также провелъ все время въ неважныхъ дѣйствіяхъ и стычкахъ и взятіи нѣсколькихъ городковъ въ Луканіи. Въ Бруттіѣ римляне начали находить приверженцевъ, а два города, Оурий и Консенція, передались имъ. Другіе города послѣдовали бы ихъ примѣру, еслибы одинъ префектъ союзниковъ, съ толпою рабовъ и сельскихъ жителей, не вздумалъ разорять ихъ земли; но Ганнонъ разбилъ и разсѣялъ эту толпу. Такимъ образомъ въ Италіи этотъ годъ прошелъ въ бездѣйствіи съ обѣихъ сторонъ.

Въ Испаніи также не произошло ничего замѣчательнаго, исключая того, что Сициони, узнавъ объ объявленіи Кареагену войны Сифаксомъ, царемъ массеслійскихъ нумидійцевъ, предложили ему союзъ. Сифаксъ заключилъ съ ними договоръ и послалъ его на утвержденіе проконсуловъ, а подвластнымъ ему нумидійцамъ въ кареагенскихъ арміяхъ приказалъ перейти въ службу римлянъ. Целтиберяне тоже заключили союзъ съ римлянами и присоединили къ нимъ вспомогательныя войска свои, бывшія въ кареагенскихъ арміяхъ.

Но за то въ Сициліи произошли весьма важныя и замѣчательныя дѣйствія, а именно — знаменитая осада Сиракузъ Марцелломъ.

Когда Аннибалъ, перейдя черезъ Альпы, вступилъ въ Италію, кареагеняне пытались снова утвердиться въ Сициліи, но неудачно, и уже не дѣлали подобнаго рода покушеній до тѣхъ поръ, пока Аннибалъ, уже находясь въ средней и южной Италіи, не сталъ стараться объ отвлеченіи Сициліи отъ союза съ Римомъ. Но это не имѣло никакого успѣха, доколѣ живъ былъ Геронъ, царь сиракузскій, постоянный въ продолженіи 50 лѣтъ и вѣрный союзникъ Рима, и въ счастіи и въ несчастіи. Но все измѣнилось со смертію его въ 215 году: послѣдовавшій

ему, 15-ти-лѣтній, безумный впускъ его Геронимъ, именно въ то самое время, когда обязательства требовали зрѣлаго ума и сильной воли со стороны царя сиракузскаго, имѣвшаго вліяніе на всю Сицилію, — въ противность мудрой политикѣ своего дѣда, вступилъ въ сношенія съ Аннибаломъ. Хотя въ 214 году онъ былъ убитъ заговорщиками, но въ Сиракузахъ произошелъ политическій переворотъ, городъ этотъ снова объявилъ себя республикой и верховную власть въ немъ захватили, съ помощью черни, Аннибаловы послы, братья Эпикидъ и Иппократъ, которые постоянно дѣйствовали, разумѣется, какъ враги Рима. Вся Сицилія пришла въ страшное волненіе и въ этихъ-то обстоятельствахъ, въ 213 г., въ нее былъ посланъ Марцеллъ съ 2 легионами и флотомъ Отацілія. Марцеллъ заключилъ съ Сиракузами миръ и призналъ ихъ республикой, при тѣхъ же владѣніяхъ, какія имѣлъ Геронъ. Но Эпикидъ, посланный въ городъ Леонтины въ качествѣ градоначальника, нарушилъ миръ съ римлянами. Марцеллъ потребовалъ выдачи его и Иппократа, но послѣдній бѣжалъ къ брату своему въ Леонтины, гдѣ оба укрѣпились и отказали въ повиновеніи правительству Сиракузъ. Отсюда противъ нихъ были посланы войска, которыя, вмѣстѣ съ римскими, должны были покорить Леонтины. Но сиракузскія войска на походъ туда узнали, будто Марцеллъ уже взялъ Леонтины и вырѣзалъ въ нихъ все мужское населеніе, что была ложь, распушенная Эпикидомъ и Иппократомъ, для возбужденія сиракузянъ противъ римлянъ. Прибывшіе изъ Леонтинъ къ войскамъ Эпикидъ и Иппократъ не только подтвердили эту ложь, но и жалобно умоляли о защитѣ. Тогда сиракузскія войска взбунтовались, начальники ихъ, спасая свою жизнь, бѣжали, а Эпикидъ и Иппократъ, въ главѣ мятежныхъ сиракузскихъ войскъ, двинулись къ Сиракузамъ, были впущены въ нихъ единомышленниками и, предавъ смерти или изгнавъ всѣхъ принадлежавшихъ къ противной партіи, захватили верховную власть. Такъ какъ она перешла уже въ руки отъявленныхъ враговъ Рима, то Марцеллъ, овладѣвъ Леонтинами, двинулся немедленно къ Сиракузамъ, съ цѣлю осадить ихъ съ сухаго пути и моря. Подступивъ къ городу, онъ расположился сначала близъ храма Юпитера Олимпійскаго и вскорѣ осадилъ городъ съ сухаго пути, со стороны Эксапильскихъ воротъ — римскими и союзными войсками подъ начальствомъ проконсула Аппія Клавдія, а съ моря, со стороны Ахрадины — самъ съ 60-ю судами флота.

Нужно сказать, что развитію и успѣхамъ полиорцетикки чрезвычайно способствовали, послѣ смерти Александра В., между прочимъ, развитіе же и успѣхи математическихъ и техническихъ наукъ въ Греціи и между гре-

ками повсюду вообще. Со временъ же Димитрія Полиорцета и осады имъ Родоса въ 305 году, эти науки сдѣлали между греками еще большіе успѣхи, такъ какъ въ греко-азіатскихъ государствахъ была признана чрезвычайная важность этихъ наукъ для развитія промышленности, торговли, судоходства, а также осады и обороны городовъ. Средоточіемъ разработки этихъ наукъ сдѣлалась Александрія въ Египтѣ, и тамъ было и оттуда происходило всегда множество отличныхъ математиковъ, механиковъ, строителей машинъ, орудій, судовъ, крѣпостей и пр. Сиракузы, какъ государство морское и торговое, не могло не принимать также участія въ новыхъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ, и Геронъ отправилъ въ Александрію, для изученія ихъ, родственника своего, Архимеда. Послѣдній, одаренный необыкновенными способностями къ означеннымъ выше наукамъ, не только изучилъ ихъ до глубины, но и дополнилъ собственными своими открытіями и изобрѣтеніями и приспособилъ ихъ къ оборонѣ Сиракузъ. Въ томъ, что говорятъ объ этомъ Титъ Ливій, Плутархъ и другіе древніе историки, нѣтъ сомнѣнія — очень много преувеличенія и краснорѣчія, безъ спеціальнаго знанія дѣла, такъ что изъ ихъ рассказовъ трудно составить себѣ достаточно ясное понятіе о средствахъ, употребленныхъ Архимедомъ при оборонѣ Сиракузъ. Такъ, напримѣръ, Плутархъ говоритъ, что Архимедъ, еще по приказанію Герона, изготовилъ множество осадныхъ и оборонительныхъ машинъ и орудій, которыя оставались безъ употребленія до тѣхъ поръ, пока самъ Архимедъ не приспособилъ ихъ и не употребилъ въ дѣйствіе для обороны Сиракузъ противъ Марцелла. По словамъ Плутарха, Архимедъ металъ изъ своихъ машинъ и орудій огромнѣйшіе и тяжелѣйшіе камни такъ мѣтко, что каждый разъ попадалъ въ цѣль, и такими огромными количествами снарядовъ, что еще въ большемъ отдаленіи разстреливалъ осадныя работы римлянъ и дѣйствія судовъ ихъ на морѣ. На послѣднія Архимедъ, будто бы, опускалъ съ городскихъ стѣнъ машины съ крючьями, на подобіе желѣзныхъ рукъ, которыя поднимали суда на воздухъ и бросали ихъ обратно въ море дномъ къверху или разбивали ихъ о скалистые берега. Зонара говоритъ даже, будто Архимедъ, посредствомъ зажигательныхъ стеколъ, произвелъ пожаръ на римскомъ флотѣ. Все это и тому подобное могло быть возможнымъ, но достовѣрнымъ быть не можетъ. Какъ бы то ни было впрочемъ, не подлежитъ сомнѣнію, что Архимедъ, своими механическими изобрѣтеніями и оборонительными машинами, орудіями и дѣйствіями уничтожалъ всѣ осадныя работы, машины и орудія римлянъ, и со стороны моря, и особенно съ сухаго

пути, гдѣ, по словамъ Плутарха, наводилъ на римлянъ такой страхъ, что они трепетали при одномъ видѣ каждаго куска дерева, выдававшегося со стѣнъ, считая это за новую машину великаго математика. Поэтому Марцеллъ и былъ наконецъ принужденъ превратить осаду въ обложеніе. Намѣреваясь взять городъ приступомъ, онъ устроилъ, кромѣ множества разныхъ осадныхъ машинъ и орудій, самбуку изъ 8-ми морскихъ судовъ или галеръ, на которыхъ была помѣщена высокая деревянная башня, превышавшая городскія стѣны. Но Архимедъ, не допустивъ самбуку до стѣнъ, разрушилъ ее дѣйствіемъ баллистъ, а на сухомъ пути, въ то же время — череныхъ, подвижныхъ галлерей и другіе крытые ходы римлянъ. Когда же Марцеллъ и Анній

Клавдій, полагая, что машины Архимеда, по величинѣ своей, могли разрушительно дѣйствовать только вдали, подвели войска свои къ самымъ городскимъ стѣнамъ, тогда Архимедъ осыпалъ ихъ такимъ градомъ стрѣлъ, бревенъ и камней, что уstraшенные римскія войска отступили въ разстройствѣ, безпорядкѣ и съ большимъ уропомъ, и тогда-то послѣ 8-ми мѣсячныхъ, тщетныхъ усилій взять Сиракузы осадой (значитъ уже въ началѣ 212-го года), Марцеллъ превратилъ осаду въ обложеніе съ сухаго пути и моря, и, оставивъ Анніа Клавдія съ половиною арміи и съ флотомъ противъ Сиракузъ, самъ съ другою половиною арміи двинулся во внутренность Сициліи, дабы наказать города ея, предавшіеся кароагенянамъ.

§ 41.

7-й походъ 212 года.

Распредѣленіе римскихъ армій; — взятіе Тарента Аннибаломъ; — 2-е сраженіе при Веневентѣ; — 1-е сраженіе при Гердонеѣ; — обложеніе Капуи и взятіе Сиракузъ римлянами; — неудачи римлянъ въ Испаніи.

Въ Римѣ, по случаю отсутствія консуловъ, избранъ былъ диктаторомъ Клавдій Центо, который избралъ въ магистры конницы Квинта Фульвія Флакка. Затѣмъ въ консулы были избраны этотъ самый Квинтъ Фульвій Флаккъ и находившійся въ Сициліи, при обложеніи Сиракузъ, Анній Клавдій, а въ преторы: Кнеій Фульвій Флаккъ, Клавдій Неронъ, Юній Силанъ и Корнелій Силла. Публий Сципіонъ, сынъ Публия Корнелія Сципіона, находившійся въ Испаніи и извѣстный въ послѣдствіи подъ названіемъ Сципіона младшаго африканскаго, былъ назначенъ эдлемъ (первое начало его политическаго поприща).

Римскія арміи были распредѣлены слѣдующимъ образомъ: оба консула были противопоставлены самому Аннибалу, одинъ — съ 2-мя легіонами бывшаго консула Фабія, а другой — съ 2-мя легіонами бывшаго претора Фульвія; — преторъ Кнеій Фульвій, братъ консула, назначенъ въ Апулію, съ 2-мя легіонами Эмилиа, находившагося въ Луцеріи; — Клавдію Нерону было поручено занимать лагерь при Суэссулѣ, съ 2-мя легіонами, которые Варронъ имѣлъ въ Пизценѣ; — тому и другому было разрѣшено пополнить свои легіоны новыми наборами; — преторъ Юній былъ посланъ въ Этрурію, не совсѣмъ надежную, съ 2-мя городскими легіонами предыдущаго года, находивши-

мися въ лагерь при Суэссулѣ; — преторъ Сплла остался въ Римѣ; — всѣ остальные полководцы предыдущаго года сохранили свои мѣста и войска, а именно: проконсулъ Семпроній — въ Луканіи, пропреторъ Семпроній — въ Ариминиѣ, пропреторъ Лентулъ — въ Дилибсѣ, въ Сициліи, проконсулъ Марцеллъ — при обложеніи Сиракузъ, пропреторы: Отацилій — надъ флотомъ у Сициліи, Муцій — въ Сардиніи, Маркъ Валерій — въ Греціи и оба Сципіона — въ Испаніи. Съ наборомъ 2 новыхъ городскихъ легіоновъ, Римъ выставилъ въ этомъ году всего 25 легіоновъ (около 125 т. чел. пѣхоты и 22,500 чел. конницы, всего 147,500 войскъ).

Консулы, встрѣчая затрудненія въ новыхъ наборахъ, потому что число молодыхъ людей свыше 17-ти лѣтъ очень уменьшилось, предложили сенату, а сенатъ согласился и постановилъ: произвести чрезвычайный наборъ ниже 17 лѣтъ, потому что во 1-хъ римскія арміи въ 6 лѣтъ войны понесли большія потери въ людяхъ и во 2-хъ уже не могли пополняться ни изъ Цизальпинской Галліи, ни изъ Самніи, ни изъ всей южной Италіи (вотъ что въ 6 лѣтъ произвелъ Аннибалъ, но еще только на половину!).

Въ этомъ году римляне имѣли въ Италіи 16 легіоновъ — болѣе 100 т. войскъ противъ Аннибала, имѣвшаго не болѣе 80 т. войскъ,

на половину составленныхъ изъ племенъ Италіи, отложившихся отъ Рима, и войска которыхъ Аннибалъ употреблялъ только въ ихъ земляхъ, слѣдовательно только съ 40 т. войскъ, не болѣе, передвигался по южной Италіи, среди 100 т. римскихъ войскъ, со всѣхъ сторонъ окружавшихъ его, слѣдившихъ за нимъ, но не отваживавшихся атаковать его всѣ вмѣстѣ разомъ.

За всѣмъ тѣмъ, римскій сенатъ и въ этомъ году распредѣлилъ арміи и составилъ планъ дѣйствій очень хорошо. Рѣшено было осадить Капуя, для чего было назначено до 60 т. войскъ обоимъ консуловъ и Клавдія Нерона, затѣмъ въ Луканіи у Семпронія противъ Ганнона было до 20 тыс. и въ Апуліи у претора Фульвія до 18 т. войскъ.

Дѣйствія въ этомъ году были открыты взятіемъ, наконецъ, Тарента Аннибаломъ, посредствомъ предательства и внезапнаго нападенія. Поводомъ къ тому послужила казнь въ Римѣ заложниковъ Тарента, бѣжавшихъ изъ Рима, по перехваченныхъ. Казнь ихъ раздражила тарентинцовъ и рѣшила отложение ихъ отъ Рима. Въ Тарентѣ составилъ заговоръ, заговорщики тайно говорились съ Аннибаломъ, который стоялъ лагеремъ переходахъ въ трехъ (60 римскихъ миль или около 65 верстъ) отъ Тарента, заключили съ нимъ обоюднoвыгодный договоръ и условились съ нимъ во времени и способѣ передачи ему города. Съ той и съ другой стороны были употреблены разныя хитрости, дабы не только не возбудить подозрѣній римскаго гарнизона, но и усыпить его бдительность. Между прочимъ Аннибалъ съ своей стороны распустилъ слухъ, что онъ нездоровъ, а потомъ — опасно боленъ. Наканунѣ условленнаго дня онъ приблизился къ Таренту на 15 миль (болѣе 15 верстъ) съ такими предосторожностями, что это казалось только обыкновеннымъ наступленіемъ передовыхъ легкихъ войскъ. Онъ взялъ съ собою 10 т. отборныхъ войскъ пѣхоты и конницы, а впередъ мѣли на 4 выслалъ 80 нумидійцевъ, съ приказаніемъ разсыпаться по полямъ и задерживать или убивать всѣхъ встрѣчныхъ жителей, дабы тѣмъ приккрыть движеніе самаго Аннибала. Начальникъ римскаго гарнизона въ Тарентѣ, принявъ нумидійцевъ за обыкновенныхъ фуражировъ, выслалъ противъ нихъ для развѣдыванія небольшую часть войскъ, которая донесла, что армія Аннибала не изменила своего расположенія. Ночью же Аннибалъ скрытно приблизился къ однимъ изъ воротъ города; заговорщики, вырѣзавъ римскую стражу оныхъ, передали ихъ Аннибалу, который, оставивъ въ воротѣ 2 т. своей конницы, съ пѣхотой бросился на рыночную площадь, откуда направилъ 2 т. чел. своей галльской пѣхоты тремя отрядами въ главные улицы города, съ приказаніемъ

убивать всѣхъ встрѣчныхъ римлянъ, но не трогать городскихъ жителей, для чего каждому отряду придавъ по нѣскольку чело-вѣкъ изъ заговорщиковъ. Римскій гарнизонъ и начальникъ его, услыхавъ шумъ и догадавшись, что непріятель въ городѣ, бросились во внутренній замокъ (или цитадель) и успѣли запереться въ немъ, потерявъ многихъ изъ своихъ убитыми въ темнотѣ ночи.

Это взятіе Тарента Аннибаломъ изложено здѣсь съ нѣкоторыми подробностями, во 1-хъ какъ одинъ изъ множества примѣровъ военныхъ хитростей, употреблявшихся для овладѣнія непріятельскими городами въ древнія времена вообще и Аннибаломъ въ особенности, — и во 2-хъ какъ доказательство хитрости Аннибала и оплошности начальника римскаго гарнизона, при всемъ томъ, что городская, какъ и лагерная служба у римлянъ производилась обыкновенно очень строго.

И такъ Аннибалъ завладѣлъ Тарентомъ, но не могъ взять замка (или цитадели) его, а безъ него и портъ его, особенно важный для Аннибала, не былъ въ его власти, слѣдовательно это было для него полу-успѣхъ или даже неудача: пока римляне владѣли замкомъ, всѣ выгоды были на ихъ сторонѣ, а всѣ невыгоды на сторонѣ Аннибала. Первые, имѣя въ замкѣ опорный пунктъ, могли осадить Тарентъ съ сухаго пути и съ моря, а это могло принудить Аннибала сосредоточить къ Таренту главные свои силы, покинувъ прочія области южной Италіи, и либо потерять много времени, либо подвергнуться случайностямъ сраженія.

Но римскій сенатъ не уклонился отъ главной, предположенной имъ цѣли — непременно взять Капуя и ограничился только усиленіемъ гарнизона тарентскаго замка, что для сената было вполне возможно, такъ какъ и море, и портъ Тарента были для него открыты.

Аннибалъ сначала хотѣлъ-было взять замокъ приступомъ, но обозрѣвъ чрезвычайно сильное мѣстностью и укрѣпленіями положеніе его, ограничился стѣсненіемъ его со стороны города, приказавъ устроить между нимъ и городомъ контъ-валаціонную линію. Отразивъ вылазку римскаго гарнизона, довершивъ укрѣпленную линію и оставивъ для запятія и обороны ея достаточное число войскъ, съ остальными войсками онъ удалился изъ Тарента и расположилъ всю свою армію лагеремъ въ 5-ти миляхъ отъ города. Вскорѣ онъ попытался взять замокъ осадой, но римскій гарнизонъ, усиленный подкрѣпленіями, произвелъ сильную вылазку и сжегъ всѣ осадныя машины. Тогда Аннибалъ отказался отъ намѣренія взять замокъ осадой и, обезпечивъ отъ него Тарентъ съ сухаго пути, убѣдилъ тарентинцовъ обложить замокъ и съ моря, и на-

учить ихъ, какъ перевезть свою эскадру сухимъ путемъ, на саняхъ, черезъ улицы города на рейды. Тарентинцы исполнили это съ успѣхомъ и черезъ нѣсколько дней эскадра ихъ стала на якорь противъ замка. Тогда Аннибалъ воротился въ свой прежній лагерь, въ трехъ переходахъ отъ Тарента, и расположился въ немъ съ арміею на зиму.

Между тѣмъ консулы соединили свои арміи и двинулись въ Самній, по видимому для покоренія этой области, но въ дѣйствительности для угроженія Капуѣ. Капуанцы и кампанцы, предвидя опасность, грозившую Капуѣ, и видя постоянное разореніе своего края, звали Аннибала на помощь. Аннибалъ, не желая прерывать предпріятія своего противъ Тарента, приказалъ Ганнону съ его арміею идти изъ Бруттія къ Капуѣ, для снабженія оной продовольствіемъ.

Ганнонъ двинулся немедленно и, удачно мниовавъ римскія арміи, расположился въ выгодной мѣстности въ 3-хъ миляхъ отъ Беневента, гдѣ приказалъ всѣмъ союзнымъ окрестнымъ жителямъ свозить къ нему въ лагерь запасы хлѣба, а капуанцамъ назначилъ, когда имъ выслать къ нему сколько можно болѣе повозокъ и вьючныхъ животныхъ. Но безпечные капуанцы выслали ихъ только 400. Ганнонъ, упрекнувъ ихъ за то, приказалъ выслать всѣ перевозочныя средства, какія только они могли собрать.

Между тѣмъ жители Беневента уже успѣли дать знать о всемъ консуламъ, которые рѣшили, чтобы Фульвій съ своею арміею немедленно двинулся противъ Ганнона. Прибывъ къ Беневенту и узнавъ, что Ганнонъ съ частью своей арміи отправился на фуражировку, а въ лагерь его прибыло до 2 т. капуанскихъ повозокъ, Фульвій рѣшился немедленно воспользоваться тѣмъ и атаковать лагерь Ганнона. Около 4-й стражи слѣдующей ночи (передъ разсвѣтомъ), оставивъ всѣ свои тяжести въ Беневентѣ, онъ двинулся прямо къ лагерю Ганнона и, не смотря на расположеніе его на неудободоступныхъ высотахъ, атаковалъ его при восхожденіи солнца. Войска съ обѣихъ сторонъ дрались съ ожесточеніемъ, но кареагеняне отразили первый атаки римлянъ съ большимъ для послѣднихъ урономъ. Однако это не ослабило упорства римлянъ и они, съ необыкновеннымъ напряженіемъ силъ, но и съ большимъ урономъ для себя, достигли наконецъ самаго рва лагерь. Фульвій, опасаясь еще большаго кровопролитія, уже хотѣлъ подать сигналъ къ отступленію; но римскія войска такъ увлеклись пыломъ боя, особенно когда одинъ начальникъ союзной когорты и за нимъ одинъ 1-й центуріонъ (приманивъ) принциповъ бросили въ непріятельскій лагерь свои знамена, что одинъ цѣлый легіонъ взялъ приступомъ часть вала и главные ворота и вломился въ лагерь. Тогда

Фульвій одушевилъ и остальныхъ войска не покидать легіона, проникшаго въ лагерь—и они также мигомъ вошли въ него черезъ валъ. Затѣмъ бой внутри лагерь превратился уже въ избіеніе кареагенянъ: до 6 т. изъ нихъ были убиты, а 7 т., со всѣми капуанцами и ихъ повозками и вьючными животными, взяты въ плѣнъ. Затѣмъ Фульвій приказалъ разрушить взятый лагерь и воротился въ Беневентъ, гдѣ черезъ два дня къ нему присоединился другой консулъ, Анній Клавдій. Ганнонъ же съ своими фуражирами спасся въ Бруттію.

Дѣйствія обонхъ консуловъ вообще заслуживаютъ большой похвалы. Движеніе ихъ въ Самній было очень разумною диверсіею для отвлеченія вниманія Аннибала отъ Кампаніи и приготовленій въ ней къ осадѣ Капуи. Въ то время, когда консулы угрожали сѣверной, а преторъ Кней Фульвій южной Апуліи, въ Кампаніи былъ укрѣпленъ замокъ Вултурнъ, при устьѣ р. Вултурна, и въ немъ и въ Казилинѣ были собраны большіе запасы продовольствія для армій, которыя должны были осаждать Капую. Этого нельзя было бы сдѣлать, еслибы Аннибалъ былъ въ Кампаніи, а потому консулы и старались отвлекать его отъ нея, но не удаляясь сами отъ Беневента, важнаго для нихъ на случай осады Капуи и потому еще, что Аннибалъ могъ бы при Беневентѣ стать между ихъ двумя арміями и арміею Семпронія въ Луканіи и либо разбить послѣдняго, либо принудить его очистить Луканію. Поэтому и рѣшимость ихъ идти противъ Ганнона къ Беневенту, а Фульвія—немедленно атаковать лагерь Ганнона, была совершенно правильная, дѣйствія же Фульвія и, особенно его войскъ при атакѣ и взятіи лагерь приносятъ имъ большую честь.

Пораженіе Ганноновой арміи, въ то время, когда Аннибалъ былъ удержанъ до зимы при Тарентѣ, имѣло весьма важныя и выгодныя для римлянъ послѣдствія. Послѣ этого осада и взятіе Капуи почти не подлежали уже сомнѣнію, а съ паденіемъ Капуи, вся Кампанія уже имѣла быть потерянною для Аннибала. Послѣдній, подступивъ вначалѣ къ Таренту съ непремѣннымъ намѣреніемъ овладѣть имъ, безъ сомнѣнія былъ увѣренъ, что, пока не удалится отъ Тарента, и римскія арміи не перемѣнятъ своего расположенія и что поэтому Ганнону можно будетъ искусно пройти между ними и снабдить Капую продовольствіемъ. И Ганнонъ, дѣйствительно, искусно исполнилъ начало своего порученія и удачно довершилъ бы его, еслибы не непростительная безпечность и неисполнительность капуанцовъ, которыя были причинами неудачи Ганнона и успѣха римлянъ, въ соединеніи съ отсутствіемъ Ганнона изъ лагерь и рѣшительными атакѣю этого лагерь и взятіемъ его приступомъ съ боя

римскими войсками. Такимъ образомъ сами обстоятельства сложились столь-же выгодно для римлянъ, сколько невыгодно для Аннибала, не смотря на то, что соображенія и распоряженія его были совершенно правильны и вѣрны.

Между тѣмъ капуанцы, узнавъ о пораженіи Ганноновой арміи при Беневентѣ, снова и усиленно просили Аннибала скорѣе прибыть на помощь имъ. Аннибалъ, хотя и расположился уже на зимнихъ квартирахъ, однако немедленно двинулся въ Кампанію. А пока онъ шелъ туда, легатъ Сервилій, посланный преторомъ Корнелиемъ въ Этрурію для закупки хлѣба, благополучно ввелъ въ замокъ Тарента, съ моря, транспортъ съ продовольствіемъ, не смотря на то, что на рейдѣ была тарентинская эскадра. Но въ Луканіи римляне лишились двухъ городовъ, Метапонта и Оурия, изъ которыхъ первый, по удаленіи римскаго гарнизона, передался Аннибалу, а вторымъ овладѣлъ Ганнонъ, при содѣйствіи жителей, разбивъ вышедшій на встрѣчу ему слабый римскій гарнизонъ.

Консулы, послѣ сраженія при Беневентѣ, имѣя уже противъ себя только одну армію Аннибала, сплюю не выше 40 т. войскъ, между тѣмъ какъ въ ихъ распоряженіи было до 60 т., положили немедленно воспользоваться тѣмъ для овладѣнія наконецъ Капуей. А потому они приказали Семпронію оставить въ сѣверной Луканіи всю свою тяжелую пѣхоту въ лагерѣ, а самому съ легкою пѣхотою и конницей перейти къ Беневенту. Семпроній уже хотѣлъ двинуться туда, какъ былъ измѣннически убитъ однимъ приверженцомъ Аннибала, обѣщавшимъ Ганнону выдать ему Семпронія. Это была большая потеря для римлянъ, такъ какъ исторія изображаетъ Семпронія справедливымъ, добрымъ, способнымъ, храбрымъ и первымъ, послѣ Марцелла, одержавшимъ успѣхъ надъ Аннибаломъ.

Въ это время консулы вступили уже въ капуанскія земли и начали разорять ихъ, но, какъ видно, не принявъ при этомъ надлежащихъ мѣръ предосторожности и, атакованные капуанцами, поддерживавшими кареагенскую конницу подъ начальствомъ Магона, потерпѣли поражение, съ урономъ 1,500 чел. Они стали осторожнѣе, однако остались передъ Капуей.

Аннибалъ же, пройдя чрезъ Апулію, расположился близъ Беневента, а на третій день, не сомнѣваясь въ побѣдѣ надъ арміей консуловъ, уже потерпѣвшей поражение, вызвалъ на бой близъ Капуи консуловъ, которые и приняли его вызовъ. Первое столкновение было невыгодно для нихъ; чтобы избавиться отъ многочисленной легкой конницы Аннибала, они приказали своей конницѣ атаковать ее. Но въ это время на флангѣ обѣихъ армій показались войска (то

были легіоны Гракха, ведомые квесторомъ Корнелиемъ) — и полководцы, недоумѣвая, что это значило, подали въ одно и то же время, каждый съ своей стороны, сигналы къ отступленію. Затѣмъ консулы, дабы удалить Аннибала отъ Капуи, разлучились: Фульвій пошелъ къ городу Кумы, а Аппій въ Луканію. Аннибалъ пошелъ за Аппіемъ. Но послѣдній, постоянно избѣгая столкновения съ нимъ, заставилъ его проходить за собою въ ту и другую стороны и, утомивъ его, вдругъ, когда Аннибалъ наконецъ остановился, быстро обратился снова къ Капуѣ.

Обманутый имъ Аннибалъ скоро нашелъ случай вознаградить себя за бесполезныя передвиженія.

Нѣкто Центеній Пенула, совершившій нѣсколько походовъ въ званіи приминила, отличившійся въ сраженіяхъ и, уволенный отъ службы, находившійся въ Римѣ, просилъ сенатъ позволить ему набрать 3 т. волонтеровъ, съ которыми обѣщаль оказать республикѣ большія услуги и употребить противъ Аннибала такія же военныя хитрости, которыми онъ столько разъ обманывалъ римскихъ полководцовъ. Сенатъ легковѣрно повѣрилъ этому безразсудному хвастовству и далъ Центенію 8 т. римскихъ и союзныхъ войскъ. Центеній двинулся съ ними въ Луканію, куда прибылъ уже съ увеличившимся вдвое (16 т.) числомъ войскъ, въ то самое время, когда Аннибалъ, слѣдуя за Аппіемъ, остановился. Центеній тотчасъ же предложилъ ему бой, а Аннибалъ принялъ его, не сомнѣваясь въ побѣдѣ надъ такимъ полководцемъ и арміей. Хотя первая атака Центенія была отражена, но бой продолжался почти два часа и продолжался бы, можетъ быть, и еще долѣе, еслибы Центеній, увлекаемый воспоминаніемъ прежнихъ своихъ подвиговъ и особенно желаніемъ не пережить стыда поражения, вслѣдствіе собственнаго неблагоразумія, не бросался въ самыя опасныя мѣста боя и не былъ наконецъ убитъ въ рядахъ непріятеля. А тогда небольшая армія его, приведенная въ безпорядокъ и разстройство и охваченная конницей Аннибала, была истреблена, за исключеніемъ около 1 т. чел., успѣвшихъ спастись.

Затѣмъ Аннибалъ вѣроятно двинулся бы опять къ Капуѣ, еслибы ему не представился удобный случай одержать новую побѣду. Посланные жителями Апуліи люди уведомили его, что преторъ Фульвій и его войска, обремененныя добычей, уже не наблюдали прежней предосторожности и строгой дисциплины. Аннибалъ немедленно двинулся противъ нихъ къ Гердонеѣ (п. Ordona), которую они осадили, и расположился лагеремъ недалеко отъ ихъ лагеря. Узнавъ о его прибытіи, войска Фульвія едва не вышли изъ своего лагеря для нападенія на Аннибала и были удержаны только обѣща-

пиемъ боя на слѣдующее утро. Аннибалъ, съ своей стороны, узнавъ о такомъ безпорядкѣ, въ слѣдующую же ночь поставилъ 3,000 чел. легкой пѣхоты въ засаду позади сельскихъ построекъ, загородей и въ кустарникахъ; Магону съ 2,000 пумидійцовъ приказалъ занять во время боя пути, по которымъ римляне могли бы бѣжать въ свой лагерь, а самъ рано утромъ построилъ свою армію впереди своего лагеря. Фульвій также вывелъ свою армію и построилъ ее противъ Аннибаловой, но весьма посѣпно и съ большимъ безпорядкомъ, вслѣдствіе самоволія войскъ. Желая сравнять длину своего фронта съ длиною Аннибалова, онъ уменьшилъ глубину его и построилъ 1-й римскій и 2-й союзный легіоны по когортамъ въ одну линію, за ними — остальную пѣхоту тѣмъ же образомъ, всю свою конницу — пополамъ на флангахъ, а легкую пѣхоту разсыпалъ передъ фронтомъ. Аннибалъ же, не смотря на отраженіе войскъ въ засаду и съ Магономъ, бывший все еще сильнѣе Фульвія, построилъ свою армію по обыкновенію: тяжелую пѣхоту фалангой въ 16 чел. глубины — въ серединѣ, тяжелую конницу — пополамъ на флангахъ, а легкую пѣхоту — передъ фронтомъ. Римляне едва выдержали первый ударъ: Фульвій, невѣжественный и безразсудно-отважный, какъ Центеній, но не такой же храбрый, видя дурной оборотъ боя, бѣжалъ съ 200 чел. конницы, а армія его, атакованная со всѣхъ сторонъ Аннибаломъ и войсками изъ засады и въ тылу, была истреблена, за исключеніемъ не болѣе 2,000 ч., успѣвшихъ спастись.

Этимъ двумя рѣшительными побѣдами, одною вслѣдъ за другою, Аннибалъ дѣйствительно вознаградилъ съ избыткомъ предшествовавшія неудачи свои. Вѣсть о томъ смутила нѣсколько римскій сенатъ, но была уравновѣшена извѣстіями объ успѣхахъ консуловъ. Имъ было приказано присоединить къ себѣ остатки войскъ Центенія и Фульвія. Но вслѣдъ затѣмъ было получено извѣстіе, что волонты Семпронія, считая себя освобожденными отъ данной ему присяги служить въ войскѣ, самовольно покинули свои знамена и разошлись. Однако всѣ они были перехвачены и снова приведены подъ знамена.

Хорошія же извѣстія отъ консуловъ заключались въ томъ, что по возвращеніи Аннія Клавдія оба консула тотчасъ стѣснили Капую, опираясь на Казилинъ и Вултурнъ (см. выше), куда свезли моремъ и по р. Вултурну всѣ запасы хлѣба, собранные въ Сардиніи и Этруріи, кромѣ того, что въ Путеоли съ моря и изъ Путеоли въ армію устроенъ былъ постоянный и надежный подвозъ продовольствія. Приказавъ Клавдію Нерону оставить въ лагерѣ при Суэссулѣ только необходимое для его охраненія число

войскъ, а съ остальными присоединиться къ нимъ, они окружили Капую съ трехъ сторонъ тремя арміями и тотчасъ же начали устроить контръ-и-циркумвалаціонныя линіи, сильно укрѣпленныя. Капуанцы производили частыя вылазки, для замедленія или разрушенія осадныхъ работъ, но каждый разъ были отражаемы и наконецъ заперлись въ Капуѣ, снова отправивъ къ Аннибалу пословъ съ усиленными просьбами придти на помощь имъ. А римскій сенатъ съ своей стороны приказалъ консуламъ объявить прощеніе капуанцамъ, которые сдадутся добровольно, но никто изъ нихъ не воспользовался тѣмъ.

Дѣйствія консуловъ въ этомъ году были столько же благоразумны, сколько и осторожны. Съ самаго начала года они положили осадить Капую и ничто не могло отклонить ихъ отъ этого, хотя дѣла нѣсколько разъ принимали невыгодный для нихъ оборотъ. Обезпечивъ себя со стороны Аннибала, и занятіемъ лагеря при Суэссулѣ, и приказаніемъ Семпронію съ частию его арміи занять Беневентъ, они, располагая силами до 60,000 и даже 65,000 войскъ, могли спокойно осадить Капую или обратиться противъ Аннибала, въ случаѣ движенія его противъ нихъ не болѣе какъ съ 40,000 войскъ. Смерть Семпронія и очищеніе Луканіи его арміей перемѣнили положеніе дѣлъ, но консулы не измѣнили своего намѣренія, а напротивъ совершенно обезпечили себя продовольствованіемъ. Бѣгство волоновъ разстроило одну изъ ихъ трехъ армій, но только на короткое время и лишь принудило отказаться отъ занятія Беневента, а лагерь при Суэссулѣ охранять только частию арміи Клавдія Нерона. Но безразсудство и малодушіе претора Фульвія снова измѣнили положеніе дѣлъ, открывъ Апулію, однако и это не отклонило консуловъ отъ твердаго намѣренія осадить Капую.

Что касается Аннибала, то проведя почти весь годъ передъ Тарентомъ и наконецъ овладѣвъ имъ, онъ не извлекъ изъ этого всей выгоды, которой ожидалъ, не овладѣвъ замкомъ города, и хотя двинулся потомъ къ Капуѣ, но былъ искусно отвлеченъ отъ нея Анніемъ Клавдіемъ, а потомъ, хотя и разбилъ Центенія и Фульвія, но, за исключеніемъ уропа, нанесеннаго римлянамъ, и очищенія отъ нихъ Луканіи и Апуліи, никакихъ особенно важныхъ и полезныхъ для себя выгодъ не приобрѣлъ.

Такимъ образомъ, сопоставляя результаты дѣйствій съ обѣихъ сторонъ въ этомъ году, нельзя не придти къ заключенію, что они были гораздо выгоднѣе для римлянъ, нежели для Аннибала.

Послѣ сраженія при Гердонѣ, Аннибалъ двинулся къ Таренту и снова пытался овладѣть замкомъ, но былъ отраженъ и пошелъ къ Брундизію, но не могъ овладѣть и имъ,

потому что онъ былъ хорошо укрѣпленъ и охраняемъ, а между жителями его Аннибалъ не имѣлъ приверженцовъ. Здѣсь-то прибыли къ нему послы капуанцовъ, которымъ онъ обѣщалъ въ скоромъ времени заставить римлянъ снять осаду Капуи (разумѣется — въ слѣдующемъ году, потому что въ этомъ было уже слишкомъ поздно).

Въ Сициліи Марцеллъ, какъ сказано выше, оставивъ Аппія Клавдія (въ концѣ 212 года назначеннаго консуломъ) съ частию арміи и флотомъ для обложенія Сиракузъ съ сухаго пути и моря, съ другою частию арміи двинулся внутрь острова, дабы наказать города, передавшіеся кареагенянамъ. Овладевъ Мегарой, Гелоромъ, Эрбессой, Эяной и др. городами и укрѣпленнымъ лагеремъ Иппократа у Аквилы, къ концу 212 года онъ воротился къ Сиракузамъ и хотѣлъ попытаться овладѣть ими посредствомъ тайныхъ сношеній съ нѣкоторыми изъ жителей, приверженцами римлянъ. Но заговоръ былъ открытъ и заговорщики казнены. Вскорѣ одинъ изъ римскихъ воиновъ открылъ въ городской стѣнѣ, близъ Трогильской гавани, такое мѣсто, гдѣ можно было войти на стѣну посредствомъ обыкновенныхъ осадныхъ лѣстницъ. Марцеллъ положилъ воспользоваться этимъ, а случай къ тому не замедлилъ представиться. Переметчики уведомили Марцелла, что въ Сиракузахъ вскорѣ будетъ 3-хъ-дневный праздникъ въ честь Діаны, въ продолженіи котораго народу обыкновенно раздавалось вино. Марцеллъ приказалъ войскамъ изготovitъ къ приступу, избралъ для него самыхъ храбрыхъ и опытныхъ начальниковъ и воиновъ и назначилъ приступъ въ ночь передъ вторымъ днемъ праздника, въ томъ предположеніи, что бѣлая часть жителей и войскъ, упившись виномъ, предастся глубокому сну. Въ назначенные ночь и часъ нѣсколько римскихъ охотниковъ тихо взобрались въ указанномъ мѣстѣ на городскую стѣну, умертвили стражу и, выломивъ городскія ворота, подали условный знакъ. Часть римскихъ войскъ немедленно вошла черезъ эти ворота въ городскую часть Тихе, а другія въ тоже самое время двинулись къ Эпиноламъ на горѣ и къ Ахрадинѣ. Сонные и уstraшенные жители и войска Сиракузъ въ величайшемъ беспорядкѣ метались то противъ римлянъ, то внутрь города. На разсвѣтѣ бои въ городѣ и на стѣнахъ его сдѣлались общими. Начальствовавшій на островѣ Ортигін Эпикидъ поспѣшилъ на помощь жителямъ и войскамъ Сиракузъ, но увидавъ, что Эпинолы уже были заняты римлянами, и опасаясь быть отрѣзаннымъ, отступилъ къ Ахрадинѣ. Марцеллъ, желая пощадить эту красивую часть города, предложилъ Эпикиду сдаться; но какъ войска Эпикиды состояли большею частию изъ бѣглыхъ рим-

скихъ воиновъ, то они и отказались сдаться. Тогда Марцеллъ вывелъ свои войска изъ Ахрадины къ Эпиноламъ и отрѣзалъ оттуда всѣ пути, ведущіе въ городъ. Вскорѣ сиракузскій военачальникъ Филодемъ предложилъ сдаться Марцеллу замокъ (цитадель) Эвріаль, съ условіемъ свободного выхода гарнизона. Но прежде, нежели Марцеллъ успѣлъ занять Эвріаль, кареагенская эскадра, стоявшая въ гавани Сиракузъ, воспользовалась ночью и бурей, принудившей римскій флотъ удалиться съ рейда въ море, успѣла уйти въ Кареагенъ за помощью и дѣйствительно скоро воротилась съ 100 судами и съ войсками на нихъ. Марцеллъ же, взявъ Эвріаль, обложилъ Ахрадину войсками въ трехъ лагеряхъ, соединенныхъ укрѣпленною линіей. Сиракузцы падали на нихъ съ двухъ сторонъ: Имилконъ съ кареагенскими войсками, слѣдуя по берегу старой гавани — на лагерь претора Криспина, а Эпикидъ произвелъ вылазку противъ лагеря Марцелла; въ то же время кареагенскій флотъ, ставъ у самого берега гавани, препятствовалъ римлянамъ подавать другъ другу помощь. Но оба нападенія были отражены и Имилконъ прогнанъ до городской стѣны. Осенью въ городѣ и лагеряхъ открылась сильная чума, жертвою которой сдѣлалось многія тысячи гражданъ и воиновъ, однако военныя дѣйствія не прекращались. Бомилкаръ, вторично ѣздившій въ Кареагенъ, привелъ оттуда новый флотъ въ 130 военныхъ и 70 перевозныхъ судовъ. Противные вѣтры воспрепятствовали ему обогнуть Пахинскій мысъ (и. Pachago). Эпикидъ, опасаясь возвращенія кареагенянъ въ Африку, передалъ защиту Ахрадины начальникамъ наемныхъ войскъ и отправился въ Гераклею, гдѣ на морѣ стоялъ Бомилкаръ, и убѣдилъ его въ необходимости сраженія. Какъ только насталъ восточный вѣтеръ, кареагенскій флотъ поплылъ вокругъ мыса, но едва обогнулъ его, какъ встрѣтилъ римскій флотъ, готовый къ бою — и обратился въ бѣгство къ Таренту, а перевозныя суда въ Африку. Эпикидъ же, потерявъ всякую надежду на спасеніе Сиракузъ, удалился въ Агригентъ. Тогда жители Сиракузъ вступили въ переговоры съ Марцелломъ, который назначилъ довольно легкія и выгодныя условія. Но римскіе бѣглецы, опасаясь выдачи ихъ Марцеллу, и подговоренныя ими наемныя войска взбунтовались, умертвили начальниковъ города и, избравъ изъ своей среды новыхъ, рѣшились защищаться въ Ахрадинѣ и Ортигін до послѣдней крайности. Между тѣмъ городская депутація, посланная къ Марцеллу для переговоровъ, воротясь, успокоила наемныя войска, начальникъ которыхъ Мерикъ тайно согласился передать Ортигію римлянамъ. По приказанію Марцелла, одна квинкверема ночью пристала

къ Аретузскимъ воротамъ и находившіяся на ней римскія войска были впущены въ Ортигію. На слѣдующее утро римляне произвели притворное нападеніе на Ахрадину, гарнизоны которой и Ортигін поспѣшили къ мѣстамъ ложнаго нападенія, а между тѣмъ другія римскія войска подплыли на перевозныхъ судахъ къ Ортигін и, впущенныя въ нее уже находившимися тамъ войсками, овладѣли ею. Мерикъ съ наемными войсками передался римлянамъ и жители города отворили Марцеллу ворота, прося пощады. Обезпечивъ государственную казну и дома приверженцовъ римлянъ охраненными стражами, всѣ остальные затѣмъ зданія Марцеллъ предалъ на разграбленіе своимъ войскамъ, которыя пріобрѣли при этомъ столь огромную и богатѣйшую добычу, что Титъ Ливій, по его словамъ, не зналъ, могла-ли бы быть пріобрѣтена болѣшая въ самомъ Картагенѣ. Къ сожалѣнію, при разграбленіи города погибъ и Архимедъ, хотя Марцеллъ строго приказалъ пощадить его жизнь. Взятіе Сиракузъ имѣло слѣдствіемъ постепенное возвращеніе большей части отложившихся городовъ къ покорности, упорствовавшіе были взяты силой, а занятые картагенянами, не получая помощи, сдались — и въ 210 году вся Сципиія была вполне и окончательно покорена римлянами и обращена въ римскую провинцію. Поэтому дѣйствія въ Сципиіи и особенно осада и взятіе Сиракузъ Марцелломъ въ 212 году были важнѣйшими въ немъ событіями.

Около того же времени Отацилій отплылъ изъ Лилибея съ 80 военными судами къ берегамъ Африки и внезапно захватилъ въ портѣ Утики 130 судовъ, нагруженныхъ хлѣбомъ, которымъ и снабдилъ нуждавшіеся въ немъ Сиракузы и римскія войска Марцелла.

Въ Испаніи въ этомъ году Сципионы, набравъ 20 т. вспомогательныхъ войскъ у кельтиберянъ (въ сѣверной части нынѣшней Аррагоніи, на правой сторонѣ р. Эбро), положили настойчиво и дѣятельно продолжать войну, дабы воспрепятствовать движенію Аздрубала въ Италію и даже, въ случаѣ возможности, совершенно истребить или вытѣснить картагенскую армію. Съ этою цѣлю они раздѣлили (совершенно ошибочно) свои силы: Кнейй съ $\frac{1}{3}$ войскъ двинулся противъ Аздрубала, брата Аннибалова, къ Аниторгису (какъ полагаютъ, около н. Алькараса, въ Ла-Манчѣ), а Корнелій съ $\frac{2}{3}$ расположился лагеремъ близъ Магона, брата Аннибалова, и другаго Аздрубала, сына Гисконова. Корнелій, узнавъ, что Индибилисъ, вождь эдетанъ (на правомъ берегу р. Ибера, къ югу отъ кельтиберянъ) съ 8 т. войскъ шелъ на соединеніе съ Ма-

гономъ и Аздрубаломъ, сыномъ Гисконовымъ, положилъ разбить Индибилиса и двинулся противъ него, оставивъ легата Фонтеія съ небольшимъ числомъ войскъ въ лагерь. Но Магонъ и Аздрубаль узнали о его движеніи, и едва онъ попалъ на Индибилиса, какъ самъ былъ атакованъ съ тыла Массиниссой, царемъ массеиллійскихъ пунидійцевъ, поддержанныхъ остальною арміею Магона и Аздрубала. Въ происшедшемъ бою, Корнелій Сципионъ былъ убитъ, а армія его обращена въ бѣгство и спаслась въ свой лагерь, но съ большимъ уропомъ. Послѣ этого Магонъ и Аздрубаль, сынъ Гисконовъ, присоединились къ Аздрубалу, брату Аннибалову, который склонилъ вспомогательныя войска кельтиберянъ покинуть Кнейя Сципиона и удалиться къ себѣ. Такимъ образомъ, послѣ пораженія арміи Корнелія, обѣ картагенскія арміи соединились между двумя раздѣленными римскими арміями. Кнейй Сципионъ ночью тихо двинулся на соединеніе съ арміею своего брата, не зная еще, что онъ убитъ, а она разбита. Но Массинисса, зорко наблюдавшій и слѣдившій за нимъ, двинулся вслѣдъ за нимъ, настѣгъ и цѣлый день тревожилъ и задерживалъ его. На почъ Кнейй расположился на одной высотѣ, но не имѣлъ времени укрѣпиться на ней, а на другой день рано утромъ былъ атакованъ всѣми соединенными силами картагенскихъ армій и убитъ въ бою, а армія его разбита наголову и только остатки ея спаслись въ лагерь легата Фонтеія.

Рѣшительное пораженіе армій обонхъ Сципионовъ грозило имъ совершенною гибелью въ Испаніи, но онѣ были спасены храбростью и искусствомъ одного молодого римскаго всадника, именемъ Марція. Единогласно провозглашенный главнымъ предводителемъ, онъ перевелъ остатки обѣихъ армій на правую сторону р. Ибера, расположилъ ихъ въ сильно-укрѣпленномъ лагерѣ и снабдилъ продовольствіемъ, собраннымъ въ окрестномъ краѣ. Магонъ и Аздрубаль, сынъ Гисконовъ, перешли черезъ р. Иберъ и расположились въ отдѣльныхъ лагеряхъ, первый — противъ, а второй — на флангѣ римскаго лагеря. Аздрубаль пытался взять послѣдній открытою силою, но былъ отраженъ съ уропомъ. Марцій, не довольствуясь этимъ, отважился напасть на Магона и Аздрубала, разбилъ ихъ и принудилъ съ большимъ уропомъ отступить за р. Иберъ.

Такимъ образомъ счастье, благоприятствовавшее римскому оружію на всѣхъ театрахъ военныхъ дѣйствій въ этомъ году, было неблагоприятно для него въ одной Испаніи, но Марцій спасъ въ ней остатки армій Сципионовъ и успѣлъ удержаться въ этой важной для римлянъ странѣ.

§ 42.

8-й походъ 211-го года.

Распредѣленіе римскихъ армій; — сраженіе при Капуѣ; — движеніе Аннибала къ Риму; — взятіе Капуи; — дѣйствія въ Испаніи и Сициліи.

Въ Римѣ на этотъ годъ были избраны: въ консулы — Кнеій Фульвій Центумаль и Публий Сулпицій Гальба Максимъ, а въ преторы — Л. Корнелій Лентулъ, М. Корнелій Цетегъ, Кнеій Сулпицій и Калпурній Пизонъ. Арміи (25 легіоновъ—около 125 т. чел. пѣхоты и 22 т. чел. конницы, а всего около 147 т. войскъ) были распредѣлены слѣдующимъ образомъ: въ Италіи 16 легіоновъ (10 полевыхъ, 5 городскихъ и 2 волоновъ), именно: 6 полевыхъ, подъ начальствомъ проконсуловъ Аннія и Фульвія—при осадѣ Капуи, до взятія этого города,—по 2 полевыхъ въ Этруріи и Цизальпийской Галліи, подъ начальствомъ пропреторовъ, въ первой — Юпія, а во второй — Семпронія,—2 прежніе городскіе легіона — въ Римѣ, 2 такіе же набраны вновь, а 2 легіона волоновъ переустроивались и вскорѣ присоединились съ консулами къ легіонамъ при осадѣ Капуи; — внѣ Италіи: въ Сициліи—2 легіона проконсула Марцелла и 2 легіона претора Сулпиція, въ Сардиніи—2 легіона претора Корнелія Лентула, въ Испаніи — 2 легіона, въ Греціи—1 легіонъ М. Валерія, съ 1 морскимъ легіономъ и 50-ю квинкверемами. Отацію было сохранено начальствованіе флотомъ и войсками на немъ у береговъ Сициліи и Италіи.

Передвиженія, дѣйствія и событія военныя конца предыдущаго года не позволили сенату въ началѣ этого года противопоставить особенную армію Аннибалу, для удержанія его вдали отъ Капуи, и побудили, дѣятельно осаждая этотъ городъ 70-ю тысячами войскъ, расположенныхъ въ сильнопукрѣпленныхъ осадныхъ линіяхъ, держаться чисто-оборонительной системы. Прежде всего положено было непременно взять Капую, а потомъ уже обратиться противъ Аннибала.

Капуа была чрезвычайно стѣснена римлянами (однако одинъ нумидіецъ успѣлъ пробраться сквозь линіи и привезть Аннибалу письмо отъ капуанцовъ съ просьбой о помощи). Вся надежда капуанцовъ была только на помощь Аннибала. Вылазки ихъ были отражены и хотя конница ихъ была лучше римской, но пѣхота — такъ плоха, что атаковать съ нею линіи римлянъ съ успѣхомъ не было никакой возможности. Превосходство капуанской конницы подало римлянамъ мысль объ усовершенствованіи своей легкой

пѣхоты, для поддержанія конницы и содѣйствія ей. Въ легіонахъ были выбраны самыя молодые, ловкіе и проворные воины и обучены садиться на лошадей конницы позади всадниковъ, по сигналу соскакивать съ нихъ и дѣйствовать пѣшими вмѣстѣ съ конницей. Ихъ вооружили небольшими круглыми щитами и каждого 7-ю дротиками. Когда они были достаточно обучены, проконсулы подали поводъ къ конному бою, въ которомъ новая легкая пѣхота, вмѣстѣ съ конницей, привела капуанскую конницу въ разстройство и безпорядокъ, опрокинула ее съ большимъ для нея урономъ и прогнала до городскихъ воротъ, такъ что она уже не смѣла болѣе показываться. Этотъ успѣхъ побудилъ сохранить новый усовершенствованный родъ велитовъ и устроить ихъ при легіонахъ по манипуламъ, каждая подъ начальствомъ центуріона.

Между тѣмъ Аннибалъ, побуждаемый просьбами капуанцовъ о помощи и общавшій имъ оную, сначала колебался, идти ли ему немедленно къ Капуѣ или прежде еще разъ попытаться взять Тарентскій замокъ? и та и другой были весьма важны и нужны для него. Но наконецъ онъ рѣшился идти къ Капуѣ и, оставивъ всѣ большія тяжести въ Апуліи, съ отборными, самыми крѣпкими и бодрыми людьми пѣхоты и конницы (всего отъ 30 до 32 т. войскъ) и съ 33 слонами быстро двинулся въ Кампанію. Взявъ на пути замокъ Калацію (н. Cajazza) и ея гарнизонъ, онъ расположился лагеремъ въ одной ложницѣ горы Тифаты, близъ Капуи, и далъ знать капуанцамъ, чтобы въ назначенные день и часъ они сдѣлали сильную вылазку, одновременно съ его атакой. Въ назначенное время онъ спустился съ горы Тифаты и двинулся противъ римскихъ линій, а капуанцы вышли изъ вултурнскихъ воротъ со всѣми своими и кареагенскими войсками Гаппона и Бостара. Это произвело сначала нѣкоторое смятеніе между римлянами, но вскорѣ Фульвій съ своими и Клавдіевыми легіонами (всего около 42,800 чел.) противусталъ Аннибалу, а Анній съ своими (около 23,360 чел.)—капуанцамъ; триарии, экстраординарная пѣхота и велиты были оставлены въ лагеряхъ и линіяхъ; Клавдій Перронъ, стоявшій лагеремъ со стороны Суэсулы, оставилъ при себѣ конницу 6-го легіона (320 чел.), а легатъ К. Фульвій, братъ кон-

сула, былъ поставленъ къ сторонѣ Вултурна, съ союзною конницею легионовъ консула и Клавдія Нерона (2,400 чел.), для наблюденія и прикрытія сообщеній съ Казилломъ. Шумная атака кануанцовъ была легко и скоро отражена, но для Фульвія дѣло было труднѣе. Онъ вышелъ изъ укрѣпленной линіи съ тяжелою пѣхотой 8-ми римскихъ и союзныхъ легионовъ (около 25 т. войскъ) и построилъ ее недалеко впереди своего лагеря, въ исходящемъ углу циркумвалационной линіи, двумя полными линіями, гастатовъ въ 1-й, а принциповъ во 2-й, съ 960 чел. конницы по флангамъ по-поламъ, оставивъ триаріевъ въ лагерѣ для охраненія его. Аннибалъ съ своей стороны построилъ всю свою тяжелую пѣхоту (около 20 т. чел.) въ одну линію, слоновъ, какъ кажется, за нею, а тяжелую конницу (около 4 т. чел.) съ нумидійцами поодаль на флангахъ. Всего войскъ у него было отъ 30 до 32 т. чел. Первый ударъ онъ произвелъ съ одною своею пѣхотой и чрезвычайно сильный, такъ что одно отдѣленіе испанской пѣхоты, съ 3-мя слѣдовавшими за нимъ слонами, опрокинуло находившихся противъ него гастатовъ 1-й линіи и принциповъ 2-й. Но опрокинутыя манипулы снова построились частию передъ испанцами, частию на ихъ флангахъ. Фульвій, видя это, приказалъ атаковать пробившихся испанцовъ со всѣхъ сторонъ. Не смотря на то, испанцы проникли до самаго римскаго лагеря, гдѣ слоны были убиты и свалились въ ровъ. Еслибы у Аннибала была 2-я линія, то римскій лагерь могъ бы быть взятъ или, по крайней мѣрѣ, бывшія внѣ его римскія войска могли бы очень пострадать прежде, нежели достигли бы боковыхъ воротъ. Но какъ у Аннибала была только одна линія, а опрокинутыя манипулы заняли, кажется, промежутки, образовавшіеся въ центрѣ римской линіи, легаты же Порцій Лициній и Поплій съ триаріями, охранявшие лагерь, отразили всѣ усилія испанцовъ взобраться на валъ, то наконецъ послѣдніе, атакованные со всѣхъ сторонъ, были истреблены. А Аннибалъ, не видя особеннаго успѣха атаки ни ихъ, ни остальныхъ частей своей линіи, отступилъ въ совершенномъ порядкѣ. Пѣхота его, мпновавъ фланговые части конницы, перестроилась въ колонны, а вся конница стала въ хвостѣ ея и прикрыла ее отступленіе. Фульвій не преслѣдовалъ Аннибала и также отступилъ въ свой лагерь. Между тѣмъ Анній отразилъ кануанцовъ и опрокинулъ ихъ съ большимъ для нихъ уропомъ въ Каную, по при этомъ былъ тяжело раненъ дротикомъ въ грудь.

Положеніе Аннибала было невыгодно для него. Благоразумная осторожность консуловъ, которые не вывели изъ осадныхъ линій всѣхъ своихъ войскъ для вступленія въ общее сраженіе въ полѣ, сильный отпоръ,

данный ими и Аннибалу, и кануанцамъ, и неудача перваго и послѣднихъ въ атакѣ—все это убѣдило Аннибала, что онъ силою оружія не принудитъ консуловъ снять осаду Канун. Оставаться близъ этого города, въ истощенномъ римлянами и войною краю, было невозможно, а отступить отъ Канунъ безъ всякаго успѣха и пользы онъ, безъ сомнѣнія, считалъ недостойнымъ и постыднымъ для себя. Въ такомъ положеніи онъ задумалъ исполнить то, чего не исполнилъ тотчасъ послѣ сраженія при Каннахъ, а именно—двинуться къ Риму, но не для того, чтобы овладѣть имъ, а для того, чтобы принудить тѣмъ одного изъ консуловъ съ половиною осадной арміи послѣпить на помощь Риму, и, отвлекиши его отъ Канунъ, быстро воротиться къ этому городу и принудить другаго консула снять осаду его, а можетъ быть и разбить каждаго порознь. Но чтобы не встревожить кануанцовъ своимъ удаленіемъ и не побудить ихъ тѣмъ къ сдачѣ, онъ успѣлъ тайно дать имъ знать о своихъ намѣреніяхъ и, приказавъ собрать всѣ имѣвшіеся на р. Вултурнѣ, ниже Калатин, суда, а армію своей взять на 10 дней продовольствія, ночью подступилъ съ нею къ берегу рѣки, до восхода солнца переправилъ ее черезъ Вултурнъ и двинулся по направленію къ Риму.

Фульвій немедленно увѣдомилъ о томъ сенатъ и это произвело въ Римѣ сильнѣйшую тревогу. Нѣкто предложилъ немедленно призвать къ Риму всѣ арміи, но бывший диктаторъ Фабій, угадавшій хитрость Аннибала, объяснилъ это, прибавивъ, что не было надобности никакихъ войскъ призывать къ Риму, для защиты котораго достаточно было находившихся въ немъ четырехъ и вновь набранныхъ и устроиваемыхъ легионовъ (около 24—25 т. войскъ). Тогда Валерій Флаккъ предложилъ среднее средство—дать знать консуламъ, сколько было войскъ въ Римѣ, и предоставить имъ самимъ рѣшить, могли ли и должны-ли быть одни изъ нихъ прибыть къ Риму. Это предложеніе и было принято. Фульвій нашелъ возможнымъ отдѣлить отъ осадной арміи 16 т. отборныхъ войскъ (15 т. чел. пѣхоты и 1 т. чел. конницы), съ которыми и двинулся къ Риму, оставивъ раненаго Аннія съ остальною арміею продолжать осаду Канунъ. Узнавъ, что Аннибалъ шелъ по Латинской дорогѣ (via Latina), онъ двинулся по Аппіевой (via Appiana), приказавъ всѣмъ жителямъ на ней приготовить для его войскъ продовольствіе.

Между тѣмъ Аннибалъ шелъ довольно медленно, именно съ цѣлію заставить консуловъ отдѣлить отъ осадной арміи большую часть силъ ея. Послѣ перехода черезъ Вултурнъ, онъ небольшими переходами пошелъ черезъ Калесъ (п. Calvi), Алифу (п. San-Germano), Аквинъ и Интерамнію (п. Isola) къ р. Лирису (п. Garigliano), мостъ на ко-

торой уничтожили жителей Фрегелъ, давъ знать въ Римъ о прибытіи Аннибала. Это возбудило въ Римѣ еще болѣе страхъ и тревогу. Но сенатъ не потерялъ бодрости и твердости, приказалъ занять войсками Капитолій, городскія стѣны, выгодные пункты за городомъ, даже гору Албанскую (Albanus mons) и вскорѣ узналъ о приближеніи Фульвія.

Аннибалъ перешелъ однако черезъ р. Лирисъ и, продолжая идти черезъ Лабикъ (н. Colonna) и Тускулъ (н. Frascati), повернулъ на право къ Габин и наконецъ расположился лагеремъ на Пуннійскихъ поляхъ, близъ лѣваго берега р. Аніо (н. Tevere), въ 8-ми римскихъ миляхъ или 64-хъ римскихъ стадіяхъ (болѣе 8-ми верстъ) отъ Рима. Слѣдовавшіе впереди его нумидійцы стали разорять окрестности.

Въ самый день прибытія его, консулы собирали и устроивали въ Римѣ легіоны, а Фульвій, вступивъ въ Римъ черезъ Каненскія ворота, прошелъ черезъ весь городъ и расположился лагеремъ вѣ его, между Эсквилинскими и Коллинскими воротами, въ томъ направленіи, гдѣ стоялъ Аннибалъ. Сенатъ и консулы отправились въ лагерь Фульвія и на общемъ совѣтѣ положили: претору Пизону вѣрить охраненіе Капитолія, а консуламъ съ ихъ арміей присоединиться къ Фульвію, что должно было составить до 40 т. войскъ (слѣдовательно болѣе, нежели сколько было у Аннибала, именно 25 до 30 т. войскъ).

На другой день Аннибалъ приблизился къ Риму еще болѣе и сталъ лагеремъ въ 5-ми миляхъ отъ него (болѣе 5-ти верстъ), на Тибуртинской дорогѣ (via Tiburtina), на лѣвомъ берегу р. Аніо. Съ 2 т. чел. конницы онъ двинулся впередъ до храма Геркулеса у Коллинскихъ воротъ, для развѣданія мѣстности. Фульвій приказалъ своей конницѣ атаковать Аннибалову, консулы же велѣли 1,200 нумидійскимъ переметчикамъ пройти черезъ городъ и Эсквилинскія ворота и также атаковать. Движеніе нумидійцевъ черезъ городъ произвело въ немъ такую тревогу, что сенатъ, для успокоенія жителей, приказалъ всѣмъ бывшимъ диктаторамъ, консуламъ и цензорамъ вступить въ права прежней власти своей, доколѣ непріятель не удалится.

Аннибалъ, окончивъ свое обзрѣніе, воротился въ свой лагерь и узналъ, что Фульвій прибылъ только съ 16 т. войскъ, а при осадѣ Канун все еще оставалось болѣе 50 т., слѣдовательно слишкомъ много для того, чтобы онъ могъ взять осадныя линіи силой. При томъ Фульвій и консулы съ своими 40 т. войскъ подступили на 1 милю (болѣе 1 версты) къ его лагерю, расположились противъ него лагеремъ и даже построились передъ нимъ къ бою. Вступить въ бой съ ними было невыгодно, а идти назадъ къ

Кануѣ еще невыгодно, потому что тогда онъ могъ очутиться между двумя римскими арміями, изъ которыхъ каждая была почти вдвое сильнѣе его собственной. Ему оставалось только уклониться отъ обѣихъ въ сторону, предоставивъ Каную своей участи, какъ ни жаль ему было этого города и какъ ни было бы невыгодно для него паденіе этого города. Но нечего было дѣлать и онъ большимъ обходомъ черезъ Самній, Даунійскую или сѣверную Апулію и Луканію двинулся въ южный Брутій, гдѣ пытался, но неудачно, внезапно овладѣть Регіемъ (н. Reggio). Консулы послѣдовали за нимъ и, при переходѣ его черезъ р. Аніо, нанесли ему небольшое частное пораженіе, но и сами претерпѣли потомъ такое же и пошли далѣе въ Апулію; Фульвій же воротился къ Кануѣ.

Диверсія Аннибала отъ Канунъ къ Риму составляетъ, по соображенію, одно изъ лучшихъ стратегическихъ дѣйствій его и не удалась только потому, что какъ нарочно всѣ обстоятельства сложились противъ ея успѣха въ исполненіи. Благоразумныя же и осторожныя твердость и рѣшимость Фульвія заслуживаютъ полныхъ одобреній и похвалы.

Кануанцы, увидѣвъ возвращеніе Фульвія, но не видя Аннибала, предались отчаянію, тѣмъ болѣе еще, когда проконсулы вторично объявили имъ всепрощеніе до истеченія опредѣленнаго срока. Они не рѣшались довѣряться этому, а когда посланные Ганнономъ и Бостаромъ нѣсколько нумидійцевъ, съ письмами къ Аннибалу, были перехвачены римлянами и отосланы назадъ съ отрубленными кистями рукъ, сенатъ кануанскій собрался для совѣщанія о сдачѣ. 28 сенаторовъ, зачинщики возстанія, чтобы не попасть въ руки римлянъ, отравили себя, а остальные сдались на произволъ побѣдителей. На другой день Фульвій ввелъ въ Каную 1 римскій и 2 союзныхъ легіона, обезоружилъ жителей, объявилъ кареагеніемъ въ Кануѣ военнопленными, взялъ сенаторовъ подъ стражу, приказалъ квесторамъ принять въ завѣдываніе всѣ денежныя средства города (70 фунтовъ золота и 3,200 серебра). 53 сенатора, участвовавшіе въ возстаніи, были заточены въ темницы и тамъ обезглавлены. Около 3000 кануанскихъ аристократовъ были также заключены въ темницы, еще большее число переселено и отдано подъ надзоръ. А сенатъ римскій приказалъ всѣхъ остальныхъ гражданъ Канунъ продать въ рабство, и въ городѣ были оставлены только земледѣльцы, вольноотпущенники и художники, для управленія которыми изъ Рима былъ присланъ префектъ. Зданія же и земли города были конфискованы въ пользу римскаго народа.

Такъ взята и жестоко наказана была римлянами Кануа, первая подавшая знакъ къ

отложеною союзниковъ Рима въ Италиі. Паденіе ся сохранило Кампанію во власти римлянъ—и навсегда лишило Аннибала доступа въ нее.

Въ Испанію римскій сенатъ послалъ Клавдія Нерона съ 12 т. чел. пѣхоты (римской и союзной по-поламъ) и 1,100 чел. конницы (300 римской и 800 союзной) и съ порученіемъ ему начальствованія въ этой странѣ. Клавдій Неронъ, высадившись въ Тарраконѣ и собравъ армію, немедленно двинулся противъ Аздрубала, брата Аннибалова, расположеннаго лагеремъ между Плитургисомъ (и. Andujar) и Ментезой (и. San-Tome близъ Casoria) въ горахъ. Клавдій Неронъ такъ окружилъ и стѣснилъ Аздрубала, что послѣдній вступилъ въ переговоры о сдачѣ, но только для выигрыша времени, и успѣлъ вывести свою армію изъ горъ скрытными и трудными тропинками. Римскій сенатъ, крайне недовольный Клавдіемъ Нерономъ, хотѣлъ, но не зналъ кѣмъ замѣнить его. Тогда 24-хъ-лѣтній Публий Сципіонъ вызвался на это и, единогласно избранный народомъ, былъ посланъ въ Испанію. Ему придали въ помощники и совѣтники пропретора Силана и дали еще 10 т. чел. пѣхоты и 1 т. чел. конницы.

Высадившись въ Испаніи, Сципіонъ, по позднему уже времени года, расположилъ римскую армію на зимнихъ квартирахъ. Аздрубаль, братъ Аннибаловъ, уже былъ расположенъ на нихъ въ окрестностяхъ и. Валенсіи, Магонъ — около Сьерры Морены, а другой Аздрубаль — въ Гадесѣ (и. Cadix).

Въ Сициліи, по отбытіи Марцелла въ Римъ, мѣсто его заступилъ преторъ Корнелій Цетегъ. 8 т. чел. карфагенской пѣхоты и 3 т. нумидійцевъ высадились около Пахнискаго мыса и заняли нѣсколько соседнихъ городовъ, но Цетегъ атаковалъ и вытѣснилъ ихъ, а города взялъ обратно. Около того же времени одна карфагенская эскадра обложила Тарентскій замокъ, но по недостатку продовольствія была принуждена удалиться.

По взятіи Капуи, римляне уже гораздо менѣе прежняго опасались Аннибала и потому сенатъ, изъ двухъ консуловъ, Суллиція послалъ въ Грецію на мѣсто Валерія Левина, а Кнеія Фульвія лично отозвалъ въ Римъ, для производства выборовъ.

И такъ походъ этого года былъ уже вполне выгоденъ для римлянъ и неблагоприятъ Аннибалу.

§ 43.

9-й походъ 210-го года.

Распределение римскихъ армій; — измѣненіе образа дѣйствій Аннибала; — 2-е сраженіе при Гердонеѣ; — сраженіе при Нумистрѣ; — взятіе Новаго Карфагена Сципіономъ.

Въ Римѣ на этотъ годъ были выбраны: въ консулы — Маркъ Валерій Левинъ, бывшій дотолѣ въ Греціи, и Маркъ Клавдій Марцеллъ, покоритель Сиракузъ, а въ преторы — П. Манлій Вульзо, Л. Манлій Ацидинъ, Латорій и Цинцій Аментъ. Сенатъ положилъ уменьшить число дѣйствующихъ войскъ въ Италиі: 4 легіона были признаны достаточными для дѣйствій противъ Аннибала, а 2 легіона въ Капуѣ — для охраненія Кампаніи и угроженія Луканіи. Осада Тарента была еще отложена, потому что прежде необходимо было довершить покореніе Сициліи, въ которой карфагеняне еще занимали Агригентъ и которую разорялъ нумидійскій полководецъ Мутинъ. Цизальпинская Галлія находилась еще въ возстаніи, Этрурія колебалась, особенно жители Арреція склонялись къ возстанію. Поэтому положено было: 1) противъ Аннибала вести только малую войну постовъ, постепенно отнимая у него города, державшіеся его стороны; — 2) замокъ Тарента представить собственнымъ силамъ и оборою; —

3) распустить нѣсколько римскихъ и союзныхъ легіоновъ, а изъ двухъ распущенныхъ римскихъ образовать одинъ въ 5 т. чел. пѣхоты и 300 чел. конницы, уволивъ преимущественно воиновъ, получавшихъ высшіе оклады жалованья, и то же самое исполнить въ отношеніи союзныхъ легіоновъ; — 4) консуламъ назначить 4 легіона, бывшіе въ Цизальпинской Галліи и въ Этруріи; одному изъ консуловъ дѣйствовать противъ Аннибала, а другому, съ 2-мя своими и 2-мя каннскими претора Цинція легіонами и съ флотомъ — въ Сициліи, претору Латорію съ 2-мя легіонами — въ Цизальпинской Галліи, пропретору Пизону съ 2-мя городскими легіонами — въ Этруріи, проконсулу Квинту Фульвію съ 2-мя легіонами оставаться въ Капуѣ, проконсулу Кнеію Фульвію съ 2-мя легіонами — въ Апуліи, претору П. Манлію Вульзо съ 2-мя легіонами — въ Сардиніи и Сципіону съ 4-мя легіонами — въ Испаніи; — 5) П. Суллицію сохранить начальствованіе флотомъ съ легіономъ новаго набора; — наконецъ 6) консуламъ пабрать 2 новые го-

родскіе легіона. Такимъ образомъ Римъ имѣлъ въ этомъ году 23 легіона (около 115 т. чел. пѣхоты и 20 т. чел. конницы, всего около 135 т. войскъ). Италия досталась консулу Марцеллу, а Сицилія Левину.

По недостатку денегъ въ государственной казѣ, сенаторы первые, за ними сословіе всадниковъ и наконецъ народъ добровольно пожертвовали имѣвшіеся у нихъ драгоцѣнные металлы въ слиткахъ и монетахъ.

Аннибалъ, съ своей стороны, вслѣдствіе взятія Кану римлянами и измѣненія тѣмъ положенія дѣлъ на театрѣ войны въ южной Италиі, былъ принужденъ также измѣнить свой образъ дѣйствій. Такъ какъ основаніемъ дѣйствій римлянъ сдѣлалась уже Кампанія, изъ которой они могли въ одно и то же время угрожать Апулію, Луканію и Бруттію, и отнимать у Аннибала имѣвшіеся у него въ этихъ городахъ, то послѣдній увидѣлъ необходимость покинуть мпогіе, занятые его войсками, пункты въ этихъ трехъ областяхъ, слишкомъ разсѣянные для того, чтобы съ успѣхомъ охранять ихъ,—болѣе сосредоточить свою армію, для того, чтобы препятствовать соединенію противъ него римскихъ армій, и для того обращаться изъ Бруттія, по обстоятельствамъ, то въ Луканію, то въ Апулію. Къ такого рода перемѣнѣ въ образѣ дѣйствій побуждало Аннибала, кромѣ того, то обстоятельство, что бесполезность движенія его къ Риму и взятіе Кану римлянами нѣсколько устранили и охладили къ нему союзниковъ его въ Италиі вообще и въ южной особенно, почему онъ опасался, чтобы разсѣянные и слабые гарнизоны его, въ случаѣ возстаній, не подверглись пораженію и тѣмъ не ослабили еще болѣе и безъ того не очень сильной арміи его. Вслѣдствіе того, онъ очистилъ многіе, менѣе важные города, но, дабы не оставлять ихъ римлянамъ, разрушилъ ихъ. Но это еще болѣе возбудило неудовольствіе союзниковъ его и повредило ему, а римлянамъ, напротивъ, послужило въ пользу. Первый городъ, предавшійся вслѣдствіе того римлянамъ, была Салапія въ средней, приморской Апуліи, при чемъ 500 нумидійцевъ, занимавшихъ ее, послѣ упорнаго сопротивленія были истреблены, за исключеніемъ 50 чел., взятыхъ въ плѣнъ.

И такъ положеніе римлянъ въ южной Италиі становилось все болѣе и болѣе грознымъ и наступательнымъ, а Аннибала—труднымъ, опаснымъ и оборонительнымъ.

Между тѣмъ римскій гарнизонъ въ Тарентскомъ замкѣ уже начиналъ сильно пугаться въ продовольствіи и единственная надежда получить его была—моремъ на флотъ изъ Сициліи. Префектъ Регія собралъ 20 большихъ и малыхъ военныхъ судовъ, съ которыми и отправился къ Тарентскому замку, прикрывая транспортъ съ продоволь-

ствіемъ. Но въ 15-ти миляхъ отъ Тарента римская эскадра была атакована тарентійскою и частію потоплена, частію отброшена на берегъ, перевозныя же суда спаслись бѣгствомъ. За то на сухомъ пути 2 т. чел. римскаго гарнизона разбили 4 т. тарентійскихъ фуражировъ и частію истребили, частію разсѣяли ихъ. Такимъ образомъ и римскій гарнизонъ, и жители Тарента, одинаково нуждавшіеся въ продовольствіи, были лишены полученія его.

Марцеллъ, вскорѣ послѣ взятія Салапіи, взялъ еще 2 города въ Самніѣ и въ нихъ около 3 т. Аннибаловыхъ войскъ въ плѣнъ и большіе запасы пшеницы и ячменя. Проконсулъ же Кней Фульвій расположился лагеремъ противъ Гердоней (близъ Салапіи), въ Апуліи, намѣреваясь осадить и взять этотъ городъ, возставшій послѣ сраженія при Каннахъ, по не сильной имъ мѣстностью, ни гарнизономъ, и съ нѣкоторыми изъ жителей котораго Фульвій находился въ тайныхъ сношеніяхъ. Аннибалъ, узнавъ объ этомъ отъ своихъ лазутчиковъ, оставилъ свои тяжести въ Бруттіѣ, въ надежномъ мѣстѣ, а самъ съ арміею, силой около 25 или 30 т. чел. тяжелой пѣхоты и около 6 т. чел. конницы, двинулся на-легкѣ усиленными переходами къ Гердоней и сталъ въ боевомъ порядкѣ недалеко отъ лагеря Фульвія. Послѣдній, хотя былъ слабѣе Аннибала (20 т. чел. пѣхоты и 1840 чел. конницы), однако не уклонился отъ боя съ нимъ, вышелъ изъ своего лагеря и построилъ свою тяжелую пѣхоту по когортамъ въ 2 линіи, по одному римскому и одному союзному легіону въ каждой, велитовъ впереди, а конницу поровну по флангамъ. Аннибалъ, съ своей стороны, построилъ свою тяжелую пѣхоту (числомъ превосходившую римскую) также въ 2 линіи, съ легкой пѣхотой впереди, конницу же по флангамъ, тяжелую—въ двѣ, а легкую за нею—въ одну линію. Бой начался съ обѣихъ сторонъ сильнымъ дѣйствіемъ легкой и тяжелой пѣхоты, конница же съ обѣихъ сторонъ оставалась въ наблюденіи. Когда Аннибалъ увидалъ, что все вниманіе римлянъ сосредоточилось на боѣ пѣхоты, то приказалъ своей конницѣ 2-й и 3-й линій быстро выдвинуться на право и на лѣво и, охвативъ фланги римской арміи, атаковать ее съ тыла. Лѣвая фланговая конница атаковала экстраординарныя когорты въ римскомъ лагерѣ, правая, нумидійцы—2-ю римскую линію съ тыла, а Аннибалъ между тѣмъ сдвинулъ обѣ линіи своей тяжелой пѣхоты и успѣлъ атаку 1-й римской линіи. Последняя сражалась однако въ порядкѣ и упорно, но одинъ изъ легіоновъ 2-й линіи былъ приведенъ атакой нумидійцевъ въ разстройство и опрокинутъ на 1-ю линію, которую также привелъ въ разстройство. Тогда римская армія, атакованная съ фронта и

тыла, подверглась совершенному поражению: Кней Фульвій, 11 военных трибунов и большая часть войск армий были убиты, остальная же часть почти вся взята въ плѣнъ или истреблена въ бѣгствѣ, и только около 3 т. чел. присоединились къ Марцеллу въ Самніѣ. Аннибалъ, не довѣряя жителямъ Гердоней, переселилъ ихъ въ Метапонтъ и Оурий въ Бруттій, казнилъ бывшихъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ Фульвіемъ, а городъ сжегъ и, воротясь въ Бруттій, расположился лагеремъ на высотахъ къ в. отъ гор. Нумистра (н. Nicastro), державшаго еще сторону римлянъ: вѣроятно онъ имѣлъ цѣлю взять его. Марцеллъ, желая вознаградить потерю 2-го сраженія при Гердонеѣ, двинулся изъ Самніи чрезъ Луканію къ Нумистру, расположился лагеремъ на равнинѣ, противъ лагеря Аннибала, и на другой же день вышелъ изъ своего лагеря и построился передъ нимъ къ бою, лѣвымъ флангомъ къ городу, тяжелая пѣхота — по когортамъ въ 2 линіи, по 2 легіона въ каждой, легкая пѣхота впереди, а конница по флангамъ. Аннибалъ также вышелъ изъ своего лагеря и построился къ бою на высотахъ, правымъ флангомъ къ городу, поставивъ тяжелую пѣхоту — въ 2 линіи, испанцовъ — въ 1-й, а африканцовъ и галловъ — во 2-й, балеарскихъ стрѣлковъ и пращниковъ и легкую пѣхоту — впереди, конницу — по флангамъ, а слоновъ — позади 1-й линіи. Когда легкія войска съ обѣихъ сторонъ завязали бой, слоны были двинуты впередъ, но, какъ кажется, отведены назадъ безъ успѣха. Обѣ первыя линіи сражались съ равнымъ успѣхомъ до вечера, когда были смѣнены вторыми линіями, между которыми произошелъ новый, упорный бой, продолжавшійся до ночи, прекратившей его безъ рѣшительнаго успѣха ни съ той, ни съ другой стороны. На слѣдующее утро Марцеллъ снова вышелъ изъ лагеря и построился къ бою, но видя, что Аннибалъ не выходитъ изъ своего лагеря, подобралъ своихъ раненыхъ и похоронилъ убитыхъ. Въ слѣдующую ночь Аннибалъ тихо и скрытно вышелъ изъ своего лагеря и двинулся въ Апулію, дабы не ослаблять своей арміи сраженіями безъ результатовъ, сблизиться съ Тарентомъ и удержатъ на своей сторонѣ союзниковъ своихъ въ Апуліи. Непонятнымъ кажется только то, почему онъ при Нумистрѣ употребилъ только одну фронтальную усиленную атаку, безъ обычныхъ своихъ и только что передъ этимъ употребленныхъ при Гердонеѣ, одновременныхъ атакъ съ обонхъ фланговъ и тыла, которыя могли бы доставить ему рѣшительные результаты.

Марцеллъ на другой день, увидавъ удаленіе Аннибала, оставилъ въ Нумистрѣ своихъ раненыхъ и слабый гарнизонъ, и усиленными переходами послѣдовалъ за Аннибаломъ, котораго и настигнулъ при Вену-

зинъ. Въ продолженіи нѣсколькихъ дней онъ постоянно располагался лагеремъ противъ Аннибала и безпрестанно тревожилъ его частными нападеніями пѣхоты и конницы, при чемъ успѣхъ былъ почти всегда на сторонѣ римлянъ. Такого рода образъ дѣствій утомлялъ и ослаблялъ армію Аннибала и потому не правился ему, и онъ началъ передвигаться въ разныхъ направленіяхъ по Апуліи, большею частію по ночамъ, употребляя всевозможныя хитрости, чтобы вовлечь Марцелла въ невыгодный для него бой. Но Марцеллъ, столько же благоразумный и осторожный, сколько искусный и рѣшительный, продолжалъ дѣйствовать по-прежнему, неотступно слѣдуя за Аннибаломъ, тревожа его дѣйствіями малой войны, но остерегаясь его военныхъ хитростей, выступая въ походъ только днемъ и тщательно развѣдывая мѣстность.

Въ концѣ лѣта римскій сенатъ закупилъ въ Этруріи хлѣбъ и доставилъ его, съ подкрѣпленіемъ въ 1 т. римскихъ и союзныхъ войскъ, въ Тарентскій замокъ. Въ то же время въ Римъ прибыли послы нумидійскаго царя Сифакса, для утвержденія договора, заключеннаго имъ съ Сципіонами. Три сенатора были отправлены съ этими послами въ Африку, для заключенія союзовъ съ другими, меньшими владѣтелями, а особое посольство, съ тою же цѣлю, къ египетскому царю Птолемѣю IV Филопатору. Отнявъ у Карфагена Сицилію, готовясь отнять у него и Испанію, но имѣя еще Аннибала въ южной Италіи, римскій сенатъ старался возбудить противъ него въ Африкѣ и внѣ оной какъ можно болѣе враговъ.

Въ Сициліи консулъ Левинъ подступилъ съ своими легіонами къ Агригенту (въ которомъ находился Ганнонъ съ сильнымъ карфагенскимъ гарнизономъ) и успѣлъ привлечь на свою сторону Мутила, недовольнаго Ганнономъ. Мутиль предалъ Агригентъ Левину, и карфагенскій гарнизонъ былъ истребленъ, за исключеніемъ немногихъ спасшихся съ Ганнономъ; зачинщики же возстанія были казнены. Затѣмъ всѣ остальные непокорные города Сициліи были взяты или сами покорились и вся Сицилія совершенно усмирена и покорена римлянами. Левинъ, отозванный затѣмъ сенатомъ въ Римъ по случаю выборовъ, передалъ управление Сициліей претору Ципцію, а Валерія Мессала съ частію флота послалъ въ Африку, для разоренія ея и развѣдыванія о дѣйствіяхъ карфагенянъ. Мессала вскорѣ уведомилъ сенатъ, что Массинисса находился съ 5 т. нумидійцевъ въ Карфагенѣ, гдѣ собирали и приготавливали сильную армію въ подкрѣпленіе Аздрубаловой въ Испаніи, для движенія оттуда въ Италію, и что въ то же время карфагеняне приготавливали многочисленный флотъ для высадки въ Сицилію. Вслѣдствіе того Левинъ воротился въ Си-

цилію, а Марцеллъ, по приказанію сената, избралъ въ диктаторы Квинта Фульвія, находившагося въ Капуѣ, а онъ избралъ въ магистры конницы Лицинія Красса.

Въ Испаніи Сципіонъ, тайно сдѣлавъ зимою всѣ нужныя приготовленія для осады Новаго Картагена, весною открылъ походъ этою осадой, которую производилъ такъ дѣ-

лительно и искусно, что взять Новый Картагенъ еще прежде, нежели картагенскіе полководцы въ Испаніи могли прибыть на помощь ему. Взятіе этого города—главнаго складочнаго и опорнаго пункта картагенянъ въ Испаніи, нанесло сильный ударъ господству ихъ въ ней и приготовило послѣдующія неудачи ихъ въ этой странѣ.

§ 44.

10-й походъ 209-го года.

Распредѣленіе римскихъ армій;—сраженія при Аскулѣ;—взятіе Тарента римлянами;—дѣйствія въ Испаніи.

Въ Римѣ на этотъ годъ были выбраны: въ консулы—Фабій, бывшій диктаторъ и консулъ, и Квинтъ Фульвій, а въ преторы—Ветурій Филонъ, Квинцій Криспинъ, Гостилій Тубуль и Ауранкулей. Рѣшено было осадить Тарентъ и осада его поручена Фабію. Взятіе Тарента имѣло необыкновенную важность для римлянъ, отнятіемъ у Аннибала этого главнаго опорнаго пункта его въ южной Италіи и вмѣстѣ съ тѣмъ пункта сообщеній его съ Картагеномъ и Филиппомъ македонскимъ, что должно было принудить Аннибала, стѣсненнаго со всѣхъ сторонъ въ южной Италіи, удалиться наконецъ изъ нея въ Африку. Съ перваго взгляда казалось бы, что осаду Тарента лучше было поручить Фульвію, уже доказавшему свое искусство взятіемъ Капуи, тогда какъ Фабій имѣлъ за собою только славу уклоненія отъ боя съ Аннибаломъ, съ которымъ онъ не отважился однако вступить въ бой подобно Марцеллу. Но Фульвій былъ изъ плебеевъ и всѣ патриціи поддерживали принадлежавшаго къ нимъ Фабія, а обычная политика Рима не допускала частаго употребленія однихъ и тѣхъ же лицъ, что нерѣдко вело къ тому, что выгоды частныхъ лицъ и политическихъ партій были несогласны съ выгодами государства и даже противны и вредны имъ. Какъ бы то ни было, осада Тарента была поручена Фабію съ 2-мя городскими легіонами, которыхъ Пизонъ въ предыдущемъ году имѣлъ въ Этруріи. Осаду должны были прикрывать 2 арміи: консула Фульвія, въ Луканіи, изъ 2-хъ легіоновъ Левина, бывшихъ въ Сициліи, и проконсула Марцелла, въ Апуліи, съ 2-мя легіонами, съ которыми онъ дѣйствовалъ въ предыдущемъ году. Для охраненія Кампаніи, въ Капую былъ назначенъ преторъ Криспинъ съ 2-мя легіонами, бывшими прежде у Фульвія, — въ Цизальпинскую Галлію — преторъ Ветурій съ 2-мя легіонами Латорія, — въ Сардинію — преторъ Ауранкулей

съ 2-мя легіонами Маплия, а въ Сицилію — проконсулъ Левинъ и пропреторъ Цинцій, съ 2-мя каннскими легіонами и 2-мя легіонами Фульвія, пополненными новыми наборами (именно нумидійцами и бывшими спиракузскими войсками), такъ что Цинцій съ половиною арміи охранялъ Сиракузы и ихъ область, а Левинъ съ другою половиною и всѣми нумидійцами, — остальную часть Сициліи, снабжая продовольствіемъ Римъ и армію Фабія при осадѣ Тарента, и отрядивъ 30 военныхъ судовъ къ Фабію, а 70 къ берегамъ Африки, для разоренія ихъ. Пизону было назначено оставаться въ Этруріи съ 2-мя городскими легіонами, вмѣсто которыхъ велѣно набрать 2 новые такіе же. Наконецъ въ Испаніи начальствованіе Сципіона и Силана съ 4-мя легіонами было отсрочено впредь до приказанія. Вслѣдствіе всего этого, Римъ имѣлъ въ этомъ году всего 21 легіонъ, не считая сицилійскихъ.

При наборѣ въ этомъ году войскъ между латинскими союзниками Рима и въ римскихъ колоніяхъ, недовольныхъ строгими мѣрами сената противъ легіоновъ каннскихъ и двухъ Фульвіевыхъ, тогда какъ Аннибалъ отпускалъ военнопленныхъ безъ выкупа, — 12 римскихъ колоній отказались выставить людей и дать денегъ, но 18 другихъ римскихъ колоній объявили, что и люди, и деньги у нихъ готовы и что онѣ готовы доставить ихъ, въ случаѣ надобности, еще болѣе. Сенатъ объявилъ послѣднимъ почетную благодарность, а первыхъ наказалъ—совершеннымъ забвеніемъ о нихъ.

Недостатокъ денегъ въ государственной казнѣ простирался до такой степени, что вынудилъ прибѣгнуть къ неприкосновеннымъ денежнымъ запасамъ, которые и были распредѣлены между консулами и прочими полководцами и употреблены на одежду для арміи въ Испаніи.

Оба консула, передъ отправленіемъ своимъ изъ Рима, согласились, чтобы пока

Криспинъ съ одною арміею будетъ охранять Кампанію, двѣ другія занимали Аппибала, Фульвіева—въ Луканіи, а Марцеллова — въ Апуліи, такъ чтобы не давать ему покоя и препятствовать ему приближаться къ Таренту. Кроме того консулы положили произвести диверсію даже въ самомъ Бруттіѣ, а именно: Фабій приказалъ префекту Регія присоединить находившихся въ этомъ городѣ бруттійскихъ изгнанниковъ къ 8 т. такихъ же изъ Сициліи и послать ихъ всѣхъ въ Калабрию для осады Каулоніи (п. Castelveterе близъ Ghito), дабы привлечь туда Аппибала, съ цѣлю заставить снять осаду.

Должно отдать справедливость консуламъ, что весь этотъ планъ дѣйствій ихъ былъ соображенъ весьма хорошо.

Между тѣмъ Аппибаль расположился лагеремъ близъ Канузія (п. Canosa), которымъ хотѣлъ овладѣть, какъ для прикрытія Тарента, такъ и для того, чтобы снова войти въ Апулію, въ которой онъ не имѣлъ уже ни одного города. Тогда Марцелль положилъ приблизиться къ нему, тревожить и утомлять его малою войною и, въ случаѣ возможности, сразиться съ нимъ и разбить его. Вслѣдствіе того, какъ только появился подножный кормъ, онъ двинулся къ Канузію. Аппибаль, уклоняясь отъ боя съ Марцелломъ, двинулся изъ равнины въ пересѣченную и лѣсистую мѣстность на правой сторонѣ р. Ауфиды (п. Ofanto), между Канузіемъ и Венузіей. Марцелль слѣдовалъ за нимъ неотступно, располагаясь близъ него и вызывая его на бой, какъ только онъ располагался лагеремъ. Аппибаль довольствовался только оттѣсненіемъ своего противника легкою пѣхотою и конницей, но уклоняясь отъ сраженія, къ которому однако наконецъ былъ принужденъ. Продолжая идти вверхъ по правой сторонѣ р. Ауфиды, онъ опасался очутиться между арміями Марцелла и Фульвія, и потому перешелъ на лѣвую сторону р. Ауфиды и на равнины между Аскуломъ (п. Ascoli) и Гердонсей. Здѣсь Марцелль настигъ его въ то самое время, когда онъ укрѣплялъ свой лагерь, и попалъ на его рабочихъ съ такою силой, что Аппибаль былъ принужденъ построить свою армію въ боевой порядокъ и вступить въ сраженіе. Оно продолжалось съ равнымъ успѣхомъ до ночи, когда обѣ арміи, прекративъ бой, наскоро укрѣпили свои лагери недалеко одна отъ другой. На разсвѣтѣ слѣдующаго дня Марцелль построилъ свою армію впереди лагеря въ боевой порядокъ: въ 1-й линіи—правый легіонъ союзниковъ, экстраординарныя когорты и 20-й римскій легіонъ, а во 2-й линіи—18-й римскій легіонъ и лѣвый легіонъ союзниковъ. Аппибаль, наскучивъ неотступнымъ преслѣдованіемъ Марцелла, рѣшился принять бой и построилъ свою ар-

мію также впереди лагеря въ 2 линіи. Послѣ 2-хъ часового упорнаго боя, правый легіонъ союзниковъ и экстраординарныя когорты были опрокинуты. Марцелль двинулъ 18-й легіонъ на помощь 1-й линіи, но между тѣмъ какъ онъ медленно шелъ впередъ, а опрокинутыя войска, напротивъ, отступали поспѣшно, вся римская армія пришла въ безпорядокъ и бросилась назадъ въ свой лагерь, потерявъ 2,700 чел. (въ томъ числѣ 2-хъ трибуновъ и 4-хъ центуріоновъ) и 6 легіонныхъ орловъ. Марцелль, наказавъ бѣжавшихъ, объявилъ, что на слѣдующій день армія должна снова сразиться и загладить стыдъ пораженія. На разсвѣтѣ слѣдующаго дня онъ снова вывелъ армію изъ лагеря и построилъ въ 1-й линіи лѣвый легіонъ союзниковъ, 4 когорты праваго легіона, потерявшаго своихъ орловъ, и 18-й легіонъ, а во 2-й—20-й легіонъ на правомъ флангѣ, экстраординарныя когорты и остальные 6 когорты праваго легіона союзниковъ. Марцелль лично начальствовалъ центромъ, а легаты его Корнелій Лептуль и Клавдій Неронъ—крылами. Аппибаль, увидавъ, что Марцелль снова вышелъ изъ лагеря и построилъ армію, и удивляясь его пастойчивости, также вышелъ изъ своего лагеря и построилъ свою армію въ 2 линіи: въ 1-й лучшія свои войска, испанскія, а слоновъ между 1-ю и 2-ю. Первое столкновение было чрезвычайно сильное съ обѣихъ сторонъ и бой долго продолжался съ равнымъ успѣхомъ. Наконецъ Аппибаль двинулъ впередъ слоновъ: они привели первые ряды римлянъ въ безпорядокъ, который можетъ быть распространенъ бы на всю римскую армію, если бы трибунъ Децимъ Флавій не схватилъ значка 1-й манипулы гастатовъ 18-го легіона и не повелъ ее туда, гдѣ слоны производили наиболѣе опустошенія въ рядахъ римлянъ. Напавъ на нихъ съ полуконьями (pilum), онъ многихъ изъ нихъ ранилъ, а раненые слоны въ бѣгствѣ увлекли нераненыхъ и всѣ вмѣстѣ привели кареагенскую армію въ безпорядокъ. 1-я римская линія, пользуясь этимъ, атаковала кареагенянъ, привела ихъ въ совершенное разстройство и обратила въ бѣгство. Марцелль преслѣдовалъ бѣжавшихъ до самаго лагеря ихъ. Такъ какъ входъ въ него загородили два убитые слона, то бѣжавшіе были принуждены лѣзть черезъ валъ, при чемъ множество изъ нихъ было убито. Кареагенская армія потеряла около 8 т. чел. и 5 слоновъ, а римская—1,700 легіонеровъ и 1,300 союзниковъ. На другой день Аппибаль отступилъ и удался въ Бруттію, а Марцелль, обремененный большимъ числомъ рабѣннхъ и не желая слишкомъ удалиться отъ Фабія, не послѣдовалъ за Аппибаломъ.

Слѣдуя принятому ими образу дѣйствій, римляне постепенно стѣсняли Аппибала въ

Бруттіѣ. Фульвій, обезпеченный съ тыла арміей, занимавшей Каную, воспользовался тѣмъ временемъ, когда Аннибалъ, ослабленный боями съ Марцелломъ, не могъ ничего предпринять, пока не пополнитъ бы свою армію—и двинулся въ земли гирпиновъ, въ юзпомъ Самніѣ. Гирпины покорились Фульвію и выдали ему кареагенскіе гарнизоны, находившіеся въ ихъ городахъ. Отсюда Фульвій двинулся въ Луканію, гдѣ ему прежде всего покорились вольцы или вульцы, на тѣхъ же условіяхъ. Дабы побудить къ тому же и другія племена, Фульвій обходился съ ними съ большою кротостью, чѣмъ привлекалъ ихъ къ себѣ, и даже нѣкоторыя общины въ самомъ Бруттіѣ уже начали входить въ переговоры съ нимъ. Марцеллъ, послѣ сраженій при Аскулѣ, расположился при Венузинѣ, откуда удобно могъ обращаться или противъ Аннибала, или на помощь тому либо другому консулу. Наконецъ Фабій вступилъ въ земли салептинцовъ, въ средней Калабріи, гдѣ взялъ обратно Мандурію, къ ю.-в. отъ Тарента, и въ ней 4 т. чел. кареагенскаго гарнизона. Отсюда онъ двинулся къ Таренту и расположился лагеремъ къ западу отъ него, при устьѣ его порта. Такъ какъ кареагенскій флотъ передъ тѣмъ удаленъ и море было свободно, то онъ собралъ здѣсь эскадру военныхъ и перевозныхъ судовъ и употребилъ ихъ частью для доставленія матеріаловъ, нужныхъ для осады, частью для установокъ на нихъ метательныхъ орудій посадныхъ машинъ.

Между тѣмъ Аннибалъ дѣйствительно, какъ предвидѣлъ Фабій, двинулся на помощь Кануоніи (см. выше). По приближеніи его, отрядъ изгнанниковъ, осаждавшій этотъ городъ, отступилъ по близости въ сильную мѣстностью позицію на горѣ Кануонѣ, гдѣ былъ обложенъ Аннибаломъ и, по недостатку въ продовольствіи, принужденъ сдаться—потеря для римлянъ не слишкомъ важная, по составу этого отряда, который нѣкоторымъ образомъ былъ пожертвованъ.

Счастіе особенно благоприятствовало римлянамъ: Фабій готовился къ трудной и продолжительной осадѣ Тарента, а между тѣмъ городъ этотъ достался ему очень легко и безъ осады. Гарнизонъ, оставленный Аннибаломъ въ Тарентѣ, былъ почти весь составленъ изъ бруттійцовъ. Начальникъ ихъ, вслѣдствіе особенной хитрости, употребленной Фабіемъ, согласился передать римлянамъ ворота и часть стѣны, которая охраняла. Фабій, оставивъ часть войскъ со стороны порта, скрытно обошелъ городъ и расположился къ востоку отъ него. По данному сигналу, у порта, въ замкѣ и на судахъ разомъ затрубили на всѣхъ трубахъ и начали производить ложную атаку. Начальникъ гарнизона Демократъ обратился съ ними въ эту сторону, а между тѣмъ Фабій

подступилъ къ городской стѣнѣ, нѣмъ незанятою, приказавъ части войскъ своихъ взобраться на нее и выломать ближайшія ворота, что и было исполнено съ полнымъ успѣхомъ, и на разсвѣтѣ всѣ войска Фабія вошли въ городъ и построились на главной площади. Демократъ обратился противъ нихъ, но въ происшедшемъ при этомъ бою былъ убитъ, а войска его опрокинуты и разсѣялись по домамъ, но были преслѣдованы и большею частью истреблены, въ томъ числѣ множество кареагенянъ, тарентинцовъ и даже нѣсколько бруттійцовъ. Городъ былъ отданъ на разграбленіе и римляне взяли въ немъ 30 т. рабовъ, множество золота, серебра, драгоценностей, статуй, картинъ и пр.

Аннибалъ же, по освобожденіи Кануоніи, но еще до взятія Тарента, двинулся усиленными переходами къ этому послѣднему городу. На пути къ нему онъ узналъ, что онъ уже взятъ, однако расположился въ 5-ти миляхъ къ з. отъ него, а черезъ нѣсколько дней отступилъ къ Метапонтѣ. Отсюда онъ послалъ двухъ жителей города съ письмами отъ начальниковъ его къ Фабію, съ предложеніемъ сдать ему городъ, а самъ приготовилъ засаду на дорогѣ, по которой Фабій долженъ былъ идти. Но хитрость его не имѣла успѣха: осторожный Фабій не вдался въ обманъ, не пошелъ къ Метапонтѣ и до конца года остался въ Тарентѣ, Марцеллъ же въ Венузинѣ, Фульвій въ Луканіи, а Аннибалъ въ Метапонтѣ, близко наблюдаемый 3-мя римскими арміями.

Въ Испаніи Сципіонъ употребилъ всю зиму на пріобрѣтеніе расположенія испанскихъ племенъ, для чего возвратилъ данныхъ ими заложниковъ, такъ что испанцы, которыхъ кареагеняне не довольно щадили, начали склоняться на сторону римлянъ. Три главные испанскіе вождя, Эдеконъ, Индибилисъ и Мандоній первые явились къ Сципіону и примѣру ихъ послѣдовали всѣ племена на берегахъ р. Ибера. Въ началѣ весны Сципіонъ положилъ немедленно открытъ походъ; не опасаясь ничего со стороны моря, онъ вытащилъ суда своего флота на берегъ при Тарраконѣ, экипажами ихъ наполнилъ свои легіоны, перешелъ черезъ р. Иберъ и усиленными переходами двинулся противъ Аздрубала, брата Аннибалова, расположеннаго близъ Бакулы (и. Baesa, въ области Іаен). Аздрубалъ былъ очень озабоченъ почти общимъ отложеньемъ испанцевъ отъ Кареагена, и эта самая причина побудила его рѣшиться на бой съ Сципіономъ и, въ случаѣ неудачи, собрать остатки своей арміи и двинуться черезъ Галлію въ Италію на соединеніе съ Аннибаломъ. Вслѣдствіе того, узнавъ о движеніи Сципіона противъ него, онъ расположился на лѣвомъ берегу р. Батиса (нынѣ Гуадалкивиръ), ты-

ломъ къ ней, а передъ собою имѣя равнину, окруженную высотами, на которыхъ расположились передовыя стражи. Сципіонъ, приказавъ своей легкой пѣхотѣ и отборнымъ когортамъ атаковать эти высоты, подъ прикрытіемъ ихъ самъ съ половиною своей арміи, а легаты его Лелій съ другою—обошли эти высоты справа и слѣва и атаковали армію Аздрубала съ обонхъ фланговъ въ то самое время, когда она строилась къ бою, для движенія впередъ на помощь своимъ передовымъ стражамъ на высотахъ. Результатомъ всѣхъ трехъ атакъ Сципіона было то, что армія Аздрубала была разбита и разсѣяна съ урономъ 8,000 чел. убитыми и 12,000 чел. плѣнными, въ томъ числѣ 2,000 чел. конницы. Тогда Аздрубаль, собравъ остатки своей арміи и взявъ слоновъ и сколько можно болѣе денегъ, отступилъ къ р. Тагу, дабы оттуда идти къ Пиренеямъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ сговорился съ

Магономъ и Аздрубаломъ, сыномъ Гисконовымъ, въ томъ, что онъ пополнитъ свою армію испанцами и немедленно двинется черезъ Пиренеи въ Галлію, что Магонъ сдастъ свою армію Аздрубалу, сыну Гископову, и отправится лично на Балеарскіе острова, для найма войскъ на нихъ, что Аздрубаль, сынъ Гисконовъ, съ арміею перейдетъ въ Лузитанію (и. Португаллія), тщательно избѣгая всякаго боя съ Сципіономъ,—и наконецъ что Массинисса, съ 3,000 чел. отборной конницы, останется въ южной Испаніи, для наблюденія за римлянами и тревоженія ихъ. Все это было исполнено безъ промедленія. Сципіонъ же, занявшій лагерь Аздрубала, брата Аннибалова, видя, что лѣто приходитъ къ концу, но ни одна изъ карфагенскихъ армій не показывается, послалъ нѣсколько войскъ къ Пиренеямъ, а самъ расположился на зиму въ Тарраконѣ и окрестностяхъ.

ГЛАВА VII.

ВТОРАЯ ПУНИЧЕСКАЯ ВОЙНА (218—202).

(Окончаніе).

III. Вторая половина войны (215—202) (окончаніе).—§ 45. 11-й походъ 208-го года. — Бездѣйствіе въ Италіи; — движеніе Аздрубала къ Альпамъ. — § 46-й. 12-й походъ 207-го года. — Движеніе Аздрубала въ Италію; — сраженіе при Грументѣ; — движеніе Клавдія Перона изъ Апуліи въ Умбрию; — сраженіе при р. Метаврѣ. — § 47. 13-й походъ 206-го года. — Бездѣйствіе въ Италіи; — сраженіе при Иллигѣ въ Испаніи. — § 48. 14-й походъ 205-го года. — Сципіонъ—консулъ; — планъ его, переправа въ Сицилію и дѣйствія въ ней; — дѣйствія Магона въ Лигуріи. — § 49. 15-й походъ 204-го года. — Переправа Сципіона въ Африку, дѣйствія и победы его въ ней; — двукратный бой при Кротонѣ въ Бруттіи. — § 50. 16-й походъ 203-го года. — Дѣйствія и победы Сципіона въ Африкѣ; — пораженіе Магона; — удаленіе Аннибалова изъ Италіи въ Африку. — § 51. 17-й и послѣдній походъ 202-го года въ Африкѣ. — Сраженіе при Замѣ; — заключеніе мира.

Древніе историчеки и новѣйшія историческія пособія — указанныя выше въ главѣ III.

III.

Вторая половина войны (215—202).

(Окончаніе).

§ 45.

11-й походъ 208 года.

Бездѣйствіе въ Италіи;—движеніе Аздрубала къ Альпамъ.

Въ Римѣ на этотъ годъ были выбраны: въ консулы — Марцеллъ и Квинцій Крис-

пинъ, а въ преторы—Лициній Крассъ, Лициній Варъ, Юлій Цезарь и Клавдій Фла-

мипій. Сенатъ положилъ распустить 2 легиона, уменьшить число легионовъ въ дѣйствовавшихъ арміяхъ до 21 и распределить ихъ, по положенію дѣлъ въ Италіи и внѣ оной, слѣдующимъ образомъ: 2 легиона Марцелла и 2 легиона Криспина—въ Апуліи и Луканіи противъ Аннибала, 2 легиона претора Клавдія Фламинія—въ Тарентѣ, для занятія и охраненія его, 1 легионъ проконсула Фульвія—въ Кануѣ, 2 легиона пропретора Гостилія Тубула—въ Этруріи, 2 легиона Ветурия—въ Цизальпинской Галліи, 2 легиона Ауракулеса—въ Сардиніи, 2 каннскіе легиона Юлія Цезаря—въ Сициліи, 4 легиона Сципіона—въ Испаніи и 2 городскіе легиона—въ Римѣ. Сципіону было приказано послать въ Сардинію 50 военныхъ судовъ, для увеличенія до 100 судовъ—флота, охранявшаго берега Италіи, Сициліи и Сардиніи, подъ начальствомъ проконсула Левина, которому приказано сдѣлать высадку на берега Африки. Сулпицій сохранилъ начальствованіе надъ флотомъ въ Греціи. Претору Лицинію Вару было приказано исправить 30 военныхъ судовъ, находившихся въ Остіи, прибавить къ нимъ 20 судовъ союзниковъ и оберегать съ ними берега близъ Рима.

Со стороны Аннибала, ослабленнаго и стѣсненнаго въ южной Италіи, не угрожала никакая опасность, напротивъ онъ самъ находился въ опасности;—но въ Карфагенѣ производилась большія сухопутныя и морскія вооруженія, съ какою именно цѣлю—римлянамъ извѣсто не было; на сѣверѣ же ожидалось движеніе Аздрубала въ Италію, Цизальпинская Галлія была въ возстаніи, а Этрурія въ волненіи и колебаніи. Слѣдовательно съ юга и особенно съ сѣвера Риму угрожала большая опасность, нежели со стороны Аннибала. Этрурія и въ ней особенно городъ Аррецій сильно озабочивали сенатъ, почему онъ и приказалъ Гостилію немедленно взять заложниковъ. Гостилій ввелъ въ Аррецій 1 легионъ, занялъ ворота, взялъ въ заложники и отправилъ въ Римъ 120 дѣтей сенаторовъ города и конфисковалъ имущество 7-ми сенаторовъ, бѣжавшихъ съ своими дѣтьми. Встревоженный этимъ, сенатъ римскій послалъ въ Аррецій, для содержанія гарнизона, 1 городской легионъ, а Гостилій съ 2 легионами сталъ ходить по Этруріи, для содержанія ея въ повиновеніи.

Между тѣмъ Криспинъ, пополнивъ свои легионы (бывшіе Фульвіевы) въ Луканіи новыми наборами, двинулся къ Локрамъ, въ южномъ Бруттіѣ, къ в. отъ Регія, и осадилъ этотъ городъ. Но узнавъ, что Аннибалъ двинулся отъ Метапонта къ Кротону, также въ Бруттіѣ, а Марцеллъ уже прибылъ къ своей арміи въ Венузинъ, Криспинъ снялъ осаду Локръ, соединился съ Марцелломъ, для совокупныхъ дѣйствій съ нимъ, и оба расположились лагерями между Венузіей и

Банціей (и. Santa Maria di Vanzo). Аннибалъ послѣдовалъ за Криспиномъ и расположился лагеремъ близъ Банціи, оставаясь противъ обѣихъ римскихъ армій въ оборонительномъ положеніи и только ведя малую войну легкой конницею. Консулы приказали однако части Тарентскаго гарнизона и Ципцію съ эскадрой изъ Сициліи обложить и осадить Локры. Аннибалъ, увѣдомленный жителями Фурія о движеніи войскъ изъ Тарента къ Локрамъ, поставилъ на пути ихъ въ засадѣ 3,000 чел. пѣхоты и 2,000 чел. конницы—и римскія войска, шедшія безъ опасенія и предосторожностей, были разбиты и изъ нихъ 2,000 чел. убиты, 1,200 чел. взяты въ плѣнъ, а остальные бѣжали въ Тарентъ.

Между тѣмъ Марцеллъ крайне желалъ принудить Аннибала къ бою; Аннибалъ же, будучи слишкомъ слабъ силами для вступленія въ бой съ 2-мя римскими арміями, прибѣгнулъ и противъ нихъ къ хитрости и засадѣ, воспользовавшись для этого мѣстностью между его и римскими лагерями. Именно—между ними находилась порослая лѣсомъ высота, незанятая ни римлянами, которымъ былъ неизвѣстенъ противоположный скатъ высоты, простиравшійся до лагеря Аннибала, ни этимъ послѣднимъ, потому что онъ считалъ эту высоту болѣе выгодною для расположенія на ней засады, нежели лагеря, и потому удовольствовался только тѣмъ, что поставилъ въ лѣсу на высотѣ сильный караулъ нумидійцовъ, но такъ, что его вовсе не было видно. Въ обоихъ римскихъ лагеряхъ всѣ требовали занятія высоты войсками и даже построенія на ней укрѣпленія. Это побудило Марцелла предложить Криспину—имъ обоимъ вмѣстѣ отправиться на эту высоту и лично удостовѣриться и утвердиться на ней. Криспинъ согласился и оба консула, въ сопровожденіи военныхъ трибуновъ: Марцелла, сына консула, и Манлія, 2 префектовъ союзниковъ, 180 этрурскихъ и 40 фрегельскихъ всадниковъ, отправились къ высотѣ, при чемъ Марцеллъ приказалъ своей арміи быть готовой двинуться туда же, еслибы мѣстность на высотѣ оказалась удобною для расположенія войскъ.

Начальники нумидійцовъ на высотѣ, увидавъ, что консулы направляются къ ней, отрядили часть нумидійцовъ для занятія входа въ лошину, ведущую къ высотѣ и примыкавшую къ небольшой открытой равнинѣ передъ лагеремъ Марцелла. Когда такимъ образомъ консуламъ было отрѣзано отступленіе, нумидійцы, выступивъ изъ лѣса на высотѣ, атаковали ихъ со всѣхъ сторонъ. Небольшой отрядъ консуловъ оборонялся упорно, но этрурскіе всадники обратились въ бѣгство, и съ консулами остались только 40 фрегельскихъ всадниковъ. Послѣдніе окружили и прикрыли консуловъ, но вскорѣ Марцеллъ былъ убитъ ударомъ

коня, Криспинъ получилъ двѣ тяжелыя раны, сынъ Марцелла былъ также раненъ, Манлій, 1 префектъ и 18 всадниковъ были взяты въ плѣнъ, а остальные (въ томъ числѣ Криспинъ и сынъ Марцелла) успѣли кое-какъ спастись въ свой лагерь, гдѣ войска, взявшись за оружіе, но не могли оказать помощи, потому что все это дѣло произошло мгновенно. Аннибалъ, желая воспользоваться страхомъ, который это, по его мнѣнію, навело на римлянъ, расположилъ свою армію на этой самой высотѣ, и найдя тѣло убитата Марцелла, приказалъ похоронить его съ почестями.

Такъ погибъ внезапною смертію, 60-ти лѣтъ отъ роду, одинъ изъ отличнѣйшихъ римскихъ полководцевъ, совершившій блистательное военное поприще, побѣдитель галловъ, покоритель Сиракузъ и—что всего болѣе возвышаетъ его славу—первый, положившій предѣлъ побѣдамъ и успѣхамъ Аннибала, и изъ семи большихъ сраженій съ нимъ проигравшій только одно! Смерть его была единственнымъ пятномъ въ его жизни, ибо, какъ справедливо говоритъ Титъ-Ливій, не была достойна ни его лѣтъ, ни благо-разумной осторожности отличнаго полководца. Но онъ не заслуживалъ горькихъ упрековъ ему Полибія въ невѣжествѣ. Онъ дѣйствительно поступилъ крайне неосторожно, отправясь самъ на развѣданіе мѣстности, вмѣсто того, чтобы послать другаго съ отрядомъ, но онъ не сдѣлалъ ничего, что могло бы подвергнуть опасности всю его армію, и смерть его была большою потерей для римлянъ. А планъ дѣйствій его и Криспина въ этомъ году, объясненный выше, заслуживаетъ всякаго одобренія и, безъ прискорбнаго случая при Банціи, результаты его были бы, безъ сомнѣнія, весьма выгодны для римлянъ. Что касается Аннибала, то и его дѣйствія въ этомъ году вполне достойны такого великаго полководца. Лишенный возможности вступать въ открытый бой съ превосходнымъ въ силахъ непріателемъ, онъ замѣнилъ силу хитростью и, отлично пользуясь мѣстностью, два раза нанесъ непріателю частныя пораженія, изъ которыхъ послѣднее при Банціи, сильнымъ нравственнымъ вліяніемъ своимъ, почти равнялось побѣдѣ.

Послѣ этого дѣла, Криспинъ перевелъ лагерь армій въ другое мѣсто и какъ онъ, такъ и Аннибалъ, ограничились только взаимнымъ наблюденіемъ. Но Криспинъ, опасаясь, чтобы Аннибалъ, завладѣвъ перстнемъ убитата Марцелла, не употребилъ его съ какою-нибудь хитростью, тотчасъ предостерегъ ближайшіе города объ опасности, которой они могли подвергнуться. Дѣйствительно, Аннибалъ уже написалъ отъ имени Марцелла жителямъ Салапин, чтобы они приготовились принять римскую армію. Жители Салапин, предваренные Криспиномъ, удвоили

стражи у воротъ и на стѣнахъ и поставили отборныя войска гарнизона у воротъ, въ которыхъ непріатель долженъ былъ войти. Около 4-й стражи ночи (3-хъ часовъ на разсвѣтѣ) Аннибалъ подступилъ къ воротамъ, имѣя въ головѣ римскихъ переметчиковъ. Но стража у воротъ, поднявъ опускающую рѣшетку только на высоту роста человѣческаго, впустила около 600 переметчиковъ и, опустивъ рѣшетку, всѣхъ ихъ перебила, а остальныхъ отразила съ вершины стѣнъ. Такимъ образомъ Аннибалу не удалось овладѣть Салапией посредствомъ хитрости и онъ двинулся на помощь Локрамъ, осажденнымъ Цинціемъ. По приближеніи его, Магонъ, начальствовавшій въ Локрахъ, сдѣлалъ сильную вылазку. Римскія войска оборонялись упорно, но атакованныя съ тыла нумидійцами, бросили свои осадныя машины и поспѣшно сѣли на свои суда.

Криспинъ же, узнавъ, что Аннибалъ находится въ Бруттіѣ, приказалъ Марцеллу младшему отвезти армію его отца къ Венузіи, а самъ съ своею двинулся къ Капуѣ, испросивъ у сената обезпеченія Тарента и присылки разумныхъ людей, для совѣщанія съ ними, такъ какъ самъ, по причинѣ ранъ, не могъ прибыть въ Римъ. Сенатъ поручилъ Фабію младшему принять начальствованіе надъ арміей Марцелла, къ Криспину прислалъ трехъ сенаторовъ и принялъ мѣры для обезпеченія Тарента и союзныхъ городовъ.

Впрочемъ, за исключеніемъ описанныхъ выше событій, никакихъ особенныхъ военныхъ дѣйствій въ южной Италіи въ этомъ году не было и положеніе обѣихъ сторонъ въ ней можно назвать военнымъ бездѣйствіемъ, которое съ этого времени стало все чаще повторяться.

Гораздо важнѣе были событія, приготовившіяся въ сѣверной Италіи, Испаніи и Африкѣ, интересъ которыхъ болѣе и болѣе увеличивается, по мѣрѣ того, какъ въ южной Италіи уменьшается.

Проконсулъ Левинъ, отправившись лѣтомъ изъ Сициліи съ 100 военными судами къ берегамъ Африки, произвелъ высадку на нихъ, разорилъ окрестности Клиннеи (и Аклибія), недалеко отъ Туниса, и, узнавъ о приближеніи карфагенскаго флота изъ 83 военныхъ судовъ, поплылъ на-встрѣчу ему, атаковалъ и разбилъ его и взялъ 18 судовъ.

Въ Испаніи Аздрубалъ, братъ Аннибаловъ, пополнивъ свою армію испанцами и запасшись деньгами, двинулся къ Пиренеямъ и чрезъ Галлію къ Альпамъ. Но, промедливъ въ Испаніи и выступивъ изъ нея довольно поздно, онъ, хотя помощью денегъ шелъ чрезъ Галлію гораздо легче и удобнѣе, нежели Аннибалъ, однако прибылъ къ Альпамъ (тамъ же, гдѣ черезъ нихъ шелъ и Аннибалъ) очень поздно, именно когда въ нихъ уже настала зима, и потому, не

вступая въ нихъ, расположился у подошвы ихъ на зимнихъ квартирахъ. Это было—первое промедленіе его, которое, какъ будетъ объ-

яснено ниже, имѣло для него и особенно для Аннибала весьма невыгодныя послѣдствія.

§ 46.

12-й походъ 207-го года.

Движеніе Аздрубала въ Италію; — сраженіе при Трументѣ; — движеніе Клавдія Нерона изъ Апуліи въ Умбрию; — сраженіе при р. Метаврѣ.

Въ Римѣ на этотъ годъ были выбраны: въ консулы—Клавдій Неронъ и Ливій Салипаторъ, а въ преторы—Порцій Лициній, Мамилій, А. и К. Гостилій Катоны. Пропретору Варрону было поручено управленіе Этруріей, а два сенатора посланы въ Массилію, для развѣданія о движеніи Аздрубала въ Италію. По полученіи чрезъ нихъ свѣдѣній, изложенныхъ выше, положено было выставить 2-мя легіонами болѣе, нежели въ предъидущемъ году, такъ чтобы имѣть противъ Аздрубала двѣ консульскія арміи и даже, въ случаѣ надобности, третью въ Этруріи, а противъ Аннибала, для удержанія его въ Луканіи и Бруттіѣ, также три арміи. Вслѣдствіе того консулу Ливію назначены были Цизальпинская Галлія и въ ней одна армія (2 легіона); консулу Клавдію Нерону—Бруттія и въ немъ также одна армія (2 легіона), съ приказаніемъ набрать 2 новые городскіе легіона; претору Порцію—также одна армія въ Цизальпинской Галліи; пропретору Варрону также одна армія (2 легіона) тамъ же; проконсулу Фульвію—одна армія (2 легіона) въ Луканіи; пропретору Клавдію—одна армія (2 легіона) въ Тарентѣ и земляхъ салентинцевъ; претору Мамилію—одна армія (2 легіона) въ Сициліи, а претору К. Гостилію—одна армія (2 легіона) въ Сардиніи; пропретору Гостилію Тубулу—1 легіонъ въ Капуѣ; Сципіону—4 легіона въ Испаніи и наконецъ флотъ у Сициліи—Левину, а въ Греціи—Суллицію. При этомъ консуламъ было предоставлено дѣлать наборы, избрать арміи и измѣнять расположеніе ихъ—по ихъ усмотрѣнію. Все это исполнено въ наилучшемъ согласіи между консулами. Волонты были снова призваны къ оружію и распредѣлены въ 19-й и 20-й легіоны въ Этруріи. Говорятъ также, что Сципіонъ прислалъ Ливію изъ Испаніи 8 т. испанцевъ и галловъ, 2 т. легіонеровъ и 1 т. чел. испанской и нумидійской конницы, а Мамилій изъ Сициліи—4 т. стрѣлковъ и пращниковъ.

Такимъ образомъ въ этомъ году Римъ выставилъ всего 9 армій въ составѣ 23-хъ легіоновъ и 3 флота (у Сициліи, Испаніи и Греціи).

Въ началѣ весны сенатъ получилъ извѣстіе, что Аздрубаль снялся съ зимнихъ квартиръ и переходитъ черезъ Альпы, что 8 т. лигурійцевъ вооружались съ тѣмъ, чтобы присоединиться къ нему, какъ только онъ выступитъ изъ Альповъ на равнины Италиі, и что преторъ Порцій двинулся туда для воспрепятствованія соединенію ихъ. Это побудило ускорить всѣ вооруженія и открытіе похода.

Аздрубаль, дѣйствительно, въ самомъ началѣ весны двинулся съ зимнихъ квартиръ своихъ у подошвы западнаго склона Альповъ, черезъ этотъ горный хребетъ, тѣмъ же самымъ путемъ, которымъ шелъ Аннибаль. Прежде, нежели изложить движеніе его черезъ Альпы, слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о томъ, что предшествовало ему. Полибій разсказывается въ похвалахъ Аздрубалу, признавая его великимъ полководцемъ, а движеніе его изъ Испаніи черезъ Альпы въ Италію такимъ же образцовымъ, какъ и подобное же движеніе Аннибала. Но съ этимъ мнѣніемъ, довольно страннымъ со стороны такого разумнаго историка, какъ Полибій, нельзя согласиться. Аздрубаль былъ безспорно хорошій полководецъ, но ни въ своихъ дѣйствіяхъ въ Испаніи, ни въ своемъ движеніи оттуда черезъ Альпы въ Италію, ни наконецъ въ своихъ дѣйствіяхъ въ Италиі (какъ будетъ изложено ниже), не явилъ ничего, что изобличало бы въ немъ такого великаго полководца, какъ его братъ Аннибаль. Въ Испаніи, за исключеніемъ пораженія имъ обоихъ Сципіоновъ, которымъ онъ былъ обязанъ неосторожности ихъ и отложенію цельтиберянъ болѣе, нежели собственному искусству, всѣ прочія военныя дѣйствія его были ознаменованы только его неудачами и пораженіями, не по его несчастію, а по его винѣ. Движеніе свое изъ Испаніи въ Италію онъ предпринялъ во всѣхъ отношеніяхъ слишкомъ поздно—не тотчасъ, какъ только получилъ приказаніе о томъ карфагенскаго сената, и не въ самое благоприятное для того время, когда въ Испаніи оба Сципіона были разбиты, а въ Италиі Аннибаль еще владѣлъ Капусей и овладѣлъ Тарентомъ, а римляне лишились

одной арміи при Гердоніи и другой, разсѣявшейся по смерти Семпронія, т. е. въ 212-мъ году, а лишь въ 208-мъ — 4 года позже; когда дѣла въ Испаніи и Италіи уже приняты вполнѣ выгодный для Рима и невыгодный для Карфагена и Аннибала оборотъ. Еслибы онъ предпринялъ свое движеніе въ Италію въ 212-мъ году, то съ большою вѣроятностью и даже съ увѣренностью предположить можно, что Римъ былъ бы поставленъ на край гибели. Но въ 208-мъ году положеніе было уже совсѣмъ иное и движеніе Аздрубала могло бы быть полезно только при исполненіи его со всемъ требуемымъ обстоятельствами искусствомъ—въ время, сколь возможно быстро и прямо въ южную Италію, на соединеніе съ Аннибаломъ, что составляло главную и важнѣйшую цѣль этого движенія. Но Аздрубаль, промедливъ въ Испаніи цѣлыхъ 4 года, упустивъ благоприятныя для него время и обстоятельства, присоединилъ къ этому еще слѣдующія ошибки: во 1-хъ вступилъ въ бой съ Сципіономъ при р. Батисѣ и въ бою этомъ, вслѣдствіе неуклюжихъ распоряженій, былъ разбитъ съ большимъ уропомъ, что ослабило его армію и еще задержало его въ Испаніи, — и во 2-хъ, вслѣдствіе того, двинулся черезъ Пиренеи къ Альпамъ въ такое позднее время года, что прибылъ къ западной подошвѣ Альповъ къ самому началу зимы въ нихъ (въ ноябрѣ) и потому былъ принужденъ цѣлую зиму провести на зимнихъ квартирахъ, тогда какъ Аннибаль двинулся изъ Новаго Карфагена въ концѣ весны, въ концѣ октября перешелъ черезъ Альпы въ Италію, а въ декабрѣ уже разбилъ Сципіона при р. Тицинѣ и Семпронія при р. Треббѣ. Но къ этимъ двумъ ошибкамъ — каковы бы ни были уважительныя причины его промедленія — Аздрубаль, по переходѣ черезъ Альпы, присоединилъ третью и важнѣйшую, которая будетъ изложена ниже. Промедленіе же его, разумѣется, дозволило римлянамъ заблаговременно принять всѣ необходимыя мѣры предосторожности и встрѣтить его въ Италіи уже не такъ, какъ они встрѣтили Аннибала — неготовыми, а напротивъ вполнѣ готовыми.

Что касается самаго движенія Аздрубала изъ Испаніи черезъ Пиренеи, Галлію и Альпы въ Италію, то оно уже было далеко не такъ трудно, какъ за 10 лѣтъ передъ тѣмъ для Аннибала. Аннибаль былъ первый изъ полководцевъ древности, проходившій черезъ Альпы съ правильно-устроенною арміею, тяжестями и даже слонами, и хотя совершилъ этотъ переходъ съ немалымъ трудомъ и большимъ уропомъ, но всего въ двѣ недѣли (отъ входа до выхода изъ Альповъ). Но для Аздрубала движеніе отъ Пиренеевъ къ Альпамъ и черезъ Альпы было уже несравненно легче: трансальпійскіе галлы, особенно арверны (и. оверны),

встрѣтили его не только не непріязненно, какъ Аннибала, но даже дружелюбно, доставляли ему продовольствіе, дали войска и провели его по всѣмъ путямъ, по которымъ шелъ Аннибаль. Изъ нихъ пути черезъ Альпы стали уже гораздо удобнѣе и легче: безпрестанное, въ продолженіи 10-ти лѣтъ, движеніе по нимъ инноплеменниковъ уже приучило къ нимъ галловъ и даже смягчило ихъ нравы, тѣмъ болѣе, что они уже хорошо знали, что эти инноплеменники не имѣли никакихъ враждебныхъ намѣреній противъ нихъ, а единственно только противъ римлянъ, которыхъ галлы ненавидѣли. И такъ для Аздрубала труда и опасности было гораздо менѣе, нежели для Аннибала, а времени онъ употребилъ гораздо болѣе. Но перейдя наконецъ черезъ Альпы и вступивъ въ долину р. Пады въ сѣверной Италіи, Аздрубаль, вмѣсто того, чтобы прямо, неуклонно идти къ главной своей цѣли — соединенію на югѣ Италіи съ Аннибаломъ, избѣгая боя съ римскими арміями, сдѣлалъ третью и самую непростительную ошибку. Вообразивъ себѣ, будто взятіе имъ такой могущественной римской колоніи, какъ Плаценція (и. Ріасенза), приведетъ Римъ и всю Италію въ ужасъ, онъ—осадилъ ее! Осада такого сильнаго города, разумѣется, должна была потребовать очень много труда, урона и особенно времени, а время-то и силы арміи именно и должны были быть драгоценными для Аздрубала. За то же онъ и былъ жестоко наказанъ послѣдствіями, которыя были пагубны не для одного его, но и для Аннибала и Карфагена.

Доказательствомъ, что движеніе его на соединеніе съ Аннибаломъ, даже при всѣхъ благоприятныхъ для Рима обстоятельствахъ, грозило послѣднему большою опасностью, служитъ то, что безпокойство и страхъ въ немъ были необыкновенные. Дабы избавиться отъ этой опасности, необходима была двойная побѣда—и надъ Аздрубаломъ, и надъ Аннибаломъ. А кто могъ ручаться, что она будетъ одержана, а въ случаѣ не-одержанія ея—что Аздрубаль и Аннибаль не соединятся и не разгромятъ Римъ? Пораженія при Тицинѣ, Треббѣ, Тразименскомъ озерѣ, Каннахъ и послѣдовавшія за ними, до недавней еще смерти двухъ консуловъ въ бояхъ, еще были слишкомъ свѣжи въ памяти римлянъ и они достаточно уже привыкли къ побѣдамъ однихъ, но пораженію другихъ своихъ полководцевъ. Словомъ—Римъ былъ въ большой тревогѣ и не безъ причинъ. Но, какъ увидимъ, это продолжалось недолго и самъ Аздрубаль помогъ тому.

Аннибаль зналъ, что братъ его двинулся изъ Испаніи въ Италію, по судя, по собственному опыту, что движеніе его потребуетъ много труда и времени, не ожидалъ скорого прибытія его, и потому открылъ

походъ довольно поздно. Выступивъ съ своихъ зимнихъ квартиръ близъ Метапонта въ Бруттій, онъ двинулся въ Апулію и уже дошелъ до Ларипа на р. Тифернѣ (п. Larino на р. Biferno), на границѣ Апуліи и Самніи, какъ узналъ, что Аздрубаль осадилъ Плаценцію, а потому не желая, до времени соединенія своего съ нимъ, подвергать себя стѣсненію и даже окруженію тремя римскими арміями, сталъ отступать въ южную Апулію. Преторъ К. Гостилій, узнавъ объ этомъ, двинулся противъ Аннибала и, настигнувъ армію его на походѣ въ безпорядкѣ, атаковалъ ее отборными войсками и нанесъ ей частное пораженіе, съ потерей около 4 т. чел. убитыми и 9 знаменъ. Пропреторъ Клавдій также двинулся изъ земель саллептинцовъ въ Апулію, такъ что Аннибалъ, уклоняясь отъ обѣихъ римскихъ армій, воротился въ Бруттій съ урономъ, но безъ пользы. А виною этому былъ Аздрубаль.

Пропреторъ Клавдій воротился въ земли лептинцовъ, а Гостилій двинулся къ Капуѣ и въ Вепузін встрѣтилъ Клавдія Нерона, который изъ двухъ армій образовалъ одну полную и отборную для себя, а другую приказалъ Гостилію отвести въ Капую и сдать проконсулу Фульвію.

Между тѣмъ Аннибалъ, воротясь въ Брутсалтій, притянулъ къ себѣ всѣ свои гарнизоны въ немъ и направился къ Грументу (п. Saronapa) въ Луканіи, въ надеждѣ взять обратно города ея, передавшіеся римлянамъ. Въ то же время Клавдій Неронъ двинулся отъ Вепузін также къ Грументу, съ большими предосторожностями, и расположился лагеремъ очень близко (въ 1,500 шагахъ или 1 верстѣ) отъ лагеря Аннибала, расположеннаго не болѣе, какъ въ 500 шагахъ отъ стѣнъ Грумента. Между обоими лагерями была небольшая равнина; въ тылу лагеря Аннибала былъ Грументъ, справа—рѣчка Ацирисъ (п. Agri), а слѣва—совершенно обнаженные холмы, которые вовсе не казались удобными для засады; римскій же лагерь имѣлъ рѣчку слѣва, а холмы справа. На небольшой равнинѣ между обоими лагерями каждый день происходили стычки передовыхъ легкихъ войскъ, а римская армія никогда не выходила изъ своего лагеря въ полномъ составѣ, такъ какъ Клавдій Неронъ имѣлъ въ виду только задерживать Аннибала отъ движенія на соединеніе съ Аздрубаломъ. Аннибалъ же, напротивъ, видя, что ему нельзя было удалиться безъ боя, старался вызвать на него римлянъ и каждый день выстроивался къ бою. Это побудило Клавдія Нерона употребить противъ него тѣ же самыя военныя хитрости, которыя онъ самъ употреблялъ съ такимъ успѣхомъ. Онъ отправилъ ночью 5 когортъ и 5 машинъ къ подошвѣ заднихъ скатовъ холмовъ, назначивъ имъ время для произведенія ими атаки. На слѣдующій день

рано утромъ вся римская армія вышла изъ лагеря, построилась къ бою и быстро двинулась къ лагерю Аннибала. Армія послѣдняяго послѣшнѣ бросилась къ оружію и двинулась на встрѣчу непріятелю въ нѣкоторомъ безпорядкѣ. Клавдій Неронъ, желая воспользоваться тѣмъ, приказалъ конницѣ 3-го легіона атаковать передовыя войска Аннибала, дабы опрокинуть ихъ прежде, нежели они успѣютъ построиться къ бою. Конница опрокинула передовыя войска и 1-я римская линія уже вступила въ бой. Карфагенскія войска, хотя и въ безпорядкѣ, но поддерживаемыя постепенно подходившими сзади, упорно сопротивлялись римлянамъ, которые, въ совершенномъ порядкѣ, тѣснили ихъ все болѣе и болѣе. Аннибалъ старался возстановить порядокъ въ своей арміи и успѣлъ бы въ этомъ, еслибы боевой крикъ римскихъ когортъ, вышедшихъ изъ-за холмовъ слѣва, не устранилъ его войскъ, опасавшихся быть отрѣзанными отъ своего лагеря. Вскорѣ всѣ они пришли въ разстройство и безпорядокъ, бросились въ свой лагерь и успѣли спастись въ немъ, хотя, атакованныя римскою конницею съ тыла, а когортами во флангъ, потеряли около 8,000 чел. убитыми, 700 чел. плѣнными, 9 знаменъ, 4-хъ слоновъ убитыми и 2-хъ взятыхъ римлянами, которые съ своей стороны потеряли только около 500 чел.

На слѣдующій день Клавдій Неронъ снова построился къ бою, но видя, что Аннибалъ не выходитъ, велѣлъ похоронить убитыхъ (знакъ побѣды) и въ слѣдующіе дни рассыпалъ свою конницу вокругъ Аннибалова лагеря и даже угрожалъ атаковать послѣдній. Кончилось тѣмъ, что Аннибалъ ночью, оставивъ огни и переднія палатки, а на валу часть нумидійцевъ, около 3-й стражи (12—3 ч. утра) вышелъ безъ шума изъ лагеря и двинулся въ Апулію, безъ сомнѣнія для того, чтобы идти на соединеніе съ Аздрубаломъ. На другой день утромъ Клавдій Неронъ снова подступилъ къ карфагенскому лагерю, но узнавъ, что Аннибалъ ушелъ, двинулся за нимъ усиленными переходами и, настигнувъ его близъ Вепузін, стремительно атаковалъ армію его на походѣ врасплохъ и нанесъ ей до 2,000 чел. урону. Послѣ этого Аннибалъ, уже слишкомъ ослабленный, отступилъ къ Метапонту, откуда послалъ Ганнона набирать войска въ Бруттій. Когда они были набраны, онъ снова двинулся тѣмъ же путемъ къ Вепузін и потомъ къ Капузію. Клавдій Неронъ слѣдовалъ за нимъ неотступно, не теряя его изъ виду и приказавъ Фульвію съ его арміей стать въ Луканіи, дабы постоянно держать Аннибала между трехъ римскихъ армій.

Между тѣмъ Аздрубаль, только напрасно потерявъ время за осадой Плаценціи, кончилъ тѣмъ, что спялъ ее, не взявъ этого

города, и наконецъ уже двинулся въ южную Италию, выслать впередъ 4-хъ галльскихъ и 2-хъ пунтидйскихъ всадниковъ, чтобъ увѣдомить Аннибала о своемъ движеніи и направленіи его. Къ удивленію, всадники эти благополучно проѣхали черезъ всю Италию до самой Апуліи, по ошибкѣ въ дорогѣ къ Метапону, гдѣ тогда находился Аннибалъ, и, слишкомъ сблизясь съ Тарентомъ, были перехвачены римскими войсками и отправлены подъ стражей къ Клавдію Нерону. Послѣдній, прочитавъ письма отъ Аздрубала къ Аннибалу и удостовѣрясь въ грозившей опасности, рѣшилъ, что какъ обстоятельства выходили совершенно изъ ряда обыкновенныхъ, то и мѣры въ нихъ слѣдовало принять также необыкновенныя. Онъ отправилъ перехваченныя письма сенату, и такъ какъ Аздрубалъ приглашалъ Аннибала соединиться съ нимъ въ Умбрін, то совѣтовалъ призвать въ Римъ легіонъ изъ Кануп и послать 2 городскіе легіона въ Нарнію (и. Narni), въ южной Умбрін (что и было исполнено), а о себѣ увѣдомилъ, что немедленно двинется въ Пиценъ, на соединеніе съ консуломъ Ливіемъ. Затѣмъ онъ разослалъ ко всѣмъ жителямъ, на пути его въ Пиценъ, гонцовъ съ приказаніемъ приготовить для его арміи продовольствіе, повозки, лошадей, вьючныхъ животныхъ и пр., необходимые для ускоренія и обезпеченія его движенія; выбралъ изъ своей арміи отрядъ отборныхъ войскъ (6,000 чел. пѣхоты и 1,000 чел. конницы), которому приказалъ быть готовымъ къ походу въ Луканію, и, выступивъ съ нимъ ночью, быстро двинулся въ Пиценъ (и. Анконская Мархія), оставивъ армію подъ начальствомъ своего легата Кація.

Въ Римѣ, къ удивленію, никто не умѣлъ достойно оцѣнить рѣшимости Клавдія Нерона, а напротивъ всѣ пришли въ страхъ и опасеніе, чтобы Аннибалъ не устремился вслѣдъ за нимъ и не подавилъ небольшого отряда его, или не атаковалъ и не разбилъ его армію, ослабленную и начальствуемую безызвѣстнымъ еще легатомъ, а съ другой стороны, чтобы самъ Клавдій Неронъ не былъ разбитъ тѣмъ самымъ Аздрубаломъ, который уже обманулъ его въ Испаніи и котораго, послѣ его перелома черезъ Альпы, ставили едва-ли не выше самаго Аннибала. Таковъ былъ страхъ еще внушаемый римлянамъ Аннибаломъ и Аздрубаломъ, и который не позволялъ имъ даже вѣрно и достойно оцѣнить смѣлыя и искусныя соображенія собственныхъ полководцевъ! Послѣдствія вскорѣ доказали имъ, до какой степени они были въ ослѣпленіи.

Клавдій Неронъ, удалясь достаточно отъ Аннибала, объявилъ своимъ войскамъ истинную цѣль своего движенія, прибавивъ, что ни одинъ полководецъ никогда дотолѣ не отваживался на предпріятіе, по видимому

столь смѣлое и опасное, въ дѣйствительности же столь вѣрное и ведущее къ несомнѣнной побѣдѣ, ибо армія консула Ливія была многочисленнѣе и лучше всѣхъ, сражавшихся противъ Аннибала, и потому малѣйшее подкрѣпленіе оной несомнѣнно склонитъ побѣду на ея сторону, тѣмъ болѣе, что онъ принялъ всѣ мѣры для того, чтобы непріятель не зналъ о его движеніи и чтобы появленіе его отряда въ минуту боя было совершенно неожиданнымъ, наконецъ—что отрядъ его, имѣя подвергнуться только части опасности, могъ быть увѣренъ, что слава будетъ принадлежать ему нераздѣльно. Это чрезвычайно одушевило его войска, да и всѣхъ жителей края, встрѣчавшихъ и провожавшихъ ихъ съ восторгомъ, провозглашая спасителями отечества въ опасности.

Клавдій Неронъ не преминулъ также предварить консула Ливія и спросить у него, желаетъ-ли онъ, чтобы отрядъ его, Клавдія Нерона, присоединился къ нему днемъ или ночью и расположился въ одномъ лагерѣ съ его арміей или отдѣльно? Ливій отвѣчалъ ему, что не считалъ пужнымъ увеличивать свой лагерь и уже приказалъ своимъ войскамъ принять въ свои ряды воиновъ его, Клавдія Нерона, по оружію и чинамъ, что оказалось нетруднымъ, такъ какъ отрядъ послѣдняго, хотя и увеличился на пути присоединеніемъ къ нему многихъ ветерановъ и волонтеровъ, но, слѣдуя налегкѣ, безъ тяжестей, долженъ былъ занимать немного мѣста. Ливій былъ въ это время расположенъ лагеремъ близъ устья р. Метавра (и. Metauro) и недалеко отъ Фана (Fanum Fortunae, въ земляхъ сеннонскихъ галловъ, и. Fano, между Римини и Анконой). Преторъ Порцій, отступая передъ Аздрубаломъ и безпрестанно тревожа и задерживая его, расположился въ отдѣльномъ лагерѣ, правѣе Ливія, ближе къ Фану, а Аздрубалъ—противъ Ливія, въ 500 шагахъ отъ него, правымъ флангомъ къ Метаавру.

Клавдій Неронъ, благодаря всѣмъ мѣрамъ, заблаговременно принятымъ имъ, шелъ такъ быстро, что совершилъ весь путь—270 римскихъ миль (378 верстъ) отъ Канузія до Фана—въ 7 сутокъ, слѣдовательно около 40 миль (56 верстъ) въ сутки—вдвое болѣе обыкновенныхъ римскихъ суточныхъ переходовъ въ 20 миль! Скрытно приблизясь къ лагерю Ливія, къ вечеру онъ расположился за высотами, а ночью безъ шума вступилъ въ лагерь Ливія. На другой день былъ собранъ военный совѣтъ, большинство голосовъ въ которомъ полагало дать вновь прибывшимъ войскамъ отдыхъ и время осмотрѣться. Но Клавдій Неронъ возсталъ противъ этого, представивъ, что малѣйшее промедленіе могло раскрыть глаза Аннибалу, и позволить ему разбить армію его, Клавдія

Нерона, оставшуюся въ Апуліи, и соединиться съ Аздрубаломъ, между тѣмъ какъ, пока Аннибалъ полагалъ еще, что передъ нимъ вся консульская армія, можно было разбить Аздрубала и уничтожить его армію. Всѣ согласились съ Клавдіемъ Нерономъ и немедленно былъ поданъ сигналъ къ бою и армія построена въ боевой порядокъ. Аздрубалова уже была также построена къ бою: но Аздрубаль, выѣхавъ нѣсколько впередъ съ небольшимъ отрядомъ конницы, замѣтилъ, что у нѣкоторыхъ римскихъ легіонеровъ щиты не были вычищены (полированы), что между римской конницей были лошади, болѣе худыя въ тѣлѣ, нежели прочія, и что армія Ливія была какъ будто сильнѣе. Это возбудило въ немъ подозрѣніе, онъ подалъ сигналъ къ отступленію и послалъ отряды конницы, какъ для развѣданія, такъ и для того, чтобы захватить плѣнныхъ. Возвратившіеся всадники донесли, что въ римскихъ лагеряхъ не было никакой перемѣны; но позже онъ узналъ, что въ лагерѣ Порція былъ слышенъ только одинъ сигналъ, а въ лагерѣ Ливія два. Тогда уже у него не осталось болѣе никакого сомнѣнія, что передъ нимъ находились оба консула, что повергло его въ совершенное недоумѣніе и онъ подумалъ, что либо Аннибалъ былъ разбитъ, либо былъ обманутъ, либо наконецъ, что письма его, Аздрубала, были перехвачены. Подъ вліяніемъ этихъ тревожныхъ мыслей онъ рѣшился отступить и продолжать свое движеніе въ южную Италію. Въ 1-ю стражу ночи (послѣ 6-ти часовъ вечера), приказавъ потушить огни въ лагерѣ, онъ двинулся вверхъ по лѣвому берегу Метавра. Проводники были, вѣроятно, недостаточно оберегаемы и одинъ спрятался, а другой бѣжалъ за Метавръ. Въ темнотѣ вечера и наступившей ночи, армія Аздрубала шла на угадъ и не въ надлежащемъ порядкѣ: многіе изъ воиновъ, выйдя изъ рядовъ, шли порознь полями и даже ложились на землю. Аздрубаль, желая соблюсти порядокъ въ движеніи, приказалъ, чтобы до разсвѣта знамена двигались вдоль берега Метавра, а на разсвѣтѣ хотѣлъ перейти черезъ рѣку въ бродъ и отдѣлать себя ею отъ римскихъ армій. Но въ темнотѣ невозможно было видѣть знаменъ, а частыя извилины Метавра только удлиняли и затрудняли движеніе, тѣмъ болѣе, что Метавръ все болѣе стѣсняясь горами и становился глубокимъ и неудобопроходимымъ въ бродѣ. Все это крайне замедлило движеніе арміи Аздрубала, а римлянамъ дало время и возможность послѣдовать за нею. Клавдій Неронъ первый наступилъ ее со всею конницей, а вслѣдъ за нимъ прибылъ Порцій съ легкой пѣхотой, и оба начали сильно тѣснить войска Аздрубала, шедшія въ хвостъ его арміи. Видя, что въ этихъ обстоятельствахъ ему уже невозможно было про-

должать движеніе, Аздрубаль выбралъ на ближайшей высотѣ (около 10 римскихъ миль или 14 верстъ отъ Фана) ровное мѣсто подъ лагерь и приказалъ укрѣплять его. Но вслѣдъ затѣмъ прибылъ и Ливій со всею тяжелою пѣхотой и не въ походномъ порядкѣ, а въ боевомъ—въ колоннахъ по когортамъ и безъ тяжестей, и вся римская армія тотчасъ же построилась въ боевой порядокъ. Тогда и Аздрубаль, видя, что ему уже невозможно было избѣжать сраженія, построилъ свою армію также въ боевой порядокъ. Лѣвый флангъ свой онъ прикинулъ къ ручью и прикрылъ оврагомъ и скатомъ высоты, и потому положилъ атаку произвести своимъ правымъ крыломъ, куда и поставилъ лучшія и надежнѣйшія войска свои—испанскія и африканскія, подъ личнымъ своимъ начальствомъ, въ центръ же помѣстилъ лигурійцевъ, а на лѣвомъ крылѣ галловъ, надежныхъ менѣе всѣхъ. Впередъ онъ поставилъ единственныхъ 10 слоновъ своихъ, конницу же (о которой нигдѣ не упоминается) вѣроятно позади пѣхоты, ибо на флангахъ для нея не было мѣста. Сколько именно у него было всего войскъ—въ точности неизвѣстно, но судя по тому, что Ливій и Порцій, имѣвшіе, до прибытія Клавдія Нерона, около 34,000 войскъ, не рѣшились атаковать Аздрубала, съ вѣроятностью предполагаютъ, что у него должно было находиться въ строю нѣсколько менѣе или болѣе 40,000 войскъ, у консуловъ же и у Порція было всего около 42,000 войскъ, слѣдовательно вообще силы съ обѣихъ сторонъ были почти равныя. Въ римской арміи, Клавдій Неронъ, съ войсками своего отряда (около 8,000), составлялъ правое крыло противъ галловъ, легіоны Порція—центръ противъ лигурійцевъ, а легіоны Ливія—лѣвое крыло противъ испанцевъ и африканцевъ. Такъ какъ поле сраженія было стѣснено въ ширину мѣстностью, то Аздрубаль построилъ свою армію въ 2, а консулы свои въ 3 линіи. Римская конница (не участвовавшая въ бою) по той же причинѣ была поставлена, вѣроятно, за 3-ею линіей.

Аздрубаль, съ рѣшимостью отчаянія твердо положившій побѣдить или погибнуть, первый открылъ бой сильною атакой Ливія своимъ правымъ крыломъ. Первый ударъ былъ чрезвычайно сильный и африканскія войска съ равнымъ успѣхомъ сражались съ 1-ю линіею Ливія. Слоны сначала привели было ее въ безпорядокъ, но когда обѣ первыя римскія линіи сблизились, слоны, стѣсненные сражавшимися, испуганные шумомъ сраженія и крикомъ сражавшихся, и поражаемы римлянами, нанесли столько же вреда собственнымъ войскамъ, сколько и римскимъ. Между тѣмъ Клавдій Неронъ, видя что мѣстность не позволяла ему атаковать галловъ ни съ фронта, ни во флангъ, равно и галламъ атаковать его самого,

искусно воспользовался тѣмъ для произведенія движенія и атаки, которыя должны были рѣшить побѣду. Оставивъ на мѣстѣ свои когорты 1-й линіи, онъ, подъ прикрытіемъ ихъ, двинулся съ когортами 2-й и 3-й линій позади римскихъ армій влѣво и атаковалъ испанцовъ (на крайнемъ правомъ флангѣ Аздрубала) во флангъ и въ тылъ. Тогда испанцы, атакованные съ трехъ сторонъ, были совершенно разбиты, а поражение ихъ постепенно перешло на африканцовъ, лигурійцевъ и наконецъ галловъ; послѣднія всѣхъ менѣе оказали сопротивленія и, почти не обороняясь, позволяли себя убивать или брать въ плѣнъ. Изъ 10 слоновъ, 6 были убиты ихъ же вожаками, а 4 взяты римлянами. Аздрубаль же, послѣ тщетныхъ успій поддержать порядокъ въ своихъ войскахъ и подвиговъ отчаянной личной храбрости, видя, что все погибло, бросился въ середину римскихъ когортъ и палъ достойною сына Амилкара и брата Аннибала смертію. Армія его претерпѣла такое поражение, которое было подобіемъ пораженія римлянъ при Каннахъ: за исключеніемъ 5,400 чел. взятыхъ въ плѣнъ и немногихъ успѣвшихъ спастись (въ томъ числѣ, вѣроятно, и конницы), почти всѣ остальные войска этой арміи, бывшія въ бою, были истреблены. Римляне же потеряли 8,000 чел., но освободили 4,000 римскихъ военнопленныхъ.

Разсматривая въ совокупности движенія и дѣйствія Аздрубала и римскихъ консуловъ, особенно Клавдія Нерона, до сраженія при Метаврѣ и въ самомъ этомъ сраженіи, нельзя не упрекнуть перваго и не воздать полной хвалы послѣднимъ. Несчастная судьба Аздрубала невольно возбуждаетъ полное участіе къ нему, но Аздрубаль самъ былъ виною ея, какъ упомянутымъ уже выше промедленіемъ въ Испаніи, Галліи и особенно при совершенно ненужной и бесполезной осадѣ Плаценціи, такъ и тѣмъ, что, съ самаго начала встрѣчи своей съ Порціемъ и Ливіемъ, не отступилъ передъ ними скрытно и тихо ночью, какъ обыкновенно отступалъ Аннибаль (не туша, а поддерживая огонь, и не въ 1-ю, а въ 3-ю стражу ночи передъ разсвѣтомъ) и не двинулся быстро обходомъ въ южную Италію, словомъ—всегда и во всемъ медлилъ и поступалъ неловко, не во-время и некстати, упуская изъ виду главную цѣль свою—соединеніе съ Аннибаломъ, который, напротивъ, никогда не дѣлалъ ничего подобнаго. И притомъ, къ довершенію своего несчастія, онъ, какъ нарочно, поступалъ такъ (разумѣется, не зная того) именно въ то время, когда Клавдій Неронъ задумалъ и съ удивительными: быстротою и успѣхомъ исполнилъ свое чрезвычайно смѣлое, даже отважное, но и чрезвычайно искусное движеніе отъ Канузія къ Фану, на соединеніе

съ Ливіемъ,—соединясь съ нимъ, настоялъ на немедленной атакѣ Аздрубала и наконецъ въ самомъ сраженіи, искусными своими движеніемъ на лѣвый флангъ Ливія и атакой праваго крыла Аздрубала во флангъ и въ тылъ, рѣшилъ побѣду, а съ нею и судьбу Аздрубала и даже самаго Аннибала. Планъ Клавдія Нерона, всѣ мѣры его къ успѣшному исполненію онаго, необыкновенны: быстрота и успѣхъ его движенія и вообще всѣ дѣйствія его до и во время сраженія при Метаврѣ, единогласно, справедливо и достойно восхваляются древними и новѣйшими историками и вполне заслуживаютъ того. Смѣлость и отважность движенія Клавдія Нерона заключались въ томъ, что могли подвергнуть ослабленную 6-ю тысячами отборныхъ войскъ армію Клавдія Нерона при Канузіѣ пораженію Аннибаломъ, а потому требовали столько же осторожности противъ послѣдняго, сколько, и даже еще болѣе, быстроты движенія отряда его, Клавдія Нерона. Но въ томъ и другомъ отношеніи Клавдій Неронъ принялъ всѣ необходимыя мѣры—и, какъ сказано выше, въ 7 сутокъ прошелъ 270 римскихъ миль отъ Канузія до Фана! При этомъ замѣчательно и достойно всякой похвалы также взаимное согласіе обомъ консуловъ между собою и военнаго совѣта съ вѣрнымъ мнѣніемъ Клавдія Нерона. Наконецъ слѣдуетъ сказать, что Клавдій Неронъ разсчитывалъ на нравственное вліяніе своего внезапнаго соединенія съ Ливіемъ на Аздрубала гораздо болѣе, нежели на усиленіе 34 т. войскъ Ливія своимъ 6-ти тысячнымъ отрядомъ—и не ошибся, какъ то и было объяснено выше въ отношеніи къ Аздрубалу. Такимъ образомъ вообще, во всемъ этомъ кратковременномъ, но въ высокой степени важномъ и замѣчательномъ періодѣ похода и даже войны, Клавдій Неронъ является истиннымъ героемъ его, гораздо выше Аздрубала и даже—говоря только исключительно объ этомъ времени—выше Аннибала. Дѣйствительно, совершенное бездѣйствіе послѣдняго при Канузіѣ во время отсутствія Клавдія Нерона—такая загадка, которую ничѣмъ невозможно объяснить. Правда, что письма Аздрубала были перехвачены и Аннибалъ, не получая отъ него извѣстій и не зная, гдѣ онъ находился, ждалъ только уведомленія о томъ, чтобы идти на соединеніе съ нимъ. Но какимъ образомъ онъ, обыкновенно столь осторожный и прозорливый, имѣвшій и многихъ лазутчиковъ, и такихъ отличныхъ развѣдчиковъ, какъ нумидійцы, цѣлыхъ двѣ педѣли (какъ увидимъ ниже) стоялъ противъ арміи Клавдія Нерона, подъ начальствомъ легата Кація, и не зналъ ничего о движеніи и отсутствіи Клавдія Нерона—по истинѣ непостижимо. Та часть исторіи Полибія, въ которой онъ въ подробности

говорилъ объ этомъ, къ сожалѣнію утрачена, почему и невозможно судить о причинахъ его бездѣйствія и невѣдѣнія объ отсутствіи и движеніи Клавдія Нерона. Нѣтъ сомнѣнія, впрочемъ, что у такого великаго полководца, какъ Аннибалъ, такія причины были и не безъ основанія, и что еслибы только онъ узналъ о движеніи Нерона, то навѣрное немедленно атаковалъ бы армію Кація, и еслибы разбилъ ее, то быстро двинулся бы на сѣверъ, на соединеніе съ Аздрубаломъ. Но счастье уже рѣшительно обратилось отъ него на сторону римлянъ—и побѣда при Метаврѣ была для него такимъ ударомъ, отъ котораго онъ уже не могъ оправиться, не такъ какъ римляне, которые, послѣ страшнаго побойща при Каннахъ, умѣли и успѣли не только оправиться, но и склонить судьбу войны рѣшительно на свою сторону.

Вѣсть о побѣдѣ при Метаврѣ произвела въ Римѣ такой всеобщій восторгъ, что, по словамъ Тита Ливія, три легата, посланные съ нею консуломъ Ливіемъ, едва могли протѣсниться до сената сквозь многочисленныя толпы народа, вышедшія на встрѣчу имъ за городскія ворота. Сенатъ назначилъ три дня общественныхъ молитвъ, а между тѣмъ герой побѣды—Клавдій Неронъ, въ слѣдующую же ночь послѣ сраженія, двинулся съ своимъ отрядомъ тѣмъ же путемъ обратно къ Капузію и шелъ еще скорѣе, такъ что вступилъ въ свой лагерь уже на 6-я сутки! А на слѣдующее утро онъ велѣлъ бросить отрубленную голову несчастнаго Аздрубала передовымъ стражамъ Аннибала и послалъ къ нему двухъ плѣнныхъ, для увѣдомленія о всемъ происшедшемъ. Аннибалъ, при всей твердости своего духа, пораженный, какъ громомъ, этимъ страшнымъ для него ударомъ, не могъ воздержаться отъ невольнаго восклицанія, что «ясно видить въ этомъ злосчастную судьбу Карфагена!» Нѣсколько дней спустя онъ двинулся въ Бруттій, гдѣ собралъ разбѣянные всюду гарнизоны свои и принудилъ жителей Метапонта и Луканіи, еще бывшихъ на его сторонѣ, покинуть свои города и послѣдовать за нимъ.

Въ Испаніи Ганнонъ, прибывшій изъ Карфагена съ войсками на смѣну Аздрубала, соединился съ Магономъ, воротившимся съ Балеарскихъ острововъ, и оба вмѣстѣ расположились лагеремъ въ земляхъ цельтиберянъ, для набора въ нихъ войскъ. Сципіонъ отрядилъ противъ нихъ легата

Сплана съ отрядомъ войскъ силой около 10 т. чел. пѣхоты и 500 чел. конницы. Спланъ совершилъ это движеніе такъ искусно, что напалъ совсѣмъ неожиданно на Магона, стоявшаго въ отдѣльномъ лагерѣ съ 9 т. цельтиберянъ, и взялъ его лагерь приступомъ, а затѣмъ разбилъ и взялъ въ плѣнъ Ганнона съ его арміей, прибывшаго слишкомъ поздно на помощь Магону. Послѣдній, съ 2 т. чел. пѣхоты и съ конницей спасся къ Аздрубалу, сыну Гисконову, находившемуся въ области Бэтикѣ (н. Андалузія), къ с. отъ Гадеса (н. Cadix). Сципіонъ двинулся противъ Аздрубала, но онъ размѣстилъ свои войска по гарнизонамъ и перешелъ въ Гадесѣ. Тогда Сципіонъ, вмѣсто осады всѣхъ этихъ городовъ, отрядилъ брата своего, Луція (извѣстнаго въ послѣдствіи подъ названіемъ азіятскаго) съ 10 т. чел. пѣхоты и 1 т. чел. конницы, для осады города Орингеса (находившагося въ нынѣшней области Севильѣ, между Ossuna и Ronda) главнаго складочнаго и опорнаго пункта карфагенянъ. Городъ этотъ былъ взятъ приступомъ и тогда Корнелій Сципіонъ расположился на зиму въ Тарраконѣ.

Съ другой стороны Валерій Левинъ съ флотомъ направился къ берегамъ Африки, разорилъ окрестности Утики (н. Боасхатръ, близъ Туниса), атаковалъ и разбилъ карфагенскій флотъ въ 70 судовъ, плившій въ Сицилію, взялъ 17 судовъ и потопилъ 4. А въ Греціи Сульпицій, соединивъ свой флотъ съ флотомъ Аттала, царя пергамскаго, произвелъ съ послѣднимъ нѣсколько предпріятій противъ владѣній Филиппа македонскаго и на зиму воротился въ Эгипу (н. Эгія, въ Аѳинскомъ заливѣ).

Въ концѣ лѣта римскій сенатъ, получивъ донесеніе Ливія, что арміи Порція (2 легіона) достаточно для Цизальпинской Галліи, постановилъ: Ливію воротиться въ Римъ съ своею арміей, а Клавдію Нерону лично безъ арміи, что означало, что первый удостоивался большаго триумфа, а второй малаго. Триумфъ этотъ былъ тѣмъ великолѣпнѣе, что былъ первымъ со времени начала этой войны. Ливій въѣхалъ въ Римъ на колесницѣ, сопровождаемый своими легіонами, а за ними слѣдовалъ Клавдій Неронъ одинъ, на конѣ, но взоры всѣхъ и похвалы воеповъ были обращены къ Клавдію Нерону, котораго всѣ провозглашали побѣдителемъ Аздрубала.

§ 47.

13-й походъ 206 года.

Бездѣйствіе въ Италіи; — сраженіе при Илингѣ въ Испаніи.

Въ Римѣ на этотъ годъ были выбраны: въ консулы — К. Цецилій Метелль и Ветурий Филонъ, а въ преторы — Сервилій, М. Цецилій Метелль, Клавдій Азеллій и Мамилій Турпиль. Такъ какъ побѣда при Метаврѣ совершенно измѣнила положеніе дѣлъ въ Италіи и Аннибалъ, лишенный всякой надежды на помощь изъ Испаніи и Карфагена, съ своею ослабленною арміею не могъ ничего предпринимать противъ Кануи и Тарента и былъ вынужденъ ограничиваться собственною обороною въ частяхъ Луканіи и Бруттіи, то сенатъ призналъ возможнымъ распустить 2 легіона Ливія и 3 легіона Фульвія и уменьшить армію до числа 19 легіоновъ, изъ которыхъ только 4 (т. е. 2 арміи) имѣли быть употреблены противъ Аннибала. Вслѣдствіе того послѣднему были противопоставлены оба консула съ 2-мя арміями или 4-мя легіонами, проконсулу Ливію съ 2 легіонами волоновъ Варрона была назначена Этрурія, претору Мамилію съ 2-мя легіонами Цорція — Цизальпинская Галлія, претору Сервилію съ каннскими легіонами — Сицилія, претору Клавдію съ 2-мя легіонами — Сардинія, претору Гостилию съ 2 легіонами — воротиться въ Римъ, Сципиону съ 4-мя легіонами — оставаться въ Испаніи, пропреторамъ Гостилию и Клавдію, каждому съ 1 легіономъ — оставаться въ Кануѣ и Тарентѣ, проконсулу Левину — передать претору Сервилію въ Сициліи 30 военныхъ судовъ, а съ остальными воротиться, и наконецъ Сулпицію — оставаться въ Греціи. Обоимъ консуламъ было приказано возвратиться въ дома всѣхъ сельскихъ жителей, которымъ прежде было повелѣно укрыться въ городахъ. Но большая часть этихъ сельскихъ жителей погибла во время войны или находилась въ арміяхъ, такъ что для сельскихъ работъ недоставало ни рабочихъ, ни скота. Однако многіе изъ землевладѣльцовъ воротились къ сельскимъ работамъ, особенно въ ближайшихъ къ Риму областяхъ; отдаленныя же на сѣверѣ и особенно на югѣ были болѣе или менѣе разорены войной.

Походъ былъ открытъ вступленіемъ консуловъ въ земли Консенціи (н. Cosenza), въ среднемъ Бруттіѣ, и разореніемъ ихъ. Но атакованные въ одномъ горномъ ущельѣ брутійцами и нумидійскими стрѣлками, консулы подверглись большой опасности, однако успѣли выбраться изъ ущелья и, двинув-

шись противъ луканцевъ, принудили ихъ покориться безъ боя.

Аннибалъ не трогался изъ Бруттіи и римляне не смѣли атаковать его въ немъ, такъ грозно еще было для нихъ одно имя его! Нѣтъ никакого сомнѣнія, что образъ дѣйствій его въ томъ трудномъ положеніи, въ которомъ онъ находился теперь, заслуживаетъ еще болѣе удивленія, нежели во времена наибольшихъ счастья и успѣховъ его. Уже болѣе 12-ти лѣтъ велъ онъ войну въ самомъ средоточіи владѣній Рима въ Италіи, вдали отъ Карфагена и Испаніи, съ разноплеменною арміею, постепенно уменьшавшеюся числомъ и силой, часто нуждавшеюся и въ жалованьѣ, и въ одеждѣ, и въ продовольствіи, переносившею немовѣрные труды, лишения и опасности, но, не смотря на то, никогда не разрывавшею узъ, соединявшихъ войска между собою и съ ихъ великимъ полководцемъ. Особенно послѣ пораженія и смерти Аздрубала Аннибалъ заслуживаетъ наибольшаго удивленія. Лишенный всѣхъ своихъ надеждъ, которыя онъ основывалъ на помощи арміи Аздрубала, вынужденный удалиться въ южную часть Бруттіи и только изъ нея извлекать все, что было необходимо для содержанія своей арміи, по уменьшать эти средства отнятіемъ рукъ отъ сельскихъ работъ и собирать подъ свои знамена колебавшіяся племена, которыхъ къ военной службѣ побуждала только алчность къ деньгамъ, грабежу и добычѣ, онъ умѣлъ однако всегда содержать такую армію въ строгихъ дисциплинѣ и повиновеніи. Совершенно покинутый на произволъ судьбы своимъ правительствомъ, помышлявшимъ только объ удержаніи за собою Испаніи, откуда оно добывало деньги, Аннибалъ только величіемъ и силою своего характера и искусства еще удерживался въ Италіи, такъ что двѣ и три римскія арміи, стѣсняяшія его, никогда не смѣли одновременно, совокупно и рѣшительно атаковать его, что было легко возможно имъ и каждый годъ болѣе и болѣе. И если вспомнить, что это были римскія арміи, перѣдко предводимыя отличными полководцами, то удивленіе къ Аннибалу возрастаетъ еще болѣе.

Но тамъ, гдѣ его не было, оружіе римлянъ торжествовало всюду, особенно тамъ, гдѣ, какъ въ Испаніи, былъ такой полководецъ, какъ уже много обѣщавшій молодой

Корнелій Сципіонъ. Аздрубалъ, сынъ Гископовъ, и Магонъ употребили всю зиму на пополненіе и преобразование своей арміи въ области Бетикѣ (н. Андалузія), на лѣвой сторонѣ р. Бетиса (н. Гуадалкивиръ), имѣя въ тылу за собою главнымъ складочнымъ и опорнымъ пунктомъ своимъ въ южной Испаніи приморскій городъ Гадесъ (н. Cadix). Въ началѣ весны, въ арміи ихъ уже было около 50 т. чел. пѣхоты и около 4,500 чел. конницы (въ томъ числѣ, какъ кажется, около 20 т. чел. африканской пѣхоты и около 1,500 чел. нумидійской конницы). Съ этою арміею они перешли черезъ р. Бетисъ и расположились лагеремъ на правомъ берегу ея, близъ города, который Полибій называетъ Илингой, а Титъ Ливій Сильпіей, и который, судя по описанію послѣдняго, долженъ былъ находиться на томъ мѣстѣ, гдѣ позже былъ городъ Иллина, еще позже называвшійся Италикой (Italica) и Старой Севильей (Sevilla veja), къ в. или къ ю. в. отъ нынѣшней Севильи, близъ Санъ-Лукара, на правомъ берегу р. Гуадалкивира. Лагерь Аздрубала и Магона былъ расположенъ на гребнѣ высотъ, у подошвы которыхъ растиалась равнина, замыкавшаяся съ противоположной стороны такими же высотами,—но въ какомъ положеніи въ отношеніи къ Бетису, фронтомъ, тыломъ или однимъ изъ фланговъ къ нему, изъ текстовъ Полибія и Тита Ливія не видно. Однако изъ послѣдующихъ дѣйствій должно, кажется, заключить, что онъ былъ расположенъ правымъ флангомъ въ направленіи къ р. Бетису, а фронтомъ къ сѣверо-востоку, откуда Аздрубалъ и Магонъ ожидали Сципіона.

Послѣдній также употребилъ зиму на усиленіе своей арміи (4 легіона) наборомъ вспомогательныхъ испанскихъ войскъ, однако такъ, чтобы число ихъ не превосходило числа римскихъ войскъ, потому что помнилъ бѣдственную участь отца и дяди своихъ, погибшихъ вслѣдствіе измѣны и отложенья испанцевъ. Для этого онъ послалъ легата своего Силана къ одному изъ могущественнѣйшихъ въ Испаніи владѣтельныхъ вождей, Колхасу, для полученія отъ него обѣщанныхъ имъ вспомогательныхъ войскъ, а самъ, оставивъ въ Тарраконѣ римскій гарнизонъ, двинулся на юго-западъ къ р. Бетису, вездѣ на пути оставляя въ городахъ римскіе гарнизоны и присоединяя къ себѣ вербованные вспомогательныя испанскія войска. Между Кастулономъ и Бэкулой на р. Бетисѣ, къ нему присоединился Силанъ съ 3 т. чел. пѣхоты и 500 чел. конницы испанскихъ войскъ, съ которыми силы арміи Сципіона возрасли приблизительно до 45 т. чел. пѣхоты и 3 т. чел. конницы (въ томъ числѣ римскихъ отъ 23 до 24 т. чел. и около 20—22 т. испанцевъ). Съ этою арміею онъ двинулся противъ

Аздрубала и Магона такъ, что отрѣзали ихъ отъ Гадеса и — какъ изъ послѣдующаго усмотрѣно будетъ — отъ р. Бетиса и расположился на противоположенныхъ картагенскому лагерю высотахъ, какъ кажется, лѣвымъ флангомъ въ направленіи къ р. Бетису.

Едва только войска Сципіона начали укрѣплять свой лагерь, какъ противъ нихъ двинулись: Магонъ — съ тяжелою конницею, а Массиниса — съ нумидійскою. Но Сципіонъ заранѣе принялъ мѣры противъ того, поставивъ свою конницу въ засаду, независимо отъ того, что укрѣпленіе лагеря прикрывала, по обыкновенію, легкая пѣхота, поддерживаемая сторожевыми когортами. Встрѣченная этими войсками съ фронта и атакованная римскою конницею изъ засады, конница Магона и Массиниссы была отражена съ уропомъ. Нѣсколько дней спустя, рано утромъ, обѣ арміи, римская прежде, вышли изъ своихъ лагерей и построились на равнинѣ, у подошвы высотъ, въ боевой порядокъ, слѣдующимъ образомъ:

Сципіонъ имѣлъ въ виду: 1-е не противопоставлять испанскимъ войскамъ испанскихъ, 2-е удерживая непріятеля въ центрѣ, сильно атаковать его съ обѣихъ фланговъ римскими: пѣхотою и конницею, легіонною пѣхотою — съ фронта, а легкою пѣхотою и конницею во флангъ и съ тыла. Вслѣдствіе того, онъ прежде всего двинулъ противъ непріятельскаго лагеря всю свою легкую пѣхоту и конницу, а подъ прикрытіемъ ихъ вышелъ самъ со всею тяжелою пѣхотою, которую построилъ въ серединѣ равнины, противъ непріятельскаго лагеря.

Аздрубалъ, увидавъ выступленіе римскихъ: легкой пѣхоты и конницы, выслалъ также и свои, а усмотрѣвъ вслѣдъ затѣмъ и выступленіе римской тяжелой или легіонной пѣхоты, поспѣшилъ самъ выйти съ своею тяжелою пѣхотою, которую и построилъ также на равнинѣ, противъ римской, въ одну линію, африканскую — въ центрѣ, а испанскую — на флангахъ. А когда Сципіонъ отозвалъ назадъ свою конницу, то и Аздрубалъ отозвалъ свою и поставилъ тяжелую на флангахъ пѣхоты, а нумидійскую на флангахъ тяжелой, слоновъ же передъ ними.

Между тѣмъ Сципіонъ съ своею тяжелою пѣхотою, прикрытой легкою, двинулся впередъ и, дойдя до линіи фронта непріятельской тяжелой пѣхоты шаговъ на 500, быстро перестроилъ свою тяжелую пѣхоту въ тотъ боевой порядокъ, въ которомъ хотѣлъ атаковать, а именно: испанскія войска — въ центрѣ, а римскія и союзныя — пополамъ на флангахъ, всѣ въ три линіи, по манипуламъ, въ шахматномъ порядкѣ, для пропуска велитовъ и конницы. Пока онъ строилъ эти войска, впередъ проходили бой между легкою пѣхотою, а когда кончили построеніе, то отозвалъ своихъ велитовъ и поставилъ ихъ

позади линій тяжелой пѣхоты, конницу же — за ними. Затѣмъ онъ немедленно построилъ тяжелую пѣхоту по когортамъ и двинулся впередъ, имѣя длину фронта меньшую противъ непріятельской, которая на обоихъ флангахъ своихъ была шаговъ на 150 длиннѣе римской. Подступивъ къ непріятельской линіи шаговъ на 200, онъ приказалъ испанцамъ въ центрѣ продолжать движеніе впередъ тихимъ шагомъ, а когортамъ и конницѣ сдѣлать захожденіе, правымъ — на право, а лѣвымъ — на лѣво; затѣмъ самъ Сципіонъ съ одною полною когортою на правомъ флангѣ, а Марцій и Силанъ съ такою же когортою на лѣвомъ, двинулись скорымъ шагомъ вкось, прямо къ оконечностямъ праваго и лѣваго фаланговъ непріятельской арміи, а за ними тѣмъ же шагомъ и въ томъ же направленіи послѣдовали всѣ остальные когорты праваго и лѣваго римскихъ фланговъ. Двигаясь такимъ образомъ, фланговые когорты были уже близъ непріятеля, когда испанскія войска были еще далеко отъ него. Первые изъ нихъ, приблизясь къ непріятелю, быстро развернули фронтъ передъ нимъ, на правомъ флангѣ — велиты и конница на право, а тяжелая пѣхота — на лѣво, а на лѣвомъ флангѣ — на оборотъ, тяжелая пѣхота — параллельно испанской пѣхотѣ непріятельской арміи, вровень съ ея флангами, а велиты и конница — далѣе ея наружнаго фланга. Затѣмъ велиты осыпали метательнымъ оружіемъ слоповъ, которые нанесли столько же и даже болѣе вреда собственнымъ, нежели римскимъ войскамъ, и въ одно и тоже время, на правомъ и на лѣвомъ флангахъ, римскія и союзныя войска вдругъ и стремительно атаковали фланговые непріятельскія: испанскую пѣхоту и тяжелую и легкую конницу, тяжелая пѣхота — съ фронта, а велиты и конница — захожденіемъ и заѣздомъ на лѣво и на право — во флангъ и въ тылъ.

Здѣсь изложенъ подробно постепенный ходъ движеній и построеній Сципіоновыхъ центра и фланговъ, но на самомъ дѣлѣ это было исполнено на походѣ, чрезвычайно скоро, стройно, точно, вѣрно и въ порядкѣ, такъ, что, говоря вообще, пока центръ подвигался впередъ очень медленно, оба крыла быстро опередили его въ косвенныхъ направленіяхъ и атаковали оба непріятельскія крыла съ фронта, фланговъ и тыла. Результатъ всѣхъ этихъ, чрезвычайно искусныхъ и замѣчательныхъ соображеній, движеній и построеній Сципіона былъ именно такой, какого онъ желалъ и ожидалъ. Картегенская конница была легко и скоро охвачена, атакована, опрокинута, разбита и разстѣяна; слоны бросились на свою пѣхоту, а испанцы, которые были не въ состояніи сопротивляться римской легионной пѣхотѣ, притомъ съ утра не ѣвшие и не пившіе, утомленные и приведенные въ безпорядокъ

и разстройство, были разбиты на голову. Еслибы африканская пѣхота въ центрѣ арміи Аздрубала не была устроена гораздо лучше испанской, то вся эта армія была бы истреблена; но пѣхота эта, дотолѣ удерживаемая испанскою въ центрѣ римской арміи, отступила въ большемъ порядкѣ, удержала преслѣдованіе римлянъ и тѣмъ спасла разбитые остатки своей арміи.

Сраженіе при Илингѣ и всѣ соображенія и распоряженія Сципіона передъ нимъ и въ продолженіе его изложены здѣсь съ нѣкоторою подробностью по той причинѣ, что во 1-хъ всѣми древними и новыми военными историками и писателями единогласно признаны образцовыми и чрезвычайно искусными и замѣчательными въ тактическомъ отношеніи, и дѣйствительно таковы, — и во 2-хъ въ стратегическомъ отношеніи также имѣли необыкновенно важные результаты и послѣдствія. Большая часть союзниковъ картегенянъ въ Испаніи немедленно отложилась отъ нихъ, а Аздрубаль хотѣлъ перейти на лѣвую сторону р. Бэтиса и отступить къ Гадесу, но расположеніемъ Сципіона былъ отрѣзанъ отъ того и другаго (доказательство, что онъ, непонятнымъ образомъ, сражался правымъ флангомъ къ Бэтису) и принужденъ идти внизъ по правому берегу Бэтиса. Но постигнутый Сципіономъ въ то время, когда хотѣлъ расположиться въ укрѣпленномъ лагерѣ на высотахъ близъ устья Бэтиса въ море, и значительно ослабленный истребленіемъ одной и бѣгствомъ другой части своихъ испанскихъ войскъ, былъ вторично разбитъ и только 6 тысячъ остатковъ его 50-ти-тысячной арміи успѣли спастись въ укрѣпленномъ лагерѣ близъ устья Бэтиса, а самъ Аздрубаль лично спасся моремъ въ Гадесъ. Сципіонъ же, оставивъ Силана съ 10 т. чел. пѣхоты и 1 т. чел. конницы противъ лагеря 6 т. картегенскихъ войскъ, возвратился въ Тарраконъ. Вскорѣ Магонъ также покинулъ остатки арміи и спасся въ Гадесъ. Лишенные начальника и надежды на помощь, эти остатки картегенской арміи сдались Силану, который затѣмъ присоединился къ Сципіону. Послѣдній, нѣсколько времени спустя, осадилъ Илитургисъ (и. Andujar), а Марцій въ тоже время Кастубонъ по близости: изъ нихъ первый городъ былъ взятъ приступомъ, а второй сдался, и Марцій былъ посланъ къ Астанѣ, близъ Гадеса (вѣроятно около и. Хереса близъ Кадикса). Вооруженные жители его вышли на встрѣчу Марцію, для боя съ нимъ, но были разбиты, а оставшіеся въ городѣ зажгли городъ и погибли въ огнѣ.

Между тѣмъ Сципіонъ, изъ Тарракона прибывшій въ Новый Картегенъ, заболѣлъ. Въ Испаніи распространился слухъ о его смерти, который возбудилъ возстаніе Индибилиса и Мандонія, владѣтельныхъ вождей племени части пынѣшней Каталоніи, а также

и 8 т. римскихъ войскъ, расположенныхъ лагеремъ близъ устья пинтисней р. Хукаръ, къ югу отъ Валенсін. Это послѣднее возстаніе было усмирено Сципіономъ, который, перейдя затѣмъ съ арміею на лѣвую сторону р. Ибера, разбилъ Индибилиса и Мандонія въ сраженіи и эти два вождя покорились снова. Затѣмъ Сципіонъ, оставивъ въ Тарраконѣ Силана съ частію войскъ, съ остальными двинулся къ Гадесу. Близъ этого города онъ заключилъ съ Массиниссой предварительныя условія мирнаго договора. А Магонъ, братъ Аннибала, находившійся въ Гадесѣ, получилъ отъ карфагенскаго сената деньги и приказаніе отправиться моремъ на флотъ въ Цизальпнскую Галлію и Лигурію, набрать тамъ наемныхъ войскъ и присоединиться съ ними къ Аннибалу. Захвативъ въ Гадесѣ всѣ деньги и богатства, какія только могъ найти въ немъ, Магонъ отправился моремъ на Балеарскіе острова, провѣлъ на меньшемъ изъ нихъ (Minorca) зиму въ укрѣпленномъ лагерѣ, который въ послѣдствіи обратился въ городъ, носящій и

нынѣ названіе порта Магона (Port Mahon). Аздрубаль, сынъ Гисконовъ, еще передъ тѣмъ отправился изъ Гадеса въ Африку, а по удаленіи и Магона изъ этого города, послѣдній сдался римлянамъ. Довершивъ этимъ покореніе Испаніи, Сципіонъ оставилъ въ ней римскую армію подъ начальствомъ легатовъ Корнелія Лентула и Манлія Ацидина, и отправился въ Римъ.

Такимъ образомъ побѣда Сципіона при Илпнѣ въ 206 году покорила Испанію римлянамъ, подобно тому, какъ побѣда при р. Метаврѣ въ 207 году, благодаря Клавдію Нерону, возстановила власть Рима въ Италиі, за исключеніемъ только части Бруттіи и Луканіи, въ которой еще держался грозный для Рима Аннибаль, и для окончанія войны оставалось только вытѣснить его наконецъ совершенно изъ Италиі и побѣдить Карфагенъ въ собственныхъ его владѣніяхъ въ Африкѣ. На переходъ же перевѣса войны на сторону Карфагена уже не было ни малѣйшей надежды.

§ 48.

14-й походъ 205 года.

Сципіонъ—консулъ;—планъ его;—дѣйствія Магона въ Лигуріи.

Въ Римѣ на этотъ годъ были выбраны: въ консулы — Корнелій Сципіонъ, покоритель Испаніи, единогласно, и Липциій Крассъ, а въ преторы — Лукрецій, Октавій, Сервилій Цепіонъ и Эмилій Папъ. Консулу Липциію былъ назначенъ Бруттія, а Сципіону Сицилія. Но общественное мнѣніе желало и требовало отъ послѣдняго гораздо болѣе, именно—окончанія наконецъ войны, столь долго продолжавшейся и столь для всѣхъ тягостной, единственнымъ средствомъ признавая перенесеніе войны въ Африку, для отозванія туда Аннибала на защиту Карфагена, а единственнымъ полководцемъ, способнымъ на то, считая Сципіона. Нѣтъ сомнѣнія, что мысль эту внушилъ и поддерживалъ самъ Сципіонъ и что она была вполне вѣрная. Ободренный своими успѣхами въ Испаніи, исполненный увѣренности въ самомъ себѣ, приготовившій несомнѣнныя средства успѣха, наконецъ побуждаемый честолюбивымъ желаніемъ кончить какъ можно скорѣе войну и побѣдить дотолѣ непобѣдимаго Аннибала, а съ нимъ и ненавистный Карфагенъ, Сципіонъ гласно возвѣщалъ, что выбранъ въ консулы для окончанія, а не для продленія войны, и что необходимо было предоставить ему перенесеніе оной въ Африку. Сенатъ подвергъ это своему обсужденію. Фабій и Фульвій, бывшіе дикта-

торъ и консулы, изъ зависти воспротивились предложенію Сципіона, но послѣдній опровергъ ихъ доводы, а остальные сенаторы, опасаясь, чтобъ онъ не обратился къ народу, вполне сочувствовавшему ему, избрали среднюю мѣру, которая худо скрывала ихъ нерасположеніе. Положено было—дозволить Сципіону переправиться въ Африку, если польза республики того потребуетъ, но для этого ему не было назначено ни войскъ, ни денегъ для снаряженія флота, какого въ Сициліи уже не было. Въ этомъ рѣшеніи своемъ, державный сенатъ римскій явилъ очень мало патріотизма и великодушія, но очень много низкихъ побужденій и малодушія!

Сципіонъ не захотѣлъ настаивать и спориться съ сенатомъ, а обратился къ союзникамъ Рима. Всѣ они, особенно этруски, умбры, сабиняне, марсы, нелиты, марруцины и вестины, поспѣшили отозваться на его призывъ и съ такою готовностью и въ такомъ изобиліи снабдили его людьми, деньгами, матеріалами, продовольствіемъ и проч., что уже 45 дней послѣ закладки перваго военно-морскаго судна, Сципіонъ вышелъ въ море съ 30-ю военными и 30-ю перевозными судами, на которыхъ, кромѣ морскихъ экипажей, было 7 т. волоптеровъ.

Арміи же были распредѣлены слѣдующимъ

образомъ: консулъ Лициній получилъ 2 легиона Ветурия, проконсулъ Метеллъ сохранилъ 2 свои легиона, проконсулъ Ливій остался въ Цизальпинской Галліи съ своими 2 легионами, преторъ Лукрецій получилъ 2 легиона Мамилія въ Цизальпинской Галліи, преторъ Октавій—2 легиона въ Сардиніи, преторъ Эмилиій—2 канпские легиона въ Сициліи, Корнелий и Манлій сохранили свои 4 легиона въ Испаніи съ званіемъ проконсуловъ, Клавдій и Гостилій остались въ Капуѣ и Тарентѣ, каждый съ 1 легиономъ, и наконецъ городскіе легионы 207-го года остались въ гарнизонѣ въ Римѣ, такъ что всего было опять 19 легионовъ на службѣ.

Въ началѣ лѣта Магонъ переправился на 30-ти судахъ съ острова Мипорки, съ набранными на немъ зимою 12 т. чел. пѣхоты и 2 т. ч. конницы, къ Генуѣ, которую нашелъ безъ войскъ и занялъ. Жителиныишней Албенги, воевавшіе съ прочими горными жителями приморскихъ Альповъ, призвали его на помощь. Магонъ оставилъ въ Савонѣ свои тяжести, съ 10-ю судами для охраненія ихъ, 20 остальныхъ отослалъ въ Кареагенъ и двинулся на-легкѣ въ земли албенгцовъ, съ которыми заключилъ союзъ. Этотъ союзъ и военная извѣстность Магона вскорѣ дозволили ему усилить свою небольшую армію галлами, отовсюду спѣшившими стать подъ его знамена. Римскій сенатъ, увѣдомленный объ этомъ, приказалъ Ливію съ его 2-мя легионами волоновъ стать въ Ариминіѣ, а Сервилию послать 2 городскіе легиона изъ Рима въ Аррецій.

Между тѣмъ въ Бруттіѣ арміи римскія и Аннибала оставались въ бездѣйствіи, вслѣдствіе свирѣпствовавшей въ нихъ чумы. Въ это именно время Аннибалъ, расположенный лагеремъ близъ Кротона, воздвигъ близъ храма Юноны Луцинійской памятникъ, на которомъ приказалъ начертать, на греческомъ и пуническомъ языкахъ, свои подвиги.

Близъ Сардиніи преторъ Октавій захватилъ 80 кареагенскихъ перевозныхъ судовъ съ продовольствіемъ.

Сципионъ, прибывъ въ Сицилію, занялся устройствомъ своихъ 7 т. волонтеровъ, въ видѣ легиона, и придалъ имъ 300 чел. конницы, набранной и снабженной лошадьми, оружіемъ и пр. на счетъ знатныхъ семействъ въ Сициліи.

Въ Испаніи Индибилісъ и Мандоній снова возстали и, соединясь съ седетанами (около н. Хироны) и илергетами (на правой сторонѣ р. Сегры, въ Аррагоніи), перешли черезъ р. Иберъ съ 30 т. чел. пѣхоты и 4 т. чел. конницы. Проконсулы немедленно двинулись противъ нихъ и вступили съ ними въ сраженіе, въ которомъ сначала 12-й легионъ сильно пострадалъ, но потомъ, когда 13-й легионъ вступилъ въ 1-ю линію, а конница непріятельская была опрокинута, вся остальная испанская армія бы-

ла разбита, съ уропомъ 13 т. чел. убитыми (въ томъ числѣ Индибилісъ) и 800 чел. взятыми въ плѣнъ. Вслѣдъ затѣмъ возставшіе испанцы покорились и выдали Мандонія и другихъ зачинщиковъ возстанія, которые и были казнены.

Между тѣмъ Сципионъ приказалъ исправить 30 военныхъ судовъ, находившихся въ Сициліи, а своему легату Лелію сдѣлать съ ними высадку въ Африкѣ. Лелій присталъ къ Гиппонѣ (Hippone Regium, н. Бона), и тогда кареагенскій сенатъ, устрешенный грозившею Кареагену опасностью вторженія Сципиона, задумалъ отвратить ее диверсіей въ Италиі, ускоривъ движеніе въ нее Магона. Для этого онъ послалъ ему 25 военныхъ судовъ, 6 т. чел. пѣхоты, 800 чел. конницы, 7 слоновъ и довольно значительную сумму денегъ, съ тѣмъ чтобы онъ какъ можно скорѣе набралъ войска и двинулся на соединеніе съ Аннибаломъ. Магонъ тотчасъ потребовалъ войскъ отъ галловъ и лигурійцевъ; но первые объявили невозможнымъ сдѣлать это открыто въ виду римской арміи, стоявшей въ Ариминіѣ, но обѣщали сдѣлать все возможное втайнѣ; — лигурійцы же, не имѣя тѣхъ же причинъ, обѣщали выставить войска черезъ два мѣсяца. А проконсулъ Ливій соединился съ Лукреціемъ и, вступивъ въ земли боіевъ, расположился такъ, чтобы наблюдать за Магономъ и пресградить ему путь въ южную Италию.

Въ Гиппонѣ Лелій имѣлъ свиданіе съ Массиниссой, который, будучи изгнанъ Сифаксомъ изъ своихъ владѣній, приглашалъ Сципиона ускорить своимъ прибытіемъ въ Африку, гдѣ обѣщалъ всѣми мѣрами содѣйствовать ему и особенно совѣтовалъ не довѣрять Сифаксу, склонявшемуся на сторону кареагенянъ. Но приговора Сципиона еще не были кончены и онъ былъ принужденъ отложить до времени свою переправу въ Африку. А между тѣмъ онъ нашелъ возможность воспользоваться своимъ пребываніемъ въ Сициліи, для исполненія одного предпріятія, которое уже пытался совершить консулъ Криспинъ (см. выше) и имѣвшее цѣлію еще болѣе стѣснить Аннибала въ южной Италиі, а именно—овладѣть городомъ Локры, что и удалось посредствомъ передачи ему одного изъ двухъ замковъ Локръ заговорщиками, склоненными къ тому локрійскими изгнанниками, жившими въ Регіѣ. Замокъ этотъ былъ внезапно взятъ частію римскаго гарнизона Регіи, а Амилкаръ, начальствовавшій кареагенскимъ гарнизономъ въ Локрахъ, отступилъ съ нимъ въ другой замокъ. Аннибалъ, узнавъ о томъ, приблизился къ этому замку и приказалъ Амилкару сдѣлать сильную вылазку въ то время, какъ онъ самъ произведетъ нападеніе на замокъ, занятый римлянами. Сципионъ, съ своей стороны, узнавъ о движеніи Аннибала къ Локрамъ, немедленно отплылъ изъ Мессены съ

частію флота и прибылъ къ Локрамъ вечеромъ того самаго дня, въ который Аннибалъ подступилъ къ этому городу. Ночью, высадившись на берегъ, Сципіонъ построилъ свои войска внутри города, позади его стѣнъ, и на слѣдующее утро, когда войска Аннибала подступили къ замку съ лѣстницами, Сципіонъ вышелъ изъ города и опрокинулъ ихъ съ урономъ. Аннибалъ, не ожидавшій этого и узнавшій о прибытіи Сципіона, въ слѣдующую ночь отступилъ отъ Локръ, приказавъ Амилкару очистить замокъ. А Сципіонъ, оставивъ въ Локрахъ гарнизонъ, воротился въ Сицилію.

Въ Греціи этолѣе заключили миръ съ Филиппомъ македонскимъ. Семпроній, посланный сенатомъ съ 10 т. чел. пѣхоты, 1 т. чел. конницы и 30-ю военными судами въ Грецію на смѣну Суллиція, старался помѣшатель этому миру, но послѣ нѣсколькихъ незначущихъ дѣлъ съ эприцами и ихъ союзниками, видя, что они наскучили войной, самъ склонился на мирныя предложенія Филиппа и заключилъ съ нимъ мирный договоръ, который въ слѣдующемъ 204 году былъ утвержденъ римскимъ сенатомъ, а Семпроній воротился съ своими войсками въ Римъ.

§ 49.

15-й походъ 204-го года.

Переправа Сципіона въ Африку; — дѣйствія и побѣды его въ ней; — двукратный бой при Кротонѣ въ Бруттій.

Въ Римѣ на этотъ годъ были выбраны: въ консулы—Корнелій Цетегъ и Семпроній Тудитанъ (бывшій въ Греціи), а въ преторы—Т. Клавдій Неронъ (не тотъ, что былъ консуломъ, а другой), Марцій Ролла, Скрибаний Либонъ и Помпоній Мато. Такъ какъ въ римскихъ и Аннибаловой арміяхъ въ южной Италіи свирѣпствовали чума и другія болѣзни, то положено было одну изъ двухъ армій тамъ распустить. Консулу Корнелію была назначена Этрурія съ 2-мя городскими легіонами, консулу Семпронию съ 2-мя новыми легіонами—Бруттій, претору Помпонию съ 2-мя канпскими легіонами—Сицилія, Сципіону, съ званіемъ проконсула и съ 2-мя сицилійскими легіонами и однимъ, набраннымъ имъ, и съ его флотомъ—также Сицилія, проконсулу Лицинію съ 2-мя легіонами—Бруттій, претору Скрибонию съ 2-мя легіонами—Цизальпийская Галлія, пропретору Лукрецію съ 2-мя легіонами—наблюденіе за Магономъ въ Лигуріи, проконсуламъ Корнелію и Манлію съ 2-мя (вмѣсто 4-хъ) легіонами—Испанія и наконецъ Клавдію и Гостилию, съ однимъ легіономъ каждому—Капуа и Тарентъ. Такимъ образомъ въ этомъ году на службѣ было опять 19 легіоновъ.

Въ началѣ года жители Локръ жаловались Сципіону на злоупотребленія и лихоимство назначеннаго въ этотъ городъ префекта Племиція. Но Сципіонъ, слишкомъ занятый своими военными приготовлениями или, можетъ быть, слишкомъ довѣрившій Племицію, не удовлетворилъ жалобы локрянъ, которые тогда принесли жалобу сенату. Здѣсь враги Сципіона и въ главѣ ихъ бывшій диктаторъ Фабій (къ стыду его) и почти всѣ главные сенаторы, изъ низкой

зависти къ Сципіону, требовали низложенія его и отозванія въ Римъ. Къ счастью сенатъ устыдился такого несправедливаго приговора и послалъ въ Локры и Сицилію претора Помпонию съ 2-мя народными трибунами и 10-ю слѣдователями, для изслѣдованія жалобы локрянъ. Слѣдствіемъ этого было то, что Племицій и 32 сообщника его были осуждены и заключены въ Римъ въ темницы (первое проявленіе между римлянами общественнаго лихоимства), Сципіонъ же не только былъ вполне оправданъ, но, по отзыву слѣдователей, признанъ единственнымъ человекомъ, который былъ въ состояніи окончить войну. Вслѣдствіе того сенатъ разрѣшилъ Сципіону переправиться въ Африку, когда и съ какими войсками онъ пожелаетъ, что приносило сенату много, а Фабію и врагамъ Сципіона очень мало чести.

Между тѣмъ въ Африкѣ Аздрубаль, сынъ Гисконовъ, нашелъ средство отклонить Сифакса отъ союза съ римлянами, выдавъ за него красавицу дочь свою, знаменитую Софонизбу, въ которую Сифаксъ влюбился. Подъ вліяніемъ ея, Сифаксъ послалъ сказать Сципіону, что если римляне переправятся въ Африку, то онъ будетъ принужденъ объявить себя противъ нихъ. Сципіонъ, дабы не лишиться также и помощи Массиниссы, пославшій отправиться въ Африку. Собралъ всѣ свои войска и флотъ въ Лилибеѣ, онъ уговорился съ Помпониемъ касательно состава арміи, предназначаемой въ Африку, и охраненія Сициліи. Изъ числа всѣхъ легіоновъ въ ихъ распоряженіи, Сципіонъ выбралъ преимущественно 2 канпскіе, принявшіе №№ 5-й и 6-й, потому что

они были составлены изъ самыхъ старыхъ, заслуженныхъ и опытныхъ воиновъ, приговоренныхъ служить до самаго конца войны за поражение при Каннахъ, въ которомъ, по мнѣнію Сципіона, не были виноваты. Выборъ ихъ произвелъ между ними восторгъ, очень понятный и тѣмъ болѣе, что они, какъ и всѣ прочія войска въ Сициліи, уже успѣли одѣлать высокія достоинства Сципіона и предаться ему всею душой. Сципіонъ усилилъ эти два легіона до числа 6,200 чел. пѣхоты и 300 чел. конницы каждый, уволивъ неспособныхъ къ службѣ ветерановъ и замѣнилъ ихъ волонтерами изъ прежде набраннаго дѣла легіона, усиленнаго до такого же числа пѣхоты и конницы. Образовавъ такимъ образомъ (съ легіонами союзниковъ) отличную армію, силой около 40 т. чел. пѣхоты и 2,700 чел. конницы, онъ посадилъ ее на 400 перевозныхъ судовъ и, подъ прикрытіемъ передовыхъ 40 военно-морскихъ судовъ, раздѣленных на 2 эскадры, отправился въ Африку, начальствуя лично правымъ крыломъ и имѣя подъ своимъ начальствомъ брата своего, Луція, а начальство надъ лѣвымъ крыломъ поручивъ вѣрному своему легату Лелію.

Совершивъ переѣздъ моремъ благополучно, онъ высадился на мысѣ къ западу отъ Карфагена и подступилъ съ арміею на 1 милю (около 1½ версты) къ Утикѣ (п. Боасхатъ, близъ Туниса), а флотъ его бросилъ якорь на рейдѣ этого города. Ужасъ распространился въ Карфагенѣ, не имѣвшемъ въ это время ни арміи, ни полководца для сопротивленія Сципіону, стоявшему почти подъ стѣнами столицы. Былъ только одинъ Аздрубаль, сынъ Гисконовъ, но и тотъ находился у Сифакса. Сенатъ немедленно послалъ къ нему, призывая его въ Карфагенъ и убѣждая склонить Сифакса къ вооруженію противъ Сципіона, а между тѣмъ началъ наскоро набирать войска и поручилъ Ганнону, сыну Амилькарову, съ 4 т. чел. конницы, наблюдать за Сципіономъ. Ганнонъ, сдѣлавъ нѣсколько развѣданій, небрежно расположился на квартирахъ въ одномъ мѣстечкѣ, мпяхъ въ 15-ти отъ римскаго лагеря. Сципіонъ, желая избавиться отъ Ганнонова отряда, послалъ противъ него Массиниссу, присоединившагося къ римской арміи съ пунидійскою конницею, силой около 2 т. чел., и самъ послѣдовалъ за нимъ съ римскою конницею, которую скрылъ въ засадѣ за холмами. Конница Ганнона, поспѣшно выступивъ съ своихъ квартиръ, оттѣснила Массиниссу до засады, но стремительно атакованная изъ нея римскою конницею, охваченная и окруженная Сципіономъ и Массиниссой, была разбита, обращена въ бѣгство и преслѣдована, потерявъ около 3 т. убитыми (въ томъ числѣ Ганнона и 200 знатныхъ кар-

оагенинъ) и взятыми въ плѣнъ. Вслѣдъ за тѣмъ Сципіонъ осадилъ Утику — и сдѣлалъ не сдѣлалъ того же, въ чемъ такъ упрекали Аннибала, когда онъ послѣ сраженія при Каннахъ не пошелъ къ Риму. Но обстоятельства были совершенно иныя: Аннибалъ справедливо не призналъ благоразумнымъ и осторожнымъ идти къ Риму, какъ было достаточно объяснено въ своемъ мѣстѣ выше; — Карфагенъ же былъ совершенно беззащитенъ, какъ внутри, такъ и извнѣ въ полѣ, и Сципіонъ, послѣ пораженія Ганнона, могъ бы съ своею отличною арміею овладѣть имъ или по крайней мѣрѣ обложить его съ сухаго пути и моря, оставивъ только часть войскъ для наблюденія за Утикой и прикрытія себя со стороны этого города. А пока онъ 40 дней осаждалъ Утику, Аздрубаль съ 50 т. чел. пѣхоты и 10 т. чел. конницы и Сифаксъ съ 30 т. чел. пѣхоты и 3 т. чел. конницы, всего съ 80 т. чел. пѣхоты и 13 т. чел. конницы — вдвое болѣе нежели у Сципіона — расположились лагеремъ недалеко отъ лагеря сего послѣдняго. Благопріятная минута была упущена, уже приближалась зима — и Сципіонъ счелъ болѣе благоразумнымъ снять осаду Утики и расположиться на зимнихъ квартирахъ. Перейдя за р. Баградасъ (п. Мегердахъ), онъ расположилъ свою армію въ томъ мѣстѣ на берегу моря, которое съ тѣхъ поръ называлось по его имени Корнелія — *Castra Cornelia* (п. Геллахъ), и вытащивъ суда своего флота на берегъ, оградилъ ихъ и армію укрѣпленнымъ лагеремъ. Предпочтеніе осады Утики движенію къ Карфагену, со стороны такого полководца, какъ Сципіонъ, нѣсколько непонятно и странно; но вѣроятно Сципіонъ имѣлъ на то достаточныя причины.

Въ Италіи войны, можно сказать, уже вовсе не было. Аннибалъ, совершенно стѣсненный въ окрестностяхъ Кротона — единственнаго пункта, остававшагося у него въ южной Италіи, былъ приведенъ въ полное бездѣйствіе. Единственная надежда его была на армію Магона, которую онъ былъ принужденъ выжидать, не отваживаясь идти на встрѣчу ей. Въ арміи его уже почти вовсе не было старыхъ воиновъ, сражавшихся при Треббін, Тразименскомъ озерѣ и Каннахъ: она была составлена изъ самаго разноплеменнаго и разнонароднаго сбора войскъ и не была довольно сильна для одержанія побѣды надъ 2-мя римскими арміями, постоянно стѣснявшими ее, но все еще не отваживавшимися атаковать — Аннибала! Его безпрестанно тревожили частными дѣйствіями малой войны, но атаковать его совокупными силами 2-хъ римскихъ консульскихъ армій (силой до 40,000 и болѣе войскъ) — никто изъ римскихъ полководцевъ не отваживался, таково было могущественное нравственное вліяніе одного имени его —

явленіе, болѣе или менѣе усматриваемое въ исторіи всѣхъ великихъ полководцевъ: каждый изъ нихъ, самъ по себѣ стоить цѣлой арміи! Однако и Марцеллъ, и Фульвій, и Клавдій Неронъ не боялись мѣряться силами съ нимъ, и съ успѣхомъ: но не всѣ римскіе полководцы были подобны имъ и благоразумная осторожность большей части изъ нихъ едва-ли не переходила уже за предѣлы и не доходила до робости, рѣзко противурѣчившей смѣлымъ до дерзости и суровымъ до жестокости дѣйствіямъ римскихъ полководцевъ противъ слабѣйшихъ — черта, не очень выгодная для римлянъ.

Однако консулъ Семпроній, едва прибывъ въ свою армію, дерзнулъ помѣряться съ Аннибаломъ и двинулся къ Кротону. Но Аннибалъ, какъ левъ, стѣсненный охотни-

камъ, атаковалъ отважнаго Семпронія врасплохъ и прогналъ его, съ урономъ около 1,200 чел., въ его лагерь, однако не считъ пужнымъ атаковать его въ немъ. Семпроній, получивъ такого рода острастку, призвалъ на соединеніе съ собою Луцція и ночью двинулся на встрѣчу ему. Соединясь съ нимъ, онъ воротился назадъ и отважился вызвать Аннибала на бой, который и былъ принятъ Аннибаломъ, но разрѣшился въ пользу не его, а Семпронія — и разбитый Аннибалъ, потерявъ около 4,000 человекъ, отступилъ къ Кротону.

Между тѣмъ Магонъ еще не предпринималъ движенія въ южную Италію, но Этрурія уже была готова возстать въ его пользу, однако была удержана въ повиновеніи передвиженіями и дѣйствіями консула Корнелія.

§ 50.

16-й и послѣдній въ Италіи походъ 203 года. — Дѣйствія и побѣды Сципіона въ Африкѣ; — пораженіе Магона; — удаленіе Аннибала изъ Италіи.

Въ Римѣ на этотъ годъ были выбраны: въ консулы — Сервилій Цепіонъ и Сервилій Гемпъ, а въ преторы — Корнелій Лентулъ, Квинктилій Варъ, Элій Петъ и Виллій Тапкулъ. Цепіону съ 2-мя легіонами Семпронія былъ назначенъ Брутій, Гемпу съ 2-мя легіонами Корнелія — Этрурія, Корнелію съ 2-мя легіонами Скрибонія — Цизальпинская Галлія, Семпронію — 2 легіона Лицинія въ Брутій, претору Квинктилію Вару — 2 легіона Лукреція въ Цизальпинской Галліи, претору Виллію съ 2-мя легіонами, съ 3,000 чел. новаго набора для пополненія ихъ и съ 13-ю военными судами для пополненія флота до числа 40 судовъ — Сицилія, а претору Лентулу съ 2-мя легіонами — Сардинія. Въ Испаніи были оставлены тѣ же проконсулы и та же армія. Сципіону продолжено было начальствованіе до окончанія войны. Пропретору Октавію было дано 13 военныхъ судовъ и 2,000 войскъ для обороны береговъ Сардиніи, а пропретору Марцію — 40 военныхъ судовъ и 3,000 войскъ для обороны береговъ Италіи. Наконецъ, были набраны 2 новые городскіе легіона, такъ что въ этомъ году всего на службѣ было 20 легіоновъ (около 185 или 190,000 войскъ) и 160 военныхъ судовъ.

Въ Африкѣ кареагеніе зимою, съ цѣлію выиграть время и замедлить дѣйствія Сципіона, поручили Сифаксу предложить послѣднему условія мира. Они надѣялись, что затянувъ переговоры, дадутъ время, или Магону — предпринять рѣшительное движеніе, которое принудило бы Сципіона воротиться въ Италію, или же Аннибалу воро-

титься въ Африку. Сципіонъ, помышлявшій не о мирѣ, а о томъ, чтобы избавиться отъ армій Аздрубала и Сифакса, охотно согласился на переговоры о мирѣ — для того, чтобы подъ этимъ предлогомъ развѣдать расположеніе и взаимныя сообщенія отдѣльных лагерей Аздрубала и Сифакса. Онъ послалъ къ Сифаксу уполномоченныхъ и даже согласился на временное прекращеніе военныхъ дѣйствій. А когда уполномоченные его, нѣсколько разъ ѣздившіе въ лагери Аздрубала и Сифакса, сообщили ему всѣ нужныя свѣдѣнія, изъ которыхъ онъ усмотрѣлъ, что оба лагеря были неправильно и дурно расположены и что служба въ нихъ исполнялась очень небрежно, тогда онъ прервалъ переговоры. Съ приближеніемъ же весны (въ февралѣ) онъ отрядилъ 2,000 войскъ для занятія того мѣста передъ Утикой, гдѣ онъ былъ расположенъ лагеремъ во время осады этого города, дабы обезпечить себя съ этой стороны, и началъ готовиться, по видимому, къ возобновленію этой осады. Аздрубалъ и Сифаксъ обратили на это все свое вниманіе, а Сципіонъ въ 1-ю стражу ночи (между 6 и 9 часовъ вечера) тихо вышелъ изъ своего лагеря, самъ съ одною половиною арміи, а Мелій съ другою, и оба въ одно и то же время ночью произвели внезапное нападеніе на оба лагеря, взяли ихъ съ боя и сожгли, и разбили Аздрубала и Сифакса на голову, нанеся имъ огромный уронъ — до 40,000 чел. убитыми и до 5,000 чел. (въ томъ числѣ 11 кареагенскихъ сенаторовъ) взятыми въ плѣнъ, съ 174 знаменами, 2,700 лошадьми и 6 слонами.

Однако, нѣсколько дней спустя, Аздрубаль и Сифаксъ, успѣвъ поспѣшно набрать новыя войска, получить подкрѣпленіе изъ 4,000 цельтиберянъ и собрать всего до 30,000 чел. войскъ, двинулись къ Утикѣ, осажденной Сципіономъ. Оставивъ часть войскъ для продолженія осады Утики, Сципіонъ съ главными силами своими двинулся на встрѣчу Аздрубалу и Сифаксу—и вторично разбилъ ихъ. Дабы не дать имъ снова соединиться, онъ послалъ, для преслѣдованія ихъ, Лелія и Массиниссу со всею римскою и нумидійскою конницею и съ отрядомъ отборной пѣхоты, а самъ, прежде нежелавъ воротиться къ Утикѣ, овладѣлъ городами въ окрестностяхъ Кареагена и въ томъ числѣ Тунесомъ, который нашелъ покинутымъ. Кареагеняне, сильно встревоженные осадой Утики, хотѣли съ моря заставить снять ее и, собравъ большой флотъ, послали его противъ Сципіонова. Такъ какъ послѣдній былъ гораздо слабѣе, то Сципіонъ приказалъ ему отступить во внутренность рейда и заслонить его 4-мя линіями перевозныхъ судовъ, поставленныхъ бокъ-о-бокъ, скрѣпленныхъ цѣпями и покрытыхъ бревенчатою настилкою, на которую Сципіонъ помѣстилъ 1,000 человекъ отборной пѣхоты и особенно стрѣлковъ. Какъ ни сильна была атака кареагенскаго флота, но оборона римлянъ была еще сильнѣе, такъ что кареагеняне были принуждены удалиться, только успѣвъ взять и увести съ собою 6 судовъ 1-й линіи.

Между тѣмъ Лелій, шедшій усиленными переходами, въ 15 сутокъ прибылъ во владѣнія Массиниссы, который и вступилъ безъ препятствія въ обладаніе имъ. Отсюда онъ и Лелій двинулись во владѣнія Сифакса, разбили его въ сраженіи, въ которомъ онъ былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ, вскорѣ овладѣли столицей его, Циртой, и всею областю его и затѣмъ воротились къ Сципіону. По возвращеніи ихъ, Сципіонъ съ частию арміи воротился въ Тунесъ, гдѣ окончилъ начатые укрѣпленія.

Стѣсненные такимъ образомъ со всѣхъ сторонъ, кареагеняне снова прибѣгли къ переговорамъ о мирѣ, чтобы только выиграть время. Уполномоченные ихъ согласились на всѣ условія Сципіона и просили перемирія, дабы отправить пословъ въ Римъ, что и было дозволено имъ. А кареагенскій сенатъ воспользовался тѣмъ, чтобы послать Аннибалу и Магону рѣшительное приказаніе воротиться въ Африку.

Между тѣмъ Магонъ двинулся въ Цизальпинскую Галлію и уже дошелъ до земель писубровъ. Проконсулъ Корнелій и преторъ Квинктилій двинулись противъ него и вызвали его на бой, а онъ, вмѣсто того, чтобы уклониться отъ боя, не признавъ нужнымъ отказаться отъ него. 11-й и 12-й легіоны Квинктилія были построены по когортамъ въ 1-й линіи, а 13-й и 14-й Корнелія —

точно также во 2-й. Магонъ построилъ свою армію также въ 2 линіи, а слоновъ поставилъ на флангахъ за конницею. Корнелій, видя, что непріятель упорно выдерживалъ бой съ 1-й линіей пѣхоты, предложилъ произвести общую атаку конницы. Квинктилій взялъ это на себя и съ сыномъ своимъ Маркомъ двинулся съ конницею всѣхъ четырехъ легіоновъ противъ непріятеля. Но Магонъ двинулъ противъ него слоновъ: испуганные ими лошади римской конницы стали на мѣстѣ и конница эта сильно пострадала отъ нумидійскихъ стрѣлковъ. И въ 1-й линіи пѣхоты 12-й легіонъ тоже сильно пострадалъ и едва удерживался. Корнелій двинулъ на помощь ему 13-й легіонъ изъ 2-й линіи, а Магонъ съ своей стороны—галловъ изъ своей 2-й линіи противъ этого легіона, но они были оттѣснены. Между тѣмъ гастаты 11-го легіона, построясь въ манипулы, атаковали слоновъ дротиками и опрокинули ихъ на собственные ихъ войска, которыя отъ этого пришли въ безпорядокъ и разстройство, а общая атака обѣихъ римскихъ линій увеличила ихъ еще болѣе и принудила всю армію Магона отступить. Пока Магонъ былъ въ первыхъ рядахъ, то поддерживалъ еще порядокъ въ своей арміи и въ ея отступленіи; но когда онъ былъ тяжело раненъ въ ногу выше колѣна и выцесенъ изъ боя почти умирающимъ, тогда вся армія его пришла въ совершенное разстройство и была разбита, съ потерей до 5,000 чел. убитыми и 18 знаменъ. Римляне потеряли 2,300 чел. убитыми, большею частию 12-го легіона, въ томъ числѣ 3-хъ военныхъ трибуновъ и 18 римскихъ всадниковъ.

Магонъ въ слѣдующую ночь отступилъ малыми переходами въ земли албенцовъ, гдѣ и получилъ приказаніе сената воротиться въ Африку, но умеръ отъ раны на морѣ близъ Сардиніи, а часть судовъ его была взята римскимъ флотомъ.

И такъ — и послѣдняя надежда угасла для Аннибала, и онъ остался одинъ въ Италіи у Кротона! Консулъ Цеціонъ уже покорилъ многіе города Бруттіи и большую часть этой области, и даже, по словамъ римскаго историка Валерія Анціата, будто бы разбилъ Аннибала близъ Кротона, но Титъ Ливій признаетъ это показаніе ложнымъ. Въ концѣ лѣта Аннибалъ получилъ приказаніе сената воротиться въ Африку. Глубоко-пригорбно было ему покидать Италію, свидѣтельству столькихъ побѣдъ его, изъ которой его исторгалъ молодой и счастливый римскій полководецъ, сразу отважившійся изложить Кареагенъ, тогда какъ онъ, побѣдитель при Капнахъ, не отважился напасть на Римъ. Горько было ему достигнуть такого несчастнаго результата отважнѣйшаго изъ предприятий, задуманныхъ и исполненныхъ до толѣ. Но — необходимо было повиноваться сенату и покориться судьбѣ, совершенно про-

тивной Карфагену — и онъ, оставивъ, лишь для виду, слабые гарнизоны въ нѣсколькихъ городкахъ Бруттія, еще бывшихъ въ его власти, съ остальными войсками своими, числомъ около 24 т. чел., сѣлъ на имѣвшіяся въ его распоряженіи суда (Карфагенъ

даже не прислалъ ему флота!), въ томъ мѣстѣ къ югу отъ Кротона, гдѣ онъ стоялъ лагеремъ и которое съ тѣхъ поръ называлось лагеремъ Аннибала (*castra Annibalidis*), а нынѣ называется *li Castelli* — и отправился въ Африку.

§ 51.

17-й и послѣдній въ войнѣ походъ 202-го года въ Африкѣ.

Сраженіе при Замѣ; — заключеніе мира.

Въ Римѣ на этотъ годъ были выбраны: въ консулы — М. Сервилій Гемпій и Т. Клавдій Неронъ. Изъ нихъ Сервилію съ 2-мя легіонами была назначена Этрурія, а Клавдію Нерону — флотъ изъ 50-ти военныхъ судовъ; претору Сексцію съ 2-мя легіонами — Цизальпийская Галлія, претору Ливію съ 2-мя легіонами — Бруттій, претору Тремелію съ 2-мя легіонами — Сицилія. 2 легіона были въ Испаніи, 1 въ Сардиніи, 2 городскіе въ Римѣ и 3 легіона у Сципіона въ Африкѣ. Слѣдовательно всего на службѣ было 16 легіоновъ.

Выше было сказано, что въ предыдущемъ году карфагеняне, для выигранія времени, просили и получили отъ Сципіона согласіе на заключеніе перемирія и отправленіе въ Римъ пословъ для переговоровъ о мирѣ. Послы эти, прибывъ въ Римъ, просили римскій сенатъ, чтобы миръ былъ заключенъ не на условіяхъ, указанныхъ Сципіономъ, но на тѣхъ, на которыхъ былъ заключенъ миръ, прекратившій 1-ю пуническую войну. Условія Сципіона заключались въ томъ, чтобы карфагеняне во 1-хъ возвратили всѣхъ римскихъ плѣнныхъ и переметчиковъ, во 2-хъ отказались отъ Испаніи, въ 3-хъ отозвали свои арміи изъ южной Италиі (Аннибала) и Цизальпийской Галліи (бывшую Магона), въ 4-хъ уступили всѣ острова между Италией и Африкой, въ 5-хъ выдали всѣ свои морскія суда, исключая 20-ти и въ 6-хъ выдали 500 т. мѣръ пшеницы и 300 т. мѣръ ячменя. Послѣ нѣсколькихъ переговоровъ и преній съ карфагенскими послами, римскій сенатъ отослалъ ихъ въ Африку къ Сципіону, дабы онъ самъ рѣшилъ ихъ просьбу.

Между тѣмъ преторъ Лентулъ послалъ Сципіону изъ Сардиніи моремъ 100 судовъ съ продовольствіемъ, а Октавій изъ Сициліи — 200 судовъ также съ продовольствіемъ, подъ прикрытіемъ 30-ти военныхъ судовъ. Первый транспортъ прибылъ благополучно, но второй, застиг-

нутый бурей у береговъ Африки, былъ выброшенъ, военные суда — на Аполлоновъ мысъ (н. Разъ-Зибель), а перевозныя — частью на островъ Эгмуръ, у входа въ карфагенскій заливъ, а частью къ югу отъ него, около мѣстности, носившей названіе *Aquae calidae* (теплыя воды, н. Хамаметъ). Корыстолюбіе и коварство карфагенянъ не устояли противъ удобнаго случая поживиться добычей отъ римлянъ, не смотря на перемиріе: карфагенскій сенатъ имѣлъ недобросовѣстность приказать Аздрубалу, съ 50-ю военными судами, захватить римскій транспортъ Октавія. Сципіонъ, справедливо раздраженный такимъ низкимъ коварствомъ, послалъ въ Карфагенъ моремъ трехъ изъ высшихъ военачальниковъ своихъ, требовать полного удовлетворенія. Но не только въ немъ было отказано, а даже римскіе послы были атакованы 3-мя карфагенскими военными судами и только по счастливому случаю успѣли спастись. Въ то же время къ Сципіону прибыли изъ Рима карфагенскіе послы, но онъ не захотѣлъ и слушать ихъ, отослалъ въ Карфагенъ и приготовился къ дѣятельному продолженію войны.

Это происходило еще въ концѣ 203-го года. Въ томъ же году, въ концѣ лѣта (въ августѣ) Аннибалъ, благополучно совершивъ переездъ моремъ изъ Италиі къ берегамъ Африки (не смотря на то, что у римлянъ въ Сициліи и у береговъ Италиі былъ большой флотъ), высадился у Лептиса (н. Лемта), близъ Адрумета, на восточномъ берегу Визакенской области, къ ю. в. отъ Карфагена. Давъ своимъ войскамъ нѣсколько дней отдыха, онъ перешелъ къ Адрумету (н. Геркла или Эркла) и присоединилъ къ себѣ остатки арміи Магона (около 12 т. чел.) и войска новонабранныя Карфагеномъ послѣ пораженія Аздрубала (также около 12 т. чел.), такъ что у него составила армія силой около 48 т. чел., которую онъ и сталъ устроить какъ можно лучше.

Сципіонъ, по прерваніи перемирія, упо-

требилъ зиму и часть весны 202-го года на овладѣніе остальными городами въ окрестностяхъ Карфагена, дабы совершенно отрѣзать его отъ внутренности страны. Аннибалъ же, не имѣя достаточно конницы, просилъ и получилъ отъ нумидійскаго царя Тихея, союзника Сифакса, 2 т. нумидійцевъ въ подкрѣпленіе. Дабы остановить разорительныя дѣйствія Сципіона и скорѣе кончить войну, либо прочнымъ и выгоднымъ миромъ, либо рѣшительнымъ сраженіемъ, онъ перешелъ отъ Адрумета къ Замѣ, въ 5-ти переходахъ (100 верстахъ) къ западу отъ Карфагена (положеніе Замы въ точности опредѣлить нельзя) и просилъ у Сципіона свиданія для переговоровъ. Сципіонъ, къ которому между тѣмъ Массинисса привелъ 6 т. чел. пѣхоты и 4 т. чел. конницы, расположился съ своею арміею близъ города Надогары или Наррагарры (близъ Замы, по положеніе его неизвѣстно) и изъявилъ согласіе на свиданіе съ Аннибаломъ, который и приблизился съ своею арміею къ лагерю Сципіона на разстояніе около 4-хъ миль (около 6 верстъ). На другой день эти два знаменитые полководца имѣли свиданіе и вели между собою переговоры, которые однако не имѣли никакого результата, потому, что Сципіонъ настаивалъ на безусловной покорности Карфагена.

На слѣдующій день (въ концѣ весны или началѣ лѣта) обѣ арміи въ одно время вышли изъ своихъ лагерей и построились на открытой равнинѣ, близъ города Замы, въ боевой порядокъ, слѣдующимъ образомъ:

У Сципіона были 3 римскіе и 3 союзные легіона, каждый въ 6,200 чел. войскъ, а всего въ нихъ: тяжелой пѣхоты 12 т. гастатовъ, 12 т. принциповъ и 6 т. триаріевъ, и того 30 т. чел., — легкой пѣхоты около 12 т. чел., всего пѣхоты 42 т. чел., — конницы римской и союзной 2,700 чел., нумидійской 4 т. и того 6,700 а всего всѣхъ войскъ — 48,700 или около 50 т. чел. — Сципіонъ построилъ свои 6 легіоновъ въ 3 линіи, по манипуламъ, гастатовъ — въ 1-й, съ промежутками въ длину фронта манипулъ, принциповъ — во 2-й и триаріевъ въ 3-й, но не въ шахматномъ порядкѣ, а манипулы за манипулами, съ цѣлю оставить между ними промежутки для пропуска слоновъ, которыхъ у Аннибала было видно много. Лелій съ легіонною римскою и союзною конницею былъ поставленъ на лѣвомъ крылѣ, а Массинисса съ нумидійцами — на правомъ. Легкую пѣхоту свою Сципіонъ поставилъ въ промежуткахъ 1-й линіи гастатовъ, дабы лучше прикрыть расположеніе 2-й и 3-й линій, и приказалъ открыть бой атакой слоповъ и, въ случаѣ оттѣспенія ими, завлечь ихъ въ промежутки манипулъ 1-й линіи, откуда наиболѣе проворные велиты должны были отступить за 3-ю линію, а прочіе — на право и на лѣво за 2-ю и 3-ю линіи.

Фронтъ римской тяжелой пѣхоты состоялъ такимъ образомъ изъ 60-ти манипулъ, въ 20 рядовъ каждая, на протяженіи 7,200 римскихъ футовъ (съ промежутками).

Аннибалъ, съ своей стороны, имѣлъ, по словамъ нѣкоторыхъ историковъ, всего около 50 т. войскъ, а по словамъ Полибія, въ 1-й линіи — 12 т. войскъ, обстоятельства же сраженія свидѣтельствуютъ, что во 2-й линіи онъ долженъ былъ имѣть почти столько же, а въ 3-й вдвое, т. е. 24 т.; число конницы у него въ точности неизвѣстно, но, кажется, было равное числу Сципіоновой или нѣсколько менѣе. Прикрывъ фронтъ своей арміи 80-ю слонами, Аннибалъ построилъ за ними въ 1-й линіи около 12 т. вспомогательныхъ войскъ лигурійскихъ, галльскихъ, балеарскихъ и мавританскихъ — остатковъ арміи Магона, фалангой въ 10 шеренгъ глубины, на протяженіи нѣсколько болѣе 3,600 римскихъ футовъ (слѣдовательно — вдвое короче фронта римской тяжелой пѣхоты). Во 2-й линіи, на обыкновенномъ разстояніи за 1-ю, Аннибалъ построилъ карфагенскую и африканскую тяжелую пѣхоту (набранную послѣ пораженія Аздрубала), почти въ томъ же числѣ 12 т. и въ томъ же строѣ. Въ 3-й линіи, въ разстояніи нѣсколько болѣе одной римской стадіи (125 геометрическихъ = 190 обыкновенныхъ шаговъ = около 70 сажень) за 2-ю линіею (слѣдовательно далѣе разстоянія между 1-ю и 2-ю линіями), онъ построилъ своихъ ветерановъ Итали, большею частію бруттійцевъ, числомъ около 24 т. чел., также въ строѣ фаланги, въ 10 шеренгъ глубины, на протяженіи, почти равнявшемся фронту римской тяжелой пѣхоты. На правомъ крылѣ, противъ Лелія, Аннибалъ поставилъ карфагенскую конницу, а на лѣвомъ, противъ Массиниссы — нумидійскую. Такого рода построеніе Аннибаломъ своей арміи было основано на знаніи имъ силы арміи Сципіона и обычныхъ строя и образа дѣйствій римскихъ войскъ въ бою. По протяженію фронта ихъ судя, что они построены по манипуламъ и что манипулы принциповъ станутъ, по обыкновенію, въ промежутки манипулъ гастатовъ, а триаріи едині останутся въ резервѣ, Аннибалъ, безъ сомнѣнія, надѣялся, что окончности римскихъ линій не будутъ въ состояніи охватить 1-й и 2-й его линій, не подвергаясь сами опасности быть охваченными его 3-ю линіею, и что поэтому первыя двѣ линіи его прорвутъ центръ римскихъ линій и что онъ довершитъ пораженіе ихъ своею 3-ю линіею еще прежде, нежели 3-я римская линія триаріевъ успѣетъ возстановить порядокъ и бой. Въ случаѣ же пораженія первыхъ двухъ линій своихъ, онъ, безъ сомнѣнія, надѣялся, что это произойдетъ не безъ безпорядка въ первыхъ двухъ линіяхъ римскихъ, которымъ и хотѣлъ воспользоваться для атаки ихъ

своею 3-ю линіей. Поэтому-то онъ и поставилъ 3-ю свою линію на такое разстояніе за 2-ю, чтобы опрокинутыя 1-я и 2-я линіи могли свободно отступить на право и на лѣво.

Когда скоро обѣ арміи были построены, Аннибалъ первый двинулъ впередъ всю линію слоповъ. Но обыкновенные у римлянъ, въ началѣ боя, звуки всѣхъ трубъ и роговъ, шумъ оружія и боевой крикъ испугали слоповъ и часть ихъ обратилась назадъ и привела въ безпорядокъ лѣвую фланговую нумидійскую конницу. Массинисса воспользовался тѣмъ и, ударивъ противъ этой конницы, легко опрокинулъ ее. Всѣ остальные слопы обратились на велитовъ, которыхъ смяли, но и сами были переранены ими и наконецъ большею частію, въ центрѣ, были загнаны въ промежутки римскихъ линій, а на правомъ крылѣ обратились назадъ и смяли карфагенскую конницу. Лелій также воспользовался тѣмъ и опрокинулъ эту конницу. Такимъ образомъ съ обѣихъ сторонъ осталась вся пѣхота, которая и двинулась одна противъ другой тихимъ шагомъ и въ порядкѣ, исключая 3-й линіи Аннибала, которая осталась на своемъ мѣстѣ. Но Сципіонъ обманулъ надежды и ожиданія Аннибала и, угадавъ намѣреніе его, вмѣсто того, чтобы двинуть принципы за гастатами, сдвинулъ послѣднихъ въ сомкнутый строй фаланги, одинаковаго протяженія съ фронтомъ 1-й линіи Аннибала, и стремительно атаковалъ ими эту послѣднюю, поддерживая ихъ 2-ю и 3-ю своими линіями. Ударъ гастатовъ былъ чрезвычайно сильный, а сопротивленіе 1-й линіи Аннибала — упорное; но наконецъ, будучи не въ состояніи сопротивляться гастатамъ, лучше вооруженнымъ и устроеннымъ, и не поддержанная своею 2-ю линіей, отъ страха подвинувшаяся съ своего мѣста, 1-я линія Аннибала была принуждена уступить и, полагая, что 2-я линія ее измѣнила, съ яростью напала на нее. 2-я линія, съ своей стороны, съ такою же яростью отчаянія, оборонялась противъ нея, такъ что съ обѣихъ сторонъ было довольно много убитыхъ и раненыхъ. А между тѣмъ гастаты тѣснили ихъ болѣе и болѣе, и тогда обѣ первыя линіи Аннибала обратились наконецъ противъ нихъ и привели ихъ въ нѣкоторое разстройство. Но 2-я линія принциповъ подоспѣла на помощь 1-й и первыя двѣ линіи Аннибала были окончательно опрокинуты, разбиты и почти совершенно истреблены. Остатки ихъ бросились на 3-ю линію и ее также привели въ разстройство, еслибы Аннибалъ не приказалъ ей выставить свои концы противъ нихъ.

Тогда Сципіонъ положилъ употребить другой, новый строй для атаки 3-й линіи Аннибала — лучшихъ его войскъ и послѣдняго его резерва. Такъ какъ эта линія имѣла

фронтъ почти вдвое болѣе длинный, нежели линія гастатовъ, и Сципіонъ не хотѣлъ, чтобы Аннибалъ охватилъ его, притомъ онъ былъ увѣренъ, что конница его воротится изъ преслѣдованія и поможетъ ему побѣдить Аннибала, то и не считалъ нужнымъ сохранять въ резервѣ свою 3-ю линію триаріевъ, а напротивъ самъ захотѣлъ охватить Аннибала. Вслѣдствіе того, приказавъ гастатамъ отступить и пока они строились на томъ мѣстѣ, гдѣ сначала пришли въ столкновеніе съ 1-ю линіею Аннибала, онъ велѣлъ впереди ихъ убрать раненыхъ и разбросанное оружіе и очистить мѣсто, принципамъ — сомкнуть свои манипулы на право и на лѣво и стать въ одну линію съ гастатами, на ихъ флангахъ, а триаріямъ — исполнить то же самое и стать на флангахъ принциповъ. Такимъ образомъ онъ построилъ всю свою тяжелую пѣхоту, въ строй фаланги, въ одну линію, значительно превосходившую длиною 3-ю линію Аннибала, и атаковала послѣднюю, двинувшуюся между тѣмъ впередъ. Бой возобновился съ новыми силой и упорствомъ, и былъ почти равный, потому что у Аннибала было около 24 т. войскъ, а у Сципіона, уже потерявшаго отъ 3 до 4 т. чел. — около 27 или 26 т., а вооруженіе и строй были почти одинаковые. Но когда Лелій и Массинисса воротились изъ преслѣдованія и атаковали линію Аннибала съ тыла, тогда она пришла въ безпорядокъ и разстройство. Большая часть войскъ ее была истреблена, а наименьшая спаслась бѣгствомъ, но на открытой равнинѣ была преслѣдована конницей Сципіона и понесла при этомъ большой уронъ. Карфагеняне потеряли всего до 20 т. чел. убитыми, около 20 т. плѣнными, 133 знамени и 11 слоповъ, а римляне около — 2 т. чел. убитыми.

Таково было это послѣднее сраженіе при Замѣ, рѣшившее судьбу войны и Карфагена. Побѣжденный Аннибалъ, провозгласивъ: конецъ Карфагену! спасся съ нѣсколькими всадниками въ Адруметъ. Побѣдителемъ же — Сципіонъ, разграбивъ лагерь Аннибала, воротился къ Утикѣ, гдѣ нашелъ претора Лентула съ 50 военными и 100 перевозными судами съ продовольствіемъ. Присоединивъ эту эскадру въ 50 судовъ къ своей, онъ отправился къ Карфагену, для обложенія его съ моря, между тѣмъ какъ легатъ его Кнеій Октавій долженъ былъ вести туда армію; для обложенія города съ сухаго пути (Лелій былъ посланъ въ Римъ съ извѣстіемъ о побѣдѣ). Въ виду Карфагена Сципіонъ встрѣтилъ морское судно съ карфагенскими послами, ѣхавшими просить мира. Назначивъ имъ прибыть въ Тунесъ, онъ воротился въ Утику, откуда двинулся съ своею арміею къ тому лагерю, который прежде занималъ при Тунесѣ. На пути туда онъ узналъ, что сынъ

Сифакса, Вермина, приближался съ арміей на помощь Картегену. Сципионъ отрядилъ противъ него всю свою конницу и часть пѣхоты. Вермина былъ разбитъ и едва спасся, потерявъ 15 т. чел. убитымъ, 1,200 чел. взятыми въ плѣнъ, 1,500 лошадей и 72 знамени.

Послѣ этой вторичной побѣды, Сципионъ предписалъ картегенянамъ слѣдующія условія: 1-е они имѣли сохранить за собою въ Африкѣ города, которыми владѣли въ ней до начала этой войны, равно ихъ общественныя и частныя имущества, 2-е — они имѣли сохранить также свои законы, управленіе и обычаи, и противъ Картегена не должны были болѣе производиться военныя дѣйствія, — 3-е они должны были возвратить римлянамъ все захваченное у нихъ во время перемирія и всѣхъ римскихъ плѣнныхъ и

переметчиковъ, — 4-е выдать всѣ военныя суда, исключая 10-ти, — 5-е не вести никакой войны безъ согласія римскаго сената, — 6-е возвратитъ Массиниссѣ всѣ владѣнія его и предковъ его, въ объемѣ, который будетъ указанъ, — 7-е выдать римской арміи продовольствія на 3 мѣсяца и жалованья до утвержденія мирнаго договора сенатомъ и народомъ римскими, — 8-е заплатить 10 т. талантовъ серебра въ 10 лѣтъ времени и 9-е выдать 100 заложниковъ изъ знатнѣйшихъ родовъ Картегена, по выбору Сципиона.

Эти условія были приняты картегенянами, утверждены римскимъ сенатомъ и народомъ и тѣмъ прекращена 2-я пуническая война, продолжавшаяся, со времени взятія Сагунта и объявленія войны, 18 лѣтъ.

ГЛАВА VIII.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

§ 52. Общій взглядъ на 2-ю пуническую войну и на дѣйствія въ ней картегенянъ и римлянъ. —

§ 53. Общій взглядъ на дѣйствія Аннибала во 2-й пунической войнѣ. — § 54. Общій выводъ объ Аннибалѣ, какъ полководцѣ, и объ образѣ и искусствѣ веденія имъ войны.

§ 52.

Общій взглядъ на 2-ю пуническую войну и на дѣйствія въ ней картегенянъ и римлянъ.

Изложивъ 2-ю пуническую войну въ частныхъ подробностяхъ ея, бросимъ общій взглядъ на нее въ военномъ отношеніи.

Двѣ могущественнѣйшія въ древности, но существенно отличныя одна отъ другой, республики: воинственная — римская и торговая — картегенская, послѣ перваго столкновенія между собою въ Сициліи, на морѣ и въ Африкѣ въ 1-й пунической войнѣ, кончившейся торжествомъ римской и униженіемъ картегенской, стали въ крайне враждебныя отношенія одна къ другой. Миръ, прекратившій 1-ю пуническую войну, не былъ и не могъ быть продолжительнымъ и прочнымъ, потому что непріязненные отношенія между Римомъ и Картегеномъ, посте-

пенно усиливаемыя дѣйствіями ихъ во время мира, Рима — въ Италіи, Сициліи, Сардиніи, Иллиріи, Истріи и Греціи, а Картегена — въ Испаніи, росли все болѣе и болѣе и привели наконецъ, такъ сказать, къ единоборству Рима и Картегена на жизни или смерти. Оба они рядомъ существовать долѣе не могли и одинъ изъ нихъ долженъ былъ погибнуть. Оба въ одинаковой мѣрѣ содѣйствовали окончательному разрыву, но произвелъ его не Римъ, а Картегенъ, въ лицѣ представителя сильнѣйшей въ немъ политической партіи Барцинской — Аннибала, на основаніи плана, задолго передъ тѣмъ задуманнаго Амилькаромъ и на половину исполненнаго имъ, зятемъ его Аздрубаломъ

и сыномъ Аннибаломъ. Взятіе и разрушеніе послѣднимъ покровительствуемаго Римомъ и союзнаго съ нимъ Сагунта послужили дѣйствительнымъ поводомъ къ явному разрыву и войнѣ, еще до объявленія оной римлянами. Затѣмъ Аннибалъ тотчасъ же двинулся черезъ Альпы въ Италію и открылъ въ ней самыя рѣшительныя наступательныя дѣйствія противъ Рима, которому въ три года времени нанесть, одинъ за другимъ, четыре удара, одинъ другого сильнѣе и жесточе, возстановилъ всю сѣверную и часть южной Италіи противъ Рима и привелъ послѣдній въ опаснѣйшее положеніе.

Такимъ образомъ война была начата Карфагеномъ и три года велена имъ, въ лицѣ Аннибала, самымъ рѣшительнымъ наступательнымъ образомъ, въ самой Италіи, въ самомъ средоточіи владѣній Рима, даже весьма близко отъ него. Римъ же, столь воинственный, гордый и грозный дотолѣ, атакованный рѣшительно, съ такой стороны, съ которой вовсе не ожидалъ того, сразу былъ отброшенъ на чуждую ему дотолѣ почву собственной обороны. Но впавъ въ какое-то непостижимое ослѣпленіе, слишкомъ гордый своими прежними военными успѣхами, слишкомъ привыкшій не обороняться, а нападать на другихъ, и не постигая еще, что за человекъ и полководецъ былъ Аннибалъ, явилъ не мудрость, а безразсудство и даже безуміе, избравъ, вмѣсто чистой, пассивной обороны — наступательную и избирая для исполненія ея, одного за другимъ, неспособнѣйшихъ полководцевъ — грубыя ошибки, не приносившія честі воинственно-мудрому дотолѣ Риму. Но это послужило ему на пользу, хорошею военно-практическою школой — и четыре жестокихъ удара, нанесенныхъ ему, возбудили его отъ усыпленія, сняли съ него завѣсу ослѣпленія и научили его новому, дотолѣ неизвѣстному ему и не употреблявшемуся имъ образу веденія войны — сначала чисто-оборонительной, а потомъ постепенно болѣе и болѣе наступательно-оборонительной, первую мысль о которой подалъ и первыя основанія которой положилъ диктаторъ Фабій. И съ тѣхъ поръ успѣхъ въ войнѣ тотчасъ началъ склоняться на сторону Рима противъ Карфагена, тѣмъ болѣе, что послѣдній, съ своей стороны, сталъ дѣйствовать постепенно болѣе и болѣе, не только безразсудно, но и недостойно. Вмѣсто того, чтобы въ рѣшительной войнѣ своей съ Римомъ въ Италіи, всѣми силами, средствами и способами поддерживать великаго полководца своего Аннибала, которому уже былъ обязанъ такими громадными первоначальными успѣхами, Карфагенъ, всегда торговый во всемъ и алчный къ деньгамъ, въ которыхъ признавалъ главную силу, обратилъ все свое вниманіе не на Италію, Римъ и Аннибала, а

на Испанію, откуда текла къ нему золотая рѣка, по не какъ главное основаніе для военныхъ дѣйствій противъ Рима въ Италіи, а лишь съ низкими, своекорыстными цѣлями всѣхъ прежнихъ своихъ завоеваній — обогащенія посредствомъ естественныхъ богатствъ завоеванныхъ странъ и торговли.

Такимъ образомъ, въ одно и то же время, военная политика Рима и Карфагена приняли совершенно противоположныя направленія, со стороны Рима — прямо и неуклонно къ главной цѣли низложенія Карфагена, сначала посредствомъ вытѣсненія Аннибала изъ Италіи, а карфагенянъ изъ Сициліи, Сардиніи и преимущественно изъ Испаніи, а со стороны Карфагена — къ второстепенной и ложной цѣли завоеванія и утвержденія въ Испаніи, что было не стремленіемъ къ главной цѣли войны, а уклоненіемъ отъ нея. Но въ этихъ противоположныхъ направленіяхъ съ обѣихъ сторонъ, какая огромная разница въ характерѣ дѣйствій: необыкновенная энергія, постоянство, твердость, рѣшительность, мудрость и искусство со стороны Рима — и, напротивъ, столь же необыкновенныя вялость, непостоянство, непоследовательность, медленность, нерѣшительность, слабость, неразуміе и неискусство дѣйствій со стороны Карфагена, въ особенности же его невнимательность и даже неблагодарность къ Аннибалу, пожертвованному имъ почти совершенно на произволъ судьбы! При такого рода военно-политическихъ дѣйствіяхъ Рима и Карфагена, могло-ли быть сомнительнымъ, на чью сторону окончательно склонится успѣхъ въ войнѣ! И онъ могъ бы склониться на сторону Рима не черезъ 18 лѣтъ войны, а гораздо скорѣе, еслибы не грозное и страшное для римлянъ, одно имя Аннибала. 15 лѣтъ послѣ сраженія при Каннахъ, не смотря на то, что Карфагенъ не поддерживалъ Аннибала въ Италіи, а Римъ и его искусные полководцы болѣе и болѣе стѣсняли его со всѣхъ сторонъ и наконецъ оттѣснили его въ самый южный Брутій, онъ не только удерживался въ Италіи, но и продолжалъ держать римлянъ и ихъ полководцевъ въ постоянномъ страхѣ. Это могущественное нравственное вліяніе его личности, въ соединеніи съ его высокимъ военнымъ искусствомъ, было причиной, что римскіе полководцы, начавъ дѣйствовать по системѣ Фабія — наступательно-оборонительной, наблюдательной, въ сильныхъ мѣстностяхъ укрѣпленныхъ лагеряхъ, — за нѣкоторыми исключеніями, говоря вообще, уже слишкомъ долго и буквально держались этой системы, и все изъ-за одного страха имени Аннибала. Имѣя, со времени сраженія при Каннахъ, постоянно отъ 20 до 25 легионовъ на разныхъ театрахъ военныхъ дѣйствій и по 2 и по 3 арміи (отъ 4-хъ до 12-ти легионовъ) противъ самаго Анни-

бала, они ни-разу не имѣли ни мысли, ни духа рѣшительно напасть на него этими совокупными арміями въ одно и тоже время, чѣмъ могли бы, если и не панести ему рѣшительное пораженіе, то во всякомъ случаѣ вытѣснить его изъ Италіи, гораздо ранѣе 203-го года. Да и въ 203 году не они его вытѣснили изъ Италіи, а отозвавшій его Карфагенъ, атакованный Сципіономъ въ Африкѣ. Удивительнымъ кажется, что нѣкоторые полководцы, какъ напримѣръ Марцеллъ, искусно пользуясь благоприятными обстоятельствами, не разъ успѣвали паносить Аннибалу частныя пораженія, но двигаться прямо и рѣшительно противъ него, съ совокупными силами 2-3 армій разомъ, у нихъ никогда не доставало смѣлости и духа. Каждый годъ противъ него выставались по крайней мѣрѣ 2 арміи, для наблюденія за нимъ и стѣсненія его, но не для рѣшительныхъ дѣйствій противъ него. Двѣ римскія арміи вмѣстѣ составляли до 40 т. войскъ, несравненно лучше вооруженныхъ, нежели почти то же число войскъ, которое Аннибалъ имѣлъ въ послѣдніе годы въ Италіи. Но если римскіе полководцы признавали недостаточнымъ эти 40 тыс. римскихъ войскъ противъ 40 тыс. войскъ Аннибала, то, въ виду скорѣйшаго вытѣсненія его изъ Италіи, всегда легко и удобно могли сосредоточить противъ него не 2, а 3 арміи (60 тыс.) и даже 4 (80 тыс.) и дѣйствовать рѣшительнымъ, наступательнымъ образомъ. Но они никогда не дѣлали этого, до самаго удаленія его изъ Италіи лишь съ 24 тыс. войскъ, по оставленіи въ Бруттіѣ можетъ быть не болѣе 5—6 тыс. въ гарнизонахъ. А причинами тому были — все та же высокая личность Аннибала, необыкновенное искусство его, нравственное вліяніе его на римлянъ и страхъ, внушаемый имъ лишь однимъ именемъ своимъ! — Можно сказать, что онъ одинъ стоилъ цѣлой многочисленной арміи и римляне даже съ 3-4 арміями не отважились бы рѣшительно дѣйствовать противъ него. А между тѣмъ они такъ же смѣло, отважно и рѣшительно, какъ обыкновенно прежде, дѣйствовали тамъ, гдѣ не имѣли противъ себя Аннибала, и въ южной, и въ средней, и въ сѣверной Италіи, и въ Сициліи, Сардиніи, Испаніи и Африкѣ. И такъ, какъ ни естественны понятенъ страхъ, который они питали къ Аннибалу, все-таки кажется, что эти исконны воинственные и храбрые римляне, имѣвшіе такое превосходное военное устройство и многочисленную войска, и всегда смѣлые и отважные — противъ слабѣйшихъ, были ужасно осторожными, чтобы не сказать боязливыми, передъ Аннибаломъ, котораго могли подавить двойною и тройною силой: ибо многіе случаи доказываютъ, что какъ ни великъ былъ онъ самъ лично, но войска его, особенно подъ конецъ, были болѣе или

менѣе плохи и при первой неудачѣ обращали тылъ и подвергались пораженію. Общимъ выводомъ изъ этого можетъ быть то, что хотя римляне послѣ сраженія при Каннахъ до конца 203-го года дѣйствовали противъ Аннибала очень благоразумно, осторожно и искусно, но не довольно смѣло, отважно и согласно съ обыкновеннымъ ихъ образомъ дѣйствій, и что еслибы они съ благоразуміемъ и осторожностью дѣйствій соединили болѣе смѣлость и отважность, то могли бы скорѣе вытѣснить Аннибала изъ Италіи и кончить войну. И еслибы у нихъ не явился такой достойный Аннибала соперникъ ему и искусный, смѣлый и отважный полководецъ, какъ Сципіонъ африканскій, перенесшій войну въ Африку, атаковавшій въ ней Карфагенъ, разбившій въ ней все его арміи и наконецъ самаго Аннибала, то какъ знать? — можетъ быть послѣдній продержался бы еще въ Италіи и война не была бы окончена такъ скоро. Примѣръ этого самаго Сципіона можетъ служить еще лучшимъ подтвержденіемъ тому. Отчего столь же искусный, сколько смѣлый и отважный планъ его перенести и кончить войну въ Африкѣ не только не пришелъ на умъ никому изъ полководцевъ Рима, но и возбудилъ въ сенатѣ и особенно въ Фабіѣ и старѣйшихъ сенаторахъ неодобреніе? Это приносило имъ столь же мало чести, сколько много Сципіону. Явился Сципіонъ ранѣе — и война была бы прекращена скорѣе. Замѣчательно, что начатая великимъ предпріятіемъ такого великаго полководца, какъ Аннибалъ, затянувшаяся вслѣдствіе недостойной политики Карфагена, излишней осторожности и недостаточной смѣлости римскихъ полководцевъ, при необыкновенныхъ, образцовыхъ дѣйствіяхъ Аннибала и особенно вліяніи и страхъ его имени, она была кончена, и очень скоро и рѣшительно, въ пользу Рима, такимъ же великимъ предпріятіемъ не менѣе великаго полководца, какъ Сципіонъ, и притомъ такого же молодого, какимъ Аннибалъ былъ въ началѣ войны. Много было у римлянъ искусныхъ полководцевъ въ этой войнѣ, но Сципіонъ, какъ и Аннибалъ, былъ — одинъ. Кто изъ нихъ стоялъ выше — будетъ сказано ниже.

И такъ вообще война, начатая Аннибаломъ и 3 года веденная имъ рѣшительнымъ наступательнымъ образомъ противъ Рима въ Италіи, а римлянами, неблагоразумно и неосторожно — также наступательно, 14 лѣтъ потомъ ведется и Аннибаломъ, и римлянами въ Италіи наступательно — оборонительно, а въ Сициліи, Испаніи и наконецъ въ Африкѣ римлянами болѣе и болѣе рѣшительно наступательно и окончательно самымъ рѣшительнымъ наступательнымъ образомъ въ Африкѣ Сципіономъ.

По самой этой причинѣ 2-я пуническая война, какъ вообще, такъ особенно въ наибольшей половинѣ своей съ 215 года до 203 включительно въ Италіи, чрезвычайно замѣчательна въ стратегическомъ отношеніи. До сихъ поръ, за исключеніемъ развѣ только походовъ Александра В., въ войнахъ древнихъ временъ главную роль играла тактика, стратегія же была очень проста и несложная. Участъ войнъ рѣшалась большею частію на поляхъ сраженій боемъ, и потому обѣ стороны или прямо на встрѣчу одна другой, вступали въ бой и одна побѣждала, другая претерпѣвала поражение, большею частію соединенное съ истребленіемъ ея арміи. Еслиже и случались дѣйствія, выходившія изъ этой обыкновенной колѣи, то или вслѣдствіе употребленія военныхъ хитростей, или же какихъ-нибудь особенныхъ соображеній искусныхъ полководцевъ. Но такихъ соображеній и дѣйствій, которыя проистекали бы отъ желанія не искать, а избѣгать боя, побѣдить непріятеля не силою оружія, а хитростью ума, не дѣйствіями въ бою, а движеніями въ полѣ, въ обходъ фланговъ, въ тылъ и на сообщенія, и т. п., встрѣчается очень мало и рѣдко, именно потому, что обѣ стороны одинаково дѣйствовали рѣшительнымъ наступательнымъ образомъ. Такъ дѣйствовали и народы Востока, и греки, и римляне до 2-й пунической войны и даже въ самой этой войнѣ, всегда и вездѣ, гдѣ не имѣли противъ себя Аннибала, а въ первые три года войны — даже и противъ Аннибала. Но со времени принятія ими Фабіевой системы наступательно-оборонительной войны, заставившей и Аннибала прибѣгнуть къ той же, въ южной Италіи, въ теченіи 13 лѣтъ отъ сраженія при Каннахъ до сраженія при Замѣ, мы впервые въ древности видимъ явленіе, можно сказать, совершенно новое. Обѣ стороны одинаково, или одна болѣе, другая менѣе, избѣгаютъ боя, располагаясь въ сильныхъ мѣстностяхъ, большею частію горною, укрѣпленныхъ лагеряхъ, зорко наблюдая и слѣдя одна за другою, передвигаясь изъ одного крѣпкаго лагеря въ другой, часто въ обходъ фланговъ, угрожая и сообщеніямъ, дѣйствуя мелкими отрядами и малою войною, противъ фуражировъ и отдѣльныхъ отрядовъ, отнимая одна у другой способы продовольствованія, укрѣпленные города внутри страны или на берегахъ моря, вступая иногда въ частный бой малыми частями, а въ большія сраженія въ открытомъ полѣ — рѣдко, только тогда развѣ, когда къ тому представлялся особенно благоприятный случай или рѣшительно невозможно было избѣгать сраженія, либо одной, либо обѣимъ сторонамъ. Такого образа дѣйствій, можно сказать положительно, никогда дотолѣ не было встрѣчаемо въ войнахъ древности, и это безспорно слѣдуетъ

признать явленіемъ, весьма замѣчательнымъ въ отношеніи къ искусству веденія войны, ибо ясно означаетъ преобладаніе хитрости, ума и искусства надъ простою и грубою вещественною силою, словомъ — по выраженію Юлія Цезаря — ума надъ мечомъ (*Julius Caesar non minus praecclarum censuit consilio quam gladio superare*).

Разсматривая дѣйствія римлянъ во 2-й, самой занимательной части войны, слѣдуетъ сказать, что въ это время они вели правильную войну, основанную на одномъ общемъ и на ежегодныхъ частныхъ предначертаніяхъ, измѣняемыхъ только въ подробностяхъ исполненія примѣнительно къ обстоятельствамъ. Они всегда располагали свои арміи такъ, чтобы прикрывать Римъ, ближайшія къ нему и другія, важнѣйшія по обстоятельствамъ, области Италіи, чтобы постоянно наблюдать за Аннибаломъ и постепенно стѣснять его, удерживать въ повиновеніи Цизальпинскую Галлію на сѣверѣ, Сицилію на югѣ, Сардинію на морѣ и Испанію на западѣ. При этомъ каждая армія въ южной, средней и сѣверной Италіи имѣла за собою обезпеченное основаніе дѣйствій — край, въ которомъ, въ одномъ главномъ и въ нѣсколькихъ второстепенныхъ, укрѣпленныхъ пунктахъ, находились ея военные склады продовольствія, подкрѣпленія и пр., и который служилъ ей опорой дѣйствій или убѣжищемъ въ случаѣ неудачи. Такими противъ Аннибала были для нихъ: сначала — Лаций, потомъ Кампанія и Самній и позже Луканія, Апулія и Калабрія, а въ нихъ главными опорными пунктами — Кануа и Тарентъ. Опираясь на нихъ, они дѣйствовали отдѣльными арміями, которыя находились въ связи между собою и въ случаѣ надобности соединялись, а потомъ снова раздѣлялись. Онѣ двигались противъ Аннибала, смотря по обстоятельствамъ, то медленно и осторожно, то необыкновенно быстро и рѣшительно. Многія изъ ихъ передвиженій особенно замѣчательны искусствомъ соображенія и быстротою и успѣхомъ исполненія. Однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ въ числѣ ихъ было движеніе Клавдія Нерона съ 6,000 войскъ къ р. Метавру въ 7 сутокъ и обратно въ 6. При этомъ образъ дѣйствій Аннибала, соединенный съ частымъ употребленіемъ военныхъ хитростей, засадъ и т. п., имѣлъ вліяніе и на римлянъ тѣмъ, что и они стали прибѣгать къ тому же и разставлять Аннибалу сѣти. При этомъ римскіе полководцы умѣли хранить свои намѣренія втайнѣ и проникать намѣренія своихъ противниковъ и даже перѣдко — самаго Аннибала. Войну они вели дѣятельно, но послѣ сраженія при Каннахъ чрезвычайно осторожно, въ послѣдствіи смѣлѣе, а подъ конецъ, какъ сказано, уже слишкомъ несмѣло и даже боязливо. Военныя дѣйствія они открывали обыкновенно раннею весною, съ

появленіемъ подножнаго корма, по иногда и лѣтомъ, а оканчивали рапѣ или позже осенью, располагаясь на зиму на квартирахъ или въ укрѣпленныхъ лагеряхъ. Иногда они и зимою производили частныя военныя дѣйствія отрядами, ведя малую войну. Ежегодно они выставляли въ поле, смотря по обстоятельствамъ, отъ 4-хъ до 6-ти армій (8-12 легионовъ римскихъ и столько же союзныхъ, слѣдовательно отъ 75,000 до 111,000 войскъ) въ Италиі и столько же въ Сициліи, Сардиніи и Испаніи, а всего отъ 10 до 13-ти армій (20-ти—24-хъ легионовъ римскихъ и отъ 150,000 до 200,000 и 220,000 войскъ!). Въ одномъ сраженіи при Капнахъ они имѣли, какъ извѣстно, 2 арміи=16 легионовъ=80,000 чел. пѣхоты и 7,200 чел. конницы. Сверхъ того они постоянно имѣли, особенно въ концѣ войны, нѣсколько флотовъ (отъ 50 до 100 военныхъ судовъ, съ большимъ числомъ перевозныхъ) у береговъ Италиі, Сициліи, Сардиніи и Испаніи. По этому можно судить, какого большаго развитія могли достигать и дѣйствительно достигали вооруженныя силы Рима, сухопутныя и морскія, во время 2-й пунической войны. Но это стоило огромныхъ издержекъ, такъ что уже въ половинѣ и даже въ началѣ войны казна государственная была въ крайнемъ истощеніи и только пожертвованіями богатыхъ сословій и частныхъ лицъ между римскими гражданами и союзниками могли быть удовлетворяемы необходимыя и весьма значительныя издержки войны. Результатомъ этого было то, что Римъ никогда не имѣлъ недостатка ни въ войскахъ, ни во флотахъ, ни въ средствахъ для содержанія ихъ. Къ концу же войны римляне уже начали уменьшать число своихъ войскъ и флотовъ въ Италиі, усиливая ихъ только въ Испаніи и наконецъ въ Сициліи и особенно въ Африкѣ. Продовольствованіе дѣйствовавшихъ войскъ производилось весьма тщательно и правильно, посредствомъ фуражировокъ и подвозовъ запасовъ продовольствія сухимъ путемъ, по рѣкамъ и моремъ. Склады продовольствія учреждались въ тылу армій, въ укрѣпленныхъ городахъ и лагеряхъ, сообщенія армій съ которыми были тщательно оберегаемы. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны устройство и обезпеченіе подвозовъ и складовъ продовольствія до и во время осады Капуи, а также и во время дѣйствій римскихъ армій противъ Аннибала въ Луканіи и Апуліи, Бруттіи и Калабріи. Обезпечивая собственныя сообщенія съ своими складами запасовъ, римскіе полководцы перѣдко прибѣгали къ дѣйствіямъ противъ сообщеній Аннибала съ его складами и даже противъ самыхъ этихъ складовъ, изъ чего съ обѣихъ сторонъ возникали вообще дѣйствія въ обходъ фланговъ и на сообщенія.

Въ отношеніи тактическихъ дѣйствій римскихъ войскъ въ бою, должно сказать, что въ сраженіяхъ Сципіона, Марцелла и другихъ лучшихъ римскихъ полководцевъ этого времени нерѣдко усматриваются болѣе или менѣе искусныя и замѣчательныя соображенія, построенія, движенія и дѣйствія. Но, вообще говоря, это были только случайныя и частныя видоизмѣненія одной и той же главной формы, остававшейся неизмѣнною, потому что и оружіе оставалось неизмѣненнымъ. Въ сущности, сраженія представляютъ все одно и то же явленіе: съ одной стороны легионъ въ три линіи, съ другой фаланга въ одну (у Аннибала съ половины войны болѣею частію въ двѣ линіи), съ обѣихъ сторонъ легкая пѣхота—впередъ, конница—по флангамъ, а у карфагенянъ, сверхъ того, слоны впередъ всей линіи или обонхъ крыль. Слоны, которыми справедливо пренебрегали Александръ В., но, къ удивленію, не пренебрегали Аннибалъ, и въ этой войнѣ, какъ болѣею частію и въ прежнихъ, наносили гораздо болѣе вреда собственнымъ войскамъ, нежели непріятельскимъ, обращаясь противъ нихъ и приводя ихъ въ безпорядокъ и разстройство, отчего часто бывали причиною пораженія ихъ. Постоянное, неизмѣнное, во всякомъ случаѣ, построеніе конницы по флангамъ всегда имѣло цѣлю охватываніе непріятеля и нападеніе на него съ фланговъ и тыла, что и случалось обыкновенно съ той или съ другой стороны, на одномъ или обонхъ флангахъ, и содѣйствовало побѣдѣ. Въ дѣйствіяхъ же тяжелой пѣхоты, легиона и фаланги, одного противъ другой, усматривается почти всегда одинаково простая фронтальная, параллельная атака и только рѣдко въ косвенномъ боевомъ порядкѣ, столь любимомъ Филиппомъ и Александромъ македонскими и греками со времени Эпаминонды, но не съ одного изъ фланговъ, а съ обонхъ, въ видѣ щипцовъ или клещей (келэмволонъ), или изъ центра, въ видѣ клина (эмволонъ). При этомъ строй легиона въ 3 линіи болѣею частію имѣлъ значительное и перѣдко рѣшительное преимущество передъ строемъ фаланги, и только въ искусныхъ рукахъ Аннибала фаланга одолѣвала легионъ. Но, вообще говоря, тактика въ этой войнѣ, какъ римская со стороны римлянъ, такъ и греческая со стороны карфагенянъ, не представляетъ ничего новаго и замѣчательнаго, и тактическія дѣйствія обѣихъ сторонъ, въ продолженіи всей войны, значительно уступаютъ стратегическимъ во 2-й половинѣ войны, со стороны Аннибала и римлянъ въ южной Италиі и Сципіона въ Испаніи и особенно въ Африкѣ.

Преслѣдованіе побѣжденнаго послѣ боя, съ такими же или подобными напряженіемъ силъ и энергіей, какъ со стороны Александра В., въ этой войнѣ рѣдко. Болѣею час-

тію побѣдитель ограничивался побѣдой въ бою, или и взятіемъ непріятельскаго лагерь, или, сверхъ того, недалнимъ преслѣдованіемъ побѣжденнаго конницей.

Въ поліорцетическомъ отношеніи, т. е. осады и обороны укрѣпленныхъ городовъ, римляне вообще стояли гораздо выше кароагенянъ и многія осады ихъ, особенно Сиракузъ Марцелломъ, а также Капуи и Тарента, отличаются большимъ искусствомъ и заслуживаютъ особеннаго вниманія. Одна только оборона Сиракузъ Архимедомъ стоитъ выше всѣхъ, и необыкновеннымъ искусствомъ своимъ еще болѣе возвышаетъ осаду и взятіе Сиракузъ Марцелломъ.

Въ заключеніе слѣдуетъ сказать, что изъ числа всѣхъ римскихъ полководцевъ, дѣйствовавшихъ въ этой войнѣ, выше всѣхъ стоятъ: временно, въ первые годы послѣ сраженія при Каннахъ—Фабій, какъ положившій первыя: начало и основаніе наступательно-оборонительной системы веденія войны римлянами, но потомъ не соотвѣтствовавшій болѣе потребностямъ времени и обстоятельствъ,—за нимъ Марцеллъ, положившій предѣлъ побѣдамъ Аннибала, самъ побѣждавшій его и взявшій Сиракузы, но въ особенности Сципіонъ, достойный соперникъ Аннибала, рѣшившій войну.

Что касается дѣйствій кароагенянъ и ихъ полководцевъ (кромѣ Аннибала) въ этой войнѣ, то о нихъ вообще можно сказать, что они значительно уступали во многихъ отношеніяхъ дѣйствіямъ римлянъ на всѣхъ театрахъ войны. Даже дѣйствія безспорно лучшихъ, послѣ Аннибала, кароагенскихъ полководцевъ, братьевъ его, Аздрубала и Магона, не отличаются особеннымъ искусствомъ, а нѣкоторыя изъ нихъ, какъ означено было при изложеніи ихъ, даже сопряжены были съ болѣвыми или меньшими ошибками. А по смерти Аздрубала и Магона, братьевъ Аннибаловыхъ, Аздрубаль, сынъ Гисконовъ, и Спфаксъ, до возвращенія Аннибала въ Африку, были болѣе нежели посредственными противниками Сципіона.

И такъ, по всѣмъ изложеннымъ выше причинамъ, 2-я пуническая война представляетъ изслѣдователю ея, въ военномъ отношеніи, чрезвычайную разнообразность, необыкновенную занимательность и высокую степень поучительности и заслуживаетъ полнаго вниманія и тщательнаго изученія.

Но все это возвышается въ особенности и еще болѣе—участіемъ и дѣйствіями въ ней Аннибала.

§ 53.

Общій взглядъ на дѣйствія Аннибала во 2-й пунической войнѣ.

Приведа въ исполненіе одно изъ величайшихъ военныхъ предпріятій древности, Аннибалъ былъ, отъ начала до конца, и главнымъ дѣятелемъ въ немъ, его душою и героемъ, и во все время 2-й пунической войны приковываетъ къ себѣ все вниманіе и возбуждаетъ въ высшей степени удивленіе изслѣдователя ея.

Если основная мысль движенія изъ Испаніи чрезъ Пиренеи, Галлію и Альпы и введенія войны въ Италію была наслѣдована Аннибаломъ отъ отца и дяди своихъ, то ближайшее соображеніе и самое исполненіе ея вполне принадлежали ему и уже одни достаточны были бы для увѣковѣченія его имени. Предпріятіе его поражаетъ своею необыкновенною смѣлостью, но не было безразсудною и дерзкою отважностью, потому что заранѣе было глубоко соображено, вѣрно рассчитано, тщательно приготовлено и падежно обезпечено прочнымъ утвержденіемъ власти Кароагена въ Испаніи, оставленіемъ въ ней Аздрубала и Ганнона съ частію силъ и развѣданіемъ путей чрезъ Пиренеи, Галлію и Альпы въ Италію, свойствъ и способовъ края и расположенія жителей его на этихъ путяхъ. Затѣмъ са-

мое исполненіе этого предпріятія было произведено съ такими необыкновенными: силою воли, твердостью, мужествомъ, рѣшительностью и искусствомъ, что было увѣнчано полнымъ успѣхомъ.

По переходѣ черезъ Альпы начинается первый періодъ рѣшительныхъ наступательныхъ дѣйствій Аннибала въ Цизальпинской Галліи, средней и южной Италиі. Веденныя съ малыми силами противъ непріятеля, превосходнаго числомъ и военными: устройствомъ и духомъ, съ рѣшительною цѣлію боя, дѣйствія эти являютъ сочетаніе смѣлости и рѣшительности, благоразумной осторожности и тонкой хитрости, мудрой политики и высокаго искусства въ соображеніи и исполненіи. И плодами ихъ были четыре рѣшительныя и блистательныя побѣды при Тицинѣ, Треббінѣ, Тразименскомъ озерѣ и Каннахъ, которыя, вмѣстѣ съ превосходнымъ движеніемъ изъ Лигурии чрезъ болота р. Арно, въ тылъ и на сообщенія Фламинія съ Римомъ, достойны стать на ряду съ переходомъ черезъ Альпы и придаютъ первой половинѣ войны Аннибала въ Италиі особенно яркій блескъ.

Сраженіемъ при Каннахъ оканчивается

первый и начинается второй периодъ дѣйствій Аннибала въ Италіи. Счастливая звѣзда его начинаетъ меркнуть — и война, въ глазахъ историка политическаго, уже почти рѣшенная въ пользу Рима въ Италіи, отселѣ пріобрѣтаетъ болѣе важности въ Испаніи и позже въ Африкѣ, и потому Аннибалъ болѣе извѣстенъ по своимъ дѣйствіямъ до сраженія при Каннахъ, нежели послѣ него. Но военный историкъ и всякій военный человѣкъ смотрятъ на это иначе: въ глазахъ ихъ, если Аннибалъ великъ до сраженія при Каннахъ, то послѣ него онъ является еще болѣе великимъ. Съ того именно времени, когда римляне начали слѣдовать Фабіеву осторожному образу веденія войны наступательно-оборонительной и противупоставлять Аннибалу лучшихъ своихъ полководцевъ, все измѣнилось для него. Почти вовсе неподдерживаемый своимъ правительствомъ и какъ-бы совершенно предоставленный имъ на произволъ судьбы, принужденный съ слабыми силами своими, въ болѣе и болѣе тѣсномъ кругу дѣйствій въ южной Италіи, вести трудную и опасную наступательно-оборонительную войну противъ искуснаго и безпрестанно усиливавшагося непріятеля, Аннибалъ рѣшительно превзошелъ все, что военная исторія предшествовавшихъ временъ древности представляетъ лучшаго и искуснѣйшаго въ веденіи этого рода войны. При несоразмѣрной числительной слабости своей, онъ дѣйствовалъ не совокупными силами и не съ цѣлю боя, какъ въ первой половинѣ войны, но съ силами раздѣленными, съ цѣлю удерживать и охранять занятія имъ земли и города въ нихъ, собирать въ нихъ нужныя для веденія войны средства и способы, отвлекать вниманіе и силы непріятеля отъ важныхъ для него, Аннибала, пунктовъ, держать противниковъ своихъ въ бездѣйствіи, либо утомлять и ослаблять ихъ передвиженіями и частными, при каждомъ удобномъ случаѣ, нападеніями и пораженіями. Такого рода наступательно-оборонительныя дѣйствія въ южной Италіи, мало-по-малу перешедшія въ чисто-оборонительныя въ Бруттіѣ, при чрезвычайномъ разнообразіи представляютъ преобладаніе

хитрости, и высокую степень искусства, и по-истинѣ должны быть названы образцовыми. Въ это именно время, внимательно слѣдя за всѣми движеніями Аннибала, среди нѣсколькихъ римскихъ армій, видимъ его уже совершенно лишеннымъ всякой помощи и всякаго пособія со стороны картегенскаго правительства, постепенно болѣе и болѣе стѣсняются созданные имъ въ южной Италіи средства и способы, и вмѣстѣ съ отдѣльными отрядами своими, онъ самъ нерѣдко претерпѣваетъ частыя неудачи и пораженія. И завсѣмъ тѣмъ, онъ, единственно силою своего генія, почти цѣлыя 13 лѣтъ сопротивляется римлянамъ и удерживается въ Италіи, нерѣдко даже побѣждая римлянъ и постоянно заставляя ихъ страпиться одного имени своего. Видя все это, невольно проникаешься еще болѣе глубокимъ удивленіемъ къ нему, нежели въ первой половинѣ войны. Въ это именно время геній его является въ болѣе еще, нежели прежде, силѣ и блескѣ, хотя подвиги Аннибала и не столь блистательны и громки. И можно почти съ увѣренностью сказать, что еслибы онъ съ самаго начала былъ въ время надлежащимъ образомъ поддерживаемъ своимъ правительствомъ и не былъ наконецъ отозванъ имъ въ Африку, то и не былъ бы вытѣсненъ изъ Италіи и война могла бы имѣть совершенно иные результаты.

Но когда и Аздрубалъ, и Магонъ, братья Аннибаловы, были убиты, а арміи ихъ разбиты, и самъ Аннибалъ былъ отозванъ изъ Италіи въ Африку, тогда уже все было потеряно для Картегена и единственная надежда его заключалась въ Аннибалѣ и его арміи, или лучше сказать, въ одномъ Аннибалѣ. И онъ сдѣлалъ все, что только было въ его власти, для облегченія судьбы Картегена или одержанія побѣды надъ Сципіономъ. Но счастье рѣшительно измѣнилось ему: стеченіе самыхъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ обратило противъ него невѣрные случайности сраженія, беспильны и тщетны были великія дарованія его противъ превратностей судьбы — и съ побѣдою надъ нимъ Сципіона при Замѣ рѣшены были и война, и участь Картегена.

§ 54.

Общій выводъ объ Аннибалѣ, какъ полководцѣ, и объ образѣ и искусствѣ веденія имъ войны.

Соединивъ всѣ черты характера и дѣйствій Аннибала, изобразимъ его какъ самостоятельнаго полководца, въ полномъ развитіи силъ и дѣятельности, равно образъ и искусство веденія имъ войны. При этомъ занимательно и поучительно будетъ сравнить его съ Александромъ В. и указать чер-

ты какъ сходства, такъ и различія въ характерѣ, средствахъ, обстоятельствахъ, положеніи, образѣ и искусствѣ дѣйствій обоихъ.

И прежде всего слѣдуетъ сказать, что и Аннибалъ, подобно Александру В., также является въ себѣ соединеніе необыкновенныхъ дарованій, доблестей и совершенствъ

воспыхъ, и въ тѣлесномъ, и въ душевномъ, и въ умственномъ отношеніяхъ.

Не обладая, кажется, ни красотою, ни силою тѣлесными, которыми былъ одаренъ Александръ В., Аннибалъ, подобно ему, отличался однако необыкновенною крѣпостью тѣла и въ равной съ нимъ степени былъ въ состояніи переносить и переносилъ всевозможныя переменныя воздуха, непогоды, лишения и труды. Но въ зрѣломъ возрастѣ, какъ и въ первой молодости, онъ всегда одинаково пренебрегалъ удобствами и наслажденіями жизни, соблюдалъ строгія воздержность и умѣренность, и велъ жизнь простую, суровую и дѣятельную.

Онъ былъ одаренъ душою, если не столь пылкою и восторженною, какъ Александрова, то столь же великою, мощною и твердою, дѣятельною и неутомимою, исполненною столь же возвышенныхъ и благородныхъ чувствъ. Подобно Александру В., онъ не былъ отъ природы ни жестокъ, ни мстителенъ, не былъ также ни коваренъ, ни вѣроломъ, какъ, изъ ненависти къ нему, оклеветали его римляне и Титъ Ливій. Если же въ войнѣ въ Италиі онъ и обнаруживалъ иногда мстительность и жестокость въ отношеніи къ римлянамъ, то былъ увлекаемъ къ тому своею глубокою ненавистью къ Риму, въ которой взросъ и былъ воспитанъ и которая съ ранней молодости завладѣли всѣми способностями души его. Но онъ не имѣлъ вспыльчиваго и раздражительнаго нрава Александра, и хотя также не терпѣлъ ни противурѣчій, ни сопротивленія, но гораздо лучше умѣлъ умѣрять свои страсти и скрывать свои мысли и чувства, ни словами, ни знаками, ни даже измѣщеніемъ въ чертахъ лица не обнаруживая ихъ никому, даже самымъ близкимъ къ себѣ людямъ. Эта-то власть Аннибала надъ самимъ собою, соединенная съ скрытностью нрава, и подала Титу Ливию поводъ къ обвиненію его въ коварствѣ — обвиненію, въ которомъ нѣтъ и тѣни справедливости.

Въ Аннибалѣ, какъ и въ Александрѣ, необыкновенная сила ума была соединена съ необыкновенною силою воли, но въ подлежащемъ, постоянномъ равновѣсіи, которое, по мнѣнію Наполеона I, существенно необходимо для полководца; но въ Александрѣ это равновѣсіе перѣдко было нарушаемо избыткомъ пылкости и перевѣсомъ воли надъ разсудкомъ. Причины такого различія заключались, какъ въ личномъ характерѣ Александра и Аннибала, такъ и въ возрастѣ, въ которомъ каждый изъ нихъ совершилъ свои военные подвиги, а именно: первый — между 20-мъ и 32-мъ годами своей жизни, а второй — между 25-мъ и 44-мъ, слѣдовательно послѣдній въ возрастѣ болѣе зрѣломъ, нежели первый.

Необыкновенный умъ Аннибала отличался особенными: основательностью, глубиною, об-

ширностью, прозорливостью и обнаруживавшимися во всѣхъ его поступкахъ и рѣчахъ: остротою, тонкостью и хитростью. Онъ былъ также украшенъ разнообразными знаніями, потому что, какъ уже было сказано выше, Аннибалъ смолodu получилъ тщательное греческое образованіе и въ этомъ отношеніи стоялъ гораздо выше римскихъ полководцевъ, потому что греческая образованность въ это время еще не была распространена между римлянами.

Подобно тому, какъ сила ума Аннибала проявлялась во всѣхъ его дѣйствіяхъ основательностью, обдуманностью и искусствомъ соображенія, такъ и сила его воли, соединенная съ предпріимчивостью, смѣлостью и твердостью духа, обнаруживалась въ труднѣйшихъ и опаснѣйшихъ обстоятельствахъ рѣшительностью, постоянствомъ и даже настойчивостью и упорствомъ въ исполненіи.

Подобно Александру, Аннибалъ былъ неутомимъ въ трудахъ, неустрашимъ въ опасностяхъ и храбръ въ бояхъ, но, какъ замѣчаетъ Полибій, въ бою не забывалъ долга полководца и, безъ особенныхъ нужды и пользы, не бросался опрометчиво въ рукопашный бой и не подвергалъ своей жизни опасности, какъ рядовой воинъ.

Подобно Александру, и Аннибалъ имѣлъ необыкновенное нравственное вліяніе на свои войска, даръ соблюдать между ними военные подчиненность и порядокъ, излишнею строгостью не отнимая у нихъ охоты служить и не вынуждая ихъ къ побѣгамъ, и въ то же время даръ внушать имъ неограниченную любовь и уваженіе, преданность и довѣріе къ нему, мужество, твердость и терпѣніе въ труднѣйшихъ и опаснѣйшихъ обстоятельствахъ и блистательную храбрость въ бояхъ. Подобно Александру, и онъ достигалъ этого постоянными и неусыпными: заботливостью о нихъ и ихъ нуждахъ, кроткимъ, привѣтливымъ обращеніемъ съ ними, справедливостью награды и наказаній, личнымъ своимъ примѣромъ и необыкновеннымъ даромъ слова. Высоко цѣня даръ этотъ въ Пиррѣ (котораго онъ особенно цѣнилъ и уважалъ) и ставя этотъ даръ наравнѣ съ совершеннымъ знаніемъ военного дѣла, которыми, по его мнѣнію, обладалъ этотъ государь-полководецъ, Аннибалъ и самъ отличался даромъ слова, заключавшимся не въ ораторскихъ: многословіи и краснорѣчіи, но въ глубинѣ и вѣрности мыслей, выражаемыхъ немногими словами, съ необыкновенною силою убѣжденія, если судить объ этомъ, не столько по боевымъ рѣчамъ, приводимымъ и можетъ быть сочиненнымъ историками, сколько по многимъ остроумнымъ изреченіямъ его, изъ устныхъ преданій перешедшимъ въ исторію.

Но если и Александръ и Аннибалъ одинаковыми средствами одинаково достигали

приобрѣтенія любви и довѣрія къ себѣ своихъ войскъ и соблюденія между ними строгихъ военныхъ подчиненности и порядка, то замѣтимъ, что для Аннибала это было несравненно труднѣе и приносило ему гораздо болѣе чести и славы, особенно во 2-й половинѣ войны. Въ Италіи онъ руководствовалъ арміей самаго разнороднаго состава, изъ войскъ разноплеменныхъ, различныхъ между собою и по происхожденію, и по нравамъ и обычаямъ, и по языку, Александръ же въ Азіи — арміей, ядро и главную силу которой составляли однородныя, отлично-устроенныя и одушевленные войска македонскія и греческія. А между тѣмъ, въ 16 лѣтъ войны войска Аннибала ни разу не отказали ему въ довѣріи и повиновеніи (исключая, можетъ быть, передачи римлянамъ 1272-хъ чел. испанской и нумидійской конницы въ 215 году, послѣ 2-го боя при Нолѣ, и нѣкоторыхъ другихъ частныхъ случаевъ побѣговъ изъ его армій къ римлянамъ), ни разу не обезчестили себя своеволіемъ, буйствомъ или явнымъ бунтомъ, хотя очень часто были принуждены переносить труды, терпѣть лишенія и преодолевать опасности, подлинно немовѣрныя. Напротивъ того, въ арміи Александра, уже въ половинѣ его походовъ въ Азіи, стали возникать неудовольствіе, ропотъ и даже заговоры, и наконецъ явное сопротивленіе всей арміи на р. Гифазѣ идти далѣе на востокъ — принудило Александра остановить побѣдопосное шествіе свое къ Гангу и Индійскому морю и предпринять обратный походъ въ Персію.

Подобно Александру, и Аннибалъ былъ честолюбивъ, но честолюбіе его, какъ и Александрово, было самое естественное и возвышенное, потому что имѣло источникомъ — любовь къ отечеству и ненависть къ Риму, цѣлю — низложеніемъ Рима возвысить Карфагенъ. Великая душа Аннибала жаждала чести и славы, но не для себя лично и была непричастна властолюбію, корыстолюбію или другимъ какимъ-либо низкимъ побужденіямъ.

Во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и Аннибалъ, подобно Александру, являлъ политику мудрую и искусную, но притомъ тонкую и хитрую. Рѣдкимъ умѣніемъ завязывать тайныя сношенія, вести переговоры и склонять на свою сторону и силою убѣжденія, и ласкательствомъ, и дарами, и угрозами, ловко и искусно употребляемыми въ дѣйствіе, во время и кстати, порою подкрѣпленными силою оружія, онъ умѣлъ привлекать къ себѣ и удерживать на своей сторонѣ трансальпийскихъ и цизальпийскихъ галловъ, и большую часть народовъ Италіи. Почти вся Кампанія, Самній, Апулія, Луканія, Калабрія и Бруттій были въ союзѣ съ нимъ и оказывали ему болѣе или менѣе дѣятельныя пособіе и содѣйствіе, капуанцы изъ союзни-

ковъ Рима превратились въ жестокихъ враговъ его, Этрурія была въ броженіи и колебалась, и изъ 30-ти римскихъ колоній, 12 отказали Риму въ содѣйствіи! И все это было плодомъ политики Аннибала, тѣмъ болѣе искусной, чѣмъ ему труднѣе было, нежели Александру, привлекать къ себѣ и удерживать на своей сторонѣ союзниковъ, отторгая ихъ отъ Рима и возбуждая противъ него, потому что, при всей ненависти своей къ нему, трансальпийскіе и цизальпийскіе галлы были народъ крайне легкомысленный и непостоянный, и потому союзники мало надежныя, народы же Италіи чрезвычайно боялись Рима и мщенія его въ случаѣ неудачи Аннибала.

Несоразмѣрность силъ, средствъ и способовъ Аннибала съ громадностью и величіемъ его предпріятія, препятствіями и затрудненіями, съ которыми ему нужно было бороться, съ силами, средствами и способами Рима, съ продолжительностью войны, съ одержанными имъ успѣхами и достигнутыми имъ результатами, была еще значительнѣе и разительнѣе, нежели у Александра. Изъ 100 т. войскъ, которыя онъ имѣлъ въ Новомъ Карфагенѣ, только 26 т. перешли черезъ Альпы и открыли войну противъ сильнаго и грознаго Рима, и съ тѣхъ поръ силы Аннибала въ Италіи никогда не превышали 40 — 50 т. войскъ, между тѣмъ какъ римляне постоянно имѣли отъ 50 до 70 т. (а при Каннахъ даже до 90 т.) противъ него одного, не считая войскъ, дѣйствовавшихъ противъ его отрядовъ. Не имѣя ни флота, ни сообщеній моремъ съ Карфагеномъ и Испаніей, и почти не получая подкрѣпленій и пособій отъ своего правительства, Аннибалъ былъ принужденъ всѣ свои средства и способы къ веденію войны создавать самъ, армію же свою пополнять и усиливать наборами у своихъ союзниковъ, всячески лаская и щадя ихъ и тщательно избѣгая насильственныхъ мѣръ. А потому и сбереженіе, и пополненіе, и успленіе своихъ войскъ было для него гораздо труднѣе, нежели для Александра.

Рѣдкій полководецъ, при необыкновенныхъ военныхъ дарованіяхъ и всѣхъ правахъ на удачу, былъ болѣе Аннибала подверженъ превратностямъ судьбы и измѣчивости счастья, — рѣдкій былъ болѣе его несчастливъ, но и болѣе великъ въ своемъ несчастіи, — рѣдкій, наконецъ, возбуждаетъ тѣмъ и болѣе участія къ себѣ. Въ этомъ именно и заключается одна изъ самыхъ разительныхъ чертъ различія между Александромъ и Аннибаломъ. Счастіе никогда не измѣняло Александру, но измѣнило Аннибалу уже послѣ сраженія при Каннахъ, въ 4-мъ году 16-ти лѣтней войны его противъ Рима. Александръ былъ всегда и надъ всѣми побѣдителемъ, Аннибалъ же только до сраженія при Каннахъ, а послѣ него,

при всемъ своемъ искусствѣ, претерпѣвалъ частыя неудачи и пораженія, изъ которыхъ послѣднее при Замѣ даже рѣшило войну въ пользу Рима. Все постоянно благопріятствовало Александру въ войнѣ въ Азіи, напротивъ все постоянно неблагопріятствовало Аннибалу въ послѣднія 13 лѣтъ войны его въ Италіи и Африкѣ. Александръ былъ и полководецъ, и монархъ, неограниченно располагавшій силами, средствами и способами Македоніи и завоеванныхъ имъ странъ и отчасти Греціи. Аннибалъ же былъ только полководцемъ, подчиненнымъ карфагенскому правительству, вполне зависимымъ отъ него и не только не поддерживаемымъ имъ какъ слѣдовало, но и постоянно встрѣчавшимъ сопротивление и противудѣйствіе со стороны Ганнона и его партіи, и потому долженъ былъ вести войну тѣми силами, средствами и способами, которыя имѣлъ въ своемъ распоряженіи и получалъ отъ своихъ союзниковъ въ Италіи. Александръ велъ войну противъ государства, находившагося на высшей степени внутренняго, гражданскаго и военнаго, разстройства и въ которомъ господствовавшій народъ — выродившіеся, изнѣженные, невоинственные и малодушные персы имѣли самое жалкое военное устройство и самыя грубыя понятія о военномъ дѣлѣ; прочіе же народы Азіи, храбро и упорно сопротивлявшіеся Александру, были народы дикіе или полудикіе. Притомъ Александръ, за исключеніемъ одного Мемпона, не имѣлъ противъ себя ни одного способнаго, свѣдущаго и искуснаго полководца. Аннибалъ же, напротивъ, велъ войну съ государствомъ, находившимся въ полномъ развитіи силъ, имѣвшимъ превосходное военное устройство, неистощимыя силы, средства и способы и мудрое правительство, — съ народомъ мужественнымъ, воинственнымъ, храбрымъ, исполненнымъ любви къ отечеству, опытнымъ и искуснымъ въ военномъ дѣлѣ, увѣнчаннымъ славой прежнихъ побѣдъ, жаждавшимъ новыхъ успѣховъ и завоеваній, наконецъ — предводимымъ способными, опытными и искусными полководцами. И во многихъ другихъ отношеніяхъ Александръ въ Азіи находился въ обстоятельствахъ, несравненно болѣе благопріятныхъ, нежели Аннибалъ въ Италіи. Изъ этого не слѣдуетъ однако заключать, что Аннибалъ, какъ полководецъ, стоялъ выше Александра: и тотъ, и другой, какъ полководцы, равно велики, равно возбуждаютъ участіе и удивленіе, но каждый въ своемъ родѣ, и если Александръ великъ въ счастіи, то Аннибалъ, безспорно, столько же великъ въ несчастіи.

Въ отношеніи собственно къ образу и искусству веденія войны, дѣйствія Аннибала, какъ и Александра, были основаны на одинаковыхъ или по крайней мѣрѣ весьма сход-

ныхъ главныхъ началахъ и въ этомъ отношеніи представляютъ большое сходство между собою.

И Аннибалъ, подобно Александру, велъ войну, по выраженію Наполеона I — методическую, т. е. основанную на извѣстной методѣ или способѣ, на предварительномъ и искусно соображенномъ предначертаніи или планѣ, неизмѣнно исполняемомъ въ главныхъ основаніяхъ, но въ подробностяхъ исполненія искусно примѣняемомъ къ обстоятельствамъ и средствамъ.

Онъ всегда имѣлъ въ тылу за собою устроенное и обеспеченное основаніе дѣйствій — страну или пространство края, въ которомъ находились его склады и подкрѣпленія, и которое служило ему опорой дѣйствій, источникомъ его силъ, средствъ и способовъ и убѣжищемъ въ случаѣ надобности или неудачи. Такими были для него: сначала Испанія, Цизальпийская Галлія и Лигурія, потомъ Апулія, Кампанія, Луканія, Калабрія и наконецъ Бруттій. Онъ постоянно содержалъ сообщенія съ ними, обеспеченныя частію гарнизономъ въ городахъ, большею же частію союзами.

Имѣя такимъ образомъ тылъ свой обеспеченнымъ, онъ дѣйствовалъ до сраженія при Каннахъ совокупными, а послѣ него раздѣленными силами, присоединяя къ себѣ въ послѣднемъ случаѣ, смотря по надобности и обстоятельствамъ, отдѣльно-дѣйствовавшіе отряды свои, либо самъ съ главными силами соединяясь съ тѣмъ или другимъ изъ нихъ, словомъ — то сосредоточивая, то раздѣляя свои силы, при чемъ имѣлъ особенное искусство быстро и во-время сосредоточивать главныя свои силы на важнѣйшихъ пунктахъ для рѣшительныхъ дѣйствій.

Онъ двигался и дѣйствовалъ большею частію съ быстротою и рѣшительностью, всегда соединеннымъ съ осторожностью, скрытностью и хитростью, стараясь не только предупреждать непріятеля, приводить его въ изумленіе и замѣшательство внезапною и печальностью своего появленія и поражать его стремительностью и силой своего нападенія, но и всячески обманывать его, вводить въ заблужденіе и вовлекать въ ошибки. Хитрость его ума и скрытность его права были причинами: во 1-хъ, что онъ особенно любилъ и употреблялъ засады, ночныя движенія, внезапныя нападенія и вообще всякаго рода военныя хитрости, особенно отличался въ нихъ, ими одержалъ побѣды при Требін и Тразименскомъ озерѣ и спасъ себя отъ опасности въ тѣснинахъ горы Галликанской въ Кампаніи. Частымъ употребленіемъ военныхъ хитростей Аннибалъ рѣзко отличается отъ Александра В., который, напротивъ, любилъ дѣйствовать днемъ, открыто, не прибѣгая къ хитростямъ, а ночныя нападенія считалъ неудобными, невыгодными и даже недостойными его и

его войска; — во 2-хъ, что онъ умѣлъ хранить свои намѣренія въ тайнѣ и дѣйствовалъ самостоятельно, не требуя и не принимая ни отъ кого совѣтовъ, — и въ 3-хъ, что онъ имѣлъ особенный даръ проникать характеръ и намѣренія своихъ противниковъ, пользоваться ихъ слабостями и ошибками и сообразовать съ тѣмъ собственныя дѣйствія. Такъ побѣдилъ онъ Семпронія, Фламинія и Варрона.

Онъ велъ войну дѣятельно, но осторожно, и особенно послѣ сраженія при Каннахъ часто обстоятельствами былъ вынуждаемъ къ медленію, выжиданію и даже болѣе или менѣе продолжительному бездѣйствію.

Онъ дѣйствовалъ преимущественно лѣтомъ (для удобнѣйшаго продовольствованія войскъ), иногда весною и осенью, и рѣдко зимою. Но когда надобность и обстоятельства постоянно требовали того, онъ дѣйствовалъ во всѣ времена года одинаково и вообще не затруднялся никакими препятствіями со стороны природы и людей. Ничто въ такихъ случаяхъ не могло устроить и задержать его, и въ этомъ отношеніи для него, какъ и для Александра В., гдѣ болѣе было затрудненій и опасности, тамъ болѣе было и славы. Особеннымъ свидѣтельствомъ тому служатъ переходы его черезъ Альпы и черезъ болота р. Арно.

Искусной политикой, мудрыми военно-хозяйственными мѣрами и заботливостью о своихъ войскахъ, онъ достигалъ того, что въ продолженіи войны не ослаблялся, но усиливался. Такъ въ продолженіи 16-ти лѣтъ войны въ Италіи онъ имѣлъ всегда болѣе и никогда менѣе 26 т. войскъ, съ которыми перешелъ черезъ Альпы, а по истеченіи этого времени переправился въ Африку съ 24 т. войскъ, оставивъ еще отъ 5 до 6 т. войскъ въ Бруттіѣ. Онъ пополнялъ армію свою почти исключительно наборами въ союзныхъ съ нимъ и занимаемыхъ имъ областяхъ Италіи и лишь весьма рѣдко и мало подкрѣпленіями изъ Африки.

Онъ продовольствовалъ свою армію сборомъ продовольствія съ занимаемаго имъ края, лѣтомъ — посредствомъ фуражировъ, а осенью, зимой и весной — изъ складовъ, собранныхъ лѣтомъ. Склады эти онъ учреждалъ въ укрѣпленныхъ: городахъ, замкахъ или лагеряхъ. Въ Италіи онъ вообще былъ довольно связанъ продовольствованіемъ своей арміи, обезпеченіемъ своихъ фуражировъ, складовъ запасовъ и сообщеній съ послѣдними. Чтобы лишать непріятеля способовъ продовольствованія и доставлять ихъ собственнымъ войскамъ, онъ нерѣдко прибѣгалъ къ дѣйствіямъ противъ складовъ запасовъ непріятеля и сообщеній его съ ними.

Тактическія дѣйствія его также заслуживаютъ особенныхъ вниманія и похвалы. Они всегда были сообразны съ мѣстностью

и обстоятельствами, силой, свойствами, расположеніемъ и дѣйствіями непріятеля, и болѣе или менѣе соединены съ скрытностью и различными военными хитростями, особенно съ нападеніями изъ засадъ. Въ походныхъ движеніяхъ Аннибалъ распредѣлялъ свои войска болѣею частью такъ, что лучшія и надежнѣйшія (испанскія и африканскія) шли въ головѣ, а менѣе надежныя (галльскія и союзныя италійскія), съ тяжестями въ серединѣ, конница же и легкая пѣхота, смотря по обстоятельствамъ, впередъ, позади или съ боковъ. Въ бою онъ слѣдовалъ обыкновенно правиламъ греческой тактики, располагая въ серединѣ тяжелую пѣхоту, въ строѣ фаланги, въ одну, съ половины войны въ двѣ, а при Замѣ даже въ три линіи, легкую пѣхоту передъ нею, слоновъ впереди всего фронта арміи, а конницу по флангамъ, тяжелую на одномъ и пундійскую на другомъ. Для удобнѣйшихъ и успѣшнѣйшихъ дѣйствій слоновъ, фаланги и конницы, онъ избиралъ для боя преимущественно ровную и открытую мѣстность, но и на ней умѣлъ искусно пользоваться малѣйшими неровностями и углубленіями, лощинами и оврагами, для скрытія войскъ и устроения засадъ. Будучи почти всегда слабѣе непріятеля, онъ всегда старался давать собственной арміи фронтъ болѣе длинный, нежели фронтъ непріятельской арміи, чѣмъ пріобрѣталъ возможность охватывать послѣднюю, и притомъ дѣйствовалъ преимущественно наступательно-оборонительнымъ образомъ, вовлекая непріятеля въ первое съ его стороны нападеніе и затѣмъ, самъ переходя въ наступленіе, производилъ нападеніе легкою пѣхотой, слонами и фалангой въ строѣ прямолинейномъ или (какъ при Требии и Каннахъ) клещеобразномъ — съ фронта, конницею же охватывалъ непріятеля съ фланговъ и, вмѣстѣ съ отрядами изъ засадъ — съ тыла. При этомъ каждый родъ войскъ былъ употребляемъ имъ, соотвѣтственно оружію и назначенію, самымъ выгоднымъ образомъ, а всѣ вмѣстѣ дѣйствовали въ порядкѣ и правильно, соблюдая связь между собою и взаимно поддерживая другъ друга. Въ особенностяхъ Аннибалъ умѣлъ отлично употреблять въ бояхъ свою конницу, чрезвычайно заботился о ней и берегъ ее, и она во всѣхъ его сраженіяхъ имѣла главное участіе и нерѣдко рѣшала побѣду. Непонятно только, какъ онъ могъ употреблять слоновъ, дѣйствія которыхъ всегда и вездѣ были болѣе вредны, нежели полезны, а римскимъ войскамъ въ эти времена — уже хорошо извѣстны и не страшны. Въ этомъ онъ также отличался отъ Александра, который не употреблялъ слоновъ, справедливо пренебрегая ими, какъ средствомъ, недостойнымъ правильно-устроеннаго войска и истиннаго искусства. Вообще

говоря, главными отличительными чертами тактики Аннибала въ бою были: сначала—приведеніе непріятеля въ разстройство и безпорядокъ легкою пѣхотой и слонами, и пораженіе собственною конницею непріятельской, а затѣмъ—единовременное, дружное и сильное нападеніе на непріятельскую тяжелую пѣхоту съ фронта фалангой, а съ фланговъ и съ тыла конницей и отрядами изъ засадъ. Такого рода дѣйствіями въ бою онъ большею частію достигалъ самыхъ рѣшительныхъ результатовъ, не только пораженія, но почти совершеннаго истребленія непріятельскихъ армій, какъ напримѣръ при Требин и Каннахъ. Сраженіе же при Тразменскомъ озерѣ представляетъ рѣдкій въ военной исторіи и замѣчательный примѣръ нападенія цѣлой арміи на армію непріятельскую—изъ засады.

Основываясь на столь извѣстныхъ въ исторіи словахъ Магарбала Аннибалу послѣ сраженія при Каннахъ, нѣкоторые историки обвиняютъ Аннибала вообще въ томъ, что онъ, умѣя побѣждать въ бою, не пользовался одержанными побѣдами и не извлекалъ изъ нихъ наибольшихъ по возможности выгодъ для себя. Но эти обвиненія несправедливы, какъ и нѣкоторыя другія въ томъ же родѣ, и Аннибалъ достаточно доказалъ, кажется, что умѣлъ извлекать изъ своихъ побѣдъ всѣ выгоды, какія только могъ извлекать изъ нихъ по обстоятельствамъ, въ которыхъ находился, по силамъ, которыми располагалъ, и по главной цѣли, съ которою дѣйствовалъ. Преслѣдуя разбитаго въ бою непріятеля, когда надобность того требовала, а обстоятельства позволяли, съ быстротою, настойчивостью и силой, онъ однако, также какъ и Александръ В., не увлекался побѣдой и большею частію довольствовался только прогнаніемъ съ поля сраженія и ближайшимъ преслѣдованіемъ непріятеля послѣ побѣды. Но тутъ была еще одна причина, составляющая одну изъ отличительныхъ и замѣчательныхъ чертъ дѣйствій Аннибала въ бою и на войнѣ, а именно — усугубленіе имъ осторожности послѣ всякаго рода удачи еще болѣе, нежели послѣ неудачи.

Въ поліорцетическомъ отношеніи Аннибалъ стоитъ ниже Александра В. и даже многихъ другихъ полководцевъ древности, и ни одна изъ немногихъ его осадъ, кромѣ осады Сагунта, не заслуживаетъ особеннаго вниманія. Но это происходитъ вовсе не отъ того, что Аннибалъ не былъ искуснымъ поліорцетомъ, а отъ того, что вообще, не любя ни осадъ, ни обложеній городовъ, онъ избѣгалъ ихъ, и по расположенію и неспособности къ нимъ своихъ войскъ, и за неимѣніемъ при своей арміи нужныхъ для того машинъ, орудій и способовъ, и потому что дорожилъ и временемъ, и особенно войсками своими. По всѣмъ этимъ причинамъ

онъ и предпочиталъ брать города либо открытою силою приступомъ, либо внезапнымъ нападеніемъ, преимущественно же посредствомъ тайныхъ сношеній или переговоровъ съ жителями, помощью измѣны и предательства и различныхъ военныхъ хитростей. Единственная большая осада его—Сагунта, въ 219 году, была ведена имъ, хотя съ большими напряженіемъ силъ и дѣятельностью, но и съ гораздо большими трудомъ и урономъ, нежели успѣхомъ; до тѣхъ поръ пока, наскучивъ ею, онъ не взялъ города и его замка пятикратнымъ, чрезвычайно кровопролитнымъ приступомъ.

Въ заключеніе нелишнимъ будетъ прибавить, что нѣкоторые писатели, основываясь на сужденіяхъ Тита Ливія и другихъ римскихъ историковъ, сравниваютъ Аннибала съ побѣдителемъ его и Карфагена — Сципіономъ африканскимъ. Послѣдній безспорно былъ необыкновенный человекъ и отличный политикъ и полководецъ. Онъ былъ одаренъ превосходнымъ умомъ и прекрасными качествами души: благостью, кротостью, справедливостью и великодушіемъ, которыя, въ соединеніи съ его щедростью, снискали ему неограниченную любовь войскъ и преданность союзниковъ. Подобно Аннибалу, онъ велъ жизнь простую, воздержную и дѣятельную, постоянно содержалъ въ своихъ войскахъ строгіе военные подчиненность и порядокъ, умѣлъ хранить свои намѣренія въ тайнѣ, проникать характеръ и намѣренія своихъ противниковъ, сообразовать съ ними свои дѣйствія и искусно соединять силу съ хитростью, былъ отличный тактикъ, храбръ безъ запальчивости въ бою, неустрашимъ въ опасностяхъ, неутомимъ въ трудахъ, наконецъ имѣлъ необыкновенный даръ слова и особенный даръ ловко и искусно управлять умами. Неоспоримымъ свидѣтельствомъ высокаго искусства его, какъ политика и полководца, служатъ всѣ дѣйствія его въ Испаніи и Африкѣ, особенно планъ его рѣшить войну перенесеніемъ ея въ Африку и исполненіе имъ этого плана. Но, подобно Александру В., онъ велъ войну въ обстоятельствахъ, несравненно болѣе благопріятныхъ, нежели Аннибалъ. Ни въ Испаніи, ни въ Африкѣ онъ не находился, какъ Аннибалъ, въ средоточіи могущественнаго государства, подобнаго римскому, и не имѣлъ противъ себя ни войскъ, столь превосходно устроенныхъ, сколько римскія, ни полководцевъ, способностями и искусствомъ равныхъ или даже подобныхъ тѣмъ, которыхъ римляне, со времени сраженія при Каннахъ, противопоставляли Аннибалу. Напротивъ, и въ Испаніи, и въ Африкѣ онъ имѣлъ противъ себя худо устроенныя или вовсе нестроенныя, хотя и храбрыя войска и, за исключеніемъ Аздрубала, брата Аннибалова, въ Испаніи и Аннибала въ Африкѣ — полко-

водцевъ весьма посредственныхъ. Это нимало не унижаетъ, впрочемъ, достоинствъ Сципіона, какъ полководца, ни искусства его дѣйствій и веденія имъ войны, и онъ по справедливости долженъ быть поставленъ въ число лучшихъ и замѣчательнѣйшихъ полководцевъ древности. Но, по справедливости же, его пельзя ставить наравнѣ съ Аннибаломъ, какъ усиливались сдѣлать это Титъ Ливій и другіе римскіе историки, изъ народнаго тщеславія и ненависти къ Аннибалу, даже самъ Полибій, изъ личныхъ расположенія и пріязни къ Сципіону, равно и нѣкоторые повѣйшіе писатели, слишкомъ вѣрившіе имъ въ томъ. Римскіе историки говорятъ даже, будто Аннибалъ, въ разговорѣ съ Сципіономъ, при личномъ свиданіи съ нимъ передъ сраженіемъ при Замѣ, самъ назначилъ себѣ третье мѣсто послѣ Александра В. и Пирра, и на вопросъ Сципіона: «что же бы

онъ (Аннибалъ) сказалъ, еслибы побѣдилъ его (Сципіона)», отвѣчалъ, будто бы, «что въ такомъ случаѣ сталъ бы выше и Александра, и Пирра, и всѣхъ прежде бывшихъ полководцевъ». Этотъ отвѣтъ, нимало не свойственный ни характеру, ни образу мыслей, ни чувствамъ Аннибала, есть не иное что, какъ лесть Сципіону и притомъ не очень тонкая, и весьма вѣроятно — собственное изобрѣтеніе котораго нибудь изъ римскихъ историковъ.

Но потомство, болѣе справедливое къ Аннибалу, нежели римляне и ихъ историки, съ Титомъ Ливіемъ въ главѣ, и даже самъ Полибій, безпристрастнымъ приговоромъ своимъ поставило его выше и Пирра, и Сципіона, наравнѣ съ Александромъ В., въ число величайшихъ полководцевъ всѣхъ временъ и народовъ, и образцомъ, вполне достойнымъ удивленія, изученія и подражанія.

III.

ЮЛІЙ ЦЕЗАРЬ.

ЮЛІЙ ЦЕЗАРЬ.
снимокъ съ древняго камня

ЮЛІЙ ЦЕЗАРЬ
снимокъ съ древняго бюста
находящагося
въ Берлинскомъ Музее

ГЛАВА I.

РИМЛЯНЕ ВО ВРЕМЕНА МЕЖДУУСОБІЙ

(133 — 30 г. до Р. Х.).

§ 1. Военное устройство и военные учреждения вообще. — § 2. Различные роды войск, вооружение и число их. — § 3. Строй и образъ дѣйствій войскъ. — § 4. Внутреннее устройство и духъ войскъ. — § 5. Кастраметация, фортификація, полурцетика и баллистика. — § 6. Состояніе военнаго искусства вообще. — § 7. Морскія военныя силы и искусство.

Древніе источники: главные: Аппіанъ, Плутархъ, Діонъ Кассій, Веллей Патеркулъ, Титъ Ливій, Саллюстій, а также Густинъ, Флоръ, Павзаній, Евтропій, Иосифъ Флавій и книги Маккавеевъ; — повѣйшія историческія пособія: Rollin и Crévier, Fergusson, Vertot, Lèvesque, Wegner, Michelet, Mommsen, Amédée Thierry, особенно Montesquieu. — Desbrosses: histoire de la république romaine (1777), Hegervisch, Heeren, Лоренцъ, — Ottenberger, Kansler, Liskenne et Sauvan: Bibl. histor. et milit., и др., указанныя выше.

§ 1.

Военное устройство и военныя учрежденія вообще.

Съ началомъ междуусобій въ Римѣ, военное устройство и военныя учрежденія его совершенно измѣняются въ существѣ и духѣ, и быстро клонятся къ упадку. Главными причинами того были: всеобщее разстройство внутреннее — неизбежное слѣдствіе междуусобій, и незаконныя, пагубныя мѣры честолюбцевъ, помогавшихъ верховной власти. Изъ нихъ Марій первый нанесъ жестокій ударъ древнимъ, превосходнымъ военнымъ учрежденіямъ Рима. Достигнувъ консульскаго званія, этотъ честолюбецъ, плебей родомъ и врагъ аристократіи, въ 107 году, во время войны съ Югуртой, набралъ армию — вопреки кореннымъ государственнымъ учрежденіямъ — изъ бѣднѣйшаго класса и изъ вольноотпущенниковъ и рабовъ, и помощью этого, слѣпо преданнаго ему

войска, завладѣлъ верховною въ Римѣ властью. Примѣру его послѣдовали и всѣ другіе знаменитые честолюбцы этого времени: Силла, Крассъ, Помпей, Цезарь, Антоній, Лепидъ, Октавіанъ, и такимъ образомъ главное основаніе совершенства военного устройства Рима — превосходный составъ римскихъ армій — было сокрушено навсегда, а съ тѣмъ вмѣстѣ и самое военное устройство этого государства получило совершенно другой видъ.

Право служить въ войскѣ перестало уже считаться почетнѣйшимъ преимуществомъ римскаго гражданина и быть единственнымъ путемъ къ общественнымъ званіямъ и отпущеніямъ. Знатные и богатые римскіе граждане уже считали службу въ войскѣ тягостною обязанностью и всячески старались

уклоняться отъ нея. Препжній же законъ о прослуженіи въ войскѣ опредѣленнаго числа лѣтъ для полученія права на общественныя званія—не былъ болѣе соблюдаемъ. Такимъ образомъ арміи римскія, не составляемыя болѣе изъ лучшей, отборнѣйшей части гражданъ, были набираемы почти исключительно изъ бѣднѣйшихъ гражданъ—пролетаріевъ (вовсе неимѣвшихъ ни состоянія, ни имущества), вольноотпущенниковъ, римскихъ данниковъ, иностранцевъ, даже преступниковъ, разбойниковъ и особенно рабовъ (Марій изъ послѣднихъ составилъ себѣ даже особую стражу тѣлохранителей). Въ составѣ римскихъ армій этого времени, въ большомъ числѣ (у Помпея при Фарсаль до 2,000 чел.) являются также ветераны, поселенные на розданныхъ имъ полководцами (Силлою первымъ) конфискованныхъ и завоеванныхъ земляхъ, призываемые этими полководцами, въ случаяхъ особенной важности, на службу въ войскѣ, почему и назывались эвокатами (*evocati*), и пользовавшіеся на службѣ многими и большими преимуществами.

Раздѣленіе на римскія, союзныя и вспомогательныя войска существовало только до союзничьей войны (90—88). Съ этого же времени, по дарованіи италійскимъ союзникамъ римлянъ правъ римскаго гражданства, названіе союзныхъ войскъ исчезло и осталось только раздѣленіе на войска римскія, набираемыя въ Италіи, и на войска вспомогательныя или когорты аларіевъ (*auxiliares vel alariae cohortes*), набираемыя въ римскихъ провинціяхъ (*provinciae*) или подвластныхъ Риму областяхъ внѣ Италіи, равно и по найму или добровольному уговору между независимыми отъ Рима народами Европы, Азіи и Африки.

Наборъ римскихъ войскъ въ Италіи производился безъ всякаго различія происхожденія, сословія, состоянія и нравственности. Въмѣсто всего этого, Марій ввелъ только два условія—ростъ и силу тѣла. Это было шагомъ къ варварству, ибо силу нравственную замѣнило грубою физическою. И для поступленія въ римскую конницу уже не требовали прежнихъ условій богатаго состоянія, но наборъ въ нее производили точно такъ же, какъ и въ пѣхоту, и почти исключительно между подвластными Риму и независимыми отъ него народами. Граждане же изъ сословія рисковъ всадниковъ совершенно освободились отъ службы въ конницѣ и являются въ арміяхъ уже только лич-

но при особахъ полководцевъ, въ различныхъ высшихъ и почетныхъ званіяхъ, или же въ видѣ ихъ тѣлохранителей. Наборъ войскъ вообще уже производился безъ соблюденія прежнихъ законныхъ формъ, безъ различія трибъ и большею частію по жребію. Случаи же уклоненія или освобожденія отъ набора и военной службы происходили все чаще и чаще, вслѣдствіе подкупа съ одной и продажности, лихоимства и злоупотребленій съ другой стороны.

Набранныя войска уже приносили присягу въ вѣрности, не республикѣ и отечеству, но тому полководцу, который набиралъ ихъ, и только въ отношеніи къ нему нарушение присяги считалось измѣной. Необходимость же веденія почти непрерывныхъ и продолжительныхъ, внутреннихъ и внешнихъ войнъ, поддержанія незаконнопріобрѣтенной верховной власти, содержанія завоеванныхъ странъ въ повиновеніи и защиты границъ государства отъ начавшихся уже нападений народовъ средней Европы и верхней Азіи, побуждала полководцевъ всѣми мѣрами удерживать войска сколько можно долѣе подъ знаменами и не распускать ихъ болѣе по окончаніи войнъ, но содержать и въ мирное время.

И такъ военное званіе, столь почетное прежде, сдѣлалось уже просто ремесломъ, а арміи, дотолѣ народныя, временныя, отличавшіяся превосходнымъ составомъ изъ отборныхъ гражданъ, сдѣлались уже въ существѣ своемъ наемными, постоянными, только не въ силу закона, а вопреки ему,—соединяли въ себѣ всѣ недостатки дурнаго состава и неправильнаго, безразборчиваго набора, и по мѣрѣ быстрого распространенія римлянами своей власти въ Европѣ, Азіи и Африкѣ, постепенно умножались числомъ. Необходимость содержать завоеванные страны въ повиновеніи и защищать ихъ отъ нападений внешнихъ враговъ заставляла постепенно занимать каждую изъ провинцій, на которыя было раздѣлено государство, особою арміею. Арміи въ провинціяхъ были подчинены правителямъ послѣднихъ—проконсуламъ, прослужившимъ уже годъ консулами, и преторамъ. Въ рукахъ проконсуловъ и преторовъ была соединена высшая въ ихъ провинціяхъ, военная и гражданская власть, и это соединеніе военной власти съ гражданскою было причиной необыкновенныхъ: самовласти, притѣсненій и лихоимства правителей.

§ 2.

Различные роды войскъ, вооруженіе и число ихъ.

Вновь введенный способъ набора и состава армій былъ естественною причиною, что

войска уже не могли быть, какъ прежде, раздѣляемы, по возрасту воиновъ, на классы.

Названія гастатовъ, принциповъ и тріаріевъ исчезли, и вмѣсто этихъ трехъ составилъ одинъ родъ тяжелой или линейной пѣхоты, безъ особеннаго наименованія. Название же велитовъ хотя и сохранилось, но давалось уже легкой пѣхотѣ, набираемой у подвластныхъ народовъ и не входившей въ составъ легіоновъ.

Конница была по прежнему тяжелая и легкая, но сверхъ того Титъ Ливій и Юлій Цезарь упоминаютъ еще о среднемъ родѣ конницы (сетраті), на подобіе греческихъ пелтастовъ. Этотъ родъ конницы не принадлежалъ однако къ составу легіоновъ.

Вооруженіе войскъ было тоже, что и прежде.

Относительное число различныхъ родовъ войскъ въ легіонахъ и арміяхъ измѣнилось тѣмъ, что опредѣленный, хотя и непостоянный, составъ въ легіонахъ имѣли только тяжелая пѣхота, именно отъ 4 до 5,000 чел., и собственная легіонная конница въ числѣ 300 чел. Число вспомогательныхъ же: легкой пѣхоты и конницы тяжелой и легкой было неопредѣленное и зависѣло отъ обстоятельствъ, однако вообще умножилось противъ прежняго. Въ особенности, съ ходомъ времени, постепенно умножалось число вспомогательной конницы, и конница эта большею частью была весьма хорошая, потому что римляне, по мѣрѣ распространенія своихъ завоеваній, постепенно усиливали собственную конницу болѣе или менѣе хорошей конницею испанскою, галльскою, германскою, греческою, азійскою и африканскою или нумидійскою. Изъ нихъ испанская, галльская, германская и греческая большею частью была тяжелая, азійская же и африканская—легкая. Вообще конница въ это

время начала уже составлять $\frac{1}{8}$ и даже $\frac{1}{7}$ римскихъ армій.

Числительная сила легіоновъ была неодинаковая, но средняя простиралась обыкновенно отъ 4 до 6,000 чел., никогда не превышая послѣдняго числа, но часто, отъ убыли въ войнахъ, составлявшая и менѣе 4,000 чел. Такъ напримѣръ, у Цезаря при Фарсаль въ 8-ми легіонахъ было только 22,000 чел., т. е. среднимъ числомъ по 2,750 чел. въ легіонѣ.

Числительная сила армій была весьма различна, потому что арміи не состояли уже, какъ прежде, постоянно изъ 4-хъ, но почти всегда изъ большаго числа легіоновъ, даже до 10-ти и болѣе, не считая вспомогательныхъ: пѣхоты и конницы, какъ, напримѣръ, у Цезаря въ Галліи, у Помпея въ междуусобной войнѣ съ Цезаремъ и у полководцевъ въ послѣдующія времена.

Къ числу особенностей этого періода должно отнести распространившееся въ римскихъ арміяхъ употребленіе метательныхъ орудій и слоновъ въ полѣ, особенно во времена Цезаря и Помпея. При каждомъ легіонѣ стали уже возить въ походѣ до 30-ти малыхъ, легкихъ или полевыхъ катапультъ и баллистъ (см. ниже § 5), на каждую изъ которыхъ полагалось по 10-ти чел. прислуги. Орудія эти были однако употребляемы не въ полевыхъ сраженіяхъ, но, какъ и прежде, при переходахъ чрезъ тѣсныя, переправахъ черезъ рѣки и особенно при атакахъ и оборонѣ лагерей и укрѣпленій. Слоны, напротивъ, начали уже быть употребляемы и въ полевыхъ сраженіяхъ, особенно въ концѣ этого періода, въ Испаніи, Греціи, Азійи и Африкѣ.

§ 3.

Строй и образъ дѣйствій войскъ.

До временъ Марія легіонъ римскій обыкновенно раздѣлялся, строился и дѣйствовалъ также, какъ и прежде, т. е. въ квинкунціальномъ строѣ по манипуламъ, но иногда и по когортамъ. Строй по когортамъ означалъ еще, впрочемъ, всякаго рода временное, въ видѣ исключенія, соединеніе и построеніе вмѣстѣ двухъ или болѣе манипулъ той же или разныхъ линій, въ тѣхъ случаяхъ, когда строю нужно было придать болѣе твердости.

Но введенный Маріемъ новаго рода составъ римскихъ армій сдѣлалъ уже всякій иной строй легіона невозможнымъ. Коль скоро легіоны начали быть составляемы изъ людей неопытныхъ, непріученныхъ къ дѣйствію въ строѣ по манипуламъ, коль скоро

воины легіона уже не могли болѣе быть раздѣляемы на классы, то естественно, что и дѣйствіе легіона въ строѣ по манипуламъ не могло уже соединять въ себѣ условій успѣха и самый строй этотъ долженъ былъ измѣниться. Къ этому присоединилось еще и другое обстоятельство, а именно—составъ, устройство и образъ дѣйствій нѣкоторыхъ изъ народовъ, съ которыми римляне вели въ этомъ періодѣ внѣшнія войны, какъ-то: галловъ, германцовъ, войскъ понтійскихъ, пареянъ и нумидянъ. Сражаясь преимущественно, а нѣже и исключительно на коняхъ, и дѣйствуя многочисленными силами, они принудили римлянъ, по необходимости, еще болѣе прежняго увеличить самостоятельность частей или отдѣленій легіона.

Такимъ образомъ, со временъ Марія квинкупціальный строй легіона по манипуламъ былъ замѣненъ квинкупціальнымъ же строемъ онаго по когортамъ въ 3 линіи. Легіонъ дѣлился уже не на 30 манипулъ трехъ родовъ тяжелой пѣхоты, но на 10 когортъ, составленныхъ каждая изъ трехъ манипулъ и отъ 400 до 500 и иногда 600 чел. одинаковаго рода тяжелой пѣхоты безъ особаго названія. Глубина строя, пространство, занимаемое каждымъ воинномъ въ шеренгѣ и ряду, и шахматное расположеніе первыхъ двухъ линій остались тѣ же, что и прежде. Но когорты имѣли уже отъ 40 до 50 и 60 рядовъ во фронтѣ, промежутки между когортами, сначала равные длинѣ фронта ихъ, въ послѣдствіи стали все болѣе и болѣе уменьшаться, дистанціи же между линіями были гораздо больше прежняго. Линіи стали уже означаться не классами воиновъ, а номерами 1-мъ, 2-мъ и 3-мъ. 1-я линія состояла изъ четырехъ, а 2-я и 3-я—каждая изъ трехъ когортъ. Когорты 2-й линіи становились противъ промежутковъ когортъ 1-й линіи, въ 3-й же линіи 1-я или правая и 3-я или лѣвая когорты позади 1-й и 4-й когортъ 1-й линіи, дабы удобнѣе прикрывать фланги легіона, а 2-я когорта 3-й линіи—въ центрѣ оной, позади 2-й когорты 2-й линіи. Воины 1-й и 2-й линій назывались также, какъ и прежде, антесигнанами, т. е. впереди знаменъ стоящими; въ 3-й же или резервной линіи были помѣщаемы храбрѣйшіе, а иногда и самые рослые и сильные воины. При 1-й когортѣ этой линіи, подъ охраненіемъ ея примкнула, находился и легіонный орелъ. Сверхъ того, каждая когорта имѣла свое знамя или свой значекъ, на подобіе прежнихъ въ манипулахъ.

Противъ этого обыкновеннаго строя легіона по когортамъ дѣлались по временамъ слѣдующія измѣненія: 1) легіонъ дѣлился не на 10, а на 15 когортъ, соединяя не по 3, а по 2 манипулы и располагая по 5 когортъ въ каждой изъ трехъ линій, — или же легіонъ, раздѣленный на 10 когортъ, строили въ 2 линіи, по 5-ти когортъ въ каждой;—но Юлій Цезарь и Помпей всегда дѣлили и строили легіонъ такъ, какъ было означено выше;—2) когорты строили иногда въ 5 шеренгъ, для увеличенія длины фронта, какъ напримѣръ Цезарь при Фарсалѣ;—3) промежутки между когортами уменьшали болѣе или менѣе, а иногда и вовсе уничтожали, смыкая легіонъ въ фалангу; дистанціи же между линіями, напротивъ, увеличивали, какъ напримѣръ Цезарь до — 300 футовъ или до 130 шаговъ;—наконецъ 4) легіонный орелъ часто ставили, особенно въ началѣ, не въ 3-й, а въ 1-й линіи.

Изъ особенныхъ построений легіона въ это время гораздо чаще прежняго встрѣчаются построенія: черепахою, даже въ полѣ (какъ, напримѣръ, у Антонія противъ пар-

оянъ), въ видѣ пустыхъ или полныхъ внутри четвероугольниковъ противъ непріятеля и особенно копницы, нападшихъ со всѣхъ сторонъ (какъ, напримѣръ, у Марія противъ Югурты и у Цезаря противъ галловъ на р. Сабисѣ и въ Африкѣ при Руссипѣ), и др.

Обыкновенный походный порядокъ былъ подобенъ прежнему, но приближаясь къ непріятелю, а иногда (напримѣръ противъ галловъ, пундіянъ, пароянъ и т. п. народовъ) и постоянно въ походѣ, слѣдовали въ порядкѣ, извѣстномъ подъ названіемъ *agmen quadratum*, т. е. въ видѣ пустаго внутри четвероугольника. Такъ, напримѣръ, слѣдовали Марій противъ Югурты, Крассъ и Антоній противъ пароянъ, легаты Котта и Титурій противъ Амбіорикса и др. Особенно замѣчательны походныя движенія Марія противъ Югурты. Онъ двигался всегда въ колоннѣ по-легіонно; Силла съ конницей и Манлій съ пращниками, стрѣлками и вспомогательными лигурійскими когортами прикрывали колонну, одинъ — справа, а другой — слѣва. Спереди и сзади шли, подъ начальствомъ трибуновъ, по нѣскольку легіонныхъ когортъ на-легкѣ, безъ тяжестей. А впередъ и по сторонамъ были посылаемы лазутчики (*speculatores*) изъ туземцовъ, для развѣдыванія о непріятелѣ.

И въ этомъ періодѣ также часто встрѣчаются, особенно въ походахъ Цезаря, необыкновенно быстрыя движенія. Такъ, напримѣръ, при осадѣ Герговинъ, въ Галліи, Цезарь двинулся въ полночь съ конницей и 4 легіонами на-легкѣ противъ эдуевъ или эдуитовъ, настигнулъ ихъ въ 32-34-хъ верстахъ, окружилъ, принудилъ положить оружіе, далъ войскамъ 3 часа отдыха и до восхода солнца воротился въ лагерь свой подъ Герговіей, слѣдовательно прошелъ отъ 64 до 68 верстъ въ 24 часа и сверхъ того еще сражался!

Въ боевыхъ порядкахъ армій римскіе легіоны по-прежнему становились въ центрѣ, когорты же вспомогательныхъ войскъ — по флангамъ. Великами занимали всѣ промежутки между когортами, легіонами и турмами копницы, а также ихъ ставили впереди, по флангамъ и позади линій, словомъ — всѣ отдѣленія тяжелой пѣхоты и конницы были со всѣхъ сторонъ окружены легкою пѣхотой. Въ отношеніи къ употребленію копницы, въ этомъ періодѣ усматривается значительное противъ прежняго измѣненіе. Весьма часто ставили ее всю въ совокупности впереди, позади или на одномъ изъ фланговъ пѣхоты. Такъ, напримѣръ, Цезарь въ Галліи часто ставилъ ее въ 1-ю линію, дабы разсѣвать многочисленную галльскую конницу и обезпечивать отъ нея свою пѣхоту. При Фарсалѣ у Помпея вся конница была сосредоточена на лѣвомъ, а у Цезаря на правомъ флангѣ. При Уцитѣ у Сципіона

вся линейная конница находилась на правомъ флангѣ, а нумидійская—позади пѣхоты; у Цезаря же вся конница была на лѣвомъ флангѣ. Вообще Цезарь почти всегда держалъ всю конницу въ совокупности и употреблялъ ее въ массахъ, какъ самостоятельный родъ войскъ. Подобно галламъ и германцамъ, и римляне также постоянно имѣли въ это время обыкновеніе перемѣшивать отдѣленія конницы съ отдѣленіями легкой пѣхоты, и чаще, нежели прежде, къ каждому всаднику даже присоединяли по велити, котораго онъ перевозилъ, въ случаѣ надобности, на лошади за собою. Такого рода соединеніе конницы съ легкою пѣхотой въ особенности усматривается у Цезаря. Конница его почти всегда была многочисленнѣе конницы его противниковъ, а потому онъ и поддерживалъ ее легкою пѣхотой и даже тяжелою, какъ напримѣръ, при Фарсалѣ—6 когортами, а при Уцитѣ—цѣлымъ 5-мъ легіономъ и легкою пѣхотой, и въ обоихъ случаяхъ съ большимъ успѣхомъ.

Образъ дѣйствій различныхъ родовъ войскъ, легіоновъ и армій былъ подобенъ прежнему. Бой начинала легкая пѣхота; затѣмъ 1-я линія производила нападеніе, а другія двѣ

поддерживали ее, либо подкрѣпляли слабѣйшіе или угрожаемые пункты, либо прикрывали фланги, или же увеличивали длину фронта. Легкая пѣхота прикрывала или поддерживала всѣ дѣйствія тяжелой пѣхоты и конницы, а эта послѣдняя производила нападенія малыми отдѣленіями и часто цѣлыми массами въ совокупности, преимущественно на одномъ изъ фланговъ. Противъ парчанъ и нумидянъ арміи часто дѣйствовали наступательно-оборонительно въ строѣ четвероугольника. Но, дѣйствуя такимъ образомъ противъ парчанъ, Крассъ былъ разбитъ ими, а Антоній лишь съ трудомъ могъ отразить ихъ.

Вообще сраженія этого времени представляютъ чрезвычайное разнообразіе употребленія различныхъ родовъ войскъ въ совокупности и средствъ одержанія побѣды. Въ этомъ отношеніи выше всѣхъ стоятъ сраженія Цезаря, подобно тому, какъ и онъ самъ, какъ тактикъ, стоитъ выше всѣхъ предшествовавшихъ ему и послѣдовавшихъ за нимъ полководцевъ древности. Тактика при немъ достигла высшей, можно сказать, степени развитія въ древнія времена.

§ 4.

Внутреннее устройство и духъ войскъ.

Въ начальствованіи, образованіи, содержаніи, военномъ порядкѣ и вообще во внутреннемъ устройствѣ и духѣ римскихъ войскъ въ это время усматриваются большія перемѣны.

Званіе диктатора сдѣлалось цѣлю и орудіемъ честолюбцевъ, стремившихся къ верховной власти, и давалось почти непрерывно. Легатамъ полководцы начали уже ввѣрять начальствованіе надъ однимъ или нѣсколькими легіонами. Это званіе обратилось, нѣкоторымъ образомъ, въ старшій изъ подчиненныхъ полководцу военачальническихъ чиновъ. При этомъ и число легатовъ умножилось. Такъ у Помпея въ войнѣ съ морскими разбойниками было 15, а у Цезаря въ Галліи—10 легатовъ, которые обыкновенно начальствовали легіонами и отрядами. Военные же трибуны начальствовали когортами, а центуріями въ когортахъ—центуріоны, изъ которыхъ примпиломъ продолжалъ называться старшій центуріонъ 1-й центуріи 1-й когорты, имѣвшій мѣсто и голосъ въ военномъ совѣтѣ.

Военныя упражненія были тѣ же, что и прежде, только не между гражданами, а въ войскахъ, особенно Помпеевыхъ и Цезаревыхъ. По свидѣтельству Саллустія, самъ Помпей былъ чрезвычайно искусенъ во всѣхъ

родахъ гимнастическихъ и военныхъ упражненій. Войска этого времени были занимаемы также и разными государственными работами и постройками, особенно устройствомъ военныхъ дорогъ въ завоеванныхъ областяхъ, укрѣпленіемъ постоянныхъ лагерей и городовъ, и т. п.

Жалованье войскамъ было удвоено Цезаремъ передъ началомъ войны его съ Помпеемъ, т. е. передъ 1-мъ испанскимъ походомъ, и съ этого времени пѣшіи войнѣ получалъ 10 римскихъ ассовъ (около 21 коп. сер.) въ сутки, центуріонъ—вдвое, а всадникъ въ конницѣ—втрое болѣе. Изъ жалованья по прежнему дѣлались различныя вычеты.

Въ отношеніи къ военнымъ порядку и духу, римскія войска въ это время находились, такъ сказать въ состояніи переходномъ отъ прежняго совершенства къ разстройству и упадку, и представляютъ зрѣлище и странное, и горестное. Они безспорно отличались еще и храбростью, и порядкомъ, и благоустройствомъ, поддерживаемыми болѣе или менѣе строгостью военныхъ законовъ. Несомнѣннымъ доказательствомъ тому служатъ многочисленныя и блистательныя побѣды римлянъ, обширныя ихъ завоеванія и быстрое распространеніе ими своей власти

въ Европѣ, Азіи и Африкѣ въ это время. Но, съ другой стороны, войска римскія уже были одушевлены, не благороднымъ чувствами чести и любви къ отечеству и славы, но дикими: свирѣпствомъ, кровожадностью, страстью къ грабежу, алчностью къ добычѣ и самымъ гнуснымъ корыстолюбіемъ. Римскія уже только по названію, они дѣйствительно принадлежали тѣмъ честолюбцамъ, которые направили ихъ, содержали на своемъ жалованьи и, всячески потворствуя ихъ грубымъ и низкимъ страстямъ, употребляли ихъ какъ слѣдное орудіе для исполненія преступныхъ своихъ замысловъ — незаконному присвоенію верховной власти въ Римѣ. Безъ стыда признавая правиломъ, что гдѣ хорошо, тамъ и отечество (*ubi bene, ibi patria*), они съ одинаковою жестокостью грабили и разоряли римскія и непріятельскія земли и проливали кровь ихъ мирныхъ, беззащитныхъ жителей, явно возставали, въ случаяхъ неудовлетворенія ихъ корыстолюбія, противъ правительства и самихъ полководцевъ своихъ, и не стыдились принимать дѣятельное участіе въ преступныхъ заговорахъ противъ государства, подобныхъ Катилинину, въ бунтахъ, мятежахъ и междуусобіяхъ. Даже самыя Цезаревы войска, столько же храбрыя и честолюбивыя, сколько и преданныя Цезарю, дерзнули разъ, увлеченныя корыстолюбіемъ, явно возстать противъ него, и только мудрость, твердость и присутствіе духа его могли обратить ихъ къ чувству долга и повиновенію, и спасти Римъ отъ разграбленія и кровопролитія. И самый способъ усмирения ихъ Цезаремъ достаточно свидѣтельствуется уже о нравственныхъ разстройствахъ и упадкѣ войска римскаго. Известно, что Цезарь, явившись передъ бунтовщиками, спросилъ ихъ: чего хотите, товарищи? — Увольненія, отвѣчали они. — Вы получите его, граждане, возразилъ Цезарь — и одно это названіе гражданъ, столь почетное и тѣсно связанное съ званіемъ воина прежде, считалось уже столь унижительною и оскорбительною для воиновъ теперь, что войска Цезаря немедленно раскаялись и смирились.

Изъ сказаннаго выше легко заключить можно, что въ римскихъ войскахъ этого

времени страшнымъ образомъ соединено было, изъ личныхъ выгодъ полководцевъ, съ строгостью военныхъ законовъ самое постыдное послабленіе ихъ. А съ тѣмъ вмѣстѣ и наказанія за военные проступки и преступленія, въ иныхъ случаяхъ были не только строгі, но даже и жестоки, а въ другихъ, напротивъ, слабы, несообразны, вышѣ и несогласны съ справедливостью и законами, словомъ — совершенно зависѣли отъ произвола полководцевъ. Награды же военныя, съ распространеніемъ роскоши, развращеніемъ нравовъ и ослабленіемъ законовъ, начали быть раздаваемы чаще, неумѣреннѣе, съ меньшею справедливостью, часто не только несогласно съ законами, но и вопреки имъ, и утративъ прежнюю, главную цѣну свою — почетность, приобрѣли въ замѣнъ того большую или меньшую степень цѣнности, роскоши, пышности и великолѣпія, удовлетворявшихъ корыстолюбію и тщеславію. Такъ, вмѣсто прежнихъ простыхъ и скромныхъ, но обыкновенно почетныхъ вѣнковъ изъ травы и древесныхъ листьевъ, были раздаваемы почти исключительно вѣнки изъ самыхъ рѣдкихъ и дорогихъ растений и цвѣтовъ, и вѣнцы изъ драгоценныхъ металловъ. Въ видѣ наградъ (а позже и за деньги), высшихъ чиновъ стали освобождать отъ лагерной службы, а простыхъ воиновъ — отъ рытія укрѣпленій и другихъ работъ въ лагеряхъ. Въ отношеніи же къ присужденію триумфовъ стали чаще и чаще отступать отъ законныхъ правилъ и формъ, и дѣлать противузаконныя исключенія. Такъ большаго триумфа начали удостоивать не только проконсуловъ, преторовъ и пропреторовъ, но даже лицъ, не имѣвшихъ никакихъ общественныхъ званій. Такъ, напримеръ, Фульвій былъ награжденъ большимъ триумфомъ въ званіи проконсула, а Помпей три раза въ званіи римскаго всадника и частнаго человека. Вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно увеличились и роскошь, пышность и великолѣпіе большихъ триумфовъ, продолжавшихся иногда по нѣскольку дней. Сверхъ того въ это время усматривается и новая у римлянъ награда полководцамъ — воздвигеніе имъ побѣдныхъ трофеевъ. Этой высокой чести удостоились впрочемъ только Помпей и Цезарь.

§ 5.

Кастраметація, фортификація, поліорцетика и баллистика.

Періодъ междуусобій безспорно составляетъ эпоху наибольшаго развитія и самаго цвѣтущаго состоянія кастраметаціи, полевой и долговременной фортификаціи, поліорцетики и баллистики у римлянъ.

Расположеніе римскихъ лагерей оставалось прежнее, но укрѣпленіе ихъ сдѣлалось гораздо сложнѣе и сильнѣе. Укрѣпленіямъ вообще давали гораздо большія и сильнѣйшія профили, валы дѣлали выше и толще, а рвы

большую частью водяные — шире и глубже, усиливали укрѣпленія башнями съ бойницами, крытыми ходами между башнями надъ валомъ, — толстымъ тыномъ, волчьими ямами, засѣками и т. п. Словомъ — лагери и особенно постоянные стали совершенно уподобляться малымъ крѣпостцамъ (фортамъ).

Полевая фортификація не ограничивалась впрочемъ однимъ укрѣпленіемъ лагерей, но получила и значительное примѣненіе къ укрѣпленію боевыхъ мѣстъ. Такъ Сцилла устроилъ противъ нонтіійскихъ колесницъ прочный тынъ, съ рвами по флангамъ между 1-ю и 2-ю линіями, а Марій противъ тевтоновъ сильно укрѣпилъ боевое расположеніе свое на полуостровѣ при истокѣ Родана (Роны). Вообще полевая фортификація, болѣе сообразная съ римскими, нежели съ греческими, строемъ и образомъ дѣйствій войскъ, была и развита въ это время гораздо болѣе у римлянъ, нежели у грековъ.

Въ отношеніи къ поліорцетикѣ, римляне, сверхъ общихъ, изложенныхъ выше, способъ и средствъ атаки и обороны городовъ, употребляли въ это время еще слѣдующія:

Въ приступахъ открытою силой они нерѣдко прибѣгали къ особенной машинѣ подъ названіемъ *tolleno* или ящичнаго воропа: она состояла изъ длинной балки, которая серединою своею была укрѣплена на поперечной перекладинѣ, лежавшей на двухъ вертикальныхъ столбахъ. На одномъ концѣ этой балки находился большой деревянный ящикъ, въ которомъ помѣщались воины, а къ другому были прикрѣпляемы канаты, посредствомъ которыхъ ящикъ съ воинами поднимали на стѣну. Открытою силой города брали также посредствомъ такъ называемой короны (*urben coropa orriginate aut sarce*) или вѣнца, т. е. вокругъ города располагали въ 2 линіи пѣхоту и въ 3-й конницу, и такимъ образомъ приближались къ нему, постепенно стѣсняя кругъ и подъ прикрытіемъ черепахъ и легкой пѣхоты несли щитницы, фашины и проч. Обыкновенные приступы производились посредствомъ черепахъ изъ щитовъ и иногда весьма успѣшно. Такъ Антоній взялъ этимъ способомъ предмѣстья Кремоны.

При обложеніяхъ городъ окружали всегда контръ-и циркумъ-валаціонными линіями, способъ укрѣпленія которыхъ вообще сходствовалъ съ способомъ укрѣпленія полевыхъ лагерей; но иногда онѣ состояли изъ укрѣпленій, еще болѣе сложныхъ и сильныхъ и для возведенія которыхъ производились огромныя работы. Особеннаго вниманія въ этомъ отношеніи заслуживаютъ контръ-и циркумъ-валаціонныя линіи въ обложеніяхъ и осадахъ, произведенныхъ Цезаремъ, и преимущественно при осадѣ Алезинъ въ Галліи, равно и укрѣпленія линіи его при Диррахіѣ въ Эпирѣ. При Алезинъ, занятой 80-ю тысячами галловъ подъ предводитель-

ствомъ вождя ихъ, Верцингеторикса, Цезарь вырылъ первоначально два рва, глубиною и шириною въ 20 футовъ, въ 400 шагахъ отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ должны были быть устроены контръ-и циркумъ-валаціонныя линіи. Эти рвы предназначены были прикрывать устройство линій отъ галловъ со стороны Алезинъ и поля. Подъ ихъ прикрытіемъ и были возведены обѣ линіи, изъ которыхъ контръ-валаціонная имѣла 11,000 шаговъ (около 7½ верстъ), а циркумъ-валаціонная 14,000 шаговъ (около 9½ верстъ) въ окружности. Укрѣпленія каждой линіи состояли: 1) изъ вала съ зубчатымъ груднымъ прикрытіемъ (брустверомъ), полукруглыми возвышенными укрѣпленіями (бастіонами), въ разстояніи 80-ти шаговъ одно отъ другаго, и съ наклоннымъ къ полю тыномъ; 2) изъ широкаго и глубокаго рва, во многихъ мѣстахъ наполненнаго водою;—3) изъ засѣкъ впереди рва, въ 5 рядовъ деревьевъ, нижніе концы которыхъ были врыты въ землю, а сучья снаружи застроены, и 4) изъ 8-ми рядовъ шахматобразно-расположенныхъ волчьихъ ямъ впереди засѣкъ; между волчьими ямами и крайними, наружными рвами были набросаны острокопечники (шосстры). Эти укрѣпленія могутъ дать вообще понятіе о полевыхъ укрѣпленіяхъ римлянъ въ это время.

Правильныя осады производились преимущественно посредствомъ насыпи (*agger*), значеніе и цѣль которой были уже объяснены выше. По мѣрѣ возвышенія насыпи, устройство оной прикрывали деревянными щитами (*crates, plutei*, по нынѣшнему блиндами, мантелетами). Посредствомъ этихъ насыпей приближались къ городскимъ стѣнамъ, разбивали ихъ стѣнобитными орудіями или же разрушали посредствомъ подкоповъ. Всѣ осады Цезаря были производимы посредствомъ насыпей, и нѣкоторыя изъ его насыпей имѣли необыкновенныя вышины, ширину и толщину. Такъ, напримѣръ, при осадѣ Аварики въ Галліи (нынѣ Буржъ во Франціи) насыпь Цезаря имѣла 330 футовъ или слишкомъ 47 сажень въ ширину. Но самою большою насыпью была, кажется, устроенная Силлою при осадѣ Масседы. Она имѣла 286 футовъ вышины, на ней находилось укрѣпленіе (въ родѣ нынѣшняго кавальера) въ 70, а на укрѣпленіи—башня въ 85 футовъ вышины, что составляло всего 441 футъ (63 сажени) вышины надъ поверхностью земли!

Подконы были употребляемы очень часто и производимы весьма разнообразно. Особеннаго вниманія заслуживаютъ подкопныя работы, произведенныя Силлою при осадѣ Аоніи.

Подвижныя машины, употреблявшіяся римлянами въ правильныхъ осадахъ, состояли: 1) изъ подвижныхъ крытыхъ: ходовъ (*vineae, musculi* и др.) и щитовъ (*plutei* и

др.); — 2) изъ черепахъ (*testudines*) различныхъ устройства, назначенія и именований; — 3) изъ подвижныхъ башенъ (*turres ambulatoriae*), вообще тройкой величины: малыя или 10-ти-ярусныя имѣли до 180-ти футовъ въ вышину и до 50-ти въ ширину, среднія или 15-ти-ярусныя — до 270-ти футовъ въ вышину и до 60-ти въ ширину, и большія или 20-ти-ярусныя — до 360-ти футовъ въ вышину и до 70-ти въ ширину; размѣры эти впрочемъ измѣнялись весьма различно; въ трудныхъ и продолжительныхъ осадахъ, какъ, напримѣръ, при осадѣ Массиліи Цезаремъ, близъ городского рва строили даже неподвижныя, каменные башни; — наконецъ 4) изъ стѣнобитныхъ орудій (*terebrae*), главнымъ видомъ которыхъ былъ таранъ (*aries*), уже значительно усовершенствованный въ это время въ устройствѣ и обыкновенно прикрываемый, вмѣстѣ съ дѣйствовавшими имъ людьми, постредствомъ черепахъ (*testudines arieratae*), или помѣщаемый въ нижнихъ ярусахъ подвижныхъ башенъ (*turres arieratae*): — длина тарановъ простиралась отъ 7 до 17-ти сажень, вѣсъ до 1,000 пудовъ и болѣе, а для дѣйствія каждымъ требовалось отъ 100 до 1,000 чел., раздѣленныхъ на смѣны.

Метательныя орудія раздѣлялись по устройству и дѣйствию — на катапульты (*catapultae*) и баллисты, (*ballistae*), а по величинѣ — на большія или тяжелыя и малыя или легкія. Большія катапульты метали большія копы, пучки стрѣлъ и другихъ родовъ тѣла горизонтально, на разстояніи отъ 400 до 800 шаговъ, и были употребляемы только при оборонѣ городовъ и полевыхъ укрѣпленій. Малыя катапульты или скорпіоны метали также копы и стрѣлы горизонтально, но на разстояніи только отъ 300 до 500 шаговъ, и были употребляемы преимущественно въ полѣ. Какъ большія, такъ и малыя катапульты метали иногда даже зажигательныя стрѣлы (*falargiae, malleoli*), съ наклею, сѣрою, смолою и другими горючими веществами и составами на ихъ остріяхъ. Баллисты метали камни и другія тяжелыя тѣла навѣсно, большія — вѣсомъ до 10-ти пудовъ и болѣе, на разстояніи отъ 400 до 600 шаговъ, и были употребляемы большею частію при атакѣ и оборонѣ городовъ и полевыхъ укрѣпленій, малыя же или онагры были употребляемы

преимущественно въ полѣ. Сверхъ того были сложныя баллисты, дѣйствовавшія и навѣсно, и горизонтально, и ручныя скорпіоны и онагры, перевозимые и приводимые въ дѣйствіе только однимъ человекомъ. Большія или тяжелыя орудія и военныя машины строили вѣтъ городскихъ выстрѣловъ и подвозили по заблаговременно-уравненнымъ дорогамъ или деревяннымъ настилкамъ. Орудія располагали на выгоднѣйшихъ пунктахъ, сообразно съ величиною ихъ и дальностью разстоянія отъ города, для прикрытія подвоза машинъ и самой атаки города. Что касается силы дѣйствія какъ метательныхъ, такъ и стѣнобитныхъ орудій, то, если вѣрить древнимъ писателямъ, она была чрезвычайно велика, такъ что самыя высокія, толстыя и крѣпкія стѣны, преграды и тѣла не могли противустоять ей.

Всѣ означенныя здѣсь средства атаки были употребляемы въ большихъ, правильныхъ осадахъ, отдѣльно либо въ совокупности, сообразно съ обстоятельствами.

Оборона городовъ производилась такими же средствами, что и прежде, но значительно умноженными и усовершенствованными и чрезвычайно разнообразными. Главными изъ нихъ были: дѣйствія метательныхъ орудій, подкопы и противу-подкопы, вылазки, разрушеніе работъ и машинъ осаждавшаго или по крайней мѣрѣ затрудненіе или остановка подвоза и дѣйствія сего машинъ, — разныхъ родовъ прикрытія стѣнъ и оборонявшихъ оныя воиновъ отъ дѣйствія осаждавшихъ и ихъ машинъ, — возвышеніе стѣнъ или построеніе новыхъ позади и наконецъ оборона проломовъ и внутренности городовъ.

Вообще, съ равномерными въ свое время усиленіями, какъ атаки, такъ и обороны городовъ, большія осады продолжались обыкновенно очень долго, ведены были съ большими усиленіями и трудами, упорствомъ и искусствомъ, и рѣдко оканчивались сдачею осажденныхъ городовъ по уговору, а большею частію взятіемъ оныхъ приступомъ.

Примѣчательнѣйшими осадами этого времени были осада Аѳинъ Спалою (87 — 86) и всѣ осады Цезаря, представляющія верхъ поліорцетическаго искусства этого времени, въ особенности же осады Алезіи и Массиліи.

§ 6.

Состояніе военного искусства вообще

Если съ одной стороны періодъ римскихъ междуусобій ознаменованъ измѣненіемъ и упадкомъ военного устройства и военныхъ

учрежденій Рима и нравственнымъ упадкомъ римскихъ войскъ, то съ другой стороны, въ отношеніи къ военному искусству вообще,

опъ по истинѣ составляетъ любопытнѣйшую, занимательнѣйшую и поучительнѣйшую эпоху въ военной исторіи Рима и даже всѣхъ древнихъ временъ. Дѣйствительно, въ это именно время римляне, предводимые такими полководцами, какъ Марій, Силла, Метеллъ, Лукуллъ, Помпей, Антоній и въ особенности величайшій изъ нихъ—Цезарь, вели въ различныхъ странахъ и противъ различныхъ народовъ міра такія войны, какъ внѣшнія противъ Югурты, кимвровъ и тевтоновъ, Митридата, испанцовъ, галловъ, германцовъ и парянъ, и внутреннія междоусобныя съ

Серторіемъ, Марію съ Силлою и Помпея съ Цезаремъ, и одерживали такія побѣды, какъ при Аквахъ Секстійскихъ, Херонеѣ, Орхоменѣ, Фарсалѣ, Тапсѣ, Мундѣ, Филиппахъ и др. Въ это время тактика, логистика, кастраметация, фортификація, поліорцетика, баллистика, словомъ—всѣ отрасли военнаго искусства, имѣя въ главѣ такихъ дѣятелей, какъ означенные выше полководцы и надъ всѣми ими Цезарь, являются безспорно на высшей степени развитія, совершенства и блеска въ древности.

§ 7.

Морскія военныя: силы и искусство.

Войны, веденныя римлянами во времена междоусобій, въ странахъ, отдѣленныхъ отъ Италіи моремъ, равно и на самомъ морѣ, тѣсно соединивъ сухопутныя военныя дѣйствія съ морскими, сообщивъ послѣднимъ большія значеніе и важность, и содѣлавъ необходимымъ содержаніе римлянами сильныхъ, постоянныхъ флотовъ, были причинами, что морскія военныя: силы и искусство у этого народа достигли въ это время значительной степени развитія и совершенства, и Римъ является уже государствомъ столько же сильнымъ на морѣ, сколько и на твердой землѣ. Помпей и сынъ его, Секстій, въ особенности содѣлали римскій флотъ сильнымъ и грознымъ, а война между Антоніемъ и Октавіяномъ была ведена даже преимущественно на морѣ и рѣшена на немъ побѣдою въ знаменитой морской битвѣ при мысѣ Акціѣ.

По этимъ причинамъ, состояніе морскихъ военныхъ: силъ и искусства у римлянъ во времена междоусобій заслуживаетъ особеннаго вниманія. Не входя впрочемъ въ подробное разсмотрѣніе его, ограничимся краткимъ взглядомъ на устройство морскихъ военныхъ судовъ и морскихъ экипажей и войскъ, начальствованіе во флотѣ, военныя гавани, военныя морскія: тактику и искусство, и награды за заслуги и отличія на морѣ.

Для строенія судовъ назначены были особыя, общественныя, кораблестроительныя лѣса (*silvae publicae*), а для выбора и рубки лѣса—поставлены опредѣленные правила. Военныя суда (*naves bellicae*) раздѣлялись: 1) на большія, называвшіяся по числу рядовъ весель, бипремами, трипремами, квинкверемами, гексерами, октерами и т. д.; изъ нихъ наиболѣе употребительными были триремы и квинкверемы; 2) на легкія военныя суда (*lusoriae naves*) въ 1 или 2 ряда весель, употреблявшіяся болѣею частью для наблюденія и развѣдыва-

нія (*naves speculatoriae*), и 3) малыя суда или военныя лодки (*naves actuariiae*). Сверхъ того были перевозныя суда (*naves corbitiae*), изъ которыхъ легкія назывались *simbae*, а Цезарь въ Галліи употреблялъ на рѣкахъ и въ устьяхъ рѣкъ понтоны (*pontones*)—родъ галльскихъ тяжелыхъ рѣчныхъ судовъ. Для произведенія удара, военныя суда были вооружаемы надводными и даже подводными, желѣзомъ окованными хоботами (*rostra ferramenta*). Для предохраненія же отъ ударовъ непріятельскими хоботами, бока военныхъ судовъ были прикрываемы ушами или щитами изъ толстыхъ балоковъ. Большія, иногда даже и легкія военныя суда имѣли палубы (*tabulata, catastromata*), на которыхъ становились военныя орудія и машины, 2-хъ и 3-хъ-ярусныя башни и проходили въ битвахъ рукопашный бой. Въ числѣ военныхъ машинъ находились abordажные крюки различныхъ вида, устройства и названій (*ferreae manus, harpagones, corvus* и др.), опускаемые мосты (*sambuca* и др.), зажигательныя орудія и машины, метавшія зажигательныя вещества и снаряды, машины для поднятія и потопленія непріятельскихъ судовъ, разрушенія городскихъ стѣнъ и др. т. п. Римляне употребляли также особыя зажигательныя суда (брандеры).

Люди на флотѣ (морскіе экипажи) раздѣлялись на гребцовъ (*remiges*) или матросовъ, и на морскія войска (*classarii, epibatae, navales*). Гребцы или матросы были набираемы изъ тѣхъ же сословій и такимъ же образомъ, какъ и прежде, а морскія войска—подобно легіонамъ. Тѣ и другія присягали, подобно сухопутнымъ войскамъ, въ вѣрности полководцу, набравшему ихъ. На квинкверемахъ было по 400 гребцовъ, а на прочихъ судахъ—въ соразмѣрности. Морскія войска были вооружены также, какъ и сухопутныя, но сверхъ того имѣли длинныя

копья, косы на длинныхъ древкахъ, сѣкиры о двухъ лезвяхъ и т. п. оружіе для абордажей и боя на судахъ. Гребцы также были вооружены.

Начальствующими чинами во флотѣ были: 1) начальники рядовъ весель, означавшіе мѣру гребли ударами молотковъ; 2) особые чины, имѣвшіе надзоръ за канатами, рулемъ, мачтами, парусами, якорями и проч.; 3) кормчіе (*gubernatores, magistri navium*), опытные и искусные моряки, хорошо знавшіе морскіе вѣтры, гавани и проч.; 4) навархи (*navarchi*) — начальники судовъ, и 5) корабельные префекты (*praefecti navis*), начальствовавшіе морскими войсками на судахъ. Главное же предводительствованіе флотами принадлежало консуламъ или преторамъ, либо было ввѣряемо особымъ начальникамъ съ званіемъ предводителя и префекта флота (*dux praefectusque classis*).

Военныя гавани были естественныя или природныя и искусственныя. Послѣднія состояли изъ плотины въ видѣ полукружія съ двумя молами, выдававшимися далеко въ море. Входъ, у котораго часто были маяки, замыкался цѣпями. Внутри гавани были устроиваемы: нѣсколько отдѣленій, отдѣленныхъ одни отъ другихъ каменными стѣнами, для лучшаго обезпеченія судовъ отъ вѣтра, верфи, склады и проч. Со стороны моря гавани были прикрываемы тыномъ изъ толстыхъ бревенъ въ одинъ или нѣсколько рядовъ, и впереди его — сомкнутыми рядами старыхъ судовъ, а съ сухаго пути — земляными, деревянными или каменными валами со рвами, башнями и воротами.

Передъ отправленіемъ флотовъ въ море, сначала сажали на суда гребцовъ, а потомъ морскія войска, производили смотръ флотамъ съ разными религіозными и торжественными обрядами, и затѣмъ выходили въ море, впереди легкія, за ними большія и наконецъ перевозныя суда. При высадкахъ вытаскивали суда на берегъ и, если надобность того требовала, ограждали ихъ съ моря тыномъ, а съ сухаго пути — полевыми укрѣпленіями.

Морскія сраженія происходили большею

частью близъ береговъ, почему и были тщательно наблюдаемы времена приливовъ и отливовъ. Передъ сраженіями облегчали суда по возможности отъ всего лишняго, убирали паруса и опускали мачты, дабы вѣтеръ не мѣшалъ греблѣ, и строились въ боевой порядокъ. Боевые порядки были различны: обыкновенный и болѣе употребительный (*acies duplex*) состоялъ въ томъ, что флотъ строился въ прямыя линіи, имѣя большія суда въ 1-й, а меньшія во 2-й, или же вогнутою линіею (*acies lunata falcata*), имѣя большія и лучшія суда по флангамъ, либо выпуклою линіею, имѣя этого рода суда въ вершинѣ дуги или впереди, — или клещами (*forcers*) противъ клина, или клиномъ (*acies cuneata*) противъ клещей. Сигналами къ бою служили, также какъ и въ сухопутныхъ войскахъ и дѣйствіяхъ, красный флагъ, который былъ выкидываемъ на преторіанскомъ (адмиральскомъ) кораблѣ, и игра на всѣхъ трубахъ и рогахъ, какіе имѣлись на флотѣ. Затѣмъ всѣ гребцы и войска на флотѣ поднимали боевой крикъ и пѣли боевой гимнъ въ честь Марса или Аполлона. Бой открывали дѣйствіемъ метательныхъ орудій и оружія; потомъ 1-я линія, поддерживаемая 2-ю, производила нападеніе на веслахъ, при чемъ каждое судно старалось обезоружить или потопить непріятельское ударомъ своего хобота въ середину или вдоль боковой части судна, такъ чтобы сдѣлать проломъ или сломать весла. Затѣмъ уже сѣплялись на абордажъ и вступали въ рукопашный бой на палубахъ. Въ продолженіи боя бросали въ непріятельскія суда разные зажигательные матеріалы и составы и часто употребляли брандеры. Первые изъ нихъ были съ особеннымъ успѣхомъ употреблены Октавіаномъ въ сраженіи при Акціѣ.

Флотъ, одержавшій побѣду, торжествовалъ ее побѣдными кликами и музыкой, и тѣмъ, что носовыя части всѣхъ судовъ были увѣшиваемы лаврами. Наградами же за морскія побѣды были: морской вѣнецъ (*corona navalis*), синія знамена и морской триумфъ (*triumphus navalis*).

ГЛАВА II.

ГЕРМАНЦЫ, ГАЛЛЫ, ГЕЛЬВЕТЫ, БРИТАНЦЫ

И П А Р О Я Н Е.

§ 8. Германцы.—§ 9. Галлы.—§ 10. Гельветы.—§ 11. Британцы.—§ 12. Парояне.

Древніе истощники: Юлій Цезарь, Саллустій, Титъ Ливій, Страбонъ, Суэтоній, Аппіанъ, Іустинъ, Діонъ Кассій, Веллеій Патеркулъ, Трогъ Помпей и Орозъ (о пароясахъ),—и новѣйшія истощическія пособія: Montesquieu, Vertot, De Brosses, Högewisch, Heeren, Лоренцъ и др., указанныя выше.

§ 8.

Германцы.

Распространяя власть свою въ Европѣ и Азіи, римляне пришли, во времена междуусобій, въ первое столкновение, въ Европѣ—съ германцами, трансальпийскими галлами, гельветами и британцами, а въ Азіи—съ пароянами. По важности и примѣчательности войнъ ихъ съ этими народами, необходимо вкратцѣ изобразить здѣсь воинскій бытъ послѣднихъ и состояніе у нихъ военнаго дѣла въ это время.

Первое мѣсто въ числѣ этихъ народовъ принадлежитъ германцамъ, какъ потому, что съ ними первыми изъ всѣхъ пришли въ столкновение римляне, такъ и потому, что въ истощическомъ отношеніи германцы были замѣчательнѣйшимъ изъ всѣхъ народовъ, съ которыми когда-либо вели войны римляне. Впрочемъ, въ періодѣ междуусобій, римляне только два раза имѣли случай воевать съ германцами: въ первый—въ пространствѣ времени съ 113-го по 101-й годъ, когда кимвры и тевтоны, два племени германцовъ, произвели нашествіе на средне-дунайскія земли, Гельвецію, цизальпийскую и трансальпийскую Галлію и Испанію, но дважды разбитые Маріемъ въ трансальпийской и потомъ цизальпийской Галліи, удалились обратно въ Германію и въ этомъ періодѣ уже болѣе не возвращались; а во второй разъ—въ пространствѣ времени съ 58 по 54 годъ, когда Цезарь, въ войнѣ галльской, совершилъ противъ германцевъ одинъ походъ (58) на лѣвой и два (55—54) на правой сторонѣ Рейна. Поэтому римляне въ это время еще очень мало знали германцовъ, и

именно столько, сколько могли собрать свѣдѣній о нихъ во время дѣйствій Марія и Цезаря. Изъ этихъ свѣдѣній вообще оказывается слѣдующее:

Кимвры и тевтоны были тѣломъ необыкновенно рослы, крѣпки, сильны и бодры, а нравомъ люты, свирѣпы и запальчиво храбры, но не могли переносить большихъ жаровъ и продолжительныхъ, тяжелыхъ трудовъ, не имѣли достаточно терпѣнія, твердости и постоянства и, дерзкіе въ удачѣ, упадали духомъ въ неудачѣ. Нашествіе свое на юго-западную Европу они произвели въ весьма значительныхъ силахъ, съ семействами и стадами своими. Они сражались отчасти на коняхъ, болѣею же частію пѣшими. Изъ нихъ пѣшіе были вооружены легко и дурно, самымъ простымъ и грубымъ оружіемъ, и отчасти изъ удалства и молодечества, отчасти изъ презрѣнія къ непріятелю, нерѣдко, идя въ бой, обнажались до пояса, отчего однако претерпѣвали большой уронъ ранеными и убитыми. Но всадники ихъ были вооружены очень хорошо и богато. Они носили гладко-выточенные (полированные) и блестящіе стальные латы, бѣлые деревянные щиты, а вмѣсто шлемовъ—головы различныхъ дикихъ звѣрей съ разверзтыми пастью и съ высокими перьями въ видѣ крыльевъ, что придавало имъ страшный видъ. У каждаго всадника было по длинному и тяжелому мечу и по 2 дротика. Кимвры и тевтоны сражались обыкновенно впереди своихъ становъ, огражденных со всѣхъ сторонъ по-

возками и въ которыхъ оставляли свои семейства и стада. Къ бою они строились большими, тѣсно-сжатыми, квадратными массами, а въ сраженіи съ Маріемъ при Верцеллахъ (101) кимвры въ первыхъ рядахъ были связаны цѣпами, прикрѣпленными къ щитамъ, для того, чтобы лучше хранить равненіе, непроницаемость и твердость строя. Они и тевтоны имѣли трубы и, вмѣсто знаменъ, древки съ грубыми изваяніями звѣрей, животныхъ, птицъ и т. п. Въ бой они шли съ страшными: шумомъ и крикомъ или, лучше сказать, дикимъ ревомъ, отъ котораго, по словамъ римскихъ историковъ, кровь застывала въ жилахъ у самыхъ храбрыхъ воиновъ, и первое нападеніе производили съ неимоверными: запальчивостью, яростью, стремительностью и силой, но если непріятель выдерживалъ его хладнокровно и стойко и если при этомъ время было знойное, то они вскорѣ приходили въ изнеможеніе и, по словамъ римскихъ писателей, слабѣли тѣломъ и духомъ, подобно женщинамъ и дѣтямъ. Если же они были опрокидываемы въ свои станы, то оборонялись въ нихъ съ необыкновенными: упорствомъ, ожесточеніемъ и даже остервененіемъ, дѣйствуя дротиками, мечами и сѣкирами изъ-за повозокъ и съ вершины ихъ. Женщины въ бояхъ помогали мужчинамъ, подавая и перемѣняя имъ оружіе, вынося раненыхъ и убитыхъ, и т. п., при нападеніяхъ же непріятеля на станы принимали дѣятельнѣйшее участіе въ бою и сражались съ немальшими противъ мужчинъ храбростью, упорствомъ и ожесточеніемъ.

Цезарь, въ своихъ комментаріяхъ или запискахъ о войнѣ галльской, сообщаетъ очень мало свѣдѣній о германцахъ. Изъ нихъ видно только, что германцы были народъ мужественный, воинственный, храбрый, гордый своею независимостью, страстно привязанный къ ней и необыкновенно тщеславный. Самымъ многочисленнымъ, сильнымъ и воинственнымъ племенемъ германскимъ, по словамъ Цезаря, были суэвы или союзъ

100 племенъ подъ общимъ названіемъ суэвовъ. Каждое изъ этихъ союзныхъ племенъ ежегодно высылало по 1,000 воиновъ на войну. Вождь суэвовъ, Аріовистъ, въ переговорахъ съ Цезаремъ объявилъ, что германцы—народъ, рѣдко живущій подъ кровлей, но все время проводящій въ войнѣ, привычный къ владѣнію оружіемъ и ненужный. Другія два германскія племена, тенхтеры и узипеты или узипіане, переправившіяся при Цезарѣ черезъ Рейнъ въ Галлію, съ женами и дѣтьми, въ числѣ болѣе 43,000 человекъ, гордо объявили Цезарю, что отцы и дѣды научили ихъ никогда и ни у кого не просить пощады. Всѣ вообще германцы были, по словамъ Цезаря, огромнаго роста, имѣли звѣрскій видъ и были до невѣроятности смѣлы, отважны, даже дерзки. Они сражались болѣею частію пѣшими, но главную силу и лучшую часть ихъ ополченій составляла конница, хорошо вооруженная и устроенная. Каждый всадникъ перевозилъ на лошади за собою по одному пѣшему воину. Если бой становился упорнымъ, то пѣшіе воины соскакивали съ лошадей, выступали впередъ и принимали дѣятельное участіе въ бою. Если который-либо изъ всадниковъ былъ раненъ, то они выносили его изъ боя. Они были столь легки и быстры на бѣгу, что нерѣдко, держась одною рукою за лошадиную гриву, бѣжали рядомъ съ скакавшими во весь опоръ лошадьми. Къ бою германцы строились по племенамъ, поколѣніямъ и семействамъ, тѣсно-сжатыми квадратными частями или отдѣленіями. Нападенія они производили съ мечами въ рукахъ и въ бою нерѣдко строили черепаху, прикрытую щитами спереди, съ боковъ и сверху. Станы же свои они ограждали со всѣхъ сторонъ тѣсносдвинутыми повозками, не столько для обороны, сколько для того, чтобы никто не надѣялся убѣждать. Во всемъ прочемъ германцы, противъ которыхъ сражался Цезарь, представляютъ общія черты сходства съ кимврами и тевтонами.

§ 9.

Г а л л ы.

Второе мѣсто послѣ германцовъ принадлежитъ трансальпийскимъ галламъ, покореннымъ Цезаремъ послѣ 7-ми-лѣтней, упорнѣйшей войны съ ними. Въ комментаріяхъ Цезаря находимъ обстоятельныя и любопытныя свѣдѣнія объ этомъ народѣ и странѣ, въ которой онъ обиталъ. Последняя заключала въ себѣ пространство между Атлантическимъ океаномъ, Рейномъ, Альпами,

Средиземнымъ моремъ и Пиренеями, и составляла собственную Галлію, которую римляне, въ отличіе отъ ближней (къ Риму), цизальпийской или предъ-альпийской (*Gallia citerior aut cisalpina*), называли дальнею, трансальпийскою или за-альпийскою (*Gallia ulterior aut transalpina*), а также широкоплатяною (*braccata*) — отъ носимаго ея жителями, широкаго неподняго

платья, и длинноволосою (comata)—отъ длинныхъ, распущенныхъ волосъ ихъ. Цезарь раздѣлилъ ее, по различію въ нарѣчіяхъ ея жителей, на 3 главные части: Галлію Бельгійскую или Бельгику — на сѣверовостокѣ между Рейпомъ и Секвапою (нынѣ Сена), Галлію Аквитанскую или Аквитанію—на югозападѣ, между Гарумною (нынѣ Гаронна), океаномъ и Пиренеями, и Галлію Кельтійскую или Кельтику—въ срединѣ, между океаномъ, Секваной, Роданомъ и Гарумной. Юговосточная часть Галліи, вдоль Средиземнаго моря, отъ Альновъ до Пиренеевъ, уже задолго до Цезаря была завоевана римлянами и обращена въ римскую провинцію, позже по главному городу своему, Нарбону, названную Галліею нарбонскою (нынѣ Провансъ во Франціи). Впрочемъ Бельгика, Кельтика и Аквитанія различались и не одними нарѣчіями своихъ жителей, но и нравами и обычаями послѣднихъ, какъ равно и собственными топографическими и климатическими свойствами.

Бельгика на сѣверѣ, по близости моря, была страна ровная, покрытая лѣсами и пересѣченная многими рѣками и болотами, а на югѣ — гористая и лѣсистая. Жители ея, по словамъ Цезаря, происходили большею частью отъ германцовъ, которые перешли черезъ Рейнъ и поселились въ этомъ краю, изгнавъ туземцовъ. По этому-ли происхожденію отъ германцовъ или по близкому сосѣдству съ ними и по отдаленности, напротивъ, отъ римлянъ, бельги, чуждые роскоши и пѣги, были самымъ сильнымъ, воинственнымъ и храбрымъ, но и самымъ необразованнымъ и грубымъ народомъ въ Галліи. Замѣчательнѣйшими, по войнѣ съ Цезаремъ, племенами ихъ были: моринны и червіи — по берегу океана, суэссоны и ремы — къ в. отъ нихъ, веромандуи и беллоаки — въ срединѣ между тѣми и другими, левки — къ в. и медиоматрики — къ з. отъ вогезскихъ горъ, верозуны — по обѣимъ сторонамъ р. Мозы (нынѣ Маасъ), трибокки, неметы, убіяне и батавы — на лѣвомъ берегу нижняго Рейна, и къ з. отъ нихъ — мепаніи и адуатики или тунгры.

Кельтика была страна холмистая, съ многими равнинами и обширными лѣсами. Часть ея вдоль береговъ океана называлась Арморикою или Арморикою: здѣсь дѣйтельно производились судоходство и рыбная ловля. Въ Кельтикѣ обитали одни собственно кельтическія племена, которыхъ было очень много. Примѣчательнѣйшими изъ нихъ по войнѣ съ Цезаремъ были: эдун и эдунты и карнеты — по всему теченію р. Лигера (нынѣ Луара), вепеты, куріосолиты и унеллы — по берегу океана, отъ устья р. Лигера до устья р. Самары (нынѣ Соммъ), сено-

ны, лингоны и паризіане — по теченію р. Сокваны, боии и авлерки — внутри страны, арверны, кадурки и лемовики — къ с. отъ Гарумны, и секваны и равраки — между р. Араромъ (нынѣ Саона) и среднимъ Рейпомъ. Жители Кельтики, живя ближе къ римлянамъ, нежели бельги, и ведя дѣятельную внутреннюю торговлю, были богаче и образованнѣе всѣхъ прочихъ галловъ и не имѣли дикихъ и суровыхъ нравовъ бельговъ, хотя были тоже народъ весьма храбрый.

Наконецъ Аквитанія была страна, пересѣченная множествомъ рѣкъ, но не весьма плодородная; въ ней находились также лѣса и горы. Жители ея были отчасти единоплеменники пберяпъ или испанцовъ, и отчасти кельты. И тѣ и другіе во многомъ сходились съ испанцами. Примѣчательнѣйшими, по войнѣ съ Цезаремъ, племенами ихъ были: битуриги, конвены и ауски.

Но въ главныхъ чертахъ всѣ вообще галлы, по описанію Цезаря, сходились между собой. Всѣ они отличались высокимъ ростомъ, крѣпостью и силою тѣлесными, способностью переносить холодъ, прямотушiemъ и необыкновенною храбростью. Но рожденные въ странѣ сырой и холодной, они, подобно германцамъ, не переносили жаровъ и, изнемогая отъ нихъ, слабѣли тѣломъ и духомъ. Не страшась никакихъ опасностей, они боялись трудовъ и не имѣли ни твердости, ни терпѣнія, необходимыхъ для перенесенія ихъ, были легкомысленны и непостоянны, въ удачѣ являя отважность и дерзость безразсудная, въ неудачѣ же приходя въ уныніе и отчаяніе. Необыкновенно тщеславные, они любили носить дорогія одежды и украшенія, были страстны къ золоту и деньгамъ, крайне суевѣрны, жестоки, люты и свирѣпы на войнѣ и даже въ мирѣ.

Общественное ихъ устройство представляло слѣдующія главные черты:

Нижшее сословіе или простой народъ находился почти въ рабствѣ и ни во что не считался. Вся власть, все вліяніе, всѣ права и преимущества, всѣ почести и отличія принадлежали двумъ высшимъ сословіямъ — друидамъ или жрецамъ, и всадникамъ, какъ ихъ называетъ Цезарь, потому что они сражались не иначе, какъ на коняхъ. Друиды судили споры и ссоры, частныя и общія, тяжбы и дѣла уголовныя, рѣшали дѣла о мирѣ и войнѣ между племенами и проч. Поэтому они имѣли большое вліяніе на общественныя дѣла и управленіе и пользовались большимъ уваженіемъ. Къ сословию всадниковъ принадлежали всѣ благородные и знатные галлы (по нынѣшнему дворянство). Главнымъ, почетнѣйшимъ ихъ занятіемъ была война — и они вели ее безпрерывно. Охота была также любимымъ ихъ

занятіемъ. Имъ принадлежало и гражданское управленіе и изъ среды ихъ ежегодно были избираемы, какъ главные гражданскіе правители, такъ и главные военные вожди. Каждое племя имѣло свое особенное управленіе и своихъ особенныхъ правителей и вождей; но вмѣстѣ съ тѣмъ они составляли одинъ народъ, общія дѣла котораго рѣшались въ общенародныхъ собраніяхъ. Должно однако замѣтить, что до и во время войны съ Цезаремъ галлы вообще были постоянно раздѣлены на двѣ противныя и враждебныя одна другой политическія партіи, изъ которыхъ въ главѣ одной находились эдун или эдунты, давнишніе союзники римлянъ, а въ главѣ другой — то арверны, то секваны, а во время войны съ Цезаремъ — ремы. Точно также были раздѣлены каждое племя и каждая община. Цезарь тщательно поддерживалъ это раздѣленіе и весьма искусно пользовался имъ.

Военное же устройство галловъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Въ обыкновенныхъ случаяхъ на войну шли знатнѣйшіе всадники съ собственными дружинами, составленными изъ ихъ домо-чадцовъ, подвластныхъ имъ простолюдиновъ и солдуровъ. Такъ пазывались молодые люди благороднаго происхожденія, которые добровольно поступали къ всадникамъ на службу оруженосцами, клялись имъ въ вѣрности и повиновеніи, учились у нихъ всему, что касалось военного дѣла, и раздѣляя съ ними военные ихъ труды, подвиги и славу, участвовали и въ ихъ забавахъ, охотѣ, пирахъ и т. п. Солдуры, равно какъ и всѣ другіе благороднаго происхожденія воины дружинъ, сражались на коняхъ, а простолюдины — пѣшими. Въ случаяхъ же особенной важности или опасности производилось поголовное вооруженіе одного или нѣсколь-

кихъ соединенныхъ племенъ, и въ этихъ общенародныхъ ополченіяхъ также высшее сословіе составляло конницу, а простой народъ пѣхоту. Какъ въ обыкновенныхъ случаяхъ, такъ и въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, изъ сословія всадниковъ въ общенародныхъ собраніяхъ былъ избираемъ главный военный вождь, который имѣлъ однако весьма ограниченную власть и находился въ большой зависимости отъ предводителей частныхъ дружинъ. Главную силу и лучшую часть галльскихъ ополченій составляла, какъ естественно, отличная конница изъ сословія всадниковъ, хорошо и богато вооруженная, въ племахъ и латахъ, съ щитами, мечами и дротиками, и на добрыхъ коняхъ. Пѣхота была вооружена большею частью только длинными мечами и длинными щитами. Въ бою всадники составляли переднюю шеренгу, въ строѣ разукнутомъ, а солдуры ихъ, въ нѣкоторомъ разстояніи за ними и въ такомъ же строѣ — заднюю. Пѣхота сражалась въ болѣе или менѣе сильныхъ, тѣсносжатыхъ, квадратныхъ частяхъ или отдѣленіяхъ, подъ предводительствомъ своихъ родоначальниковъ, старѣйшинъ или всадниковъ. Подобно германцамъ, и галлы, идя въ бой, производили страшные шумъ и крикъ, и пѣшіе изъ нихъ нерѣдко обнажались до пояса, и точно также, какъ германцы, галлы первое нападеніе производили съ запальчивостью, но, въ случаѣ упорнаго сопротивленія непріятеля, скоро изнемогали тѣломъ и упали духомъ. За всеѣмъ тѣмъ они справедливо пользовались славою отменно храбрыхъ войскъ, лучшимъ свидѣтельствомъ чему могутъ служить всѣ ихъ битвы съ Цезаремъ, и самъ Цезарь вполне отдастъ имъ въ этомъ должную справедливость.

§ 10.

Г е л ь в е т ы.

Гельветы, жители Гельвѣціи (нынѣшней Швейцаріи), участвовавшіе въ нашествіи кимвровъ и тевтоновъ и позже сражавшіеся въ трансальпийской Галліи съ Цезаремъ, были, по словамъ послѣдняго, народъ необразованный, грубый, гордый и жадный къ завоеваніямъ и корысти, но мужественный, воинственный и храбрый. Каждый изъ благородныхъ, знатныхъ и богатыхъ гельветовъ имѣлъ свою дружину, составленную изъ его домочадцовъ, друзей, домашней челяди и вольныхъ охотниковъ, иногда числомъ до 10—15,000 чел. Предводительствуя такого рода дружиною, онъ

ходилъ на войну для отпугиванія чужихъ земель, обогащенія своего грабежомъ и добычей, и удовлетворенія страсти къ войнѣ и удалству. Гельветы сражались обыкновенно пѣшими, съ чрезвычайными: стойкостью, упорствомъ и настойчивостью, впередъ, вокругъ или позади своихъ повозокъ и обозовъ, въ строѣ, имѣвшемъ видъ квадратной фаланги, т. е. одинаковыя ширину и глубину, и прикрываемомъ спереди, съ боковъ и сверху черепахой изъ щитовъ. Они имѣли также и конницу, хотя и въ небольшомъ числѣ. Во всемъ прочемъ они сходились съ германцами и галлами.

§ 11.

Б р и т а н ц ы .

Британцы, бритоны или бриты были кельтскаго происхожденія, но болѣе дикіи и грубы, нежели кельты галльскіе. Они жили отчасти въ городахъ, болѣею же частью отдѣльными селеніями въ лѣсахъ, которыми была покрыта Британія, въ хижинахъ, огражденныхъ земляными окопами, и красили себѣ тѣло, одѣвались въ звѣринныя шкуры, управлялись многими князьками или царьками, иногда и царицами, и жили скотоводствомъ, звѣринными и рыбными промыслами, войной и грабежомъ. Оружіе ихъ составляли длинныя мечи, сѣкиры и дротики. Они носили щиты, но шлемовъ и латъ не употребляли, имѣли малорослыхъ, но сильныхъ и быстрыхъ копей, и сами были хорошими всадниками. Главную силу ихъ со-

ставляли военныя колесницы, которыя они въ бою употребляли съ большимъ искусствомъ, устремляли ихъ съ величайшимъ: быстротой и силой прямо въ середину или въ промежутки непріятельскихъ рядовъ, и внезапно останавливая ихъ, соскакивали съ нихъ на землю, сражались пѣшими и снова сажались на нихъ, если были слишкомъ тѣсны. Самъ Цезарь не пренебрегалъ такимъ образомъ дѣйствій, соединявшимъ, по его мнѣнію, легкость и быстроту конницы съ твердостью и стойкостью пѣхоты. Вообще британцы были весьма ловки, проворны и особенно искусны въ управленіи лошадьми. Впрочемъ военное дѣло у нихъ пахотлось въ самомъ грубомъ состояніи.

§ 12.

П а р я н е .

Паряне, народъ скинскаго происхожденія, обитали въ верхней или средней Азій, въ странѣ, лежавшей къ ю. отъ Гирканіи и къ в. отъ Мидіи,—покрытой обнаженными горами и песчаными степями, безплодной, холодной въ горныхъ, знойной въ низменныхъ частяхъ своихъ и потому особенно способствовавшей образованію крѣпкихъ тѣломъ, суровыхъ нравами и мужественныхъ воиновъ. До Александра В. паряне были подвластны персидскимъ, а по смерти его—сирійскимъ царямъ. Въ 256 же году до Р. Х., воспользовавшись паденіемъ греко-бактрійскаго царства и смутами въ сирійскомъ, они образовали независимое парянское царство, основателемъ котораго и родоначальникомъ царственной династіи Арзакидовъ былъ Арзакъ I. Въ слѣдующія затѣмъ 100 лѣтъ, воинственные и честолюбивые Арзакиды распространили предѣлы парянскаго царства на в. до Инда, а на з. до Евфрата. Здѣсь, послѣ паденія царства Митридата В., они пришли въ соприкосновеніе и наконецъ въ столкновеніе съ римлянами и подобно тому, какъ германцы на сѣверѣ, въ Европѣ, такъ они на востокѣ, въ Азій, около 300 лѣтъ (отъ 54 года передъ Р. Х. до 226 г. по Р. Х.) противопоставляли неподолжимую преграду завоеваніямъ римлянъ, сильно тѣснили съ востока римскіе предѣлы и не разъ въ войнахъ съ римлянами на-

носили имъ жестокія пораженія, пока наконецъ не уступили своего мѣста персамъ.

По свидѣтельству Трога Помпея и другихъ историковъ римскихъ и греческихъ, паряне, въ періодъ войнъ ихъ съ римлянами, были народъ коварный, жестокій, болѣе хитрый и дерзкій, нежели храбрый, притомъ тревожно-дѣятельный, безпрестанно искавшій поводовъ къ войнамъ внѣшнимъ или внутреннимъ, и предавшій роскоши, нѣгѣ и разврату. Правленіе его было монархическо-аристократическое: власть царей, избираемыхъ исключительно изъ рода Арзакидовъ, была ограничена высшимъ государственнымъ совѣтомъ, суренами или полководцами и сильною аристократіей. Царскими столицами были: лѣтнею—Экбатана, а зимнею—Ктезифонъ. Конная служба составляла почетнѣйшія преимущество и отличіе высшего, благороднаго и свободнаго сословія. Число рабовъ было огромное и безпрестанно умножалось (потому что господа ихъ не имѣли права ихъ освобождать), и потому парянскія арміи всегда были составлены преимущественно изъ рабовъ, образовавшихъ весьма хорошую легкую конницу. Арміями предводительствовали обыкновенно сами цари, либо ихъ братья, сыновья или близкіе родственники, при которыхъ въ такомъ случаѣ всегда состоялъ одинъ изъ опытнѣйшихъ и лучшихъ полководцевъ, для совѣта

и руководства. Вооруженіе пареянъ и образъ дѣйствій ихъ въ бою сохранили тѣ же черты, которыя всегда имѣли у скинговъ. Вооруженные преимущественно метательнымъ оружіемъ — луками и дротиками, пареяне славились необыкновенно ловкимъ, искуснымъ, мѣткимъ и сильнымъ дѣйствіемъ ими, въ особенности же стрѣльбою изъ луковъ съ коней, на всемъ скаку, впередъ и назадъ. Поэтому они были столько же страшны въ бѣгствѣ, сколько и въ нападеніи и въ преслѣдованіи. Они имѣли впрочемъ также и пѣхоту, и тяжелую конницу, въ которой всадники — можетъ быть по примѣру прежнихъ сосѣдей и владетелей пареянъ, персовъ — были съ головы до ногъ покрыты латами. Въ полѣ, если непріятель дѣйствовалъ наступательно, пареяне отступали въ разсыпную, производя сильную стрѣльбу изъ луковъ и частыя нападенія съ фронта, фланговъ и тыла, отдѣльными толпами удалцовъ-наѣздниковъ, поддерживаемыхъ сильными отрядами. Ослабивъ и утомивъ этимъ непріятеля, они производили общее, дружное, рѣшительное нападеніе съ нѣсколькихъ

сторонъ. При отступленіи непріятеля, они быстро и сильно преслѣдовали его, дѣйствуя впрочемъ такъ же, какъ и при его наступленіи. Посредствомъ такого образа дѣйствій, искони свойственнаго скинамъ, пареяне разбили и истребили армію Красса при Каррахъ къ Мессопотаміи (53), — армію Антонія принудили съ огромнымъ урономъ отступить изъ Мидіи (36) и въ послѣдствіи останавливали всѣ успія римлянъ къ распространенію предѣловъ римскаго государства на востокъ. При такомъ образѣ дѣйствій и составѣ пареянскихъ армій изъ конницы, весьма естественно, что пареяне сражались всегда на равнинахъ, боя же на мѣстности пересѣченной тщательно избѣгали, стараясь заманивать непріятеля на мѣстность ровную и открытую. Вообще постоянною чертою дѣйствій пареянъ въ полѣ и въ бою было стремленіе подавлять непріятеля числительнымъ превосходствомъ, силой, а тамъ, гдѣ одной силы было недостаточно — прибѣгать къ пособію военныхъ хитростей.

ГЛАВА III.

ВОЙНЫ И ПОХОДЫ ЮЛІЯ ЦЕЗАРЯ

(58 — 45 г. до Р. Х.).

I. Юлій Цезарь отъ рожденія до войны въ Галліи (100 — 59). § 13. Цезарь отъ рожденія до 18 лѣтъ (100 — 82). — § 14. Цезарь въ гоненіи и въ Малой Азіи (81 — 75). — § 15. Цезарь въ общественныхъ званіяхъ (74 — 60). — § 16. Цезарь — консуль (59). — II. Война въ Галліи (58 — 51). — § 17. 1-й годъ войны въ Галліи (58). — 1-й походъ противъ гелльветовъ; — бой при р. Араръ; — сраженіе при Бибракть. — § 18. 2-й походъ противъ Ариовиста (58); — движеніе Ариовиста и Цезаря къ Везонцію; — сраженіе близъ Рейна. — § 19. 2-й годъ войны въ Галліи (57); — 3-й походъ противъ бельговъ; — бой при р. Аксонъ. — § 20. Сраженіе при р. Сабисъ; — осада и взятіе крѣпости адуатиковъ; — покореніе приморскихъ галловъ.

Древніе историчеки: Суэтоній и Плутархъ (жизнь Цезаря); — Діонъ Кассій (кн. XXVII — LI); — Аппіанъ (войны съ Митридатомъ и междоусобицы); — Юлія Цезаря комментаріи о войнѣ въ Галліи (VIII кн.) и о междоусобицахъ (III кн.); — комментаріи (писанные не Ю. Цезаремъ) о войнахъ: александрійской, африканской и испанской; — Веллей Патеркулъ (II кн.); — (Иустинъ XIII кн.) и др. — Новѣйшія историческія пособія: Guichard, Davon, Wagnery, Bösch, Vaudrécourt, Turpin de Crissé, Perrot d'Ablancourt, Wailly, Vacca Berlinghieri, Beauchamp, De Bury, Meissner, Haken, Hoyer, Kausler, Reichard, Napoléon I, Lossau, Rüstow, Liskenne et Sauvan: l'ibliothèque histor. et milit., Desjardins, Fallue, Saulcy, Devclay, Napoléon III и пр. (см. выше).

I.

Юлій Цезарь отъ рожденія до войны въ Галліи (100 — 59).

§ 13.

Цезарь отъ рожденія до 18 лѣтъ (100 — 82).

Каіій Юлій Цезарь *) родился въ 100-мъ г. передъ Р. Х. (654 г. отъ основанія Рима), въ пятомъ мѣсяцѣ (quintilis, который по этому и былъ въ послѣдствіи названъ по имени его Іюлемъ). Онъ происходилъ по отцу отъ принявшей съ конца 3-го вѣка прозваніе Цезарей, одной отрасли весьма древ-

*) Такъ какъ родъ Цезарей былъ римскій, то по латинскому произношенію названіе его Саесаръ правильнѣе писать и произносить по русски Цезарь, а не Цесарь, что есть искаженіе того же названія на греческомъ языкѣ — Καίσαρ, Кесарь.

няго и знатнаго рода Юліевъ, переселеннаго Тулломъ Гостиліемъ изъ Альбы въ Римъ, принадлежавшаго съ тѣхъ поръ къ сословію римскихъ патриціевъ и со времени учрежденія республики постоянно облакаемаго въ высшія общественныя въ Римѣ званія. Объ отцѣ Каія Юлія Цезаря извѣстно только, что онъ былъ преторомъ и умеръ, когда сыну было 16 лѣтъ (84). Мать Каія Юлія Цезаря, Аврелія, знатнаго, хотя и плебейскаго по происхожденію рода, была женщиною возвышеннаго характера и строгой нравственности, тщательно запп-

малась воспитаніемъ сына и въ особенностн содѣйствовала, разумнымъ и просвѣщеннымъ руководствомъ, развитію счастливыхъ природныхъ дарованій его и приготовленію его къ достойному исполненію будущаго призванія его. И сынъ ея вполне усвоилъ себѣ плоды ея заботъ. Онъ учился также у галла М. Антонія Гнифона, философа и учителя краснорѣчія, отличнаго ума, обширной учености и знатока греческой и латинской литературы, которыя изучилъ въ Александріи. Въ это время греческій и латинскій языкъ были въ совершенно равной мѣрѣ достояніемъ всякаго образованнаго римлянина, почему и Юлій Цезарь съ малолѣтства владѣлъ обоими въ одинаковомъ совершенствѣ (и даже послѣднія слова его Бруту при убіеніи были греческія: Καὶ σὺ, τέκνον!, т. е. и ты, дитя или чадо!). Хотя и жаждавшій наслажденій, однако, по словамъ Суэтонія, онъ не пренебрегалъ ничѣмъ для пріобрѣтенія тѣхъ достоинствъ, которыя вели молодыхъ патриціевъ къ общественнымъ званіямъ. Желая отличиться между всѣми сверстниками своими, онъ не ограничился изученіемъ наукъ и литературы, но и самъ сочинялъ; и въ числѣ его сочиненій упоминаются Похвалы Геркулесу, трагедія Эдипъ, собраніе избранныхъ изреченій и книга о пропорціи, написанная такимъ чистымъ и правильнымъ языкомъ и слогомъ, что снискали ему извѣстность отличнаго писателя. Но, по словамъ Тацита, онъ былъ менѣе счастливъ въ стихотворномъ искусствѣ; однако до насъ дошло нѣсколько стиховъ его въ память Теренція, которые не лишены изящности.

И такъ воспитаніе образовало изъ Юлія Цезаря отличнаго, вполне образованнаго молодого человѣка. По свидѣтельству римскихъ писателей, онъ соединялъ съ добротою сердца—необыкновенный умъ, съ храбростію сверхъ-естественною—увлекательное краснорѣчіе, замѣчательную память, безграничную щедрость и рѣдкое качество—спокойствіе въ гнѣвѣ. «Его снисходительность» — говоритъ Плутархъ — «его вѣжливость, его благосклонный пріемъ—качества, которыми онъ обладалъ въ степени выше своего возраста, заслужили ему любовь народа».

Съ этими природными дарованіями, развитыми блистательнымъ воспитаніемъ, въ немъ соединялись и преимущества внѣшнія или тѣлесныя. Его довольно высокій ростъ и правильное тѣлосложеніе придавали всей его внѣшности изящную пріятность, отличавшую его отъ всѣхъ. Глаза у него были черные, взоръ проникательный, цвѣтъ лица блѣдный, носъ прямой и довольно длинный, ротъ небольшой и правильный, но губы нѣсколько толстыя, что придавало нижней части лица его выраженіе благоволенія, между тѣмъ какъ широкій лобъ его

обнаруживалъ особенное развитіе умственныхъ способностей. Лицо его въ молодости было довольно полное, но на бѣстахъ его, сдѣланныхъ подъ конецъ его жизни, изображается болѣе исхудалымъ и истомленнымъ. Голосъ у Цезаря былъ звучный и дрожащій, тѣлодвиженія — благородныя, вся внѣшняя осанка — исполненная достоинства. Тѣлосложеніе его, сначала пѣжное, съ ходомъ времени укрѣпилось умѣренностію въ пищѣ и питіи и привычкою подвергать себя всѣмъ воздушнымъ переменамъ и непогодамъ. Смолоду привычный ко всѣмъ тѣлеснымъ упражненіямъ, онъ необыкновенно смѣло и ловко ѣздилъ верхомъ на лошади и легко переносилъ лишения и труды. Воздержный въ своей обыкновенной жизни, онъ не вредилъ своему здоровью неумѣренностію ни въ трудѣ, ни въ наслажденіяхъ. Внѣшностію своею онъ тщательно занимался: гладко брилъ бороду, волосы искусно зачесывалъ сзади напередъ головы, что въ зрѣломъ возрастѣ служило ему къ сокрытію лысины на головѣ. Одежду онъ носилъ щегольскую, съ бахрамою на тогѣ и съ небрежно повязаннымъ поясомъ, по обычаю изнѣженныхъ щеголей того времени. По этому поводу Силла и говорилъ, что нужно было остерегаться этого молодого человѣка съ слабо-повязаннымъ поясомъ. Наконецъ, Цезарь любилъ картины, статуи, драгоценныя камни и всегда носилъ на пальцѣ перстень съ вырѣзаннымъ на немъ изображеніемъ вооруженной Венеры, въ память своего—по его мнѣнію—происхожденія отъ Венеры и Ахиса.

Таково изображеніе Юлія Цезаря въ молодости, до 18 лѣтъ, въ тѣлесномъ, умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ, Плутархомъ и многими другими римскими писателями. Изъ этого изображенія можно вообще вывести заключеніе, что Цезарь, въ тѣлесномъ и нравственномъ отношеніяхъ, соединялъ въ себѣ свойства, рѣдко соединенныя въ одномъ человѣкѣ, а именно: съ аристократическою пѣжностію тѣлесною — первическій темпераментъ воина, изящность ума — съ глубиною мышленія, любовь къ роскоши и изящнымъ искусствамъ — съ страстію къ военной жизни во всей ея простотѣ и суровости, словомъ съ изяществомъ обворожительныхъ внѣшнихъ формъ—энергію повелительнаго характера.

Таковъ былъ 18-ти-лѣтній Цезарь, уже привлекавшій на себя общее вниманіе въ Римѣ, когда Силла сдѣлался диктаторомъ (въ 82 г.). Уже за 4 года передъ этимъ (въ 86 г.), по вліянію дяди своего, знаменитаго Марія, женатаго на теткѣ его, Юліи, онъ былъ назначенъ, 14-ти лѣтъ отъ роду, жрецомъ Юпитера. А 16-ти лѣтъ онъ былъ помолвленъ, противъ воли, на дочери одного богатаго римскаго всадника, Коссуніи,

по по смерти отца своего отказался жениться на ней и годъ спустя женился на Корнеліи, дочери Корнелія Циппы, бывшего

сотоварища Маріа и представителя его партіи. Отъ этого брака родилась дочь Юлія, бывшая въ послѣдствіи женою Помпея.

§ 14.

Цезарь въ гоненіи и въ Малой Азіи (81—75).

Подозрительно и враждебно взиралъ Силла на Цезаря. Прежде всего онъ захотѣлъ принудить его отвергнуть (*repudiare*) жену свою Корнелію; но Цезарь не повиновался ему, безъ страха за жизнь свою. За это Силла лишилъ его сана жреца, приданого жены и наслѣдства въ своемъ родѣ. Цезарь, дабы избѣгнуть гоненій его, былъ принужденъ скрываться въ разныхъ мѣстахъ въ окрестностяхъ Рима и однажды, остановленный шайкою убійцъ, нанятыхъ Силлой, подкупилъ начальника ея, Корнелія Фагиту, давъ ему 2 таланта (около 3,500 р.), и спасъ свою жизнь. Между тѣмъ всеобщее участіе къ нему было такъ сильно, что наконецъ Силла, уступая вліятельнымъ ходатайствамъ за Цезаря, согласился помиловать его, прибавивъ: «Пусть будетъ по вашему желанію, но знайте, что тотъ, помилованія котораго вы просите, нѣкогда будетъ виновникомъ гибели партіи сильныхъ, за которую мы сражались вмѣстѣ, потому что, повѣрьте мнѣ, въ этомъ молодомъ человѣкѣ — нѣсколько Маріевъ» (Суэтонія: Цезарь). Силла угадалъ вѣрно: въ Цезарѣ былъ Марій — великій полководецъ, но съ гораздо болѣе обширнымъ военнымъ гениемъ, Марій — врагъ олигархіи, но безъ страстной ненависти и безъ жестокости, наконецъ Марій — не человѣкъ своей партіи, но человѣкъ своего времени.

Помилванный Цезарь не захотѣлъ быть равнодушнымъ свидѣтелемъ кровожаднаго правленія Силлы и отправился (въ 81 г.) въ Малую Азію, гдѣ пашель убѣжище у царя Витинія Никомеда. Вскорѣ онъ принялъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Митридата, поступивъ волонтеромъ подъ начальство претора Минуція Терма, въ качествѣ его контубернала (*contubernales* были молодые люди знатныхъ фамилій, состоявшіе при полководцѣ, бывшіе ближайшими его сподвижниками и подъ руководствомъ его изучавшіе военное дѣло на практикѣ). Минуцій Термъ послалъ Цезаря къ Никомеду, склонить его къ содѣйствію осадѣ Митилена. Цезарь успѣлъ въ этомъ и лично содѣйствовалъ взятію этого города, при чемъ, за спасеніе жизни одного римскаго воина, получилъ отъ Терма въ награду гражданскій вѣнокъ (*corona civica*). Вскорѣ послѣ того онъ воротился въ Витинію, для защиты тяжбы одного изъ сво-

ихъ довѣрителей, въ благодарность за оказанное ему въ Витиніи гостепріимство. Но частое пребываніе его при дворѣ Никомеда послужило врагамъ его поводомъ къ постыднымъ для Цезаря обвиненіямъ, позже проникшимъ даже въ нѣкоторыя пренія римскаго сената и въ пѣсни римскихъ воиновъ, сопровождавшихъ Цезаря въ его триумфѣ. Но Цезарь съ негодованіемъ опровергалъ эти гнусныя обвиненія.

Участвовавъ въ сухопутныхъ военныхъ дѣйствіяхъ, въ первый разъ, при осадѣ Митилена, онъ въ первый же разъ принялъ участіе и въ военныхъ дѣйствіяхъ на морѣ — на флотѣ проконсула Сервилія (въ 78 г.), которому поручено было вести войну противъ кликійскихъ морскихъ разбойниковъ. Но онъ недолго оставался при Сервиліѣ и, узнавъ о смерти Силлы, воротился въ Римъ (въ 78 г.). Здѣсь, благоразумно держа себя совершенно въ сторонѣ отъ соперничества обоихъ консуловъ Лепида и Катула, онъ предпочелъ вліять на общественное мнѣніе, публично клеймя словесно клеветовъ Силлы, дабы выказать себя и ораторомъ, и патриотомъ. Съ этою цѣлью онъ публично обвинилъ одного изъ такихъ клеветовъ Силлы, Долабеллу, бывшего консула и правителя Македоніи, въ злоупотребленіяхъ по управленію ея. Судъ, составленный изъ такихъ же клеветовъ Силлы, оправдалъ Долабеллу, но общественное мнѣніе превознесло Цезаря за его смѣлость, патриотизмъ и блистательное краснорѣчіе. Ободренный этимъ, Цезарь обвинилъ нѣкоего Антонія Гибрида въ томъ, что онъ, начальствуя отрядомъ конницы, произвелъ грабежи въ нѣкоторыхъ частяхъ Греціи, когда Силла возвращался изъ Азіи. Обвиненный былъ также оправданъ, но популярность Цезаря возрасла еще болѣе. Послѣ того, Цезарь защищалъ еще нѣсколькихъ угнетенныхъ грековъ, чѣмъ заслужилъ благодарность всѣхъ грековъ въ Римѣ, мнѣніе которыхъ имѣло въ немъ большіе вѣсъ и вліяніе.

Однако, не смотря на пріобрѣтенную имъ славу публичнаго оратора, Цезарь, рѣшившійся оставаться чуждымъ смутѣ Рима и Италіи, предпочелъ снова удалиться на время и отправился (въ 76 г.) въ Родосъ усовершенствоваться въ наукахъ, потому что этотъ городъ, подобно Александріи, былъ въ это время центромъ наукъ, пребы-

ваніємъ знаменитѣйшихъ философовъ и школою знатнѣйшихъ молодыхъ людей. Но на пути моремъ въ Родосъ, близъ одного изъ Спорадскихъ островковъ, Фармакузы, Цезарь былъ взятъ въ плѣнъ морскими разбойниками. Они потребовали отъ него 20 талантовъ (около 35 т. рублей). Онъ насмѣялся надъ ними и сказалъ, что дастъ имъ 50 талантовъ (около 122,500 рублей), которые и послалъ раба своего занять въ ближайшихъ городахъ. А между тѣмъ онъ 40 дней провелъ на эскадрѣ разбойниковъ и внушилъ имъ такое уваженіе и даже страхъ къ себѣ, что, по словамъ Плутарха, казался болѣе ихъ царемъ, нежели плѣнникомъ, и шутя говорилъ имъ, что, разъ на свободѣ, распнетъ ихъ всѣхъ на крестахъ!—Получивъ и заплативъ имъ обѣщанныя деньги, онъ высадился на берегъ и немедленно снарядилъ суда, напалъ врасплохъ на разбойниковъ, отнялъ у нихъ свои деньги и

всю ихъ добычу, а ихъ самихъ выдалъ проконсулу Азіи Силану. Но Силанъ, желая продать, а не казнить ихъ, не принялъ ихъ, и тогда Цезарь отправился въ Пергамъ и тамъ дѣйствительно распялъ ихъ на крестахъ.

Затѣмъ онъ отправился въ Родосъ, пользоваться ученіемъ у Аполлонія Молота, одного изъ знаменитѣйшихъ учителей краснорѣчія въ это время. Но вскорѣ возобновленіе Митридатомъ въ Малой Азіи войны противъ римлянъ и движеніе его съ арміею къ Кизикю побудили Цезаря покинуть свои учебныя занятія и отправиться въ провинцію Азію. Набравъ здѣсь на свой счетъ войска, онъ изгналъ изъ этой провинціи Митридатова правителя и удержалъ въ повиновеніи тѣ города, которые были сомнительны или колебались въ вѣрности римлянамъ.

§ 15.

Цезарь въ общественныхъ званіяхъ (74—60).

Между тѣмъ друзьямъ его въ Римѣ удалось назначить его главнымъ жрецомъ (*pontifex*). Это побудило его отправиться въ Римъ, изъ опасенія снова попасть въ руки морскихъ разбойниковъ—черезъ Адриатическій заливъ на 4-хъ-весельной лодкѣ, въ сопровожденіи только двухъ друзей и 10-ти рабовъ. Прибывъ благополучно въ Римъ (въ 74 г.), онъ былъ избранъ значительнымъ большинствомъ голосовъ въ военные трибуны, однако не воспользовался тѣмъ для принятія участія въ военныхъ дѣйствіяхъ римлянъ, ни въ Испаніи противъ Серторія, ни въ Азіи противъ Митридата, ни на востокѣ противъ варваровъ и морскихъ разбойниковъ, ни въ самой Италиі противъ возставшихъ рабовъ. Цезарь не хотѣлъ служить ни въ одной изъ римскихъ армій, которая всѣ находилась подъ начальствомъ приверженцовъ партіи Силлы. Когда же оружіе римское восторжествовало повсюду и въ главѣ республики явились два консула-соперника, Помпей и Крассъ, Цезарь началъ рѣшительно, хотя и осторожно, дѣйствовать съ цѣлю образованія себѣ сильной партіи, снисканія расположенія народа и пріобрѣтенія значенія и вѣса, а для достиженія этой цѣли употреблялъ всевозможныя средства, и роскошь, и пышность, и расточительность, и ласкательства въ отношеніи черни, распутною жизнію прикрывая обширные честолюбивые замыслы. И хотя онъ и разорился, но вполне достигъ своей цѣли, распространивъ и утвердивъ свое вліяніе такъ, что ничто

уже не могло поколебать его. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ уже въ это время имѣлъ въ виду достигнуть верховной въ Римѣ власти и уничтожить республику. Вниманіе его было постоянно обращено на возстановленіе маріанской и подавленіе силланской партій. Первымъ, явнымъ свидѣтельствомъ расположенія къ нему простаго народа было назначеніе его военнымъ трибуномъ (см. выше) и потомъ квесторомъ, а вторымъ—всеобщее одобреніе, когда онъ, по смерти тетки своей, вдовы Марія, осмѣлился публично произнести похвальное слово ей и несть за тѣломъ ея изображение Марія, а по смерти жены своей, Корнелии, дочери Цинны, публично же произнесъ и ей похвальное слово. Вскорѣ послѣ того (въ 68 г., 32 лѣтъ отъ роду) онъ отправился въ Испанію, въ званіи квестора арміи проконсула Антистія Вета. Здѣсь, какъ говорятъ нѣкоторые историки, увидавъ статую Александра В., онъ горько заплакалъ, укоряя себя въ томъ, что не совершилъ еще ничего въ такія лѣта, въ которыя Александръ уже покорилъ значительную часть тогдашняго міра. Пораженный этою мыслию, онъ, еще до срока своего квесторства, взялъ отпускъ, возвратился въ Римъ и началъ втайнѣ возбуждать къ возстанію транспаданскихъ галловъ, не имѣвшихъ, по крайне желавшихъ имѣть права римскаго гражданства. Не успѣвъ возмутить ихъ только потому, что консулы удержали въ Италиі войска, долженствовавшія отправиться въ Малую Азію противъ Митридата, онъ прибѣг-

нулъ къ другимъ средствамъ — тайнымъ и преступнымъ пронкамъ и кознямъ. Сильныя подозрѣнія пали на него въ участіи въ 1-мъ заговорѣ Катилины (66 г.) и въ заговорѣ Пизона. Но это нимало не ослабило расположенія къ нему народа: напротивъ, курульное эдильство *) его еще болѣе усилило оное, вслѣдствіе великолѣпнѣйшихъ игръ, которыя онъ, по званію эдила, давалъ народу и которыя пышностью превосходили все, что когда-либо дотолѣ видали въ этомъ родѣ въ Римѣ. Сильный пріобрѣтеннымъ, такимъ образомъ, необыкновеннымъ расположеніемъ народа, онъ дерзнулъ возстановить въ Капитолѣ уничтоженныя народнымъ приговоромъ статуи Марія, съ побѣдными въ честь его трофеями и надписями — и всѣ изумились такой необычайной смѣлости, но никто не дерзнулъ воспрепятствовать Цезарю, а маринская партія ободрилась и снова явилась на свѣтъ. Катулъ и съ нимъ многіе другіе видѣли въ этомъ поступкѣ Цезаря явное стремленіе къ уничтоженію республики, но Цезарь силою своего краснорѣчія не только вполне опровергнулъ Катула, но и достигъ того, что поступокъ его былъ одобренъ самимъ сенатомъ (65 г.).

Но проски и козни его съ цѣлю быть посланнымъ въ Египетъ и привести эту страну и о. Кипръ въ подданство Рима — не имѣли успѣха. Катулъ сильно возсталъ противъ этого, и Цезарь, хотя и поддержанный Крассомъ, потерпѣлъ неудачу.

Выйдя изъ эдильства, онъ принялъ (въ 64 г.) званіе уголовного судьи (*iudex quaestionis*) и приговорилъ къ смерти всѣхъ виновныхъ въ убіеніи проскриптовъ (при Спалѣ), но спасъ болѣе всѣхъ виновнаго Катилину, что подтвердило подозрѣнія въ соумышленности его съ послѣднимъ. И хотя ничего достовѣрнаго неизвѣстно касательно участія его во 2-мъ заговорѣ Катилины, но несомнѣнно то, что онъ былъ въ связяхъ съ Катилиною и благопріятствовалъ ему, вѣроятно намѣреваясь воспользоваться плодами его предпріятія, въ случаѣ

удачи. Подозрѣнія противъ Цезаря были столь сильны, что онъ однажды днемъ, на площади, едва не былъ убитъ всадниками и только заступничеству Цицерона былъ обязанъ спасеніемъ жизни. Въ судѣ надъ заговорщиками, онъ подаль мнѣніе о заключеніи ихъ на цѣлую жизнь въ тюрьму; но Цицеронъ и Катонъ опровергли его и заговорщики были казнены (63).

Въ томъ же 63-мъ году Цезарь, не смотря на домогательства знатнѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ гражданъ Рима, былъ облеченъ въ званіе верховнаго жреца (*pontifex maximus*), а въ 62-мъ году назначенъ преторомъ. Но съ расположеніемъ къ нему народа росла и ненависть аристократіи противъ него, и это сословіе даже отрѣшило его отъ преторства, однако черезъ нѣсколько дней принуждено было возвратить ему оное.

По выходѣ изъ преторства, Цезарь получилъ въ управленіе Испанію (въ концѣ 61-го года), но, задержанный законодателями, тогда только могъ выѣхать изъ Рима, когда Крассъ поручился за пятую часть его долговъ, простиравшихся до 1,300 талантовъ (около 2.275,000 руб. сер.).

Испанія была тогда въ мирѣ и тишинѣ, но Цезарь нашелъ случай возбудить въ ней войну, далъ нѣсколько сраженій, взялъ многіе города въ Лузитаніи и Галліи (нынѣшней Галиціи) и пріобрѣлъ такую огромную и богатую добычу, что не только щедро наградилъ свои войска, но и заплатилъ всѣ свои долги въ Римѣ. Войска, въ знакъ благодарности, почтили его титуломъ императора и, по видимому, онъ заслужилъ триумфъ, но, утвердивъ въ Испаніи тишину и порядокъ, и еще до срока своего начальствованія воротясь въ Римъ, отказался отъ триумфа, для того, чтобы быть выбраннымъ въ консулы: ибо по закону долженъ былъ триумфа просить и ждать внѣ Рима, а консульства — въ стѣнахъ его. Здѣсь, во время выборовъ на 59-й годъ, онъ совершилъ важное дѣло — примирилъ Помпея съ Крассомъ и заключилъ съ ними тотъ тройственный союзъ, который извѣстенъ въ исторіи подъ названіемъ 1-го триумвирата и передалъ всю власть въ Римѣ въ руки этихъ трехъ знаменитыхъ честолюбцевъ. Здѣсь государственныи умъ Цезаря явился въ полной силѣ: Цезарь такъ искусно умѣлъ воспользоваться вліяніемъ и значеніемъ Помпея и Красса, что всѣ выгоды и вся слава ихъ триумвирата принадлежали ему.

*) Эдилы (*aediles*) имѣли въ своемъ завѣдываніи и надзорѣ всѣ общественныя въ Римѣ зрѣлища, зданія, постройки и полицію на городскихъ рынкахъ. Сперва ихъ было только 2 изъ плебеевъ (*aediles plebis*), но съ начала 3-го вѣка передъ Р. Х. къ нимъ были прибавлены еще 2 изъ патриціевъ (*aediles curules*).

§ 16.

Цезарь — консуль (59).

Вслѣдъ затѣмъ Цезарь былъ назначенъ консуломъ, вмѣстѣ съ Калпурніемъ Бибуломъ, но совершенно устранилъ послѣдняго и былъ, можно сказать, не только единственнымъ консуломъ, но и почти совершеннымъ диктаторомъ. Достигнувъ высшей степени любви народной, онъ, опираясь на нее, заставилъ принять, вопреки желаніямъ и годамъ сената и аристократіи, 4 важныхъ закона *), ввѣрить ему управленіе Иллиріей и цизальпинскою Галліей, съ 3-мя легіонами, на 5 лѣтъ, и вслѣдъ затѣмъ прибавить къ этому еще римскую провинцію въ трансальпинской Галліи и 1 легіонъ. Такимъ образомъ онъ получилъ или, лучше сказать, самъ избралъ и взялъ въ управленіе, не какую-либо страну въ Азіи, которая могла бы только обогатить его, но важнѣйшую въ политическомъ и военномъ отношеніяхъ, изъ всѣхъ принадлежавшихъ римской республикѣ, потому что она служила Италіи и Риму какъ бы преградой отъ нападений галловъ и германцовъ, — страну, въ которой онъ поэтому могъ снискать блистательную славу и главное — образовать преданное ему войско. Мало того: онъ заставилъ признать друзьями и союзниками римскаго народа Аріовиста, вождя германскаго племени суэвовъ, съ званіемъ царя, и Птолемея Авлетта, царя египетскаго (отъ послѣдняго онъ получилъ большую сумму денегъ, которую расточилъ между народомъ). Долженствуя отправиться въ Галлію, онъ выдалъ дочь свою Юлію за Помпея, дабы тѣмъ болѣе скрѣпить узы свои съ нимъ на время своего отсутствія, а самъ женился на Калпур-

пій, дочери Пизона, потому что послѣдній имѣлъ быть выбранъ въ консулы на 58-й годъ. Наконецъ, онъ совершенно устранилъ двухъ человекъ, которыхъ опасался болѣе всѣхъ, именно — Цицерона, принужденнаго осудить самаго себя на изгнаніе изъ Рима, и Катона, сосланнаго на о. Кипръ. И затѣмъ уже, въ началѣ 58-го года, Цезарь отправился въ цизальпинскую Галлію и съ этого времени начинается новый, блистательнѣйшій періодъ его жизни. «Войны», — говоритъ Плутархъ — «веденныя имъ съ тѣхъ поръ, и знаменитые походы, въ которыхъ онъ покорилъ Галлію, открыли ему совершенно другой путь и имъ началась для него, нѣкоторымъ образомъ, новая жизнь. На этомъ-то поприщѣ онъ является намъ такимъ великимъ военнымъ человекомъ, такимъ искуснымъ полководцемъ, какимъ до толѣ не былъ ни одинъ изъ возбужденныхъ наиболѣе удивленія и снискавшихъ наиболѣе славы своими подвигами **). Съ своей стороны прибавимъ къ этому, что до начальствованія своего въ Галліи, Цезарь вообще является въ отношеніи къ уму и характеру — съ блистательной, но въ нравственномъ отношеніи — не съ завидной стороны. Справедливое и безпристрастное изображеніе его, въ эти первые 40 лѣтъ его жизни, необходимо было однако для полноты изображенія его, какъ полководца, въ послѣдующія 14 лѣтъ, и для лучшаго уразумѣнія и справедливой оцѣнки рѣзкой перемѣны, происшедшей въ немъ въ этотъ послѣдній и блистательнѣйшій періодъ его жизни.

II.

Война въ Галліи (58—51).

§ 17.

1-й годъ войны въ Галліи (58).

1-й походъ противъ гелльветовъ; — бой при р. Араръ; — сраженіе при Бибрактѣ.

Избравъ для своего управленія Галлію, Цезарь желалъ войны — и гелльветы немедленно доставили ему случай къ ней.

*) 1) О падѣленіи земель, изъ общественныхъ полей, уволенныхъ въ отставку воиновъ и бѣднѣйшихъ гражданъ, 2) объ утвержденіи всѣхъ распоряженій Помпея въ Азіи, 3) объ утвержденіи прошенія общества участниковъ (большою частью изъ сословія всадниковъ) въ откупѣхъ Азіи и 4) о перечисленіи П. Клодія изъ патриціевъ въ плебеи. Первыми тремя законами

Подвигнутые однимъ изъ знатнѣйшихъ вождей своихъ, властолюбивымъ Оргето-

Цезарь совершенно привлекъ на свою сторону отставныхъ воиновъ, бѣднѣйшихъ гражданъ, Помпея и всадниковъ, Клодій же былъ избранъ имъ въ орудіе для дѣйствія на черни.

**) Плутархъ разумѣетъ здѣсь предшествовавшихъ полководцевъ римскихъ, изъ которыхъ и называетъ даже Фабія, Метелла, Сципіоновъ, Марія, Силлу, Лукулла и самаго Помпея, и ставитъ Цезаря выше всѣхъ ихъ.

риксомъ, имѣвшимъ тайное намѣреніе сдѣлаться царемъ, они еще въ 61-мъ году рѣшились выйти изъ слишкомъ тѣсной для нихъ и со всѣхъ сторонъ ограниченной горамъ и рѣками, Гельвеціи, и переселиться въ болѣе пространную и плодородную Галлію. Открывъ истинныя намѣренія Оргеторикса и тайный договоръ, заключенный имъ съ Кастикомъ, вождемъ секвановъ, и Думнориксомъ, вождемъ эдуевъ ¹⁾—двухъ сосѣдственныхъ съ гельветами племенъ Галліи—съ цѣлію помогать другъ другу въ достиженіи царской власти,—гельветы хотѣли предать Оргеторикса суду и казни; но онъ въ это самое время умеръ или, какъ полагаютъ, лишилъ себя жизни. Это нимало не измѣнило однако принятаго гельветами намѣренія переселиться въ Галлію и они два года (60—59) употребили на необходимыя приготовленія къ тому—сборъ продовольственныхъ запасовъ, выючнаго скота и повозокъ, и усиленіе себя союзниками и сообщниками изъ числа сосѣдственныхъ равраковъ, тулинговъ, латобриговъ и поселенныхъ въ Норикъ боіевъ ²⁾.

Для переселенія изъ Гельвеціи въ Галлію было только два пути: одинъ—черезъ земли секвановъ, между Роданомъ и Юрою, узкій и трудный, по которому едва могла проѣхать одна повозка и слѣдовательно горсть людей, занявъ вершину ущелья, легко могла остановить многочисленнаго непріятеля;—другой—черезъ римскую провинцію (т. е. римлянамъ принадлежавшую часть Галліи), гораздо кратчайшій и удобнѣйшій. Здѣсь на Роданѣ, отдѣлявшемъ Гельвецію отъ земель аллоброговъ ³⁾, во многихъ мѣстахъ были удобныя броды, а въ Геневѣ (нынѣ Женевы), городѣ аллоброговъ, на лѣвомъ берегу Родана, находился мостъ. А потому гелветы и избрали этотъ послѣдній путь, тѣмъ болѣе, что надѣялись склонить на свою сторону и увлечь за собою аллоброговъ, еще не вполне покорныхъ римлянамъ, въ противномъ же случаѣ—силою принудить ихъ къ пропуску черезъ ихъ земли.

Окончивъ всѣ свои приготовленія къ походу, въ началѣ 58-го года (по юліанскому календарю) они запаслись на 3 мѣсяца мукою и, сжегши 12 своихъ городовъ, 400 селеній и всѣ запасы хлѣба, дабы тѣмъ лишить себя всякой надежды на возвращеніе когда-либо на свою родину и побудить себя

къ преодолѣнію всѣхъ возможныхъ трудовъ и опасностей, въ числѣ 368,000 душъ (мужчинъ, женщинъ и дѣтей), изъ коихъ 92,000 способныхъ сражаться мужчинъ, двинулись съ обозами и имуществомъ къ общему сборному мѣсту на правомъ берегу Родана противъ Геневы, куда пазначили собраться къ 28 марта ¹⁾.

Узнавъ объ этомъ, Цезарь поспѣшилъ изъ Рима въ Геневу и, прибывъ туда на 8-я сутки, тотчасъ велѣлъ снять мостъ на Роданѣ и набрать въ римской провинціи сколько можно болѣе всѣхъ, потому что въ этой области былъ всего только одинъ, набранный въ ней, 10-й легионъ ²⁾. Гельветы послали просить у него пропуска черезъ римскую провинцію, обѣщая не разорять ее. Но Цезарь нимало не былъ намѣренъ пропустить ихъ, потому что: 1) помнилъ пораженіе единоплеменниками ихъ, за 49 лѣтъ передъ тѣмъ (въ 107-мъ г.) въ Галліи, римской арміи консула Кассія, который самъ палъ въ бою, а армія его была принуждена пройти подъ игомъ; 2) онъ не полагалъ возможнымъ, чтобы такой народъ и въ такомъ числѣ, какъ гелветы, могли пройти черезъ римскую провинцію, не разоривъ ее, и 3) какъ весьма вѣроятно—не хотѣлъ допустить и самаго переселенія гелветовъ, которое съ одной стороны повлекло бы за собою переселеніе въ Гельвецію, на предѣлы римской республики, безпокойныхъ и опасныхъ германцовъ, а съ другой—умножило бы число враговъ римлянъ въ трансальпинской Галліи, которую Цезарь, безъ сомнѣнія, уже въ это время имѣлъ намѣреніе завоевать. Но дабы выиграть время и успѣть собрать новаго набора войска, онъ предложилъ гелветамъ прислать къ нему за отвѣтомъ черезъ двѣ недѣли, къ 13-му апрѣля ³⁾. Гельветы согласились на это, а Цезарь, почти въ виду ихъ, съ удивительною дѣятельностью и быстротою устроилъ въ эти двѣ недѣли, войсками 10-го легиона и постепенно подходившими изъ римской провинціи—земляной валъ, въ 16 римскихъ футовъ вышины и 19,000 шаговъ (около 24

¹⁾ 28-е марта по римскому календарю, бывшему въ это время въ большомъ безпорядкѣ, соответствовало, по мнѣнію Наполеона I—8 му января, а по исчисленіямъ Гишара—началу или половинѣ февраля.

²⁾ Turpin de Crissé не безъ основанія замѣчаетъ, что Цезарь могъ бы гораздо ранѣе узнать о намѣреніяхъ гелветовъ и перевести въ римскую провинцію 1 или 2 изъ трехъ легионовъ, находившихся около Аквилы въ цизальпинской Галліи, гдѣ въ нихъ особенной надобности не было. Гельветы два года готовились къ переселенію, а Цезарь, бывъ въ 59-мъ году консуломъ, имѣлъ полное право располагать войсками по своему усмотрѣнію.

³⁾ По мнѣнію Наполеона I—къ 23-му января, а по исчисленіямъ Гишара—въ первыхъ числахъ марта.

¹⁾ Секваны обитали въ Franche-Comté, а эдуи—въ южной части Бургоніи и ближайшихъ, сосѣдственныхъ съ нею земляхъ.

²⁾ Равраки обитали въ южномъ Эльзасѣ, около нынѣшняго Базеля, тулинги и латобриги—какъ кажется, въ сосѣдствѣ съ ними, также въ Эльзасѣ или въ Лотарингіи, боіи были родомъ изъ средней Галліи, а Норикъ заключалъ часть нынѣшнихъ Баваріи и австрійскихъ владѣній.

³⁾ Галлы—аллобруги обитали въ нынѣшнихъ Савойи и Дофинѣ.

версть) длины, вдоль лѣваго берега Родана, отъ озера Лемана до горы Юры. Впередѣ вала онъ вырылъ широкій и глубокий ровъ,—въ мѣстахъ, наиболѣе удобныхъ для перехода галловъ черезъ Роданъ въ бродъ и переправы на судахъ, построилъ малыя, сомкнутыя укрѣпленія (форты) и вдоль всего лѣваго берега Родана расположилъ цѣпь карауловъ.

Непостижимымъ кажется, какъ гельветы, немедленно по прибытіи на Роданъ, не попытались перейти черезъ него силой, потомъ согласились на 2 недѣли отсрочки и въ продолженіи этихъ двухъ недѣль оставались въ бездѣйствіи, не препятствовали работамъ Цезаря, не прорвались силой или не пошли другою дорогою. Когда же въ назначенный день они прислали къ Цезарю за отвѣтомъ (хотя отвѣтъ его уже былъ у нихъ передъ глазами, т. е. укрѣпленная его линія), тогда онъ объявилъ имъ, что законы и обычаи римлянъ не позволяютъ ему пропустить гельветовъ черезъ римскія владѣнія; если же они захотятъ пройти насильно, то онъ твердо намѣренъ и будетъ умѣть не допустить ихъ до того. Обманутые гельветы пытались, хотя и поздно, перебраться черезъ Роданъ на лодкахъ, плотахъ и въ бродъ; но всѣ попытки ихъ какъ днемъ, такъ въ особенности ночью, остались тщетными и, всюду отраженные войсками Цезаря, они по необходимости принуждены были рѣшиться идти другимъ путемъ чрезъ земли секвановъ. Но какъ этимъ путемъ безъ согласія секвановъ пройти было невозможно, то они и обратились къ посредничеству Думнорикса, Оргеториксова зятя, весьма уважаемаго секванами по причинѣ его высокаго званія и особенно щедрости. По его ходатайству секваны согласились пропустить гельветовъ, а гельветы обязались не разорять земель секвановъ, въ удостовѣреніе чего оба народа дали другъ другу заложниковъ.

Узнавъ, что гельветы вознамѣрились идти чрезъ земли секвановъ и эдуевъ для того, чтобы водвориться въ земляхъ сантоновъ *), недалеко отъ города Толозы или Тулузы въ римской провинціи, Цезарь понялъ, сколь опасно было бы для послѣдней водвореніе въ ея сосѣдствѣ воинственныхъ и непріязненныхъ римлянамъ гельветовъ, которые владѣли бы чрезвычайно обильными хлѣбомъ равнинами. А потому, ввѣривъ Лабіену (одному изъ своихъ легатовъ, къ которому имѣлъ наиболѣе довѣрія) занятіе и оборону вала на Роданѣ, и рассчитавъ, что гельветы будутъ двигаться весьма медленно, Цезарь съ величайшею поспѣшностью отправился лично въ цизальпинскую Галлію,

пабравъ въ ней 2 новыхъ легіона (11-й и 12-й), присоединилъ къ нимъ три старыхъ (7-й, 8-й и 9-й), зимовавшихъ въ окрестностяхъ Аквилей, и съ этими 5-ю легіонами двинулся усиленными переходами и кратчайшимъ путемъ чрезъ городъ Оцель и земли центроновъ, гароцеловъ, катуриговъ, вокоптянъ и аллоброговъ въ земли сегузійнъ, лежавшія на сѣверныхъ предѣлахъ римской провинціи, по ту сторону Родана ¹⁾. Все это было исполнено имъ съ чрезвычайною скоростью, не смотря на то, что при переходѣ его чрезъ Альпы, центроны, гароцелы и катуриги преградили ему путь и онъ принужденъ былъ на каждомъ шагу сражаться съ ними въ горахъ, при чемъ вездѣ отразилъ ихъ съ успѣхомъ.

Гельветы, напротивъ, двигались въ продолженіи этого времени столь медленно, что успѣли только пройти чрезъ земли секвановъ и вступить въ земли эдуевъ, изъ коихъ послѣднія стали жестоко грабить и разорять. Эдунъ, въ званіи союзниковъ римлянъ, обратился съ просьбою о помощи къ Цезарю, и въ то же время и съ такими же просьбами прислали къ нему пословъ союзники эдуевъ, амбарры ²⁾, и аллоброги, отчасти обитавшіе на правой сторонѣ Родана. Цезарь не могъ долѣе терпѣть, чтобы гельветы грабили и разоряли земли союзниковъ и подданныхъ римлянъ, и увѣрилъ эдуевъ, амбарровъ и аллоброговъ, что не замедлитъ положить этому конецъ, но только требовалъ отъ нихъ вспомогательныхъ войскъ и особенно конницы, которой вовсе не имѣлъ въ своей арміи ³⁾. Вслѣдствіе того, знатнѣйшіе изъ эдуевъ (въ томъ числѣ Думнориксъ) вскорѣ присоединились къ нему съ конными и отчасти пѣшими дружинами.

Между тѣмъ легкія передовыя войска увѣдомили Цезаря, что $\frac{3}{4}$ гельветовъ (жители трехъ округовъ или кантоновъ Гельвеціи) переправились на судахъ и плотахъ черезъ р. Араръ (нынѣ Саона) неподалеку отъ го-

¹⁾ Оцель—нынѣ городъ Экзилль (Exilles), въ Пиемонтѣ, на перевалѣ чрезъ Монъ-Женевръ (Mont-Genevre) и на пути изъ Сузы въ Бриансонъ, во Франціи, въ департ. верхнихъ Альповъ,—центроны, гароцелы и катуриги обитали на пространствахъ между нынѣшними Сузою и Бриансономъ,—вокоптяне—въ деп-тѣ р. Дромы, а сегузійяне—въ деп-тѣ Роны. И такъ Цезарь вообще слѣдовалъ по направленію на нынѣшніе Экзилль, Бриансонъ, Амбрень (Embrun), Ди (Die) и Лионъ.

²⁾ Амбарры обитали, кажется, между нынѣшними Лиономъ и Макономъ, по обѣ стороны Саоны.

³⁾ Замѣчательно, что въ продолженіи всей войны въ Галліи Цезарь вовсе не имѣлъ въ своей арміи римской конницы, но вспомогательную галльскую, начальствованіе надъ которою ввѣрялъ, вопреки обычаю римлянъ и вѣроятно изъ политическихъ причинъ, галльскимъ знатымъ вождямъ.

*) Бывшая область Saintonge, нынѣ департаментъ нижней Шаранты, на правой сторонѣ нижней Гаронны.

рода Кабиллона (нынѣ Шалонъ на Саонѣ), — остальная же $\frac{1}{4}$ (жители четвертаго округа — тигуринцы) съ обозами еще находилась по сю сторону Арара ¹⁾. По полученіи этого извѣстія, Цезарь въ слѣдующую же затѣмъ 3-ю стражу ночи ²⁾ послѣшно двинулся съ тремя старыми легионами (7-мъ, 8-мъ и 9-мъ) вверхъ по лѣвому берегу Арара къ мѣсту переправы гельветовъ чрезъ эту рѣку. Сдѣлавъ усиленный переходъ, на разсвѣтѣ онъ напалъ совершенно неожиданно на тигуринцовъ и большое число ихъ положилъ на мѣстѣ, а остальные бѣжали и скрылись въ ближайшихъ лѣсахъ ³⁾. Такимъ образомъ, говоритъ Цезарь, отомщены были, и пораженіе Кассія, и смерть павшаго съ нимъ Пизона, дѣда Цезарева тестя того же имени.

Немедленно послѣ пораженія тигуринцовъ, Цезарь, безъ всякаго со стороны гельветовъ препятствія ⁴⁾, въ одни сутки построилъ мостъ и перешелъ по немъ чрезъ Араръ, т. е. сдѣлавъ то, на что гельветы употребили 20 сутокъ! Изумленные его быстротою, они отправили къ нему посольство, которое объявило, что если Цезарь хочетъ мира, то гельветы поселятся тамъ, гдѣ онъ имъ укажетъ, а если войны, то вспомнилъ бы только пораженіе Кассія. Цезарь отвѣчалъ хладнокровно, безъ гнѣва, что согласенъ на миръ, если гельветы дадутъ заложниковъ и удовлетворятъ эдоевъ, амбарровъ и аллоброговъ за причиненные имъ убытки. «Гельветы привыкли брать, а не давать заложниковъ» — гордо отвѣчали послы и тѣмъ кончились переговоры.

На слѣдующій день гельветы двинулись далѣе въ земли сантоновъ. Цезарь послалъ за ними для наблюденія, по какой дорогѣ они пойдутъ, всю свою конницу (прибывшую отъ эдоевъ и ихъ союзниковъ, и набранную въ римской провинціи) въ числѣ 4,000 чел. Увлечшись преслѣдованіемъ и

главное — предводимая Думнориксомъ, измѣнявшимъ Цезарю ¹⁾, конница эта вступила, на невыгодной для нея мѣстности, въ бой съ 500-ми чел. конницы гельветской — и Думнориксъ первый, а за нимъ всѣ прочіе постыдно бѣжали. Гордясь этимъ успѣхомъ, гельветы смѣлѣе начали останавливаться и даже завязывать дѣла съ передовыми войсками Цезаря. Но онъ, будучи болѣе нежели вдвое слабѣе гельветовъ ²⁾, дѣйствовалъ весьма осторожно, избѣгая общаго боя и ограничиваясь только тѣмъ, что неотступно слѣдовалъ за гельветами и не позволялъ имъ фуражировать и грабить край. Такимъ образомъ онъ и гельветы шли 15 дней, постоянно располагаясь въ 5 — 7 миляхъ ($7\frac{1}{2}$ — $10\frac{1}{2}$ верстахъ) разстоянія между собою.

Между тѣмъ, чѣмъ болѣе Цезарь удалялся отъ Арара, съ цѣлю не терять гельветовъ изъ виду, тѣмъ болѣе убавлялись въ его арміи запасы продовольствія, а способы пополненія ихъ затруднялись. Тѣ, которые онъ велѣлъ сплавить вверхъ по Арару, ставились бесполезными; хлѣбъ на поляхъ еще не созрѣлъ и даже подножнаго корму еще было мало ³⁾; — эдунъ же, обѣщавшіе поставить хлѣбъ, медлили доставкой его, не смотря на безпрестанныя требованія Цезаря. Допускаясь, отъ чего происходило это замедленіе, онъ узналъ наконецъ, что единственною причиною были тайныя козни и измѣна Думнорикса. Удовольствясь въ этомъ, Цезарь поступилъ весьма мудро и искусно: не предался гнѣву и мщенію, не сдѣлавъ огласки и не прибѣгнувъ къ суду и наказанію Думнорикса, чѣмъ возбудилъ бы только неудовольствіе эдоевъ и подвергъ бы войска свои голодной смерти, но призвалъ къ себѣ Думнорикса и въ присутствіи только одного брата его, Дивиціака, вѣрнаго и не усерднаго союзника римлянъ, обличилъ его въ измѣнѣ, но простилъ изъ уваженія къ Дивиціаку, совѣтуя впредь быть осторожнѣе; для большей же вѣрности велѣлъ тайно наблюдать за нимъ.

Въ тотъ же день передовая войска извѣстили Цезаря, что гельветы расположились станомъ у подошвы одной горы, миляхъ въ 8-ми (болѣе 11-верстъ) отъ римской арміи. Цезарь немедленно приказалъ развѣдать положеніе и свойства этой горы,

¹⁾ Гельвеція раздѣлялась, по словамъ Цезаря, на 4 округа (кантона), а Тулонжонъ (Toulougeon, одинъ изъ комментаторовъ записокъ Цезаря) полагаетъ, что они были образуемы четырьмя большими рѣками, прорѣзывающими Швейцарію. Тигуринцы были жители нынѣшняго цюрихскаго кантона и потомки тѣхъ самыхъ тигуринцовъ, которые въ 107-мъ г. разбили консула Кассія. Цезарь говоритъ, что гельветы переправлялись чрезъ Араръ съ большимъ трудомъ — 20 сутокъ; но Наполеонъ I замѣтилъ, что это не совсѣмъ вѣроятно.

²⁾ 3-я стража ночи у римлянъ простиралась отъ полуночи до 3-хъ часовъ утра или разсвѣта.

³⁾ Слѣдовательно гельветовъ на правой сторонѣ Арара осталось уже только 276,000 душъ, изъ коихъ $\frac{1}{4}$, т. е. 69,000 чел. способныхъ сражаться.

⁴⁾ Непостижимо, какъ 69,000 гельветовъ не воспрепятствовали переправѣ, въ виду ихъ, 30,000 войскъ Цезаря.

¹⁾ Turpin de Crissé и нѣкоторые другіе писатели не безъ основанія упрекаютъ Цезаря въ томъ, что онъ не ввѣрилъ начальствованія надъ конницею въ этомъ случаѣ кому-либо изъ римлянъ, какъ ни уважительны были его политическія причины.

²⁾ У Цезаря было 5 легионовъ или 30,000 чел. пѣхоты, и 4,000 чел. конницы (Лабіенъ еще не присоединился къ нему), у гельветовъ же, какъ сказано, 69,000 чел. способныхъ сражаться.

³⁾ Это было въ половинѣ или въ концѣ апрѣля по юліанскому календарю. Климатъ Галліи въ древности былъ весьма суровый.

и окольные дороги, ведшія на ея вершину. Получивъ о томъ удовлетворительныя свѣдѣнія, онъ отрядилъ присоединившагося уже къ нему Лабіена, въ 3-ю стражу ночи, съ 2-мя легионами и приказаніемъ скрытно занять вершину горы и напасть на гельветовъ съ тыла въ то самое время, когда онъ нападетъ на нихъ съ фронта. Самъ же со всѣми остальными войсками въ 4-ю стражу ночи ¹⁾ онъ двинулся, предшествуемый всею конницею, прямо противъ гельветовъ, по той самой дорогѣ, по которой они передъ тѣмъ шли. Легкими войсками, шедшими впереди конницы, начальствовалъ Консидій, военачальникъ свѣдущій и опытный въ военномъ дѣлѣ. На разсвѣтѣ, когда Цезарь былъ уже не болѣе, какъ въ 1,500 шагахъ отъ лагеря гельветовъ, Консидій прискакалъ къ нему съ извѣстіемъ, что вершина горы занята гельветами, которыхъ онъ узналъ по вооруженію и знаменамъ. По этому донесенію Цезарь счелъ болѣе благоразумнымъ отступить къ ближайшей высотѣ, на которой и построилъ армию въ боевой порядокъ. А между тѣмъ вершина горы была занята вовсе не гельветами, а Лабіеномъ, котораго Консидій, по странному случаю, принялъ за непріятеля; гельветы же, до разсвѣта вовсе не подозрѣвавшіе близости Цезаря и расположенія Лабіена въ тылу ихъ, сняли свой лагерь и поспѣшно отступили. Такимъ образомъ Цезарь лишился, отчасти по собственной винѣ ²⁾, удобнаго и выгоднаго случая разбить гельветовъ и рѣшить войну съ ними.

На слѣдующій день, крайне нуждаясь уже въ продовольствіи, Цезарь своротилъ въ сторону и двинулся къ находившемуся отъ него въ 18-ти миляхъ (27-ми верстахъ) главному городу эдуевъ — Бибрактѣ (нынѣ Autun), въ которомъ находились большіе запасы хлѣба. Сочтя-ли это за робость съ его стороны или, можетъ быть, намѣреваясь отрѣзать ему продовольствованіе, гельветы обратились назадъ и также двинулись къ Бибрактѣ. По приближеніи ихъ, Цезарь выслалъ имъ на встрѣчу, для задержанія ихъ, всю свою конницу, а самъ между тѣмъ построилъ свою армию ³⁾ на ближней горѣ,

¹⁾ Отъ 3-хъ до 6-ти часовъ утра.

²⁾ Не предупредивъ Консидія объ отраженіи Лабіена, не условясь съ Лабіеномъ о сигналахъ и не удостовѣривъ въ справедливости донесенія Консидія (Turpin de Crissé).

³⁾ Всего войскъ у Цезаря при Бибрактѣ, по словамъ Наполеона I, было:

6 легионовъ	пѣхоты 36,000 чел.
конницы	4,000 „
вспомогательныхъ войскъ отъ	
	20,000 до 30,000 „

Итого отъ 60,000 до 70,000 чел.

Но число вспомогательныхъ войскъ, кажется, преувеличено. Цезарь не означаетъ числа своихъ войскъ; достовѣрно однако то, что онъ былъ слабѣе гельветовъ.

педалеко отъ Бибракты, въ боевой порядокъ. Впереди, на полускатѣ, онъ поставилъ 4 старыхъ легиона (7-й, 8-й, 9-й и 10-й) въ 3 линіи, а позади, на вершинѣ горы — всѣ обозы подъ прикрытіемъ двухъ новыхъ легионовъ (11-го и 12-го), вспомогательныхъ войскъ и устроенныхъ ими укрѣпленій. Гельветы собравъ позади себя всѣ свои обозы, сомкнули ряды, отразили Цезареву конницу и построивъ фалангу ¹⁾, прикрытую спереди, съ боковъ и сверху черепахою изъ щитовъ, двинулись на гору противъ 1-й линіи римской арміи. Цезарь, желая доказать войскамъ, что намѣренъ вполне раздѣлить съ ними опасность и побѣдить или умереть, сошелъ съ лошади и отослалъ ее назадъ; примѣру его послѣдовали и всѣ окружавшіе его и всѣ частные начальники войскъ. Затѣмъ 4 переднихъ легиона, пустивъ дротики, стремительно бросились съ горы внизъ, съ мечами въ рукахъ, на гельветовъ. Завязался упорный и жестокий рукопашный бой, въ которомъ обѣ стороны долго сражались съ одинаковою храбростью, не отступая ни шагу. Наконецъ однако гельветы были приведены въ разстройство и, понеся большой уронъ, изнемогая отъ ранъ, начали отступать съ боемъ въ лощину и изъ нея на другую гору, въ 100 шагахъ отъ первой. Цезарь преслѣдовалъ ихъ, также съ боемъ, 4-мя передними легионами въ томъ же боевомъ порядкѣ, оставивъ обозы и 2 заднихъ легиона на вершинѣ горы. Въ то самое время, когда 4 переднихъ легиона всходили вслѣдъ за гельветами на гору, 15,000 боіевъ и тулинговъ неожиданно ударили имъ въ правый флангъ и въ тылъ. При видѣ этого и отступающіе гельветы обратились назадъ и напали на римлянъ съ фронта.

Положеніе Цезаря было трудное и опасное; но онъ тотчасъ противопоставилъ 3-ю линію боіамъ и тулингамъ, а 1-ю и 2-ю прочимъ гельветамъ — и на полугорѣ произошелъ вторичный, упорный бой, продолжавшійся до вечера. Наконецъ часть гельветовъ была принуждена отступать на вершину горы, а другая — къ обозамъ у подошвы ея, и здѣсь произошелъ третій, упорнѣйшій бой, продолжавшійся далеко за полночь, но кончившійся тѣмъ, что римляне овладѣли всѣми обозами и всемъ лагеремъ гельветовъ ²⁾. Разбитые на-голову и претерпѣвъ огромный уронъ, гельветы, въ числѣ уже не болѣе 130,000 душъ, удалились съ величайшею поспѣшностью въ противоположномъ прежнему направленіи, а именно къ с. в. — и, слѣдуя безостановочно днемъ

¹⁾ По Turpin de Crissé — 2 большія фаланги въ 1-й линіи и одну (15,000 боіевъ и тулинговъ) во 2-й, въ видѣ резерва и для прикрытія обозовъ.

²⁾ Сраженіе при Бибрактѣ произошло въ первой половинѣ мая по юліянскому календарю (Наполеонъ I).

и ночью, на 4-я сутки прибыли въ земли лингоновъ¹⁾. Цезарь не могъ тотчасъ преслѣдовать ихъ, потому, какъ самъ говоритъ, что трое сутокъ былъ удержанъ на мѣстѣ сраженія попеченіемъ о раненыхъ и погребеніемъ убитыхъ воиновъ своей арміи—доказательство, что побѣда досталась ему цѣлѣю и стоила дешево²⁾. Но тотчасъ послѣ сраженія онъ послалъ лингонамъ приказаніе не оказывать гелльветамъ никакой помощи, ни деньгами, ни продовольствіемъ, ни чѣмъ бы то ни было, грозя въ противномъ случаѣ поступить съ лингонами точно также, какъ съ гелльветами. По прошествіи же трехъ сутокъ онъ двинулся со всею арміею усиленными переходами вслѣдъ за гелльветами. Лингоны повиновались ему—и гелльветы, доведенные голодомъ до крайности, отправили къ Цезарю пословъ съ изъявленіемъ покорности и просьбой о мирѣ. Цезарь потребовалъ, чтобы они дали заложниковъ и выдали оружіе бѣжавшихъ къ нимъ рабовъ. Пока это исполнялось, наступила ночь и 6,000 урбигенянъ³⁾, тайно уйдя изъ лагеря, направились къ Рейну и Германіи. Узнавъ объ этомъ, Цезарь немедленно послалъ жителямъ земель, черезъ которыя урбигеняне должны были проходить, приказаніе задержать ихъ и представить ему. И таково было нравственное вліяніе побѣды его надъ гелльветами, что приказаніе его было въ точности исполнено. Съ урбигенянами было поступлено—говоритъ Цезарь—какъ съ врагами, что значитъ, что они были преданы смер-

ти—жестокость, недостойная Цезаря! За то, въ отношеніи къ прочимъ гелльветамъ, онъ явилъ большое великодушіе и весьма мудрую политику: по выдачѣ имъ заложниковъ, оружія и переметчиковъ, даровалъ имъ помилованіе и приказалъ возвратиться въ Гелльвецію и возстановить сожженные имъ города и селенія, при чемъ повелѣлъ аллоброгамъ снабдить ихъ до Гелльвеціи продовольствіемъ⁴⁾; храбрыхъ боіевъ же поселилъ, по просьбѣ эдуевъ, въ земляхъ сихъ послѣднихъ.

Таковъ былъ 1-й походъ Цезаря въ Галлію—походъ, который, судя по многочисленности и приготовленіямъ гелльветовъ, не имѣлъ бы, можетъ быть, такого скорого и удачнаго исхода для римлянъ, еслибы гелльветы, при всей своей храбрости, не были столь невѣжественны, дѣйствовали съ болѣею быстротою и рѣшительностью, еслибы между ними было болѣе согласія, единства и воинскаго порядка, и главное—еслибы противъ нихъ не было такого полководца, какъ Цезарь, быстрота, рѣшительность и искусство дѣйствій котораго заслуживаютъ величайшихъ похвалъ. При всемъ томъ, должно однако сознаться, что онъ сдѣлалъ въ этомъ походѣ нѣсколько важныхъ (указанныхъ выше) ошибокъ—потому, какъ кажется, что первый разъ въ жизни имѣлъ главное начальствованіе надъ большою арміею, въ важной войнѣ противъ многочисленнаго и опаснаго непріятеля, и не приобрѣлъ еще надлежащей въ этомъ опытности.

§ 18.

2-й походъ противъ Аріовиста (58).

Движеніе Аріовиста и Цезаря къ Везонцію;—сраженіе близъ Рейна.

По окончаніи похода противъ гелльветовъ, почти всѣ племена кельтической Галліи при-

слали къ Цезарю выборныхъ людей съ поздравленіями, изъявленіемъ благодарности—и просьбой защитить и избавить ихъ также отъ Аріовиста и германцовъ, прибывшихъ въ Галлію по нижеслѣдующему случаю:

¹⁾ Часть Бургоніи и большая часть Шампани;—главнымъ городомъ лингоновъ былъ Андаматунъ на р. Матронѣ (нынѣ Лангръ на р. Марнѣ).

²⁾ Распоряженія Цезаря къ бою и въ началѣ и концѣ боя были превосходны; но послѣ перваго отраженія гелльветовъ онъ сдѣлалъ, по мнѣнію Turpin de Crissé, двѣ ошибки: 1) оставивъ 2 легіона и вспомогательныя войска безъ всякой пользы позади на вершинѣ горы,—и 2) увлекшись преслѣдованіемъ гелльветовъ съ горы на гору, не обезпечилъ своего праваго фланга и тыла, былъ обойденъ, охваченъ и подвергся величайшей опасности быть разбитымъ.

³⁾ Иные полагаютъ, что урбигеняне обитали около города Урба (нынѣ Орбъ, въ вадтскомъ кантонѣ), другіе же около Берпа, но настоящія ихъ жилища въ достовѣрности неизвѣстны.

⁴⁾ Цезарь говоритъ, что въ станѣ гелльветовъ, послѣ сраженія при Бибракѣ, найдены были писанные греческими буквами именныя списки всѣхъ гелльветовъ, вышедшихъ изъ Гелльвеціи, и что по этимъ спискамъ всего ихъ было 368,000 мужчинъ, женщинъ и дѣтей, изъ коихъ 92,000 способныхъ сражаться мужчинъ. По исчисленію же, произведенному по приказанію Цезаря, въ Гелльвецію возвратилось только 110,000 душъ. Изъ этого не слѣдуетъ однако заключать, замѣчаетъ Наполеонъ I, что гелльветовъ погибло въ Галліи 258,000 душъ: большое число ихъ разсѣялось и отчасти водворилось въ Галлію, а многіе воротились въ Гелльвецію позже.

Двѣ враждебныя политическія партіи, на которыя (какъ выше сказано) были раздѣлены кельтическіе галлы и изъ которыхъ въ главѣ одной стояли эдуи, а въ главѣ другой—секваны, поддержанные арвернами *), долго вели междуусобную войну и наконецъ эдуи одержали верхъ, а секваны и арверны призвали на помощь Аріовиста, обѣщавъ ему щедрое вознагражденіе. Аріовистъ, прибывъ изъ-за Рейна съ 15,000 чел. своихъ суэвовъ, скоро склонилъ успѣхъ и перевѣсъ въ войнѣ на сторону секвановъ и арверновъ, наложилъ на эдуевъ и ихъ союзниковъ дань, взялъ съ нихъ заложниковъ и заставилъ ихъ поклясться, что они никогда не потребуютъ обратно своихъ заложниковъ и не будутъ просить помощи союзниковъ своихъ—римлянъ, ни стараться объ освобожденіи своемъ отъ подчиненности секванамъ и арвернамъ, или лучше сказать—ему самому. Ибо онъ и самихъ секвановъ и арверновъ подчинилъ своей власти, завладѣлъ одною третью ихъ земель, водворился между ними съ своими суэвами, и такъ какъ число послѣднихъ вскорѣ умножилось вновь прибывшими изъ-за Рейна до 120,000 чел., то и намѣревался, во время похода Цезаря противъ гельветовъ, завладѣть еще одною третью земель секвановъ и арверновъ. Подпавъ такимъ образомъ подъ тяжкое иго германскихъ варваровъ, ими же самими призванныхъ на помощь, и справедливо опасаясь, чтобъ они не завоевали всей Галліи, кельтическіе галлы и въ особенности эдуи, секваны и арверны убѣдительно просили Цезаря о помощи, представляя, что если римляне откажутъ въ ней, то имъ ничего болѣе не останется, какъ переселиться изъ Галліи въ какую-нибудь другую страну.

Многія причины побуждали Цезаря вступить за галловъ и не позволять германцамъ притѣснять ихъ и водворяться въ Галліи. Но въ особенности онъ считалъ постыднымъ и для себя, и для республики и народа римскихъ допустить, чтобы эдуи, издавна признанные друзьями и союзниками римлянъ, были поработены германцами, и признавалъ опаснымъ для римской политики, чтобы германцы водворились въ Галліи: ибо, покоривъ ее, они легко могли вторгнуться въ римскую провинцію и потомъ въ Италію. Сверхъ того просьба галловъ вполне соотвѣтствовала, кажется, личнымъ, тайнымъ намѣреніямъ и политикѣ самаго Цезаря, которыя, какъ по всему заключить можно, клонились къ тому, чтобы, изгнавъ гельветовъ и потомъ германцовъ изъ Галліи, склонить тѣмъ галловъ на свою сторону и, пользуясь ихъ междуусобіями, нако-

неть ихъ самихъ покорить власти римлянъ. А потому Цезарь, обѣщавъ галламъ употребить все средства къ ихъ удовлетворенію и успокоенію, послалъ просить у Аріовиста личнаго свиданія; но Аріовистъ гордо и дерзко отказалъ въ томъ. Тогда Цезарь отправилъ къ нему пословъ съ просьбой не призывать болѣе изъ-за Рейна въ Галлію германцовъ, возвратитъ самому и позволить секванамъ отдать эдуямъ ихъ заложниковъ, и наконецъ—не причинять никакого вреда эдуямъ и ихъ союзникамъ и не воевать съ ними. Въ случаѣ исполненія этого—объявлялъ Цезарь—Аріовистъ останется по прежнему другомъ и союзникомъ римлянъ; въ противномъ же случаѣ Цезарь, въ званіи правителя римской провинціи, будетъ обязанъ, на основаніи опредѣленія римскаго сената въ 61-мъ году, всячески защищать эдуевъ и другихъ союзниковъ римлянъ въ Галліи. На это Аріовистъ гордо возразилъ, что онъ покорилъ эдуевъ силою оружія, что ни онъ римлянамъ, ни римляне ему не имѣютъ никакого права предписывать, какъ поступать съ покоренными народами, что онъ не возвратитъ эдуямъ ихъ заложниковъ, но и не будетъ воевать съ ними, если только они будутъ исправно платить ему дань и исполнять другія, принятія ими на себя обязательства; въ противномъ же случаѣ званіе союзниковъ римлянъ не спасетъ ихъ. Что же касалось угрозъ Цезаря, то Аріовистъ объявилъ, что не боится ихъ, ибо еще никто дотолѣ не возставалъ противъ него войною безъ собственнаго для себя вреда и гибели, и что если Цезарь захочетъ измѣрить съ нимъ свои силы, то испытаетъ на себѣ, на что былъ способенъ храбрый, никѣмъ еще дотолѣ непобѣжденный народъ, опытнѣйшій въ военномъ дѣлѣ и уже 14 лѣтъ не знавшій крова.

Въ одно время съ этимъ гордымъ отвѣтомъ Аріовиста, къ Цезарю прибыли послы эдуевъ и тревировъ ¹⁾ съ жалобами, что прибывшее изъ-за Рейна германское племя гарудовъ разоряло земли эдуевъ, а 100 округовъ или кантоновъ суэвовъ ²⁾ прибыли на правый берегъ Рейна и готовились переправиться въ Галлію. Цезарь видѣлъ ясно, что медлить долѣе было нельзя и не должно, но необходимо было напасть на Аріовиста прежде, нежели онъ будетъ усиленъ суэвами. А потому, запасшись сколько можно скорѣе продовольствіемъ, онъ и двинулся усиленными переходами противъ Аріовиста ³⁾.

¹⁾ Тревиры обитали вокругъ нынѣшняго Трира, на р. Мозели, въ прусской рейнской провинціи.

²⁾ Правильнѣе—союзъ 100 германскихъ племенъ подъ общимъ названіемъ суэвовъ.

³⁾ Цезарь не означаетъ откуда и куда, но вѣроятно съ границы земель эдуевъ и линго-

*) Арверны обитали въ той части кельтической Галліи, которая соотвѣтствовала нынѣшнимъ департаментамъ Пюи-де-Домъ и Луары, или Оверни (Auvergne).

По 3-хъ дневномъ походѣ онъ узналъ, что Аріовистъ со всѣми своими силами шелъ къ Везонцію на р. Дубисѣ ¹⁾, главному городу секвановъ, для завладѣнія имъ. Везонцій былъ весьма силенъ и мѣстнымъ положеніемъ, и укрѣпленіями своими, и заключалъ въ себѣ большое количество всякаго рода запасовъ. А потому онъ имѣлъ въ настоящихъ обстоятельствахъ особенную въ военномъ отношеніи важность и для Цезаря, и для Аріовиста, и Цезарь, положивъ во что бы ни стало предупредить въ немъ Аріовиста, успѣлъ въ томъ, слѣдуя усиленими переходами днемъ и ночью, и, вступивъ безпрепятственно въ Везонцій, поставилъ въ него гарнизонъ.

Въ Везонціѣ онъ оставался нѣсколько дней для устройства продовольствованія арміи, и въ это время рассказы галловъ и купцовъ объ огромномъ ростѣ, необычайной храбрости, искусствѣ въ военномъ дѣлѣ и страшномъ видѣ германцовъ распространили въ цѣлой арміи Цезаревой внезапный и величайшій страхъ. Прежде всѣхъ страху этому предались военные трибуны, префекты и всѣ тѣ, которые послѣдовали изъ Рима за Цезаремъ изъ пріязни къ нему, но были изнѣжены жпзнію въ Римѣ, а опытности военной и неустрашимости, пріобрѣтаемой въ лагеряхъ, не имѣли ²⁾. Нѣкоторые изъ нихъ, подъ разными предлогами, даже просили себѣ отпусковъ, а другіе впали въ глубокое уныніе, помышляли только о смерти, и всѣ заняты были только составленіемъ духовныхъ завѣщаній. Мало по малу страхъ распространился даже на самыхъ старыхъ и опытныхъ воиновъ, центуріоновъ и начальниковъ конницы, которые, чтобы не подать подозрѣнія въ робости, говорили, будто страшатся не германцовъ, но трудныхъ дорогъ, обширныхъ и дремучихъ лѣсовъ и почти совершенной невозможности везти продовольствіе. Многіе изъ нихъ даже объявили Цезарю, что если онъ дастъ приказъ къ походу, войска не послушаются его.

Такая общая, необыкновенная трусость цѣлой арміи ³⁾ грозила чрезвычайною

новъ, чрезъ Араръ, въ средину земель секвановъ.

¹⁾ Нынѣ Безансонъ (Besançon), на р. Дубъ (Doubs), въ Франшъ-Контѣ, въ департаментѣ рѣки Дубъ.

²⁾ Цезарь разумѣлъ здѣсь лица и чины, составлявшіе главное управленіе или по нынѣшнему главный штабъ арміи.

³⁾ По мнѣнію Turgin de Crissé, она произошла единственно отъ того, что Цезарь не занялъ войскъ ученіями или работами, но оставилъ ихъ въ бездѣйствіи, которое повлекло за собою пустые толки и пустой страхъ. И въ этомъ случаѣ виною была также неопытность Цезаря. Должно впрочемъ замѣтить, что Цезарь въ своихъ запискахъ съ намѣреніемъ, кажется, распространяется о трусости своей арміи, для

опасностью и могла бы имѣть самыя вредныя, самыя гибельныя послѣдствія, еслибы Цезарь не сохранилъ всего присутствія духа и хотя малѣйше потерялъ голову. Но не таковъ былъ Цезарь: подобно Александру В. и Аннибалу, онъ возрасталъ съ опасностью — и въ настоящемъ случаѣ явилъ всю нравственную свою силу, все нравственное свое вліяніе. Онъ не предался гнѣву, не прибѣгнулъ къ силѣ и строгости или къ устыженію войскъ, но къ убѣжденію ихъ умовъ и возвышенію ихъ духа. Собравъ военный совѣтъ, на который призывалъ даже центуріоновъ низшаго класса, онъ произнесъ, съ тѣмъ краснорѣчіемъ, которымъ обладалъ въ такой высокой степени, сильную, убѣдительную и увлекательную рѣчь. Укоривъ присутствовавшихъ за то, что они вздумали присвоивать себѣ право разсуждать о предметѣ и цѣли движенія арміи, онъ представилъ имъ, что отъ Аріовиста, обязаннаго Цезарю званіемъ царя и союзника Рима, нельзя было, по справедливости, ожидать нарушенія долга признательности и обязанности союзника; что впрочемъ, еслибы даже онъ и захотѣлъ вести войну противъ римлянъ, то все же имъ не было причины страшиться его и отчаяваться въ собственныхъ силахъ и въ распоряженіяхъ своего полководца; что уже и предки ихъ, подъ предводительствомъ Марія, съ честію и славою сражались съ германцами и побѣждали ихъ, что и въ недавней войнѣ съ рабами они доказали все свое превосходство надъ германцами, хотя и знакомыми съ устройствомъ и дисциплиной римскихъ войскъ; что германцы были неразъ побѣждаемы тѣми самыми геллветами, которыхъ передъ этимъ побѣдили римляне, — побѣдами же своими надъ геллветами Аріовистъ былъ обязанъ болѣе утомленію и оплошности галловъ и собственной хитрости и удачѣ, нежели мужеству и храбрости своимъ; что тѣ, которые страхъ свой прикрывали мнимою опасностью подвергнуться недостатку въ продовольствіи или идти по труднымъ дорогамъ, присвоивали себѣ непринадлежавшее имъ право, не довѣряя своему полководцу или думая учить его, какъ ему поступать; что секваны, лингоны и другія сосѣдственныя съ ними племена доставятъ хлѣбъ, который сверхъ того созрѣлъ и на поляхъ; что касательно дорогъ, они сами вскорѣ убѣдятся, что дороги нетрудны и проходимы; что онъ не вѣритъ и нимало не боится, чтобы войска не послѣдовали за нимъ; что если и случалось, что войска отказывали своимъ полководцамъ въ повиновеніи, то обыкновенно такимъ, которые сами были тому виною, или по

того, чтобы рѣзче выставить собственную находчивость, сплу своего краснорѣчія и нравственное свое вліяніе.

своимъ неудачамъ, или по корыстолюбію и лихоимству, но что цѣлая жизнь его, Цезаря, свидѣтельствовала о его безкорыстїи, точно также, какъ походъ противъ геллѣтовъ — о счастїи и удачѣ его на войнѣ; что поэтому онъ не только не замедлитъ, но и ускоритъ походъ, и выступитъ въ слѣдующую же 4-ю стражу ночи, и тогда увидитъ, что сильнѣе въ войскахъ, чувство страха или чувство чести и долга; еслибы же они не послѣдовали за нимъ, то онъ и тогда пойдетъ съ однимъ 10-мъ легіономъ, въ мужествѣ котораго не сомнѣвался и который будетъ служить ему преторіанскою стражей¹⁾.

Слова Цезаря, переданныя начальниками войскамъ, мгновенно измѣнили расположе- нїе умовъ въ арміи, замѣнивъ упадокъ духа, уныніе и страхъ—бодростью, одушевленіемъ и необыкновеннымъ рвеніемъ къ бою съ германцами. 10-й легіонъ немедленно прислалъ Цезарю своихъ военныхъ трибуновъ съ изъявленіемъ благодарности за доброе о немъ мнѣніе и готовности слѣдовать за Цезаремъ. Прочіе же легіоны прислали просить у него прощенія и увѣрить его, что никогда не были причастны ни сомнѣнію, ни страху, не имѣли намѣренія подчинить Цезаревы виды собственнымъ и вполне готовы исполнить все, что онъ ни прикажетъ.

Блнстательно восторжествовавъ такимъ образомъ, силою своего краснорѣчія и даромъ убѣждать и увлекать умы, надъ опаснымъ заблужденіемъ и упадкомъ духа своихъ войскъ, Цезарь поспѣшилъ воспользо- ваться рвеніемъ ихъ къ бою и въ назначенное имъ время (въ 4-ю стражу ночи) выступилъ изъ Везонціи по дорогѣ, найден- ной и указанной знатымъ эдуемъ, Диви- ціакомъ, къ которому изъ числа всѣхъ гал- ловъ Цезарь имѣлъ наиболѣе довѣрія. Дорога эта, хотя и увеличила походъ почти на 40 римскихъ миль (60 верстъ), но за то миновала лѣса и ущелья, и пролегала по открытымъ равнинамъ²⁾.

На 7-я сутки безостановочнаго похода, Цезарь узналъ, что Аріовистъ находился отъ него не болѣе, какъ въ 24-хъ рим- скихъ миляхъ (36 верстъ). Съ своей сто- роны Аріовистъ, свѣдавъ о приближеніи

Цезаря, самъ предложилъ свиданіе, въ ко- торомъ прежде отказывалъ. Цезарь, заклю- чая изъ этого, что Аріовистъ одумался и сталъ благоразумнѣе, согласился на свиданіе, которое было назначено на 5-й послѣ того день. Аріовистъ просилъ только — какъ бы опасаясь засады — чтобы Цезарь не приводилъ съ собою пѣхоты, но чтобы оба явились въ сопровожденіи однихъ всад- никовъ. Цезарь согласился и на это; но не выполнѣ довѣряя своей галльской конницѣ, спѣшилъ ее и на лошадей ея посадилъ вои- новъ любимаго своего 10-го легіона. Въ назначенный день Цезарь и Аріовистъ, каждый въ сопровожденіи 10-ти прибли- женныхъ и довѣренныхъ лицъ на коняхъ, съѣхались на небольшомъ возвышеніи по- среди обширной равнины между лагерями обоихъ войскъ. Конница же съ обѣихъ сто- ронъ остановилась шагахъ въ 200-хъ отъ возвышенія. Цезарь повторилъ Аріовисту прежнія свои требованія и получилъ та- кого же рода гордый, хвастливый и даже дерзкій отвѣтъ, съ присовокупленіемъ, что галлы сами призвали его, Аріовиста, — что покоренная имъ часть Галліи принадлежитъ ему по праву завоеванія, — что римлянамъ никакого дѣла до него дѣла, что Цезарь самъ, какъ онъ думаетъ, имѣетъ намѣ- реніе завоевать Галлію; и если не уда- лится изъ нея, то Аріовистъ будетъ дѣй- ствовать противъ него, какъ противъ врага, и знаетъ даже, что убїеніемъ его въ бою окажетъ большую услугу полити- ческимъ врагамъ его въ Римѣ, кото- рые перазъ увѣдомляли о томъ Аріо- виста; если же Цезарь удалится изъ Гал- ліи, то Аріовистъ, въ благодарность за то, не будетъ беспокоить его и даже окажетъ ему, если нужно будетъ, содѣйствіе. Безъ гнѣва и запальчивости, хладнокровно и спокойно возражалъ Цезарь, опровергая доводы Аріовиста, и минимъ правамъ его на Галлію (кельтическую) противопостав- ляя дѣйствительныя (по словамъ Цезаря, но столь же минимъ на самомъ дѣлѣ) пра- ва на нее римлянъ. Между тѣмъ конница, сопровождавшая Аріовиста, приблизилась мало по малу къ возвышенію и начала ме- тать въ Цезаря и бывшихъ съ нимъ лицъ — стрѣлы и камни. При видѣ такого под- лаго коварства, Цезарь немедленно пре- рвалъ переговоры и удалился, запретивъ своей конницѣ на стрѣльбу германцовъ от- вѣчать стрѣльбою, ибо хотѣлъ, чтобы съ его стороны не было и тѣни несправедливо- сти. Высокомѣріе, наглость и коварство Аріовиста исполнили войска Цезарева силь- нѣйшаго негодованія и еще болѣе усилили рвеніе ихъ къ бою.

Два дня спустя Аріовистъ просилъ по- бага свиданія или по крайней мѣрѣ при- сылки довѣреннаго лица для продолженія начатыхъ переговоровъ. Цезарь вовсе не

¹⁾ Цезарь особенно любилъ этотъ легіонъ и имѣлъ къ нему большую довѣренность. Одна или нѣсколько отборнѣйшихъ когортъ отдѣля- лись въ это время для личнаго охраненія пол- ководца и носили названіе преторіанскихъ когортъ. Выше съ намѣреніемъ приведена по- чти вся рѣчь Цезаря такъ, какъ она изложена въ его запискахъ, дабы показать, какіе доводы онъ употреблялъ для убѣжденія и одушевленія своихъ войскъ.

²⁾ По мнѣнію Наполеона I, въ направленіи отъ Безансона къ Бельфорту, въ Эльзасѣ, въ департаментѣ верхняго Рейна.

былъ намѣренъ снова лично являться на свиданіе, ни подвергать опасности кого-либо изъ римлянъ; но, не желая рѣшительно отказать Аріовисту, послалъ къ нему Валерія Процилла, родомъ галла, по званіемъ римскаго гражданина, и Меттія, связаннаго съ Аріовистомъ узами гостепріимства. Но едва они прибыли въ лагерь германцовъ, какъ Аріовистъ объявилъ ихъ лазутчиками и заключилъ въ оковы.

Въ тотъ же день онъ снялъ свой лагерь и расположилъ его у подношья одной горы, въ разстояніи 6-ти миль (9 верстъ) отъ Цезарева лагера. На слѣдующій же день онъ снова снялъ свой лагерь и, пройдя мимо и въ виду Цезаревой арміи, расположился въ 2-хъ миляхъ (около 3-хъ верстъ) отъ нея, въ тылу ея, дабы отрѣзывать ей подвозы продовольствія, доставляемаго секванами и эдуями. Такого рода расположение и дѣль Аріовиста были не безъ искусства, но движеніе его въ виду Цезаревой арміи подвергало его опасности быть атакованнымъ и разбитымъ на походѣ. Цезарь позволилъ ему однако пройти безпрепятственно, и страннымъ, непонятнымъ кажется, какъ онъ не воспользовался столь удобнымъ случаемъ разбить германцовъ въ то время, когда они были на походѣ и, обремененные обозами, вѣроятно шли болѣе или менѣе въ безпорядкѣ. Это тѣмъ менѣе понятно, что въ слѣдующіе 5 дней Цезарь постоянно каждый день строилъ свою армію въ боевой порядокъ впереди своего лагера и предлагалъ Аріовисту бой, но тотъ не принималъ его и не выходилъ изъ своего лагера, ограничиваясь частными дѣйствіями и нападеніями 6-ти тысячъ чел. своей конницы, при каждомъ изъ всадниковъ которой находилось по одному ловкому, проворному и чрезвычайно быстрому на бѣгу, пѣшему воину, какъ о томъ говорено было выше. Въ этого рода дѣйствіяхъ германцы имѣли большое преимущество надъ римлянами, и Цезарь, опасаясь недостатка въ продовольствіи, счелъ необходимымъ возстановить и обезпечить свои сообщенія съ секванами и эдуями. Для этого, построивъ армію свою въ 3 линіи, онъ прошелъ въ боевомъ порядкѣ мимо и въ виду Аріовистова лагера и шагахъ въ 600-хъ (около $\frac{1}{2}$ версты) въ тылу его началъ устроить войсками 3-ей своей линіи, на выгодной мѣстности, подъ прикрытіемъ 1-й и 2-й линій—малый укрѣпленный лагерь. Аріовистъ выслалъ около 16,000 чел. пѣхоты со всею конницею для воспрепятствованія работамъ; но Цезарь отразилъ ихъ и, оставивъ въ укрѣпленном лагерьѣ 2 легіона съ частию вспомогательныхъ войскъ, съ остальными 4-мя легіонами возвратился въ прежній большой лагерь. Такимъ образомъ Аріовистъ, намѣревавшійся отрѣзать Цезарю сообщенія и про-

довольствіе, самъ увидѣлъ себя обложеннымъ съ фронта и тыла Цезаревою арміею.

На слѣдующій день Цезарь вывелъ войска свои изъ обоихъ лагерей и, построивъ въ боевой порядокъ, предложилъ Аріовисту бой. Тотъ не принялъ его; но какъ скоро Цезарь ввелъ войска обратно въ оба лагера, Аріовистъ послалъ часть войскъ напасть на меньшій изъ нихъ и здѣсь произошелъ весьма упорный бой, продолжавшійся до вечера и въ которомъ съ обѣихъ сторонъ было много раненыхъ, но кончившійся ничѣмъ. Не постигая, почему гордые и храбрые германцы не принимаютъ общаго боя, Цезарь спросилъ плѣнныхъ и узналъ, что причиною тому были: обычай германцовъ не вступать въ бой съ непріятелемъ прежде, нежели прорицательницы изъ числа германскихъ женщинъ объявятъ, можно и должно ли было сражаться съ нимъ,—и объявленіе этими прорицательницами въ настоящемъ случаѣ, что германцы не одержатъ побѣды, если вступятъ въ бой до новолунія. Цезарь немедленно рѣшился воспользоваться столь благоприятнымъ для него суевѣрнымъ предразсудкомъ германцовъ.

На слѣдующій же день ¹⁾, оставивъ въ каждомъ изъ двухъ своихъ лагерей достаточное для охраненія ихъ число войскъ, онъ развернулъ впереди малаго лагера всѣ вспомогательныя войска, дабы скрыть отъ германцовъ слабѣйшее противъ нихъ число легіонныхъ или линейныхъ войскъ своихъ. Затѣмъ, построивъ армію въ 3 линіи, онъ двинулся противъ лагера Аріовиста. Тогда уже германцы, не видя болѣе возможности избѣжать общаго боя, по необходимости принуждены были выйти изъ своего лагера и построились впереди его по племенамъ, каждое племя ²⁾ отдѣльно, съ равными между ними промежутками, а дабы заградить малодушнымъ путь къ бѣгству, сомкнули въ тылу своемъ и на флангахъ всѣ свои повозки и громоздкія тяжести въ тѣсные ряды ³⁾.

Цезарь, назначивъ квестору своему мѣсто при одномъ, а легатамъ своимъ—по одному при каждомъ изъ прочихъ легіоновъ,

¹⁾ По мнѣнію Наполеона I—въ сентябрѣ по римскому или въ іюнѣ по юліанскому календарю.

²⁾ Гаруды, маркоманны, трибокки, вангіоны, неметы, седузіяне и суэвы.

³⁾ Наполеонъ I говоритъ, что Аріовистъ былъ не сильнѣе Цезаря; но едва-ли это справедливо. Уже гораздо прежде число суэвовъ въ Галліи простиралось до 120,000 чел., а въ это время вѣроятно было еще значительнѣе, и если положить даже только четвертую часть ихъ способными сражаться, то и тогда они превосходили бы число войскъ Цезаря, составлявшее, послѣ урона при Бибрактѣ, вѣроятно гораздо менѣе 60-ти и даже 50-ти тысячъ.

самъ открылъ бой нападеніемъ съ правымъ своимъ крыломъ на лѣвое крыло непріятельское, замѣтивъ, что оно было слабѣйшею частию боеваго порядка германцовъ. Римскія войска двинулись противъ германцовъ, а германцы имъ на встрѣчу — съ такою стремительностью, что даже не успѣли бросить дротиковъ и тотчасъ вступили въ упорный рукопашный бой. Германцы сражались въ тѣсно-сомкнутыхъ фалангахъ, прикрываясь черепахами изъ щитовъ; однако римскія войска вскорѣ привели ихъ въ разстройство, опрокинули и обратили въ бѣгство. Но правое, превосходное въ силахъ крыло германцовъ сильно тѣснило между тѣмъ лѣвое крыло римлянъ, докопѣ молодой Крассъ (сынъ триумвира), начальствовавшій конницею этого крыла, не подкрѣпилъ 1-й и 2-й линіи третьею. Это рѣшило побѣду въ пользу Цезаря: вскорѣ и правое крыло германцовъ, подобно лѣвому, было приведено въ разстройство и опрокинуто, и всѣ германцы бѣжали, не останавливаясь къ Рейну, находившемуся отъ мѣста сраженія миляхъ въ 50-ти (около 75-ти верстъ) *). Часть ихъ переправилась черезъ него вплавь, а другая, и въ томъ числѣ Аріовистъ — въ найденныхъ на берегу челнахъ: всѣ остальные же были изрублены преслѣдовавшею ихъ Цезаревою конницею. При этомъ случаѣ Цезарь выручилъ и спасъ отъ неминуемой смерти Пропилла и Меттія, что, по его словамъ, обрадовало его не менѣе одержанной рѣшительной побѣды.

Побѣда эта такъ устранила суэзовъ, подступившихъ къ правому берегу Рейна, что они поспѣшно воротились въ свои земли, преслѣдуемые убіями, обитавшими на нижнемъ Рейнѣ (въ окрестностяхъ нынѣшняго Кельна), которые множество ихъ истребили.

Блистательно совершивъ такимъ образомъ два похода въ одинъ годъ, Цезарь расположилъ свою армію, еще до обычнаго на то времени, на зимнихъ квартирахъ въ

земляхъ секвановъ и, ввѣривъ начальствованіе надъ нею Лабіену, отправился лично въ цизальпинскую Галлію, для присутствія, какъ онъ говоритъ въ своихъ запискахъ, на общепародномъ въ ней собраніи, — дѣйствительно же для того, чтобы быть ближе къ Риму и внимательно слѣдить за всѣми внутренними дѣлами его.

О дѣйствіяхъ Цезаря въ походѣ противъ Аріовиста вообще можно сдѣлать тѣже замѣчанія, что и о дѣйствіяхъ его въ походѣ противъ гельветовъ. Цезарь и въ нихъ также явилъ необыкновенныя свои военныя дарованія, похвальную умѣренность, благоразуміе и чрезвычайную быстроту, которой много былъ обязанъ своимъ успѣхамъ; по, еще не имѣя надлежащей опытности въ веденіи войны и не вполне довѣря себѣ и своему счастью, дѣйствовалъ чрезвычайно осторожно, осмотрительно и сдѣлалъ нѣсколько довольно важныхъ ошибокъ. Выше, въ своемъ мѣстѣ, были уже объяснены нѣкоторыя изъ нихъ. Сверхъ того замѣтимъ, что неизвѣстно и непонятно, почему онъ не зналъ ранѣе о раздорахъ и междуусобіяхъ галловъ по прибытіи его въ Галлію, о силахъ и дѣйствіяхъ Аріовиста, не разбилъ конницы и 16,000 человекъ пѣхоты, высланныхъ Аріовистомъ для воспрепятствованія укрѣпленію малаго Цезарева лагеря, а въ сраженіи съ Аріовистомъ (изображенномъ имъ не довольно ясно) не сталъ на лѣвомъ крылѣ своей арміи противъ праваго, сильнѣйшаго крыла германцовъ? Въ заключеніе скажемъ, что хотя онъ и называлъ походы противъ гельветовъ и Аріовиста двумя важными войнами, но это не совсѣмъ вѣрно, и — согласно съ мнѣніемъ Наполеона I — не слишкомъ большаго труда стоило римской арміи, предводимой Цезаремъ, восторжествовать надъ многочисленными и храбрыми, но невѣжественными, не имѣвшими правильнаго устройства гельветами и германцами, хотя это нимало не унижаетъ впрочемъ достоинства и славы Цезаря.

§ 19.

2-й годъ войны въ Галліи (57).

3-й походъ противъ бельговъ; — бой при р. Авсонѣ.

Зимою Цезарь узналъ, что бельги, опасаясь вторженія его въ ихъ земли и по-

*) Мѣсто сраженія Цезаря съ Аріовистомъ въ точности неизвѣстно, но долженствовало находиться между Безансономъ и Базелемъ, по мнѣнію Наполеона I — около Беффорта (Beffort) или Бельфорта въ Эльзасѣ, въ деп-тѣ верхняго Рейна.

буждаемые многими кельтскими галлами, составляли сильный союзъ противъ римлянъ, взаимно давая одинъ другимъ заложниковъ въ вѣрности. Втайнѣ радуясь, безъ сомнѣнія, этому предлогу къ нападенію на нихъ и къ ихъ покоренію, Цезарь рѣшился предупредить ихъ, внесеніемъ войны въ собственную ихъ страну, что было вполне бла-

горазумно въ военномъ, хотя и не совсѣмъ справедливо въ политическомъ отношеніи. Набравъ въ цизальпинской Галліи два новые легіона (13-й и 14-й), онъ отправилъ ихъ въ началѣ лѣта въ кельтическую Галлію и самъ прибылъ въ армию, какъ только явился подножный кормъ ¹⁾. Приказавъ сосѣдственнымъ съ бельгами кельтическимъ галламъ развѣдать, что у первыхъ происходило, онъ узналъ, что бельги дѣйствительно собирали сильное войско. Вслѣдствіе того, употребивъ 11 сутокъ на снабженіе своей армии продовольствіемъ, затѣмъ въ 15 дней похода онъ прибылъ изъ земель сенноновъ ²⁾ на предѣлы земель бельговъ.

Движеніе его было столь быстро, а прибытіе на предѣлы земель бельговъ—столь неожиданно, что ближайшее бельгійское племя ремовъ ³⁾ немедленно и добровольно покорилось ему, дало заложниковъ, вызвалось дать и вспомогательныя войска, и снабдить продовольствіемъ, и доставило ближайшія свѣдѣнія о бельгахъ, о союзѣ ихъ между собою и даже съ за-рейнскими германцами, и о числѣ войскъ, которое они взаимно обязались выставить въ поле и которое должно было простираться до 308,000 чел. ⁴⁾, подъ главнымъ предводи-

¹⁾ Въ маѣ по римскому или по мнѣнію Наполеона I—въ февралѣ по юліанскому календарю, т. е. въ началѣ не лѣта, а весны,—что не совсѣмъ вѣроятно, ибо подножный кормъ въ холодной Галліи являлся поздно.

²⁾ Жители Агендики на р. Икавиѣ (нынѣ Сансъ, Sens, на р. Юниѣ, Yonne) и его округа (въ западной Шампаніи).

³⁾ Жители Дурокортора на р. Базиліи (нынѣ Реймсъ на р. Вель, Vèle) и его округа (въ сѣверной Шампаніи и Иль-де-Франсѣ).

⁴⁾ Самое многочисленное и храброе племя бельговъ—беллоаки (жители нынѣшняго Бовэ, Beauvais, въ Иль-де-Франсѣ, съ округомъ) обязались выставить 60,000, сосѣди ихъ—суэссіоны или суэссоны (жители нынѣшняго Суассона на р. Энъ, Aisne, въ Иль-де-де-Франсѣ, съ округомъ)—50,000,—перви или нервійцы (жители нынѣшняго Геннегау и части Брабанта и Фландріи)—50,000,—атребаты (жители нынѣшняго Арраса, въ Артуа съ округомъ)—15,000,—амбіане (жители Самаробривы, нынѣ Амьенъ, въ Пикардіи, съ округомъ)—10,000,—моринны (жители нын. Булони съ округомъ)—25,000,—менапи (по берегу океана, въ французской и бельгійской Фландріи)—9,000,—калеты (жители Pays-de-Saux въ Нормандіи)—10,000,—велокассы (жители округа Velin въ Нормандіи) и веромайдун (жители округа Vermandois въ Пикардіи)—10,000,—адюатики (жители бельгійской области Намюра)—29,000,—наконецъ кондрузіане, эбуроны, черезіане и пеманіане (жители бельгійской области Люттихъ, в. г. луксембургскаго и отчасти земель Трира на р. Мозели)—40,000.—Такимъ образомъ союзъ 15-ти многочисленныхъ Цезаремъ бельгійскихъ племенъ обнималъ всю часть сѣверной Франціи, юго-западной Бельгіи, в. г. луксембургское и восточную часть прусской нижне-

тельствомъ царя или короля суэссоновъ, Гальбы. Вслѣдствіе этихъ свѣдѣній, Цезарь, дабы заставить бельговъ раздѣлить многочисленныя силы свои и самому имѣть дѣло только съ частію ихъ, послалъ вождя эдуевъ, Дивиціака, съ полченіями эдуевъ, ремовъ и сенноновъ, въ земли беллоаковъ, для разоренія ихъ. Самъ же, получивъ извѣстіе, что бельги со всѣми своими силами шли противъ него и находились уже недалеко, поспѣшно двинулся съ своею арміею ¹⁾ къ рѣкѣ Аксонѣ (нынѣ Aisne), на предѣлахъ земель ремовъ, перешелъ черезъ нее по мосту и расположился на правомъ берегу ея ²⁾, впереди моста, на высотѣ, имѣвшей отлогій по бокамъ и къ лежавшему впереди ея болоту скатъ. Лагерь армии онъ оградилъ валомъ въ 12 футовъ вышины, со рвомъ въ 18 футовъ ширины; на лѣвомъ же берегу прикрылъ мостъ предмостнымъ укрѣпленіемъ, въ которое поставилъ 6 когортъ (3,000 чел.). Такого рода расположеніемъ на обонхъ берегахъ Аксоны онъ 1) прикрылъ земли ремовъ, суэссоновъ и эдуевъ, изъ которыхъ получалъ продовольствіе, и 2) обезпечилъ собственныя сообщенія съ ними.

Вскорѣ бельги обложили находившійся въ 8-ми рим. миляхъ (11 верстахъ) впереди Цезаря и принадлежавшій реманъ городокъ Бибраксъ (нынѣ Биеврѣ) и пытались взять его приступомъ. Но они были отражены, хотя и съ большимъ трудомъ, мало-численнымъ гарнизономъ, а на другой день, когда Цезарь прислалъ на помощь Бибраксу своихъ нумидійцевъ, крптскихъ стрѣлковъ и балеарскихъ пращниковъ—разорили окрестности и расположились лагеремъ на обширномъ пространствѣ насупротивъ Цезаря, миляхъ въ 2-хъ (около 3-хъ верстъ) отъ него ³⁾.

Цезарь весьма благоразумно положилъ уклоняться сначала отъ общей битвы съ превосходными въ силахъ, воинственными и храбрыми бельгами, но дѣйствовать противъ нихъ только своею конницею. Удосто-вѣрясь же чрезъ нѣсколько дней, что вспомогательная галльская конница его была не хуже бельгійской, онъ оставилъ въ своемъ лагерѣ 13-й и 14-й легіоны, а прочіе по-

рейнской области, между моремъ и рѣками: Сеною, Энъ (Aisne) и Мозелью.

¹⁾ Армія его состояла изъ 8-ми легіоновъ (около 48,000 чел. пѣхоты) и изъ неопредѣленнаго числа пѣшихъ и конныхъ вспомогательныхъ войскъ, съ которыми силы ея должны были простираться до 60—70,000 войскъ, не считая ополченій, отряженныхъ съ Дивиціакомъ.

²⁾ Немного пониже нынѣшняго селенія Pont à Vaige на р. Энъ, близъ Краона.

³⁾ Правымъ флангомъ къ нынѣшнему Краону, въ началѣ іюля по римскому календарю (Наполеонъ I).

строили въ боевой порядокъ впереди лагеря. Фронтъ его былъ прикрытъ болотомъ, а для обезпеченія своихъ фланговъ отъ обхода бельгами, Цезарь построилъ по обѣимъ сторонамъ высоты, перпендикулярно къ линіи фронта арміи, по одному валу, длиною около 400 шаговъ, со рвомъ и башнями на оконечностяхъ и вооружилъ эти башни метательными орудіями. Бельги, нетерпѣливо желавшіе боя, для нанесенія Цезарю, съ самаго начала, рѣшительнаго удара, также построились въ боевой порядокъ впереди своего лагеря. Въ этомъ положеніи и они, и Цезарь довольно долго оставались въ бездѣйствіи, ожидая, чтобы противная сторона перешла черезъ болото, но сами не намѣреваясь переходить черезъ него. А между тѣмъ конница съ обѣихъ сторонъ вступила на пространства между обѣими арміями въ бой. Успѣхъ въ немъ окончательно остался на сторонѣ Цезаревой конницы, и тогда Цезарь, видя что бельги не переходятъ черезъ болото, ввелъ свою армію обратно въ лагерь. Бельги же, открывъ въ Аксонѣ, ниже Цезарева лагеря, броды, отрядили на лѣвую сторону этой рѣки часть своихъ силъ, для взятія приступомъ предмостнаго укрѣпленія и завладѣнія мостомъ Цезаря, либо—въ случаѣ неудачи—для разоренія, по крайней мѣрѣ, земель ремовъ, изъ которыхъ Цезарь получалъ продовольствіе. Узнавъ, что бельги переходятъ черезъ Аксонъ, Цезарь немедленно перешелъ на лѣвую сторону рѣки съ легко-вооруженными пумидійцами, стрѣлками и пращниками, быстро двинулся противъ бельговъ, неожиданно и стремительно напалъ на нихъ во время самаго перехода ихъ черезъ Аксонъ и множество ихъ положилъ на мѣстѣ, а остальныхъ припудилъ, сильнымъ дѣйствіемъ метательнаго оружія, воротиться на правый берегъ. Вскорѣ, беллоаки, узнавъ, что Дивинціакъ идетъ разорять ихъ земли, отдѣлились отъ прочихъ бельговъ и поспѣшили на защиту своихъ земель. Никакими убѣжденіями не могли удержать ихъ, не видя возможности напасть на Цезаря ни съ фронта, ни съ фланговъ, ни съ тыла, съ урономъ отраженные при переходѣ черезъ Аксонъ и начавъ уже нуждаться въ продовольствіи, бельги положили разойтись и, возвратясь въ свои земли, каждому племени обороняться въ нихъ противъ Цезаря, а всѣмъ собираться тамъ, куда проникнетъ его армія. Вслѣдствіе того, во 2-ю стражу слѣдующей ночи они вышли изъ своего лагеря съ большимъ шумомъ и крикомъ и двинулись въ такомъ безпорядкѣ и съ такою поспѣшностью, что движеніе ихъ походило болѣе на бѣгство послѣ пораженія.

Не постигая причины этого и благоразумно остерегаясь какой-нибудь хитрости и засады, Цезарь не вышелъ тотчасъ изъ своего лагеря, но, удостовѣрившись въ отступ-

леніи бельговъ, послать для преслѣдованія ихъ всю свою конницу, поддержанную Лабиеномъ съ 3-мя легіонами. Атакованные ими нѣсколько разъ въ продолженіи дня, бельги, шедшіе въ хвостѣ, были разбиты и большею частию истреблены, остальные же ускорили свое бѣгство. На другой день Цезарь, не давая бельгамъ опомниться, двинулся въ земли сосѣдственныхъ съ ремами суэссоновъ, прямо къ главному городу ихъ Новіодуну (нынѣ Суассонъ)¹⁾. Сдѣлавъ усиленный переходъ и прибывъ къ Новіодуну, онъ немедленно произвелъ приступъ къ нему, но, не могши взять его этимъ способомъ—какъ говорятъ въ своихъ запискахъ—по причинѣ его широкихъ и глубокихъ рововъ и высокихъ стѣнъ²⁾, тотчасъ сдѣлать всѣ приготовленія къ скорѣйшему взятію его правильною осадой. Устрашенные его осадными работами и машинами, жители Новіодуна, чрезъ посредничество ремовъ, съ которыми были въ союзѣ, покорились, дали заложниковъ и выдали все находившееся въ ихъ городѣ оружіе. Затѣмъ Цезарь тотчасъ двинулся противъ Братуспантія (нынѣ Бовэ; Beauvais), города въ земляхъ беллоаковъ. Жители его просили пощады и Цезарь, даровавъ имъ опую по предстательству Дивинціака и эдуевъ, бывшихъ въ союзѣ съ беллоаками, ограничился взятіемъ 600 заложниковъ и отобраніемъ оружія, и двинулся въ земли амбіанъ. Амбіане покорились ему добровольно и безусловно, и Цезарь направился на с.-в. въ земли нервиевъ. По собраннымъ имъ на походѣ свѣдѣніямъ, нервин чуждался торговли и роскоши, и неизмѣненные ими, были народъ грубый, звѣрскій, воинственный, чрезвычайно храбрый и твердо рѣшился ни за что не покоряться римлянамъ.

По 3-хъ-дневномъ походѣ въ ихъ земляхъ³⁾, Цезарь узналъ, что находился миль въ 10-ти (около 15-ти верстъ) отъ р. Сабиса (нынѣ Самбра), что нервин, въ соединеніи съ атребатами и веромандуями, были расположены на другой (правой) сторонѣ этой рѣки⁴⁾ и намѣрены дать въ этомъ мѣстѣ отпоръ римлянамъ,—что они ожидали еще прибытія адуатиковъ, уже находившихся въ слѣдованіи,—женщинъ же, дѣтей и всѣхъ неспособныхъ сражаться людей укрыли въ окруженномъ болотами и неприступномъ мѣстѣ. Цезарь тотчасъ послалъ впередъ легкія конныя и пѣшія войска свои

¹⁾ По мнѣнію другихъ—Нойонъ, Noyon;—по мнѣнію въ пользу Суассона вѣроятнѣе.

²⁾ Нѣкоторые писатели, напротивъ, утверждаютъ, что онъ былъ просто отраженъ, потому что слишкомъ понадѣялся на легкое взятіе города приступомъ и не принялъ надлежащихъ для успѣха мѣръ.

³⁾ Въ концѣ іюля по римскому календарю (Наполеонъ I.).

⁴⁾ Близъ нынѣшняго Мобѣжа (Наполеонъ I.).

для развѣдыванія и съ ними центуріоновъ для пріисканія удобнаго подѣ расположеніе лагеря мѣста. Между тѣмъ нѣкоторые изъ бельговъ и галловъ, бывшихъ въ арміи Цезаря, ушли ночью къ первіамъ и дали имъ знать, что между легіонами на походѣ слѣдовало множество тяжестей и поэтому легко было, внезапно напавъ на легіоны, разбить ихъ отдѣльно и отнять ихъ тяжести. Это было тѣмъ удобнѣе, что мѣстность на самомъ Сабисѣ была лѣсистая, пересѣченная и слѣдовательно особенно удобная для дѣйствій первіевъ, главная сила которыхъ заключалась въ пѣхотѣ, конница же была немногочисленная и плохая. Дѣйствительно, первіи положили воспользоваться доставленными имъ свѣдѣніями и, удержавъ Цезаре-

ву легкую конницу устроенными въ лѣсахъ на Сабисѣ засѣками, расположились со всѣми своими силами скрытно въ засадѣ на покрытой лѣсомъ вершинѣ отдѣльной высоты, имѣвшей отлогій и обнаженный скатъ къ правому берегу протекавшаго у подошвы ея Сабиса, глубина котораго въ этомъ мѣстѣ простиралась только до 3-хъ футовъ; у подошвы же высоты, вдоль Сабиса, они поставили только часть своей конницы для наблюденія. Насупротивъ, шагахъ въ 200-хъ, на противоположномъ берегу Сабиса находилась такая же отдѣльная, съ отлогимъ скатомъ къ рѣкѣ, высота, которую посланные Цезаремъ центуріоны и избрали для расположенія лагеря.

§ 20.

Сраженіе при р. Сабисѣ;—осада и взятіе крѣпости адуатиковъ;—покореніе приморскихъ галловъ.

Пославъ впередъ конницу, Цезарь послѣдовалъ за нею къ Сабису и непріятелю съ легіонами; но приближаясь измѣнилъ, по своему обыкновенію, порядокъ слѣдованія арміи и въ головѣ шли уже 6 старыхъ легіоновъ, за ними—всѣ тяжести, а въ хвостѣ—два новонабранныхъ легіона. По прибытіи къ Сабису, конница перешла черезъ него съ стрѣлками и пращниками, и завязала бой съ непріятельскою конницею; 6 переднихъ же легіоновъ приступили къ работамъ по укрѣпленію лагеря: 9-й и 10-й—на лѣвомъ флангѣ, 8-й и 11-й—на переднемъ, обращенномъ къ Сабису, а 7-й и 12-й—на правомъ. Но едва вслѣдъ за ними показались тяжести, какъ первіи, атребаты и веромандун устремились изъ своей засады на Цезареву конницу, опрокинули ее, бросились вслѣдъ за нею на другую сторону Сабиса и напали на всѣ 6 Цезаревыхъ легіоновъ, укрѣплявшихся лагерь, со всѣхъ сторонъ въ одно время, атребаты—на 9-й и 10-й легіоны, веромандун—на 8-й и 11-й, а сами первіи—на 7-й и 12-й, которыхъ охватили и съ праваго фланга, и даже двинулись въ тылъ римскому лагерю. Все это было произведено, по словамъ Цезаря, столь неожиданно и скоро, что не только армія римская не успѣла построиться, какъ слѣдовало, къ бою, но даже и войска не успѣли надѣть шлемовъ и снять чехлы съ щитовъ. А между тѣмъ конница и легкая пѣхота Цезарева, опрокинутыя изъ-за рѣки, бросились бѣжать въ разныхъ направленіяхъ; примѣру ихъ послѣдовали и всѣ нестроевые: военные слуги, люди, находившіяся притяжестяхъ и др., и даже тревирскіе всадники, считавшіеся одними изъ храбрѣйшихъ между галльскими, поспѣшно отправились обратно въ свои зем-

ли, распространяя повсюду на пути вѣсть о совершенномъ пораженіи римлянъ.

Въ этомъ крайне трудномъ положеніи, армія Цезарева подвергалась опасности быть наголову разбитою и даже совершенно истребленною, и только два обстоятельства—по откровенному и благородному сознанію самаго Цезаря—спасли ее: во 1-хъ то, что войска, будучи отлично обучены строю и пріобрѣвъ въ предшествовавшихъ дѣйствіяхъ противъ непріятеля надлежащую опытность, сами хорошо знали, что имъ слѣдовало дѣлать, и во 2-хъ то, что при каждомъ легіонѣ были легаты, которыми Цезарь и въ этомъ случаѣ, какъ обыкновенно, запретилъ отлучаться отъ рабочихъ прежде, нежели лагерь не будетъ совершенно укрѣпленъ, и которые поэтому могли сами распоряжаться по своему усмотрѣнію, не ожидая приказаній Цезаря. Каждый легіонъ построился и оборонялся тамъ, гдѣ находился, какъ позволяли свойства мѣстности и краткость времени, отдѣльно отъ другихъ легіоновъ и даже не видя ихъ за густымъ кустарникомъ. Такимъ образомъ армія была раздроблена на части и образовала неправильный строй въ видѣ трехъ-сторонника или скорѣе выгнутой дуги, и не было никакой возможности ни соблюдать единства въ управленіи ею и ея дѣйствіями, ни подкрѣплять во-время слабыя ея части. Прибывъ сначала къ 10-му легіону на лѣвомъ флангѣ, ободривъ его и приказавъ ему перейти къ наступленію, Цезарь отправился съ тѣмъ же, отъ легіона къ легіону, далѣе къ правому флангу. Лабіентъ, собравъ 9-й и 10-й легіоны и отразивъ находившихся противъ него атребатовъ, преслѣдовалъ ихъ по пятамъ къ рѣкѣ и даже за рѣку до самаго непріятель-

скаго лагеря, которымъ и овладѣлъ, истребивъ въ преслѣдованіи большое число атребатовъ. 8-й и 11-й легіоны, въ центрѣ, также отразили наконецъ и преслѣдовали къ рѣкѣ веромандуевъ. Но 7-й и 12-й легіоны на правомъ флангѣ, оставшись одни и окруженные, сильно тѣснимые почти со всѣхъ сторонъ первіями, понесли большой уронъ убитыми либо ранеными начальниками и простыми воинами, потеряли одного орла, едва могли держаться противъ превосходнаго числа и безпрестанно усиливавшагося подкрѣпленіями непріятеля и находились въ самомъ отчаянномъ положеніи. Въ это самое время подоспѣлъ къ 12-му легіону Цезарь. Схвативъ у одного воина щитъ, онъ бросился впередъ, громко ободрилъ войска и велѣлъ разомкнуть стѣсненные ряды. Ободренныя и одушевленные личнымъ его присутствіемъ, примѣромъ и храбростью, войска 12-го легіона усугубили усилія и успѣли удержать напоръ первіевъ, а по присоединеніи вскорѣ къ 12-му легіону, по приказанію Цезаря, и близняго 7-го, оба вмѣстѣ стали уже обороняться смѣлѣе, дружнее и успѣшнѣе. Съ прибытіемъ же, съ одной стороны—13-го и 14-го легіоновъ, шедшихъ въ хвостѣ арміи, а съ другой—10-го, посланнаго Лабіеномъ изъ-за Сабиса на помощь, перевѣсъ и успѣхъ перешли совершенно на сторону римлянъ, и противъ первіевъ немедленно и съ разныхъ сторонъ двинулись не только 5 означенныхъ выше легіоновъ, но и конница, поспѣшавшая воротиться, и даже самые военные слуги и другіе нестроевые. Нервіи сражались съ упорствомъ отчаянія и съ такою храбростью и стойкостью, что самъ Цезарь отзывался о нихъ въ своихъ запискахъ съ величайшею похвалою. Но это именно и было причиною почти совершеннаго истребленія нервіевъ, такъ что когда старики, женщины и дѣти ихъ, скрытые среди болотъ, вышли оттуда просить у Цезаря пощады, то оказалось, что изъ 600 вождей этого племени осталось всего только трое, а изъ 60,000 чел. способныхъ сражаться—500. Сжалился надъ ихъ участіемъ, Цезарь не только даровалъ имъ жизнь, но и оставилъ имъ земли и города ихъ.

Узнавъ о пораженіи нервіевъ, атребатовъ и веромандуевъ, адюатки воротились въ свои земли и, очистивъ всѣ свои города и крѣпостцы, заперлись со всѣмъ имуществомъ въ одной своей крѣпости *), чрезвычайно сильной мѣстнымъ положеніемъ. Она была окружена высокими скалами и глубокими пропастями, и единственный, отлогій всходъ на нее, шириною футовъ въ 200, былъ прегражденъ двойнымъ рядомъ тол-

стыхъ стѣнъ. Цезарь быстро двинулся къ ней, и по прибытіи его, адюатки сначала производили частыя вылазки и завязывали небольшія дѣла. Но когда Цезарь окружилъ крѣпость контръ-валаціонною линіею въ 15 римскихъ миль (22½ версты) въ окружности и 12 футовъ вышины, съ башнями или крѣпостцами (фортами) на близкихъ одна отъ другой разстояніяхъ, въ особенноти же когда адюатки увидѣли огромныя, деревянныя, осадныя башни, легко придвигаемыя римлянами къ крѣпости, то были поражены такимъ изумленіемъ и страхомъ, что просили мира, и, по требованію Цезаря, побросали со стѣнъ огромное количество оружія, хотя и составлявшее только третью долю всего, имѣвшагося въ крѣпости, двѣ трети котораго адюатки скрыли. Цезарь вступилъ въ крѣпость, но къ вечеру вывелъ войска свои обратно въ лагерь, опасаясь—какъ говоритъ въ своихъ запискахъ—чтобы жители не потерпѣли отъ нихъ ночью обидъ. Но адюатки, покоряясь, имѣли коварные замыслы—и въ 3-ю стражу ночи (вскорѣ по полуночи) со всѣми своими силами произвели нечаянное нападеніе на лагерь Цезаря, однако были встрѣчены быстро собравшимися римскими войсками, и хотя сражались съ отчаянною храбростью, но наконецъ были отражены съ урономъ 4,000 убитыхъ. На слѣдующее утро Цезаревы войска ворвались въ крѣпость и 53,000 адюатиковъ, найденныхъ въ ней, были, по приказанію Цезаря, въ наказаніе за измѣну, проданы въ рабство.

Въ то же время Цезарь получилъ извѣстіе отъ Красса, посланнаго имъ съ однимъ легіономъ ¹⁾ въ земли венетовъ, унелловъ, озисмиевъ, куріосолитовъ, сезувіанъ, авлерковъ и редонянъ, обитавшихъ въ сѣверо-западной Галліи по берегамъ океана ²⁾, что всѣ эти племена покорились римлянамъ.

Успѣхи Цезаря въ Галліи произвели въ Римѣ величайшую радость, а на галловъ и даже за-рейнскихъ германцовъ—такое сильное впечатлѣніе, что нѣкоторые племена ихъ прислали Цезарю пословъ съ изъявленіемъ готовности покориться и дать заложниковъ. Но торопясь отправиться въ цизальпийскую Галлію, Цезарь назначилъ посламъ воротиться въ началѣ слѣдующаго лѣта и уѣхалъ, расположивъ армію на зим-

¹⁾ Когда и съ какимъ именно легіономъ—неизвѣстно; всѣ 8 Цезаревыхъ легіоновъ были въ сраженіи при Сабисѣ, а отъ этого сраженія до взятія крѣпости адюатиковъ прошло, кажется, слишкомъ мало времени для того, чтобы Крассъ могъ съ Сабиса поспѣть къ берегамъ океана, принять покорность 7-ми племенъ и дать знать о томъ Цезарю. Описывая походъ свой противъ венетовъ, Цезарь говоритъ, что у Красса былъ 3-й легіонъ, но не объясняетъ, откуда взялся этотъ легіонъ.

²⁾ Въ нынѣшнихъ Нормандіи и Бретани.

*) Нынѣ Фалэ (Falais) на р. Мегеньѣ (Mehaigne), въ равномъ разстояніи отъ Люттиха и Намюра (Наполеонъ I).

нихъ квартирахъ въ земляхъ карнутовъ (pays de Chartres, въ сѣверномъ Орлеанѣ), андовъ (Anjou) и туроповъ (Touraine), сосѣдственныхъ на юго-западѣ съ краемъ, въ которомъ происходили военныя дѣйствія этого года.

Разсматривая дѣйствія Цезаря въ этомъ походѣ вообще, должно, согласно съ мнѣніемъ повѣйшихъ писателей, отдать полную справедливость и похвалу: 1) намѣренію его предупредить бельговъ внесеніемъ войны въ собственную ихъ страну; 2) быстрому, вслѣдствіе того, движенію и неожиданному прибытію его на предѣлы земель бельговъ; 3) отряженію имъ Дивиціака въ земли белловаковъ для отвлеченія части силъ бельговъ; 4) превосходнымъ: расположенію и дѣйствіямъ его въ бою при Аксонѣ; 5) быстрому движенію его противъ первіевъ и потомъ противъ адуатиковъ, и 6) дѣятельности и скорости осадныхъ работъ его противъ Новіодуна и крѣпости адуатиковъ. Лучшею похвалою всѣмъ этимъ дѣйствіямъ служатъ результаты ихъ — расторженіе союза бельговъ и покореніе, однихъ вслѣдъ за другими, ремовъ, суэссоновъ, белловаковъ, амбіанъ и наконецъ адуатиковъ. Но и въ этомъ походѣ также Цезарь сдѣлалъ четыре ошибки: 1) не приготовясь произвелъ приступъ къ Новіодуну—и былъ отраженъ; 2) допустилъ первіевъ и ихъ со-

юзниковъ напасть на него изъ засады совершенно врасплохъ—и едва не былъ разбитъ на-голову, не потерявъ цѣлой арміи и не лишившись всѣхъ надеждъ на военныя и политическіе успѣхи; 3) не поставилъ въ крѣпость адуатиковъ гарнизона—и подвергся внезапному ночному нападенію и снова едва не пораженію, и 4) не принявъ тотчасъ же предложенной ему послѣ того нѣкоторыми галльскими и германскими племенами покорности. Важнѣйшею изъ этихъ ошибокъ, по единогласному сознанію новѣйшихъ писателей, въ томъ числѣ и Наполеона I, была вторая. Видя, что конница и легкая пѣхота его, находясь на другомъ берегу въ бою съ непріятельскою конницею, не подвигались далѣе опушки лѣса на вершинѣ высоты, онъ не выждалъ, чтобы они проникли внутрь лѣса и развѣдали, что въ немъ было,—вопреки обычаю римлянъ въ подобныхъ случаяхъ—не держалъ части войскъ, хотя одного легіона, вперед лагеря въ готовности къ бою, и если не былъ разбитъ на-голову, но самъ напротивъ одержалъ рѣшительную побѣду, то вполне былъ обязанъ этимъ не себѣ, а отличнымъ войскамъ своимъ. Описаніе же имъ (въ своихъ запискахъ) этого сраженія явно изобличаетъ желаніе его только оправдать свою или скорѣе свои ошибки въ немъ.

ГЛАВА IV.

ВОЙНЫ И ПОХОДЫ ЮЛІЯ ЦЕЗАРЯ

(58 — 45 г. до Р. Х.).

(Продолженіе).

§ 21. 3-й годъ войны въ Галліи (56). — Дѣйствія легата Гальбы въ верхнихъ Альпахъ; — 4-й походъ Цезаря противъ венетовъ. — § 22. Дѣйствія легатовъ Сабина и Брасса. — 5-й походъ Цезаря противъ мориновъ и менаніевъ. — § 23. 4-й годъ войны въ Галліи (55). — 6-й походъ Цезаря противъ узипетовъ и тенхтеровъ. — 7-й походъ за Рейномъ противъ германцовъ (1-й). — § 24. 8-й походъ Цезаря въ Британіи (1-й). — 9-й походъ противъ мориновъ.

Источники и историческія пособія, — указанные выше.

II.

Война въ Галліи (58—51).

(Продолженіе).

§ 21.

3-й годъ войны въ Галліи (56).

Дѣйствія легата Гальбы въ верхнихъ Альпахъ; — 4-й походъ Цезаря противъ венетовъ.

Отправляясь, по окончаніи предшествовавшаго похода, въ цизальпинскую Галлію, Цезарь отрядилъ легата своего Сервія Гальбу съ 12-мъ легиономъ и частию конницы въ земли пантуатовъ, верагровъ и седунянъ¹⁾, для открытія и обезпеченія прямого и кратчайшаго военнаго сообщенія и вмѣстѣ свободнаго торговаго пути между цизальпинскою и трансальпинскою Галліею чрезъ верхнія Альпы²⁾, гдѣ дотоѣ торговля производилась съ большими опасностью и пошлинами. Послѣ нѣсколькихъ удачныхъ для Гальбы дѣлъ съ горцами и взятія имъ многихъ укрѣпленныхъ городковъ, жители окрестнаго края просили мира, при-

слали заложниковъ, и Гальба, поставивъ 2 когорты въ земли пантуатовъ, съ остальными войсками расположился на зимнихъ квартирахъ въ мѣстечкѣ Октодурѣ *), которое укрѣпилъ валомъ со рвомъ. Но черезъ нѣсколько дней верагры и седуняне, опасаясь совершеннаго покоренія ихъ римлянами, презирая малочисленность Гальбова отряда и надѣясь легко истребить его, внезапно заняли вершины горъ, окружавшихъ Октодуръ, и со всѣхъ сторонъ напали на Гальбу, еще не совсѣмъ окончившаго свои укрѣпленія. Послѣ упорнаго и жестокаго боя, продолжавшагося болѣе 6-ти часовъ сряду, утомленная войска Гальбы уже съ трудомъ могли держаться противъ превосходнаго числа непріятеля и подвергались опасности

1) Верхній и нижній Валлисъ (Valais).

2) Изъ Мплана черезъ Симплонъ и Сенъ-Бернардъ въ долину Роны (Наполеонъ I).

*) Нынѣ Мартинъ.

быть совершенно истребленными, когда, по счастію для нихъ, Гальба имѣлъ благоразуміе послушаться даннаго ему однимъ трибуномъ и однимъ примипиломъ совѣта, произвелъ изъ всѣхъ выходовъ въ одно время вылазку и папалъ на непріятеля столь стремительно и неожиданно для него, что болѣе 10,000 чел. положилъ на мѣстѣ, а остальныхъ обратилъ въ бѣгство, преслѣдовалъ и разсѣялъ. Не смотря на такой важный успѣхъ, Гальба, не считая себя въ этомъ краю въ безопасности и пуждаясь притомъ въ продовольствіи, двинулся въ земли нантуатовъ, а оттуда со всѣмъ своимъ отрядомъ въ земли аллоброговъ, гдѣ и расположился на зимнихъ квартирахъ.

Между тѣмъ молодой Крассъ, принявшій, какъ сказано выше, покорность приморскихъ племенъ западной Галліи, расположился съ своимъ легиономъ (3-мъ) на зимнихъ квартирахъ въ земляхъ андовъ (область Anjou)¹⁾ и для сбора продовольствія, въ которомъ нуждался, отправилъ нѣсколькихъ префектовъ и трибуновъ въ земли евзубіевъ²⁾, куріосолитовъ и венетовъ³⁾. Венеты были самымъ важнымъ и значущимъ племенемъ всего поморья, потому что имѣли большое число судовъ, на которыхъ вели торговлю съ Британіей, были свѣдущѣе и опытнѣе всѣхъ сосѣдей въ морскомъ дѣлѣ и владѣли всѣми гаванями поморья, что поставляло въ зависимость отъ нихъ всѣхъ чужеземныхъ мореплавателей на океанѣ. По поданію ими знаку, всѣ поморяне, опомнясь отъ перваго страха, возстали противъ римлянъ, задержали посланныхъ Крассомъ военачальниковъ, увѣдомили его, что отпустить ихъ, если онъ отдастъ взятыхъ заложниковъ, а между тѣмъ единодушно положили отстоять свою независимость и ни за что не покоряться римлянамъ.

Увѣдомленный объ этомъ Крассомъ, Цезарь приказалъ немедленно построить на р. Литерѣ (Луарѣ) морскія суда, набрать въ провинціи (римской Галліи) гребцовъ и достать матросовъ и кормчихъ. Коль же скоро все это было исполнено и время года позволило, Цезарь самъ прибылъ въ армію. Узнавъ о его прибытіи, венеты и ихъ союзники дѣятельно приготовились къ оборонѣ, собрали большіе запасы хлѣба въ свои города и сколько можно болѣе судовъ

въ венетскихъ гаваняхъ, и заключили союзъ съ озисміями, лексовіями, нанпетамн, амбіанами, діаблинтами, мориными и менапіями*), и призвали на помощь также британцовъ. Не безъ основанія возлагали они большую надежду на многія, весьма выгодныя для нихъ и невыгодныя для римлянъ обстоятельства, которыя должны были имъ—значительно облегчить, а римлянамъ—затруднить веденіе войны въ ихъ земляхъ и водахъ. Большая часть городовъ, въ которыхъ были собраны главныя военно-сухопутныя и морскія силы, средства и способы ихъ, были расположены на берегу океана, на мысахъ и косахъ. Доступы къ нимъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ обложеніе и осада ихъ были чрезвычайно трудны, съ сухаго пути—по причинѣ приливовъ, а съ моря—по причинѣ отливовъ, весьма сильныхъ и протекшихъ постоянно по два раза въ сутки. Сверхъ того, города венетовъ и ихъ союзниковъ были обезпечены, съ сухаго пути—трудностью продовольствованія римлянъ въ этомъ краю, и невозможностью ихъ, вслѣдствіе того, долго оставаться въ немъ,—съ моря же въ особенности—рѣшительнымъ превосходствомъ венетовъ и ихъ союзниковъ надъ римлянами во всѣхъ отношеніяхъ. Они превосходили ихъ 1) и числомъ, и величиною, и постройкою и вооруженіемъ и управленіемъ своихъ судовъ, и 2) свѣдущностью и опытностью въ морскомъ дѣлѣ вообще, и въ особенности отличнымъ знаніемъ прибрежныхъ водъ, отмелей, гаваней и острововъ, вѣтровъ, приливовъ и отливовъ океана, словомъ—всего, что касалось плаванія въ немъ, несравненно болѣе труднаго и опаснаго, нежели плаваніе въ Средиземномъ морѣ, и что для плаванія этого было необходимо, римлянамъ же вовсе не было извѣстно, почему венеты и ихъ союзники и были твердо убѣждены, что римляне не извлекутъ никакой пользы изъ построенныхъ ими судовъ.

Изъ этого видно, какія трудности предстояли Цезарю въ войнѣ съ венетами и ихъ союзниками. И эти трудности должны были еще увеличиться тѣмъ, что неминуемо повлекли бы за собою возстаніе, одного за другимъ, всѣхъ племенъ Галліи, какъ покоренныхъ, такъ и непокоренныхъ римлянами, но одинаково одушевленныхъ ненавистью къ римскому игу и любовью къ независимости. Цезарь предвидѣлъ все это, и дабы раздѣлить силы галловъ, препятствовать составленію общаго или по крайней мѣрѣ сильнаго противъ него союза племенъ Галліи и вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечить свои фланги и тылъ, благо разумно положилъ раздѣлить собственныя силы. Съ этою цѣлію, Лабіена съ копницею онъ послалъ въ земли

¹⁾ По мнѣнію Наполеона I, Крассъ расположился близъ нынѣшняго Нанта на нижней Луарѣ.

²⁾ Turpin de Crissé полагаетъ, что это ошибка и что префекты и трибуны были посланы не къ евзубіямъ, обитавшимъ близъ нынѣшней Барселонетты, слѣдовательно—слишкомъ далеко, но къ лексовіямъ, жившимъ въ округѣ нынѣшняго Кутанса (Coutance).

³⁾ Венеты жили въ нынѣшнемъ Морбиганѣ (Morbihan), въ Бретани; главнымъ городомъ ихъ былъ Даріоригъ (нынѣ Ваннъ, Vannes).

Великіе полководцы исторіи ч. I.

*) Всѣ эти племена обитали въ нынѣшнихъ Бретани, Нормандіи и отчасти Пикардіи.

тревировъ (жителей нынѣшняго Трира съ округомъ), Красса съ 12-ю когортами и большимъ числомъ копницы — въ аквитанскую Галлію, а Титурія, Сабина съ 3-ми легионами — въ земли унелловъ, куріосолтовъ и лексовіевъ, перваго — для удержа- нія бельговъ и за-рейскихъ германцовъ, втораго — аквитанскихъ галловъ, а третьяго — племень сѣверо-западной Галліи. Молодому Дециму Бруту онъ ввѣрилъ начальствова- ніе надъ флотомъ и галльскими судами, которыя собралъ у пиктоновъ (нынѣ Poitou), сантоновъ (Saintonge) и другихъ племень, бывшихъ въ мирѣ съ римлянами, и прика- залъ ему сколько можно поспѣшнѣе плыть къ берегамъ венетовъ. Самъ же онъ со всею пѣхотою двинулся въ земли послѣд- нихъ.

Взявъ нѣсколько венетскихъ городовъ и видя, что не можетъ ни препятствовать спасенію венетовъ изъ одного города въ другой моремъ, ни тревожить ихъ въ этихъ переѣздахъ, Цезарь рѣшился ждать прибы- тія своего флота. Какъ скоро онъ прибылъ, венеты вышли на встрѣчу ему съ 20-ю от-

лично снаряженными и вооруженными су- дами. Суда Цезарева флота значительно усту- пали венетскимъ въ постройкѣ и вооруже- нии, и имѣли на своей сторонѣ только одно преимущество — то, что были вооружены ост- рыми косами на длинныхъ древкахъ (въ родѣ прежняго воропа, *corvus*). Римляне перерѣзывали этими косами спастн венет- скихъ судовъ и, тѣмъ лишая венетовъ воз- можности управлять своими судами, сдѣл- ялись съ послѣдними и брали ихъ руко- пашнымъ боемъ на палубахъ, въ чемъ имѣ- ли уже рѣшительное надъ венетами пре- имущество. Къ счастью ихъ, въ тоже время настало совершенное безвѣтріе — и послѣ упорнаго боя, продолжавшагося съ утра до вечера, весь флотъ венетовъ достался въ руки римлянъ. Въ этой крайности, не имѣя болѣе никакого спасенія, венеты покорились Цезарю — и онъ, въ наказаніе ихъ и для примѣра другимъ, продалъ всѣхъ ихъ въ рабство, а всѣхъ вождей ихъ казнилъ — по- ступокъ жестокий, несправедливый, против- ный здоровой политикѣ и потому вовсе не дѣлавшій Цезарю чести.

§ 22.

Дѣйствія легатовъ Сабина и Красса; — 5-й походъ Цезаря противъ мориновъ и менапиевъ.

Между тѣмъ Сабинъ, прибывъ въ земли унелловъ ¹⁾, расположился на удобныхъ и выгодныхъ для дѣйствій пунктѣ и мѣстности, и тщательно укрѣпилъ свой лагерь. Вождь унелловъ, Веридовиксъ, предводитель- ствуя многочисленнымъ союзнымъ войскомъ возставшихъ жителей этой части Галліи: унелловъ, авлерковъ ²⁾, эбуровиковъ ³⁾, лексовіевъ ⁴⁾ и множествомъ присоеди- нившихся къ нему бѣглыхъ преступниковъ, воровъ и разбойниковъ изъ цѣлой Галліи, расположился миляхъ въ 2-хъ (около 3-хъ верстъ) отъ Сабина и безпрестанно пред- лагалъ ему бой. Но Сабинъ не выходилъ изъ своего лагеря, что и галлы и наконецъ даже собственныя войска Сабина приписа- ли его малодушію и робости. А между тѣмъ Сабинъ, считая неблагоприятнымъ и неосто- рожнымъ вступать, безъ особенно благо- приятныхъ къ тому обстоятельствъ, въ бой съ превосходнымъ въ силахъ непріателемъ въ полѣ, намѣренъ былъ принудить галловъ напасть на него въ собственномъ его ла- герѣ. Для этого онъ убѣдилъ одного изъ находившихся въ его отрядѣ галловъ, за

щедрую награду, перебѣжать въ станъ Ве- ридовикса и увѣрить послѣдняго въ страхѣ и робости Сабина и его войскъ и въ на- мѣреніи ихъ въ слѣдующую же ночь тайно идти на помощь Цезарю, будто бы окру- женному венетами и находившемуся въ боль- шой опасности. Обманутые этою ложною вѣстью, галлы Веридовикса бросились со всѣхъ сторонъ на высоту, на которой былъ расположенъ лагерь Сабина. Но войска Са- бина, бывшія въ полной готовности къ бою, внезапно вышли изъ переднихъ и заднихъ воротъ лагеря и, храбро напавъ на галловъ, утомленныхъ бѣгомъ на гору, съ перваго же удара опрокинули ихъ, обратили въ бѣг- ство и, живо преслѣдуя, большую часть истребили. Вслѣдствіе этой побѣды, всѣ жи- тели этой части Галліи ¹⁾ покорились Са- бину.

Въ тоже время Крассъ, запасшись про- довольствомъ и усиливъ вспомогательными пѣшими и конными войсками, набранными въ пограничныхъ съ Аквитаніею земляхъ Толозы, Каркасона, Нарбона и другихъ го- родовъ римской провинціи, перешелъ черезъ Гарумну (нынѣ Гаронна) и вступилъ въ земли сотіатовъ ²⁾. Сотіаты двинулись ему

¹⁾ Le Cotentin или округъ Кутанса (Coutance) въ Нормандіи.

²⁾ Le Maine въ Нормандіи.

³⁾ Evreux съ округомъ въ Нормандіи.

⁴⁾ Lisieux съ округомъ въ Нормандіи.

¹⁾ Нижней Нормандіи.

²⁾ Округъ города Лектуръ (Lectoure) на р. Жеръ (Gers) въ Гасконіи.

на встрѣчу съ многочисленными пѣшими и особенно конными ополченіями, но послѣ упорнаго и продолжительнаго боя были разбиты, и Крассъ осадилъ главный городъ ихъ ¹⁾. Жители послѣдняго были весьма искусны въ подземной войнѣ (по причинѣ большого числа рудниковъ въ Аквитаніи) и потому оборонялись весьма долго, но наконецъ, видя всѣ усилія свои тщетными, покорились и выдали Крассу оружіе и заложниковъ. Затѣмъ Крассъ двинулся въ земли вокатовъ ²⁾ и тарузатовъ ³⁾. Эти два племени призвали въ помощь большое число сосѣдственныхъ съ Аквитаніею испанцовъ и въ томъ числѣ многихъ военачальниковъ и воиновъ, служившихъ подъ начальствомъ Серторія. Послѣдніе положили расположиться въ лагерѣ, укрѣпленномъ по римски, и, не выходя изъ него, отрѣзывать Крассу продовольствіе и ждать, чтобы голодъ принудилъ его удалиться. Но Крассъ, въ избѣжаніе этого, немедленно и весьма благоразумно напалъ на ихъ лагерь главными своими силами съ фронта и фланговъ, а конницею и 4-мя когортами съ тыла, гдѣ лагерь былъ слабѣе укрѣпленъ, и взялъ его приступомъ. Изъ 50,000 находившихся въ немъ аквитанцовъ и испанцовъ, $\frac{3}{4}$ были истреблены въ лагерѣ и въ бѣгствѣ изъ него — и уstraшенная этою побѣдою, большая часть племенъ Аквитаніи ⁴⁾ покорилась Крассу.

Послѣ этого одновременнаго покоренія венетовъ и племенъ сѣверо- и юго-западной Галліи, Цезарь въ концѣ лѣта двинулся съ главными своими силами въ земли мориновъ и менапиевъ ⁵⁾, которые одни изъ всѣхъ племенъ Галліи оставались непокорными и вооруженными, и рѣшились защищать свою независимость, ведя войну среди обширныхъ лѣсовъ и болотъ, покрывав-

шихъ ихъ страну. Прибывъ ко входу въ лѣса ¹⁾, Цезарь отразилъ непріятелей, напавшихъ на него во время укрѣпленія лагеря, въ нѣсколько дней съ чрезвычайною скоростью вырубилъ обширное пространство лѣсовъ ²⁾, и завладѣвъ скотомъ и частію тяжестей непріятеля, уже готовился проникнуть во внутренность лѣсовъ, когда наступившіе проливные дожди принудили его прекратить дальнѣйшія работы и дѣйствія противъ мориновъ и менапиевъ, и по разореніи ихъ земель и сожженіи ихъ селеній и домовъ, расположить свою армію на зимнихъ квартирахъ въ земляхъ авлерковъ, лексовіевъ и сосѣдственныхъ съ ними племенъ ³⁾, покорившихся передъ тѣмъ Сабину. Затѣмъ онъ отправился лично въ цизальпийскую Галлію.

Въ этомъ походѣ особенныхъ вниманія и похвалы заслуживаетъ раздѣленіе Цезаремъ своихъ силъ, по успѣхамъ своимъ противъ венетовъ онъ былъ обязанъ болѣе случаю и счастію, противъ племенъ сѣверо- и юго-западной Галліи — благоразумнымъ, осторожнымъ и искуснымъ дѣйствіямъ Сабина и Красса, а противъ всѣхъ этихъ племенъ вообще — легкомыслію и необдуманной пылкости галловъ, раздѣленію ихъ племенъ, отсутствію въ нихъ единодушія, постоянства, правильнаго военнаго устройства и воинскаго порядка, при всей ихъ многочисленности и храбрости, — и рѣшительному превосходству надъ ними отлично устроенной и одушевленной, хотя и малочисленной, римской арміи. Что касается жестокости Цезаря противъ венетовъ, то она ничѣмъ не можетъ быть оправдана, а походъ противъ мориновъ и менапиевъ былъ несправедливъ, бесполезенъ, имѣлъ цѣлью только удовлетворить честолюбію Цезаря и кончился безъ успѣха и особенной для Цезаря славы. Таковы мнѣнія Наполеона I и прочихъ писателей о дѣйствіяхъ Цезаря въ Галліи въ 56-мъ году.

¹⁾ Лектуръ.

²⁾ Округъ города Базасъ (Bazas) на лѣвой сторонѣ нижней Гаронны въ Гюйеннѣ.

³⁾ Тюрсанъ (le Tursan) или округъ города Эръ (Aire) на р. Адурѣ въ Гасконіи.

⁴⁾ Трабеллы (нынѣ округъ города Даксъ), бигерроны (округъ Бигорра), вокаты, тарузаты, эдузаты (pays d'Euse), Ауски (pays d'Auch) и нѣкоторые другіе (всѣ въ Гасконіи и частію въ Гюйеннѣ).

⁵⁾ Округъ Булони и часть Фландріи и Брабанта.

¹⁾ Близъ Терруана (Tergouane), недалеко отъ С-тъ Омѣра въ Артуа.

²⁾ Le Maine, Le Perche и округи городовъ Эврѣ (Evreux) и Лизіѣ (Lisieux) въ Нормандіи.

³⁾ При этомъ онъ подвигался впередъ, постоянно прикрывая себя съ фронта и флангомъ засѣками изъ срубленныхъ деревьевъ.

§ 23.

4-й годъ войны въ Галліи (55).

6-й походъ Цезаря противъ узипетовъ и тенхтеровъ;—7-й походъ за Рейномъ противъ германцовъ (1-й).

Зимою 56-го года узипеты и тенхтеры—два германскія племена, вытѣсненные суэвами изъ своихъ земель на правомъ берегу нижняго Рейна ¹⁾, въ свою очередь вытѣснили сосѣдственныхъ менапиевъ изъ земель по обѣимъ сторонамъ нижняго Рейна ²⁾, при чемъ въ числѣ 430,000 душъ переправились съ праваго берега этой рѣки на лѣвый и вскорѣ, по приглашенію галловъ, на дѣявшихся усилиться ими противъ римлянъ, двинулись во внутренность Галліи по направленію къ р. Мозѣ (нынѣ р. Маасъ, Meuse).

При первомъ извѣстіи объ этомъ, Цезарь послѣдшилъ въ армію и узнавъ, что узипеты и тенхтеры дошли уже до земель эбуроновъ ³⁾ и кондрузіевъ ⁴⁾, зависѣвшихъ отъ тревировъ, положилъ немедленно двинуться противъ нихъ. Передъ тѣмъ однакоже онъ собралъ знатнѣйшихъ галловъ и, не упрекая ихъ въ призваніи узипетовъ и тенхтеровъ, не показавъ даже виду, что знаетъ ихъ козни, обошелся съ ними весьма ласково, ободрилъ ихъ и приказалъ имъ произвести наборъ конницы. Затѣмъ, запасшись продовольствіемъ и взявъ съ собою 5,000 чел. отборной конницы, онъ двинулся изъ земель авлерковъ, лексовіевъ и др. къ р. Мозѣ ⁵⁾. По приближеніи его, узипеты и тенхтеры выслали на встрѣчу ему пословъ съ объявленіемъ, что, бывъ вытѣснены изъ своихъ земель суэвами, они ищутъ только другихъ земель для своего поселенія, въ случаѣ же нападенія на нихъ, будутъ защищаться. Цезарь отвѣчалъ, что доколѣ они будутъ въ Галліи, онъ не окажетъ имъ помощи противъ суэвовъ, что земель въ Галліи дать имъ не можетъ, потому что незаселенныхъ не было, но предлагалъ имъ поселиться на земляхъ убіянъ ⁶⁾, звавшихъ его именно въ это время на помощь противъ суэвовъ. Послы просили его по крайней мѣрѣ не идти далѣе, пока они не воротятся съ отвѣтомъ: но Цезарь отказалъ

въ этомъ и продолжалъ свое движеніе, зная, что узипеты и тенхтеры отправили большую часть своей конницы ¹⁾ на лѣвую сторону Мозы ²⁾ для сбора продовольствія и хотѣли только выждать ея возвращенія.

Находясь уже только миляхъ въ 12-ти (около 17-ти верстъ) отъ нихъ, Цезарь снова встрѣтилъ ихъ пословъ съ прежними же просьбами, въ которыхъ снова отказалъ. Тогда послы просили его по крайней мѣрѣ 1) приказать передовой конницѣ его не нападать на узипетовъ и тенхтеровъ, 2) позволить имъ идти въ земли убіянъ и 3) дать имъ три дня перемирія. Хотя Цезарь и не довѣрялъ имъ, однако обѣщалъ пройти не далѣе полумили (съ небольшимъ полуверсты) до одного мѣста, гдѣ была вода, конницѣ же своей приказалъ не нападать на узипетовъ и тенхтеровъ, а если они сами нападутъ на нее, то держаться до его прибытія. Но едва 800 чел. конницы, оставшихся у узипетовъ и тенхтеровъ, открыли Цезареву конницу, какъ немедленно сами первые падали на нее (должно полагать—по недоразумѣнію), опрокинули ее и обратили въ бѣгство, нанеся ей уронъ въ 74 чел. ³⁾. Но Цезарь приписалъ это злому и коварному умыслу узипетовъ и тенхтеровъ и положилъ не вступать болѣе съ ними ни въ какіе переговоры и, двинувшись противъ нихъ, произвести на нихъ печальное нападеніе. На слѣдующее утро, когда онъ готовился выступить въ походъ, большое число узипетовъ и тенхтеровъ, имѣя въ головѣ знатнѣйшихъ вождей своихъ и стариковъ, прибыло въ его лагерь для оправданія нападенія предшествовавшаго дня и для заключенія перемирія. Но Цезарь отдалъ ихъ подъ стражу и, построивъ армію въ 3 линіи, а конницу, пораженную наканунѣ, поставивъ назадъ, быстро двинулся впередъ и, пройдя 8 миль (11 верстъ съ небольшимъ),

¹⁾ Въ округахъ городовъ Цютфена и Берга или въ нидерландской провинціи Гельдернъ и въ прусской провинціи нижнерейнской, на правой сторонѣ Рейна.

²⁾ Въ Гельдернѣ на лѣвой сторонѣ Рейна и въ сѣверномъ Брабантѣ.

³⁾ Въ Люттихской провинціи.

⁴⁾ Въ Намюрской провинціи.

⁵⁾ Изъ Нормандіи къ р. Маасу.

⁶⁾ Округа Кельна.

¹⁾ Узипеты и особенно тенхтеры славились, какъ отличные всадники.

²⁾ Въ южный Брабантъ и въ Антверпенскую провинцію.

³⁾ Причинами обращенія въ бѣгство 5-ти-тысячной Цезаревой конницы 800-ми чел. конницы узипетовъ и тенхтеровъ вѣроятно были: во 1-хъ отличныя качества и внезапное нападеніе послѣдней, а во 2-хъ оплошность первой и неспособность и ошибки ея начальниковъ.

напалъ на лагерь узипетовъ и тенхтеровъ¹⁾ совершенно неожиданно для нихъ. Атакующе врасплохъ и лишенные вождей, они въ страхъ и безпорядкѣ бросились бѣжать къ устью Мозеллы (нынѣ р. Мозель) въ Рейнъ, были преслѣдованы Цезаревою конницею и большею частію истреблены ею либо потонули въ Рейнѣ, и только незначительное число ихъ воротилось за Рейнъ, въ томъ числѣ и большая часть ихъ конницы, посланная за р. Мозу и не участвовавшая въ бою²⁾.

Затѣмъ Цезарь рѣшилъ перейти черезъ Рейнъ, по многимъ, какъ говорить, причинамъ, изъ которыхъ главными, по его словамъ, были: во 1-хъ намѣреніе его доказать германцамъ, что римская армія смѣла и могла переходить также черезъ Рейнъ, — внушить имъ страхъ вторженія въ ихъ собственную страну и разъ навсегда удержатъ ихъ отъ вторженій въ Галлію, — во 2-хъ отказъ сикамбровъ³⁾, германскаго племени, выдать Цезарю спасшюся къ нимъ и поставившую себя подъ ихъ защиту, конницу узипетовъ и тенхтеровъ, — и въ 3-хъ убѣдительныя просьбы убійцъ подать имъ помощь противъ тѣснившихъ ихъ суэвовъ и обѣщаніе убійцъ доставить ему большое число судовъ для переправы черезъ Рейнъ. Но эти причины были, какъ по всему кажется, только благовидными предлогами къ прикрытію истинныхъ честолюбивыхъ видовъ Цезаря, побуждавшихъ его перейти черезъ Рейнъ и предпринять походъ противъ германцовъ. Во-первыхъ должно сказать, что онъ не имѣлъ права переходить черезъ Рейнъ и начинать новую войну съ народомъ, не нанесшимъ никакого прямого оскорбленія римскому народу, не нападавшаго на Цезаря, ни же угрожавшаго ему нападеніемъ, и притомъ Цезарь не былъ уполномоченъ

на то, по закону, сенатомъ и народомъ. Столь же мало права имѣлъ онъ требовать выдачи конницы узипетовъ и тенхтеровъ отъ сикамбровъ, подъ предлогомъ, будто бы конница побѣжденнаго имъ народа принадлежала ему. А что касается помощи противъ суэвовъ, которой, по его словамъ, убѣдительно просили у него убійцы, то здравая политика требовала, кажется, чтобы онъ не раздражалъ и не вооружалъ противъ себя главнаго и самаго многочисленнаго, могущественнаго и воинственнаго народа Германіи — суэвовъ, которые могли причинить ему много заботъ и вреда въ Германіи и даже въ Галліи. Власть римлянъ въ этой послѣдней странѣ была еще такъ мало утверждена, такъ ненадежна, а войскъ у Цезаря было, въ соразмѣрности съ пространствомъ страны и необходимостью содержать ее въ повиновеніи, такъ мало, что наступательныя дѣйствія внѣ ея предѣловъ, въ сосѣдственныхъ странахъ, были одинаково вредны, опасны и слѣдовательно невозможны какъ со всѣми силами, такъ и съ частію ихъ, — и оставалось только тщательно оборонять границы Галліи и препятствовать сосѣдственнымъ народамъ вторгаться въ эту страну или подавать ей жителямъ помощь. Словомъ — Цезарю слѣдовало, дѣйствуя внутри Галліи наступательно, на предѣлахъ ея ограничиться единственно обороною и не помышлять о наступательныхъ дѣйствіяхъ внѣ ея предѣловъ. Но честолюбіе его взяло верхъ надъ благоразуміемъ и осторожностью, и слѣпо вѣруя въ свое счастіе, онъ привелъ намѣреніе свое въ исполненіе: перешелъ черезъ Рейнъ и совершилъ 18-ти-дневный походъ противъ германцовъ, не имѣвшій однако никакого важнаго и полезнаго для Цезаря результата и замѣчательный только по построению Цезаремъ моста черезъ Рейнъ. По словамъ Цезаря, онъ отказалъ убійцамъ въ предложенныхъ ими судахъ потому, что признавалъ такого рода переправу несогласною съ личнымъ его и римскаго народа достоинствомъ, предпочиталъ перейти по постоянному мосту, сколько ни трудно было построение его. Но нѣтъ, кажется, сомнѣнія, что истинною причиною была осторожность, весьма благоразумная и похвальная: ибо очевидно, что постоянный мостъ могъ гораздо лучше обезпечить, и одновременно переходъ значительной части войскъ на правый берегъ Рейна, и отступление ея на лѣвый, и дѣйствія, по произволу, наступательныя и оборонительныя, на томъ и на другомъ берегахъ, нежели переправа на судахъ, позволявшая переправлять войска и вводить ихъ въ бой лишь малыми частями, и главное — бывшая крайне ненадежною и даже опасною, особенно въ случаѣ неудачи и отступленія: ибо галлы могли завладѣть судами и отрѣзать Цезаря

¹⁾ Въ Лютихской, а по инымъ въ Луксембургской провинціи.

²⁾ Взятіе Цезаремъ непріятельскихъ пословъ подъ стражу, печальное нападеніе его на узипетовъ и тенхтеровъ и жестокое истребленіе ихъ, не сопротивлявшихся, но бѣжавшихъ, и безъ различія возраста и пола, послужило — и не безъ основанія — причиною строгаго порицанія Цезаря, и въ древнія, и въ новѣйшія времена, въ несправедливости, явномъ нарушеніи народнаго права, коварствѣ и жестокости, ничѣмъ не могшихъ быть оправданными и не приносившихъ Цезарю, равно какъ и кровопролитная побѣда его, особенной чести. Изъ современниковъ Цезаря, особенно возставалъ противъ этого строгій Катонъ, требовавшій даже выдачи Цезаря узипетамъ и тенхтерамъ головою. Въ новѣйшее же время всѣ писатели, и въ главѣ ихъ Наполеонъ I, единогласно и строго порицаютъ Цезаря.

³⁾ Многочисленный и сильный народъ, обитавшій по берегу р. Зигъ (Sieg), къ сѣверу до р. Липпы, и слѣдовательно занимавшій большую часть нынѣшней Вестфалии, Падерборнскій округъ и графство Маркъ.

отъ Галліи. Цезарь не хотѣлъ также переходить черезъ Рейнъ и по мосту на судахъ, ибо опасался разрушенія онаго галлами или разорванія водою. А потому онъ и построилъ при слияніи р. Мозеллы съ Рейномъ *) мостъ на сваяхъ, постройку котораго описываетъ очень подробно и весьма ею гордится, а Плутархъ и другіе древніе писатели восхваляютъ этотъ мостъ, какъ чудо, хотя дѣйствительно удивляться должно только обширности, трудности и скорости, въ тогдашнее время, подобнаго рода работъ, которыя римскій полководецъ, любимый своими войсками, могъ производить посредствомъ ихъ. Самое же устройство моста ничего особенно удивительнаго не представляетъ. Мостъ былъ построенъ, по тогдашнему времени и обстоятельствамъ, весьма скоро, именно — всего въ 10 сутокъ, и прикрытъ съ обѣихъ сторонъ предмостными укрѣпленіями. Перейдя черезъ Рейнъ и оставивъ въ предмостныхъ укрѣпленіяхъ сильныя гарнизоны (отряды войскъ), Цезарь двинулся съ арміею въ земли сикамбровъ. На пути туда, къ нему прибыли послы нѣкоторыхъ племенъ, просившихъ мира и пріязни его; онъ принялъ ихъ благосклонно и потребовалъ заложниковъ. Сикамбры же, вмѣстѣ съ спасшеюся къ нимъ конницею узипетовъ и тенхтеровъ, заблаговременно удалились изъ своихъ земель и скрылись въ лѣсахъ. Разоривъ земли и жатвы ихъ, Цезарь пошелъ въ земли убіанъ, обѣщая имъ свою помощь противъ суэвовъ и узнавъ, что всѣ 100 округовъ (кантоновъ) или племенъ этихъ послѣднихъ, скрывъ женъ, дѣ-

тей и имущество въ лѣсахъ, всѣхъ способныхъ сражаться мужчинъ собрали въ средоточіи обширной ихъ страны ¹⁾ и ожидали тамъ римлянъ, съ твердымъ намѣреніемъ сразиться съ ними. Узнавъ объ этомъ, говоритъ Цезарь, и достигнувъ всѣхъ предположенныхъ имъ результатовъ перехода черезъ Рейнъ, именно — отмищенія сикамбровъ, избавленія убіанъ отъ суэвовъ и исполненія такимъ образомъ всего, чего требовали честь и польза республики, онъ (Цезарь), послѣ 18-ти-дневнаго пребыванія за Рейномъ, перешелъ обратно черезъ эту рѣку и разрушилъ за собою мостъ. Но по ближайшемъ, безпристрастномъ разсмотрѣніи дѣйствій его за Рейномъ, легко убѣдиться можно, что результаты ихъ были весьма незначущи, даже ничтожны, ибо ограничились только безплоднымъ разореніемъ земель сикамбровъ. Убіанъ же Цезарь столь же мало избавилъ и обезпечилъ отъ суэвовъ, сколь мало устранилъ этотъ послѣдній, весьма многочисленный, могущественный и воинственный народъ, и скорѣе можно предполагать, что не они устрашились Цезаря, но Цезарь считалъ — и справедливо — болѣе благоразумнымъ и осторожнымъ не углубляться въ Германію и не имѣть съ суэвами дѣла. Слѣдовательно вообще можно сказать, что походъ его за Рейномъ былъ совершенно неудачный, бесполезный и даже вредный: ибо всякая неудача была, въ положеніи Цезаря, вредна ему.

§ 24.

8-й походъ Цезаря въ Британію (1-й);—9-й походъ противъ мориновъ.

Съ Рейна Цезарь двинулся на берега океана, въ земли мориновъ, для переправы оттуда—не смотря на то, что лѣто было уже на исходѣ—въ Британію, жители которой, по словамъ Цезаря, будто бы помогали галламъ почти во всѣхъ войнахъ ихъ съ римлянами, что однако недостоверно и даже сомнительно. «Еслибы»—говоритъ Цезарь—«по позднему времени года, ему и не удалось исполнить совершить предпріятія противъ Британіи, то по крайней мѣрѣ было бы весьма выгодно пріобрѣсть нужныя свѣдѣнія о краѣ, его жителяхъ, мѣстности, гаваняхъ и доступахъ къ нему, почти вовсе

неизвѣстныхъ галламъ» ²⁾. Для предварительнаго пріобрѣтенія этихъ свѣдѣній, онъ отправилъ впередъ къ берегамъ Британіи приминила Волусена, а самъ, прибывъ на берега океана ³⁾, въ земли мориновъ, откуда была, по его словамъ, кратчайшая переправа въ Британію, собралъ всѣ суда,

¹⁾ По мнѣнію нѣкоторыхъ — въ юго-западной Германіи или Швабіи съ сосѣдственными землями, а по мнѣнію другихъ — въ срединѣ Германіи, къ з. отъ Одера.

²⁾ Turgin de Crissé говоритъ, что Цезарь, кромѣ того, вѣроятно хотѣлъ удостовѣриться въ естественныхъ богатствахъ Британіи, особенно въ драгоцѣнныхъ металлахъ и камняхъ. Но средства, употребленныя Цезаремъ для собранія свѣдѣній о Британіи, были очень недостаточны.

³⁾ Близъ нынѣшней Булони (Boulogne sur mer), а по другимъ Wissant близъ Булони.

*) На мѣстѣ позднѣйшаго города Конфлюэнціи (Confluentia s, Confluentes), нынѣ Кобленцъ, а не въ Бингіѣ (нынѣ Бингенъ) и не въ Могонціакѣ или Могунціи (нынѣ Майнцъ), какъ полагаютъ нѣкоторые.

какія только нашелъ на ближайшихъ берегахъ океана, равно и флотъ свой, дѣйствовавшій въ предъидущемъ году противъ венетовъ. Узнавъ о всемъ этомъ, многія британскія племена отправили къ нему пословъ съ изъявленіемъ покорности и обѣщаніемъ дать заложниковъ. Уговоривъ ихъ пребыть твердыми въ этихъ намѣреніяхъ, Цезарь отправилъ къ нимъ галла Комія, назначеннаго имъ, послѣ побѣдъ надъ атребатами ¹⁾, царемъ или верховнымъ вождемъ этого племени, человека весьма преданнаго Цезарю, смѣлаго, мудраго и пользовавшагося, по словамъ Цезаря, большимъ уваженіемъ въ Британіи (что сомнительно). Цезарь поручилъ ему посѣтить сколько можно болѣе племенъ Британіи, уговорить ихъ довѣриться римлянамъ и предварить ихъ о скоромъ его прибытіи. Съ своей стороны Волусенъ, осмотрѣвъ берега Британіи столько, сколько могъ, не выходя на нихъ, воротился черезъ 5 дней и сообщилъ Цезарю собранныя имъ свѣдѣнія (очень скудныя и недостаточныя), на основаніи которыхъ Цезарь и принялъ надлежащія мѣры для переправы и высадки. Между тѣмъ какъ онъ былъ занятъ приготовленіями къ этому, морины прислали ему пословъ съ изъявленіемъ готовности исполнить все, что имъ будетъ приказано. Радуюсь этому случаю обезпечить свой тылъ, не прибѣгая къ оружію и войнѣ въ столь позднее время года, Цезарь принялъ покорность мориновъ и, взявъ у нихъ большое число заложниковъ, посадилъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ находился, два легіона (7-й и 10-й) на 80 перевозныхъ судовъ и распредѣлилъ между квесторомъ, легатами и префектами своими всѣ, какія имѣлъ военныя суда, а въ 8-ми миляхъ (11 верстахъ) оттуда, на 18 перевозныхъ судовъ, удержанныхъ тамъ вѣтромъ, приказалъ посадить конницу ²⁾. Остальную часть арміи подъ начальствомъ легатовъ Сабина и Котты онъ послалъ въ земли менапьевъ и на берега части мориновъ, не покорившихся ему, а въ лагерь на томъ мѣстѣ, гдѣ самъ сѣлъ на суда, оставилъ легата Сулпиція Руфа съ достаточнымъ для охраненія лагеря отрядомъ. Затѣмъ, при первомъ попутномъ вѣтрѣ, въ 3-ю стражу ночи (между полночью и 3-мя часами утра) онъ снялся съ якоря, отплылъ къ берегамъ Британіи и около 4-го часа дня (10-го часа утра) слѣдующаго дня бросилъ якорь въ виду весьма высокихъ и обрывистыхъ береговъ Британіи, устьянныхъ вооруженными бриттами, и только съ судами, на которыхъ была посажена пѣхота:

ибо суда съ конницей замедлили отправленіемъ и остались назадъ. Видя неудобство и невыгоду высадки въ этомъ мѣстѣ, онъ дождался присоединенія остальной части флота, и въ 9-мъ часу дня (3-мъ пополудни), воспользовавшись вѣтромъ и приливомъ съ моря, присталъ миляхъ въ 7-ми (верстахъ въ 10-ти) или около того, отъ этого мѣста, къ низменному и открытому берегу ^{*)}. Британцы послѣдовали за нимъ вдоль берега, выславъ конницу и военныя колесницы. Высадка Цезаря была сопряжена съ большими трудностями, по причинѣ мелководія, тяжести вооруженія и ноши римскихъ воиновъ и упорной обороны бриттовъ, производившихъ сильную стрѣльбу изъ луковъ и успѣшно дѣйствовавшихъ конницею и военными колесницами, сходя даже съ берега въ воду. Но Цезарь направилъ военныя суда свои къ берегу по обѣимъ сторонамъ перевозныхъ, и сильнымъ дѣйствіемъ метательныхъ орудій и оружія противъ фланговъ бриттовъ, удержалъ послѣднихъ и даже принудилъ ихъ нѣсколько отступить. Въ то же время войска его, ободренныя примѣромъ орлоносца 10-го легіона, бросились съ судовъ въ воду и на берегъ и напали на бриттовъ съ фронта. Послѣ упорнаго боя, въ которомъ всѣ выгоды были на сторонѣ бриттовъ и особенно ихъ отличныхъ: конницы и военныхъ колесницъ, Цезарь наконецъ однако опрокинулъ ихъ, но, не имѣя конницы, не могъ преслѣдовать и совершенно разбить ихъ. Тѣмъ не менѣе они освободили Комія, заключеннаго ими первоначально въ оковы, отправили его съ своими послами просить у Цезаря мира и по требованію Цезаря дали заложниковъ.

Четверо сутокъ спустя 18 перевозныхъ судовъ съ конницей, находясь уже въ виду берега, были внезапно застигнуты столь жестокою бурей, что частію отброшены назадъ къ берегамъ Галліи, а частію къ западнымъ берегамъ Британіи. А въ слѣдующую затѣмъ ночь, въ полнолуіе, чрезвычайно сильный морской приливъ залилъ лагерь Цезаря на мѣстѣ высадки и крайне повредилъ вытасканныя на берегъ военныя и стоявшія на якорѣ перевозныя суда, такъ что многія изъ нихъ были приведены въ негодность къ употребленію и даже совершенно разбиты.

Ободренные этими двумя одновременными, крайне вредными и опасными для Цезаря случаями и сверхъ того малочисленностью Цезаревыхъ войскъ, британцы опомнились отъ перваго страха и начали снова

¹⁾ Въ округѣ нынѣшняго Арраса въ Артуа.

²⁾ По мнѣнію Наполеона I—въ нын. Etaples, по мнѣнію нѣкоторыхъ — самъ Цезарь сѣлъ на суда въ нын. Wissant, а конница въ нын. Булонь (въ то время Гезоріакъ), а по мнѣнію другихъ — наоборотъ.

^{*)} Гдѣ именно—непзвѣстно: Юмъ полагаетъ, впрочемъ не навѣрное, что около Дилы (Deal). Во всякомъ случаѣ достоверно то, что высадка Цезаря была произведена насупротивъ Булони и Калѣ.

вооружаться и собираться для нападенія на римлянъ. Цезарь, хотя ничего не зналъ объ этомъ, однако принялъ необходимыя мѣры предосторожности, постоянно и дѣятельно производя въ тоже время, обоими легионами поочередно, исправленіе флота и сборъ продовольствія въ окрестностяхъ. Однажды, когда на фуражировкѣ былъ 7-й легионъ, британны произвели на него внезапное нападеніе въ многочисленныхъ силахъ съ разныхъ сторонъ изъ засады, окружили его и сильнымъ дѣйствіемъ метательнаго оружія, военныхъ колесницъ и конницы привели его въ большое разстройство. По счастью Цезарь, извѣщенный объ этомъ *), подоспѣлъ съ сторожевыми когортами 10-го легиона, выручилъ 7-й легионъ и, не намѣреваясь вступать съ британны въ бой, въ порядкѣ отступилъ въ свой лагерь.

Нѣсколько дней спустя британны, снова собравшись въ большомъ числѣ, двинулись противъ самаго Цезарева лагерь. Цезарь построилъ войска свои впереди его въ боевой порядокъ и съ перваго удара опрокинулъ британцовъ, обратилъ ихъ въ бѣгство, преслѣдовалъ и множество истребилъ. Британны просили мира, и Цезарь, взявъ съ нихъ двойное число заложниковъ и вскорѣ послѣ того, незадолго до осенняго равноденствія, желая избѣжать обычныхъ въ это время бурь, благополучно переправился обратно въ Галлію. Но два перевозныхъ судна были отнесены къ берегамъ Галліи, нѣсколько южнѣ Цезарева лагерь, и находившіеся на нихъ около 300 чел. легионной пѣхоты окружены превосходными силами моринновъ, вѣроломно напавшихъ на нихъ въ надеждѣ поживиться добычей. Болѣе 4-хъ часовъ мужественно оборонялись легионеры противъ моринновъ, пока не подошла посланная Цезаремъ въ помощь имъ конница, и тогда моринны были обращены въ бѣгство, преслѣдованы и во множествѣ истреблены. На другой же день Цезарь послалъ въ ихъ земли Лабіена съ обоими легионами, воротившимися изъ Британіи, и такъ какъ, по словамъ Цезаря, болота въ этомъ краю были въ это время сухи, то почти всѣ виновные въ нападеніи моринны были захвачены Лабіеномъ въ плѣнъ. Легионы же, посланные Цезаремъ еще прежде съ Сабиномъ и Коттою въ земли менапьевъ, не могли достигнуть непріятелей, скрывшихся въ дремучихъ лѣсахъ своихъ, и разоривъ земли, захвативъ хлѣбъ и сжегши жилища ихъ, присоединились къ Цезарю. Послѣ того Цезарь расположилъ всѣ легионы на зимнихъ квартирахъ въ бельгической Галліи и отправился въ Галлію цизальпин-

скую. Изъ всѣхъ британскихъ племенъ только два прислали ему заложниковъ.

И такъ предпріятіе его противъ британцовъ было столько же несвоевременно и неудачно, сколько и походъ его за Рейномъ противъ германцовъ. Цѣль послѣдняго не была достигнута, какъ сказано, потому что Цезарь не могъ принудить сикамбровъ выдать ему конницу узипетовъ и тенхтеровъ, а суэвовъ—покориться ему; напротивъ суэвы своими грозными вооруженіями заставили его самого воротиться за Рейнъ. Къ важному же и трудному морскому предпріятію противъ Британіи онъ не сдѣлалъ надлежащихъ приготовленій, необходимыхъ для обезпеченія успѣха его, имѣлъ съ собою слишкомъ мало пѣхоты, судовъ и продовольствія и вовсе не имѣлъ конницы, совершенно необходимой однако въ такой странѣ, какова была Британія, и противъ такихъ ополченій, какъ британскія, главную силу которыхъ составляли военные колесницы и конница. Первоначальныя же дѣйствія его противъ узипетовъ и тенхтеровъ были противны народному праву и справедливости, а побѣда надъ этими двумя племенами была нетрудная: ибо, еслибы они даже и дѣйствительно перешли черезъ Рейнъ въ числѣ 430,000 душъ, то, изъ этого числа, способныхъ сражаться мужчинъ вѣроятно было не болѣе 80,000 чел., которые не въ состояніи были съ успѣхомъ сопротивляться 8-ми отличными Цезаревымъ легионамъ, усиленнымъ вспомогательными галльскими войсками. А потому вообще дѣйствія Цезаря въ этомъ году, какъ противъ узипетовъ и тенхтеровъ, такъ противъ германцовъ и британцовъ, подверглись отчасти строгому порицанію, отчасти злымъ насмѣшкамъ со стороны политическихъ враговъ Цезаря въ Римѣ, которые считали даже счастьемъ, что Цезарь успѣлъ благополучно спастись изъ Британіи. Въ особенности возставалъ противъ этихъ дѣйствій Катонъ. Тѣмъ не менѣе сенатъ римскій повелѣлъ приносить богамъ торжественныя общественныя благодаренія въ продолженіи 20-ти дней—примѣръ неслыханный, ибо дотошъ продолжительность такого рода благодареній никогда не превышала 3-хъ дней.

Военные писатели новѣйшихъ временъ также относятся къ дѣйствіямъ Цезаря въ первыхъ предпріятіяхъ его противъ германцовъ и британцовъ—довольно строго, но справедливо. Они находятъ, что Цезарь, въ своихъ запискахъ, желая оправдаться, излагаетъ факты и ихъ причины и послѣдствія—невѣрно, что онъ имѣлъ въ виду вовсе не политическія и военныя выгоды римской республики, а лишь собственныя свои—пріобрѣтеніе славы, значенія и вѣса въ дѣлахъ республики и—вѣроятно—также богатствъ въ Британіи, которыя нужны бы-

*) По его словамъ, но на самомъ дѣлѣ онъ увидалъ только большую пыль, начальникомъ же 7-го легиона не былъ извѣщенъ о нападеніи британцовъ.

ли ему для политическихъ цѣлей его;—что слишкомъ увлеченный этимъ и слишкомъ надѣясь на свое счастье, въ которое слѣпо вѣровалъ, онъ проявилъ гораздо болѣе поспѣшности и необдуманности, нежели необходимой и достойной великаго полководца благоразумной осторожности. Ошибки его, по ихъ мнѣнію, въ предпріятіи противъ германцовъ уже были указаны въ своемъ мѣстѣ выше; — въ предпріятіи же противъ Британіи заключались вообще въ томъ, что 1) отправление одного Волусена для собранія свѣдѣній о Британіи и ея жителяхъ, способъ собранія этихъ свѣдѣній Волусеномъ и самыя пріобрѣтенныя имъ свѣдѣнія — были крайне недостаточны для перваго и такого важнаго, труднаго и опаснаго предпріятія; 2) фактъ пособія британцовъ галламъ въ войнѣ съ римлянами — недостоверенъ и даже подверженъ сомнѣнію, а служилъ Цезарю только предлогомъ къ оправданію его предпріятія; 3) Цезарь не принялъ необходимыхъ и достаточныхъ мѣръ для обезпеченія ни своего тыла въ Галліи на берегахъ океана, ни своей переправы моремъ въ Британію, ни своей высадки на ея берега, ни своего утвержденія на

нихъ; 4) онъ посадилъ свои войска на суда — безъ тяжестей и запасовъ продовольствія, не принялъ мѣръ, чтобы суда съ конницей были при немъ, не имѣлъ запасныхъ судовъ, ничего не зналъ — по его словамъ — о морскихъ вѣтрахъ и особенно приливахъ и отливахъ у береговъ Британіи, но вѣрнѣе — не подумалъ о томъ;—5) болѣе причинилъ вреда непріятелямъ, нежели пользы себѣ и своимъ войскамъ, и наконецъ 6) въ дѣйствіяхъ противъ британцовъ и особенно моринновъ и менапьевъ, какъ и противъ германцовъ, явилъ много жестокости, не только бесполезной, но даже вредной для него и притомъ несправедливой и недостойной его. Словомъ—оба первыя предпріятія его противъ германцовъ и британцовъ были, и соображены, и исполнены — далеко не искусно и неудачно, а потому не имѣли никакихъ, ни особенно полезныхъ, ни особенно славныхъ для него результатовъ, и приносятъ гораздо болѣе чести его отличнымъ войскамъ и ихъ начальникамъ, нежели ему самому, которому подлинно только особенное счастье помогло спастись, а не погибнуть за Рейномъ въ Германіи и за моремъ въ Британіи.

ГЛАВА V.

ВОЙНЫ И ПОХОДЫ ЮЛІЯ ЦЕЗАРЯ

(58—45 г. до Р. X.).

(Продолженіе).

II. Война въ Галліи (58—51) (продолженіе). § 25. 5-й годъ войны въ Галліи (54). — Дѣйствія Цезаря въ Иллиріи и 10-й походъ его въ земляхъ тревировъ; — 11-й походъ его въ Британіи (2-й). — § 26. 12-й походъ Цезаря противъ Амбюриса (54). — § 27. 6-й годъ войны въ Галліи (53). — 13-й походъ Цезаря противъ тревировъ, сенноновъ, карнутовъ и менапьевъ; — поражение Лабіеномъ тревировъ. — § 28. 14-й походъ Цезаря противъ германцовъ (2-й); — дѣйствія противъ Амбюриса; — осада лагеря Цинцерона сикамбрани (53).

Источники и историческія пособія — указанныя выше

II.

Война въ Галліи (58—51).

(Продолженіе).

§ 25.

5-й годъ войны въ Галліи (54).

Дѣйствія Цезаря въ Иллиріи и 10-й походъ его въ земляхъ тревировъ; — 11-й походъ его въ Британіи (2-й).

Зимою Цезарь, по обыкновенію, отправился по дѣламъ управленія въ Италію, сдѣлавъ съ большимъ тщаніемъ, передъ отъѣздомъ, всѣ приговорительныя распоряженія къ вторичной переправѣ въ Британію. Неудача перваго предпріятія противъ нея побуждала Цезаря возобновить оное въ другой разъ, дабы оно не осталось безъ пользы для римской республики и вѣроятно—еще болѣе для него самого.

Онъ приказалъ своимъ легатамъ исправить имѣвшіяся морскія суда и построить сколько можно болѣе новыхъ. По пріобрѣтенному опыту, онъ усовершенствовалъ образъ постройки судовъ, приказавъ по-

строить ихъ ниже, но шире, дабы удобнѣе было нагружать ихъ и имѣть на нихъ болѣе тяжестей и лошадей, а также чтобы они могли одинаково ходить и на веслахъ и подъ парусами.

Изъ цизальпинской Галліи, гдѣ онъ присутствовалъ на обычномъ народномъ собраніи, онъ отправился въ Иллирію, границы которой были разоряемы сосѣднимъ племенемъ пирустовъ. Онъ приказалъ городамъ Иллиріи выставить войска, но пирусты прислали пословъ съ просьбой о мирѣ и обѣщаніемъ вознаградить всѣ убытки. Цезарь потребовалъ заложниковъ, которые и были присланы въ назначенный день.

Устроивъ дѣла на общенародномъ собраніи въ Иллиріи, Цезарь воротился въ сѣверную Италію, а оттуда въ Галлію, объѣхавъ всѣ зимнія квартиры арміи и нашелъ около 600 перевозныхъ и 28 военныхъ морскихъ судовъ, почти готовыхъ выйти въ море. Похваливъ усердіе войскъ, онъ приказалъ собрать всѣ суда въ гавани Иціи (Itius, нынѣ Boulogne sur mer), откуда переѣздъ въ Британію былъ, по узкости пролива, самый удобный. Время, нужное для окончанія всѣхъ приготовленій, онъ употребилъ на походъ съ 4-мя легионами и 800 чел. конницы, безъ тяжестей, противъ тревировъ (гдѣ нынѣ городъ Триръ, Trier, Trèves), не приславшихъ выборныхъ людей въ общенародное собраніе, отказывавшихъ римлянамъ въ повиновеніи и призывавшихъ, какъ было слышно, германцовъ изъ-за Рейна.

Цезарь описываетъ тревировъ имѣвшими, изъ числа всѣхъ племенъ, наиболѣе конницы и вообще войскъ, но раздѣленными на двѣ враждебныя партіи. Вождь одной изъ нихъ, Цингеториксъ, явился къ Цезарю съ увѣреніемъ въ преданности римлянамъ. Вождь же другой партіи, Индучіомаръ, собралъ войско, отослалъ всѣхъ неспособныхъ носить оружіе и сражаться въ лѣса (нынѣ Арденскіе) и приготовился къ упорному сопротивленію. Но, покинутый своими, онъ явился къ Цезарю съ покорностью и заложниками, втайнѣ же ожесточился еще болѣе противъ римлянъ, когда Цезарь, собравъ старѣйшихъ тревировъ, поручилъ имъ соблюдать выгоды Цингеторикса.

Обезпечивъ, сколько можно было, спокойствіе съ этой стороны, Цезарь воротился съ войсками къ Ицію, гдѣ нашелъ уже собранными: весь свой флотъ (кромѣ 40 вновь построенныхъ судовъ, принужденныхъ воротиться въ Бельгію) и 4,000 чел. галльской конницы, съ знатнѣйшими землевладѣльцами. Цезарь имѣлъ при этомъ въ виду оставить на твердой землѣ только самыхъ преданныхъ и надежныхъ, а всѣхъ другихъ взять съ собой, какъ бы въ видѣ заложниковъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ, между прочими, Думнориксъ—одинъ изъ знатнѣйшихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ опаснѣйшихъ между галлами. Цезарь, зная много нехорошаго про него, отказалъ ему въ просьбѣ оставить его въ Галліи. Думнориксъ, изъ злобы на то, тайно подговорилъ другихъ знатныхъ галловъ, подъ общою клятвой, дѣйствовать за одно въ пользу общаго дѣла галловъ противъ римлянъ. Цезарь, узнавъ это и 25 дней задержанный противными вѣтрами, сдѣлалъ все возможное для удержанія Думнорикса отъ его дурныхъ намѣреній. Но какъ только войска Цезаря, при благопріятномъ вѣтрѣ, сѣли наконецъ на суда, Думнориксъ бѣжалъ со всею конницею своего племени. Цезарь послалъ за

нимъ въ погоню большую часть своей конницы, съ приказаніемъ схватить его живымъ или мертвымъ. Думнориксъ вздумалъ защищаться, но въ происшедшей схваткѣ былъ убитъ.

Цезарь оставилъ легата Лабіена съ 3-мя легионами и 2 т. чел. конницы (всего около 17 т. войскъ) для обезпеченія гавани Иціи, устройства складовъ запасовъ, соблюденія спокойствія въ Галліи и дѣйствій по обстоятельствамъ. Когда же всѣ остальные затѣмъ войска (5 легионовъ и 2 т. чел. конницы, всего около 22—27 т. чел.) были посажены на суда, флотъ, въ числѣ болѣе 800 судовъ, при захожденіи солнца снялся съ якоря и на другое утро присталъ къ тому самому мѣсту береговъ Британіи, гдѣ Цезарь высадился въ предъидущемъ году. Высадка продолжалась безпрепятственно до полудня и Цезарь только отъ плѣнныхъ узналъ, что британцы, при видѣ многочисленнаго флота, со страхомъ бѣжали отъ берега моря въ горы.

Эта вторая высадка Цезаря отличалась отъ первой во многихъ отношеніяхъ выгоднѣе. Въ первой вскорѣ оказался недостатокъ въ продовольствіи, такъ какъ тяжести большею частію остались назадъ. Во второй, напротивъ, войска могли нѣкоторое время довольствоваться собственными средствами, доколѣ Цезарь не принялъ сообразныхъ съ своими видами мѣръ къ продовольствованію. Войска, имѣя при себѣ тяжести, пользовались болѣе удобствами, при нихъ была конница и они были гораздо сильнѣе числомъ. Всѣ эти преимущества произошли отъ опыта предъидущаго года.

Цезарь прежде всего избралъ выгодное мѣсто для лагеря, оставилъ въ послѣднемъ, для охраненія его и флота, 10 когортъ и 300 чел. конницы, подъ начальствомъ К. Атрія, и около полуночи двинулся впередъ отыскивать непріятеля. Отойдя отъ берега верстъ на 25, онъ открылъ британцовъ. Они двинулись, съ своею конницей и военными колесницами, впередъ до берега одной рѣки, дабы препятствовать переходу Цезаря черезъ нее, и съ высоты, на которой находились, начали препятствовать переправѣ римлянъ и дѣйствовать по нимъ издали метательнымъ оружіемъ, но были опрокинуты римскою конницей и отступили въ лежавшій позади ихъ лѣсъ, гдѣ были устроены засѣки и укрѣпленный лагерь. 7-й легионъ быстро устроилъ передъ ними земляной валъ, изъ-за котораго осыпалъ ихъ стрѣлами и камнями, и затѣмъ вторгся въ укрѣпленія и выбилъ британцовъ изъ нихъ и изъ лѣса. Цезарь запретилъ преслѣдовать ихъ, потому что мѣстность была ему неизвѣстна, день склонялся уже къ вечеру и остатокъ его Цезарь хотѣлъ употребить на постройку укрѣпленнаго лагеря. На другой

день, дабы преслѣдовать непріятеля по разнымъ направленіямъ, онъ раздѣлилъ пѣхоту и конницу на три части и двинулъ ихъ впередъ. Но вскорѣ затѣмъ онъ получилъ отъ К. Атрія извѣстіе, что нѣкоторыя суда флота сильною бурей въ предыдущую ночь были выброшены на берегъ и очень повреждены.

Цезарь тотчасъ собралъ всѣ войска и двинулся назадъ. Онъ нашелъ, что дѣйствительно 40 судовъ были приведены въ негодность къ употребленію, остальные же могли быть исправлены. Всѣ легіонныя плотники были посланы на работы, другіе вытребованы изъ Галліи, а Лабіену приказано построить сколько можно болѣе новыхъ судовъ. Затѣмъ, дабы не подвергать своего флота вторичной опасности отъ бурь, Цезарь рѣшился, во что бы ни стало и сколько бы трудовъ и работы это ни стоило, вытащить всѣ суда на берегъ и оградить ихъ укрѣпленнымъ лагерьмъ, что и было дѣйствительно исполнено въ 10 дней и 10 ночей. Затѣмъ, оставивъ для охраненія флота и лагеря тоже число войскъ, что и прежде, Цезарь со всѣми остальными войсками воротился въ прежнее мѣсто расположенія своего.

Между тѣмъ британцы собрали еще болѣе значительныя, нежели прежде, силы и считали себя еще болѣе прежняго въ состояніи продолжать войну. Общая опасность заставляла ихъ избрать въ главные предводители одного изъ знатнѣйшихъ и богатѣйшихъ мѣстныхъ владѣтелей, Кассивелауна, не смотря на то, что онъ прежде безпрестанно воевалъ съ туземными племенами. Вскорѣ они напали на римлянъ, пока тѣ были на походѣ, съ своею конницею, но римская конница опрокинула ее и преслѣдовала съ большимъ урономъ для нея, до лежавшихъ позади ея лѣсовъ и горъ. Вскорѣ послѣ того британцы снова появились неожиданно изъ лѣсовъ и опрокинули одну римскую полевую стражу, но высланными Цезаремъ подкрѣпленіями были обращены въ бѣгство.

Цезарь замѣчаетъ, что это дѣло, происходившее въ виду цѣлой римской арміи, убѣдило ее въ невыгодѣ тяжелаго вооруженія, строя и образа дѣйствій римской легіонной пѣхоты противъ такихъ непріятелей, какими были британцы. Точно также трудно и опасно было и римской конницѣ вступать съ ними въ бой, потому что они часто обращались въ бѣгство только для того, чтобъ отвлечь ее отъ легіоновъ, и потому римская конница всегда могла, какъ при своемъ отступленіи, такъ и при преслѣдованіи непріятеля, подвергаться пораженію. Кроме того британцы сражались всегда не массами, а отдѣльными частями, съ резервами позади, поддерживавшими и подкрѣплявшими однихъ другихъ.

Генераль Лоссау *) замѣчаетъ по этому поводу, что совсѣмъ невѣроятно, чтобы Цезарь не могъ, по этимъ причинамъ, попытаться доставить своимъ войскамъ необходимый перевѣсъ въ бою съ британцами, заимствованіемъ отъ нихъ строя и образа дѣйствій, которые могли бы оказать римскимъ войскамъ дѣйствительныя выгоды. Поэтому нельзя не сожалѣть — прибавляетъ Лоссау — что Цезарь умалчиваетъ о средствахъ противудѣйствія, принятыхъ имъ противъ британцевъ, и можно было бы предположить, что онъ ничего не говоритъ объ этомъ потому, что составленная изъ закаленныхъ въ бояхъ и боевыхъ трудахъ воиновъ и отлично обученная римская пѣхота вознаграждала ловкостью и искусствомъ недостатокъ преимуществъ ея передъ британцами, или же потому, что измѣненіе строя и образа дѣйствій во время войны трудно и сомнительно, и что начальствующій полководецъ долженъ отказаться отъ мысли объ измѣненіи такихъ боевыхъ движеній и дѣйствій, къ которымъ войска уже привыкли и имѣютъ довѣріе. Что же касается римской конницы — говоритъ Лоссау — то въ ближайшемъ послѣ того дѣлѣ она оказала такую смѣтливость, которая могла усилить довѣріе къ ней.

Именно — на слѣдующій день британцы появились передъ римскимъ лагеремъ и, расположась въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него, между холмами, повидимому въ небольшомъ числѣ, начали схватываться съ римской конницею, хотя и слабѣе прежняго. Но когда въ полдень Цезарь выслалъ 3 легіона со всею конницею, подъ начальствомъ легата Требонія, на фуражировку, то британцы напали на нихъ со всѣхъ сторонъ. Римскія войска бросились на нихъ съ рѣшительностью и отбили ихъ; конница же римская, зная, что пѣхота за нею готова къ поддержанію ея, преслѣдовала непріятеля, не допуская его ни останавливаться, ни собираться, и нанесла ему сильный уронъ. Подкрѣпленія, спѣшившія со всѣхъ сторонъ къ непріятелю, прибыли слишкомъ поздно и, при всеобщемъ бѣгствѣ, отступили. «Съ этого времени», говоритъ Цезарь, «варвары не пытались болѣе нападать на римлянъ всѣми своими силами».

Угадавъ ихъ намѣренія, онъ двинулся къ рѣкѣ Темзѣ, чтобы вторгнуться во владѣнія Кассивелауна. Непріятельское войско стояло по другую сторону рѣки за деревяннымъ тыномъ, преградивъ и рѣку подъ водою острымъ тыномъ, который нельзя было видѣть, но о чемъ Цезарь узналъ отъ переметчиковъ. Тогда онъ приказалъ конницѣ переправиться черезъ рѣку единственнымъ,

*) G. L. Lossau: Ideale der Kriegführung, 1. B. 1 Abth. S. 372.

имѣвшимся на ней бродомъ, а пѣхотѣ слѣдовать за конницей. Пѣхота имѣла воды до шеи, но такъ быстро перешла черезъ рѣку и съ такою стремительностью напала на непріятеля, что послѣдній не могъ устоять и обратился въ бѣгство.

Этотъ переходъ Цезаря черезъ Темзу, хотя успѣхъ и оправдалъ его, подаетъ однако поводъ къ тѣмъ же замѣчаніямъ, какія были сдѣланы выше по поводу первой высадки на берега Британіи.

Послѣ того Кассивелаунъ распустилъ свои войска и сохранилъ только 4 т. человекъ, которые должны были сражаться въ боевыхъ колесницахъ и наблюдать движенія римлянъ. Съ этою цѣлю онъ оставался въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ нихъ, скрывался въ лѣсахъ и закрытыхъ мѣстахъ и отсылалъ жителей и скотъ въ лѣса, на конницу же римскую, какъ только она показывалась, нападалъ со всѣхъ сторонъ. Для этого онъ употреблялъ свои боевыя колесницы и, зная хорошо всѣ дороги и тропинки, держалъ римлянъ въ постоянной тревогѣ, такъ что конница ихъ подъ конецъ не смѣла болѣе пускаться на развѣдываніе мѣстности и непріятеля.

Между тѣмъ племена, обитавшія въ нынѣшнихъ графствахъ Эссексъ и Миддлсексъ, просили мира. Цезарь согласился, съ условіемъ выдачи 40 заложниковъ и продовольствія для римской арміи.

Этому примѣру послѣдовали многія сосѣднія племена, и Цезарю не доставало только взятія главнаго мѣста пребыванія Кассивелауна. Онъ и двинулся къ этому городу, окруженному лѣсами и болотами и въ которомъ укрылась наибольшая часть окрестныхъ жителей съ имуществомъ и скотомъ. Городъ этотъ былъ не иное что, какъ

огражденное землянымъ валомъ и ровомъ пространство въ густомъ лѣсу. Цезарь атаковалъ его въ двухъ мѣстахъ и взялъ приступомъ, послѣ нѣкотораго сопротивленія. Жители спаслись съ одной свободной стороны его; въ преслѣдованіи многіе изъ нихъ были взяты въ плѣнъ или убиты, а въ городѣ захвачено множество скота.

Кассивелаунъ возбудилъ жителей нынѣшняго графства Кентъ и послалъ ихъ напасть на приморскій лагерь Цезаря. Если бы они имѣли успѣхъ, то Цезарь и его армія въ Британіи погибли бы. Но, къ счастью для нихъ, британцы были отражены отъ римскаго лагеря оставленными въ немъ войсками. Тогда Кассивелаунъ, понесъ столько неудачъ и потерь, и видя многія племена британцевъ отложившимися отъ него, а край—разореннымъ, упалъ духомъ и просилъ мира. Цезарь, рѣшась провести зиму въ Галліи и не желая терять времени, такъ какъ лѣто уже было на исходѣ, потребовалъ заложниковъ, опредѣлилъ дань, которую британцы должны были ежегодно платить Риму и запретилъ Кассивелауну воевать съ жителями Эссекса и Миддлсекса и съ Мандубраціемъ, изъявившимъ покорность и преданность римлянамъ и котораго Цезарь, по этой причинѣ и по просьбѣ британцевъ, поставилъ царемъ или вождемъ ихъ.

Какъ только заложники прибыли, Цезарь повелъ армію свою къ приморскому лагерю и здѣсь приказалъ посадить ее на флотъ двумя отдѣленіями порознь, такъ какъ нужно было перевезти много плѣнныхъ, а нѣкоторыя суда были разбиты бурей. Счастіе не измѣнило Цезарю, и при обратномъ переездѣ въ Галлію ни одно изъ судовъ флота его не погибло.

§ 26.

12-й походъ Цезаря противъ Амбіорикса (54).

Первою заботою Цезаря по возвращеніи къ берегамъ Галліи, было сохраненіе и обезпеченіе флота. Затѣмъ онъ отправился на общенародное собраніе въ Самаробриу (Amiens), на р. Самаръ (Somme), въ земляхъ амбіеновъ, а армію свою расположилъ на зимнихъ квартирахъ, болѣе пространныхъ, нежели прежде, по причинѣ скуднаго урожая, а именно: одинъ легіонъ съ легатомъ Фабіемъ—въ Терруанѣ (Terrouane), другой легіонъ съ легатомъ Кв. Цицерономъ—между р.р. Скальдисъ (Шельдой) и Сабисъ (Самброй), въ нынѣшнемъ Геннегау, третій легіонъ съ легатомъ Л. Росціемъ—въ земляхъ саіевъ или эссуевъ, на р. Оппа (нынѣ Seez на р. Orne въ южной

Нормандіи), четвертый легіонъ съ легатомъ Лабіеномъ—въ Дурокорторѣ (Rheims) и окрестностяхъ, три легіона съ квесторомъ Крассомъ и легатами Мунаціемъ Планкомъ и Требоніемъ—между р.р. Скальдисъ (Шельдой) и Мозой (Маасомъ), въ нынѣшней Бельгій, и наконецъ вновь набранный легіонъ и 5 когортъ съ легатами Сабиномъ и Коттой—на средней Мозѣ (Маасѣ), въ окрестностяхъ нынѣшняго Люттиха, словомъ—въ нынѣшнихъ: сѣверозападной Франціи и южной Бельгій. Самъ Цезарь оставался въ Галліи до тѣхъ поръ, пока зимнія квартиры арміи не были совершенно устроены и надлежащимъ образомъ укрѣплены и обезпечены. Въ своихъ запискахъ онъ замѣчаетъ,

что зимнія квартиры легионовъ (кроме легиона легата Росція), находились недалеко одинъ отъ другихъ, на пространствѣ около 150 рим. миль (210 верстъ) длины. Но въ этомъ должна быть какая-нибудь ошибка, потому что стороны треугольника отъ Терруана до Люттиха, Реймса и снова до Терруана составляютъ каждая болѣе 190 и даже 210-ти верстъ, и такимъ образомъ зимнія квартиры легионовъ были слишкомъ отдалены одинъ отъ другихъ для того, чтобы, въ случаѣ возстанія и внезапнаго нападенія галловъ, легионы могли въ-время поддерживать другъ друга (что и случилось). Почему Цезарь не предусмотрѣлъ этого и не расположилъ легионы по прежнему своему обыкновению, нельзя объяснить дурною жатвой, потому что можно было учредить склады продовольствія.

Между тѣмъ Галлія, особенно сѣверная, была спокойна только по наружности, на самомъ же дѣлѣ — ежечасно готова свергнуть съ себя римское иго. Нетолько низшія сословія народа, но въ особенности знатнѣйшія и богатѣйшія терпѣли жестокой гнетъ и вожди племенъ чувствовали себя стѣсненными и униженными въ значеніи и власти своихъ. Многіе обѣдѣли, многія мѣстности были разорены, многимъ изъ жителей уже оставалось мало что терять. Въ отношеніи къ такого рода народамъ римляне въ эти времена были слишкомъ мало снисходительны, чтобы щадить ихъ поставкой продовольствія. Экономическое и финансовое положеніе занятаго непріятельскаго края вовсе не входило въ то время въ соображеніе при дислокаціи армій въ немъ. Поэтому должно полагать, что Цезарь не принялъ въ соображеніе ни разстояній, ни уважительныхъ причинъ къ болѣе сосредоточенному расположенію армій, потому, можетъ быть, что надѣялся, что ни одно изъ племенъ галловъ не осмѣлится возстать, такъ какъ это уже многимъ изъ нихъ обошлось очень дорого. Но оскорбленное народное чувство и отчаяніе брали верхъ надъ разсудкомъ. А между тѣмъ изъ записокъ Цезаря не видно, было-ли назначено общее сборное мѣсто для пѣскольскихъ или для всѣхъ легионовъ *).

Не смотря на то, что Цезарь могъ полагать, будто всѣ мѣры предосторожности были достаточно приняты, случилось одно происшествіе, внезапно нарушившее спокойствіе очень непріятнымъ образомъ. Одинъ изъ знатнѣйшихъ владѣтелей племени, обитавшаго близъ нынѣшняго Шартра, Тасгецій, былъ публично убитъ. Предки его уже были владѣтелями этой части края, а онъ самъ, по своему значенію, храбрости и услугамъ, оказаннымъ римлянамъ, былъ утвержденъ Цезаремъ въ наслѣдіи своихъ предковъ.

Убіеніе его не могло остаться безъ наказанія, и Цезарь приказалъ легату Планку съ его легиономъ идти изъ Бельгіи къ нин. Шартру, схватить и прислать къ нему убійцу.

Но едва прошло послѣ того двѣ недѣли, какъ въ земляхъ эбуроновъ (въ н. Люттихской области) вожди племенъ, Амбіориксъ и Кативолкъ, уже возбудили новое возстаніе. Съ одной стороны вслѣдствіе измѣны Амбіорикса, а съ другой — непростительныхъ неблагоразумія и малодушія легата Титурія Сабина, отвергнувшаго мудрые совѣты опытныхъ центуріоновъ и трибунговъ своихъ и вступившаго въ переговоры, эбуронамъ удалось, напавъ изъ засады въ лѣсу на легионъ, бывшій на походѣ, съ головы, хвоста и обѣихъ сторонъ, истребить весь этотъ легионъ и убить самого Сабина, послѣ мужественнаго и отчаяннаго сопротивленія ихъ.

Успленными переходами прошелъ затѣмъ Амбіориксъ черезъ земли адуктиковъ и нервіевъ, и преувеличеніемъ происшедшаго и общаніями увлекъ ихъ за собою въ возстаніе. Затѣмъ съ войскомъ, ежедневно возрастающимъ въ силахъ, онъ напалъ на легионъ легата Цицерона на его зимнихъ квартирахъ. Тщетно старался Цицеронъ извѣдомить Цезаря черезъ гонцовъ объ опасности, въ которой находился: всѣ пути были отрѣзаны и всѣ гонцы перехвачены. На другой день галлы возобновили нападеніе и военную хитрость, съ такимъ успѣхомъ употребленную противъ Сабина; но Цицеронъ оборонялся упорно и рѣшительно отвергъ всякіе переговоры. Галлы окружили лагерь его со всѣхъ сторонъ землянымъ валомъ и рвомъ, дегтярными шарами зажгли шалаши и землянки римлянъ и со всѣхъ сторонъ пошли на приступъ ихъ лагеря. Но римляне оборонялись такъ мужественно и упорно, что галлы были отбиты съ большимъ для нихъ урономъ. Наконецъ, по преодолѣніи храбрымъ легиономъ немовѣрныхъ трудовъ и опасностей, Цицерону удалось извѣстить Цезаря объ отчаянномъ своемъ положеніи.

Цезарь немедленно сдѣлалъ распоряженія къ сосредоточенію ближайшихъ легионовъ Красса, Фабія и Лабіена и съ 2-мя изъ нихъ (числомъ всего около 7 т. чел. пѣхоты и 400 чел. конницы) успленными переходами двинулся въ земли нервіевъ (въ нин. Геннегау). Нервіи, едва провѣдавъ о наступленіи Цезаря, сняли осаду Цицеронова лагеря и въ числѣ около 60 т. войскъ обратились противъ Цезаря. Преднамѣренными, по видимому робкими мѣрами онъ еще болѣе увеличилъ и безъ того непомерную самоувѣренность ихъ, а когда они, вслѣдствіе того, стремительно достигли даже самаго рва его лагеря и начали засыпать его и взлѣзать на валъ, онъ внезапно

*) Lossau 1 B. 1 Abth., S. 379.

вышелъ со всѣми своими войсками изъ всѣхъ воротъ лагеря, опрокинулъ ихъ и обратилъ въ бѣгство съ огромнымъ для нихъ урономъ. Затѣмъ онъ соединился съ Цидероновымъ легиономъ, въ которомъ едва ли не 10-й человекъ былъ раненъ, воздалъ ему достойную хвалу и наградилъ храбрѣйшихъ.

Эта рѣшительная побѣда разомъ положила конецъ возстанію и покорила большую часть племенъ Галліи Цезарю, который, снова расположивъ легионы на зимнія квартиры, самъ, противъ обычая своего, остался съ 3-мя легионами цѣлую зиму въ окрестностяхъ Самаробривы (н. Amiens), дабы немедленно и быстро подавлять всякое новое возстаніе.

Между тѣмъ всѣ племена сѣверной Галліи были въ сильномъ возбужденіи и готовились къ новому возстанію. Главный и постоянный возмутитель ихъ, вождь тревировъ Индуціомаръ внезапно напалъ на легионъ легата Лабіена, расположенный въ земляхъ ремовъ, сосѣднихъ съ тревирами (близъ Рейна). Но Лабіенъ принялъ такіа разумныя мѣры, что успѣлъ опрокинуть и обратить въ бѣгство тревирскую конницу, съ большимъ для нея урономъ, при чемъ Индуціомаръ, за голову котораго Лабіенъ назначилъ высокую цѣну, былъ изрубленъ. Свѣдавъ это, собранное уже войско нервиевъ и эбуроновъ (близъ н. н. Sens и Nantur) разошлось и остальная зима прошла спокойно.

Разсматривая 5-й годъ войны Цезаря въ Галліи, можно по поводу его сдѣлать слѣдующія замѣчанія:

Всѣ мѣры Цезаря до и во время 2-й экспедиціи въ Британію безспорно заслуживаютъ величайшей похвалы, но, какъ замѣчаетъ Наполеонъ I въ своихъ запискахъ, 2-я экспедиція имѣла столь же мало положительныхъ результатовъ, сколько и 1-я: и въ той, и въ другой Цезарь пропихъ во внутренность страны только на весьма небольшое разстояніе отъ морскаго берега, и хотя разбилъ и побѣдилъ британцевъ, но воротился въ Галлію, не оставивъ въ Британіи ни войскъ, ни какихъ-либо прочныхъ учрежденій и вовсе не покорилъ Британіи Риму, а развѣ только обезпечилъ съ этой стороны свои дѣйствія въ Галліи, наказавъ британцевъ за содѣйствіе ихъ (сомнительное) галламъ и взявъ съ нихъ заложниковъ въ томъ, что они впредь не будутъ непріязненно дѣйствовать противъ римлянъ.

По возвращеніи его въ Галлію, слишкомъ широкое размѣщеніе имъ своей арміи на зимнихъ квартирахъ въ сѣверной Галліи—средоточіи возстаній, было неблаго-

зумно и неосторожно, не можетъ быть оправдано предлогомъ къ тому — неурожаемъ и скудостью жатвы, и всѣми военными писателями признается за большую ошибку, которая имѣла послѣдствіями — истребленіе цѣлаго легиона Сабина и едва не подобное же истребленіе легиона Цидерона, и если послѣдній былъ спасенъ и предотвращено общее возстаніе галловъ, то единственно послѣдующими мѣрами и дѣйствіями Цезаря, столько же мудрыми и искусными, сколько быстрыми и рѣшительными.

Что касается легата Сабина, то онъ, передъ тѣмъ всегда оказывавшій опыты мужества и храбрости, соединенныхъ съ благо-разумною осторожностью, на этотъ разъ непонятнымъ образомъ сдѣлалъ весьма грубыя ошибки, которыя и повели къ гибели его самага и его легиона — первому значительному пораженію, нанесенному арміи Цезаря въ Галліи. Главною ошибкою Сабина было то, что онъ не послушался мудрыхъ совѣтовъ Котты и частныхъ военачальниковъ — остаться и обороняться въ своемъ лагерѣ, но допустилъ вовлечь себя въ коварныя переговоры Амбюриска съ нимъ, вышелъ со всѣми войсками изъ своего лагеря на соединеніе съ Лабіеномъ, на походъ туда не принялъ надлежащихъ мѣръ предосторожности, попалъ въ засаду и былъ убитъ, а легионъ его истребленъ. Ему слѣдовало, какъ позже сдѣлалъ Цидеронъ, стоять и обороняться въ своемъ лагерѣ, назначенномъ ему Цезаремъ, но отнюдь не вступать ни въ какіе переговоры съ галлами. Мѣры, принятые имъ во время похода, были непростительны и имѣли слѣдствіемъ — внезапное нападеніе галловъ на легионъ въ лѣсу, изъ засады, со всѣхъ четырехъ сторонъ. Вина во всемъ этомъ падала преимущественно на Сабина, но также и на Котту, поровну раздѣлявшаго съ нимъ начальствованіе, и особенно на Цезаря, который не ввѣрилъ одному изъ нихъ главное начальствованіе. Отъ этого произошло несогласіе между обоими легатами, оказавшее еще болѣе вредныя послѣдствія отъ излишней поспѣшности Котты и непостижимыхъ неблаго-разумія и оплошности Сабина.

Дѣйствія же легата Цидерона и его легиона, напротивъ, заслуживаютъ величайшей похвалы и служатъ доказательствомъ отличныхъ духа и дисциплины римскихъ войскъ, въ это время, въ арміи Цезаря.

Всѣ послѣдующія затѣмъ мѣры и дѣйствія Цезаря, какъ военныя, такъ и политическія, въ отношеніи къ галламъ, въ этомъ походѣ, вполне искупаютъ предшествовавшія ошибки его въ немъ и вполне достойны такого великаго полководца.

§ 27.

6-й годъ войны въ Галліи (53).

13-й походъ Цезаря противъ тревировъ, сенноновъ, карнутовъ и менапиевъ;—пораженіе Лабіеномъ тревировъ.

Съ наступленіемъ весны 53-го года, Цезарь произвелъ значительные наборы войскъ въ Галліи, для пополненія убыли, понесенной его легатами въ предыдущемъ году. Сверхъ того, по его просьбѣ, проконсулъ Помпей, котораго государственныя дѣла удерживали въ Римѣ, прислалъ Цезарю подкрѣпленія изъ цизальпинской Галліи.

Между тѣмъ тревирь (около нын. Trêves, Trier) употребили зимнее время также на значительныя вооруженія и склонили нервіевъ, адуктовъ и менапиевъ (въ нынѣшнихъ земляхъ Геннегау, Намюра и Гельдерна) и сосѣднихъ германцовъ къ общему съ ними возстанію. Кромѣ того, сенноны (Sens) и карнаты (Chartres), не приславшіе, не смотря на строгое приказаніе Цезаря, представителей своихъ на общенародное собраніе въ Лютеціи (нынѣ Парижъ), также готовились къ непріязненнымъ противъ римлянъ дѣйствіямъ.

Все это побудило Цезаря еще въ концѣ зимы двинуться съ 4-мя легіонами въ земли тревировъ и разореніемъ ихъ принудить это племя, безъ кровопролитія, къ покорности.

Не болѣе времени и трудовъ стоило Цезарю принудить къ тому же сенноновъ и карнутовъ. Дѣятельно и прочно обезпечивъ спокойствіе и безопасность въ средній страны и въ тылу своемъ, онъ могъ уже надежно и съ большими силами обратиться противъ Амбіорикса и его союзниковъ—

тревировъ и прочихъ. Зная напередъ, что Амбіориксъ будетъ постоянно уклоняться отъ боя съ нимъ въ открытомъ полѣ, онъ положилъ прежде всего напасть на земли менапиевъ ¹⁾, союзниковъ эбурановъ ²⁾ и Амбіорикса, и тѣмъ лишить этого послѣдняго—убѣжища въ ихъ лѣсахъ и болотахъ. Отославъ всѣ тяжести арміи, подъ прикрытіемъ 2-хъ легіоновъ, въ лагерь Лабіена, съ остальными 5-ю легіонами онъ быстро и неожиданно вторгнулся 3-мя колоннами въ земли менапиевъ и разореніемъ ихъ принудилъ послѣднихъ просить мира. Онъ согласился на миръ подъ условіемъ, чтобы менапій признавали Амбіорикса и его союзниковъ врагами. Оставивъ въ земляхъ менапиевъ атребата ³⁾ Коммیا съчастію конницы, съ остальными войсками онъ обратился противъ тревировъ, угрожавшихъ лагерю Лабіена. Остановившись въ разстояніи около 100 верстъ отъ него, они ждали прибытія германскихъ вспомогательныхъ войскъ. Но Лабіенъ выступилъ противъ нихъ съ 18-ю когортами и конницею, и помощью военной хитрости (притворнаго отступленія и затѣмъ обратнаго нападенія) разбилъ ихъ наголову. Свѣдавъ объ этомъ, германцы воротились къ себѣ, а вождемъ тревировъ былъ назначенъ Цингеториксъ, родовой тревиръ, который отъ начала пребылъ вѣренъ римлянамъ.

§ 28.

14-й походъ Цезаря противъ германцовъ (2-й);—дѣйствія противъ Амбіорикса;—осада лагеря Цицерона сикамбрами (53).

Не найдя болѣе враговъ въ земляхъ тревировъ, Цезарь положилъ перейти черезъ Рейнъ, наказать германцовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отрѣзать Амбіориксу отступленіе въ Германію. Черезъ Рейнъ былъ построенъ мостъ выше того мѣста, гдѣ былъ сооруженъ первый. Оставивъ для охраненія его и главнаго города тревировъ сильныя отряды войскъ, Цезарь немедленно предпринялъ движеніе въ земли суэвовъ. Убін *), всегда бывшіе пріязненными къ римлянамъ,

увѣдомили ихъ, что суэвы ополчили все свое, способное носить оружіе, населеніе и отступили къ отдаленнымъ предѣламъ своихъ земель (въ Гарцъ), разоривъ позади лежавшія. Такъ какъ длинное пространство отъ предѣловъ убіевъ до дремучихъ лѣсовъ суэвовъ, разоренное послѣдними, было со-

¹⁾ Менапій жили въ нынѣшнемъ Геннегау (Hainaut), въ Бельгіи.

²⁾ Эбураны — въ окрестностяхъ Люттиха (Liège).

³⁾ Атребаты — въ окрестностяхъ Арраса (Arras).

*) Убін—въ окрестностяхъ Кёльна (Köln).

вершенною пустыней, то Цезарь, опасаясь недостатка на немъ продовольствія для своей арміи, положилъ вернуться обратно за Рейнъ. Однако, дабы не совсѣмъ избавить суэвовъ отъ страха вторженія въ ихъ земли, онъ приказалъ только снять нѣсколько пролетовъ моста близъ праваго берега Рейна, а на лѣвомъ построить башню и укрѣпленіе, и оставилъ для охраненія ихъ и моста Волкація Тулла съ 12 когортами.

Затѣмъ, въ серединѣ лѣта, онъ открылъ походъ противъ Амбіорикса въ земляхъ эбуруновъ. Минуція Базилія съ конницею онъ послалъ впередъ черезъ арденскій лѣсъ, дабы, гдѣ и какъ можно было, внезапнымъ нападеніемъ одержать какіе-нибудь успѣхи надъ непріателемъ, а самъ общалъ слѣдовать съ пѣхотой за конницею.

Базилій проникъ почти до самаго мѣста пребыванія Амбіорикса, который лишь съ большимъ трудомъ успѣлъ спастись отъ преслѣдовавшей его римской конницы.

Тогда Цезарь оставилъ Цидерона съ 14-мъ легиономъ для охраненія всѣхъ тяжестей арміи въ Адуатукѣ (п. Тонгернъ), Лабіена съ 3-мъ легиономъ послалъ въ земли менапиевъ (Брабантъ и Гельдернъ), Требоніа съ 3-мъ же легиономъ — для разоренія земель адуатуковъ (Намюръ), а самъ съ остальными 3-мъ легиономъ двинулся противъ Амбіорикса, собравшаго нѣсколько конницы на р. Скальдисѣ (Шельдѣ), въ концѣ арденскаго лѣса. Онъ общалъ воротиться черезъ 7 дней и къ тому же времени, по возможности, приказалъ Лабіену и Требонію прибыть къ Адуатукѣ.

Между тѣмъ эбуруны укрылись въ своихъ лѣсахъ и производили изъ нихъ частыя нападенія только на отдѣльных римлянъ. Цезарь, видя, что ихъ нельзя встрѣтить и побѣдить въ открытомъ полѣ, пригласилъ сосѣднія племена свободно грабить земли эбуруновъ. Вслѣдствіе того, 2 т. конныхъ сикамбровъ (германскаго племени, въ нынѣшней Вестфалии), переправились черезъ Рейнъ, ниже римскаго моста, и въ числѣ прочихъ награбили большую добычу. Одинъ изъ плѣненныхъ ими эбуруновъ предложилъ имъ двинуться къ лежавшей лишь въ 3-хъ часахъ разстоянія Адуатукѣ, гдѣ всѣ тяжести и запасы римской арміи охранялись только слабымъ отрядомъ римскихъ войскъ. Сикамбры послушались и двинулись къ Адуатукѣ. А здѣсь между тѣмъ Цидеронъ, не опасаясь никакого нападенія въ разоренномъ Цезаремъ краю, видя, что 7-й день уже прошелъ, а Цезарь еще не воротился, и пуждаясь въ продовольствіи, выслалъ на ближайшія засѣянные поля, ско-

сить хлѣбъ, 5 когортъ, къ которымъ присоединились нестроевые и выздоровѣвшіе, въ надеждѣ на добычу. Въ это самое время сикамбры внезапно появились съ другой стороны—изъ-за лѣса передъ лагеремъ Цидерона и привели слабый гарнизонъ его въ ужасъ (значить—не было принято надлежащихъ предосторожностей). Сикамбры же, увидавъ возвращавшіяся съ косы когорты, обратились противъ нихъ. Последнимъ по счастью удалось, послѣ упорнаго боя, пробиться, хотя и съ урономъ, въ свой лагерь, иначе войскамъ Цидерона угрожала бы большая опасность. Сикамбры удалились за Рейнъ, а скорѣ затѣмъ прибылъ и Цезарь съ своими войсками. Онъ объявилъ отряду Цидерона строгій выговоръ за все произшедшее по крайней оплошности, особенно за то, что когорты были высланы на фуражировку. Затѣмъ онъ продолжалъ свои дѣйствія.

Послѣ совершеннаго разоренія земель эбуруновъ и истребленія самихъ жителей, за исключеніемъ лишь немногихъ спасшихся и въ томъ числѣ самаго Амбіорикса, Цезарь, понесшій въ продолженіи этого похода 2 когорты урона (именно въ дѣлѣ при Адуатукѣ), воротился въ Дурокорторъ (нынѣ Реймсъ), въ земляхъ ремовъ. Затѣмъ, расположивъ 6 легионовъ въ земляхъ сенноновъ (гдѣ нынѣ Sens, между средней Луарой и верхней Сеной), 2 въ земляхъ тревировъ и 2 въ земляхъ лингоновъ (гдѣ нынѣ Langres, на верхней Сенѣ), онъ отправился въ Италію.

Небольшіе походы этого года замѣчательны искусными соображеніями и распоряженіями, и быстрыми, рѣшительными дѣйствіями Цезаря, предупредившими значительное и опасное возстаніе Амбіорикса, съ галльскими и германскими союзниками, въ сѣверовосточной Галліи (нынѣ сѣверовосточная Франція и юговосточная Бельгія). Хотя это было соединено съ разореніемъ и опустошеніемъ непріятельскихъ земель, но въ тогдашнее время и въ тогдашнихъ обстоятельствахъ, и противъ такого народа, какъ галлы, это средство не только не противурѣчило общепринятымъ обычаямъ, но и было однимъ изъ дѣйствительнѣйшихъ для устрашенія и усмиренія галльскихъ племенъ. Но несчастный случай при Адуатукѣ, весьма удивительный и рѣдкій въ римскомъ войскѣ, падаетъ виною на Цидерона, дотолѣ всегда распорядительнаго и храбраго, но тутъ, непостижимымъ образомъ, по стеченію неблагоприятныхъ обстоятельствъ, обнаружившаго большую нераспорядительность, едва не причинившую еще большихъ бѣдъ.

ГЛАВА VI.

ВОЙНЫ И ПОХОДЫ ЮЛИЯ ЦЕЗАРЯ

(58 — 45 г. до Р. X.).

(Продолженіе).

II. Война въ Галліи (58 — 51). (Окончаніе). § 29. 7-й годъ войны въ Галліи (52). — Всеобщее возстаніе въ Галліи; — движеніе Цезаря изъ южной Галліи въ среднюю; — дѣйствія его и Верцингеторикса. — § 30. Осада и взятіе Аварика и дѣйствія во время и послѣ того. — § 31. Движеніе Цезаря и Верцингеторикса вдоль р. Элаверъ къ Герговин; — осада Герговин и дѣйствія во время оной. — § 32. Возстаніе эдуитовъ и всѣхъ галловъ; — дѣйствія Цезаря, Лабіена и легата Л. Цезаря; — Верцингеториксъ, его мѣры и движеніе на встрѣчу Цезарю, а Цезаря, послѣ боя, за нимъ къ Алезіи. — § 33. Осада Алезіи; — сраженіе при ней, взятіе ея и конецъ похода; — замѣчанія. — § 34. 8-й и послѣдній годъ войны въ Галліи (51). — Новое возстаніе галловъ; — дѣйствія Цезаря противъ битуритовъ, карнутовъ и белловаковъ. — § 35. Движеніе Цезаря въ земли Амбюркса и разореніе ихъ; — дѣйствія легатовъ Фабія и Канинія; — осада Дивоны или Кадурки; — дѣйствія Цезаря въ Аквитаніи. — § 36. Общій выводъ о войнѣ Цезаря въ Галліи и объ образѣ и искусствѣ веденія имъ оной

Источники и историческія пособія — указаны выше.

II.

Война въ Галліи (58—51).

(Окончаніе).

§ 29.

7-й годъ войны въ Галліи (52).

Всеобщее возстаніе въ Галліи; — движеніе Цезаря изъ южной Галліи въ среднюю; — дѣйствія его и Верцингеторикса.

Въ цизальпинской Галліи Цезарь узналъ объ убіеніи въ Римѣ Клодія и что, вслѣдствіе декрета сената, всѣ молодые люди въ Италіи должны были вооружиться и поступить въ войско. Поэтому Цезарь приказалъ и въ цизальпинской Галліи произвести военный наборъ.

Слухъ объ этомъ тотчасъ распространился въ трансальпинской Галліи и съ нимъ всеобщее мнѣніе, что смуты въ Италіи удержатъ въ ней Цезаря и что поэтому ему

долго будетъ невозможно возвратиться къ своей арміи. Галлы не хотѣли упустить такого благопріятнаго случая къ освобожденію своему наконецъ отъ римскаго ига и положили произвести одновременно всеобщее возстаніе. Вожди ихъ собирались въ разныхъ потаенныхъ мѣстахъ Галліи и прежде всего положили воспрепятствовать возвращенію Цезаря къ своей арміи, что казалось имъ тѣмъ легче выполнить, что ни одинъ легіонъ не могъ безъ его приказанія поки-

путь мѣста своего расположенія и что Цезарь не могъ доѣхать до нихъ одинъ, безъ прикрытія. Затѣмъ карпуть изъявили готовность первые открыть военныя дѣйствія, а всѣ прочія племена обязались клятвой не покидать ихъ и назначили день всеобщаго возстанія.

Въ этотъ день карпуть, подъ предводительствомъ двухъ отчаянныхъ людей, Котуата и Конктодуна, напали на Генабумъ (Орлеанъ) и перерѣзали всѣхъ найденныхъ въ немъ римлянъ. Слухъ объ этомъ съ быстротою молніи распространился по всей Галліи—и всѣ племена пришли въ движеніе.

Въ тоже самое время одинъ изъ вождей арверновъ (и овернцы, въ Оверни), молодой Верцингеториксъ привлекъ къ себѣ многихъ приверженцовъ своихъ и особенно людей простаго званія, и пріобрѣлъ такое громадное вліяніе, что былъ провозглашенъ верховнымъ вождемъ общенароднаго ополченія. Въ короткое время онъ привлекъ къ союзу съ собою сенноповъ, лютеціевъ, инктоновъ, кадурковъ, туроновъ, авлерковъ, лемовиковъ, андовъ и другія приморскія племена, словомъ—всѣ племена, обитавшія въ нынѣшней Франціи между р.р. Сеной и Луарой и къ западу до океана. Всѣ эти племена признали Верцингеторикса верховнымъ вождемъ общенароднаго ополченія, дали ему заложниковъ въ вѣрности, обѣщали ему войскъ и въ извѣстное время—общее поголовное ополченіе. Верцингеториксъ обратилъ особенное вниманіе на сборъ многочисленной и хорошей конницы и на введеніе въ свое войско строжайшаго воинскаго порядка. А когда оно стало уже достаточно сильнымъ, онъ послалъ часть его съ Луктеріемъ въ южную Галлію, къ предѣламъ римской нарбонской провинціи (Languedoc и Rouergue), а самъ съ главными силами двинулся въ земли битуриговъ (Berry, т. е. гор. Bourges).

Слухъ обо всемъ происходившемъ въ Галліи достигъ до Цезаря въ то время, когда онъ узналъ, что въ Римѣ уже было восстановлено спокойствіе. Поэтому онъ рѣшился немедленно отправиться въ трансальпийскую Галлію, но при этомъ былъ въ затрудненіи, какъ ему прибыть въ свою армію. Придвинуть ее къ себѣ—могло подвергнуть ее пораженію по частямъ, а лично отправиться къ ней—подвергало его самага опасности попасть въ руки галловъ. А между тѣмъ Луктерій уже увлекъ за собою, на сторону арверновъ—рутеновъ, нитобриговъ и табаловъ, на границахъ римской нарбонской провинціи. Тогда Цезарь, видя, что нельзя было долѣе медлить, принялъ слѣдующія мѣры: прибывъ лично въ нарбонскую провинцію, онъ приказалъ на предѣлахъ ея поставить гарнизоны, а части стоявшихъ въ этой области войскъ и приведеннымъ имъ съ собою, повонабравшимъ въ цизальпин-

ской Галліи войскамъ собраться на границахъ земель арверновъ. Луктерій отступилъ, а Цезарь перешелъ, хотя и съ большими затрудненіями, черезъ северскія горы, вступилъ въ земли арверновъ, произвелъ внезапное нападеніе на это племя и выслалъ впередъ, на значительное въ ширину протяженіе края, всю конницу свою, дабы распространить повсюду страхъ и ужасъ. Верцингеториксъ, призываемый общимъ голосомъ арверновъ на помощь, двинулся въ ихъ земли съ своимъ войскомъ. Цезарь, ожидавшій этого, остановилъ свою армію и, оставивъ ее подъ начальствомъ молодого Брута (сына), самъ подъ достаточнымъ прикрытіемъ двинулся усиленнымъ переходами къ Віеннѣ на р. Роданѣ (нынѣ Виенне на р. Ронѣ), гдѣ нашелъ вновь набранную и собранную тамъ, по его приказанію, конницу свою. Затѣмъ онъ съ всевозможною поспѣшностью пошелъ вверхъ по р. Родану, черезъ земли эдуевъ или эдунтянъ и мандубіевъ (въ Бургоніи), въ земли лингоновъ, къ гор. Андаматуну (н. Langres на р. Марнѣ), гдѣ нашелъ стоявшіе тамъ зимою 2 легіона. Туда же приказалъ онъ прибыть 6-ти легіонамъ, стоявшимъ въ Агендикѣ (нынѣ Sens на р. Сенѣ). Чрезвычайная быстрота, съ которою онъ совершилъ эти превосходныя движенія и сдѣлалъ мудрыя распоряженія, воспренятствовала эдунтамъ и мандубіямъ произвестъ какое-нибудь нападеніе на него. Верцингеториксъ же, свѣдавъ о движеніи и распоряженіяхъ Цезаря, отступилъ въ земли битуриговъ (Berry) и осадилъ въ нихъ городъ Герговію боіевъ (Gergovia Vojozum, близъ нынѣшняго гор. Moulins), названную такъ въ отличіе отъ другой Герговіи арверновъ (Gergovia Arvernorum, нынѣ гор. Clermont въ Оверни). Первую Герговію Цезарь, послѣ боя съ гельветами, населилъ покоренными боіями и передалъ эдунтамъ, изъ коихъ тѣ и другіе пребывали вѣрными римлянамъ.

Цезарь не могъ оставить осады Герговіи Верцингеториксомъ безъ вниманія, не подвергая себя подозрѣнію галловъ, что онъ не хочетъ защитить вѣрныхъ ему эдунтовъ и что поэтому никто въ Галліи не можетъ полагаться на его защиту. Но съ другой стороны время года было еще очень раннее, дороги дурны, перевозочныя средства недостаточны и вслѣдствіе того у него могъ оказаться недостатокъ въ продовольствіи, что очень озабочивало его. Но онъ предпочелъ лучше подвергнуться этимъ послѣднимъ затрудненіямъ, нежели подозрѣнію и нареканію галловъ. Вслѣдствіе того онъ оставилъ 2 легіона и всѣ тяжести арміи въ Агендикѣ (Sens), приказалъ эдунтамъ доставить ему продовольствіе и со всѣми остальными войсками двинулся къ Герговіи, давъ напередъ знать туда, что идетъ на выручку ея.

На пути туда, онъ обложилъ городъ сенноновъ Веллаундунъ (Beaune), частью для того, чтобы не оставлять неприятелей въ тылу за собой, частью же для устройства въ этомъ городѣ промежуточнаго склада продовольствія. Въ два дня устроена была контръ-валаціонная линія, а на третій—городъ сдался. Цезарь оставилъ въ немъ легата Требонія и двинулся къ Генабуму (Орлеанъ), подошелъ къ нему совершенно неожиданно и тотчасъ же занялъ прирѣчную часть города 2-мя легионами, дабы жители не могли спастись по р. Лигеру (Луарѣ). Они дѣйствительно пытались исполнить это ночью, но Цезарь тотчасъ же двинулъ готовые легионы въ городскія ворота и овладѣлъ городомъ. Въ отпущеніе за избіеніе въ немъ передъ тѣмъ римлянъ, почти всѣ жители города были истреблены, а городъ

разграбленъ. Затѣмъ Цезарь двинулся далѣе къ Аварикку (Буржъ). Близъ него онъ осадилъ городъ Новіодунъ (нынѣ селеніе Neuvi), но онъ сдался ему. И въ то время, когда римскія войска готовились вступить въ обладаніе имъ и обезоружить жителей его, внезапно явилась передъ нимъ передовая конница Верцингеторикса, который, свѣдавъ о движеніи Цезаря въ Герговин, снялъ осаду ея и двинулся на встрѣчу ему. Жители Новіодуна затворили городскія ворота и отказались сдаться. Но Цезарь выслалъ впередъ свою конницу, поддержанную 400 чел. союзной германской конницы, и конница Верцингеторикса была принуждена отступить съ большимъ урономъ; жители же Новіодуна пришли въ такой страхъ, что тотчасъ же сдались.

§ 30.

Осада и взятіе Аварика и дѣйствія во время и послѣ того.

Затѣмъ Цезарь рѣшился осадить Аварикъ (Буржъ), значительнѣйшій городъ битуриговъ, обѣщая себѣ, съ взятіемъ его, покорить весь окрестный край.

Тогда Верцингеториксъ составилъ планъ дѣйствій, который приносилъ большую честь его военнымъ дарованіямъ. Онъ положилъ дѣйствовать противъ Цезаря совершенно иначе, нежели галлы дѣйствовали противъ него до тѣхъ поръ, а именно—не боемъ въ открытомъ полѣ, а разореніемъ и опустошеніемъ страны, отрѣзываніемъ римлянамъ подвозовъ продовольствія и фуража, и лишеніемъ ихъ способовъ добыванія ихъ, особенно фуража, въ которомъ крайне нуждалась многочисленная конница ихъ. Это должно было вынудить римлянъ къ дальнимъ фуражировкамъ, во время которыхъ галлы могли разбивать ихъ по частямъ. Словомъ—Верцингеториксъ, имѣя самъ въ тылу за собой нетронутый край, хотѣлъ выморить римлянъ голодомъ и, избѣгая боя съ ними, разбивать ихъ по частямъ. Этотъ планъ Верцингеторикса, хотя и жестокий въ отношеніи къ собственной странѣ, заслуживаетъ особеннаго вниманія въ отношеніи къ противудѣйствию римлянамъ.

Дѣйствительно, онъ скорѣе оказалъ на нихъ свое вліяніе. Болѣе 20-ти городовъ въ земляхъ битуриговъ и селенія въ окрестностяхъ Аварика были сожжены. Аварикъ, по просьбѣ жителей его, былъ пощаженъ, потому что имѣлъ выгодное для своей обороны мѣстоположеніе. Верцингеториксъ расположился верстахъ въ 20-ти отъ него въ укрѣпленномъ лагерѣ, ежедневно имѣлъ вѣрныя свѣдѣнія о ходѣ осады, развѣдывалъ

окрестности, особенно мѣста римскихъ фуражировокъ, и гдѣ только можно было, нападалъ на фуражировъ.

Аварикъ былъ со всѣхъ сторонъ окруженъ рѣкою (нынѣ р. Evres, лѣвый притокъ Луары) и болотами, между которыми къ городу велъ только одинъ узкій подступъ. Тутъ Цезарь приказалъ построить высокое земляное укрѣпленіе, прикрытое навѣсами, и двѣ башни; контръ-валаціонную же линію устроить препятствовало мѣстоположеніе города. Но въ продовольствіи и фуражѣ скоро сталъ оказываться все большій и большій недостатокъ, такъ что войска по нѣсколькимъ днямъ оставались безъ хлѣба въ зернѣ. Однако они переносили всѣ лишения съ необыкновенными терпѣніемъ и мужествомъ, и ниразу не роптали. Цезарь предложилъ имъ, если лишения слишкомъ тягостны для нихъ, снять осаду. Но всѣ они просили его не дѣлать этого, говоря, что съ тѣхъ поръ, какъ состояли подъ его начальствомъ, никогда еще не покрывали себя стыдомъ и ничего, начавъ, не доканчивали. Съ такими войсками, чего не могъ совершить такой полководецъ!

Осадныя работы производились такъ скоро, какъ только было возможно. Между тѣмъ получено было извѣстіе, что Верцингеториксъ приближался къ Аварикку и съ своею конницею и легкою пѣхотою расположился въ засадѣ близъ такого мѣста, мимо котораго римскія войска должны были идти на фуражировку. Вслѣдствіе того, Цезарь ночью, въ величайшей тишинѣ, двинулся съ большею частью арміи къ лагерю неприятельскаго войска и поутру подсту-

пиль къ нему. Галлы тотчасъ отослали свои тяжести назадъ въ лѣсъ, а сами выстроились на возвышенной мѣстности, окруженной болотистою долиной, футовъ въ 50 ширины, на которой сломали мосты, а броды сильно заняли войсками. Цезарь, убѣдясь, что напасть на нихъ въ такой мѣстности нельзя было безъ большого урона, отступилъ въ свой лагерь — и поступилъ благоразумно и осторожно. Можно было бы только замѣтить, что онъ избавилъ бы свою армію отъ напраснаго передвиженія тѣмъ и обратно, еслибы предварительно развѣдалъ мѣстоположеніе лагеря Галловъ лично съ конницей, но тогда уже невозможно было бы нечаянное нападеніе, которое онъ имѣлъ въ виду.

По отступленіи его, Верцингеториксъ воротился изъ своей засады и былъ встрѣченъ всеобщимъ неудовольствіемъ и даже обвиненіемъ въ измѣнѣ за то, что взялъ съ собою всю конницу, приблизился къ римлянамъ, покинулъ свое войско и подвергъ его опасности нападенія на него. Но онъ собралъ военный совѣтъ и такъ убѣдительно доказалъ побудительныя причины своихъ поступковъ, что возбудилъ восторгъ своего войска и возобновилъ довѣріе его къ нему. Этотъ случай любопытенъ тѣмъ, что служить къ сравненію обоихъ полководцевъ и ихъ войскъ въ это время.

Осада города производилась съ большими трудами со стороны римлянъ, а оборона его — съ меньшимъ искусствомъ со сторо-

ны осажденныхъ. Между тѣмъ наступили дожди и холодная погода, и осажденные положили бѣжать изъ города къ войску Верцингеторикса, но не имѣя возможности ни взять съ собою, ни покинуть женъ и дѣтей своихъ, отказались отъ своего намѣренія — на бѣду свою, потому что вскорѣ послѣ того Цезарь взялъ городъ удачно произведеннымъ приступомъ и изъ 40 т. жителей его спаслись не болѣе 800, а всѣ остальные погибли.

Затѣмъ Цезарь снабдилъ свою армію найденнымъ въ Аварикѣ продовольствіемъ и хотѣлъ, съ наступленіемъ весны, или выманить войско Верцингеторикса изъ его лѣсовъ и болотъ, либо окружить и обложить его въ нихъ. Но эдунты призвали его къ себѣ для рѣшенія возникшаго между ними раздора. Пойти къ нимъ, прервавъ начало своихъ военныхъ дѣйствій, было для Цезаря несвоевременнымъ и опаснымъ; но онъ рѣшился на это, не желая, чтобы въ тылу за нимъ были смуты, которыя могли бы подать поводъ къ вмѣшательству Верцингеторикса. Поэтому онъ отправился лично въ земли эдунтовъ и, порѣшивъ раздоръ между ними и обѣщавъ имъ большія награды по окончаніи войны, потребовалъ отъ нихъ всю ихъ конницу и 10 т. чел. пѣхоты, которые хотѣлъ расположить постами (этанами) до своей арміи, для обезпеченія подвоза къ ней продовольствія, что для него было очень важно и полезно, еслибъ было исполнено.

§ 31.

Движеніе Цезаря и Верцингеторикса вдоль р. Элавера къ Герговіи; — осада Герговіи и дѣйствія во время оной.

Воротясь къ арміи, Цезарь отрядилъ легата Лабіена съ 4-мя легіонами противъ сенноновъ и лютеціевъ, а самъ съ остальными 6-ю легіонами и конницей двинулся вдоль р. Элавера (Allier), въ намѣреніи осадить Герговію арверновъ (и. Clermont). Изъ записокъ его не видно, какъ расположено было въ это время войско Верцингеторикса, и потому слѣдуетъ предполагать, что или римская армія обошла правое крыло его, либо войско это рѣше перешло черезъ р. Элаверъ, дабы воспрепятствовать переходу черезъ нее римской арміи. Известно только, что оно уничтожило всѣ мосты на ней и слѣдовало по правому берегу ея за движеніемъ Цезаря по лѣвому. Оба войска двигались днемъ и располагались ночью — въ виду одно другаго, раздѣляемые только рѣкой. Цезарь, желая избѣжать большой потери времени отъ этого, употребилъ хитрость: онъ расположилъ свою

армію на ночь въ закрытой лѣсомъ мѣстности, прямо противъ одного сломаннаго моста. На слѣдующее утро онъ остался тутъ въ засадѣ съ 2-мя легіонами, а остальные 4, съ конницей и тяжестью, послалъ впередъ по лѣвому берегу, взявъ однако отъ cadaго изъ этихъ 4-хъ легіоновъ по 4 когорты и приказавъ имъ идти на мѣстѣ 2-хъ оставшихся сзади легіоновъ, дабы галлы не замѣтили отсутствія ихъ. Но какъ только римская армія и галлы достаточно удалились, Цезарь приказалъ послѣшно исправить мостъ и черезъ нѣсколько часовъ оба легіона перешли по немъ черезъ рѣку и заняли на правомъ берегу выгодное для боя мѣстоположеніе. Затѣмъ Цезарь приказалъ арміи воротиться назадъ къ мосту. Галлы были этимъ такъ обмануты, что безъ остановки двинулись прямо къ Герговіи, не желая быть принужденными къ бою. Этотъ переходъ Цезаря черезъ р. Элаверъ былъ

столько же искусно соображенъ и исполненъ, сколько съ другой стороны подаетъ поводъ предполагать, что Верцингеториксъ недостаточно тщательно наблюдалъ за правымъ берегомъ рѣки и позволилъ обмануть себя.

Цезарь также продолжалъ свое движеніе къ Герговіи и, прибывъ къ ней на 5-я сутки, обозрѣлъ городъ и мѣстоположеніе его—на высокой, труднодоступной горѣ, и рѣшилъ, что внезапнымъ нападеніемъ и открытою силою взять его, въ присутствіи галльской арміи, было невозможно. Поэтому онъ прежде всего озаботился объ обезпеченіи продовольствованія своей арміи. Верцингеториксъ же расположилъ свое войско и на вершинѣ горы, и подъ стѣнами города, и ежедневно, на восходѣ солнца, выѣзжалъ съ своими военачальниками и съ своею конницею, поддержанною стрѣлками изъ луковъ, и завязывалъ стычки съ римскими войсками.

У подножья горы, на которой былъ расположенъ городъ, находилъ крутой со всѣхъ сторонъ холмъ, выгодный для галловъ тѣмъ, что позволялъ имъ удобно добывать воду, хлѣбъ и фуражъ, и потому занятый ихъ войсками, однако не очень сильно. Для Цезаря было выгодно овладѣть этимъ холмомъ, чтобъ отнять у галловъ выгоды обладанія имъ. Поэтому онъ ночью, въ величайшей тишинѣ, двинулся къ нему изъ своего лагеря съ 2-мя легіонами, овладѣлъ имъ и соединилъ его съ главнымъ лагеремъ двойнымъ ровомъ въ 12 футовъ глубины.

Между тѣмъ у эдутовъ снова произошли смуты, которыя могли имѣть опасныя для Цезаря послѣдствія и снова принудили его прервать только-что начатыя имъ дѣйствія противъ Герговіи и Верцингеторикса.

Одинъ изъ знатнѣйшихъ эдутовъ, Конвиктонитанисъ, назначенный Цезаремъ въ верховные вожди этого племени, возсталъ съ своими приверженцами противъ римлянъ и отправилъ 10 т. войскъ, обѣщанныхъ Цезарю, подъ предводительствомъ Литавика, какъ будто на соединеніе съ Цезаремъ, дѣйствительно же противъ него, на соединеніе съ Верцингеториксомъ. На пути отрядъ Литавика умертвилъ римлянъ, слѣдовавшихъ съ большимъ транспортомъ, и двинулся прямо къ Герговіи.

Напротивъ, два другіе знатные эдунта, Эпоредориксъ и Впридомаръ, бывшіе вѣрными Цезарю, привели къ нему эдунтскую конницу и объяснили, что эдунты не причастны возстанію Конвиктонитаниса. Цезарь, нимало не медля, оставивъ въ лагерѣ, передъ Герговіей легата Фабія съ 2-мя легіонами, самъ съ 4-мя легіонами и всею своею конницею быстро двинулся въ земли эдутовъ. Пройдя около 30—35 верстъ, онъ встрѣтилъ отрядъ Литавика и преградилъ ему путь своею конницею.

Отрядъ Литавика, увидя себя обманутымъ и въ опасности пораженія, бросилъ оружіе и просилъ пощады, а Литавикъ съ своими подручниками бѣжалъ въ Герговію. Цезарь увѣдомилъ эдуновъ, что простилъ ихъ единоплеменниковъ, хотя имѣлъ право казнить ихъ, и затѣмъ немедленно двинулся назадъ къ Герговіи. На полпути туда онъ получилъ отъ Фабія извѣстіе, что 2 легіона его были атакованы въ ихъ лагерѣ превосходными силами непріятеля, совершенно изнемогли и понесли большой уронъ, и что на слѣдующій день ожидается новое нападеніе. Цезарь ускорилъ, сколько можно было, свое движеніе и прибылъ въ свой лагерь еще до восхожденія солнца; однако галлы не произвели вторичнаго нападенія.

Вскорѣ изъ Бибракты (Autun) было получено извѣстіе, что Конвиктонитанисъ и его партія снова произвели безпорядки, умертвили бывшихъ въ городѣ римлянъ, а другихъ внѣ его ограбили. Но прочія власти народныя, страшась мести Цезаря, отправили къ нему пословъ съ объясненіемъ, что онѣ и большинство народа не участвовали въ этихъ безпорядкахъ и просили возвратить имъ выставленныя ими войска. За всѣмъ тѣмъ, они начали готовиться къ войнѣ и склонять къ тому сосѣдственныя племена. Цезарь зная это, однако принялъ пословъ благосклонно и отпустилъ ихъ съ такими же обѣщаніями. Тѣмъ не менѣе положеніе его въ Галліи начинало становиться тревожнымъ и небезопаснымъ, угрожая Цезарю всеобщимъ со всѣхъ сторонъ нападеніемъ. Поэтому онъ сталъ помышлять о благовидномъ отступленіи отъ Герговіи, такъ чтобъ оно не показалось галламъ бѣгствомъ передъ ними.

Вскорѣ ему представился удобный случай къ тому. Обозрѣвая меньшій лагерь свой, онъ открылъ, что галлы покинули одну высоту, до тѣхъ поръ сильно занятую ими, и узналъ отъ перебѣжчиковъ, что эта высота спереди была незанята, но сзади, ближе къ городу, находилось очень узкое пространство, поросшее лѣсомъ, и что Верцингеториксъ приказалъ укрѣпить его, дабы римляне не могли завладѣть имъ и отрѣзать галламъ добываніе фуража и воды. На этомъ Цезарь основалъ планъ—сильно угрожать этому пункту, на который галлы опасались нападенія, и когда они поспѣшатъ на помощь ему, напасть, посредствомъ эскадры, на лагерь ихъ, расположенный на горѣ.

Видимыя распоряженія Цезаря для угроженія первому пункту имѣли полный успѣхъ: галлы двинули къ этому пункту главныя свои силы и тѣмъ совершенно ослабили занятіе и оборону сильно укрѣпленнаго лагеря своего на горѣ. Цезарь, какъ только замѣтилъ это, двинулъ свои войска, скрытно и по частямъ, изъ большого своего лагеря въ меньшій и положительно приказалъ ле-

гатамъ не заходить слишкомъ далеко впередъ, дабы не подвергнуться фланговому нападенію. Изъ описанія, въ запискахъ Цезаря, происшедшаго вслѣдствіе того боя, нельзя достаточно объяснить себѣ, какъ именно происходило дѣло, но кажется, что римскія войска во время боя дѣйствительно не могли двинуться впередъ къ лагерю галловъ, не навлеки на себя флангового нападенія со стороны города и галльскаго войска въ одно время.

Въ самомъ началѣ, войско Цезаря двинулось противъ лагеря галловъ и безъ сопротивленія овладѣло имъ. Цезарь тотчасъ приказалъ трубить къ отступленію, предполагая, что галлы, понявъ цѣль ложной атаки, примутъ сообразныя съ тѣмъ мѣры. По сигналу 10-й легіонъ при Цезарѣ остановился, но прочіе не слышали сигнала и продолжали идти впередъ. Хотя трибуны и центуріоны старались остановить и устроить своихъ людей, но, увлеченные порывомъ, послѣдніе проникли до самыхъ городскихъ стѣнъ и воротъ, при чемъ, какъ видно, пришли нѣсколько въ безпорядокъ,—передніе пытались взлѣзть на стѣны, но тщетно, потому что не имѣли лѣстницъ,—задніе же все болѣе напирали на нихъ, и, въ происшедшемъ вслѣдствіе того безпорядкѣ, легаты уже не могли исполнить приказанія Цезаря.

Въ Герговіи жители пришли въ ужасъ и предались бѣгству, но галльское войско Верцингеторикса, сначала по частямъ, потомъ съ превосходными силами, обратилось противъ атакующихъ и напало на нихъ во флангъ и въ тылъ. Римскія войска, хотя и въ невыгодномъ для боя мѣстоположеніи, оборонялись съ отчаянною храбростью, стараясь пробиться. Цезарь послалъ имъ въ подкрѣпленіе легата Сексіа съ нѣсколькими когортами изъ малаго лагеря и самъ съ 10-мъ легіономъ выдвинулся нѣсколько впередъ.

Между тѣмъ на правомъ флангѣ римлянъ

показались, по приказанію Цезаря, вспомогательныя войска эдунтовъ, имѣвшія назначеніе наблюдать за находившимися съ этой стороны галльскими войсками. Но римскія войска въ пылу боя приняли ихъ за непріятелей, сочли себя совершенно обойденными и стали отступать съ боемъ, совершили чудеса храбрости и наконецъ отступили въ свой лагерь, подъ прикрытіемъ 10-го легіона и когорты Сексіа, но понесли жестокій уронъ 46 центуріоновъ и около 700 воиновъ! Верцингеториксъ не продолжалъ наступленія и отвелъ свои войска назадъ въ лагерь.

Главною причиною неудачи этого боя было, кажется, то, что легіоны, при взятіи непріятельскаго лагеря, разстроились въ рядахъ и порядкѣ и увлеклись порывомъ до самыхъ городскихъ стѣнъ. Цезарь упрекнулъ ихъ въ этомъ на другой день, но вмѣстѣ съ тѣмъ воздалъ имъ должную и справедливую хвалу за ихъ геройскую храбрость и тѣмъ еще болѣе возвысилъ духъ въ нихъ. Тѣмъ не менѣе, цѣль его—снять осаду, послѣ нанесенія непріятелю чувствительнаго удара, не была достигнута и потому онъ выступилъ съ цѣлою арміею своею изъ лагеря въ открытое поле, вызывая галловъ на бой. Но Верцингеториксъ не принялъ его, справедливо предпочитая оставаться въ своемъ лагерѣ подъ стѣнами города и будучи увѣренъ, что при этомъ осада города была невозможна. Вслѣдствіе того, все ограничилось передовыми конными стычками, въ которыхъ успѣхъ былъ на сторонѣ римлянъ. На слѣдующій день Цезарь снова вывелъ свою армію въ поле, для того — какъ говоритъ — чтобы сбавить у непріятеля спѣси и возвысить духъ въ собственныхъ войскахъ, и когда галлы снова не приняли боя, то онъ въ виду ихъ, среди дня, предпринялъ отступленіе и, не будучи преслѣдуемъ, въ 3 перехода достигнулъ р. Элавера, возстановилъ мостъ на ней и перешелъ на другой берегъ.

§ 32.

Возстаніе эдунтовъ и всѣхъ галловъ; — дѣйствія Цезаря, Лабіена и легата Л. Цезаря; — мѣры Верцингеторикса и движеніе его на встрѣчу Цезарю, а Цезаря, послѣ боя, за нимъ къ Алезіи.

Между тѣмъ эдунты, къ которымъ Цезарь былъ такъ благосклоненъ и снисходителенъ, окончательно и рѣшительно измѣнили ему, въ Новіодунѣ (Nevers), гдѣ были Цезаревы склады, умертвили всѣхъ римлянъ, разграбили всѣ денежныя кассы и часть обоза и имущества самаго Цезаря, отняли прибывшіе изъ Италіи и Испаніи ремонты лошадей, наконецъ сожгли самый городъ,

начали собирать войска и старались отрывать римлянамъ подвозы продовольствія.

Цезарь, узнавъ объ этомъ и говоря, что покрылъ бы себя стыдомъ, еслибъ отступилъ въ римскую парбонскую область, двинулся усиленными переходами къ р. Лигеру (Луарѣ), чтобы перейти черезъ нее прежде, нежели эдунты успѣли бы собрать войска. При этомъ онъ имѣлъ въ виду также не

предоставлять легата Лабіена съ его легіонами собственной его судьбѣ, но соединиться съ нимъ и дѣйствовать такъ, чтобы возстаніе галловъ дорого обошлось имъ. Этотъ планъ былъ вполне достоинъ его!

Слѣдующимъ днемъ и ночью, онъ прибылъ совершенно неожиданно для галловъ къ р. Лигеру, перешелъ черезъ нее въ бродъ, снабдилъ армию зерновымъ хлѣбомъ и скотомъ и быстро двинулся прямо къ Агендику (Sens), въ земляхъ сенноновъ. Страхъ его имени предшествовалъ его движенію и безъ боя нанесъ ударъ возстанію галловъ въ краю, черезъ который проходилъ Цезарь.

Между тѣмъ Лабіенъ съ своими легіонами двинулся къ Лютеціи (нынѣ Парижъ), на пути оставивъ часть войскъ въ Агендикѣ, для прикрытія этого города и оставленныхъ въ немъ тяжестей, складовъ и прибывшихъ изъ Италіи новобранцовъ. Начальствовавшій галльскими войсками въ Лютеціи (состоявшей тогда лишь изъ части нынѣшняго Парижа, на острову между двумя рукавами Сены) не впустилъ Лабіена въ городъ и рѣшился обороняться въ немъ. Лабіенъ, предвидя трудность осады, двинулся вверхъ по правому берегу р. Секваны (Сены) къ гор. Мелодуну (н. Melun), завладѣвъ имъ, перешелъ черезъ рѣку, возстановилъ мостъ по другую сторону города и внизъ по лѣвому берегу двинулся къ Лютеціи. Устрашенные жители этого города сожгли его, отступили на правый берегъ и разрушили мосты за собой. Лабіенъ, получая со всѣхъ сторонъ самыя преувеличенныя извѣстія о всеобщемъ возстаніи галловъ и крайнемъ положеніи римскихъ войскъ, справедливо разсудилъ, что въ этихъ обстоятельствахъ вопросъ состоялъ не въ томъ, чтобы наносить галламъ пораженія и дѣлать завоеванія, но въ томъ, чтобы сохранить свой отрядъ и привести его обратно въ Агендикъ—въ цѣлости. Съ этою цѣлію онъ сдѣлалъ ложныя приготовленія къ переходу черезъ р. Секвану выше Лютеціи, ночью же переправился ниже, опрокинулъ многіе галльскіе отряды и наконецъ разбилъ ихъ съ большимъ для нихъ урономъ. Затѣмъ онъ безпрепятственно дошелъ до Агендика и вскорѣ соединился въ немъ съ Цезаремъ. Всѣ эти дѣйствія Лабіена изобличаютъ въ немъ опытнаго и искуснаго военачальника и заслуживаютъ полной и справедливой похвалы.

Между тѣмъ эдуны, прежде столь преданные римлянамъ, теперь сдѣлались главными врагами ихъ и пригласили Верцингеторикса и вождей всѣхъ галльскихъ племенъ на общенародное собраніе въ Бибрактѣ (н. Autun). Здѣсь, гдѣ не было представителей только отъ лингоновъ (Лангръ) и ремовъ (Реймсъ), вѣрныхъ римлянамъ, и отъ тревировъ (Триръ), занятыхъ войною съ гер-

манцами, Верцингеториксъ былъ провозглашенъ верховнымъ военнымъ вождемъ всѣхъ галловъ (къ крайнему неудовольствію эдуновъ, которые желали этой чести для одного изъ своихъ одноплеменниковъ). Верцингеториксъ потребовалъ отъ галловъ заложниковъ, 15 т. чел. конницы и преданія полей и жилищъ огню, отъ эдуновъ 10 т. чел. пѣхоты, которыхъ съ 800 чел. конницы послалъ напасть на аллоброговъ (въ Савойѣ и Дофинѣ), обѣщая имъ независимость, если они возстанутъ; наконецъ арвернамъ (Auvergne) и сосѣднимъ габаламъ приказалъ опустошить южную часть Галліи (Rouergue, Quercy и Bas-Languedoc).

Аллоброги обороняли по сплаву р. Роданъ (Рону) и преградили входъ въ свои земли. Въ нихъ находилось всего только 22 когорты вновь набранныхъ римскихъ войскъ, подъ начальствомъ легата Л. Цезаря. Слабость этихъ силъ и угрожающая опасность побудили этого легата обратиться за помощью къ за-рейнскимъ германцамъ, отъ которыхъ онъ и получилъ нѣсколько плохой конницы и легкой пѣхоты. Онъ находился въ весьма трудномъ и опасномъ положеніи, окруженный со всѣхъ сторонъ превосходными силами галловъ и отрѣзанный не только отъ Италіи, но даже и отъ римской парбонской области. Однако онъ умѣлъ, сколько и какъ могъ, держать себя и дѣйствовать такъ, чтобы въ этомъ отчаянномъ положеніи никогда и нигдѣ не подвергать себя пораженію, что принесло ему много чести.

Между тѣмъ Верцингеториксъ, весьма значительно усилившись и узнавъ, что Цезарь намѣренъ отъ Агендика идти черезъ земли лингоновъ (Langres) и секваповъ (Franche-Comté) къ югу, положилъ преградить ему путь туда и двинулся на встрѣчу ему, раздѣливъ свое войско на три части или большіе отряды: фланговые должны были напасть на Цезаря съ фланговъ, а средній съ фронта. Цезарь также раздѣлилъ свою конницу на 3 части и двинулъ ее противъ галльской конницы, а всю пѣхоту остановилъ на мѣстѣ и расположилъ между нею всѣ тяжести и повозки. Пѣхота римская поддерживала римскую конницу, гдѣ только послѣдняя была тѣснима, до тѣхъ поръ, пока германская конница на правомъ флангѣ римлянъ не опрокинула съ одной высоты галльскую конницу и не преслѣдовала ее до береговъ рѣки, гдѣ Верцингеториксъ стоялъ съ своей пѣхотой въ развернутомъ боевомъ порядкѣ. Остальная галльская конница, опасаясь быть охваченною и окруженною, обратилась въ бѣгство и въ преслѣдованіи римскою конницею понесла большой уронъ. Верцингеториксъ, увидавъ бѣгство и пораженіе своей конницы, отступилъ въ свой лагерь, а изъ него тотчасъ двинулся со всѣми тяжестями къ городу Алезіи (нынѣ Mont Auxois, въ депар-

таментъ Côte-d'Or, между р.р. верхними Сеной и Юнной, см. ниже). Цезарь, поставивъ всѣ свои тяжести и повозки, подъ прикрытіемъ 2-хъ легіоновъ, на одну близкую высоту, преслѣдовалъ галловъ до вечера, взявъ около 3 т. ихъ въ плѣнъ и на другой день расположился лагеремъ противъ Алезіи. Онъ немедленно обозрѣлъ мѣстность и городъ, и приказалъ устроить контръ-валаціонную линію. Къ этому онъ прибавляетъ въ своихъ запискахъ, что пораженіе галльской конницы, которую галлы считали главнымъ родомъ войскъ своихъ, видимо произвело сильный упадокъ духа въ ихъ войскѣ.

Изъ комментаріевъ Цезаря не видно, гдѣ именно произошелъ упомянутый выше бой, и какая это была рѣка. Затѣмъ вообще можно замѣтить, что Верцингеториксъ неблагоприятно отступилъ отъ принятаго имъ прежде намѣренія не вступать съ арміей Цезаря въ бой въ открытомъ полѣ. Рѣшиться на это, съ неустроеннымъ, хотя и храбрымъ, народнымъ ополченіемъ галловъ, противъ римской арміи, правильно и отлично устроенной, привыкшей къ маневрированію, закаленной въ бояхъ и предводимой такимъ полководцемъ, какъ Цезарь — было крайне

неблагоразумно. Цезарь же, съ своей стороны, проявилъ въ этомъ случаѣ высокія свои военныя дарованія, находчивость и рѣшимость дѣйствовать сообразно съ главною своею цѣлю, обстоятельствами и средствами. Главною цѣлю его было приблизиться къ римской парбонской области и отвлечь отъ нея значительныя силы галловъ. Встрѣтивъ на пути туда превосходное въ силахъ галльское войско, онъ не помыслилъ ни объ отступленіи, которое могло погубить все его дѣло въ Галліи, ни объ остановкѣ на мѣстѣ и принятіи оборонительнаго боя, что также было несогласно съ его личнымъ характеромъ, ни съ достоинствомъ и значеніемъ римской арміи, но на предлагаемый ему наступательный бой немедленно отвѣчалъ такимъ же наступательнымъ — и искусными: распоряженіями своими и распределеніемъ и дѣйствіемъ своихъ войскъ — конницы, поддерживаемой пѣхотой, опрокинулъ галльскую многочисленную конницу, тѣмъ принудилъ Верцингеторикса отступить и, преслѣдуя его усиленно, нанесъ ему уронъ и въ людяхъ, и нравственный, соотвѣтствовавшій полной побѣдѣ.

§ 33.

Осада Алезіи;—сраженіе при ней, взятіе ея и конецъ похода;—замѣчанія.

Осада Цезаремъ Алезіи есть такое мастерское дѣло древней поліорцетикки и въ такомъ яркомъ свѣтѣ выставляетъ при этомъ превосходство римскихъ войскъ и особенно высокнхъ военныхъ дарованій Цезаря, что заслуживаетъ нѣсколько подробнаго и обстоятельнаго описанія.

Алезія (Alesia, нынѣ Mont Auxois, близъ Sainte-Reine, къ с. з. отъ Flavigny и къ с. в. отъ Sémur, въ департаментѣ Côte-d'Or) была расположена на вершинѣ отдѣльной, высокой горы или овальной плоской возвышенности, между двумя рѣчками (нынѣ Oze и Ozerain), обтекавшими гору съ сѣвера и юга и впадавшими невдалекѣ на западѣ въ третью рѣчку (нынѣ Brenne). Мѣстность впереди Алезіи, къ западу, образовала равнину, длиною около 3 т. шаговъ (геометрическихъ), а съ остальныхъ трехъ сторонъ была окружена горами, однаковой вышины съ тою, на которой былъ расположенъ городъ, и пересѣченными нѣсколькими глубокими лощинами (нынѣ съ сѣвера—между селеніями Menestreux-le-Pitois и Bussy-le-Grand, съ востока—Mont Révenelle и близъ сел. Darcey, а съ юга—Mont Druaux, близъ Flavigny).

Цезарь, обозрѣвъ мѣстность и расположеніе Алезіи и войска Верцингеторикса, нашелъ, что расположеніе послѣдняго было

непреступно, но не призналъ невозможнымъ запереть его на горѣ, окруживъ укрѣпленными линіями, и принудить его, либо удалиться во-время, либо подвергнуться всѣмъ послѣдствіямъ неизбежнаго голода. Армія Цезаря состояла изъ 10 легіоновъ (около 50 т. чел.), набранной у германцовъ конницы (по Аппіану александрійскому—до 10 т. чел.) и вспомогательнымъ галльскимъ войскѣ, а всего отъ 60 до 70 т. чел. У Верцингеторикса же было, по показаніямъ историковъ — до 80 т. чел. войскъ. Наполеонъ I сомнѣвается въ этомъ, потому что Алезія была городокъ небольшой и, кромѣ войскъ, вмѣщала въ себѣ также и своихъ постоянныхъ жителей. Въ всякомъ случаѣ, по сказанію исторіи, Цезарь съ 60 т. войскъ рѣшился обложить въ Алезіи Верцингеторикса съ 80 т. войскъ — примѣръ, неслышанный въ военной исторіи и въ исторіи осадъ, такъ какъ извѣстно, что осаждающій, для успѣха осады крѣпости, долженъ быть по крайней мѣрѣ вдвое сильнѣе осажденнаго. Но эта-то несоразмѣрность силъ и возвышаетъ еще болѣе смѣлую рѣшимость Цезаря, котораго высокое искусство въ исполненіи имѣло рѣшительные успѣхъ и вліяніе въ отношеніи не только къ судьбѣ Алезіи, Верцингеторикса и галльскихъ войскъ, но и цѣлой Галліи.

Прежде всего Цезарь занялъ окружающія Алезію горы съ сѣвера, востока и юга нѣсколькими легіонами въ отдѣльныхъ укрѣпленныхъ лагеряхъ. Въ тоже время онъ назначилъ направленіе контръ-валаціонной линіи вокругъ горы, на которой была расположена Алезія, и мѣста 23-хъ четвероугольныхъ, высокихъ, земляныхъ укрѣпленій.

Едва были начаты эти работы, какъ Верцингеториксъ двинулся съ своею конницею на западную равнину. Тутъ произошелъ весьма упорный бой между галльской и римско-германскою конницами: послѣдняя отразила и опрокинула первую въ безпорядкѣ и съ урономъ.

Когда высокія укрѣпленія были построены, Цезарь приказалъ соединить ихъ, подобно съ мѣстностью, сплошь-укрѣпленными линіями. Но это было сопряжено съ огромными затрудненіями и трудами: почва была очень неудобна для земляныхъ работъ и, сверхъ того, пересѣчена высотами и лощинами, на весьма большомъ пространствѣ, а именно — болѣе 11 т. шаговъ (геометрическихъ, около $7\frac{1}{2}$ верстѣ) въ окружности. Пока войска производили работы, часть ихъ должна была постоянно оставаться подъ оружіемъ, для противудѣйствія галламъ, расположеннымъ подъ стѣнами города. Наконецъ, много труда и времени потребовалось также для сбора въ окрестностяхъ матеріаловъ, нужныхъ для работъ.

Верцингеториксъ, видѣвшій съ вершины горы работы Цезаря и понявшій цѣль ихъ, не отважился однако еще во-время отступить съ своимъ войскомъ изъ подъ стѣнъ Алезіи, дабы не быть разбитымъ на походѣ, а рѣшился оставаться при Алезіи, соотечественниковъ же своихъ побудить къ скорѣйшей помощи ему. Для этого онъ отослалъ свою конницу, содержать которую для него было очень трудно, и поручилъ ей представить племенамъ Галліи необходимость какъ можно скорѣе освободить его отъ обложенія, потому что продовольствія у него было не болѣе какъ на 30 сутокъ. Такъ какъ римскія линіи не были еще вполне довершены, то галльская конница, въ числѣ 15 т. чел., и успѣла спастись безъ труда. Верцингеториксъ же, съ оставшеюся пѣхотой, покинулъ свой лагерь и заперся въ городѣ. Наполеонъ I и это также находилъ очень труднымъ и сомнительнымъ, такъ какъ у Верцингеторикса все еще оставалось около 65 т. войскъ, сверхъ жителей Алезіи.

Цезарь, узнавъ отъ плѣнныхъ и перебѣжчиковъ о намѣреніяхъ Верцингеторикса, убѣдился въ трудности своего предпріятія и въ необходимости, вслѣдствіе того, еще значительно усилить свои укрѣпленные линіи. Для этого онъ приказалъ вырыть, въ 400 футахъ (геометрическихъ) впереди ихъ, глубокій ровъ, въ 20 фут. глубины и ширины,

съ отвѣсными боками, а вынутая земля образовала валъ для защиты войскъ отъ метательнаго оружія. Въ 400 футахъ позади этого передоваго рва находилась контръ-валаціонная линія, съ 2-мя параллельными рвами въ 15 футовъ глубины и ширины. Изъ нихъ внутренній ровъ былъ наполненъ водою, проведенною изъ двухъ рѣчекъ, протекавшихъ Алезію. За нимъ былъ устроенъ валъ въ 12 футовъ вышины, съ парпетомъ, амбраурами и древесными стволами и вѣтвями, утвержденными на гребнѣ вала. Валъ былъ фланкируемъ высокими укрѣпленіями, построенными на разстояніи 80 футовъ одно отъ другаго.

Въ тоже время Цезарь приказалъ устроить, точно такимъ же образомъ, и циркумвалаціонную линію, въ окружности не менѣе 14 т. футовъ, для предохраненія себя отъ нападенія галловъ со стороны поля.

Но и все это Цезарь призналъ еще недостаточнымъ и, для крайняго затрудненія подступовъ къ линіямъ, изобрѣлъ тройную преграду. Онъ приказалъ: во 1-хъ впереди каждой линіи устроить ровъ въ 9 футовъ глубины, съ тыномъ изъ заостренныхъ древесныхъ стволовъ, укрѣпленныхъ на днѣ рва; во 2-хъ впереди этого рва устроить волчьи ямы въ 8 рядовъ, въ шахматномъ порядкѣ, на 3 фута разстоянія одну отъ другой, съ толстыми, заостренными бревнами на днѣ, прикрытыми сверху травой и хворостомъ, — и наконецъ въ 3-хъ впереди волчьихъ ямъ разсѣять во мпожествѣ, по всей мѣстности, желѣзные крючья, прикрѣпленные къ врытымъ въ землю толстымъ кольямъ (шострапы).

Труднодоступныя высоты и лощины вокругъ Алезіи, по направленію линій, чрезвычайно затрудняли работы. Однако, не смотря на то и на громадность работъ, протяженіе ихъ въ длину и ширину (контръ-валаціонная линія имѣла въ окружности около $7\frac{1}{2}$, а циркумвалаціонная — около $9\frac{1}{2}$ верстѣ), и количество употребленныхъ матеріаловъ (въ ближайшихъ лѣсахъ не достало дерева и нужно было добывать его все далѣе и далѣе), Цезарь говоритъ, что успѣлъ совершенно обложить Алезію и обезпечить самого себя со стороны поля, трудами 60 или 70 т. войскъ — въ теченіи около 40 дней! Онъ имѣлъ такое довѣріе къ своимъ легіонамъ, что могъ бы съ ними — какъ часто говаривалъ — перевернуть небо! Въ Римѣ работы его вокругъ Алезіи возбудили такой восторгъ, что тамъ говорили, что смертный человѣкъ едва-ли отважился бы предпринять ихъ, но только одно божество могло совершить оныя!

Между тѣмъ галлы собрали до 240 т. чел. пѣхоты и 8 т. чел. конницы, подъ предводительствомъ 4-хъ избранныхъ вождей, но, какъ ни слѣзили, не могли прибыть къ назначенному Верцингеториксомъ сроку (до

пстеченія 30-ти дней), что привело осажденных въ совершенное отчаяніе. Нуждаясь въ продовольствіи, они задумывали уже самыя отчаянныя предпріятія и выслали изъ города всѣхъ лишнихъ и бесполезныхъ людей; но Цезарь не пропустилъ ихъ.

Наконецъ, только черезъ 6 недѣль (42 сутокъ) послѣ выхода конницы, вспомогательное галльское войско явилось въ виду Алезин и заняло высоты съ юго-западной стороны (близъ нынѣшняго селенія Mussy-la-Fosse), въ разстояніи 4 т. футовъ отъ римской циркумвалаціонной линіи. Цезарь называетъ эти высоты *collis exterior* (внѣшнія высоты, въ отличіе отъ внутреннихъ, занятыхъ римскими линіями). На другой день вся галльская конница, поддержанная стрѣлками, легкими войсками и позади нихъ всею пѣхотой, двинулась на западную равнину между двумя рѣчками. Цезарь, принявъ всѣ нужныя мѣры для обороны этой части линій, двинулъ всю свою конницу противъ галльской. Произошелъ упорнѣйшій бой, продолжавшійся отъ полудня до вечера, безъ особеннаго успѣха съ той и съ другой стороны. Но наконецъ германская конница общимъ, дружнымъ ударомъ сломила и опрокинула галльскую. Однако галлы не лишились бодрости и всю ночь готовились къ рѣшительному приступу къ той части циркумвалаціонной линіи, которая была обращена къ западной равнинѣ: приготавлили лѣстницы, фашины, косы и крючья для срыванія тына и т. п. и еще до разсвѣта двинулись на приступъ. Въ то же время и Верцингеториксъ произвелъ вылазку противъ частей контрвалаціонной линіи, расположенныхъ въ лощинахъ. Но тщетны были всѣ успія галловъ съ той и съ другой стороны, и съ восходомъ солнца галлы съ обѣихъ сторонъ отступили.

Только тогда внѣшніе галлы догадались, что они напали на самую сильную часть римскихъ линій, и послали знающихъ людей обзрѣть всю окрестность этихъ линій. Къ сѣверу отъ Алезин они нашли высокій холмъ, на вершинѣ котораго римскія войска не могли провести циркумвалаціонную линію и были вынуждены расположить ее на легкомъ скатѣ этого холма (между *Mennestreuxle-Pitois* и *Bussy-le-Grand*), такъ что вершина холма значительно господствовала надъ нею и весьма способствовала нападенію на нее. Вслѣдствіе того, въ слѣдующую же ночь для этого отправлены были 60 т. галльскихъ войскъ, подъ предводительствомъ одного изъ 4-хъ вождей, Вергасиллауна. Послѣдній, при восходѣ солнца, предпринялъ рѣшительное нападеніе, и въ то же время главныя силы галловъ развернулись въ боевомъ порядкѣ на равнинѣ противъ западной части римскихъ линій, а Верцингеториксъ произвелъ сильную вылазку изъ города и стремительно напалъ на рим-

скія линіи лѣвѣе Вергасиллауна, съ сѣверной стороны.

Самое сильное нападеніе было произведено со стороны Вергасиллауна и не безъ успѣха, такъ что римскія войска (легіоны Антистія и Кавинія) начинали уже уступать превосходству силъ. Цезарь послалъ имъ въ подкрѣпленіе Лабіена съ 6-ю когортами и приказаніемъ сдѣлать вылазку, еслибъ онъ не былъ въ состояніи ограничиться обороной, а противъ Верцингеторикса послалъ Брута (сына) съ 6-ю и легата Фабія съ 7-ю когортами, и самъ двинулся за ними съ другими подкрѣпленіями, и едва успѣлъ поддержать бой, такъ сильно напирали и упорно сражались галлы Верцингеторикса. Отсюда онъ обратился на подкрѣпленіе Лабіена, съ большимъ трудомъ удерживавшагося противъ Вергасиллауна, и приказалъ большей части своей конницы выйти изъ линій и напасть на атакующихъ галловъ Вергасиллауна съ тыла. Между тѣмъ и Лабіенъ успѣлъ притянуть къ себѣ 38 когортъ слѣва, изъ линій на равнинѣ, противъ которыхъ главныя силы галловъ стояли въ бездѣйствіи и не предпринимали ничего. Присоединивъ ихъ къ себѣ, Лабіенъ произвелъ вылазку одновременно съ конницей. Произошелъ упорнѣйшій бой, который римская конница рѣшила въ пользу римлянъ, нападеніемъ на галловъ съ тыла. Тогда Цезарь обратился со всѣми силами противъ Верцингеторикса. Послѣдній совершилъ чудеса храбрости, но, видя отраженіе Вергасиллауна и бездѣйствіе главныхъ силъ, былъ вынужденъ отступить и, собравъ свои войска, объявилъ, что они могутъ выдать его лично, если хотятъ сдаться на выгодныхъ условіяхъ. И они сдались, но были проданы въ рабство, а Верцингеториксъ взятъ въ плѣнъ и въ послѣдствіи, въ большомъ триумфѣ Цезаря въ Римѣ, слѣдовалъ за его побѣдной колесницей (что поставляютъ въ упрекъ Цезарю, не почтившему въ лицѣ Верцингеторикса героя, хотя и несчастливаго).

Такъ кончилась эта знаменитая осада Алезин, въ которой высокое искусство Цезаря и необычныя доблести римскихъ войскъ — съ одной стороны, и бездѣйствіе главныхъ силъ галльского вспомогательнаго войска, въ самую рѣшительную минуту, не смотря на необыкновенные подвиги мужества и храбрости, оказанные Вергасиллауномъ, Верцингеториксомъ и ихъ войсками — съ другой стороны, рѣшили судьбу не одной только Алезин и осады ея, но и цѣлой Галліи и войны въ ней. Осада Алезин окончательно сломила сопротивленіе галловъ, и хотя они пытались еще производить частныя возстанія, но главная сила ихъ уже была сокрушена, уничтожена — и черезъ годъ Галлія вполне покорилась римлянамъ.

Разсматривая вообще военные дѣйствія въ Галліи въ этомъ 7-мъ году войны въ ней, нельзя не замѣтить, что никогда, въ цѣлую эту войну, галлы не проявили такого необыкновеннаго напряженія силъ. Въ мѣсяцъ времени они собрали съ 40 племенъ, изъ числа всѣхъ 85, обитавшихъ въ Галліи, 240 т. войскъ, которыя, съ 80 т. обложенными въ Алезіи, составляли 320 т. чел., противъ 60 т. войскъ Цезаря—болѣе нежели въ 5 разъ болѣе! И положительно можно сказать, что только однѣ отличныя качества и доблести Цезаревыхъ войскъ и особенно высокія дарованія и искусство его самаго, а съ другой стороны недостатокъ согласія и умѣлости галловъ, спасли Цезаря и его армію отъ величайшей опасности. Какъ ни отлично были устроены имъ укрѣпленныя линіи, но еслибы главныя силы галловъ произвели рѣшительное нападеніе на нихъ съ запада, одновременно съ нападеніемъ Вергасиллауна съ сѣверозапада и Верцингеторикса съ сѣвера, то положеніе Цезаря и его арміи могло бы быть весьма опаснымъ и изъ осаждаващаго онъ могъ бы самъ обратиться въ осажденнаго. Но, въ концѣ концовъ, необыкновенныя: искусство его и мужество его войскъ одолѣли превосходную числомъ и храбрую, но дурно устроенную и управляемую вооруженную силу галловъ—и повели къ громаднымъ военнымъ и политическимъ результатамъ, какъ увидимъ ниже.

По этой причинѣ, вообще этотъ 7-й годъ войны Цезаря въ Галліи есть важнѣйшій и замѣчательнѣйшій изъ всѣхъ 8-ми, во всѣхъ отношеніяхъ, и стратегическомъ, и тактическомъ, и поліорцетическомъ. Особенно замѣчательны по искусству соображенія и исполненія: 1) движеніе Цезаря изъ нарбонской области чрезъ севенскія горы къ границамъ земель арверновъ и оттуда лично въ земли лингоновъ, гдѣ онъ сосредоточилъ свои войска на флангѣ и въ тылу Верцингеторикса; 2) движеніе его отъ Агендику къ Веллаунодуну, Генабу, Новіодуну и Аварику, который осадилъ и взялъ; 3) движеніе его отъ него по р. Элаверу къ Герговіи, которую осадилъ, а по снятіи осады ея—обратно черезъ р. Элаверъ и р. Лигеръ въ земли эдунтовъ и сенноновъ и къ Агендику, близъ котораго соединился съ Лабіеномъ; 4) движеніе его чрезъ земли лингоновъ въ земли секвановъ, для сближенія съ нарбонскою областю, и по разбитіи Верцингеторикса, преградившаго ему путь и отступившаго къ Алезіи—къ этому городу, который осадилъ, взялъ и тѣмъ положилъ конецъ походу и, можно сказать, всей войнѣ въ Галліи. Всѣ эти 4 движенія и дѣйствія во время ихъ одинаково замѣ-

чательны высокимъ искусствомъ, соображенія и исполненія.

Верцингеториксъ былъ въ этомъ году достойнымъ противникомъ Цезаря и изобличилъ замѣчательныя военныя дарованія, соединенныя съ качествами храбраго воина и искуснаго полководца. Особенно замѣчательныя планъ его—избѣгать боя съ Цезаремъ въ полѣ и выморить римскую армію голодомъ, опустошая край. Но затѣмъ онъ сдѣлалъ важную ошибку, отступивъ отъ этого плана и отважившись на открытый бой съ Цезаремъ, а бывъ разбитъ въ немъ, позволилъ осадить и взять себя въ плѣнъ въ Алезіи. Галлы проявили въ этомъ году чрезвычайное напряженіе силъ, выставивъ болѣе 300 т. войскъ, противъ 60 т. римскихъ, но, при всемъ своемъ нравственномъ возбужденіи и одушевленіи, не обладая хорошимъ военнымъ устройствомъ и тактическимъ образованіемъ, и главное—не имѣя надлежащихъ единства и согласія между собою, не могли одолѣть 60 т. отличнаго римскаго войска, храбраго, превосходно устроеннаго, опытнаго, закаленнаго въ трудахъ и бояхъ, и предводимаго такимъ великимъ полководцемъ, какъ Цезарь, и принуждены были покориться. Такимъ образомъ превосходство отлично устроеннаго, хотя и слабѣйшаго числомъ, римскаго войска и высокое искусство его полководца, вполне восторжествовали надъ неустроеннымъ, хотя и превосходнымъ въ силахъ, храбрымъ и предводимымъ искуснымъ вождемъ, народнымъ ополченіемъ, словомъ—искусство вполне восторжествовало надъ простою, грубою силою.

По взятіи Алезіи Цезаремъ, всѣ возставшія галльскія племена снова покорились ему и онъ расположилъ свою армію на зимнихъ квартирахъ. Лабіена съ 2-мя легіонами и всею конницею онъ послалъ въ земли секвановъ (Franche-Comté) на востокъ, — Фабіи и Минуція Базилія съ 2-мя легіонами—въ земли ремовъ (Rheims) на сѣверо-востокъ, — Антистія Регина съ 1 легіономъ—въ земли эдунтовъ и боіевъ (Nivernais), Сексія съ 1 легіономъ—въ земли битурговъ (Berry), тѣхъ и другихъ—въ срединѣ Галліи, Канинія съ 1 легіономъ—въ земли на нижней Гарумнѣ (нынѣ Гаронна, въ Rouergue) на юго-западѣ, а Цицерона и Суллиція, для сбора продовольствія, перваго—въ Кабиллонѣ (Chalons-sur-Saône), а втораго—въ Матиско (Macon), на р. Арарѣ (Саонѣ). Такимъ образомъ онъ расположилъ главныя свои силы на востокъ, сѣверовостокъ и въ срединѣ Галліи, а часть силъ (1 легіонъ) на югозападѣ; самъ же лично расположился въ Бибрактѣ (Autun).

§ 34.

8-й и послѣдній годъ войны въ Галліи. (51).

Новое возстаніе галловъ; — дѣйствія Цезаря противъ битуриговъ, карнутовъ и белловаковъ.

Цезарь желалъ и надѣялся дать своей арміи необходимый ей отдыхъ на зимнихъ квартирахъ, послѣ перенесенныхъ ею въ 52 г. трудовъ. Но въ началѣ зимы онъ узналъ, что галлы замыслили новое возстаніе, на другихъ, нежели въ 52 г., основаніяхъ. Именно — они полагали, что еслибы общія, соединенныя силы ихъ и не были въ состояніи сопротивляться Цезарю, то армія его во всякомъ случаѣ была бы поставлена въ большое затрудненіе, еслибы война вспыхнула снова въ нѣсколькихъ различныхъ мѣстахъ Галліи въ одно время, что не позволило бы Цезарю имѣть достаточно времени, ни войскъ, ни взаимной связи между ними, для того, чтобы вездѣ одолѣть галловъ. При этомъ послѣдніе надѣялись, что ни одно изъ ихъ племенъ не откажется отъ необходимыхъ жертвъ для восстановления своей прежней независимости. Такого рода планъ галловъ могъ бы быть очень опаснымъ для Цезаря и его арміи, еслибы между галлами было единство, согласіе и искусный предводитель, такой, на примѣръ, какимъ былъ Верцингеториксъ. Но какъ ни того, ни другаго, ни третьяго, не было, то планъ галловъ могъ только окончиться неудачей, къ большому еще вреду для нихъ. Притомъ, пока они еще только замыслили это и готовились къ тому, Цезарь, узнавъ объ этомъ, немедленно рѣшился быстро предупредить исполненіе ими своихъ замысловъ. Поручивъ своему квестору М. Антонію охраненіе зимнихъ квартиръ, онъ быстро двинулся въ послѣдній день 52 года съ конницей изъ Бибракты (Autun) въ земли битуриговъ (Berry), гдѣ былъ расположенъ 12-й легіонъ. Притянувъ къ себѣ ближайшій 11-й легіонъ и оставивъ 2 когорты для охраненія тутъ зимнихъ квартиръ, онъ быстро двинулся внутрь земель битуриговъ, запретивъ своей конницѣ жечь жилища жителей, какъ для того, чтобы этимъ расположить послѣднихъ къ себѣ, такъ и для того, чтобы самому себѣ не затруднить способовъ продовольствованія въ краю. Вступленіе его въ земли битуриговъ было такъ внезапно и неожиданно, что битуриги, вовсе неготовые еще къ возстанію, и не помышляя о сопротивленіи, а искали только спасенія въ бѣгствѣ. Но Цезарева конница, разсѣясь по всему краю, часть бѣ-

жавшихъ перехватила, а другой отрѣзала всѣ пути въ земли сосѣднихъ племенъ. Такимъ образомъ, безъ боя и кровопролитія, Цезарь защитилъ и поддержалъ приверженцовъ римлянъ, а на противниковъ послѣднихъ навелъ такой страхъ, что они покорились ему, выдали заложниковъ и встрѣтили со стороны Цезаря великодушное и кроткое обращеніе съ ними. Это такъ подѣйствовало на всѣ сосѣдственныя племена (боіевъ, эдуитовъ, мандубіевъ и др.), что и они послѣдовали примѣру битуриговъ и все было кончено въ самое короткое время.

Затѣмъ Цезарь выдалъ своимъ войскамъ чрезвычайныя денежныя награды (по 200 сестерцій или около 15 рублей каждому рядовому воину и по 2000 сестерцій или около 150 рублей каждому центуріону), за необыкновенныя усилія и труды ихъ въ предъидущія осень и зиму, и распустилъ ихъ по квартирамъ, а самъ возвратился въ Бибракту на 40-й день по выступленіи изъ нея.

Но уже 18 дней спустя (въ концѣ февраля 51 года) битуриги прислали къ нему просить его помощи противъ карнутовъ (Chartres). Немедленно притянувъ къ себѣ 6-й и 14-й легіоны Цицерона и Сулпиція изъ Кабиллона (Chalons) и Матиско (Maison) на р. Араръ (Saône) въ земляхъ секвановъ, онъ двинулся съ ними въ земли карнутовъ. Послѣдніе бѣжали изъ своихъ городовъ и селеній, и съ большимъ трудомъ искали чѣмъ прокормиться въ это, еще суровое, время года. Расположивъ свою тяжелую пѣхоту въ Генабумъ (Orléans), Цезарь приказалъ легкой пѣхотѣ и конницѣ пройти чрезъ земли карнутовъ по всѣмъ направленіямъ, и такъ какъ они нигдѣ не встрѣтили сопротивленія, то оставилъ оба легіона, подъ начальствомъ легата Требонія, въ земляхъ карнутовъ, а самъ отправился въ Дурокорторъ (Rheims), въ земляхъ ремовъ. Причиной этого было то, что онъ получилъ отсюда извѣстія о сборѣ белловаками (Beauvais въ Beauvoisis, къ с. з. отъ Парижа), однимъ изъ храбрѣйшихъ племенъ, вмѣстѣ съ ихъ сосѣдями, ополченія подъ предводительствомъ белловака Коррея и атребата (Arras) Коммія, съ цѣлю нападенія на союзное съ ремами племя суэссоновъ (Soissons). Такъ какъ ремы были со-

жизнниками римлянъ и оказали имъ большія услуги, то Цезарь счелъ долгомъ поспѣшить на ихъ защиту. Вторично притянувъ къ себѣ 11-й легионъ, а также одинъ изъ легионовъ Лабіена, онъ двинулся съ ними къ границамъ земель белловаковъ, а легату Фабію съ его 2-мя легионами приказалъ идти къ границамъ земель суэссоновъ. Остановившись на границахъ земель белловаковъ, онъ послалъ въ эти земли свою конницу для развѣданія и узналъ отъ нея, что белловаки, покинувъ всѣ свои жилища и оставивъ въ нихъ только неспособныхъ сражаться людей для наблюденія за римлянами, сами, со всѣми соседними племенами, въ составъ общаго союзнаго ополченія изъ всѣхъ способныхъ сражаться людей, расположились на одной горѣ, окруженной болотами, а тяжести свои скрыли въ ближайшихъ лѣсахъ. Кроме того Цезарь узналъ, что союзные галлы имѣли многихъ вождей, возбудившихъ ихъ къ возстанію, но что изъ нихъ Коррей былъ главнымъ, а Коммій отправился за вспомогательными войсками германцовъ; и наконецъ, что вожди галловъ единогласно положили: въ случаѣ, если у Цезаря было, какъ они полагали, только 3 легиона, то вступить съ нимъ въ бой, если же болѣе 3-хъ легионовъ, то оставаться въ своемъ лагерѣ и отрѣзать Цезарю всѣ способы добыванія продовольствія и фуража, которые безъ того въ это время года ему очень трудно было добывать. Изъ всѣхъ этихъ свѣдѣній Цезарь заключилъ, что возставшіе галлы составили очень разумный и съ ихъ положеніемъ сообразный планъ дѣйствій. Поэтому онъ положилъ на немъ самомъ основать собственныя свои дѣйствія и, выдвинувъ впередъ только 3 изъ своихъ 4-хъ легионовъ, тѣмъ побудить галловъ къ нападенію на него. Вслѣдствіе того онъ двинулъ впередъ 7-й, 8-й и 9-й легионы, составленные изъ старыхъ и опытныхъ войскъ и на которые онъ могъ вполнѣ положиться,—за ними всѣ тяжести, а за тяжестями въ самомъ хвостѣ 11-й легионъ, составленный изъ отборныхъ молодыхъ воиновъ. Всѣмъ старшимъ частнымъ начальникамъ войскъ онъ сообщилъ и объяснилъ свои намѣренія и далъ согласныя съ тѣмъ приказанія.

Галлы, не ожидавшіе его наступленія, взялись за оружіе, но не вышли изъ своего лагеря. Цезарь же, найдя его очень выгодно и сильно расположеннымъ, сталъ противъ него также въ весьма сильно укрѣпленномъ лагерѣ, съ валомъ въ 12 футовъ вышины, 2-мя рвами въ 15 футовъ ширины и глубины и съ многими 3-хъ-ярусными башнями, которыя соединялись мостами и крытыми ходами. Устройствомъ такихъ сильныхъ укрѣпленій онъ имѣлъ цѣлю показать галламъ видъ, будто очень озабоченъ

обезпеченіемъ себя, но вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствительно усилить свою небольшую армию противъ превосходнаго числомъ и силой непріятеля и надежнее производить около лагеря фуражировки.

Въ такомъ расположеніи обѣ стороны оставались нѣсколько времени, ведя съ перемѣннымъ успѣхомъ малую войну между обоими лагерями. Успѣхи, пріобрѣтенныя галлами, какъ при этомъ, такъ особенно противъ римскихъ фуражировъ и прикрывавшей ихъ, галльской союзной конницы, и прибытіе Коммія съ 500 чел. германской конницы—все это возбудило въ галлахъ чувство гордости и увѣренности въ успѣхѣ, но не надолго. Цезарь, видя, что ему нельзя было ни атаковать, ни обложить галловъ въ ихъ лагерѣ, приказалъ легату Требонію присоединить къ себѣ 13-й легионъ легата Сексція и съ 3-мя легионами усиленными переходами присоединиться къ нему, Цезарю. А между тѣмъ, въ одномъ изъ ежедневныхъ частныхъ дѣлъ съ обѣихъ сторонъ, отрядъ германской пѣхоты, вызванной Цезаремъ изъ-за Рейна, имѣлъ смѣлость перейти въ бродъ черезъ болото и преслѣдовать галловъ до самаго ихъ лагеря, а это произвело въ немъ на всѣхъ галловъ чувство безпокойства и страха. Вскорѣ затѣмъ вѣсть о приближеніи Требонія съ его легионами еще болѣе усилила это чувство и заставила галловъ, изъ опасенія одинаковой съ жителями и войсками Алезинъ участи, помышлять уже только о скорѣйшемъ удаленіи своемъ. Выславъ до разсвѣта впередъ всѣхъ своихъ стариковъ и больныхъ и всѣ свои тяжести, они утромъ двинулись за ними изъ своего лагеря, оставивъ впереди его нѣсколько войскъ для прикрытія своего отступленія и задержанія римлянъ.

Цезарь приказалъ тотчасъ навести черезъ болото мосты, двинулъ черезъ нихъ легионы на гору, гдѣ былъ расположенъ лагерь галловъ, и слѣдовалъ далѣе въ боевомъ порядкѣ. Галлы, не смѣя въ виду его продолжать отступленія, остановились, въ намѣреніи обороняться въ случаѣ его нападенія, а Цезарь съ своей стороны разбилъ лагерь и выстроилъ войска свои впереди его въ боевомъ порядкѣ. Тогда галлы прибѣгли къ хитрости: собрали всѣ имѣвшіеся у нихъ запасы соломы и фашины, размѣстили и зажгли ихъ впереди всего фронта своего лагеря и, подъ прикрытіемъ огня и дыма ихъ, ночью отступили со всею возможною поспѣшностью.

Цезарь, узнавъ объ этомъ, послалъ вслѣдъ за ними всю свою конницу, но съ большими предосторожностями, и самъ съ пѣхотой двинулся вслѣдъ за конницей. Галлы, отступая быстро, нежели римскія войска слѣдовали за ними, скорѣ снова располо-

жились въ весьма выгодной позиціи, поставивъ части своей пѣхоты и конницы въ разныхъ мѣстахъ скрытно въ засады.

Вскорѣ Цезарь узналъ, что Коррей съ 6,000 челов. пѣхоты и 1,000 челов. конницы отборныхъ войскъ скрытно расположился въ засадѣ въ такомъ мѣстѣ, куда полагалъ, что римляне вышлютъ фуражировъ, такъ какъ въ этомъ мѣстѣ было большое обиліе въ продовольствіи и фуражѣ. Вслѣдствіе того Цезарь двинулъ впередъ конницу съ стрѣлками, для прикрытія фуражировъ, и самъ съ легіонами послѣдовалъ за конницей. Последняя вскорѣ открыла галловъ на окруженной лѣсомъ полянѣ, шаговъ въ тысячу длины и ширины и ограниченной глубокою рѣчкой. Римская конница двинулась противъ галловъ, а римская пѣхота со всѣхъ сторонъ на поляну. Коррей сначала показался только съ частию своихъ войскъ и напалъ на римскую конницу, которая оборонялась, но не отступила. Тогда Коррей выступилъ изъ своей засады со всѣми своими войсками и принудилъ римскую конницу къ отступленію. Римскіе стрѣлки поспѣшили на помощь ей и бой, сдѣлавшись общимъ, продолжался безъ рѣшительнаго успѣха до тѣхъ поръ, пока Цезарь не прибылъ съ легіонами. Тогда Коррей положилъ отступить, но нашелъ всѣ пути къ отступленію уже отрѣзанными, и войска его бросились во всѣ стороны въ разсыпную, но были преслѣдованы и почти всѣ истреблены, а самъ Коррей, не хотѣвшій ни уступить, ни сдаться, защищался съ отчаяніемъ и былъ убитъ.

Затѣмъ Цезарь перешелъ черезъ рѣчку и двинулся прямо противъ лагеря галловъ, расположеннаго въ одномъ переходѣ. Туда уже достигла вѣсть о пораженіи и смерти Коррея, и возставшіе галлы, видя, что не могутъ долѣе сопротивляться Цезарю, отправили къ нему пословъ съ изъявленіемъ покорности и просьбы о пощадѣ и заложниковъ въ вѣрности. Коммій же бѣжалъ въ Германію.

Цезарь, объявивъ имъ, что они сами были виновниками всѣхъ бѣдствій и золъ, постигшихъ Галлію въ предъидущемъ и этомъ годахъ, не смотря на то простилъ ихъ, а затѣмъ всѣ другія возставшія племена послѣдовали примѣру белловаковъ и также изъявили покорность.

Тогда Цезарь могъ уже считать себя вполне побѣдителемъ галловъ, такъ какъ ни одно изъ племенъ ихъ уже не могло, казалось, помышлять о возстаніи и сопротивленіи. А потому онъ размѣстилъ свою армію по квартирамъ, квестора М. Антонія съ 11-мъ легіономъ оставилъ въ главной квартирѣ Бибрактѣ,—Фабія съ 25 когортами послалъ въ Рутенію (Rouergue), гдѣ, какъ извѣстно было, нѣкоторые племена были въ вооруженіи и легатъ Каниній Ребилъ съ 2-мъ легіонами былъ недостаточно силенъ для удержанія ихъ въ повиновеніи, а легата Лабіена съ 12-мъ легіономъ — въ римскія колоніи въ верхней или сѣверной Италіи, для охраненія ихъ отъ вторженія пограничныхъ народовъ.

§ 35.

Движеніе Цезаря въ земли Амбіорикса и разореніе ихъ;—дѣйствія легатовъ Фабія и Канинія;—осада Дивоны или Кадурки;—дѣйствія Цезаря въ Аквитаніи (51).

Сдѣлавъ эти распоряженія, самъ Цезарь двинулся во владѣнія Амбіорикса, земли его разорилъ огнемъ и мечомъ, а жителей частью истребилъ, частью увелъ въ плѣнъ и обратилъ въ рабство. Причинами такого жестокаго, безчеловѣчнаго и притомъ ненужнаго поступка Цезаря, Гирцій Панза, продолжатель его записокъ, приводитъ то, что Цезарь, будто бы, былъ побужденъ къ такому поступку бѣгствомъ Амбіорикса, невозможностью вслѣдствіе того принудить его къ покорности и необходимостью разорить его владѣнія такъ, чтобы даже въ случаѣ возвращенія своего онъ нашелъ вмѣсто нихъ одну пустыню и не могъ водвориться въ нихъ. Вѣрно или невѣрно это показаніе Гирція Панзы — неизвѣстно: во всякомъ случаѣ фактъ жестокаго и совершеннаго разоренія владѣній Амбіорикса Цезаремъ не подлежитъ сомнѣнію, и чести

Цезарю не приноситъ. Какъ бы ни были виновны Амбіориксы въ жестокомъ поступкѣ своемъ съ легатами Цезаря Сабинномъ и Коттой и вообще въ крайне враждебныхъ дѣйствіяхъ своихъ въ отношеніи къ римлянамъ, но онъ былъ врагомъ, а не подданнымъ ихъ, и отмыщеніе ему лично не могло и не должно было простираться на безвинныхъ жителей его владѣній. Но въ языческой древности вообще и въ эти времена въ частности, даже со стороны такого человека, какъ Цезарь—также язычника, такого рода соображенія новѣйшихъ временъ, разумѣется, не могли имѣть мѣста. За всѣмъ тѣмъ даже въ эти времена и со стороны Цезаря, неразъ оказывавшаго великодушіе къ побѣжденнымъ или беззащитнымъ врагамъ, разореніе имъ владѣній Амбіорикса ничѣмъ не можетъ быть оправдано.

Совершивъ это, Цезарь притянулъ къ

себѣ Лабіена, еще не успѣвшаго исполнить своего порученія, и послалъ его съ 2-мя легіонами въ земли тревировъ, столь дикихъ, грубыхъ и воинственныхъ, что ихъ не иначе можно было содержать въ покорности, какъ силою оружія.

Между тѣмъ легатъ Каниній Ребилъ двинулся на помощь приверженцу римлянъ Дурацію, осажденному въ городѣ Лимонѣ, въ земляхъ пиктовъ или пиктоновъ (нынѣ Poitiers въ Poitou), многочисленнымъ галльскимъ войскомъ подъ предводительствомъ Думнака изъ города Андеави въ земляхъ андовъ (нынѣ Angers въ Anjou). Думнакъ обратился противъ Канинія, но былъ съ урономъ отраженъ имъ и снова осадилъ Лимонъ. Но движеніе на помощь этому городу, Дурацію и Канинію легата Фабія принудило Думнака снять осаду и отступить за р. Литеръ (Луару). Фабій, еще не соединясь съ Каниніемъ, двинулся вслѣдъ за Думнакомъ прямо къ мѣсту переправы его черезъ Литеръ, успѣлъ настигнуть хвостъ его войска и нанесъ ему большой уронъ. Въ слѣдующую ночь онъ живо и сильно преслѣдовалъ Думнака своею конницею. Во время долгаго и жаркаго боя съ послѣднею, Думнакъ велѣлъ всей своей пѣхотѣ поспѣшно отступать, но по прибытіи самаго Фабія съ легіонами былъ опрокинутъ, а войска его разсѣяны, преслѣдованы конницею и потеряли до 12,000 чел. убитыми и плѣнными и всѣ свои тяжести.

5,000 человекъ спасшихся при этомъ случаѣ присоединились къ толпамъ рабовъ, изгнанниковъ, воровъ и разбойниковъ, подъ предводительствомъ нѣкоего Драппа изъ города Агендика (н. Sens), и вмѣстѣ съ ними и съ такими же толпами Луктерія изъ города Дивонъ или Кадурки въ земляхъ кадурковъ (нынѣ Cahors въ Guyenne) двинулись въ римскую нарбонскую Галлію. Каниній преслѣдовалъ ихъ съ своими 2-мя легіонами, Фабій же пошелъ въ земли карнутовъ (Chartres) и сосѣднихъ съ ними племенъ, поддерживавшихъ Думнака. Карнуты покорились Фабію и дали заложниковъ, а ихъ примѣру послѣдовали и племена Арморикки, на берегахъ океана, Думнакъ же спасся бѣгствомъ на границы Галліи. А Драппъ и Луктерій, быстро преслѣдуемые и сильно тѣснимые Каниніемъ, не могли, какъ хотѣли, вторгнуться въ нарбонскую Галлію и были принуждены запереться въ Дивонѣ или Кадуркѣ, гдѣ имѣли многихъ приверженцовъ. Почти неприступное мѣстоположеніе этого города на высокой и крутой горѣ не позволило Канинію немедленно взять его ни открытою силою, ни осадой, но заставило обложить его кругомъ контръ-валаціонною линіей, соединявшею 3 укрѣпленные лагеря на трехъ сосѣднихъ высокихъ горахъ. Драппъ и Луктерій, опасаясь участи Алезіи, оставили часть войскъ

въ Дивонѣ, а съ главными силами вышли на большую фуражировку, для сбора продовольствія и фуража. По окончаніи этой фуражировки, Драппъ съ частію войскъ остался въ своемъ лагерѣ, а Луктерій съ другою частію, раздѣленною на нѣсколько мелкихъ отрядовъ, сталъ по ночамъ и по частямъ препровождать повозки съ продовольствіемъ и фуражомъ, небольшими лѣсными дорогами, въ Дивонъ. Но римскія передовыя стражи, услыжавъ шумъ движенія повозокъ, подняли тревогу и Каниній съ караульными когортами напалъ на Луктерія, обратилъ его въ бѣгство лишь съ немногими изъ его войскъ и, оставивъ по легіону въ каждомъ изъ трехъ лагерей своихъ, самъ со всѣми остальными войсками двинулся противъ Драппа, выславъ впередъ всю свою конницу и германскую пѣхоту. Эти конница и пѣхота внезапно напали на Драппа и завязали съ нимъ бой, а прибывшій вслѣдъ затѣмъ легіонъ Канинія занялъ вокругъ лежавшія высоты—и Драппъ былъ разбитъ на голову и взятъ въ плѣнъ съ остатками своихъ войскъ. Затѣмъ Каниній воротился къ Дивонѣ и продолжалъ укрѣпленіе своихъ лагерей и линій. А на другой день къ нему присоединился Фабій съ своими войсками.

Между тѣмъ Цезарь, оставивъ квестора своего М. Антонія въ земляхъ белловаковъ (Beauvais, dépt. de l'Oise), для наблюденія за бельгами, отправился въ разныя мѣстности Галліи, для обозрѣнія ихъ и населеній ихъ, и вездѣ бралъ заложниковъ. Въ земляхъ карнутовъ (Chartres), возобновившихъ войну, онъ потребовалъ только выдачи ему главнаго зачинщика и предводителя возстанія, Гутурвата, и по выдачѣ его, по словамъ Гирція Панзы, былъ вынужденъ подвергнуть его тѣлесному наказанію прутьями, а потомъ казни отсѣченіемъ головы, для справедливаго тѣмъ удовлетворенія мести римскихъ войскъ за всѣ претерпѣнныя ими несчастія и уронъ.

Здѣсь онъ узналъ о дѣйствіяхъ Канинія и Фабія противъ Драппа и Луктерія, и хотя пренебрегалъ этими послѣдними, однако призналъ нужнымъ какъ можно скорѣе покончить съ ними, дабы не оставлять въ галлахъ надежды и даже мысли о возможности еще сопротивленія съ ихъ стороны, гдѣ бы то ни было. А потому онъ двинулся со всею своею конницею на соединеніе съ Каниніемъ и Фабіемъ, а легату Калену съ 2-мя легіонами приказалъ слѣдовать за собою малыми переходами.

При этомъ слѣдуетъ замѣтить вообще, что хотя Цезарь былъ очень занятъ военными дѣйствіями въ Галліи, и необходимыми гражданскими дѣлами и распоряженіями въ ней и въ прочихъ управляемыхъ имъ областяхъ (нарбонской и цизальпинской Галліи и Иллиріи), и хотя имѣлъ подъ своимъ началь-

ствомъ многихъ искусныхъ, испытанныхъ и довѣренныхъ легатовъ, однако, въ случаяхъ мѣстныхъ возстаній въ Галліи, предпочиталъ немедленно обращаться туда самому, сосредоточивать нужное число войскъ, управлять военными дѣйствіями, ускорять ихъ и личнымъ, нравственнымъ вліяніемъ своимъ на возставшихъ галловъ скорѣе и рѣшительнѣе одерживать надъ ними успѣхъ. Такого рода образъ дѣйствій его много способствовалъ къ скорѣйшему, окончательному и полному усмирению и покорению Галліи, объясняетъ также наблюдаемую имъ систему сочетанія кротости и строгости въ отношеніи къ мѣстновозстававшимъ галламъ, и наконецъ изобличаетъ въ самомъ Цезарѣ такіа: хладнокровную, здравую разсудительность, силу и присутствіе духа, смѣлость, отважность и вѣру въ свое счастье, въ какихъ онъ не уступаетъ ни одному изъ великихъ полководцевъ древности.

Къ Дивонѣ онъ прибылъ совершенно неожиданно, когда и лагери, и контръ-валаціонная линія уже были совершенно укрѣплены и докопаны. Узнавъ, что въ Дивонѣ не было недостатка въ продовольствіи, онъ предпринялъ отрѣзать ей воду изъ рѣки, обтекавшей почти вокругъ всей горы, на которой была расположена Дивона. Не смотря на то, что это было очень трудно, Цезарь успѣлъ въ томъ, расположивъ стрѣлковъ, пращниковъ и метательныя орудія такъ, что они обстрѣливали единственную дорогу, по которой осажденные могли спускаться къ рѣкѣ для добыванія въ ней воды. Но затѣмъ оставался еще одинъ родникъ воды у подошвы городской стѣны, въ томъ мѣстѣ ея, гдѣ рѣка не обтекала горы. Дабы отрѣзать и этотъ родникъ, Цезарь приказалъ произвестъ чрезвычайно трудныя земляныя и деревянныя работы для всхода войскъ въ этотъ мѣстѣ на гору, подъ прикрытіемъ деревянныхъ щитовъ (блиндажей) и высокаго укрѣпленія (кавалера), съ 10-ти-ярусною деревянною башней на немъ, хотя и не превышавшею городской стѣны, но господствовавшей надъ родникомъ и обстрѣливавшей его метательными орудіями. Эти громадныя и необыкновенно трудныя работы были исполнены съ полнымъ успѣхомъ. Доведенные жаждой до крайности, осажденные старались сжечь римскія деревянныя постройки горючими веществами, произвели вылазку и разрушили значительную часть работъ осаждавшихъ. Но римскія войска исправили и продолжали ихъ, и наконецъ совершенно отвели воду изъ родника и тѣмъ принудили осажденныхъ сдаться. Цезарь счелъ нужнымъ примѣрно строго наказать ихъ, такъ чтобы этимъ навести страхъ на галловъ и заставить ихъ навсегда отказаться отъ всякой мысли о возстаніи. Поэтому

всѣмъ вооруженнымъ жителямъ Дивоны онъ приказалъ отрубить руки, Драпшъ самъ добровольно избралъ для себя голодную смерть, а Луктерій, схваченный и выданный Цезарю позже, былъ казненъ.

Между тѣмъ Лабіенъ разбилъ въ конномъ бою тревировъ и сосѣднихъ съ ними германцовъ и взялъ въ плѣнъ вождей ихъ.

Послѣ всѣхъ этихъ счастливыхъ успѣховъ, Цезарь двинулся съ 2-мя легіонами въ Аквитанію (Guyenne, въ югозападной Франціи), гдѣ еще не бывалъ и часть которой уже покорилъ легатъ П. Крассъ. Здѣсь всѣ племена выслали пословъ и заложниковъ, и Цезарь съ конницей отправился въ Нарбонну, а армию свою въ Галліи размѣстилъ на зимнихъ квартирахъ: М. Антонія, Требонія, Ватинія и Кв. Туллія съ 4-мя легіонами—въ бельгійской Галліи, 2 легіона—въ земляхъ Бибракты (Autun), 2 легіона—на границахъ земель карнутовъ и турановъ, близъ р. Лигера (Луары), а 2 остальные легіона—въ земляхъ лемовиковъ (Limousin), близъ арверновъ (Auvergne).

Въ нарбоннской Галліи Цезарь провелъ только нѣсколько дней, въ продолженіи которыхъ посѣтилъ сосѣдственныя племена, производя между ними судъ и расправу, прекращая распри между ними и награждая оказавшихъ римлянамъ услуги. Затѣмъ онъ отправился въ гор. Неметукъ въ земляхъ атребатовъ (нынѣ Arras), гдѣ и провелъ зиму съ 51-го на 50-й годъ.

Главною заботой его теперь было содержать галловъ въ наилучшихъ отношеніяхъ къ римлянамъ, дабы, съ предстоящимъ прекращеніемъ управленія его Галліями, избѣжать всякихъ насильственныхъ мѣръ. Согласно съ тѣмъ онъ и поступалъ съ покоренными племенами, не обременялъ ихъ новыми налогами, вождей ихъ ласкалъ и дарилъ и т. п. и этимъ вполне достигъ своей цѣли. Весною же 50-го года онъ отправился въ сѣверную Италію и посѣтилъ всѣ главные города ея—съ политическою цѣлію, дабы умножить число своихъ приверженцевъ и противудѣйствовать своимъ врагамъ и партіи Помпѣя въ Римѣ. Повсюду онъ былъ встрѣчаемъ, какъ побѣдитель и триумфаторъ, всемъ народонаселеніемъ, съ торжественными празднествами и выраженіями уваженія и преданности. Затѣмъ онъ поспѣшно воротился въ Неметукъ, собралъ легіоны Лабіена къ главному городу тревировъ (Trier), произвелъ имъ смотръ, назначилъ Лабіена, довѣреннѣйшаго изъ своихъ легатовъ, правителемъ сѣверной Италіи, и затѣмъ снова отправился въ послѣднюю, въ городъ Равенну, дабы быть какъ можно ближе къ Риму и слѣдить за всѣмъ происходившимъ въ немъ.

ГЛАВА VII.

ОБЩИЙ ВЗГЛЯДЪ НА ВОЙНУ ЦЕЗАРЯ

ВЪ ГАЛЛІИ И НА ОБРАЗЪ И ИСКУСТВО ВЕДЕНІЯ ИМЪ ОНОЙ *).

§§ 36—37. Война Цезаря въ Галліи въ военно-политическомъ и стратегическомъ отношеніяхъ.—
 §§ 38—40. Образъ и искусство веденія Цезаремъ войны въ Галліи. — Дѣйствія стратегическія.—
 §§ 41—43. Тактическія: дѣйствія Цезаря и устройство его войскъ въ Галліи.—§§ 44—45. Полевая
 фортификація и поліорцетика.—§ 46. Заключение.

Источники и историческія пособія: Коментаріи Цезаря, Turpin de Crissé, Guichard, Napoléon I, Lossau, Rüstow,
 K. F. Untersuchungen etc. и пр. указаны выше.

§ 36.

Война Цезаря въ Галліи—въ военно-политическомъ отношеніи.

Разсматривая войну Цезаря въ Галліи, въ общей ея совокупности—прежде всего въ военно-политическомъ отношеніи и принявъ въ соображеніе все, что было сказано выше о Цезарѣ, особенно со времени назначенія его въ 59 г. консуломъ, съ присвоенными ему правами и обязанностями, слѣдовало бы, кажется, заключить, что Цезарь былъ законно обязанъ только защищать сѣверные предѣлы ввѣренныхъ ему областей римской республики отъ нападеній галловъ, гельветовъ и германцовъ—народовъ независимыхъ и въ то время не только не враждебныхъ явно и открыто римлянамъ, но отчасти даже союзныхъ съ ними (эдуи и Ариовисты). Но могла-ли въ то время въ Римѣ быть, не только рѣчь, но даже мысль о законности, правѣ и справедливости? Римъ былъ тогда въ полной власти трехъ честолюбцовъ—Помпея, Красса и особенно Цезаря, изъ которыхъ каждый въ тайнѣ стремился къ нераздѣльной, неограниченной, верховной власти, безъ сомнѣнія (какъ у всѣхъ подобнаго рода честолюбцовъ) единственно на общую пользу республики и народа римскихъ! У Цезаря въ особенности эта мысль вполне созрѣла съ самой молодости и была главною, постоянною его цѣлію. Все прочее, безъ разбора, должно было служить ему средствомъ

къ достиженію ея, но въ особенности—армія и война. Одна должна была служить другой: армія—вести и расширить войну, а война—образовать и усилить армію. Поэтому Цезарь ничего такъ не желалъ, какъ войны—и случай-ли, или необыкновенное счастье его, въ это самое время побудили гельветовъ исполнить задуманное ими еще въ 61-мъ году переселеніе изъ Гельвеціи въ юго-восточную трансальпийскую Галлію, на предѣлы римской нарбоннской провинціи. Это немедленно доставило Цезарю желанный имъ и вполне законный поводъ къ войнѣ съ гельветами, которыхъ ему ни въ какомъ случаѣ невозможно было и не слѣдовало пропускать въ трансальпийскую Галлію, для водворенія въ ней. Счастливая звѣзда Цезаря повела одинъ рядъ благоприятныхъ для него обстоятельствъ за другимъ. Отраженные на Роданѣ, гельветы двинулись чрезъ земли союзныхъ съ римлянами эдуевъ, а они, и съ ними союзники ихъ амбарры и аллоброги, призвали Цезаря на помощь! И такъ, съ перваго же шага въ Галліи цизальпийской и трансальпийской, Цезарь является вполне законнымъ защитникомъ и римскихъ предѣловъ, и римскихъ союзниковъ. Послѣ пораженія гельветовъ при Бибрактѣ, принятія ихъ покорности и принужденія ихъ воротиться въ

*) Въ оглавленіи предыдущей гл. VI по ошибкѣ означенъ § 36. Общій выводъ о войнѣ Цезаря въ Галліи и объ образѣ и искусствѣ веденія имъ оной.

Гельвецію, казалось бы, что законная цѣль войны съ ними была достигнута, предѣлы и союзники римскіе были обезпечены и Цезарю болѣе не было законныхъ причинъ и поводовъ къ войнѣ въ Галліи. Но счастье Цезаря снова представило ихъ ему—въ призваніи Аріовиста съ германцами изъ-за Рейна на помощь секванамъ и арвернамъ, а Цезаря эдуюмъ. Хотя Аріовистъ былъ такой же союзникъ римлянъ, какъ и эдуи, по наложеніе имъ дани на секвановъ, арверновъ и эдуювъ и завладѣніе имъ $\frac{1}{3}$ земель ихъ, заставили всѣ эти три племена призвать на помощь Цезаря. Ничто не могло болѣе соответствовать какъ законнымъ, такъ и личнымъ, тайнымъ побужденіямъ Цезаря идти на помощь эдуюмъ, секванамъ и арвернамъ, а вслѣдъ за тѣмъ и тревирамъ, противъ Аріовиста и за-рейнскихъ германцовъ. Разбивъ Аріовиста и отразивъ германцовъ, какъ и передъ тѣмъ гельветовъ, отъ предѣловъ Галліи, Цезарь въ два похода въ 1-й годъ своего управленія столько же законно, сколько блистательно, исполнилъ свой долгъ—охранителя предѣловъ римскихъ и союзныхъ съ Римомъ галльскихъ племенъ.

Но уже съ слѣдующаго 2-го года войны все измѣняется. Если вѣрить самому Цезарю въ его комментаріяхъ, всѣ послѣдующія причины и поводы къ войнѣ съ разными племенами Галліи были вполне согласны съ интересами и истинною политикою Рима и слѣдовательно вполне законны и справедливы. Но вѣрить въ этомъ Цезарю трудно или по крайней мѣрѣ можно лишь на сколько эти причины и поводы были согласны съ его личными интересами, видами и побужденіями. Для нихъ, война Цезаря съ разными племенами Галліи была необходима—и первый случай къ тому представился (по словамъ Цезаря) въ составленіи—будто бы—бельгами и многими кельтическими галлами наступательно-оборонительнаго союза противъ римлянъ, что побудило Цезаря (по его же словамъ) предупредить ихъ внесеніемъ войны въ собственныя ихъ земли. А это, въ военно-политическомъ отношеніи, нисколько не было ни законно, ни справедливо. Кельты и особенно бельги обитали не близъ предѣловъ римскихъ, а далеко отъ нихъ, и если бы напали на нихъ или даже двинулись противъ нихъ, то Цезарь законно и справедливо могъ бы отразить ихъ на самыхъ этихъ предѣлахъ или двинувшись отъ нихъ на встрѣчу галламъ. Но благо республики, честь и достоинство римскаго народа—будто бы—требовали предупрежденія бельговъ—и Цезарь двинулся въ ихъ земли, въ сѣверной Галліи, на совершенно-противуположномъ римскимъ предѣламъ краю ея! Не будемъ слѣдить далѣе, шагъ за шагомъ, за дѣйствіями Цезаря въ

Галліи, противъ разныхъ племенъ ея, въ разныхъ краяхъ и частяхъ ея, то на сѣверѣ или югѣ, то на западѣ, востокѣ и срединѣ. Причины и поводы, по словамъ Цезаря, были все одни и тѣ же—союзы и возстанія племенъ Галліи и необходимость разрушать одни и усмирять другія, какъ будто Галлія была не независимая, а уже подвластная Риму страна, и дѣло шло вовсе не о борьбѣ съ народами, возставшими за свою свободу и независимость, а съ возмущившимися римскими подданными! Такъ разгромлены и покорены были Цезаремъ бельги на сѣверѣ, приморскіе венеты на западѣ, моринны и менаи на сѣверозападѣ, узипеты, тенхтеры и тревіры на сѣверовостокѣ, сенноны и карнаты въ срединѣ, и наконецъ всѣ вообще племена Галліи, на всемъ пространствѣ ея, послѣ неоднократныхъ возстаній, изъ которыхъ самое общее, сильное и опасное было въ 7-мъ году войны (52-мъ).

Но одной войны съ галльскими племенами въ Галліи было, какъ видно, недостаточно для Цезаря въ его видахъ—и онъ присоединилъ къ нимъ войну за Рейномъ съ германцами и за моремъ съ британцами. Ни тѣ, ни другіе не нападали на него и даже не угрожали ему, но—по словамъ Цезаря—будто бы постоянно помогали галламъ войсками, что не только сомнительно, но и, кажется, просто невѣрно. И галлы, и германцы, и британцы были многочисленныя, свободныя и независимыя, полудикіе или дикіе народы и, находясь въ сѣдствѣ между собою, были въ постоянныхъ, то мирныхъ, то враждебныхъ, взаимныхъ отношеніяхъ, и то воевали, то мирились. Кто же повѣритъ словамъ Цезаря въ его запискахъ, будто эти три народа были между собою во взаимныхъ отношеніяхъ какихъ-то правильно-и благо-устроенныхъ государствъ! Записки Цезаря были писаны имъ преимущественно для современниковъ его въ Римѣ и для его личныхъ цѣлей, которыхъ и достигли. Но отдаленному потомству, особливо въ наше время, нетрудно, кажется, прорвать эту тонкую паутину предвѣреннаго искаженія истины, съ личными, своекорыстными цѣлями, какъ бы и сколько бы она ни была прикрыта громкими, полицейскими фразами о благѣ республики и чести и достоинствѣ народа римскихъ!

Словомъ—изъ всей 8-ми лѣтней войны Цезаря въ Галліи, въ военно-политическомъ отношеніи вполне законными и справедливыми со стороны его являются только два первые похода его противъ гельветовъ и Аріовиста съ германцами, въ 1-мъ (58-мъ) году. Вся же остальная затѣмъ война его въ Галліи, съ четырьмя предпріятіями или экспедиціями его за Рейнъ противъ германцовъ и за море противъ британцовъ, была столько же незаконна и несправед-

лива съ его стороны, сколько напротивъ законна и справедлива со стороны галловъ, германцовъ и британцовъ. Эти три народа воевали за свою свободу и независимость, за свой родной край, а Цезарь—за средства къ достиженію имъ вер-

ховной, неограниченной власти въ Римѣ! И потому съ военно-политической стороны онъ въ войнѣ въ Галліи является далеко не въ блистательномъ и даже не въ свѣтломъ видѣ.

§ 37.

Война Цезаря въ Галліи—въ стратегическомъ отношеніи.

Совсѣмъ иное слѣдуетъ сказать о Цезарѣ, въ этой войнѣ, собственно съ военной стороны, во всѣхъ отношеніяхъ. Тутъ онъ вполне является великимъ полководцемъ отъ природы и рожденія, хотя и начинающимъ и еще учащимся, и то дѣйствующимъ безукоризненно, притомъ великодушно, кротко и человѣколюбиво, то дѣлающимъ большія и даже грубыя ошибки и поступающимъ несправедливо, жестоко и даже варварски и недостойно высоко-образованнаго римлянина тогдашняго, языческаго и уже крайне развращеннаго Рима. И то, и другое, и съ свѣтлой, и съ темной стороны, уже было указано въ своихъ мѣстахъ выше, а потому, не повторяя этого здѣсь, укажемъ лишь на общія и главные черты военныхъ дѣйствій Цезаря въ Галліи, въ стратегическомъ, тактическомъ и др. отношеніяхъ *).

Римъ, уже въ самомъ началѣ своихъ междоусобій, удачно воевалъ въ трансальпийской Галліи. Римская политика—покровительствовать и богатому, торговому городу Массилин (н. Marseille), и союзному галльскому племени эдуевъ—привела римскую армию въ южную Галлію и содѣлала страну между Роданомъ, моремъ и Альпами римскою провинціей (по главному городу Нарбо, н. Narbonne, названною Нарбоннскою Галліей).

Когда Цезарь въ 58 г. открылъ войну противъ гельветовъ въ Галліи, власти Рима въ ней принадлежалъ край къ востоку отъ Родана вверхъ до Лугдуна (н. Lyon). Къ западу и къ сѣверу отъ Родана обитали союзныя съ римлянами галльскія племена эдуевъ и секвановъ, а на востокъ альпійскія горныя племена угрожали движеніемъ въ долину Родана и враждебно замыкали ближайшіе горные проходы въ сѣверную Италію или въ цизальпийскую Галлію.

*) Руководствомъ при этомъ служили преимущественно сочиненія: Napoléon I: Précis des guerres de César, Lössau: Ideale der Kriegführung etc. Caesar, Rüstow: Heerwesen und Kriegführung C. Julius Caesars и K. F. Untersuchungen über die Kriegführung der Römer gegen die Deutschen etc.

Таково было клинообразное, отъ моря вверхъ въ Галлію, стратегическое положеніе римской провинціи, изъ котораго Цезарь предпринялъ свое сосредоточенное движеніе въ Галлію и которое Цицеронъ, въ своей рѣчи о консульскихъ провинціяхъ, называлъ римскою узкою тропою. Война Цезаря съ гельветами и Ариовистомъ имѣла подготовительную цѣль обезпеченія праваго фланга римской армии, гдѣ край между горными хребтами Богезскимъ и Юры образовалъ удобный для за-рейнскихъ германцовъ проходъ отъ Рейна въ богатый край секвановъ (Bourgogne). Обезпечивъ эту сторону кроткимъ обращеніемъ съ обитавшими тамъ племенами, послѣ пораженія гельветовъ и Ариовиста и возвращенія ихъ въ Гельвецію и за Рейнъ, Цезарь, при содѣйствіи эдуевъ и другихъ пріязненныхъ Риму племенъ, совершилъ такое же клинообразное, обезпеченное справа богезскими горами, движеніе противъ бельговъ, чрезъ водораздѣлы рр. Мозы (Meuse) и Матроны (Marne) до рр. Аксоны (Aisne) и Сабиса (Sambre). Этотъ путь Цезаря направлялся вдоль нынѣшнихъ Аргоннскихъ горъ и лѣсовъ, между рр. Aisne и Aire, черезъ нынѣшніе города Vesoul, Langres и Rheims. На берегахъ верхнихъ Мозы (Meuse) и Мозеллы (Мозели), въ земляхъ пріязненныхъ левковъ (Toul) и лингоновъ (Langres), были устроены многіе римскіе укрѣпленные лагери, для обезпеченія праваго фланга римской армии. При этомъ Цезарь тщательно поддерживалъ мирныя отношенія къ упомянутымъ племенамъ до самаго устья Мозеллы.

Это второе стратегическое расположеніе Цезаря въ Галліи, при его сосредоточенномъ движеніи внутрь ея, повело постепенно къ пораженію и покоренію племенъ и союзовъ племенъ преимущественно сѣверной—бельгійской Галліи, какъ равно западной—приморской, юго-западной—аквитанской и юго-восточной—лугдунской и секванской, а также и къ двумъ переходамъ черезъ Рейнъ въ Германію и къ двумъ переправамъ за море въ Британію. По мнѣнію новѣйшихъ изслѣдователей, оба перехода черезъ Рейнъ были совершены, по однимъ—около нын. Кельна, а по другимъ вѣроятнѣе—между

нынѣшними Кобленцомъ и Андернахомъ, ниже его, обѣ же переправы въ Британію — изъ нынѣшней Булони.

Наконецъ, одолѣвъ всеобщее возстаніе галловъ въ центральной—кельтической Галліи и сокрушивъ послѣднія возстанія бельговъ, Цезарь довершилъ покореніе Галліи пораженіемъ послѣднихъ остатковъ войскъ галловъ въ Аквитаніи.

Такимъ образомъ вообще Цезарь, проникнувъ въ Галлію отъ Родана вверхъ по Арару къ Аксонѣ, Сабису, Мозѣ и Мозелѣ, центральное расположеніе свое имѣлъ преимущественно въ кельтической Галліи и изъ этого центрального расположенія главныя дѣйствія свои производилъ преимущественно противъ различныхъ частей и племенъ бельгійской Галліи, такъ какъ обитавшія въ пей племена были самыя грубыя, дикія и воинственныя и пользовались содѣйствіемъ сосѣдей своихъ на востокѣ, такихъ же воинственныхъ германцовъ на нижнемъ Рейнѣ. Поэтому и самыя трудныя дѣйствія Цезаря въ Галліи были въ этой части ея; дѣйствія же его на западѣ, юго-западѣ и особенно юго-востокѣ были менѣе трудны. Всѣ эти дѣйствія имѣли характеръ частныхъ экспедицій, въ разныхъ направленіяхъ, противъ возстававшихъ племенъ или союзовъ племенъ и разнообразились какъ силами и особенностями возстававшихъ галловъ, такъ и свойствами мѣстности, гдѣ они обитали или дѣйствовали.

Затѣмъ, обращаясь къ разсмотрѣнію дѣйствій Цезаря въ Галліи — въ частности, въ каждомъ году и походѣ особо, слѣдуетъ замѣтить, что въ 1-мъ походѣ своемъ противъ гельветовъ Цезарь обнаружилъ большія осторожность и осмотрительность, однако, не смотря на то, былъ нѣсколько разъ обманутъ гельветами и между заботами о продовольствованіи своихъ войскъ и необходимостью нападенія на гельветовъ, нерѣдко впадалъ въ очень трудное положеніе. Наборъ имъ двухъ новыхъ легионовъ (11-го и 12-го, сверхъ 5-ти данныхъ ему сначала), хотя и во ввѣренной его управленію цизальпинской Галліи, не оправдывался законнымъ уполномоченіемъ его имѣть только 5 легионовъ, хотя и оправдывался отчасти его консульскою властью и въ особенности обстоятельствами, въ которыхъ онъ находился. Наполеонъ I говоритъ, что въ римской провинціи у Цезаря сначала былъ только 1 легионъ (10-й), къ которому онъ присоединилъ потомъ 3 старыхъ легиона изъ Иллиріи и 2 новыхъ изъ цизальпинской Галліи, что составило у него всего 6 легионовъ (отъ 30 до 36 т. войскъ) въ 1-мъ походѣ противъ гельветовъ. При этомъ Наполеонъ I замѣчаетъ, что Цезарь отказалъ гельветамъ въ переходѣ черезъ Ро-

данъ 13-го апрѣля 58 г. по римскому календарю или 23 января по нынѣшнему юліанскому, и двинулся въ Ліонъ и оттуда къ Шалону на Саонѣ, перейдя черезъ Саону разбилъ жителей нын. Цюриха, а 20 сутокъ послѣ того (между 1 и 15 мая) — главныя силы гельветовъ въ одномъ переходѣ отъ нын. Autun (Бибракты) и преслѣдовалъ ихъ 4 дня до нын. Лангра, гдѣ простилъ ихъ и приказалъ вернуться въ Гельвецію.

Во 2-мъ походѣ противъ Аріовиста онъ дѣйствовалъ уже гораздо смѣлѣе, однако все еще съ большою осторожностью. Но когда Аріовистъ сталъ угрожать его тылу и сообщеніямъ, тогда Цезарь явилъ нѣкоторыя колебанія и нерѣшительность въ своихъ соображеніяхъ и дѣйствіяхъ. Отъ этого и произошло то, что онъ нѣсколько разъ пытался побудить Аріовиста къ тому либо другому движенію, пока не сдѣлалъ того наконецъ, что долженъ былъ бы сдѣлать съ самаго начала, и вслѣдствіе того разбилъ и прогналъ Аріовиста за Рейнъ. Наполеонъ I замѣчаетъ, что Аріовистъ разбилъ жителей Autun и ихъ союзниковъ — при Pontarlier, $\frac{1}{3}$ земель ихъ роздалъ своимъ германцамъ, 24 т. которыхъ двинулись изъ нын. Констанца, а 100 кантоновъ суэзовъ уже подступили къ правому берегу верхняго Рейна; — что Цезарь, перейдя на лѣвую сторону Саоны, занялъ Безансонъ, на 7-й день похода отъ него къ Рейну встрѣтилъ Аріовиста и разбилъ его въ 16-ти лѣ (около 10 миль или 70 верстъ) отъ Рейна, близъ нын. Бельфорта, въ сентябрѣ 58 г.

Въ 3-мъ походѣ противъ бельговъ и нервіевъ онъ являетъ еще ту же осторожность на походѣ и въ лагеряхъ, но притомъ и нѣкоторую безпечность послѣ того, на что рѣшался, а это нерѣдко даже угрожало ему опасностью, какъ, напримѣръ, когда онъ былъ атакованъ нервіями неожиданно и даже врасплохъ. Этотъ случай произвелъ на него и оставилъ въ немъ особенное впечатлѣніе, которое обнаружилось въ слѣдующихъ походахъ заботливостью его о соблюденіи строжайшихъ мѣръ предосторожности и особенно о томъ, чтобы всегда и вездѣ, по возможности, имѣть за собою резервы. Наполеонъ I замѣчаетъ, что въ началѣ 57 года Цезарь набралъ еще 2 легиона и въ февралѣ прибылъ съ ними въ Sens, гдѣ имѣлъ уже 8 легионовъ (отъ 40 до 48 т. чел. пѣхоты) и кромѣ того большое число вспомогательныхъ галльскихъ пѣхоты и конницы и легкой пѣхоты балеарской, критской и африканской; — что бельги, въ числѣ 300 т., захотѣли взять не Fismes или Laon, а Bièvres; — что Гальба стоялъ правымъ флангомъ къ Craonne, а лагерь Цезаря былъ у Pont-à-Vaire, на Саонѣ; — что сраженіе тутъ произошло въ началѣ іюля, а на Самбрѣ, около Мобѣжа, въ концѣ іюня

по нын. календарю; — наконецъ, что крѣпость адуатуконъ находилась тамъ, гдѣ нынѣ Falais на р. Méhaigne, между Намюромъ и Люттихомъ.

Въ 4-мъ походѣ противъ вепетовъ и другихъ приморскихъ галловъ усматривается уже гораздо лучше, нежели до тѣхъ поръ, соображенный и исполненный планъ дѣйствій, но притомъ большое счастье или удача. Здѣсь-то Цезарь впервые имѣлъ случай развить способности свои къ военнымъ соображеніямъ. Но, говоритъ Наполеонъ I, дѣйствія Цезаря противъ вепетовъ и другихъ приморскихъ галловъ были жестоки, несправедливы и неполитичны; — причиною легкаго покоренія этихъ и всѣхъ другихъ племенъ Галліи было ихъ племенное разъединеніе, безъ одного общаго управленія и войска, и оборонѣ ихъ способствовали только свойства страны ихъ, покрытой обширными лѣсами и болотами, съ множествомъ большихъ и малыхъ рѣкъ, но безъ дорогъ; — наконецъ онъ прибавляетъ, что еслибы военная слава Цезаря основывалась только на покореніи имъ Галліи, то была бы еще сомнительною (problématique).

Гораздо менѣе замѣчательнъ 7-й походъ за Рейнъ противъ германцовъ (1-й) и даже, кромѣ построенія моста на Рейнѣ (и то не особенно важнаго) ничѣмъ не замѣчательнъ, ошибоченъ и неискусенъ, а Наполеонъ I называетъ его преждевременнымъ и неудачнымъ, постройку имъ моста черезъ Рейнъ — не представляющею ничего особеннаго и необыкновеннаго, дѣйствія же его противъ жителей нынѣшнихъ Берга и Цютфена — противнымъ народному праву и приносящимъ Цезарю мало чести и славы, хотя онъ всячески, но напрасно, старается оправдать ихъ.

8-й походъ противъ британцовъ или 1-е предпріятіе его противъ Британіи доказываетъ только силу и твердость воли Цезаря, но въ соображеніи, исполненіи и результатахъ онъ столько же неудовлетворителенъ, сколько и 1-й походъ за Рейномъ. Въ обоихъ, по мнѣнію Наполеона I, Цезарь не имѣлъ удачи потому, что не сдѣлалъ необходимыхъ приготовленій, оба обратились къ его стыду и не даромъ враги его считали счастьемъ для него, что онъ еще спасся, а не погибъ.

Но 11-й походъ или 2-е предпріятіе противъ Британіи было уже полнѣе и лучше соображено и исполнено, хотя результаты его были очень неважны и даже, можно сказать, ничтожны и притомъ, по мнѣнію Наполеона I, предпріятіе это было бесполезно и какъ оно, такъ и походы за Рейнъ не оставили никакихъ слѣдовъ ни въ Британіи, ни въ Германіи.

По возвращеніи Цезаря въ Галлію, послѣдовало то широкое и ошибочное размѣщеніе имъ легионовъ на зиму, которое было

причиной перваго и весьма чувствительнаго для Цезаря пораженія легатовъ Сабина и Котты. Это былъ жестокий урокъ для Цезаря, который, вслѣдствіе того, никогда уже болѣе не размѣщалъ такъ своихъ войскъ.

14-й походъ или 2-е предпріятіе Цезаря противъ за-рейпскихъ германцовъ — суэвовъ, столько же мало замѣчательнъ и удаченъ, сколько и 7-й походъ или 1-й за Рейнъ, и не представляетъ ни важныхъ результатовъ, ни особеннаго искусства.

Вообще о всѣхъ четырехъ предпріятіяхъ или экспедиціяхъ Цезаря противъ германцовъ за Рейномъ и противъ британцовъ за моремъ можно сказать, что они ни по цѣли, ни по исполненію, ни по результатамъ своимъ не имѣли никакой пользы и важности, ни въ политическомъ, ни въ военномъ отношеніи, и скорѣе были вредны и даже опасны. Но они были нужны, важны и полезны Цезарю для его личныхъ видовъ, увеличеніемъ его славы и усиленіемъ его вліянія въ Римѣ, чрезъ посредство его приверженцовъ, не смотря на упреки и даже насмѣшки его враговъ.

Въ 6-мъ году войны (53) Цезарь, по замѣчанію Наполеона I, набралъ еще 2 легиона, да Помпей прислалъ ему 1 свой легионъ, и тогда Цезарь, пополнивъ уронъ въ своихъ легионахъ, имѣлъ ихъ уже 10 (отъ 50 до 60 т. чел. легионерной пѣхоты, сверхъ вспомогательныхъ войскъ).

Изъ числа послѣдующихъ затѣмъ походовъ, замѣчательнѣйшимъ былъ, безъ сомнѣнія, 16-й, въ 7-мъ году войны, противъ всеобщаго возстанія галловъ подъ предводительствомъ Верцингеторикса. Въ этомъ походѣ и во всѣхъ дѣйствіяхъ его, Цезарь безспорно явилъ въ высокой степени свои военные дарованія и искусство и необыкновенныя находчивость, дѣятельность, смѣлость и отважность, соединенныя однако съ благо-разумною осторожностью. Только одни дѣйствія его во время осады Герговинъ составляютъ исключеніе изъ этого и доказываютъ, что и великіе полководцы могутъ дѣлать ошибки и что не всегда дѣйствія ихъ — безукоризненны, а счастье — благоприятствуетъ имъ. Цезарь при осадѣ Герговинъ имѣлъ въ виду цѣль очень важную, но достигнуть ее, пока Верцингеториксъ съ своимъ войскомъ стоялъ при Герговинъ, было невозможно. Можетъ быть, что Цезарь надѣялся принудить Верцингеторикса къ какому-нибудь ошибочному движенію и напасть на него тогда съ выгодною для себя. Но и эта надежда исчезла съ неудавшимся и отбитымъ приступомъ къ Герговинъ. Однако Цезарь въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ подобныхъ, не былъ введенъ въ заблужденіе ни своими собственными ошибками, ни болѣе или менѣе несчастіемъ или неудачей, но старался тѣмъ и другія немедленно и по возможности лучше исправить, для

того, чтобы одна невыгода не влекла за собою другихъ. Такъ и неудача подъ Герговіей нимало не подѣйствовала на него вредно и онъ даже простилъ эдуюмъ ихъ измѣну, имѣя въ виду, въ будущемъ—окончаніе войны и что до тѣхъ поръ эдуй могли еще быть полезными ему. Другихъ же галловъ онъ удержалъ сплосью или страхомъ.

Слѣдующія затѣмы: осада Алезіи и дѣйствія во время ея были важнѣйшими и замѣчательнѣйшими, не только въ этомъ походѣ, но и въ цѣлой войнѣ. Цезарь является уже при этомъ несравненно болѣе въ яркомъ свѣтѣ и значительномъ развитіи своихъ военныхъ дарованій и искусства, нежели въ предыдущихъ походахъ и особенно въ первыхъ двухъ противъ гельветовъ и Ариовиста. Можно сказать, что въ 6 лѣтъ съ того времени онъ съ такимъ успѣхомъ и пользой для себя постепенно прошелъ 6-ти лѣтнюю военно-практическую школу войны въ Галліи, что далеко ушелъ впередъ и значительно приблизился къ той высокой степени, на которую сталъ позже. Своими: напряженіемъ силъ и дѣятельностью, соображеніями и исполненіемъ ихъ, онъ справедливо заслужилъ достойную славу. Многія подробности дѣйствій и особенно фортификаціонныхъ и осадныхъ работъ при осадѣ Алезіи могутъ въ наше время показаться странными, или песовсѣмъ понятными, или даже сомнительными. Можетъ быть, что свѣдѣнія о нихъ дошли до насъ или не въ полнотѣ, или не въ надлежащемъ видѣ, либо со стороны самаго Цезаря, либо отъ искаженія подлинника его комментаріевъ. Но для изслѣдователя, не мелочныхъ подробностей, а общихъ великихъ результатовъ, имѣвшихъ рѣшительное вліяніе на цѣлую войну, осада и взятіе Алезіи Цезаремъ всегда будутъ, какъ и всегда были, однимъ изъ величайшихъ военныхъ предприятий и событій въ древности. Цезарь совершилъ при этомъ все, что только можно было ожидать отъ такого великаго полководца, своими военными подвигами справедливо ставшаго высокимъ образцомъ для потомства и снискавшаго себѣ достойную славу. Наполеонъ I, вообще довольно строго судящій дѣйствія Цезаря въ Галліи, отзывается съ похвалою о дѣйствіяхъ какъ Верцингеторикса и галловъ, такъ и римлянъ, говоря, что рѣшимость галловъ, сила ихъ войска и искусство Верцингеторикса составляютъ славу римлянъ въ этомъ походѣ, но не говоря ни слова объ искусствѣ и славѣ самаго Цезаря, замѣчая только, что онъ въ этомъ походѣ далъ нѣсколько сраженій и произвелъ три осады, изъ которыхъ

двѣ удались ему, и что ему въ первый разъ пришлось съ 80 т. своихъ войскъ (по мнѣнію его, Наполеона) имѣть дѣло съ соединенными силами галловъ, 80 т. войскъ Верцингеторикса и 240 т. вспомогательнаго войска, всего 320 т.. Дѣйствія галловъ, прибавляетъ онъ, свидѣлствуютъ о ихъ рѣшимости и храбрости, но также и объ ихъ безсиліи, вслѣдствіе отсутствія порядка, дисциплины и умѣнья.

Дальнѣйшія попытки галловъ противъ римлянъ и въ пользу возстановленія своей независимости были уже ничтожны въ сравненіи съ предшествовавшими. Онѣ могли бы только еще болѣе увеличить наше уваженіе къ мѣрамъ противудѣйствія имъ Цезаря, являющагося въ нихъ все болѣе и болѣе увѣреннымъ въ себѣ и великимъ полководцемъ, еслибы не были помрачены жестокостью и безчеловѣчіемъ его, которыя и вообще, въ цѣлой войнѣ въ Галліи, нерѣдко были проявляемы имъ и притомъ несправедливо и даже во вредъ собственнымъ интересамъ и славѣ своимъ. Сюда должно между прочимъ отнести и то, что онъ не уважилъ достоинствъ и доблестей Верцингеторикса — единственнаго, достойнаго его противника между галлами, и для собственной славы и даже тщеславія сохранилъ его въ плѣну — для своего триумфа въ Римѣ, а затѣмъ казнилъ его! Все это не дѣлало чести Цезарю въ нравственномъ отношеніи. Но, за исключеніемъ этого, равно какъ незаконности и несправедливости вообще войны его въ Галліи противъ галловъ, за Рейномъ противъ германцовъ и за моремъ противъ британцовъ, война его въ Галліи, собственно въ военномъ отношеніи, заслуживаетъ особеннаго вниманія, между прочимъ и въ томъ отношеніи, что Цезарь достигъ въ ней полнаго развитія своихъ военныхъ дарованій и искусства, и тѣмъ далеко превзошелъ своего политическаго соперника Помпея, какъ увидимъ ниже. Наполеонъ I, по поводу дѣйствій Цезаря въ послѣднемъ (51) году войны въ Галліи, говоритъ, что Цезарь встрѣтилъ въ немъ довольно сильное сопротивленіе только со стороны жителей нын. Beauvais, которые очень мало участвовали въ войнѣ Верцингеторикса противъ Цезаря и явили болѣе благоразумія и искусства, нежели прочіе галлы; жители же нын. Берри и Шартра, отъ страха, не оказали никакого сопротивленія; что Цезарь, по взятіи Кадурки (нын. Cahors), поступилъ безчеловѣчно-жестоко, отрубивъ руки защитникамъ его, и прибавляетъ, что вообще Цезарь былъ жестокъ (cruel) и часто даже свирѣпъ (féroce) противъ галловъ.

§ 38.

Образъ и искусство веденія Цезаремъ войны въ Галліи.

1) Приготовительныя мѣры и соображенія передъ походомъ.

Цезарь вполне усвоилъ себѣ и дѣятельнѣйше выразилъ въ войнѣ въ Галліи (какъ и въ послѣдовавшихъ за нею) главную цѣль военной политики Рима, состоявшую съ самаго основанія его — въ распространеніи имъ своей власти въ Италиіи и внѣ оной, а въ послѣднія времена республики, въ особенности — въ завоеваніи всего (извѣстнаго тогда) міра, равно и главное средство къ тому — войну завоевательную. Поэтому онъ былъ не только великій, но и преимущественно великій римскій полководецъ, особенно тѣмъ, что примѣнилъ къ дѣлу, какъ никто иной, военныя учрежденія римлянъ въ томъ духѣ, въ которомъ они были созданы и развились съ самаго начала. Поэтому же можно сказать, что и въ его образѣ веденія войны можно изучить образъ веденія войны римлянами вообще, но только во всѣхъ его высотѣхъ и блескѣ.

Согласно съ этимъ, Цезарь отлично умѣлъ, вполне по римски, употреблять и военную политику, какъ вспомогательное веденію войны средство, но никогда не допускалъ ее исторгать у него то, что было приобрѣтено имъ войною.

Начавъ оборонительнымъ образомъ веденія войны противъ гелльветовъ, послѣ того онъ уже всегда велъ войну и дѣйствовалъ наступательно въ стратегическомъ отношеніи, хотя въ политическомъ всегда представлялъ себя атакованнымъ или угрожаемымъ и если не вынужденнымъ, то побужденнымъ къ войнѣ и бою. Если же и бывали случаи, когда онъ являлся въ положеніи оборонительномъ, то лишь временно, для выигранія времени и сплывъ тѣмъ сильнѣйшихъ потомъ наступательныхъ дѣйствій. Это относится одинаково и къ войнѣ, и къ бою.

Вѣрный во всѣхъ отношеніяхъ римской системѣ веденія войны, Цезарь велъ ее весною, лѣтомъ и осенью, зимою же давалъ войскамъ отдыхъ, располагая ихъ по одному или болѣе легионовъ въ укрѣпленныхъ лагеряхъ, совершенно отдѣльно отъ населенія края, держа ихъ въ постоянныхъ военныхъ упражненіяхъ, работахъ и соблюденіи строгой дисциплины, что все доставляло только однѣ несомнѣнныя выгоды. Случалось, что расположеніе войскъ въ зимнихъ лагеряхъ, по обстоятельствамъ, быва-

ло сокращаемо или и перерываемо ранѣе обыкновеннаго, какъ напримѣръ въ Галліи, въ 54 году, вслѣдствіе нападенія бельговъ, а въ 52 году — вслѣдствіе всеобщаго возстанія галловъ. Тогда военныя дѣйствія возобновлялись еще въ концѣ или и въ серединѣ зимы.

Комментаріи Цезаря свидѣтельствуютъ, что онъ всегда прилагалъ особенныя попеченіе и заботливость о приобрѣтеніи, до открытія похода, свѣдѣній о мѣстности, на которой и о непріятелѣ, противъ котораго имѣлъ въ виду дѣйствовать, — равно и то, что свѣдѣнія эти, въ тогдашнія времена и въ тогдашнихъ обстоятельствахъ, особенно въ Галліи, Германіи и Британіи, было болѣе или менѣе трудно приобрѣтать въ нужной и удовлетворительной степени. Средствами для приобрѣтенія ихъ служили: или отряженіе для того особыхъ чиновъ арміи, римлянъ и преимущественно галловъ, или отрядовъ конницы галльской или германской, или сношенія съ союзными галльскими племенами, либо съ приверженными римлянамъ партіями между ними, или наконецъ усиленные рекогносцировки съ отрядами войскъ. Характеръ послѣдняго рода имѣютъ первыя предпріятія или экспедиціи Цезаря за Рейнъ противъ германцовъ и за море противъ британцовъ.

Цезарь въ Галліи былъ всегда слабѣе противниковъ числомъ войскъ, но далеко превосходилъ ихъ въ военномъ устройствѣ и вооруженіи своихъ легионовъ, въ ихъ довѣріи къ побѣдѣ и въ необыкновенной, такъ сказать, рабочей силѣ ихъ или способности переносить немовѣрные труды и лишения и совершать столь же немовѣрныя работы (какъ напр. при осадахъ Герговіи и особенно Алезіи). Понятны поэтому собственныя слова его, что съ такими войсками можно было все небо перевернуть!

Цезарь не любилъ усиливать свои легионы большимъ числомъ союзныхъ или наемныхъ, вспомогательныхъ, но неустроенныхъ войскъ (галльскихъ и германскихъ), а довольствовался только строго-необходимымъ, именно конницей и стрѣлками. О томъ, что въ Галліи онъ не имѣлъ римской конницы, а лишь вспомогательную галльскую и германскую, начальствованіе надъ которою ввѣрялъ — вѣроятно по причинамъ по-

литическимъ — галльскимъ и германскимъ, знатымъ, но довѣреннымъ и надежнымъ вождямъ, уже было замѣчено выше.

Числительное превосходство силъ его непріятелей въ Галліи, Германіи и Британіи побуждало его сколько можно менѣе и рѣже раздѣлять собственныя силы, но преимущественно имѣть ихъ сосредоточенными, а если необходимость и вынуждала его иногда раздѣлять ихъ, то лишь временно, съ тѣмъ чтобы при первой возможности снова сосредоточивать. Такъ въ походахъ противъ гелъветовъ и Аріовиста онъ постоянно держалъ всѣ свои 6 легіоновъ вмѣстѣ, а походъ противъ бельговъ открылъ со всѣми своими 8-ю легіонами.

По тѣмъ же причинамъ онъ всегда старался принуждать своихъ непріятелей къ раздѣленію ихъ силъ, но при этомъ, для собственнаго сосредоточенія долженъ былъ нападать на непріятеля прежде, нежели онъ успѣвалъ вооружиться и сосредоточиться, — и разбивать силы его по частямъ. А для этого онъ вознаграждалъ быстротою движеній и дѣйствій своихъ относительную слабость силъ.

Предметами первыхъ наступательныхъ движеній и дѣйствій его были или ближайшіе или важнѣйшіе пункты, на которыхъ силы непріятеля были сосредоточены. Такъ, въ походѣ противъ бельговъ, онъ прежде всего быстро двинулся противъ ремовъ, какъ ближайшихъ къ нему, такъ и колебавшихся еще, приступить-ли имъ къ союзу бельговъ или нѣтъ. Этимъ онъ съ самаго начала пріобрѣлъ значительные успѣхи и выгоды для себя, потомъ точно также обезоружилъ белловаковъ, суэссоновъ и ихъ сосѣдей, и затѣмъ еще сталъ въ оборонительное положеніе въ укрѣпленномъ лагерѣ на обѣихъ сторонахъ Аксоны. Въ 52 г. средоточіемъ непріятельскихъ силъ служилъ край между севенскими горами и лѣвымъ берегомъ р. нижняго Лигера (Луары). Легіоны же Цезаря находились въ краю между рр. Секваной (Сеной) и Матроной (Марной) — и Цезарь повелъ ихъ кратчайшимъ путемъ изъ Агендика (Sens) черезъ Генабъ (Orléans). Въ походѣ противъ венетовъ и ихъ союзниковъ онъ раздѣлилъ свои силы такъ, что самъ съ 3-мя легіонами двинулся къ южнымъ берегамъ нынѣшней Бретани, Титурія съ 3-мя легіонами послалъ къ сѣвернымъ берегамъ ея и въ нынѣшнюю Нормандію, Красса съ 12-ю когортами и частию конницы — въ Аквитанію, Лабіена съ остальною конницею — въ сѣверовосточную Галлію, а 8 когортъ вѣроятно были употреблены на вновь построенномъ флотѣ. Но и тутъ главныя силы — 6 легіоновъ находились въ недалекомъ разстояніи одни отъ другихъ, въ Бретани и Нормандіи.

Цезарь раздѣлялъ свои силы также и въ

тѣхъ случаяхъ, когда нужно бывало обеспечивать сообщенія арміи съ краемъ въ тылу ея, служившимъ ей основаніемъ дѣйствій, если политическіе союзы съ племенами въ этомъ краю или содержаніе ихъ угрозами въ спокойствіи и повиновеніи не могли служить достаточно надежными для того средствами. Такъ во время 2-й экспедиціи въ Британію Цезарь, изъ 8 легіоновъ своихъ, 3, съ половиною конницы, оставилъ въ сѣверной Галліи и на берегахъ ея, для обеспечения ихъ и всей Галліи, а съ собою взялъ только 5 легіоновъ и другую половину конницы. Въ 52 г., во время всеобщаго возстанія галловъ, римская нарбонская провинція, занятая 22-мя когортами легата Л. Цезаря, служила Юлію Цезарю первымъ и главнымъ основаніемъ дѣйствій, а земли ремовъ, союзниковъ довольно надежныхъ — вторымъ, связаннымъ съ первымъ посредствомъ земель секвановъ, на лѣвой сторонѣ рѣки Арара (Саоны), также довольно спокойныхъ и надежныхъ. Второе изъ этихъ двухъ основаній дѣйствій стало еще важнѣе, когда кругъ возстанія галловъ расширился, особенно въ округѣ Лютеціи (Парижа) и въ земляхъ эдуевъ (между рр. Луарой и Саоной). Поэтому, для обеспечения сообщеній между 1-мъ и 2-мъ основаніями дѣйствій (черезъ Moulins, Nevers и Auxerre) и всѣхъ тяжестей арміи, Цезарь и оставилъ Лабіена при Агендикѣ (Sens), сначала съ 2-мя, а потомъ съ 4-мя легіонами.

Подобнымъ же обеспеченіемъ сообщеній въ тылу арміи Цезаря слѣдуетъ признавать также и отряды войскъ, которые онъ оставлялъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ, въ укрѣпленныхъ лагеряхъ, съ цѣлю, смотря по обстоятельствамъ, оборонительною, либо и наступательною, какъ, напримѣръ въ особенности — во время экспедицій въ Британію, на берегу моря, гдѣ они охраняли и мѣсто высадки, и тяжести, и флотъ, и сообщенія съ Галліей.

Цезарь иногда раздѣлялъ свои силы также и для того, чтобы препятствовать галламъ сосредоточивать собственныя, либо отвлекать ихъ отъ одного пункта къ другому, для дальнѣйшаго и успѣшнѣйшаго нападенія затѣмъ на первый изъ нихъ съ главными силами. Такъ въ походѣ противъ бельговъ, расположась съ своими легіонами въ укрѣпленномъ лагерѣ на обѣихъ берегахъ р. Аксоны, онъ послалъ вспомогательныя войска эдуевъ произвести вторженіе въ земли белловаковъ (Beauvais), чѣмъ заставилъ бельговъ раздѣлиться и отказаться отъ наступательныхъ дѣйствій противъ него. Въ 52 г., отразивъ Луктерія отъ границъ римской провинціи, онъ движеніемъ съ слабымъ отрядомъ черезъ севенскія горы въ земли арверновъ (Auvergne), заставилъ Верцингеторикса двинуться туда съ средняго Лигера (Луары), а самъ между тѣмъ немедленно отпра-

вился лично къ своимъ легионамъ на р. Секванѣ (Сенѣ) и съ ними явился на среднемъ Лигерѣ (Луарѣ).

Оборонительныя промежутки времени встрѣчаются въ дѣйствіяхъ Цезаря всегда только между предъидущими и послѣдующими наступательными дѣйствіями, но и тѣ всегда соединены съ смѣлымъ наступательно-оборонительнымъ характеромъ, безъ пренебреженія однако всѣхъ нужныхъ мѣръ предосторожности и обезпеченія со всѣхъ сторонъ. Такъ черезъ Рейнъ онъ не хотѣлъ переправляться на судахъ, признавая это ненадежнымъ. Въ походѣ противъ гелветовъ онъ прежде и болѣе всего старался преградить имъ пути въ римскую провинцію, а самому притянуть къ себѣ 5 легионовъ изъ цизальпинской Галліи, и затѣмъ уже перешелъ въ наступленіе. Въ походѣ противъ бельговъ, въ лагерѣ при р. Аксонѣ, онъ имѣлъ въ виду достигнуть собственнаго усиленія посредствомъ ослабленія бельговъ, вслѣдствіе вторженія эдуевъ въ земли белловаковъ. Въ 52 г. онъ отступилъ отъ Герговіи къ Секванѣ путемъ, на которомъ могъ мало проиграть, но много выиграть, а именно соединиться съ 4-мя легионами Лабіена.

Средствомъ искусно-сообразенныя дѣйствія съ успѣхомъ приводить въ исполненіе и достигать цѣли ихъ, Цезарю служило, между прочимъ, надлежащее обезпеченіе войскъ продовольствіемъ. Заботливость его объ этомъ, особенно передъ открытіемъ походовъ, была постоянная и самая дѣятельная. И это было хорошо извѣстно его войскамъ, которыя, вслѣдствіе того, необык-

новенно терпѣливо переносили лишенія, увѣренныя, что они происходили не по винѣ Цезаря и вопреки его воли и стараній. Для обезпеченія продовольствованія, онъ обыкновенно соединялъ два способа: переносъ запасовъ войсками на себѣ и перевозъ ихъ за ними—съ добываніемъ ихъ въ занятомъ или въ сосѣдственныхъ съ нимъ краяхъ. Только въ случаяхъ крайней нужды прибѣгалъ онъ къ реквизиціямъ и то ограничивая ихъ преимущественно сборомъ фуража, и не открывалъ похода прежде, нежели фуражъ былъ запасенъ. Подвозы изъ римской провинціи были возможны только по близости арміи къ ней; въ удаленіи же отъ нея, Цезарь заключалъ подряды съ ближайшими вокругъ племенами, съ которыми находился въ хорошихъ отношеніяхъ. А первую повинностью, которую онъ возлагалъ на побѣжденныхъ, всегда была поставка ими запасовъ продовольствія и перевозочныхъ средствъ для доставки ихъ. Если военныя дѣйствія распространялись впередъ или по сторонамъ, то соразмѣрно съ ними распространялись также и способы сбора продовольствія. А если военныя дѣйствія долго вращались на одномъ мѣстѣ, то въ тылу были учреждаемы склады запасовъ, въ торговыхъ пунктахъ, или узлахъ дорогъ, или при слияніи рѣкъ, и эти склады были укрѣплены и охраняемы гарнизонами; туда же были собираемы и заложники и разнаго рода военные запасы, тяжести, ремонты лошадей и пр. А гарнизоны этихъ пунктовъ отряжали отъ себя прикрытія транспортовъ назадъ и впередъ.

§ 39.

2) Исполненіе соображеній; — открытіе походовъ и дальнѣйшія дѣйствія.

Цезарь, въ своихъ запискахъ, признаетъ три рода существеннаго различія между римскимъ (разумнымъ, методическимъ) и всякимъ другимъ (племеннымъ, варварскимъ пародовъ) образомъ веденія войны, именно: занятіе рѣшительныхъ пунктовъ, укрѣпленіе лагерей и пресѣченіе сообщеній непріятеля. Первое служило началомъ или открытіемъ военныхъ дѣйствій, второе—вызовомъ непріятеля на бой, если лагерь располагался вблизи его, такъ какъ бой былъ главнымъ средствомъ для истребленія непріятеля. Наконецъ третьимъ средствомъ непріятель былъ вынуждаемъ перемѣнять расположеніе, или вступать въ бой, или же полагать оружіе. Первое средство достигалось моремъ или сухимъ путемъ. При переѣздѣ моремъ, первымъ рѣшительнымъ пунктомъ было мѣсто высадки и первый ла-

герь на немъ. Цезарь только въ 1-й экспедиціи въ Британію произвелъ высадку въ виду непріятеля и изъ устроеннаго тутъ лагеря предпринялъ наступательныя дѣйствія. При этомъ онъ убѣдился изъ опыта, что для высадокъ удобнѣйшими мѣстами были плоскіе, открытые берега, а не возвышенныя и крутые и не заливы или бухты. На сухомъ пути армія двигалась къ рѣшительнымъ пунктамъ или чрезъ дружественный край, или по крайней мѣрѣ чрезъ невраждебный, или наконецъ чрезъ враждебный, въ которомъ можно было встрѣтить рѣшительное сопротивленіе. Послѣднее, даже малѣйшее, долженствовало быть сокрушено, особенно въ обезпеченіе собственныхъ сообщеній. Такъ при движеніи отъ Агендики въ земли битуриговъ Цезарь не могъ оставить въ тылу за собою города сенноновъ

Велаунодуна — и взялъ его, чтобы не лишиться сообщеній съ Лабіеномъ.

Рѣшительные пункты, говоритъ Цезарь, бываютъ различнаго значенія, но существенный признакъ ихъ есть открытіе ими входа въ непріятельскую страну. Въ означенномъ выше движеніи такимъ пунктомъ былъ Генабъ (Orléans), съ мостомъ на р. Лигерѣ (Луарѣ). Этимъ пунктомъ Цезарь и долженъ былъ овладѣть для того, чтобы сойтись съ Верцингеториксомъ на лѣвой сторонѣ р. Лигера. Когда онъ перешелъ въ наступленіе противъ гельветовъ, то укрѣпился на правомъ берегу р. Родана, въ углу между нимъ и р. Апаръ (Саоной), гдѣ былъ ближе къ эдуюмъ и между слабѣйшими племенами Галліи, которыя сами терпѣли отъ разоренія гельветовъ, что и побудило послѣднихъ вызвать его на наступленіе, котораго онъ именно и желалъ. Въ походѣ противъ бельговъ онъ, по переходѣ черезъ р. Аксону (Aisne), находился бы уже въ непріятельскомъ краю, и потому лагерь

его на Аксонѣ былъ рѣшительнымъ пунктомъ.

Неизвѣстно, цѣпилъ-ли и поддерживалъ ли Цезарь въ своей арміи строгое соблюденіе тайны. Но, какъ кажется, онъ былъ того мнѣнія, что лучшимъ средствомъ для этого была быстрота дѣйствій или исполненія вслѣдъ за соображеніемъ.

Онъ имѣлъ противъ себя въ Галліи немалозначущихъ противниковъ. Аріовистъ былъ человѣкъ большаго ума и сильнаго характера, а что Верцингеториксъ былъ человѣкъ необыкновенный, доказательствомъ служитъ то, что Цезарь оставилъ его въ плѣну для своего триумфа въ Римѣ, а затѣмъ казнилъ его, потому что видѣлъ въ немъ равнаго себѣ. И Аріовистъ, и Верцингеториксъ знали рѣшительные пункты края въ войнѣ также хорошо, какъ и Цезарь, которому поэтому и оставалось только превосходить и предупреждать ихъ быстротою движеній и дѣйствій.

§ 40.

3) Рѣшеніе и заключеніе походовъ;—дѣйствія послѣ удачъ и неудачъ.

По заятіи рѣшительнаго пункта нужно было искать или ожидать боя въ открытомъ полѣ, или въ лагерѣ, или при нападеніи на укрѣпленный городъ. Цезарь всегда предпочиталъ бой въ открытомъ полѣ, какъ болѣе скорый и рѣшительный въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ хотѣлъ дѣйствовать наступательно, справедливо признавая, что побѣда въ бою покорить ему многіе укрѣпленные города или по крайней мѣрѣ облегчить ему покореніе ихъ. Если же непріятель избѣгалъ боя въ открытомъ полѣ и запирался въ городахъ, или располагался возлѣ нихъ въ укрѣпленныхъ лагеряхъ, то Цезарь по необходимости прибѣгалъ къ обложеніямъ или къ осадамъ, что въ войнѣ въ Галліи и случалось довольно часто.

Для боя въ открытомъ полѣ, имѣя за собою собственный укрѣпленный лагерь, Цезарь старался располагать его не слишкомъ близко отъ непріятеля, особенно если послѣдній самъ располагался въ укрѣпленномъ лагерѣ. Цѣлю Цезаря при этомъ было то, чтобы, послѣ одержанной побѣды, наиболѣе воспользоваться ею преслѣдованіемъ непріятеля, а не быть принуждену снова атаковать его въ собственномъ его укрѣпленномъ лагерѣ. Для этого онъ дѣлалъ усиленные, но скрытые переходы и, приблизясь къ непріятелю на малый переходъ, къ вечеру располагался въ лагерѣ и уже на другой день небольшимъ переходомъ прямо шелъ на бой съ непріателемъ въ от-

крытомъ полѣ. Такъ скрытно приблизился онъ къ Аріовисту, такъ и противъ узипетовъ и тенхтеровъ онъ наканунѣ приблизился къ нимъ только на 16,000 шаговъ (10 верстъ съ небольшимъ), а на другой день утромъ, сдѣлавъ полу-переходъ (также верстъ 10), напалъ на нихъ въ ихъ неукрѣпленномъ лагерѣ и разбилъ ихъ.

Но ему случалось подступать къ непріятелю, наканунѣ боя, и ближе, если онъ не имѣлъ достаточныхъ свѣдѣній о расположеніи непріятеля или если былъ отдѣленъ отъ послѣдняго значительнымъ естественнымъ или мѣстнымъ препятствіемъ (рѣкою, горами, лѣсами и т. п.), которое не позволяло непріятелю препятствовать укрѣпленію Цезарева лагеря, или же если Цезарь хотѣлъ занять за этимъ препятствіемъ наступательно-оборонительное расположеніе. Обѣ эти причины одинаково вліяли на выборъ Цезаремъ лагерей въ походѣ противъ первіевъ и при движеніи на помощь зимнему лагерю Цицерона, а одна послѣдняя причина—на выборъ лагеря противъ белловаковъ.

Въ болѣе дальнемъ отъ непріятеля разстояніи Цезарь останавливался въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣлъ въ виду выбрать удобнѣйшую для боя мѣстность, обезпечить свои сообщенія, имѣть достаточно времени на безпрепятственное укрѣпленіе своего лагеря, словомъ когда не признавалъ возможнымъ дѣйствовать рѣшительно-наступательно.

но, а считалъ нужнымъ дѣйствовать съ болѣею осторожностью оборонительно. Такъ, въ походѣ изъ Везонціи противъ Аріовиста, онъ остановился уже въ 2-хъ небольшихъ переходахъ отъ него (отъ 30 до 40 верстъ) и занялся лишь укрѣпленіемъ своего лагеря и переговорами. Касательно мѣста, гдѣ потомъ Цезарь расположился лагеремъ близъ Аріовиста и гдѣ произошелъ бой съ нимъ, мнѣнія вообще не представляютъ ничего положительнаго и вѣрнаго. Полагаютъ, что мѣсто это находилось къ в. отъ Везонціи, между нимъ и Рейномъ (Наполеонъ I и др.), но Рюстовъ изъ описанія Цезаря въ его комментаріяхъ заключаетъ, что мѣста этого нигдѣ болѣе нельзя искать, какъ въ нынѣшней восточной Лотарингіи, у западной подошвы вогезскихъ горъ, примѣрно между Баденвейлеромъ и Люневилемъ, близъ нынѣшней парижско-страсбургской желѣзной дороги. Этому только, по его мнѣнію, и соотвѣтствуютъ данныя о разстояніяхъ и времени, приведенныя Цезаремъ въ его комментаріяхъ.

При выборѣ мѣста для боя и лагеря передъ боемъ, Цезарь руководствовался также и соображеніями о дѣйствіяхъ на сообщенія непріятеля—и объ обезпеченіи собственныхъ сообщеній, о пораженіи и истребленіи непріятеля—и о предохраненіи самаго себя отъ того же, и наконецъ о занятіи самому рѣшительныхъ пунктовъ—и о воспрепятствованіи въ томъ же непріятелю. Въ этомъ отношеніи нельзя не замѣтить, что Цезарь, въ началѣ своего военнаго поприща (въ войнѣ въ Галліи), помышлялъ гораздо болѣе объ обезпеченіи собственныхъ сообщеній, нежели объ отрѣзываніи непріятельскихъ. Такъ первоначальныя дѣйствія его противъ Аріовиста имѣли въ виду преимущественно обезпеченіе собственныхъ сообщеній. Когда Аріовистъ сталъ на его сообщеніяхъ, то онъ принялъ оборонительное положеніе и расположилъ часть своей арміи въ маломъ лагерѣ на флангѣ Аріовиста. Такъ и въ походѣ противъ бельговъ онъ обезпечилъ свои сообщенія наступательно-оборонительнымъ расположеніемъ въ укрѣпленныхъ лагеряхъ на обоихъ берегахъ р. Аксоны. Въ Британіи же не онъ, а Кассивелаунъ хотѣлъ отрѣзать ему сообщенія съ укрѣпленнымъ лагеремъ его на мѣстѣ высадки, на берегу моря. Такъ и Верцингеториксъ, по отступленіи Цезаря отъ Гертовіи, хотѣлъ отрѣзать ему сообщенія съ римскою провинціей, возстановивъ противъ него аллоброговъ. Со стороны Цезаря же такого рода движеній и дѣйствій не усматривается въ цѣлой войнѣ въ Галліи. Онъ старался затруднить непріятелю продовольствованіе, но не смѣлыми и рѣшительными дѣйствіями. Такъ, при движеніи его за гельветами на другой сторонѣ р. Араръ, онъ слѣдовалъ съ головою своей арміи въ умѣ-

ренномъ разстояніи отъ хвоста ополченія гельветовъ и, не затруднивъ особенно продовольствованія послѣднимъ, самъ вскорѣ вступилъ въ немъ затрудненія.

Въ лагерѣ при р. Аксонѣ Цезарь держалъ себя въ оборонительномъ положеніи, возстановивъ и обезпечивая свои сообщенія. Бельги же, напротивъ, приняли дурныя мѣры продовольствованія, были удержаны и этимъ, и расположеніемъ Цезаря, и вторженіемъ эдуевъ—и были поражены Цезаремъ. Кромѣ этого случая, Цезарь дѣйствовалъ на сообщенія галловъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда блокировалъ города ихъ, смѣлыхъ же и рѣшительныхъ движеній въ открытомъ полѣ на сообщенія въ тылу ихъ не производилъ, по причинамъ благоразумной осторожности и несовершенной еще увѣренности въ себѣ.

По одержаніи побѣды въ бою, въ открытомъ полѣ, Цезарь, если только самъ не былъ истощенъ боемъ, не упускалъ никогда сильно преслѣдовать разбитаго непріятеля, съ успѣхомъ и пользою употребляя для этого свою конницу. Въ связи съ этимъ, онъ немедленно же искалъ и политическихъ выгодъ, съ цѣлю которыхъ была ведена война. Этого онъ достигалъ быстрымъ появленіемъ его легіоновъ среди побѣжденных племенъ—и ему безъ сопротивленія покорялись и города, и правленія ихъ. Возложивъ на нихъ прежде всего поставку продовольствія и перевозочныхъ способовъ, онъ вмѣшивался въ ихъ внутреннія дѣла, учреждалъ общенародныя собранія и т. п., словомъ—полагалъ основанія своему господству. Вѣрно считывалъ онъ при этомъ не на одно матеріальное, но особенно на нравственное вліяніе его побѣды, и поэтому послѣ нея считалъ возможнымъ раздѣлять дотолѣ соединенныя силы свои. Такъ, послѣ побѣды надъ нервіями, онъ двинулся противъ адуатукровъ только съ 7-ю легіонами, Красса же съ однимъ 8-мъ легіономъ послалъ на нижній Лигеръ (въ нын. Бретань), гдѣ обитавшія тамъ племена, при вѣсти объ успѣхахъ и побѣдахъ Цезаря, покорились Крассу безъ сопротивленія.

Такого рода окончательныя успѣхи походовъ случались болѣею частію осенью, прекращавшею походы, и затѣмъ войска располагались въ зимнихъ лагеряхъ. Выборъ края или земель для нихъ происходилъ не безъ уважительныхъ причинъ къ тому. Освобождая отъ зимнихъ лагерей римскую провинцію, Цезарь располагалъ ихъ обыкновенно въ разныхъ мѣстахъ Галліи, приучая тѣмъ покоренныя племена къ пребыванію между ними римскихъ легіоновъ, къ содержанію ихъ правильными контрибуціями и къ римскому владычеству. А если племена эти, видя эту опасность, снова возставали, то давали этимъ Цезарю поводъ къ новой войнѣ и къ распространенію римскаго

владычества въ слѣдующемъ году. Послѣ побѣды надъ Аріовистомъ, Цезарь расположилъ войска свои на зиму въ восточной части земель секваповъ, около Везонція (Besançon), потому что тамъ были еще обильные запасы продовольствія, недалеко отсюда находилась римская провинція и Цезарь угрожалъ бельгамъ, секваны же оставались спокойными. Въ слѣдующемъ 57-мъ году, послѣ пораженія бельговъ, Цезарь расположилъ войска на зиму на низнемъ Лигерѣ, гдѣ Крассъ уже достаточно приготовилъ къ тому тамошнія племена. Секваповъ пужно было шадить, ремы содѣйствовали Цезарю въ войнѣ противъ бельговъ, эти послѣдніе были истощены, а эдуевъ и зависимыя отъ нихъ племена Цезарь признавалъ союзниками и доброжелателями римлянъ. Кромѣ того Цезарь хотѣлъ испытать, какое впечатлѣніе военные подвиги его на востокѣ произвели на западѣ, и не нужна-ли будетъ тутъ новая война, для внушенія должнаго уваженія къ римскому оружію.

Въ 56 г. зимніе лагеря были расположены на нижней Секванѣ (въ нынѣшней Нормандіи), а въ 55 г. въ нынѣшней югозападной Бельгіи—оба раза съ предположеніемъ уже цѣлю экспедицій въ Британію. А послѣ 2-й этой экспедиціи зимніе лагеря были расположены снова въ бельгійской

Галліи, но, по причинѣ неурожая, очень широко, хотя Цезарь увѣряетъ, что крайніе легіоны были удалены одни отъ другихъ не болѣе какъ на 200,000 шаговъ (20 нѣмец. миль или 140 русскихъ верстъ, дѣйствительно же, какъ впоследствии оказалось—почти на 30 миль=210 верстъ).

Вслѣдствіе приобрѣтеннаго при этомъ опыта, съ 53-го на 52-й годъ, въ которомъ произошло общее возстаніе Галловъ, легіоны уже были гораздо болѣе сосредоточены, такъ что 6 изъ нихъ были при Агендикѣ (Sens).

Въ случаяхъ неудачъ своихъ Цезарь являлъ меньшую энергію, нежели и въ случаяхъ успѣховъ и побѣдъ. И прежде всего онъ особенно заботился о томъ, чтобы не допускать упадка духа въ своихъ войскахъ. Для этого онъ употреблялъ въ дѣйствіе всю силу своего краспорѣчія и всѣ мѣры, чтобы какъ можно скорѣе выходить изъ неблагоприятнаго положенія, и притомъ не какъ побѣжденный, а какъ побѣдитель, двигаясь въ другую, отдаленную сторону. Такъ, напри- мѣръ, поступилъ онъ послѣ неудачи подъ Герговіей, двинувшись къ востоку отъ нея и стараясь на пути одерживать успѣхи въ небольшихъ, но удачныхъ предпріятіяхъ, какъ, напри- мѣръ, успѣшный переходъ его послѣ того черезъ р. Лигеръ (Луару).

§ 41.

Тактическія: дѣйствія Цезаря и устройство его войскъ въ Галліи.

Военныя дѣйствія Цезаря въ Галліи—въ тактическомъ отношеніи не менѣе замѣчательны искусствомъ, нежели и въ стратегическомъ. Дабы вѣрнѣе судить о томъ, необходимо дать надлежащее понятіе о тактическихъ: устройствѣ и образѣ движеній и дѣйствій римскихъ войскъ во времена Цезаря, *) сверхъ того, что вообще и вкратцѣ было сказано по этому предмету выше о римскихъ войскахъ во время римскихъ междоусобныхъ войнъ.

Тактической единицей римской легіонной пѣхоты во времена Цезаря была когорта, которою часто опредѣлялись вообще сила и расположеніе войскъ. Когорты никогда не раздѣлялись, атаки и всѣ эволюціи въ бою производились по когортамъ. Фронтъ каждой изъ нихъ, какъ изъ комментаріевъ

Цезаря заключить можно, занималъ 120 футовъ. Три манипулы когорты стояли рядомъ (по мнѣнію Рюстова) или одна за другою. Въ сраженіи съ первыми воины когорты такъ стѣснились въ переднемъ фронтѣ, что не могли дѣйствовать оружіемъ, почему Цезарь и приказалъ разомкнуть манипулы. При нападеніи скамбровъ на римскій лагерь при Адуатукѣ, римскіе нестроевые чины бросились отъ нихъ, по словамъ Цезаря, на когорты и манипулы, т. е. въ интервалы когортныхъ манипулъ. И многіе другіе примѣры доказываютъ, по мнѣнію Рюстова, что въ боевомъ строѣ когорты манипулы стояли рядомъ. Каждая манипула занимала 40 футовъ во фронтѣ и имѣла 12 рядовъ и, какъ кажется, 10 шеренгъ въ 40 футовъ глубины, слѣдовательно манипула имѣла одинаковыя фронтъ и глубину, а когорта, съ интерваломъ въ 4 фута между манипуль, на 120 футовъ во фронтѣ имѣла 40 футовъ въ глубину и всего 360 чел., что составляло нормальную силу ея.

Боевой строй легіона былъ или наступательный или оборонительный. Первый—нормальный—былъ въ 2 или въ 3 ли-

*) Руководствуясь при этомъ преимущественно прекраснымъ трудомъ Рюстова: *Heerwesen und Kriegführung Julius Caesar* (см. выше), въ которомъ авторъ, въ строгой системѣ, на основаніи комментаріевъ Цезаря, изложилъ тактическія: устройство, движенія и дѣйствія его войскъ и стратегическія дѣйствія его самого.

ний, по 5-ти когорты въ каждой изъ двухъ линій, или 4 когорты въ 1-й линіи и по 3 въ 2-й и 3-й, въ шахматномъ порядкѣ, съ интервалами въ 120 футовъ или и болѣе между когортами и съ дистанціями между линіями около 250 футовъ, что составляло около 600 футовъ въ глубину, на 840 футовъ во фронтѣ, цѣлаго легіона въ 3 линіи. Слѣдовательно наступательный боевой строй легіона былъ очень сосредоточенный, рассчитанный особенно для атаки и прорыва.

Оборонительный боевой строй легіона имѣлъ 2 вида: въ 1 линію и въ массѣ (orbis). Первый употреблялся для обороны лагерныхъ валовъ или вообще укрѣпленій, имѣя за собою только резервы для обороны воротъ и для вылазокъ. При этомъ строй могъ имѣть только полглубины—5 шеренгъ на валу, заднія же 5 шеренгъ у подошвы его, и безъ интерваловъ—съ 80 футами во фронтѣ центуріи, 160-ю—манипулы, 320-ю—когорты и 4800 футовъ—цѣлаго легіона. Но этотъ строй употреблялся также и въ открытомъ полѣ, если только при этомъ можно было обезпечить легіонъ отъ охвата съ фланговъ или отъ прорыва въ центрѣ многочисленною конницею и легкою пѣхотой непріятеля. Однако при этомъ когорты сохраняли, какъ при наступательномъ боевомъ строѣ, свои нормальныя длины во фронтѣ и въ глубину.

Второй видъ въ массѣ (orbis) употреблялся противъ нападенія превосходнаго въ силѣхъ непріятеля, со всѣхъ сторонъ, въ открытомъ полѣ. Въ такихъ случаяхъ, по мнѣнію Рюстова, большія части (когорты) вѣроятно строились въ пустые внутри четвероугольники (карé), а меньшія (манипулы и даже центуріи) въ такія же, круглыя кучки. При этомъ легіонеры употребляли тѣже средства обороны, что и во всякихъ оборонительныхъ расположеніяхъ и дѣйствіяхъ, т. е. защиту себя отъ непріятельскаго метательнаго оружія (щитами), употребленіе своихъ полукопій (pilum) и мечей, и нападеніе (вылазки), когда къ тому представлялись удобные случаи.

Тактический образъ построеній, движеній и дѣйствій пѣшихъ вспомогательныхъ войскъ (auxiliaria) долженъ былъ по необходимости сообразоваться съ легіонернымъ. Боевымъ порядкомъ для стрѣлковъ былъ разсыпной строй, а для вспомогательныхъ пѣшихъ войскъ такой, который, смотря по роду вооруженія ихъ, приближался или къ строю фаланги, или къ строю легіона.

Въ концѣ тактической единицей была турма (turma) въ 32 всадника, по 8 рядовъ въ 4 шеренги, при чемъ, можетъ быть, всадники 2-й шеренги становились за интервалами лошадей 1-й (согласно съ изслѣдованіями о позднѣйшей греческой тактикѣ). Считая по 5 футовъ на всадника во фронтѣ и по 10 въ глубину, можно положить, что длина фронта и глубина турмы одинаково составляли по 40 футовъ, слѣдовательно правильный квадратъ. — 12 турмъ (384—400 всадниковъ) составляли крыло (ala) или полкъ и вѣроятно строились, подобно пѣхотѣ, въ 2 линіи, съ интервалами между турмами, длиною по фронту въ 440 футовъ. Если конницы было много, то вѣроятно ее раздѣляли на большія, нежели турмы, отдѣленія, напримѣръ по 3 турмы вмѣстѣ (100 всадниковъ), занимавшія 120 футовъ во фронтѣ, а цѣлое крыло имѣло 4 такія отдѣленія въ 2 линіи. Но при еще большемъ числѣ конницѣ, въ большихъ сраженіяхъ, для атакъ, вѣроятно образовали цѣлыя конныя колонны изъ конныхъ крылъ (ala), напр. изъ трехъ турмъ (24 ряда) во фронтѣ и четырехъ турмъ (16 шеренгъ) въ глубину, и только послѣ успѣха атаки раздѣляли ихъ снова по турмамъ, для преслѣдованія непріятеля. Впрочемъ строй и образъ движеній и дѣйствій конницы опредѣлялись не однимъ числомъ ея, но и образомъ дѣйствій; смотря по вооруженію (метательному или ручному нападателному), и какіе бы ни были строй или образъ дѣйствій конницы, назначенной для атаки, начальникъ ея вѣроятно имѣлъ въ своемъ распоряженіи надлежащіе резервы.

§ 42.

Походныя движенія войскъ Цезаря въ Галліи.

Походныя движенія (agmen) когорты производили или рядами, или отдѣленіями (центуріями или манипулами), изъ боеваго порядка, направо или налево, колоннами въ 40 футовъ ширины. Цезарь перешелъ черезъ Рейнъ въ походной колоннѣ по отдѣленіямъ, потому что и мостъ черезъ Рейнъ построилъ въ 40 футовъ ширины. Если когорты должны были идти по дорогамъ уже 40

футовъ, то колонны по центуріямъ и по манипуламъ легко могли быть вдвояемы до 20 футовъ въ ширину. Длина колоннъ простиралась: по центуріямъ—до 120 футовъ, а съ вдвоенными шеренгами—до 240, и по манипуламъ—до 144, а съ вдвоенными шеренгами—до 288. Изъ походнаго порядка въ боевой когорты строились: по манипуламъ—поворотами, а по центуріямъ—при-

строениями, на право или на лѣво, смотря по движенію на лѣво или на право.

Походныя движенія легионовъ или большаго числа когортъ производились или одною простою колонной (*agmen pilatum*), или въ боевомъ порядкѣ (*acies instructa*), либо четырёхугольникомъ или квадратомъ (*agmen quadratum*). Въ простой колоннѣ когорты шли по порядку нумеровъ, въ колоннахъ по центуріямъ, съ вдвоенными или невдвоенными шеренгами, на право (1-я когорта впереди) или на лѣво (10-я когорта впереди), длиною всѣ или цѣлый легионъ въ 1,400 футовъ или въ 2,600 съ вдвоенными шеренгами. Тяжести одного легиона перевозились, нормальнымъ числомъ, на 520 вьючныхъ животныхъ. При ширинѣ колонны въ 40 футовъ, 8 такихъ животныхъ могли идти рядомъ, въ 65 шеренгъ, по 10 футовъ глубины на шеренгу, слѣдовательно—въ 650 футовъ глубины на всѣ легионы тяжести, а при 20-ти футахъ ширины колонны—въ 1,300 футовъ. Такимъ образомъ легионъ съ тяжестями, въ походной колоннѣ по центуріямъ, имѣлъ 2,050 или (съ вдвоенными шеренгами) 3,900 футовъ длины по дорогѣ (отъ 300 до 550 сажень = отъ $\frac{3}{5}$ версты до 1 версты и 50 сажень).

Походныя движенія легиона въ боевомъ порядкѣ производились или линіями (2-мя или 3-мя колоннами), либо флангами или фронтальными отдѣленіями. Въ походномъ порядкѣ по линіямъ, когорты 1—4 шли въ 1-й колоннѣ, 5—7 во 2-й и 8—10 въ 3-й, каждая въ колоннахъ по манипуламъ, и поворотами на право или на лѣво могли перестроиваться въ боевой порядокъ. Въ походномъ порядкѣ флангами или фронтальными отдѣленіями легионъ шелъ также 3-мя колоннами: въ 1-й—1-я, 5-я и 7-я когорты праваго фланга, во 2-й—2-я, 6-я и 9-я центра и въ 3-й—4-я, 3-я и 10-я лѣваго фланга, каждая когорта—въ колоннѣ по центуріямъ.

Если нѣсколько легионовъ шли въ боевомъ порядкѣ по фронтальнымъ отдѣленіямъ, то число колоннъ было втрое больше числа легионовъ (6, 9, 12 и т. д.), каждая колонна въ 3 или 4 когорты.

Походный порядокъ четвероугольникомъ или квадратомъ (*agmen quadratum*) былъ тѣмъ же, что въ боевыхъ порядкахъ былъ строй массами (*orbis*), и состоялъ въ слѣдующемъ: въ головѣ шло одно отдѣленіе въ боевомъ порядкѣ фронтальными отдѣленіями, за нимъ—тяжести, въ хвостѣ—другое отдѣленіе въ томъ же порядкѣ, что и 1-е, а по обѣимъ сторонамъ тяжестей—3-е и 4-е отдѣленія на флангахъ, имѣя когорты въ колоннахъ по манипуламъ. Въ походѣ противъ белловаковъ легионы шли въ неполномъ походномъ порядкѣ этого рода, именно—безъ фланговыхъ отдѣленій по сторонамъ тяжестей. А въ походѣ Це-

заря отъ Герговин и послѣ соединенія его съ Лабіеномъ, черезъ земли лингоновъ въ земли секвановъ и къ границамъ римской провинціи, Цезарь вѣроятно хотѣлъ продолжать движеніе въ походномъ порядкѣ квадратомъ, но, сильно тѣснимый галлами, не могъ построить его и невольно построился и шелъ въ боевомъ порядкѣ массой (*orbis*). Въ комментаріяхъ Цезаря встрѣчаются слѣдующія техническія наименованія имъ походныхъ порядковъ и построений изъ нихъ боевыхъ: *aciem instruere*—строить или возстановлять фронтъ, *cohortes disponere*—развертывать когорты, *aciem dirigere*—направлять фронтъ, *legiones explicare*—развертывать легионы, *consistere*—останавливаться, *torquere agmen ad dextram (ad sinistram)*—перемѣнять направление движенія на право или на лѣво, *signa convertere*—перемѣнять фронтъ въ бою и проч.

Походный порядокъ крыла (или полка) конницы въ 40 всадниковъ состоялъ въ томъ, что турмы слѣдовали одна за другою, въ 40 футовъ ширины во фронтѣ, а всѣ вмѣстѣ, безъ тяжестей—въ 480 футовъ глубины по дорогѣ. Тяжести же, болѣе значительныя, увеличивали колонну, безъ сомнѣнія, еще на половину (240 футовъ), такъ что колонна въ 10 крылъ (или полковъ) или въ 4 т. всадниковъ, которыхъ Цезарь иногда имѣлъ въ совокупности, занимала до 7,200 футовъ (болѣе 2 версты) въ глубину по дорогѣ.

Если ширина дороги не превышала 20 фут., то турмы вдвигали шеренги и слѣдовали по 4 всадника во фронтѣ и по 8 въ глубину. Тогда крыло (или полкъ) конницы безъ тяжестей растягивалось на 960 футовъ, а съ тяжестями на 1,440, цѣлая же колонна изъ 10 крылъ (120 турмъ или 4,000 всадниковъ)—на 14,400 футовъ (болѣе 4 версты).

Походныя движенія нѣсколькихъ легионовъ рассчитывались на суточные переходы (*itinega*) отъ одного лагеря до другаго, числомъ которыхъ считались и всѣ вообще походы (напр. въ 2, въ 3 и т. д. лагеря). Расположеніе на походѣ въ полевыхъ укрѣпленныхъ лагеряхъ было непремѣннымъ условіемъ. Войска вступали въ бой не иначе, какъ имѣя за собою свой укрѣпленный лагерь, и даже если имъ случалось встрѣчать непріятеля на переходѣ отъ лагеря къ лагерю, то и тогда одна половина войскъ немедленно устроивала лагерь, а другая прикрывала устройство его.

Нормальный, обыкновенный дневной переходъ отъ одного лагеря до другаго (по свидѣтельству Вегеція о величинѣ и времени переходовъ новобранцовъ или рекрутъ) составлялъ по римскому расчету 40,000 шаговъ (въ $2\frac{1}{2}$ фута) обыкновеннымъ военнымъ шагомъ (*militari gradu*) или 48,000

шаговъ скорымъ шагомъ (*pleno gradu*)—въ 5 лѣтнихъ часовъ, что составляетъ по римскому расчету, въ первомъ случаѣ 20, а во второмъ 24 римскія мили, а по теперешнему расчету, въ первомъ случаѣ — 4 географическія мили, или 28 русскихъ верстъ, а во второмъ— $4\frac{1}{2}$ геогр. мили или 33 версты 300 сажень русскихъ *), въ $6\frac{2}{3}$ или 7 лѣтнихъ часовъ, считая отъ 4—5 ч. утра до 11—12 часовъ дня. Но при этомъ необходимо принять въ расчетъ число войскъ и тяжестей, свойства проходимой мѣстности, встрѣчавшіяся затрудненія или препятствія, необходимые привалы для отдыха, погоду, близость непріятеля, наконецъ время, нужное для выступленія изъ одного лагеря и для вступленія въ другой. Такимъ образомъ дѣйствительно-нормальный, обыкновенный римскій переходъ можно, кажется, считать въ 30,000 римскихъ шаговъ=15 римскихъ миль и въ 5 римскихъ часовъ пути (по теперешнему расчету 3 географ. мили=21 русская верста въ 7 часовъ времени).

Переходы выше этой мѣры были уже усиленные и производились на-легкѣ, безъ тяжестей. Такъ Цезарь шелъ съ 4-мя легіонами отъ Герговін къ югу противъ Литавика, встрѣтилъ его въ тотъ же день въ 25 рим. миляхъ (5 географ. миляхъ=35 русск. верстахъ) отъ Герговін, въ слѣдующую ночь двинулся назадъ и до разсвѣта воротился къ Герговін. Во все это время легіоны имѣли только 3 часа отдыха. А когда Цезарь сосредоточивалъ войска, чтобы идти на помощь Цицерону, Крассъ съ легіономъ прошелъ отъ полуночи до 8 или 9 утра 25 римскихъ миль. Точно также и походъ изъ лагеря при р. Аксонѣ къ Новіодуну былъ очень усиленный.

Выступленіе изъ лагеря въ походъ происходило обыкновенно при восходѣ солнца (около 6 часовъ), но въ обыкновенныхъ случаяхъ и ранѣе — въ 4-ю стражу ночи (отъ 3 до 6 ч. утра) и даже въ 3-ю (отъ полуночи до 3 ч. утра).

Походныя движенія (марши) были наступательныя (*iter*), отступательныя (*iter aversum*) либо фланговыя или параллельныя (*iter obliquum*). Къ первымъ принадлежала большая часть движеній Цезаря: противъ лагеря тигуринцовъ, а потомъ противъ лагеря узипетовъ,—отъ лагеря при р. Аксонѣ противъ бельговъ и др., ко вторымъ — отъ преслѣдуемыхъ имъ гельветовъ къ Бибрактѣ, отъ Герговін на востокъ черезъ р. Элаверъ и др., а къ третьимъ—всегда на недалекихъ разстояніяхъ, какъ-то: въ тылъ Аріовисту, на свои сообщенія, гдѣ устроилъ малый лагерь, далѣе, когда Верцинге-

ториксъ сломалъ всѣ мосты на р. Элаверѣ и оба войска шли параллельно по обоимъ берегамъ этой рѣки, и др. т. п.

Въ наступательныхъ походныхъ движеніяхъ впереди шелъ передовой отрядъ (авангардъ) изъ всей или большей части конницы и легкой пѣхоты, поддерживаемыхъ антесигнанами или п когортами безъ тяжестей, — въ серединѣ — главные силы и въ хвостѣ—задній отрядъ (*арріергардъ*). Обязанностями передоваго отряда были: вступать въ бой съ встрѣченнымъ непріятелемъ и давать главнымъ силамъ время для сближенія и построенія къ бою, а главному начальнику — для принятія нужныхъ мѣръ, а въ случаѣ преслѣдованія непріятеля—неотступно слѣдить за нимъ и задерживать его, а также развѣдывать о мѣстности и непріятелѣ (особыми развѣдчиками, *exploratores*, или и отдѣльными турмами, спереди и по сторонамъ) и наконецъ выбрать и приготовить лагерныя мѣста, для чего при передовомъ отрядѣ были посылаемы центуріоны съ воинами, подъ начальствомъ трибуна или особаго лица, по назначенію полководца. Цезарь тогда только не посылалъ своей конницы въ передовомъ отрядѣ, когда не надѣялся на нее или, слѣдуя въ боевомъ порядкѣ, обезпечивалъ себя тѣмъ отъ внезапнаго нападенія. Если даже онъ имѣлъ мало конницы, то и тогда посылалъ впередъ хотя небольшую часть ея. Отряды, въ которыхъ вовсе не было конницы, были обязаны высылать впередъ части пѣхоты.

За передовымъ отрядомъ слѣдовали главные силы (*agmen legionum*), а за ними задній отрядъ, имѣвшій при наступленіи только цѣль соблюденія въ тылу порядка. Главныя силы слѣдовали или въ простой колоннѣ съ раздѣленными либо нераздѣленными тяжестями, или же въ боевомъ порядкѣ. Походное движеніе въ одной колоннѣ съ раздѣленными тяжестями употреблялось въ дружелюбной странѣ и когда не предвидѣлось опасности встрѣтить непріятеля. При этомъ каждый легіонъ шелъ въ колоннѣ по когортамъ и центуріямъ, съ невзвоенными или взвоенными шеренгами, смотря по ширинѣ дорогъ, имѣя за собою свои тяжести, для прикрытія которыхъ сзади послѣдній легіонъ въ хвостѣ вѣроятно отряжалъ одну или болѣе когортъ, которыя и образовали задній отрядъ всей колонны. Колонна въ 5 легіоновъ, при ширинѣ дороги въ 40 футовъ, занимала въ длину по дорогѣ 10,250 футовъ или 4100 шаговъ (4 рим. мили + 100 шаговъ = 5 версты 300 саж. русскихъ) а при ширинѣ дороги въ двадцать футовъ—вдвое болѣе.

Въ случаѣ же движенія въ такомъ краю, гдѣ можно было встрѣтить непріятеля, легіоны слѣдовали въ одной колоннѣ, какъ выше означено, но не съ раздѣленными, а съ соединенными тяжестями, впереди кото-

*) 1 римская миля=1000 геометрическихъ шаговъ въ 5 римскихъ футовъ=75 въ 1 градусѣ= $\frac{1}{2}$ географ. мили=1 верстѣ 200 сажень русскимъ.

рыхъ шла бѣольшая часть (обыкновенно $\frac{3}{4}$ легионовъ, т. е. изъ 4-хъ—3, изъ 8-ми—6 и т. д.) безъ тяжестей, а въ хвостѣ—остальные, въ видѣ задняго отряда. Этотъ походный порядокъ былъ удобнѣе предъидущаго на случай встрѣчи съ непріятелемъ. Но еще удобнѣе для того было походное движеніе въ боевомъ порядкѣ (*acie instructa*), только на небольшихъ протяженіяхъ (до 16,000 шаговъ = 8 верстъ 200 саж. русскихъ), когда можно было встрѣтить непріятеля готовымъ къ бою, или на мѣстѣ, или въ наступленіи, или когда имѣлось въ виду произвести внезапное нападеніе на него. Такъ, напримѣръ, Цезарь слѣдовалъ противъ узипетовъ и тенхтеровъ. При этомъ легионы шли фронтальными отдѣленіями центромъ и двумя флангами (см. выше), т. е. числомъ колоннъ (отъ 3 до 4 когорты) втрое бѣольшимъ числа легионовъ (15—при 5-ти легионахъ, 18—при 6-ти и т. д.), а легионеры шли въ полной готовности къ бою (шлемы на головахъ, щиты на рукахъ, оружіе въ рукахъ, безъ своихъ пошъ или багажа, оставленнаго въ лагерьѣ назадъ и пр.).

Походныя движенія при отступленіи производились обыкновенно въ простой колоннѣ съ нераздѣленными, собранными въ серединѣ тяжестями (см. выше), или квадратомъ (см. выше). Въ первомъ случаѣ всѣ тяжести высылались прежде всѣхъ назадъ, подъ прикрытіемъ до 10 когорты (1 легиона), составлявшихъ передовой отрядъ, съ центуріонами и воинами для разбивки новаго лагеря. За тяжестями, черезъ нѣсколько времени, въ нѣкоторомъ разстояніи, слѣдовали главныя силы въ одной колоннѣ по когортамъ и центуріямъ, какъ при наступленіи, а за ними задній отрядъ (*аррьергардъ*), составленный также, какъ передовой отрядъ при наступленіи, но съ резервами изъ антесигналовъ или даже легионерныхъ когорты, или и цѣлыхъ легионовъ, и обязанный всячески задерживать непріятеля.

Походный порядокъ квадратомъ употреблялся среди частнаго или общаго возстанія въ краю, когда непріятель угрожалъ нападеніемъ съ разныхъ или со всѣхъ сторонъ и имѣлъ много конницы. Въ этомъ порядкѣ обыкновенно всѣ легионы образовали одинъ общій квадратъ, но и каждый легионъ особо могъ идти квадратомъ. При этомъ конница, стрѣлки и антесигнаны находились внѣ и кругомъ квадратовъ со всѣхъ сторонъ и, въ случаѣ надобности, были усиливаемы когортами, производившими вылазки изъ квадратовъ. Въ случаѣ же слишкомъ сильнаго натиска непріятеля, квадратъ останавливался и перестроивался въ боевой порядокъ массами (*orbis*, см. выше).

Фланговые или параллельныя походныя движенія производились, какъ сказано выше, всегда на небольшихъ протяженіяхъ и въ

боевомъ порядкѣ. При этомъ легионы шли по линіямъ, въ 2 или въ 3 линіи или колонны, а тяжести съ противоположной непріятелю стороны, всѣ вмѣстѣ или между легионами, все это смотря по обстоятельствамъ. Последнимъ образомъ (т. е. въ 3 линіи и колонны, тяжести между легионами) Цезарь направилъ свои легионы вверхъ по правому берегу р. Элавера (*Allier*), дабы принудить Верцингеторикса также идти вверхъ по лѣвому берегу этой рѣки, какъ было изложено выше. Фланговые движенія въ открытомъ со всѣхъ сторонъ полѣ были прикрываемы съ боковъ такими оберегательными отрядами, какъ передовые въ наступленіи и задніе въ отступленіи. Лагерныя центуріоны и воины (для разбивки лагеря) шли, по возможности, впереди легионныхъ колоннъ, въ направленіи ихъ движенія.

При всѣхъ вообще походныхъ движеніяхъ нѣсколькихъ легионовъ вмѣстѣ, порядокъ слѣдованія легионовъ правымъ или лѣвымъ флангомъ ежедневно измѣнялся.

Изъ всѣхъ естественныхъ препятствій при походныхъ движеніяхъ нѣсколькихъ легионовъ, труднѣйшими и болѣе обыкновенными въ Галліи были переходы черезъ рѣки, въ бродъ или по мостамъ. Въ бродъ войска Цезаря могли переходить и переходили часто и на большой глубинѣ (до пояса, груди и даже шеи), потому что не носили на себѣ ничего, что могло бы быть повреждено водою. Цезарь предпочиталъ переходы въ бродъ, по возможности, переходамъ по мостамъ, которые нужно было строить. Броды были отыскиваемы передовою конницею и переходы черезъ нихъ производились такъ, что выше и ниже по теченію, поперегъ рѣки, становились 2 линіи конницы, одна за другою, а между ними проходила пѣхота. Въ виду непріятеля (какъ, напримѣръ, черезъ р. Темзу противъ британцовъ) переходъ въ бродъ совершался иначе—въ боевомъ порядкѣ.

Гдѣ не было бродовъ, строились мосты, причемъ значительныя: рабочая сила и ловкость легионеровъ почти вполне вознаграждали отсутствіе при легионахъ Цезаря (какъ и вообще въ это время) перевозныхъ мостовъ (или мостовыхъ понтоновыхъ экипажей). Въ войнѣ въ Галліи усматриваются самыя разнообразныя постройки мостовъ войсками Цезаря, отъ простѣйшихъ и легчайшихъ до самыхъ сложныхъ и трудныхъ, какъ, напримѣръ, два раза построенные на сваяхъ мосты черезъ Рейнъ, 1-й разъ—въ 10 сутокъ, а 2-й—еще скорѣе. А на р. Элаверѣ (*Allier*) онъ возстановилъ полуразрушенный Верцингеториксомъ мостъ, у котораго однако остались еще цѣлыя сваи.

Черезъ р. Мозу (Маасъ) противъ мепапиевъ и черезъ р. Араръ (Саону), послѣ

пораженія тигуринцовъ, онъ переправилъ свои войска, вѣроятно, по мостамъ на судахъ, которыя везли запасы продовольствія его.

Для обезпеченія переходовъ черезъ рѣки, онъ старался отвлекать непріятеля въ другую сторону (какъ на р. Элаверѣ) или внезапно занимать на другомъ берегу какой-нибудь крѣпкій пунктъ. Переправъ же на судахъ онъ въ Галліи вообще не лю-

билъ, признавая, что при наступленіи слѣдовало помышлять не объ одной переправѣ впередъ, но и о переправѣ назадъ, для чего необходимо было прочное и надежное сообщеніе, обезпеченное сильными отрядами войскъ, а иногда и укрѣпленіями. Открытою силою въ виду непріятеля онъ перешелъ только одинъ разъ черезъ р. Темзу въ Британію.

§ 43.

Образъ дѣйствій войскъ Цезаря въ бою—въ Галліи.

Для боя въ открытомъ полѣ легіоны располагались, въ означенномъ выше наступательномъ боевомъ порядкѣ, преимущественно на легкихъ скатахъ высотъ, дабы съ нихъ ударять сверху внизъ на непріятеля, стоявшаго у подошвы этихъ высотъ. На разстояніи болѣе 240—250 шаговъ отъ наступающаго непріятеля или болѣе 120 шаговъ отъ стоявшаго на мѣстѣ и выжидающаго атаки, когорты двигались обыкновеннымъ (и вѣроятно мѣрнымъ) шагомъ; приближаясь же къ непріятелю на то или другое изъ означенныхъ выше разстояній—бѣглымъ шагомъ, первыя шеренги—съ готовыми къ метанію полукопьями (*pilum*), которыя и бросали разомъ на разстояніи отъ 10 до 20 шаговъ отъ непріятеля. Затѣмъ онѣ немедленно обнажали мечи, бросались въ ряды непріятеля и переднія вступали въ рукопашный бой, а заднія поддерживали ихъ. 2-я или 2-я и 3-я линіи слѣдовали за 1-ю и останавливались за нею на установленныхъ дистанціяхъ (около 200 футовъ) и, въ случаѣ надобности, когорты 2-й линіи вступали въ интервалы 1-й и въ бой съ непріятелемъ, а когорты 1-й линіи или продолжали бой съ нимъ, или отступали въ интервалы 2-й линіи. Такимъ образомъ 2-я или и 3-я линіи легіона постепенно вступали въ бой и поддерживали одна другую.

Приведенная выше римская тактика Цезаревыхъ временъ, при всѣхъ своихъ достоинствахъ (простотѣ, силѣ и пр.), имѣла и свои недостатки, и свои опредѣленные условія. Она требовала сильныхъ, ловкихъ и особенно храбрыхъ воиновъ и сильныхъ натиска и удара, но имѣла много невыгодъ въ оборонѣ и не дѣлала легіоновъ вполне независимыми отъ мѣстности. Хотя римская легіонная или тяжелая пѣхота имѣла своихъ стрѣлковъ въ вспомогательной легкой пѣхотѣ и антесигнановъ (*antesignani*, т. е. впереди значковъ или знаменъ стоявшихъ), которыхъ придавалъ ей Цезарь, но стрѣлковъ, вполне годныхъ, было не-

много, антесигнаны вовсе не были стрѣлками, въ особенности же тактическія начала легіонной и легкой пѣхоты были совершенно различныя. Поэтому стройное сочетаніе дѣйствій одного рода пѣхоты въ массахъ, а другаго—въ разсыпномъ строѣ, было невозможно. Причиной тому могло быть, между прочимъ, тогдашнее неудовлетворительное состояніе конницы, именно совершенный недостатокъ въ ней упорства и стойкости, то, что въ ней скорѣе и легче, нежели въ пѣхотѣ, происходили разстройство и безпорядокъ и т. п. А этому нельзя было пособить иначе, какъ придавая конницѣ, на время боя, тѣсно соединенную съ нею пѣхоту, достаточно легкую для слѣдованія за дѣйствіями конницы, но и достаточно способную для дѣйствій противъ непріятельской конницы, не издали, а на близкомъ разстояніи. Цезарь съ большою выгодой употреблялъ для этого наемную германскую пѣхоту и своихъ антесигнановъ, располагая ихъ небольшими отдѣленіями (примѣрно—силою манипулъ) въ интервалахъ конницы. Они нападали сомкнутыми толпами на атакующую непріятельскую конницу, или слѣдовали за атаками собственной, проникали въ интервалы непріятельской и наносили ей большой вредъ, особенно убіеніемъ лошадей ея.

Собственно боевыми войсками римлянъ вообще и у Цезаря въ Галліи были легіоны. Они могли вести бой совершенно самостоятельно, безъ содѣйствія и подкрѣпленія другихъ родовъ войскъ и—если послѣднихъ не было подъ рукою—это положительно требовалось отъ нихъ. А какъ въ тактикѣ ихъ господствующею чертою былъ натискъ, то римскимъ нормальнымъ боемъ всегда былъ бой наступательный, а оборонительный—лишь исключеніемъ.

Нормальнымъ строемъ легіоновъ для наступательнаго боя былъ строй въ 3 линіи (*acies triplex*), одинъ легіонъ возлѣ другаго, такъ что въ арміи изъ 6 легіоновъ,

1-й линіи находилось 24 когорты, а во 2-й и 3-й—по 18-ти въ каждой. Но только 1-я и 2-я линіи были дѣйствовавшими, а 3-я резервомъ въ распоряженіи полководца. Главною дѣлю употребленія первыхъ 2-хъ линій было атаковать ими непріятеля прямо съ фронта, какого бы онъ ни былъ протяженія, и опрокинуть, разбить, истребить непріятеля, попеременною смѣною одной линіи другою. 3-я же линія (резервъ) имѣла, смотря по обстоятельствамъ и ходу боя, или наступательное, или оборонительное назначеніе, первое—для нанесенія рѣшительнаго удара, второе—для прикрытія и обезпеченія фланговъ 1-й и 2-й линій, въ случаѣ охвата ихъ непріятелемъ. Въ сраженіи съ геллветами при Бибрактѣ, 3-я линія не вступала въ бой до тѣхъ поръ, пока бои и туринги не явились на правомъ флангѣ 1-й и 2-й линій. Тогда Цезарь двинулъ противъ нихъ свѣжую 3-ю линію, которая и дала 1-й и 2-й возможность продолжити и довершити бой. Въ сраженіи съ Аріовистомъ правое римское крыло одержало побѣду, но лѣвое было сильно тѣснимо—и въ помощь ему Цезарь двинулъ всю свѣжую 3-ю линію, которая и содѣйствовала побѣдѣ его. А въ дѣйствіяхъ, предшествовавшихъ этому сраженію, 3-я линія, подъ прикрытіемъ 1-й и 2-й, укрѣпляла лагерь и, еслибы понадобилось, могла бы тотчасъ быть отъ работъ введена въ бой.

Изъ этого слѣдуетъ, что, смотря по обстоятельствамъ, можно было армію строить къ бою, или въ 2 линіи (*acies duplex*), или въ 4 (*acies quadruplex*): въ 2 линіи—когда 3-ю можно было составлять изъ другихъ (не-легіонерныхъ) войскъ или когда въ ней вовсе не было надобности, по разнымъ причинамъ. Такъ Крассъ, при атакѣ лагеря аквитанцовъ, построилъ только 8 когортъ въ 2 линіи, а 4 оставилъ въ своемъ лагерѣ въ резервѣ и подъ конецъ послалъ атаковать непріятельскій лагерь съ тыла. Въ 4 же линіи можно было строить легіоны или когорты тогда, когда резервамъ—3-й и 4-й линіямъ—предстояло дѣйствовать и наступательно, и оборонительно, либо съ фронта, либо на флангахъ. При этомъ 3-я линія назначалась всегда для атаки съ фронта, а 4-я для обороны фланговъ, располагаясь не за 3-ю линіей, а смотря по обстоятельствамъ—рядомъ съ нею или впереди ея.

Замѣчательно то, что вообще при расположеніи въ 2, 3 и 4 линіи, старшія по №№ и лучшія когорты стояли и сражались въ 1-й линіи, а среднія и младшія, менѣе хорошія или надежныя—во 2-й, 3-й и 4-й линіяхъ, совершенно наоборотъ того, какъ было прежде въ строѣ по манипуламъ.

Назначеніе конницы въ общемъ строѣ къ бою состояло въ отраженіи атакъ фланговой непріятельской конницы, въ охватываніи непріятеля на флангахъ и въ преслѣ-

дованіи его въ случаѣ побѣды. Конница обыкновенно строилась на обоихъ флангахъ легіоновъ, или по-ровну, или на одномъ бо-лѣе, на другомъ менѣе, или вся на одномъ флангѣ, либо позади легіоновъ, смотря по обстоятельствамъ, надобности, мѣстности и пр. Такъ вся она была построена за легіонами, при Бибрактѣ—потому что была ненадежна, а противъ Аріовиста—потому что войско его было ограждено съ фланговъ и тыла повозками.

Легкая пѣхота была распредѣляема, или въ интервалахъ конницы, либо легіоновъ, по всей линіи фронта, или впереди ея, преимущественно же на флангахъ легіоновъ, чтобы препятствовать охватыванію ихъ и самимъ охватывать непріятеля. При атакѣ она была мало полезна, но при выжиданіи атаки непріятеля—напротивъ, очень полезна.

Весь боевой порядокъ арміи раздѣлялся на центръ (*acies media*) и на правое и лѣвое крыла (*cornu dextrum, cornu sinistrum*), но составлялъ одно общее, совокупное цѣлое. Дѣйствительными фронтальными частями или отдѣленіями были сначала крыла конницы, а потомъ отдѣльные легіоны, начальниками которыхъ Цезарь назначилъ, послѣ сраженія съ Аріовистомъ, своихъ легатовъ. На флангахъ всегда ставились старшіе по №№ и лучшіе легіоны, а въ центрѣ младшіе и менѣе надежные. Бой начинало и атаку производило иногда правое крыло (какъ противъ Аріовиста), а иногда лѣвое, смотря по обстоятельствамъ. Но когда никакихъ особенныхъ причинъ къ тому либо другому не было, Цезарь, подобно Александру В., предпочиталъ начинать атаку правымъ крыломъ. На атаковавшемъ крылѣ были располагаемы лучшіе, особенно предпочитаемые легіоны, напримѣръ 10-й, вѣроятно первый, котораго Цезарь нашелъ въ римской провинціи и съ нимъ открылъ дѣйствія на р. Роданѣ противъ геллветовъ.

Нормальный ходъ самаго боя состоялъ въ томъ, что передъ началомъ послѣдняго полководецъ объѣзжалъ легіоны и произносилъ передъ ними краткую рѣчь (*cohortatio*), напоминая имъ прежніе подвиги, дѣло, которое они защищали, послѣдствія побѣды или пораженія и тѣмъ возбуждалъ ихъ мужество и храбрость. Затѣмъ онъ отправлялся на флангъ атакующаго крыла и подавалъ здѣсь, на трубахъ, сигналъ (*signum*) къ бою: сигналъ этотъ повторяли всѣ легіонные трубачи. Въ тоже время атакующее крыло двигалось въ атаку съ боевымъ крикомъ (*barritus*), а за нимъ шли въ атаку и прочіе легіоны 1-й и 2-й линій. Между тѣмъ конница съ приданною ей легкою пѣхотой оставалась въ выжидательномъ положеніи, поодаль передней линіи легіоновъ, готовая отражать фланговые атаки непріятеля, либо сама атаковала стоявшую противъ нея конницу его, съ тѣмъ, чтобы опро-

кннуть ее и атаковать непріятельскую пѣхоту во флангъ. Полководецъ управлялъ боемъ, выводилъ изъ него одни войска и вводилъ въ него другія, или лично, или чрезъ состоявшихъ при немъ военныхъ чиновъ, или посредствомъ сигналовъ на трубахъ либо знаменемъ. Если побѣда была рѣшена, то конница бросалась въ преслѣдованіе, а за нею слѣдовали и легіоны. Если же бой кончался неудачей или пораженіемъ, то производилось отступление въ паходившійся позади лагерь, гдѣ войска собирались и вновь устроивались.

Оборонительный бой всегда имѣлъ цѣлю, пользуясь мѣстностью, какъ можно болѣе представлять непріятелю затрудненій къ подступу, задерживать его, поражать между тѣмъ издали метательнымъ оружіемъ, ослаблять и пользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ и временемъ для перехода въ частное или общее наступленіе. Но изъ этихъ двухъ оборонительныхъ средствъ, по малымъ: числу и удовлетворительности легкой пѣхоты и стрѣлковъ, главнымъ была удачно и выгодно избранная мѣстность. А если такой не было, то пособить тому могло только искусство со всѣми вспомогательными средствами его. Все это можно ясно усмотрѣть въ оборонительной позиціи, избранной Цезаремъ на правомъ берегу р. Аксоны. Лагерь его былъ расположенъ на высотѣ, ограниченной съ юга Аксоной; къ сѣверу отъ него находилась плоская возвышенность (плато), съ довольно крутыми скатами къ востоку и западу, а къ сѣверу, къ сторонѣ непріятеля, имѣвшая легкий скатъ къ небольшому болоту. На этой возвышенности и на скатѣ ея къ болоту Це-

зарь построилъ имѣвшіеся у него 6 легіоновъ, фронтомъ къ болоту, черезъ которое непріятель долженъ былъ переходить для атаки и при этомъ прійти въ разстройство, а тогда легіонамъ было очень удобно и выгодно атаковать его сверху внизъ. Но болото это было въ ширину узко, и бельги, по многочисленности своей, обошли его съ обѣихъ сторонъ, для атаки легіоновъ съ фланговъ. Но Цезарь уже прежде того усилилъ обезпеченіе легіоновъ съ фланговъ, сверхъ крутыхъ скатовъ, еще двумя рвами до болота, съ возвышенными укрѣпленіями на четырехъ оконечностяхъ ихъ. Выше уже было сказано, что бельги перешли справа и слѣва черезъ Аксону, но были отражены, опрокинуты, преслѣдованы и разбиты. Подобно бою при Аксонѣ, и всѣ вообще оборонительныя дѣйствія войскъ Цезаря въ Галліи за разомкнутыми и сомкнутыми укрѣпленіями (какъ при Герговин, Алезин и пр.) слѣдуетъ также причислить къ видамъ оборонительнаго боя, въ которомъ большая или меньшая часть оборонявшихся войскъ должна была производить вылазки, а другая—занимать и охранять укрѣпленія. Въ открытомъ же полѣ, гдѣ ни мѣстность, ни искусственныя укрѣпленія не могли представить достаточныхъ средствъ къ оборонѣ, все дѣло заключалось въ томъ, чтобы умѣть искусно выжидать въ оборонѣ удобныхъ случаевъ и времени для перехода въ наступленіе и для атаки непріятеля на одномъ или нѣсколькихъ пунктахъ. Подобнаго рода бой Цезарь имѣлъ съ Верцингеториксомъ, двинувшимся на встрѣчу ему къ югу въ земли арверновъ, и нѣкоторые другіе случаи.

§ 44.

Полевая фортификація;—полевые лагеря и укрѣпленія.

У Цезаря въ Галліи, какъ у римлянъ вообще въ это время, полевая фортификація имѣла два рода: полевые лагеря и полевые укрѣпленія, и по два вида каждаго рода: лагеря лѣтніе (*castra aestiva*) и зимніе (*castra hiberna*), и полевые укрѣпленія разомкнутыя и сомкнутыя. О тѣхъ и другихъ уже были изложены свѣдѣнія вообще—выше въ началѣ. Здѣсь же прибавимъ нѣкоторыя дополнителныя свѣдѣнія, относящіяся собственно къ войнѣ Цезаря въ Галліи.

О наружномъ видѣ и внутреннемъ устройствѣ римскихъ лагерей въ это время свѣдѣній не имѣется. Специальныя описанія римскихъ лагерей, дошедшія до насъ, принадлежатъ Полибію и Игниту и относятся, первыя—ко временамъ республики и пре-

имущественно пуническихъ войнъ, а вторыя—ко временамъ имперіи и именно Траяна, Адриана, Антонина и Марка Аврелія. Тѣ и другія представляютъ то существенное отличіе отъ вида и устройства римскихъ лагерей во времена Цезаря, что служившіе имъ основаніемъ составъ и устройство римскихъ войскъ были совершенно различны въ каждый изъ этихъ трехъ періодовъ времени. Во времена Цезаря это различіе заключалось въ томъ, что въ составѣ римскихъ армій вообще и Цезаревой въ частности были разнаго рода и устройства вспомогательныя войска, которыя во времена Полибія и Игнита имѣли совершенно другіе составъ и устройство. Но отношенія ихъ къ составу и устройству римскихъ легіоновъ во времена Цезаря пред-

ставляютъ, по мнѣнію Рюстова, гораздо болѣе сходства съ ними во времена Иггина, нежели во времена Полибія. Весьма естественно, что это не могло не отражаться въ частностяхъ на видѣ и устройствѣ римскихъ лагерей, хотя главные основанія во всѣ три періода были тѣже. А потому тамъ, гдѣ Полибій и Иггинъ согласны въ главныхъ основаніяхъ, съ вѣроятностью предположить можно, что они были тѣже и во времена Цезаря, слѣдовательно здѣсь излишне будетъ повторять то, что о нихъ уже было сказано прежде. Тамъ же, гдѣ между Полибіемъ и Иггиномъ есть различіе, естественноѣе кажется, по мнѣнію Рюстова, держаться болѣе Иггинова описанія, нежели Полибіева, не выпуская только изъ виду различія отношеній числительной силы легіоновъ и вспомогательныхъ войскъ во времена Цезаря и во времена Траяна, Адріана и др.

Въ лѣтнемъ лагерѣ временъ Цезаря войска были распредѣляемы примѣрно слѣдующимъ образомъ:

Въ передней или претентурной части лагеря—отъ $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{3}$ всѣхъ когортъ, поровну съ обѣихъ сторонъ преторіанской дороги. Палатки когортъ были обращены фронтомъ къ переднему и боковымъ валамъ. Вдоль главной, поперечной дороги, фронтомъ къ ней и къ средней, преторіанской части лагеря, находились палатки легатовъ и военныхъ трибуновъ. Сверхъ того, въ обѣихъ половинахъ передняго лагеря, между палатками когортъ, легатовъ и трибуновъ и продольною, преторіанскою дорогой, находились палатки $\frac{1}{4}$ всей конницы и $\frac{1}{2}$ всѣхъ стрѣлковъ.

Въ средней или преторіанской части лагеря, противъ обѣихъ боковыхъ валовъ— $\frac{1}{5}$ всѣхъ когортъ, поровну (по $\frac{1}{10}$) съ обѣихъ сторонъ. Въ серединѣ, въ видѣ продолговатаго четырехугольника, былъ преторій или площадь главной квартиры, съ палаткой полководца по срединѣ и съ палатками всѣхъ высшихъ и низшихъ военныхъ чиновъ, равно и войскъ, состоявшихъ при немъ—справа и слѣва вдоль преторія. Между когортами противъ боковыхъ валовъ и войсками преторія находились палатки $\frac{1}{2}$ всей конницы по ровну (по $\frac{1}{4}$) съ обѣихъ сторонъ.

Наконецъ, въ задней или ретентурной части лагеря находились: по срединѣ, въ видѣ продолговатаго четырехугольника, какъ преторій—квесторій или площадь всѣхъ высшихъ и низшихъ чиновъ военно-хозяйственной части, начиная съ квестора (казначей и интенданта); по обѣимъ сторонамъ квесторія—палатки всѣхъ остальныхъ ($\frac{1}{2}$) когортъ, поровну ($\frac{1}{4}$) съ обѣихъ сторонъ, фронтомъ къ боковымъ валамъ,—а между квесторіемъ съ обѣихъ сторонъ его, 5-тигорстною дорогой (via quintana) и ко-

гортами—палатки вспомогательной пѣхоты, за исключеніемъ стрѣлковъ.

Вдоль всѣхъ четырехъ сторонъ лагеря, внутри его, широкая дорога отдѣляла палатки войскъ отъ валовъ и служила для сбора и построения войскъ въ случаѣ обороны лагеря. У Полибія она означена въ 200 футовъ ширины, а у Иггина только въ 60, но во времена Цезаря, по мнѣнію Рюстова, должна была имѣть, вѣроятно, не менѣе 120 футовъ.

Величина всего лагеря зависѣла отъ числа располагавшихся въ немъ когортъ или легіоновъ, конницы, вспомогательныхъ войскъ, тяжести и пр. и могла, по обстоятельствамъ, быть уменьшаема (наприм. для скрытія настоящаго числа войскъ и введенія непріятели въ заблужденіе) развѣ только на $\frac{1}{4}$ или по крайней мѣрѣ на $\frac{1}{3}$ боковой или продольной длины. Увеличиваема же она ни въ какомъ случаѣ не могла быть.

Выборъ мѣстъ подъ лагеря, независимо стратегическихъ и тактическихъ условій, обусловливался еще расположеніемъ ихъ: 1) на возвышенныхъ мѣстахъ, преимущественно на легкихъ скатахъ ихъ, притомъ такъ, чтобы впереди лагеря было не менѣе полу-ската и, по возможности, рѣчка или ручей либо болото, а задняя часть лагеря находилась на вершинѣ высоты; 2) вблизи проточной воды—рѣки или рѣчки, и если онѣ пересѣкали путь движенія, то преимущественно по сю сторону ихъ, исключая развѣ случаевъ, когда и по другую сторону можно было найти мѣстность, удобную для лагеря и для боя передъ нимъ (какъ напр. лагерь Цезаря по другую, правую сторону р. Аксоны),—и 3) вблизи лѣса, необходимаго для добыванія лѣсныхъ матеріаловъ на разныя лагерныя потребности (варки пищи, сторожевыхъ костровъ, укрѣпленія лагеря тыномъ, фашинами и пр.), однако въ такомъ разстояніи, чтобы непріатель не могъ скрытно занять лѣсъ и изъ него напасть на лагерь.

Само собою разумѣется, что всѣ эти нормальныя условія не всегда могли быть соблюдаемы вполне и въ точности, и лагерь необходимо было располагать по возможности согласнѣе съ ними, особенно съ расположеніемъ на возвышенныхъ мѣстахъ (противное, т. е. на низменныхъ мѣстахъ, считалось варварскимъ, т. е. приличнымъ лишь варварамъ—дикимъ или полудикимъ народамъ). Но расположеніе поодаль отъ лѣсовъ не всегда соблюдалось въ строгости.

Для набора мѣстъ подъ лагеря были посылаемы, съ передовыми отрядами, особые центуріоны и воины, подъ начальствомъ военнаго трибуна. Выбравъ мѣсто, они тотчасъ же отмѣчали большими и малыми вѣхами и кольями всѣ части его, подъ прикрытіемъ передовыхъ войскъ.

По прибытіи къ этому мѣсту главныхъ

силъ, разные роды и части войскъ тотчасъ вступали на назначенныя имъ мѣста, снимали вооруженіе (кромѣ мечей), строились позади назначенныхъ линій палатокъ (кромѣ караульныхъ когортъ, которыя тотчасъ разводили и занимали лагерные караулы). Затѣмъ часть войскъ отряжалась на работы по укрѣпленію и устройству лагеря, а другая на разные лагерные службы (добывать воду, дрова и пр., разбивать палатки начальниковъ и пр.). Палатки самихъ войскъ разбивались только по совершенномъ укрѣпленіи лагеря, исключая если вблизи не было непріятеля, шелъ сильный дождь и т. п. Тогда же, т. е. по укрѣпленіи лагеря, въ него вступала и наибольшая часть конницы (меньшая оставалась внѣ лагеря, для полевой лагерной службы), но если фуража не было или мало, то она вскорѣ отправлялась на фуражировку.

Каждый легіонъ отряжалъ поочередно одну когарту въ карауль къ каждому изъ 4-хъ воротъ, со всѣми при нихъ постами. Въ особенно важныхъ и опасныхъ случаяхъ, караулы у воротъ были усиливаетъ даже до 3 когортъ при каждомъ. Кромѣ того, по крайней мѣрѣ 1 когорта содержала караулы и посты внутри лагеря, въ преторіѣ, квесторіѣ и пр.

Когда лагерь былъ совершенно укрѣпленъ, тогда войска обѣдали, а чины главнаго управленія собиравлись въ преторіѣ, гдѣ получали дневныя приказанія полководца. Здѣсь же, при наступленіи вечера (1-й стражи ночи — въ 6 ч.) собиравлись всѣ недолжностные трубачи и музыканты, трубили и играли вечерній сигналъ (или вечернюю зорю), по которому разстанивались ночные караулы и посты и начиналась ночная, внутренняя и внѣшняя, лагерная служба (рунды, разѣзды, патрули и пр.). Сигналы для смѣны постовъ и часовыхъ каждый разъ подавались на валторнахъ.

На разсвѣтѣ (въ 4-ю стражу ночи — 3 ч. утра) подавался утренній сигналъ (утренняя зоря) на трубахъ, и дневные караулы, посты и часовые смѣняли ночныхъ, если войска не выступали изъ лагеря далѣе.

Таковъ былъ порядокъ вступленія войскъ въ лагерь вдаль отъ непріятеля. Вблизи же или въ виду его, какъ уже было сказано выше, 3-я линія укрѣпляла лагерь, а 1-я и 2-я въ боевомъ порядкѣ прикрывали ея работы.

Выступление изъ лагеря производилось: 1) для дальнѣйшаго движенія: по 1-му сигналу къ подъему — сбрасывались палатки, 2-му — онѣ и всѣ тяжести навьючивались на вьючныхъ животныхъ, а по 3-му — войска выступали въ назначенномъ походномъ порядкѣ; сигналы эти давались даже вблизи непріятеля и Цезарь никогда не отступалъ отъ этого, исключая развѣ преднамѣренныхъ скрытныхъ движеній, — и 2) для вступ-

ленія въ бой съ непріятелемъ; тогда палатки не сбрасывались и весь лагерь оставался нетронутымъ и въ немъ всѣ тяжести — подъ прикрытіемъ по крайней мѣрѣ отъ 2 до 5 когортъ, т. е. $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{2}$ легіона, а иногда и 1 или болѣе легіоновъ, преимущественно новонабранныхъ.

Нормальный образъ укрѣпленія полевыхъ лѣтнихъ лагерей былъ слѣдующій:

Четыреугольникъ, прямоугольникъ или квадратъ были основными, нормальными и единственными формами римскихъ полевыхъ лагерей и сомкнутыхъ укрѣпленій. Самыя малыя изъ послѣднихъ (*castella*) вѣроятно были квадратныя, въ 120 футовъ (длина фронта когорты) въ боку и могли быть записываемы и обороняемы одною когортой. Углы сомкнутыхъ укрѣпленій были закругляемы, дабы въ острыхъ углахъ не представлять непріятелю удобныхъ для атаки пунктовъ. Ворота въ лагеряхъ и укрѣпленіяхъ, въ ширину не менѣе фронта манипулы, были прикрываемы наружными полукруглыми или и прямыми валами съ рвомъ впереди. Въ случаяхъ обороны въ лагеряхъ и укрѣпленіяхъ, иногда закладывали 1, 2, 3 или всѣ ворота.

Главными частями каждаго римскаго полевого укрѣпленія были валъ и ровъ. Земля, вынутая изъ рва, образовала валъ, поэтому прежде всего слѣдуетъ опредѣлить ширину и глубину рва, а потомъ толщину и высоту вала во времена Цезаря.

Нормальными шириною и глубиною рва были (какъ кажется, по свидѣтельству Вегеція), первою сверху — 9 или 12 римскихъ футовъ, а второю — въ 1-мъ случаѣ 7, а въ послѣднемъ — 9 футовъ ниже горизонта. У Цезаря же усматривается ширина рововъ въ 12, 15, 18 и только одинъ разъ подъ Алезіей въ 20 римскихъ футовъ. Какъ у него, такъ и у Вегеція, кажется, что пропорція между верхнею шириною и глубиною рва была нормально опредѣленная. Такимъ образомъ у Цезаря ширина рва въ 12, 15 и 18 футовъ соответствовала глубина въ 9, 11 и 13 футовъ. Но въ обыкновенныхъ случаяхъ ширина рва въ 9 футовъ соответствовала глубина въ 7 футовъ. Игннъ указываетъ 2 формы рва: *fossa fastigata* — съ покатыми эскарпомъ и контръ-эскарпомъ, и *fossa runcata* — съ покатымъ эскарпомъ и отвѣснымъ контръ-эскарпомъ. Но у Цезаря усматривается 3-я форма — съ отвѣсными эскарпомъ и контръ-эскарпомъ, такъ что подошва рва и верхняя часть его имѣли одинаковую ширину. Но обыкновенною, нормальною формою рва у Цезаря слѣдуетъ считать 1-ю форму Игнна, т. е. съ одинаково покатыми эскарпомъ и контръ-эскарпомъ.

Что касается вала, то въ древности не представлялось особенной надобности дѣлать его слишкомъ высокимъ: воины были хорошо прикрыты оборонительнымъ вооруженіемъ, а метательное оружіе было для нихъ не слишкомъ дѣйствительно и вредно. Для нихъ важнѣе было имѣть на валу возвышенное надъ непріятелемъ положеніе, что и доставляла имъ присыпка земли позади вала, шириною для одной шеренги воиновъ, а вышиною — въ соразмѣрности съ шириною и глубиною рва и съ вышиною и съ толщиною вала. Но въ большихъ укрѣпленіяхъ ширина валганга и всѣ другіе размѣры увеличивались пропорціонально. Обыкновенная высота вала составляла вѣроятно $\frac{2}{3}$ верхней ширины рва. Такъ у Цезаря усматривается при 15 ф. ширины рва — 10 ф. вышины вала, а при 18—12. Толщина же вала, могла тогда быть одинаковою съ вышиною его или нѣсколько большею. Внѣшнюю покатость вала можно было дѣлать довольно крутою, но она укрѣплялась дерномъ, древесными вѣтвями, хворостомъ и т. п. (фашинами) или, сверхъ того, и плетнемъ. Внутренняя покатость вала или валганга укрѣплялась такимъ же образомъ, такъ что вообще для римскихъ полевыхъ укрѣпленій было потребно очень много лѣснаго матеріала и тѣмъ болѣе, чѣмъ значительнѣе были укрѣпленія и всѣ ихъ размѣры. Въ случаѣ необходимости еще большаго усиленія укрѣпленій, на валу устраивался тынъ изъ толстыхъ древесныхъ, сверху заостренныхъ стволовъ, у которыхъ оставлялись и переплетались верхнія вѣтви. Тынъ дѣлался вышиною отъ 4 до 5 футовъ, такъ что воины могли поверхъ его видѣть непріятеля и бросать въ него свои полукопья, или же въ тынъ дѣлались для того отверстія (бойницы или амбразуры). Наконецъ, въ большихъ укрѣпленіяхъ валъ усиливали еще возвышенными, земляными, сомкнутыми укрѣпленіями (*castella*), либо деревянными башнями, на извѣстномъ разстояніи одни отъ другихъ. Такого рода укрѣпленія встрѣчаются у Цезаря въ Галліи очень часто и самыхъ разнообразныхъ

формъ и размѣровъ, особенно при его осадахъ.

Времени для устройства полевыхъ укрѣпленій нормальныхъ, меньшихъ размѣровъ (со рвомъ въ 9 ф. ширины и въ 7 ф. глубины), по числу войскъ (напр. 2 легионовъ) и рабочихъ изъ нихъ на 2 или 3 смѣны и пр., нужно было примѣрно отъ 4 до 5 часовъ, такъ что если войска приходили на мѣсто къ полудню, то къ 4 или 5 часамъ лагерь уже могъ быть вполне укрѣпленъ. Съ увеличеніемъ числа войскъ и размѣровъ лагерей и укрѣпленій для нихъ, должно было пропорціонально увеличиваться и время, потребное для устройства этихъ лагерей и укрѣпленій.

Порядокъ размѣщенія когортъ и другихъ войскъ въ лагерь, соотвѣтственно порядку походнаго движенія, отчасти уже указанъ выше. Мѣста же войска занимали въ лагерь соотвѣтственно ихъ строю: когорта — пространство въ 120 ф. по фронту и въ 180 ф. въ глубину, раздѣленное поперегъ на 6 частей въ 120 ф. ширины и 30 ф. глубины подъ каждую изъ 6 центурій. Первые 3 центурии трехъ манипулъ были обращены фронтомъ къ валу, а вторыя 3 центурии тѣхъ же манипулъ — тыломъ къ нему, такъ что однѣ центурии были обращены фронтомъ, а другія — тыломъ однѣ къ другимъ, отдѣляясь однѣ отъ другихъ дорогами въ 12 ф. ширины. Турма конницы занимала въ лагерь пространство въ 120 ф. по фронту и въ 30 ф. въ глубину, слѣдов. столько же, сколько 1 центурия пѣхоты, а крыло конницы или 12 турмъ — сколько 2 легионныя когорты.

Полевые зимніе лагеря (*castra hiberna*), въ которыхъ римскія войска во времена Цезаря были располагаемы въ Галліи, совершенно отдѣльно отъ населенія края, были, по всей вѣроятности, устраиваемы также, какъ и лѣтніе, но только съ большими удобствами для всѣхъ чиновъ войскъ, отъ высшихъ до низшихъ. Пространство занималось шире, палатки замѣнялись деревянными шалашами, въ которыхъ хранилось и оружіе, выючныя животныя содержались въ крытыхъ зданіяхъ, и пр. т. п.

§ 45.

Поліорцетика.

Въ дополненіе къ тому, что о поліорцетикѣ у римлянъ было сказано вообще — выше въ началѣ, здѣсь слѣдуетъ упомянуть только о тѣхъ особенностяхъ, которыя относятся къ ней во время войны Цезаря въ Галліи.

Какъ вообще у римлянъ, такъ и у Цезаря въ Галліи усматриваются 3 способа

овладѣнія укрѣпленными городами или иными пунктами: обложеніе (*obsidio*), взятіе открытою силой (*oppugnatio repentina*) и осада (*oppugnatio*).

Замѣчательнѣйшимъ обложеніемъ во время войны Цезаря въ Галліи было, безъ сомнѣнія, обложеніе имъ Алезіи, описанное выше (§ 33). Онъ избралъ для взятія Але-

зім обложеніе потому, что особенное мѣстное положеніе этого города представляло большія затрудненія и даже препятствія для правильной осады. По тѣмъ же причинамъ и тѣмъ же способомъ онъ хотѣлъ овладѣть и Герговіей, но обложенію ея воспрепятствовали мѣры, принятыя Верцингеториксомъ, а именно крѣпкое расположеніе его съ своимъ войскомъ возлѣ Герговіи.

Открытою силою Цезарь взялъ нѣсколько городовъ въ Галліи, а осадю, соединенною съ обложеніемъ — городъ Веллаунодунъ и др. Но свойства мѣстности вокругъ Аварика не позволили Цезарю обложить этотъ городъ, и онъ взялъ его, послѣ трудной осады, открытою силою.

Средствомъ для обложенія служила циркумвалаціонная линія (*circumvallatio*), состоявшая изъ сомкнутыхъ укрѣпленій (*castella*), соединенныхъ прямыми укрѣпленными линіями, за которыми къ сторонѣ поля устроивалось нѣсколько укрѣпленныхъ лагерей для войскъ, облежавшихъ городъ. Всѣ эти укрѣпленія бывали тѣмъ значительнѣе и сильнѣе, чѣмъ сильнѣе былъ непріятельскій гарнизонъ и чѣмъ относительно слабѣе были блокадные войска. Самыхъ большихъ размѣровъ работы этого рода были при обложеніи Цезаремъ Алезіи.

Если слѣдовало ожидать нападенія непріятели со стороны поля, то фронтомъ къ нему устроивалась другая линія, подобная первой, но длиннѣе ея. Нынѣ первую принято называть контрвалаціонною, а вторую циркумвалаціонною, но Цезарь не употреблялъ этого различія въ названіи ихъ.

Сомкнутыя укрѣпленія (*castella*) были занимаемы сильными гарнизонами и обезпечиваемы полевыми караулами, а ночью и особенными постами (пикетами), и снабжаемы всѣмъ нужнымъ для дневныхъ и ночныхъ сигналовъ, на случай нападенія непріятели на какую-либо часть линій.

Главнымъ средствомъ для взятія города открытою силою служилъ всходъ на стѣны (эскалада) посредствомъ штурмовыхъ лѣстницъ, при пособіи также крытыхъ тарановъ (*musculi*), для разбитія тяжелыхъ и разрушенія верхнихъ частей стѣнъ, послѣ предварительной засыпки рвовъ землею, хворостомъ, дерномъ и пр. Подъ прикрытіемъ стрѣлковъ и пращниковъ, легіонная пѣхота нѣсколькими колонами въ разныхъ пунктахъ подступала къ стѣнамъ и на одномъ изъ нихъ производила рѣшительный приступъ и эскаладу, занимала стѣну и валъ и открывала ближайшія ворота для впуска другихъ войскъ.

Главнымъ же средствомъ для взятія городовъ правильною осадой была земляная насыпь (*agger*), закладываемая внѣ дѣйствія метательнаго оружія и постепенно присыпаемая спереди и сверху, по направлеію

къ городу, до вышины, равной вышнѣ городскихъ стѣнъ, а иногда и превышавшей ее. По доведеніи насыпи, подъ разнаго рода прикрытіями работъ, до самыхъ городскихъ стѣнъ, войска сходили на нихъ и брали валъ, ворота и весь городъ приступомъ. Вышина насыпи иногда была очень значительная, при Аварикѣ — до 80 рим. футовъ. Длина обыкновенно превышала полетъ метательныхъ снарядовъ со стѣнъ и считалась не ближе 400—500 футовъ отъ городскихъ стѣнъ. Толщина сверху должна была быть достаточною для построения штурмовыхъ колоннъ, шириною примѣрно въ протяженіе фронта одной манипулы, съ излишкомъ съ обѣихъ сторонъ, всего футовъ въ 50. Нижняя же толщина могла быть лишь немного значительнѣе, футовъ въ 70 и даже въ 60. При Аварикѣ она показана у Цезаря въ 330 футовъ, но это должно быть или позднѣйшая описка, или относится къ длинѣ насыпи.

Всѣ осадныя работы имѣли преимущественною цѣлью устройство насыпи. Сюда принадлежали по порядку: 1) уравниеніе земли подъ подошву насыпи, подъ прикрытіемъ черепахъ (*testudines*) разнаго вида и устройства; 2) насыпка земли, подъ прикрытіемъ, сверхъ черепахъ, крытыхъ ходовъ (*vineae musculi*), щитовъ (*plutei*) и т. п.; 3) обстрѣливаніе городскихъ стѣнъ стрѣлками и пращниками или и подвижными деревянными башнями (*turres ambulatoriae*) разнѣй величины; 4) крытые ходы (*vineae musculi*), какъ къ насыпи, такъ и къ городскимъ стѣнамъ, для прикрытія рабочихъ и подвоза земли и разнаго рода матеріаловъ, и наконецъ 5) стѣнобитныя орудія (*terebrae*) разныхъ: вида, величины и устройства, для произведенія проломовъ въ стѣнахъ (впрочемъ въ Галліи нигдѣ не усматривается употребленія тарана, *aries*). Таковы были вообще нормальныя осадныя работы, но онѣ разнообразились болѣе или менѣе, смотря по обстоятельствамъ, свойствамъ городовъ, ихъ стѣнъ, окружавшей ихъ мѣстности и особенно — по личнымъ соображеніямъ и искусству полководца. Иногда впрочемъ, въ видѣ исключенія (какъ, напримѣръ, при осадѣ города или крѣпости адуатиковъ), когда къ городу вела постепенно возвышавшаяся мѣстность, насыпь вначалѣ устроивали весьма высокую, а потомъ вели ее горизонтально и на верхней площади ея устроивали и придвигали къ стѣнѣ крытую подвижную башню. При Укселлодунѣ на насыпи была также устроена такого рода башня, но она не подвозилась къ стѣнѣ, а служила только для обстрѣливанія песточника или ключа, изъ котораго жители города добывали воду. Вообще башни служили преимущественно для этой послѣдней цѣли, т. е. для обстрѣливанія. На каждую насыпь обыкновенно

расчитывалось по одной башнѣ, но при Аварикѣ было ихъ двѣ, по одной съ каждой стороны.

Нормальный ходъ правильной осады вообще былъ слѣдующій: 1) прежде всего избирался, посредствомъ предварительной рекогносцировки, одинъ, а иногда и два или болѣе фронтовъ города для атаки, смотря по обстоятельствамъ, свойствамъ мѣстности и проч.; 2) сообразно съ тѣмъ были располагаемы, вѣтъ метательнаго оружія, на извѣстныхъ разстояніяхъ, въ укрѣпленныхъ лагеряхъ, осадныя войска; 3) сборъ, подносъ и подвозъ всѣхъ нужныхъ для осадныхъ работъ, земляныхъ, деревянныхъ, каменныхъ и др. матеріаловъ; 4) устройство разнаго рода искусственныхъ прикрытій (щитовъ, крытыхъ ходовъ, башенъ и пр.); 5) устройство контрвалаціонной, а иногда и циркумвалаціонной линій; 6) устройство земляныхъ, продольныхъ и поперечныхъ крытыхъ ходовъ къ городу; 7) устройство насыпи (agger), какъ и всѣхъ вообще работъ въ

кругу дѣйствія непріятельскаго метательнаго оружія—легіонерными войсками, между тѣмъ какъ вѣтъ его работали другія войска и преимущественно окрестные жители, и 8) устройство башенъ, одновременное съ устройствомъ насыпи. Когда всѣ эти работы были довершены и насыпь доведена до городской стѣны, тогда войска строились къ приступу и производили его подъ прикрытіемъ сильного метательнаго дѣйствія стрѣлковъ и пращниковъ изъ крытыхъ ходовъ и башенъ, или и при содѣйствіи ложныхъ приступовъ на одномъ, двухъ или болѣе, другихъ пунктахъ. Но приступъ съ насыпи производился, кажется, довольно рѣдко, только въ исключительныхъ обстоятельствахъ. Аварикѣ взялъ Цезарь посредствомъ внезапнаго, во время сильного дождя, открытаго нападенія и вѣроятно — эскалady по лѣстницамъ, доведя насыпь до городской стѣны и довольно удачно отразивъ сильную вылазку изъ города.

§ 46.

Заключеніе.

Цезарь, армія и противники его, характеръ и результаты войны въ Галліи.

Таковы были вообще тактическіе: устройство, образъ движеній и дѣйствій римскихъ войскъ, полевая фортификація и поліорцетика у нихъ—въ войнѣ Цезаря въ Галліи, и личныя стратегическія дѣйствія его въ ней. Они могутъ дать понятіе объ образѣ и искусствѣ веденія имъ этой войны, и о личномъ искусствѣ его въ ней, какъ полководца, и о свойствахъ его войскъ и противниковъ, и о характерѣ всей вообще войны въ Галліи.

Несправедливая въ военно-политическомъ отношеніи, она заслуживаетъ особеннаго вниманія въ стратегическомъ: 1) какъ военно-практическая школа Цезаря и его войскъ, въ которой онъ развилъ свои высокія природныя военныя дарованія и уже достигъ степени великаго полководца, а армія его — также разнообразно развила свои военныя и боевыя способности и особенно нравственныя силы, усовершенствовалась во всякаго рода военныхъ движеніяхъ и дѣйствіяхъ и, подъ предводительствомъ его, вполне ему покорная и преданная, явилась готовымъ и могущественнѣйшимъ военно-политическимъ орудіемъ въ его рукахъ.

Какъ начинавшій свое военное поприще и учившійся веденію войны, притомъ большой, трудной, опасной и чрезвычайно

важной для него, Цезарь нечуждъ былъ многихъ ошибокъ въ ней. Но всѣ онѣ послужили на пользу ему и его войскамъ, и ихъ далеко превосходили, и въ количествѣ и особенно въ качествѣ, искусныя соображенія, движенія и дѣйствія Цезаря, въ 8 лѣтъ превознесшія его на степень первостепеннаго великаго полководца, уже вполне увѣреннаго въ себѣ и создавшаго себѣ изъ Галліи и войны въ ней прочныя и надежныя: основаніе для дальнѣйшихъ своихъ дѣйствій и ступень для будущихъ своихъ успѣховъ — съ личными своими политическими цѣлями. И превосходство его въ этой войнѣ одинаково во всѣхъ военныхъ отношеніяхъ—и въ управленіи и въ начальствованіи войсками, и въ тактическомъ, и въ фортификаціонномъ, и въ поліорцетическомъ, и въ стратегическомъ, и особенно въ нравственномъ, т. е. нравственнаго вліянія и на свои войска, и на своихъ непріятелей.

Объ арміи его въ Галліи невозможно отзываться иначе, какъ съ чувствами истиннаго удивленія и глубокаго уваженія. Она, во всемъ своемъ составѣ—высшихъ и низшихъ частныхъ начальниковъ и рядовыхъ воиновъ, всѣми своими отличными военными качествами: тактическимъ устройствомъ, способностью къ движеніямъ и дѣйствіямъ всякаго рода, сплотивостью въ

трудахъ и лишеніяхъ, стойкостью и храбростью въ бояхъ, мужествомъ и преданностью, уваженіемъ и довѣріемъ къ своему любимому полководцу — подлинно была образцовою, въ эти смутныя времена Рима, уже крайне развращеннаго во всѣхъ отношеніяхъ! — И таково было могущественное вліяніе Цезаря на свои войска, что даже вспомогательныя всякаго рода и племенн, и галльскія, и германскія и иныя не уступали легионернымъ въ означенныхъ выше отличныхъ качествахъ, преданности и довѣрія къ Цезарю. И правъ онъ былъ, говоря, что съ такими войсками можно было все небо перевернуть!

Противниковъ его — галловъ, германцовъ и бриттанцовъ, и вождей ихъ — Верцингеторикса, Ариовиста, Кассивелауна — по всей справедливости, нельзя не признать достойными его. Напрасно нѣкоторые новѣйшіе военные писатели отзываются о нихъ съ пренебреженіемъ и даже съ презрѣніемъ, которыхъ не обнаруживалъ къ нимъ даже самъ Цезарь. Пусть они были полудикіе или дикіе народы (галловъ же нельзя назвать даже и полудикими), но они и ихъ дѣйствія заслуживаютъ полного уваженія. Народы исконно свободные и независимые, выше всего цѣнившіе свою свободу и независимость, они мужественно, храбро, не щадя ничего, упорно воевали за нихъ и за свой родной край, противъ всесвѣтныхъ римскихъ завоевателей, которыхъ всѣ опасались и еще болѣе ненавидѣли. И естественныя, возвышенныя побужденія ихъ, при всемъ несовершенствѣ военнаго искусства съ ихъ стороны, далеко превосходили въ этомъ отно-

шеніи личныя, своекорыстныя побужденія Цезаря (а не его арміи, бывшей только послушнымъ орудіемъ его), при всемъ превосходствѣ его военныхъ дарованій и искусства.

Этимъ двумя противоположными отношеніями можно опредѣлить и общій характеръ, и общіе результаты войны въ Галліи. Естественное и законно-справедливое, сильное нравственное одушевленіе галловъ и небольшой части германцовъ и бриттанцовъ, при необыкновенномъ напряженіи ихъ матеріальныхъ и нравственныхъ силъ, но при одной грубой силѣ, не руководимой ни единствомъ, ни согласіемъ, ни правильнымъ искусствомъ — неминуемо должно было, рано или поздно, уступить столь же необыкновеннымъ напряженію силъ и нравственному одушевленію такой отлично устроенной арміи, какова была римская, руководимая такимъ первостепеннымъ полководцемъ, какъ Цезарь, и такимъ высокимъ искусствомъ, какимъ обладалъ и какое проявилъ онъ въ войнѣ завоевательной, но несправедливой съ его стороны и оборонительной, но справедливой съ другой.

Конечными же результатами ея были — покореніе Галліи власти Рима и особенно — превознесеніе въ могуществѣ и славѣ того, который предпринялъ и совершилъ этотъ подвигъ, и приобрѣлъ какъ этимъ, такъ и въ отличной арміи своей, средства, необходимыя ему для приобретенія верховной власти въ Римѣ и въ цѣлой римской республикѣ, доживавшей послѣдніе дни свои, согласно съ тайными замыслами Цезаря.

ГЛАВА VIII.

3-Я РИМСКАЯ МЕЖДУУСОБНАЯ ВОЙНА

ЦЕЗАРЯ И ПОМПЕЯ (49—48 г. до Р. Х.).

§ 47. Причины войны;—политическое и стратегическое положение обѣихъ противныхъ сторонъ, Цезаря и Помпея. — I. Междуусобная война (49—48). — Дѣйствія въ Италіи (§§ 48—52). — Дѣйствія въ Испаніи (§§ 53—57). — § 58. Результаты дѣйствій въ Италіи и Испаніи и замѣчанія. — § 59. Осада Массиліи, —пораженіе Куріона въ Африкѣ.

Источники и историческія пособія — указанныя выше.

§ 47.

Причины войны.

Политическое и стратегическое положеніе обѣихъ противныхъ сторонъ, Цезаря и Помпея.

Намѣренія Цезаря исполнились: онъ образовалъ себѣ независимую и грозную силу, а положеніе дѣлъ въ Римѣ и римскихъ владѣніяхъ доставило ему удобный случай употребить ее.

Восемь лѣтъ ведя войну въ Галліи, онъ не упускалъ однако изъ виду Рима, но зорко слѣдилъ за всемъ происходившимъ въ немъ и дѣятельно дѣйствовалъ тамъ чрезъ посредство приверженцовъ своихъ, особенно трибуна Клодія, а потомъ трибуна и знаменитаго оратора Куріона. Вожди сената Катонъ и Цицеронъ были удалены изъ Рима, первый — для обращенія о. Кипра въ римскую провинцію, второй — въ ссылку въ Македонію. Это было сдѣлано по вліянію Цезаря, еще до отправленія его въ Галлію — для прочнаго утвержденія власти триумвировъ. Но по удаленіи Цезаря, въ 58 году, въ Галлію, Помпей и Крассъ увидѣли, что такого отважнаго демагога, какъ Клодій, невозможно было употреблять какъ орудіе единственно честолюбія Цезаря. И потому Помпей, для собственнаго самоохраненія, вызвалъ Цицерона изъ ссылки, хотя лишь послѣ жестокихъ смутъ и безпорядковъ, возбужденныхъ по этому поводу въ Римѣ

трибунѣ Милономъ. Однако вліяніе Клодія было мало ослаблено тѣмъ, такъ что Помпей, для прекращенія безпорядковъ и восстановленія своей популярности, заставилъ назначить себя префектомъ продовольствія (*praefectus annonae*) или интендантомъ республики.

Но отсутствовавшій Цезарь умѣлъ поддерживать такую дѣятельность своихъ приверженцовъ въ Римѣ, что Помпей и Крассъ, завидуя ему, помышляли только о поддержаніи своего вліянія, приобрѣтеніемъ такихъ же уступокъ, какія были сдѣланы Цезарю. Однако на этотъ разъ согласіе между триумвирами, стараніями Красса, было еще сохранено и обезпечено въ 56 г. уговоромъ между ними въ Луккѣ, по которому Цезарю было продолжено его управленіе еще на 5 лѣтъ (56—51 г.), съ 8 легіонами, а Помпею и Крассу было обезпечено консульство на 55 г. и послѣ того управленіе Испаніей — первому и Спріей — послѣднему.

Въ 55 г. Помпей и Крассъ достигли своихъ цѣлей, но только послѣ новыхъ и жестокихъ смутъ и безпорядковъ въ Римѣ, за обладаніе — тѣмъ или другимъ — Форумомъ (*Forum*) въ Римѣ, въ чемъ Катонъ, уже

воротившійся съ о. Кипра, оказалъ съ своими приверженцами сильное сопротивленіе обонмъ.

Въ 54 г. Крассъ, желая подобно Цезарю образовать себѣ опытное и преданное ему войско, положилъ открыть войну съ пареянами, царемъ которыхъ въ это время былъ Ородъ I или Арзакъ XIV. Но Крассъ встрѣтилъ со стороны пареянъ не одну только храбрость, но и совершенно новый для римскихъ войскъ образъ веденія войны. Въ 53 г. онъ проникъ за Евфратъ, но, послушавшись измѣнниковъ, двинулся на равнины, гдѣ пареянская конница дѣйствовала такъ искусно и нанесла римской арміи такой уронъ, что Крассъ былъ принужденъ предпринять отступление. Но это еще болѣе увеличило трудность, опасность и вредъ движенія его арміи, такъ что наконецъ Крассъ вступилъ въ переговоры. Во время этихъ переговоровъ и происшедшихъ при томъ безпорядковъ между пареянами, Крассъ былъ убитъ, а армія его частью истреблена, частью взята въ плѣнъ, такъ что изъ 100 т. войскъ ея едва 10 т. подъ предводительствомъ Кассія воротились въ Сирію. Парейяне же заняли всю Мессопотамію, вторглись въ Сирію и съ этого времени вступили съ римлянами въ войну, продолжавшуюся очень долго и кончившуюся только съ паденіемъ ихъ царства (въ 226 г. по Р. Х.).

Крассъ, при жизни своей, поддерживалъ еще согласіе между Цезаремъ и Помпеемъ и при всякомъ случаѣ препятствовалъ соперничеству между ними. Но, по смерти его, въ 53 году триумвиратъ въ Римѣ превратился уже въ дуумвиратъ—и Цезарь и Помпей стали лицомъ къ лицу. И между тѣмъ, какъ Цезарь дѣйствовалъ лично, постоянно дѣятельно, и политикой, и оружіемъ, и прописками, и кознями, и подкупами, Помпей управлялъ своими провинціями чрезъ посредство своихъ легатовъ, самъ же оставался въ Римѣ и, среди продолжавшихся въ немъ и поддерживаемыхъ самимъ Помпеемъ смутъ и безпорядковъ, наконецъ послѣ сильнаго мятежа, происшедшаго вслѣдствіе убіенія Клодія Милономъ—орудіемъ Помпея, заставилъ признать себя, не смотря на сопротивленіе Катона, единственнымъ консуломъ, почти съ диктаторскою властію.

Вскорѣ и послѣдняя родственная связь между Цезаремъ и Помпеемъ была прервана смертію дочери перваго и жены послѣдняго, Юліи, бракомъ Помпея съ Корнеліей, дочерью Метелла Сципіона, важнѣйшаго изъ сенаторовъ и заклятаго врага Цезаря, и вліяніемъ Корнеліи на Помпея. Аристократія, въ надеждѣ на Помпея, начала дѣйствовать смѣлѣе и всячески искала случаевъ къ разрыву между Помпеемъ и Цезаремъ. Не размысливъ, что послѣдній уже давно и долго готовился къ тому, она издавала одно за другимъ сильныя постановленія

противъ него и сама дала ему поводъ принять видъ несправедливо притѣсненнаго въ своихъ правахъ и защитника закона и народа.

Въ 52-мъ г., послѣ 7-ми-мѣсячнаго консульства, Помпей назначилъ товарищемъ себѣ, другимъ консуломъ, тестя своего, Метелла Сципіона, и заставилъ продлить срокъ своего управленія въ Испаніи и Африкѣ еще на 5 лѣтъ (52—47).

Тогда уже междоусобная война сдѣлалась неизбежною, тѣмъ болѣе, что не только Помпей и Цезарь, но и приверженцы ихъ желали ея. Приближеніе срока управленія Цезаря должно было рѣшить ее. Хотя съ обѣихъ сторонъ и были дѣлаемы попытки къ сближенію и соглашенію, но только потому, что каждая сторона хотѣла избѣжать почина въ войнѣ. А между тѣмъ какъ Цезарь продолжалъ дѣятельно дѣйствовать, полагаясь только на собственные силы и средства и избѣгая вида незаконнаго захвата власти, а показывая, что онъ только защитникъ народа отъ враговъ его,—Помпей, напротивъ, въ своей непопулярной увѣренности въ себѣ и въ своей диктаторской власти, пренебрегалъ всемъ необходимымъ для собственной защиты.

Началомъ явныхъ несогласій между ними и Цезаремъ послужило требованіе послѣднимъ, въ 52-мъ году, назначенія его, въ отсутствіи, консуломъ. Значительными подкупамъ, особенно трибуна Куріона, Цезарь еще болѣе увеличилъ число своихъ приверженцевъ въ Римѣ. Въ 51 г. Куріонъ внушилъ ему мысль — отказаться отъ своего управленія и согласиться на назначеніе ему преемника, но съ тѣмъ, чтобы и Помпей сдѣлалъ тоже самое. Этимъ Куріонъ далъ дѣламъ Цезаря самый выгодный для него оборотъ. Слѣдствіемъ этого были обоюдныя предложенія, которыя съ обѣихъ сторонъ были однако только притворными, пока наконецъ сенатъ не произвелъ рѣшительнаго разрыва.

7-го января 49 г. онъ издалъ постановленіе, въ силу котораго Цезарь былъ обязанъ къ назначенному дню сложить съ себя начальствованіе войскомъ и уѣхать изъ арміи, подъ опасеніемъ быть объявлену врагомъ республики. Тщетно трибуны М. Антоній и Кв. Кассій, приверженцы Цезаря, возстали противъ этого: на нихъ не обратили вниманія и даже предложили Помпею начальствованіе надъ двумя легіонами (1-мъ Помпея и 15-мъ Цезаря), назначенными въ Сирію и удержанными въ Римѣ. Тогда трибуны М. Антоній, Кв. Кассій и др., защищавшіе дѣло Цезаря, бѣжали къ нему въ Равенну, гдѣ онъ находился тогда съ однимъ 13-мъ легіономъ и съ 300 ч. конницы, и это бѣгство ихъ придавало партіи его видъ законности и необыкновенную популярность.

Тогда уже Цезарю не оставалось ничего

болѣе, какъ или покориться и—погибнуть безплодно для республики и для самаго себя, или—возстать съ оружіемъ въ рукахъ противъ Помпея, сената и аристократіи, въ защиту республики, законовъ ея и правъ народа. Такъ какъ все зависѣло отъ быстроты и внезапности дѣйствій, то Цезарь послалъ другимъ своимъ легіонамъ приказаніе поспѣшно идти въ Италію, а самъ, выйдя къ 13-му легіону, произнесъ передъ нимъ рѣчь, на которую легіонъ восторженно отвѣчалъ готовностью защищать осморбленныхъ: полководца своего и народныхъ трибуновъ. Цезарь прежде всего положилъ внезапно овладѣть городомъ Ариминіемъ (Rimini), назначилъ для того отрядъ войскъ, передалъ начальствованіе войсками Гортензію, съ пужными приказаніями, а самъ цѣлый день показывался публично въ Равеннѣ, присутствовалъ на боѣ гладиаторовъ и вечеръ провелъ въ веселомъ обществѣ. Но поздно ввечеру, онъ тайно сѣлъ въ наемную новозку и окольными путями поѣхалъ къ Ариминію. На слѣдующее утро, прибывъ къ рѣкѣ Рубикону (нынѣ Fiumicino), онъ нашелъ уже тамъ 13-й легіонъ и 300 ч. конницы и, прежде нежели подать знакъ къ переходу черезъ Рубиконъ, по свидѣтельству Плутарха, задумался и колебался въ виду того важнаго шага, который предпринималъ... Но это колебаніе для такого человѣка, какъ Цезарь, и въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ онъ находился, было лишь мгновенное—и съ словами: *alea jacta est!* (жребій брошенъ!) подаль знакъ къ переходу и—началу междоусобной войны...

Далеко несоразмѣрны были силы, средства и способы съ обѣихъ сторонъ въ это время. У Цезаря были только 12 его легіоновъ и собственные средства и способы, и вовсе не было флота. У Помпея же въ полной власти находились не только его легіоны въ Испаніи и Африкѣ, но и всѣ остальные вооруженныя силы, сухопутныя и морскія, и всѣ военныя средства и способы республики въ Италиі, Греціи и на востокѣ. Цезарь господствовалъ только въ трехъ Галліяхъ (цизальпинской, парбонской и только-что покоренной трансальпинской) и въ Иллиріи, а Помпей—во всей остальной, обширной территоріи республики въ Европѣ, Африкѣ и Азіи. Видъ защиты свободы республики отъ самовласти одного лица былъ одинаково и на сторонѣ Цезаря, и на сторонѣ Помпея; но Цезарь стоялъ одинокъ, имѣя за себя только своихъ приверженцевъ и подвластный народъ, а Помпей—сенатъ, всю аристократію и первѣйшихъ людей республики, занимавшихъ высшія и почетнѣйшія должности въ ней. Но что значили всѣ эти преимущества Помпея передъ далеко превосходившими ихъ, другаго рора преиму-

ществами Цезаря! Послѣдній войною въ Галліи доказалъ, что онъ былъ необыкновенный человѣкъ и великій полководецъ. У него было только 12 легіоновъ, но, подъ его предводительствомъ, побѣдоносныхъ, непобѣдимыхъ, закаленныхъ въ трудахъ и бояхъ, восторженно преданныхъ своему императору (Imperator—такъ уже давно называли римскія войска своихъ полководцевъ) и на все готовыхъ за него. Да и не всѣ они еще были при немъ (какъ объяснено ниже). Но, какъ всѣ великіе полководцы, онъ самъ лично стоялъ цѣлой арміи! Слова его уже приводили въ восторгъ всѣхъ римскихъ воиновъ и гражданъ, а имя его наводило страхъ на его враговъ. Ему стоило только явиться въ Италиі—и войска и народъ несомнѣнно стали бы на его сторону, а враги его, власть имѣвшіе, съ Помпеемъ въ главѣ, разсѣялись бы въ ужасѣ, предоставивъ ему и власть, и силы, и средства, и способы республики, по крайней мѣрѣ въ Италиі, а это было главное. Являясь защитникомъ республики, ея законовъ и народа, онъ имѣлъ на своей сторонѣ полное законное право, громадную силу нравственную, наконецъ—онъ дѣйствовалъ самъ, лично, съ необыкновенными умомъ и энергіей и былъ совершенно свободенъ въ своихъ дѣйствіяхъ, никому не подчиняясь, но повелѣвая всѣми, подъ вліяніемъ его слѣпо повиновавшимся ему. Помпей же, напротивъ, имѣлъ за себя лишь меньшинство—сенатъ и аристократію, хотя и знатные, и сильные, и богатые, но противъ себя большинство—народъ и партію его и Цезареву. Да и самый сенатъ и аристократія, окружавшіе Помпея, были скорѣе несчастіемъ, нежели сплосью для него. Съ ихъ побужденіями, видами и мнѣніями необходимо было ему вполне сообразоваться и невозможно было дѣйствовать совершенно свободно, по своимъ усмотрѣнію и волѣ. Къ тому же сенатъ, аристократія и приверженцы Помпея—враги Цезаря, были до того ослѣплены своею сплосью и слабостью Цезаря, что нимало не сомнѣвались въ своей побѣдѣ, и пренебрегли заблаговременными мѣрами собственной защиты, въ рѣшительную минуту—перехода Цезаря черезъ Рубиконъ—были захвачены совершенно врасплохъ.

Итакъ, безъ сомнѣнія, матеріальный перевѣсъ былъ на сторонѣ Помпея, но перевѣсъ нравственный, значительно превосходившій его—рѣшительно на сторонѣ Цезаря.

Въ заключеніе слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о числѣ легіоновъ у Цезаря въ Галліи, передъ началомъ междоусобной войны. Выше уже было сказано, что при назначеніи своемъ въ 59 г. консуломъ, онъ получилъ 3 легіона и вслѣдъ за тѣмъ еще 1, и того 4. Вступая вслѣдъ за гелльетами въ Галлію, онъ набралъ еще 2 легіона въ циз-

альпинской Галліи и позже, постепенно, еще 7, да Помпей (когда они были еще въ добрыхъ отношеніяхъ) прислалъ ему изъ Италіи 1 легионъ (1-й). Такимъ образомъ у Цезаря было сначала 4, потомъ 6, 8, 10, 12 и наконецъ 14 легионовъ (среднимъ числомъ по 5 т.—70 т.) во всѣхъ провинціяхъ подъ его управленіемъ, изъ нихъ 12 (60 т.) въ 51—50 г.г. находились въ Галліи по ту сторону Альповъ, а въ цизальпинской Галліи и въ Иллиріи 2 легиона (10 т.), изъ которыхъ 15-й — въ Равеннѣ. По окончаніи войны въ Галліи, сенатъ постановилъ, чтобы Помпей и Цезарь дали каждый по 1-му легиону, для отправки ихъ въ Сирію противъ паревъ. Исполняя это, Цезарь ото-

слалъ въ Римъ 1-й легионъ Помпея и 15-й свой, а на мѣсто послѣдняго отправилъ въ Ревенну 13-й, и затѣмъ у него осталось 12 легионовъ (60 т.). Но когда взаимныя отношенія между нимъ и Помпеемъ стали враждебными, 1-й и 15-й легионы вовсе не были отправлены въ Сирію, а были удержаны въ Римѣ, и оказалось, что это было лишь коварною хитростью сената и аристократіи, съ цѣлю ослабить армию Цезаря и усилить собственную. Но эта хитрость вовсе не достигла цѣли, потому, что 1-й и 15-й легионы были вполне преданы Цезарю и, при вступленіи его въ Италію, перешли на его сторону.

I.

Междоусобная война (49—48 г.) *).

§ 48.

Дѣйствія въ Италіи.

Переходъ Цезаря черезъ Рубиконъ и движеніе его къ Арминію и Брундузію.

Перейдя черезъ Рубиконъ (въ половинѣ января 49 г.), Цезарь двинулся къ Арминію и занялъ его безъ сопротивленія. Вѣсть о томъ поразила всѣхъ въ Римѣ изумленіемъ и ужасомъ. Помпей, сенатъ и аристократія бѣжали въ Капую, а Римъ пришелъ въ состояніе совершенной анархіи.

Въ Арминіѣ къ Цезарю явились бѣжавшіе изъ Рима трибуны М. Антоній и Кассій, преторъ Росцій и молодой Цезарь, сынъ легата въ арміи Юлія Цезаря, Л. Цезаря. Послѣдніе два объявили, что Помпей поручилъ имъ вступить въ переговоры съ Цезаремъ, для миролюбиваго соглашенія съ нимъ къ благу республики. Цезарь отослалъ ихъ къ Помпею съ объясненіемъ жалобъ своихъ и предложеніемъ общаго обезоруженія и личныхъ переговоровъ съ Помпеемъ. Они воротились вскорѣ съ отвѣтомъ Пом-

пея и консуловъ, заключавшимся въ томъ, чтобы Цезарь воротился въ Галлію и распустилъ свою армию, послѣ чего Помпей удалится въ Испанію, а до того войска въ Италіи не будутъ распущены.

Такого рода предложеній Цезарь, конечно, никоимъ образомъ не могъ принять и потому прервалъ переговоры и послалъ М. Антонія съ 5-ю когортами въ Аррецій (н. Arezzo), а самъ съ 2 легионами остался въ Арминіѣ, приказалъ набирать войска и занялъ Пизавръ (н. Pesaro), Фанъ (Fanum, н. Faenza) и Анкону, каждый одною когортой. Узнавъ, что преторъ Термъ занялъ Угубію 5-ю когортами и укрѣпилъ ее, онъ послалъ Куріона съ 3-мя когортами занять этотъ городъ. Термъ вышелъ изъ него, а войска его разошлись, не желая дѣйствовать противъ Цезаря. Послѣдній двинулся затѣмъ съ нѣсколькими когортами 13-го легиона къ гор. Ауксима (н. Osimo), гдѣ Атвій Варъ учредилъ мѣсто набора войскъ для Помпея. Но декуріоны Аттія отворили Цезарю городскія ворота и впустили его въ городъ. Атвій Варъ вышелъ изъ него, а войска его частью разошлись, частью присоединились къ Цезарю.

Страхъ въ Римѣ увеличился еще болѣе, консулы бѣжали изъ него, наборы войскъ

*) Хотя вся война съ 49 г. до 45 г. включительно была междоусобная, но въ комментаріяхъ Цезаря она раздѣлена на 4 войны: I. Междоусобную, въ 49—48 г.г. (комментаріевъ книги 1—2—3), — II. Александрійскую, въ 48—47 г.г. (ком. 1 книга), — III. Африканскую, въ 47—46 г.г. (ком. 1 книга), — и IV. Испанскую, въ 46—45 г.г. (ком. 1 книга). — Этому раздѣленію слѣдуютъ всѣ военные писатели: оно принято и здѣсь.

были отмѣнены и партія Помпея уже не считала себя въ безопасности и въ Капуѣ. Въ Ауксимѣ отъ Цезаря отдѣлился довѣреннѣйшій дотолѣ легатъ его Лабіенъ, изъ зависти, кажется, къ славѣ Цезаря. Послѣдній не удерживалъ его, отпустилъ его къ Помпею и даже отослалъ ему деньги и имущество его.

Изъ Ауксима Цезарь прошелъ черезъ всю анконскую область (Marche d'Ancone), всѣ города которой охотно впустили его и снабдили всемъ нужнымъ, а гор. Цингуль (Cingulum, н. Cingolo) даже далъ ему нѣсколько вооруженныхъ воиновъ.

Между тѣмъ къ Цезарю присоединился 12-й легіонъ его, съ которымъ и 13-мъ онъ двинулся къ Аскулу (н. Ascoli). Находившійся здѣсь съ 10-ю когортами Лентулъ Спинтеръ хотѣлъ отступить, но бѣльшая часть войскъ его разошлась. Отъ Аскула Цезарь двинулся къ Корфинію (близъ н. Salmone), къ ю.з. отъ Аскула. Корфиній былъ занятъ Домиціемъ Агенобарбомъ съ 10-ю когортами *), 5 изъ которыхъ Домицій выслалъ разрушить мостъ на рѣкѣ въ $\frac{1}{2}$ мили отъ города. Но эти 5 когортъ были опрокинуты и Цезарь расположился близъ Корфинія въ лагерѣ. Домицій приготовился къ оборонѣ и просилъ Помпея о присылкѣ подкрѣпленій. Цезарь же послалъ М. Антонія съ 5-ю когортами къ Сулмонѣ (н. Sulmona), къ ю.в. отъ Корфинія, въ которой находились сенаторы К. Лукрецій и Атцій Целгнъ съ 7 когортами. Но эти послѣдніе и жители города впустили М. Антонія, который привелъ эти 7 когортъ и плѣннаго Аттія къ Цезарю. Послѣдній отпустилъ Аттія и вскорѣ къ Цезарю присоединились 8-й легіонъ, 22 новонабранные когорты и 300 чел. вспомогательной конницы изъ Норикъ (на с.в. границахъ сѣверной Италіи и Иллиріи).

Осадныя работы были уже окончены, когда Домицій получилъ отъ Помпея отвѣтъ, что онъ не можетъ подкрѣпить его и упрекалъ его въ томъ, что онъ заперся въ Корфиніѣ. Домицій, въ отчаяніи, хотѣлъ бѣжать, но войска его задержали и передали его Цезарю. Послѣдній заставилъ ихъ принести присягу въ вѣрности ему, а Домиція и всѣхъ сенаторовъ, трибуновъ и всадниковъ, находившихся въ Корфиніѣ, отпустилъ на свободу. Загѣмъ въ тотъ же день, послѣ 7-ми-дневной остановки передъ Корфиніемъ, онъ двинулся вдоль берега Адриатическаго моря къ югу въ Апулію, потому, кажется, что угадалъ или узналъ намѣреніе Помпея

удалиться изъ Италіи въ Грецію. Поэтому онъ хотѣлъ ранѣе Помпея достигнуть Брундузія (н. Brindisi) — главнаго пункта переправы изъ Италіи въ Диррахій, въ Грецію, и тѣмъ удержать Помпея въ Италіи и скорѣе рѣшить борьбу съ нимъ. Но Помпей, видя переходъ многихъ частей войскъ и жителей края на сторону Цезаря, опасаясь перехода еще бѣльшаго числа ихъ и имѣя при себѣ только 2 легіона и 30 т. войскъ близъ Рима, считалъ болѣе надежнымъ избѣжать вооруженнаго столкновенія съ Цезаремъ въ Италіи и удалиться въ Грецію, гдѣ могъ собрать значительныя силы и съ ними подавить Цезаря. Но этимъ самымъ онъ оставлялъ Италію во власти Цезаря и доставлялъ ему возможность, съ своей стороны, собрать въ ней значительныя силы и не впускать болѣе Помпея въ нее. Такимъ образомъ расчетъ Помпея былъ невѣренъ и долженъ былъ обратиться во вредъ ему и въ пользу Цезаря, тѣмъ болѣе, что удаленіе Помпея изъ Италіи должно было имѣть видъ бѣгства изъ нея. Не приготовившись заранѣе къ оборонѣ въ Италіи, захваченный врасплохъ и предавшійся страху, перѣшности и бездѣйствію, онъ тѣмъ съ самаго начала, по собственной винѣ, давалъ дѣламъ крайне невыгодный для себя и выгодный для Цезаря оборотъ.

И дѣйствительно, всѣ поступки его обличали не благоразуміе, а только страхъ передъ Цезаремъ. Изъ Капуи онъ удался сначала въ Луцерію (н. Lucera), оттуда въ Канузій (н. Canosa) и наконецъ въ Брундузію. Сюда онъ стянулъ всѣ свои войска, вооружилъ всѣхъ рабовъ и изъ пастуховъ образовалъ 300 чел. конницы. Претора Метелла Сципіона съ старшимъ своимъ сыномъ онъ послалъ въ Сирію, собрать на востокѣ сухопутныя и морскія военныя силы. Обоихъ консуловъ, которымъ онъ, по прежнимъ отношеніямъ ихъ къ Цезарю, не довѣрялъ, онъ заставилъ отправиться съ 30-ю когортами моремъ въ Диррахій, обѣщавъ вскорѣ послѣдовать за ними. Но два претора его, Манлій съ 6-ю когортами и Рутиль Лупъ съ 3-мя, передались Цезарю. Послѣдній, слѣдуя къ Брундузію, снова предлагалъ Помпею вступить въ личные переговоры съ нимъ; но прибытіи же къ Брундузію съ 6-ю легіонами, узнавъ, что консулы съ 30-ю когортами, по настоятельному повелѣнію Помпея, уже отплыли моремъ въ Диррахій, а самъ Помпей съ 20-ю когортами находился еще въ Брундузіѣ. Тогда Цезарь, имѣя въ виду отрѣзать ему сообщенія и съ Италіей, и съ Греціей, положилъ запретить его въ Брундузіѣ, и съ сухаго пути, и съ моря.

*) По Наполеону I—30 когортъ, т. е. 3 легіона, что невѣроятно.

§ 49.

Обложение Помпея Цезаремъ въ Брундузіѣ; — удаление Помпея въ Диррахій въ Греціи.

Цезарь обложилъ Помпея съ сухаго пути 6-ю своими легіонами, а съ моря построилъ, въ самомъ узкомъ мѣстѣ входа въ гавань, плотину; тамъ же, гдѣ воды были слишкомъ глубоки, установилъ и укрѣпилъ на якоряхъ плоты, прикрытые землею и фашинами, и кромѣ того построилъ валы и 2-хъ-ярусныя башни. Помпей, съ своей стороны, принималъ всѣ возможные мѣры противудѣйствія, построилъ на своихъ большихъ судахъ 3-хъ-ярусныя башни, вооружилъ ихъ метательными орудіями и всячески старался препятствовать работамъ Цезаря и разрушать ихъ.

Цезарь въ третій разъ предложилъ ему вступить въ личные переговоры, но, получивъ отвѣтъ, что въ отсутствіи консуловъ переговоры были невозможны, призналъ, что сдѣлалъ все возможное и нужное для мирнаго соглашенія и что ничего болѣе не оставалось, какъ рѣшительно вести войну.

На 9-й день послѣ начала его работъ, къ Брундузію воротились суда, переправившія консуловъ и войска въ Диррахій. Помпей немедленно принялъ мѣры для посадки на эти суда и для прегражденія Цезарю между тѣмъ входа въ Брундузію съ сухаго пути, самъ сѣлъ на суда и успѣлъ выйти въ море и направиться въ Диррахій (17-го марта 49 г.). Войска Цезаря, увѣдомленные жителями еще во время посадки войскъ Помпея на суда, взошли по лѣстницамъ на стѣны Брундузіи и преслѣдовали войска Помпея сколько и какъ могли, но препятствовать выходу ихъ въ море уже не могли.

Такимъ образомъ въ мартѣ *) — 60 дней спустя по переходѣ черезъ Рубиконъ — Цезарь обладалъ всею Италіей. Смѣлость и быстрота движенія его составляютъ рѣзкую противоположность съ нерѣшительностью и ошибочностью дѣйствій Помпея.

§ 50.

Планы дѣйствій Помпея и Цезаря.

Помпей, мнѣніями сената и аристократіи, враждебныхъ Цезарю, введенный въ заблужденіе касательно расположенія народа и подлежащаго, выгоднѣйшаго для него, Помпея, образа дѣйствій, положилъ (кажется еще заранѣе) сосредоточить главныя силы свои въ Греціи и тамъ одолѣть Цезаря. Цезарь же, съ своей стороны (по словамъ его въ запискахъ), не имѣя флота и возможности переправиться вслѣдъ за Помпеемъ въ Грецію и опасаясь, чтобы 6 старыхъ легіоновъ Помпея въ Испаніи не напали оттуда на Галлію или не переправились въ Италію, положилъ (также кажется уже заранѣе) сначала обратиться противъ нихъ въ Испанію. Слѣдовательно оба въ одно время положили обратиться въ противоположныя стороны, одинъ — въ Грецію, а другой — въ Испанію, по причины того и другаго были, кажется, неодинаково основательны и вѣрны.

Что касается Помпея, то про него прямо можно сказать, что онъ, подъ вліяніемъ сената и аристократіи и, кромѣ того, страха Цезаря, совершенно потерялъ голову и сдѣлалъ большую ошибку въ политическомъ и военномъ отношеніяхъ, положивъ сосре-

доточить свои силы не въ Италіи, а въ Греціи. Испанія, Греція, Африка, Египетъ, Малая Азія и Сирія, съ находившимися въ нихъ войсками, флотъ и море — были въ его власти, и ему слѣдовало и можно было легко и скоро сосредоточить свои главныя и превосходныя числомъ силы въ Италіи, при Римѣ, для того, чтобы владѣть первою и особенно послѣднимъ, слѣдовательно — и всею республикой: ибо кто владѣлъ Римомъ, тотъ владѣлъ и республикой. До сосредоточенія же главныхъ силъ своихъ въ Италію, Помпей, имѣя при себѣ 2 легіона, 30 т. войскъ при Римѣ и 10 когортъ Доміція въ Корфиніѣ, долженъ бы былъ и могъ бы вести оборонительную войну въ средней и

*) Наполеонъ I снова говоритъ, что римскій календарь въ то время былъ въ большомъ безпорядкѣ и упреждалъ нынѣшній (юліанскій) 18-ю недѣлями или 4½ мѣсяцами, и поэтому относитъ время изданія сенатскаго декрета и перехода Цезаря черезъ Рубиконъ не къ половинѣ января 49 г., а къ концу октября 50 г., отплытіе же Помпея изъ Брундузіи — къ началу января 49 г. Но новѣйшіе писатели ведутъ счетъ по старому римскому календарю, исправленному только позже Юліемъ Цезаремъ.

потомъ въ южной Италіи, а по прибытіи войскъ изъ Испаніи, Греціи, Африки и пр., имѣлъ бы перевѣсъ силъ на своей сторонѣ и, перейдя въ наступленіе, могъ бы надѣяться подавить Цезаря. Но, удаляясь въ Грецію, онъ добровольно лишалъ себя всѣхъ нечисленныхъ выгодъ и, уступая Италію и особенно Римъ Цезарю, уже этимъ самымъ уступалъ ему нѣкоторымъ образомъ и власть въ республикѣ. Такимъ образомъ, съ самаго начала сдѣлавъ важную ошибку тѣмъ, что не принялъ заранѣе мѣръ къ защитѣ Италіи, Рима и самаго себя, онъ присоединилъ къ ней потомъ и другую, еще болѣе важную и для него пагубную, удалясь изъ Италіи въ Грецію.

Что же касается Цезаря, то нѣтъ и не можетъ быть, кажется, никакого сомнѣнія, что онъ, который 9 лѣтъ готовился къ достиженію своей цѣли и глубоко, всесторонне обдумалъ всѣ свои дѣйствія, имѣлъ исполнѣ достаточныя и уважительныя причины не послѣдовать за Помпеемъ въ Грецію, а обратиться сначала въ Испанію. Но объясненіе имъ этихъ причинъ въ своихъ запискахъ — неполно и не совсѣмъ удовлетворительно, и ни одинъ изъ древнихъ и новѣйшихъ писателей не только не объясняетъ ихъ, но даже не распространяется о нихъ, повторяя только приведенныя выше слова Цезаря въ его запискахъ — неимѣніе имъ флота и опасеніе, чтобы Помпеевы легіоны въ Испаніи не напали на Галлію. Эти двѣ причины — основательны, но не исполнѣ, и недостаточны. Цезарь говоритъ, что флотъ, для переправы вслѣдъ за Помпеемъ въ Грецію, онъ могъ получить, но не легко и не скоро, только изъ Галліи, Анконы и Сициліи. Но почему онъ предпочелъ двинуться изъ Италіи сухимъ путемъ, не противъ Помпея въ Грецію, а противъ 6-ти легіоновъ его въ Испанію?—Въ томъ и другомъ случаѣ онъ удалялся изъ Рима и Италіи, но, идя въ Испанію, удалялся и отъ Помпея, а идя въ Грецію, напротивъ, приближался къ нему, а это было чрезвычайно важно и необходимо для Цезаря, дабы слѣдить шагъ за шагомъ за Помпеемъ, быть какъ можно ближе къ нему и не давать ему опомниться и собираться съ силами, средствами и способами для веденія войны. Какая же была для него, напротивъ, болѣе важная причина идти не въ Грецію, а въ Испанію, гдѣ были только 6 Помпеевыхъ легіоновъ? И почему онъ, еще тогда, когда только двинулся въ Италію, уже направилъ своихъ легатовъ: Фабія съ 3-мя легіонами отъ Бибракты (Autun) и Трессонія съ 2-мя легіонами изъ

сѣверозападной Галліи (нынѣшней Пикардіи) — къ Пиренеямъ на границы Испаніи? Изъ этого слѣдуетъ, кажется, заключить, что онъ уже заранѣе имѣлъ въ виду двинуться, сначала въ Италію, а потомъ въ Испанію, можетъ быть для того, чтобы обезпечить Италію и Галлію отъ нападенія на ту, либо другую 6-ти старыхъ и лучшихъ Помпеевыхъ легіоновъ изъ Испаніи, а главное то, чтобы завладѣть, кромѣ Италіи, и Испаніей, которую считалъ очень важною и необходимою для себя. Ее, какъ кажется, онъ признавалъ средоточіемъ военной силы Помпея,—въ ней хотѣлъ онъ прежде всего сокрушить эту силу и имѣть, вмѣстѣ съ Галліей, твердое и надежное основаніе для своихъ дальнѣйшихъ дѣйствій противъ Помпея, и страну, богатую всякими средствами, способами и особенно деньгами, необходимыми для веденія войны съ Помпеемъ. Наконецъ, нѣтъ сомнѣнія, что онъ не хотѣлъ оставлять въ тылу за собою 6 Помпеевыхъ легіоновъ въ Испаніи, прежде нежели обратиться противъ самаго Помпея въ Грецію, и надѣялся скоро покончить съ ними. Все это очень естественно и понятно, но съ другой стороны можетъ трудно соглашено быть съ предоставленіемъ Помпею, на болѣе или менѣе долгое время, полной свободы сосредоточить въ Греціи значительныя военныя силы, сухопутныя и морскія, и занять въ ней сильное и трудно-одолимое въ послѣдствіи, оборонительное положеніе, или даже, въ отсутствіи Цезаря изъ Италіи, перенести средоточіе своей военной силы въ послѣднюю и сдѣлать обладаніе ею для Цезаря труднымъ и сомнительнымъ. Но Цезарь, зная хорошо Помпея и его характеръ, былъ, кажется, увѣренъ, что онъ не рѣшится перенести войну въ Италію.

Во всякомъ случаѣ, съ какой бы стороны ни смотрѣть на намѣренія Помпея и Цезаря обратиться, первому въ Грецію, а второму въ Испанію, нельзя не признать вообще, что намѣренія перваго были, какъ сказано, большою съ его стороны ошибкой, но не совсѣмъ ясно и понятно, почему такой великій полководецъ, какъ Цезарь, положилъ сначала идти въ Испанію. Причины же, приводимыя имъ въ своихъ запискахъ, далеко не раскрываютъ полноты его мысли, а она, безъ сомнѣнія, была у него, и притомъ глубоко соображенная и вѣрно рассчитанная.

Какъ бы то ни было, онъ и послѣ, какъ и прежде удаленія Помпея въ Грецію, дѣятельно продолжалъ приводить въ исполненіе замышленное имъ предпріятіе.

§ 51.

Мѣры Цезаря въ Италіи.

По удаленіи Помпея въ Грецію, Цезарь, занявъ Брундузій, приказалъ собрать въ немъ пужныя для переправы войскъ въ Грецію суда, расположилъ войска свои, для отдыха, въ окрестностяхъ на квартирахъ и послалъ легата Валерія съ 1 легиономъ въ Сардинію, а пропретора Куріона съ 3 легионами въ Сицилію—для завладѣнія ими (последняя была особенно важна тѣмъ, что снабжала Римъ хлѣбомъ и служила для переправы въ Африку). Сардинія и Сицилія, по приближеніи къ нимъ Валерія и Куріона, тотчасъ же отложились отъ Помпея и покорились Цезарю, а Помпеевы правители ихъ бѣжали, Котта—изъ Сардиніи въ Африку, а Катонъ—изъ Сициліи на о. Корциру и оттуда въ Дипрахій.

Между тѣмъ самъ Цезарь лично отправился въ Римъ, собралъ сенатъ изъ оставшихся въ немъ и бывшихъ на его сторонѣ сенаторовъ, изложилъ передъ ними всю оказавшуюся ему несправедливость, оправдалъ свое поведеніе, выставилъ свою умѣренность и, щадя формы государственнаго устройства, заставилъ претора М. Лепида провозгласить его, Цезаря, диктаторомъ и въ этомъ санѣ назначилъ самъ себя и П. Сервилія Исаврика консулами. Предложеніямъ его отправить къ Помпею посольство для переговоровъ и выдать ему, Цезарю, изъ государственной казны значительную сумму денегъ на расходы — смѣло и рѣшительно воспротивился молодой народный трибунъ Л. Метеллъ. Однако Цезарь, грозя ему смертію, взялъ изъ казны пужныя ему деньги, чѣмъ возбудилъ неудовольствіе народа и,

вѣроятно самъ сознавая всю незаконность такого поступка, ни слова не упомянулъ о немъ въ своихъ запискахъ, а въ другомъ мѣстѣ ихъ привелъ невѣроятный рассказъ, будто бы «о расхищеніи казны по небрежности консула Катуты», съ цѣлію отклонить отъ самаго себя подозрѣніе въ томъ.

Вообще положеніе его и дѣлъ въ Римѣ было довольно трудное и непріятное для него, и чтобы не терять долго и напрасно времени въ Римѣ и скорѣе отправиться въ Испанію, онъ принялъ мѣры для обезпеченія Рима и Италіи. Имѣя уже 16 легионовъ въ Галліи, Италіи, Иллиріи, Корсикѣ, Сардиніи и Сициліи, онъ размѣстилъ новонабранныя войска въ Апуліи и вдоль береговъ адриатическаго моря, поставивъ сильныя гарнизоны въ Брундузіѣ, Гидрунтѣ (н. Otranto) и Тарентѣ, а старые легионы — на границахъ цизальпинской Галліи и частию въ Ариминіѣ, большею же частию въ Плаценціи и ея окрестностяхъ. Лепиду онъ ввѣрилъ главное начальствованіе въ Римѣ, а М. Антонію — защиту береговъ Италіи, брата его К. Антонія послалъ правителемъ въ Иллирію, а Лицинія Красса въ Галлію; на берегахъ адриатическаго и тирренскаго морей велѣлъ собрать 2 флота подъ начальствомъ Долабеллы и Гортензія; находившемуся же въ Римѣ, въ плѣну, іудейскому царю Арпстуву онъ даровалъ свободу, въ надеждѣ, что въ благодарность за то онъ вооруженною силой противустанетъ Метеллу Сципіону въ Сиріи. Затѣмъ съ 3-мя новыми легионами онъ двинулся (въ апрѣлѣ 49 г.) вдоль береговъ моря въ Испанію.

§ 52.

Движеніе Цезаря къ р. Родану — осада Массилии; — движеніе Цезаря въ Испанію.

«Иду воевать противъ армій безъ полководца, съ тѣмъ, чтобы потомъ воевать противъ полководца безъ армій» — сказалъ Цезарь въ Римѣ, отправляясь въ Испанію. Дѣйствительно, въ Испаніи легионами Помпея (въ это время уже 7-ю) начальствовали отдѣльно и каждый самостоятельно 3 легата его: Афрانیи — 3-мя легионами въ сѣверовосточной Испаніи (н. Каталонія), Петреій — 2-мя легионами къ югозападу оттуда до р. Анаса (н. Guadiana) и Варронъ — 2-мя легионами въ сѣверозападной Испаніи

(н. Леонъ и Галиція). Они уговорились, чтобы Петреій соединился съ Афраниемъ при Шлердѣ на р. Сикорриѣ (н. Llerida, на р. Сегрѣ), а Варронъ охранялъ западную Испанію, и чтобы они набрали вспомогательныхъ испанскихъ, пѣшихъ и конныхъ войскъ (которыхъ дѣйствительно и набрали 80 когортъ или 8 легионовъ — около 40 т. чел. пѣхоты и 5 т. чел. конницы, такъ что всего войскъ у 3 легатовъ въ Испаніи было до 80 т. чел.).

Приближаясь къ Массилии, Цезарь узналъ

что Помпей возбудилъ противъ него жите-
лей этого большого, торговаго города, ко-
торые приготовились къ упорному сопро-
тивленію. Цезарь призвалъ къ себѣ 15
знатнѣйшихъ гражданъ Массилии и убѣж-
далъ ихъ не сопротивляться, по послѣдо-
вать примѣру Италиі. Тщетны были всѣ
убѣжденія его: жители Массилии продолжали
готовиться къ сопротивленію и назначили
Доминія (освобожденнаго Цезаремъ въ Кор-
финіѣ) военнымъ начальникомъ Массилии.

Между тѣмъ Цезаревъ легатъ Фабій при-
былъ съ 3-мя легіонами къ Нарбонну, а
Требоній съ 2-мя легіонами былъ еще въ
слѣдованіи изъ сѣверной Галліи.

Принужденный осадить Массилию, дабы
не оставлять ся въ тылу за собою при дви-
женіи въ Испанію, Цезарь немедленно при-
нялъ всѣ нужныя для того мѣры, равно и
для сооруженія 30-ти военныхъ судовъ въ
гор. Арелатѣ на р. Роданѣ (н. Arles на р.
Ронѣ). Черезъ 30 дней, суда эти были
построены, вооружены, прибыли къ Масси-
лии и были ввѣрены начальствованію Д.
Брута, а веденіе осады Массилии — легату
Требоцію. Самъ Цезарь двинулся въ Испа-
нію, выславъ впередъ легата Фабія съ 3-мя
старыми легіонами, для овладѣнія прохо-
дами черезъ Пиренеи, занятыми войсками
Афранія. Фабій удачно исполнилъ это и

двинулся безостановочно къ Илердѣ. За
нимъ послѣдовали 2 легіона, прибывшіе
(съ Требоніемъ) изъ Галліи, 6-ти-тысячный
легіонъ, подъ названіемъ Alauda (жаворо-
нокъ), набранный въ Галліи, большое число
легкой пѣхоты, набранной въ югозападной
Галліи, 6 тыс. чел. галльской и германской
копницы и большое число знатнѣйшихъ и
храбрѣйшихъ галльскихъ всадниковъ (такъ
что всего войскъ Цезаря вступило въ Испа-
нію до 60 т. чел.).

Цезарь, извѣстясь по слухамъ, будто Пом-
пей намѣревался скорѣ лично прибыть въ
Испанію, употребилъ особенное средство
для того, чтобы, при первомъ въ этой войнѣ
столкновеніи римскихъ войскъ съ римски-
ми, упрочить за собою вѣрность и предан-
ность ему собственныхъ войскъ. Именно —
онъ занялъ у трибуновъ и центуріоновъ всѣ
деньги, собранныя ими во время войны въ Гал-
ліи, и роздалъ ихъ своимъ легіонамъ. Этимъ
онъ не только сберегъ значительныя, нуж-
ныя ему для расходовъ деньги, но и при-
обрѣлъ залогъ вѣрности ему своихъ трибу-
новъ и центуріоновъ — въ ихъ достояніи, а
своихъ легіонеровъ — въ благодарности ихъ
за его щедрость (пначе — деньгами первыхъ
онъ подкунилъ послѣднихъ — средство, въ
положеніи Цезаря, хотя и понятное, но во
всякомъ случаѣ не совсѣмъ благовидное),

§ 53.

Дѣйствія въ Испаніи.

Дѣйствія легатовъ Фабія и Афранія при Илердѣ на р. Сикоррисѣ.

Между тѣмъ Фабій, прибывъ къ Илердѣ,
нашелъ Афранія весьма выгодно располо-
женнымъ въ укрѣпленномъ лагерѣ на вы-
сотѣ въ 700—800 шагахъ разстоянія отъ
этого города, на правомъ берегу р. Сикор-
риса (Сегры). Городъ Илерда былъ распо-
ложенъ также на высотѣ, а между нимъ и
лагеремъ Афранія, ближе къ послѣднему,
нежели къ первому, находилась еще третья
высота. Въ этомъ расположеніи Афраній и
Петрейі положили ограничиваться обороной,
впредь до прибытія, можетъ быть, Помпея,
и для того собрали въ Илердѣ значитель-
ныя запасы продовольствія, но недостаточ-
ныя для многочисленныхъ войскъ ихъ на
цѣлый походъ этого года. Они не успѣли
собрать ихъ большее количество, какъ по-
тому, что время года было еще раннее,
такъ и потому, что были въ неизвѣстности
о всемъ происшедшемъ въ Италиі, не ожи-
дали, чтобы Цезарь прибылъ такъ скоро, и
не получали никакихъ особенныхъ приказа-
заній отъ Помпея. Поэтому они считали до-
статочнымъ крѣпкое и сильное расположе-

ніе свое при Илердѣ и прикрытіе ими края
на правой сторонѣ р. Сикорриса и пере-
правы черезъ р. Иберъ, противъ движенія
Цезаря внутрь Испаніи.

Фабій, съ своей стороны, расположился
въ укрѣпленномъ лагерѣ лѣвымъ флангомъ
къ р. Сикоррису, между 2-мя рѣчками или
ручьями, изливавшимися въ эту рѣку и изъ
которыхъ находившійся передъ фронтомъ
лагеря имѣлъ малую ширину. Фабій прика-
залъ построить черезъ р. Сикоррисъ 2 мо-
ста, одинъ — недалеко отъ лѣваго фланга
своего лагеря, а другой въ 1,000 шагахъ
позади его. Лагерь его находился въ раз-
стояніи около 1 рим. мили (700 сажень)
отъ лагеря Афранія. Продовольствуя свои
войска фуражировками и скорѣ истощивъ
край на правой сторонѣ р. Сикорриса, Фа-
бій сталъ посылать своихъ фуражировъ на
лѣвую. Афраній, съ своей стороны, произ-
водилъ также частыя фуражировки на пра-
вой и потомъ на лѣвой сторонѣ рѣчки, слѣд-
ствіемъ чего была малая война съ обѣихъ
сторонъ. Фабій, дабы доставить своимъ фу-

ражирамъ опорный пунктъ на лѣвой сторонѣ рѣки, послалъ туда черезъ первый мостъ 2 легіона подъ начальствомъ легата Планка. За ними двинулась и конница, но не могла перейти черезъ рѣку по мосту, потому что онъ былъ внезапно снесенъ поднявшеюся въ рѣкѣ водой. Афраній воспользовался тѣмъ и, перейдя въ Илердѣ по каменному мосту черезъ рѣку съ 4-мя легіонами, атаковалъ ими 2 легіона Планка,

отрѣзанные отъ Фабія рѣкою. Планкъ, успѣвшій еще окопаться и не имѣвшій при себѣ конницы, построилъ 1 легіонъ фронтомъ къ Афранію, а другой позади, фронтомъ назадъ. Въ этомъ строѣ Планкъ оборонялся до тѣхъ поръ, пока Фабій не прислалъ ему, чрезъ 2-й, задній мостъ, сильное подкрѣпленіе, послѣ чего Афраній отступилъ.

§ 54.

Дѣйствія Цезаря противъ Афранія и Петреія при Илердѣ на р. Сикоррисѣ.

Три дня спустя (въ маѣ 49 г.) прибылъ Цезарь подъ прикрытіемъ 900 чел. конницы, приказалъ немедленно возстановить разрушенный мостъ и обозрѣлъ мѣстность вокругъ. Найдя необходимымъ, для скорѣйшаго рѣшенія дѣла, перемѣнить расположеніе своей арміи, онъ на другой же день рано утромъ двинулся 3-мя колоннами противъ лагеря Афранія, оставивъ 6 когортъ для занятія прежняго лагеря и мостовъ. Приблизясь къ лагерю Афранія на 400 шаговъ, онъ построилъ войска свои въ 3 линіи. Афраній вывелъ свои войска изъ лагеря и построилъ ихъ впереди его, но съ намѣреніемъ не вступать въ бой. Войска простояли такъ, одни противъ другихъ, цѣлый день и къ вечеру Афраній вступилъ обратно въ свой лагерь, Цезарь же положилъ остаться на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ, въ укрѣпленномъ лагерѣ.

Съ этою цѣлю онъ приказалъ 3-й линіи укрѣплять лагерь подъ прикрытіемъ 1-й и 2-й, остававшихся въ боевомъ порядкѣ — предпріятіе очень смѣлое на такомъ близкомъ разстояніи отъ лагеря Афранія, расположеннаго на высотѣ. Но какъ 1-я и 2-я линіи стояли на близкихъ разстояніяхъ одна за другою, а 3-я линія производила работы вплоть за 2-ю, причемъ Цезарь приказалъ ей только вырыть ровъ въ 15 футовъ глубины, безъ вала, то эта работа и могла быть скрыта отъ непріятеля. Къ вечеру рвы были вырыты и всѣ войска, отступивъ за нихъ безъ препятствія со стороны непріятеля, всю ночь провели подъ оружіемъ. На слѣдующій день были укрѣплены боковые фасы лагеря, подъ прикрытіемъ неработавшихъ войскъ, стоявшихъ подъ оружіемъ. Афраній вышелъ изъ своего лагеря и построилъ свои войска впереди его, но вскорѣ опять отступилъ въ него. Такъ продолжалось съ обѣихъ сторонъ и на слѣдующій день, а на 4-й день лагерь Цезаря былъ уже совершенно укрѣпленъ и Цезарь перевелъ въ него всѣ войска и тяжести изъ прежняго лагеря позади.

Затѣмъ онъ отрядилъ 3 легіона для овладѣнія тою высотой, которая находилась между лагеремъ Афранія и Илердой и которую Афраній, по оплошности, оставилъ незанятою и потому могъ быть отрѣзанъ отъ Илерды. Однако это не удалось Цезарю: Афраній выслалъ впередъ караульные когорты, которыя и заняли высоту прежде Цезаревыхъ войскъ. И Афраній, и Цезарь посылали своимъ войскамъ подкрѣпленія, но окончательно войска Цезаря отступили въ довольно большомъ безпорядкѣ. Цезарь, чтобы поправить это непріятное для него дѣло, выслалъ впередъ 9-й легіонъ, прикрылъ отступление своихъ войскъ, а непріятеля, наступавшаго въ безпорядкѣ, заставилъ поспѣшно отступить къ стѣнамъ Илерды. Но при этомъ 9-й легіонъ увлекся слишкомъ далеко, попалъ на невыгодную мѣстность и сначала былъ опрокинутъ, но наконецъ въ свою очередь заставилъ непріятеля отступить. Въ этихъ первыхъ дѣлахъ Цезарь потерялъ одного военачальника и 600 воиновъ ранеными (число убитыхъ не показано), Афраній же — 4-хъ центуріоновъ и 200 воиновъ убитыми. Этотъ уронъ, для такого жаркаго дѣла, продолжавшагося болѣе 5-ти часовъ, былъ еще не слишкомъ значителенъ.

Впрочемъ Цезарь, расположеніемъ своего новаго лагеря, приобрѣлъ ту выгоду, что овладѣлъ обильнымъ краемъ между Сикоррисомъ и впадавшею въ него ниже Илерды рѣчкою Цинкою (Cinca) и посредствомъ своей многочисленной конницы лишилъ Афранія всѣхъ средствъ добывать себѣ продовольствіе фуражировками. Оба моста его доставляли ему возможность дѣйствовать на обѣихъ сторонахъ р. Сикорриса и обезпечивали сообщенія между ними. А такъ какъ онъ стоялъ очень близко отъ Афранія, то и затруднялъ ему всякія скрытныя движенія и заранѣе предвидѣлъ, что онъ, по недостатку въ продовольствіи, вскорѣ будетъ принужденъ перемѣнить свое расположеніе.

Но Афраній приказалъ укрѣпить высоту,

лежавшую между его лагеремъ и Илердою—и Цезарь, не смотря на все то, что говорить въ своихъ запискахъ, несомнѣнно былъ очень недоволенъ тѣмъ, что счастье его, въ которое онъ такъ слѣпо вѣрилъ, впервые измѣнило ему при первомъ столкновеніи съ римскими войсками, предводимыми полководцемъ, стоявшимъ, по его мнѣнію, ниже его по искусству. Ни оставлять высоту во власти Афранія, ни атаковать ее, ни вовлечену быть этимъ въ общій бой, притомъ въ невыгодной для него мѣстности — онъ одинаково не хотѣлъ, и если принять все это вмѣстѣ въ соображеніе, то нельзя будетъ не согласиться съ словами Гишара, что «если счастье и измѣнило ему въ этомъ случаѣ, то онъ по крайней мѣрѣ попытался на него, какъ великій человекъ (*si la fortune lui manqua cette fois, il l'avait au moins tentée en grand homme*)».

Два дня спустя послѣ перваго боя произошло другое непріятное обстоятельство, которое могло имѣть еще болѣе вредныя и опасныя для Цезаря послѣдствія. Сильная буря подняла воду въ Сикоррисѣ и Цинкѣ, произвела разливъ ихъ и разрушила оба Цезарева моста. Афраній же завладѣлъ передъ этимъ всѣми судами на обѣихъ рѣкахъ — и Цезарь очутился окруженнымъ со всѣхъ сторонъ водой, а въ продовольствіи и фуражѣ, которыхъ ему невозможно было добывать, оказался недостатокъ. Армія же Афранія, напротивъ, находилась въ гораздо лучшемъ положеніи, такъ какъ была расположена на возвышенномъ мѣстѣ, имѣла запасы продовольствія и фуража и могла добывать новыя на лѣвой сторонѣ Сикорриса, посредствомъ постоянного каменнаго моста на немъ въ Илердѣ.

Разливъ рѣкъ продолжался нѣсколько дней, а съ тѣмъ вмѣстѣ и положеніе Цезаря становилось день ото дня хуже. Вскорѣ къ этому присоединилось еще одно новое и непріятное для Цезаря обстоятельство. Изъ Галліи шелъ къ нему большой транспортъ со множествомъ повозокъ, тяжестей и разнаго рода нестроевыхъ людей всякаго званія (до 6 т. чел.), подъ прикрытіемъ стрѣлковъ и сильнаго отряда конницы, но безъ общаго главнаго начальника и безъ надлежащихъ мѣръ осторожности и исправности. Разливъ рѣкъ остановилъ движеніе этой массы людей, животныхъ, повозокъ и тяжестей. Афраній двинулся противъ нея съ своею конницею и съ 3-мя легіонами и атаковалъ ее. Галльская конница очень храбро защищала нѣсколько времени транспортъ и тѣмъ дала всѣмъ время спастись, такъ что уронъ ограничился только нѣсколькими повозками и возчиками, 2-мя стами стрѣлковъ и частию конницы. Тѣмъ не менѣе положеніе арміи Цезаря становилось все труднѣе и опаснѣе, и въ

ней оказался уже просто голодъ. Многіе отряды, посланные на фуражировку, совсѣмъ не воротились, а тяжести арміи были оставлены назади. Все это сдѣлалось извѣстнымъ и Афранію, и въ Римѣ, и даже Помпею, который долженъ былъ бы и могъ бы, но не разсудилъ — самъ прибыть въ Испанію.

Однако невозможно же было предполагать, чтобы такой полководецъ, какъ Цезарь, не придумалъ какого-либо средства выйти изъ труднаго положенія своего. И дѣйствительно — онъ приказалъ построить нѣсколько легкихъ судовъ, частию изъ дерева и частию изъ плетня, обтянутыхъ кожей и обмазанныхъ смолою. Эти суда ночью были перевезены на повозкахъ до берега Сикорриса и тамъ спущены на воду. Отрядъ войскъ переправился на нихъ на лѣвый берегъ и еще до разсвѣта укрѣпился на немъ, на одной высотѣ. Затѣмъ Цезарь отрядилъ туда цѣлый легіонъ — и въ 2 дня въ этомъ мѣстѣ былъ построенъ мостъ, по которому и фуражиры могли быть посылаемы, и транспортъ могъ быть притянутъ. Въ самый день окончанія постройки моста, большая часть Цезаревой конницы перешла по мосту черезъ Сикоррисъ, папала на фуражировъ Афранія и взяла у нихъ множество лошадей и людей въ плѣнъ. Афраній послалъ въ подкрѣпленіе свою отличную испанскую пѣхоту, но одна часть Цезаревой конницы опрокинула ее и даже изрубила 1 когортъ, а другая часть между тѣмъ ушла съ взятою добычей.

Между тѣмъ одно обстоятельство имѣло большое вліяніе на событія, происходившія при Илердѣ. Жители осажденной Массилии снарядили 17 военныхъ судовъ и многія меньшія, посадили на нихъ альпійскихъ горскихъ стрѣлковъ и послали ихъ противъ Цезаревой римской эскадры Брута, стоявшей на якорѣ у одного островка близъ Массилии. Римская эскадра, хотя слабѣе числомъ судовъ, но гораздо лучше вооруженная, пошла на встрѣчу непріятельской и въ жаркомъ бою съ нею наконецъ разбила ее и принудила воротиться въ гавань Массилии, съ потерей 9 военныхъ судовъ и множества людей.

Эта побѣда на морѣ, вмѣстѣ съ успѣхомъ Цезаревой конницы, смутила Афраніевы войска, уменьшила ихъ увѣренность, смѣлость и даже дерзость, и принудила ихъ дѣйствовать уже съ болѣею осторожностью и даже боязливостью. Такимъ образомъ нравственный перевѣсъ перешелъ уже на сторону Цезаря и счастье его снова стало уже постепенно болѣе и болѣе благопріятствовать ему. Жители ближнихъ и дальнихъ отъ Илерды земель (въ окрестностяхъ нынѣшнихъ Nuesca, Calahorra, Tarragona и другихъ мѣстъ Каталоніи и Валенсіи) стали присылать къ Цезарю пословъ съ выраже-

ніемъ покорности и предложеніемъ услугъ своихъ. Цезарь потребовалъ отъ нихъ зерноваго хлѣба и перевозки его къ нему на ихъ вьючныхъ животныхъ. Одна испанская когорта изъ тѣхъ же мѣстъ даже передалась Цезарю. Вскорѣ и силы и средства Цезаря увеличились, продовольствія было у него въ изобиліи и въ арміи его уже совсѣмъ перестали помышлять о Помпее, прібытія котораго сначала ожидали черезъ Африку, но онъ, между тѣмъ оставался въ Греціи, въ совершенномъ бездѣйствіи, и не предпринималъ ничего ни противъ Италіи, ни противъ Испаніи.

Цезарь не удовольствовался пріобрѣтенными имъ выгодами, но, въ своей непостоянной изобрѣтательности, задумалъ — отвести воду изъ Сикорриса! Съ этою цѣлью онъ приказалъ рыть рыи или каналы, въ 30 футовъ ширины, и бассейны съ водоотводнымъ каналомъ, въ направленіи къ протекавшей въ окрестностяхъ рѣкѣ, для того, чтобы спустить изъ Сикорриса воду до обмеленія его и открытія въ немъ бродовъ, которые позволяли бы переводить черезъ рѣку конницу, не направляя ее дальнимъ обходомъ на мостъ.

Когда эти громадныя и трудныя работы были окончены, Афраній и Петреій, въ свою очередь, были доведены до такого труднаго, даже отчаяннаго положенія, что дѣйствительно, какъ предвидѣлъ Цезарь, рѣшились отступить и перенести мѣсто дѣйствій своихъ на западъ отъ Илерды (въ

нынѣшнюю Аррагонію). Тамъ часть племени пребывала вѣрною Помпею, а другая страшилась одного имени его, Цезарево же имя было для нихъ почти совершенно неизвестно, и легаты Помпея надѣялись получить отъ нихъ и войска, и продовольствіе, и удержаться до зимы. А потому они приказали собрать на р. Иберѣ, при гор. Октогезѣ (близъ нынѣшней Mequinenza, при устьѣ Сегры въ Эбро), около 4-хъ рим. миль выше Илерды, всѣ суда, какія только можно было найти на этой рѣкѣ, дабы построить тамъ мостъ черезъ Сикоррисъ. По построеніи его, 2 легіона должны были перейти на лѣвую сторону Сикорриса, и укрѣпиться напротивъ Илерды. Тамъ Афраній и Петреій надѣялись имѣть гораздо болѣе свободы въ дѣйствіяхъ и многія другія выгоды, какъ-то: пользоваться преданностью туземныхъ жителей, получать отъ нихъ продовольствіе, пѣшія и конныя вспомоگательныя войска, пополнить свою плохую конницу лошадьми отъ целибсриевъ и т. п. Но, вмѣсто того, чтобы немедленно начать свое отступленіе, Афраній и Петреій двинулись сутками позже и это промедленіе послужило къ рѣшительному вреду для нихъ и пользѣ Цезаря. Сутками ранѣе на Сикоррисѣ еще не оказалось бродовъ для Цезаревой конницы, но сутками позже оказался уже одинъ бродъ, по которому Цезарь, узнавшій черезъ лазутчиковъ о намѣреніи Помпеевыхъ легатовъ, и могъ перевести свою конницу.

§ 55.

Движеніе Афранія и Петреія, и за ними Цезаря, отъ Илерды къ Иберу.

Въ ночь съ 30-го на 31-е мая (по Гиппарху) Афраній, оставивъ въ Илердѣ 2 когорты, перешелъ по мосту въ этомъ городѣ черезъ Сикоррисъ со всѣми своими войсками, несшими на себѣ и везшими за собою на 22 сутокъ продовольствія, и присоединилъ къ себѣ 2 легіона, находившіеся противъ Илерды на лѣвой сторонѣ Сикорриса. Цезарь, узнавъ о выступленіи Афранія въ походъ, послалъ вслѣдъ за нимъ всю свою конницу, съ тѣмъ чтобы она тѣснила его и сзади, и съ боковъ, и даже спереди. Конница эта, перейдя въ ту же ночь черезъ Сикоррисъ въ бродъ, явилась на равнинѣ лѣвой стороны этой рѣки почти въ одно время съ движеніемъ арміи Афранія по высотамъ той же стороны, и превосходя непріятельскую конницу и числомъ, и добротой, удачно исполнила свое назначеніе. Пѣхота же Цезарева, для которой еще не открылось бродовъ на Сикоррисѣ, увидѣвъ на разсвѣтѣ съ высотъ праваго

берега успѣхи своей конницы и замедленіе отъ того въ движеніи Афранія, пришла въ необыкновенное одушевленіе и истеричное перейти на лѣвую сторону Сикорриса и боемъ съ Афраніемъ скорѣе рѣшить войну съ нимъ, громко выражая, что не боялась ничего и готова была на все. Цезарь, видя такое одушевленіе ея, рѣшился воспользо-ваться имъ и попытаться вступить въ бой съ Афраніемъ *). Оставивъ въ своемъ лагерѣ, для охраненія его, центуриі изъ силь-

*) Слѣдуетъ замѣтить, что въ этомъ первомъ столкновеніи римскихъ войскъ съ римскими въ Испаніи, Цезарь имѣлъ въ виду одолѣть Помпеевыхъ легатовъ и ихъ войска — по возможности безъ боя, однимъ маневрированіемъ, справедливо предпочитая не истреблять римскія войска Афранія и Петреія, а привлечь ихъ на свою сторону. Этимъ объясняются всѣ его дѣйствія противъ нихъ и потому необходимо постоянно имѣть это въ виду.

пѣйшихъ и отважнѣйшихъ воиновъ, со всѣми остальными войсками онъ благополучно перешелъ черезъ Сикоррисъ въ бродъ, загородивъ рѣку выше и ниже выючными животными, хотя употребилъ на это много времени. Затѣмъ онъ построилъ свою армію въ 3 линіи и въ 3 часа пополудни двинулся обходомъ въ 1 милю (по свойству мѣстности) противъ непріятеля такъ, чтобы занять высоты на его правомъ и на своемъ лѣвомъ флангахъ. Между тѣмъ конница его такъ удачно задерживала непріятеля, что онъ въ 16 часовъ времени успѣлъ пройти не болѣе 1½ рим. миль (2 версты)—и это дало Цезарю время настигнуть его. Афраній и Петрей построили свои войска въ боевой порядокъ и двинулись нѣсколько впередъ. Но войска Цезаря были такъ утомлены, а Цезарь такъ нерасположенъ атаковать непріятеля, что остановилъ свою армію. Тоже и по тѣмъ же причинамъ сдѣлали и Помпеевы легаты, и обѣ арміи, отдохнувъ нѣсколько времени, продолжали одна — отступать, а другая — преслѣдовать ее. Не доходя 2½ миль до р. Ибера, Афраній расположился въ укрѣпленномъ лагерѣ на одной высотѣ, а Цезарь — на другой, противъ него. Въ полночь онъ узналъ отъ плѣнныхъ, что Афраній и Петрей хотѣли ночью тихо и скрытно отступить. Дабы удержать ихъ, Цезарь приказалъ громко протрубить на всѣхъ трубахъ сигналъ къ походу. Услыхавъ это и избѣгая ночного боя, особенно по причинѣ огромнаго обоза при своей арміи, Афраній и Петрей остались въ своемъ лагерѣ, выжидая болѣе удобнаго случая для дальнѣйшаго отступления. Къ этому съ обѣихъ сторонъ присоединилось еще и то, что имъ вовсе не была извѣстна окрестная мѣстность. Для развѣданія ея, съ обѣихъ сторонъ были посланы особенные чины армій, которые и доставили свѣдѣнія, что мѣстность до самаго Ибера была чрезвычайно пересѣчена горами и узкими горными тѣснинами и что тотъ, кто прежде займетъ ее, легко отрѣжетъ противника отъ Ибера. Вслѣдствіе того, Помпеевы легаты собрали военный совѣтъ, который рѣшилъ на слѣдующее же утро продолжать отступление. Цезарь же, съ своей стороны, уже на разсвѣтѣ двинулся въ обходъ на лѣво и успѣлъ совершенно обойти непріятеля. Послѣдній, увидавъ это при восходѣ солнца, сначала подумалъ, что Цезарь, по недостатку въ продовольствіи, отступаетъ къ Плердѣ. Но потомъ, удостовѣрившись, что войска Цезаря уже обходятъ ихъ справа, Афраній и Петрей, оставивъ въ своемъ лагерѣ всѣ тяжести подъ прикрытіемъ 2 когортъ, съ остальными войсками налегкѣ двинулись къ Иберу. Цезарь же продолжалъ свое обходное движеніе съ пѣхотой, преслѣдуя и задерживая непріятеля съ тыла своею конницею.

Необыкновенно трудная и пересѣченная, гористая мѣстность чрезвычайно замедляла движеніе обѣихъ сторонъ, а конница Цезаря, сверхъ того — движеніе непріятеля. Послѣдній во всякомъ случаѣ былъ въ гораздо болѣе невыгодномъ, во всѣхъ отношеніяхъ, положеніи.

Наконецъ Цезарь достигъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ уже могъ преградить непріятелю дальнѣйшее отступление, и построивъ свою армію въ боевой порядокъ на найденной тутъ небольшой равнинѣ, двинулся противъ непріятеля. Послѣдній, имѣя его передъ собою, а конницу его — позади себя, остановился на одной высотѣ, съ которой Афраній выслалъ 4 когорты испанской пѣхоты, для занятія мѣста подъ лагерь на одной высокой горѣ въ виду обѣихъ армій. Но эти 4 когорты были замѣчены, атакованы, окружены и изрублены Цезаревою конницей, которая уже охватила непріятельскую армію съ трехъ сторонъ. Всѣ обстоятельства уже чрезвычайно благопріятствовали рѣшительной атакѣ непріятеля Цезаремъ, и всѣ его легаты и трибуны убѣждали его произвести оную. Но Цезарь не склонился на ихъ убѣжденія, потому, какъ говоритъ въ своихъ запискахъ, что 1) надѣялся безъ боя порѣшить съ непріятелемъ, которому отрѣзалъ продовольствованіе, и не имѣлъ нужды напрасно подвергать свои войска бою; 2) что онъ дорогою цѣною, но бесполезно одержалъ бы побѣду, въ которой былъ увѣренъ и безъ боя, и 3) что онъ имѣлъ передъ собою не чужихъ, но своихъ же согражданъ и соотечественниковъ. Узнавъ это, войска его начали громко роптать и угрожать, что не послушаютъ его, когда онъ въ другой разъ поведетъ ихъ противъ непріятеля. Но Цезарь не обратилъ на это вниманія и даже отступилъ нѣсколько, дабы, какъ онъ говоритъ, «успокоить непріятеля». Афраній и Петрей воспользовались этимъ и заняли предназначенный имъ лагерь на горѣ. Цезарь же приказалъ занять всѣ высоты вокругъ него и всѣ пути къ р. Иберу, и самъ расположился лагеремъ какъ можно ближе къ непріятельскому лагерю.

Все это понятно со стороны Цезаря, по совершенно непонятно со стороны такихъ опытныхъ полководцевъ, какъ Афраній и Петрей. Всѣ, безъ исключенія, движенія и дѣйствія ихъ были до того ошибочны, что ихъ ничѣмъ другимъ нельзя объяснить, какъ тѣмъ, что Афраній и Петрей совершенно потеряли голову и спокойное присутствіе духа. Вслѣдствіе своихъ грубыхъ ошибокъ, они, по собственной винѣ, поставили себя наконецъ въ такое положеніе, изъ котораго имъ оставались только два исхода — погибнуть въ бою либо положить оружіе.

На другой день они собрали военный совѣтъ, чтобы рѣшить, идти ли имъ обратно къ Плердѣ или къ Тарракону? Но въ

это самое время они узнали, что непріятель напалъ на людей, посланныхъ за водою къ р. Сикоррису, находившемуся въ 2,000 шагахъ вправо отъ ихъ лагеря. Они поспѣшили туда и расположили между лагеремъ и рѣкою нѣсколько отрядовъ пѣхоты и конницы и затѣмъ приказали на всемъ этомъ протяженіи устроить валъ со рвомъ впереди. А между тѣмъ, въ отсутствіи ихъ, войска обонхъ, близъ-расположенныхъ лагерей сошлись и смѣшались въ нихъ, вошли между собою въ дружелюбные переговоры, и въ лагерѣ Помпеевыхъ легатовъ, войска ихъ, какъ римскія, такъ и испанскія, рядовые воины и начальники, и даже сынъ Афранія, выразили живѣйшее желаніе порѣшить наконецъ дѣло миролюбиво, надѣясь на великодушіе Цезаря, къ которому даже послали депутатами отъ себя нѣсколькихъ центуріоновъ, трибуновъ, испанскихъ заложниковъ и др.

Узнавъ это, Афраній и Петреій поспѣ-

шили воротиться въ лагерь и первый изъ нихъ былъ, повидимому, расположенъ дать принятому обороту дѣлу дальнѣйшій ходъ. Но Петреій поставилъ своихъ воиновъ подъ оружіе, вызвалъ одну преторіанскую испанскую когорту и часть вспомогательной конницы, прогналъ Цезаревыхъ воиновъ изъ лагеря и нѣкоторыхъ изъ нихъ даже изрубилъ, затѣмъ заставилъ войска и побудилъ самаго Афранія принести присягу, что они не измѣнятъ Помпею и не покинутъ своихъ орловъ и товарищей — и тѣмъ разрушилъ разомъ всѣ надежды, которыя уже возникли-было.

Цезарь, съ своей стороны, поступилъ совершенно иначе: онъ собралъ всѣхъ Афраніевыхъ воиновъ и начальниковъ, обошелся съ ними ласково и благосклонно, и отпустилъ ихъ очень довольными въ ихъ лагерь. Нѣкоторые же изъ трибуновъ и центуріоновъ сами добровольно остались въ лагерѣ Цезаря.

§ 56.

Движеніе Афранія и Петреія, и за ними Цезаря, обратно къ Илердѣ.

Афраній и Петреій, нуждаясь въ фуражѣ, съ трудомъ добывая воду и видя, что вспомогательныя войска ихъ, терпя крайнюю нужду, ежедневно передавались Цезарю, положили наконецъ воротиться къ Илердѣ. Но движеніе туда они предприняли уже по высотамъ и горамъ, дабы лучше обезпечить себя со стороны Цезаревой конницы.

Цезарь послѣдовалъ за ними опять тѣмъ же порядкомъ, т. е. конницею — сзади, а пѣхотою — справа. По этому поводу Цезарь, въ своихъ запискахъ, подробно излагаетъ всѣ, разнаго рода, трудности этого движенія арміи Афранія и Петреія чрезъ горы, со стороны какъ мѣстности, такъ и его, Цезаревой, конницы, между тѣмъ какъ конница непріятельская была такъ малочисленна и плоха, что даже шла въ серединѣ арміи, между легіонами, не смѣя показываться передъ конницей Цезаря.

Афраній часто останавливался и терялъ много людей въ стычкахъ задняго отряда съ конницей Цезаря. А послѣдній слѣдовалъ неотступно за Афраніемъ, останавливался и двигался въ одно время съ нимъ, иногда наступалъ противъ него въ боевомъ порядкѣ, но не для вступленія съ нимъ въ бой, котораго продолжалъ избѣгать по тѣмъ же причинамъ, что и прежде. Такой образъ дѣйствій Цезаря принуждалъ Афранія двигаться и располагаться такъ, какъ по обстоятельствамъ ему можно было, вслѣдствіе чего онъ постепенно удалялся отъ Сикорриса и началъ терпѣть крайній недоста-

токъ въ водѣ, а также и въ фуражѣ. Наконецъ Афраній устроилъ укрѣпленный лагерь на горѣ и, оставивъ въ немъ только лагерныя караулы, двинулся къ Сикоррису, но ему не удалось дойти до него. Долина Сикорриса уже была занята Цезаревою конницей, а легіоны Цезаря начали окружать армію Афранія укрѣпленною линіей, въ видѣ большой дуги, оконечности которой примыкали къ Сикоррису. Эти огромныя и трудныя работы производились псподоволь и грозили совершенно преградить Афранію и подступъ къ Сикоррису, и движеніе вдоль его къ Илердѣ. Поэтому Афраній рѣшился наконецъ двинуться далѣе къ Илердѣ. У него было 5 старыхъ римскихъ легіоновъ (около 25 тыс.), большое число испанскихъ войскъ и немного плохой конницы. Онъ построилъ легіоны свои въ 2 линіи, а вспомогательныя войска въ 3-й. Цезарь съ своей стороны собралъ всѣхъ своихъ рабочихъ и построилъ свои 5 легіоновъ въ 3 линіи, изъ которыхъ въ 1-й было 20 когортъ, а во 2-й и 3-й по 15-ти, легкую пѣхоту — въ интервалахъ легіоновъ, а конницу по флангамъ. Обѣ арміи были построены очень близко (недалѣе 300 шаговъ) одна отъ другой. Но и Афраній, и Цезарь, каждый съ своей стороны по своимъ особеннымъ причинамъ, вовсе не имѣли въ виду вступить въ бой, и обѣ арміи, простоявъ до вечера, одна противъ другой, воротились въ свои лагеря. Цезарь на другой же день возобновилъ свои работы.

Недостатокъ воды подалъ Афранію мысль отыскать въ Сикоррисѣ бродъ. Но Цезарь, узнавъ объ этомъ, усилилъ отряды вдоль Сикорриса и даже расположилъ часть легкой пѣхоты и конницы на противоположномъ (правомъ) берегу. Тогда всѣ надежды достигнуть Илерды были рѣшительно отняты у Афранія, а пробиться силой онъ не рѣшался: войска его совершенно упали духомъ, терпѣли во всемъ крайній недостатокъ и, вѣроятно, уже совершенно склонялись на сторону Цезаря. Въ этомъ крайне трудномъ положеніи, Афраній и Петрей были наконецъ вынуждены рѣшиться на то, чего желалъ Цезарь, и 9 іюня просили у него позволенія вступить въ личные переговоры съ нимъ. Цезарь согласился, съ тѣмъ, чтобы переговоры были ведены открыто, между двумя арміями. Афраній и Петрей приняли это условіе и первый представилъ своего сына въ заложники.

Во время этихъ переговоровъ, которые были слышны ближайшимъ войскамъ съ обѣихъ сторонъ, Цезарь объявилъ, что Афраній исполнилъ свой долгъ, подобно тому, какъ и онъ, Цезарь, исполнилъ свой, такъ какъ не хотѣлъ вступать съ нимъ въ бой. Снисходительно выразившись о томъ случаѣ, когда воины обѣихъ армій сошлись и смѣшались въ своихъ лагеряхъ, онъ потребовалъ только, чтобы армія Помпея была распущена, а Афраній и Петрей удалились изъ Испаніи и Галліи, причемъ объявилъ, что никого не будетъ преслѣдовать, и изложилъ несправедливые поступки Помпея

противъ него и свои справедливыя жалобы на то.

Войска Афранія, слышавшія это, остались чрезвычайно довольны великодушіемъ и кротостью Цезаря и громко потребовали, чтобы ихъ немедленно распустили. Вслѣдствіе того положено было всѣ туземныя, испанскія войска распустить тутъ же немедленно, а остальные—на р. Варъ. При этомъ Цезарь обѣщалъ никому не принуждать къ службѣ въ своей арміи, никому не дѣлать никакого вреда, продовольствовать римскія войска до р. Варъ, и приказалъ возвратить имъ все, что у нихъ было отнято его войсками, которымъ обѣщалъ заплатить за это деньгами. Все это произвело такой восторгъ въ войскахъ Афранія, что они даже избрали Цезаря судьей въ своихъ взаимныхъ несогласіяхъ и спорахъ, даже съ Афраніемъ и Петреємъ, касательно недоплаченного имъ жалованья.

Около $\frac{1}{3}$ войскъ Афранія были распущены въ слѣдующіе же два дня (10 и 11 іюня). Затѣмъ Цезарь послалъ впередъ 2 легіона, а за ними еще 2, такъ чтобы они слѣдовали и располагались лагеремъ недалеко одни отъ другихъ. Цезарь назначилъ эти 4 легіона для сопровожденія распущенныхъ войскъ Афранія до р. Варъ и для поступленія затѣмъ въ Италию въ составъ арміи, предназначавшейся противъ Помпея. Легату Калепу Цезарь поручилъ остальные войска свои, а самъ лично отправился къ р. Варъ.

§ 57.

Движеніе Цезаря въ южную Испанію противъ Варрона.

По распущеніи на р. Варъ войскъ Афранія и Петрейя и отправленіи прикрывавшихъ ихъ 4-хъ легіоновъ въ Италию, Цезарь послалъ легата Кассія съ остальными 2-мя легіонами противъ третьяго Помпеева легата Варрона, находившагося въ южной или Бѣтической Испаніи (нын. Андалузія) и самъ лично отправился вслѣдъ за Кассіемъ, подъ прикрытіемъ 600 чел. конницы. Цѣлю его было—и Варрона также принудить положить оружіе и такимъ образомъ совершенно очистить Испанію отъ Помпеевыхъ войскъ, подчинить ее себѣ и утвердиться въ ней. Причины, почему онъ призналъ возможнымъ обратиться противъ Варрона, а не тотчасъ же противъ Помпея, безъ сомнѣнія были вполне основательныя и уважительныя, основанныя на знаніи характера Помпея и на прозорливомъ убѣжденіи, что послѣдній не предприметъ, какъ до этихъ поръ не предпринялъ, никакихъ

рѣшительныхъ дѣйствій ни въ Италию, ни въ Испанію, и что онъ, Цезарь, успеетъ еще порѣшиться и съ Варрономъ, и съ Массиліей.

Варронъ, по словамъ Цезаря, былъ человекомъ, склонявшійся то на его сторону, то на сторону Помпея, смотря по тому, которому, съ начала войны, по слухамъ, болѣе благопріятствовало счастье, но, какъ почти несомнѣннымъ кажется, гораздо болѣе на сторону Цезаря, нежели Помпея. Узнавъ отъ Афранія о трудномъ, въ началѣ, положеніи Цезаря при Илердѣ, онъ произвелъ большіе наборы войскъ, усилилъ 2 легіона свои 30-ю когортами, собралъ большіе запасы продовольствія, для отправленія ихъ въ Илерду и Массилію, приказалъ жителямъ Гадеса (н. Cadix) выставить 10 морскихъ судовъ и построить другія въ Испалисѣ на р. Бѣтисѣ (н. Sevilla на р. Guadalquivir), вслѣдъ собрать въ Гадесѣ

большія суммы денегъ и казну Геркулесова храма, и поставилъ въ Гадесѣ гарнизонъ въ 6 когортъ. Затѣмъ онъ, по видимому, рѣшительно явилъ себя непріязненнымъ Цезарю, обложилъ всѣхъ римскихъ гражданъ и жителей южной Испаніи, расположенныхъ въ пользу Цезаря, сильными контрибуціями денегъ и продовольствія, и приготовился къ упорной войнѣ, но не въ открытомъ полѣ, а въ Гадесѣ, гдѣ надѣялся протянуть войну на долгое время. Но этимъ все и ограничилось съ его стороны, и онъ не только не подумалъ помочь Афранію и Петрею при Илердѣ, но даже не собралъ своихъ войскъ по приближеніи Цезаря только съ 2-мя легіонами. Поэтому кажется, что Цезарь зналъ и понималъ двусмысленное расположеніе Варрона и приняты имъ дѣя виду мѣры. Онъ созвалъ въ Кордубу (н. Cordova) городскія власти и земскіе чины южной Испаніи, которые не только исполнили это, но и закрыли входъ въ свои города и селенія войскамъ Варрона и изгнали гарнизонъ его изъ укрѣпленнаго замка (цитадели) Кармоны. Варронъ поспѣшилъ съ своими легіонами къ Гадесу, но на пути туда узналъ, что жители этого города, въ соглашеніи съ трибунами когортъ гарнизона, изгнали военного начальника города и положили передать послѣдній Цезарю. При вѣсти объ этомъ, одинъ изъ двухъ

легіоновъ Варрона, весь состоявшій изъ испанцевъ, отдѣлился отъ него и ушелъ въ Испанисъ (Sevilla). Варронъ отступилъ къ гор. Италика, но не былъ впускенъ туда. Тогда, видя, что всѣ пути были преграждены ему, онъ далъ знать Цезарю, что готовъ сдать оставшійся легіонъ тому, кого приметъ Цезарь. Послѣдній прислалъ Секста Цезаря, и тогда Варронъ лично отправился въ Кордубу, далъ Цезарю отчетъ во всемъ, что касалось Бѣтики (Андалузіи), и передалъ ему всѣ деньги, собранныя въ ней посредствомъ контрибуцій.

Затѣмъ Цезарь, великодушнымъ обращеніемъ своимъ на общенародномъ собраніи въ Кордубѣ, упрочивъ за собою расположеніе къ нему цѣлаго края, отправился въ Гадесъ, возвратилъ храму Геркулеса казну его, назначилъ легата Кассія пропреторомъ южной Испаніи, оставилъ ему 2 своихъ и 2 Варроновыхъ легіона и отплылъ моремъ на судахъ, построенныхъ по приказанію Варрона, въ Тарраконъ. Здѣсь его уже ожидали выборные люди съ цѣлой Испаніи и онъ назначилъ правителемъ ея Марка Лепида, находившагося въ Римѣ, а затѣмъ отправился сухимъ путемъ въ Нарбонъ и оттуда къ Массили, и здѣсь узналъ о назначеніи своимъ въ Римѣ, по предложенію Лепида, диктаторомъ.

§ 58.

Результаты дѣйствій Цезаря въ Италіи и Испаніи и замѣчанія.

24-го ноября 50 г. (по юліянскому или нынѣшнему календарю *), Цезарь, перейдя черезъ Рубиконъ, двинулся въ Италію, 16-го января 49 г. прибылъ къ Брундизію, откуда 24 января Помпей отплылъ въ Эпиръ. 2 мая Цезарь прибылъ къ Илердѣ, а 9-го іюня Афраній и Петрей и въ іюлѣ Варронъ сдались ему. Такимъ образомъ Цезарь въ 60 дней завладѣлъ всею Италіей, въ 40 дней заставилъ Афранія и Петрею сдаться ему, а всего въ 2 мѣсяца (май и іюнь) покорилъ всю Испанію. Таковы были результаты 8-ми мѣсячныхъ дѣйствій его въ Италіи и Испаніи. Уже съ самыхъ первыхъ шаговъ своихъ въ Италіи онъ далеко опередилъ своихъ противниковъ — Помпея, сенатъ и аристократію Рима, совершенно разстроилъ ихъ расчеты и соображенія — и между ними, обла-

давшими всею полнотою власти, не нашлось ни одного, который дерзнулъ бы вступить въ борьбу съ Цезаремъ за Римъ и Италію! Въмѣсто того — всѣ они удалились или лучше сказать бѣжали въ Грецію, а Цезарь, вступивъ въ Римъ и обезпечивъ себѣ обладаніе имъ и Италіей — оборонительными мѣрами противъ Помпея, двинулся — не въ Грецію противъ него, а въ Испанію, противъ его легатовъ. И въ 6 мѣсяцовъ съ тѣхъ поръ Помпей не предпринялъ противъ него, ни въ Италіи, ни въ Испаніи — рѣшительно ничего! Такого рода бездѣйствіе по истинѣ непостижимо, и не даромъ Цезарь вѣрилъ въ свое счастье. Дѣйствительно, оно необыкновенно благопріятствовало ему, ни малѣйше не умаляя тѣмъ однако ни искусства, ни славы его дѣйствій. Не ему одному, но и всѣмъ великимъ полководцамъ, какъ онъ, счастье всегда болѣе или менѣе благопріятствовало, но не по вліянію слѣплаго случая, а потому что съ ихъ стороны лично было, между прочимъ, особенное искусство предугадывать, предусматривать счастье, склонять его

*) Выше было уже неразъ замѣчено, что римскій, до-юліанскій календарь опережалъ юліанскій на 80 дней = 11 недѣль и 3 дня = почти 3 мѣсяца, по какому расчету и слѣдуетъ исчислять всѣ военныя событія этого времени.

на свою сторону, овладѣвать имъ, твердо упрочивать его за собою и пользоваться имъ въ полной мѣрѣ. Все это въ точности исполнилъ и Цезарь, и это заслужило ему достойную честь и славу, какія бы ни были впрочемъ его тайныя побужденія, виды и цѣли. Бездѣйствіе Помпея, вслѣдствіе слабости и упадка духа его, и пагубное для него вліяніе того и другаго на приверженцовъ его въ Италіи и Испаніи, и особенно на Афранія, Петреія и Варрона, было также счастьемъ для Цезаря, но счастьемъ, которымъ онъ умѣлъ воспользоваться какъ истинно великій человѣкъ. Не Афраній, Петреій и Варронъ, но Помпей своимъ бездѣйствіемъ былъ виновенъ въ томъ, что эти три легата его, съ 7-ю старыми, лучшими легіонами, не могли удержаться противъ Цезаря въ Испаніи. Могли-ли они предположить, что Помпей признаетъ Испанію менѣе важною для себя, нежели Цезарь? Но и Афраній и Петреій, съ своей стороны, были виновны въ томъ, что имѣли совершенно ложный взглядъ на свое и Цезарево относительное положеніе и не постигли, на что способенъ былъ Цезарь, даже въ его трудномъ и почти отчаянномъ положеніи при Илердѣ. Видя его окруженнымъ водою и отрѣзаннымъ отъ всего, они думали, что онъ погибнетъ, не размысливъ, что то былъ — Цезарь, а не какой-либо обыкновенный полководецъ, и вмѣсто гибели его, вскорѣ увидѣли самихъ себя на краю гибели. Къ этому присоединилось еще извѣстіе о морской побѣдѣ Брута при Массиліи — и Помпеевы легаты, совершенно потерявъ голову, стали дѣлать только ошибки за ошибками и не умѣли воспользоваться отличными качествами своихъ старыхъ и лучшихъ Помпеевыхъ легіоновъ. Цезарю же, въ такомъ относительномъ положеніи, стоило только продолжать свой планъ обходнаго движенія и преимущественно дѣйствій своей отличной конницы. И чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе Помпеевы легаты считали себя совсѣмъ погибшими и даже не помыслили пробиться силой или по крайней мѣрѣ попытать счастья въ бою. Въ случаѣ неудачи, они не могли проиграть болѣе, нежели Цезарь, а въ случаѣ побѣ-

ды — выиграли бы болѣе его. Но, не рѣшась ни на то, ни на другое, они все проиграли и имъ не осталось ничего болѣе, какъ предпочесть жизнь — пораженію или смерти — позору.

Словомъ — Цезарь не упустилъ ничего, что было самаго важнаго и рѣшительнаго, по сдѣлать все, что должно было привести къ желаемому и предначертанному имъ концу. Еслибы онъ былъ сильнѣе, то осадилъ бы или обложилъ бы Илерду, и конецъ былъ бы тотъ же. Но, не имѣвъ возможности сдѣлать этого, онъ остался тамъ, гдѣ былъ, до тѣхъ поръ, пока Помпеевы легаты не могли болѣе ни продовольствовать себя, ни добывать воду. Счастьемъ для Цезаря было также и то, что они замедлили свое отступленіе цѣлыми сутками, но и этимъ счастьемъ Цезарь умѣлъ превосходно воспользоваться.

Наполеонъ I, по поводу дѣйствій на Сикоррисѣ, замѣчаетъ, что Цезарь побѣдилъ армію равной силы его собственной — однимъ превосходствомъ своего маневрированія, — что подобные результаты могутъ быть приобретаемы только въ междуусобныхъ войнахъ, — и наконецъ, что земляныя работы, которыя Цезарь произвелъ при Илердѣ, для отвода воды изъ Сикорриса, были очень важны. — Достиженіе Цезаремъ своей цѣли единственно маневрированіемъ, съ постояннымъ избѣжаніемъ боя — дѣйствительно заслуживаетъ особеннаго вниманія. Въ древнія времена это было большою рѣдкостью и исключеніемъ изъ правила, особенно у римлянъ — и въ войнѣ и въ бою дѣйствовать наступательно съ цѣлю боя и рѣшительнаго пораженія и даже истребленія непріятеля. Но въ Испаніи, какъ противъ Афранія и Петреія, такъ и противъ Варрона, Цезарь имѣлъ цѣлю, вовсе не пораженіе и истребленіе ихъ войскъ, а напротивъ сохраненіе ихъ и очищеніе ими Испаніи или переходъ ихъ на его сторону, и этой цѣли онъ вполне достигъ однимъ своимъ маневрированіемъ. А что касается работъ его для отвода воды изъ Сикорриса, то онѣ принадлежатъ къ числу замѣчательнѣйшихъ въ этомъ родѣ въ древности.

§ 59.

Осада Массиліи; — пораженіе Куріона въ Африкѣ.

Выше было сказано, что Цезарь, прибывъ къ Массиліи въ началѣ апрѣля 49 г. (по нын. счисленію), приказалъ обложить ее 3-мъ легіонами легата Треbonія и сдѣлать всѣ нужныя приготовленія къ осадѣ

ея на сухомъ пути и къ построенію судовъ для обложенія ея съ моря; — самъ же, чтобы не терять времени, отправился въ Испанію. А въ § 54 было упомянуто о побѣдѣ Брута на морѣ при Массиліи. Здѣсь

же слѣдуетъ изложить вкратцѣ самую осаду Массиліи *), принадлежащую къ замѣчательнѣйшимъ въ древности и хотя веденную не самимъ Цезаремъ, но безъ сомнѣнія по его предначертаніямъ и указаніямъ.

Массилія была тогда однимъ изъ значительнѣйшихъ городовъ на берегахъ Средиземнаго моря, по своей обширности, населенности, торговлѣ и богатству. Она была расположена при устьяхъ Родана (Роны), на полуостровѣ между ними. Осада ея могла быть начата Требоніемъ не ранѣе, какъ въ маѣ 49 г., когда всѣ приготовительныя къ ней работы были кончены. Требоній повелъ двѣ атаки противъ города: одну — между гаванью и верфями, а другую — съ противоположной стороны устья р. Родана, по дорогѣ въ Испанію, съ цѣлю приблизиться къ городской стѣнѣ. Оборонявшіеся, имѣя огромное число метательныхъ орудій большого размѣра, метавшихъ окованныя желѣзомъ бревна въ 12 футовъ длины, пробивали и опрокидывали самые прочные щиты и мантелеты осаждавшихъ. Тогда Требоній приказалъ прикрыть ходы къ городу балками въ 2 фута толщины и посредствомъ подвижныхъ крытыхъ ходовъ и огромнаго щита (мантелета), строить земляную насыпь. Осажденные противудѣйствовали ему и останавливали его на каждомъ шагѣ сильными вылазками и дѣйствіемъ изъ катапультъ и баллистъ. Мужество и упорство ихъ возросли еще болѣе вслѣдствіе прибытія Посидія, присланнаго Помпеемъ на помощь Массиліи, съ 16-ю военными судами, которыя были снабжены желѣзными таранами на носу. Посидій атаковалъ Брута, но былъ разбитъ имъ и потерялъ 5 судовъ потопленными и 4 взятыми въ плѣнъ, а съ остальными спасся къ берегамъ Испаніи.

Между тѣмъ Требоній, для прикрытія своихъ подступовъ справа, съ начала осады устроилъ у самаго контръ-эскарпа городского рва 4-хъ-угольное укрѣпленіе изъ кирпича. Но въ послѣдствіи онъ приказалъ построить на его мѣстѣ 6-ти-ярусную каменную башню, въ 30 футовъ вышины, превышавшую городскую стѣну, дабы, не опасаясь болѣе метательныхъ орудій и зажигательныхъ снарядовъ оборонявшихся, прогнать послѣднихъ со стѣны, засыпать ровъ и подвести таранъ. Прикрываясь деревянными щитами (мантелетами) и завѣсами изъ сырыхъ кожъ и изъ сплетенныхъ толстыхъ канатовъ, и поднимая ихъ и кровлю башни по мѣрѣ возвышенія послѣдней, осаждавшіе, съ необыкновенными искусствомъ, дѣятельностью и терпѣніемъ, исполнили эту громадную и трудную работу въ 3 недѣли. Снабдивъ башню бойницами

и плоскою крышею (платформой) съ зубцами, и вооруживъ ее метательными орудіями и стрѣлками, они, подъ прикрытіемъ ихъ, провели черезъ ровъ насыпь и крытый ходъ самой прочной постройки, въ 60 футовъ длины. Тщетно осаждаемые старались остановить осаждавшихъ, бросая на крытый ходъ зажигательные снаряды и большіе камни: они безвредно скатывались съ покатою крыши изъ толстыхъ бревенъ, прикрытыхъ слоемъ кирпичей и сырыми завѣсами. А между тѣмъ стрѣлки изъ башни и съ платформы ея поражали осаждаемыхъ метательнымъ оружіемъ, наносили имъ величайшій вредъ и наконецъ совсѣмъ прогнали ихъ со стѣны. Тогда осаждавшіе начали дѣлать проломъ въ стѣнѣ, которая вскорѣ и обрушилась. Устрашенные жители Массиліи, уже крайне нуждаясь въ продовольствіи, бросили оружіе, вышли изъ города и просили пощады. Требоній, получившій отъ Цезаря приказаніе щадить Массилію, до прибытія его заключилъ перемиріе и далъ своимъ войскамъ отдыхъ. Но осаждаемые воспользовались тѣмъ и, вѣроломно напавъ на осаждавшихъ, сожгли ихъ осадныя машины и большею частію разрушили ихъ осадныя работы, а на другой день произвели общую, сильную вылазку, но были съ большимъ урономъ опрокинуты обратно въ городъ. Требоній немедленно приступилъ къ устройству новыхъ осадныхъ машинъ и работъ, и успѣлъ въ этомъ въ нѣсколько дней, при усердіи своихъ войскъ, ожесточенныхъ противъ осаждаемыхъ. Между тѣмъ Цезарь прибылъ изъ Испаніи, и осаждаемые, жестоко страдая отъ голода и заразныхъ болѣзней и совершенно упавъ духомъ, наконецъ сдались (въ августѣ 49 г., послѣ 5-ти-мѣсячныхъ обложенія и осады *), а начальствовавшій въ Массиліи Домицій успѣлъ спастись моремъ. Цезарь говоритъ, что онъ поступилъ съ Массиліей милостиво, болѣе изъ уваженія къ древней славѣ ея, нежели потому, чтобы она заслужила того. Но жителей ея онъ обезоружилъ, отнялъ у нихъ флотъ и казну ихъ, поставилъ въ Массилію 2 легіона, остальные послалъ въ Италію, а самъ отправился въ Римъ.

Въ это время въ Африкѣ случилось одно событіе, невыгодное и непріятное для Цезаря. Выше было сказано, что онъ, послѣ отплы-

*) Въ комментаріяхъ Цезаря она описана очень подробно.

*) Нанолонъ I говоритъ, что Цезарь перешелъ черезъ Рубиконъ въ іюль 49 года, завладѣлъ Италіей въ августѣ, Испаніей и Массиліей въ октябрѣ, а въ ноябрѣ былъ въ Римѣ диктаторомъ. Но счисленіе времени Гишаромъ вѣрнѣе и служило руководствомъ въ настоящемъ изложеніи. Впрочемъ вообще слѣдуетъ сказать, что времясчисленіе у Цезаря и древнихъ писателей очень неопредѣленно, а у новѣйшихъ различно, по Гишарову, какъ сказано, вѣроятнѣе всѣхъ.

тія Помпея въ Грецію, послалъ, между прочимъ, Куріона съ 3-мя Помпеевыми легіонами, стоявшими въ Корфиніѣ и перешедшими на сторону его, Цезаря—въ Сицилію, въ званіи пропретора, съ тѣмъ, чтобы онъ переправился въ Африку, гдѣ Аттій Варъ начальствовалъ арміей Помпея. Куріонъ, презирая, по словамъ Цезаря, военныя силы Помпея въ Африкѣ, переправился въ нее только съ 2 легіонами и 500 чел. конницы, высадился близъ одного мѣста, которое Цезарь называетъ Аквиларіей, имѣлъ нѣсколько удачныхъ дѣлъ въ окрѣстностяхъ Утики и уже собирался осадить этотъ городъ, когда мавританскій царь Юба съ сильнымъ вспомогательнымъ войскомъ прибылъ на помощь Аттію Вару. Куріонъ двинулся на встрѣчу Юбѣ и, повѣривъ ложнымъ слухамъ, что его самого не было при отрядѣ, посланномъ имъ на помощь Утикѣ, атаковалъ этотъ отрядъ. Но вслѣдъ за послѣднимъ шелъ самъ Юба съ главными силами, и хотя Куріонъ сначала опрокинулъ и разбилъ непріятельскую конницу, но затѣмъ былъ подавленъ превосходными силами Юбы, разбитъ на голову и самъ убитъ, а изъ арміи его только не-

многіе могли спастись моремъ въ Сицилію. Куріонъ самъ былъ виною своего пораженія, сдѣлавъ много грубыхъ ошибокъ, изъ которыхъ послѣднею и главною была та, что вмѣсто расположенія въ старомъ лагерѣ Сципіона при Утикѣ и выжданія въ немъ прибытія еще 2-хъ легіоновъ изъ Сициліи, какъ онъ хотѣлъ того первоначально, послушался ложныхъ слуховъ о движеніи противъ него только одного отряда Юбы и, не удостовѣрившись въ справедливости этихъ слуховъ, опрометчиво двинулся противъ него. Но, наткнувшись на главные, превосходныя числомъ силы Юбы, онъ погибъ съ войскомъ своимъ жертвою своей опрометчивости, которую Цезарь называетъ «юношескою пылкостью, предприимчивымъ духомъ и счастьемъ дотолѣ Куріона.» Но даже и наткнувшись на Юбу, Куріонъ могъ бы дать другой оборотъ дѣлу, еслибы дѣйствовалъ обдуманнѣе и разумнѣе. Какъ бы то ни было, поражение его, въ то самое время, когда Цезарь, покоривъ Испанію и Массилію, собирался переправиться въ Грецію, было и невыгодно, и непріятно для послѣдняго.

ГЛАВА IX.

3-Я РИМСКАЯ МЕЖДУУСОБНАЯ ВОЙНА

ЦЕЗАРЯ СЪ ПОМПЕЕМЪ И ЕГО ПАРТІЕЙ (49—45 г. до Р. Х.).

(Продолженіе).

I. Междуусобная война (продолженіе). — § 60. Цезарь-диктаторъ въ Римѣ; — силы и планы его и Помпея. — §§ 61—65. Дѣйствія на морѣ, въ Греціи, при Диррахіѣ и въ Фессаліи; — сраженіе при Фарсалѣ и преслѣдованіе Помпея. — § 66. Замѣчанія.

Источники и историческія пособія — указанныя выше.

I.

Междуусобная война.

(Продолженіе).

§ 60.

Цезарь-диктаторъ въ Римѣ;—силы и планы его и Помпея.

Прибывъ въ Римъ, Цезарь, въ качествѣ диктатора, созвалъ общее собраніе для обычныхъ выборовъ и былъ избранъ, вмѣстѣ съ П. Сервилиемъ въ консулы. Но 11 дней спустя онъ сложилъ съ себя санъ диктатора, сохранивъ только консульское званіе, и отправился въ Брундузію. Здѣсь онъ нашелъ уже собранною свою армію, въ составѣ 12 легіоновъ (отъ 50 до 60 т. чел. легіонной пѣхоты, не считая конницы и легкой пѣхоты *). Но для переправы ихъ моремъ въ

Грецію было слишкомъ мало перевозныхъ судовъ, именно только на 20 т. чел. пѣхоты и 600 чел. конницы. Цезарь въ комментаріяхъ говоритъ, что онъ посадилъ на суда 7 легіоновъ, въ какомъ случаѣ они должны были быть очень слабы. Говоря, что судовъ было недостаточно, Цезарь ни слова не упоминаетъ о причинѣ того. Это тѣмъ удивительнѣе, что еще за 9 мѣсяцовъ передъ тѣмъ, въ концѣ января 49 г. онъ приказалъ собрать въ Брундузіѣ, какъ можно бо-

*) Числительная сила каждаго Цезарева легіона и всей его арміи не можетъ быть точно опредѣлена. Два новонабранные легіона были, безъ сомнѣнія, комплекты (до 5 и можетъ быть 6 т. чел.), но 10 старыхъ, напротивъ, болѣе или менѣе некомплектны, особенно 4 бывшіе

въ Галліи и Ионіи. Если принять среднюю силу всѣхъ легіоновъ въ 4 т., то легіонной пѣхоты должно было быть около 50 т. чел., съ конницей и легкой пѣхотой можетъ быть около 55 т.

лѣе военныхъ и особенно перевозныхъ судовъ, и вообще всегда очень заботился о всѣхъ потребностяхъ, необходимыхъ для войскъ и военныхъ дѣйствій.

Въ Брундузіѣ Цезарь старался вдохнуть въ свои войска тотъ же духъ, который одушевлялъ его самого, и вѣроятно успѣлъ въ этомъ. Войска его состояли большею частию изъ старыхъ ветерановъ, совершившихъ съ нимъ походы въ Галлію, а нѣкоторые и въ Испанію. Они хорошо знали, понимали, любили и высоко уважали его, вполне довѣряли и были преданы ему и подъ его предводительствомъ одержали многія и важныя побѣды. Цезарь, съ своей стороны, вполне довѣрялъ имъ, какъ и себѣ, и наконецъ, 5 ноября 49 г., съ половиною своей арміи (какъ сказано выше—7 легіонами, въ числѣ 20 т. чел. пѣхоты и 600 чел. конницы) сѣлъ на перевозныя суда и вышелъ изъ Брундузіи въ море.

Между тѣмъ Помпей цѣлыхъ 9 мѣсяцовъ (съ февраля до ноября) оставался въ полномъ и совершенномъ бездѣйствіи въ Греціи, только собирая въ ней значительныя, сухопутныя и морскія, военныя силы. И онъ успѣлъ собрать ихъ въ такомъ числѣ, что онѣ превосходили силы Цезаря. Имѣвъ, по прибытіи въ Эпиръ, только 5 легіоновъ, теперь онъ имѣлъ ихъ уже 9 римскихъ, комплектныхъ, и ожидалъ еще двухъ, которые Метеллъ Сципіонъ велъ ему изъ Сиріи. Кромѣ того у Помпея было 3 т. стрѣлковъ, 1200 пращниковъ, 7 т. чел. конницы и, какъ кажется, много вспомогательныхъ войскъ. Нѣкоторые писатели изчисляють силу его арміи въ 90 т. войскъ, большая же часть согласна лишь въ томъ, что Помпей во всѣхъ родахъ войскъ былъ гораздо сильнѣе Цезаря. А что касается флота, то въ этомъ отношеніи онъ рѣшительно превосходилъ Цезаря, потому что собралъ изъ Греціи, Азіи и Египта до 500 судовъ и сверхъ того велѣлъ строить новыя. Военноморскія силы Помпея стояли во всѣхъ приморскихъ гаваняхъ Греціи и находились подъ главнымъ начальствомъ Бибула, стоявшаго съ 110 большими судами на якорѣ при о. Корцирѣ (и. Корфу). Помпей собралъ также значительныя суммы денегъ въ Малой Азіи, Сиріи и отъ союзныхъ владѣтелей, и учредилъ большіе склады продовольствія въ Фессаліи, Азіи, Египтѣ и другихъ странахъ. Словомъ—у него не было недостатка ни въ силахъ, ни въ средствахъ для энергическаго веденія войны противъ Цезаря и для того, чтобы изторгнуть у него власть. Но самъ Помпей—тотъ, который, въ былое время, всегда и всѣхъ побѣждалъ, торжествовалъ три триумфа и, по словамъ Плутарха, побѣдилъ всѣ три части свѣта, имѣлъ характеръ гораздо болѣе мягкій или менѣе твердый, нежели Цезаревъ, отъ природы и рожденія былъ преданъ роскоши, изнѣженности, чув-

ственнымъ наслажденіямъ и при непомѣрныхъ гордости и честолюбіи имѣлъ слабую волю, легко подчинялся чужому вліянію и впалъ въ душевныя слабость и безсиліе. Въ это время, въ особенности, въ немъ и тѣни не было прежняго Помпея и едва можно было узнать побѣдителя трехъ частей свѣта. А между тѣмъ онъ, владѣя Греціей, Малой Азіей, Сиріей, Египтомъ и Африкой, располагая огромными военными силами и средствами, окруженный знатнѣйшими римлянами и инородцами, и даже царями и иными владѣтельными лицами, самъ походилъ болѣе на царя, нежели на диктатора римскаго, и гордой самоувѣренности его не было предѣла, по—только до той минуты, пока передъ нимъ не всталъ лицомъ къ лицу, какъ грозный призракъ, страшный противникъ—Цезарь. Съ этой минуты все измѣнилось и быстро пошло къ развязкѣ.

Девять мѣсяцовъ и даже (съ 50 г.) болѣе года оставаясь въ совершенномъ военномъ бездѣйствіи, пренебрегши заранѣе приготовиться къ самоохраненію и защитѣ и исторгнуть у Цезаря Италію и Испанію, убѣжденный, что никакая сила не одолѣетъ его огромныхъ силъ и средствъ, онъ дѣятельно занимался только обученіемъ своихъ войскъ, самъ лично, въ его лѣта (58), подавая имъ, по словамъ Плутарха, примѣръ, и пѣшимъ, и на конѣ, съ мечомъ, и съ полуконьемъ. Но, при такой тѣлесной дѣятельности, онъ не обнаруживалъ ни малѣйшей дѣятельности душевной и составилъ себѣ самое ложное понятіе о своемъ положеніи, не помышляя даже, что верховнымъ властителемъ римской республики могъ быть только тотъ, кто владѣлъ Италіей и особенно Римомъ, но не тотъ, кто малодушно покинулъ ихъ и бѣжалъ изъ нихъ. Вслѣдствіе всего этого, и планъ войны, составленный имъ, былъ совершенно невѣрный: вмѣсто того, чтобы, пользуясь превосходствомъ своихъ силъ и господствомъ на морѣ, снова завоевать Италію и Римъ, онъ положилъ ограничиться чистою обороною въ Греціи и вести войну по способу Фабія, избѣгая боя и отрѣзывая Цезарю средства продовольствованія.

Но Цезарь смотрѣлъ на свое положеніе иначе и гораздо вѣрнѣе: съ самаго начала придавая себѣ видъ, что обнажилъ мечъ единственно за справедливость своего дѣла, онъ твердо и неуклонно, самымъ энергическимъ образомъ шелъ къ своей цѣли. Вполнѣ обезпечивъ себя съ тыла въ Галліи, Испаніи и Италиіи, онъ намѣренъ былъ дѣйствовать противъ Помпея самымъ рѣшительнымъ, наступательнымъ образомъ до тѣхъ поръ, пока оружіемъ не рѣшитъ дѣла—въ свою пользу, въ чемъ вполне утверждали его, и внутреннее чувство личнаго превосходства своего надъ Помпеемъ, и вѣра въ свое счастье.

§ 61.

Дѣйствія на морѣ и въ Греціи.

Переправа Цезаря изъ Брундузія въ Эпиръ. — Дѣйствія на морѣ и въ Эпирѣ, Этоліи, Эссалии и Македоніи.

Отплывъ изъ Брундузія 5 ноября 49 г., Цезарь на другой день благополучно высадился въ ущельяхъ горы Химеры акро-це-раунскаго горнаго хребта, къ югу отъ Диррахіи (н. Дураццо) въ Эпирѣ. Замѣчательно, что Цезарь высадился у мѣстности, носившей названіе Палесты или Фарсалии, какъ будто въ предзнаменованіе того мѣста, гдѣ позже судьба должна была рѣшиться между нимъ и Помпеемъ! Переездъ его моремъ и высадка произведены были совершенно безпрепятственно со стороны флота и войскъ Помпея: Цезарь не встрѣтилъ ни одного непріятельскаго корабля въ морѣ и ни малѣйшаго отряда непріятельскихъ войскъ на мѣстѣ высадки — таковы были небрежность Помпея и счастье Цезаря! Это одно уже означало, что Помпей, имѣя большой флотъ, господствуя на морѣ и ожидая переправы Цезаря изъ Брундузія, не принялъ мѣръ для недопущенія его къ берегамъ Греціи. Бибуль съ 110 судами стоялъ у о. Корциры, а двое подчиненныхъ ему начальниковъ эскадръ въ 18 судовъ, Лукрецій Веспилло и Минуцій Руфъ, стояли на якорѣ при Орикѣ (Oricum, н. Орко), въ 7-ми до 14-ти верстъ отъ Палесты, но въ морскомъ заливѣ за островкомъ, откуда не могли наблюдать за берегами. Цезарь говоритъ, что Лукрецій и Минуцій не отважились атаковать его флотъ, что Бибуль не могъ выйти въ море, потому что кормчіе его были въ отлучкѣ, и что Помпей узналъ о высадкѣ его, Цезаря, только изъ посланнаго къ нему послѣднимъ новаго предложенія личныхъ переговоровъ (см. ниже). Такова была непростительная олошность Помпея и начальниковъ его флота, которая мало обѣщала для Помпея, но много для Цезаря.

Какъ только всѣ войска послѣдняго были высажены на берегъ, Цезарь тотчасъ же послалъ всѣ суда назадъ въ Брундузію, для перевозки остальныхъ войскъ. Тогда только явился на морѣ Бибуль и, напавъ на пустыя суда Цезаря, встрѣченный противнымъ вѣтромъ, 30 изъ нихъ взял и сжегъ со всѣми находившимися на нихъ людьми. Только тогда также вздумалъ онъ наблюдать за всѣми гаванями Иллирии и Эпира, отъ Салоны (н. Салона близъ Спатро) до Орика. Въ то же время Помпеевъ военачальникъ Октавій пытался лишить Цезаря Салоны и

осадилъ этотъ городъ, но былъ отраженъ 5-ю-кратными сильными вылазками жителей. И это также доказываетъ, какъ небрежно были соблюдаемы внутренній порядокъ и охранная служба въ войскахъ Помпея.

Предложеніе личныхъ переговоровъ, сдѣланное Цезаремъ Помпею искренно и съ добрымъ намѣреніемъ, прежде нежели рѣшить дѣло войною, состояло въ томъ, чтобы обоимъ имъ сложить оружіе и предоставить рѣшеніе несогласій между ними сенату и народу римскимъ. Цезарь послалъ къ Помпею съ этимъ предложеніемъ Помпеева легата Вибуллія Руфа, взятаго въ плѣнъ и отпущеннаго на свободу въ Корфиніѣ и потомъ вторично взятаго въ плѣнъ въ Испаніи. Вибуллій отправился поспѣшно къ Помпею, но нашелъ его далеко въ Македоніи. Помпей, отъ него впервые узнавъ о высадкѣ Цезаря, поспѣшилъ въ Аполлонію, при устьѣ р. Апса (н. въ Албаніи), гдѣ находились зимнія квартиры его войскъ.

Цезарь же двинулся въ самый день высадки (6 ноября) къ Орику. Македонскій гарнизонъ Помпея въ немъ отказался впустить Цезаря, но жители отворили послѣднему ворота, а гарнизонъ сдался. Отсюда Цезарь двинулся къ Аполлоніи, гдѣ произошло то же: жители были за Цезаря, а Помпеевъ гарнизонъ отступилъ. Примѣру Аполлоніи послѣдовали всѣ города Эпира и покорились Цезарю.

Помпей, узнавъ объ этомъ на пути къ Аполлоніи, поспѣшилъ въ Диррахію. Но еще прежде, нежели онъ прибылъ туда, въ арміи его, при вѣсти о прибытіи Цезаря, распространился такой страхъ, что многіе воины бросили оружіе и бѣжали въ Эпиръ и окрестныя мѣста. Наконецъ Помпей прибылъ въ Диррахію и занялъ при немъ укрѣпленный лагерь. Свидѣтельствомъ страха и колебанія въ Помпеевой арміи можетъ служить и то, что Лабіенъ первый, а за нимъ всѣ легаты, трибуны, центуріоны и наконецъ рядовые воины принесли присягу въ вѣрности Помпею, что бы ни произошло. Еслибы не было опасности и страха, то они не принесли бы такой присяги.

Цезарь, узнавъ, что Помпей занялъ лагерь при Диррахіѣ, расположилъ свои войска также въ лагерь впереди Аполлоніи, на лѣвомъ берегу р. Апса, дабы прикрыть

этимъ городъ и край въ тылу его, и выждать тутъ прибытія изъ Италіи остальныхъ войскъ своихъ.

Тогда Помпей расположился лагеремъ противъ Цезаря, на правомъ берегу р. Анса, и приказалъ всѣмъ своимъ войскамъ присоединиться къ нему. Онъ такъ превосходилъ Цезаря, въ это время, въ силахъ, что могъ и долженъ былъ бы дѣйствовать всѣми способами самымъ рѣшительнымъ наступательнымъ образомъ. Но, вмѣсто того, онъ цѣлыхъ два мѣсяца (ноябрь и декабрь 49 г.) провелъ въ совершенномъ бездѣйствіи, какъ будто ему, а не Цезарю, угрожала опасность. Самый простой расчетъ требовалъ, чтобы онъ воспользовался такимъ благопріятнымъ и выгоднымъ для него положеніемъ, когда у Цезаря была еще только половина его арміи, а другую флотъ Помпея могъ и долженъ былъ бы не допустить до переправы изъ Брундузіи и высадки на берега Эпира, частью обложивъ берега Италіи и Эпира, частью же крейсера между ними. А на сухомъ пути Помпей въ то же время могъ и долженъ былъ бы оттѣснить Цезаря отъ береговъ Эпира внутрь страны. Но онъ ничего этого не сдѣлалъ и продолжалъ оставаться въ бездѣйствіи.

Между тѣмъ Цезаревъ легатъ Каленъ въ Брундузіѣ посадилъ остальныхъ войска на суда, но не могъ выйти въ море, потому что Бибуль стоялъ въ гавани Орика и блокировалъ берега Эпира. Но какъ берега эти были заняты Цезаремъ и Бибулю невозможно было добывать на нихъ ни воды, ни дровъ, о запасѣ которыхъ онъ видно не подумалъ ранѣе, то онъ и прибѣгнулъ къ хитрости. Онъ послалъ сказать легатамъ Цезаря въ Орикѣ, что имѣлъ сообщить Цезарю лично очень важныя свѣдѣнія и потому просилъ перемирія, на что легаты Цезаря и согласились необдуманно. Но Цезарь, прибывъ лично въ Орикѣ, угадалъ хитрость Бибуля и отказалъ въ перемиріи. Вскорѣ послѣ того Бибуль заболѣлъ и умеръ, но на мѣсто его никто не былъ назначенъ и каждый отдѣльный начальникъ Помпеева флота сталъ дѣйствовать самостоятельно, и слѣдовательно въ дѣйствіяхъ этого флота, къ счастью Цезаря, единства было еще меньше, нежели прежде.

При этомъ случаѣ Цезарь замѣчаетъ, что на предложеніе его, переданное Бибуліемъ, Помпей отвѣчалъ послѣднему: «какую же цѣну имѣли бы для него, Помпея, и Римъ, и жизнь, еслибы онъ былъ обязанъ ими великодушію Цезаря?—и можно-ли было бы поскорѣннѣе такое мнѣніе, еслибы онъ, Помпей, воротился въ Италію не окончивъ войны съ честію?»—Цезарь говоритъ, что узналъ объ этомъ отвѣтѣ только по окончаніи войны, ему же онъ сообщенъ не былъ и потому предложеніе его осталось безъ послѣдствій. Былъ и другой случай, свидѣтельствовавшій

о крайнемъ ожесточеніи людей, окружавшихъ Помпея и руководившихъ его дѣйствіями. Цезарь, не получая отъ Помпея отвѣта, хотѣлъ воспользоваться для переговоровъ перѣдками разговорами военачальниковъ обѣихъ армій, близко стоявшихъ одна противъ другой, и поручилъ это своему легату Ватанію. Послѣдній, переговариваясь съ Лабіеномъ, вдругъ былъ осыпанъ стрѣлами, а Лабіенъ громко провозгласилъ: «довольно! не будетъ мира, пока намъ не принесутъ головы Цезаря!»

Между тѣмъ Либонъ, одинъ изъ частныхъ начальниковъ Помпеева флота, занялъ одинъ островокъ при входѣ въ гавань Брундузіи и тѣмъ заперъ послѣднюю. Затѣмъ онъ не только пошелъ на встрѣчу нѣсколькимъ судамъ, шедшимъ изъ гавани, но и послѣдовалъ за ними во внутренность ея, гдѣ былъ окруженъ и обращенъ въ бѣгство, потерявъ 5 большихъ судовъ. Такимъ образомъ гавань Брундузіи была снова открыта.

Цезарь, съ своей стороны, уже ранѣе совершилъ съ 1 легиономъ предпріятіе (экспедицію) къ Бутронту (Buthrontum, н. Бутринто) и окрестнымъ берегамъ на противъ о. Корциры, для сбора продовольствія. Но зима уже близилась къ концу (въ февралѣ 48 г.), а войскъ изъ Брундузіи все еще не было. Поэтому Цезарь приказалъ своимъ легатамъ въ Брундузіѣ—при первомъ попутномъ вѣтрѣ непременно выйти въ море со всѣми войсками и высадиться у Аполлоніи, у береговъ которой Помпеевы суда не стояли на якорѣ и не крейсеровали въ морѣ. Но, въ нетерпѣніи своемъ, не считая этого достаточнымъ, онъ рѣшился самъ ѣхать въ Брундузію на 12-ти-весельной лодкѣ. Кормчій ея, видя сильное волненіе, побоялся пуститься въ небольшой лодкѣ въ открытое море. Тогда Цезарь сказалъ ему слѣдующія достопамятныя слова: «чего боишься?—ты везешь Цезаря и его счастье» *). Однако онъ не могъ исполнить своего намѣренія и воротился въ Аполлонію, гдѣ всѣ были въ большомъ безпокойствѣ о немъ.

Онъ замѣчаетъ, и Плутархъ говоритъ тоже, что войска его въ Брундузіѣ настоятельно просили своихъ начальниковъ скорѣе отправить ихъ въ Эпиръ. И наконецъ уже въ мартѣ 48 г. (5 мѣсяцовъ спустя послѣ высадки Цезаря въ Эпирѣ), легаты М. Антоній и Каленъ съ войсками, при попутномъ вѣтрѣ, сѣли на суда и благополучно вышли въ море, переправились черезъ него и на другой день уже были въ виду береговъ Аполлоніи и Диррахіа. Это побудило на-

*) По гречески: „τολμα καὶ δέδιδι μηδὲν Καίσαρ αὐτοῦ καὶ τὴν τοῦ Καίσαρος τύχην συμπλέουσιν“, а по латини: „quid times? Caesarem vehis et suam fortunam“.—Цезарь сказалъ эти слова греческому кормчему, безъ сомнѣнія, по гречески, отлично владѣя греческимъ языкомъ.

чальника Помпеевой эскадры въ гавани Диррахія, Копонія, выйти въ море и на всѣхъ парусахъ преслѣдовать десантъ Цезаря. Между тѣмъ вѣтеръ усилился и принудилъ этотъ десантъ войти въ гавань Нимфея. Здѣсь онъ былъ укрытъ отъ западнаго вѣтра, но не отъ южнаго, и потому, при поднимавшейся бурѣ, находился въ опасномъ положеніи. Но и тутъ, какъ нарочно, къ счастью Цезаря, вѣтеръ вдругъ перешолъ съ юга на западъ—и Копоній, въ свою очередь, подвергся большой опасности: буря разсыяла его суда и 16 изъ нихъ выбросила на берегъ. Тѣ изъ людей ихъ, которые успѣли спастись, были взяты въ плѣнъ, но потомъ отпущены Цезаремъ.

Такимъ образомъ 3 старые и 1 новый легіоны и 800 чел. конницы (всего примѣрно около 20 т. войскъ) наконецъ высадились на берегахъ Эпира, въ виду обѣихъ армій. Теперь дѣло было въ томъ, чтобы Цезарю соединиться съ ними, а Помпею помѣшать тому и напасть на десантъ Цезаря. А потому обѣ арміи вышли изъ своихъ лагерей, Помпеева—ночью, а Цезарева—днемъ, но первая—прямо къ мѣсту высадки десанта, а Цезарева—большимъ обходомъ вверхъ по р. Апсу, для перехода черезъ него въ бродъ. Антоній между тѣмъ занялъ городъ Лиссъ (Lissus, н. Алессіо), къ сѣв. отъ Диррахія и р. Дрина, и извѣстилъ о томъ Цезаря. Помпей легко могъ предупредить Цезаря и напасть на Антонія, но остановился на ночь до утра. Антоній же, узнавъ о томъ, сообщилъ это Цезарю, а самъ не выходилъ изъ своего лагеря. На 4-й день послѣ высадки, Цезарь благополучно соединился съ Антоніемъ. Помпей тотчасъ же отступилъ къ Аспарагію на р. Генузѣ (Genusus), въ окрестностяхъ Диррахія, занялъ тамъ лагерь на выгодной мѣстности и такимъ образомъ ничего не сдѣлалъ во-время и упустилъ удобный случай разбить Антонія отдѣльно, или по крайней мѣрѣ помѣшать ему соединиться съ Цезаремъ. Изложенныя здѣсь дѣйствія могутъ служить новымъ доказательствомъ, до какой степени устарѣлъ Помпей, если и не тѣлесно, то душевно, въ отношеніи къ волѣ и энергіи, а съ другой стороны—какъ счастье Цезаря на каждомъ шагу благопріятствовало ему, а онъ пользовался имъ. Помпей, при всемъ превосходствѣ своемъ въ силахъ, все еще считалъ себя не довольно сильнымъ противъ Цезаря и приказалъ своему легату Сципіону идти изъ Македоніи на присоединеніе къ нему. Цезарь же съ своей стороны, напротивъ, положилъ воспользоваться соединеніемъ съ Антоніемъ, для того, чтобы привлечь на свою сторону сосѣдственныя области Греціи. Изъ Фессаліи, Этолій и Македоніи къ нему прибыли уже депутаціи съ увѣреніями въ преданности и готовости служить ему, если онъ только дастъ имъ

нѣсколько войскъ. Поэтому, присоединивъ къ себѣ 1 легіонъ изъ Орика и съ сосѣднихъ береговъ моря, Цезарь отрядилъ легата Кассія Лонгина съ 1 новымъ легіономъ и 200 чел. конницы въ Фессалію, легата Кальвизія Сабина съ 5 когортами и частью конницы въ Этолію, а легата Кн. Домиція съ 2-мя старыми легіонами и 500 чел. конницы въ Македонію, съ приказаніемъ принять тамъ мѣры для продовольствованія армій. Послѣ отряженія этихъ войскъ, у Цезаря было только однимъ легіономъ болѣе, нежели до соединенія съ Антоніемъ (т. е. 8 легіоновъ) и, не смотря на то, онъ замыслилъ отрѣзать Помпея отъ Греціи и притѣснить его у Диррахія къ берегу моря.

Изъ отряженныхъ имъ легатовъ, Кальвизій въ Этолій былъ хорошо принятъ жителями, вытѣснилъ Помпеевы войска и занялъ всю Этолію. Кассій нашелъ жителей Фессаліи раздѣленными на двѣ партіи, одну—въ пользу Цезаря, а другую—Помпея и слѣдовательно все-таки находился въ краю, не враждебномъ Цезарю. Наконецъ Домицій въ Македоніи былъ также хорошо принятъ, но узналъ, что Сципіонъ шелъ противъ него съ 2 легіонами Помпея. Приблизясь къ нему уже миль на 4 (5½ верстъ), Сципіонъ вдругъ обратился противъ Кассія въ Фессалію и, чтобъ идти налегкѣ и скорѣе, оставилъ всѣ свои тяжести на р. Галиакмонѣ (изливавшейся въ Фессалоникійскій заливъ), подъ прикрытіемъ 8 когортъ подъ начальствомъ Фавонія, которому приказалъ укрѣпиться. Въ то же время передъ лагеремъ Кассія появилась конница царя Котиса (Cotys), часто наѣздничавшая на границахъ Фессаліи. Кассій принялъ ее за конницу Сципіона и, считая себя слишкомъ слабымъ противъ послѣдняго, отступилъ въ горы между Фессаліей и Эпиромъ и направился къ гор. Амвракіи (н. Арта). Сципіонъ слѣдовалъ неотступно за нимъ, какъ вдругъ получилъ отъ Фавонія извѣстіе, что Домицій идетъ противъ него со всѣми своими войсками, противъ которыхъ ему, Фавонію, нельзя было удержаться. Поэтому Сципіонъ немедленно обратился назадъ и передовой отрядъ его приблизился къ Фавонію въ одно время съ передовымъ отрядомъ Домиція. Сципіонъ и Домицій стояли два дня одинъ противъ другаго, на обѣихъ берегахъ Галиакмона. На 3-й день Сципіонъ перешелъ черезъ рѣку въ бродъ и предложилъ Домицію бой. Домицій не отказался отъ него и приблизился къ лагерю Сципіона. Однако боя не произошло и ночью Сципіонъ перешелъ обратно за рѣку. Затѣмъ и онъ, и Домицій старались обмануть одинъ другаго хитростями и завлечь въ засады, но изъ этого ничего не произошло рѣшительнаго, хотя успѣхъ, кажется, былъ болѣе на сторонѣ Домиція. Въ этомъ положеніи обѣ стороны оставались еще нѣкоторое время.

Между тѣмъ Цезарь, присоединивъ къ себѣ легіонъ изъ Орика, оставилъ тамъ легата Ацилія съ 3-мя когортами, для охраненія города, гавани и судовъ въ ней. Сынъ Помпея, Кней Помпей, съ эскадрой египетскаго флота, атаковалъ гавань Орика, взялъ 4 судна, сжегъ остальные и, оставивъ Лелія для обложенія гавани, обратился къ Лиссу, сжегъ 30 перевозныхъ судовъ, остав-

ленныхъ тамъ Антоніемъ, атаковалъ, хотя и тщетно, городъ и затѣмъ ушелъ опять въ море. Эти дѣйствія Кнеія Помпея изобличаютъ предпримчивость, которая не всѣмъ военачальникамъ Помпея была свойственна, и потому заслуживаютъ вниманія. Потеря судовъ для Цезаря была, если и не важна, то все-таки непріятна.

§ 62.

Движеніе Помпея и Цезаря къ Аспарагію и Диррахію;—дѣйствія и сраженія при Диррахіѣ.

Когда Помпей отступилъ къ Аспарагію на р. Генузѣ, въ окрестностяхъ Диррахіа, то и Цезарь двинулся туда же со всею своею арміею и расположился лагеремъ недалеко отъ лагеря Помпея. Гдѣ онъ соединился съ Антоніемъ и какимъ путемъ шелъ къ Аспарагію—въ точности опредѣлить нельзя. Но, какъ кажется, соединеніе съ Антоніемъ произошло въ окрестностяхъ Албапополя (н. Албассано), откуда Цезарь обходомъ между истокомъ Генуза и Апсомъ, дошелъ до Аспарагія, лежавшаго на лѣвомъ берегу Генуза, близъ устья его въ море (тамъ гдѣ нынѣ Янина).

На другой же день Цезарь вышелъ съ арміею изъ лагеря и построилъ ее къ бою. Но Помпей не вышелъ изъ своего лагеря, и тогда Цезарь положилъ совершить такое движеніе, которое искусствомъ соображенія и исполненія принесло ему много чести и выставило характеръ обоихъ противниковъ въ новомъ свѣтѣ. Именно—Цезарь имѣлъ въ виду совершенно обойти Помпея, затѣмъ двинуться прямо къ Диррахію, гдѣ находились всѣ склады его, и овладѣть ими или по крайней мѣрѣ отрѣзать Помпея отъ нихъ и моря, словомъ—двинуться на его сообщенія.

Цезарь говоритъ, что Помпей, казалось, вовсе не понималъ намѣренія его, потому что, увидавъ его отступленіе по направленію не къ Диррахію, спокойно остался въ своемъ лагерѣ, полагая, можетъ быть, что Цезарь хотѣлъ только перемѣнить мѣсто расположенія своего по недостатку въ продовольствіи. Коль же скоро передовая конница увѣдомила его, что Цезарь, послѣ обхода, двинулся къ Диррахію, то Помпей на другой день самъ двинулся туда же, въ увѣренности, что идя кратчайшею дорогою, предупредитъ Цезаря.

Послѣдній же, предвидя это, шелъ очень скоро, далъ войскамъ своимъ только небольшой отдыхъ ночью и рано утромъ прибылъ къ Диррахію въ то самое время, когда лишь вдали видно было приближеніе пе-

редовыхъ войскъ Помпея. Тогда Помпей, видя себя отрѣзаннымъ отъ Диррахіа, расположился лагеремъ близъ него, на берегу морскаго залива, на скалѣ подъ названіемъ Петра (камень). Сюда приказалъ онъ перевести часть судовъ своихъ и собрать изъ Азіи и другихъ мѣстъ запасы продовольствія.

Цезарь видѣлъ, что война протянется вдаль, и это было тѣмъ непріятнѣе для него, что у него не было флота подъ рукою, такъ какъ суда, которыя онъ зимою велѣлъ построить и собрать, еще не прибыли. У Помпея же, напротивъ, былъ флотъ, который въ это время сталъ дѣятельнѣе прежняго блокировать берега Эпира и крейсировать въ морѣ. Вслѣдствіе того, Цезарь принялъ мѣры для сбора продовольствія въ окрестностяхъ Диррахіа и съ этою же цѣлію послалъ легата Канулеія во внутренность Эпира, приказавъ ему оттуда до Диррахіа учредить линію промежуточныхъ складовъ продовольствія. Расположеніе же обѣихъ армій должно было, по необходимости, быть сплотно укрѣплено искусственными способами, сообразно съ мѣстностью. Цезарь говоритъ, что лагерь Помпея былъ окруженъ горами и крутыми высотами, которыя онъ, Цезарь, занялъ прежде Помпея и прикрылъ ихъ 26-ю отдѣльными укрѣпленіями, соединенными контрвалационною линіею, протяженіемъ около 4 геогр. миль или 28 верстъ, отъ праваго фланга на берегу моря, между Диррахіемъ и лагерями Цезаря и Помпея, до лѣваго фланга, также на берегу моря, по другую сторону р. Апса (н. Аспро). Цѣлю его при этомъ было: 1) кругомъ обложить лагерь Помпея и препятствовать превосходной числѣ конницъ его собирать въ окрестностяхъ продовольствіе и отрѣзывать подвозы его Цезарю, а вмѣстѣ съ тѣмъ 2) прикрывать собственную свою армію и 3) распространить всюду молву, что онъ обложилъ Помпея въ его лагерѣ, и тѣмъ произвести невыгодное для Помпея и выгодное для себя впечатлѣніе.

Помпей и тутъ допустилъ Цезаря безпрепятственно исполнить все, что онъ замыслилъ, и обложить его со всѣхъ сторонъ. Онъ не хотѣлъ удалиться ни отъ Диррахіа, ни отъ береговъ моря, и не рѣшался силой препятствовать работамъ Цезаря. Поэтому ему не осталось ничего болѣе, какъ самому прикрыть себя также контрвалаціонною линіей, съ 24-мя отдѣльными укрѣпленіями, также отъ берега до берега моря, на протяженіи около 3-хъ геогр. миль или 21 версты. Внутри этого пространства онъ имѣлъ на своей сторонѣ многія выгоды: былъ въ центральномъ расположеніи, могъ удобно двигаться изъ своего лагеря во всѣ стороны кратчайшими путями, особенно отъ оконечности своей линіи до другой, имѣлъ кругомъ себя засѣянные поля и луга (это было въ маѣ), а въ тылу за собою—море и на немъ флотъ свой и свободныя сообщенія, наконецъ войскъ и особенно конницы у него было болѣе, нежели у Цезаря.

Стремленіе послѣдняго все болѣе и болѣе стѣснять Помпея, а Помпея, напротивъ, отстѣснять Цезаря, подавало поводъ къ ежедневнымъ частнымъ дѣламъ. Въ одномъ изъ нихъ, 9-й легіонъ Цезаря, овладѣвъ одною высотой къ югу отъ лагеря и линіи Помпея, на лѣвой сторонѣ р. Апса, началъ укрѣпляться на ней, но былъ подверженъ сильному дѣйствию Помпеевыхъ стрѣлковъ и метательныхъ орудій. Цезарь, чтобы вывести его изъ подъ дѣйствія ихъ, приказалъ устроить на вершинѣ высоты крѣпкіе плетни, а за ними средней ширины ровъ, прегражденный съ обоихъ концовъ. За этими плетнями и ровомъ онъ поставилъ своихъ стрѣлковъ и подъ прикрытіемъ ихъ приказалъ легіону отступать на другую высоту позади. Непріятель бросился за 9-мъ легіономъ, опрокинулъ плетни, но самъ былъ опрокинутъ обратившимся назадъ 9-мъ легіономъ, который послѣ того безпрепятственно отступилъ на высоту позади и укрѣпился на ней. Изложеніе этого дѣла въ комментаріяхъ Цезаря неполно и неясно, потому что сначала упоминается объ одномъ частномъ дѣлѣ 9-го легіона противъ стрѣлковъ и пращниковъ Помпея, а потомъ о болѣе общемъ дѣлѣ нѣсколькихъ легіоновъ, однихъ противъ другихъ; изъ чего слѣдуетъ заключить, что обѣ стороны подкрѣпляли свои войска, вслѣдствіе чего произошло довольно общій и важный бой. Устроеніе же въ самомъ бою плетней и рва доказываетъ, до какой степени римскія войска въ это время легко и скоро производили фортификаціонныя работы, даже во время боя.

Цезарь изображаетъ свое положеніе послѣ этого боя такъ, что оно представляется страннымъ и необыкновеннымъ. Не смотря на то, что онъ блокировалъ Помпея, а Помпей былъ кругомъ обложенъ имъ, положеніе послѣд-

няго было лучше, нежели перваго, какъ по приведеннымъ выше причинамъ, такъ и потому, что Цезарю нужно было устроить, а потомъ занимать и оборонять 28-ми-верстную укрѣпленную линію и 26 укрѣпленій на ней, но главное—терпѣть при этомъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе недостатокъ въ продовольствіи. Войскамъ его труда и опасности было много, но покоя и продовольствія очень мало. Однако они переносили это съ большимъ терпѣніемъ, довольствуясь небольшими дачами гороха и крупъ, а также корнями одного растенія, подъ названіемъ хара (chara), которые, будучи разварены, доставляли нѣчто въ родѣ хлѣбныхъ лепешекъ. Нѣсколько стадъ живаго скота, пригнанныхъ изъ Эпира, были очень полезны, хотя и недостаточны для цѣлой арміи. Въ Помпеевой же арміи, напротивъ, всего было въ изобиліи, исключая воды и фуража, котораго вскорѣ совсѣмъ недоставало для многочисленной конницы, такъ что строевыя лошади исхудали, а вьючныя животныя пали. Притомъ стѣсненіе войскъ Помпея внутри линій, безпрестанныя работы, къ которымъ они не были привычны, множество труповъ животныхъ, заражавшихъ воздухъ—все это дѣлало и положеніе Помпеевой арміи очень труднымъ. Кромѣ того, Цезарь отвелъ воду изъ всѣхъ рѣчекъ и ручьевъ, которыя текли чрезъ линіи Помпея въ море, такъ что Помпеевы войска были принуждены рыть глубокіе колодцы, но и тѣ были далеко отъ лагеря и скоро высохли отъ лѣтняго зноя. Въ Цезаревой же арміи воды и фуража было довольно, а близость жатвы и ожиданіе продовольствія изъ Эпира позволяли надѣяться вскорѣ на лучшее положеніе. Вообще съ обѣихъ сторонъ были нѣкоторыя выгоды, но и еще болѣе невыгодъ, и трудно рѣшить, положеніе которой изъ двухъ сторонъ было невыгоднѣе.

Въ такихъ обстоятельствахъ, съ обѣихъ сторонъ продолжали ежедневно происходить вдоль линій частныя дѣла. Цезарь не вездѣ и не всегда могъ лично присутствовать при этомъ, потому что иногда по необходимости бывалъ въ отсутствіи изъ своего лагеря. Въ одно изъ такихъ отсутствій его, легатъ П. Сулла или Силла, которому онъ ввѣрилъ временное начальствованіе арміей, двинулся съ 2-мя легіонами на помощь одной когортѣ и обратилъ непріятеля въ бѣгство, но ограничился тѣмъ, не завязывая общаго боя, въ чемъ Цезарь въ своихъ запискахъ одобрилъ его, хотя, какъ кажется, Силла могъ одержать рѣшительную побѣду въ общемъ боѣ съ главными силами Помпея, которыя произвели двѣ отдѣльныя атаки. Но въ запискахъ Цезаря никакихъ подробностей обо всемъ этомъ не имѣется. Замѣчательно только то, что въ этотъ самый день произошли 6 отдѣльныхъ дѣлъ, три—при Диррахіѣ и три въ укрѣпленныхъ ли-

ніяхъ, при чемъ Помпей лишился до 2 т. чел. и многихъ всенныхъ и частныхъ начальниковъ, а войска Цезаря взяли 6 знаменъ и лишились не болѣе 20 чел. убитыми, но очень многихъ рабеными, особенно въ томъ укрѣпленіи, противъ котораго была направлена главная атака Помпея. По какимъ причинамъ или поводамъ Помпей произвелъ эти атаки—изъ записокъ Цезаря не видно, равно и того, почему нѣсколько дней спустя Помпей занялъ и сильно укрѣпилъ (валомъ до 15 футовъ вышины) новый лагерь, а черезъ 5 дней послѣ того снова занялъ прежній лагерь.

Между тѣмъ Цезарь положилъ, сверхъ отряженія легатовъ Кассія и Кальвизія съ отрядами для занятія Этоліи и Акарнаніи (см. выше), послать еще легата Калена принять главное начальствованіе надъ этими отрядами и занять съ ними также и Ахайю въ Пелопоннесѣ, съ тѣмъ чтобы какъ можно болѣе ограничить Помпею, а себѣ расширить власть въ болѣе отдаленныхъ краяхъ Греціи. Въ Ахайѣ и ближайшихъ мѣстахъ находились Помпеевы гарнизоны подъ начальствомъ легата Рутілія Лупа. Послѣдній пытался, но кажется напрасно, преградить коринѣскій перешеекъ укрѣпленною линіей. А между тѣмъ Дельфы, Оны и Орхомены въ Віотіи сдались легатамъ Цезаря.

При Диррахіѣ же, послѣ изложеннаго выше боя, Цезарь, желая выйти изъ своего труднаго положенія, нѣсколько дней выводилъ свою армію изъ лагеря, вызывая Помпея на бой. Помпей, хотя дѣлалъ тоже, но видимо не желалъ вступать въ общій бой, а потому его и не происходило.

Тогда Цезарь снова захотѣлъ прибѣгнуть къ мирнымъ переговорамъ, къ чему вѣроятно имѣлъ основательныя причины. Съ этою цѣлію онъ послалъ къ Помпееву легату Сципіону, въ Македонію, друга его, Клодія, съ письмомъ, въ которомъ просилъ Сципіона быть посредникомъ между нимъ, Цезаремъ, и Помпеемъ. Клодій сначала имѣлъ нѣсколько переговоровъ съ Сципіономъ, но потомъ не былъ болѣе допускаемъ къ нему и воротился къ Цезарю безъ всякаго отвѣта. Тогда уже Цезарь убѣдился, что съ такими людьми, какъ его противники, не оставалось дѣлать ничего болѣе, какъ силою оружія принудить ихъ къ соглашенію.

Вслѣдствіе того онъ приказалъ устроить сильныя укрѣпленія при Диррахіѣ, противъ единственныхъ еще двухъ выходовъ, черезъ которые конница Помпея могла выѣзжать на фуражировку. Это принудило Помпея собрать всю свою конницу въ своемъ лагерѣ, гдѣ она вскорѣ подверглась самой крайней нуждѣ. Тогда Помпей рѣшился наконецъ испытать счастья въ вылазкѣ. Въ тоже самое время къ нему перебѣжали изъ конницы Цезаря два галла-аллоброга, которые со-

общили Помпею мѣстныя свойства Цезаревыхъ линій и лагеря и послужили Помпею проводниками. Планъ Помпея заключался въ томъ, чтобы охватить съ моря и атаковать съ тыла оконечность лѣваго фланга Цезаревой линіи, примыкавшаго къ берегу моря, но не укрѣпленнаго вдоль его и отстоявшаго далеко отъ Цезарева лагеря. Вслѣдствіе того, Помпей ночью направилъ туда 60 когортъ вдоль морскаго берега, а другой сильный отрядъ пѣхоты и стрѣлковъ—моремъ на судахъ. Первымъ (т. е. 60 когортамъ) онъ приказалъ, для предохраненія себя отъ дѣйствій стрѣлковъ и пращниковъ, прикрыть свои шлемы плетнями изъ тростника и застѣнуться фалликами.

Пунктъ атаки, указанный двумя перебѣжчиками-аллоброгами, былъ хорошо выбранъ Помпеемъ. Лѣвая оконечность укрѣпленной линіи Цезаря примыкала въ этомъ мѣстѣ къ морскому берегу и загибалась вдоль его только на небольшомъ протяженіи, на которомъ еще не совсѣмъ была докопчена. Укрѣпленія ея состояли изъ вала въ 10 футовъ вышины и рва въ 15 футовъ глубины. Эта часть укрѣпленій близъ моря была занята войсками 9-го легіона и находилась далеко отъ лагеря Цезаря, который былъ расположенъ на правой оконечности его линіи, впереди Диррахіа.

Атака была произведена 24-го мая съ разсвѣтомъ и имѣла полный успѣхъ. Сильно атакованный съ фронта и съ тыла, 9-й легіонъ былъ опрокинутъ изъ укрѣпленій, взятыхъ непріятелемъ съ боя, и оттѣсненъ въ безпорядкѣ, разстройствѣ и съ урономъ. Легатъ М. Антоній, начальствовавшій войсками въ ближайшихъ укрѣпленіяхъ, поспѣшилъ съ 12-ю когортами на помощь 9-му легіону, удержалъ и даже оттѣснилъ непріятеля. Цезарь, извѣщенный о томъ въ своемъ лагерѣ, поспѣшилъ лично на мѣсто боя съ подкрѣпленіями. Затѣмъ изложеніе дальнѣйшихъ дѣйствій съ обѣихъ сторонъ, въ запискахъ Цезаря, неясно и непонятно. Цезарь говоритъ, что какъ Помпей вышелъ изъ своего лагеря и овладѣлъ лѣвою оконечностью линіи его, Цезаря, то онъ, Цезарь, отказался уже отъ прежняго своего плана—обложенія Помпея и занялъ лагерь близъ лагеря Помпея. Далѣе онъ говоритъ, что узналъ отъ развѣдчиковъ о движеніи одного Помпеева легіона позади близълежавшаго лѣса, для занятія лагеря близъ моря, и что вслѣдствіе того, оставивъ въ своемъ новомъ лагерѣ только 2 когорты, двинулся съ 33-мя когортами въ 2 колонны обходомъ, противъ избраннаго легіономъ Помпея пункта. Все это, безъ плана или по крайней мѣрѣ яснаго описанія тогдашнихъ: мѣстности и укрѣпленій на ней, непонятно, тѣмъ болѣе, что съ обѣихъ сторонъ было часто устроиваемо нѣсколько меньшихъ лагерей въ разныхъ мѣстахъ. Достаточно

сказать, что Цезарь атаковалъ лагерь или укрѣпленіе Помпеева легіона, ведя лично лѣвое крыло своихъ войскъ и опрокинулъ Помпеевъ легіонъ изъ большаго укрѣпленія въ другое меньшее, еще прежде, нежели Помпей успѣлъ прибыть на помощь. Но при этомъ войска праваго Цезарева крыла и за ними вся Цезарева конница, не зная хорошо ни мѣстности, ни встрѣченныхъ ими укрѣпленій, шли все далѣе и далѣе сквозь линію этихъ укрѣпленій, не встрѣчая въ нихъ непріятеля. Между тѣмъ Помпей прибылъ на помощь съ однимъ легіономъ и конницей и двинулъ послѣднюю противъ конницы Цезаря. Послѣдняя, разстроившаяся, при проѣздѣ чрезъ укрѣпленія, свои ряды, бросилась назадъ, чтобы устроиться. Опрокинутый Помпеевъ легіонъ, ободренный приближеніемъ Помпея, перешелъ въ наступленіе. Правая фланговая пѣхота Цезаря, далеко отдѣлившись отъ лѣвой, начала отступать обратно сквозь линію непріятельскихъ укрѣпленій, но при этомъ пришла въ разстройство, безпорядокъ и наконецъ въ бѣгство. Тоже самое произошло и съ лѣвою фланговою пѣхотою Цезаря. Тщетно послѣдній, схвативъ знамя, старался удержать и собрать бѣжавшихъ: всѣ, бывшія съ нимъ войска его, бѣжали въ совершенномъ безпорядкѣ и не были совершенно истреблены только потому, что во 1-хъ Помпей опасался, преслѣдуя непріятеля, попасть въ засаду и самому быть разбитымъ, почему и не отваживался подступать къ Цезаревымъ укрѣпленіямъ, — а во 2-хъ Помпеева конница, преслѣдуя бѣжавшихъ, была удержана тѣми войсками Цезаря, которые охраняли подступы и ворота своихъ укрѣпленій. Во всякомъ случаѣ трудно составить себѣ вполне ясное понятіе о

ходѣ этого боя и послѣдовавшаго за нимъ бѣгства Цезаревыхъ войскъ и преслѣдованія ихъ Помпеевыми. Однако видно, что меньшая часть Цезаревыхъ войскъ осталась въ порядкѣ и прикрыла бѣгство большей части ихъ.

Этотъ результатъ боя произвелъ на армию Помпея чрезвычайно благоприятное впечатлѣніе и былъ празднованъ ею какъ полная побѣда. Но Цезарь въ своихъ запискахъ старается уменьшить значеніе ея, объясняя свою неудачу небольшимъ числомъ войскъ своихъ, участвовавшихъ въ бою *), невыгодною, пересѣченною и тѣсною между укрѣпленіями мѣстностью и отдѣленіемъ праваго своего крыла съ конницей отъ лѣваго. Какъ бы то ни было, онъ былъ разбитъ, какъ никогда еще дотолѣ. Онъ самъ едва не былъ убитъ однимъ перебѣжчикомъ, по снесенъ находившимся при немъ конюшимъ своимъ. Ввечеру, по свидѣтельству Плутарха, онъ сказалъ, что «въ этотъ день побѣда была бы на сторонѣ непріятеля, еслибъ у него былъ человекъ, который разумѣлъ бы, какъ побѣждать». Уронъ его въ этотъ день простирался, по собственнымъ его показаніямъ, до 960 чел. пѣхоты, многихъ римскихъ всадниковъ, 30 трибуновъ и центurioновъ и 32-хъ знаменъ.

Помпей же съ этого дня принялъ титулъ императора и «позволялъ», говорить Цезарь, «величать его этимъ титуломъ, не возлагая однако на себя лавроваго вѣнка». Лабіенъ испросилъ себѣ у него выдачи ему всѣхъ Цезаревыхъ плѣнныхъ и, наругавшись надъ ними, приказалъ всѣхъ ихъ казнить! — Таково было озлобленіе противъ Цезаря этого бывшего, самаго любимаго и довѣреннаго легата его!

§ 63.

Движеніе Цезаря и за нимъ Помпея въ Фессалію.

Цезарь, послѣ невыгоднаго для него боя при Диррахіѣ, тщательно обсудилъ свое положеніе и то, что ему слѣдовало предпринять и какъ ему дѣйствовать. И онъ пришелъ къ тому заключенію, что ему необходимо было немедленно выйти изъ своего труднаго положенія, совершенно отказаться отъ прежняго своего намѣренія блокировать Помпея и предпринять совсѣмъ другаго рода дѣйствія, а именно — вовлечь Помпея въ маневрированіе въ открытомъ полѣ, причемъ надѣялся употребить въ пользу свое искусство въ такого рода дѣйствіяхъ и наконецъ удачно рѣшить ихъ при помощи надежности и храбрости своихъ войскъ. Поэтому, собравъ, успокоивъ, утѣшивъ и

ободривъ ихъ, а тѣхъ изъ нихъ, которые не исполнили своего долга, наказавъ, онъ вечеромъ того же дня, т. е. 24 мая, положилъ: на другой же день двинуться къ Аполлоніи, оставить въ ней всѣхъ своихъ раненыхъ и больныхъ подъ прикрытіемъ гарнизона, соединиться съ Домиціемъ въ Македоніи, сосредоточить тамъ всѣ свои силы, за исключеніемъ только гарнизоновъ въ Лиссѣ, Орикѣ и Аполлоніи, и отвлечь Помпея отъ береговъ моря вслѣдъ за со-

*) Это несправедливо, потому что у него было 33 когорты (3¹/₃ легіона) въ бою и 2 когорты въ резервѣ въ лагерѣ, у Помпея же только 2 легіона.

бою. Еслибы Помпей обратился не за нимъ, а въ Италию, то и онъ рѣшилъ идти туда же черезъ Илирию. А еслибы Помпей захотѣлъ отнять у него Лиссъ, Орикъ и Аполлонію и отрѣзать его отъ береговъ моря, то онъ хотѣлъ обратиться противъ Сципіона и тѣмъ принудить Помпея послѣдовать на помощь ему. Объ этомъ планѣ Цезарь уведомилъ Доміція и положилъ, оставивъ въ Лиссѣ 4, въ Орикѣ 3 и въ Аполлоніи 8, всего 15 когортъ (1½ легіона), со всѣми остальными войсками слѣдовать черезъ Эпиръ и Акарнанію.

Войска его и начальники ихъ были такъ расположены къ нему и такъ желали боя, что просили его остаться при Диррахіѣ и вступить въ сраженіе. Но онъ не считалъ удобнымъ, послѣ претерпѣнной неудачи, тотчасъ же снова вести войска въ бой и при томъ опасался недостатка въ продовольствіи.

Вслѣдствіе того, съ наступленіемъ ночи съ 24-го на 25-е мая, онъ отправилъ впередъ къ Аполлоніи (отъ 60 до 70 верстъ) всѣ тяжести, раненыхъ и больныхъ арміи, подъ прикрытіемъ 1 легіона, съ приказаніемъ не останавливаться на пути; 2 легіона онъ оставилъ при себѣ, остальные 7 легіоновъ въ 3 ч. утра двинулись тихо, безъ сигналовъ, разными дорогами, вслѣдъ за тяжестью. Вскорѣ послѣ выступленія ихъ, онъ вслѣдъ подать обычный сигналъ къ выступленію въ походъ, и тотчасъ же послѣдовалъ за заднимъ отрядомъ (арріергардомъ) легіоновъ.

Помпей тотчасъ двинулся вслѣдъ за нимъ, выслалъ впередъ свою конницу, но она настигла задній отрядъ (арріергардъ) Цезаря уже только при переходѣ его черезъ р. Генузь, потому что онъ шелъ очень скоро, а при переходѣ черезъ р. Генузь, имѣвшую очень крутые берега, и по неумѣнію судовъ ни на немъ, ни при себѣ, былъ задержанъ тѣмъ. Но Цезарь послалъ противъ Помпеевой конницы свою, съ 400 чел. отборной пѣхоты, и опрокинулъ ее. Затѣмъ онъ въ тотъ же день дошелъ до прежняго своего лагеря при Аспарагіѣ, вслѣдъ конница послѣдовательно фуражировать, но запретилъ остальнымъ войскамъ выходить изъ лагеря поодиночно. Помпей шелъ тою же дорогой и также занялъ свой прежній лагерь при Аспарагіѣ. Поэтому, такъ какъ войскамъ обѣихъ сторонъ не было надобности вновь устроить и укрѣплять свои лагеря, Помпей же выслалъ часть своихъ войскъ за водою, дровами и на фуражировку, а другія отчасти отправились назадъ въ лагерь при Диррахіѣ, за оставленными въ немъ вещами, то Цезарь, предусмотрѣвшій это и ожидавшій того, тотчасъ же подалъ сигналъ къ походу, сдѣлавъ двойной усиленный переходъ и расположился лагеремъ. Такимъ образомъ Помпей былъ не въ состояніи тот-

часъ же слѣдовать за нимъ и остался въ очень неблагоприятномъ положеніи.

На другой день Цезарь поступилъ точно также: ночью выслалъ всѣ тяжести впередъ, а въ 3 ч. утра выступилъ самъ со всею арміей. Такъ продолжалъ онъ дѣлать и въ слѣдующіе дни, и такъ опередилъ Помпея, что послѣдній уже на 4-й день былъ принужденъ отказаться отъ преслѣдованія.

Въ лагерѣ при Аполлоніи Цезарь оставался 28 мая только самое необходимое время и снова двинулся усиленными переходами въ Македонію, на соединеніе съ Доміціемъ.

Тогда только Помпей, съ своей стороны, положилъ какъ можно скорѣе соединиться съ Сципіономъ. При этомъ Цезарь замѣчаетъ, что Помпей дѣйствительно имѣлъ намѣреніе напасть со всѣми своими силами на Доміція, еслибы Цезарь захотѣлъ ожидать на берегахъ Эпира прибытія остальныхъ войскъ изъ Италиі. Но, прибавимъ, если Помпей и имѣлъ это намѣреніе, то, по изложенному выше характеру своему личному и своимъ дѣйствіямъ, едва-ли бы исполнилъ это, ибо не въ состояніи былъ рѣшиться на то въ виду Цезаря, которому далеко уступалъ въ это время въ смѣлости и искусствѣ соображеній и дѣйствій.

И такъ, и Цезарь, и Помпей, каждый съ своей стороны, имѣли въ виду какъ можно скорѣе соединиться въ Македоніи, первый—съ Доміціемъ, а второй—съ Сципіономъ, и весь вопросъ заключался въ томъ, кто кого предупредить. Но уже заранее можно было предвидѣть, что успѣхъ имѣлъ быть не на сторонѣ Помпея. Цезарь шелъ въ Македонію обходомъ на Аполлонію, а Помпей, съ 4-го дня преслѣдованія его, могъ двинуться въ Македонію прямымъ и кратчайшимъ путемъ, усиленными переходами, соединиться съ Сципіономъ и разбить Доміція. Но по своимъ обычнымъ небрежности и оплошности, онъ ничего этого не сдѣлалъ и упустилъ превосходный случай разбить Доміція, даже прежде соединенія своего съ Сципіономъ. Ибо въ то самое время, когда Цезарь шелъ къ Аполлоніи и оттуда въ Македонію, а Помпей за нимъ въ 3—4 переходахъ, Доміцій, долго стоявшій противъ Сципіона при р. Галиакмонѣ (см. выше), но такъ, что находился между Сципіономъ и Помпеемъ, наконецъ, по причинѣ недостатка въ продовольствіи, двинулся къ Гераклеѣ (Heraclea-Sentica) въ Кандавін, т. е. прямо на встрѣчу Помпею, вовсе не зная того, что не только затруднялъ тѣмъ соединеніе свое съ Цезаремъ, но и подвергался опасности наткнуться на всю армію Помпея и быть разбитымъ ею. Сообщенія же Цезаря и Доміція между собою были крайне затруднены и даже можно сказать прерванными тѣмъ, что послѣ неудачнаго для Цезаря боя при Диррахіѣ и отступленія отъ этого го-

рода армій Цезаря, противники его повсюду распустили слухъ, что онъ былъ разбитъ на-голову, лишился всей своей армій и спасался отъ Помпея бѣгствомъ!— Поэтому не только невозможно было, ни Цезарю, ни Доміцію, посылать одному къ другому отдѣльных вѣстниковъ или отдѣльные отряды, но даже многіе города на пути того и другого отказались имѣть сообщеніе съ ними. Къ счастью однако для Цезаря, одному разъѣзду Доміція удалось перехватить нѣсколькихъ пересѣжниковъ отъ Цезаря къ Помпею и узнать отъ нихъ о настоящемъ положеніи дѣлъ. Вслѣдствіе того Доміцій, уже находившійся только въ 4-хъ часахъ пути отъ Помпея, тотчасъ же свернулъ къ югу, поспѣшно двинулся къ Эгинію (Aeginium), городу на границѣ Тессаліи, и 5-го іюня благополучно соединился при Гомфи (Gomphi) съ Цезаремъ, столь же поспѣшно двинувшимся на встрѣчу ему. Къ сожалѣнію, Цезарь ничего не говоритъ, какими именно путями шли до и послѣ того Доміцій, онъ—Цезарь и Помпей.

Жители гор. Гомфи отказались впустить Цезаря, которому, въ его положеніи, не оставалось ничего болѣе, какъ взять городъ приступомъ, предавъ его затѣмъ, въ острастку другихъ, своимъ войскамъ на разграбленіе. Отсюда онъ тотчасъ двинулся къ Метрополю (Metropolis), который сначала также отказался-было впустить Цезаря, но, узнавъ объ участи Гомфи, отворилъ свои ворота. Цезарь поступилъ съ жителями его очень строго, и эти два примѣра съ Гомфи и Метрополемъ такъ подѣйствовали на другіе города Тессаліи, что всѣ они покорились Цезарю, кромѣ Лариссы (Larissa), на р. Пеней, гдѣ Сципіонъ расположился лагеремъ. Такимъ образомъ Цезарь съ Доміціемъ при Метрополѣ находились въ центральномъ положеніи между Сципіономъ при Лариссѣ и Помпеемъ, шедшимъ отъ Гераклеи въ Тессалію. Вотъ къ чему привели искусныя и быстрыя движенія Цезаря и Доміція и, напротивъ, неискусныя и медленныя движенія Помпея и Сципіона. И вмѣсто того, чтобы двумъ послѣднимъ легко и удобно подавить съ двухъ сторонъ Доміція и затѣмъ соединенными силами напасть на Цезаря, сами они очутились раздѣленными центральнымъ положеніемъ между ними Цезаря, соединившагося съ Доміціемъ. Поэтому искусное соединеніе двухъ послѣднихъ между двумя первыми и заслуживаетъ особенныхъ вниманія и похвалы.

Необыкновенная занимательность взаимнаго относительнаго положенія обѣихъ противныхъ сторонъ, съ самаго начала движенія отъ Диррахіи въ Македонію и Тессалію, постепенно растетъ все болѣе и болѣе и заставляетъ слѣдить съ напряженнымъ вниманіемъ за каждымъ дальнѣйшимъ шагомъ Цезаря и Помпея, но ожидать рѣше-

нія не отъ Помпея, а отъ Цезаря. Въ его рукахъ видимо была теперь судьба, не только похода въ Грецію, но и цѣлой войны, и съ невольнымъ нетерпѣніемъ ожидаешь, какъ поступитъ Цезарь?

И онъ рѣшилъ—ждать Помпея при Метрополѣ и приступитъ къ войнѣ съ нимъ въ Тессаліи. Страна эта была болѣе равнинная, нежели гористая, и наступало время жатвы (начало іюня). Цезарь при Метрополѣ находился не болѣе какъ въ одномъ большомъ переходѣ (около 25 верстъ) отъ Сципіона при Лариссѣ. Почему онъ не атаковалъ его до прибытія Помпея, какъ хотѣлъ сначала—неизвѣстно. Потому-ли, что городъ Ларисса былъ слишкомъ сильно укрѣпленъ, или потому, что Цезарь имѣлъ на то особенныя политическія причины?—Несомнѣнно, что либо та, либо другая причина удержала его, безъ всякой же причины—этого предположить невозможно.

Непонятно также, что нѣсколько дней спустя послѣ 5 іюня (т. е. соединенія Цезаря съ Доміціемъ) Помпей, прибывъ наконецъ въ Тессалію, соединился съ Сципіономъ, но какими путемъ и гдѣ именно—неизвѣстно. Онъ шелъ отъ Гераклеи въ западной Македоніи къ Лариссѣ въ сѣверо-восточной Тессаліи, тогда какъ Цезарь находился при Метрополѣ, въ одномъ переходѣ къ западу отъ Лариссы. Какимъ же образомъ Помпей могъ безпрепятственно со стороны Цезаря соединиться съ Сципіономъ?—и еще разъ—почему Цезарь не разбилъ еще прежде того Сципіона или по крайней мѣрѣ не помѣшалъ Помпею соединиться съ нимъ? Любопытные вопросы, но отвѣта на нихъ въ запискахъ Цезаря, къ удивленію и сожалѣнію, не имѣется, что не можетъ не казаться страннымъ. Причины несомнѣнно должныствовали быть и уважительныя, но какія?—неизвѣстно.

А между тѣмъ соединеніе Помпея съ Сципіономъ имѣло такое вліяніе на армію перваго, что она уже была несомнѣнно убѣждена въ побѣдѣ, горѣла нетерпѣніемъ немедленно вступить въ бой и даже, видя медленіе Помпея, роптала, говоря, что онъ хочетъ протянуть войну только для того, чтобы далѣе сохранить главное начальствованіе и быть окружену консулами и преторами. Впрочемъ такое настроеніе происходило вовсе не отъ самихъ войскъ Помпея, но отъ окружавшихъ его сената и римской знати, которымъ продолжительная война уже крайне надоѣла и они желали скорѣе воротиться побѣдителями въ Римъ, уже заранѣе распредѣляли между собою щедрыя награды и назначенія въ высшія званія и должности, и предавались другимъ подобнаго рода безумствамъ, словомъ—всѣ жаждали наградъ, почестей, особенно денегъ, а также и местъ своимъ политическимъ врагамъ! Таковъ былъ тогда этотъ жалкій

Римъ въ лагерѣ Помпея!—Цезарю все это было извѣстно и онъ подробно и безпоощадно изображаетъ это въ своихъ запискахъ, и не вѣрить ему въ этомъ нельзя: все это долженствовало быть дѣйствительно такъ, а не иначе. Но не слѣдуетъ однако воображать себѣ, что все это происходило единственно отъ вліянія на Помпея окружавшихъ его: пѣтъ, онъ самъ, въ упоеніи пеномѣрныхъ своихъ гордости, тщеславія, властолюбія и самонадѣянности, былъ до того ослѣпленъ ими, что не могъ хладнокровно, здраво и мудро обсудить свое положеніе противъ такого человѣка, какъ Цезарь, и расчитать всѣ вѣрныя и невѣрныя случайности рѣшительнаго боя съ нимъ, долженствовавшего рѣшить — быть или не быть тому либо другому. Онъ не умѣлъ и не могъ самъ овладѣть умами окружавшихъ его и руководить ими, а напротивъ, вполне сочувствуя имъ и соглашаясь съ ними, думалъ только о побѣдѣ, но вовсе не о надежныхъ средствахъ къ одержанію ея: ему казалось достаточнымъ атаковать Цезаря, чтобы разбить его! Всѣхъ болѣе подстрекалъ его къ этому Лабіенъ—этотъ извергъ неблагодарности къ Цезарю, заклятой врагъ его и, вмѣстѣ, злобный духъ Помпея, котораго онъ увѣрялъ, что армія и особенно конница его были значительно превосходить во всѣхъ отношеніяхъ, нежели Цезаревы, что старыхъ ветерановъ Галліи у Цезаря уже не было, а были только молодые войска, и тому подобныя лжи. Но при этомъ ни Помпей, ни Лабіенъ, ни всѣ прочіе, въ своемъ ослѣпленіи, не помышляли о главномъ—что противъ нихъ былъ Цезарь!—какъ будто это было самымъ второстепеннымъ вопросомъ. Словомъ—всѣ они были въ точно такомъ же ослѣпленіи и разсуждали также, какъ нѣкогда Дарій и окружавшіе его, противъ Александра В., передъ сраженіями при Иссъ и Арбелахъ!

Совершенно иное было со стороны Цезаря. Онъ былъ единственною главою всему и отъ него, изъ его головы исходило все и съ такими могущественными силой и вліяніемъ на все, его окружавшее, отъ высшихъ чиновъ до низшихъ, вполне и безусловно вѣрившихъ въ его искусство и счастье, что вся армія его, съ нимъ во главѣ ея, составляла какъ бы одно тѣло и одну душу, исполненная неодолимой силы и противъ которыхъ ничтожна была армія Помпея и безумны были всѣ руководившіе ею.

И Цезарь разсудилъ, что онъ и армія его находились наконецъ въ такомъ положеніи, въ которомъ уже въ состояніи были отважиться на рѣшительныя дѣйствія. Забыты были неудачи при Диррахіѣ, силы были сосредоточены, продовольствіе — обезпечено, армія горѣла нетерпѣніемъ сразиться—и Цезарь положилъ испытать, хотѣлъ-ли или могъ-ли Помпей принять бой. Съ этою цѣлію онъ выводилъ свою армію изъ лагеря и двигалъ ее впередъ въ боевомъ порядкѣ съ каждымъ днемъ ближе и ближе къ лагерю Помпея, доколѣ не приблизился къ подошвѣ высоты, на которой онъ былъ расположенъ.

Впрочемъ Цезарь не говоритъ, гдѣ именно находился лагерь Помпея и даже нигдѣ не упоминаетъ названія города Фарсала, и вообще въ запискахъ его не имѣется точныхъ данныхъ касательно мѣстности, расположенія, движеній и дѣйствій Помпея до той минуты, когда произошло рѣшительное столкновение между обѣими арміями. Несомнѣнно только то, что лагерь Помпея находился не при Лариссѣ, но, какъ изъ послѣдующаго оказывается, близъ города Фарсала на р. Энпее въ Тессаліи (нынѣ Салтадже на р. Салтадже-Потамосѣ, въ области Трикала) и что къ этому мѣсту Цезарь прибылъ 6-го или 7-го, а Помпей 10-го іюня.

§ 64.

Сраженіе при Фарсалѣ (29 іюня 48 г.)*)

У Помпея было 110 когортъ легіонной пѣхоты *) (11 легіоновъ=около 47 т. чел.), 7 т. чел.

*) Число и мѣсяцъ, въ которые произошло сраженіе при Фарсалѣ, и число войскъ въ немъ у Помпея и Цезаря, показываются у древнихъ писателей очень неопредѣленно, а у новѣйшихъ различно. Нѣкоторые изъ послѣднихъ показываютъ, что сраженіе это произошло 20 іюля, а общее число войскъ съ обѣихъ сторонъ доводятъ даже до 300—400 т. чел., но почти всѣ согласны въ томъ, что легіонной пѣхоты было у Помпея 110, а у Цезаря 3 легіона и 82 когор-

конницы римской и вспомогательной, и много вспомогательныхъ пѣшихъ и конныхъ войскъ, всего примѣрно 90 т. чел. У Цезаря было 3 легіона и 82 когорты—22 т. чел. легіонной пѣхоты *), только 1 т. чел. конницы и вспомогательныя пѣшія и конныя войска,

и что вспомогательныхъ войскъ у обѣихъ, особенно у Помпея, было очень много. Здѣсь время и число войскъ показаны по Гишару, комментаріи котораго на комментаріи Цезаря признаются лучшими въ критическомъ отношеніи.

по въ меньшемъ числѣ, нежели у Помпея, всего же примѣрно отъ 42 до 43 т. войскъ. Общее число войскъ съ той и съ другой стороны въ точности неизвѣстно, достоверно только то, что Помпей былъ почти вдвое сильнѣе, а Цезарь вдвое слабѣе числомъ войскъ. Непонятно, какимъ образомъ Цезарь, двинувшійся отъ Диррахія съ 10 легіонами и соединившійся съ 2 легіонами и 500 чел. конницы Домиція, имѣлъ при Фарсалѣ только 3 легіона и 82 когорты. Въ томъ или другомъ должна быть какая-нибудь ошибка, но въ чемъ и отчего—рѣшить трудно.

Лагери Помпея и Цезаря были расположены на высотахъ правой стороны р. Энипея, первый—правымъ, а второй—лѣвымъ фасадами къ этой рѣкѣ. Между обоими лагерьми простиралась обширная равнина. Сойдя на нее (29 іюня), Цезарь построилъ свою армію въ боевой порядокъ въ 3 линіи, поставивъ храбрые, но сильно пострадавшіе подъ Диррахіемъ: 10-й легіонъ, подъ начальствомъ Силлы—на оконечности праваго фланга, 8-й и 9-й, соединенные вмѣстѣ, подъ начальствомъ Антонія—на лѣвомъ флангѣ, въ центрѣ же—80 когортъ подъ начальствомъ Домиція. 6 отборныхъ когортъ, взятыхъ изъ 3-й линіи, онъ поставилъ въ видѣ резерва за правымъ крыломъ, дабы усилить и подкрѣпить его и предохранить отъ атаки Помпеевой конницы съ открытой стороны равнины. Всю свою малочисленную конницу онъ усилилъ когортами лучшей своей пѣхоты, которая расположилъ между отдѣленіями конницы, говоря, что такимъ способомъ 1 т. чел. его конницы могла смѣло противудѣйствовать 7-ми тыс. чел. Помпеевой. 2 когорты были оставлены въ лагерѣ *). Цезарь объѣхалъ всѣ войска, ободрилъ и одушевилъ ихъ краткою рѣчью, замѣтилъ 6-ти когортамъ праваго крыла, что отъ нихъ будетъ зависѣть рѣшеніе судьбы боя, совѣтовалъ, при дѣйствіяхъ противъ изнѣженныхъ римскихъ всадниковъ, наносить имъ удары въ лицо, дабы скорѣе обратить ихъ въ бѣгство, и затѣмъ самъ сталъ на правомъ флангѣ.

Помпей также, выйдя изъ своего лагеря и спустясь на равнину, построилъ свою армію въ 3-и линіи: на лѣвомъ крылѣ, подъ личнымъ своимъ начальствомъ—1-й и 3-й легіоны, переданные ему въ 50 г. Цезаремъ

*) Наполеонъ I говоритъ, что у Помпея было 110 когортъ=45 т. римскихъ войскъ въ строю, а у Цезаря—30 т. римскихъ войскъ, изъ которыхъ 8-й, 9-й и 10-й легіоны онъ поставилъ на правомъ крылѣ, 80 когортъ въ центрѣ, по одной когортѣ изъ каждаго легіона 3-й линіи—за правымъ крыломъ позади конницы, и 2 когорты оставилъ въ лагерѣ, что составляло бы всего, считая по 10 когортъ въ легіонѣ, 172 когорты, соотвѣтствовавшія 17 легіонамъ слишкомъ. Но это невѣрно.

по постановленію сената, въ серединѣ—2 сирійскіе легіона Сципіона, а на правомъ крылѣ, къ рѣкѣ Энипею—1 киликійскій легіонъ и надежныя испанскія когорты подъ начальствомъ Афрапія, приведеннаго изъ Испаніи. 2 т. ветерановъ-волонтеровъ были распределены вдоль всей линіи. Вся конница была помѣщена на лѣвомъ флангѣ. 7 когортъ были оставлены въ лагерѣ. Всѣмъ войскамъ Помпей приказалъ выжидать непріятеля стоя на мѣстѣ и тогда только ударить на него, когда онъ совершенно приблизится къ нимъ, въ неизбѣжномъ, при наступленіи, разстройствѣ. 1-я линіи обѣихъ армій стояли очень близко одна отъ другой (не болѣе 250—300 шаговъ).

Цезарь первый двинулъ свою армію впередъ; но старые и опытные легіоны его, увидавъ, что Помпеевы войска стояли неподвижно на мѣстѣ, сами остановились на близкомъ разстояніи отъ нихъ, перевели духъ, устроились въ рядахъ и, разомъ бросивъ въ непріятеля свои полуконья (pilum), стремительно ударили въ мечи. Въ это самое время вся конница Помпея, имѣя за собою стрѣлковъ и пращниковъ, двинулась впередъ, оттѣснила находившуюся противъ нея конницу Цезаря и заѣздомъ на право хотѣла ударить во флангъ правофланговой пѣхоты Цезаря. Но 6 резервныхъ когортъ, сдѣлавъ перемѣну фронта на право, атаковали ее такъ неожиданно и съ такою силой, что вся конница Помпея пришла въ разстройство и безпорядокъ, была опрокинута и обратилась въ бѣгство до самыхъ высотъ, на которыхъ былъ расположенъ лагерь Помпея. Находившіеся за нею стрѣлки и пращники были истреблены и 6 резервныхъ когортъ, захожденіемъ на лѣво, ударили во флангъ и въ тылъ 1-го и 3-го лѣвофланговыхъ легіоновъ Помпея, а 3-я линія Цезаря подкрѣпила атаку 1-й и 2-й линій съ фронта и 6-ти резервныхъ когортъ во флангъ и въ тылъ. Тогда армія Помпея, не въ силахъ будучи противустоять сильной атакѣ арміи Цезаря съ фронта, во флангъ и въ тылъ, обратилась въ бѣгство къ своему лагерю. Самъ Помпей бросился туда же и, приказавъ 7-ми когортамъ въ лагерѣ упорно оборонять его, самъ до того потерялъ голову, что впалъ въ совершенное оцѣпененіе и ничѣмъ не распоряжался. Цезарь же живо и сильно преслѣдовалъ бѣжавшихъ и, не смотря на зной и утомленіе войскъ своихъ (бой продолжался съ утра до полудня), побуждалъ ихъ немедленно идти на приступъ Помпеева лагеря. Съ радостнымъ крикомъ бросились они въ ровъ и на валъ, опрокинули и разбили храбро и упорно сражавшіяся когорты и еракійскія вспомогательныя войска Помпея и взяли лагерь его приступомъ. Помпей, въ ужасѣ, немедленно сбросилъ съ себя всѣ вышніе знаки своего достоинства и въ простой одеждѣ раба уスカ-

каль въ Лариссу. Остатки разбитой арміи его собрались на близъ-лежавшихъ высотахъ, но, увидавъ движеніе Цезаревыхъ войскъ противъ нихъ съ трехъ сторонъ, бросились далѣе по дорогѣ въ Лариссу. Тогда Цезарь одну часть своей арміи оставилъ во взятомъ лагерѣ Помпея, другую отослалъ назадъ въ свой лагерь, а третью (4 легіона) двинулъ вслѣдъ за бѣжавшими. Послѣдніе собрались на одной высотѣ, но къ ночи были обложены на ней укрѣпленною линіей Цезаря и на разсвѣтъ слѣдующаго дня положили оружіе, на колѣняхъ прося у Цезаря пощады жизни ихъ. Цезарь не только даровалъ имъ опую, но и успокоилъ ихъ и приказалъ своимъ войскамъ не дѣлать имъ ни малѣйшаго вреда и ничего не отнимать у нихъ. Затѣмъ, притянувъ къ себѣ легіоны, оставленные въ лагерѣ Помпея, а находившіеся при немъ отославъ на ихъ мѣсто, онъ быстро двинулся съ конницей, за которою слѣдовали легіоны, къ Лариссѣ (отстоявшей отъ Фарсала примѣрно въ 3 рим. миляхъ или 4 верстахъ слишкомъ).

Удивительнымъ, даже невѣроятнымъ кажется, что весь уронъ Цезаря, по его словамъ, простирался только до 30 центуріоновъ и 200 рядовыхъ воиновъ! Уронъ же Помпеевой арміи простирался, по словамъ Цезаря, до 15 т. чел. убитыми и ранеными и 24 тыс. ч. взятыми въ плѣнъ; остальные затѣмъ войска Помпея разсѣялись во всѣ стороны. Сверхъ того 9 орловъ и 180 знаменъ были трофеями Цезаря.

Таковъ былъ исходъ знаменитаго сраже-

нія при Фарсалѣ, въ которомъ Цезарь одержалъ рѣшительнѣйшую изъ всѣхъ своихъ побѣдъ. Онъ съ видимымъ удовольствіемъ замѣчаетъ въ своихъ запискахъ, что предположеніе его о пользѣ дѣйствій 4-й линіи (или 6-ти резервныхъ когортъ) оправдалось и что эти войска проложили путь къ побѣдѣ. Это совершенно вѣрно, потому что это распоряженіе Цезаря было во всѣхъ отношеніяхъ превосходное. Однако успѣхъ его былъ облегченъ во 1-хъ тѣмъ, что многочисленная конница Помпея, на которую онъ возлагалъ всю свою надежду, не только не исполнила своего долга, но сразу постыдно обратила тылъ и бѣжала, а во 2-хъ тѣмъ, что она вовсе не ожидала атаки 6-ти резервныхъ когортъ Цезаря противъ нея и была сама атакована ими не только съ фронта, но и во флангъ и въ тылъ. Все это было такъ неожиданно для нея и притомъ такъ скоро, что она совершенно растерялась и со страху бросилась бѣжать.

По взятіи приступомъ Помпеева лагеря, Цезаревы войска нашли въ немъ свидѣтельства полнѣйшихъ безпечности, роскоши и изысканности Помпеевой арміи и особенно начальниковъ ея, и несомнѣнной увѣренности ихъ въ побѣдѣ. А между тѣмъ они постоянно укоряли въ роскоши и изысканности Цезареву армію, которая, напротивъ, такъ часто терпѣла крайній недостатокъ, даже въ самомъ необходимомъ, и мужественно переносила необыкновенныя лишенія и труды.

§ 65.

Бѣгство, преслѣдованіе и смерть Помпея.

Помпей недолго оставался въ Лариссѣ, но въ сопровожденіи небольшого числа окружавшихъ его лицъ бѣжалъ далѣе, день и ночь, до берега моря, гдѣ сѣлъ на перевозное судно, нагруженное хлѣбомъ, и поспѣшно отправился къ Амфиполю. Но и здѣсь онъ оставался недолго: сдѣлавъ только нѣкоторые распоряженія, вѣроятно болѣе для того, чтобы скрыть по возможности долѣе свое бѣгство, занялъ у своихъ приверженцевъ денегъ и, узнавъ о приближеніи Цезаря, снова пустился въ море. Но его уже нигдѣ не хотѣли принимать; однако онъ собралъ еще нѣсколько судовъ, войскъ и денегъ и, наконецъ, прибылъ къ Пелузію, на границѣ Египта, въ то самое время, когда несовершеннолѣтній египетскій царь Птолемей Діонисій, сынъ умершаго въ 51 г. царя Птолемей XI Авлета, стоялъ здѣсь съ арміею противъ старшей сестры своей Клеопатры, собравшей на границахъ Сиріи и Египта

войско и шедшей на него войною за обладаніе египетскимъ престоломъ. Евпучъ Потинъ, въ званіи опекуна Птолемея Діонисія, захватившій власть въ свои руки, вѣроломно воспользовался довѣрчивостью Помпея, просившаго убѣжища въ Египтѣ, коварно заманилъ его къ себѣ и велѣлъ умертвить его, дабы этимъ пріобрѣсть благоволеніе къ себѣ и къ молодому царю побѣдителя Помпея—Цезаря.

Между тѣмъ послѣдній изъ Лариссы быстро двинулся со всею своею конницею вслѣдъ за Помпеемъ, дабы не допустить его собрать новую армію и даже захватить его самаго. За конницею онъ приказалъ слѣдовать одному легіону. Вскорѣ, догадываясь или узнавъ, что Помпей бѣжалъ въ Египетъ, онъ сѣлъ съ 800 ч. конницы и 2-мя легіонами (всего не болѣе 3 т. чел.) на 10 родосскихъ и нѣсколько малоазійскихъ судовъ и отправился въ Александрію. Едва

онъ прибылъ туда и вступилъ на берегъ, какъ ему поднесена была отрубленная голова Помпея. При видѣ ея, онъ не могъ удержаться отъ слезъ, и хотя былъ не изъ чувствительныхъ людей, однако слезы его несправедливо приписываются лицемѣрію. Онъ былъ бы совершенно безчувственнымъ, еслибы при видѣ головы Помпея не былъ растроганъ воспоминаніемъ о прежнихъ отношеніяхъ своихъ къ нему, несчастною судьбою его и сознаніемъ непрочности земнаго величія.

Въ Александріи онъ не встрѣтилъ однако радушнаго приѣма: египетскія войска Птолемэя были недовольны его прибытіемъ, и даже нѣсколько человѣкъ изъ его войскъ были убиты ими. Войскъ же этихъ у Цезаря было очень немного: Цезарь объясняетъ это тѣмъ, что рассчитывалъ на предшествовавшую ему славу побѣдителя и на личную безопасность свою вездѣ, куда бы онъ ни обратился. Тѣмъ не менѣе ему нужно было имѣть болѣе войскъ и онъ сдѣлалъ распоряженіе о призваніи изъ Малой Азіи нѣсколькихъ легіоновъ, составленныхъ изъ остатковъ арміи Помпея.

Казалось бы, что со смертію Помпея война была кончена и Цезарь могъ и долженъ

былъ бы тотчасъ же возвратиться въ Грецію и оттуда въ Римъ, гдѣ присутствіе его было необходимо. Прежде всего нужно было устроить и упрочить дѣла въ Римѣ, а потомъ уже въ Египтѣ, еслибы обстоятельства потребовали и позволили то. Но Цезарь захотѣлъ прежде, нежели воротиться въ Римъ, устроить дѣла въ Египтѣ, рѣшивъ споръ между Клеопатрой и Птолемэемъ Діонисіемъ и надѣясь успѣть въ этомъ въ непродолжительномъ времени. Но онъ обманулся въ своихъ ожиданіяхъ и на цѣлые 5 мѣсяцовъ былъ вовлеченъ въ такъ-называемую Александрійскую войну (см. ниже) и удержанъ ею и другими обстоятельствами въ Египтѣ.

Между тѣмъ, какъ онъ дѣйствовалъ въ Греціи, въ двухъ другихъ мѣстахъ онъ претерпѣлъ неудачи. Начальникъ одной Помпеевой эскадры Лэлій явился передъ Брундузіемъ, овладѣлъ островомъ передъ гаванью и учредилъ блокаду послѣдней. Другая Помпеева эскадра, подъ начальствомъ Кассія, приплыла къ гор. Мессенѣ (и. Мессина) въ Сициліи, сожгла въ ней 30 Цезаревыхъ судовъ и 5 другихъ по близости, и удалилась не прежде, какъ по распространеніи вѣсти о побѣдѣ при Фарсалѣ.

§ 66.

Общій обзоръ и замѣчанія.

Разсмотрѣніе дѣйствій Цезаря и Помпея въ Греціи приводитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ и замѣчаніямъ:

Цѣлю съ обѣихъ сторонъ было одолѣніе и низложеніе противника силою оружія и достиженіе единоличной верховной власти въ Римѣ. Неоднократныя же попытки Цезаря прійти къ соглашенію съ Помпеемъ слѣдуетъ понимать не иначе, какъ въ смыслѣ особенной политики перваго—имѣть видимую справедливость на своей сторонѣ: не для того же онъ поднялъ оружіе и возбудилъ междоусобную войну, чтобы раздѣлить съ Помпеемъ власть и учредить дуумвиратъ. Невозможно это было для того, который сказалъ, что «предпочитаетъ лучше быть первымъ въ деревнѣ, нежели вторымъ въ Римѣ». Да и не къ этой цѣли стремился онъ постоянно и неуклонно съ самыхъ молодыхъ лѣтъ своихъ.

Но средства, употребленныя съ обѣихъ сторонъ для достиженія этой цѣли, были существенно различны. Со стороны Цезаря въ этомъ отношеніи видны необыкновенныя: дальновидность и основательность, настойчивость и послѣдовательность, мудрость и сила всѣхъ соображеній и дѣйствій. Восемь лѣтъ (58—51) готовилъ онъ себѣ на-

дежныя: орудіе и основаніе дѣйствій для предначертанной имъ въ умѣ своей войны, долженствовавшей рѣшить между нимъ и Помпеемъ. И онъ приобрѣлъ ихъ въ превосходной степени—какъ въ 10-ти-легіонной, побѣдоносной арміи своей, закаленной въ трудахъ и бояхъ, вполнѣ преданной и доверенной ему, готовой на все подъ его предводительствомъ, такъ и въ покоренной имъ Галліи, которая должна была и могла служить ему первымъ и отличнымъ основаніемъ дѣйствій противъ Италіи и Испаніи.

Но Помпей, въ своемъ усиленіи, не принялъ заранѣе никакихъ мѣръ противудѣйствія. Обладая, за исключеніемъ областей Цезаря (3-хъ Галлій и Иллиріи), всею территоріей и морями республики, со всѣми военными силами и средствами, онъ какъ будто ни во что не вмѣнялъ вѣроятнаго возстанія Цезаря противъ него войною. Возлагая особенныя надежды на свои области—Испанію и Африку и находившіяся въ нихъ войска, онъ не подумалъ объ усиленіи и утвржденіи своемъ въ Италіи и Римѣ, и какъ будто забылъ, что они составляли средоточіе республики и что кто владѣлъ ими, тотъ владѣлъ и ею. Быстрый ходъ дѣла и переходъ Цезаря черезъ Рубиконъ за-

стигли его совершенно врасплохъ и сразу доказали, что онъ пережилъ себя и свою славу и уже былъ не тотъ Помпей, что прежде. Первымъ чувствомъ его былъ—страхъ, первымъ дѣйствіемъ—бѣгство изъ Рима въ Капую и наконецъ въ Брундузію, для того, чтобы оттуда бѣжать въ Грецію, дабы тамъ собраться съ силами и противустать Цезарю. Все это нельзя даже назвать неблагоразуміемъ, но слѣдуетъ признать чистымъ безуміемъ. Безъ боя уступать Цезарю Италию и Римъ и какъ побѣжденному постыдно бѣжать въ Грецію значило—уже уступать Цезарю половину побѣды.

Цезарь, въ 60 дней почти безъ боя завладѣвъ Италіей и Римомъ и за немѣніемъ флота не могли тотчасъ слѣдовать за Помпеемъ въ Грецію, а въ тылу за собою не хотѣвъ оставлять Испаніи и легионовъ Помпея въ ней, обезпечилъ себя оборонительными противъ послѣдняго мѣрами вдоль восточныхъ береговъ Италиіи и смѣло двинулся въ Испанію. Въ 2 мѣсяца заставилъ онъ покориться себѣ и легатовъ Помпея въ Испаніи, и всю Испанію, и Массилию, и тогда уже имѣя твердымъ и надежнымъ основаніемъ дѣйствій, не одну Галлію, но и Испанію, и Италию, переправился моремъ въ Эпиръ, но за недостаткомъ судовъ, только съ частию своей арміи и подвергаясь опасности быть разбитымъ на морѣ, или бурей, или флотомъ Помпея. Пять мѣсяцовъ затѣмъ оставался онъ на берегахъ Эпира противъ превосходныхъ силъ Помпея, которыя легко могли подавить его, и лишь по прошествіи этого времени успѣлъ соединиться съ Антоніемъ и остальною частию своей арміи. Въ этомъ онъ явилъ и вѣру въ свое счастье, которое дѣйствительно помогло ему, и силу своей воли, но не явилъ надлежащаго, со стороны такого великаго полководца, равновѣсія ума и воли. Переправу его моремъ въ Грецію, съ частями своей арміи, въ продолженіи 5 мѣсяцовъ, нельзя назвать ни благоразумною, ни безошибочною, но слѣдуетъ признать слишкомъ смѣлою и даже отважною до неблагоразумія. — «12 легионовъ, которыя Цезарь собралъ при Брундузіѣ,»—говоритъ Наполеонъ I—«пришли изъ Испаніи, Галліи и съ береговъ р. Пада (По), поэтому кажется, что ему лучше было бы направить ихъ чрезъ Иллирію въ Македонію; изъ Плаценціи не было пересѣченія двухъ путей и разстояніе одинаково для достиженія Эпира; армія его пришла бы туда вся вмѣстѣ; ему не нужно было бы переправляться моремъ—важное препятствіе, которое едва не сдѣлалось гибельнымъ для него противъ превосходнаго числа флота». — И это безусловно вѣрно и неоспоримо. «Правда» — прибавляетъ Наполеонъ I—«что мореплаваніе было тогда въ дѣтствѣ: суда не могли плавать по вѣтру и крейсировать, и должны были запасаться

на берегахъ водою, дровами и продовольствіемъ». Слѣдовательно выгоды и невыгоды были равныя съ обѣихъ сторонъ. Наполеонъ I осуждаетъ дѣйствія Помпея до соединенія Цезаря съ Антоніемъ, а Цезаревы—съ этого времени до отступленія отъ Диррахіа. Помпей—говоритъ онъ—«съ такою сильно арміею не долженъ былъ позволить Цезарю 5 мѣсяцовъ держать его, Помпея, какъ бы въ осадномъ положеніи. А дѣйствія Цезаря, по соединеніи его съ Антоніемъ, т. е. обложеніе Помпея, онъ называетъ крайне отважными или дерзкими (*téméraires*), «за что»—прибавилъ Наполеонъ—«онъ и былъ наказанъ. Какъ могъ онъ надѣяться съ успѣхомъ держаться на протяженіи обширной контрвалационной линіи своей, окружая армію Помпея, занимавшую центральное положеніе и имѣвшую въ тылу свободное море?—Послѣ громаднхъ работъ, онъ потерпѣлъ неудачу, былъ разбитъ, потерялъ лучшія войска свои и былъ принужденъ покинуть поле сраженія. Помпей же удовольствовался только тѣмъ, что противопоставилъ обширную циркувалационную, и дѣйствительно, могъ-ли онъ поступить иначе, не желая вступать въ бой?—Но ему слѣдовало лучше и больше воспользоваться боемъ при Диррахіѣ: въ этотъ день онъ могъ бы доставить республикѣ побѣду». — Нѣкоторые новѣйшіе военные писатели, безусловные и восторженные восхвалители всего, что ни дѣлалъ Цезарь, не порицаютъ, а только удивляются необыкновенной смѣлости переправы его моремъ въ Эпиръ и обложенія имъ Помпея при Диррахіѣ. Но мнѣніе Наполеона I гораздо вѣрнѣе такого увлеченія, и несомнѣнно, что Цезарь въ этихъ двухъ случаяхъ уже слишкомъ положился на свое счастье и явилъ болѣе силы воли, нежели силы ума или благоразумія, иначе—сдѣлалъ большія ошибки, за которыя, какъ справедливо говоритъ Наполеонъ I, и былъ наказанъ.

Касательно огромныхъ фортификаціонныхъ работъ Цезаря при Диррахіѣ, Наполеонъ I, говоритъ, что, при тогдашнемъ бѣломъ и метательномъ оружіи, онъ вполне достигалъ цѣли, которой не достигли бы въ наше время. Лопата и кирка—прибавляетъ онъ—были въ то время столько же нужны воину, сколько щитъ и мечъ.

Генераль Лоссау (*Ideale der Kriegführung etc.*) говоритъ, что, изъ всѣхъ дѣйствій Цезаря въ Греціи, особеннаго вниманія заслуживаютъ два момента: соображеній его при Диррахіѣ и рѣшимости его при Фарсалѣ. Въ отношеніи къ первымъ, «страннымъ кажется» — говоритъ Лоссау — «что такой полководецъ, какъ Цезарь, въ томъ относителномъ положеніи, въ которомъ находились онъ и Помпей, положилъ и надѣялся одолѣть послѣдняго, не боемъ, а только обложеніемъ укрѣпленною линіей. Но это бы-

ло чрезвычайно трудно для него съ арміею, недостаточною для занятія и обороны слишкомъ обширной линіи, въ которой онъ нигдѣ не былъ достаточно силенъ. Поэтому неудача и поражение его были несчастіемъ для его арміи, но счастьемъ для него самого, потому что съ ложнаго пути вывели его на истинный. Счастьемъ для него было также и то, что противъ него былъ Помпей, постоянно избѣгавшій боя и лишь случайно разбившій частію силъ часть арміи Цезаря на одномъ пунктѣ его линіи, тогда какъ легко могъ съ главными силами прорвать ее на любомъ пунктѣ и нанести Цезарю сильное и даже рѣшительное поражение.— Въ отношеніи же къ рѣшимости Цезаря вступить въ бой съ Помпеемъ при Фарсалѣ, генераль Лоссау говоритъ, что съ 24 мая—дня боя при Диррахіѣ, до 29 іюня—дня сраженія при Фарсалѣ *) эта рѣшимость Цезаря имѣла достаточно времени созрѣть, но, не смотря на то, заслуживаетъ полного одобренія, потому что не всякій полководецъ рѣшится, въ первую благоприятную минуту, съ слабѣйшею арміею атаковать сильнѣйшую, даже предводимую такимъ нерѣшительнымъ человѣкомъ, какимъ показалъ себя Помпей. Рѣшимость эта была очень важна для Цезаря, потому что съ нею сопряжено было рѣшеніе вопроса: быть или не быть ему, Цезарю. Теперь онъ уже ясно видѣлъ конечную цѣль свою и необходимость рѣшительно устремиться къ ней. Тутъ была необходима необыкновенная сила воли, а такой человѣкъ, какъ Цезарь, недостатка въ ней не имѣлъ и въ этомъ случаѣ вполне проявилъ ее, а остальное—предоставилъ своему счастию. Соображенія же ума становились уже вспомогательными, но второстепенными средствами. Словомъ, изъ разсужденій генерала Лоссау объ этомъ предметѣ слѣдуетъ, что Цезарь, въ этомъ случаѣ, какъ Александръ В., Аннибалъ и всѣ великіе полководцы въ подобныхъ случаяхъ, явилъ перевѣсъ силы воли надъ силою ума и принятую рѣшимость поставилъ выше всѣхъ побочных соображеній, соединенныхъ съ недоумѣніемъ, сомнѣніемъ, колебаніемъ и т. п.—Эта рѣшимость, по замѣчанію генерала Лоссау, и наставила Цезаря на истинный путь, по которому онъ и пошелъ уже съ величайшею энергіею. Ставъ при Метрополѣ, онъ ждалъ Помпея, дабы сначала маневрировать противъ него и потомъ въ благоприятную минуту атаковать. Но Помпей самъ двинулся противъ него и тогда Цезарь, приближаясь къ нему, сталъ вызывать его на бой, на который

Помпей наконецъ и рѣшился и который и произошелъ при Фарсалѣ, такъ какъ было описано выше. Въ этомъ сраженіи, со стороны Цезаря особеннаго вниманія заслуживаютъ 1) назначеніе и расположеніе 6-ти резервныхъ когортъ и 2) совершенно своевременно поданный Цезаремъ сигналъ къ атакѣ имъ Помпеевой конницы, что и рѣшило побѣду. Вообще—заключаетъ генераль Лоссау—способъ возрѣнія Цезаря, его прозорливость, рѣшимость и дѣятельность въ теченіи всего времени отъ боя при Диррахіѣ до и послѣ сраженія при Фарсалѣ—являются неоспоримо и въ полномъ блескѣ. Точно такой же характеръ имѣло и быстрое, неутомимое преслѣдованіе Цезаремъ Помпея до самаго Египта.

Касательно урона обѣихъ сторонъ при Фарсалѣ, Наполеонъ I замѣчаетъ, что онъ, какъ и вообще во всѣхъ сраженіяхъ древнихъ временъ, очень понятенъ, также по свойству тогдашняго бѣлаго и метательнаго оружія. Арміи въ древности требовали состава изъ людей, хорошо обученныхъ тѣлеснымъ упражненіямъ, а тѣ арміи, которыя состояли изъ старыхъ и опытныхъ въ этомъ войскъ, всегда имѣли преимущество. При Фарсалѣ обѣ арміи состояли изъ римскихъ и вспомогательныхъ войскъ, но Цезаревы войска свыклись съ войною на сѣверѣ, а Помпеевы—на югѣ.

Помпей, въ сраженіи при Фарсалѣ, явилъ непостижимыя: самопадѣнность, непредусмотрительность и, когда конница его, главная надежда его, была опрокинута и бѣжала—упадокъ духа, почти лишившій его разсудка. «Онъ горько жаловался потомъ» замѣчаетъ генераль Лоссау, «что такъ былъ обманутъ въ своихъ надеждахъ и что тѣ, на кого онъ болѣе всего надѣялся (разумѣя конницу, въ которой были знатнѣйшіе римляне), измѣнили ему и предались бѣгству. Но онъ самъ былъ виною того, ошибочно распорядившись атакѣю своей конницы и главное—самъ потерявъ голову и покинувъ армію, тогда какъ долженъ былъ и могъ бы еще употребить все до послѣдней крайности, для того, чтобы предотвратить или по крайней мѣрѣ уменьшить свое поражение.

Жалкая смерть его внушила Наполеону I слѣдующія слова, служащія характеристикою продолжительнаго и замѣчательнаго, государственнаго и военнаго поприща этого человѣка:

«Такъ погибъ великій Помпей, 58 лѣтъ отъ роду, 35 лѣтъ исправлявшій высшія должности республики. Онъ совершилъ 17 военныхъ походовъ: въ 83, 82, 77, 49, 48 годахъ противъ римлянъ Маріанской и Цезаревой партій; въ 81 г. въ Африкѣ, въ 76, 75, 74, 73, 72 и 71 гг. въ Испаніи; въ 67 г. противъ морскихъ разбойниковъ; въ 65, 64 и 63 гг. противъ Митридата; онъ восторжествовалъ (т. е. былъ удостоенъ

*) По счисленію Гишара, несогласному впрочемъ съ счисленіемъ Наполеона I и другихъ новѣйшихъ писателей, которые сраженіе при Фарсалѣ означаютъ происшедшимъ 20 іюля по юліянскому календарю, почему бой при Диррахіѣ приходится 15 іюня.

тріумфовъ) въ 81 г. надъ Африкой, въ 71 г. надъ Испаніей и въ 61 г. надъ Азіей; онъ три раза былъ консуломъ, въ 70 и 55 гг. вмѣстѣ съ Крассомъ, а въ 52 г. съ Метелломъ Сципіономъ;—Помпей, котораго болѣе всѣхъ любили римляне и называли его Великимъ, когда ему было еще только 26 лѣтъ отъ роду».

И этотъ человѣкъ, въ борьбѣ съ Цезаремъ о власти, низналъ на такую низкую степень, какая была изображена выше и привела его къ жалкой гибели!

Въ заключеніе остается привести то, что Наполеонъ I замѣчаетъ касательно времени дѣйствій въ Греціи. «Походъ Цезаря въ ней»—говоритъ онъ—«содѣлавшій послѣд-

няго властелиномъ міра, продолжался 10 мѣсяцовъ, считая съ половины октября до сраженія при Фарсалѣ въ іюлѣ (т. е. по юліанскому календарю или по старому стилю), одинъ мѣсяцъ послѣ жатвы. Помпей былъ убитъ въ концѣ сентября (то былъ мѣсяцъ его рожденія), 1 мѣсяцъ или 6 недѣль послѣ сраженія. Историки сообщаютъ мало свѣдѣній о числахъ и времени событій; извѣстно только, что Антоній соединился съ Цезаремъ въ концѣ зимы, т. е. въ мартѣ*) или, по тогдашнему римскому календарю, въ маѣ; что пока обѣ арміи находились при Диррахіѣ, жатва созрѣвала, слѣдовательно это было въ іюнѣ по нашему календарю или въ концѣ сентября по тогдашнему римскому».

ГЛАВА X.

3-Я РИМСКАЯ МЕЖДУУСОБНАЯ ВОЙНА

ЦЕЗАРЯ СЪ ПОМПЕЕМЪ И ПОТОМЪ СЪ ЕГО ПАРТІЕЙ (49—45).

(Продолженіе).

II.

Александрійская война, походъ противъ Фарнака и дѣйствія въ Греціи (48—47).

II. Александрійская война (48—47). — §§ 67 — 68. Причины и цель войны; — обложеніе Цезаря египтянами въ Александріи; — дѣйствія съ обѣихъ сторонъ на сухомъ пути и морѣ. — § 69. Прибытіе Митридата пергамскаго съ войсками въ Египетъ; — сраженіе при р. Нилѣ; — сдача Александріи Цезарю и конецъ войны. — § 70. Замѣчанія. — §§ 71 — 73. Походъ Цезаря противъ Фарнака и сраженіе при Зелѣ. — § 74. Дѣйствія въ Иллиріи, Греціи и на морѣ. — § 75. Цезарь въ Римѣ. — § 76. Замѣчанія.

Источники и историческія пособія, указанныя выше.

II.

Александрійская война (48—47).

§ 67.

Причины и цель войны;—обложеніе Цезаря египтянами въ Александріи;—дѣйствія съ обѣихъ сторонъ на сухомъ пути и морѣ.

Цезарь, преслѣдуя Помпея, прибылъ, три дня спустя послѣ его убіенія, въ половинѣ августа 48 г., къ Александріи, на 10-ти военныхъ судахъ, на которыхъ были поса-

жены 2 легіона и 800 чел. конницы, всего не болѣе 5 т. чел. (съ экипажами судовъ).

*) Правильнѣе — въ февралѣ.

Онъ сталъ на якорѣ въ новой гавани и занялъ царскій дворецъ, расположенный противъ мыса, отдѣлявшаго новую и старую гавани отъ театра и цирка, служившаго цитаделю.

Выше было сказано, что въ это самое время дѣти умершаго египетскаго царя Птолемэя XI Авлета, 17-ти-лѣтняя дочь Клеопатра и 13-ти-лѣтній сынъ Птолемэй находились въ войнѣ между собою за обладаніе престоломъ и стояли одна противъ друга съ войсками у Пелузія, на границѣ Египта и Сиріи.

По завѣщанію отца ихъ, исполнителемъ котораго онъ назначилъ римскій народъ, Клеопатра и Птолемэй должны были царствовать вмѣстѣ. Цезарь говоритъ, что римскому народу и слѣдовательно ему, Цезарю, какъ консулу, принадлежало право прекращенія войны между сестрою и братомъ за престолъ, тѣмъ болѣе, что союзъ Рима съ умершимъ царемъ былъ утвержденъ закономъ сената во время консульства его, Цезаря. Вслѣдствіе того, онъ далъ знать Клеопатрѣ и Птолемэю, чтобы они распустили свои войска и рѣшили споръ между собою передъ нимъ.

Но евнухъ Потинъ, опекунъ Птолемэя и правитель царства, возсталъ противъ этого и двинулъ отъ Пелузія къ Александріи 20 т. хорошо устроенныхъ, опытныхъ и храбрыхъ войскъ подъ начальствомъ полководца Ахилла. Въ числѣ этихъ войскъ было 18 т. ч. пѣхоты и 2 т. чел. конницы, большею частію римскихъ, служившихъ въ арміи Помпея.

Узнавъ о движеніи Ахилла къ Александріи, Цезарь заключилъ подъ стражу молодого Птолемэя и Потина и привелъ занятую имъ, Цезаремъ, часть Александріи въ оборонительное положеніе. Ахиллъ, вступивъ въ Александрію, пытался взять занятую Цезаремъ часть города открытою силой, но былъ отраженъ и тѣсно обложилъ въ ней Цезаря съ сухаго пути. Чтобы отрѣзать его также и отъ моря и захватить въ новой и старой гаваняхъ находившіяся въ нихъ 72 египетскія судна, а въ новой—и суда Цезаря, египетскій флотъ изъ 70-ти большихъ судовъ направился въ ту и другую гавани. Еслибы онъ успѣлъ въ этомъ, то Цезарь былъ бы отрѣзанъ отъ моря и совершенно обложенъ въ Александріи. Но, къ счастью для Цезаря, онъ успѣлъ, хотя и съ большимъ трудомъ, отразить египетскій флотъ и даже сжегъ всѣ египетскія суда въ обѣихъ гаваняхъ. А дабы впредь лишить египтянъ возможности проникать въ новую гавань, онъ занялъ гарнизономъ башню съ маякомъ на островкѣ, лежавшемъ передъ входомъ въ эту гавань и соединенномъ съ городомъ плотиной. Такимъ обра-

зомъ онъ обезпечилъ свои сообщенія съ моремъ и послалъ въ ближайшія приморскія мѣста за продовольствіемъ. Со стороны города же онъ принялъ всѣ возможные мѣры для прикрытія и усиленія себя укрѣпленіями и для добыванія продовольствія и фуража. Владѣя царскимъ дворцомъ и, въ связи съ нимъ, театромъ и циркомъ, онъ сильно укрѣпилъ ихъ и занялъ войсками; занялъ также и частію разрушилъ всѣ дома, отдѣлявшіе его отъ среднихъ городскихъ воротъ, открылъ свободное сообщеніе съ озеромъ Мареотисомъ и добывалъ изъ него прѣсную воду, а изъ окрестностей его продовольствіе и фуражъ. Онъ принялъ также мѣры для скорѣйшаго сбора къ нему въ Александрію наибольшаго числа войскъ и судовъ. Съ этой цѣлю онъ послалъ преданнаго ему Митридата пергамскаго въ Малую Азію, для сбора въ ней войскъ и приведенія ихъ сухимъ путемъ чрезъ Сирію въ Египетъ. Съ о. Родоса и изъ Сиріи и Киликіи онъ приказалъ прислать себѣ морскія суда, а съ о. Крита стрѣлковъ. Отъ Малха, царя одного изъ племенъ Аравіи, онъ потребовалъ конницы, а отъ подвластныхъ ему городовъ—военныхъ орудій и машинъ, продовольствія и вооруженныхъ людей. Отъ главнаго же врага своего, Потина, онъ избавился тѣмъ, что открывъ, какъ говоритъ, тайную переписку его съ Ахилломъ, приказалъ казнить его.

Египтяне, съ своей стороны, также дѣятельно укрѣплялись и заградили всѣ выходы и проходы въ городъ, со стороны Цезаря, высокими и толстыми стѣнами съ зубцами и съ высокими до 10-ти ярусовъ башнями. Главные дѣятели ихъ гласно заявляли, что эта война представляла удобнѣйшій случай избавиться отъ римскаго владычества и что если въ это время не будутъ употреблены всѣ возможные средства для того, то Египетъ неизбежно будетъ обращенъ въ римскую провинцію.

Вскорѣ младшая сестра Клеопатры и Птолемэя, Арсина, успѣла бѣжать изъ царскаго дворца, занятаго Цезаремъ, въ городъ, приказала умертвить Ахилла и передала начальствованіе египетскою арміей евнуху своему Ганимеду. Первымъ предпріятіемъ его было то, чтобы отрѣзать Цезарю прѣсную воду, которою запаята имъ часть города снабжалась извнѣ посредствомъ подземныхъ трубъ, и испортить воду въ колодцахъ этой части города, смѣшеніемъ ея съ морскою водою. Это повело къ большимъ и труднымъ работамъ, но не достигло цѣли, потому что Цезарь успѣлъ добывать прѣсную воду изъ нѣкоторыхъ родниковъ и изъ вырытыхъ колодцевъ на берегу моря.

§ 68.

Прибытіе къ Цезарю 37-го легіона;—дѣйствія и побѣды Цезаря на морѣ при Александріи.

Вскорѣ къ Цезарю прибылъ моремъ отъ о. Родоса 37-й легіонъ, составленный изъ остатковъ арміи Помпея и присланный Доміціемъ съ продовольствіемъ, оружіемъ, орудіями, машинами и пр. Эта эскадра судовъ стала на якорь къ западу отъ Александріи (близъ мѣста позднѣйшей башни арабовъ), потому что господствовавшіе въ это время года восточные вѣтры не позволили ей вступить въ новую гавань. Дабы спасти ее и ввести въ эту гавань, Цезарь вышелъ изъ нея со всѣми бывшими у него судами, но безъ войскъ на нихъ. Египтяне, узнавъ объ этомъ, послали противъ Цезаря всѣ свои суда, но съ посаженными на нихъ войсками. Слѣдствіемъ этого былъ морской бой, въ которомъ Цезарь взялъ у египтянъ одно большое военное судно, другое потопилъ и, еслибы не наступила ночь, то истребилъ бы или взялъ бы весь египетскій флотъ, но онъ успѣлъ спастись въ старую гавань, а Цезарь торжественно провелъ мимо него свою эскадру въ новую.

Эта неудача египтянъ побудила Ганимеда значительно усилить флотъ. Онъ приказалъ дѣлательно исправлять всѣ оставшіяся еще въ старой гавани суда, собирать пугавыя для того матеріалы, собрать всѣ суда, стоявшія въ семи устьяхъ Нила для защиты ихъ, и въ скоромъ времени имѣлъ уже 22 судна въ 4 ряда весель, 5—въ 5 рядовъ и множество меньшихъ разной величины, съ опытными и искусными экипажами на нихъ.

Цезарь съ своей стороны имѣлъ 9 родосскихъ, 8 понтійскихъ, 5 сирійскихъ и 12 малоазійскихъ судовъ, всего 34, изъ которыхъ только 5 были въ 5 и 10 въ 4 ряда весель, остальные же 19 были меньшихъ размѣровъ. Не смотря на то, онъ вышелъ съ ними изъ новой гавани, обогнулъ маякъ и построилъ свой флотъ въ боевой порядокъ противъ старой гавани, имѣя родосскія суда на правомъ флангѣ, а понтійскія на лѣвомъ. При видѣ этого, египетскій флотъ изготавился къ бою, но чтобы вступить въ него, тому либо другому флоту необходимо было первому пройти черезъ три опасныхъ прохода между каменными грядами, замыкавшими во всю ширину входъ въ старую гавань, при чемъ тотъ изъ двухъ флотовъ, который, въ виду другаго, первый рѣшился бы на это, подвергся бы большой опасности. Но начальники родосскихъ су-

довъ Евфраноръ вызвался первымъ пройти съ 4-мя своими судами черезъ средній проходъ, исполнилъ это отважно, искусно и удачно и открылъ тѣмъ всему Цезареву флоту входъ въ старую гавань. Цезарь немедленно и рѣшительно атаковалъ въ ней египетскій флотъ и, не смотря на все превосходство его въ числѣ судовъ и опытности и искусствѣ экипажей на нихъ, послѣ упорнѣйшаго боя одержалъ полную и совершенную побѣду надъ нимъ, взялъ 2 и потопилъ 2 большія судна, а остальные спаслись у береговъ гавани, подъ прикрытіемъ плотинъ и стрѣлковъ, расположенныхъ на кровляхъ домовъ.

Одержавъ эту побѣду, Цезарь положилъ овладѣть всѣмъ островкомъ, на которомъ занималъ только одну башню съ маякомъ, равно и плотиной, которая соединяла его съ городомъ. Это повело къ упорному бою на плотинѣ и на островкѣ: Цезарь овладѣлъ послѣднимъ и мѣстечкомъ на немъ и взялъ 600 чел. въ плѣнъ. Но египтяне удержали за собою ближайшую къ городу половину плотины и укрѣпленный замокъ на краю ея со стороны города. Цезарь нѣсколько разъ пытался отнять ихъ, но былъ отраженъ съ большимъ урономъ и при этомъ самъ едва не утонулъ въ морѣ. Судно, на которомъ онъ находился, будучи переполнено спасавшимися, погрузилось въ воду, и онъ былъ принужденъ вплавь спасаться на болѣе отдаленныя суда, въ чемъ однако успѣлъ. Впрочемъ эта не удача не только не лишила его войскъ бодрости, но и еще болѣе возвысила духъ въ нихъ и вообще не имѣла никакихъ невыгодныхъ для Цезаря послѣдствій.

Вслѣдъ затѣмъ къ Цезарю явились изъ города послы съ просьбой отъ народа возвратитъ ему царя его, Птолемѣя, и съ обѣщаніемъ подчиниться рѣшенію послѣдняго, каково бы оно ни было. Хотя Цезарь хорошо зналъ хитрость и коварство египтянъ, однако склонился на ихъ просьбу, надѣясь, что Птолемей удержитъ ихъ въ повиновеніи, хотя эта надежда была совершенно неосновательна, что и доказали послѣдствія. Молодой Птолемей сначала никакъ не хотѣлъ разлучиться съ Цезаремъ и со слезами увѣрялъ его въ своей преданности, но наконецъ согласился—и едва только удался отъ него, какъ обнаружилъ самыя

враждебныя къ Цезарю и римлянамъ чувства и дѣйствія *).

Египтяне вскорѣ увидали, что немного выиграла отъ возвращенія имъ Птолемѣя, тѣмъ болѣе, что узнали о скоромъ прибытіи къ Цезарю сильныхъ подкрѣпленій. Дабы по крайней мѣрѣ перехватывать ихъ на морѣ или не допускать до Цезаря, они,

успѣвъ между тѣмъ снова усилить и снарядить свой флотъ, послали его къ нын. Канану, на Абукирскомъ рейдѣ. Начальникъ Цезарева флота, Неронъ, поспѣшная туда же и слѣдствіемъ этого былъ новый бой, впрочемъ нерѣшительный, въ которомъ храбрый Евфрапоръ лишился жизни.

§ 69.

Прибытіе Митридата пергамскаго съ войсками въ Египетъ;—сраженіе при р. Нилѣ;—сдача Александріи Цезарю и конецъ войны.

Уже 8 мѣсяцовъ (съ половины августа 48 г. до половины апрѣля 47 г.) велъ Цезарь эту несчастную войну, въ которую такъ неожиданно и противъ воли вовлеченъ былъ, когда наконецъ Митридатъ пергамскій съ войсками, собранными имъ въ Малой Азіи (но въ какомъ числѣ — неизвѣстно), прибылъ къ Пелузію, укрѣпленному египетскому городу на границѣ Сиріи, считавшемуся ключомъ Египта. Митридатъ атаковалъ и взялъ его приступомъ и тотчасъ двинулся усиленными переходами къ Мемфису, куда прибылъ на 7-й день, а отсюда внизъ по лѣвому берегу Нила—къ Александріи. По словамъ Гирція Панзы, Митридатъ отъ Пелузіи двинулся къ Александріи, а Птолемѣй и Цезарь, узнавъ объ этомъ, оба въ одно время двинулись изъ Александріи на встрѣчу ему, но какимъ образомъ и какими путями—Гирцій Панза того не объясняетъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Птолемѣй оставилъ часть своихъ силъ въ Александріи противъ Цезаря, а самъ съ главными силами двинулся противъ Митридата. Но какимъ образомъ Цезарь, обложенный въ Александріи, могъ также двинуться туда—непонятно. Наполеонъ I, бывшій самъ въ Египтѣ и Александріи и знавшій хорошо мѣстность въ устьяхъ Нила, объясняетъ это такъ, что Митридатъ двинулся отъ Пелузіи къ Мемфису, куда прибылъ на 7-й день, а

отъ Мемфиса внизъ по лѣвому берегу Нила къ Александріи;—что Птолемѣй съ своею арміею сѣлъ на суда на Нилѣ и соединился съ своими войсками, отступавшими передъ Митридатомъ, почти на высотѣ дельты Нила (т. е. начала развѣтвленія его);—что Цезарь, съ своей стороны, отплылъ съ главными своими силами изъ Александріи моремъ на судахъ къ нын. башнѣ арабовъ (tour des Arabes), къ западу отъ Александріи, высадился тамъ, обогнулъ озеро Наркотесъ, двинулся прямо къ арміи Митридата и соединился съ нею, безъ боя съ Птолемѣемъ, на мѣстѣ расположенія его вдоль канала, проведеннаго изъ Нила, почти на высотѣ нын. Алькама.

Далѣе, по словамъ Гирція Панзы, Птолемѣй сначала выслалъ на встрѣчу Митридату сильный отрядъ войскъ, который былъ опрокинутъ, а затѣмъ самъ двинулся съ главными силами и нѣсколько разъ атаковалъ Митридата, но также былъ отраженъ имъ. Цезарь же, безъ боя соединясь съ Митридатомъ, двинулся противъ лагеря Птолемѣя, не смотря на то, что недалеко отъ него долженъ былъ переходить черезъ рѣку (вѣроятно—тотъ каналъ, о которомъ говоритъ Наполеонъ I). Такъ какъ войска его совершили утомительный переходъ, то онъ отложилъ до слѣдующаго утра атаку лагеря Птолемѣя въ очень крѣпкой и выгодной позиціи. На слѣдующее же утро онъ атаковалъ его главными силами съ фронта, а нѣсколькими когортами въ обходъ съ фланга, чѣмъ и рѣшилъ побѣду. Армія Птолемѣя была разбита и обратилась въ бѣгство на суда, стоявшія на Нилѣ. То изъ нихъ, на которомъ находился Птолемѣй, отъ множества спасавшихся людей на немъ погрузилось въ воду и Птолемѣй утонулъ.

Цезарь немедленно двинулся съ своею конницею къ Александріи. Жители ея вышли на встрѣчу ему со всѣми своими сокровищами, чтобъ умилостивить его, и смиренно просили пощады. Цезарь успокоилъ ихъ и торжественно вступилъ въ городъ чрезъ непріятельскія укрѣпленія, привѣт-

*) Цезарь говоритъ, что Птолемѣй, хотя и очень молодой, увѣрилъ его въ желаніи и надеждѣ своихъ усмирить возстаніе въ Александріи и положить тѣмъ конецъ войнѣ. Но вѣрить въ этомъ Цезарю можно также мало, какъ и ему можно было вѣрить увѣреніямъ Птолемѣя. Tugrin de Crissé полагаетъ, и не безъ вѣроятія, что Клеопатра въ это время уже пріѣхала тайно въ Александрію, дабы лично ходатайствовать за себя передъ Цезаремъ, и что послѣдній освободилъ Птолемѣя съ тою именно цѣлью, чтобы явно даровать свое покровительство Клеопатрѣ, такъ какъ напередъ былъ увѣренъ, что Птолемѣй не сдержитъ своего слова. Словомъ—Цезарь былъ въ этомъ случаѣ коваренъ не менѣе Птолемѣя.

ствуемый, какъ побѣдитель, оставленными имъ въ Александріи войсками своими. Затѣмъ онъ привелъ въ исполненіе завѣщаніе Птолемѣя Авлета такимъ образомъ, что по случаю смерти сына его, Птолемѣя, назначилъ царемъ младшаго малолѣтняго брата его, въ соправительствѣ съ старшею сестрою его Клеопатрою, а младшую сестру

ихъ Арсиною осудилъ на изгнаніе изъ Египта. Два мѣсяца послѣ того онъ оставался въ Александріи, а затѣмъ двинулся въ Сирию съ 6-мъ легиономъ, составленнымъ изъ 1,200 старыхъ ветерановъ, оставивъ всѣ прочія войска свои въ Александріи и Египтѣ, для содержанія ихъ въ порядкѣ и повиновеніи.

§ 70.

З а м ѣ ч а н і я.

Такъ кончилась Александрійская война, продолжавшаяся 9 мѣсяцовъ (съ половины августа 48 г. до половины мая 47 г.). Первые 8 мѣсяцовъ прошли въ наступательно-оборонительныхъ дѣйствіяхъ Цезаря въ Александріи и преимущественно на морѣ, а 9-й мѣсяцъ въ дѣйствіяхъ противъ Птолемѣя въ Александріи, въ полѣ, кончившихся побѣдой въ сраженіи при р. Нилѣ. Слѣдующіе же два мѣсяца Цезарь провелъ въ Александріи, будто бы для устройства дѣлъ Египта, но собственно потому, что предался страсти къ Клеопатрѣ.

Съ самаго начала, прибывъ къ Александріи лишь съ 5 т. войскъ на судахъ, онъ былъ обложенъ въ занятой имъ части города, съ сухаго пути и моря, превосходными числомъ войсками и флотомъ египтянъ. Убѣдясь, что война эта, въ которую онъ былъ вовлеченъ такъ неожиданно, могла быть рѣшена только послѣ сосредоточенія имъ въ Александріи нужныхъ для того сухопутныхъ и морскихъ военныхъ силъ и средствъ, онъ покорился необходимости ждать этого съ терпѣніемъ. А до того времени онъ принималъ всѣ возможныя ему мѣры, сначала чисто оборонительныя, потомъ соединенныя съ наступательными и подъ конецъ преимущественно наступательныя. Но при этомъ главныя дѣйствія происходили не со стороны твердой земли и города, а преимущественно со стороны моря, обѣихъ гаваней, плотины и маяка. Со стороны твердой земли и города значительныхъ дѣйствій не происходило, но на морѣ произошли три важныхъ боя, изъ которыхъ одинъ важнѣйшій въ старой гавани, гдѣ Цезарь, лично предводительствуя своимъ флотомъ, разбилъ египетскій. По своему обыкновению—все дѣлать лично, а не черезъ другихъ, онъ всегда и вездѣ являлся главнымъ дѣятелемъ, и на твердой землѣ и на морѣ, и личнымъ своимъ присутствіемъ и необыкновенною дѣятельностью одушевляя всѣхъ, руководилъ всемъ и всѣми.

Наполсонъ I по поводу Александрійской войны дѣлаетъ слѣдующія замѣчанія:

1) Война эта дала Помпеевой партіи 9 мѣсяцовъ времени усилиться и утвердиться въ Африкѣ и потребовала двухъ новыхъ и трудныхъ походовъ Цезаря, въ этой странѣ и потомъ въ Испаніи, для совершеннаго одолѣнія этой партіи, чего не было бы, еслибы Цезарь, послѣ сраженія при Фарсалѣ, тотчасъ отправился въ Африку, или, если уже послѣдовалъ за Помпеемъ въ Александрію, то по крайней мѣрѣ взялъ бы съ собою 4 или 5 легионовъ, для перевоза которыхъ моремъ не имѣлъ недостатка въ судахъ, или, наконецъ, удовольствовался бы мнимой покорностью Птолемѣя и отложилъ бы отъѣздъ ему на годъ.

2) 5 т. войскъ и 10 судовъ съ 4 т. экипажа были слишкомъ слабы и недостаточны для того, чтобы вести войну съ Египтомъ и покорить такой городъ, какъ Александрію. Но Цезарь имѣлъ двойное счастье—завладѣть дворцомъ, циркомъ или цитаделью и башней съ маякомъ и сжечь египетскій флотъ. Только мѣсяцъ спустя послѣ его прибытія въ Александрію, вступила въ нее египетская армія, прибывшая отъ Челузія, а онъ вскорѣ послѣ того получилъ до 24 морскихъ судовъ съ подкрѣпленіями и запасами. Слѣдовательно во всей Александрійской войнѣ его нѣтъ ничего необыкновеннаго (*merveilleux*), всѣ планы, составленные комментаторами его въ объясненіе этой войны, ложны. Александрія, и тогда, какъ теперь, имѣла двѣ гавани: новую, занятую Цезаремъ, окруженную городскими набережными и входъ въ которую защищала башня съ маякомъ, и старую, занятую александрийцами и образовавшую обширный рейдъ въ видѣ дуги, хорда которой простирается до 6 т. туазовъ (около 5 т. сажень *), а городъ Александрія не занималъ и трети этого протяженія къ западу.

3) Цезарь, въ войнѣ въ Галліи, никогда не означаетъ ни силъ своей арміи, ни мѣстъ, гдѣ онъ сражался; сраженія его не имѣютъ названій; продолжатель его записокъ столько

*) Туазъ=6 ф.=6 ф. 4,7 рус. фуг.=2,7406 рус. аршинъ.

же темень; правда, онъ разсказываетъ, что Митридатъ взялъ Пелузій, но ничего не говоритъ о дальнѣйшемъ движеніи его, а напротивъ находится въ противурѣчій съ современными писателями, которые говорятъ, что отъ Пелузія Митридатъ двинулся къ Мемфису, взявъ его, спустился по лѣвому берегу Нила до Александріи и былъ остановленъ арміею Птолемея, почти на высотѣ Алькама. Поэтому сраженіе было, кажется, на томъ пунктѣ, гдѣ съ Ниломъ соединялся каналъ, слѣды котораго видны еще и теперь. Комментаторъ Цезаря называетъ этотъ каналъ рѣкою, но извѣстно, что въ Египтѣ нѣтъ рѣкъ (кроме Нила), а имѣются только каналы. Историки, по своему обыкновению, оставляютъ насъ въ неизвѣстности о времени сраженія; однако кажется, что оно произошло въ концѣ мая или въ началѣ іюня; въ это время вода въ Нилѣ не совершенно низка, а это заставляетъ предполагать, что армія Митридата прошла чрезъ пустыню въ апрѣлѣ.

Генералъ Лоссау замѣчаетъ, что Египетъ легко могъ содѣлаться гробницею славы Цезаря, еслибы послѣдній усомнился въ своемъ счастьи, т. е., по его понятіямъ, въ самомъ себѣ,—и что не безъ основанія обвинили его также въ томъ, что онъ въ свои позднѣйшія лѣта предался страсти къ Клео-

патрѣ; но что природная нечувствительность его служила ему щитомъ, сквозь который не могло глубоко проникнуть сердечное чувство, и если онъ и имѣлъ мимолетныя минуты слабости, то послѣдствія доказали, что Клеопатра столь же мало, сколько и другіе, могла надолго удержать его въ своей власти.

Но генералъ Лоссау, столь же восторженный и снисходительный почитатель Цезаря, сколько Наполеонъ I, напротивъ, довольно строгій, хотя и справедливый, судья его,—слишкомъ снисходительно судитъ о мимолетныхъ минутахъ слабости его. Для такого человѣка и полководца, какъ Цезарь, поставившаго себя цѣлью быть владыкой обширной римской республики или, по понятіямъ того времени, вселенной, при тогдашнихъ обстоятельствахъ въ Римѣ и его провинціяхъ, наконецъ въ лѣта Цезаря — 53 года, цѣлые два мѣсяца, проведенные имъ въ Александріи, ради страсти къ Клеопатрѣ и страсти вовсе не сердечной, а плотской, ничѣмъ не могутъ быть оправданы, составляютъ не только пятно, но и позоръ для Цезаря и доказываютъ что хотя онъ былъ великій человѣкъ и великій полководецъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и человѣкъ своего, до крайности развращеннаго времени.

§ 71.

Походъ Цезаря противъ Фарнака.

Дѣйствія Фарнака и Домиція въ Малой Азій;—сраженіе при Никополѣ.

Фарнакъ, сынъ Митридата В., въ началѣ 63 г. возмущившій противъ него войска его и провозглашенный ими царемъ, обложившій отца своего въ Пантикапейскомъ замкѣ и тѣмъ заставившій его лишить себя жизни, затѣмъ изъявилъ свою покорность Помпею, который сохранилъ ему за то Восторское царство, за исключеніемъ Фанагоріи *). Когда же, 16 лѣтъ спустя, Фарнакъ увидалъ, что римская республика была раздираема междоусобною войною Цезаря и Помпея, то, по смерти послѣдняго, рѣшился воспользоваться тѣмъ, для возвращенія себѣ всѣхъ владѣній, составлявшихъ нѣкогда обширное царство отца его. Онъ завладѣлъ Колхидой, царствомъ Понтіискимъ, столицею котораго былъ Синопъ, любимое мѣстопробываніе Митридата, и наконецъ напалъ на Малую Арменію и Каппадокію. Царь

первой изъ нихъ—Деіотаръ и второй—Аріобарзанъ просили помощи Цезарева легата Домиція, начальствовавшаго въ Малой Азій. У послѣдняго было 3 легіона, изъ которыхъ 2 онъ, по приказанію Цезаря, послалъ ему въ Египетъ, а у него остался только одинъ 36-й. Поэтому онъ успѣшно набралъ 1 легіонъ въ понтіиское царствѣ, присоединилъ къ нему 2 легіона, набранные Деіотаромъ въ Малой Арменіи и устроивъ ихъ по римски, и собралъ эти 4 легіона при городѣ Команы въ Каппадокіи. Отъ Команъ путь сообщенія съ Малою Арменіею проходилъ чрезъ лѣсистый горный хребетъ. Домицій двинулся вдоль этого хребта и расположился лагеремъ близъ города Никополя. На другой день онъ подступилъ къ Никополю и увидалъ здѣсь армію Фарнака, уже построившую въ боевой порядокъ въ одну линію, но съ тремя резервами позади центра и обонхъ крыль. Домицій началъ укрѣплять свой лагерь въ виду непріятеля и, укрѣпивъ его, расположился въ немъ. Фарнакъ, съ своей стороны, желая протянуть войну и надѣясь, что положеніе Це-

*) Наполеонъ I говоритъ, что Фарнакъ былъ однимъ изъ орудій, которыя послужили Помпею для того, чтобы избавиться отъ Митридата, а въ награду за то, онъ получилъ отъ Помпея царство Восторское.

заря въ Александріи заставитъ Домиція ослабить себя отправленіемъ подкрѣплений ему, прикрылъ оба крыла свои укрѣпленіями. Но нѣсколько дней спустя Домицій двинулся противъ него въ боевомъ порядкѣ. Въ происшедшемъ вслѣдствіе того сраженіи, два легіона Деіотара обратились въ бѣгство, понтійскій легіонъ сражался очень плохо и весь бой выдержалъ только одинъ 36-й легіонъ, но, окруженный со всѣхъ сторонъ, онъ былъ принужденъ отступить въ свой

лагерь. Фарнакъ одержалъ полную побѣду и остался обладателемъ Понта, Малой Арменіи и Каппадокии, а Домицій поспѣшно отступилъ во внутренность Малой Азіи. Фарнакъ въ Понтѣ и Каппадокии поступилъ точно такъ же, какъ нѣкогда его отецъ—приказавъ умертвить или изувѣчить всѣхъ римскихъ гражданъ и захвативъ всѣ ихъ имущества, и возстановилъ царство Митридата во всемъ его объемѣ, въ увѣренности, что Цезарь погибнетъ въ Александріи.

§ 72.

Движеніе Цезаря изъ Египта чрезъ Сирію въ Малую Азію.

Цезарь, прибывъ съ 6-мъ легіономъ въ Сирію, устроилъ дѣла ея, оставилъ въ ней легата и родственника своего, Секста Цезаря, затѣмъ съѣлъ съ 6-мъ легіономъ на суда и переправился моремъ въ Киликію. Здѣсь въ Тарсѣ онъ собралъ представителей части Малой Азіи и также устроилъ дѣла ея. Присутствіе его въ Римѣ было крайне необходимо, онъ зналъ это, но разсудилъ, что прежде, нежели возвратится туда, ему еще болѣе необходимо было смирить Фарнака и вполне обезпечить себя съ этой стороны. Поэтому онъ двинулся съ 4-мя легіонами: 6-мъ, 36-мъ и двумя Деіотаровыми и съ конницей къ Команамъ. Фарнакъ старался умиловить его всякаго рода предложеніями покорности, на что Цезарь объявилъ ему свои условія, на которыхъ соглашался принять ее. Но Фарнакъ вмѣсто того расположился съ своею многочисленною арміею въ сильно-укрѣпленномъ лагерѣ на высотахъ по правую сто-

рону города Зелы, Зилы или Зилей въ Понтѣ (недалеко отъ нын. Амазин, главнаго города Сивасскаго пашалыка въ азіатской Турціи), гдѣ въ 67 г. Митридатъ В. разбилъ на голову римскую армію претора Триарія. Цезарь, отъ Команъ двинувшійся къ Зелѣ, расположился лагеремъ въ 5 миляхъ (7 верстахъ) отъ нея, но нѣсколько дней спустя приблизился къ ней на 1 милю (около 1½ версты). Впереди лагеря Фарнака находилась цѣпь высотъ, а между нею и высотами, на которыхъ былъ расположенъ лагерь Фарнака, простиралась равнина, версты въ 2 шириною. Эта вторая, передняя цѣпь высотъ составляла весьма выгодную позицію. Митридатъ занималъ ее въ 67 с., когда разбилъ Триарія, но Фарнакъ не воспользовался занятіемъ ея. Цезарь, замѣтивъ эту ошибку, ночью занялъ эту цѣпь высотъ и приказалъ своимъ войскамъ укрѣплять на нихъ лагерь.

§ 73.

Сраженіе при Зелѣ.

31 мая на разсвѣтѣ, Фарнакъ, увидѣвъ Цезаря въ такой близости отъ себя и полагаясь на превосходство силъ своихъ, рѣшился немедленно атаковать римскую армію, прежде нежели она успѣла бы укрѣпить свой лагерь. Онъ построилъ свою армію въ боевой порядокъ, въ 4 линіи, имѣя впереди военныя колесницы, спустился на равнину, а изъ нея двинулся на высоты, на которыхъ находилась армія Цезаря. Послѣдній не хотѣлъ вѣрить, чтобы это была дѣйствительная атака, но считалъ наступленіе Фарнака только ложнымъ движеніемъ, съ цѣлію воспрепятствовать укрѣпленію римскаго лагеря. Поэтому онъ только приказалъ 1-й линіи стоять подъ оружіемъ и при-

крывать укрѣпленіе лагеря. Однако вскорѣ приближеніе военныхъ колесницъ, за которыми съ громкими криками слѣдовали всѣ 4 линіи арміи Фарнака, убѣдили Цезаря, что онъ ошибся. Поэтому всѣ войска, занятые укрѣпленіемъ лагеря, должны были покинуть работы, вооружиться и построиться въ боевой порядокъ между 1-ю линію, уже находившеюся въ бою, и между недокопченными лагеремъ. Не успѣли они построиться, какъ 1-я линія уже была прорвана въ срединѣ военными колесницами. Положеніе Цезаря становилось опаснымъ, но, по счастью, 6-й легіонъ, составлявшій правое крыло и хотя состоявшій только изъ 1,200 чел., но старыхъ, опытныхъ и храб-

рыхъ ветерановъ, опрокинуть, послѣ упорнаго боя, лѣвое крыло Фарнака, уже входившее на высоты, и привелъ его въ совершенное разстройство. Отступление его послужило знакомъ общаго бѣгства арміи Фарнака. Цезарь живо и сильно преслѣдовалъ бѣжавшихъ до самаго лагеря ихъ и завладѣлъ имъ и всѣми тяжестями, казною и сокровищами Фарнака. Послѣдній едва успѣлъ спастись и нѣсколько мѣсяцовъ спустя погибъ въ бою противъ одного изъ подвластныхъ ему владѣтелей. Армія его разсѣялась, а Малая Армения, Каппадокія, Понтъ, Восторъ и Колхиды покорились Це-

зарю. Война съ Фарпакомъ была рѣшена однимъ сраженіемъ и Цезарь увѣдомилъ о томъ одного пріятеля своего въ Римѣ тремя словами: *veni, vidi, vici* (пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ), которыя сдѣлались историческими. «Счастливый Помпей!»—сказалъ Цезарь послѣ сраженія при Зелѣ—«вотъ тѣ непріатели, пораженіе которыхъ доставило тебѣ имя Великаго!»—Въ награду Митридату пергамскому за услуги, оказанныя имъ въ Египтѣ, онъ даровалъ ему Восторское царство.

На другой день послѣ сраженія при Зелѣ, онъ поспѣшно отправился въ Римъ, подъ прикрытіемъ отряда конницы.

§ 74.

Дѣйствія въ Иллиріи, Греціи и на морѣ.

Между тѣмъ какъ Цезарь дѣйствовалъ противъ Помпея въ Эпирѣ и Фессаліи, а потомъ противъ египтянъ въ Александріи и Фарпака въ Малой Азіи, приверженцы Помпея, съ своей стороны, дѣйствовали въ Африкѣ, Иллиріи, Греціи и на морѣ. Дѣйствія ихъ въ 48 и 47 годахъ въ Африкѣ, заключавшіяся въ значительномъ усиленіи ихъ въ ней, изображены ниже (§ 77). Дѣйствія же въ Иллиріи, Греціи и на морѣ заключались въ слѣдующемъ:

Иллирія состояла въ то время изъ Панноніи (нынѣшнихъ Австріи и части Венгрии и Сербіи), Либурнии (нынѣшнихъ Истрии и Кроаціи) и Далмаціи, по берегу Адриатическаго моря, простиравшейся до границъ Македоніи и имѣвшей главнымъ городомъ Салону (нынѣ Сплатро). Послѣ сраженія при Фарсалѣ, Помпеевъ легатъ Октавій направился съ частию Помпеева флота къ берегамъ Иллиріи, въ которой находился Цезаревъ легатъ Корнифицій съ 2-мя легіонами. Позже Цезарь, узнавъ, что въ Иллиріи собираются остатки арміи Помпея, послалъ туда легата Габинія съ 2-мя новонабранными легіонами. Послѣдній, потому-ли, что дѣйствовалъ неосторожно, или потому, что войска его не имѣли еще достаточныхъ опытности и твердости, былъ разбитъ иллирійцами и обложенъ ими въ городѣ Саларѣ, гдѣ и умеръ. Октавій, владѣя моремъ, воспользовался пораженіемъ Габинія и покорилъ $\frac{3}{4}$ Иллиріи, такъ что Корнифицій едва могъ удерживаться въ ней. Цезарь, обложенный въ Александріи, не могъ подать ему никакой помощи, но легатъ его Ватиній, начальствовавшій въ Брундизіѣ, посадилъ тамъ на перевозныя суда нѣсколько тысячъ ветерановъ, принадлежав-

шихъ къ 12-ти легіонамъ Цезаря, вышедшихъ послѣ болѣзни изъ больницъ и ждавшихъ случая присоединиться къ своимъ легіонамъ. Выйдя съ ними въ море, подъ прикрытіемъ нѣсколькихъ военныхъ судовъ, онъ встрѣтилъ флотъ Октавія, разбилъ его и завладѣлъ и моремъ, и Иллиріей, а Октавій съ остаткомъ своего флота удалился къ Сициліи.

Въ Греціи легатъ Цезаря Каленъ осадилъ Аѣны, державшія сторону Помпея, и, послѣ упорнаго сопротивленія, овладѣлъ ими. Цезарь помиловалъ аѣнянъ и сказалъ представителямъ ихъ: «Ужели вы, достойные гибели, всегда будете обязаны спасеніемъ только памяти вашихъ предковъ?» Мегара была также осаждена, но сопротивлялась упорнѣе, пока, доведенные до крайности, жители ея выпустили противъ осаждавшихъ множество львовъ, собранныхъ въ городѣ еще Кассіемъ, для отправленія ихъ въ Римъ, гдѣ они должны были служить для боевъ въ циркѣ. Но львы эти бросились на самихъ жителей и многихъ изъ нихъ растерзали. Послѣ того Мегара сдалась и жители ея были проданы въ рабство. Одинъ изъ легатовъ Помпея преградилъ стѣною Коринѣскій перешеекъ, что воспрепятствовало Калену вступить въ Пелопоннесъ. Но послѣ сраженія при Фарсалѣ препятствіе это было устранимо и Каленъ занялъ Пелопоннесъ, а по прибытіи его въ Патры (нынѣ Патрасъ), Катонъ, находившійся въ гавани его съ флотомъ Помпея, удалился къ берегамъ Африки.

Такимъ образомъ въ 47 г. Иллирія, Греція и море уже были совершенно во власти Цезаря.

§ 75.

Цезарь въ Римѣ.

Накопецъ въ іюлѣ 47 г., послѣ почти 2½ лѣтъ отсутствія изъ Рима, Цезарь прибылъ въ него—и давно была пора тому. Съ одной стороны, Римъ продолжалъ быть вполне покорнымъ Цезарю; консулъ назначилъ его, когда онъ былъ въ Александріи, диктаторомъ, а Антонія—его начальникомъ конницы, такъ что въ 47 г., за отсутствіемъ Цезаря, полную власть въ Римѣ имѣлъ одинъ Антоній. Но съ другой стороны, Антоній привелъ всѣхъ въ Римѣ въ соблазнъ и негодование развратомъ, распутствомъ и грабительствами своими. Молодой народный трибунъ Долабелла, стремясь къ извѣстности и славѣ и, подобно Антонію, обремененный долгами, предложилъ народу законъ объ уничтоженіи всѣхъ долговъ. Это привело весь Римъ въ страшное волненіе и произвело въ немъ большіе безпорядки. Къ этому присоединилось еще то, что легіоны, сражавшіеся въ Галліи и Греціи и расположенные вокругъ Рима, не получая обѣщанныхъ имъ наградъ, взбунтовались. 2-й легіонъ отказался отправиться въ Сицилію, а примѣру его послѣдовали и прочіе легіоны. Въ это самое время Цезарь прибылъ въ Римъ и тотчасъ издалъ таксу на недвижимыя имѣнія, которыя чрезвычайно понизились въ цѣнѣ, простилъ всѣ недонмки и проценты долговъ съ самаго начала междоусобной войны, приказалъ продать всѣ имущества своихъ враговъ, употребилъ всевозможныя мѣры для пріобрѣтенія денегъ, и даже имѣнія Помпея были проданы съ публичнаго торга. Ихъ купилъ Антоній, надеясь ничего не заплатить за нихъ, но это возбудило неудовольствіе Цезаря. Сенатъ и народъ изъявили полную готовность исполнять всѣ требованія и повелѣнія Цезаря, и

сверхъ множества почестей, назначенныхъ ему по опредѣленію сената, ему предоставлено было также право объявлять войну и заключать миръ.

Что касается легіоновъ, то они, по прибытіи Цезаря, успокоились, но вскорѣ взбунтовались еще яростнѣе, умертвили всѣхъ частныхъ начальниковъ своихъ, хотѣвшихъ усмирить ихъ, завладѣли своими орлами и двинулись къ Риму, угрожая самому Цезарю. Послѣдній приказалъ затворить городскія ворота, но когда мятежники прибыли на Марсово поле, онъ вышелъ къ нимъ, сѣлъ на трибуну и строто спросилъ ихъ, чего они хотятъ?—«Мы покрыты ранами»—отвѣчали они—«довольно времени уже скитаемся по свѣту и проливаемъ кровь нашу и хотимъ увольненія».—«Даю вамъ его»—коротко и холодно отвѣчалъ Цезарь и затѣмъ прибавилъ, что черезъ нѣсколько недѣль отправится изъ Рима и, побѣдивъ непріятели съ другими, новыми войсками, по возвращеніи дастъ старымъ легіонамъ все, что обѣщалъ имъ. Затѣмъ онъ хотѣлъ удалиться, но легаты упросили его сказать нѣсколько ласковыхъ словъ старымъ боевымъ товарищамъ своимъ, съ которыми онъ преодолѣлъ столько опасностей и пріобрѣлъ столько славы. Цезарь сѣлъ и, противъ своего обыкновенія—называть ихъ товарищами, началъ рѣчь словами: «Граждане...»—Въ войскахъ послышался общій ропотъ: «мы не граждане, а воины»—возразили они. Кончилось тѣмъ, что они просили прощенія и позволенія продолжать службу. Цезарь наконецъ простилъ ихъ, кромѣ бывшаго любимца 10-го легіона своего. Но этотъ легіонъ самъ собою, безъ позволенія Цезаря, послѣдовалъ за нимъ въ Африку *).

§ 76.

З а м ѣ ч а н і я.

Наполеонъ I дѣлаетъ слѣдующія замѣчанія, касательно дѣйствій противъ Фарнака, въ Иллиріи, Греціи и на морѣ:

1) Успѣхъ, одержанный Фарнакомъ надъ Домницемъ, доказываетъ, какая разница была между хорошимъ и дурнымъ войсками. Три легіона (2 арменскіе и 1 понтійскій) ни одной минуты не устояли противъ войскъ Фарнака, а одинъ римскій выдержалъ бой и отступилъ въ порядкѣ.

2) Дѣйствія 6-го легіона, только изъ 1200 старыхъ ветерановъ, въ сраженіи при Зе-

*) Эта сцена рассказывается также нѣсколько иначе. Войска думали, что Цезарь не могъ обойтись безъ нихъ и что, отказавъ ему въ повиновенія, они вынудятъ у него еще большія награды. Но Цезарь не могъ низойти до такой зависимости отъ своихъ войскъ и спросилъ ихъ: «Чего хотите, товарищи?»—«Увольненія»—отвѣчали они.—«Даю вамъ его, граждане»—

лѣ, гдѣ онъ опрокинулъ цѣлое лѣвое крыло Фарнака, точно также доказываютъ, что значить горсть храбрыхъ, хорошо устроенныхъ войскъ.

3) Побѣда Ватинія на морѣ, съ перевозными судами, надъ военными судами Октавія, весьма замѣчательна. Морскія сраженія въ древности были совершенно подобны сухопутнымъ и храбрые римскіе, ветераны, съ мечами въ рукахъ, были почти всегда увѣрены въ побѣдѣ и на морѣ, какъ на сухомъ пути. Это происходило отъ способа постройки и управленія тогдашними морскими военными судами, очень длинными, движимыми посредствомъ веселъ, имѣвшими мало мачтъ, снастей и парусовъ и которыя не могли ни дѣйствовать по вѣтру, ни крейсировать, ни блокировать.

Генераль Лоссау замѣчаетъ, что хотя Цезарь и видѣлъ, что присутствіе его въ Римѣ было крайне необходимо, однако хотѣлъ, прежде нежели устроить внутреннія дѣла республики, привести дѣла въ Малой Азіи въ такое положеніе, чтобы въ этой странѣ было полное спокойствіе и особенно не было поводовъ къ междоусобной войнѣ, чтобы народы въ этой странѣ вполне уважали римскіе законы и въ тоже время не имѣли опасенія со стороны внѣшнихъ враговъ. Въ Сиріи, Киликіи и Малой Азіи достигнуть

возразилъ Цезарь. Это названіе граждане, такъ огорчило ихъ, что они тотчасъ раскаялись и просили прощенія. Твердость его изумила, а холодность его опечалила ихъ; но Цезарь послѣ вторичной, убѣдительной просьбы ихъ даровалъ имъ прощеніе. Вѣроятноже однако то, что онъ съ самаго начала назвалъ ихъ не товарищами, а гражданами.

этого было не такъ трудно, какъ въ Понтѣ, гдѣ Фарнакъ разбилъ Доміція и завладѣлъ чужими областями. Устроивъ дѣла Сиріи, Киликіи и Малой Азіи, Цезарь двинулся въ Понтъ съ 4-мя легіонами, изъ которыхъ только одинъ 6-й римскій былъ вполне надежный, слѣдовательно силы его были очень незначительны. Встрѣтивъ пословъ Фарнака, присланныхъ имъ съ предложеніями и увѣреніями въ его покорности, Цезарь потребовалъ, чтобы онъ доказалъ это немедленнымъ очищеніемъ Понта, освобожденіемъ взятыхъ въ плѣнъ римскихъ гражданъ и возвращеніемъ всѣхъ отнятыхъ у нихъ имуществъ. Фарнакъ обѣщалъ все это исполнить, надѣясь, что Цезарь удовольствуется его обѣщаніями и поспѣшитъ въ Римъ, а потому медлилъ исполненіемъ обѣщаннаго. Тогда Цезарь положилъ какъ можно скорѣе рѣшить дѣло силою оружія—и рѣшимость его исполнить это съ своими малочисленными и малонадежными силами, противъ многочисленной арміи Фарнака, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Она доказываетъ, что Цезарь презиралъ многочисленность *варварскаго*, азіятскаго войска Фарнака и полагался не на свою небольшую армію или лучше сказать на одинъ 6-й легіонъ, но на самого себя, и на этомъ довѣріи его къ себѣ, на его волѣ, опытности и присутствіи духа именно и была основана его рѣшимость. Она проявляетъ поэтому такую черту характера Цезаря, которую не слѣдуетъ упускать изъ виду. Не въ его духѣ вообще было въ подобныхъ случаяхъ стремиться къ цѣли слабо и вяло, и по словамъ Гирція Панзы, если онъ обыкновенно по склонности, то противъ Фарнака по необходимости—искалъ рѣшенія войны силою оружія.

ГЛАВА XI.

3-Я РИМСКАЯ МЕЖДУУСОБНАЯ ВОЙНА

ЦЕЗАРЯ СЪ ПОМПЕЕМЪ И ПОТОМЪ СЪ ЕГО ПАРТІЕЙ (49—45).

(Продолженіе).

III.

Африканская война (47—46).

§ 77. Раздѣленіе Африки; — силы и планъ приверженцовъ Помпея въ ней. — § 78. Переправа Цезаря въ Африку и дѣйствія его въ ней при Руспинѣ. — § 79. Дѣйствія Цезаря въ Африкѣ при Руспинѣ и Уцитѣ. — § 80. Движеніе Цезаря и Сципіона къ Тапсу. — § 81. Сраженіе при Тапсѣ и результаты его. — § 82. Замѣчанія.

Источники и историческія пособія — указанныя выше.

§ 77.

Раздѣленіе Африки; — силы, расположеніе ихъ и планъ дѣйствій Сципіона въ ней.

Древнимъ была извѣстна только сѣверная часть Африки или Ливія въ обширномъ смыслѣ слова. Они обыкновенно раздѣляли ее на обитаемую, обильную звѣрями и пустынную. Первая простиралась отъ Средиземнаго моря до горнаго хребта Атласа, вторая — отъ Атласа до пустыни Сахары, изобиловавшая только дикими звѣрями, и наконецъ третья — къ югу отъ Сахары, состоявшая изъ бесплодныхъ, песчаныхъ степей, среди которыхъ изрѣдка встрѣчались небольшія пространства плодородной почвы и растительности, называемыя оазисами или оазами. Малоизвѣстныя страны еще далѣе къ югу носили общее названіе Эѳіопіи. Въ сѣверной или обитаемой Африкѣ заключались:

1) Мавританія (Mauretania, нынѣ Марокко, Фесъ и западная часть Алжирской области), раздѣлявшаяся на западную или

Мавританію Тингитанскую (Tingitana) отъ береговъ океана до р. Малун, и на восточную или Цезарійскую (Caesariensis), заключавшую въ себѣ страну массецианъ. Въ Мавританіи были горы — Большой и Малый Атласъ; рѣки — на западѣ Малуя, Ликъ, Субуръ, Сала, Куса или Апатисъ и Оалуда, а на востокѣ — Сига (нынѣ Тафна), Картенъ и мн. др.; — города: на западѣ — Тингисъ (нынѣ Тангеръ), Зилія и Ликса; на востокѣ — Ховатъ (н. Бу-жія), Сальды, Икасіонъ (кажется н. Оранъ), Гюль, позже Цезарея (нынѣ Алжиръ), и Сига, столица Сифакса, — а во внутренности страны — Ламида (н. Медя), Бида (н. Блуда) и Ситифисъ.

2) Нумидія (Numidia), нынѣшняя Алжирская область, раздѣлялась р. Амисагою на западную, въ которой обитали массециане (см. выше) и восточную или соб-

ственную Нумидію (*Numidia propria*), называемую у римлянъ новою, въ которой обитали масспліане. Въ Нумидіи были города: Цирта (н. Константина), столица, Иппонъ царскій (*Hippo regius*, недалеко отъ н. Бонны), Зама, Тагаста и Мадура.

3) Гэтулія (*Gastulia*), къ югу отъ Мавританіи и Нумидіи, страна малозвѣстная; въ ней были: рѣки Нигеръ, Гиръ и Дарадъ (н. Сенегаль), поселенія: Магура при Дарадѣ, Перифосійская гавань (*Perifosius portus*), на югѣ Пессадійскаго мыса, а по теченію Нигера Пессиде (н. Томбукту).

4) Собственная или бывшая Карѳагенская Африка (*Africa propria vel Carthaginensis*), раздѣлявшаяся на Зевгитанскую (*regio Zeugitanis*), Бизаценскую (*regis Bisacena*) и Сиртскую (*regio Syrtica*). Въ Зевгитанской или собственно Карѳагенской, вдоль берега Средиземнаго моря, отъ Малаго Сирта до Нумидіи, были многіе приморскіе города—бывшія финикійскія и греческія колоніи, и изъ нихъ главный Карѳагенъ, затѣмъ Утика, Тунесъ (н. Тунисъ), Асписъ или Клипеа, откуда производилась переправа въ Сицилію, Неаполь и Афродисій. Въ Бизаценской Африкѣ (н. Тунисъ), принадлежавшей Карѳагену, были города Адруметъ (*Hadrumetum*), Тапсъ или Тапсусъ (*Thapsus*), Руспина, а къ югу отъ нея Башня Аннибалова (*Turris Hannibalis*). Въ Сиртской Африкѣ (н. Триполь) были рѣки Трипонъ и Циннисъ, города Автомаха, Неаполь или Большая Лепта (*Leptis magna*), Эа (Оеа, н. Триполь) и Цидамъ.

5) Ливія (*Lybia*)—въ обширномъ смыслѣ вся Африка, въ болѣе тѣсномъ страна между Сиртомъ и Египтомъ и въ самомъ тѣсномъ одинъ Ливійскій округъ, сопредѣльный Египту.

6) Египетъ: Нижній или Дельта Нила, Средній или Гептаноміда, отъ раздѣленія Нила на 7 рукавовъ вверхъ до Оивъ, и Верхній или Оиванда.

и 7) Эѳіопія (*Aethiopia*), къ югу отъ Египта до Индійскаго моря (нынѣ Нубія, Абиссинія, Адель и пр.).

Рѣки и города Ливіи, Египта и Эѳіопіи здѣсь не означаются, такъ какъ эти три страны были внѣ круга дѣйствій Африканской войны.

Сверхъ того въ Средиземномъ морѣ, близъ береговъ Африки находились, отъ востока къ западу острова: Мелита (нынѣ Мальта), Коссира между Африкой и Сициліей, Церцина съ городомъ того же имени и Менинксъ, оба въ заливѣ Малаго Сирта, и другіе въ Атлантическомъ океанѣ.

Римляне, по взятіи и разрушеніи Карѳагена, обратили бывшія владѣнія его въ римскую провинцію Африку, подъ управленіемъ претора въ Утикѣ. Въ Мавританію они проникли только позже, при императорѣ

Клавдіѣ. Въ 48 и 47 гг. римская провинція Африка оставалась во власти и подъ управленіемъ Помпеева легата Вара. Въ Нумидіи царствовалъ Юба, приверженецъ Помпея. Послѣ сраженія при Фарсалѣ, Метеллъ Сципіонъ перевезъ остатки Помпеевой арміи въ Африку. Туда же послѣдовалъ и Лабіенъ. Катонъ во время сраженія при Фарсалѣ начальствовалъ въ Диррахіѣ, а послѣ того удаленъ съ флотомъ въ Патры, въ Пелопоннесѣ, а оттуда къ Циренѣ, на берегахъ Африки. Изъ Цирены онъ съ 10 т. войскъ въ 30 дней прошелъ черезъ пустыню Большаго Сирта, везя воду на ослахъ. Зимой онъ провелъ въ Лептисѣ или Лептѣ, гдѣ соединился съ Сципіономъ, Варомъ, Лабіеномъ и сыновьями Помпея. Юба, какъ царь, признавалъ себя выше ихъ всѣхъ. Катонъ былъ преторомъ въ Утикѣ. Сципіонъ, какъ бывшій прежде консуломъ, былъ признанъ главнымъ начальникомъ войскъ. Въ 47 г. онъ имѣлъ всего 10 легіоновъ, много легкихъ пѣшихъ войскъ и многочисленную конницу. У Юбы было 4 легіона, вооруженныхъ и устроенныхъ по римски и многочисленная нумидійская конница. Сверхъ того при арміи было 120 обученныхъ и вооруженныхъ слоновъ. Сципіонъ имѣлъ также большой флотъ и владѣлъ моремъ близъ береговъ Африки и Сициліи. Всѣ вообще сухопутныя и морскія военныя силы были такъ значительны и грозны, что враги Цезаря въ Италиі даже ожидали прибытія въ нее Сципіона. Вотъ до чего усилилась въ Африкѣ партія Помпея въ 49, 48 и 47 гг. и до чего Цезарь допустилъ ее усилиться, особенно послѣ сраженія при Фарсалѣ! Три года постепеннаго усиленія ея въ Африкѣ изгладили изъ памяти пораженіе при Фарсалѣ, и судьбы римской республики еще могли бы измѣниться, еслибы противъ приверженцовъ Помпея не былъ Цезарь, а противъ Цезаря былъ не Сципіонъ, громкій именемъ, но безъ военныхъ дарованій. Съ тѣмъ превосходнымъ числомъ, сухопутными и морскими военными силами, которыя онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи, онъ могъ бы съ успѣхомъ и выгодой переправиться въ Сицилію и изъ нея въ Италію, въ то время, когда Цезарь находился въ Александріи и Малой Азіи. Этимъ Сципіонъ могъ бы чрезвычайно повредить ему и даже сдѣлать ему переправу въ Африку невозможною, а между тѣмъ сохранить неприкосновенною эту страну, составлявшую главное основаніе дѣйствій его, Сципіона. Въмѣсто того, онъ и всѣ его сподвижники, ложно понимая свое положеніе въ отношеніи къ Цезарю и римской республикѣ и имѣя невѣрный взглядъ на него, избрали совершенно другой способъ дѣйствій, именно—оборонительный въ Африкѣ. При этомъ Сципіонъ хотѣлъ: 1) лишить Цезаря всѣхъ способовъ продовольствованія въ открытомъ

полѣ, а для себя собрать продовольственные запасы въ городахъ, и 2) привести всѣ приморскіе города въ оборонительное состояніе. Но при этомъ ему слѣдовало бы постоянно владѣть моремъ и отрѣзывать на немъ Цезарю всѣ подвозы. Привести же всѣ приморскіе города въ оборонительное состояніе было почти невозможно и только раздробило бы силы Сципіона. Притомъ большая часть приморскихъ городовъ, особенно Утика, были преданы Цезарю. Сципіонъ даже не озаботился взятіемъ заложниковъ въ вѣрности городовъ. Такимъ образомъ мѣры, принятыя Сципіономъ, были не иное что, какъ посредственные и перѣшпительныя полумѣры, не обѣщавшія особеннаго успѣха противъ такого полководца, какъ Цезарь. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о распредѣленіи Сципіономъ войскъ. Съ главными силами онъ расположился въ окрестностяхъ Утики, т. е. въ серединѣ страны, которую онъ хотѣлъ оборонять, и этимъ расположеніемъ прикрывалъ склады. Многіе же сильныя, отдѣльныя отряды, подъ начальствомъ легатовъ Афранія, Петреія и другихъ, онъ выдвинулъ къ берегамъ моря,

такъ что они находились въ связи между собою и могли, въ случаѣ надобности, соединяться. Кромѣ того, вся легкая конница наблюдала за морскими берегами, на всемъ протяженіи ихъ. Такого рода расположеніе силъ само по себѣ было цѣлесообразно и было бы удовлетворительно, еслибы легкая конница наблюдала за берегами съ величайшею бдительностью и вообще еслибы развѣдывательная и охранная служба исполнялась ею строгимъ образомъ. Но послѣдствія доказали, что этого-то именно и не было. Притомъ Сципіонъ раздѣлилъ свой флотъ на нѣсколько эскадръ и только сильнѣйшую изъ нихъ назначилъ для наблюденія за берегами Сициліи. Между тѣмъ наблюденіе за непріятельскими берегами должно было быть главнымъ и важнѣйшимъ предметомъ, а вдоль африканскихъ береговъ наблюдательную службу должны бы были исполнять легкія суда въ достаточномъ числѣ.

При такихъ силахъ, распредѣленіи ихъ и планѣ дѣйствій Сципіона, образъ дѣйствій Цезаря противъ него представляетъ большую занимательность.

§ 78.

Мѣры Цезаря, переправа его въ Сицилію и Африку и оборонительныя дѣйствія его при Руспинѣ.

Возстановивъ спокойствіе въ Римѣ, укомплектовавъ старые легіоны и набравъ нѣсколько новыхъ, Цезарь приказалъ напять и снарядить въ гаваняхъ Италіи перевозныя суда, двинулъ войска къ сборному пункту—Лилибею въ Сициліи, откуда до мыса Меркурія (нынѣ Бонъ) въ Африкѣ было около 24 миль (около 34 верстъ) и куда онъ и самъ прибылъ 30 сентября 47 г. Въ переплывъ скорѣе посадить войска на суда, онъ приказалъ тотчасъ посадить на нихъ находившійся въ Лилибей новонабранный легіонъ съ 600 чел. конницы. А для того, чтобы имѣть личный надзоръ за этимъ и показать, какую особенную цѣну онъ придавалъ тому, хотя вѣтеръ былъ противный и вообще время года для мореплаванія было не совсѣмъ благопріятное, онъ приказалъ разбить свою ставку у самаго края моря и не позволялъ никому сходить съ судовъ на берегъ. Между тѣмъ каждый день подходили и военныя и перевозныя суда и легіоны, и когда Цезарь собралъ и посадилъ на суда 6 легіоновъ и 2 т. конницы, то приказалъ имъ плыть впередъ къ острову Апоніана (н. Favagnana), одному изъ Эгатскихъ, и ждать тамъ прибытія другихъ судовъ изъ всѣхъ гаваней Сициліи. Затѣмъ, давъ претору Сициліи нужныя приказанія о перевозѣ осталь-

ныхъ войскъ, онъ самъ отправился 8 октября къ о. Апоніана и оттуда со всѣми судами и войсками на нихъ прямо къ мысу Меркурію. Переездъ туда не былъ благополученъ: осенніе равноденственные, противные вѣтры разсѣяли флотъ Цезаря до такой степени, что онъ потерялъ изъ виду почти всѣ перевозныя суда и сохранилъ при себѣ только нѣсколько военныхъ. На бѣду онъ на этотъ разъ не далъ начальникамъ эскадръ, какъ обыкновенно дѣлалъ, письменныхъ приказаній, куда имъ направляться, потому что самъ не зналъ расположенія непріятеля на берегахъ Африки и не могъ назначить общаго сборнаго пункта на нихъ. Однако наконецъ подулъ попутный вѣтеръ и черезъ 4 сутокъ Цезарь увидалъ мысъ Тафитисъ (Taphitis), къ юговостоку отъ мыса Меркурія. Не признавъ удобнымъ высадиться здѣсь, онъ направился вдоль берега къ югу и сталъ на время на якорь противъ гавани Герклы или Адрумета, дабы собрать тутъ свои суда. Развѣдавъ берегъ и не найдя на немъ непріятеля, онъ рѣшился высадиться тутъ. При немъ было всего только 3 т. чел. пѣхоты и 150 конницы, которые и были высажены благополучно, хотя въ Адруметѣ были 2 Сципіоновы легіона (10 т.) подъ начальствомъ Консидія,

а на берегу вскорѣ показался Кпейй. Визо съ 3 т. мавровъ и городской конницы. Цезарь расположился лагеремъ противъ Адрумета и укрѣпился — безъ всякаго препятствія со стороны непріятеля. Онъ произвелъ лично обозрѣніе мѣстности вокругъ Адрумета, Консидій же не только не атаковалъ войскъ его, но, вѣроятно считая ихъ очень сильными числомъ, самъ принялъ оборонительныя мѣры. Таковы были противники Цезаря, встрѣченные имъ съ перваго шага его въ Африкѣ! Тѣмъ не менѣе высадка Цезаря была дѣломъ очень отважнымъ, а положеніе его очень труднымъ и даже опаснымъ, особенно въ первую ночь по высадкѣ. Ни одного изъ судовъ разсѣяннаго флота его еще не было видно. Не смотря на то, ему необходимо было имѣть надежную гавань и убѣжище для своего флота и потому онъ рѣшился двинуться вдоль берега далѣе къ югу, въ надеждѣ найти тамъ преданныя ему города и менѣе непріятельскихъ войскъ. Консидій вышелъ изъ Адрумета и послѣдовалъ за нимъ съ пѣхотой и конницей. Цезарь остановилъ свои войска и высланная имъ конница опрокинула мавританскую, такъ что Консидій отступилъ обратно въ Адруметъ, а Цезарь продолжалъ свое движеніе. Многіе города и поселенія снабдили его продовольствіемъ и изъявили ему преданность свою. 2 января 46 г. по римскому календарю или 15 октября 47 г. по теперешнему онъ дошелъ до города Лептиса или Лепты въ 2 миляхъ (около 3 верстъ) отъ города Руспинны. Городъ Лепта не былъ занятъ непріятелемъ и жители его приняли Цезаря очень радушно. Послѣдній расположился лагеремъ близъ города и сюда наконецъ прибыла большая часть его перевозныхъ судовъ и нѣсколько военныхъ, съ извѣстіемъ, что остальные суда вѣроятно отправились отыскивать его около Утики. Вслѣдствіе того онъ положилъ не удаляться отъ морскаго берега и послалъ 10 военныхъ судовъ собрать остальные разсѣянныя суда и, подъ своимъ прикрытіемъ, привести ихъ къ нему. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ принялъ строгія мѣры, чтобы войска его отнюдь не выходили изъ лагеря внутрь страны. Когда высадка была совершенно окончена, онъ послалъ нѣсколько судовъ въ Сардинію и ближайшія провинціи, съ приказаніемъ правителямъ ихъ немедленно прислать ему войскъ и продовольствія; другія отправилъ въ Сицилію для перевоза остальныхъ войскъ; наконецъ поручилъ претору Саллустію овладѣть непріятельскими складами на о. Цердиніи; все это онъ приказалъ исполнить съ величайшими дѣятельностью, поспѣшностью и точностью. Самъ же онъ положилъ занять Лепту и Руспинну и даже, въ случаѣ надобности, оборонять ихъ до сбора всего флота. Сципіонъ, какъ онъ узналъ,

находился въ то время еще въ Утикѣ, въ 24 миляхъ (около 34 верстъ) отъ него.

Оставивъ въ Лептѣ Сарсену съ 6 когортами, съ остальными войсками (9 т.) онъ занялъ Руспинну и на другой день произвелъ большую фуражировку и привезъ въ городъ большое количество зерна и сѣна.

Чрезвычайно озабочиваясь однако объ остальныхъ судахъ своего флота, онъ оставилъ въ Руспинѣ П. Сарсену (брата того, котораго оставилъ въ Лептѣ начальникомъ войскъ), а самъ съ 7 когортами отборныхъ ветерановъ двинулся къ одной гавани по близости, гдѣ ввечеру одинъ, безъ войскъ, тайно отправился моремъ для отысканія судовъ своего флота. Но, къ счастью для него, почти всѣ эти суда (за исключеніемъ немногихъ) на другой же день прибыли къ Руспинѣ. Высаженные съ нихъ войска Цезарь немедленно ввелъ въ Руспинну и приказалъ устроить укрѣпленный лагерь между городомъ и моремъ. Если съ одной стороны онъ былъ успокоенъ сборомъ своихъ судовъ и войскъ, то съ другой стороны былъ очень затрудненъ и озабоченъ добываніемъ продовольствія. На сухомъ пути край былъ истощенъ непріятельскою пререгулярною конницей, а съ моря въ эту пору года было трудно получать подвозы. Поэтому положеніе Цезаря было, хотя и лучше прежняго, но все еще не вполне обезпечено.

Когда лагерь былъ совершенно укрѣпленъ и войска расположены въ немъ, Цезарь снова предпринялъ съ 30 когортами большую фуражировку. Но на этотъ разъ, совершенно неожиданно для него, непріятель преградилъ ему путь.

Сципіонъ, получивъ отъ Консидія извѣстіе о высадкѣ Цезаря, тотчасъ началъ собирать свою армію, въ чемъ успѣлъ однако не ранѣе какъ черезъ три дня, такъ какъ она была расположена на большомъ протяженіи края, а отъ того пункта, гдѣ она собралась, ей нужно было пройти еще около 20 миль (28 верстъ). Впереди шелъ Лабіенъ, съ частію пѣхоты, 1,600 чел. галльской и 8 т. нумидійской конницы, а Петрей, Афраній и др. слѣдовали за нимъ. Вся армія Сципіона состояла изъ 40 т. чел. тяжелой и легкой пѣхоты, большаго числа стрѣлковъ и пращниковъ, 8 т. чел. нумидійской и 1,600 чел. галльской и германской конницы, перевезенныхъ Лабіеномъ въ Африку послѣ сраженія при Фарсалѣ, и кромѣ того 1,100 чел. конницы Петрея, слѣдовательно болѣе нежели изъ 50 т. войскъ. Лабіенъ уже предрекалъ Цезарю участь Куріона и умѣлъ такъ скрыть свое движеніе, что Цезарь ничего не зналъ о немъ и не успѣлъ еще пачать свою фуражировку и даже отойти на $\frac{1}{4}$ мили отъ своего лагеря, какъ получилъ отъ передоваго отряда своего извѣстіе о приближеніи непріятеля. Мѣстность,

гдѣ онъ находился, образовала равнину, окруженную горами. Онъ думалъ, что противъ него шла только нумидійская конница и хотѣлъ продолжать свое движеніе, приказавъ только присоединиться къ нему изъ лагеря конницѣ съ нѣсколькими сотнями стрѣлковъ. Но, развѣдавъ лично непріятеля и увидавъ его силу, онъ остановилъ свои когорты и приготовился къ бою. Лабіенъ развернулъ свои войска такъ, что линія ихъ была значительно длиннѣе линіи войскъ Цезаря. Имѣя въ виду охватить послѣдняго съ обоихъ фланговъ, онъ поставилъ часть своей нумидійской конницы между пѣхотой, а другую часть на флангахъ вмѣстѣ съ тяжелою конницею, всѣ роды войскъ въ глубокомъ строѣ.

Цезарь, по малочисленности своихъ войскъ, могъ построить ихъ только въ одну линію, пѣхоту въ серединѣ, а конницу по флангамъ, примыкая лѣвымъ флангомъ (а Лабіенъ правымъ) къ ряду холмовъ.

По сближеніи обѣихъ сторонъ, пѣхота Цезаря двинулась противъ непріятеля и отразила нумидійцевъ, бывшихъ между пѣхотой Лабіена, но они тотчасъ же обратились назадъ и пошли снова въ атаку. Между тѣмъ на обоихъ флангахъ конница Цезаря была принуждена уступить конницѣ Лабіена, тѣсно примкнувъ къ пѣхотѣ, а всѣ вообще войска Цезаря — построиться фронтомъ во всѣ стороны и продолжали бой, но еще не въ рукопашную. Положеніе Цезаря было крайне трудное и опасное, такъ что онъ ежеминутно ожидалъ быть совершенно окруженнымъ и видѣть строй свой прорваннымъ. Но въ эту опасную минуту онъ, съ необыкновеннымъ присутствіемъ духа, приказалъ исполнить одну эволюцію, которая спасла его и рѣшила участь боя въ его пользу. Именно—онъ приказалъ 3-мъ среднимъ шеренгамъ когорты праваго фланга сдѣлать поворотъ на право, а лѣваго — на лѣво, и двинуться, первымъ на право, а вторымъ на лѣво, дабы удлиннить линію фронта. Въ то же время конницѣ на обоихъ флангахъ онъ приказалъ прогнать нумидійцевъ и тѣмъ прикрыть означенныя выше движенія пѣхоты, затѣмъ прогнать и нумидійцевъ передъ фронтомъ своей линіи и построиться передъ когортами, съ интервалами для прохода пѣхоты, въ шахматномъ порядкѣ. Когда все это было исполнено, какъ спереди, такъ и сзади, со всею возможною скоростью, тогда обѣ линіи, разомъ бросились бѣгомъ на непріятеля и обратили его въ бѣгство. При этомъ должно быть, что правый флангъ Цезаря ранѣе или сильнѣе атаковалъ непріятеля, потому что послѣдній уклонилъ свой лѣвый флангъ и отвелъ его къ ряду холмовъ, къ которому примыкалъ его правый флангъ *). Результатомъ этого жаркаго боя

(произшедшаго 4 января 46 г. по тогдашнему календарю или 17 октября 47 г. по юліянскому) было то, что войска Лабіена отступили послѣдственно на рядъ холмовъ вправо отъ нихъ, а Цезарь преслѣдовалъ ихъ только до этихъ холмовъ и затѣмъ отступилъ въ свой лагерь при Руспинѣ, успѣшно отразивъ послѣдовавшаго за нимъ Лабіена. Если принять во вниманіе, что наканунѣ этого боя онъ хотѣлъ отправиться въ море для отысканія остальныхъ судовъ своего флота, но не исполнилъ этого потому, что суда эти въ то же самое время прибыли къ нему, то нельзя не признать этого особеннымъ счастьемъ для него. Еслибы Лабіенъ атаковалъ его войска въ его отсутствіи, то, въ случаѣ пораженія ихъ, могъ поставить его въ отчаянное положеніе. Счастьемъ для Цезаря было и то, что онъ успѣлъ отразить превосходныя силы Лабіена, но странно и непонятно, какъ могъ онъ ничего не знать, ни о силахъ Сципіона, ни о наступленіи его и Лабіена въ превосходныхъ силахъ, почему и наткнулся на послѣдняго совершенно неожиданно.

Лабіенъ отступилъ къ Адрумету, на соединеніе съ приближавшимся туда Сципіономъ. На холмахъ, окружавшихъ лагерь на значительномъ разстояніи, онъ расположилъ отряды легкой конницы, дабы перехватывать подвозы продовольствія изъ внутреннихъ краевъ. Главною цѣлю Сципіона было напасть на Цезаря со всѣми своими силами и разбить его еще прежде, нежели онъ успѣлъ бы утвердиться при Руспинѣ. Но ему слѣдовало бы исполнить это гораздо ранѣе и скорѣе, потому что Цезарь успѣлъ уже укрѣпиться и собрать армію и флотъ свой при Руспинѣ. Не отваживаясь выступить въ поле съ своею арміей, силы которой не простирались еще даже до 30 т. войскъ, Цезарь укрѣпилъ свой лагерь какъ можно сильнѣе, соединивъ его съ Руспиной и съ моремъ укрѣпленными линіями, съ башнями на нихъ, и принялъ всѣ возможные мѣры для отраженія атаки Сципіона. Между прочимъ онъ образовалъ изъ гребцовъ и воиновъ судовъ флота отрядъ легкой пѣхоты, перевезъ съ нѣкоторыхъ лишнихъ судовъ военныя машины на валы укрѣпленій, учредилъ разнаго рода мастерскія, послалъ въ Сципію за разными необходимыми ему потребностями и пр., словомъ—не пренебрегъ никакими, даже малѣйшими, мелочами и лично входилъ во все. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ въ строгости соблюдалъ всю лагерную и особенно караульную службу. Только продовольствованіе войскъ очень озабочивало его, потому что на морѣ было множество

въ его запискахъ очень темно и неудобопонятно, не смотря на всѣ старанія Гипшара разъяснить его. Должно быть, что войска Лабіена слишкомъ растянулись и разорвались и не могли выдержать удара старыхъ римскихъ когортъ въ тѣсно сомкнутомъ строѣ.

*) Изложеніе всѣхъ этихъ эволюцій Цезаря

Сципіоновыхъ судовъ, которыя перехватывали подвозы его изъ Сициліи. Онъ старался помочь тому употребленіемъ запасовъ продовольствія купцовъ Руспинны, но это не могло надолго обезпечить продовольствованія арміи.

Между тѣмъ Сципіонъ прибылъ наконецъ къ Адрумету, но остался при немъ 2 сутокъ, а затѣмъ соединился съ Лабіеномъ и Петреіемъ и на другой день прибылъ на равнины Руспинны. Кажется, что онъ призналъ слишкомъ отважнымъ атаковать лагерь Цезаря и предпочелъ обложить его и принудить Цезаря покинуть его по недостатку въ продовольствіи, словомъ—сдѣлать то, что Цезарь сдѣлалъ противъ Помпея при Диррахіѣ. Но онъ нѣсколько не исполнилъ того, чего отъ него можно и должно было ожидать. Во-первыхъ онъ расположился на разстояніи болѣе одной мили (около 1½ версты) отъ Руспинны, а потомъ не занялъ многихъ пунктовъ, занятіемъ которыхъ могъ вполнѣ обложить лагерь Цезаря и отрѣзать ему сообщенія съ внутренностью края, и не соблюдалъ въ строгости лагерной и полевой службы, особенно между нерегулярною, легкою конницею своею, которая очень плохо исполняла свои обязанности.

Цезарь же, напротивъ, употреблялъ всѣ возможные средства для того, чтобы вредить непріятелю. Съ этою цѣлю, онъ привлекъ къ себѣ одного бывшаго римскаго частнаго военнаго начальника, именемъ Сидія (Sitius), замѣшаннаго въ заговоръ Катпины, бѣжавшаго въ Африку, собравшаго въ ней толпу вооруженныхъ сельскихъ жителей и служившаго съ ними за деньги мелкимъ владѣтелямъ края. Сидій уговорилъ мавританскаго царька Бокха (Bocchus) вторгнуться въ Нумидію, дабы принудить тѣмъ Юбу отдѣлаться отъ Сципіона. Это имѣло желанный успѣхъ: Юба дѣйствительно воротился въ Нумидію, оставивъ Сципіону только 30 слоновъ. Этимъ армія Сципіона была ослаблена, хотя все еще превосходила силами Цезареву. Кромѣ того, Цезарь послалъ во всѣ важнѣйшіе города края окружныя посланія съ извѣщеніемъ, что онъ при-

былъ къ Руспинѣ лично съ арміей, а не одинъ только легать его съ отрядомъ, какъ сначала ходили слухи. Это произвело общее и выгодное впечатлѣніе и побудило многихъ почетнѣйшихъ жителей края отправиться въ лагерь Цезаря, увѣрить его въ своей преданности и заявить, что только страхъ Сципіона удерживалъ ихъ открыто объявить себя въ пользу его, Цезаря, такъ какъ край былъ истощенъ и жестоко разоренъ непріателемъ. Наконецъ, Цезарь послалъ еще повѣи и настоятельныя приказанія прислать ему столько войскъ, сколько можно было собрать.

Между тѣмъ Сципіонъ каждый день выводилъ свою армію изъ ея лагеря и снова вводилъ въ него, такъ какъ Цезарь не обращалъ на это никакого вниманія и былъ такъ увѣренъ, что Сципіонъ не атакуетъ его, что однажды, когда послѣдній подступилъ къ самому лагерю его, онъ даже не вышелъ изъ своей ставки. Лабіенъ пытался было напасть на Ленту, но былъ отраженъ, потому что гарнизонъ былъ на сторожѣ, а городъ хорошо укрѣпленъ.

На сторону же Цезаря каждый день стали переходить многіе города, примѣръ которымъ подалъ городъ Ахилла. Такъ какъ послѣдній былъ очень выгоденъ для Цезаря во многихъ отношеніяхъ, то онъ и занялъ его войсками подъ начальствомъ Мессія, предупредивъ въ томъ же Консидія. Даже въ самомъ лагерѣ Сципіона онъ имѣлъ лазутчиковъ и къ нему переходило много переметчиковъ.

Наконецъ въ исходѣ января, къ нему благополучно прибыли моремъ, сначала — преторъ Саллустій съ запасами продовольствія, собранными на о. Церцинѣ, а потомъ — Алиенъ съ 2-мя легіонами (13-мъ и 14-мъ), 800 чел. галльской конницы, 1 т. чел. стрѣлковъ и большими военными и продовольственными запасами изъ Сициліи. Сверхъ того Цезарь узналъ, что остальные суда его флота послылись еще вѣтрами по морю, но ни одно изъ нихъ не было взято непріателемъ.

§ 79.

Наступательныя дѣйствія Цезаря при Руспинѣ и Уцитѣ.

Прибытіе къ Цезарю подкрѣпленій поставило его въ возможность предпринять наступательныя дѣйствія, хотя онъ былъ все еще слабѣе Сципіона. Всего важнѣе для него было владѣть равниной, на которой Сципіонъ расположилъ свой лагерь и могъ обойти Руспину и лагерь Цезаря и затруднить ему сообщенія съ Лептой и внут-

ренностью края всякія его движенія. Морской берегъ, при которомъ лежали Руспинна и Лепта, имѣлъ направленіе съ сѣвера на югъ, такъ что, при расположеніи Цезаря правымъ флангомъ къ морю, а лѣвымъ къ Руспинѣ, означенная равнина находилась къ сѣверу отъ него. Она была дугообразно окружена холмами, начинавшимися у берега

моря къ сѣверу отъ Русины и на протяженіи 1 милі (около 1½ версты) снова примыкавшими къ морю; такъ именно, гдѣ Сципіонъ расположилъ свой лагерь имѣя на серединѣ дуги холмовъ, на западѣ, передовой конный караулъ, въ самой же серединѣ равнины, нѣсколько тысячъ шаговъ впередъ лагеря Сципіона лежалъ городъ Уцита, сильно занятый Сципіономъ.

Оставивъ въ лагерь 2 прибывшіе легіона, Цезарь со всѣми остальными и конницею двинулся ночью, въ величайшей тишинѣ, лѣвымъ флангомъ впередъ, черезъ Русину и вдоль по холмамъ къ сѣверу отъ нея, до тѣхъ поръ, пока шедшая въ головѣ лѣвофланговая конница не приблизилась къ означенному выше Сципіонову конному караулу. Здѣсь онъ остановилъ эту конницу, а пѣхотѣ приказалъ тотчасъ устроить вдоль гребня холмовъ укрѣпленную линію.

Когда разсвѣло, лагерь Сципіона пришелъ въ движеніе и Сципіонъ построилъ свои войска въ боевой порядокъ, но такъ, что конницу выдвинулъ впередъ и съ нею положилъ произвести первое нападеніе, вѣроятно для того, чтобы напасть въ располхъ на армію Цезаря, утомленную почнымъ движеніемъ и работами по укрѣпленію линіи. Лабіенъ взялъ на себя повести конницу, пѣхота же осталась позади на мѣстѣ.

Въ это время Цезарь, не прекращая работъ, приказалъ напасть на передовой конный караулъ, который и былъ легко сбитъ. Лабіенъ съ головною конницею поспѣшилъ на помощь ему, при чемъ отдѣлился отъ остальной конницы. Между тѣмъ Цезарь расположилъ свою конницу въ засадѣ за небольшимъ селеніемъ, въ ложницѣ, между двумя холмами, тѣмъ, гдѣ прежде стоялъ Сципіоновъ конный караулъ, и противуположнымъ ему. Какъ только Лабіенъ съ конницею спустился въ ложницу и лѣвымъ флангомъ проходилъ мимо селенія, конница Цезаря ударила ему во флангъ и въ тылъ, опрокинула его конницу и привела ее въ разстройство, которое сообщилось и остальной конницѣ Сципіона—и вся она, а съ нею и самъ Лабіенъ, бросились назадъ къ своей пѣхотѣ. Последняя, при видѣ этого, потеряла всякую охоту сражаться и поспѣшно отступила или, лучше сказать, бѣжала въ свой лагерь.

Такого рода удачное начало наступательныхъ дѣйствій Цезаря доставило последнему большія выгоды и нравственный перевѣсъ. Онъ достигъ равнины и привелъ въ страхъ и разстройство всю Сципіонову армію. Затѣмъ онъ ввелъ свои войска въ новый лагерь или укрѣпленную линію, которая вскорѣ была совершенно окончена, имѣла до 6 т. шаговъ длины и вполне прикрывала и обезпечивала сообщенія съ Русиною и Лептою. Расположась въ ней, онъ уже всталъ въ угрожающее арміи Сципіона положеніе.

На другой день онъ вывелъ всю свою армію изъ укрѣпленной линіи, въ боевомъ порядкѣ спустился на равнину и двинулся прямо къ Уцитѣ, желая видѣть, что предприметъ Сципіонъ послѣ дѣла предыдущаго дня, и овладѣть, по возможности, Уцитою, къ которой и приблизился на 1 т. шаговъ.

Сципіонъ двинулся ему на встрѣчу, имѣя конницу въ 1-й линіи, а пѣхоту за нею въ три линіи, почему и лишилъ себя выгоды охватить Цезаря съ обоихъ фланговъ. Обѣ арміи простояли такъ одна противъ другой, имѣя Уциту между собою, до самаго вечера. Можетъ быть, что Сципіонъ не очень надѣялся на свои войска, а Цезарь не признавалъ выгоднымъ пройти мимо города, занятого непріателемъ, и атаковать послѣдняго войскамъ, которые были утомлены передвиженіями и работами и въ этотъ день еще ничего ни дѣла. По захожденіи солнца обѣ арміи отступили въ свои лагеря.

Въ то же время Консидій былъ принужденъ отказаться отъ осады города Ахиллы и отступилъ очень нескучно и съ урономъ.

Три дня послѣ выступленія Цезаревой арміи отъ Русины (около 4 декабря по юліанскому календарю), ночью она много пострадала отъ сильной бури съ градомъ. Это остановило на нѣсколько дней и работы, и дѣйствія ея, а къ этому присоединилось между тѣмъ другое, невыгодное для Цезаря обстоятельство, именно — прибытіе къ арміи Сципіона Юбы съ большимъ числомъ войскъ. Хотя вторженіе Бокха въ Нумидію и отвлекло часть силъ Юбы, но у него было сверхъ того еще много войскъ и онъ привелъ къ Сципіону 3 легіона, 800 чел. тяжелой конницы, большое число регулярныхъ легкихъ, пѣшихъ и конныхъ войскъ и 30 слоновъ. На другой день Сципіонъ и Юба вышли изъ лагеря, но Цезарь остался въ своемъ, помышляя не о боѣ, а о томъ, чтобы овладѣть всѣми холмами, которые окружали равнину. Этимъ онъ могъ достигнуть многихъ выгодъ: 1) прогнать стоявшія на этихъ холмахъ непріятельскія передовыя конныя войска, которые затрудняли ему добываніе воды на равнинѣ; 2) воспрепятствовать непріятелю охватить лѣвый флангъ его, Цезаря, при наступленіи его на равнинѣ; 3) проникнуть въ край по другую сторону холмовъ и наконецъ 4) стѣснить непріятеля въ его лагерь такъ, чтобы онъ не могъ спокойно ни оставаться на мѣстѣ, ни отступить. Этихъ цѣлей Цезарь, по своимъ воззрѣніямъ, призналъ возможнымъ достигнуть устройствомъ новыхъ укрѣпленныхъ линій и укрѣпленій, и потому положилъ продолжитъ линію своихъ укрѣпленій далѣе влѣво. Нотутъ были прерывы цѣпи холмовъ и между двумя изъ нихъ находилась ложина, по другую сторону которой, на высокомъ холмѣ, Сципіонъ поставилъ сильный отрядъ пѣхоты и нумидійской кон-

ницы, а въ лоцинѣ Лабіенъ устроилъ засаду, для нападенія на Цезаря въ то время, когда онъ двинется для атаки холма. Но Цезарева конница открыла засаду, и войска, находившіяся въ ней, начали отступать на вершину холма, сильно преслѣдуемая Цезаревою конницей. Нумидійцы обратились въ бѣгство, помѣшали своей пѣхотѣ защищаться и увлекли ее за собою. Цезарь двинулъ за своею конницею пѣхоту, которую усилилъ еще нѣсколькими когортами изъ лагеря, устроилъ на занятомъ холмѣ отдѣльное, сомкнутое укрѣпленіе и поставилъ въ него гарнизонъ.

Но Сципіонъ владѣлъ еще Уцитой и слѣдовательно равниной. Поэтому Цезарь положилъ подступить посредствомъ двухъ продольныхъ, укрѣпленныхъ линій къ Уцитѣ и осадить ее. И онъ снова прибѣгнулъ къ тѣмъ громаднымъ фортификаціоннымъ работамъ, которыя такъ часто производились въ это время вообще и имъ, Цезаремъ, въ особенности, во всѣхъ странахъ гдѣ онъ ни велъ войны. Сверхъ того, что это было въ духѣ тогдашняго образа веденія войны, Цезарь въ настоящемъ случаѣ признавалъ это необходимымъ противъ превосходнаго въ силахъ непріятеля, такъ чтобы, стѣсняя его, сколько можно болѣе обезпечивать и себя, словомъ — дѣйствовать наступательно-оборонительно, до благопріятнаго случая для перехода къ рѣшительному наступленію.

Вслѣдствіе того, въ слѣдующую же ночь онъ устроилъ правую продольную укрѣпленную линію отъ подошвы холмовъ, вдоль которыхъ была устроена 1-я поперечная линія его. Къ утру она была готова и въ нее введены войска праваго крыла арміи. Сципіонъ вышелъ изъ своего лагеря, но остановился по другую сторону Уциты. А въ слѣдующую затѣмъ ночь Цезарь устроилъ и лѣвую продольную линію и утромъ ввелъ въ нее лѣвое свое крыло. Между тѣмъ ежедневно происходили съ обѣихъ сторонъ между конницей болѣе или менѣе значительныя стычки, въ которыхъ успѣхъ былъ почти всегда на сторонѣ Цезаря. Конница его была, хотя и малочисленнѣе, но гораздо лучше устроена, предводима и употребляема, нежели многочисленная конница Сципіона, которой ни онъ самъ, ни Лабіенъ, ни частныя начальники не умѣли употреблять какъ слѣдовало. Въ одной важнѣйшей изъ этихъ стычекъ, конница Сципіона сначала опрокинула было конницу Цезаря, но потомъ послѣдняя, поддержанная пѣхотой, въ свою очередь опрокинула и разбила конницу Сципіона и нанесла ей большой уронъ. Послѣ того Сципіонъ сдѣлался еще осторожнѣе, тѣмъ болѣе, что узналъ о прибытіи къ Цезарю новыхъ подкрѣпленій.

То были 9-й и 10-й легіоны, прибывшіе изъ Сициліи въ гавань Руспины. Послѣ высадки ихъ, Цезарь произвелъ имъ смотръ

и, въ присутствіи всѣхъ трибуновъ и центуріоновъ арміи, безъ суда разжаловалъ 2-хъ трибуновъ и 3-хъ центуріоновъ 10-го легіона (прежде столь любимаго имъ, но потомъ въ Римѣ навлекшаго на себя крайнее неудовольствіе его за возмущеніе) и немедленно выслалъ разжалованныхъ изъ арміи и Африки. Этотъ примѣръ строгости доказываетъ, какую власть римскіе полководцы имѣли еще въ это время въ республиканскихъ арміяхъ.

По присоединеніи къ Цезарю 9-го и 10-го легіоновъ, силы обѣихъ сторонъ уже почти сравнялись: у Сципіона было только болѣе легкихъ войскъ и однимъ легіономъ болѣе, нежели у Цезаря; но послѣдній ожидалъ еще 2-хъ легіоновъ изъ Сициліи, а Юба, вслѣдствіе смутъ и безпорядковъ въ Нумидіи, отослалъ туда 6 когортъ.

Между тѣмъ двѣ продольныя, параллельныя, укрѣпленныя линіи Цезаря уже были доведены на разстояніе полета стрѣлы до стѣны Уциты, замкнуты со стороны послѣдней поперечною линіей и заняты 5-ю легіонами изъ большаго лагеря. При этомъ достойно замѣчанія и удивленія, какъ Цезарь расположилъ свою армію на такомъ обширномъ пространствѣ, не подавъ однако Сципіону случая напасть на нее въ какомъ нибудь слабомъ пунктѣ. Но это легко объясняется необыкновеннымъ дѣятельностью, осторожностью и прозорливостью Цезаря и существовавшимъ тогда мнѣніемъ о неодолимости сильныхъ, хотя и обширныхъ укрѣпленій.

Сципіонъ, съ своей стороны, также, какъ Цезарь, укрѣплялъ всѣ пункты, которые признавалъ выгодными для себя вокругъ своего лагеря. Впрочемъ, не смотря на производство фортификаціонныхъ работъ, обѣ арміи ежедневно выходили изъ своихъ укрѣпленій и строились одна противъ другой. Однажды Сципіонъ построилъ свою армію даже въ открытомъ полѣ, лѣвымъ флангомъ къ Уцитѣ, а правымъ къ холмамъ. Цезарь, при видѣ этого, построилъ и свою армію напротивъ Сципіоновой, правымъ флангомъ къ Уцитѣ, а лѣвымъ къ холмамъ, не далѣе какъ на 300 шаговъ отъ фронта линіи арміи Сципіона. Только одинъ неглубокій оврагъ раздѣлялъ обѣ арміи, и съ обѣихъ сторонъ всѣ ожидали наконецъ рѣшительнаго сраженія, но оно снова не состоялось, потому что ни та, ни другая армія не была намѣрена первая перейти черезъ оврагъ. Все ограничилось только стычкой лѣвофланговой конницы Цезаря съ нумидійцами и не въ пользу первой, послѣ чего обѣ арміи воротились въ свои линіи и продолжали укрѣпляться, а Цезарева сверхъ того и готовилась къ осадѣ Уциты.

Вскорѣ Цезарь узналъ, что Сципіоновъ легатъ Варъ съ 50 судами явился на рейдѣ Лепты, сжегъ многія суда и взялъ одно.

изъ самыхъ большихъ военныхъ. Это было очень важнымъ для Цезаря извѣстіемъ, такъ какъ онъ, ежедневно ожидая прибытія двухъ легионовъ изъ Сициліи, для обезпеченія его расположилъ одну эскадру, подъ начальствомъ Аквилы, передъ Адруметомъ, а другую, подъ начальствомъ Циспія, передъ Тапсомъ; и потому полагалъ, что Варъ разбилъ Аквилу. Дабы разъяснить это, онъ самъ лично отправился къ Лептѣ и узналъ, что Варъ прибылъ отъ Утики къ Адрумету нарочно для того, чтобы преградить путь 2-мъ легионамъ его, Цезаря, что эскадра Аквилы была отброшена бурей отъ Адрумета и нѣкоторыя суда ея даже занесены къ Лептѣ. Цезарь, нимало не медля, сѣлъ на одно изъ военныхъ судовъ въ Лептѣ и, приказавъ всѣмъ прочимъ, находившимся въ ея гавани, слѣдовать за нимъ, вышелъ въ море, настигнулъ Вара, преслѣдовавшаго Аквилу, и отбилъ у него взятое имъ большое военное судно и еще одно изъ его судовъ. Варъ спасся отъ него за ближайшимъ мысомъ; откуда вошелъ въ гавань Адрумета. Цезарь за противнымъ вѣтромъ не могъ послѣдовать за нимъ и провелъ ночь на якорѣ у означеннаго выше мыса, а на слѣдующее утро направился къ Адрумету, въ гавани его сжегъ, безъ всякаго препятствія со стороны Вара, всѣ найденныя тамъ суда его и затѣмъ воротился въ свой лагерь. Этими быстрыми рѣшимостью и личными дѣйствіями на морѣ Цезарь предотвратилъ большія бѣды для себя, именно истребленіе обѣихъ эскадръ своихъ при Адруметѣ и Тапсѣ, и той, которая должна была привезти 2 легиона изъ Сициліи, и наконецъ большаго транспорта, котораго онъ ожидалъ оттуда же. А всего этого онъ, можетъ быть,

не достигъ бы, еслибы малѣйше промедлилъ или поручилъ исполненіе другому.

Тѣмъ не менѣе, положеніе его все еще было очень невыгодно тѣмъ, что зависѣло отъ подвозовъ подкрѣплений и запасовъ моремъ, на которомъ въ это время года (зимой) были частыя и сильныя бури, а, на сухомъ пути край, въ которомъ такъ долго находилась его армія, былъ уже совершенно истощенъ и въ продовольствіи ощущался крайній недостатокъ. Это заставило его послать отрядъ войскъ для отысканія запасовъ зерноваго хлѣба, которые туземные жители имѣли обыкновеніе сохранять въ земляныхъ ямахъ. Отрядъ этотъ успѣлъ найти и привезти въ лагерь большое количество зерноваго хлѣба. Лабіентъ, узнавъ объ этомъ, поставилъ 2 легиона съ конницей въ засаду, дабы при слѣдующемъ предпріятіи подобнаго рода напасть врасплохъ на Цезаревыхъ фуражировъ. Но Цезарь взялъ 3 лучшіе легиона свои съ конницей, повелъ ихъ къ Лабіеновой засадѣ, напалъ и разбилъ бывшія въ ней войска.

Однако все это мало помогало крайней нуждѣ въ продовольствіи, такъ что наконецъ Цезарю не оставалось уже ничего болѣе, какъ перемѣнить мѣсто расположенія своей арміи либо атаковать непріятели. Послѣднее средство было пока еще довольно отважно и трудно, и потому Цезарь рѣшился идти далѣе на югъ къ Тапсу, гдѣ надѣялся найти край менѣе истощенный и города, хорошо расположенные къ нему. Эти соображенія превозмогли въ его глазахъ упрекъ, которому онъ могъ подвергнуться въ томъ, что не довершилъ до конца своего предпріятія, сопряженнаго съ такими трудами, лишеніями и жертвованіями.

§ 80.

Движеніе Цезаря и Сципіона къ Тапсу и дѣйствія ихъ.

Въ началѣ декабря 47 г. (по теперешнему календарю) въ 3 часа утра армія Цезаря двинулась правымъ флангомъ и одною колонной черезъ Руспину, берегомъ моря, на югъ черезъ Лепту, имѣя вправо цѣпь холмовъ, а съ лѣвой стороны между нею и моремъ всѣ тяжести въ одной колоннѣ. Въ Руспинѣ, Лептѣ и Ахилѣ, хорошо укрѣпленныхъ, были оставлены сильные гарнизоны. Эскадры Аквилы при Адруметѣ и Циспія при Тапсѣ были усилены и обезпечивали прибытіе моремъ транспортовъ. Первый переходъ былъ только до Агара, лежавшаго недалеко за Лептой, на равнинѣ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ прибрежныхъ высотъ.

Сципіонъ, узнавъ о движеніи Цезаря, оза-

ботился менѣе о томъ, чтобы затруднить оное преслѣдованіемъ чрезъ своихъ нумидійцевъ, нежели о томъ только, чтобы постоянно сопровождать Цезаря съ правой стороны по высотамъ, дабы не позволять ему проникать во внутренность края и добывать въ немъ продовольствіе. Первый лагерь его былъ также близъ Агара, на отдаленныхъ отъ моря высотахъ, въ трехъ особыхъ отдѣленіяхъ, изъ которыхъ то, въ которомъ Сципіонъ находился самъ, лежало лишь въ $\frac{1}{2}$ мили (350 сажень) отъ Агара, а другіе два недалеко отъ перваго. Нумидійская конница должна была занять всѣ выгодные пункты въ окрестностяхъ, близко наблюдать за непріателемъ и пресгаждать ему всѣ пути внутрь страны.

Не смотря на то, Цезарь произвелъ съ сильнымъ отрядомъ войскъ большую и удачную фуражировку и благополучно воротился въ свой лагерь съ большимъ транспортомъ разнаго рода продовольственныхъ запасовъ, исключая зерноваго хлѣба, котораго собрано было недостаточно.

Вслѣдъ затѣмъ Цезарь совершилъ другое, столь смѣлое и даже отважное и едва вѣроятное предпріятіе, которое можетъ быть объяснено и служить доказательствомъ только крайняго недостатка его въ продовольствіи. Съ большимъ отрядомъ пѣхоты и почти всею своею конницею онъ произвелъ, въ одинъ день, настоящій партизанскій набѣгъ, въ виду превосходной числомъ непріятельской арміи, находившейся въ походномъ движеніи! Произошло это по слѣдующему случаю:

Сципіонъ приказалъ учредить около 1 мили (1½ версты) въ тылу за своею арміею, въ городѣ Зета (Zeta), большой складъ продовольственныхъ запасовъ, для сбора которыхъ изъ окрестностей отрядилъ туда 2 легіона. Цезарь, какъ только узналъ объ этомъ, тотчасъ положилъ завладѣть городомъ Зетою и складомъ въ немъ. Для этого ему необходимо было пройти сквозь все расположеніе непріятельской арміи, но это не устрасило и не остановило его. Онъ перенесъ свой лагерь съ равнины на высоты и приказалъ привести его въ такое сильное оборонительное положеніе, чтобы оставленныя въ немъ войска могли отразить всѣ нападенія непріятеля, пока онъ самъ будетъ дѣйствовать внѣ лагерь. Затѣмъ рано утромъ онъ выступилъ изъ него съ снаряженными выше войсками, обошелъ кратчайшимъ путемъ непріятельскій лагерь, двинулся прямо къ городу Зета въ тылу его и овладѣлъ и городомъ, и складами запасовъ въ немъ безъ сопротивленія, такъ какъ 2 легіона Сципіона были разсѣяны въ окрестностяхъ для сбора продовольствія. Не довольствуясь тѣмъ, онъ хотѣлъ напасть и на эти два легіона, но уже большая часть арміи Сципіона шла къ Зетѣ. Не смотря на то, онъ оставилъ въ этомъ городѣ гарнизонъ, хотя, по удаленіи его, послѣдній долженствовалъ быть совершенно отрѣзанъ отъ него и предоставленъ самому себѣ, на произволъ судьбы. По приближеніи непріятеля, Цезарь двинулся тѣмъ же путемъ обратно и успѣлъ благополучно, безъ боя, пройти черезъ равнину, на которой находился городъ Зета. Но когда онъ дошелъ до гористой и пересѣченной мѣстности, то былъ со всѣхъ сторонъ атакованъ Лабіеномъ съ многочисленною нумидійскою конницею, легкою пѣхотой, стрѣлками и пращниками, которые были чрезвычайно ловки и храбры. Лабіенъ принялъ при этомъ образъ дѣйствій нумидійской конницы: какъ только легіонерная пѣхота Цезаря, атакуемая со всѣхъ сто-

ронъ и поражаемая градомъ стрѣлъ и камней, двигалась бѣглымъ шагомъ противъ атакующихъ, они немедленно и быстро обращались назадъ въ разсыпную, но снова возвращались въ атаку, коль скоро легіонеры продолжали свое движеніе. Коннице же Цезаря, на измученныхъ лошадяхъ, поражаемыхъ и убиваемыхъ стрѣлами, наконецъ необходимо было даже совершенно вывести изъ боя и послать впередъ. Такимъ образомъ обратное движеніе Цезаря по гористой мѣстности продолжалось съ большимъ трудомъ, медленностью и уропомъ до самаго вечера, въ строѣ большого, продолговатаго четырехугольника (agmen quadratum), внутри котораго пахотились всѣ взятые въ Зетѣ запасы. Въ такомъ порядкѣ Цезарь къ ночи успѣлъ, наконецъ, хотя и съ большимъ трудомъ, но благополучно воротиться въ свой лагерь.

Этотъ случай показалъ очевидную разницу между Цезаремъ и Сципіономъ. Предпріятіе перваго было дѣйствительно чрезвычайно отважно и даже можетъ быть оправдано только благополучнымъ исходомъ его и тѣмъ, что Цезарь рѣшился отважиться на него, имѣя противъ себя такого полководца, какъ Сципіонъ. Послѣдній же доказалъ, что онъ не былъ способенъ ни опѣнить своего положенія, ни сохранять постоянно въ виду главную цѣль своихъ дѣйствій, ни принимать немедленно соотвѣтствовавшія ей рѣшительныя мѣры. Гитаръ говоритъ, что у Сципіона не достало присутствія духа и что онъ принялъ избранныя имъ мѣры съ извѣстною поспѣшностью. Онъ былъ извѣщенъ о предпріятіи Цезаря достаточно своевременно, былъ сильнѣе Цезаря, могъ совершенно отрѣзать ему отступление и имѣлъ превосходный случай атаковать его, съ значительною частью его арміи, обремененною транспортомъ, на походѣ и притомъ въ гористой и невыгодной для движенія и дѣйствій мѣстности. Въмѣсто того, онъ не только упустилъ этотъ столь благопріятный для него случай разбить Цезаря, но и предоставилъ преслѣдованіе его Лабіену съ легкими войсками, самъ же съ легіонами двинулся на помощь двумъ легіонамъ своимъ въ Зетѣ. Оправдать этого ничѣмъ нельзя, объяснить же можно развѣ только тѣмъ, что онъ неожиданно случая былъ приведенъ въ недоумѣніе и заблужденіе и вмѣсто главной цѣли избралъ второстепенную, словомъ—доказалъ свою неспособность, хотя и имѣлъ большую военную опытность. Но и Лабіенъ также въ этомъ случаѣ не доказалъ особеннаго искусства въ соображеніи и въ совѣтахъ своихъ Сципіону, и безъ преувеличенія можно было бы сказать, что счастье Цезаря совершенно ослѣпило этихъ двухъ противниковъ послѣдняго.

Трудное отступление Цезаря показало ему,

что противъ такого образа дѣйствій непріятеля, какъ употребленный войсками Лабіена, эволюціи легіонерной пѣхоты и способъ употребленія ею своего оружія не всегда достигали своей цѣли. Поэтому онъ произвелъ въ нихъ нѣкоторые измѣненія и самъ упражнялъ въ нихъ свои войска и ихъ частныхъ начальниковъ. А какъ у Сципіона и Юбы были слоны, то и онъ также приказалъ доставить себѣ нѣсколькихъ изъ Италіи и почти ежедневно упражнялъ свои войска въ дѣйствіяхъ съ ними и противъ нихъ, особенно стараясь приучить къ тому свою конницу и лошадей ея.

Между тѣмъ, такъ какъ армія его возросла уже до числа 12 легіоновъ, продовольствованіе же ея, въ соразмѣрности съ тѣмъ, стало еще труднѣе и для добыванія его необходимо было ежедневно имѣть стычки и часто производить большія фуражировки, то онъ тѣмъ сильнѣе желалъ скорѣйшаго рѣшенія войны боемъ. Съ этою цѣлю онъ подступилъ со всею арміею къ самому лагерю Сципіона (21 марта до-юліанскаго или 12 января юліанскаго календаря, 46 года). Но Сципіонъ не заблагоразсудилъ выйти изъ своего лагеря и принять бой, а Цезарь не считалъ возможнымъ атаковать его лагерь. Это повторялось нѣсколько дней и наконецъ Цезарь, наскучивъ такого рода войною, нуждаясь въ продовольствіи и водѣ, положилъ непремѣнно довести дѣло до рѣшительнаго сраженія и для того—осадить городъ Тапсъ, находившійся въ разстояніи около 3 миль (4 версты слишкомъ) отъ его лагеря. Тапсъ былъ чрезвычайно важный пунктъ для Сципіона, который учредилъ въ немъ складъ оружія, подъ защитой сильнаго гарнизона, а въ гавани его имѣлъ большое число судовъ, блокировавшихъ флотъ Цезаря, расположенный между Лептой и Тапсомъ. Осада послѣдняго представляла однако двоякаго рода затрудненіе: во 1-хъ въ отношеніи къ продовольствованію арміи, потому что неимѣніе складовъ запасовъ не позволяло долго оставаться на мѣстѣ, и во 2-хъ то, что вблизи Тапса находились города Сарсура и Тиздра, занятые сильными гарнизонами и въ изобиліи снабженные продовольствіемъ. Сообразивъ все это и полагаясь на свое счастье, Цезарь рѣшился сначала овладѣть Сарсурой, лежавшей въ 3 миляхъ къ западу отъ Тапса.

Вслѣдствіе того, 4 апрѣля (14 января по юліанскому календарю) на разсвѣтѣ онъ двинулся съ большей частью своей арміи изъ лагеря при Агарѣ, вдоль высотъ съ правой стороны, къ Сарсурѣ. Сципіонъ послѣдовалъ за нимъ, съ лучшимъ своими войсками, по другую сторону высотъ, поручивъ Лабіену съ легкими войсками задерживать Цезаря. Но послѣдній принялъ мѣры противъ этого, составивъ задній отрядъ (арріер-

гардъ) изъ разныхъ родовъ войскъ и дозволить множеству купцовъ и маритантовъ съ своими повозками слѣдовать за арміею. Нумидійцы прежде всего бросились на эти повозки и разграбили ихъ, но затѣмъ были такъ жестоко отбиты войсками задняго отряда, что уже не отваживались болѣе нападать. Прибывъ къ Сарсурѣ, Цезарь приказалъ немедленно атаковать этотъ городъ и сразу взялъ его приступомъ, въ виду Сципіона, который, не отваживаясь вступить въ бой, отступилъ на близъ-лежавшія высоты и расположился на нихъ лагеремъ.

Затѣмъ Цезарь хотѣлъ овладѣть и Тиздрой, но взять ее ни приступомъ, ни осадой было невозможно, потому что Консидій, начальствовавшій въ этомъ городѣ, привелъ ее въ очень сильное оборонительное положеніе. Зато, вмѣсто Тиздры, Цезарь овладѣлъ безъ боя другимъ городомъ Табеной (Thabena), лежавшимъ къ югу отъ Тапса. Жители его вырѣзали находившійся въ немъ гарнизонъ Юбы и передали городъ Цезарю, который, по просьбѣ ихъ и для охраны найденныхъ въ городѣ запасовъ продовольствія, поставилъ въ него 1 когарту съ отрядомъ стрѣлковъ и метательными орудіями.

Въ это время къ нему прибыли моремъ: большой транспортъ съ продовольствіемъ, 4 т. чел. выздоровѣвшихъ воиновъ и 1 т. стрѣлковъ, что поставило его въ возможность приступить къ осадѣ Тапса, дабы тѣмъ принудить наконецъ Сципіона къ рѣшительному сраженію. Однако, какъ ни важнымъ казалось ему это средство, онъ все-таки желалъ прежде испытать другое, прямѣйшее и скорѣйшее, именно выманить Сципіона въ открытое поле и тутъ принудить его къ бою. Съ этою цѣлю онъ произвелъ со всею арміею движеніе въ 2 мили слишкомъ (3 версты), въ обходъ Сципіона, къ выгодной для боя мѣстности близъ города Тегей (Tegea), занятаго гарнизономъ Сципіона. Послѣдній вышелъ изъ своего лагеря, но расположился въ такой крѣпкой позиціи, что Цезарь не призналъ удобнымъ атаковать его на ней. Именно—лѣвый флангъ Сципіона примыкалъ къ Тегей, а впереди его, также примыкая лѣвыми флагами къ этому городу, стояли два сильные отряда конницы, поддерживаемые сзади всею лѣвофланговою конницею. Однако Цезарь подступилъ ближе и, чтобы завязать бой, приказалъ атаковать передовую конницу Сципіона. Во время боя съ нею, часть стоявшей позади ея, лѣвофланговой конницы Сципіона была двинута въ обходъ праваго фланга Цезаря. Вслѣдствіе того, съ обѣихъ сторонъ въ бой стали постепенно быть вводимы подкрѣпленія и наконецъ Цезарь лично поспѣшилъ, со всею своею правофланговою конницею, на поддержаніе своихъ сражавшихся войскъ. Такимъ образомъ бой на правомъ флангѣ Цезаря и на лѣвомъ

Сципиона разгорался все болѣе и болѣе и съ успѣхомъ для Цезаря, потому что конница Сципиона была отражена съ большимъ урономъ. Казалось бы, что въ эту рѣшительную минуту, Сципиону слѣдовало бы сильнѣе поддержать войска свои, находившіяся въ бою; но онъ остался въ бездѣйствіи, а Цезарь, признавая невыгоднымъ для себя атаковать его въ его позиціи, прекратилъ бой и отвелъ свою армію обратно въ ея лагерь.

Разбирая эти дѣйствія и побужденія Сципиона и Цезаря, можно прийти къ заключе-

нію, что первый хотѣлъ ограничиться чистою обороною крѣпкой позиціи своей, не выходя изъ нея и не вдаваясь въ общій бой,—Цезарь же, напротивъ, хотѣлъ выманить его изъ этой позиціи и вовлечь въ общій бой на равнинѣ, но, видя, что это не удалось, призналъ невыгоднымъ для себя атаковать Сципиона въ его позиціи и предпочелъ прервать бой и отступить, при всемъ довѣріи къ своему счастью зная по опыту, что не всегда можно было пасивно испытывать его и предвидѣть, до чего оно доведетъ.

§ 81.

Обложенье и осада Цезаремъ Тапса;—сраженіе при Тапсѣ и конецъ войны.

Не успѣвъ принудить Сципиона къ общему бою въ открытомъ полѣ, Цезарь немедленно сдѣлалъ всѣ распоряженія къ осадѣ Тапса. На другой же день, 26 февраля, *) въ 3 ч. утра, онъ двинулся со всею своею арміею къ Тапсу, находившемуся въ 3 миляхъ (4 верстахъ слишкомъ) къ югу отъ Агара, на низменной приморской косѣ, и имѣвшему весьма хорошую гавань. Въ разстояніи около 2½ миль (3½ верстъ) къ западу отъ него лежало соляное озеро, между восточною оконечностью котораго и моремъ было около 1,500 шаговъ (около 1 версты) разстоянія. Цезарь, приблизясь къ Тапсу, немедленно занялъ всѣ выгодные пункты въ окрестностяхъ его и приказалъ устраивать укрѣпленный лагерь для своей арміи—къ западу отъ Тапса, контрвалаціонную и циркумвалаціонную линіи—противъ него, между лагеремъ и моремъ, и отдѣльное сомкнутое укрѣпленіе (фортъ)—между озеромъ и моремъ, дабы преградить Сципиону подступъ къ Тапсу съ этой стороны.

Важность Тапса для Сципиона побудила его идти на помощь этому городу и, послѣ долгихъ совѣщаній въ собранномъ военномъ совѣтѣ, рѣшено было послѣдовать за Цезаремъ вдоль по нагорнымъ высотамъ. Приблизясь къ Тапсу, Сципионъ расположился въ разстояніи ¾ мили (1 версты слишкомъ) отъ него въ двухъ лагеряхъ, изъ которыхъ въ одномъ—онъ самъ съ своею арміею, а въ другомъ—Юба съ своими войсками. Послѣ новыхъ совѣщаній въ военномъ совѣтѣ, положено было перемѣнить расположеніе арміи такъ, чтобы фланговымъ движеніемъ влѣво занять новый лагерь между солянымъ озеромъ и моремъ, войти въ сообщеніе съ Тапсомъ, прервать сообщеніе

Цезаря съ Лептой, лагерь же Юбы оставить на прежнемъ мѣстѣ. Вслѣдствіе того, Сципионъ и двинулся съ арміею влѣво, по былъ крайне изумленъ, встрѣтивъ между солянымъ озеромъ и моремъ сомкнутое укрѣпленіе, устроенное Цезаремъ и преградившее ему, Сципиону, путь. Это неожиданное обстоятельство привело его въ такое недоумѣніе, что онъ не зналъ, что ему дѣлать, и не идя ни впередъ, ни назадъ, остановился на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ, до вечера, и тогда только отступилъ, далъ войскамъ нѣсколько часовъ отдыха и на слѣдующее утро началъ укрѣплять лагерь въ 1,000 шагахъ отъ моря и около 1,500 шаговъ отъ лагеря, линій и укрѣпленія Цезаря.

Цезарь, видя это, призналъ невозможнымъ допустить Сципиона укрѣпиться въ такомъ близкомъ разстояніи отъ Тапса и осадныхъ линій противъ него, и положилъ атаковать Сципиона прежде, нежели онъ успѣлъ бы укрѣпиться, хотя и предпочелъ бы отложить бой до взятія Тапса. Вслѣдствіе того, оставивъ 2 легіона для занятія своихъ укрѣпленныхъ линій, со всѣми остальными войсками онъ немедленно вышелъ изъ своего лагеря и построилъ ихъ впереди его въ 3 линіи, 10-й и 2-й легіоны—на правомъ флангѣ, 8-й и 9-й—на лѣвомъ, остальные 5 въ серединѣ, легкую пѣхоту—между отдѣленій конницы и поставилъ на флангахъ 2 особенные отряда, каждый изъ 5 отборныхъ когортъ и большаго числа стрѣлковъ, для дѣйствій исключительно противъ слоновъ. Части своихъ судовъ, стоявшихъ въ гавани Тапса, онъ приказалъ плыть къ югу, какъ можно ближе къ берегу моря, и по данному сигналу, съ громкимъ крикомъ высадить нѣсколько войскъ въ тылу непріятеля.

Между тѣмъ 3-я линія арміи Сципиона укрѣпляла лагерь, а 1-я и 2-я прикрывали ее, имѣя на флангахъ 64 слона съ башня-

*) А по мнѣнію Наполеона I—4 апрѣля до юліанскаго календаря или 14 января юліанскаго.

ми и за ними легкую пѣхоту; нумидійская конница стояла на лѣвомъ флангѣ, а вся остальная, съ легкою пѣхотой между отдѣленіями ея—на правомъ.

Когда армія Цезаря, выйдя изъ лагеря и построясь какъ сказано, двинулась впередъ, Сципіонъ впалъ въ безпокойство и сомнѣніе касательно порядка построения своей арміи къ бою и приказалъ нѣкоторымъ войскамъ изъ 2-й и 3-й линій отступить и построиться позади, а другимъ выдвинуться впередъ и стать спереди. Эти несвоевременныя передвиженія, въ самую рѣшительную минуту, произвели невыгодное впечатлѣніе на армію Сципіона и смущеніе въ ней. Это замѣчено было Цезаремъ и всею арміею его, и высшіе военачальники и всѣ окружавшіе его убѣдительно просили его немедленно подать сигналъ къ атакѣ, дабы воспользоваться видимымъ безпорядкомъ въ непріятельской арміи. Но онъ медлилъ подавіемъ сигнала, говоря, что «такого рода атака не правится ему», и даже старался умѣрнить ихъ рвеніе, какъ вдругъ на крайнемъ правомъ флангѣ раздался одинокій трубный сигналъ къ атакѣ.... Стоявшій тамъ 10-й легіонъ заставилъ трубача своего подать сигналъ, который тотчасъ же былъ повторенъ во всей арміи—и она немедленно двинулась впередъ, не смотря на всѣ усилія частныхъ начальниковъ удержать войска до подавія сигнала самимъ Цезаремъ. Тогда уже послѣдній, видя невозможность остановить порывъ своихъ войскъ, сѣлъ на коня, подалъ свой сигналъ и съ боевымъ отзывомъ «счастіе», повелъ легіоны свои впередъ.

Бой открыли два особенные отряда, назначенные для атаки слоновъ, и осыпали ихъ градомъ стрѣлъ и камней. Приведенные этимъ въ ярость, слоны на лѣвомъ флангѣ арміи Сципіона обратились назадъ, смяли собственную пѣхоту и бросились къ своему лагерю, загородивъ входы въ него. Нумидійская конница на томъ же флангѣ, устрешенная этимъ неожиданнымъ обстоятельствомъ, обратилась въ бѣгство и тѣмъ раскрыла лѣвый флангъ своей арміи, приведенный въ разстройство и безпорядокъ. Правая фланговая конница, а затѣмъ и пѣхота въ центрѣ арміи Сципіона, при видѣ этого, пришли въ смятеніе и стали отступать къ своему лагерю, сначала еще въ порядкѣ и съ боемъ. Но когда высшіе начальники Сципіона, страшась попасть въ руки Цезаря и заботясь только о собственной безопасности своей, обратились въ бѣгство, тогда уже вся армія Сципіона пришла въ страхъ, разстройство и безпорядокъ, предалась бѣгству къ своему лагерю и, преслѣдуемая по пятамъ, понесла огромный уронъ. Лагерь былъ еще недокопченъ и неукрѣпленъ и былъ безъ труда взятъ Цезаревыми войсками. Тѣ, которые хотѣли

защищаться въ немъ, были всѣ перебиты, а остальные бросились бѣжать въ лагерь, который занимали пакаупѣ. Но какъ при нихъ не нашлось никого изъ начальниковъ, то, полагая, что послѣдніе направились въ отдѣльный лагерь Юбы, они бросились бѣжать къ нему, но нашли его уже занятымъ войсками Цезаря и въ ужасѣ, не видя нигдѣ спасенія, собрались на ближайшей высотѣ. Вскорѣ, окруженные на ней войсками Цезаря, они бросили оружіе и просили пощады. Но войска Цезаря были до того раздражены и ожесточены, что, не смотря на приказанія Цезаря щадить своихъ соотечественниковъ и товарищей по оружію и не взирая на всѣ усилія частныхъ начальниковъ своихъ къ удержанію ихъ, не дали пощады никому и перебили всѣхъ до одного. И этимъ не ограничилось еще кровопролитіе: побѣжденные, разсѣявшіеся всюду, нигдѣ не могли найти спасенія и вездѣ были преслѣдуемы и истребляемы. Тщетны были всѣ усилія самаго Цезаря удержать свои войска и онъ не могъ даже защитить многихъ римскихъ гражданъ, находившихся при немъ и противъ которыхъ войска были сильно раздражены, подозревая ихъ въ приверженности къ Помпеевой партіи. 10 т. чел. убитыхъ остались на полѣ сраженія, остальные были убиты въ преслѣдованіи и лишь немногіе успѣли спастись. Лабіенъ, Афраній, Петрей и другіе военачальники Сципіоновой арміи бѣжали одни изъ первыхъ и старались спастись сухимъ путемъ или моремъ. Сципіону удалось пробраться къ берегу моря и онъ съ нѣсколькими судами направился къ берегамъ Испаніи, но встрѣченный и атакованный судами Цезаря близъ мыса Меркурія (н. Бопъ), погибъ въ бою.

Уронъ Цезаря простирался только до 50 челов. убитыхъ и небольшого числа раненыхъ. Во время сраженія, гарнизонъ Тапса произвелъ вылазку, но былъ отраженъ съ урономъ. На другой день Цезарь подступилъ къ Тапсу, имѣя въ главѣ арміи, въ видѣ побѣдныхъ трофеевъ, всѣхъ 64 слоновъ, взятыхъ въ сраженіи, и потребовалъ сдачи Тапса. Но не успѣвъ уговорить начальника гарнизона къ сдачѣ города, онъ оставилъ противъ него, для продолженія осады, 3 легіона подъ начальствомъ проконсула Ребллы, легата Домиція съ 2-мя легіонами послалъ взять городъ Тиздру, а самъ съ остальными войсками двинулся сначала къ Адрумету, который взялъ и захватилъ въ немъ всю казну Сципіона, а потомъ къ Утигѣ. Здѣсь, между тѣмъ, Катонъ тщетно старался склонить жителей къ оборонѣ: они были расположены въ пользу Цезаря и Катонъ успѣлъ выговорить отъ нихъ только то, чтобъ они позволили приверженцамъ Помпеевой партіи отправиться въ Испанію, и затѣмъ самъ лишилъ себя жизни.

Юба, въ сопровожденіи нѣсколькихъ бѣглецовъ, не бывъ впущенъ жителями столицы своей, Заморы, гдѣ находились семейство и сокровища его, удалился въ свой загородный дворецъ и тамъ также лишилъ себя жизни.

Цезарь, торжественно вступивъ въ Утику, на другой день получилъ извѣстіе о сдачѣ Тапса, а на третій день отправился въ Заморю. Обративъ владѣнія Юбы, Нумидію, въ римскую провинцію, онъ воротился въ

Утику, наложилъ на многіе города контрибуціи, устроилъ управленіе Африки и 10-го марта (по мнѣнію Наполеона I—13-го іюня до-юліянскаго или 23-го марта юліянскаго календаря) отправился изъ Утики моремъ въ Каралисъ (Caralis, н. Cagliari) на о. Сардиніи, а оттуда въ Римъ, куда и прибылъ въ началѣ іюля (въ апрѣлѣ юл. календаря), послѣ 6 мѣсяцовъ отсутствія и 4½ мѣсяцовъ войны въ Африкѣ.

§ 82.

З а м ѣ ч а н і я.

Африканская война, начатая слишкомъ поздно и веденная несвоевременно, при неблагоприятныхъ обстоятельствахъ, была по-этому одною изъ самыхъ трудныхъ для Цезаря, и нужно было все превосходство его военныхъ дарованій для того, чтобы онъ вышелъ изъ нея побѣдителемъ. Это очень вѣрно объясняетъ Наполеонъ I въ замѣчаніяхъ своихъ объ Александрійской войнѣ. «Эта несчастная (какъ онъ справедливо называетъ ее) война дала 9 мѣсяцовъ отсрочки партіи Помпея, возстановила ея надежды и поставила ее въ состояніе выдержать еще нѣсколько походовъ, что заставило Цезаря въ слѣдующемъ году совершить походъ въ Африкѣ, а два года спустя еще одинъ въ Испаніи. Этихъ двухъ походовъ, въ которыхъ ему потребны были его гений и его счастье, чтобы выйти изъ нихъ побѣдителемъ, не было бы, еслибы послѣ сраженія при Фарсалѣ онъ тотчасъ отправился на берега Африки и предупредилъ на нихъ Катона и Сципіона, или, если уже, направляясь, какъ онъ это сдѣлалъ, къ Александріи, приказалъ бы слѣдовать за собою 4 или 5 легіонамъ, для перевозки которыхъ имѣлъ достаточно судовъ. А еслибы и не такъ, онъ могъ бы безъ невыгоды для себя удовольствоваться видимою покорностью Птолемѣя и отсрочить на одинъ годъ отъ-мщеніе ему». Это совершенно вѣрно и было главною причиною и несвоевременности, и трудности Африканской войны. Но не одна несчастная Александрійская война замедлила Африканскую, но и весь рядъ войнъ и походовъ Цезаря современи занятія имъ Италиі. Противникъ его Помпей имѣлъ тогда главныя свои силы въ Греціи и на востокѣ, а части силъ въ Испаніи и Африкѣ. Безъ сомнѣнія, въ волѣ Цезаря было обратиться сначала или въ Грецію, или въ Испанію, или въ Африку. По своимъ соображеніямъ онъ обратился прежде всего въ Испанію, хотя, казалось бы, лучше и

прямѣе къ цѣли слѣдовало бы ему обратиться противъ Помпея въ Грецію и притомъ сухимъ путемъ, а не моремъ, какого мнѣнія былъ и Наполеонъ I. Но дѣйствія въ Испаніи, осада Массилии, дѣла въ Римѣ и Италиі и недостатокъ флота задержали его до конца 49 г. и онъ переправился моремъ въ Эпиръ, лишь съ частию своей арміи и, до соединенія своего съ Антоніемъ и остальною частию своей арміи, принужденъ былъ дѣйствовать наступательно-оборонительно противъ превосходныхъ силъ Помпея, въ неблагоприятныхъ для себя обстоятельствахъ, доколѣ движеніемъ въ Фессалію и побѣдой при Фарсалѣ не успѣлъ наконецъ одолѣть Помпея. Но все это снова задержало его на три четверти года, а потомъ онъ, преслѣдуя Помпея съ частию своихъ силъ, очутился въ Александріи, среди возставшихъ противъ него въ превосходныхъ силахъ египтянъ, лишь съ 5 т. войскъ и 10 военными судами, и противъ воли и ожиданія былъ вовлеченъ въ трудную и продолжительную войну, въ которой снова принужденъ былъ дѣйствовать наступательно-оборонительно, доколѣ прибытіе къ нему подкрѣплений не позволило ему рѣшить эту войну наступательными дѣйствіями и побѣдой надъ Птолемѣемъ. А затѣмъ 2 мѣсяца, недостойнымъ его образомъ, въ бездѣйствіи проведенные въ Александріи, походъ изъ Египта чрезъ Сирію въ Малую Азію противъ Фарнака, слѣдованіе послѣ того въ Римъ, устройство дѣлъ въ немъ— снова задержали его отъ нанесенія послѣдняго удара Помпеевой партіи въ Африкѣ, т. е. тамъ, гдѣ его слѣдовало бы нанести тотчасъ послѣ сраженія при Фарсалѣ. А тамъ-то именно, въ теченіи 1¼ года отъ этого сраженія до высадки Цезаря въ Африкѣ, партія Помпея успѣла усилиться и утвердиться точно также, какъ передъ тѣмъ Помпей въ Греціи, и чтобы побороть ее, подлинно Цезарю потребны были и сораз-

мѣрные съ нею силы и особенно все его искусство. А этого не было бы, еслибы, по мнѣнію Наполеона I, приведенному выше, Цезарь, побѣдивъ Помпеевыхъ легатовъ въ Испаніи, а потомъ самаго Помпея въ Греціи, тотчасъ отправился въ Африку и, легко побѣдивъ въ ней только одного Помпеева легата Вара, 3-мя годами ранѣе рѣшилъ бы войну въ свою пользу. Къ чему же отнести то, что произошло совсѣмъ иное? Къ особенному-ли стеченію обстоятельствъ, т. е. къ слѣпому случаю?—или къ ошибкамъ Цезаря?—или къ его искусству?—или наконецъ къ его счастью?—Но участія слѣпнаго случая въ дѣйствіяхъ такого великаго полководца, какъ Цезарь, допустить невозможно; искусство и особенно счастье его были несомнѣнны; но нельзя не удѣлить въ этомъ и нѣкоторой доли ошибокъ съ его стороны, ибо, хотя онъ былъ и великій человѣкъ, но все таки человѣкъ и, какъ человѣкъ, не могъ быть и не былъ изъятъ отъ человѣческой слабости творить ошибки. Онъ самъ въ своихъ запискахъ и отчасти его безусловные восхвалители изъ числа его комментаторовъ, либо умалчиваютъ о его ошибкахъ, хотя и видимо сознаютъ ихъ, либо всячески извиняютъ и оправдываютъ ихъ. Но нѣкоторые изъ его комментаторовъ, и въ главѣ ихъ Наполеонъ I, а также Гишаръ и нѣк. др., не скрываютъ, не извиняютъ и не оправдываютъ его вольныхъ и невольныхъ ошибокъ. И, въ смыслѣ исторической истины, справедливымъ кажется держаться благоразумной середины и, выставляя все дѣйствительно искусное, не скрывать и ошибочнаго. А въ Африканской войнѣ встрѣчается и то, и другое, едва-ли не болѣе, чѣмъ въ предшествовавшихъ войнахъ и походахъ Цезаря.

О первой и главной ошибкѣ его — той, что онъ послѣ сраженія при Фарсаль не отправился тотчасъ въ Африку—уже было говорено выше. По возвращеніи его изъ Малой Азіи въ Римъ, въ началѣ осени 47 г. онъ пробудился наконецъ при шумѣ опасности (*César se réveilla au bruit du danger*) — чрезвычайно вѣрно и мѣтко говоритъ Наполеонъ I, слѣдовательно — пробудился отъ усыпленія: иначе назвать этого нельзя. И снова, хотя и поздно, закипѣла его дѣятельность, какъ бы въ вознагражденіе утраченнаго времени, но закипѣла уже слишкомъ сильно и не довольно благоразумно-осторожно. Явная необходимость и крайнее нетерпѣніе какъ можно скорѣе явиться и побѣдить въ Африкѣ, можетъ быть такъ, какъ онъ побѣдилъ Фарнака (т. е. прійти, увидѣть и побѣдить), снова повела его къ тому же, что онъ уже испыталъ съ такою невыгодою для себя на морѣ и въ Эпирѣ противъ Помпея въ 49—48 гг. Лишь съ 6 легіонами

и 2 тыс. чел. конницы, т. е. лишь съ частию своихъ силъ, на флотѣ относительно слабѣйшемъ Сципіона, отправился онъ отъ Лилибея въ Сицилію къ берегамъ Африки—въ самое бурное, осеннее время года, когда и самъ зналъ, и всѣ ему говорили, что плаваніе было опасно. И на этотъ разъ счастье его, какъ бы въ наказаніе его, отвернулось отъ него: буря разсѣяла его флотъ—и онъ едва съ 4 т. чел. войскъ на нѣсколькихъ судахъ высадился близъ Руспины. И благо еще было ему, что тутъ находилась только слабая часть силъ Сципіона, и та подъ начальствомъ Консидія, который, вмѣсто того, чтобы сразу подавить Цезаря, самъ заперся и укрѣпился въ Адруметѣ. Но, при первой тревогѣ, Сципіонъ уже началъ собирать свою превосходную числомъ армію и направилъ ее къ Руспинѣ, выславъ впередъ половину ея съ Лабіеномъ—заклятымъ врагомъ Цезаря.

Но прежде слѣдуетъ еще сказать нѣсколько словъ о переправѣ Цезаря въ Африку. Гишаръ упрекаетъ его въ томъ, что онъ не выждалъ сосредоточенія всѣхъ своихъ военныхъ силъ, сухопутныхъ и морскихъ, и не отправился со всѣми ими разомъ. Этимъ онъ переждалъ бы самаго бурнаго на морѣ времени и имѣлъ бы при высадкѣ всѣ свои силы съ собою. Послѣ потери 1¼ года времени, лучше было бы потерять еще 1 или даже 2 мѣсяца и явиться въ Африкѣ со всѣми силами, нежели, поспѣшивъ, 4 мѣсяца быть въ ней почти постоянно слабѣе Сципіона. Но генералъ Лоссау возстаетъ противъ этого, говоря, что это было невозможно и потребовало бы слишкомъ много времени. Изъ этихъ двухъ мнѣній, скорѣе можно согласиться однако съ мнѣніемъ Гишара.

Гирцій Панза, составитель книги комментаріевъ Цезаря объ Африканской войнѣ, говоритъ, будто Цезарь не назначилъ своему флоту сборнаго мѣста на берегахъ Африки, потому что не зналъ, какой пунктъ на нихъ назначить, который былъ бы свободенъ отъ непріятельскаго флота. Но Наполеонъ I возражаетъ, что это мнѣніе такого неспособнаго описателя дѣйствій Цезаря, какъ Гирцій Панза, есть нелѣпость, незаслуживающая опроверженія. «Сципіонъ»—говоритъ онъ—былъ въ Утикѣ и владѣлъ всѣми сѣверными берегами Африки до владѣній Юбы, а Цезарь назначилъ арміи и флоту сборное мѣсто къ югу отъ мыса Меркурія (н. мысъ Бонъ, Bon) до Большаго Сырта, гдѣ весь морской берегъ былъ свободенъ отъ непріятельскихъ войскъ, а непріятельскимъ эскадрамъ невозможно было въ эту пору года крейсировать тутъ. Но флотъ Цезаря былъ разсѣянъ бурей и разбросанъ ею къ сѣверу отъ мыса Меркурія, и собрался только позже и постепенно.

Высадка Цезаря, какъ и переправа его, была дѣйствиѣмъ необыкновенно смѣлымъ и даже отважнымъ и не имѣла бы, можетъ быть, успѣха, еслибы противъ Цезаря былъ въ этомъ мѣстѣ не Консидій, а Лабіенъ. Но смѣлость и отважность Цезаря были соединены съ благоразумными презорливостью и осторожностью, не только при высадкѣ, но и во все время пребыванія при Руспинѣ, до боя съ Лабіеномъ, при отступленіи отъ Зеты ¹⁾.

Тѣмъ не менѣе положеніе Цезаря, въ теченіи цѣлаго мѣсяца послѣ высадки, было очень трудное и критическое. и онъ былъ обязанъ своимъ спасеніемъ только искусственнымъ укрѣпленіямъ и безсилію нападательнаго оружія для взятія укрѣпленій открытою силой. Четыре дня послѣ высадки, имѣя еще очень мало войскъ (менѣе 4 т.), онъ, не смотря на то, поставилъ гарнизоны въ единственные два города (Руспину и Лепту), которые имѣлъ на этомъ берегу, и, чтобъ уклониться отъ Лабіена, вышелъ съ когортами въ море, для отысканія своего флота, большая часть котораго однако присоединилась къ нему въ это самое время ²⁾.

Въ бою съ Лабіеномъ, нѣсколько времени спустя, онъ очевидно имѣлъ неудачу, не смотря на утвержденіе противнаго Гирціемъ Панзой. Лабіенъ употребилъ при этомъ образъ дѣйствій парейя противъ Красса, не съ бѣлымъ, но съ метательнымъ оружіемъ, сильное дѣйствіе которымъ, искусными въ немъ, ловкими, проворными и храбрыми пререгулярными пѣхотой и конницей, всегда имѣло выгоду и успѣхъ противъ регулярныхъ войскъ, сражавшихся въ сомкнутомъ строѣ ³⁾.

Мѣры Цезаря выманить непріятеля съ горы на равнину и его предпріятіе противъ Уциты были, очевидно и понятно, весьма искусны. Несомнѣнно понятны для насъ только частыя, почти безпрестанныя, громадныя фортификаціонныя работы Цезаря, тѣмъ болѣе, что въ невыгодахъ, какъ и въ выгодахъ ихъ онъ пріобрѣлъ уже достаточную опытность въ Испаніи и Греціи. Морская же экспедиція его изъ Лепты въ Адруметъ (о которой выше говоритъ Наполеонъ I), напротивъ, такъ оригинальна своимъ характеромъ, что заслуживаетъ обращенія на себя особеннаго вниманія. Всѣ остальные затѣмъ дѣйствія Цезаря, до самаго сраженія при Тапсѣ, являютъ въ немъ, Цезарѣ, полководца съ сильной волей и опытнаго, а экспедиція къ Зетѣ, кромѣ того, столько дерзкой отважности, что подобной не встрѣчается ни прежде, ни послѣ въ дѣйствіяхъ Цезаря и даже повѣйшая военная исторія едва-ли можетъ представить подобные при-

мѣры со стороны партизанскихъ отрядовъ, а не то, чтобъ цѣлыхъ армій ¹⁾.

По сосредоточеніи арміи Цезаря до числа 12 легіоновъ, онъ слишкомъ долго медлилъ вступить въ сраженіе, какъ будто не довѣряя своему счастью. Онъ выводилъ невыгодныя для себя предвѣщанія изъ нѣсколькихъ трудныхъ столкновеній съ непріателемъ, въ которыя былъ вовлеченъ. Но это не могло относиться къ общему сраженію, потому что легіоны Сципіона и Юбы, въ рѣшительномъ бою, слишкомъ уступали легіонамъ Цезаря, для того чтобъ противустоять имъ ²⁾.

Вообще должно сказать, что дѣйствія Цезаря въ Африкѣ представляютъ нѣкоторыя черты и различія, и сходства съ дѣйствіями его въ Испаніи и Греціи, т. е. въ междоусобной войнѣ римскихъ войскъ противъ римскихъ. И въ Африкѣ, какъ въ Испаніи и Греціи, онъ стремился одолѣвать противниковъ не рѣшительными дѣйствіями съ цѣлію боя, но преимущественно маневрированіемъ на флангахъ и сообщеніяхъ ихъ, съ цѣлію либо завладѣть складами запасовъ ихъ, либо лишить ихъ возможности добывать продовольствіе, либо преимущественно заставить ихъ изъ гористой, пересѣченной мѣстности выйти на равнины или произвести какое-нибудь ошибочное движеніе и, пользуясь тѣмъ, напасть на нихъ и разбить ихъ. Эта послѣдняя цѣль Цезаря, съ одной стороны кажется несомнѣнною, потому что иначе и войны рѣшить было нельзя, но съ другой стороны очевидно являетъ какое-то недовѣріе, сомнѣніе или нежеланіе и вслѣдствіе того колебаніе. Это явственнѣе всего усматривается въ самый рѣшительный моментъ всей войны—передъ началомъ сраженія при Тапсѣ. Обѣ арміи уже были построены одна противъ другой, Цезарь уже припалъ всѣмъ мѣры для вѣрнѣйшаго одолѣнія противника, обошелъ и ободрилъ свои войска рѣчью — и медлилъ подать сигналъ къ атакѣ, не смотря на просьбы и убѣжденія своихъ военачальниковъ и на петерпѣніе, даже недовольствіе своихъ войскъ, говоря, что такого рода атака (т. е. противъ непріятеля, находившагося въ смятеніи и разстройствѣ) не нравилась ему. Какъ объяснить это желаніе боя и колебаніе передъ самымъ началомъ его? Изъ краткихъ словъ Гирція Панзы о томъ, такого объясненія извлечь нельзя, да и нужно еще знать, можно-ли имѣть полное довѣріе къ нимъ. Во всякомъ случаѣ фактъ колебанія Цезаря, сигналъ къ атакѣ, самовольно поданный именно знаменитымъ 10-мъ легіономъ на крайнемъ правомъ флангѣ, атака вслѣдствіе того помимо воли Цезаря, крайнее раздраженіе и ожесточеніе войскъ его, не дававшихъ побѣж-

¹⁾ Лоссау.

²⁾ Наполеонъ I.

³⁾ Наполеонъ I.

¹⁾ Лоссау.

²⁾ Наполеонъ I.

деннымъ пощадѣ, и рѣшеніе продолжительной, трудной и утомительной войны однимъ жестокимъ ударомъ и истребленіемъ почти всей непріятельской арміи — заслуживаютъ особеннаго вниманія. Кажется, будто Цезарь и хотѣлъ, и не хотѣлъ рѣшительнаго сраженія и пораженія арміи Сципіона, но они произошли помимо его воли, весьма естественнымъ и понятнымъ порывомъ его войскъ, которымъ до крайности наскучила такого рода война. Такъ или иначе, побѣда при Тапсѣ была искусно подготовлена Цезаремъ, но одержана его арміей, безъ особеннаго съ его стороны участія.

Въ отношеніи къ частымъ и фортификаціоннымъ работамъ Цезаря въ этой войнѣ, нельзя не замѣтить, что хотя такого рода работы были въ общемъ употребленіи и, такъ сказать во вкусѣ или модѣ того времени, однако онѣ изобличаютъ, какъ будто нѣкоторое особенное пристрастіе къ нимъ Цезаря. Изъ приведеннаго выше (§ 44) описанія такого рода работъ можно судить, сколько времени и труда онѣ стоили, и не смотря на то, едва только однѣ изъ нихъ бывали кончены, какъ тотчасъ же начинались другія подобныя или и еще значительнѣйшія, независимо отъ частой перемѣны мѣстъ расположенія укрѣпленныхъ лагерей. Поэтому нельзя не согласиться съ генераломъ Лоссау, что такого рода работы, для насъ, въ наше время, служатъ проблемой или загадкой.

Наконецъ, что касается дѣйствій Сципіона и всѣхъ его сподвижниковъ и пособ-

никовъ, съ Лабіеномъ въ главѣ, слѣдуетъ сказать, что они ни малѣйше не умѣли воспользоваться ни своимъ превосходствомъ въ силахъ на сухомъ пути и морѣ, ни въ своемъ относительномъ положеніи въ Африкѣ, первоначальными: слабостью силъ Цезаря и труднымъ, даже опаснымъ положеніемъ его на краю моря. И хотя они не разъ наносили ему частныя пораженія и чувствительный вредъ, но никакъ не могли одолѣть его ни тѣмъ, ни другимъ способомъ, дѣйствовали большею частию очень ошибочно и неискусно, боязливо и безъ энергіи, хотя всѣ имѣли болѣе или менѣе продолжительную военную и боевую опытность. Крайнее же малодушіе ихъ, бѣгство и жалкая смерть ихъ послѣ пораженія при Тапсѣ довершаютъ картину неспособности и ничтожности ихъ передъ такимъ человекомъ и полководцемъ, какъ Цезарь. Счастье его и тутъ, какъ въ Италіи, Испаніи, Греціи, Александріи и Малой Азіи, поставило его лицомъ къ лицу съ противниками, стоявшими неизмѣримо ниже его дарованіями и искусствомъ, и однако причинившими ему немало труда въ одолѣніи ихъ — отчасти вслѣдствіе собственныхъ его ошибокъ. Но, въ общемъ результатѣ, каковы бы ни были и противники его, и ошибки ихъ и его, и счастье его, тѣмъ не менѣе онъ и въ Африканской войнѣ является великимъ полководцемъ и война его въ Африкѣ была и будетъ одною изъ замѣчательнѣйшихъ войнъ его и вообще въ древности.

ГЛАВА XII.

3-Я РИМСКАЯ МЕЖДУУСОБНАЯ ВОЙНА

ЦЕЗАРЯ СЪ ПОМПЕЕМЪ И ПОТОМЪ СЪ ЕГО ПАРТІЕЙ (49—45).

(Окончаніе).

§ 83. Цезарь въ Римѣ. — IV. Испанская война (46—45 г.). — § 84. Раздѣленіе Испаніи и положеніе дѣлъ въ ней въ 48, 47 и 46 годахъ. — § 85. Переправа Цезаря изъ Италіи въ южную Испанію и военныя дѣйствія въ ней. — § 86. Сраженіе при Мундѣ. — § 87. Окончательныя военныя дѣйствія Цезаря въ Испаніи. — § 88. Замѣчанія.

Источники и историческія пособія — указанныя выше.

§ 83.

Цезарь въ Римѣ.

Возвращеніе свое изъ Африки въ Римъ (въ іюнѣ 46 г. по старому календарю или въ концѣ марта по юліанскому) Цезарь торжествовалъ 4-хъ-дневнымъ большимъ триумфомъ надъ 4-мя чужими странами: Галліей, Египтомъ, Понтомъ и Нумидіей. Въ эти четыре дня триумфа онъ устроилъ для народа великолѣпныя игры въ циркѣ, которыя послужили началомъ дорогихъ народныхъ игръ послѣдующихъ временъ имперіи: между прочимъ, для увеселенія народа въ циркѣ были спущены 400 львовъ и 50 слоновъ. На слѣдующій 45-й годъ Цезарь былъ избранъ въ консулы и на 10 лѣтъ въ дикта-

торы. Сохраняя послѣднее званіе за собою, консульское онъ принималъ только для того, чтобы передать его другому, кого хотѣлъ обязать тѣмъ, хотя оно уже не имѣло нѣаго значенія, кромѣ того, что доставляло обличенному имъ титулъ и права консульской особы. Впрочемъ Цезарь недолго наслаждался спокойствіемъ въ Римѣ: уже четыре мѣсяца послѣ возвращенія своего изъ Африки (слѣдовательно въ октябрѣ или августѣ) онъ принужденъ былъ отправиться въ Испанію, гдѣ сыновья Помпея, Кней и Секстъ, съ остатками Помпеевой партіи, собирали большія силы.

IV.

Испанская война (46—45 г.).

§ 84.

Раздѣленіе Испаніи и положеніе дѣлъ въ ней въ 48, 47 и 46 годахъ.

Греки называли Испанію Иберіей, а также и Эсперіей, потому что она, въ отношеніи къ нимъ, лежала на западѣ. Картеагеняне проникли въ нее чрезъ Га-

десъ (н. Cadix), Малаку (н. Malaga) и построенный ими въ послѣдствіи Новый Картагенъ (н. Cartagena). Римляне раздѣляли Испанію на Бѣтическую (южную), Лузитанскую (западную) и Тарраконскую (сѣверную). Въ первой (н. Эстремадура, Андалузія, Гренада и Малага) считалось до 200 городовъ. Вторая (н. Португаллія) лежала между рр. Анасомъ (н. Guadiana) и Дуриемъ (н. Duro). Третья (н. Мурсія, Валенсія, Каталонія, Аррагонія, Наварра, Астурія, часть старой Кастиліи, Леонъ и Галиція) занимала остальную часть Испаніи.

Цезарь, покоривъ Испанію въ 49 г., оставилъ въ ней, въ званіи пропретора, Кассія Лонгина. Послѣдній, человѣкъ корыстолюбивый, уже употребившій во зло званіе квестора (казначей и интенданта), которымъ облеченъ былъ передъ тѣмъ въ Испаніи, возстановилъ противъ себя испанцовъ. Они, въ соглашеніи съ частию войскъ, составили заговоръ противъ него и ранили его двумя ударами кинжаловъ. Но онъ остался живъ, собралъ часть войскъ и казнилъ заговорщиковъ. Мавританскій царь Бохудъ переправился изъ Мавританіи въ Испанію, а Лепидъ, начальствовавшій именемъ Цезаря въ Тарраконской Испаніи, перешелъ съ 36-ю когортами черезъ горы въ Бѣтику — оба на помощь Кассію. Съ другой стороны квесторъ Марцеллъ сталъ въ главѣ враждебной Кассію партіи и привлекъ ее на сторону Цезаря. Послѣдній, послѣ сраженія при Фарсалѣ, послалъ легата своего Требонія, въ званіи проконсула, въ Испанію, дабы возстановить въ ней порядокъ. Кассій сѣлъ на суда и направился вдоль береговъ Испаніи къ сѣверу, но въ устьѣ Ибера потерпѣлъ крушеніе и погибъ съ награбленными имъ сокровищами. Но нѣсколько мѣсяцовъ спустя, старшій сынъ Помпея Кнейй прибылъ въ Испанію и изгналъ изъ нея Требонія. А послѣ сраженія при Тапсѣ, братъ

его Секстъ, Лабіенъ, Варъ и всѣ остальные, оставшіеся въ живыхъ приверженцы Помпея, съ остатками разбитой въ Африкѣ арміи, присоединились къ Кнейю Помпею въ Испаніи. Вскорѣ у нихъ образовалась въ южной, Бѣтической Испаніи сильная армія въ 13 легіоновъ, подъ главнымъ начальствомъ Кнейя Помпея, молодого человека очень смѣлаго и предприимчиваго и не безъ военныхъ дарованій. Впрочемъ, изъ 13 легіоновъ его, только 4 были составлены изъ старыхъ и опытныхъ войскъ и частныхъ начальниковъ ихъ. Въ составѣ арміи было много легкой пѣхоты и конницы. Кнейю Помпею и его сподвижникамъ представлялась выгодная возможность вести и протянуть оборонительную войну въ очень гористой и пересѣченной горами и рѣками Бѣтической Испаніи, изобиловавшей и городами, и крѣпкими естественными позиціями, и средствами продовольствованія и содержанія арміи. Кромѣ того, большая часть городовъ въ ней лежала на труднодоступныхъ горахъ или высотахъ, и многіе крѣпкіе пункты, также на горахъ или высотахъ, были укрѣплены отдѣльными, сомкнутыми укрѣпленіями, съ высокими башнями. Но Кнейй Помпей не щадилъ ни края, ни его жителей, поступалъ съ ними крайне сурово, взималъ съ нихъ большія контрибуціи, насильственно набиралъ войска и т. п. и этимъ возбуждалъ въ нихъ сильное неудовольствіе, такъ что нѣкоторые города затворились для него и просили помощи у Цезаря.

Все это послужило для послѣдняго весьма важнымъ побужденіемъ немало не медля отправиться въ Испанію, дабы не допустить еще большіхъ усилія и утвержденія въ ней остатковъ Помпеевой партіи и ея арміи, и нанести имъ послѣдній, окончательный ударъ.

§ 85.

Переправа Цезаря изъ Италіи въ южную Испанію и военныя дѣйствія въ ней.

Гирцій Панза, составитель послѣдней книги комментаріевъ Цезаря объ испанской войнѣ, не сообщаетъ никакихъ свѣдѣній ни о времени перехода Цезаря сухимъ путемъ или переправы его моремъ изъ Италіи въ Испанію, ни о мѣстахъ, откуда и куда онъ перешелъ или переправился, ни о числѣ войскъ и судовъ его. Новѣйшіе писатели полагаютъ впрочемъ, что Цезарь вѣроятно переправился моремъ въ октябрѣ 46 г. по старому календарю или въ августѣ по юліанскому, изъ Остіи или изъ Сидилии, и высадился въ бывшемъ городѣ Новомъ

Картагенѣ (н. Cartagena), не болѣе какъ съ 8-ю легіонами (которые онъ имѣлъ позже въ южной Испаніи), на флотѣ, достаточномъ для перевоза ихъ моремъ.

Черезъ 23 дня послѣ отправленія изъ Италіи, Цезарь уже былъ на р. Бѣтисѣ (н. Guadalquivir), въ то самое время, когда Кнейй Помпей осаждалъ городъ Улію (Ulia, н. Montilla на р. Sabra, а по другимъ Montemayor), единственный, еще державшійся противъ него въ Бѣтикѣ, а Секстъ Помпей находился съ войсками въ Кордубѣ на р. Бѣтисѣ (н. Cordova на р. Guadalquivir).

Жители послѣдняго прислали къ Цезарю депутацію съ извѣстіемъ, что Секстъ Помпей еще ничего не зналъ о прибытіи его, Цезаря, былъ очень безпеченъ и оплошенъ, и что Кордубой легко можно было овладѣть еще въ слѣдующую ночь. Вслѣдствіе того Цезарь приказалъ своимъ легатамъ Педію и Фабію Максиму, которымъ поручилъ начальствованіе войсками въ этомъ краѣ, возвѣститъ въ немъ повсюду о прибытіи его, Цезаря, и прислать ему конный отрядъ въ прикрытіе, а для выигранія времени, самъ отправился въ ихъ лагерь. Вслѣдъ затѣмъ и жители осажденной Уліи успѣли выслать къ нему депутацію съ просьбой о скорѣйшей помощи. Цезарь послалъ къ Уліи Юпія Паціека съ 6-ю когортами и 6-ю турмами конницы. Эти войска, пользуясь темною и бурною ночью, успѣли, не признанныя непріятелемъ, безъ препятствія пробраться сквозь осадныя линіи его, какъ будто для ночнаго нападенія на городъ, и едва вошли въ него, какъ тотчасъ же произвели вмѣстѣ съ жителями сильную вылазку, стоившую непріятелю большаго урона. Между тѣмъ Цезарь съ своей стороны двинулся съ войсками къ Кордубѣ. Передовой отрядъ его опрокинулъ вышедшаго на встрѣчу изъ Кордубы непріятеля, съ урономъ; обратно въ городъ и тотчасъ началъ дѣлать приготовленія къ осадѣ.

Изъ этого видно, что оба Помпея были очень оплошны, а жители Кордубы и Уліи были расположены противъ нихъ и въ пользу Цезаря. При вѣсти о приближеніи послѣдняго, Секстъ Помпей пришелъ въ большую тревогу и призвалъ на помощь брата своего, который и снялъ осаду Уліи (это было уже въ концѣ 46 г. по старому календарю или въ концѣ октября по юліанскому).

Цезарь, прибывъ къ р. Бѣтису, былъ принужденъ построить на немъ мостъ на козлахъ и соединить его съ своимъ лагеремъ укрѣпленіями. Дальнѣйшія затѣмъ военныя дѣйствія въ этомъ мѣстѣ, съ обѣихъ сторонъ, Гирціемъ Панзой изображены такъ непонятно и даже противурѣчиво, что только по результатамъ ихъ можно догадываться о причинахъ послѣдующихъ дѣйствій Цезаря. По словамъ Гирція, ежедневно происходили частныя дѣла изъ-за моста на Бѣтисѣ, стоившія большаго урона, и, какъ видно, принудившія наконецъ Цезаря покинуть свой лагерь и двинуться къ городу Атегуа (Ategua, н. Tebala veja), для осады его, причемъ Секстъ Помпей послѣдовалъ за нимъ

и на другой день утромъ, пользуясь густымъ туманомъ, напалъ врасплохъ на часть его конницы и почти всю ее истребилъ. Намѣреніе его предупредить осаду Атегун встрѣтило препятствіе въ крѣпкой позиціи Цезаря, и потому Секстъ Помпей перешелъ черезъ пн. р. Гуадахосъ (Guadajós), впадающую въ Гуадалквивиръ (Бѣтисъ) ниже Кордовы (Кордубы), и расположился между городами Атегуа и Укуби (н. Lucubi). Отсюда онъ предпринималъ разныя движенія и атаквалъ главный укрѣпленный постъ Цезаря, но былъ отраженъ и отступилъ къ Кордубѣ, причемъ произошли многія частныя дѣла, въ пользу болѣе Цезаря, нежели его. Цезарь осадилъ городъ Атегуа и такъ стѣснилъ его, что гарнизонъ наконецъ предложилъ сдать его, на условіи свободнаго выхода. Но Цезарь отказалъ въ этомъ и произвелъ приступъ, который однако былъ отраженъ, и гарнизонъ, въ ожесточеніи противъ жителей города, вырѣзалъ большую часть ихъ. Секстъ Помпей приблизился къ осаднымъ линіямъ Цезаря и, сколько кажется, дѣйствовалъ довольно смѣло и безъискусно, не опасаясь вступить въ бой съ Цезаремъ. Гарнизонъ Атегун, разграбивъ этотъ городъ, хотѣлъ пробиться изъ него въ лагерь Помпея, но былъ отраженъ и опрокинутъ съ урономъ обратно въ городъ. Наконецъ, послѣ многихъ переговоровъ и стычекъ, городъ былъ сданъ, а съ гарнизономъ его Цезарь поступилъ великодушно.

Секстъ Помпей остался въ Кордубѣ, а Кней Помпей отступилъ къ гор. Укуби и занялъ близъ него очень крѣпкую и сильную позицію. Цезарь послѣдовалъ за нимъ и расположился очень близко отъ него. Обѣ арміи нѣсколько разъ перемѣняли свое расположеніе, причемъ Кней Помпей избѣгалъ боя на равнинѣ и лишь случайно былъ вовлеченъ въ одно довольно значительное дѣло, въ которомъ часть конницы и легкой пѣхоты Цезаря такъ отличилась, что онъ наградилъ ее чрезвычайными подарками, а предводителя ея—5-ю золотыми пѣфиями.

Послѣ того Кней Помпей двинулся къ Испалису (Hispalis, н. Севилья), а оттуда къ Укуби и наконецъ къ Мундѣ (н. гор. Ronda la vieja, близъ селенія Monda въ Гренадѣ, къ западу отъ Малаги и къ сѣверу отъ Марбельи, Marbella, на берегу моря). Цезарь послѣдовалъ за нимъ, взявъ Вентиспонть, потомъ двинулся къ Карукѣ или Карулѣ и наконецъ къ Мундѣ, гдѣ расположился противъ Кнея Помпея.

§ 86.

Сраженіе при Мундѣ.

На другой день (17 марта 45 г. по старому календарю или въ концѣ декабря 46 г. по юліанскому) Цезарь хотѣлъ двинуться далѣе (куда и зачѣмъ — Гирцій не объясняетъ того), когда ему донесли, что Кнеій Помпей выступилъ изъ своего лагеря. Позиція, избранная Кнеіемъ Помпеемъ, была, кажется, очень крѣпка, выгодна и значительно усилена укрѣпленіями города Мунды на правомъ флангѣ и гористою, пересѣченною мѣстностью. 13 легионовъ Кнеія Помпея были построены въ боевой порядокъ на высотахъ влѣво отъ Мунды, у подошвы которыхъ протекалъ ручей, болотистыми и неровными берегами своими затруднявшій подступъ къ позиціи. На лѣвомъ крылѣ легионовъ были поставлены конница (сколько—неизвѣстно), 6 т. чел. легкихъ и столько же вспомогательныхъ войскъ. Цезарь, нетерпѣливо желавшій скорѣе рѣшить войну общимъ сраженіемъ, построилъ свою армію—80 когортъ (8 легионовъ) и 8 т. чел. конницы—на равнинѣ, имѣя 10-й легионъ на правомъ флангѣ, а 3-й и 5-й, съ конницей и мавританскими вспомогательными войсками царя Бохуда, на лѣвомъ. Войска Цезаря нетерпѣливо желали боя, дабы покончить имъ войну. Но какъ Цезарь находилъ позицію Кнеія Помпея неприступною, то, дабы выманить его на равнину, двинулъ свою армію впередъ, однако остановилъ ее у ручья. Кнеій Помпей, принявъ это за опасеніе Цезаря атаковать его позицію, имѣлъ неблагоприятное спуститься съ высотъ на равнину и тѣмъ пожертвовать всѣми своими выгодами.

Вскорѣ завязался общій и упорнѣйшій бой. Первое нападеніе Помпеевыхъ войскъ было такъ стремительно и сильно, что Цезаревы войска начали колебаться и никогда еще побѣда не была столь сомнительною для Цезаря. Неоднократно бросался онъ лично въ мѣста самой жестокой сѣчи, заклиналъ своихъ ветерановъ не предавать его въ жертву дѣтямъ и сознавался въ послѣдствіи, что во всѣхъ прежнихъ сраженіяхъ своихъ сражался для одержанія побѣды, но при Мундѣ—за спасеніе собственной жизни. Примѣръ и слова его сильно подѣйствовали на его войска, которыя усугубили свои усилія. Непріятель сильно терпѣлъ отъ стрѣльбы легкой пѣхоты

Цезаря, а 10-й легионъ такъ тѣснилъ лѣвое крыло его, что Кнеій Помпей, опасаясь атаки во флангъ, двинулъ туда 1 легионъ въ подкрѣпленіе. Наконецъ особенный случай рѣшилъ побѣду: Бохудъ съ своими нумидійцами бросился справа на лагерь Помпея, а Лабіенъ послалъ на помощь лагерю 5 когортъ. Увидавъ движеніе этихъ 5 когортъ назадъ, Цезарь вскричалъ «бѣгутъ!» и стремительно ударилъ съ воодушевленными этимъ легионами своими на непріятеля; въ тоже самое время и конница его произвела сильную атаку. Войска его были вполне увѣрены, что непріятель отступаетъ, а войска Помпея, увидавъ движеніе 5 когортъ своихъ назадъ, съ своей стороны приняли это за начало отступленія, пришли въ смятеніе, разстройство и безпорядокъ, бросились частию въ свой лагерь, большею же частию въ Мунду, и были сильно преслѣдуемы и жестоко истребляемы. Кровавое пролитіе было необыкновенное: 30 тыс. убитыхъ остались на полѣ сраженія, въ томъ числѣ Лабіенъ, Варъ и 3 т. римскихъ всадниковъ, а подѣстами Мунды, по словамъ Гирція, образовался, будто бы, цѣлый валъ изъ тѣлъ убитыхъ воиновъ! Орлы всѣхъ 13 легионовъ, большая часть знаменъ и 17 высшихъ начальниковъ войскъ Помпеевыхъ были трофеями побѣды Цезаря, уронъ котораго простирался, по словамъ Гирція, только до 1 т. убитыхъ и 500 раненыхъ. Кнеій Помпей съ небольшимъ числомъ конницы бѣжалъ—было къ сосѣднему озеру, но, встрѣтивъ всюду приверженцовъ Цезаря, бросился въ горы и тамъ былъ настигнутъ и убитъ. Секстъ Помпей, узнавъ въ Кордубѣ объ исходѣ сраженія, спасся бѣгствомъ къ целиберіанамъ и въ послѣдствіи успѣлъ еще поднять и возстановить оружіе своей партіи.

Хотя Гирцій описываетъ это сраженіе крайне неполно, неясно и неудовлетворительно, но изъ того, что онъ, равно Плутархъ и Діонъ Кассій говорятъ, вообще можно, кажется, заключить, что съ обѣихъ сторонъ всѣ резервы, по крайней мѣрѣ со стороны Цезаря, были введены въ бой и въ немъ была одна минута, когда ударъ свѣжихъ войскъ могъ и долженъ былъ рѣшить побѣду, которую и рѣшилъ ударъ Цезаревой конницы, а по другимъ — нападеніе Бохуда на лагерь Помпея.

§ 87.

Окончательныя военныя дѣйствія Цезаря въ Испаніи.

Послѣ побѣды при Мундѣ, Цезарь былъ принужденъ осадить этотъ городъ, въ который бросились остатки разбитой арміи. Поручивъ осаду его своему легату Фабію Максимѣ, съ остальными войсками онъ двинулся къ Кордубѣ и взялъ ее, при чемъ съ обѣихъ сторонъ были совершены необыкновенныя жестокости, и Цезаревы войска истребили до 22 т. человѣкъ. Овладѣніе другими городами, находившимися еще во власти непріятеля, причинили Цезарю довольно затрудненій и заботъ; что доказываетъ, что партія Помпея, не смотря на поражение при Мундѣ, была еще многочисленна въ Испаніи и твердо держалась намѣренія упорно сопротивляться до послѣдней крайности. Города, въ которыхъ гарнизоны и жители дѣйствовали единодушно—оборонялись очень упорно, но и въ нихъ большею частію вкрадывалась измѣна, которая вела наконецъ къ покоренію этихъ городовъ Це-

заремъ. Описанія совершеннаго окончанія испанской войны у Гирція недостаетъ и извѣстно только, что Цезарь, съ марта до сентября (съ конца декабря до іюля по юліанскому календарю) совершенно уничтоживъ партію Помпея въ Испаніи и покоривъ послѣднюю, воротился въ Римъ и торжествовалъ въ немъ триумфъ—на этотъ разъ уже не надъ иноплеменными народами и странами, но надъ римлянами и сыновьями Помпея, что произвело большое неудовольствіе, особенно въ приверженцахъ республиканскаго образа правленія и врагахъ Цезаря.

Въ заключеніе слѣдуетъ замѣтить, что въ Испанской войнѣ совершилъ свой первый походъ, подъ глазами Цезаря, любимый племянникъ его, 17-ти-лѣтній Октавій, въ послѣдствіи Цезарь Октавіанъ и императоръ Августъ.

§ 88.

З а м ѣ ч а н і я.

По поводу испанской войны, Наполеонъ I дѣлаетъ слѣдующія замѣчанія:

1) Что Цезарь употребилъ 23 сутокъ на слѣдованіе сухимъ путемъ изъ Рима до горъ Сьерры Морены въ Испаніи. Неизвѣстно, откуда онъ почерпнулъ эти свѣдѣнія. У Гирція Панзы ихъ не имѣется, да и изъ другихъ источниковъ этого не видно, и невѣроятно, чтобы Цезарь, очень спѣшившій покончить съ войною въ Испаніи, отправился туда не моремъ, а сухимъ путемъ. Guichard и Turpin de Crissé, лучшіе комментаторы Цезаря, ничего не говорятъ о томъ. Новѣйшіе военные писатели полагаютъ, что Цезарь переправился моремъ и высадился на юго-восточномъ берегу Испаніи, вѣроятно тамъ, гдѣ прежде былъ Новый Картегенъ (н. Cartagena), такъ какъ оттуда всего ближе до истоковъ р. Бѣтиса (н. Guadalquivir).

2) Что Катонъ, имѣвшій большіе вѣсъ, значеніе и вліяніе на умы и общественное мнѣніе, поступилъ бы гораздо лучше, еслибы, вмѣсто безразсуднаго самоубійства, бывшаго большимъ несчастіемъ для партіи Помпея, отправился въ Кордубу, въ лагерь сыновей Помпея, которымъ могъ бы быть очень полезенъ.

3) Что сраженіе при Мундѣ было единственнымъ изъ всѣхъ сраженій Цезаря, въ которомъ онъ самъ атаковалъ непріятеля, не смотря на крѣпкую позицію его; — движеніе Лабіена съ 5-ю когортами къ лагерю, само по себѣ хорошее, рѣшило бой въ пользу Цезаря—случай, нерѣдко встрѣчающійся въ сраженіяхъ, когда малѣйшее движеніе, эволюція или т. п. мгновенно даютъ перевѣсъ и рѣшаютъ побѣду.

4) Что при Фарсалѣ Цезарь потерялъ 200 чел., при Тапсѣ 50, а при Мундѣ 1,000, между тѣмъ какъ непріатели его потеряли въ нихъ цѣлыя арміи свои—огромная несоразмѣрность, происходившая единственно отъ вооруженія, строя и образа дѣйствій въ бою — войскъ въ древнія времена, представляющихъ большую разницу съ новѣйшими. Сравнивая сраженія въ древнія и новыя времена, Наполеонъ I опровергаетъ существующее невѣрное мнѣніе, будто первыя были кровопролитнѣе послѣднихъ, и говоритъ, что, напротивъ, первыя случались рѣже и были менѣе кровопролитны въ общей совокупности, нежели ежедневныя, различные роды боя, отъ малѣйшихъ до значительнѣйшихъ, въ новѣйшія

времена, въ общей совокупности своей далеко болѣе кровопролитныя.

И наконецъ 4) онъ обсуждаетъ мнѣніе нѣкоторыхъ, будто Цезарь во время сраженія при Мундѣ едва не лишилъ самъ себя жизни съ отчаянія, и говоритъ, что такой поступокъ былъ бы гибельнымъ для его партіи, что армія его была бы разбита, что глава политической партіи не можетъ самопроизвольно покинуть ея, наконецъ что самоубійство (разумѣется—съ точки зрѣнія древнихъ язычниковъ) въ такихъ случаяхъ ничѣмъ не оправдывается, ибо кто, когда и какъ можетъ быть безъ всякой надежды на измѣнчивомъ театрѣ міра, гдѣ смерть одного человѣка измѣняетъ въ одно мгновеніе положеніе дѣлъ?

Генераль Лоссау, съ своей стороны, замѣчаетъ, что сыновья Помпея имѣли сначала всѣ или по крайней мѣрѣ наибольшее число выгодъ разнаго рода на своей сторонѣ и хотѣли, но не умѣли искусно воспользоваться ими. Главною ошибкою ихъ было то, что они не щадили ни края, въ которомъ находились, ни жителей его, изъ которыхъ одна половина была расположена въ пользу Цезаря, а другая въ пользу сыновей и партіи Помпея, и тѣмъ возбудили крайнее неудовольствіе противъ себя первыхъ и облегчили Цезарю средства одолѣть послѣднихъ. Сверхъ того они вообще обнаружили большія нерадѣніе, безпечность, нераспорядительность и неискуство соображеній и дѣйствій, а когда стали уже лицомъ къ лицу противъ Цезаря, то совершенно потеряли голову, стали двигаться и дѣйствовать ошибочно, и изъ нихъ Кней—въ направленіи къ берегу моря, гдѣ, притѣсненный тыломъ къ нему, хотя и расположенъ въ отличной позиціи, въ которой легко могъ не только отразить, но и разбить Цезаря, однако вслѣдствіе атаки Бохудомъ лагеря его, Кнеія, движенія къ не-

му 5-ти когортъ Лабіена и страха, навсѣденнаго тѣмъ на армію его, Кнеія, и т. д., самъ былъ разбитъ такъ, что потерялъ всю свою армію и проигралъ свое дѣло. Но и затѣмъ онъ могъ еще удалиться въ ту часть Испаніи, жители которой были расположены въ пользу партіи Помпея, собрать тамъ остатки своихъ войскъ, усилить ихъ новыми наборами, принудить Цезаря къ новому походу противъ него, причинить ему много заботъ и вреда, и если не рѣшить наконецъ войну въ свою пользу, то по крайней мѣрѣ затянуть ее на долгое время, что было бы очень невыгодно для Цезаря. Но, не сдѣлавъ ничего этого, онъ доказалъ, что, подобно отцу своему, далеко не былъ равносильнымъ и способнымъ противникомъ Цезаря, потерялъ также голову, предался бѣгству и предоставилъ Испанію Цезарю. Точно также и братья его Сексты, послѣ сраженія при Мундѣ, предался бѣгству и ничего не сдѣлавъ для дальнѣйшаго сопротивленія Цезарю.

Къ этому слѣдуетъ прибавить, что пять мѣсяцевъ, употребленныхъ Цезаремъ, послѣ сраженія при Мундѣ, на окончательное покореніе Испаніи, очевидно доказали, до какой степени сыновья Помпея и ихъ партія добровольно упустили благоприятныя для нихъ обстоятельства и возможность еще долго продержаться въ этой странѣ. И счастіемъ для Цезаря было въ ней, какъ и во всѣхъ странахъ и случаяхъ во время междоусобной войны, имѣть такого рода противниковъ. Но этимъ счастіемъ Цезарь умѣлъ искусно пользоваться и доказательствомъ этого служить то, что онъ всѣхъ противниковъ своихъ побѣдилъ не безъ большаго труда, исключая Фарнака, для одолѣнія котораго ему дѣйствительно было достаточно прійти, увидѣть и побѣдить, тогда какъ про другихъ онъ этого сказать не могъ.

ГЛАВА XIII.

ОБРАЗЪ И ИСКУСТВО ВЕДЕНІЯ ЦЕЗАРЕМЪ МЕЖДУУСОБНОЙ ВОЙНЫ.

§ 89. Въ военно-политическомъ отношеніи. — § 90. Въ стратегическомъ отношеніи. — § 91. Въ тактическомъ отношеніи. — § 92. Въ фортификаціонномъ и полморцетическомъ отношеніи. — § 93. Заключение.

Источники и историческія пособія — указанныя выше въ главѣ I и изъ новѣйшихъ особенно Turpin de Crissó, Guischart, Napoléon I, Lossan и Rüstow.

§ 89.

Въ военно-политическомъ отношеніи.

3-я римская междуусобная война Цезаря съ Помпеемъ и, по смерти его, съ его партіей, имѣла съ той и другой стороны цѣли — одинаковыя, но причины и средства — различныя. Цѣлями были, какъ въ 1-й и 2-й междуусобныхъ войнахъ, одолѣніе и низложеніе политическихъ: противника и его партіи, и завладѣніе нераздѣльною верховною властію въ Римѣ и римской республикѣ. Но причинами были, явными — неисполненіе Цезаремъ непріятныхъ и несправедливыхъ, тягостныхъ и унижительныхъ для него постановленій Помпея, сената и аристократіи римскихъ, тайными же — политическое соперничество двухъ честолюбцевъ, Цезаря и Помпея, и стремленіе каждого изъ нихъ къ единоличной, нераздѣльной власти въ государствѣ, не смотря на неоднократныя, искреннія или неискреннія, но невозможныя и потому неудачныя попытки Цезаря къ примиренію и соглашенію съ Помпеемъ — невозможныя уже потому, что ни тотъ, ни другой не могли имѣть и не имѣли въ виду снова установить дуумвиратъ. Еще различнѣе были средства обѣихъ сторонъ: ими служили тѣ политическія партіи, которыя были на сторонѣ Помпея и Цезаря и поддерживали ихъ и на которыя сами они опирались.

Партію Помпея составляло значительное большинство, какъ сената и аристократіи римскихъ, т. е. знатнѣйшихъ и почетнѣйшихъ лицъ въ Римѣ и римской республикѣ, облеченныхъ въ важнѣйшія званія въ нихъ и имѣвшихъ въ своихъ рукахъ всю власть и всѣ силы, средства и способы государства, — такъ равно и подвластныхъ и подчиненныхъ имъ, по закону, народа и войска, хотя втайнѣ расположенныхъ болѣе въ пользу Цезаря, нежели Помпея. Партію же Цезаря составляло, хотя и меньшинство сената и аристократіи римскихъ, по значительное большинство народа и войска, изъ которыхъ первый въ Римѣ, всей Италіи и всей республикѣ, былъ весь и вполнѣ на сторонѣ Цезаря, а изъ послѣдняго въ началѣ — ядро, лучшая часть и главная сила его, т. е. 12-ти легионная, отличная боевая армія, съ которою Цезарь завоевалъ Галлію, а потомъ и всѣ присоединившія къ ней войска.

Но первостепенными средствами неоспоримо были личности Помпея, вождей его партіи по смерти его, и Цезаря. Помпей, озаренный необыкновеннымъ блескомъ прежнихъ своихъ подвиговъ, побѣдъ и заслугъ республикѣ, Помпей, по словамъ Наполеона I, столь любимый римлянами и прозван-

ный ими Великимъ, былъ уже далеко не тотъ, что прежде, и, можно сказать, пережилъ самаго себя. Непомѣрно гордый, самонадѣянный, честолюбивый и властолюбивый, онъ не имѣлъ уже прежней энергіи и былъ лишь орудіемъ сената и аристократіи, управлявшихъ всѣми дѣйствіями его и, въ безразсудномъ ослѣпленіи своею силою и ненавистью къ Цезарю, побуждавшихъ Помпея только къ однимъ ошибкамъ и доведшихъ наконецъ и его, и себя до гибели. Тоже или почти тоже самое слѣдуетъ сказать и о вождяхъ партіи Помпея, по смерти его. Главный изъ нихъ — Сципіонъ, подобно Помпею, не оказалъ ни энергіи, ни искусства. Катонъ, болѣе всѣхъ имѣвшій и ума, и характера, и нравственнаго вліянія, не сдѣлалъ изъ нихъ всего надлежащаго употребленія и, лишась всякой надежды, малодушно и бесполезно лишилъ себя жизни. Лабіенъ оказалъ много энергіи, но мало благоразумія и искусства и лишь очень много злобы и ненависти къ Цезарю. Изъ сыновей Помпея, Секстъ и особенно Кнейс сначала явили довольно энергіи, предприимчивости и отважности и обѣщали, по видимому, совершить многое въ пользу своей партіи, но кончили ошибками, упадкомъ духа и малодушнымъ бѣгствомъ, когда не все еще погибло. Всѣ остальные же вожди Помпеевой партіи и дѣйствія ихъ были второстепенными и малозначущими.

Неизмѣримо выше стояла великая личность Цезаря, и необыкновенною силою ума и воли, и могущественнымъ, непреодолимымъ нравственнымъ вліяніемъ на все и

всѣхъ, и первостепеннымъ искусствомъ соображеній и дѣйствій. Твердо опираясь на безусловныя расположеніе и довѣріе къ нему народа и войска, будучи всему и всѣмъ единственною и мудрою главою, искуснымъ и твердымъ руководителемъ, дѣйствуя вполне самостоятельно и свободно, по своимъ личнымъ усмотрѣнію и побужденію, съ необыкновенными энергіей и дѣятельностью, прозорливостью и мудростью, смѣлостью и даже отважностью, но съ благоразумною осторожностью, Цезарь такъ значительно превосходилъ своихъ противниковъ, что рано или поздно не могъ не одолѣть ихъ, хотя и достигъ этого не безъ опасности для себя. Какъ человекъ, хотя и великій, онъ не чуждъ былъ нѣкоторыхъ политическихъ ошибокъ, какъ, напримѣръ, можетъ быть слишкомъ долговременнымъ оставленіемъ Помпея въ Греціи, а потомъ, вслѣдствіе Александрійской войны, партіи его въ Африкѣ, безъ вниманія и противудѣйствія. Но если и признать это ошибками, то все-таки онѣ были ничтожными въ сравненіи съ гораздо большими и важнѣйшими, ознаменовавшими почти всѣ дѣйствія его противниковъ.

Такимъ образомъ, сопоставивъ и сравнивъ, съ обѣихъ сторонъ, въ военно-политическомъ отношеніи, цѣли, причины и средства 3-й римской междуусобной войны Цезаря съ Помпеемъ и его партіей, нельзя не прійти къ заключенію о рѣшительномъ превосходствѣ перваго и всѣхъ условій восторжествованія его надъ послѣдними въ этой войнѣ.

§ 90.

Въ стратегическомъ отношеніи.

Въ дополненіе къ тому, что въ этомъ отношеніи было изложено выше въ главѣ VII §§ 37—40, касательно образа и искусства веденія Цезаремъ войны въ Галліи, здѣсь будетъ приведено, въ томъ же порядкѣ, то, что касается того же предмета въ междуусобной войнѣ Цезаря съ Помпеемъ и его партіей.

И во-первыхъ слѣдуетъ сказать, что и въ этой войнѣ Цезарь является вполне великимъ полководцемъ отъ природы и рожденія, но уже въ полныхъ развитіи и силѣ своихъ необыкновенныхъ военныхъ дарований и съ огромною военною опытностью, приобрѣтенною въ трудной войнѣ въ Галліи. Хотя и въ междуусобной войнѣ онъ не былъ совершенно чуждъ нѣкоторыхъ ошибокъ, въ своихъ мѣстахъ указанныхъ выше, по этихъ ошибокъ уже было гораздо менѣе, нежели въ войнѣ въ Галліи, и дѣйствія его почти

исключительно или по крайней мѣрѣ преимущественно можно признать безукоризненными. Въ самомъ началѣ онъ избралъ первымъ предметомъ наступательныхъ дѣйствій, какъ весьма естественно и понятно, Италію и въ ней Римъ, которыми и овладѣлъ, почти безъ боя, въ 60 дней или два мѣсяца. Затѣмъ, изъ трехъ странъ, въ которыхъ находились: Помпей съ главными силами въ Греціи, а легаты его съ частію силъ — въ Испаніи и Африкѣ, онъ избралъ Испанію, куда и устремилъ послѣдующія наступательныя дѣйствія свои, обезпечивъ Италію съ востока и юга, со стороны Помпея въ Греціи и Вара въ Африкѣ, оборонительными мѣрами. Причины того, хотя и недостаточно объяснены Цезаремъ въ его запискахъ, но безъ сомнѣнія были для него вполне уважительны, ибо касались его собственныхъ интересовъ и выгодъ, и потому

новѣйшія разсужденія о томъ, куда ему лучше было направить свои дѣйствія, въ Грецію, Испанію или Африку, должны уступить мѣсто рѣшенію самого Цезаря—направиться прежде въ Испанію, а потомъ въ Грецію.

Но дѣйствія въ Испаніи, осада Массилии, дѣла въ Римѣ и непмѣніе флота задержали его долѣе, нежели онъ предполагалъ, и онъ переправился въ Эпиръ—лишь съ половиною своей арміи, въ самыхъ неблагопріятныхъ для него обстоятельствахъ и время года, когда флотъ Помпея или бури на морѣ могли истребить его десантъ. И хотя счастье его позволило ему благополучно высадиться на берега Эпира, но 5 мѣсяцовъ онъ находился на нихъ въ трудномъ и опасномъ положеніи противъ превосходныхъ числомъ силъ Помпея. Счастье и искусство его тутъ позволили ему съ успѣхомъ удержаться противъ недѣлительнаго Помпея и даже угрожать ему наступательными дѣйствіями, а черезъ 5 мѣсяцовъ—соединиться съ Антоніемъ и остальною половиною своей арміи и обложить Помпея при Диррахіѣ.

Но это слишкомъ смѣлое и даже отважное предпріятіе кончилось частнымъ пораженіемъ Цезаря, слѣдствіемъ котораго было необыкновенно искусное движеніе его въ Фессалію, соединеніе въ ней съ Домиціемъ и наконецъ—пораженіе Помпея при Фарсалѣ, искусными распоряженіями его, Цезаря, въ этомъ сраженіи.

Усиленное и быстрое преслѣдованіе имъ Помпея до Александріи, лишь съ небольшою частію войскъ и судовъ, несвоевременное вниманіе его въ дѣла Египта, походъ противъ Фарнака и дѣла въ Римѣ снова задержали его на цѣлый годъ, что дало партіи Помпея время усилиться и утвердиться въ Африкѣ. Это было большою ошибкой съ его стороны и стоило ему гораздо большаго труда побѣдить эту партію въ Африкѣ, нежели годомъ ранѣе—тотчасъ послѣ сраженія при Фарсалѣ.

Отъ этого замедленія ему снова пришлось переправляться въ Африку осенью, когда бури могли сокрушить его флотъ, а море было во власти Сципіона. Дѣйствительно, буря разсѣяла его флотъ, и на берегахъ Африки повторилось то же, что было на берегу Эпира, но съ гораздо большими трудностью, опасностью и невыгодой для Цезаря. Съ незначительными силами, лишь постепенно подкрѣпляемыми, искусно дѣйствовалъ онъ оборонительно противъ превосходныхъ силъ Сципіона, доколѣ, по уравниванію силъ, онъ не перешелъ къ дѣлательной наступательной оборонѣ при Руспийѣ и Уцитѣ. Но недостатокъ продовольствія заставилъ его произвести наступательное движеніе къ Тапсу, и здѣсь, послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ принудить Сципіона къ бою на равнинѣ, ему удалось наконецъ одержать надъ нимъ рѣ-

шительную побѣду—мгновеннымъ порывомъ собственныхъ войскъ, помимо своей воли.

Остатки Помпеевой партіи, съ сыновьями его въ главѣ, бросились въ Испанію—и туда противъ нихъ направилъ Цезарь послѣднія наступательныя дѣйствія свои, кончившіяся, послѣ искуснаго маневрированія на р. Батисѣ, рѣшительною побѣдой въ трудномъ сраженіи при Мундѣ и покореніемъ всей Испаніи, что все вмѣстѣ потребовало однако болѣе полугода.

Таковъ вообще былъ ходъ междуусобной войны, которая могла бы быть кончена въ пользу Цезаря вдвое скорѣе, еслибы тому не помѣшали три обстоятельства: 1) и 2) позднія переправы его осенью и зимою въ Эпиръ и Африку и особенно 3) александрійская война, съ походомъ противъ Фарнака—между ними. И едва-ли не всѣ эти три обстоятельства произошли, не столько по случайному стеченію ихъ, сколько по ошибкамъ Цезаря. Переправа его въ Эпиръ до осени 49 г. и оттуда въ Африку весною 48 г. позволили бы ему, можетъ быть, восторжествовать надъ Помпеемъ и его партіей еще до конца 48 г. Но позднія переправы въ Эпиръ и Африку и особенно Александрійская война, справедливо называемая Наполеономъ I несчастною, въ смыслѣ совершенно несвоевременной, протянуло войну на цѣлыхъ пять лѣтъ и стоило Цезарю, сверхъ большой потери времени, очень много труда и пожертвованій. И если онъ восторжествовалъ вездѣ надъ всѣми, то единственно благодаря своему необыкновенному искусству, противопоставленному неискуснымъ и ошибочнымъ дѣйствіямъ своихъ противниковъ.

Замѣчанія по поводу каждой изъ его войнъ: междуусобной въ Италіи, Испаніи и Греціи, александрійской, африканской и послѣдней испанской уже были изложены въ своихъ мѣстахъ выше. Здѣсь же слѣдуетъ рассмотреть собственно образъ и искусство веденія Цезаремъ междуусобной войны.

Цезарь и въ междуусобной войнѣ былъ вѣренъ правиламъ, которымъ слѣдовалъ въ Галліи, ведя войну завослательную, искусно употребляя, какъ вспомогательное средство къ тому, военную политику и дѣйствуя, по обстоятельствамъ, временно—оборонительно, но болѣе—наступательно—оборонительно и преимущественно наступательно, и не только весною, лѣтомъ и осенью, но и зимою, поводомъ къ чему служило стремленіе его предупреждать своихъ противниковъ и нападать на нихъ прежде, нежели они успѣвали утвердиться и усилиться. Такъ онъ зимою открылъ походы противъ Помпея въ Италію и Эпиръ, Сципіона въ Африкѣ и сыновей Помпея въ Испаніи. Но это были исключенія изъ правила располагать войска на зиму въ лагеряхъ или на квартирахъ.

Приобрѣтеніе имъ, до и во время походовъ, свѣдѣній о мѣстности и непріятелѣ было для него менѣе затруднительно, нежели въ Галліи, Германіи и Британіи, потому что страны, въ которыхъ происходила война, были римскія области или, какъ Египетъ, союзныя съ ними, и потому болѣе извѣстны, а въ войскѣ и народѣ Цезарь всегда находилъ приверженцовъ къ себѣ, которые доставляли ему того и другаго рода свѣдѣнія, какъ лазутчики, переметчики и т. п. Но такую же выгоду, хотя и въ меньшей мѣрѣ, имѣли въ этомъ отношеніи и Помпей, и его партія (какъ, напримѣръ, свѣдѣнія, полученныя первымъ при Диррахіѣ отъ двухъ переметчиковъ галловъ-аллобрововъ). Средствами для приобретенія свѣдѣній о мѣстности и непріятелѣ вообще Цезарю служили тѣже, что и въ войнѣ въ Галліи, но преимущественно весьма хорошая передовая конница его, которую онъ употреблялъ съ этою и другими дѣлами гораздо лучше, нежели его противники.

Хотя не только въ Испаніи, Греціи и Африкѣ, но и въ Египтѣ онъ имѣлъ противъ себя войска благоустроенныя по римски и только въ походахъ противъ Фарнака и въ Африкѣ варварскія, т. е. азіатскія и африканскія, но всегда былъ слабѣе ихъ числомъ, превосходя ихъ однако въ тактическихъ и нравственныхъ качествахъ своихъ войскъ, съ которыми, какъ онъ говорилъ, можно было все небо перевернуть.

Въ междуусобной войнѣ онъ имѣлъ всегда болѣе римскихъ войскъ, нежели вспомогательныхъ иѣшихъ и конныхъ, какъ по обстоятельствамъ, такъ и потому, что не желалъ нарушать стройнаго единства первыхъ и присоединеніемъ къ нимъ послѣднихъ приносить имъ болѣе вреда, нежели пользы.

Числительное превосходство непріятелей заставляло его, также какъ въ Галліи, по возможности менѣе и рѣже раздѣлять свои силы, но дѣйствовать преимущественно сосредоточенными, хотя, имѣя уже гораздо болѣе опытности и довѣрія къ самому себѣ и къ своимъ легатамъ и войскамъ — менѣе, нежели въ Галліи, опасался раздѣлять свои силы. Всего болѣе онъ раздѣлялъ ихъ въ началѣ междуусобной войны, послѣ того, какъ Помпей удалился изъ Брундузіи въ Грецію. Тогда онъ сосредоточилъ при себѣ въ Испаніи только 6 легіоновъ, между тѣмъ какъ 3 осаждали Массилію, 4 отправились въ Сицилію и Африку, 1 въ Сардинію, а прочіе остались въ Италіи, при Брундузіи и на берегахъ моря. Въ Эпирѣ онъ сосредоточилъ противъ Помпея 10 легіоновъ и изъ нихъ 82 когорты при Фарсалѣ.

Противниковъ же своихъ онъ, какъ и въ Галліи, старался принуждать къ раздѣленію

ихъ силъ, дабы разбивать ихъ по частямъ, дѣйствуя быстро и рѣшительно.

По этимъ причинамъ, и предметами наступательныхъ дѣйствій его были, какъ въ Галліи, ближайшіе или важнѣйшіе пункты, на которыхъ силы противниковъ его были сосредоточены. Такъ въ 49 г. онъ двинулся прямо къ тому пункту, гдѣ Помпей сосредоточилъ свои силы, т. е. къ Брундузію, и тѣмъ обезпечилъ себѣ обладаніе Римомъ. Когда же Помпей удалился въ Грецію, то, за неимѣніемъ флота для переправы туда, онъ ограничился только обезпеченіемъ себя со стороны Помпея на восточныхъ берегахъ Италіи.

Въ прочихъ отношеніяхъ, изложенныхъ выше въ § 38 на стран. 280—282, онъ и въ междуусобной войнѣ дѣйствовалъ точно также, какъ въ Галліи. Замѣтимъ только, что въ отношеніи къ продовольствованію войскъ онъ въ междуусобной войнѣ гораздо чаще, нежели въ Галліи, случался въ болѣе или менѣе трудномъ положеніи, вслѣдствіе недостатка продовольствія, что имѣло большее или меньшее вліяніе и на его дѣйствія, но являло и тѣмъ болѣе заботливость его о добываніи продовольствія и снабженіи имъ войскъ своихъ.

То, что въ § 39 на стр. 282—283 было сказано объ исполненіи соображеній, открытіи походовъ и дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ, можетъ быть примѣнено и къ междуусобной войнѣ. Занятіе рѣшительныхъ пунктовъ въ ней достигалось какъ сухимъ путемъ, такъ особенно часто моремъ: въ 49 г. — изъ Брундузіи въ Эпиръ, въ 48 г. — изъ Греціи въ Александрію, въ 47 г. — изъ Сициліи въ Африку и въ 46 г. — изъ Италіи въ южную Испанію. А на сухомъ пути рѣшительными пунктами дѣйствій Цезаря были Брундузія и потомъ горные проходы въ Пирепеяхъ, Плерда, Диррахій и Фарсалъ въ 49—48 гг., Александрія и потомъ мѣсто расположенія арміи Птолемѣя на берегу Нила и Зела въ Малой Азіи въ 48—47 гг., Руспина, Уцита и Тапсъ въ Африкѣ въ 47—46 гг. и наконецъ Уліа, Кордуба и Мунда въ южной Испаніи въ 46—45 гг.

Что касается противниковъ Цезаря въ междуусобной войнѣ, то всѣ они стояли далеко ниже его, начиная отъ незначущихъ египетскихъ полководцевъ и Фарнака до самаго Помпея и его главныхъ сподвижниковъ и военачальниковъ: Афранія, Петреія, Вара, Лабіена, Сципіона и сыновей Помпея, Кнеія и Секста. Всѣ они оказали мало искусства противъ Цезаря, которому за всѣмъ тѣмъ стоило большаго или меньшаго труда окончательно одолѣть ихъ, потребовалось для того много искусства и принести ему много чести.

Подобно тому, какъ въ Галліи, Цезарь предпочиталъ бой въ открытомъ полѣ

но гораздо чаще былъ вынуждаемъ обстоятельствами маневрировать или прибѣгать къ обложеніямъ и большимъ фортификаціоннымъ работамъ. Въ отношеніи къ открытому бою, гораздо чаще встрѣчается расположеніе его очень близко отъ непріятеля, какъ, напримѣръ, при Илердѣ, Диррахіѣ, Фарсалѣ, въ Александріи, при р. Нилѣ, Зелѣ, Руспинѣ, Уцитѣ, Тапсѣ, Улин, Кордубѣ, Мундѣ и многихъ другихъ случаяхъ въ разныхъ странахъ во время междоусобной войны. Причины тому были объяснены въ своихъ мѣстахъ выше. Но особенно богаты походы Цезаря въ междоусобной войнѣ маневрированіемъ и обложеніями въ большихъ размѣрахъ. Маневрированіе его имѣло цѣлю дѣйствовать на сообщенія непріятеля съ его отрядами и особенно складами продовольствія или мѣстами, изъ которыхъ непріятель добывалъ или могъ добывать продовольствіе, фуражъ или воду. Такого рода маневрированіемъ, равно какъ и большими фортификаціонными работами, особенно отличаются дѣйствія Цезаря при Илердѣ, Диррахіѣ, въ Эпирѣ и Ѳессаліи, въ Африкѣ при Руспинѣ, Уцитѣ и Тапсѣ, и въ Испаніи на р. Бѣтисѣ. Въ междоусобной войнѣ Цезарь гораздо чаще, нежели въ Галліи, прибѣгалъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ посредствомъ маневрированія противъ сообщеній непріятеля, по той главной причинѣ, что, на случай боя съ непріятелемъ на его сообщеніяхъ, онъ имѣлъ уже гораздо болѣе довѣрія

къ самому себѣ, къ своимъ войскамъ и ихъ начальникамъ. Первый примѣръ такого рода представляютъ дѣйствія его при Илердѣ, замѣчательныя тѣмъ, что начатныя маневрированіемъ, они окончились обложеніемъ посредствомъ фортификаціонныхъ работъ. Тотъ же самый ходъ дѣйствій въ сущности усматривается и при Диррахіѣ, Руспинѣ и Уцитѣ, и на р. Бѣтисѣ. Къ такому же роду дѣйствій принадлежитъ и смѣлое движеніе Цезаря въ Африкѣ отъ Руспины къ Зелѣ въ тылу Сципіона.

Въ случаяхъ одержанія рѣшительной побѣды въ открытомъ бою, какъ напримѣръ при Фарсалѣ, Зелѣ, Тапсѣ и Мундѣ, Цезарь преслѣдовалъ разбитого непріятеля съ крайнимъ напряженіемъ силъ, быстротою и рѣшительностью, и тѣмъ усугублялъ важные результаты, приобретаемые побѣдой, какъ въ военномъ отношеніи, такъ особенно въ политическомъ.

Въ случаяхъ же неудачъ своихъ, онъ, также какъ въ Галліи, являлъ большую энергію, заботясь прежде всего объ ободреніи войскъ своихъ, о поддержаніи въ нихъ твердости духа, а потомъ двигаясь, не какъ побѣжденный, а какъ побѣдитель, въ другомъ направленіи. Такъ напримѣръ, поступилъ онъ послѣ неудачи при Диррахіѣ, двинувшись въ Ѳессалію и стараясь на пути туда одерживать успѣхи въ небольшихъ, но удачныхъ предпріятіяхъ, какъ, напримѣръ, взятіи города Гомфи при движеніи къ Фарсалу.

§ 91.

Въ тактическомъ отношеніи.

Тактическіе: строй и образъ движеній и дѣйствій войскъ Цезаря въ междоусобной войнѣ имѣли тѣже общія и главные черты, которыя изображены выше въ §§ 41—43. Но такъ какъ римскія войска Цезаря сражались уже противъ такихъ же римскихъ, такимъ же образомъ устроенныхъ тактически, то весьма естественно, что въ тактическихъ: строѣ, движеніяхъ и дѣйствіяхъ ихъ нерѣдко усматриваются разнообразныя, смотря по обстоятельствамъ, но согласныя съ духомъ римской тактики, особенности. Такъ, напримѣръ, при Илердѣ, въ самомъ началѣ, цѣлыхъ 5 часовъ сряду когорты сражались противъ когортъ, то наступая, то отступая—исключительно метательнымъ оружіемъ (полукопьями, *pilum*) и лишь подъ конецъ только мечами. Передъ началомъ сраженія при Фарсалѣ, Помпей не безъ причины приказалъ своей пѣхотѣ выжидать, стоя на мѣстѣ, атаки пѣхоты Цезаря, дабы тѣмъ ослабить и даже уничтожить первое

ея дѣйствіе метательнымъ оружіемъ на бѣгу. Поэтому-то и Цезаревы легіонеры, увидавъ, что Помпеевы стояли на мѣстѣ, а не шли имъ на встрѣчу, сами остановились, чтобы перевести духъ, устроиться, сомкнуться и снова броситься на Помпеевыхъ легіонеровъ съ полукопьями въ рукахъ, дабы вѣрнѣе попасть имъ въ непріятелей. Иначе имъ пришлось бы бѣжать слишкомъ далеко и долго и тѣмъ значительно утомиться и разстроиться.

При атакахъ римской пѣхоты противъ римской же пѣхоты, атакующія когорты бросались не въ интервалы непріятельскихъ когортъ, но прямо на цѣлый фронтъ ихъ, и не на отдѣльныя фланги когортъ, а на фланги цѣлой непріятельской линіи. Причиной этого было то, что строй римской пѣхоты имѣлъ хорошія, хотя и простыя, средства противудѣйствія такого рода атакамъ, независимо отъ того, что тактический образъ дѣйствій римской пѣхоты вообще

былъ вполне рассчитанъ на прорывъ непріятельскаго строя.

Строй въ массѣ (*orbis*) былъ оборонительнымъ боевымъ порядкомъ противъ атакъ непріятеля съ многихъ или всѣхъ сторонъ. Такъ въ сраженіи при Никополѣ 36-й легионъ отступилъ съ боемъ къ подошвѣ высотъ и тамъ построился въ оборонительный боевой порядокъ въ массѣ. Такъ и Цезарь, на обратномъ движеніи отъ Зеты въ Африкѣ въ свой лагерь при Уцитѣ, принужденъ былъ наконецъ построиться и идти въ этомъ же порядкѣ.

Въ отношеніи къ строю и образу дѣйствій римской конницы, сраженіе при Фарсалѣ представляетъ, со стороны Помпея, примѣръ употребленія большой массы конницы, составленной и устроенной такъ, какъ было означено выше въ концѣ § 41, т. е. колоннами изъ конныхъ крылъ (*ala*), примѣрно изъ трехъ турмъ (24 ряда) во фронтѣ и четырехъ турмъ (16 шеренгъ) въ глубину. У Цезаря также бывало въ совокупности до 10 крылъ или полковъ конницы, силой до 4 т. чел., и Цезарь умѣлъ отлично употреблять конницу какъ въ бою, такъ и въ полѣ для охранной и развѣдывательной службы, какъ при отступленіи, такъ особенно при преслѣдованіи непріятеля. Вообще слѣдуетъ сказать, что тактика и образъ дѣйствій римской конницы въ это время были значительно развиты и усовершенствованы противъ прежняго.

Междуусобная война представляетъ также много примѣровъ прямыхъ, наступательныхъ и отступательныхъ, и боковыхъ или фланговыхъ движеній армій Цезаря и порядка движенія при этомъ легионовъ, конницы, легкой пѣхоты и тяжестей. Къ числу наиболѣе замѣчательныхъ принадлежитъ превосходное отступательное и фланговое движеніе отъ Диррахіа къ Аполлоніи и оттуда въ Θεσσαλίю, а также движеніе отъ Руспины къ Агару и потомъ къ Тапсу и мн. др. Замѣчательно также наступательное движеніе армій Цезаря, при Илердѣ на р. Скоррисѣ, противъ лагеря Афранія и Петрейя—въ боевомъ порядкѣ (*acie instructa*), что обыкновенно производилось только на короткихъ разстояніяхъ—не выше 16 т. шаговъ или около 3 часовъ времени.

При отступленіяхъ Цезарь иногда строилъ арміи или отряды свои въ большой четвероугольникъ (*agmen quadratum*) и даже въ сомкнутый кругомъ порядокъ (*orbis*), какъ, напримѣръ, при отступленіи отъ Зеты къ Уцитѣ и Руспинѣ въ Африкѣ, въ 46 г.

Въ фланговыхъ движеніяхъ, на короткихъ разстояніяхъ, всегда въ боевомъ порядкѣ (*acie instructa*), легионы его слѣдовали по линіямъ, или въ три (*acie triplice*), или въ двѣ (*acie duplice*), какъ означено выше (§ 42). Такъ, напримѣръ, шли они въ Испанію, при Илердѣ на р. Скоррисѣ, въ 49 г.,

при Диррахіѣ въ 48 г. и въ Африкѣ нѣсколько разъ при Руспинѣ и Уцитѣ и отъ Руспины къ Агару и Тапсу, въ 47—46 гг. При этомъ, на открытой мѣстности, какъ между Руспиной, Агаромъ и Тапсомъ, на флангѣ колонны, обращенномъ къ непріятелю, слѣдовалъ особый охранный отрядъ, подобный передовому (авангарду) или заднему (*аррьергарду*).

При выступленіи армій изъ лагеря въ дальнѣйшій походъ, въ виду непріятеля, хотя можно было обойтись безъ сигнала для того, но это считалось противнымъ чести и Цезарь не упускалъ случая, двинувъ уже всю армію изъ лагеря, подавать обычный сигналъ, дабы гласно возвѣщать о томъ непріятелю, какъ, напримѣръ, при движеніи отъ Диррахіа къ Аполлоніи и оттуда въ Θεσσαλίю и т. п.

При переходахъ черезъ рѣки въ бродъ, Цезарь ставилъ двѣ линіи поперегъ рѣкъ, противъ теченія, а между ними проводилъ пѣхоту. При Илердѣ онъ поставилъ поперегъ р. Скорриса, выше—вьючныхъ животныхъ, а ниже—конницу.

Мосты черезъ рѣки онъ строилъ, смотря по обстоятельствамъ, или на судахъ, какъ черезъ р. Скоррисъ при Илердѣ, или на плетняхъ, наполненныхъ камнями и погруженныхъ на дно рѣки и выше уровня воды, какъ, напримѣръ, на р. Бэтисѣ въ Испаніи, въ 45 г.

Въ наступательныхъ сраженіяхъ 3-я линія или резервъ была употребляема или съ наступательною, или съ оборонительною цѣлію (см. § 43). Такъ, напримѣръ, при Фарсалѣ, когда 1-я и 2-я линіи уже поколебали линію Помпея, но еще не отбѣснили ее, а 4-я линія (или 6 фланговыхъ резервныхъ когортъ) обезпечила правый флангъ Цезаря и атаковала лѣвый флангъ Помпея, 3-я линія Цезаря, по его собственному распоряженію, прошла сквозь интервалы 1-й и 2-й и своими свѣжими силами нанесла окончательный, рѣшительный ударъ линіи Помпея.

При всѣхъ атакахъ, съ цѣлію напасть на непріятеля внезапно, на всѣхъ пунктахъ его линіи въ одно время и рѣшить дѣло однимъ ударомъ, въ 3-й линіи или резервѣ не было надобности. Такъ Цезарь атаковалъ старый или прежній лагерь Помпея при Диррахіѣ только двумя линіями. Помпей, послѣ отбитой атаки его противъ южныхъ укрѣпленій Цезаря, укрѣпился въ послѣднихъ, дабы имѣть опорный пунктъ и болѣе свободы въ добываніи продовольствія. Цезарь съ своей стороны укрѣпился очень близко противъ него, дабы воспрепятствовать ему въ томъ, и узнавъ, что войска Помпея—по видимому около одного легиона—двинулись къ старому Помпееву лагерю, повелъ противъ нихъ 33 когорты, т. е. втрое болѣе войскъ, дабы атаковать ихъ и съ фронта и съ фланговъ, окружить и

взять въ плѣнъ или разбить. Для этого ему нуженъ былъ длинный фронтъ, а въ 3-й линіи или резервѣ надобности не было. При этомъ Цезарь не ошибся ни въ чемъ, исключая только того, что не ожидалъ, чтобы резервы Помпея подоспѣли такъ скоро на помощь, отчего атака Цезаря и не удалась.

4-ю линію образовали: при Фарсалѣ—6 правофланговыхъ резервныхъ когортъ Цезаря, при Уцитѣ—5-й легионъ на лѣвомъ флангѣ боеваго порядка Цезаря, и при Тапсѣ—тотъ же легионъ, поровну раздѣленный на обоихъ флангахъ, противъ слововъ Сципіона.

Если непріятель усиливалъ одно крыло свое гораздо болѣе другаго, то и Цезарь строилъ противъ перваго 4, а противъ послѣдняго 3 и даже 2 линіи, какъ, напримѣръ, при Уцитѣ, гдѣ на правомъ флангѣ было только 2 линіи, а на лѣвомъ 3 и кромѣ того 5-й легионъ, какъ сказано, образовалъ 4-ю.

Конницу Цезарь строилъ различно, смотря по обстоятельствамъ: или поровну на обоихъ флангахъ, или всю на одномъ (какъ, напримѣръ, при Фарсалѣ на правомъ, а при Уцитѣ на лѣвомъ), въ тѣсной связи съ 4-ю линіей,—или наконецъ всю позади линіи пѣхоты, какъ, напримѣръ, при атакѣ стараго лагеря Помпея при Диррахіѣ.

Легкая пѣхота была малополезна при рѣшительныхъ атакахъ легионерной пѣхоты, но очень полезна въ тѣхъ случаяхъ, когда, хотя и съ цѣлію атаки, имѣлось однако въ виду прежде выждать, что предприметъ непріятель, какъ, напримѣръ, при расположеніи Цезаря противъ Афранія при Илердѣ на р. Сикоррисѣ и противъ Сципіона при Уцитѣ, гдѣ произошелъ частный, а не общій бой.

Боевые порядки армій Цезаря въ междоусобной войнѣ, когда у него уже бывало въ совокупности до 10 и 12 легионовъ и ему невозможно было, какъ въ Галліи, каждый легионъ особо поручать одному изъ своихъ легатовъ, — раздѣлялись преимущественно уже на центръ и два крыла, каждыя изъ которыхъ были подъ начальствомъ легата, какъ, напримѣръ, Антонія, Силлы и Доміція при Фарсалѣ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что въ запискахъ Цезаря 1-я, 2-я и 3-я линіи (въ глубину) всегда называются *acies prima, secunda, tertia*, а крыло и флангъ—одинаково *cogni* (*dextrum—sinistrum*, правые—лѣвые). Такъ, напримѣръ, Цезарь изображаетъ расположеніе свое и Афранія между ихъ лагерями при Илердѣ на р. Сикоррисѣ.

Бой начинали, иногда правое крыло и на немъ лучший, 10-й легионъ преимущественно, какъ, при Фарсалѣ и Тапсѣ, а иногда лѣвое и на немъ также лучший или лучшие легионы, какъ при Уцитѣ. На флангѣ ата-

кующаго крыла становился самъ Цезарь и подавалъ 1-й сигналъ въ бою.

Въ отношеніи къ оборонительному бою въ открытѣмъ полѣ, во время движенія впередъ и назадъ, сказанное выше (§ 43) можно примѣнить къ бою Цезаря противъ Лабіена при Руспинѣ въ Африкѣ, въ 47 г. Въ этомъ бою Цезарь, видя противъ себя большія массы конницы и легкой пѣхоты въ длинной линіи, хотѣлъ сберечь свои, сравнительно болѣе слабыя силы и, до ихъ появленія, замедлить бой, и потому призналъ болѣе выгоднымъ для себя построить свои когорты не съ интервалами, а безъ оныхъ. Слѣдовательно 30 когортъ, бывшихъ у него, построенныя въ 2 линіи, по 15 когортъ въ каждой, безъ интерваловъ, занимали только 1,800 футовъ во фронтѣ. Это побудило Цезаря, по объясненію Гипшара (см. § 78), среднія 3 шеренги когортъ вывести направо и налѣво, дабы удлинить фронтъ, а по объясненію Рюстова—15 когортъ 2-й линіи ввести въ интервалы 15 когортъ 1-й, что составило одну линію длиною въ 3,600 или до 4 т. футовъ, удлиненную еще на 1 т. футовъ построеніемъ 400 чел. конницы поровну на флангахъ, а 150 стрѣлковъ распредѣлить впереди фронта пѣхоты и конницы. Такимъ образомъ, по объясненію Рюстова, Цезарь построилъ свои войска въ одну линію (*acies simplex*). Но непріятель (Лабіенъ), будучи гораздо сильнѣе числомъ и имѣя болѣе длинную линію фронта, все болѣе и болѣе охватывалъ линію Цезаря и угрожалъ совершенно охватить ее съ фланговъ и тыла. Тогда Цезарь призналъ необходимымъ предупредить это переходомъ къ наступленію и атакѣ слѣдующимъ образомъ: всѣмъ четнымъ когортамъ 2-й линіи онъ приказалъ обратиться назадъ и выйти изъ интерваловъ нечетныхъ когортъ 1-й линіи;—затѣмъ когортамъ 2-й, 4-й, 6-й, 8-й, 10-й, 12-й и 14-й праваго крыла 2-й линіи зайти направо и атаковать непріятельскую конницу, оттѣснившую правофланговую конницу Цезаря, которая и отступила за эти когорты;—когортамъ же 16-й, 18-й, 20-й, 22-й, 24-й, 26-й, 28-й и 30-й лѣваго крыла 2-й линіи зайти налѣво и атаковать непріятельскую конницу, оттѣснившую лѣвофланговую конницу Цезаря, которая также отступила за эти когорты. Въ то же самое время 1-я, 3-я, 5-я, 7-я, 9-я, 11-я, 13-я и 15-я когорты праваго крыла 1-й линіи зашли на право, а 17-я, 19-я, 21-я, 23-я, 25-я, 27-я и 29-я когорты лѣваго крыла 1-й линіи—на лѣво. Между тѣмъ какъ пѣхота Цезаря, въ двухъ отдѣльныхъ линіяхъ, двинулась направо и налѣво въ атаку противъ лѣвой и правой фланговой конницы непріятеля и опрокинула ее въ противоположныхъ направленіяхъ, Цезарь собралъ всю свою конницу (400 чел.) въ два отдѣленія (по 200 чел.), атаковалъ ею центръ непріятеля и

опрокинулъ его въ третьемъ направленіи. Когда такимъ образомъ непріятель былъ опрокинутъ и на флангахъ, и въ центрѣ, Цезарь собралъ свои войска, снова построилъ ихъ въ боевой порядокъ и отступилъ въ свой лагерь. Это объясненіе Рюстовымъ ис-

кусной эволюціи Цезаря противъ Лабіена понятнѣе и цѣлесообразнѣе объясненія ея Гиншаромъ, приведеннаго выше (§ 78) и которое, должно признаться, малопонятно и маловѣроятно.

§ 92.

Въ фортификаціонномъ и поліорцетическомъ отношеніи.

Полевые лагери и полевые укрѣпленія устраивались и всѣ фортификаціонныя и осадныя работы при обложеніяхъ и осадахъ производились Цезаремъ въ междуусобной войнѣ вообще согласно съ нормальными правилами, изложенными выше въ § 44. Къ нѣкоторымъ исключеніямъ изъ нихъ, сообразно съ обстоятельствами, относятся слѣдующія:

Когда Цезарь занялъ при Илердѣ свой лагерь очень близко отъ лагеря Афранія и Петреія, то приказалъ сначала не возводить валь въ вышину, но вынутую изъ рва землю разсыпать въ ширину, потому что у него не было подъ рукою лѣсныхъ матеріаловъ для одежды вала плетнемъ, посылать же людей за ними вдаль онъ не хотѣлъ, пока войска его въ такомъ близкомъ разстояніи отъ непріятеля не были достаточно обезпечены отъ него по крайней мѣрѣ рвами.

Цезарь часто употреблялъ обложеніе (блокаду) непріятельскихъ армій въ открытомъ полѣ—въ междуусобной войнѣ, какъ и въ войнѣ въ Галліи, иногда съ успѣхомъ, какъ противъ Афранія и Петреія между Илердой и Иберомъ, а иногда безъ успѣха, какъ противъ Помпея при Диррахіѣ, гдѣ полное обложеніе было невозможно, потому что Помпей имѣлъ въ тылу за собою море и большой флотъ на немъ.

Небольшіе города, но очень сильно укрѣпленные и съ незначительными гарнизонами, какъ, напримѣръ, Гомфи въ Фессаліи, Тиздру и др. близъ Тапса въ Африкѣ, Цезарь бралъ открытою силой приступомъ (*orripugnatio repentina*). Города же сильно укрѣпленные, достаточно снабженные войсками и продовольствіемъ и которыхъ нельзя было взять ни открытою силой, ни обложеніемъ, онъ бралъ правильно осадой (*orripugnatio*). Но въ междуусобной войнѣ такіе примѣры рѣдки и осадныя работы противъ Александрій, единственная большая осада Массиліи и небольшія осады Тапса, Мунды и др. составляютъ лишь исключенія, далеко не равняющіяся частымъ и большимъ осадамъ городовъ Цезаремъ въ Галліи. За то частыя и большія фортификаціонныя работы, по устройству обширныхъ укрѣпленныхъ линій и сомкнутыхъ укрѣпленій, разнаго рода и вида,

встрѣчаются со стороны Цезаря въ междуусобной войнѣ, во всѣхъ его походахъ, особенно въ Испаніи, Греціи и Африкѣ, еще чаще, нежели въ Галліи.

Изъ числа осадныхъ работъ Цезаря въ междуусобной войнѣ можно отмѣтить слѣдующія особенныя:

Выше (§ 45) было сказано, что нижняя ширина осадной насыпи (*agger*), вышиною въ 80 футовъ, имѣла обыкновенно около 60 футовъ, а верхняя около 50, и съ этимъ вполне согласуется ширина въ 60 футовъ насыпной земляной черепахи (*testudo*), которая при осадѣ Массиліи подвигалась впереди осадной насыпи. Изъ построенія каменной башни, которою при Массиліи замѣнили сожженную деревянную, можно уже заключить, что осадная насыпь имѣла лишь умѣренную ширину.

Сила различныхъ способовъ прикрытія осадныхъ работъ, какъ-то: черепахъ, крытыхъ ходовъ, щитовъ и т. п., зависѣла отъ дѣйствія непріятельскихъ метательныхъ орудій. Стѣны крытыхъ ходовъ были обыкновенно устраиваемы изъ толстыхъ и крѣпкихъ плетней; но при осадѣ Массиліи это было недостаточно и всѣ прикрытія нужно было устроить изъ большихъ и толстыхъ брусевъ и бревенъ.

Башень (*turres*) на каждой осадной насыпи устраивалось по крайней мѣрѣ по одной: такъ при осадѣ Массиліи на каждой изъ двухъ насыпей было по одной башнѣ.

Насыпи требовали много деревяннаго матеріала и потому часто были сожгаемы. По этой причинѣ и при осадѣ Массиліи, по сожженіи первыхъ насыпей, когда нигдѣ болѣе въ окрестностяхъ нельзя было достать деревяннаго матеріала, Требоній былъ принужденъ построить каменную насыпь или по крайней мѣрѣ съ каменными боковыми стѣнками, и притомъ не сплошную или глухую, а съ внутренними, большими или меньшими, пустотами, для предохраненія отъ подземныхъ работъ непріятеля, и наконецъ—возводимую не разомъ во всю вышину, но постепенно или по-ярусно.

Приступъ къ осажденному городу съ вершины насыпи, подведенной къ самой городской стѣнѣ, случался рѣдко: обыкно-

венно городъ сдавался до того, какъ напри-
мѣръ Массилія—прежде нежели насыщъ бы-
ла доведена до стѣны, и именно по при-

чинѣ совершенной безнадежности жителей и
крайняго недостатка въ продовольствіи у
нихъ.

§ 93.

З а к л ю ч е н і е.

Изъ всего изложеннаго выше можно со-
ставить себѣ общее понятіе объ образѣ и
искусствѣ веденія Цезаремъ междуусобной
войны, о личномъ искусствѣ его, какъ полко-
водца, о свойствахъ его войскъ и против-
никовъ въ ней, и о характерѣ самой войны
этой и походовъ ея во всѣхъ означенныхъ
выше отношеніяхъ.

Разсмотрѣвъ, въ своихъ мѣстахъ выше,
каждый изъ походовъ Цезаря въ междуусоб-
ной войнѣ, равно александрійскую войну
и походъ противъ Фарнака—въ частности,
здѣсь бросимъ общій взглядъ на нихъ: *)

Весьма естественно и понятно, что необык-
новенные военные успѣхи, пріобрѣтенные
Цезаремъ въ Галліи, не могли не возбудить
и дѣйствительно возбудили зависть его вра-
говъ въ Римѣ и что единственный человекъ,
который могъ противустать ему, какъ по-
литическій противникъ, именно Помпей, дол-
женъ былъ прійти въ такое положеніе, въ
которомъ, если только онъ не захотѣлъ бы
добровольно отказаться отъ власти, все сво-
дилось къ вопросу—быть или не быть. Усту-
пить Помпею для Цезаря конечно не было
никакой возможности и потому послѣдній
былъ увлеченъ неизбежною и непреодоли-
мою судьбою. Еслибы даже предположить,
что Помпей, вполне сознавъ взаимныя
отношенія между нимъ и Цезаремъ, ско-
рѣе, нежели послѣдній, былъ бы въ состоя-
ніи отказаться отъ власти, то и въ такомъ
случаѣ Цезарю предстояло бы вступить въ
войну съ тѣми изъ римскихъ республикан-
цовъ, которые видѣли бы въ немъ только
похитителя власти и врага свободы и, мо-
жетъ быть, вскорѣ избрали бы другаго на
его мѣсто. Цезарь же, напротивъ, еслибы
захотѣлъ отсрочить исполненіе своихъ за-
мысловъ и уступить мѣсто своему, видимо
слабѣйшему противнику, долженъ былъ бы,
или подвергнуть отрицанію несомнѣнные, ка-
савшіеся его, Цезаря, факты, или предать ихъ
забвенію. Кажется, что Помпею предстоялъ
еще свободный выборъ, Цезарю же, напро-
тивъ, никакого нѣмаго, кромѣ смерти, если-
бы онъ не захотѣлъ сражаться за свою
жизнь, т. е., по его понятіямъ, за верхов-

ную власть *). Помпей, въ своемъ выборѣ,
рано или поздно не могъ бы избѣжать сво-
его паденія, какія ни пережили бы событія.
Цезарю же, напротивъ, могло угрожать только
одно насильственное прерваніе судьбою пла-
новъ цѣлой его жизни. Можетъ быть онъ
имѣлъ предчувствіе того, когда незадолго до
своей кончины, на вопросъ «какая лучшая
смерть?»—тотчасъ же громкимъ голосомъ
отвѣчалъ: «наименѣе ожидаемая».

Если разсмотрѣть вообще поступки Це-
заря и Помпея, то очевидно, что послѣд-
ній вовсе не былъ приготовленъ къ взрыву
событій и самъ не понималъ ясно, чего хо-
тѣлъ. Цезарь же, напротивъ, не только ви-
дѣлъ приближеніе рѣшительной минуты, но
и ясно сознавалъ всѣ побудительныя при-
чины своихъ поступковъ. А это должно было
имѣть совершенно различное вліяніе на волю
каждаго изъ противниковъ. Время напряже-
нія силъ давно прошло для Помпея и цѣ-
лый рядъ годовъ, проведенныхъ имъ въ мирѣ
и среди политическихъ козней, могъ подѣй-
ствовать на него лишь вреднымъ во всѣхъ
отношеніяхъ образомъ. Цезарь же, напро-
тивъ, только что вышелъ изъ войны, кото-
рая 8 лѣтъ держала его въ напряженіи всѣхъ
его силъ. Наконецъ, если присоединить къ
этому дарованія и силу воли обонхъ противни-
ковъ, въ чемъ Цезарь, безъ сомнѣнія, пре-
восходилъ Помпея, то едва-ли будетъ со-
мнительно, что первый изъ нихъ приступалъ
къ дѣлу съ полнымъ сознаніемъ и былъ
подкрѣпленъ въ томъ сплю своего харак-
тера и значительною, пріобрѣтенною имъ
опытною.

Энергическія дѣйствія Цезаря отъ Ру-
бикона до Брундизія были именно такого
рода, какими долженствовали быть противъ
слабаго противника и противъ народа, боль-
шею частію уже расположеннаго въ пользу
его, Цезаря. Внезапность нападенія уже до-
вершила побѣду, когда вся партія Помпея
еще не понимала ясно, что съ нею про-
изошло. Всего замѣчательнѣе то, что свидѣ-
тельствуется о совершенномъ безсильіи духа

*) Руководствуясь преимущественно сочине-
ніемъ генерала Лоссау: *Ideale der Krieg-
führung etc. I B. II Abth. Caesar.*

*) Цезарь чувствовалъ и понималъ это, когда,
по словамъ Плутарха, вступивъ во взятый при
Фарсалѣ лагерь Помпея, сказалъ: «И я, Цезарь,
послѣ столькихъ побѣдъ и съ честію окончен-
ныхъ войнъ, еслибы распустилъ свои войска,
то былъ бы приговоренъ къ смерти!»

Помпея, именно — что онъ могъ остаться въ бездѣйствіи и позволить Цезарю завоевать Испанію. Неразрѣшеннымъ остается также вопросъ, почему Цезарь отсрочилъ нападеніе на Помпея въ Греціи. А между тѣмъ нѣтъ, кажется, сомнѣнія, что еслибы побѣда при Фарсалѣ послѣдовала тотчасъ послѣ удаленія Помпея изъ Италіи въ Грецію, то послѣдовавшія войны и походы Цезаря были бы значительно облегчены и ускорены. Враги Цезаря лишились бы главы и вождя своей партіи, и хотя Помпей сдѣлалъ очень мало или ничего для приведенія къ единству всѣхъ своихъ средствъ сопротивленія и дѣйствій, но даже и эта малая доля должна была въ такомъ случаѣ совершенно отпасть, и Цезарь могъ съ бѣльшимъ правомъ признавать себя верховнымъ властителемъ всѣхъ силъ Рима, противники же его — себя лишь вождями политическихъ партій.

Въ 1-мъ походѣ Цезаря противъ Афранія и Петрейя въ Испаніи особенно замѣчательны конецъ его, когда Цезарь преслѣдовалъ этихъ легатовъ къ Иберу и обратно, дѣйствуя противъ нихъ маневрированіемъ и фортификаціонными обложеніями и являя свидѣтельства необыкновенныхъ дѣятельности и увѣренности въ своихъ дѣйствіяхъ, а также и великодушія — изъ личныхъ, политическихъ побужденій своихъ. Еслибы онъ имѣлъ противъ себя не римлянъ, то едва-ли поступилъ бы съ ними такъ великодушно.

Въ походѣ противъ самаго Помпея въ Греціи особенно рѣзко и сильно проявляются смѣлость, сила воли и высокія военныя дарованія Цезаря. Высадка его въ Эпирѣ не болѣе какъ съ 20 т. войскъ была такимъ смѣлымъ, даже отважнымъ подвигомъ, что удачѣ ея можно было бы даже приписать послѣдующую, столь же отважную мысль Цезаря — по соединеніи его съ Антоніемъ, обложить Помпея обширными укрѣпленными линіями при Диррахіѣ, къ чему его побудила также и бездѣятельность Помпея, доколѣ неудача въ частномъ бою съ нимъ не поколебала довѣрія его, Цезаря, къ обложенію и не обратила его опять на истинный путь дѣйствій. Но разъ обратясь на него, онъ уже продолжалъ дѣйствовать съ энергіей и безъ малѣйшихъ колебаній и промедленій.

Отступленіе его отъ Диррахіа къ Аполлоніи, движеніе оттуда въ Фессалію и соединеніе съ Домпціемъ, между Сципіономъ и Помпеемъ, принадлежатъ къ превосходнѣйшимъ и замѣчательнѣйшимъ дѣйствіямъ его. Но затѣмъ совершенно непонятно, по какому случаю онъ дозволилъ Помпею соединиться съ Сципіономъ. Ожидая перваго при Метрополѣ, онъ вѣроятно сталъ бы дѣйствовать противъ него маневрированіемъ, до удобнаго случая къ бою, еслибы Помпей самъ не двинулся противъ него. Цезарь сблизил-

ся съ нимъ и, усмотрѣвъ его построеніе къ бою, тотчасъ угадалъ слабѣйшую и опаснѣйшую для себя часть своего боевого порядка — правый флангъ, и превосходными тактическими распоряженіями, особенно расположеніемъ 6-ти резервныхъ когортъ за конницею праваго фланга, обезпечилъ себѣ вѣрную побѣду. Ни рано, ни поздно, но въ самую настоящую минуту подаль онъ сигналъ къ атакѣ, и нельзя ничего возразить противъ удовольствія, имъ самимъ выраженного въ своихъ запискахъ, касательно цѣлесообразности принятыхъ имъ мѣръ. Вообще, въ продолженіи всего времени съ отступленія отъ Диррахіа до и послѣ сраженія при Фарсалѣ, способы возрѣнія Цезаря, его прозорливость, дѣятельность, искусство соображеній, распоряженій, движеній и дѣйствій и наконецъ мгновенная рѣшимость являются въ полномъ блескѣ и изобличаютъ великаго полководца въ яркомъ свѣтѣ.

Въ томъ же самомъ родѣ и духѣ преслѣдовалъ онъ, съ крайнимъ напряженіемъ силъ, разбитаго Помпея, даже до Египта. Но тутъ, вслѣдствіе именно этого, онъ самъ, съ своими слабыми силами, очутился въ очень трудномъ и опасномъ положеніи. Однако вспомогательныя средства, развитыя его неистощимымъ гениемъ, его довѣріе къ себѣ и геройскія отважность и храбрость достойно становятся на ряду съ прежними, лучшими военными подвигами его. Египетъ легко могъ бы сдѣлаться предѣломъ его военной славы, еслибы онъ, Цезарь, хотя на минуту усомнился въ своемъ счастьи, т. е. въ самомъ себѣ. Тѣмъ не менѣе, прибытіе его въ Александрію съ слишкомъ слабыми силами, происшедшая отъ того продолжительность александрійской войны и особенно 2-хъ-мѣсячное бездѣйствіе его послѣ нея въ Александріи, нельзя не признать ошибками, которыя только продлили междуусобную войну и стоили ему новыхъ походовъ и многихъ усилій, трудовъ и пожертвованій.

Походъ его противъ Фарнака былъ, хотя и политическою необходимостью, но по другимъ, еще болѣе важнымъ политическимъ обстоятельствамъ въ Римѣ и Африкѣ — весьма несвоевременнымъ и еще болѣе замедлилъ и затруднилъ довершеніе междуусобной войны. Скорую же и легкую побѣду надъ такимъ жалкимъ противникомъ, какъ Фарнакъ, и надъ его варварскою, азіатскою арміей самъ Цезарь не считалъ особенно важнымъ военнымъ подвигомъ, хотя она была очень важна въ политическомъ отношеніи.

Велико, безъ сомнѣнія, было впечатлѣніе, которое Цезарь производилъ на людей своего времени, но едва-ли не еще значительнѣе были глубоко-укоренившіяся понятія многихъ римлянъ о республиканской сво-

бодѣ. Они видѣли въ Помпеевѣ мученика своихъ политическихъ вѣрованій и тѣснѣе соединили сильныя еще остатки его партіи. Они нисколько не принимали въ уваженіе, что Цезарь не менѣе пяти разъ предлагалъ Помпею мирныя переговоры и получилъ рѣшительные, обидные отказы. Они вѣроятно придавали этимъ предложеніямъ неблаговидныя побужденія; но, съ какой бы стороны ни разсматривать ихъ, нельзя не признать, что Цезарь не могъ поступить сообразнѣе съ цѣлю и что если съ его стороны и скрывалась какая нибудь хитрость, то по крайней мѣрѣ трудно было открыть ее. Все, что можно было бы замѣтить въ этомъ отношеніи, ограничивается тѣмъ, что Цезарь, при своихъ попыткахъ къ примиренію съ Помпеемъ, считалъ наиболѣе сообразнымъ съ своими выгодами—самому первому предлагать мирныя переговоры.

Все это можетъ послужить къ объясненію причинъ африканской войны. Цезарь, потерявъ много времени въ александрійской войнѣ и въ походѣ противъ Фарнака, думалъ вознаградить это поспѣшною переправой въ Африку, съ частию своихъ силъ, осенью, въ самую бурную на морѣ пору года и—вслѣдствіе бури, разсѣявшей его флотъ, въ третій разъ очутился въ такомъ же трудномъ и опасномъ положеніи, какъ въ Эпирѣ и Александріи. Хотя, съ одной стороны, медлить ему дѣйствительно было невозможно, но, съ другой стороны, судя по предшествовавшимъ примѣрамъ и послѣдовавшимъ обстоятельствамъ, можно полагать, что ему лучше было бы, или переждать осеннее и зимнее время, или по крайней мѣрѣ отправиться въ Африку со всѣми своими силами вмѣстѣ, принявъ надлежащія, лучшія мѣры на случай бури. Мнѣнія въ пользу и противъ этого были уже изложены выше. Высадка Цезаря близъ Адрумета, съ небольшимъ числомъ войскъ, была совершена съ необыкновенною отважностью и—счастьемъ въ томъ отношеніи, что противъ Цезаря былъ Конспидій и что Цезарь принялъ всѣ возможные мѣры предосторожности, во все время пребыванія своего при Руспиѣ. Дѣйствія его при этомъ городѣ и Уцитѣ, съ цѣлю выманить Сципіона на равнину, обложить его и принудить къ бою, отличаются такимъ искусствомъ, которое ясно само по себѣ и не требуетъ доказательствъ. Только одинъ огромный фортификаціонныя работы Цезаря составляютъ загадку, тѣмъ труднѣе разрѣшимую, что Цезарь при Диррахіѣ испыталъ невыгоду такихъ работъ, именно въ томъ отношеніи, что съ слабѣйшими силами хотѣлъ обложить сильнѣйшаго непріятеля, владѣвшаго моремъ и флотомъ на немъ. Но его морская экспедиція изъ Лепты въ гавань Адрумета особенно замѣчательна своими смѣлостью, энергіей и быстротой. Всѣ остальные затѣмъ дѣйствія Цезаря въ Аф-

рикѣ, до сраженія при Таусѣ включительно, являются сильнаго волею и опытною полководца, а экспедиція его къ Зетѣ въ тылу Сципіона—столько дерзкой отважности, что военная исторія представляетъ очень мало примѣровъ подобнаго рода дѣйствій, не съ отрядомъ, а съ большимъ числомъ войскъ, почти съ половиною арміи, да и самъ Цезарь ни прежде, ни послѣ не совершалъ такого отважнаго подвига.

Наконецъ послѣдній походъ его въ Испанію, хотя менѣе обилень подвигами, однако весьма замѣчательнъ дѣйствіями Цезаря на р. Бэтисѣ, посредствомъ которыхъ онъ постепенно оттѣснилъ Секста, а потомъ Кнеія Помпея, послѣдняго—до Муиды, близъ моря, тыломъ къ нему, и здѣсь, послѣ упорнѣйшаго боя, пачатаго собственнымъ порывомъ войскъ его, Цезаря, и въ которомъ онъ сражался за сохраненіе своей жизни, успѣлъ наконецъ, вслѣдствіе случайнаго обстоятельства, одержать побѣду и нанести Помпеевой партіи послѣдній ударъ.

Вообще въ междуусобной войнѣ Цезарь, какъ полководецъ, является уже въ полныхъ развитіи и силѣ своихъ военныхъ дарованій и искусства, начала чему были положены въ войнѣ въ Галліи. Если внимательно прослѣдить всѣ его войны и походы отъ начала (въ 58 г.) до конца (въ 45 г.), то легко замѣтить, что онъ постепенно, изъ году въ годъ, восходилъ отъ силы въ силу, все выше и выше и наконецъ всталъ на ту степень, которая доступна лишь величайшимъ полководцамъ. Сообразно съ тѣмъ возвышалось и искусство его, какъ полководца, во всѣхъ отношеніяхъ, и стратегическомъ, и тактическомъ, и фортификаціонномъ, и полиорцетическомъ, и нравственномъ, т. е. необыкновеннаго нравственнаго вліянія Цезаря на свои войска и на своихъ противниковъ.

Войска его, подобно какъ и въ Галліи, отличались превосходнымъ тактическимъ устройствомъ и необыкновенными способностями ко всякаго рода движеніямъ и дѣйствіямъ, и въ полѣ, и въ бою, терпѣливостью и сносливостью въ трудахъ и лишеніяхъ, стойкостью и храбростью въ бояхъ, преданностью и довѣріемъ къ нему самому, словомъ—всѣми качествами отлично-устроеннаго и одушевленнаго, опытнаго и боеваго войска, приносившаго честь этимъ послѣднимъ временамъ римской республики и даже достойнаго лучшихъ временъ ея, но въ особенностн—самому Цезарю, которому исключительно было обязано тѣмъ. Доказательствомъ этого служить то, что такія же римскія войска Помпея и потомъ его партіи далеко не могли равняться съ Цезаревыми въ означенныхъ выше достоинствахъ. Предводители же ихъ—Помпей, Афрانیи, Петрейи, Варъ, Лабіенъ, Сципіонъ, сыновья Помпея и др.—еще менѣе могли, какъ пол-

ководцы, равняться съ Цезаремъ, хотя и обладали большою военною опытностью. И хотя одолѣніе ихъ стоило Цезарю немалого труда, но рѣшительное личное превосходство его надъ ними доводило ихъ всегда до лишенія всякой сообразительности, упадка духа, малодушія и отчаянія. Между тѣмъ онъ, Цезарь, во всѣхъ трудныхъ, опасныхъ, даже отчаянныхъ положеніяхъ, всегда пребывалъ твердъ и непоколебимъ, и

находя въ своихъ умѣ и волѣ неистощимыя средства пособлять себѣ, всегда окончательно выходилъ побѣдителемъ.

По всѣмъ этимъ причинамъ, дѣйствія Цезаря въ междуусобной войнѣ, еще болѣе нежелали дѣйствія его Галліи, вполне достойны особеннаго вниманія и тщательныхъ изслѣдованія и изученія, тѣмъ болѣе, что были послѣдними дѣйствіями послѣдняго великаго полководца древнихъ временъ.

ГЛАВА XV.

КОНЕЦЪ ЖИЗНИ ЦЕЗАРЯ

И ОБЩІЙ ВЫВОДЪ О НЕМЪ, КАКЪ ПОЛКОВОДЦѢ.

§ 94. Цезарь — пожизненный диктаторъ — въ Римѣ (45 — 44 гг.) — § 95. Смерть Цезаря (44 г.) —

§ 96. Общий выводъ о Цезарѣ, какъ полководцѣ.

Источники и историческія пособія — указание выше.

§ 94.

Цезарь — пожизненный диктаторъ — въ Римѣ (45 — 44 гг.)

Воротясь изъ Испаніи въ Римъ — въ октябрѣ 45 г. (по исправленному уже тогда, по словамъ Наполеона I, римскому календарю), Цезарь допустилъ раболопно-покорный ему сенатъ осыпать его непомерными почестями и преимуществами. Такъ, сверхъ всѣхъ, уже прежде дарованныхъ ему *), сенатъ удостоилъ его большимъ триумфомъ, провозгласилъ его пожизненнымъ диктаторомъ, отцомъ отечества и императоромъ, съ правомъ всегда носить лавро-

вый вѣнокъ **), назначилъ 50-дневное благодарственное празднованіе и позже, великолѣпными играми въ циркѣ для народа, такое же празднованіе годовщины побѣды при Мундѣ, назвалъ 5-й мѣсяцъ въ году (Quintilis), по имени его, Іуліемъ или іулемъ, и пр. Цезарь показалъ видъ, будто принялъ всѣ эти почести и преимущества единственно только по убѣдительнымъ просьбамъ сената. Но онъ возбудилъ этимъ и особенно триумфомъ надъ знаменитымъ и все еще любимымъ римлянами родомъ Помпея, его сыновьями и партіей и римскими гражданами, равно и тѣмъ, что удостоилъ триумфомъ легатовъ своихъ Фабія и Педія —

*) Въ 48 г., послѣ побѣды при Фарсалахъ — дарованіе Цезарю диктаторской власти на 1 годъ и консульской на 5 лѣтъ, съ трибунскою властію и правомъ объявлять войну, заключать миръ и управлять всѣми провинціями, — а въ 47 г. — назначеніе его диктаторомъ на 10 лѣтъ, съ главною властію цензуры (praefectura togae).

*) Съ тѣхъ поръ онъ постоянно носилъ на головѣ лавровый вѣнокъ, а въ праздничные и торжественные дни облакался въ порфиру.

большое неудовольствие, въ особенности между крайними приверженцами республиканской партіи.

Ставъ полномочнымъ, неограниченнымъ властителемъ обширной римской республики, обнимавшей, по тогдашнимъ понятіямъ, вселенную—въ Европѣ, Азіи и Африкѣ, со всѣми громадными ея силами и средствами, Цезарь началъ дѣйствовать согласно съ тѣмъ, замышляя и отчасти исполняя обширныя государственныя предначертанія. Онъ назначилъ большое число сенаторовъ и патриціевъ, но превратилъ сенатъ въ свой совѣтъ, друзей своихъ хотѣлъ сдѣлать своими министрами, а правительственныхъ лицъ—своими чиновниками. Предпринявъ междуусобную войну и восторжествовавъ въ ней—съ помощью народной партіи и войска, которая служила ему опорой, онъ, по окончаніи войны, когда они, въ ожиданіи наградъ за то, возвысили голосъ и требованія свои, для противувѣса имъ и воздержанія ихъ прибѣгнувъ къ аристократіи, въ ней сталъ искать опоры и представителей знатнѣйшихъ родовъ ея облекъ въ высшія званія и должности. Простивъ всѣхъ, оставшихся отъ Помпеевой партіи, враговъ своихъ, онъ слишкомъ довѣрчиво отнесся къ нимъ и не принялъ никакихъ особенныхъ мѣръ для личнаго самоохраненія. А между тѣмъ всѣ дѣйствія его одинаково и явно обличали пренебреженіе имъ республиканскихъ формъ и стремленіе къ приобрѣтенію не только царской власти, но и названія и знаковъ ея, чѣмъ онъ все болѣе и болѣе возбуждалъ противъ себя ненависть республиканцевъ. Нѣкоторые писатели, сопоставляя эти чувства къ нему съ непомѣрными, оказанными ему почестями и дарованными преимуществами, выражаютъ мысль, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, особенно въ предложенныхъ Цицерономъ, какъ будто скрывалась иронія или, еще болѣе, намѣреніе сдѣлать Цезаря еще болѣе ненавистнымъ. Римскій историкъ Флоръ даже ясно выражаетъ эту мысль, говоря, что Цезаря украшали этими знаками почестей, какъ жертву передъ закланіемъ.

Государственныя предначертанія и мѣры Цезаря были, согласно съ обширностью его замысловъ и съ свойственною ему дѣятельностью, самыхъ разнообразныхъ родовъ и важности. Заботясь вообще и преимущественно о водвореніи порядка въ Римѣ и

Италіи, онъ возобновилъ законы о расходахъ (или противъ расточительности), установилъ налоги на предметы роскоши, приказалъ составлять новый кодексъ гражданскихъ и уголовныхъ законовъ, общія: карту и статистику государства, оказалъ огромную услугу исправленіемъ (съ помощью вызваннаго имъ для того изъ Александріи астронома Созигена) римскаго календаря, который и былъ названъ, по имени его, Юліанскимъ, и объявилъ намѣренія свои: украсить Римъ многими великолѣпными зданіями, осушить близъ него поптійскія болота, прорыть новое русло Тибра отъ Рима до моря, устроить въ Остіи огромный портъ для самыхъ большихъ военныхъ судовъ, учредить колоніи въ Коринѣ и Кареагенѣ, для возстановленія этихъ городовъ, и наконецъ—предпринять войну противъ парейновъ, въ отмщеніе за пораженіе, нанесенное ими Крассу, пронести римское оружіе до р. Инда и открыть невѣдомыя еще страны и богатства на дальнемъ востоцѣ! Съ этою цѣлію, уже зимою съ 45 на 44 г. онъ началъ дѣлать большія приготовленія къ войнѣ противъ парейновъ, которую считалъ необходимою для себя и государства, для слиянія всѣхъ партій и пересозданія арміи послѣ междуусобной войны, и даже составилъ планъ этой войны. По этому поводу, Наполеонъ I говоритъ, что война противъ парейновъ представляла два рода затрудненій: 1) образъ дѣйствій парейновъ метательнымъ оружіемъ (какъ неразъ было объяснено выше), и 2) мѣстныя свойства театра войны, а именно: при движеніи чрезъ Верхнюю Арменію—страна была горная, а при движеніи чрезъ Евфратъ и Мессопотамію—низменная, болотистая, подверженная наводненіямъ, либо—безплодная пустыня. Наполеонъ I прибавляетъ, что геній Цезаря восторжествовалъ бы надъ этими затрудненіями, наборомъ множества стрѣлковъ съ о. о. Крита и Балеарскихъ, изъ Испаніи и Африки, снаряженіемъ большой флотиліи на Евфратѣ и Тигрѣ и большого числа верблюдовъ для перевоза мѣховъ съ водою, и потому ему вѣроятно удалось бы пронести римскіе орлы до береговъ Инда—еслибы только счастье, благопріятствовавшее Сципіону въ 6 походахъ, Александру въ 11-ти, Помпею въ 15-ти, Аннибалу въ 16-ти, а Цезарю въ 13-ти, еще осталось вѣрнымъ ему.

§ 95.

Смерть Цезаря.

Но Цезарю не было суждено привести въ исполненіе ни войны съ парейнами, ни прочихъ государственныхъ предначертаній

своихъ. Противная ему партія нетерпѣвшихъ монархической власти была очень сильна, что достаточно доказала междуусоб-

ная война. Цезарь же, какъ сказано выше, пощадивъ большую часть своихъ враговъ, въ увѣренности, что они не будутъ неблагоприятны ему и поймутъ, что для государства было всего полезнѣе удержаніе имъ верховной власти, не принималъ никакихъ мѣръ предосторожности и личной безопасности и не окружалъ себя тѣлохранителями. А между тѣмъ явное стремленіе его къ полученію званія царя возбудило противъ него враговъ, тѣмъ болѣе опасныхъ для него, что главные изъ нихъ были между его друзьями и самыми близкими къ нему людьми. Около 57 аристократовъ примкнули къ главнымъ заговорщикамъ, Кассію и двумъ Брутамъ, Марку и Дециму *), для освобожденія республики, какъ они выражались, отъ тираніи Цезаря. Когда наконецъ Цезарь сталъ принимать сенатъ сидя и потребовалъ себѣ (какъ говорили) царскаго достоинства внѣ предѣловъ Италіи, необходимаго ему для похода противъ парянъ и для прочнаго утвержденія вліянія своего на востокъ, то заговорщики положили непременно умертвить его. Цезаря предостерегали съ многихъ сторонъ, но онъ полагался на свое счастье и, вѣруя въ фатализмъ или предопредѣленіе, убѣжденный, что не умретъ прежде назначеннаго ему судьбою времени, а когда часъ смерти его настанетъ, то никакая человѣческая предусмотрительность не отвратитъ его—пренебрегъ всякими предосторожностями. 15 марта (въ мартовскія иды) 44 г., когда онъ шелъ по обыкновенію въ сенатъ, нѣкто подалъ ему письмо, въ которомъ были означены имена и намѣреніе заговорщиковъ, но Цезарь положилъ его, не прочтя, въ карманъ. Плутархъ говоритъ, что Цезарь, при входѣ въ сенатъ, не обратилъ никакого вниманія на слова одного предвѣщателя, предостерегавшаго его отъ мартовскихъ идъ. Когда онъ вошелъ въ сенатъ и занялъ свое мѣсто, заговорщики, подъ видомъ подкрѣпленія просьбы Туллія Цимбра о помилованіи его брата, обступили его со всѣхъ сторонъ и, когда онъ отказалъ имъ, Каста первый нанесъ ему ударъ кинжаломъ въ затылокъ, а за нимъ и прочіе заговорщики извлекли свои кинжалы.

*) Изъ нихъ Маркъ Брутъ, усыновленный и особенно любимый Цезаремъ, который два раза спасъ ему жизнь, былъ стоикъ, ученикъ Катона, изувѣрный республиканецъ и между тѣмъ самый близкій къ Цезарю человѣкъ.

Видя въ числѣ ихъ Марка Брута, онъ сказалъ ему по гречески: καὶ σὺ τέκνον (и ты, дитя или сынъ мой!) — то были послѣднія слова его.... Видя неизбежную смерть, онъ завернулся съ головою въ плащъ, не сказалъ болѣе ни слова, не сдѣлалъ ни малѣйшаго движенія для своей защиты—и пораженный 23-мя ударами кинжаловъ, палъ бездыханный у подножія статуи бывшаго соперника своего Помпея... *).

Такъ погибъ Цезарь 15 марта 44 года, на 56-мъ году своей жизни....

Изъ всѣхъ новѣйшихъ писателей, разсуждавшихъ о смерти Цезаря, Наполеонъ I, въ своемъ сочиненіи: *Précis des guerres de César*, разсматриваетъ ее съ особенной, очень замѣчательной со стороны такого лица, точки зрѣнія. Довольно строгій, хотя болѣею частію справедливый судія военныхъ дѣйствій Цезаря, какъ полководца, Наполеонъ I особенно снисходительно отзывался о немъ, какъ о государственномъ человѣкѣ и преимущественно пожизненномъ диктаторѣ въ теченіи 6 послѣднихъ мѣсяцовъ его жизни. Онъ вполне оправдываетъ политическія дѣйствія Цезаря, говоритъ, что онъ не могъ и не долженъ былъ поступать иначе, пространно и съ негодованіемъ опровергаетъ многими фактами мысль, будто онъ хотѣлъ быть царемъ, самымъ положительнымъ образомъ утверждаетъ, что онъ никогда не имѣлъ даже мысли о томъ (*il n'a jamais pensé à se faire roi*), что заговорщики и ихъ приверженцы, для оправданія безчестнаго и не политическаго убійства (*lache et impolitique assassinat*), утверждали, будто Цезарь хотѣлъ быть царемъ, что было очевиднымъ нелѣпостью и клеветой, которыя однако перешли изъ рода въ родъ и нынѣ (т. е. во времена Наполеона I) признаны историческою истиной, и проч.

Такое мнѣніе Наполеона I объ этомъ предметѣ, совершенно противное общепринятому, приводится безъ всякихъ комментариевъ. Пусть всякій самъ разсудитъ, насколько можетъ быть вѣрно мнѣніе новѣйшихъ временъ Цезаря о намѣреніяхъ Цезаря временъ древнихъ, и какія могли быть внутреннія, тайныя побужденія къ изложенію такого мнѣнія.

*) Самое простое и достовѣрное описаніе убійства Цезаря находится у Суэтонія (*in Caesar. 82*).

§ 96.

Общій выводъ о Цезарѣ, какъ полководцѣ.

Въ заключеніе изложенія войнъ и походовъ Юлія Цезаря, соединимъ всѣ черты характера и дѣйствій его, какъ самостоятельнаго полководца, и сравнимъ ихъ съ тѣми, которыя принадлежали двумъ предшествовавшимъ великимъ полководцамъ древности, Александру В. и Аннибалу, и были изображены въ своихъ мѣстахъ прежде.

Генераль Лоссау, въ своемъ сочиненіи *Ideale der Kriegführung etc. I B. 2-te Abth. Caesar*, говоритъ, что сужденія о Цезарѣ распадаются на два главные отдѣла, смотря по тому, имѣется-ли въ виду изслѣдовать дѣятельность Цезаря, какъ полководца и государственнаго человѣка, что въ немъ было нераздѣльно, или нравственную цѣну его побужденій и дѣйствій и вообще его характера. Последнее, говоритъ онъ, принадлежитъ къ біографіи Цезаря, не входящей въ цѣль автора, а изъ перваго онъ считаетъ нужнымъ ограничиться только тѣмъ, что непосредственно касается главныхъ чертъ и главныхъ пружинокъ дѣйствій, помощью которыхъ Цезарь достигъ своего величія, а наблюдателю можетъ дать ясное понятіе объ образѣ великаго полководца. Между тѣмъ, прибавляетъ онъ, оба отдѣла не могутъ быть такъ рѣзко отдѣлены одинъ отъ другаго, чтобы невозможно было совершенно избѣжать перехода изъ одного въ другой, что впрочемъ и не составляетъ особенной невыгоды.

Эти мысли совершенно вѣрны. Даже можно было бы сказать, что полководецъ и государственный человѣкъ и всѣ побужденія того и другаго были до такой степени слиты въ Цезарѣ, что послѣдняго и невозможно разсматривать иначе, какъ въ обоихъ этихъ отношеніяхъ нераздѣльно и одновременно, гораздо болѣе, нежели Александра В. и особенно Аннибала. Цезарь не былъ, подобно Александру, монархомъ и во время войны въ Галліи былъ еще только консулъ, правитель трехъ провинцій и главный начальникъ арміи въ нихъ, подчиненный правительству, и только по занятіи Италіи и Рима и особенно послѣ побѣды при Фарсала и смерти Помпея сдѣлался диктаторомъ, болѣе и болѣе полновластнымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, независимымъ, самостоятельнымъ владыкой и военнымъ вождемъ римскаго государства, съ властію почти монархическою, хотя еще и безъ званія царя. Однако всѣ его побужденія и дѣйствія, политическія и военныя нераздѣльно, до малѣйшихъ, съ самыхъ молодыхъ лѣтъ его были всецѣло устремлены къ един-

ственной цѣли достиженія верховной, неограниченной власти въ римскомъ государствѣ. Слѣдовательно, внутренне онъ побуждался и дѣйствовалъ уже, можно сказать, совершенно какъ монархъ, сначала еще какъ будущій, а послѣ Фарсала — болѣе и болѣе какъ дѣйствительный. Но между побужденіями и дѣйствіями его и Александра В., въ такихъ духѣ и смыслѣ, была большая разница, какъ изъ изображенія послѣдняго ясно видно. Что же касается Аннибала, то съ нимъ Цезаря въ этомъ отношеніи и сравнивать нельзя, потому что Аннибалъ былъ вполнѣ подвластный своему правительству и зависимый отъ него полководецъ, имѣвшій только одну цѣль — низложить Римъ и возвысить надъ нимъ Карфагенъ, а иныхъ, властолюбивыхъ замысловъ онъ не имѣлъ никакихъ.

Съ такой именно точки зрѣнія и слѣдуетъ разсматривать всѣ дѣйствія Цезаря, политическія и военныя нераздѣльно, во все продолженіе его войнъ и походовъ, даже съ самаго перваго начальствованія его, въ званіи претора, въ 60 г., въ Испаніи. Но корень всего скрывался глубже — въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ Цезаря, когда онъ только что вышелъ изъ отрочества.

Рядомъ съ необыкновенными природными дарованіями, которыя были тщательнѣе развиты воспитаніемъ и образованіемъ Цезаря въ самыхъ юныхъ лѣтахъ, въ немъ уже рано возникло стремленіе къ самостоятельности, затѣмъ къ независимости и наконецъ къ власти и господству. Это было естественно и понятно, потому что Цезарь уже рано чувствовалъ въ самомъ себѣ энергію душевную, подвергшуюся тяжкому испытанію во время гоненій Силлы, и силу разсудка, посредствомъ которой онъ хорошо извѣдалъ людей и созналъ, что они не были въ состояніи сдѣлать того, что онъ сдѣлалъ во время этихъ гоненій. Поэтому и раннее честолюбіе его — возвыситься надъ толпою, также было естественнымъ и притомъ не увлеченіемъ молодыхъ лѣтъ, такъ какъ имѣло уже достаточное основаніе. Свидѣтельствомъ того, что Цезарь уже и въ это время ранней молодости своей значительно выходилъ изъ ряду обыкновенныхъ людей, служила вѣрная оцѣнка его Силлой и Цицерономъ, и обращеніе имъ на себя вниманія и привлеченіе къ себѣ расположенія общественнаго мнѣнія въ Римѣ.

Планъ его, уже въ это время правильно составленный и съ постоянствомъ и твердостью исполняемый имъ, заключался въ

томъ, чтобы во что ни стало бы подвигаться впередъ, возвышаться, соперникамъ преграждать пути и привлекать къ себѣ расположение народа. Всѣ средства къ тому были для него одинаковы и онъ не былъ разборчивъ въ нихъ, лишь бы они вели его къ цѣли. Такъ онъ искалъ ихъ во внѣшнихъ, привлекательныхъ формахъ (щегольствѣ, вѣжливости, доступности, пріятности обращенія и т. п.), въ развитіи своихъ большихъ дарованій (дара слова, краснорѣчія и пр.), въ щедрости до расточительности свыше своихъ средствъ и пр. Въ послѣднемъ отношеніи замѣчательно однако то, что Цезарь въ продолженіи цѣлой жизни своей смотрѣлъ на деньги и богатства исключительно съ этой точки зрѣнія, а не какъ на средства къ жизненнымъ наслажденіямъ. Не они, а обладаніе властію было для него высшимъ благомъ въ жизни, а на всѣ прочія онъ взиралъ съ философскимъ равнодушіемъ.

Всѣ поступки и дѣйствія его, согласно съ такимъ планомъ, уже рано сопровождались необыкновеннымъ счастьемъ—счастьемъ, въ которое онъ съ раннихъ лѣтъ слѣпо вѣровалъ и самъ называлъ его своимъ счастьемъ и которое перешло и въ исторію подъ названіемъ счастья Цезаря. А главный источникъ его несомнѣнно долженъ былъ заключаться въ самомъ Цезарѣ, который, то мягкостью и уступчивостью, то твердымъ противудѣйствіемъ противникамъ, то привлекательными формами, рѣчами, расточительностью и т. п., умѣлъ дѣйствовать на большинство народа и сената такъ, что въ немъ видѣли даровитаго, много обѣщавшаго молодаго человѣка, способнаго совершить великія дѣла и потому достойнаго занимать важныя званія и должности.

Расположеніе и довѣріе къ нему народа уже рѣзко обнаружилось, когда онъ смѣло возбудилъ и защитилъ публично память Маріа и тѣмъ отважно выступилъ противъ партіи Силлы. Это удалось ему и возбудило всеобщее вниманіе, и съ тѣхъ поръ постояннымъ правиломъ Цезаря сдѣлалось—дѣйствовать смѣло и на многое отваживаться, дабы тѣмъ болѣе выигрывать. Позже, съ лѣтами, онъ сдѣлался нѣсколько осторожнѣе, но смѣлость и постепенно возростающее довѣріе къ себѣ всегда были и оставались главными побужденіями его, посредствомъ которыхъ онъ умѣлъ осуществлять даже по видимому невозможное. Такъ однажды одному политическому сопернику своему, предложившему ему значительную сумму отступныхъ денегъ, онъ смѣло возразилъ, что займетъ и дастъ ему сумму гораздо значительнѣйшую. Такъ въ другой разъ онъ сказалъ своей матерѣ: «Сегодня увидишь меня или верховнымъ жрецомъ (*pontifex maximus*), или изгнаннымъ изъ Рима.» Такой противникъ могъ многимъ ка-

заться опаснымъ, и онъ дѣйствительно былъ такимъ. Такое сочетаніе высокихъ качествъ и дарованій, привлекательнаго обращенія, щедрости и неистощимости внѣшнихъ и внутреннихъ средствъ стало казаться нѣмъ, которымъ лицамъ сената и въ высшихъ слояхъ общества опаснымъ, но всѣмъ—внушать уваженіе и многимъ служить средоточіемъ, къ которому они искали примкнуть изъ потребности или надежды достигнуть своихъ цѣлей. Но радушное обращеніе Цезаря, кротость и человѣчность (гуманность) его мнѣній и совѣтовъ, когда онъ проследилъ себѣ путь въ сенатъ, устыдили и устранили всѣ опасенія и укрѣпили Цезаря въ его общественномъ положеніи, въ которомъ онъ и началъ уже быстро переходить къ болѣе и болѣе важнымъ общественнымъ должностямъ. Выше было уже означено, какъ онъ постепенно переходилъ отъ одной къ другой. Первою, въ которой онъ является уже какъ самостоятельный гражданскій правитель и начальникъ войскъ, была его претора въ южной Испаніи, въ 60 г., куда онъ могъ отправиться только тогда, когда Крассъ, имѣвшій надобность въ немъ для противу вѣса Помпею, поручился за $\frac{1}{3}$ его огромныхъ долговъ *), что доказываетъ, что онъ признавалъ опору Цезаря очень важною для себя.

Впрочемъ такого рода и инныя связи Цезаря съ людьми имѣли для него совсѣмъ другое значеніе, нежели какое обыкновенно имѣютъ для всѣхъ. У него онѣ происходили не изъ чувства, а изъ разсудка и расчета. Такъ онъ отвергъ первую обрученную невѣсту свою, дабы жениться на дочери могущественнаго Цинны и не отвергъ ея только для того, чтобы не подчиниться Силлѣ. Вообще склонности его къ людямъ происходили не изъ сердечнаго чувства, а изъ разсудка и расчета въ отношеніи къ себѣ. Онъ любилъ только себя, а другихъ—на сколько они были нужны ему. Не всѣ смотрятъ на это одинаково: иные видятъ въ этомъ особенныя силу и крѣпость души, которая рѣдкимъ даруется природою, но другіе—въ большемъ числѣ и справедливѣе—лишь сухой и черствый эгоизмъ, имѣющій цѣлю только самого себя, а другихъ считающій лишь за свои орудія и потому не имѣющій истинной, сердечной привязанности къ нимъ. Такимъ именно былъ Цезарь, что ни говорили бы его безусловные восхвалители, которыхъ было болѣе, нежели справедливыхъ, хотя и стро-

*) Выше (§ 15) было сказано, что Крассъ поручился за пятую часть долговъ Цезаря, простившихся до 1,300 талантовъ (около 1.275,000 р. сер.), слѣдовательно за 260 талантовъ (около 455,000 р. сер.). Но генералъ Лоссау говоритъ, что Крассъ поручился не менѣе какъ за 83 талантовъ (свыше 650,000 талеровъ или свыше 603,000 р. сер.).

гихъ, дѣлителей его. Да и могло-ли быть иначе въ эти мрачныя времена Рима, когда всѣ возвышенныя, честныя и благородныя чувства изсякли и надъ ними неограниченно царилъ самый чудовищный эгоизмъ. А Цезарь былъ полнымъ и совершеннымъ произведеніемъ и отпечаткомъ этого времени, тѣмъ болѣе, что природа надѣлила его необыкновенными дарованіями ума и воли.

Если личныя склонности и привязанности его соразмѣрялись съ этимъ, то награды и наказанія его и того болѣе. Въ наградахъ онъ имѣлъ въ виду, признаніемъ оказанныхъ услугъ, оказывать поощрительный примѣръ другимъ и тѣмъ привлекать къ себѣ и удерживать за собою общее расположение. Умножая число благодарныхъ ему, онъ умножалъ тѣмъ число своихъ приверженцевъ и тѣснѣе и крѣпче связывалъ ихъ съ собою, тогда какъ его военныя дарованія и его счастье приковывали къ нему его войска. Съ послѣдними онъ особенно поступалъ, какъ большой знатокъ людей, и умѣлъ поощрять ихъ видами на почетныя награды, повышение и пріобрѣтеніе денегъ и имущества или держать ихъ въ извѣстномъ напряженіи строгостью, когда и гдѣ она была нужна и на которую онъ имѣлъ тѣмъ болѣе права, что не щадилъ самаго себя и потому могъ требовать того же и отъ другихъ. Вообще онъ имѣлъ въ высокой степени рѣдкій даръ пріобрѣтать расположение своихъ войскъ, ни малѣйше не роняя и не утрачивая притомъ достоинства своей власти надъ ними. Онъ оказывалъ величайшую заботливость о нихъ, хорошо одѣвалъ ихъ, дарилъ имъ оружіе, украшенное золотомъ и серебромъ, доставлялъ имъ нѣкотораго рода роскошь въ добрыхъ коняхъ, богатой посудѣ и драгоценномъ оружіи и часто говорилъ, что воины его, если бы даже умахали себя благовоніями, все-таки могли превосходно сражаться. Онъ говорилъ съ ними ласково и, если не былъ вблизи непріятеля, позволялъ имъ всякаго рода развлеченія и забавы, въ несчастныхъ же случаяхъ ихъ принималъ живѣйшее участіе. Такъ послѣ несчастнаго случая Сабина и Котты въ Галліи онъ отпустилъ себѣ волосы и бороду и поклялся не прежде выстричь ихъ, пока не отмститъ и не получитъ удовлетворенія. За то и фанатическая преданность ему войскъ и восторгъ, возбужденный въ нихъ его военными подвигами, были безграничны.

Но вблизи отъ непріятеля онъ былъ въ особенности строгъ въ требованіяхъ по службѣ. Тогда онъ требовалъ безграничной дѣятельности и не давалъ войскамъ покоя ни днемъ, ни ночью, во всякое время года и во всякую погоду: къ этому они должны были пріучены и всегда готовы. Малодушіе, которое иногда случалось между ними, онъ каралъ презрѣніемъ. Тѣмъ

выше были у него и въ его арміи званіе и значеніе «воина»: это достаточно доказано было при возмущеніи 10-го и другихъ легионовъ въ Римѣ, въ 47 г., когда онъ называлъ воиновъ не товарищами, а гражданами. Съ такими гордостью и величіемъ умѣлъ онъ владѣть и управлять отношеніями людей и тѣмъ могущественнѣе именно тогда, когда они хотѣли ускользнуть отъ его воли. Онъ не боялся ничего, но заслуживалъ того, чтобы его боялись. Къ легкимъ проступкамъ онъ относился осмотнительно и снисходительно, но въ случаяхъ, противныхъ чѣмъ-либо воинственному духу, особенно со стороны военачальниковъ, онъ лишалъ ихъ своего довѣрія. Въ строгихъ наказаніяхъ, особенно въ смертной казни, онъ рѣдко пуждался въ своей арміи, какъ, напримѣръ, когда онъ децимировалъ (казнивъ 10-го) 9-й легионъ и приказалъ немедленно исполнить смертную казнь надъ преступниками за то, что они осмѣлились требовать денегъ и грозили покинуть знамена. Но самыми строгими наказаніями большею частію были разжалованіе и изгнаніе изъ арміи, какъ, напримѣръ, когда онъ на мѣстѣ разжаловалъ и изгналъ нѣсколькихъ трибуновъ и центуріоновъ 10-го легиона въ Африкѣ, въ 46 году. Побѣжденнаго же непріятеля, напротивъ, онъ ни малѣйше не щадилъ, а если и случалось противное, то тому были политическія причины. Оттого происходили неслыханныя строгость и жестокость во многихъ случаяхъ противъ галловъ и большая кротость въ отношеніи къ нѣкоторымъ изъ ихъ племенъ и особенно къ римскимъ войскамъ въ междоусобной войнѣ. Его безстрастіе и нечувствительность простиралась даже на его великодушіе, къ которому онъ, какъ необыкновенно умный человѣкъ, былъ дѣйствительно склоненъ и часто обнаруживалъ его, но только тогда, когда этимъ могла быть достигнута какая-нибудь важная цѣль. Въ противномъ случаѣ, какъ напримѣръ противъ Амбіорикса и Верцингеторикса, никакія соображенія не были принимаемы въ расчетъ. Край перваго былъ немилосердно и безпощадно разоренъ, а послѣдній недостойнымъ образомъ униженъ и казненъ.

Уже изъ самаго перваго выступленія его на политическое и военное поприще, въ 60 году, преторомъ въ Испаніи, легко можно вывести заключеніе о томъ, что, при болѣе важныхъ поводахъ, полиѣ развилось въ Цезарѣ. Тогда уже, въ Испаніи, онъ чувствовалъ нѣкотораго рода непріятную неловкость своего положенія и съ прискорбіемъ (а по Плутарху—даже со слезами, что сомнительно) подумалъ, при видѣ статуи Александра В., что послѣдній уже успѣлъ совершить въ лѣта его, Цезаря. Онъ, Цезарь, былъ республиканецъ, но даже какъ республиканецъ чувствовалъ такую разницу

между высокимъ положеніемъ въ главѣ народа и совершенною затерянностью въ толпѣ, что, по его словамъ, предпочиталъ быть первымъ въ деревнѣ, нежели вторымъ въ Римѣ. Согласно съ тѣмъ онъ и началъ дѣйствовать тогда въ Испаніи. Убѣдясь вскорѣ, что для преслѣдованія цѣлей жизни своей ему не оставалось никакого иного средства, кромѣ войны, онъ и началъ съ того, что сверхъ найденныхъ имъ въ Испаніи 20 когортъ (2-хъ легіоновъ), онъ набралъ еще 10 (1 легіонъ) и съ этою небольшою арміею двинулся въ южную или Бѣтическую Испанію. Укротивъ дикихъ лузитанцевъ и покоривъ ихъ Риму, установивъ многія хорошія учрежденія въ гражданскомъ управленіи Испаніи, снискавъ уже тѣмъ и довѣріе, и славу и обогативъ свои войска, онъ воротился въ Римъ и отказался отъ триумфа, на который имѣлъ право, для того, чтобы быть избрану въ консулы, что для него было гораздо важнѣе триумфа.

Затѣмъ, чрезвычайно ловкимъ, мастерскимъ дѣломъ его было примиреніе имъ Помпея съ Крассомъ. Имѣя вліяніе на обоихъ, онъ этимъ сразу привлекъ и сосредоточилъ въ себѣ вліяніе ихъ обоихъ и сталъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ триумвиратѣ.

За этимъ послѣдовала выдача имъ дочери своей Юліи за Помпея, вдвое старшаго ея, отказавъ для того уже обрученному жениху ея. И пока Юлія была жива, она поддерживала согласіе между Помпеемъ и Цезаремъ; когда же обстоятельства измѣнились, она умерла, какъ будто въ самую пору, потому что Цезарю уже не были болѣе нужны выгоды родственной связи съ Помпеемъ.

Въ такихъ обстоятельствахъ, быстрое возвышеніе его уже не подлежало сомнѣнію. Онъ получилъ важное управленіе Галліями и Иллиріей—и война его въ Галліи, веденная противъ дикихъ и полудикихъ племенъ и потому сама по себѣ мало занимательная, важна только тѣмъ, что послужила введеніемъ къ послѣдующимъ главнымъ шагамъ Цезаря къ неограниченной власти. Тѣмъ не менѣе она представляетъ картину постепеннаго развитія Цезаремъ своихъ военныхъ дарованій, изощренія имъ своего военного взгляда и достиженія привычки—мгновенно обнимать и проникать однимъ взглядомъ то, что въ каждомъ случаѣ было самымъ главнымъ и существеннымъ.

Дальнѣйшія дѣйствія его, политическія и военныя совокупно и нераздѣльно, были достаточно изображены и объяснены въ своихъ мѣстахъ выше.

Плутархъ, въ своемъ жизнеописаніи Цезаря, въ особенности рассказываетъ много такого, что рисуетъ личность Цезаря и изъ чего можно заключить, какія понятія существовали о немъ въ его и послѣдующія вре-

мена. Такъ онъ, между прочимъ, приводитъ примѣры личной преданности Цезарю нѣкоторыхъ частныхъ начальниковъ войскъ его и прибавляетъ, что даже тѣ изъ нихъ, которые, подъ предводительствомъ другихъ полководцевъ, не заслужили бы отличія, подъ начальствомъ Цезаря становились непобѣдимыми. Цезарь обладалъ даромъ возбуждать и поддерживать мужество и честлюбіе наградами, повышеніями и большими почестями. Онъ на самомъ дѣлѣ доказалъ, что сокровища и богатства, пріобрѣтенныя имъ посредствомъ войны, употреблялъ не для собственныхъ обогащенія, роскоши и жизненныхъ наслажденій, но для награды другихъ и только тогда и тѣмъ считалъ себя богатымъ, когда могъ достойно награждать своихъ заслуженныхъ воиновъ. А это долженствовало имѣть огромное вліяніе, даже и при томъ предположеніи, что Цезарь имѣлъ при этомъ свои обычныя, особенныя соображенія.

Замѣчательно то, что мощная душа, властолюбивыя стремленія и кипучая дѣятельность Цезаря вовсе не были соединены съ крѣпостью и силою тѣлесными и поддержаны ими. По свидѣтельству Плутарха, Цезарь былъ, напротивъ, слабъ и тощъ тѣлосложеніемъ, малосиленъ и подверженъ частымъ и сильнымъ головнымъ болямъ и даже припадкамъ эпилептическимъ (падучей болѣзни), что все вмѣстѣ означало болѣе нервный темпераментъ, нежели мускульную силу. Въ зрѣлыхъ лѣтахъ, во времена своей политической и военной дѣятельности, онъ велъ жизнь очень умѣренную, былъ въ безпрестанномъ и большомъ движеніи и, не смотря на свое слабосиліе, необыкновенно укрѣпилъ свое тѣло. Онъ мало заботился о покоѣ, снѣ и пищѣ, ему ничего не стоило путешествовать, имѣя при себѣ только одного писмоводителя, которому онъ диктовалъ въ дорогѣ, и одного вѣстового воина. Онъ былъ отличный ѣздокъ на конѣ и ѣздилъ очень смѣло и скоро.

Наружность его, по свидѣтельству всѣхъ очевидцевъ, производила необыкновенно внушительное впечатлѣніе. *) Поступокъ его съ возмущившимися легіонами въ Римѣ показываетъ, какое употребленіе онъ умѣлъ дѣлать изъ этого. Ясно, что впечатлѣніе это, еще болѣе, нежели личное появленіе, осанка и слова Цезаря, и при этомъ воспоминаніе о великихъ военныхъ подвигахъ его, имѣли мгновенное, потрясающее вліяніе на грубые умы воиновъ и тотчасъ привели ихъ къ раскаянію и покорности.

И такъ, — Цезарь — говоритъ генералъ

*) Наружность его изображена на приложенныхъ къ настоящей части снимкахъ съ древнихъ камей и бюста, а описаніе ея, по Суэтонію—въ объясненіи камей его, въ приложеніи къ этой же части.

Лоссау — свободный от обыкновенных страстей, исключая единственной, великой и чрезвычайной (т. е. властолюбия), и во всех жизненных бурях твердо опиравшийся на самого себя полководец, для которого больше, нежели его замыслы, возвысил его на степень героя римского государства, стал наконец (следует разуметь в глазах римлян — язычников) как бы одним изъ бессмертных (т. е. языческих богов), как бы высшим существом, для немногих безпристрастных людей — образом человеческого величия, для массы или толпы — кумиром, для республиканцев — ужасом и омерзением. Память о его военных подвигах озарила его образ волшебным светом и сдѣлала то, что уважаемое, чествуемое и щедро награждаемое им войско его чувствовало само себя, чрезъ него, превознесенным. Оно было предано ему и насъ не должно изумлять, что такой полководец былъ удостоенъ высшихъ почестей. Такъ торжествовалъ онъ свои триумфы и далъ двумъ-стамъ тысячъ римлянъ народные празднества. О немъ, въ высшей степени его величія, можно было бы сказать то, что нѣкогда одинъ французскій писатель сказалъ о своемъ королѣ: *Tout brille en lui, tout est Roi!* Но Римъ еще не созрѣлъ до того, чтобы потерпѣть владыки надъ собою. Онъ долженъ былъ склоняться къ паденію, потому что ни управлять самъ собою не могъ, ни допустить, чтобы имъ управлялъ великій человекъ, не хотѣлъ. Но величіе Цезаря, какъ полководца, уже никогда больше не было достигнуто ни однимъ изъ римлянъ.

Эти мысли и чувства въ сущности вѣрны, хотя нѣсколько преувеличены и выражены напыщенно, что впрочемъ неудивительно со стороны такого восторженного почитателя и восхвалителя Цезаря-полководца. Подобныхъ ему во все времена было много, но много было и такихъ, которые судили о Цезарѣ хладнокровно и разсудительно, а иные даже и строго, хотя и справедливо. Такъ, между прочимъ, извѣстный историкъ Гееренъ, въ началѣ нынѣшняго вѣка, сказалъ, что намъ недостаетъ еще жизнеописанія Цезаря, въ которомъ онъ былъ бы достойно оцѣненъ *), потому что въ новѣйшее время онъ былъ столько же непомѣрно восхваленъ, сколько Александръ В., напротивъ, униженъ. Какъ полководцы и завоеватели, и тотъ и другой были одинаково велики и одинаково малы. Однако Александръ, какъ человекъ, въ блистательную пору своей жизни, по видимому превосходитъ Цезаря ве-

ликихъ политическихъ идей, которыя развили Александръ, не замѣтно со стороны Цезаря: онъ лучше всякаго другаго разумѣлъ средства достиженія власти, но мало — къ сохраненію ея.

Слова Геерена заключаютъ въ себѣ великую истину, но требуютъ нѣкотораго объясненія. Три великіе полководца древности, особенно Александръ В. и Цезарь, съ одной стороны были чрезвычайно восхвалены и превознесены, а съ другой — подверглись болѣе или менѣе строгой критикѣ и строгому осужденію, но не въ одинаковой мѣрѣ и не одинаково справедливо. Все они одинаково и вполне справедливо и достойно восхвалены и превознесены, какъ полководцы: въ этомъ нѣтъ и не можетъ быть ни малѣйшихъ разногласій и несправедливости. Но Александръ и Цезарь, представляющіе черты сходства между собою по своимъ политическимъ: положенію, замысламъ и предпріятіямъ, были болѣе или менѣе, какъ говоритъ Гееренъ, унижены или осуждены, какъ завоеватели, а Цезарь, сверхъ того, какъ похититель власти. Александръ В. даже былъ названъ безумцемъ (умопомѣшаннымъ), замислившимъ завоевать міръ и учредить всемірную монархію и всемірную торговлю, а Цезарь — узурпаторомъ, имѣвшимъ еще болѣе обширные замыслы — завоевать и западъ, и востокъ извѣстнаго тогда міра и учредить подлинно всемірную монархію. Но великая, чистая и честная личность Александра В., чуждая своекорыстія, и великія политическія мысли и побужденія его къ войнѣ съ персами и къ походу за Индъ и далѣе на востокъ (достаточно разъясненныя выше, I. Александръ В.) не заслуживаютъ упрековъ, сдѣланныхъ Александру, какъ завоевателю. Совершенно другое дѣло — осужденіе Цезаря въ томъ же отношеніи. Если соединить въ одно общее цѣлое и сопоставить начало его политическаго и военнаго поприща въ 60 г., во время 1-го преторства его въ Испаніи (когда онъ заплакалъ, по словамъ Плутарха, передъ изображеніемъ Александра В., см. выше), продолженіе его (съ начала войны въ Галліи до конца войны въ Испаніи) и конецъ (послѣдніе 6 мѣсяцовъ до смерти его), то можно, кажется, сдѣлать заключеніе, что, возбужденный великими подвигами и славой Александра, онъ замислилъ сначала завладѣть верховною, неограниченною властью въ Римѣ, а потомъ, въ званіи царя-монарха, завоевать, какъ Александръ, востокъ и достигнуть еще большихъ, нежели Александръ, результатовъ, соединивъ подъ своею властію и западъ, и востокъ извѣстнаго тогда міра. Но при этомъ, какъ справедливо замѣчаетъ Гееренъ, со стороны его, Цезаря, не замѣтно тѣхъ великихъ политическихъ мыслей, которыя были развиты Александромъ. Напротивъ,

*) При этомъ Гееренъ указываетъ два сочиненія о Цезарѣ: *Histoire de la vie de Jules César*, par M. de Bury, 2^{v.} 8 Paris 1758, и *Leben von C. Julius Caesar*, von A. G. Meissner, fortgesetzt von J. Ch. L. Haken, 1811, последнее — въ свое время наилучшее.

въ послѣдніе 6 мѣсяцовъ его жизни, одновременно: явное стремленіе его къ дарской власти, явное же пренебреженіе имъ республиканскихъ формъ и неблагоразумныя: довѣріе его къ республиканцамъ и къ прежнимъ врагамъ своимъ, и непринятіе имъ никакихъ мѣръ къ самоохраненію — все это, вмѣстѣ взятое, подтверждаетъ слова Геерена, что онъ лучше всякаго другаго разумѣлъ средства завладѣнія верховною властію, но мало постигалъ средства сохраненія ея. Поэтому онъ былъ столько же справедливо осужденъ какъ властолюбецъ, похититель власти и завоеватель, сколько восхваленъ и превознесенъ, какъ полководецъ. Въ послѣднемъ отношеніи онъ стоитъ на равной степенн съ Александромъ, но въ первомъ — ниже. Обособлять же въ немъ полководца и политическаго дѣятеля очень трудно, гораздо труднѣе, нежели въ Александрѣ. Всѣ его военныя дѣйствія, отъ важнѣйшихъ до малѣйшихъ, всегда были тѣсно связаны съ его политическими замыслами и цѣлями, имѣвшими источникомъ неомѣрное властолюбіе его. Поэтому, хотя въ разсмотрѣніи его войнъ и походовъ въ частности и вообще были изображены образъ и искусство веденія имъ войны въ разныхъ военныхъ отношеніяхъ, но, для полноты этого изображенія, разсмотрѣніе побудительныхъ политическихъ причинъ его военныхъ дѣйствій существенно необходимо и гораздо болѣе, нежели разсмотрѣніе того же въ военныхъ дѣйствіяхъ Александра. Что же касается Аннибала, то онъ съ этой точки зрѣнія представляетъ большое отличіе отъ Цезаря. Какъ полководецъ, онъ стоитъ на совершенно равной съ нимъ и Александромъ степенн, но, какъ политическій дѣятель, онъ не былъ ни монархомъ-завоевателемъ, какъ Александръ, ни властолюбцомъ-завоевателемъ, какъ Цезарь, ни даже своекорыстнымъ честолюбцомъ. Напротивъ, онъ былъ только вполне подчиненнымъ своему правительству и зависимымъ отъ него полководцемъ и имѣлъ лишь одну, безкорыстную, возвышенную цѣль — одолѣть врага своего отечества — Римъ и возвыситься надъ нимъ Карфагенъ. Притомъ личность его, чистая и безупречная, стоитъ выше Цезаревой и даже отчасти Александровой (въ концѣ его жизни) въ высшемъ нравственномъ значеніи.

По этимъ причинамъ, разсмотримъ Цезаря, какъ полководца, и сравнимъ его съ Александромъ и Аннибаломъ — по возможности многостороннѣе, въ совокупности ихъ достоинствъ и недостатковъ въ отношеніяхъ: умственномъ, нравственномъ и тѣлесномъ, общечеловѣческомъ и государственномъ, политическомъ и военномъ.

Въ умственномъ и душевномъ отношеніи, т. е. въ отношеніи къ силѣ ума и воли,

всѣ трое они стоятъ на равной степенн. Но въ тѣлесномъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ въ совокупности, выше всѣхъ долженъ быть поставленъ Александръ, а въ нравственномъ — Аннибаль.

Александръ и Аннибаль съ раннихъ лѣтъ вели жизнь умѣренную и воздержную и тѣмъ укрѣпили въ себѣ бодрость, ловкость и силу тѣлесныя. Молодость же Цезаря, напротивъ, была очень бурная, а жизнь — безумѣренная и невоздержная, что, при его неслишкомъ крѣпкомъ отъ природы тѣлосложеніи, было причиной его малосильности и даже болѣзненности, хотя, во время войнъ и походовъ его, умѣренность, воздержность и дѣятельность укрѣпили его тѣло и сдѣлали его способнымъ переносить труды, лишения и непогоды.

Сила ума и воли въ каждомъ изъ нихъ была одинаково велика, но пылкостью и восторженностью души всѣхъ ихъ превосходилъ Александръ; — Аннибаль соединялъ въ себѣ гораздо болѣе спокойной разсудительности и благоразумной осторожности; — въ Цезарѣ же преобладали: безстрастность (за исключеніемъ единой и сильной страсти его — властолюбія), нечувствительность, себялюбіе и постоянно холодный и своекорыстный во всемъ расчетъ.

Сила ума и воли въ каждомъ была въ надлежащемъ равновѣсн, необходимомъ полководцу. Но въ Александрѣ воля часто брала верхъ надъ разсудкомъ, въ Аннибалѣ, напротивъ, разсудокъ — надъ волей; въ Цезарѣ же, по временамъ и обстоятельствамъ, то разсудокъ, то воля, но послѣдняя гораздо чаще перваго. Причины различія ихъ въ этомъ отношеніи происходили какъ отъ личныхъ ихъ характеровъ, такъ и отъ возраста, въ которомъ они совершили свои подвиги: Александръ между 20 и 32 лѣтъ жизни, Аннибаль между 25 и 44, а Цезарь — между 42 и 55, слѣдовательно первый — въ наиболѣе молодыхъ, а послѣдній — въ наиболѣе зрѣлыхъ лѣтахъ.

Необыкновенный природный умъ въ каждомъ изъ нихъ отличался необыкновенными же: обширностью, глубиною, силою, быстротою, всеобъемлемостью и прозорливостью, но у Александра соединялся съ большею пылкостью, у Аннибала — съ остротою, точностью и хитростью, а у Цезаря — съ особенною расчетливостью. У cadaго изъ нихъ онъ былъ значительно развитъ и изощренъ воспитаніемъ и образованіемъ, всѣхъ болѣе — у Александра, затѣмъ — у Цезаря и наконецъ у Аннибала.

Въ каждомъ изъ нихъ сила ума проявлялась въ основательности, обдуманности и искусствѣ соображеній, а сила воли, соединенная съ предприимчивостью, смѣлостью, даже отважностью, и съ твердостью и присутствіемъ духа, обнаруживалась въ труд-

нѣйшихъ и опаснѣйшихъ обстоятельствахъ рѣшимостью, постоянствомъ, настойчивостью и даже упорствомъ въ исполненіи.

Всѣ они были одинаково одарены душою мощною и твердою, но у Александра и Аннибала она притомъ была возвышенная и благородная, а у Александра—и необыкновенно пылкая. У Цезаря же величіе души имѣло свою, ему свойственную особенность, заключавшуюся въ согласіи лишь съ его личными цѣлями, подъ прикрытіемъ личной любви къ народу и законной справедливости. Но онъ, подобно Аннибалу, не имѣлъ вспыльчивости и раздражительности Александра, а всѣ чувства свои, пріятныя и непріятныя, умѣлъ скрывать въ глубинѣ души и всегда былъ безмятежно спокоенъ.

Всѣ они были одинаково и необыкновенно дѣятельны, неутомимы въ трудахъ, терпѣливы въ лишеніяхъ и нуждѣ, въ опасностяхъ являли неустрашимость и полное присутствіе духа, а въ бою—необыкновенныя мужество и храбрость. Но въ Александрѣ пылкая, кипучая, отважная до дерзости храбрость часто увлекала его за предѣлы разсудка, Цезарь въ бою являлъ необыкновенную, но болѣе спокойную храбрость, Аннибалъ же не забывалъ долга полководца и, безъ особенныхъ нужды и пользы, не бросался опрометчиво въ рукопашный бой и не сражался какъ рядовой воинъ.

Всѣ они одинаково имѣли необыкновенное нравственное вліяніе на свои войска, даръ соблюдать между ними строгіе военныя: подчиненность и порядокъ, ободрять ихъ, одушевлять, побуждать къ труднѣйшимъ и опаснѣйшимъ подвигамъ, къ терпѣливому перенесенію всѣхъ трудовъ и лишеній военной и походной жизни, и внушать имъ неограниченныя: любовь и уваженіе, преданность и довѣріе къ себѣ, мужество, твердость и терпѣніе, и блистательную храбрость въ бояхъ. Всѣ они достигали этого постоянными и неусыпными: заботливостью о своихъ войскахъ и ихъ нуждахъ, кроткимъ, ласковымъ, привѣтливымъ обращеніемъ съ ними, справедливостью наградъ и наказаній, щедростью—первыхъ и умеренностью—послѣднихъ, наконецъ—личнымъ примѣромъ и необыкновеннымъ даромъ слова. Сила и увлекательность послѣдняго въ каждомъ были одинаковы, но имѣли свои особенности, согласно съ личнымъ характеромъ cadaго. У Александра и Аннибала даръ слова заключался въ глубинѣ и вѣрности мыслей, выражаемыхъ немногими, но сильными словами. Цезарь же былъ въ полномъ смыслѣ слова превосходный ораторъ, уже до войны въ Галліи на самомъ дѣлѣ обнаружившій высокую степень ораторскаго искусства.

Но если всѣ они одинаковыми средствами достигали любви, довѣрія и повиновенія своихъ войскъ, то Александру и Цезарю

это было гораздо легче, нежели Аннибалу, который въ этомъ отношеніи и отличается отъ нихъ весьма значительно.

Ни Александръ, ни Аннибалъ не были отъ природы ни жестокими, ни мстительными, ни лукавыми, ни коварными, но во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ являли непритворныя челоѣколюбіе и великодушіе (за тѣми немногими исключеніями, которыя были означены въ характеристикахъ ихъ). Но у Цезаря, у котораго была только одна страсть—властолюбіе, чувствительности же не было, который зналъ и—не уважалъ людей, а употреблялъ ихъ для своихъ цѣлей,—истинныхъ, душевныхъ и сердечныхъ чувствъ челоѣколюбія и великодушія не было. Относясь все къ себѣ и къ своимъ цѣлямъ, онъ съ иными людьми и въ иныхъ случаяхъ являлъ и челоѣколюбіе, и великодушіе, съ другими же и въ другихъ случаяхъ бывалъ холодно и даже, по выраженію Наполеона I, звѣрски-жестокъ, что ни говорили бы его безусловные восхвалители, изображающіе его агнцомъ доброты и кротости. Не даромъ же онъ былъ истымъ сыномъ своего времени!

Александръ и Аннибалъ были честолюбивы, но честолюбіе ихъ было благородное и возвышенное. Цезарь же былъ не честолюбецъ, а властолюбецъ: почестями онъ не пренебрегалъ и искалъ ихъ, но не онѣ составляли главную цѣль его жизни, а власть, самая обширная и неограниченная, и если бы онъ достигъ ея, то едва-ли былъ бы такимъ монархомъ, какъ Александръ В., ибо въ немъ было много деспотизма, прикрытаго лишь личною уваженіемъ къ законной свободѣ. Но, подобно Александру и Аннибалу, онъ не былъ корыстолюбивъ, деньги считалъ лишь средствомъ привлекать къ себѣ людей для своихъ цѣлей и въ раздачѣ ихъ и наградъ былъ щедръ до расточительности.

Подобно Александру и Аннибалу, онъ также являлъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ политику мудрую и искусную, но, не такъ какъ Александръ, всегда открытую, благородную и благую для другихъ, а скрытную, тонкую, хитрую, иногда коварную, но всегда полезную для него лично. При этомъ онъ едва-ли не еще искуснѣе Аннибала умѣлъ завязывать тайныя сношенія, вести переговоры и склонять на свою сторону, всѣми возможными средствами, отъ крайнихъ ласкательствъ до крайнихъ угрозъ.

Несоразмѣрность силъ, средствъ и способовъ, съ которыми онъ началъ и велъ до половины междоусобную войну—и обширности его предпріятій, многочисленности его успѣховъ и побѣдъ и важности пріобрѣтенныхъ имъ результатовъ, заслуживаетъ не меньшаго вниманія въ его войнахъ и походахъ, чѣмъ въ Александровыхъ и Аннибаловыхъ. Лишь послѣ побѣды при Фар-

салѣ силы, средства и способы его стали быстро возрастать, но и тогда, какъ и прежде, бывали времена и случаи (какъ въ Египтѣ, Африкѣ и даже Испаніи), когда ему приходилось съ слабѣйшими силами бороться противъ сильнѣйшихъ и уравнивать ихъ лишь мужествомъ, твердостью, терпѣніемъ и особенно дарованіями и искусствомъ своимъ.

Въ пощадѣ и сбереженіи своихъ войскъ, когда дѣло не шло о рѣшительныхъ дѣйствіяхъ противъ непріятеля, равно и въ постоянномъ усиленіи ихъ новыми наборами и т. п., ему достойно подобаютъ такія же честь и слава, какъ и Александру, и Аннибалу.

Счастіе—этотъ обычный спутникъ великихъ полководцевъ, умѣющихъ могущественно приковывать его къ себѣ и глубоко, твердо вѣрующихъ въ него—не одинаково благопріятствовало всегда и во всѣхъ случаяхъ Цезарю и особенно Аннибалу, такъ какъ Александру. Едва ли кому изъ великихъ полководцевъ досталась такая завидная участь—никогда и никѣмъ не быть побѣжденнымъ, но всегда и надъ всѣми быть побѣдителемъ, какъ Александру. Хотя Цезарь также побѣдилъ всѣхъ—окончательно, но про него нельзя сказать, чтобъ онъ никогда и никѣмъ не былъ побѣжденъ. Его побѣждали не только римляне, но даже и галлы, и едва не побѣдилъ Верцингеториксъ, который за то и заплатился позоромъ и казнью. Да и побѣды его (исключая надъ Фарнакомъ) стоили ему не легко и не дешево, что впрочемъ не только не унижаетъ, но и еще болѣе возвышаетъ его славу. Счастіе, въ которое онъ вѣрилъ слѣпо, до фатализма, всегда болѣе или менѣе благопріятствовало и помогало ему, какъ и Александру. Но Аннибалъ.... рѣдкій полководецъ—какъ уже было сказано выше—при необыкновенныхъ военныхъ дарованіяхъ и всѣхъ правахъ на удачу, былъ болѣе его подверженъ превратностямъ судьбы и измѣчивости счастья,—рѣдкій былъ болѣе несчастливъ, но и болѣе великъ въ своемъ несчастіи,—рѣдкій, наконецъ, возбуждаетъ тѣмъ болѣе участія къ себѣ. Въ этомъ именно и заключается самое разительное различіе между нимъ и между Александромъ и Цезаремъ, между его и ихъ положеніемъ, силами, средствами, способами и пр. т. п. Изъ этого не слѣдуетъ однако, что Александръ стоитъ выше Цезаря, а Цезарь выше Аннибала: они всѣ одинаково велики какъ полководцы, но каждый въ своемъ родѣ и въ особыхъ отношеніяхъ, одинъ—въ постоянномъ счастіи, другой—въ счастіи, но не безъ несчастія, третій же—преимущественно въ несчастіи.

Образъ и искусство веденія ими войны, во всѣхъ военныхъ отношеніяхъ вообще и въ частности, были достаточно изображены въ

изложеніи ихъ войнъ и походовъ. Въ общемъ же выводѣ, о нихъ можно сказать слѣдующее:

Одна половина ихъ была общая всѣмъ этимъ тремъ великимъ полководцамъ древности, другая—принадлежала каждому изъ нихъ особо, была какъ бы его личная.

Общимъ имъ было веденіе войны правильное, систематическое, но выраженію Цезаря—римское, т. е. противоположное варварскому (азіатскому или африканскому), а по выраженію Наполеона I—методическое, т. е. основанное на предварительно соображенномъ и составленномъ предначертаніи, исполняемомъ неизмѣнно согласно съ главною предположенною цѣлію, но съ измѣненіями въ подробностяхъ согласно съ обстоятельствами, силами, средствами, способами, мѣстностью и пр. т. п.

Они вели войну не иначе, какъ опираясь на мѣстное основаніе дѣйствій—страну или край, обезпечивъ тылъ, фланги и сообщенія свои, устремляя совокупныя силы свои прямо къ рѣшительнымъ пунктамъ театра войны или военныхъ дѣйствій, преимущественно къ тѣмъ, гдѣ были главныя силы непріятеля,—но раздѣляя свои силы, когда обстоятельства того требовали, съ тѣмъ однако, чтобы потомъ снова соединить ихъ. Движенія и дѣйствія ихъ были смѣлыя, быстрыя и рѣшительныя, имѣвшія цѣлю преимущественно бой, но иногда маневрированіе съ тою либо съ другою цѣлю, окончательно же—все-таки съ цѣлю боя. Война для нихъ была дѣйствіемъ, а не бездѣйствіемъ, и потому всегда была ведена ими болѣе или менѣе дѣятельно, но иногда они медлили и выжидали, дабы тѣмъ быстрее, рѣшительнѣе и вѣрнѣе дѣйствовать потомъ. Всѣ времена года, всѣ свойства мѣстности были равны для веденія ими войны и военныхъ дѣйствій, и нерѣдко тогда и тамъ, гдѣ предстояло всего болѣе затрудненій, препятствій, трудовъ, лишеній и опасности, они предвидѣли для себя болѣе чести и славы. При всемъ томъ они умѣли разумно сберегать свои силы, средства и способы и не только не ослаблять, но и усиливать ихъ, по мѣрѣ своей дѣятельности и успѣй. Заботливость ихъ о надѣжащемъ, достаточномъ содержаніи своихъ войскъ и снабженіи ихъ всемъ нужнымъ, особенно продовольствіемъ, была всегда и во всѣхъ случаяхъ постоянная, неизмѣнная, неутомимодѣятельная. Средствами къ тому имъ служили контрибуціи и реквизиціи, но правильныя и справедливыя, чуждыя насилія и грабежа, учрежденіе въ тылу—складовъ военныхъ и продовольственныхъ запасовъ и обезпеченный подвозъ ихъ сухимъ путемъ или водою, рѣками либо моремъ.

Сраженія ихъ, при множествѣ разнообразныхъ особенностей, имѣютъ общія черты и характеръ—въ строѣ благоустроенныхъ

греческихъ-македонскихъ или римскихъ армій, по правиламъ греческой-македонской или римской тактики, а дѣйствія въ бою— въ косвенномъ боевомъ порядкѣ, тѣмъ либо другимъ крыломъ, либо обоими одновременно, съ надлежащими резервами, разумнымъ сочетаніемъ строя, порядка и образа движеній и дѣйствій войскъ всѣхъ родовъ и видовъ, такъ что одни другихъ поддерживали и одни другимъ содѣйствовали, въ строгихъ единствѣ и согласіи цѣлаго.

Въ случаѣ побѣды, они превосходно умѣли пользоваться ею, преслѣдуя побѣжденнаго, нерѣдко съ неимовернымъ напряженіемъ силъ и дѣятельности, но не пренебрегая осторожностью и даже усугубляя ее. Въ случаяхъ же неудачи, они усугубляли ее еще болѣе и или (какъ Аннибалъ) прибѣгали къ хитростямъ и скрытнымъ движеніямъ и дѣйствіямъ, или (какъ Цезарь) даже отступленію придавали видъ наступленія либо угрожающаго движенія, преимущественно фланговаго въ другую сторону. Одинъ Александръ, не знавшій неудачъ, не зналъ и отступленій, кромѣ преднамѣренныхъ съ цѣлію боя.

Въ полевои фортификаціонномъ искусствѣ выше всѣхъ стоитъ безспорно Цезарь и за нимъ Аннибалъ; Александръ же имѣлъ менѣе случаевъ прибѣгать къ нему. Но въ поліорцетическомъ отношеніи выше всѣхъ и на равной степени стояли Александръ и

Цезарь, каждый въ соответствии съ состояніемъ этого искусства въ его время; Аннибалъ же не любилъ ни обложеній, ни осадъ и не имѣлъ ни средствъ, ни возможности къ тому.

Вотъ черты, болѣе или менѣе общія Александру, Аннибалу и Цезарю. Что же касается особенныхъ или личныхъ у каждаго изъ нихъ, то они вполне зависѣли отъ личныхъ характера и цѣлей, каждаго, обстоятельствъ, въ которыхъ они дѣйствовали, и средствъ, которыми располагали, и слѣдовательно, по чрезвычайному разнообразію ихъ, и сами разнообразились необыкновенно,нося на себѣ преимущественно рѣзкій отпечатокъ личнаго характера каждаго полководца. Особенности эти уже указаны въ своихъ мѣстахъ и потому повторять ихъ здѣсь излишне.

Въ заключеніе общаго вывода о Цезарѣ, какъ полководцѣ, какъ отвлеченно, такъ и сравнительно съ Александромъ и Аннибаломъ, слѣдуетъ сказать, что, каковъ онъ ни былъ, какъ человекъ и государственный, политическій дѣятель, но, какъ полководецъ, онъ по всѣмъ правамъ и по всей справедливости стоитъ, наравнѣ съ Александромъ и Аннибаломъ, на высокой степени великаго полководца древнихъ и всѣхъ вообще временъ, и образца, вполне достойнаго изученія и подражанія.

Тетрафалангархія или большая фаланга въ 16384 Оплита

Фалангархи
Колонны
Колонны

Дифалангархія, или двойная фаланга, или крыло

8,192 ч

Немнѣе
или Тетрагархія

2,048 ч

Первая шеренга 1,024 начальниковъ офицеровъ

236
1024
Лангархія

4,096 ч
Простая или малая фаланга

Гекатонгархія

64 часть фаланги

полустомъ

128 чел.

Эпистомархія

Вспомог.

2,048 ч

1,024 ч

Малая

256

512 ч

Эпистомархія

Колонны

4,096 ч

Стисковъ или крыло

8,192 чел

Эпистомархія или Фаланга Пелтастовъ

Фаланга антистомъ или съ 2^я фронтами впередъ и назадъ

Контръ марши

Строй

Полукругомъ

Эпагоръ

или въ колонны

Парагоръ

или колонны ряды на права

Эмволонъ или Клинь

Келэмволонъ

или

щипцы, клещи

РАЗЛИЧНЫЯ
построения и движенія
МАКЕДОНСКОЙ
или
усовершенствованной
ГРЕЧЕСКОЙ
ФАЛАНГИ.

Синтагма
или Ксенатія

64 часть фаланги

256 оплитовъ

128
Тетрагархія

Эпистомархія

Вспомог. контръ

или 10 колоннъ

въ 2 ряда

9 10 Протомархія

10 10 20 Эпистомархія

11 10 10 Пр

12 10 40 Пр

13 10 50 Пр

14 10 60 Пр

15 10 70 Пр

16 10 80 Пр

Видеваемая глубина

Видеваемые фронты

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧН. БИБЛИОТЕКА
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

Македонская армія въ боевомъ порядкѣ

Конница

Фаланга Оплитовъ

Конница

Фаланга Плечастовъ

Эпиграмма конницы въ 4096 чел.

Эпипархія

1,024 ч.

2,048 ч.

Телосъ или крыло

Прямоугольная

Различные построения конницы

Каре

Каре

Глубокое каре

Фракійскій клинъ

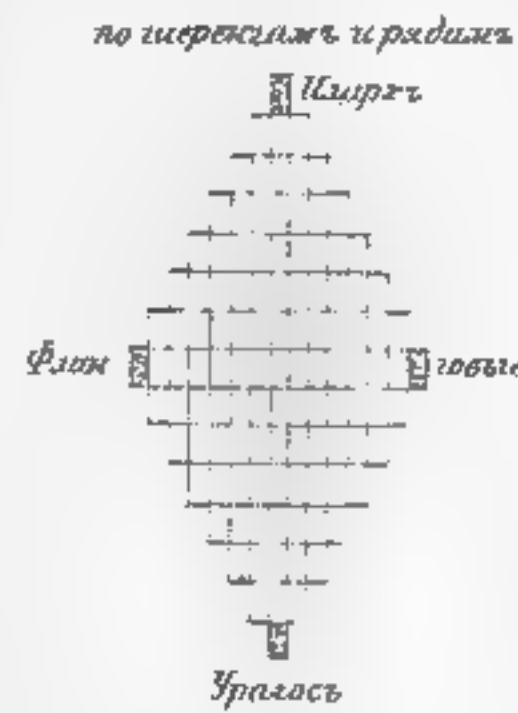
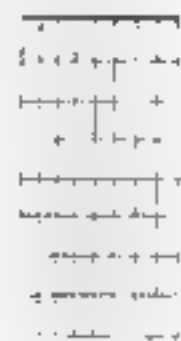
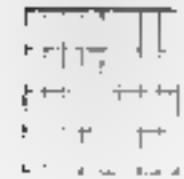
Опрокинутый клинъ

Вессайскій ромбъ

По шеренгамъ безъ рядовъ

По рядамъ безъ шеренгъ

Безъ рядовъ и шеренгъ

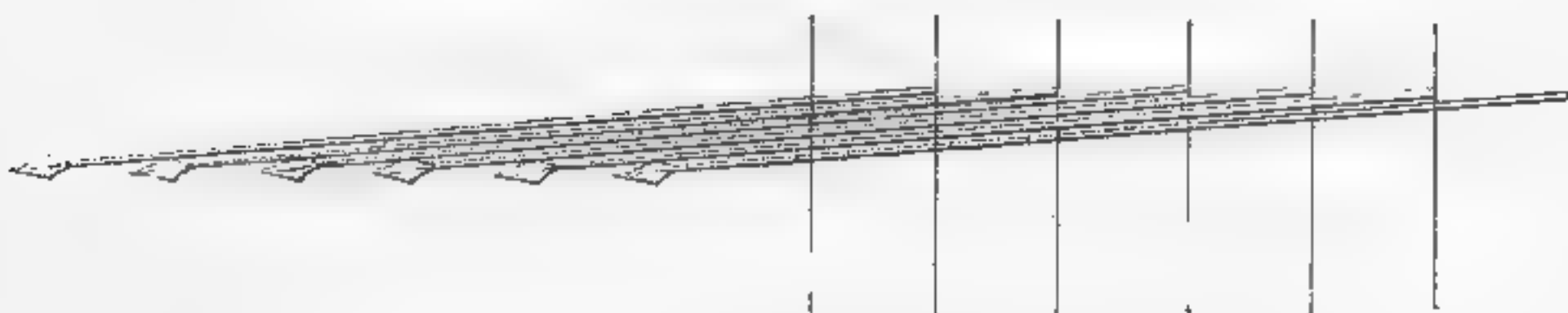

Конница

въ боевомъ стрѣхъ

Расположеніе копій пѣхоты

РАЗЛИЧНЫЯ

ПОСТРОЕНІЯ

МАКЕДОНСКОЙ

КОННИЦЫ.

Расположеніе щитовъ пѣхоты

Разомнутыми рядами

Синхризмомъ

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

КАРТА

древней

ГРЕЦИИ

Масштабъ 180 верстъ въ дюймѣхъ

120 150 180

34

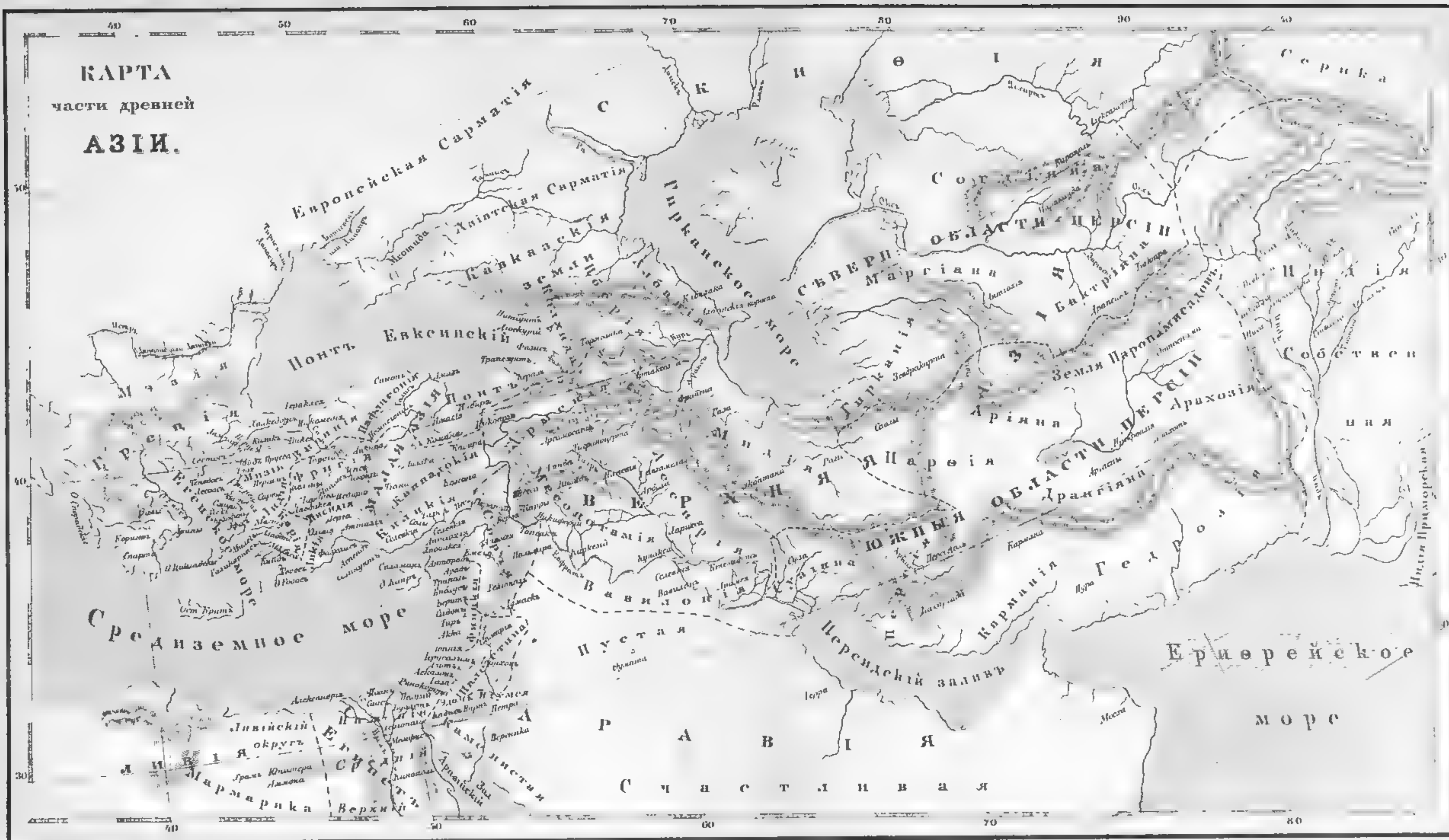
16

18

46

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

КАРТА части древней АЗІИ.

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ
Министерство
Внутренних дел

Всего 12/10/1917
Всего 12/10/1917
12/10/1917

Строй легиона по манипуламъ

Конница 2^я легионъ союзниковъ 2^я легионъ римскій 1^я легионъ римскій 1^я легионъ союзниковъ Конница

Строй легиона по когортамъ

Строй легиона по когортамъ

въ двѣ линіи

Конница Экстра 2^я легионъ союзниковъ 2^я легионъ римскій 1^я легионъ римскій 1^я легионъ союзниковъ Экстра Конница
ординарная конница

Строй легиона по когортамъ

въ три линіи

Конница Экстра 2^я легионъ союзниковъ 2^я легионъ римскій 1^я легионъ римскій 1^я легионъ союзниковъ Экстра Конница
ординарная конница

Строй легиона по когортамъ

Строй легиона по когортамъ

Строй легиона по когортамъ

Строй легиона по когортамъ

Строй конницы по видамъ

Строй конницы по видамъ

Строй конницы по видамъ

Строй конницы по видамъ

Строй конницы по видамъ

Строй по манипуламъ

протяжение фронта 1,680 римскихъ футовъ 84 ф. 84 ф.

Растетъ

Притетъ

Триархи и Ветеры

Манипула
гаститовъ
или принциповъ
120 человекъ

Манипула

Центурия

Когорта Помпид

Терма

Терма (10 градусаковъ)
1 декурия
3 декурия
3 декурия
3 декурия

Манипула
Триархи
60

Когорта Помпид

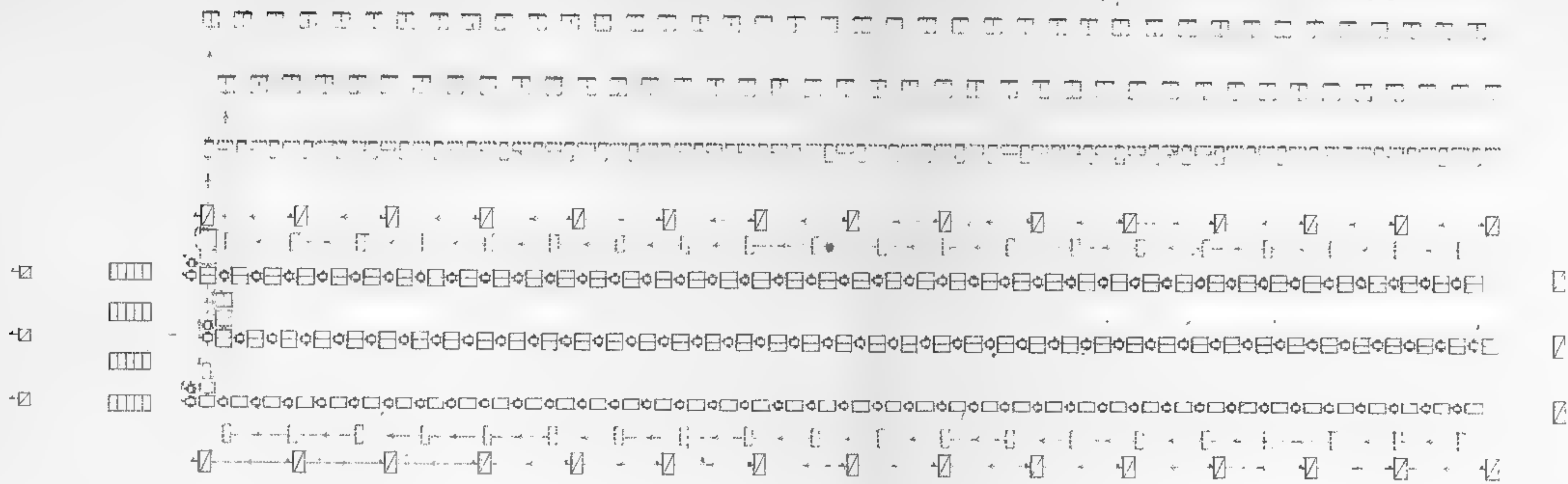
Растетъ
Притетъ
Триархи

ГОСУДАРСТВ ПУБЛИЧНО
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

ПОХОДНЫЕ ПОРЯДКИ РИМСКОЙ АРМИИ

Строй по манипуламъ

Армія строится въ боевой порядо́къ къ сторонѣ гас-та-товъ

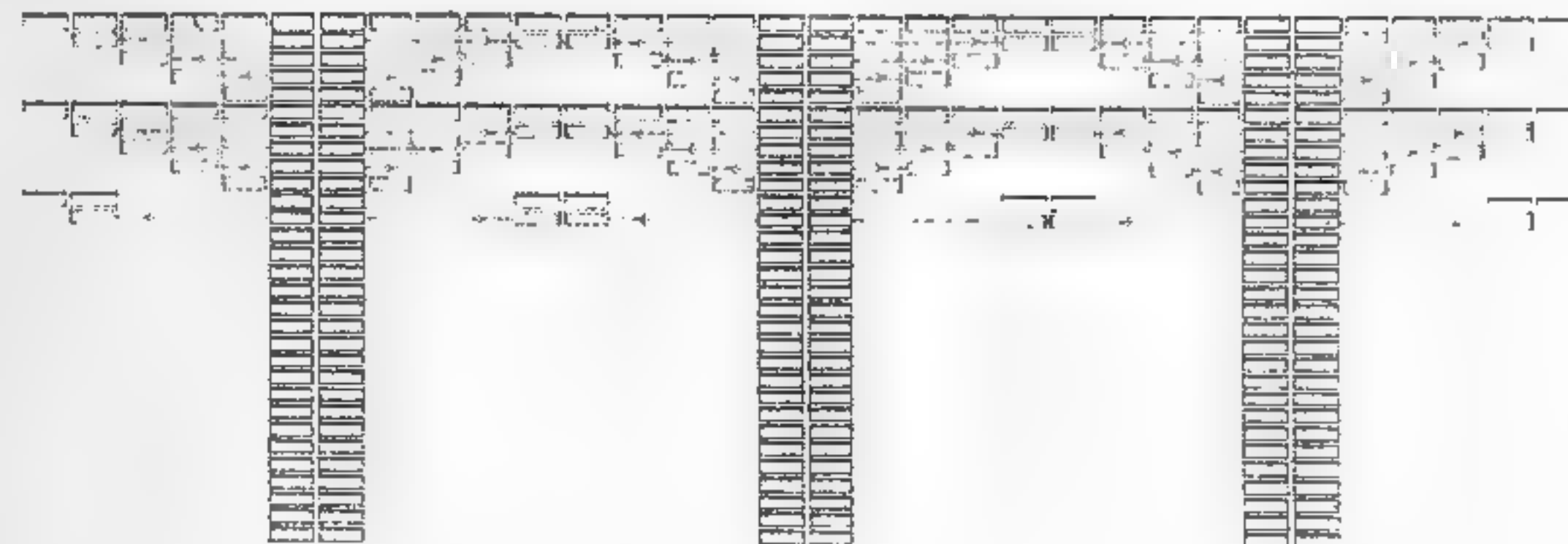
по когортам

въ одну колонну, въ две когорты во фронтъ

по когортамъ

в з т р и к о л о н н ы

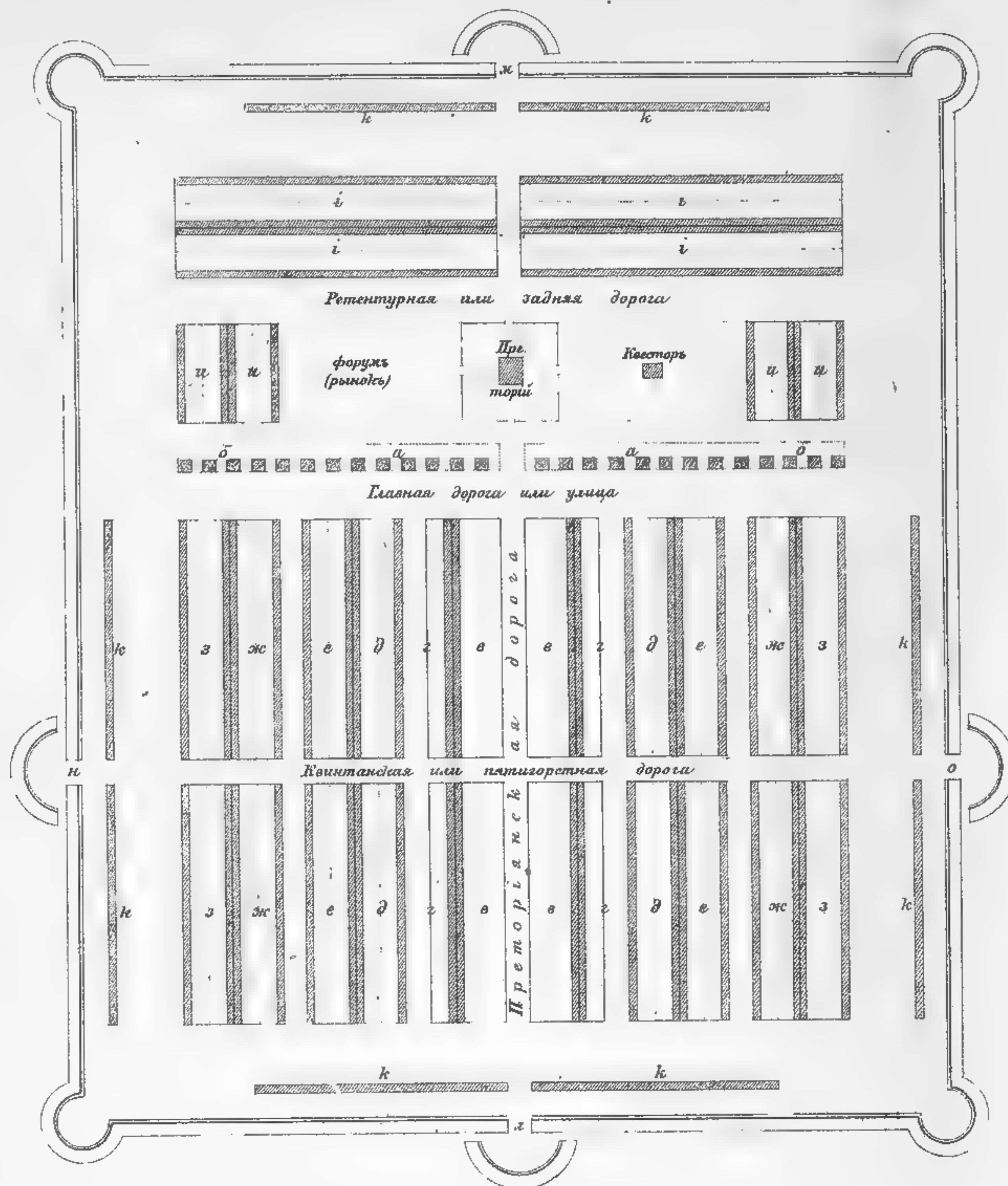
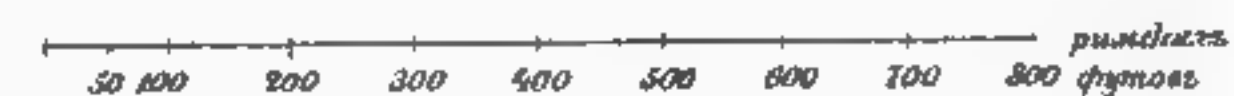

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПУБЛИЦИСТА
ИСТОРИЯ ИСКУССТВА
- 1984 -

ЛАГЕРЬ
РИМСКОЙ КОНСУЛЬСКОЙ
АРМИИ

- а Палатки трибунов
б ———— префектов
в Конница римская
г Триархи
д Принципы
е Гастаты
ж Конница союзников
з Пехота союзников
и Аббаты, волонтеры и ветераны
і Экстраординарные, вспомогательные и
союзные войска
к Вешты
л Преторіанскія ворота
м Декуманскія ————
н Главныя правыя
о ———— лѣвыя

Масштабъ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

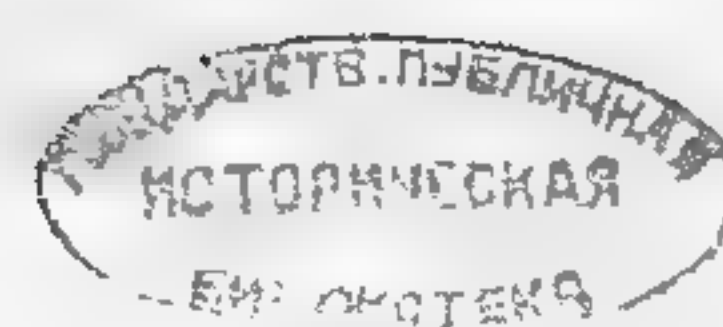
КАРТА

древней

въ дюймъ 120 верстъ

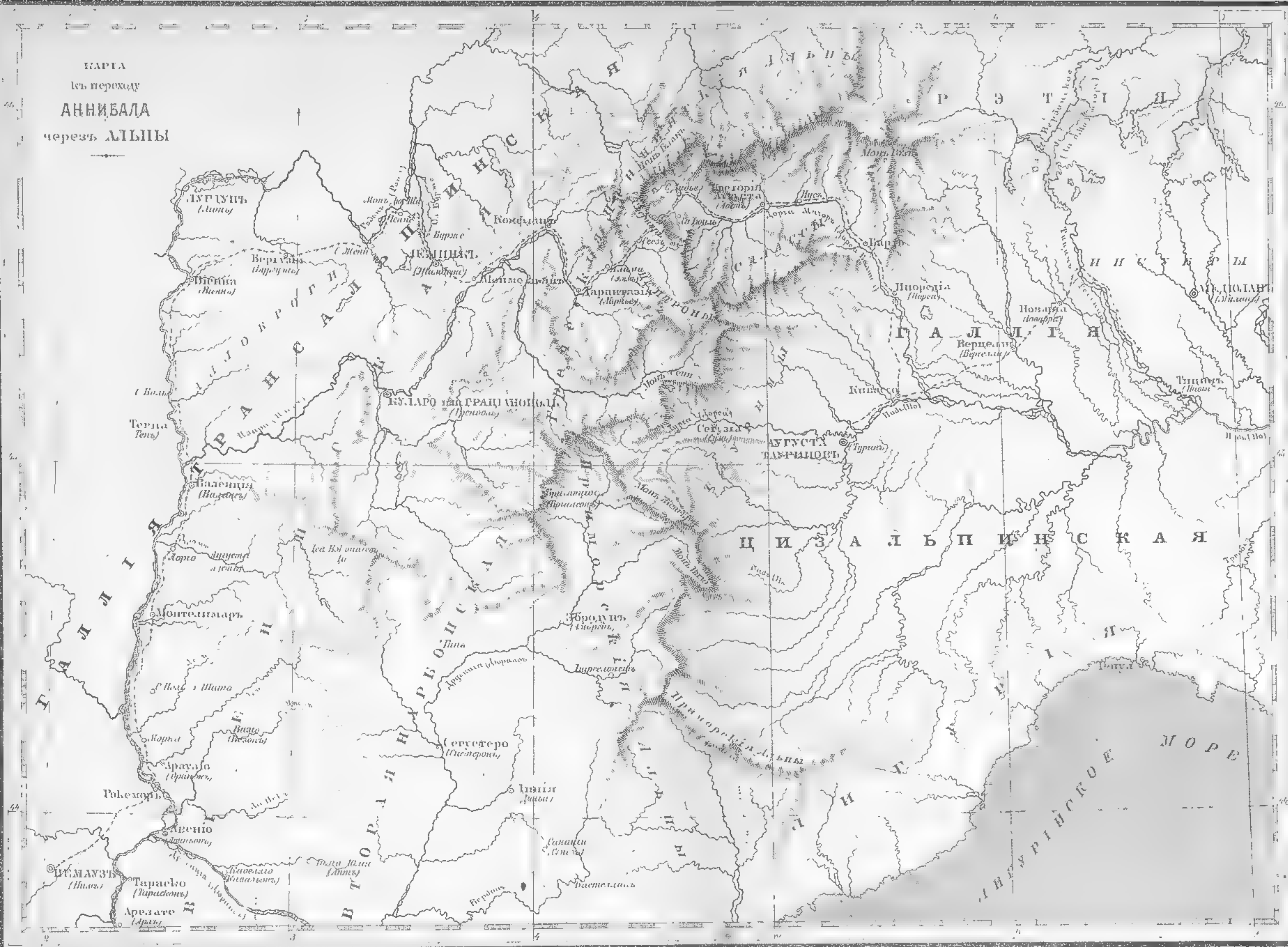

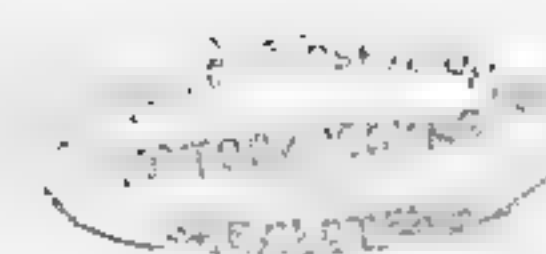
КАРТА
древней ЕВРОПЫ
и части древних
АЗИИ и АФРИКИ,
во времена
Римских
республикан и империи
из Ч.П.В.И.др.вр.

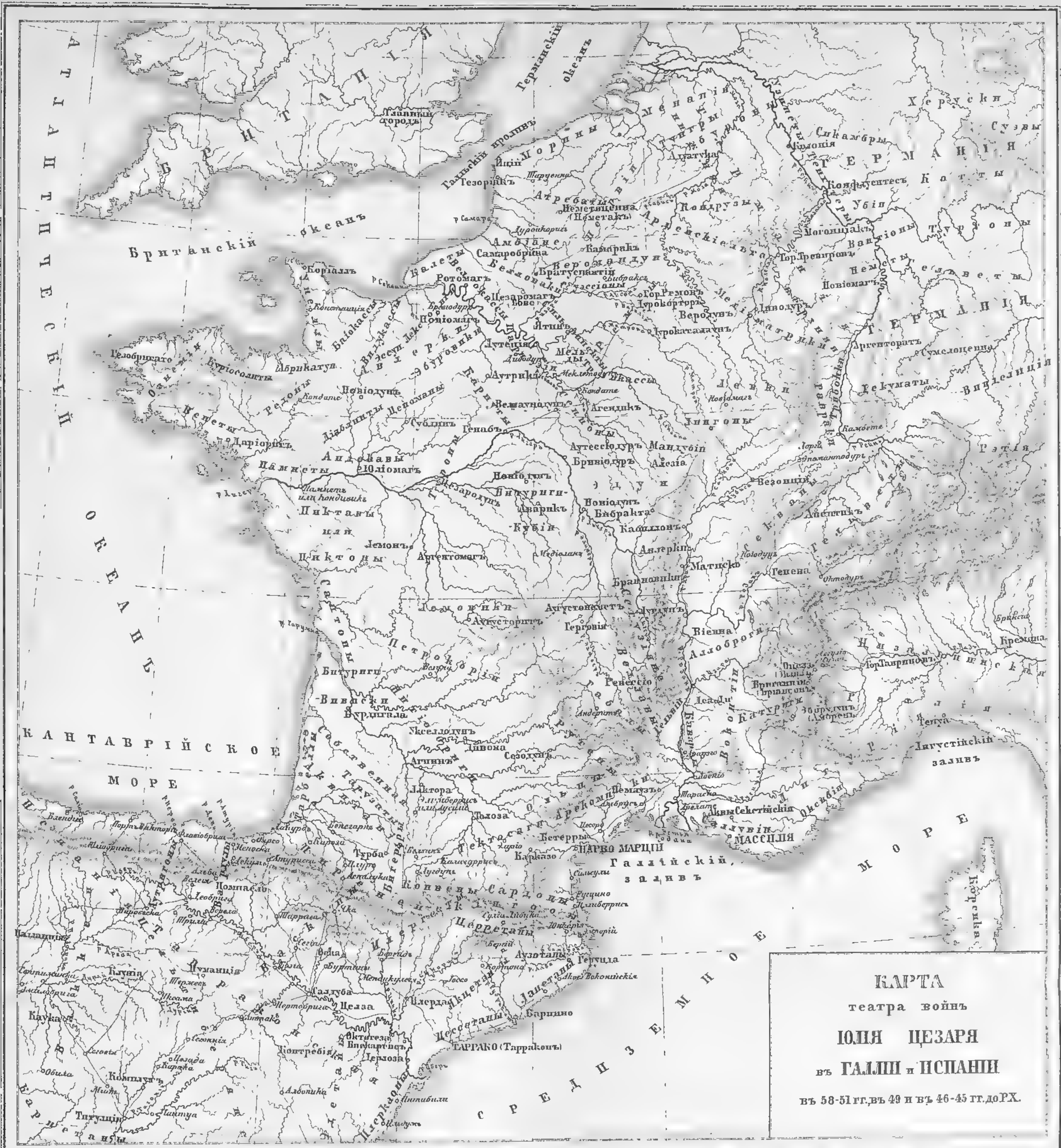
МАВРИТАНИИ

ГОРЬКОЕ ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

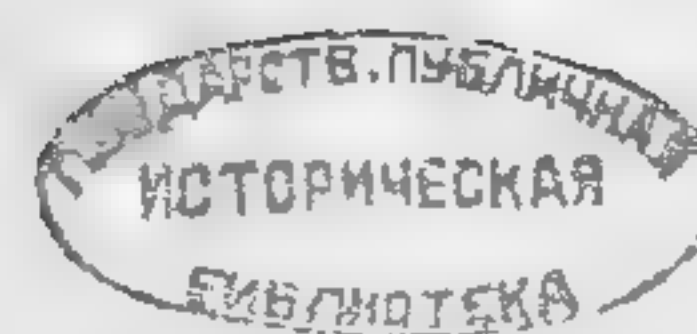
КАРТА
къ переходу
АННИБАЛА
черезъ АЛПЫ

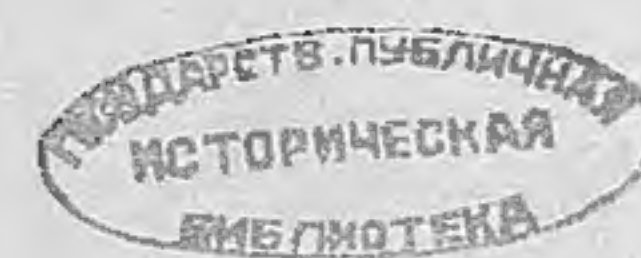

КАРТА
театра войны
ЮЛІЯ ЦЕЗАРЯ
въ ГАЛЛІИ и ІСПАНІИ
въ 58-51 гг. въ 49 и въ 46-45 гг. до Р.Х.

30-

RECEIVED
JAN 10 1912

16207 1/2

